2966
2 6614.

Д. А. ДРИЛЬ

Профессоръ Психо-Неврологическаго Института и Высшихъ Коммерческихъ Курсовъ В. М. Побѣдинскаго и преподаватель Экономическаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института.

УЧЕНІЕ О ПРЕСТУПНОСТИ И МѢРАХЪ БОРЬБЫ СЪ НЕЮ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЕЙ

М. Спобожанина, А. Ѳ. Кони, Максима Ковалевскаго и В. М. Бехтерева.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

ИЗД. ШИПОВНИКЪ СПБ.

Изд-во „ШИПОВНИКЪ“ С.-Петербургъ, Николаевская 31.

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

Вып. I. Джемсъ. Прагматизмъ. Пер. и пред. П. Юшкевича. Ц. 1 р. 50 к.

Вып. II. Г. Геффдингъ. Учебникъ по исторіи новой философіи. Пред. авт. къ рус. изд. Пособіе для учащихся и самообразованія . . . . . „ 1 р. 75 к.

Вып. III. Э. Бутру. Наука и религія въ современной философіи. Пер. и пред. В. Базарова . . . . . „ 2 р. 25 к.

Вып. IV. Г. Клейнпетеръ. Теорія познанія современнаго естествознанія. Предисловіе П. Юшкевича . . . . „ 1 р. 25 к.

Вып. V. Рауль Рихтеръ. Скептицизмъ въ философіи. Пер. В. Базарова и Б. Столпнера . . . . . „ 3 р. — к.

Вып. VI. К. Пирсонъ. Грамматика науки. Пер. В. Базарова и П. Юшкевича . . . . . „ 4 р. — к

Вып. VII. Христіансенъ. Философія красоты. Пер. подъ ред. Е. В. Аничкова . . . . . „ 1 р. 75 к.

Вып. VIII. Э. Мейерсонъ. Тождество и реальность. Пер. подъ ред. Д. Койгена . . . . . „ 3 р. 50 к.

Вып. IX. Г. Гомперцъ. Ученіе о міровоззрѣніи. Пер. В. Базарова и Б. Столпнера . . . . . „ 3 р. — к.

Вып. X. Э. Кассиреръ. Понятіе субстанціи и понятіе функціи. Пер. Б. Столпнера и П. Юшкевича . . . . . „ 2 р. 75 к.

Вып. XI. Д. Койгенъ. Философія культуры . . . . . (печат.).

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЛЬВА ШЕСТОВА.

Томъ I. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ . . . . . Ц. 1 р. 75 к.

„ II. Добро въ ученіи Толстого и Нитше . . . . . „ 1 р. 25 к.

„ III. Достоевскій и Нитше . . . . . „ 1 р. 50 к.

„ IV. Апоѳеозъ безпочвенности . . . . . „ 2 р. — к.

„ V. Начала и концы . . . . . „ 1 р. 25 к.

„ VI. Великіе кануны . . . . . „ 2 р. — к.

29669

Д. А. ДРИЛЬ

Профессоръ Психо-Неврологическаго Института и Высшихъ Коммерческихъ Курсовъ В. М. Побѣдинскаго и преподаватель Экономическаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института.

УЧЕНІЕ О ПРЕСТУПНОСТИ

И

МѢРАХЪ БОРЬБЫ СЪ НЕЮ.

36674.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА АВТОРА И СТАТЕЙ М. СЛОБОЖАНИНА, АКАДЕМИКА А. Ѳ. КОНИ, ПРОФЕССОРА МАКСИМА КОВАЛЕВСКАГО И АКАДЕМИКА В. М. БЕХТЕРЕВА.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Фин.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШИПОВНИКЪ»
СПБ. 1912.

Библиотека НКФ СССР

39

85605

Типографія В. Андерсона и Г. Лойцянскаго, СПБ. Вознесен. пр., 53.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ издателя.

„Черты изъ жизни и дѣятельности Д. А. Дриля“, статья М. Слобожанина . . . . . I—CII
Глава I I
Глава II VIII
Глава III XX
Глава IV XXVI
Глава V XXXIV
Глава VI XXXIX
Глава VII XLVIII
Глава VIII LVI
Глава IX LXIX
Глава X LXXVIII
Глава XI LXXXV
Глава XII XCIX

„Памяти Д. А. Дриля“, статья академика А. Ѳ. Кони . . . . . CIII—CVIII

„Димитрій Андреевичъ Дриль“, статья профессора М. М. Ковалевскаго . . . . . CIX—CXXI

„Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею“, курсъ профессора Д. А Дриля.

Часть I.

Введеніе . . . . . 1—24
Глава 1 1
Глава 2 2
Глава 3 3
Глава 4 5
Глава 5 6
Глава 6 7
Глава 7 11
Глава 8 13
Глава 9 15
Глава 10 22

Стр.

Часть II.

Стадіи развитія въ исторіи уголовнаго права . . . . . 24—194

А) Первый періодъ.

Глава 1 26
Глава 2 29
Глава 3 31
Глава 4 36
Глава 5 39
Глава 6 41
Глава 7 47

Б) Второй періодъ.

Глава 1 50
Глава 2 53
Глава 3 56
Глава 4 57
Глава 5 62
Глава 6 66
Глава 7 70
Глава 8 73
Глава 9 75
Глава 10 77
Глава 11 80
Глава 12 82

В) Третій періодъ.

Глава 1 87
Глава 2 91
Глава 3 94
Глава 4 104
Глава 5 106
Глава 6 109
Глава 7 125
Глава 8 127
Глава 9 127
Глава 10 131
Глава 11 136
Глава 12 141

Стр.

Глава 13 144
Глава 14 148
Глава 15 156
Глава 16 159
Глава 17 160
Глава 18 160
Глава 19 162
Глава 20 168
Глава 21 169
Глава 22 176
Глава 23 178
Глава 24 181

Г) Четвертый періодъ.

Глава 1 184
Глава 2 185
Глава 3 190

Часть III.

Постепенное развитіе въ области психіатріи ученія о физическомъ и умственно-нравственномъ вырожденіи породы и вліяніе этого ученія на научное изслѣдованіе явленій человѣческой преступности. . . . . 194—277

Глава 1 194
Глава 2 196
Глава 3 202
Глава 4 211
Глава 5 216
Глава 6 218
Глава 7 226
Глава 8 228
Глава 9 231
Глава 10 232
Глава 11 236
Глава 12 238
Глава 13 242
Глава 14 245
Глава 15 247
Глава 16 249
Глава 17 251
Глава 18 254
Глава 19 256
Глава 20 260
Глава 21 261
Глава 22 264
Глава 23 267
Глава 24 270
Глава 25 273

Стр.

Часть IV.

Ходъ развитія работъ по изученію преступниковъ на почвѣ фактовъ живой дѣйствительности . . . . . 277—377

Глава 1 277
Глава 2 287
Глава 3 290
Глава 4 296
Глава 5 300
Глава 6 301
Глава 7 303
Глава 8 305
Глава 9 306
Глава 10 308
Глава 11 310
Глава 12 312
Глава 13 314
Глава 14 315
Глава 15 318
Глава 16 319
Глава 17 320
Глава 18 322
Глава 19 325
Глава 20 330
Глава 21 332
Глава 22 334
Глава 23 337
Глава 24 339
Глава 25 341
Глава 26 344
Глава 27 346
Глава 28 349
Глава 29 353
Глава 30 360
Глава 31 361
Глава 32 366
Глава 33 367
Глава 34 371
Глава 35 373

Часть V.

Особенности источника, изъ котораго выходитъ большинство преступнаго люда . . . . . 377—401

Глава 1 377
Глава 2 378
Глава 3 379
Глава 4 382
Глава 5 384
Глава 6 388
Глава 7 390
Глава 8 393
Глава 9 397
Глава 10 399

Стр.

Часть VI.

Факторы преступности . . . . . 401—430

Глава 1 401
Глава 2 404
Глава 3 408
Глава 4 412
Глава 5 415
Глава 6 417
Глава 7 420
Глава 8 423
Глава 9 429

Часть VII.

Мѣры борьбы съ преступностью 430—500

Глава 1 430
Глава 2 433
Глава 3 435
Глава 4 438
Глава 5 439
Глава 6 444
Глава 7 445
Глава 8 449
Глава 9 451
Глава 10 452
Глава 11 453

Стр.

Глава 12 454
Глава 13 457
Глава 14 461
Глава 15 466
Глава 16 470
Глава 17 473
Глава 18 478
Глава 19 481
Глава 20 488
Глава 21 491
Глава 22 495

Часть VIII.

Заключеніе . . . . . 500—501

Алфавитный указатель упоминаемыхъ въ курсѣ профессора Д. А. Дриля лицъ и учрежденій . 502-506

„Объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступности“, статья академика В. М. Бехтерева . . . . . 507—568

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Предлагаемый вниманію русскаго образованнаго общества трудъ профессора Димитрія Андреевича Дриль составляетъ перепечатку его лекцій, читанныхъ въ 1909-1910 академическомъ году на Экономическомъ Отдѣленіи СПБ. Политехническаго Института, лекцій, подлежавшихъ, какъ предполагалъ самъ Дмитрій Андреевичъ, дальнѣйшей обработкѣ,— къ чему онъ и подготовлялся послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Хотя, такимъ образомъ, трудъ этотъ не вполнѣ обработанъ, но тѣмъ не менѣе онъ достаточно полно исчерпываетъ сущность міровоззрѣнія Димитрія Андреевича, не только какъ криминалиста, но и какъ соціальнаго реформатора.

Печатному труду предпосланы, съ одной стороны, біографія покойнаго, составленная М. Слобожанинымъ, а съ другой—статьи А. Ѳ. Кони и М. М. Ковалевскаго,

Статья В. М. Бехтерева „Обективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступности“, служащая, по своему содержанію, какъ бы развитіемъ ученія Димитрія Андреевича, естественно дополняетъ трудъ послѣдняго и потому помѣщена въ концѣ книги.

D. Spuch

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фчн.

М. СЛОБОЖАНИНЪ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Д. А. ДРИЛЯ.

I.

1-го ноября 1910 года умеръ Дмитрій Андреевичъ Дриль, искренній другъ народа, другъ всѣхъ обездоленныхъ, всѣхъ пасынковъ судьбы, другъ «нуждающихся и обремененныхъ». Умеръ человѣкъ кристально-чистыхъ помысловъ, возвышеннѣйшихъ стремленій, строго объективный вдумчивый ученый, безкорыстный и энергичный строитель культурнаго дѣла въ Россіи.

Численно небольшая у насъ семья истинныхъ культурныхъ дѣятелей потеряла въ немъ одного изъ своихъ вождей и вдохновителей. Потеряла въ немъ крупнаго работника и народная масса, на пользу которой были направлены всѣ его помыслы; потеряла ученаго и мыслителя вся Россія, а также и Европа, которая нерѣдко цѣнила его выше и лучше, чѣмъ обездоленная родина.

Но если современники не всегда умѣютъ и могутъ дать безпристрастную оцѣнку крупнымъ дѣятелямъ своей среды, то исторія не забываетъ и не можетъ забыть ихъ. Правда, время исторической оцѣнки Дмитрія Андреевича далеко еще не пришло, но и теперь образъ его, возстанавливаемый въ печати знавшими или изучавшими ученые и литературные труды и дѣятельность покойнаго, не можетъ не вліять на увѣковѣченіе его памяти, на возбужденіе интереса къ нему, не можетъ не служить примѣромъ, пробуждающимъ въ людяхъ лучшія чувства и направляющимъ ихъ жизнь.

Съ этой точки зрѣнія, не будетъ безполезнымъ подѣлиться съ читающей публикой тѣми краткими біографическими данными о Дмитріи Андреевичѣ, которыми располагаемъ мы, и которыя, хотя въ общихъ чертахъ, но уже даютъ понятіе объ этомъ выдающемся человѣкѣ — ученомъ и гражданинѣ, буквально, положившемъ животъ свой за други своя.

Внѣшняя исторія жизни его не была сложна, и жизненный путь его, какъ это обычно бываетъ съ недюжинными людьми въ нашемъ отечествѣ, не былъ усѣянъ розами. Біографія его—довольно обычная въ Россіи исторія житейскихъ неудачъ человѣка, имѣвшаго смѣлость имѣть свое собственное сужденіе и мужество не плыть по общему теченію. И если-бъ не та постоянно нараставшая высота духа покойнаго, которую всегда видѣли знавшіе его, если бы не выдающаяся плодотворная общественная дѣятельность да, скажемъ еще, не заботливый укладъ семейной жизни, то весьма вѣроятно, что жизненный путь его закончился бы значительно раньше.

Родился онъ 14-го марта 1846 г. въ старой дворянской семьѣ. Отецъ его уже не имѣлъ никакого отношенія къ Малороссіи, но болѣе отдаленные предки принадлежали къ «войсковой старшинѣ» «Миргородскаго повита». Бабка Дмитрія Андреевича по отцу была турчанка, и отъ нея, очевидно, наслѣдовалъ онъ въ своемъ внѣшнемъ обликѣ нѣкоторыя черты южнаго типа.

Мать Дмитрія Андреевича, урожденная Загоскина, приходилась родной племянницей знаменитому отцу русскаго историческаго романа.

Семья Дриль владѣла имѣніями въ тульской и рязанской губерніяхъ и была зажиточна для средней помѣщичьей семьи, но къ числу богатыхъ не принадлежала. Во всякомъ случаѣ, самое раннее дѣтство Дмитрія Андреевича началось при матеріальной обезпеченности семьи.

III

Однако, продолжалось это недолго. Отецъ его, человѣкъ добрый и довѣрчивый, былъ неудачникомъ въ практическихъ дѣлахъ, и состояніе его таяло довольно быстро. Дѣло дошло однажды до того, что какой-то должникъ отца Дмитрія Андреевича, не имѣя возможности уплатить свой долгъ, предложилъ взять мальчика къ себѣ, чтобы воспитывать его вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Сдѣлка состоялась: Дмитрій Андреевичъ ребенкомъ попалъ въ чужой домъ, но, кажется, пробылъ въ немъ недолго—очень ужъ тяжелы были условія жизни для него въ этомъ домѣ.

Впрочемъ, и въ семьѣ отца жилось ему нелегко. Настоящей нужды не было, но, занятые своими дѣлами, родители, повидимому, мало обращали вниманія на дѣтей. Ребенокъ росъ одиноко, въ значительной мѣрѣ покинутымъ. Испытывая горе, онъ на собственномъ примѣрѣ учился понимать страданія другихъ.

Дмитрій Андреевичъ не любилъ воспоминаній о своемъ дѣтствѣ и мало разсказывалъ о немъ: слишкомъ ужъ много тяжелыхъ чувствъ вызывали они въ немъ. Но однимъ эпизодомъ изъ своей дѣтской жизни, оставившимъ особенно глубокіе слѣды въ душѣ ребенка и опредѣлившимъ, какъ онъ самъ думалъ, его отношеніе къ людскимъ страданіямъ вообще, а къ дѣтскимъ въ особенности, онъ подѣлился какъ-то со своими близкими.

Дѣло было въ указанный періодъ его заброшенности, когда мальчикъ былъ предоставленъ самому себѣ и почти не видѣлъ къ себѣ ни ласки, ни вниманія. Время отъ времени онъ убѣгалъ въ эти годы въ семью домовладѣльца, у котораго снимали квартиру его родители. Здѣсь были у него сверстники, и онъ игралъ съ ними. Въ одно изъ такихъ посѣщеній къ хозяину дома пріѣхала изъ Тулы сестра, тетка его дѣтей, и привезла имъ разные гостинцы: тульскіе пряники, игрушки и пр. Вся семья была въ восторгѣ, шли взаимныя ласки, угощенія. О маленькомъ гостѣ, о ребенкѣ

Дмитріи Андреевичѣ, позабыли всѣ—и его пріятели-дѣти и ихъ родители. Забился онъ въ дальній уголокъ комнаты и, пожалуй, въ первый разъ сильно и глубоко почувствовалъ себя одинокимъ, покинутымъ, лишеннымъ дѣтскихъ радостей.

— Съ тѣхъ поръ,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ, разсказавъ этотъ эпизодъ своему сыну,—я не могу видѣть равнодушно дѣтской заброшенности и дѣтскихъ страданій. При встрѣчѣ съ ними у меня всегда возникаютъ картины моего печальнаго дѣтства.

Первыя характерныя особенности личности будущаго друга обездоленныхъ и несчастныхъ начали, такимъ образомъ, складываться у Дмитрія Андреевича еще въ раннемъ дѣтствѣ.

Когда онъ достигъ школьнаго возраста, его «помѣстили» въ пансіонъ, а затѣмъ въ одну изъ московскихъ гимназій.

Со дня смерти отца Дмитрія Андреевича, котораго онъ горячо любилъ, для мальчика началась «сиротская» жизнь. Эта жизнь, а затѣмъ столь обычная для даровитыхъ дѣтей неудовлетворенность гимназическимъ режимомъ и, кажется, какія-то нелады съ однимъ изъ преподавателей привели, въ концѣ концовъ, къ тому, что онъ вышелъ изъ гимназіи, если не ошибаюсь, изъ пятаго класса.

Первое время, очутившись на свободѣ, мальчикъ отдался жизни, которой еще не видѣлъ: онъ посѣщалъ знакомыхъ, театры, веселился. Но это продолжалось недолго. Дмитрій Андреевичъ зналъ, что ему предстоитъ трудовая жизнь, и потому началъ самостоятельно, безъ посторонней помощи, готовиться къ выпускному экзамену. Его поддерживала въ этомъ рѣшеніи любимая и нѣжно любившая его сестра Наталія Андреевна. Трудности гимназической науки были преодолены, и Дмитрій Андреевичъ выдержалъ выпускной экзаменъ въ гимназіи въ Орлѣ.

Въ университетѣ онъ избралъ юридическій факультетъ. Объ университетскихъ годахъ его мы знаемъ очень мало.

Повидимому, это были годы усиленныхъ занятій, самообразованія, годы выработки основъ міровоззрѣнія. Немедленно по окончаніи университета Дмитрій Андреевичъ началъ готовиться къ магистерскому экзамену по уголовному праву, который и выдержалъ блестяще.

Спеціализировавшись въ уголовномъ правѣ еще на университетской скамьѣ, Дмитрій Андреевичъ тогда же усомнился въ справедливости ученія классической школы въ этомъ правѣ, по которому большинство преступленій было результатомъ «злой воли» преступниковъ. Неизмѣнно стремящаяся къ добру и высшей любви натура молодого ученаго горячо протестовала противъ огульнаго осужденія преступниковъ, а народный взглядъ на нихъ, какъ на «несчастненькихъ», глубоко запалъ въ его душу. Онъ зналъ, что жизнь нерѣдко протекаетъ совершенно независимо отъ «злой» или «доброй» воли человѣка, что онъ часто является игрушкой его же физическихъ свойствъ или окружающей его обстановки, что человѣкъ часто не можетъ противостоять имъ; онъ съ дѣтства научился понимать людскія страданія, а потому, съ первыхъ же шаговъ своей самостоятельной ученой работы, склонился къ тѣмъ мнѣніямъ въ уголовномъ правѣ, по которымъ преступникъ далеко не такъ ужъ воленъ въ своихъ преступленіяхъ, какъ это кажется, что послѣднія часто являются выраженіемъ врожденныхъ, наслѣдственныхъ и пріобрѣтенныхъ аномалій въ физической и душевной организаціи и въ нервной системѣ преступника.

Съ этой точки зрѣнія, для дѣятелей уголовнаго права было совершенно необходимо знаніе физической природы человѣка, строенія его тѣла, физіологическихъ функцій, патологическихъ измѣненій въ нихъ, психо-физики человѣка и вообще многаго изъ того, что составляетъ предметъ медицины. Сознавъ это, Дмитрій Андреевичъ, вслѣдъ за сдачей магистерскаго экзамена, поступилъ на медицинскій факультетъ. Полученіе званія врача не входило въ его цѣли, а потому онъ и не окончилъ этого факультета, но необходимыя для него, какъ

раздѣлявшаго нѣкоторыя особенности ученія антропологической школы въ уголовномъ правѣ, знанія пріобрѣлъ и, кромѣ анатоміи, физіологіи и общей патологіи, старательно изучилъ и психіатрію.

Съ 1875 г. Дмитрій Андреевичъ былъ оставленъ при московскомъ университетѣ «для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ». Подготовляя магистерскую диссертацію, онъ съ обычной для него тщательностью занялся разработкой матеріаловъ по психологіи и психофизіологіи преступниковъ, накопившихся при изученіи ихъ съ антропологической точки зрѣнія.

Кромѣ Дмитрія Андреевича, при московскомъ университетѣ было еще два магистранта по уголовному праву, оба командированные университетомъ за границу «для подготовленія къ профессорскому званію». Одного изъ нихъ — К., по возвращеніи его изъ командировки, юридическій факультетъ допустилъ къ чтенію лекцій на правахъ преподавателя. Студенты были недовольны имъ, какъ шаблоннымъ, лишеннымъ всякой оригинальности и талантливости преподавателемъ. Отношенія ихъ къ К., въ концѣ концовъ, настолько обострились, что они отказались въ 1879 г. держать у него экзаменъ. Деканъ юридическаго факультета проф. Легонинъ предупредилъ, поэтому, Дмитрія Андреевича, что ему предстоитъ читать курсъ. Но противъ него уже составилась въ университетѣ консервативная группа профессоровъ, поддерживавшая К. Припомнили, что Дмитрій Андреевичъ еще на магистерскомъ экзаменѣ отрицалъ безусловную свободу человѣческой воли, что онъ хорошъ съ «лѣвыми» профессорами и т. п., и порѣшили, что человѣку съ такими взглядами нельзя быть профессоромъ вообще, а преподавателемъ уголовнаго права въ особенности. Обо всемъ этомъ было сообщено попечителю учебнаго округа, съ указаніемъ, что юридическій факультетъ предпочитаетъ-де «красныхъ». Поэтому, когда Дмитрій Андреевичъ былъ представленъ фа-

культетомъ въ преподаватели—попечитель не утвердилъ его. Тогда факультетъ представилъ его для командированія за границу. Но министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой, предупрежденный, вѣроятно, попечителемъ округа, не нашелъ возможнымъ испросить высочайшее соизволеніе на это командированіе. Такимъ образомъ, Дмитрій Андреевичъ остался внѣ университета и безъ дѣла.

Въ это время знаменитый впослѣдствіи «отецъ земской статистики»—Орловъ предложилъ Дмитрію Андреевичу принять участіе въ переоцѣнкѣ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ Клинѣ. Онъ принялъ это предложеніе и все лѣто 1880 г. провелъ на работѣ въ этомъ городѣ. Затѣмъ переоцѣнка была распространена на всѣ уѣздные города московской губ., и Дмитрій Андреевичъ произвелъ ее въ сотрудничествѣ всего лишь 3—4 лицъ.

Между тѣмъ, министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ А. А. Сабуровъ. При проѣздѣ его черезъ Москву, Легонинъ познакомилъ его съ исторіей Дмитрія Андреевича въ университетѣ и получилъ распоряженіе снова представить его въ заграничную командировку, которая состоялась только въ 1881 году.

Въ это же время своего невольнаго отстраненія отъ университета Дмитрій Андреевичъ началъ работать въ повременной печати. Первые свои ученые труды онъ помѣстилъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», издававшемся тогда подъ редакціей С. А. Муромцева. Очень скоро онъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Юридическаго Вѣстника», въ которомъ участвовали лучшіе наши ученые того времени. Не ограничиваясь строго научными работами, Дмитрій Андреевичъ не мало писалъ и публицистическихъ статей, печатая ихъ въ «Русской Мысли», въ «Критическомъ Обозрѣніи», издававшемся М. М. Ковалевскимъ, въ «Вѣстникѣ Воспитанія», въ «Земствѣ» В. Ю. Скалона и въ нѣкоторыхъ московскихъ газетахъ. Въ

«Русскихъ Вѣдомостяхъ» онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ.

Въ университетѣ и въ редакціяхъ Дмитрій Андреевичъ близко сошелся съ тѣми изъ нашихъ ученыхъ и писателей, многими изъ которыхъ Россія гордится до сихъ поръ. Добрыя товарищескія, а въ иныхъ случаяхъ и дружескія отношенія сохранились у Дмитрія Андреевича съ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ съ И. И. Иванюковымъ, съ А. А. и Н. А. Каблуковыми, съ М. М. Ковалевскимъ, А. С. Постниковымъ, И. И. Янжуломъ, съ В. Д. Шервинскимъ и др. Искреннія и хорошія отношенія связывали его въ свое время съ нынѣ покойными С. А. Муромцевымъ, А. И. Чупровымъ, съ В. Ю. Скалономъ, Г. Б. Іолосомъ, В. А. Гольцовымъ, М. Я. Герценштейномъ и др. москвичами, имена которыхъ стали теперь историческими.

II.

Въ заграничной командировкѣ Дмитрій Андреевичъ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ и возвратился весной 1883 г. въ Москву съ подготовленной уже магистерской диссертаціей, озаглавленной имъ—«Малолѣтніе преступники».

Энергичный и настойчивый труженикъ, глубокій и вдумчивый ученый, Дмитрій Андреевичъ, казалось, стоялъ уже у порога цѣли своей жизни, у профессуры, къ которой влекло его истинное призваніе и результаты многолѣтнихъ трудовъ.

Однако, всѣ мечты его въ этомъ отношеніи разбились о жестокую русскую дѣйствительность.

Его диссертація была смѣлымъ новшествомъ, она открывала иные горизонты, чуждые офиціальной наукѣ и ея служителямъ. И эти послѣдніе не замедлили поднять шумъ около этой диссертаціи.

Еще при появленіи въ 1884 г. въ «Юридическомъ Вѣст-

никѣ» первыхъ главъ диссертаціи, консервативная группа юридическаго факультета, на этотъ разъ во главѣ съ Легонинымъ, подняла сильную агитацію противъ нея. Опять былъ пущенъ въ ходъ старый и ужасный врагъ русскихъ науки и мысли—благонамѣренность—и опять начались избитыя фразы о потрясеніи и научныхъ и государственныхъ основъ. Самъ Легонинъ стоялъ на той формальной точкѣ зрѣнія, что диссертація имѣетъ медицинскій характеръ—онъ былъ въ это время профессоромъ судебной медицины—и разсмотрѣнію юридическаго факультета не подлежитъ. Въ дѣйствительности же онъ считался съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, начинавшимъ тогда забирать университеты въ крѣпкія руки,—настолько считался, что даже не заботился хотя бы о наружной послѣдовательности, и предлагалъ Дмитрію Андреевичу дать рекомендацію къ профессорамъ другихъ университетовъ, чтобы онъ тамъ защищалъ свою диссертацію. Но Дмитрій Андреевичъ могъ по этому поводу только высказать свое удивленіе—какъ это онъ, признавая диссертацію неподходящей для московскаго университета, считаетъ ее пригодной для другого. Легонинъ продолжалъ настаивать на своемъ и отвергъ предложеніе Дмитрія Андреевича обратиться съ запросами къ профессорамъ-медикамъ по вопросу о медицинскомъ или юридическомъ характерѣ диссертаціи. Когда же Дмитрій Андреевичъ все-таки представилъ ее юридическому факультету московскаго университета, то Легонинъ, ставъ на факультетскомъ собраніи на свою точку зрѣнія о томъ, что диссертація медицинская, а не юридическая, предложилъ отклонить ее безъ разсмотрѣнія. Его поддержали профес. Звѣревъ, Боголѣповъ и др. Въ пользу разсмотрѣнія диссертаціи говорили А. И. Чупровъ, И И. Янжулъ, Ю. С. Гамбаровъ, С. А. Муромцевъ и М. М. Ковалевскій. Послѣдній хотѣлъ прочесть въ собраніи благопріятные о диссертаціи отзывы нѣкоторыхъ выдающихся ученыхъ, напр., Мержеевскаго и др., но Легонинъ не допустилъ этого чтенія. Въ концѣ концовъ, семь членовъ

факультетскаго собранія высказались противъ принятія диссертаціи Дмитрія Андреевича къ разсмотрѣнію, а пять подали голоса за разсмотрѣніе ея.

Дѣйствительной причиной такого отношенія жрецовъ офиціальной науки къ работѣ молодого ученаго была не только боязнь министерства народнаго просвѣщенія, но и боязнь новой струи въ наукѣ, струи разрушающей классическую школу, окаменѣвшую въ идеяхъ, чуждыхъ человѣка и человѣчности. Это была та именно научная школа, въ которой, по характеристикѣ самого Дмитрія Андреевича, игнорировали и просмотрѣли «самого человѣка съ его плотью и кровью, съ его многообразными особенностями». На этой научной школѣ воспитались поколѣнія, создались карьерныя благополучія, и немудрено, что посягательства на нее были приняты за посягательства на благополучіе отдѣльныхъ лицъ. На новатора обрушилось все косное, все, что дрожало за свою карьеру и за свои выгоды.

Однако, и новаторъ былъ не изъ тѣхъ, которые отступаютъ, сознавая и чувствуя за собой правду. Дмитрій Андреевичъ не отказался отъ защиты диссертаціи и, по совѣту М. М. Ковалевскаго, представилъ ее въ харьковскій университетъ, гдѣ на юридическомъ факультетѣ были живыя силы. Диссертація была здѣсь принята, и Дмитрій Андреевичъ, послѣ удачной защиты ея, получилъ въ 1884 г. ученую степень магистра уголовнаго права.

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого, въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» Гилярова-Платонова появилась статья о томъ, какія разрушительныя диссертаціи одобряетъ харьковскій университетъ, какъ въ немъ подрываются основы государственной юстиціи и т. д. Статьей заинтересовался К. П. Побѣдоносцевъ; заинтересовалось ею и министерство народнаго просвѣщенія, которое поспѣшило затребовать отъ харьковскаго университета «дѣло» Дмитрія Андреевича. Въ результатѣ «разсмотрѣнія» его въ министерствѣ—было оставленіе профессоромъ харь-

ковскаго юридическаго факультета Стояновымъ должности декана.

Но передъ глубокимъ научнымъ изслѣдованіемъ Дмитрія Андреевича все-таки пришлось смириться и министерству народнаго просвѣщенія, не рискнувшему оспаривать «дѣло» объ его ученой степени, и юридическому факультету московскаго университета, который, исправляя свою ошибку, избралъ его въ томъ же году лекторомъ по уголовному процессу.

Не сдѣлать этого было невозможно, потому что не только въ харьковскомъ и другихъ русскихъ университетахъ, но и за границей къ ученымъ трудамъ Дмитрія Андреевича отнеслись совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Москвѣ.

На диспутѣ въ Харьковѣ оппонентами его выступили профессора Владиміровъ, Даневскій, Ковалевскій (извѣстный психіатръ), Оршанскій и Лашкевичъ. Диспутъ прошелъ, по выраженію мѣстныхъ газетъ, «съ громаднымъ тріумфомъ для молодого ученаго. Всѣ оппоненты въ одинъ голосъ признали его диссертацію за капитальный вкладъ въ русскую литературу уголовнаго права». Главный изъ нихъ, профес. Владиміровъ, обратился на диспутѣ къ Дмитрію Андреевичу съ такими словами:

«Если бы я имѣлъ право, я бы совсѣмъ оставилъ вашъ трудъ безъ возраженія. Но на меня возложена обязанность офиціальнаго оппонента. Я долженъ во что бы то ни стало отыскать ваши малѣйшія заблужденія и прегрѣшенія, чтобы, черня васъ, тѣмъ рѣзче отмѣтить достоинство вашего сочиненія» [1]). Профес. Ковалевскій, дававшій отзывъ о диссертаціи съ точки зрѣнія психіатріи, призналъ трудъ Д. А. Дриля не только не заслуживающимъ укоризны, но даже полезнымъ руководствомъ для самихъ психіатровъ, какъ частыхъ экспертовъ въ судѣ [2]).

Горячо отнеслись къ ученому труду Дмитрія Андреевича

---

[1]) „Харьковскія Вѣдомости“, 1885 г., № 246.

[2]) „Русскія Вѣдомости“, 27 сентября 1885 г.

и представители науки въ Европѣ. «Русскія Вѣдомости» сообщали отъ 19 декабря 1885 г., что на только что окончившемся международномъ конгрессѣ криминалистовъ въ Римѣ «русской юридической наукѣ было оказано, въ лицѣ нашего извѣстнаго криминалиста Д. А. Дриля, необыкновенное вниманіе. Онъ былъ выбранъ единогласно почетнымъ президентомъ одного изъ первыхъ засѣданій конгресса. Конгресъ, какъ сказано въ его постановленіи, «хотѣлъ этимъ актомъ засвидѣтельствовать свое высокое уваженіе (admiration) къ ученымъ трудамъ» нашего ученаго [1]). Провели это постановленіе выдающіеся представители европейской науки, профессора: Lombroso, Ferri, Lacassague, Morcelli, Sciamonna, Sergi, а также д-ръ Fregerio, Lunier, Pasquali, Porto и мн. др.

Не видѣть этихъ изъявленій почтенія ученаго міра къ трудамъ Дмитрія Андреевича не было возможности; но тѣмъ не менѣе восьмидесятые годы были не таковы, чтобы всесильныя «вѣдомства» особенно церемонились съ учеными, да еще съ начинающими, и Дмитрій Андреевичъ, по распоряженію министерства, не былъ допущенъ къ чтенію лекцій: административнымъ порядкомъ его, какъ оказалось, навсегда отстранили отъ преподаванія въ университетѣ.

Мечта всей жизни была разбита, призваніе—пренебрежено. Официальная наука торжествовала; новаторская дерзость была наказана.

А дерзость Дмитрія Андреевича была дѣйствительно велика: въ преступникѣ онъ увидѣлъ человѣка и съ полнымъ отрицаніемъ отнесся къ системѣ наказаній. Признавъ, что преступность обусловливается ненормальностями въ самомъ организмѣ преступника, что къ преступленіямъ ихъ толкаютъ неуравновѣшенные, дурно сформировавшіеся, вырождающіеся, неразвитые и болѣзненные ихъ организмы, Дмитрій Андреевичъ имѣлъ смѣлость утверждать, что преступниковъ нужно не карать, а лечить и перевоспитывать. Люди съ малымъ и

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 19 декабря 1885 г.

слабымъ сердцемъ,—говорилъ онъ,—съ недоразвитыми легкими, съ наслѣдственнымъ или пріобрѣтеннымъ худосочіемъ, съ нестойкими нервами, съ организмомъ, носящимъ всѣ слѣды оскудѣнія—ненормальные люди, проявляющіе свою ненормальность въ преступленіяхъ и требующіе, поэтому, не наказаній, а леченія и ухода за собой. Органическое оскудѣніе питается въ значительной мѣрѣ современными соціальными условіями, порождающими вопіющую бѣдность и нищету съ ихъ ужасными послѣдствіями: систематическимъ недоѣданіемъ, хроническими голодовками, болѣзнями, алкоголизмомъ, дикостью, варварствомъ, невѣжествомъ и т. п. Поэтому, бороться съ преступностью значитъ также бороться съ соціальнымъ зломъ, съ общественнымъ нестроеніемъ.

Интересно отмѣтить, что, несмотря на всю опредѣленность воззрѣній Дмитрія Андреевича, среди русскихъ ученыхъ все еще находятся люди, отождествляющіе ученіе его съ ученіемъ Ломброзо, по которому «преступный типъ», преступникъ, такъ сказать, предопредѣленъ анатомическими измѣненіями въ его организмѣ и непреодолимыми наслѣдственными свойствами, неподдающимися излеченію или перевоспитанію. Конечно, такъ смотрятъ далеко не всѣ. Еще въ девяностыхъ годахъ въ печати отмѣчалась полная самостоятельность ученія Дмитрія Андреевича, а сравнительно недавно М. М. Ковалевскій указалъ, что Д. А. Дриль далъ первую критику антропологической школы въ уголовномъ правѣ. Въ Европѣ, гдѣ знали и слѣдили за его ученіемъ, его далеко не отождествляли съ Ломброзо. На одномъ изъ международныхъ конгрессовъ онъ выступилъ горячимъ противникомъ послѣдняго по одному изъ основныхъ тезисовъ его ученія о неисправимости преступниковъ. Дмитрію Андреевичу удалось разрушить это заблужденіе и привести весь конгрессъ въ этомъ вопросѣ едва ли не къ полному единодушію.

Если Д. А. Дриль и раздѣлялъ въ той или другой мѣрѣ воззрѣнія антропологической школы, то не менѣе, если не

болѣе, онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ многихъ положеній соціологическаго теченія въ уголовномъ правѣ.

Видя въ преступникѣ несчастную, неуравновѣшенную, вырождающуюся личность и признавая, что наклонность къ преступленію находитъ себѣ близкую аналогію въ болѣзненности, Дмитрій Андреевичъ между тою и другою областями явленій не проводилъ опредѣленной разграничительной линіи. «Гдѣ начальный моментъ дегенераціи: въ личной ли жизни вырождающагося, или въ жизни одного изъ его отдаленныхъ восходящихъ»—это, по его мнѣнію, «безразлично: этимъ опредѣляется лишь степень вырожденія. Важно то, что вырождающійся роковымъ образомъ влечется, такъ сказать, обязывается къ преступленію. Но для того, чтобы это послѣднее проявилось въ дѣйствительности, необходима наличность извѣстныхъ внѣшнихъ условій. Среда—второй важный факторъ преступленія, пожалуй, даже покрывающій собою первый, такъ какъ порочность, неуравновѣшенность натуры формируется и развивается иногда, можетъ быть, въ теченіе многихъ поколѣній, именно подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій извѣстной среды». Съ этой точки зрѣнія, Дмитрій Андреевичъ отвергаетъ—противоположеніе, которое нерѣдко дѣлается между теоріями антропологической и соціологической. Обѣ онѣ,—говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ, касаются и разсматриваютъ двѣ неразрывно связанныя стороны одного и того же явленія... Одна теорія включаетъ въ себѣ другую, а потому, какъ онъ самъ заявилъ однажды въ преніяхъ въ Юридическомъ обществѣ, онъ ничего не имѣлъ бы противъ названія той школы, къ которой принадлежитъ, соціально-антропологической.

Изложенная теорія преступнаго опредѣляетъ направленіе, въ какомъ должны изыскиваться мѣры борьбы съ преступленіемъ.

По ученію Дмитрія Андреевича, предметомъ прикладной науки уголовнаго права служитъ прежде всего «самъ преступный человѣкъ и особенности его преступности, т. е. того, болѣе или менѣе стойкаго, внутренняго состоянія, кото-

рое, при наличности внѣшнихъ условій, предрасполагаетъ и наталкиваетъ этого человѣка на совершеніе преступленія. Далѣе, имъ служатъ производящія причины преступности, внѣшнія и внутреннія, и цѣлесообразныя мѣры воздѣйствія какъ на среду, подготовляющую и развивающую эту преступность, такъ и на самого преступника, въ цѣляхъ возможно большаго огражденія общества отъ преступленія».

Признавая затѣмъ, что «внутреннее состояніе» человѣка и «внутреннія» «производящія причины преступности» составляютъ не спеціальную принадлежность преступныхъ типовъ, а встрѣчаются, въ силу наслѣдственности и т. п. причинъ, почти у всѣхъ людей, и, далѣе, что наличность «извѣстныхъ внѣшнихъ условій предрасполагаетъ» къ проявленію «внутреннихъ состояній», производящихъ преступность, Дмитрій Андреевичъ находилъ, что уголовная политика должна быть въ извѣстной мѣрѣ и вообще политикой культурной работы, или, точнѣе говоря, ея частью.

Эта мысль требуетъ поясненія.

«Въ числѣ центровъ, завѣдующихъ вліяніями психической жизни», говоритъ Дмитрій Андреевичъ въ своемъ курсѣ уголовнаго права, «существуютъ, съ одной стороны, центры чувственныхъ влеченій, а съ другой—центры, соотвѣтствующіе въ своей дѣятельности высшей разсуждающей и направляющей способности, которые и оказываютъ задерживающее вліяніе на влеченія, зарождающіяся изъ возбужденнаго состоянія центровъ, завѣдывающихъ этими влеченіями. Существованіе такихъ центровъ подтверждается, между прочимъ, и опытами съ гипнотизированными,—опытами, при которыхъ, вслѣдствіе вѣроятнаго временнаго отпаденія дѣятельности высшихъ центровъ, экспериментируемый, несмотря на кажущуюся цѣлесообразность его дѣйствій, превращается въ какого-то автомата, безконтрольно управляемаго извнѣ приходящими воздѣйствіями» [1]).

[1]) См. отд. VII („Мѣры борьбы съ преступностью"), гл. 14 настоящаго изданія.

При наличности, едва ли не у всѣхъ людей, «чувственныхъ влеченій», т. е. «внутреннихъ состояній», производящихъ преступленія, эти послѣднія, если не будутъ встрѣчать какихъ-либо препятствій на своемъ пути, могутъ получить чуть ли не всеобщее распространеніе. При этомъ условіи, мѣры, противодѣйствія чувственнымъ влеченіемъ, т. е. мѣры, поднимающія дѣятельность «высшей разсуждающей и направляющей способности», «оказываютъ задерживающее вліяніе на влеченія къ преступности» и являются мѣрами не одной уголовной политики, а всеобщими мѣрами культурнаго оздоровленія народовъ, подготовляющими ихъ новую жизнь».

«Господство вліянія высшихъ разсудочныхъ центровъ», продолжаетъ Дмитрій Андреевичъ, «и сопутствующее ему ограниченіе силы и власти чувственныхъ влеченій развиваются постепенно и являются послѣднимъ и высшимъ продуктомъ общественной культуры, которая, въ свою очередь, является результатомъ правильнаго разумнаго воспитанія и правильной предшествующей жизни не только отдѣльнаго человѣка, но и его восходящихъ—ихъ организовавшихся жизненныхъ опытовъ» [1]).

Слѣдовательно, въ основу мѣръ общественнаго оздоровленія и культурной работы, по мнѣнію Дмитрія Андреевича, должно быть положено правильное воспитаніе, правильная жизнь, организація ея, воспитывающая не только подрастающія поколѣнія, но и широкія массы взрослаго населенія.

Изъ приведенныхъ основныхъ положеній очевидно вытекаетъ цѣлая система «цѣлесообразныхъ мѣръ для успѣшной борьбы съ преступностью. Эти мѣры прежде всего и главнымъ образомъ должны быть широкими мѣрами предупрежденія, мѣрами общественной гигіены, направленными на удаленіе изъ жизни общества и отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ

---

[1]) Тамъ же.

тѣхъ болѣзнетворныхъ факторовъ, которые порождаютъ разстройства и извращенія самочувствій, происходящихъ отъ вольныхъ или невольныхъ нарушеній законовъ жизни, законовъ біологическихъ. Если эти разстройства и извращенія нерѣдко порождаютъ посягательства на собственную жизнь, то что же удивительнаго, что они еще съ большею легкостью порождаютъ и должны порождать различныя преступленія. Иначе говоря, цѣлесообразныя мѣры борьбы съ преступностью, указываемыя результатами изученія, должны быть мѣрами общественнаго оздоровленія. Въ этомъ онѣ вполнѣ сливаются и съ цѣлесообразными мѣрами для разрѣшенія великаго соціальнаго вопроса, которыя также не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ тѣми же мѣрами общественнаго оздоровленія и справедливости».

85605

Полагая въ основу послѣднихъ разнообразные виды и формы воспитательнаго вліянія, т. е. мѣры, направленныя на отдѣльныхъ индивидуумовъ и группы ихъ, Дмитрій Андреевичъ, какъ видно изъ предыдущаго, не противопоставляетъ ихъ мѣрамъ соціальнымъ, а сливаетъ ихъ въ единое цѣлое съ мѣрами для разрѣшенія великаго соціальнаго вопроса. Другими словами, онъ признаетъ и индивидуальную политику и соціальную, выдвигая, въ ней, согласно основной своей точки зрѣнія, воспитательныя вліянія.

Къ мѣрамъ перваго порядка, имѣющимъ преимущественно индивидуальное примѣненіе и заключающимся въ оздоровленіи духа и тѣла, Дмитрій Андреевичъ относитъ не только собственно воспитательно-просвѣтительныя начинанія, но и большинство мѣръ борьбы съ алкоголизмомъ и мѣропріятія въ области жилищной нужды, такъ какъ обычныя теперь мрачныя, сырыя, до крайности неудобныя и неуютныя жилища отталкиваютъ трудящееся населеніе отъ домашняго очага и гонятъ его изъ дому къ соблазнамъ уличной и трактирной жизни.

Среди вторыхъ, т. е. мѣръ соціальной политики, онъ особенно выдѣлялъ кооперацію, создающую соціальную обстановку,

неблагопріятствующую проявленію чувственныхъ побужденій. Дешевыя и здоровыя жилища, по его мнѣнію, не только должны быть окружены и сопровождаемы кооперативными учрежденіями, ближайшимъ образомъ въ цѣляхъ потребленія, страхованія, производства и т. п., но и сами, въ концѣ концовъ, должны организоваться на кооперативныхъ началахъ. При этомъ условіи, воспитательное значеніе кооперації, поднимающей и развивающей духъ солидарности, общественности и справедливости, должно имѣть выдающееся значеніе въ общемъ оздоровленіи человѣка и условій его жизни.

«Разнообразныя кооперативныя учрежденія», писалъ Дмитрій Андреевичъ, «связанныя съ великимъ именемъ Роберта Оуэна и какъ бы охватывающіе человѣка съ большаго или меньшаго числа сторонъ его жизни», вмѣстѣ съ учрежденіями «не принижающей помощи и содѣйствія... обѣщаютъ превратить общество изъ какого-то сборища людей, какимъ оно въ значительной степени представляется въ настоящее время, въ дѣйствительное общество, основанное на началахъ солидарности». Къ этому кооперація приводитъ и по своей экономической структурѣ и по тому воспитательному значенію, которое она имѣетъ.

Важную роль отводилъ Дмитрій Андреевичъ и соціальному законодательству вообще, а въ частности законодательству, касающемуся рабочаго дня [1]), заработной платы [2]), санитарныхъ условій фабричнаго и ремесленнаго труда и т. д. [3]). Еще въ 1898 г. онъ докладывалъ въ обществѣ охраненія народнаго здравія о необходимости обратить особое вниманіе на соціальное законодательство.

Въ статьѣ «Бродяжество и нищенство и мѣры борьбы съ ними», настаивая на необходимости широкихъ мѣръ государственно-общественнаго предупрежденія «въ духѣ забот-

---

[1]) Газета „День“ 16 мая 1906 г.

[2]) „Новости“, 16 октября, 1898 г.

[3]) Тамъ же.

ливости объ экономически слабѣйшей части населенія», Дмитрій Андреевичъ указывалъ, между прочимъ, на слѣдующія мѣры: поддержка кустарныхъ производствъ и способствованіе возникновенію артельныхъ и кооперативныхъ предпріятій, охраняющихъ экономическую самостоятельность работниковъ, организація непосредственнаго сбыта, урегулированіе отношеній между рабочими и предпринимателями и т. п. [1]).

Выдвинутые докладами въ обществѣ охраненія народнаго здравія Дмитріемъ Андреевичемъ и нѣкоторыми другими лицами вопросы соціальной политики были формулированы преимущественно имъ же въ спеціально избранной для этого подкомиссіи этого общества, которая предложила въ концѣ 1898 г. возбудить предъ правительствомъ слѣдующія ходатайства:

а) о распространеніи фактическаго фабричнаго надзора на ремесленныя и мелкія промышленныя заведенія, въ особенности по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ ремесленникамъ;

б) о болѣе дѣйствительномъ примѣненіи его на самыхъ фабрикахъ и заводахъ;

в) объ учрежденіи профессіональныхъ ремесленныхъ школъ, какъ подготовительныхъ къ мастерству для несовершеннолѣтнихъ (преимущественно въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ), такъ и школъ для большаго усовершенствованія въ профессіи взрослыхъ мастеровъ, и

г) о необходимости усиленія фактическаго врачебно-санитарнаго надзора надъ ремесленными и промышленными заведеніями и т. д. [2]).

Еще шире захватывалъ онъ область соціальныхъ реформъ, разрабатывая мѣры борьбы съ алкоголизмомъ, но свѣдѣнія объ этомъ будутъ приведены ниже.

---

[1]) „Трудовая Помощь“, сентябрь 1898 г.

[2]) „Новости“, 5 ноября 1898 г.

III.

Изложенныя воззрѣнія Д. А. Дриля на причины разъѣдающаго человѣчество соціальнаго зла и на мѣры борьбы съ ними формулировались имъ постепенно, на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, но, будучи естественно связаны съ первыми же его учеными трудами, они, конечно, сознавались имъ давно, по крайней мѣрѣ, со времени написанія послѣднихъ. Съ того же времени они опредѣлили и его практическую общественную дѣятельность.

Выбитый изъ колеи потерей надежды на профессуру, Дмитрій Андреевичъ не растерялся, хотя, несомнѣнно, отстраненіе его отъ преподаванія въ университетѣ тяжелымъ гнетомъ легло на всю его послѣдующую жизнь. Пришлось, что называется, начинать сначала, браться за новое дѣло и прежде всего хлопотать о кускѣ хлѣба. И не будь онъ человѣкъ крупной моральной силы, кто знаетъ—какъ перенесъ бы онъ это отторженіе отъ своего истиннаго призванія.

Конечно, его продолжало тянуть къ работѣ для тѣхъ, о комъ онъ такъ много думалъ и писалъ. Ближайшимъ образомъ, онъ заинтересовался судьбою малолѣтнихъ преступниковъ, которые уже отбыли срокъ положеннаго имъ наказанія и выходили изъ стѣнъ карательно-воспитательнаго заведенія въ жизнь съ нестойкой еще нравственностью, съ клеймомъ бывшаго преступника и, въ большинствѣ случаевъ, безъ всякихъ покровителей и защитниковъ. Чаще всего ихъ ждали за порогомъ заведенія чувства едва ли не всеобщаго недружелюбія, недовѣрія, слѣдовательно, безпросвѣтная нужда и безпомощность въ борьбѣ съ суровыми условіями жизни. Бывшіе товарищи выпущенника изъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, извѣдавшіе уже жизнь, увѣряли его, что оставаться честнымъ, по меньшей мѣрѣ, глупо, такъ какъ «насъ вездѣ отталкиваютъ». Намъ надо, -- говорили они, — или составлять шайки, или умирать съ голоду. И большинству выпущенни-

ковъ, дѣйствительно, не оставалось другого выбора, и они волей-неволей снова обращались на путь преступленія.

Для предотвращенія такого исхода, въ Европѣ организовывались и организуются особыя общества и патронаты. Въ 80-хъ годахъ возникло такое же общество въ Петербургѣ, а въ 1884 г. и въ Москвѣ. Прежде чѣмъ оно начало свою дѣятельность, умерла учредительница его, и новая организація должна была распасться, ничего не сдѣлавъ. Въ это именно время и вступилъ въ общество Д. А. Дриль, въ качествѣ секретаря его и члена комитета, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ тогда же Ник. Вал. Муравьевъ, бывшій въ то время прокуроромъ московской судебной палаты.

Комитетъ общества, пользуясь предложеніемъ попечителя исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ Рукавишникова выдавать обществу за каждаго выпущеннаго питомца въ первый годъ по выпускѣ 25 р., во второй 15 и третій 10 р., рѣшилъ учредить для нихъ убѣжище, а при немъ мастерскія переходныхъ полусвободныхъ ремесленниковъ, въ которыхъ могли бы формироваться зародыши вполнѣ самостоятельныхъ ремесленныхъ заведеній. На первое время рѣшено было открыть убѣжище и сапожную мастерскую, попечителями которыхъ были выбраны Д. А. Дриль и П. Я. Остелецкій. Затѣмъ возникла и другая мысль—«объ организаціи небольшихъ самостоятельныхъ мастерскихъ нѣсколько иного типа, путемъ выдачи заимообразно небольшихъ пособій выпущенникамъ на покупку инструментовъ, на первоначальное обзаведеніе, наемъ квартиры и на содержаніе на первое время, впредь до полученія первыхъ заработанныхъ денегъ, а также путемъ необходимыхъ для мастерской заказовъ» [1]).

Придавая большое значеніе коммерческой постановкѣ дѣла въ мастерскихъ для выпущенниковъ, комитетъ обще-

---

[1]) Общество пособія несовершеннол., освобожд. изъ мѣстъ заключенія. Отчетъ комитета за 1885—86 гг.

ства не упускалъ изъ виду и того, что мастерскія эти «вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденія, преслѣдующія нравственныя цѣли исправленія уже начинавшихъ гибнуть людей». Эта мысль, о такомъ именно характерѣ учрежденія общества, принадлежала Дмитрію Андреевичу, и онъ неоднократно и послѣдовательно проводилъ ее и въ другихъ своихъ начинаніяхъ послѣдующаго времени. При всей своей правильности и цѣлесообразности, мысль эта при ея практическомъ осуществленіи требуетъ работы, что называется, на два фронта: и въ сторону коммерческой постановки дѣла, и въ сторону нравственнаго воспитанія выпущенниковъ. А тутъ, какъ это нерѣдко бываетъ, оказалось, что изъ членовъ общества, къ крайнему сожалѣнію, никто не пожелалъ принять болѣе близкое участіе въ его практической дѣятельности, въ результатѣ чего создалось положеніе, при которомъ все дѣло цѣликомъ лежало на попечителяхъ, т. е. всего на двухъ лицахъ, однимъ изъ которыхъ былъ Дмитрій Андреевичъ.

При его непосредственномъ участіи общество это росло и развивалось. Сначала, кромѣ убѣжища, оно содержало только сапожную мастерскую, а затѣмъ и переплетную. Общеніе Дмитрія Андреевича съ выпущенниками рукавишниковскаго пріюта и съ переданными обществу малолѣтними изъ мѣстъ заключенія привели его къ убѣжденію, что «уголовное исправленіе, т. е. исправленіе на ту сравнительно незначительную величину, при достиженіи которой человѣкъ можетъ воздерживаться отъ столкновеній съ уголовнымъ закономъ, при добромъ желаніи и нѣкоторыхъ усиліяхъ, направленныхъ на измѣненіе обыкновенно весьма неблагопріятныхъ условій прежней жизни, достигается сравнительно безъ слишкомъ большого труда» [1]).

Къ сожалѣнію, работа въ обществѣ не всегда шла гладко. Былъ моментъ, когда ему грозилъ даже распадъ; но и отъ этого печальнаго исхода спасъ его Дмитрій Андреевичъ.

---

[1]) Отчетъ того же Комитета съ Января 1889 г. по 1 Янв. 1890 г., стр. 11.

Въ 1889 г. пріютъ Рукавишникова остановился на мысли организовать помощь своимъ выпущенникамъ самостоятельно, независимо отъ общества пособія несовершеннолѣтнимъ. Вслѣдствіе этого, поступленіе выпущенниковъ въ учрежденія названнаго общества прекратилось, и они остались почти безъ питомцевъ, потому что однихъ подростковъ, освобождаемыхъ изъ тюремъ, было недостаточно Тогда общество, по иниціативѣ Дмитрія Андреевича, рѣшило распространить свою дѣятельность на новую категорію дѣтей и подростковъ: на такъ называемыхъ заброшенныхъ и безпризорныхъ дѣтей, изъ которыхъ собственно и формируются малолѣтніе преступники. Возражая въ отчетѣ общества на замѣчаніе о томъ, что соединеніе, съ одной стороны, заброшенныхъ, а съ другой—преступныхъ дѣтей не можетъ служить въ пользу первыхъ и понизитъ ихъ нравственный уровень, Дмитрій Андреевичъ писалъ:

«Дѣти улицы большого города—это маленькіе городскіе бродяги, по большей части никогда не знавшіе правильной жизни въ семьѣ и часто самостоятельно промышляющіе нищенствомъ, подчасъ и при удобномъ случаѣ мелкими кражами и ютящіеся вмѣстѣ съ городскими золоторотцами въ различныхъ Ляпинкахъ и трущобахъ Хитрова рынка, вблизи котораго они нерѣдко питаются съ лотковъ такъ называемой собачьей радостью (особое кашице-образное кушанье, приготовляемое изъ всевозможныхъ отбросовъ, собираемыхъ въ трактирахъ), шляются по грязнымъ трактирамъ-кабачкамъ и въ нихъ рано знакомятся со всею развращающей грязью существованія отребья обитателей большого города. Какова при этомъ бываетъ ихъ жизненная школа, понять нетрудно. Въ этихъ норахъ и трущобахъ они видятъ всякіе виды и успѣшно проходятъ науку порока, подчасъ и преступленія. Никакая послѣдующая процедура суда, какъ ни желательна ея отмѣна по отношенію къ малолѣтнимъ, и никакое малолѣтнее отдѣленіе тюрьмы не могутъ уже увеличить ихъ нравственную порчу и ихъ богатый

опытъ зла. Изъ такихъ дѣтей и подростковъ впослѣдствіи, когда имъ приходится столкнуться съ правосудіемъ, и выходятъ наиболѣе трудно-исправимые питомцы учрежденій для малолѣтнихъ, чрезвычайно наклонные къ рецидиву вслѣдствіе слабости ихъ воли и господства чувственныхъ влеченій» [1]).

Включеніе ихъ въ число лицъ, опекаемыхъ обществомъ, Дмитрій Андреевичъ считалъ, поэтому, вполнѣ правильнымъ и цѣлесообразнымъ. Общее собраніе Общества согласилось съ этимъ, уставъ былъ соотвѣтственно измѣненъ, и полезная работа учрежденій, благодаря иниціативѣ и настойчивости Дмитрія Андреевича, продолжалась, несмотря даже на то, что въ это время онъ отвлекался отъ нея прямыми служебными обязанностями.

Дѣло въ томъ, что почти одновременно съ вступленіемъ въ названное общество Дмитрій Андреевичъ, испытывая недостатокъ средствъ, вынужденъ былъ принять постоянную казенную службу. Небольшое имущество семьи Дриль служило, послѣ смерти отца Дмитрія Андреевича, источникомъ существованія его матери и сестры, а самъ онъ вынужденъ былъ жить исключительно на свой заработокъ. Несмотря на то, что передъ нимъ были открыты страницы лучшихъ московскихъ журналовъ и газетъ, даже постоянная работа въ нихъ оплачивалась въ то время недостаточно высоко, и жить исключительно на нее было почти невозможно.

При такихъ условіяхъ матеріальной необезпеченности Дмитрію Андреевичу было предложено занять въ Москвѣ же мѣсто податного инспектора.

Институтъ этотъ только что формировался въ то время. Въ постановкѣ, данной ему Н. Х. Бунге, на него возлагались серьезныя надежды, особенно въ смыслѣ приведенія въ соот-

---

[1]) Тотъ же отчетъ комитета съ 1 янв. 1890 по 1 янв. 1891 г., стр. 3—4.

вѣтствіе платежей, лежавшихъ на населеніи, съ его платежеспособностью и въ смыслѣ подготовки почвы и собранія матеріаловъ для введенія подоходнаго налога. Податнымъ инспекторамъ предоставлялось право наблюдать за законностью сборовъ и, такимъ образомъ, ограждать плательщиковъ отъ всякаго рода поборовъ.

Правда, дѣятельность податныхъ инспекторовъ была далека отъ ученой спеціальности Дмитрія Андреевича. Но съ тѣхъ поръ, какъ преподавательство въ университетѣ было закрыто для него, выбора ему почти не оставалось, и, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшился принять назначеніе въ составъ инспекціи. Несомнѣнно, такому рѣшенію способствовало и знакомство Дмитрія Андреевича съ характеромъ статистическихъ работъ, которыя онъ практически узналъ, принимая участіе въ изслѣдованіи московской губерніи и много бесѣдуя объ этомъ съ нынѣ покойнымъ творцомъ земской статистики, Орловымъ. Примѣненіе же въ дѣятельности податныхъ инспекторовъ статистическихъ методовъ предполагалось въ довольно широкихъ размѣрахъ. Надѣялся, конечно, Дмитрій Андреевичъ и на то, что, исполняя свои обязанности, онъ будетъ имѣть возможность стать на защиту недостаточнаго населенія, оберегая его отъ обычнаго податного разоренія. Наконецъ, самостоятельность, предоставляемая по закону инспекторамъ, и отсутствіе необходимости ежедневно «ходить» въ опредѣленные часы на службу открывали для усидчиваго и трудолюбиваго Дмитрія Андреевича возможность продолжать, хотя бы и съ нѣкоторымъ напряженіемъ, общественную дѣятельность и научную работу.

При такихъ условіяхъ служба не мѣшала ему и работать практически на пользу «малолѣтнихъ преступниковъ», и продолжать свои ученые и публицистическіе труды. Въ 1888 г. онъ имѣлъ возможность напечатать крупную работу по общей психологіи преступности, а въ 1890 г. издать книгу—«Психофизическіе типы», пользовавшуюся столь же большой

извѣстностью, какъ и книга о малолѣтнихъ преступникахъ. Всѣ эти изданія составляютъ теперь библіографическую рѣдкость.

Ученыя работы ставили его близко къ университету и невольно поддерживали мысль о томъ, что рано или поздно ему удастся устроиться въ немъ. Кажется, на второй годъ послѣ назначенія въ податные инспектора онъ былъ близокъ къ этому. Бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія Деляновъ согласился на пересмотръ дѣла Дмитрія Андреевича и поручилъ заняться этимъ Н. В. Муравьеву, все еще занимавшему тогда постъ прокурора московской судебной палаты и вмѣстѣ съ тѣмъ читавшему года два лекціи въ университетѣ. По просьбѣ близкаго друга Дмитрія Андреевича—профес. В. Д. Шервинскаго, Муравьевъ, назначенный предсѣдательствовать въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ московскаго университета, принялъ предложеніе Делянова и, подробно обслѣдовавъ дѣло, далъ самый благопріятный отзывъ о Дмитріи Андреевичѣ. Деляновъ, повидимому, призналъ этотъ отзывъ правильнымъ и готовъ былъ предоставить Дмитрію Андреевичу профессуру. Но враги его не дремали: они обратились къ К. П. Побѣдоносцеву, который относился отрицательно къ диссертаціи Дмитрія Андреевича, и назначеніе его снова не состоялось. Нужно оговориться, однако, что дѣйствительная роль К. П. Побѣдоносцева въ этомъ инцидентѣ осталась невыясненной. Н. В. Муравьевъ считалъ себя очень обиженнымъ такимъ исходомъ дѣла, но въ концѣ концовъ примирился съ нимъ.

IV.

Въ 1892 г. изъ среды податныхъ инспекторовъ былъ выдѣленъ институтъ старшихъ инспекторовъ для наблюденія за дѣятельностью остальныхъ и для ревизіи ихъ. Имъ было

присвоено названіе ревизоровъ по податной части при департаментѣ окладныхъ сборовъ. Въ первую очередь въ число ревизоровъ былъ назначенъ и Д. А. Дриль. Вслѣдствіе этого, съ осени указаннаго года онъ переселился въ Петербургъ.

Служебныя занятія его здѣсь выражались, съ одной стороны, въ командировкахъ для ревизіи инспекторовъ, а съ другой—въ работахъ въ разныхъ комиссіяхъ. Въ 1893 г. онъ обревизовалъ инспекцію Царства Польскаго и въ обширномъ докладѣ объ этомъ далъ не только характеристики инспекторовъ, но и глубокій критическій очеркъ податной системы въ Польшѣ. Къ сожалѣнію, очеркъ этотъ не послужилъ поводомъ къ измѣненію нашей финансовой политики тамъ,—что очень огорчало Дмитрія Андреевича, тѣмъ болѣе, что по существу съ нимъ никто не спорилъ, и всѣ признавали необходимость указанныхъ имъ измѣненій.

Не меньше непріятностей доставляли ему и нѣкоторыя комиссіи, въ которыхъ онъ принималъ участіе, въ качествѣ ревизора по податной части. Усилія его и нѣкоторыхъ другихъ ревизоровъ полностью ввести въ промысловое обложеніе принципъ подоходности не имѣли успѣха. Несмотря на подачу отдѣльныхъ мнѣній и особыхъ записокъ, восторжествовали начала обложенія торговли и промышленности по такъ называемымъ внѣшнимъ признакамъ (родъ товара, размѣръ помѣщенія и т. п.), и лишь въ видѣ корректива къ такому основному обложенію были пристегнуты весьма несовершенныя формы подоходныхъ налоговъ. Дмитрій Андреевичъ очень огорчался этимъ и тогда же рѣшилъ сдѣлать попытку перемѣнить службу.

Около этого времени для него опять блеснула надежда пристроиться въ университетѣ: ему было сдѣлано предложеніе занять кафедру экстраординарнаго профессора въ варшавскомъ университетѣ. Соблазнъ былъ великъ, осуществленіе мечты всей жизни стало возможнымъ. Но Дмитрій Андреевичъ,

узнавъ, что при этомъ отъ него требуется поддержка узконаціональной политики и не сочувствуя никакой политикѣ въ наукѣ, счелъ себя обязаннымъ рѣшительно отказаться отъ соблазнительнаго предложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ окончательные шаги и къ уходу изъ министерства финансовъ.

Пользуясь знакомствомъ съ министромъ юстиціи Н. В. Муравьевымъ, высоко цѣнившимъ Дмитрія Андреевича еще въ Москвѣ не только по университету, но и по работѣ въ обществѣ пособія несовершеннолѣтнимъ, онъ обратился къ нему и получилъ предложеніе занять при министрѣ мѣсто чиновника особыхъ порученій V класса. Здѣсь ему предстояло, несомнѣнно, болѣе близкое по спеціальности дѣло и, какъ онъ надѣялся, болѣе плодотворная дѣятельность. Принявъ предложенное ему мѣсто, онъ въ слѣдующемъ же, 1895, году былъ командированъ за границу на V международный пенитенціарный конгрессъ въ Парижъ и, по порученію министра, занялся изученіемъ вопроса о преобразованіи ссылки въ Сибирь.

Почти одновременно съ переходомъ въ министерство юстиціи Дмитрій Андреевичъ вошелъ въ составъ комиссіи статсъ-секретаря К. К. Грота по пересмотру законовъ объ общественномъ призрѣніи и здѣсь имѣлъ случай близко ознакомиться съ основными вопросами какъ общественной, такъ и частной помощи нуждающимся. Нѣсколько позже онъ принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи И. В. Мѣщанинова по выработкѣ мѣръ борьбы съ нищенствомъ.

Въ той и другой комиссіи Дмитрій Андреевичъ былъ дѣятельнымъ членомъ, глубоко интересовался возникавшими вопросами и вникалъ въ нихъ. Въ 1900 г. онъ принялъ участіе въ парижскомъ конгрессѣ общественнаго призрѣнія и частной благотворительности и далъ русскому обществу интересный отчетъ объ этомъ конгрессѣ вообще и въ особенности по разсматривавшимся на немъ вопросамъ о трудовой помощи

и о защитѣ дѣтства [1]). Онъ считалъ, что вопросы попеченія о нуждающихся близко соприкасаются съ его спеціальностью и потому удѣлялъ имъ не мало вниманія.

«Издавна занимаясь всестороннимъ изученіемъ явленій человѣческой преступности въ ихъ разнообразныхъ формахъ», писалъ онъ, «я всегда приводился къ убѣжденію краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ изучавшихся фактовъ въ существованіи тѣснѣйшей связи и полнѣйшей зависимости этихъ явленій, разсматриваемыхъ въ ходѣ ихъ поступательнаго развитія, отъ особенностей окружающей среды, отъ условій общественнаго устройства, или, вѣрнѣй—если говорить о данныхъ изучавшихся явленій—общественнаго неустройства.

«Въ явленіяхъ преступности особенности личности преступника—ея пороки и недостатки—неоспоримо, играютъ выдающуюся и рѣшающую роль. Но сами эти пороки и недостатки, при ближайшемъ ознакомленіи съ ними въ ихъ генезисѣ, обыкновенно оказываются продуктами все тѣхъ же условій окружающей среды и вліяній, отъ нихъ исходящихъ. Достаточно благопріятны наслѣдственность, воспитаніе и среда, въ которой жилъ, живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ,—благопріятны въ общественномъ отношеніи и черты его характера, обыкновенно подготовляющіяся и развивающіяся постепенно,—если принимать во вниманіе наслѣдственность, на пространствѣ существованія нѣсколькихъ родовыхъ поколѣній подъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ условій жизненной обстановки. Отрицательные же типы, напротивъ, вырабатываются вліяніемъ неблагопріятныхъ условій окружающей среды, подъ долго длящимся дѣйствіемъ которыхъ постепенно, шагъ за шагомъ, развиваются отрицательныя особенности характеровъ, со всѣми ихъ печальными послѣдствіями для общественной жизни, до самыхъ разнообразныхъ и жестокихъ преступленій включительно, въ которыхъ передъ нами выступаетъ уже

---

[1]) „Трудовая Помощь“ 1900 г., ноябрь—декабрь.

звѣрь-человѣкъ— продуктъ психофизическихъ процессовъ болѣе или менѣе болѣзненнаго характера.

«Вслѣдствіе столь тѣсной связи явленій двухъ порядковъ мнѣ всегда приходилось невольно сталкиваться, при изученіи человѣческой преступности, внутренней природы ея, а также и дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ нею, съ вопросами о мѣрахъ предупрежденія въ широкомъ смыслѣ этого слова, съ вопросами общественнаго призрѣнія, трудовой помощи и общественнаго устроенія вообще, до правильнаго воспитанія включительно. Безъ удовлетворительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ нѣтъ дѣйствительнаго общественнаго здоровья, нѣтъ и не можетъ быть правильнаго порядка и надлежащаго правильнаго благосостоянія...» [1]).

Всегда не упуская, поэтому, изъ вида вопросовъ общественнаго призрѣнія вообще, а призрѣнія дѣтей и трудовой помощи въ особенности, Дмитрій Андреевичъ повременамъ, что называется, вплотную брался за ихъ разработку и оставилъ послѣ себя нѣсколько очень интересныхъ въ области этихъ вопросовъ статей. Кромѣ цитированной статьи, слѣдуетъ указать еще на слѣдующія: «Попытки оздоровленія общества и спасенія погибающихъ» [2]), «Мѣры къ оздоровленію общества» [3]), «Бродяжество и нищенство и мѣры борьбы съ ними" [4]), и др.

Глубокое и широкое пониманіе имъ задачъ общественной и частной помощи нуждающимся ярко выражено во всѣхъ этихъ его статьяхъ. Заканчивая, напр., послѣднюю вопросомъ о томъ, что же дѣлать съ бродяжествомъ и нищенствомъ, Дмитрій Андреевичъ отвѣчаетъ, что тутъ нужны двоякія мѣры.

«Во-первыхъ, мѣры призрѣнія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, для нуждающихся въ немъ и устройство для каждаго

[1]) Тамъ же, гл. 1.

[2]) „Трудовая Помощь", 1899 г., апрѣль, май.

[3]) Тотъ же журналъ за 1901 г., мартъ, апрѣль, май.

[4]) Тотъ же журналъ за 1898 г., сентябрь.

ихъ разряда учрежденій, соотвѣтствующихъ его особенностямъ. Во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, — широкія мѣры государственно-общественнаго предупрежденія, направленныя къ тому, чтобы по возможности не нарождалась и не множилась... захудалая и оскудѣлая порода людей... мѣры въ духѣ заботливости объ экономически слабѣйшей части населенія и нравственнаго ученія христіанства, какъ выразился въ своемъ извѣстномъ указѣ теперешній императоръ Германіи, въ духѣ повышенія общаго благосостоянія этой части населенія, а тѣмъ самымъ и въ направленіи поднятія и расширенія внутренняго рынка. Было бы слишкомъ долго перечислять конкретно всѣ эти мѣры. Укажу хотя бы только на нѣкоторыя. Уничтоженіе разряда заброшенныхъ, ничьихъ дѣтей устройствомъ хорошо организованныхъ воспитательныхъ заведеній для нихъ; общедоступное и хорошо поставленное общее и профессіональное обученіе; уничтоженіе норъ и берлогъ и устройство здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ; правильная организація (безъ излишнихъ посредниковъ) снабженія доброкачественными и сравнительно дешевыми продуктами, служащими для удовлетворенія жизненныхъ потребностей...; способствованіе распространенію и накопленію въ массахъ техническихъ свѣдѣній, умѣній и навыковъ, и для этого устройство общедоступныхъ профессіональныхъ классовъ, чтеній, демонстрацій, музеевъ-выставокъ и проч.; различныя формы способствованія пріобрѣтенію и примѣненію орудій труда; поддержка кустарныхъ производствъ, способствованіе возникновенію артельныхъ и кооперативныхъ предпріятій, охраняющихъ экономическую самостоятельность; организація непосредственнаго сбыта; надлежащая организація посредничества для сведенія работодателей и рабочихъ; распространеніе въ массахъ гигіеническихъ свѣдѣній... и энергичная и цѣлесообразная борьба съ алкоголизмомъ и другими подобными злоупотребленіями; устройство здоровыхъ народныхъ развлеченій и удовольствій; изученіе причинъ нищеты (попечительства) и

оказаніе помощи не тогда, когда человѣкъ уже опустился, а главнымъ образомъ тогда, когда начинаютъ замѣчаться первые признаки его шатанія; постепенно увеличивающееся урегулированіе, при посредствѣ закона и тщательнаго наблюденія за его исполненіемъ, отношеній между рабочими, особенно ремесленными, и предпринимателями и пр. и пр.» [1]).

Въ послѣдовательномъ проведеніи этого перечня мѣръ, многимъ изъ которыхъ Дмитрій Андреевичъ посвятилъ спеціальныя работы, онъ видѣлъ залогъ такого положенія страны, при которомъ «будутъ нарождаться здоровыя поколѣнія, а силы народа будутъ расти и множиться».

Широко понималъ Дмитрій Андреевичъ и вопросы трудовой помощи, относя къ ней, во-первыхъ, «вопросъ о многообразной, дѣятельной и дѣйствительной трудовой помощи безработнымъ», а во-вторыхъ, тѣсно связанный съ первымъ «вопросъ о спасеніи мелкой промышленности отъ грозящей ей гибели разнообразными мѣрами, направленными къ ея поддержанію и развитію, какъ напр., выгодною закупкою сырыхъ матеріаловъ, машинъ и инструментовъ, выгодной организаціей сбыта, организаціей дешеваго кредита, содѣйствіемъ учрежденію кооперацій, содѣйствіемъ профессіональному обученію и проч.». Сочувствуя такой именно постановкѣ трудовой помощи, Дмитрій Андреевичъ съ сожалѣніемъ говоритъ о работахъ помянутаго парижскаго конгресса, на которомъ «самое понятіе трудовой помощи было сведено... къ тѣмъ узкимъ предѣламъ, при которыхъ эта послѣдняя становится наименѣе плодотворной, а слѣдовательно, наименѣе экономичной и выгодной [2]).

Особенно интересовали Дмитрія Андреевичъ вопросы дѣтскаго призрѣнія и защиты дѣтства. Да и понятно, такъ какъ, по его словамъ, «дѣти—это будущее общества. Въ нихъ, какъ въ зародышѣ, его грядущія судьбы, его сила и безсиліе. По-

---

[1]) См. брошюру Д. А. Дриль, „Бродяжество и нищенство и мѣры борьбы съ ними“.

[2]) „Трудовая помощь“ 1900 г., ноябрь—декабрь, гл. II, III.

этому, работая надъ дѣтьми, надъ правильнымъ уходомъ за ними и надъ ихъ воспитаніемъ, мы работаемъ надъ нашимъ собственнымъ будущимъ. И въ немъ, по непреложному закону причинности, мы найдемъ или награду за свой трудъ, или естественную расплату за наши небрежности и нерадѣніе». «Дѣтство», по справедливому и образно-мѣткому выраженію Fletcher'a, приводимому Дмитріемъ Андреевичемъ, «это ключъ къ разрѣшенію общественнаго порядка и гармоніи» [1]).

При такихъ взглядахъ на дѣтство, онъ съ особой чуткостью относится къ явленіямъ вырожденія у дѣтей и ухудшенія породы, развивающихся «подъ вліяніемъ неблагопріятной жизненной обстановки, при недостаточности условій здороваго существованія». Они поражаютъ дѣтей «и, путемъ наслѣдственной передачи, награждая отъ рожденія неблагопріятными для жизни и развитія особенностями психо-физической конституціи, поражаютъ и благопріобрѣтенное, черезъ посредство вліянія болѣзнетворныхъ условій жизненной обстановки, которыя встрѣчаютъ ихъ, нестойкихъ дѣтей, съ самаго ранняго возраста или въ родительской конурѣ, или на просторѣ широкой улицы. Только учрежденія общественнаго упорядоченія, учрежденія дѣйствительной трудовой помощи и правильный уходъ-воспитаніе подростающихъ поколѣній народныхъ массъ, устраняя болѣзнетворныя вліянія, могутъ успѣшно бороться съ явленіями вырожденія физическаго и нравственнаго, грозящими благополучію и будущимъ судьбамъ обществъ и народовъ».

Давая въ цитируемой статьѣ обстоятельный очеркъ работъ парижскаго конгресса общественнаго призрѣнія по вопросамъ защиты дѣтства и ухода-воспитанія, Дмитрій Андреевичъ возвращается къ этимъ послѣднимъ въ большинствѣ своихъ печатныхъ работъ. Основы воспитанія и формы приложенія ихъ на практикѣ, особенно по отношенію къ дѣтямъ

---

[1]) Тамъ же, гл. IX.

улицы, «ничьимъ дѣтямъ» и такъ называемымъ преступнымъ составляютъ, какъ уже было сказано, если не самый центральный пунктъ его изслѣдованій, размышленій и практической дѣятельности, то во всякомъ случаѣ одинъ изъ таковыхъ,—пунктъ, всегда живо интересовавшій, даже волновавшій его.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ этой сторонѣ научныхъ работъ и дѣятельности Дмитрія Андреевича, необходимо обратиться къ началу его дѣятельности по министерству юстиціи и тому періоду, когда онъ былъ командированъ въ Новую Каледонію и на Сахалинъ для изученія ссылки. Поѣздка эта имѣла большое значеніе въ жизни Дмитрія Андреевича и о ней необходимо сказать нѣсколько подробнѣе.

V.

Поѣздка Д. А. Дриля въ Новую Каледонію, а также на Сахалинъ и въ Сибирь, въ цѣляхъ ознакомленія на мѣстахъ съ организаціей ссылки и каторжныхъ тюремъ, состоялась въ 1896 г., по порученію бывшаго министра юстиціи Н. В. Муравьева. Съ этой поѣздкой связано было много надеждъ и предположеній. Дмитрій Андреевичъ питалъ увѣренность, что съ переходомъ тюремнаго управленія изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе министерства юстиціи тюрьма будетъ преобразована самымъ радикальнымъ образомъ, а ссылка почти совсѣмъ отойдетъ въ область преданій. Повидимому, и Н. В. Муравьевъ тоже надѣялся на серьезныя преобразованія, хотя, разумѣется, не въ такой мѣрѣ, какъ Дмитрій Андреевичъ. Этому послѣднему ставилась широкая задача по собиранію и разработкѣ матеріаловъ для такихъ преобразованій, причемъ Н. В. Муравьевъ въ бесѣдахъ съ Дмитріемъ Андреевичемъ по этому поводу далъ понять, что дѣло предстоящей реформы и новая постановка тюремнаго вѣдомства будетъ въ его, Дмитрія Андреевича, рукахъ. При такихъ широкихъ перспекти-

вахъ онъ уѣхалъ, воодушевленный и научнымъ интересомъ къ поставленной ему задачѣ, и надеждой выполнить новое дѣло въ соотвѣтствіи съ требованіями науки и гуманности.

Побывавъ предварительно въ Парижѣ, Дмитрій Андреевичъ отправился оттуда изучить французскую ссылку и каторгу—въ Новую Каледонію. Здѣсь ожидала его поучительная картина того..., чего не слѣдуетъ дѣлать.

Прежде всего оказалось, что заложенная во французскіе законы мысль «объ исправленіи заключенныхъ», сильно интересовавшая Дмитрія Андреевича, такъ и остается, по его наблюденію, лишь „мыслью закона и декретовъ и на практикѣ не получаетъ сколько-нибудь достаточнаго осуществленія». Если мѣстныя власти въ этомъ отношеніи «и полагаются на что-нибудь, то исключительно на самодѣятельность самихъ заключенныхъ, поставленныхъ при этомъ въ весьма неблагопріятныя условія... Со стороны же тюремной администраціи ничего положительнаго» въ этомъ направленіи «не принимается». Губернаторъ Нов. Каледоніи M. Feillet прямо заявилъ Дмитрію Андреевичу, «что для исправленія преступниковъ у нихъ ничего не дѣлается и что служащіе въ тюрьмахъ не только незнакомы съ прошлымъ заключенныхъ, но и по большей части не знаютъ, за что кто изъ нихъ осужденъ». Начальникъ пенитенціарія въ Bourail къ этому добавилъ, «что отъ надзирателей нельзя ничего и требовать» въ указанномъ смыслѣ, «а другихъ лицъ для этого въ распоряженіи тюремной администраціи не имѣется».

Оказывается, что «при пенитенціаріяхъ нѣтъ ни школъ, ни библіотекъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что заключенные... при такихъ условіяхъ не только нисколько не исправляются въ нездоровой атмосферѣ каторжныхъ тюремъ, а, напротивъ, по истеченіи нѣкотораго времени пребыванія въ нихъ, въ корень портятся и становятся никуда негодными». Къ такому именно опредѣленному заключенію пришелъ

мѣстный губернаторъ, въ справедливости мнѣнія котораго убѣдился и Дмитрій Андреевичъ [1]).

Такое же неблагопріятное впечатлѣніе, какъ отъ населенія тюремъ, осталось у Дмитрія Андреевича и отъ населенія ссыльныхъ. Въ ихъ колоніяхъ значительно развито воровство и пьянство. Огромное большинство ихъ—«это дряблыя натуры, лишенныя предпріимчивости и неспособныя что-нибудь создать. Если они и имѣли что, то растеряли по тюрьмамъ. Алкоголизмъ между ними очень развитъ, а также и половой развратъ. Освобожденный (изъ тюрьмы и перешедшій въ разрядъ ссыльныхъ) всегда ищетъ женщину, которая бы содержала его доходами отъ торговли своимъ тѣломъ. И бываетъ, что одна женщина содержитъ трехъ такихъ тунеядцевъ». Качествъ, необходимыхъ для колонизаціи, они не обнаруживаютъ ни здѣсь, ни въ Гвіанѣ. Поэтому и мѣстные жители высказываются противъ ссылки и желаютъ ея уничтоженія [2]).

На основаніи такихъ данныхъ, собранныхъ Дмитріемъ Андреевичемъ въ эту поѣздку, онъ имѣлъ достаточно основаній придти къ убѣжденію, что «французская ссылка въ Новую Каледонію не удалась до сихъ поръ и не дала тѣхъ результатовъ, на которые разсчитывали при ея учрежденіи». Также не удалась ссылка и въ Гвіану. Конечно, съ внѣшней стороны она упорядочена. Но достигается это «почти исключительно путемъ примѣненія крайне суровыхъ мѣръ укрощенія и стѣсненія, а не тѣмъ исправленіемъ ссыльныхъ, на которое разсчитывали при введеніи ссылки и которое необходимо для сколько-нибудь правильной и прочной колонизаціи» [3]).

Въ отечествѣ Дмитрій Андреевичъ, знакомый съ литературой предмета, конечно, и не ожидалъ встрѣтить въ области тюрьмы, ссылки и каторги что-нибудь утѣшительное, но тѣмъ

---

[1]) Дмитрій Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. Спб., 1899 г., стр. 24 и 25.
[2]) Тамъ же, стр. 44, 45—46, 47 и 57.
[3]) Тамъ же, стр. 58—60.

не менѣе, какъ онъ самъ признавался, печальная дѣйствительность превзошла ожидаемое.

Свое ознакомленіе здѣсь онъ началъ «съ острова Сахалина, который представляетъ особый интересъ, какъ послѣднее слово нашей ссылки». Эта послѣдняя основана тамъ на широкой, дорого стоющей казнѣ, системѣ всесторонней помощи выходящимъ на поселеніе ссыльнымъ. Поэтому, будучи на Сахалинѣ, Дмитрій Андреевичъ обратилъ особое вниманіе на поселенія ссыльныхъ и долженъ былъ признать полную неудачу этихъ поселеній. Оказалось, что только $^1/_{10}$ часть всѣхъ переселенческихъ хозяйствъ острова имѣетъ какое-нибудь хозяйственное значеніе. «Половина остальныхъ $^9/_{10}$ колонистовъ ведетъ хозяйство «для проформы», для полученія права на переходъ въ крестьянство, а другая половина вовсе не ведетъ его и представляется бродячей» [1]). Живутъ всѣ поселенцы, почти безъ исключенія, «впроголодь», поэтому всѣ они «собираются на выѣздъ», чтобы «хотя умереть на материкѣ».

Въ совершенно ужасномъ состояніи нашелъ Дмитрій Андреевичъ положеніе на Сахалинѣ женщинъ. Онѣ каторжныхъ работъ не несутъ, а распредѣляются по поселенцамъ, сожительствуютъ съ ними «для совмѣстнаго домообзаводства» и даютъ основаніе нелегальнымъ семьямъ, при существованіи на родинѣ нерасторгнутыхъ браковъ и дѣтей у той и другой стороны. «Нетрудно предвидѣть», восклицаетъ Дмитрій Андреевичъ по этому поводу, «какое потомство въ большинствѣ случаевъ должно происходить отъ такихъ сожительствъ!».

Далѣе, оказывается, что и по общему отзыву «состояніе нравственности на Сахалинѣ поистинѣ ужасное». Сами поселенцы говорятъ, что «бабы здѣсь потерянныя». Но и «поселенцы» хороши. Многіе изъ нихъ «выпрашиваютъ женщинъ преимущественно съ цѣлью пользоваться доходами отъ ихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 65.

проституціи. Они вынуждаютъ сожительницъ ходить на заработокъ и проституироваться». Нѣкоторые посылаютъ на это изъ-за нѣсколькихъ копеекъ «не только сожительницъ, но и женъ и дѣвочекъ-дочерей».

Тяжело удручала Дмитрія Андреевича судьба сахалинскихъ дѣтей. «Невидавшему и близко незнающему сахалинской жизни трудно и представить себѣ, что видитъ, слышитъ и съ чѣмъ отъ колыбели свыкается» здѣсь ребенокъ «и изъ какихъ зараженныхъ матеріаловъ постепенно слагается его жизнь. Если придумывать духовную отраву, то худшей и болѣе сильной придумать нельзя» [1]).

Не останавливаясь на описаніяхъ Дмитріемъ Андреевичемъ Нерчинской каторги, Александровской каторжной тюрьмы и прочихъ мѣстъ, посѣщенныхъ имъ въ эту командировку, нельзя не отмѣтить, въ заключеніе, нѣкоторыхъ его выводовъ.

Онъ, конечно, пришелъ къ убѣжденію, что «безразличная, заурядная ссылка на поселеніе всѣхъ отбывшихъ каторжныя работы и существованіе спеціальныхъ наказаній ссылкою на поселеніе и на житье за извѣстные роды преступленій, причемъ не принимаются во вниманіе различія» ни въ возрастѣ, ни въ здоровьи, ни въ навыкахъ и пр., «дѣлаетъ невозможнымъ успѣхъ ссылки, какъ прибавочнаго къ каторгѣ и какъ самостоятельнаго наказанія». Не можетъ дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ «и система зауряднаго, безразличнаго, массоваго приселенія ссыльныхъ къ деревнямъ старожиловъ на отдаленныхъ окраинахъ». При системѣ ссылки, ядъ не разжижается, какъ бы слѣдовало, а, напротивъ, искусственно концентрируется и заражаетъ несчастную страну, избранную мѣстомъ для нея. «Ссылка во всякомъ случаѣ и по меньшей мѣрѣ вполнѣ отжила свой вѣкъ и въ государственныхъ интересахъ требуетъ отмѣны. Предпринимающіяся частныя поправки и улучшенія не могутъ уничтожить несоотвѣтствія

---

[1]) Тамъ же, стр. 91 – 93, 95—96.

и устранить основныхъ пороковъ учрежденія». Къ ссылкѣ примѣнимъ, по мнѣнію Дмитрія Андреевича, высказывавшійся и раньше взглядъ, по которому «строй и система нашихъ наказаній служатъ къ развитію важныхъ уголовныхъ преступленій и понижаютъ гражданскую нравственность или, говоря иначе..., фабрикуютъ преступниковъ за счетъ тѣхъ казенныхъ и общественныхъ суммъ, которыя не въ маломъ числѣ затрачиваются на ссылку» [1]).

Мы не исчерпали и малой доли тѣхъ фактовъ, съ которыми познакомился Дмитрій Андреевичъ въ эту интересную поѣздку, и тѣхъ мыслей и выводовъ по поводу ихъ, которыми онъ подѣлился съ читающей публикой. Но были факты и мысли, которые онъ, какъ чиновникъ, обязанъ былъ представить только своему начальству. Онъ сдѣлалъ это, ничего не скрывая и рискуя своей служебной карьерой. Смѣлость его обличительныхъ сообщеній, повидимому, не осталась безъ послѣдствій... Онъ былъ признанъ теоретикомъ, а данныя ему обѣщанія относительно новаго служебнаго положенія остались безъ исполненія. Представленными имъ матеріалами все-таки воспользовались до нѣкоторой степени и къ переустройству тюремной части приступили, но, конечно, далеко не сполна и не спѣша.

VI.

Высокое назначеніе Дмитрія Андреевича, какъ это ожидалось послѣ возвращенія его изъ командировки, не состоялось. Но нѣтъ худа безъ добра: устраняя его отъ крупныхъ дѣлъ и пристраивая къ малымъ, его откомандировали въ главное тюремное управленіе съ порученіемъ завѣдывать дѣлами воспитательно-исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ. У этого дѣла, которое онъ искренно любилъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 168, 169, 170, 171 и 172.

онъ оставался всѣ послѣднія 13 лѣтъ своей жизни и дѣйствительно сдѣлалъ для постановки его очень много.

Занимаясь имъ, онъ имѣлъ возможность развить и свои педагогическія воззрѣнія, которыя, какъ уже было сказано, лежали въ центрѣ его міросозерцанія.

Признавая доминирующее значеніе «чувственныхъ влеченій» и «внутреннихъ состояній», о которыхъ было уже упомянуто выше, Дмитрій Андреевичъ находилъ, что «всѣ психологическія явленія, на которыя педагогу приходится оказывать воздѣйствіе, всегда имѣютъ... свою физіологическую подкладку или базу». Изслѣдованія этой базы приводятъ «къ сравнительно незначительному числу простѣйшихъ основныхъ явленій». Эти послѣднія, такимъ образомъ, входятъ и въ «область сложныхъ психическихъ явленій», «образующихся подъ вліяніемъ воздѣйствій различныхъ внѣшнихъ условій».

Самыя тщательныя наблюденія надъ новорожденнымъ ребенкомъ «не укажутъ намъ ни на что болѣе, какъ только на различные физіологическіе процессы съ сопровождающими ихъ специфическими чувствованіями, различными по различнымъ системамъ органовъ... Одни изъ этихъ чувствованій являются обычными сопутствующими процессовъ, совершающихся исключительно внутри самого организма. Вслѣдствіе единовременной множественности этихъ чувствованій, идущихъ отъ всѣхъ частей тѣла, они, за исключеніемъ болѣе сильныхъ и потому обособляющихся въ сознаніи, раздѣльно не улавливаются послѣднимъ, а сливаются, наподобіе звуковъ, идущихъ отъ инструментовъ многочисленнаго оркестра, въ одинъ общій сложный тонъ, въ одно общее, очень сложное чувствованіе своего въ различное время различно ощущаемаго существованія или, иначе, въ одно сложное и постоянно болѣе или менѣе колеблющееся и измѣняющееся въ своей окраскѣ по различнымъ личностямъ и ихъ временнымъ состояніямъ самочувствіе. Послѣднее и лежитъ въ основаніи того, что называютъ настроеніемъ духа, его колебаніями и измѣненіями—

отъ восторженнаго радостнаго и пріятнаго настроенія до подавленнаго, мрачнаго и почти болевого съ ихъ различными специфическими оттѣнками. Другія чувствованія являются обычными сопутствующими получаемыхъ нами внѣшнихъ воздѣйствій, воспринимаемыхъ при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Это — впечатлѣнія осязательныя, свѣтовыя, звуковыя и проч. Такимъ образомъ, хотя проявленій умственной жизни у ребенка такого возраста и не наблюдается, тѣмъ не менѣе у него въ наличности всѣ элементы будущей сложной психической работы. Элементы эти: 1) съ одной стороны, специфическія системныя чувствованія, идущія отъ различно-развитыхъ у различныхъ индивидовъ отдѣльныхъ системъ органовъ (дыхательной, пищеварительной и пр.), чувствованія, сливающіяся, какъ уже замѣчено, въ одно общее самочувствіе, образующее своими особенностями первичный основной фонъ психической личности; 2) съ другой стороны, чувствуемыя воспріятія внѣшнихъ воздѣйствій, которыми впослѣдствіи на основномъ фонѣ и будутъ разрисовываться различные, болѣе или менѣе богатые, въ зависимости отъ богатства и яркости чувствованій, узоры умственной жизни... Таковы элементы, на тщательномъ изученіи которыхъ и ихъ вліяніи должны основываться теорія личности и теорія ея измѣненій путемъ воспитательныхъ воздѣйствій, иначе говоря, теорія воспитанія, какъ предмета научнаго изученія» [1]).

При болѣе или менѣе одинаковой важности тѣхъ и другихъ элементовъ, значеніе первоначальныхъ и основныхъ получаютъ первые. Органическія чувствованія, опредѣляя настроеніе или самочувствіе человѣка, не только порождаютъ соотвѣтствующіе влеченія и порывы, но и побуждаютъ искать опредѣленныхъ представленій, подсказываютъ опредѣленныя мысли, а затѣмъ и дѣйствія. Они даютъ направленіе нашимъ

---

[1]) „Вопросы правильной постановки воспитанія“, ст. Д. А. Дриль въ журналѣ „Трудовая Помощь“, 1904 г.

мыслямъ, нашимъ взглядамъ и отношеніямъ къ окружающимъ насъ явленіямъ. На ихъ основѣ складывается и нравственная личность отдѣльныхъ людей. Въ основѣ характера человѣка лежатъ, слѣдовательно, по мнѣнію Дмитрія Андреевича, особенности инстинктивной природы. Еще «въ тотъ періодъ, когда у ребенка почти не наблюдается проблесковъ интеллектуальной жизни, особенности инстинктивной природы, напротивъ, уже довольно ясно намѣчаются въ немъ, и съ этой стороны каждый ребенокъ представляетъ свой опредѣленный, особый обликъ. Одинъ подвиженъ, веселъ и живъ, другой, напротивъ, медлителенъ и вялъ, одинъ ласковъ, даже какъ бы благожелателенъ, тогда какъ другой сравнительно сухъ и черствъ; одинъ золъ..., другой мягокъ и добръ и проч.».

Такимъ образомъ, нѣкоторые задатки будущей нравственной личности ребенка намѣчаются уже въ первый періодъ его жизни. Впослѣдствіи на этой первичной основѣ появляются зародыши интеллектуальныхъ явленій, которыя, очевидно, носятъ уже на себѣ печать особенностей инстинктивной природы. Зависимость отъ нея интеллектуальныхъ явленій наблюдается на каждомъ шагу.

Но значеніе интеллектуальныхъ факторовъ, воспріятій внѣшняго міра тоже очень велико. Благодаря имъ, природа инстинктивная (т. е. органическіе факторы) даетъ лишь склонности и предрасположенія, но вполнѣ все-таки не опредѣляетъ человѣка. «Было бы величайшимъ заблужденіемъ», говоритъ Дмитрій Андреевичъ, «представлять себѣ человѣка игрушкой его чувственныхъ тонацій каждаго даннаго времени». Вліяніе чувственныхъ тонацій не безгранично. Имъ могутъ быть противопоставлены «комбинированныя внѣшнія вліянія», такъ сказать, подставляемыя человѣку въ воспитательныхъ цѣляхъ. Кромѣ того, онъ можетъ и самъ, подъ вліяніемъ предвидѣнія будущаго, ставить себя «въ тѣ или иныя положенія и тѣмъ самымъ подвергать себя тѣмъ или

инымъ воздѣйствіямъ, которыя съ большею или меньшею силою будутъ вліять на тѣ или иные его органы и будутъ вызывать въ нихъ тѣ или иныя, болѣе или менѣе важныя измѣненія. Самовоспитаніе, такимъ образомъ, можетъ получить большое значеніе въ борьбѣ съ неблагопріятными органическими чувствованіями. Но самое важное значеніе въ воспитательныхъ воздѣйствіяхъ, обнимающихъ также правильную гигіену всего организма и отдѣльныхъ органовъ его должны получить общія условія окружающей человѣка обстановки и жизни».

Такимъ образомъ, по ученію Дмитрія Андреевича, воспитаніе должно обнимать и психо-физіологическую и общественную стороны, т. е. быть вполнѣ гармоничнымъ.

Съ этой точки зрѣнія, онъ былъ противникомъ наблюдаемаго теперь чрезмѣрнаго и даже исключительнаго увлеченія развитіемъ умственныхъ силъ и способностей, признавая, что оно отодвигаетъ на задній планъ инстинктивныя особенности человѣка, служащія главнымъ основаніемъ «для сохраненія и дальнѣйшаго развитія породы». Культура чувствованій должна быть поставлена на первый планъ, такъ какъ именно ею создается хорошее, пріятное самочувствіе, ощущеніе силы и здоровья, какъ проявленія правильной и гармонической дѣятельности всѣхъ внутреннихъ системъ нашего тѣла. Культурой же чувствованій необходимо добиться, чтобы въ воспитываемомъ постоянно звучали струны состраданія, благожелательности и альтруизма, чтобы нравственныя чувствованія, закрѣпляясь и унаслѣдуясь, становились такими же инстинктивными влеченіями, какъ теперь стали инстинктивными, «благодаря расширяющемуся вліянію вырожденія, чувство эгоизма и влеченія къ удовлетворенію грубо-животныхъ потребностей».

Такое воспитаніе нужно начинать съ проведенія имѣющаго глубокій смыслъ афоризма—mens sana in corpore sano. «Пока эта истина не привьется обществу», писалъ Дмитрій Андреевичъ, «пока она не сдѣлается въ немъ вполнѣ осмы-

сленнымъ и дѣятельнымъ понятіемъ, регулирующимъ отношенія повседневной жизни, до тѣхъ поръ нельзя и надѣяться на оскудѣніе источниковъ преступности и на уничтоженіе начальныхъ зачатковъ послѣдней».

Но, выдвигая первенствующую необходимость физическаго воспитанія, прежде всего нужнаго для культуры органическихъ или, какъ называлъ ихъ Дмитрій Андреевичъ, системныхъ чувствованій (т. е. идущихъ отъ системныхъ органовъ и въ большинствѣ случаевъ раздѣльно не улавливаемыхъ сознаніемъ), онъ признавалъ весьма важнымъ и значеніе умственнаго міра, міра представленій, мыслей, идей во всей экономіи душевной жизни, и лишь предостерегалъ отъ чрезмѣрнаго, въ ущербъ другимъ сторонамъ, увлеченія имъ въ воспитаніи. Онъ опредѣленно устанавливалъ, что, «образовавшіяся и ассоціировавшіяся представленія, мысли, идеи, особенно ставши привычными, получаютъ чрезвычайно важное значеніе въ душевной жизни человѣческой личности. Явленія внушенія и внушаемости одно изъ доказательствъ тому» [1]). Конечно, вопросъ, о томъ, какъ далеко можетъ пойти впередъ прогрессирующее развитіе вліянія интеллектуальности въ экономіи душевной жизни — еще не вполнѣ выясненъ, но сравнительно судить объ этомъ уже можно теперь.

Достаточно припомнить, напр., вдохновенный подъемъ широкаго гуманизма, могучій полетъ научной и философской мысли въ концѣ XVIII столѣтія и вызванныя имъ теченія. Тому времени, говоритъ Дмитрій Андреевичъ, «недоставало точныхъ знаній, недоставало точныхъ методовъ изслѣдованія, недоставало и развитія техники», а потому и самое движеніе не привело къ тому, что было нужно. Но съ той поры прошло уже много времени, и ростъ общества подготовилъ многое. Далеко подвинулся впередъ научный анализъ во всѣхъ обла-

---

[1]) См. ст. Д. А. Дриль, „Царствіе Божіе внутри насъ“ (психолого-соціологическій этюдъ), стр. 5.

стяхъ знанія, усовершенствовались методы изслѣдованія, вооруженный знаніями умъ человѣка заглянулъ во многіе тайники природы и могущественно развилась техника, дающая практическія возможности для широкоразлитыхъ усовершенствованій и вдохновенныхъ подъемовъ и интеллектуально-моральныхъ движеній».

Но для этого недостаетъ еще широкаго распространенія въ достаточно обширныхъ слояхъ общества идеаловъ, существованіе которыхъ нужно для подъема духа и творчества. Нужна, значитъ, демократизація знаній, широкое распространеніе ихъ въ народныхъ массахъ и притомъ въ интересахъ этихъ массъ. При этомъ условіи и «въ нашъ грѣшный міръ внесется высшая разумность, которая не пытается бороться съ законами природы человѣка, а, напротивъ, умѣло пользуется ими и наперед предвидитъ ихъ непреложное дѣйствіе. Тогда, быть можетъ, кое-что изъ того, что теперь признается утопіями только потому, что встрѣчаетъ на пути множественность противоположныхъ настроеній, получитъ возможность практическаго осуществленія, которое предполагаетъ развитіе благожелательности къ нашимъ ближнимъ, готовность служить имъ, работать для нихъ и находить нравственное удовлетвореніе въ созерцаніи нарощенія общаго благополучія. Для всего этого—побольше умственнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнаго свѣта!» [1]).

Умственное развитіе и образованіе, служа высшей культурѣ системныхъ чувствъ, не представлялось Дмитрію Андреевичу внѣ или даже независимо отъ нравственнаго развитія и воспитанія.

Въ области послѣдняго онъ съ особой силой выдвигаетъ любовь. «Это чувство», пишетъ онъ, «я называю родовымъ, потому что на немъ зиждется не только продолженіе рода, но и объединеніе людей въ родѣ, который въ ходѣ исторіи

---

[1]) Тамъ же, стр. 15 и 16.

постепенно разрастается въ племя, народность и человѣческое общество вообще. Многообразныя измѣненія этого чувства лежатъ, повидимому, въ психо-физической основѣ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ проявленій души человѣка, а его извращенія, напротивъ, — въ основѣ самыхъ ужасныхъ и отталкивающихъ» [1]).

«Лежащее въ основѣ любви, въ ея различныхъ проявленіяхъ, системное родовое чувство представляется однимъ изъ сильнѣйшихъ и властныхъ чувствъ. Проф. Beaunis справедливо называетъ періодъ его пробужденія *какъ бы вторичнымъ рожденіемъ*».

Въ то время, какъ другія системныя чувства сосредоточиваются на самомъ индивидѣ и «какъ бы ограничиваются имъ», родовое чувство во всемъ животномъ царствѣ отличается усиленнымъ, часто непреоборимымъ, идущимъ до пожертвованія собой, влеченіемъ въ сторону ему подобныхъ. «Во время своего подъема оно болѣе или менѣе преображаетъ испытывающее его существо..., даже ощущенія боли иногда отпадаютъ, а съ ними вмѣстѣ отпадаютъ инстинктъ самосохраненія и представленія о личной опасности; наступаетъ то, что можно охарактеризовать только словомъ *самозабвеніе*. Въ такіе болѣе исключительные періоды могучее системное родовое чувство порождаетъ состояніе величайшаго наслажденія, восторговъ и восхищеній».

«Особенно ярко», по словамъ Дмитрія Андреевича, «обнаруживаются вліяніе и значеніе родового чувства въ экономіи душевной жизни въ эпоху его пробужденія, въ эпоху «какъ бы вторичнаго рожденія человѣка». Въ это время въ самочувствіе подростка начинаютъ врываться широкой волной вновь зазвучавшіе, прежде невѣдомые, но въ ихъ существѣ пріятные и сладкіе тоны. И вотъ, подъ вліяніемъ новаго психическаго фактора, все существо юнца или юницы рѣзко измѣняется,

---

[1]) Тамъ же, стр. 9.

какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны... Съ этой поры постепенно начинается какъ бы новая жизнь».

«Чувствованія становятся тоньше и глубже. Появляются незнакомыя прежде волненія, порывы и исканія чего-то невѣдомаго... Въ юной и чистой душѣ развивается стремленіе къ общему, таинственному, непостижимому... Зарождаются новыя, невѣдомыя влеченія, первоначально туманныя, неясныя, оттѣняемыя общимъ характеромъ влеченія къ идеалу, добру и красотѣ. Въ это время человѣкъ любитъ большею частью доброе, прекрасное, возвышенное. Онъ любитъ ихъ въ нихъ самихъ. Онъ болѣе или менѣе любитъ всю природу, весь міръ и населяющихъ его людей... Вмѣстѣ съ измѣненіемъ настроеній глубоко измѣняется и умственная сфера. Нерѣдко проявляется блестящее воображеніе, умственныя способности значительно развиваются, измѣняются въ своемъ направленіи и начинаютъ сосредоточиваться на тѣхъ идеяхъ, которыя прежде не привлекали вниманія. Здѣсь, говоря вообще, всѣ возвышенныя и благородныя чувства и движенія налицо: поэтичность, чувство красоты, привязанность, дружба, идеальная любовь, стремленіе къ добру, справедливости, порывы безкорыстнаго самопожертвованія и проч.» [1]).

Этотъ періодъ представляется наиболѣе благопріятнымъ для нравственнаго развитія, которое постоянно необходимо имѣть въ виду, какъ важнѣйшую цѣль высшей культуры и системныхъ чувствъ, и интеллекта.

Такимъ образомъ, придавая въ воспитаніи наибольшее значеніе культурѣ чувствованій, психо-физической природѣ человѣка, Дмитрій Андреевичъ понималъ, что для такой культуры необходима вся совокупность воздѣйствій и вліяній физическихъ силъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ, а затѣмъ и всей окружающей среды: повседневнаго примѣра и упражненія всего уклада обыденной жизни и всѣхъ формъ обще-

---

[1]) Тамъ же, стр. 10—11.

ственности и государственности. Только при такой постановкѣ воспитаніе можетъ быть полнымъ и гармоничнымъ, только въ такомъ осуществленіи оно создастъ человѣка, который «чистоту своего внутренняго міра, ясность и радость своего душевнаго настроенія» понесетъ въ окружающій міръ и, «по непреодолимому влеченію, пойдетъ на беззавѣтное служеніе, не зная мѣры жертвъ своихъ».

Таковы были теоретическія воззрѣнія Дмитрія Андреевича въ области воспитанія, которыя онъ непрестанно и съ полнымъ самоотверженіемъ пытался проводить въ своей служебной и общественной дѣятельности.

VII.

Съ откомандированіемъ въ главное тюремное управленіе для завѣдыванія воспитательно-исправительными заведеніями для несовершеннолѣтнихъ или, какъ тогда называли ихъ, колоніями и пріютами малолѣтнихъ преступниковъ, для практическаго примѣненія теоріи воспитанія Дмитрію Андреевичу открылись обширныя перспективы.

Нужно оговориться, что, употребляя, между прочимъ, и въ своей диссертаціи терминъ «малолѣтніе преступники», Дмитрій Андреевичъ слѣдовалъ лишь законодательной и общеупотребительной терминологіи. По существу же,—о чемъ онъ неоднократно говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ,—понятіе «преступникъ» онъ считалъ совершенно несовмѣстнымъ съ понятіемъ «малолѣтній». Такъ называемыя преступныя дѣти, въ сущности,—несчастныя заброшенныя дѣти, нуждающіяся не въ наказаніи, а въ воспитательно-исправительныхъ воздѣйствіяхъ.

Съ мѣръ такого воздѣйствія и нужно начинать при практическомъ разрѣшеніи вопроса о томъ, что дѣлать съ малолѣтними, впавшими въ порокъ и преступленіе. Между тѣмъ рамки работы въ этой области, установленныя закономъ 5 де-

кабря 1866 г., были весьма недостаточны для правильной постановки дѣла.

Законъ этотъ, составленный по иностраннымъ образцамъ, разсматривалъ исправительные пріюты, «какъ заведенія богоугодныя и общеполезныя», и «предназначалъ ихъ исключительно для несовершеннолѣтнихъ, помѣщаемыхъ по суду». Онъ призывалъ «къ устройству ихъ правительство, общество, земство, духовныя установленія и частныхъ лицъ» [1]), хотя, въ сущности, никому не поручалъ ихъ. Но такъ какъ законъ этотъ составлялъ часть «Устава о содержащихся подъ стражею», то утвержденіе, что исправительные пріюты являются заведеніями богоугодными и общеполезными, находилось въ прямомъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ помянутаго «устава». На практикѣ создались два мнѣнія, по одному изъ которыхъ пріюты эти должны быть заведеніями карательными, и режимъ ихъ долженъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать режиму заведеній для «содержащихся подъ стражею», по другому же— пріюты могутъ быть богоугодными и общеполезными заведеніями и имѣть характеръ воспитательныхъ заведеній.

Дмитрій Андреевичъ, конечно, всецѣло примыкалъ къ послѣднему мнѣнію. Еще въ 1890 г., когда онъ впервые участвовалъ въ третьемъ, по счету, съѣздѣ представителей русскихъ воспитательно - исправительныхъ заведеній, онъ настаивалъ на такомъ именно характерѣ ихъ и явился иниціаторомъ мысли объ уголовной невмѣняемости дѣтей, по крайней мѣрѣ до 16-ти-лѣтняго возраста. Зная, по собственнымъ наблюденіямъ, какой неизгладимый вредъ приноситъ подросткамъ фигурированіе ихъ на публичномъ судѣ, въ торжественной обстановкѣ, пренія сторонъ и т. п., онъ предлагалъ также замѣнить судъ для нихъ «учрежденіями опекунскаго характера и уголовное возмездіе — педагогическими воздѣйствіями».

Тогда эта мысль, которую теперь едва ли кто станетъ оспаривать, была еретической и вызвала горячій отпоръ

---

[1]) „Новое Время“. 1909 г., 5 іюня.

«извѣстныхъ» криминалистовъ. Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ отношеніе къ ней измѣнилось, и VII съѣздъ единогласно просилъ Дмитрія Андреевича разработать докладъ о замѣнѣ суда для несовершеннолѣтнихъ особыми учрежденіями опекунскаго характера.

Вообще, роль Дмитрія Андреевича на этомъ и на послѣдующихъ съѣздахъ была выдающаяся. Участвуя на нихъ съ 1890 г., онъ входилъ также дѣятельнымъ членомъ въ составъ органа ихъ — постояннаго бюро съѣздовъ. Услуги его были неоцѣнимы. По словамъ М. Беклешова, «ни одинъ докладъ, ни одно ходатайство передъ правительствомъ не обходилось безъ участія неутомимаго Дмитрія Андреевича... Онъ давалъ всегда массу дѣловыхъ справокъ, какъ по законодательству, такъ и по вопросамъ исторіи отдѣльныхъ заведеній и обществъ, дѣлалъ ссылки на труды международныхъ конгрессовъ и служилъ какъ бы живою связью съ дѣятелями и учрежденіями западной Европы и ея опытомъ и культурою». Члены и посѣтители съѣздовъ всегда съ интересомъ и глубокимъ вниманіемъ выслушивали его рѣчи, касавшіяся криминалогіи и воспитанія, разрабатываемаго на научныхъ основаніяхъ и постепенно вытѣснявшаго «традиціонную» педагогику. «Съѣзжавшіеся на эти съѣзды изъ всѣхъ угловъ Россіи педагоги, притомъ посвятившіе себя наиболѣе трудной части ея—воспитанію отсталыхъ и порочныхъ дѣтей и юношей—съ жадностью слушали строго обоснованные доклады и рѣчи Дмитрія Андреевича. Какъ ни были утомительны занятія съѣздовъ, члены ихъ душою отдыхали и возвращались на мѣста съ убѣжденіемъ и вѣрою, что работа ихъ не есть Сизифова работа, и этимъ они въ значительной мѣрѣ обязаны исключительной личности Дмитрія Андреевича». На послѣднемъ изъ такихъ съѣздовъ постоянный участникъ ихъ Н. С. Таганцевъ, выражая Дмитрію Андреевичу благодарность собранія, сказалъ въ полушутливой формѣ, что онъ «былъ нашимъ костылемъ и подпорою, безъ него мы хромали бы»... Другой

ораторъ, перефразируя слова Чехова о томъ, что какъ ни злосчастна доля русскаго писателя, но пока живъ Л. Н. Толстой—«пріятно и лестно быть русскимъ писателемъ»,—замѣтилъ, что какъ ни тяжела доля русскаго педагога, работающаго въ области принудительнаго воспитанія, но «пока съ нами Дмитрій Андреевичъ — не тяжела, а пріятна и дорога намъ служба обществу» [1]).

Съѣзды, на которыхъ Дмитрію Андреевичу принадлежала столь выдающаяся роль, несомнѣнно, оказали большое вліяніе и на наше законодательство о несовершеннолѣтнихъ. По ихъ ходатайствамъ, были изданы законы 20 мая 1892 г. и 2 и 3 февраля 1893 г., которыми былъ окончательно выясненъ исключительно воспитательный характеръ заведеній. Этими узаконеніями было установлено, между прочимъ, что ближайшее опредѣленіе продолжительности содержанія несовершеннолѣтнихъ въ заведеніяхъ предоставляется управленію заведеніями. Крайній срокъ пребыванія въ заведеніи прежде устанавливался однообразно до 18 лѣтъ, а по новому «Положенію», онъ двоякій: поступившіе въ заведеніе въ возрастѣ до 15 лѣтъ могутъ быть удерживаемы въ нихъ до 18 лѣтъ, а поступившіе послѣ 15 лѣтъ—до 21 года. Тѣлесныя наказанія, по новому положенію, изгнаны изъ заведеній.

Но этими частичными улучшеніями Дмитрій Андреевичъ не удовольствовался и дѣятельно работалъ надъ болѣе глубокимъ измѣненіемъ закона. Можно съ полной вѣроятностью утверждать, что все послѣдующее законодательство о несовершеннолѣтнихъ лицахъ, впавшихъ въ порокъ и преступленіе, всецѣло создано имъ. Конечно, въ своихъ проэктахъ онъ шелъ гораздо дальше того, что было узаконено: во многомъ пришлось уступить, во многихъ случаяхъ пойти на компромиссъ; но и

---

[1]) „Дмитрій Андр. Дриль, какъ ученый и обществен. дѣятель“, ст. М. М. Ковалевскаго, С. К. Гогеля, М. П. Беклешова, П. И. Люблинскаго, А. Л. Щеглова. Изд. Психоневрологич. институт., стр. 33, 34, 35, 38, 39.

то, что проведено имъ, составляетъ уже важное и значительное улучшеніе.

Имъ былъ проектированъ законъ 27 іюня 1897 г. о судимости и наказуемости несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ 10—17 лѣтъ, которымъ, по его же выраженію, наложена маленькая заплатка на зіявшую прорѣху въ прежнихъ формахъ суда надъ несовершеннолѣтними. Въ основу этого закона была положена мысль, проводившаяся имъ, какъ уже было сказано, на съѣздѣ 1890 г., «что обычныя формы суда, со всею его обстановкою, осваиваютъ несовершеннолѣтнихъ съ необычнымъ и тяжелымъ положеніемъ уголовно-обвиняемаго, ослабляютъ въ нихъ спасительное чувство стыда и страха передъ перспективой такого положенія и пріучаютъ ихъ къ мысли о возможности преступной карьеры». Къ сожалѣнію, эта мысль не получила достаточно яснаго выраженія въ законѣ, а потому «и практика нашихъ судовъ не оказалась на высотѣ задачи» [1]).

Тѣмъ не менѣе, новый законъ внесъ-таки струю свѣжаго воздуха, и дальнѣйшая разработка законодательства въ этомъ направленіи стала неизбѣжной.

Правда, составляемые Дмитріемъ Андреевичемъ законопроекты годами вылеживались въ канцеляріяхъ и задерживались на много лѣтъ, но въ концѣ концовъ все-таки всплывали на поверхность. Особенно много пришлось работать ему надъ составленіемъ и пересоставленіемъ обширнаго законопроекта о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ, сдѣлавшагося закономъ 19 апрѣля 1909 года.

Исходя изъ факта широкаго размноженія несчастной категоріи физически заброшенныхъ дѣтей и подростковъ, дѣтей «широкой улицы», «ничьихъ дѣтей»—этого «богатѣйшаго питомника дѣтскаго бродяжества, нищенства, проституціи и ху-

---

[1]) „Уголовное право“. Лекціи, читан. профес. Д. А. Дриль на эконом. отд. СПБ. Политехн. въ 1909—1910 гг., стр. 542—543, 544.

лиганства», Дмитрій Андреевичъ желалъ, чтобы новый законъ положилъ начало и новому отношенію къ дѣлу спасенія ихъ. И ему, дѣйствительно, удалось провести въ немъ положеніе, по которому допускается помѣщеніе въ воспитательно-исправительныя заведенія разныхъ заброшенныхъ дѣтей, а именно бродяжествующихъ, нищенствующихъ, безпріютно-безпризорныхъ, а также «отбившихся отъ рукъ», если о пріемѣ ихъ въ заведеніе просятъ сами родители. Расширяя, такимъ образомъ, задачи, новый законъ болѣе чѣмъ вдвое увеличиваетъ размѣры казенныхъ пособій, оттѣняетъ нравственную обязанность общественныхъ учрежденій приходить на помощь «предупредительно-исправительному воспитанію гибнущей молодежи денежными средствами, стремится возможно болѣе оградить несовершеннолѣтнихъ отъ развращающихъ вліяній тюрьмы... и воспрещаетъ примѣненіе въ заведеніяхъ антивоспитательныхъ средствъ воздѣйствія, завѣщанныхъ отъ старины—тѣлесныхъ наказаній и темнаго карцера» [1]).

Дмитрій Андреевичъ считалъ правильнымъ, что въ дѣлѣ принудительнаго воспитанія у насъ сложилась и «развивается счастливая, подобная англійской, форма сотрудничества, которую слѣдуетъ беречь и охранять: государство, земство, города и сословныя общества, приходящіе со своими пособіями и содѣйствіемъ своихъ представителей на помощь частно-благотворительнымъ обществамъ, спеціально для того учреждающимся и имѣющимъ свои органы—періодическіе съѣзды ихъ представителей и постоянное бюро съѣздовъ. Именно при сотрудничествѣ, въ которомъ каждый изъ сотрудниковъ дастъ то, что онъ съ наибольшей выгодою способенъ дать, всего лучше и могутъ достигаться» желанныя цѣли [2]).

Создавая законодательство, Дмитрій Андреевичъ былъ въ то же время и проводникомъ его въ жизнь. Онъ составлялъ разъясненія, давалъ инструкціи и велъ обширную личную пе-

---

[1]) „Новое Время“, 4 іюня 1909 года.

[2]) Д. А. Дриль. Тюрьма и принудительное воспитаніе, стр. 50—51.

переписку съ дѣятелями учрежденій и заведеній для несовершеннолѣтнихъ. Завязывая при ежегодныхъ ревизіяхъ ихъ личныя связи, Дмитрій Андреевичъ хорошо зналъ дѣйствительное положеніе заведеній и ихъ личный составъ. Вспоминая эти ревизіи, М. П. Беклешовъ говоритъ, что въ нихъ онъ «отнюдь не являлся типичнымъ ревизоромъ. Замѣчательно бережное отношеніе къ личности человѣка,—будь то скромный провинціальный педагогъ, учитель или воспитанникъ колоніи,—вдумчивое отношеніе къ каждому трудному случаю въ воспитательномъ отношеніи», въ большинствѣ случаевъ указаніе совершенно новой, всегда гуманной точки зрѣнія, указаніе подходящей литературы, бодрящихъ примѣровъ, — все это дѣлало Дмитрія Андреевича не ревизоромъ, а чуднымъ консультантомъ, старшимъ и авторитетнымъ товарищемъ въ трудной и подчасъ заставляющей чуть не опускать руки работѣ перевоспитанія порочныхъ и даже преступныхъ дѣтей и юношей.

Наиболѣе часто трактуемыми темами бесѣдъ Дмитрія Андреевича съ педагогическимъ персоналомъ были: необходимость изученія каждаго отдѣльнаго воспитанника, индивидуализація воспитанія и обученія, мѣры воздѣйствія (напр., значеніе въ воспитаніи закона подражанія) и отрицаніе тѣлесныхъ наказаній, карцеровъ и прочихъ «пережитковъ мрачнаго средневѣковья», какъ ихъ называлъ покойный. Эти бесѣды часто кончались импровизированными лекціями по антропологіи и уголовному праву...

Въ созываемыхъ, обыкновенно по иниціативѣ мѣстныхъ губернаторовъ, совѣщаніяхъ съ представителями городовъ и земствъ Дмитрій Андреевичъ выступалъ горячимъ проповѣдникомъ воспитанія заброшенныхъ и безпризорныхъ дѣтей, хотя бы въ формѣ принудительнаго воспитанія, указывалъ на удивительную безучастность русскаго общества къ своимъ обязанностямъ и даже самосохраненію, приводилъ массу статистическаго матеріала, напр., вродѣ указанія, что изъ-за крайне

незначительнаго числа воспитательно-исправительныхъ заведеній въ Россіи болѣе десяти тысячъ дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ «должны развращаться въ тюрьмахъ со взрослыми» и т. п. Между прочимъ, Дмитрій Андреевичъ любилъ указывать, что колоніи и пріюты могутъ отлично исполнять значеніе образцовыхъ, показательныхъ хозяйствъ или огородовъ для мѣстнаго населенія, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ своемъ имѣютъ достаточные земельные участки; необходимо только большее сближеніе этихъ учрежденій съ земствами и городами.

Чрезвычайно интересны были и посѣщенія Дмитрія Андреевича со студентами петербургской земледѣльческой колоніи. Дмитрій Андреевичъ умѣлъ такъ заинтересовать своихъ слушателей дѣломъ перевоспитанія порочныхъ дѣтей, что, послѣ перваго такого посѣщенія лекціи, многіе изъ студентовъ составляли свои записки; этимъ послѣднимъ дѣлался сводъ, который и служилъ предметомъ обсужденія при вторичномъ посѣщеніи или въ семинаріи Дмитрія Андреевича. Въ послѣднемъ, 1910, году, лѣтомъ, Дмитрій Андреевичъ предпринялъ во главѣ группы студентовъ цѣлое путешествіе для обзора этихъ заведеній, а затѣмъ фабрикъ и тюремъ—въ Москву, Нижній-Новгородъ, Владиміръ» и др. мѣста [1]).

Осмотры учрежденій для несовершеннолѣтнихъ со студентами, конечно, начались только съ того времени, когда Дмитрій Андреевичъ получилъ возможность преподавать на экономическомъ отдѣленіи С.-Петербургскаго Политехникума, а обычные его объѣзды и ревизіи пріютовъ повторялись едва ли ни ежегодно, въ теченіе всего 13-ти-лѣтняго періода завѣдыванія имъ дѣломъ спасенія дѣтей, впавшихъ въ порокъ и преступленіе. Онъ былъ истиннымъ творцомъ этого дѣла: создавалъ научную теорію постановки его, создавалъ законодательство для него и вводилъ его въ жизнь. Одно уже это важное куль-

---

[1]) Дмитрій Андреевичъ Дриль, какъ ученый и общественный дѣятель. Изд. Психоневрол. инст., стр. 37—38.

турное дѣло, одухотворяемое искреннимъ гуманизмомъ высоко нравственнаго человѣка, обезпечиваетъ ему, даже помимо другихъ его дѣлъ, почетное имя въ исторіи борьбы съ человѣческими бѣдствіями.

VIII.

Дѣятельность Дмитрія Андреевича въ воспитательно-образовательной области далеко не ограничивалась работой на пользу дѣтей, впавшихъ въ порокъ и преступленіе. Она широко распространялась не только на другія категоріи дѣтей и юношей, но и на взрослыхъ, воспитаніе которыхъ онъ считалъ не менѣе важнымъ. Воспитательныя воздѣйствія, по его мнѣнію, особенно необходимы въ той средѣ, гдѣ бѣдность, недостаточное питаніе и анти-санитарныя условія жизни, а на почвѣ—ихъ плохая наслѣдственность, болѣзнь и алкоголизмъ, подготовляютъ порокъ и преступленіе, гдѣ «вѣковая темнота» питаетъ дикость нравовъ и противообщественные инстинкты. Такую среду нужно искать прежде всего въ массѣ бездомнаго городского населенія, а частью и въ стоящей на границѣ этой бездомности рабочей массѣ.

Въ виду этого, Дмитрій Андреевичъ, съ особой энергіей и воодушевленіемъ откликнулся на ярко сказавшуюся въ началѣ освободительнаго движенія потребность въ усиленіи и устройствѣ учрежденій внѣшкольнаго образованія вообще, а народныхъ университетовъ въ частности.

Съ докладомъ о необходимости въ Петербургѣ такого университета, въ ознаменованіе акта 17 октября 1905 г., выступилъ въ обществѣ гражданскихъ инженеровъ Н. В. Дмитріевъ. По его мысли, народный университетъ слѣдовало бы учредить въ Петербургѣ городской думѣ. Но, какъ и нужно было ожидать, мысль эта не нашла достаточнаго отклика въ средѣ коснаго и реакціоннаго мірка мѣстныхъ

городскихъ заправилъ. Дѣло народнаго университета въ С.-Петербургѣ сдѣлалось поэтому дѣломъ частнаго почина, во главѣ котораго и сталъ Дмитрій Андреевичъ Дриль. Исходя изъ факта равнодушія городского управленія къ мѣстному народному университету, онъ поставилъ на первый планъ болѣе широкій вопросъ—объ учрежденіи не мѣстнаго, а всероссійскаго общества народныхъ университетовъ. Въ этомъ смыслѣ имъ былъ выработанъ въ декабрѣ 1905 года уставъ и даже было испрошено разрѣшеніе, до утвержденія его, начать чтеніе лекцій для народа по отдѣльнымъ предметамъ. Къ сожалѣнію, впрочемъ, это начальственное «попустительство» продолжалось недолго.

Съ опубликованіемъ 4 марта 1906 г. закона объ обществахъ, учредители всероссійскаго общества народныхъ университетовъ, во главѣ съ Дмитріемъ Андреевичемъ, подали въ городское присутствіе прошеніе о зарегистрированіи ихъ учрежденія. Во второй половинѣ лѣта они получили отъ присутствія запросъ о томъ, гдѣ будетъ находиться центральное управленіе обществомъ. Бюро учредителей отвѣтило, что осенью предполагается съѣздъ сочувствующихъ идеѣ народныхъ университетовъ лицъ, который разрѣшитъ, между прочимъ, и вопросъ о томъ, гдѣ организовать центральное управленіе—въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ присутствіе, и учредителямъ частнымъ образомъ передали, что уставъ всероссійскаго общества едва ли будетъ зарегистрированъ, такъ какъ всероссійская организація предполагаетъ уже объединительныя функціи, союзъ мѣстныхъ организацій, которыхъ-де пока не существуетъ. Лучше поэтому просить о зарегистрированіи лишь С.-Петербургскаго общества народныхъ университетовъ и къ всероссійскому перейти только по учрежденіи нѣсколькихъ мѣстныхъ.

Конечно, противъ этого можно было многое возразить и съ полнымъ основаніемъ отстаивать идею объединительной организаціи, распространяющей свою дѣятельность изъ центра

на периферію. Но учредителямъ было дорого дѣло, и они не хотѣли подвергать риску самое существованіе его изъ-за второстепенныхъ вопросовъ. Поэтому, они поспѣшили взять обратно изъ присутствія уставъ всероссійскаго общества и представить взамѣнъ его наскоро разработанный и многаго непредусматривающій уставъ с.-петербургскаго общества народныхъ университетовъ.

Въ результатѣ такого «нестроптиваго» отношенія учредителей было зарегистрированіе 10-го октября 1906 г. устава общества, которое, казалось, могло съ этого времени продолжать работу совершенно спокойно.

Общество вполнѣ искренне и убѣжденно рѣшило держаться безпартійной почвы. Оно ясно сознавало, что не только математику и естествознаніе, но и исторію, и литературу, и даже политическую экономію невозможно преподавать съ точки зрѣнія какой бы то ни было партіи, что въ области науки ни одинъ уважающій себя преподаватель никогда не позволитъ себѣ иного, кромѣ какъ объективнаго, отношенія. Но такое рѣшеніе общества далеко не удовлетворило реакціонные круги. Они понимали, что объективное отношеніе можетъ быть и не въ ихъ пользу и не въ ихъ видахъ. Оцѣнивать же его они, къ сожалѣнію, не умѣли, или вѣрнѣе, не хотѣли. При наличности такихъ теченій, избѣжать молодому обществу упрековъ въ партійности, при полной и искренней, въ дѣйствительности, его безпартійности, было невозможно. И ему скоро пришлось испытать это на себѣ. Прежде всего, обществу, конечно, учли присутствіе въ числѣ его членовъ нѣкоторыхъ партійныхъ дѣятелей. Стали говорить, что «кадеты», предвидя свое пораженіе на выборахъ, укрѣпляются на новыхъ позиціяхъ — въ народныхъ университетахъ и т. п.

Выше было уже упомянуто, что бюро учредителей общества, не желая откладывать дѣла въ долгій ящикъ, испросило себѣ право устраивать лекціи, конечно, каждый разъ съ

разрѣшенія или предупрежденія надлежащаго начальства. Это было еще тогда, когда общество предполагало именоваться всероссійскимъ. Естественно поэтому, что на афишахъ и бланкахъ общества стоялъ и этотъ заголовокъ—«всероссійское общество». По утвержденіи устава с.-петербургскаго общества прежній заголовокъ или забыли снять въ типографіи, или, вѣроятно, поскупились израсходовать общественныя деньги на новые бланки. Никто въ этомъ ничего криминальнаго не видѣлъ, и еще въ самомъ концѣ ноября бывшій градоначальникъ фонъ-Лауницъ разрѣшилъ къ печатанію афишу общества съ наименованіемъ его всероссійскимъ.

Но уже черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли взглядъ властей измѣнился. Къ дѣятелямъ общества явился полицейскій чиновникъ за «соотвѣтствующими» свѣдѣніями, «на предметъ привлеченія», вновь объявившихся преступниковъ къ отвѣтственности по 124 ст. А статья эта гласитъ, что виновный въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо воспрещенномъ въ установленномъ порядкѣ, наказывается ни больше ни меньше, какъ заключеніемъ въ крѣпость на срокъ «не свыше одного года», или арестомъ...

Мы считали необходимымъ провести этотъ эпизодъ изъ жизни С.-Петербургскаго общества народныхъ университетовъ, чтобы отмѣтить, что и культурная дѣятельность Дмитрія Андреевича, несмотря на его официальное положеніе и всѣми признанную объективность, не была свободна отъ полицейскихъ терній, которыя нерѣдко причиняли ему много хлопотъ и сильныхъ огорченій.

Чѣмъ кончился или кончится этотъ эпизодъ—неизвѣстно, но, въ концѣ концовъ, С.-Петербургское общество народныхъ университетовъ, пробираясь по предуказанной ему волею судебъ тернистой дорогѣ, все-таки сформировалось и начало дѣйствовать.

Согласно уставу, во главѣ его стоитъ совѣтъ общества, на обязанности котораго лежитъ все управленіе дѣлами учре-

женія. Въ предсѣдатели совѣта былъ избранъ Д. А. Дриль, который, работая надъ вопросами, спеціально касавшимися С.-Петербургскаго общества народныхъ университетовъ, и привлекая къ нему дѣятелей, успѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, побывать въ Москвѣ, заинтересовать новымъ дѣломъ москвичей и, въ свою очередь, сформировать тамъ кружокъ лицъ, принявшихъ на себя всѣ хлопоты по организаціи такого же общества въ Москвѣ.

Такъ какъ число членовъ въ совѣтѣ, по уставу, очень велико и можетъ достигать даже 50-ти, то непосредственное управленіе дѣлами въ такой коллегіи, конечно, было затруднительно. Въ этихъ видахъ, совѣтъ, согласно данной ему общимъ собраніемъ членовъ инструкціи, выдѣлилъ изъ своей среды такъ называемую административную группу для веденія административныхъ дѣлъ и учебную группу для руководства учебною частью.

Фактически первое время дѣйствовала только административная группа, и то, собственно говоря, не группа, такъ какъ составъ ея смѣнялся довольно часто, а преимущественно одинъ ея дѣятель. Въ рукахъ его сосредоточивались и хозяйственно-административныя функціи и, волей-не-волей — въ виду того, что учебная группа сложилась только номинально— обязанности послѣдней, безъ выполненія которыхъ нельзя было обойтись. Несмотря на всю свою выдающуюся энергію, помянутый дѣятель этой группы, конечно, не могъ дѣлать всего самъ, вслѣдствіе чего явилась необходимость въ сформированіи секретаріата общества народныхъ университетовъ. На его-то долю и выпала самая тяжелая работа по организаціи дѣла и, между прочимъ, по сношенію съ администраціей, лекторами, членами общества, а также по организаціи аудиторій и ихъ устройству.

По существу дѣла, центръ его, конечно, долженъ былъ лежать на организуемыхъ при аудиторіяхъ комиссіяхъ. Но

эти послѣднія, къ сожалѣнію, и по своему составу и компетенціи не были достаточно самостоятельны.

Дмитрій Андреевичъ, какъ предсѣдатель совѣта общества, вполнѣ сознавалъ недостатки его организаціи и мирился съ ними только временно. Признавая крайне желательнымъ придать обществу всероссійскій характеръ, согласно первоначально разработанному имъ уставу, онъ не отказался отъ мысли объединить въ петербургской организаціи аналогичныя провинціальныя учрежденія и для этого, прежде всего, созвать съѣздъ дѣятелей такихъ учрежденій, который далъ бы, между прочимъ, и окончательную организацію Петербургскому обществу и установилъ бы нормы для его внутренняго управленія.

Поэтому, не приступая пока къ реорганизаціи послѣдняго, онъ всю свою энергію направилъ на устройство съѣзда дѣятелей народныхъ университетовъ и другихъ частныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. Для этого пришлось не только хлопотать, ѣздить, просить, составлять подробныя программы, но и убѣждать своихъ же сочленовъ по обществу, многіе изъ которыхъ признавали созывъ съѣзда преждевременнымъ.

Въ концѣ концовъ, съѣздъ состоялся въ первыхъ числахъ января 1908 г. Онъ прошелъ оживленно, даже бурно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удачно. Многіе вопросы были освѣщены на немъ достаточно полно и всесторонне; были выяснены и многіе организаціонные вопросы.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности даже кратко характеризовать здѣсь работу съѣзда, но должны отмѣтить, что дался онъ учредителямъ его, особенно Дмитрію Андреевичу, очень нелегко. Съ одной стороны, настойчивыя требованія, подкрѣпленныя угрозами закрыть съѣздъ, о томъ, чтобы непріятные для администраціи вопросы и резолюціи не обсуждались, а съ другой — напоръ дѣятелей профессіональныхъ союзовъ рабочихъ съ ихъ рѣзкими «классовыми» выпадами нерѣдко ставили президіумъ организаціоннаго комитета съѣзда въ самое тяжелое, иной разъ почти безвыходное по-

ложеніе. И нужно было то поистинѣ самоотверженное со стороны Дмитрія Андреевича отношеніе, которымъ онъ отличался всегда, чтобы довести съѣздъ до благополучнаго конца и чтобы результаты его сдѣлались примѣнимыми въ жизни.

На съѣздѣ выяснились, между прочимъ, и серьезные недочеты петербургскаго народнаго университета. Они были ясны уже передъ съѣздомъ, и секретарь общества, сообщая совѣту разрабатываемыя имъ данныя для годового отчета, долженъ былъ признать, между прочимъ, значительное паденіе посѣщаемости лекцій. Происшедшій на съѣздѣ печальный расколъ между членами его, часть которыхъ добивалась властнаго участія профессіональныхъ союзовъ въ управленіи народныхъ университетовъ, въ свою очередь, ухудшилъ положеніе петербургскаго университета. Онъ привелъ къ тому, что среда, для которой предназначался университетъ, ушла отъ него еще дальше, чѣмъ прежде. Къ окончанію занятій съѣзда это выяснилось уже вполнѣ. Въ это время были лекціи, на которыхъ присутствовало даже меньше 10 слушателей. На цѣломъ рядѣ лекцій бывало только по 20—30 посѣтителей. Самый выборъ лекцій оставлялъ желать очень многаго; ставились, напр., такія спеціальныя лекціи, какъ «узость женскаго таза», «ракъ матки», «климатологія и метеорологія» и проч. Въ самомъ управленіи дѣломъ тоже было не мало деффектовъ—и канцелярскихъ, и хозяйственныхъ, и другихъ, а секціи, числившія въ своемъ составѣ по 50—80 членовъ, или не собирались совсѣмъ, или собирались въ числѣ 5—7 лицъ. Учебная группа совѣта общества, которая должна была управлять всей учебной частью, никакъ не могла сорганизоваться, и ея функціи исполняла административная группа. Но и эта послѣдняя фактически состояла лишь изъ одного лица, выбывшаго къ тому же по болѣзни за границу. Такимъ образомъ, все огромное административное и учебное управленіе учрежденіемъ, въ моментъ наибольшаго упадка дѣла, перешло къ двумъ секретарямъ, изъ которыхъ одинъ

былъ только что избранъ. Не было, слѣдовательно, даже коллегіи.

Въ такомъ поистинѣ критическомъ положеніи совѣтъ общества, собравшись на засѣданіе 16 февраля, того же 1908 г., единогласно пришелъ къ необходимости избрать временную комиссію и поручить ей энергично приняться за организацію падающаго дѣла, довести его до конца учебнаго года и выработать и представить совѣту планъ организаціи въ будущемъ. Въ основу организоціонныхъ работъ комиссіи было положено устройство районныхъ комиссій для завѣдыванія курсами и лекціями, съ привлеченіемъ въ нихъ членовъ общества, лекторовъ и представителей отъ слушателей. Въ эту организаціонную комиссію была избрана цѣликомъ вся административная группа и два представителя отъ секцій.

Слухи о такой децентрализаціи и демократизаціи управленія народнымъ университетомъ проникли въ печать; въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ ихъ знали и слушатели; были оповѣщены и члены общества. Это сразу оказало уже вліяніе на оживленіе дѣла. По просьбѣ слушателей, отдѣльныя лекціи комиссія стала замѣнять курсами, были приглашены новые лекторы, началась, наконецъ, организація мѣстныхъ комиссій. Въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ былъ констатированъ несомнѣнный и значительный приливъ слушателей. Оживились и члены общества и стали присылать заявленія о готовности работать въ мѣстныхъ комиссіяхъ. Отъ послѣднихъ организаціонная комиссія имѣла въ виду привлечь представителей въ свою среду. Дѣло начало развиваться и оживляться. Дмитрій Андреевичъ принималъ въ новой постановкѣ его живѣйшее участіе и всѣми силами помогалъ комиссіи.

Но, конечно, оказались и защитники стараго порядка, добивавшіеся пересмотра и отмѣны постановленія совѣта общества объ учрежденіи организаціонной комиссіи.

11-го марта состоялось новое засѣданіе совѣта общества, которое, вмѣсто того, чтобы выслушать комиссію, узнать въ ка-

комъ положеніи она застала дѣла, что сдѣлала и каковы результаты ея работъ, весь вечеръ, до поздней ночи, занималось производствомъ дознанія по формальной сторонѣ дѣла. Какъ ни старались защитники старыхъ порядковъ, но они все-таки должны были признать: 1) что протоколъ засѣданія совѣта 16-го февраля, на которомъ была избрана комиссія, былъ составленъ правильно, 2) что составъ совѣта былъ законный и 3) что избирали комиссію всѣ имѣющіе право голоса. Дѣло защитниковъ старыхъ порядковъ, казалось, провалилось. Но, въ концѣ концовъ, они нашлись и, указывая на то, что въ пригласительной повѣсткѣ на это засѣданіе не предуказывался выборъ комиссіи, а ставился вообще вопросъ о реорганизаціи управленія, собрали-таки большинство голосовъ въ пользу признанія, что въ виду такой редакціи повѣстки избраніе комиссіи было незаконно. Комиссію, такимъ образомъ «разъяснили»... Это, вѣдь, была пора всякихъ «разъясненій»...

Засѣданіе совѣта было продолжено на 14 марта. Выслушавъ отчетъ комиссіи о ея трехнедѣльной дѣятельности, совѣтъ долженъ былъ признать, что дѣйствія ея были правильны. Но «разъясненная» комиссія, естественно, не могла примириться съ характеромъ всего судбища надъ ней и вмѣстѣ съ предсѣдателемъ совѣта, Д. А. Дриль, потребовала, чтобы совѣтъ высказалъ свое неодобреніе тѣмъ лицамъ, которыя признавали незаконность дѣйствій комиссіи до утвержденія протокола совѣта 16 февраля. Большинство совѣта, 14-тью голосами противъ 11-ти, при 5-ти воздержавшихся (предсѣдатель совѣта и 4 члена организаціонной комиссіи, которые, стого говоря, должны были голосовать, такъ какъ дѣло шло уже не о нихъ, и голосуя—дать совсѣмъ противоположный исходъ дѣлу), не согласилось на такое неодобреніе, чѣмъ какъ бы высказалось за все то специфическое производство дознанія, которымъ занимался совѣтъ въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ. Вслѣдствіе этого, Дмитрій Андреевичъ, три члена совѣта и четыре члена бывшей организаціонной

комиссіи сложили съ себя званіе членовъ совѣта и удалились изъ засѣданія.

Со времени ихъ участія въ обществѣ, почти всѣ они были въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ его и въ совѣтѣ, и въ секретаріатѣ, и при организаціи съѣзда дѣятелей народныхъ университетовъ. Оставаться имъ въ совѣтѣ, при обнаруженныхъ тенденціяхъ его, не было возможности. Но, тѣмъ не менѣе, поставленныхъ ими вопросовъ о децентрализаціи и демократизаціи управленія обществомъ уже невозможно было затушевать и замолчать [1]). Новому, или, точнѣе, пополненному новыми членами взамѣнъ ушедшихъ, совѣту ничего не оставалось, какъ принять рѣшеніе продолжать работу организаціонной комиссіи и Дмитрія Андреевича.

Само голосованіе вопроса въ совѣтѣ показало, что абсолютное большинство членовъ было на сторонѣ ушедшихъ (съ голосами этихъ послѣднихъ). При этомъ условіи нѣкоторые думали, что и комиссіи и Дмитрію Андреевичу лучше было не уходить. Но Дмитрій Андреевичъ былъ на этотъ счетъ иного мнѣнія и вполнѣ раздѣлялъ рѣшеніе комиссіи. Онъ полагалъ, что, оставаясь въ обществѣ, не было возможности сохранить въ немъ солидарность членовъ совѣта, что оскорбленныя самолюбія останутся, и общество или должно будетъ погибнуть отъ внутренней распри, или обезсилѣть матеріально отъ ухода изъ него тѣхъ изъ стоявшихъ за старые порядки дѣятелей, отъ которыхъ въ значительной мѣрѣ зависѣли средства общества. Поэтому Дмитрій Андреевичъ разсудилъ, что лучше ему и его единомышленникамъ уйти изъ общества, обезпечивъ тѣмъ хотя бы нѣкоторую солидарность остающихся, чѣмъ подвергать опасности самое существованіе общества, имъ же сорганизованнаго и вдохновеннаго. Страненъ былъ поэтому не его уходъ, а то, что его вынудили къ этому и согласились «замѣстить».

---

[1]) „Современное Слово“, № 169, отъ 27 марта 1908 года.

Съ уходомъ Дмитрія Андреевича движеніе въ пользу учрежденій, аналогичныхъ съ народными университетами, такъ энергично имъ поддержанное и въ центрѣ и въ провинціи (особенно созваннымъ съѣздомъ), конечно, не заглохло. Напротивъ того, оно продолжало развиваться, и Дмитрій Андреевичъ, въ свою очередь, не остался внѣ его.

Вмѣстѣ съ товарищами по указанной выше комиссіи, онъ предпринялъ новое дѣло—учрежденіе въ С.-Петербургѣ народнаго политехникума, по плану, разработанному однимъ изъ членовъ этой комиссіи. Особенности этого учрежденія представляютъ тѣмъ большій интересъ, что въ организаціи его, въ значительной мѣрѣ, воплотились и тѣ черты, которыми онъ особенно дорожилъ и которыя безуспѣшно пытался провести въ С.-Петербургскомъ обществѣ народныхъ университетовъ.

Петербургскій народный политехникумъ общія цѣли свои заимствовалъ отъ такихъ же лондонскихъ политехникумовъ. Эти послѣдніе стремятся удовлетворить самому широкому кругу запросовъ населенія. Въ ихъ стѣнахъ молодежь можетъ пройти цѣлую школу—общеобразовательную или спеціальную, но можетъ прослушать и только одинъ курсъ—общаго или профессіональнаго характера, можетъ изучить только одно какое-нибудь дѣло, одно ремесло, одну спеціальность, можетъ подготовиться къ какому угодно экзамену, не исключая даже экзаменовъ на ученыя степени, можетъ разрабатывать какой-нибудь спеціальный вопросъ изъ области точныхъ наукъ, литературы, искусства и т. д. Лондонскіе народные политехникумы пытаются удовлетворить всѣмъ образовательнымъ нуждамъ трудящихся классовъ, отвѣтить на всѣ ихъ запросы въ указанныхъ областяхъ, на всѣ потребности и вкусы.

Этимъ и объясняется поразительный, колоссальный успѣхъ лондонскихъ политехникумовъ.

Исполняя свои задачи, они содержатъ цѣлый рядъ низшихъ и среднихъ школъ съ самыми разнообразными курсами. У нихъ есть школы реальныя, коммерческія, техническія, худо-

жественно-промышленныя, школы домоводства, ремесленнаго обученія и, въ частности, школы строительнаго искусства, механическаго дѣла, мебельно-обойнаго, типографскаго и мн. др. Затѣмъ, лондонскіе народные политехникумы имѣютъ отдѣльные классы и курсы по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и техники, напр., по математикѣ, по словеснымъ наукамъ, нѣсколько отдѣльныхъ классовъ по электротехникѣ, курсы для учителей и пр. Кромѣ того, есть научныя лабораторіи, физическіе кабинеты; есть цѣлый технологическій институтъ и даже народный университетъ.

Всѣми этими учрежденіями лондонскіе народные политехникумы имѣютъ въ виду повысить не только общее образованіе и развитіе, но и спеціальные навыки и профессіональныя знанія рабочихъ и трудящихся классовъ, въ цѣляхъ поднятія ихъ здоровья и благополучія.

Затѣмъ, эти же политехникумы служатъ центромъ организаціи клубовъ для рабочихъ и многихъ ихъ обществъ, напр., для физическихъ упражненій, для спорта, для взаимнаго страхованія, для пріисканія работы, для общеобразовательныхъ и другихъ цѣлей.

Въ такой организаціи къ лондонскимъ политехникумамъ, справедливо пріобрѣвшимъ славу универсальныхъ рабочихъ учрежденій, примыкаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ нихъ они находятъ и школу физическаго труда, и разсадникъ знаній, и ту общественную организацію, которая, при нуждѣ, можетъ замѣнить имъ и свою сельскую или приходскую общину, и отчасти даже семью, т. е. тѣ именно институты, къ которымъ ближайше примыкаетъ всякій работникъ, безъ которыхъ онъ чувствуетъ себя одиноко, покинутымъ, но тѣмъ не менѣе пользованіе которыми для многихъ недоступно или вслѣдствіе переселенія съ мѣста родины, или въ силу убѣжденій, или по какимъ-либо другимъ причинамъ. Всѣхъ можетъ пригрѣть и морально поддержать народный политехникумъ. Онъ одинаково необходимъ и

для подростковъ и для взрослыхъ. И тѣхъ и другихъ онъ не ведетъ на помочахъ. а предоставляетъ имъ полную возможность самостоятельно избрать для изученія тѣ области труда и знанія, какія наиболѣе соотвѣтствуютъ ихъ склонностямъ и нуждамъ.

Задавшись такими же цѣлями, учредители с.-петербургскаго общества «Народный Политехникумъ» указали въ уставѣ его, что оно имѣетъ въ виду «возможно широкое удовлетвореніе назрѣвшей въ трудящихся классахъ населенія потребности какъ въ общемъ, такъ и въ спеціальномъ образованіи» (§ 1 устава), что для этого общество должно идти «навстрѣчу, по возможности, всѣмъ образовательнымъ нуждамъ трудящихся классовъ и всѣмъ запросамъ ихъ въ этой области» (§ 2).

Далѣе, стремясь распространить дѣятельность общества на широкіе круги населенія, въ особенности же рабочаго, уставъ его высказывается за принятіе мѣръ къ привлеченію въ составъ общества «возможно большаго числа членовъ». Въ этихъ видахъ, членскій взносъ установленъ въ размѣрѣ только 2 рублей (§ 5), и каждому члену предоставлено право безплатнаго посѣщенія 10-ти лекцій, а при дополнительномъ взносѣ 3 рублей—и всѣхъ лекцій политехникума (§ 7).

Затѣмъ, признавая, что главнымъ условіемъ успѣшной дѣятельности общества является возможно большая освѣдомленность и заинтересованность его членовъ, составители устава включили въ него указаніе на необходимость возможно болѣе дѣятельнаго и активнаго участія членовъ общества въ веденіи всѣхъ его дѣлъ. Въ этихъ видахъ, въ уставѣ установлено, что члены общества собираются въ общія собранія не менѣе 6 разъ въ годъ, участвуютъ въ совѣщаніяхъ по разнымъ вопросамъ и входятъ въ составъ мѣстныхъ комиссій.

Этимъ послѣднимъ придавалось особое значеніе.

По уставу «мѣстныя и попечительныя комиссіи» учреждаются «для завѣдыванія курсами, классами, библіотеками,

учебными мастерскими и др. учрежденіями общества, каждымъ въ отдѣльности или группами ихъ». Стремясь сдѣлать дѣло политехникума дѣломъ наиболѣе заинтересованныхъ въ немъ трудящихся классовъ населенія, учредители установили, чтобы въ составъ мѣстныхъ комиссій входили не только члены общества и лекторы, но и представители отъ слушателей и посѣтителей школъ, курсовъ, классовъ и др. учрежденій общества. Затѣмъ учредители признали правильнымъ, чтобы въ числѣ представителей отъ каждой изъ мѣстныхъ комиссій въ совѣтѣ общества хотя бы одинъ представитель былъ уполномоченъ на это слушателями. Къ сожалѣнію, при регистраціи общества отъ представительства слушателей въ мѣстныхъ комиссіяхъ и въ совѣтѣ общества пришлось отказаться [1]).

При жизни Дмитрія Андреевича общество это просуществовало всего $1^1/_2$ года. Какъ отразится смерть его на дѣлахъ этого учрежденія — сказать пока трудно. Но отсутствіе его несомнѣнно замѣтно уже и теперь.

IX.

Народообразовательная и воспитательная дѣятельность Дмитрія Андреевича, имѣя вполнѣ самостоятельное значеніе, тѣсно связывалась имъ и съ другими мѣрами общественнаго оздоровленія и, между прочимъ, съ мѣрами борьбы съ алкоголизмомъ. Этими послѣдними онъ интересовался еще въ самыхъ первыхъ своихъ печатныхъ работахъ, а въ послѣднія 12 лѣтъ своей жизни посвятилъ имъ не мало времени и вниманія.

Въ 1895 г. русское общество охраненія народнаго здравія учредило комиссію съ цѣлью разработки устава лечебныхъ заведеній для алкоголиковъ. Комиссія эта, однако, не дѣй-

---

[1]) С.-Петербургское общество „Народный Политехникумъ“. Отчетныя свѣдѣнія за 1908—1910 уч. года, стр. 6—10.

ствовала въ теченіе почти трехъ лѣтъ и возродилась лишь къ началу 1898 г., когда предсѣдателемъ ея былъ избранъ М. Н. Нижегородцевъ, а въ работахъ пожелали принять участіе В. М. Бехтеревъ, А. С. Вирениусъ, гр. П. А. Гейденъ, Г. И. Дембо, Д. А. Дриль, И. М. Догель, А. С. Зарудный, Е. П. Ковалевскій, А. Ф. Кони, И. П. Мержеевскій, Д. П. Никольскій, Э. Ю. Петри, В. И. Покровскій, И. А. Сикорскій, Н. С. Таганцевъ, И. Я. Фойницкій. О. А. Чечоттъ, В. Ф. Чижъ, А. А. Шумахеръ, И. И. Янжулъ и мн. др. ученые и общественные дѣятели. Съ самаго начала работъ возрожденной комиссіи, Дмитрій Андреевичъ занялъ въ ней дѣятельное и выдающееся положеніе, сначала какъ добровольный работникъ, а затѣмъ какъ представитель въ комиссіи юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ. Въ то время, какъ нѣкоторые члены боялись поставить вопросъ объ алкоголизмѣ во всю его ширину и глубину и желали ограничить работы комиссіи узкими рамками по преимуществу медицинскихъ вопросовъ, Дмитрій Андреевичъ съ перваго же засѣданія сталъ на сторону того мнѣнія, по которому «мѣры борьбы съ алкоголизмомъ только тогда могутъ быть успѣшны, когда извѣстны причины возникновенія этого зла». Поэтому онъ настаивалъ на всестороннемъ обсужденіи вопроса объ изслѣдованіи причинъ алкоголизма. «Пока причины не устранены, отъ леченія мало будетъ пользы; лечебницы будутъ нести Сизифову работу. Было бы неправильно стремиться къ тому, чтобы вся страна покрылась сѣтью лечебницъ, и въ то же время профилактическія мѣры поставить на задній планъ». Напротивъ того, предупредительнымъ государственнымъ и общественнымъ мѣрамъ борьбы съ алкоголизмомъ необходимо предоставить выдающуюся роль [1]).

А насколько широко понималъ онъ причины алкоголизма, видно, между прочимъ, изъ преній по одному докладу комисіи,

---

[1]) Труды комис. по вопросу объ алкоголизмѣ. Журналы засѣданій и доклады. Вып. 1-й, стр. 6 и 7.

когда Дмитрій Андреевичъ заявилъ, что къ спиртнымъ напиткамъ прибѣгаютъ не одни только хроническіе алкоголики, но и здоровые люди, «поставленные въ дурныя условія питанія и жизни», не только тогда, когда у нихъ является потребность устранить алкоголемъ «свои болѣзненныя субъективныя ощущенія», но и когда того требуютъ условія труда. «Извѣстная часть рабочей массы, очень истощенной работой, можетъ работать, только прибѣгая къ алкоголю... Не будь алкоголя, рабочій не могъ бы вовсе производить работы сверхъ его истощенныхъ силъ... Необходимо позаботиться объ устраненіи положенія, вынуждающаго работать сверхъ силъ. Когда въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ фабрикахъ улучшились условія жизни, потребленіе алкоголя параллельно понизилось» [1]).

Коренныя причины алкоголизма, «корни» его Дмитрій Андреевичъ формулировалъ не разъ. По его словамъ, они сводятся къ слѣдующему:

«Дурныя, переполненныя, лишенныя достаточнаго свѣта и воздуха, крайне грязныя, промозглыя и относительно очень дорогія жилища рабочей бѣдноты, больше напоминающія звѣриныя логова и существующія у насъ въ великомъ изобиліи и по сей день; недостаточное, дурное питаніе, сводящееся, какъ показываютъ цифры, къ постоянному недоѣданію въ массахъ; вредныя условія обстановки труда, количественное перерабатываніе и недостатокъ нужныхъ условій для здороваго отдыха; тяжелыя, подавляющія повседневныя заботы о средствахъ существованія на завтрашній день для себя и семьи, связанныя съ постоянными поисками работы и полной необезпеченностью; всевозможныя угнетающія и раздражающія жизненныя несправедливости,—все это и многое другое, какъ, напр., всевозможныя излишества и прожиганіе жизни, одинаково развивая физіологическое обѣднѣніе и вызывая въ наслѣдственной передачѣ болѣзненность и хилость организмовъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 66, 67.

съ сопутствующими, болѣе или менѣе длительно, непріятными состояніями самочувствія, порождаетъ влеченіе къ возбужденіямъ и искусственнымъ возбудителямъ, особенно къ алкоголю... А ко всему—крайній недостатокъ не только въ народныхъ массахъ, но даже и въ болѣе достаточныхъ слояхъ населенія правильнаго, цѣлесообразнаго воспитанія, — недостатокъ, обусловливающій слабость и даже отсутствіе способности къ высшимъ, болѣе одухотвореннымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, что является удобной почвой для развитія нравственной распущенности и ея проявленій» [1]).

Таковы, по мнѣнію Дмитрія Андреевича, коренныя причины массоваго алкоголизма, причины, «общее имя которымъ—общественное нестроеніе». Порождаемыя ими явленія алкоголизма и ихъ послѣдствія составляютъ истинное, ужасающее зло, особенно въ послѣднее время, когда «среди потомства алкоголизовавшихся дѣдовъ и отцовъ глубоко оскудѣваетъ здоровье, а съ нимъ падаетъ работоспособность, размножается бѣдность и нищенство, грубѣютъ и извращаются лучшія чувства, распространяется скука жизнью и людей охватываетъ какая-то манія самоубійствъ, не щадящая даже дѣтей въ раннемъ возрастѣ... Развивается возмутительная скотская разнузданность въ половомъ отношеніи. Распространяется отвратительное озвѣреніе, при которомъ жизнь и кровь человѣка цѣнятся менѣе «мерзавчика», который покупается въ многочисленныхъ казенныхъ лавкахъ... Множатся хулиганство и проституція въ ихъ худшихъ формахъ. Усиливается жажда грубыхъ удовольствій, покупаемыхъ цѣною не только кричащей безнравственности, но и преступности» [2]).

Въ подтвержденіе того, насколько алкоголизмъ вліяетъ на область преступленія, Дмитрій Андреевичъ ссылался на проповѣдь монаха Мотье въ тридцатыхъ годахъ прошлаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 66, 67.

[2]) „Рус. Вѣд.“, 18 сент. 1909 г., ст. Д. А. Дриль: „Массовый алкоголизмъ и предстоящій I всерос. съѣздъ для борьбы съ нимъ“.

столѣтія въ Ирландіи, который пламенными рѣчами значительно повліялъ на сокращеніе въ Дублинѣ пьянства. Результатомъ этого было закрытіе одной тюрьмы за отсутствіемъ заключенныхъ и сокращеніе числа послѣднихъ въ другой тюрьмѣ съ 3202 до 1.604 человѣкъ.

Въ своихъ печатныхъ работахъ по алкоголизму Дмитрій Андреевичъ не разъ отмѣчалъ и «наиболѣе удручавшую» его сторону, заключающуюся въ томъ, «что важнѣйшимъ устоемъ нашего государственнаго бюджета является питейный доходъ, и потому, какъ-никакъ, а государство съ финансовой стороны представляется живо заинтересованнымъ въ отравленіи собственнаго народа 40⁰-ной водкой. Даже возникаетъ, какъ-то дико звучащій, вопросъ: какъ быть финансовому учрежденію и гдѣ ему брать нужныя денежныя средства, если народъ пожелаетъ быть здоровымъ физически, умственно и нравственно и перестанетъ доставлять казнѣ громадный доходъ самоотравленіемъ?» [1])

Говоря это, Дмитрій Андреевичъ никого не винилъ и не осуждалъ. Онъ понималъ, что въ тѣ времена, когда казной устанавливались доходы отъ спиртныхъ напитковъ, понятіе о вредѣ ихъ было еще недостаточно, а потомъ доходы эти сдѣлались настолько существенной частью бюджета, что отказаться отъ нихъ сразу сдѣлалось уже невозможнымъ. Но теперь, когда зло алкоголизма достигло исключительно крупныхъ размѣровъ, теперь необходимо энергично и настойчиво добиваться иного отношенія государства къ этой доходной статьѣ.

При такомъ взглядѣ на роль государственныхъ учрежденій въ массовомъ алкоголизмѣ и при глубокомъ пониманіи причинъ его, Дмитрій Андреевичъ считалъ необходимымъ напоминать государственной власти о томъ, что можетъ и что должна сдѣлать она для устраненія пагубныхъ послѣдствій

---

[1]) Тамъ же.

этого зла. Въ первый же годъ работъ комиссіи онъ въ докладѣ своемъ—«Нѣкоторыя изъ причинъ массоваго алкоголизма и вопросъ о мѣрахъ борьбы съ нимъ», указывая на то, что «глубокія причины массоваго алкоголизма... не могутъ быть только индивидуальными,—онѣ общія и внѣшнія»,—настаивалъ на невозможности разсматривать ихъ какъ роковыя. Напротивъ того, «государство и общество могутъ», по его мнѣнію, «сдѣлать весьма многое для ихъ устраненія», а комиссіи общества охраненія народнаго здравія, поставившей себѣ цѣлью всестороннее изученіе алкоголизма, слѣдуетъ указать и подчеркнуть мѣры борьбы съ ними». «Для начала» онъ рекомендуетъ болѣе легкія мѣры и докладываетъ, что въ числѣ первыхъ «на передовомъ мѣстѣ и именно теперь, при усиливающемся вторженіи машинъ, должно стоять дальнѣйшее развитіе рабочаго законодательства, распространеніе его, по возможности, на всѣ отрасли труда и установленіе въ немъ строгаго и многосторонняго надзора... Крайне желательно также на первое время хотя бы существенное упорядоченіе условій, а затѣмъ и совершенное устраненіе института теперешняго ремесленнаго ученичества, для чего потребуется, конечно, постепенное созданіе достаточнаго количества практически поставленныхъ профессіональныхъ школъ.

«Въ числѣ мѣръ, стоящихъ на первой очереди, для примѣра укажу хотя бы на устройство, взамѣнъ норъ и берлогъ, здоровыхъ, удобныхъ и дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, что вполнѣ возможно и на коммерческомъ началѣ» [1].

И на этотъ разъ, въ противоположность еще недавно столь модной у насъ «ставки на сильныхъ», Дмитрій Андреевичъ подчеркиваетъ, словами императора Вильгельма II, общій характеръ проектируемыхъ имъ мѣръ, которыя должны быть «въ духѣ заботливости объ экономически-слабѣйшей части населенія» и въ духѣ «нравственнаго ученія христіанства».

---

[1]) Труды ком. по вопр. объ алкоголизмѣ. Вып. II. См. протоколъ засѣданія комиссіи отъ 24 октября 1898 г., стр. 100 и докладъ Д. А. Дриль, стр. 110.

Въ виду такихъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ предположеній Дмитрія Андреевича въ комиссіи подъ его предсѣдательствомъ, образовалась редакціонная субкомиссія, имѣвшая цѣлью обосновать и формулировать возбуждаемыя ходатайства. Проекты этихъ послѣднихъ касались: 1) введенія, законодательнымъ путемъ, въ неподчиненныхъ еще особому правительственному надзору отрасляхъ труда особыхъ, подобно фабричнымъ законамъ, правилъ объ установленіи въ нихъ надзора за примѣненіемъ этихъ правилъ и объ учрежденіи практически поставленныхъ ремесленныхъ школъ, и 2) объ установленіи болѣе дѣятельнаго и строгаго надзора за помѣщеніями и въ частныхъ домахъ, занятыхъ наемными квартирами бѣднаго рабочаго населенія [1]). Первое изъ этихъ ходатайствъ было возбуждено передъ министерствомъ финансовъ, а второе передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, частью по иниціативѣ того же Дмитрія Андреевича, частью по иниціативѣ другихъ лицъ, былъ возбужденъ рядъ другихъ ходатайствъ, напр., передъ попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ (объ учебныхъ мастерскихъ, бюро по пріисканію работъ и др.), передъ военнымъ вѣдомствомъ (объ алкоголизмѣ въ войскахъ) и т. п.

Не останавливаясь на другихъ работахъ Дмитрія Андреевича въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ десять томовъ «трудовъ» помянутой комиссіи, на созданномъ имъ товариществѣ борьбы съ жилищной нуждой, о которомъ будетъ сказано подробнѣе въ слѣдующей главѣ и, наконецъ, на рядѣ интересныхъ и важныхъ для всесторонняго освѣщенія вопроса объ алкоголизмѣ статей и докладовъ Дмитрія Андреевича, слѣдуетъ отмѣтить еще, что мысль о созваніи всероссійскаго съѣзда 1910 года по борьбѣ съ пьянствомъ принадлежала ему и имъ же, болѣе чѣмъ кѣмъ-либо другимъ, была осуществлена.

---

[1]) То же, вып. IV, стр. 250.

Въ «комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ» заговорили о необходимости съѣзда еще въ концѣ зимы 1902 г. Тогда же было признано необходимымъ «всколыхнуть общественное вниманіе и упорно сосредоточить его на народномъ горѣ и бѣдствіи, проистекающемъ отъ разрушительнаго дѣйствія массоваго алкоголизма, а для этого собрать... съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ». Приступить, однако, къ дѣлу удалось только въ октябрѣ 1908 г., когда былъ избранъ организаціонный комитетъ съѣзда. Онъ выдѣлилъ изъ себя небольшую комиссію для выработки плана организаціи съѣзда, въ которую, конечно, вошелъ и Дмитрій Андреевичъ. Въ основу работъ этой комиссіи была положена, съ одной стороны, мысль, что съѣздъ долженъ быть безпартійнымъ, такъ какъ въ общемъ бѣдствіи родины заинтересованы всѣ партіи и такъ какъ для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ нужны не партійные споры, а «общая дружная, спокойно-вдумчивая работа», а съ другой—тотъ «всеобщій законъ», по которому, «не зная и не устраняя производящихъ причинъ вредныхъ явленій, невозможно устранить и самыя явленія, какъ необходимыя только слѣдствія». Поэтому въ программу съѣзда широко были включены вопросы о причинахъ алкоголизма—индивидуальныхъ и общественныхъ [1]).

По утвержденіи организаціоннымъ комитетомъ программы съѣзда и разрѣшеніи его, была избрана исполнительная комиссія, во главѣ съ Дмитріемъ Андреевичемъ, на которую и пала почти вся тягота устройства съѣзда.

Какъ велика эта тягота, стороннимъ людямъ, не видѣвшимъ работы такихъ комиссій, судить трудно. Но кто стоялъ близко къ дѣятелямъ ихъ, тотъ знаетъ, что трудъ ихъ стоитъ не только напряженія всѣхъ силъ, безсонныхъ ночей и непрерывныхъ волненій, но и настоящихъ потрясеній, несомнѣнно сокращающихъ и подрывающихъ жизнь. Все это пе-

---

[1]) Труды I всерос. съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ, т. I, стр. 53, 54. Рѣчь Д. А. Дриль при открытіи съѣзда.

ренесъ Дмитрій Андреевичъ въ тяжелые дни съѣзда съ 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., все испыталъ и претерпѣлъ и—кто знаетъ—каковъ бы былъ исходъ сведшей въ могилу его болѣзни, если бы съѣздъ этотъ не былъ такъ исключительно тяжелъ для его учредителей. Но, по обыкновенію, онъ не жаловался и старался даже не показывать виду о томъ, чего стоилъ ему съѣздъ, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній, несмотря на всѣ бури, поднятыя вокругъ него и въ немъ, сдѣлалъ свое дѣло: «всколыхнулъ общество и заложилъ основаніе для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія борьбы съ великимъ горемъ и несчастіемъ русскаго народа»—съ пьянствомъ. Громадный фактическій матеріалъ, собранный и въ значительной части научно обработанный съѣздомъ, даетъ вполнѣ прочный фундаментъ для систематическихъ мѣропріятій противъ алкоголизма. Это оцѣнили и иностранцы, по собственному почину посѣтившіе съѣздъ. Делегатъ германскихъ обществъ трезвости, удивляясь «гигантской работѣ съѣзда», призналъ, что онъ—«культурный факторъ не только для Россіи, но и для всего культурнаго міра». На съѣздѣ были представлены—это смѣло можно утверждать—«чуть ли не всѣ элементы населенія огромной Россіи, отъ Балтики и Вислы до далекой Сибири, отъ профессора до крестьянина, отъ епископа и до крайнихъ лѣвыхъ сторонниковъ соціалъ-демократическихъ ученій. Кто же могъ бы себѣ представить, что какъ бы ни стремился президіумъ поставить пренія безпартійно, на подобномъ съѣздѣ, собравшемся въ первый разъ для обсужденія одного изъ наиболѣе практическихъ вопросовъ русской жизни, все пойдетъ гладко и не возникнетъ рѣзкихъ преній? Но каковы бы ни были эти пренія, всѣ присутствовавшіе были совершенно единодушны въ признаніи настоятельнѣйшей необходимости борьбы съ огромнымъ зломъ пьянства всѣми средствами. И въ этомъ итогѣ съѣзда—залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ дѣла» [1]).

---

[1]) Тоже, т. III, стр. 1575.

Въ этомъ же итогѣ—и крупная заслуга Дмитрія Андреевича, все время бывшаго въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ однимъ изъ тѣхъ живыхъ центровъ, безъ которыхъ немыслимо никакое общественное начинаніе.

X.

Характеризуя на съѣздѣ по борьбѣ съ пьянствомъ дѣятельность учрежденной при русскомъ обществѣ охраненія народнаго здравія комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, Дмитрій Андреевичъ указалъ, что работы ея оставались «преимущественно въ области научно-теоретической разработки» вопроса, «учесть практическіе результаты которой теперь пока невозможно». При этомъ онъ оговорился, что комиссія дала и одинъ практическій результатъ: «въ ней зародилось и изъ нея вышло культурное учрежденіе—Товарищество борьбы съ жилищной нуждой. Оно уже построило обширный и прекрасно обставленный Гаванскій рабочій городокъ. Въ сильнѣйшіе пароксизмы петербургской холеры, онъ не узналъ холеры и не знаетъ непробуднаго пьянства» [1]). Городокъ этотъ существуетъ, дѣйствуетъ и развивается до сихъ поръ.

Въ сообщеніи этомъ Дмитрій Андреевичъ позволилъ себѣ одну неточность, очень характерную для него. Онъ не сказалъ, что мысль о борьбѣ съ жилищной нуждой заронилъ въ комиссіи онъ самъ, что двигалъ тамъ ее онъ же и, наконецъ, что вывелъ ее оттуда и осуществилъ въ дѣйствительности тоже никто иной, какъ онъ—Д. А. Дриль.

Выше уже было отмѣчено, когда и при какихъ условіяхъ поставилъ Дмитрій Андреевичъ въ комиссіи вопросъ объ удовлетвореніи жилищной нужды рабочаго населенія. Тогда же, въ 1898 г., онъ доложилъ комиссіи, что осуществленіе дѣла дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ вполнѣ возможно на ком-

---

[1]) Тоже, стр. 52.

мерческихъ началахъ. Съ самаго начала слѣдующаго, 1899, года Дмитрій Андреевичъ приступилъ къ практическому осуществленію своей мысли.

На первыхъ порахъ онъ предложилъ комиссіи обратиться, черезъ посредство общества охраненія народнаго здравія, съ ходатайствомъ къ комитету попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ принять на себя устройстѳо здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ, хотя бы въ одномъ Петербургѣ.

Такое свое выступленіе Дмитрій Андреевичъ мотивировалъ тѣмъ, что дурное, недостаточное питаніе, не находящееся въ соотвѣтствіи съ тратами организма, и крайняя антигигіеничность квартирныхъ помѣщеній, страдающихъ отъ недостатка свѣта, воздуха, тепла, сухости, чистоты, отъ переполненія и скученности, на-ряду съ другими неблагопріятно дѣйствующими условіями, разстраиваютъ здоровье, особенно только еще подрастающихъ и органически формирующихся поколѣній, ослабляютъ органическія силы рабочихъ, понижаютъ ихъ работоспособность, сокращаютъ продолжительность жизни и вызываютъ въ организмѣ состояніе стойкаго переутомленія, истощенія и физіологической бѣдности, со всѣми ихъ неблагопріятными слѣдствіями, и потому порождаютъ болѣе или менѣе напряженное влеченіе къ разъ извѣданному искусственному возбудителю—алкоголю, доставляющему моменты временнаго забвенія и подбадриванія, а на пространствѣ времени порождающему ужасную болѣзнь—хроническій алкоголизмъ, при которомъ человѣкъ становится обузою, а нерѣдко и бичемъ для его окружающихъ [1]).

Возбуждая ходатайства, Дмитрій Андреевичъ агитировалъ въ пользу устройства дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ и въ литературѣ, главнымъ образомъ, въ газетахъ. Затѣмъ, появляются и его большія статьи: «Улучшеніе жилищныхъ условій нуждающихся классовъ населенія» [2]), какъ результатъ его

---

[1]) См. журналъ „Трудовая Помощь“, 1902 г.

[2]) См. журналъ „Трудовая Помощь“, 1902 г.

поѣздки за границу, гдѣ онъ тщательно изучалъ этотъ вопросъ, «Жилищная нужда рабочаго населенія и мѣры къ ея облегченію» [1]), «Борьба съ жилищной нуждой» [2]) и др.

Въ 1900 г. женщина-врачъ М. И. Покровская, раньше занимавшаяся вопросомъ о жилищахъ рабочихъ, съ своей стороны, рекомендовала комиссіи принять на себя хотя бы «часть почина по осуществленію постройки такихъ жилищъ». Дмитрій Андреевичъ высказывался, однако, за возможность болѣе полнаго почина. Сочувствуя этому, комиссія по борьбѣ съ алкоголизмомъ избрала изъ своей среды подкомиссію, которой и поручила разработать проектъ устава строительнаго для этой цѣли учрежденія. Въ составъ ея, кромѣ Дмитрія Андреевича, вошли А. И. Браудо, Д. П. Бѣлошапкинъ, Е. М. Дементьевъ, К. С. Лозина-Лозинскій, Е. Д. Максимовъ, А. И. Мищенко, М. Н. Нижегородцевъ, М. Н. Поповъ, М. И. Покровская, Л. Скаржинскій и М. С. Уваровъ.

Отказавшись отъ мысли создать благотворительное учрежденіе, которое могло бы принизить личное достоинство благотворимаго, подкомиссія рѣшила «заложить въ основу дѣла начала самопомощи, взаимопомощи и сотрудничества и, по возможности, облегчить участіе въ немъ самихъ нуждающихся въ жилищахъ». Исходя изъ этого, она остановилась на мысли создать строительное учрежденіе по образцу берлинскаго сберегательно-строительнаго товарищества, основаннаго въ 1892 г. берлинскимъ центральнымъ учрежденіемъ для улучшенія благостоянія рабочихъ. Товарищество это было въ подробностяхъ обслѣдовано Дмитріемъ Андреевичемъ. Имъ же былъ составленъ и проектъ подобнаго учрежденія въ Петербургѣ. По подробному разсмотрѣнію его въ подкомиссіи, а затѣмъ и въ комиссіи, эта послѣдняя поручила Д. А. Дриль, М. Н. Нижегородцеву и Л. Скаржинскому ходатайствовать объ утвержденіи проекта устава.

---

[1]) См. журналъ „Народное Хозяйство“, 1904 г.

[2]) См. журналъ „Трудовая Помощь“, 1905 г.

Удалось это не сразу, ибо проектъ во многихъ статьяхъ довольно рѣзко уклонялся отъ принятыхъ нормъ, и уполномоченнымъ комиссіи, главнымъ же образомъ Дмитрію Андреевичу, какъ его составителю, пришлось не мало походить и поѣздить по министерскимъ канцеляріямъ. Въ концѣ концовъ, уставъ «Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося трудящагося населенія» былъ утвержденъ 28 іюня 1902 г., и товарищество приступило къ осуществленію своихъ задачъ.

Уставомъ ему предоставлялись довольно широкія права: «право не только повсемѣстно строить жилища, но и открывать различныя учрежденія, способствующія улучшенію жизненной обстановки рабочаго населенія, входить съ ходатайствами по поводу нуждъ, возникающихъ въ кругѣ дѣятельности товарищества, въ соотвѣтствующія правительственныя учрежденія... и производить черезъ уполномоченныхъ изслѣдованія жилищныхъ условій» [1]).

Съ ноября того же года началъ дѣйствовать комитетъ временноуполномоченныхъ, главной задачей котораго было—распространеніе паевъ товарищества, номинальная стоимость каждаго изъ которыхъ была опредѣлена въ 25 р. Составъ комитета опредѣлился сначала въ 14 лицъ, а затѣмъ къ нему примкнули еще гг. Н. В. Дмитріевъ и А. Н. Никитинъ.

Больше всѣхъ хлопоталъ Дмитрій Андреевичъ, вполнѣ вѣрившій въ возможность осуществленія начатаго дѣла, тогда какъ другіе очень сомнѣвались въ немъ. Въ составленномъ имъ воззваніи къ обществу онъ, въ качествѣ подбодряющаго примѣра, ссылался на штутгартское общество содѣйствія улучшенію благосостоянія тружениковъ, которое въ очень короткое время собрало на постройку рабочихъ жилищъ 400 т. марокъ изъ 3%, а черезъ десять лѣтъ затратило уже на такія постройки до 5 милл. марокъ. Неужели, — говорилъ Дмитрій Андреевичъ въ воззваніи,—«менѣе отзывчивыми ока-

---

[1]) „Борьба съ жилищной нуждой“ (Отчетъ т-ва за 1903 г.), стр. 3—5.

жутся русскіе люди? Вѣдь дѣло идетъ объ охранѣ семейной жизни, объ охранѣ здоровья, работоспособности и нравственности согражданъ, объ исполненіи нашего христіанскаго долга и долга передъ родной страной... Растетъ населеніе, растетъ и тяжелая жилищная нужда. Вскорѣ Петербургъ будетъ праздновать свою двухсотлѣтнюю годовщину. Пусть же, наканунѣ ея, болѣе обезпеченные дѣятельно задумаются надъ улучшеніемъ быта тѣхъ, чей упорный трудъ могущественно содѣйствуетъ увеличенію богатствъ страны» [1]).

На-ряду съ воззваніями, печатались газетныя статьи и дѣлались въ разныхъ обществахъ сообщенія и доклады. И то, что считалось невозможнымъ или, по меньшей мѣрѣ, сомнительнымъ—сдѣлалось осуществимымъ. Любимая мысль Дмитрія Андреевича о томъ, что при правильной и энергичной работѣ невозможное становится достижимымъ, получила блистательное оправданіе.

Въ товарищество, въ качествѣ пайщиковъ, вступили: совѣтъ русскаго общества охраненія народнаго здравія, с.-петербургское городское попечительство о народной трезвости, во главѣ со своимъ предсѣдателемъ—принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, общество содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и общество гражданскихъ инженеровъ. Затѣмъ, весьма сочувственно отнеслась къ ходатайству временныхъ уполномоченныхъ о вступленіи въ товарищество ея высочество принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, изъявившая согласіе вложить въ предпріятіе крупную сумму, въ видѣ принадлежащаго ея высочеству участка земли на Гаванской улицѣ, по первоначальной его стоимости въ 22 тыс. р., и получить на всю эту сумму паи товарищества. Такое крупное участіе ея высочества значительно подняло надежды временноуполномоченныхъ, которыми къ апрѣлю 1903 г. было, такимъ образомъ, собрано уже около $52^1/_2$ тысячъ руб.

---

[1]) Тамъ же, стр. 7—8.

Первое общее собраніе пайщиковъ товарищества, состоявшееся 20 апрѣля 1903 г., открыло дѣйствія товарищества и избрало совѣтъ его и правленіе. Исходя изъ мысли, что предпринимаемое имъ дѣло имѣетъ важное общественно-государственное значеніе, общее собраніе, по предложенію Дмитрія Андреевича, обратилось въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ оказать поддержку товариществу. Ходатайство это было уважено: 28 октября того же года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на обращеніе въ паи товарищества 100 тыс. р. изъ капиталовъ общественнаго призрѣнія, сосредоточенныхъ въ этомъ министерствѣ [1]).

Съ самаго начала строительнаго сезона 1904 г. товарищество приступило къ постройкѣ домовъ на участкѣ, принадлежавшемъ раньше ея высочеству принцессѣ Еленѣ Георгіевнѣ, по планамъ, разработаннымъ директоромъ правленія товарищества Н. В. Дмитріевымъ. Несомнѣнно, оно не могло бы довести до конца сооруженіе всѣхъ пяти корпусовъ, находящихся теперь на этомъ участкѣ, если бы Дмитрій Андреевичъ снова не помогъ ему исходатайствовать у министерства вн. дѣлъ ссуду рентой въ 200 тыс. р., съ платежемъ того же процента, какой она приноситъ обычно, и съ погашеніемъ въ теченіе 41 года, и если бы петербургская городская дума не ссудила ему 150 тыс. р. изъ 5%.

Въ общемъ, товариществомъ, переименованнымъ впослѣдствіи въ «Товарищество борьбы съ жилищной нуждой», вложено въ дѣло свыше 500 т. р.,—сумма у насъ для предпріятія частной иниціативы безпримѣрно высокая, а если принять во вниманіе срокъ, въ которой она собрана, то и небывалая. Это, несомнѣнно, первый въ Россіи примѣръ широкой постановки дѣла добровольными дѣятелями, примѣръ, созданный, прежде всего, усиліями Дмитрія Андреевича.

Построенный на эти средства «Гаванскій рабочій городокъ», которому присвоено теперь имя Д. А. Дриль, за-

---

[1]) Тамъ же, стр. 12.

нимаетъ площадь около десятины земли, на которой расположено, какъ уже было сказано, пять красивыхъ домовъ, съ обильнымъ приливомъ къ нимъ воздуха и солнечнаго свѣта. Въ нихъ около 200 отдѣльныхъ семейныхъ квартиръ въ 1—2—3 комнаты съ кухнями и со всѣми удобствами и 115 отдѣльныхъ же меблированныхъ комнатъ для одинокихъ съ общими кухнями и коридорами. Число жильцовъ въ комнатахъ и квартирахъ ограничено. Отопленіе центральное—водяное, съ двойною вентиляціей—вытяжной и приточной. При домахъ имѣется обширный залъ для лекціонныхъ чтеній и развлеченій, столовая съ чайной и библіотека-читальня. Въ домахъ Гаванскаго рабочаго городка помѣщается шестиклассная городская школа съ обширными рекреаціонными залами, съ площадкой и садомъ для дѣтскихъ игръ. Внизу устроены для безплатнаго пользованія учащихся души съ теплой водой. Въ значительной мѣрѣ на средства товарищества содержится при домахъ и дѣтскій садъ для дѣтей дошкольнаго возраста. Въ отдѣльномъ зданіи помѣщается прачешная. Администрація городка строго слѣдитъ за чистотой и соблюденіемъ санитарныхъ правилъ. Въ домахъ нѣтъ ни заднихъ, темныхъ, грязныхъ лѣстницъ, ни темныхъ угловъ и коридоровъ. И, при этихъ условіяхъ, помѣщенія въ нихъ расцѣниваются почти вдвое дешевле, чѣмъ у частныхъ лицъ. Квартиры съ отопленіемъ, въ зависимости отъ числа комнатъ, сдаются отъ 8 р. 50 к. до 23 р. въ мѣсяцъ, а отдѣльныя комнаты отъ 3 р. 50 к. (на одного человѣка) до 10 р. (на четыре человѣка). Въ эту цѣну для семейныхъ квартиронанимателей входитъ и страхованіе ихъ на случай смерти. При наличности такого несчастья, семья умершаго получаетъ пособіе на его похороны въ размѣрѣ трехмѣсячной квартирной платы, право пользованія квартирой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ или соотвѣтствующую сумму денегъ при выѣздѣ изъ квартиры и, наконецъ, при оставленіи послѣдней—пятимѣсячную квартирную плату.

При такой постановкѣ, товарищество исправно уплачи-

ваетъ въ послѣдніе годы дивидендъ и выплачиваетъ долги. Предупреждая всякія попытки превратить это предпріятіе въ обыкновенное доходное акціонерное учрежденіе и избавить его отъ случайностей биржевой спекуляціи, Дмитрій Андреевичъ настоялъ на ограниченіи въ самомъ уставѣ товарищества дивиденда $4^1/_2\%$ и на введеніи въ него требованія, чтобы всѣ паи были именными. При этихъ условіяхъ, учрежденіе, сохраняя коммерческій характеръ, не могло стать объектомъ обычной спекуляціи и получало возможность развивать, количественно и качественно, пріютившіяся при немъ общеполезныя культурныя начинанія. Въ послѣднихъ, на-ряду съ коммерческимъ, въ опредѣленныхъ чертахъ, веденіемъ предпріятія, Дмитрій Андреевичъ видѣлъ очень важную особенность дѣла, особенность, ограждающую его отъ рѣзкаго давленія капитала и связанной съ нимъ неудержимой погони за прибылью. Къ сожалѣнію, особенность эту не всегда понимали нѣкоторые изъ его сотрудниковъ по товариществу. Но надо надѣяться, что она будетъ сохранена и послѣ его смерти.

Въ настоящее время финансовое положеніе товарищества таково, что если удастся реализовать хотя бы часть неразобранныхъ еще паевъ его, то можно будетъ приступить къ устройству второго такого же рабочаго городка на принадлежащемъ ему другомъ участкѣ земли за Невской заставой, по Шлиссельбургскому тракту [1]). Вообще, дѣло это не только упрочилось, но имѣетъ всѣ данныя для широкаго развитія въ будущемъ. И нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи оно навсегда будетъ связано съ именемъ его основателя—Дм. Анд. Дриль.

XI.

О Дмитріи Андреевичѣ всегда говорили, какъ о безпартійномъ дѣятелѣ. И, несомнѣнно, онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что онъ былъ

---

[1]) См. отчеты товарищества съ 1904 по 1910 г. включительно.

равнодушенъ или безразличенъ къ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ.

Въ молодости Дмитрій Андреевичъ неоднократно высказывался въ томъ смыслѣ, что для представительнаго образа правленія въ Россіи нѣтъ подготовительныхъ общественныхъ силъ и дѣятелей. Но противъ самыхъ формъ такого правленія онъ не возражалъ. Напротивъ того, какъ «западникъ»,— а таковымъ его считало едва ли не большинство знакомыхъ, слушателей и читателей,—онъ высоко цѣнилъ свободный строй Западной Европы, ея политическій укладъ и культуру. Въ этомъ смыслѣ онъ много разъ высказывался устно и въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ.

Чтобы передать его настроенія въ этомъ отношеніи, считаю нелишнимъ привести нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ ко мнѣ, автору этого очерка, писанныхъ за 3—4 мѣсяца до смерти, т. е. въ іюлѣ—августѣ 1910 г.

Отъ 26 іюля онъ писалъ изъ Брюсселя:

«По газетамъ съ родины идутъ только свѣдѣнія объ усиливающейся холерѣ. Да и о чемъ утѣшительномъ можетъ повѣдать родина?! Какъ посравнишь здѣшнее съ своимъ—горько и обидно становится. Особенно это бросается въ глаза на выставкѣ, которая свидѣтельствуетъ вамъ, что все работаетъ и работаетъ, а мы все еще какъ ultimo ratio продолжаемъ имѣть дѣло съ самобытнымъ явленіемъ—«союзомъ русскаго народа», который такъ богато вкладывается въ нашу жизнь своимъ вліяніемъ. Сопоставишь, и чудится, что здѣсь находишься на время въ какомъ-то иномъ мірѣ. Конечно, и здѣсь не мало дряни, но все это въ предѣлахъ опредѣленной мѣры, а не такъ, что до безчувствія»...

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1/14 августа изъ Парижа онъ пишетъ, что послѣ нездоровья его опять «потянуло на работу», что онъ «забѣгалъ по Парижу», обложился журналами, взятыми «на просмотръ въ международномъ институтѣ для распространенія соціальныхъ опытовъ». Свои парижскія

впечатлѣнія онъ кратко фомулируетъ такъ: «зародилось и распространяется движеніе въ направленіи нравственнаго обновленія... Ахъ... хоть бы однимъ пальчикомъ удалось посодѣйствовать и однимъ глазкомъ посмотрѣть! Нѣтъ, хороша бусурманщина!» [1]).

Онъ подолгу жилъ за границей, десятки разъ бывалъ тамъ и въ каждую новую поѣздку не переставалъ, какъ и въ первый разъ, любоваться всѣмъ достойнымъ этого. Въ Швейцаріи, «очарованный прекрасной и ласкающей ея природой, свободной и ярко бросающейся въ глаза культурой», онъ мечтаетъ вмѣстѣ съ близкими провести слѣдующее лѣто «на берегахъ Фирвальдштедтскаго и Женевскаго озеръ». Живя тамъ, онъ любуется «поистинѣ божественной природой, которая заставляетъ живо и ярко вспомнить поэта: «и Божество, и вдохновенье, и жаръ, и слезы, и любовь». Прибавьте, пишетъ онъ отъ 12/25 августа,—«къ этому чувство полной свободы и полнаго уваженія къ человѣческой личности, и тогда характеръ настроенія, вызываемаго окружающими условіями, Вамъ выяснится вполнѣ. Какъ жаль, что Вы... не съ нами».

Это письмо заканчивается интереснымъ P. S. «Вы не можете себѣ представить,—пишетъ онъ въ немъ,—какъ мнѣ больно за родину и съ какой завистью (да, завистью) я смотрю на Швейцарію, задавая себѣ горькій вопросъ: когда же и мы у себя устроимся подобно имъ?» «Культура здѣсь,—какъ бы поясняетъ онъ эту мысль въ письмѣ отъ 24 авг.—6 сент.,—глубоко проникла въ нравы, и сколько ни скобли, а до татарина не доскоблишься. А на-ряду съ этимъ и простота большая»...

Въ концѣ же опять прежнія тоскливыя нотки: «Когда-то... мы увидимъ хотя бы слабое подобіе (этого) у себя на родинѣ? А какъ бы хотѣлось! Вѣдь это все-таки чужое»...

У меня есть письма (не приведенныя еще въ порядокъ),

---

[1]) Такъ мы шутя, между собой, называли культурныя европейскія государства.
Авт.

въ которыхъ еще опредѣленнѣе, еще яснѣе выражены тѣ особенности и тѣ черты общественнаго и государственнаго быта, къ которымъ вполнѣ склонялись его симпатіи; но онѣ не подлежатъ сомнѣнію и изъ только что цитированной переписки. Трудъ и свобода, какъ основы государственнаго быта, культура и нравственное обновленіе, какъ ихъ результатъ,— вотъ что манитъ его, влечетъ и побуждаетъ трепетно съ высокой чистотой безпредѣльной любви къ идеалу, жаждать хоть «однимъ пальчикомъ» посодѣйствовать общечеловѣческому дѣлу, хоть «однимъ глазкомъ» посмотрѣть на его осуществленіе.

Содѣйствовать торжеству идеала въ дѣйствительности ему пришлось очень и очень много, не однимъ только пальчикомъ, а и всѣми своими недюжинными силами. Но посмотрѣть, къ сожалѣнію, на что-нибудь полное и цѣльное въ области осуществленія своихъ стремленій такъ-таки и не удалось.

Однако, всегда, когда на безпросвѣтномъ горизонтѣ нашей общественности мелькалъ какой-нибудь огонекъ, освѣщавшій его идеалы, онъ радостно привѣтствовалъ его.

Разсчитывая на привлеченіе къ обсужденію глубокихъ причинъ алкоголизма широкихъ слоевъ общества и населенія въ тѣ времена, когда громко произносить слово «парламентъ» было небезопасно, Дмитрій Андреевичъ почти восторженно говорилъ:

— Посмотрите, какой мы парламентъ заведемъ, какъ развернется широкая картина экономическихъ и бытовыхъ причинъ алкоголизма, злоупотребленія властью, несоблюденія закона и т. п.

— И политическія условія будете обсуждать?—не безъ ироніи спрашивалъ я.

— Умѣючи все можно,—увѣренно отвѣчалъ онъ.

И нѣтъ сомнѣнія, что онъ многое умѣлъ; умѣлъ, прежде всего, корректно, но вполнѣ ясно говорить о нашихъ поряд-

кахъ полную правду всѣмъ власть имущимъ и предостерегать о надвигающихся потрясеніяхъ, умѣлъ понимать и культивировать то, что было нужно для лучшаго будущаго, то, что подготовляло свободный демократическій строй, на сторонѣ котораго несомнѣнно были всѣ его симпатіи.

Относясь отрицательно къ бюрократическому засилью, онъ постоянно искалъ коррективовъ къ нему, то въ видѣ маленькихъ «парламентовъ», вродѣ помянутаго выше, то въ видѣ особыхъ организацій съ представительствомъ заинтересованныхъ въ нихъ лицъ. Типъ такой именно организаціи онъ развилъ въ неизданной своей работѣ о кооперації и о центральномъ управленіи ею.

«Ходъ развитія кооперативнаго движенія во всѣхъ странахъ показываетъ,—писалъ онъ тамъ,—что настоятельная потребность въ общемъ представительствѣ и защитѣ интересовъ, черезъ посредство самихъ заинтересованныхъ, развивается естественно и необходимо находитъ выраженіе въ общихъ съѣздахъ участниковъ движенія и въ болѣе или менѣе развитыхъ и расчлененныхъ постоянныхъ органахъ послѣднихъ. На долю съѣздовъ выпадаетъ общее направленіе, разработка общихъ вопросовъ и, такъ сказать, періодическое представительство, тогда какъ текущая дѣятельность, текущія сношенія и текущее постоянное представительство выпадаютъ на долю постоянныхъ учрежденій, образуемыхъ въ связи со съѣздами».

Въ этихъ видахъ, рекомендуя объединеніе кооперативовъ въ съѣздахъ, Дмитрій Андреевичъ настаивалъ и на учрежденіи постояннаго бюро послѣднихъ, въ составѣ представителей кооперативовъ и при участіи «представителей всѣхъ активныхъ силъ современнаго общества: государства, общественныхъ учрежденій и частной инціативы». Предуказать размѣры дѣятельности такихъ бюро трудно. «Опредѣленіе этого должно предоставить творчеству практической жизни, съ ея потреб-

ностями и запросами». Но и въ данный моментъ можно предвидѣть, что работа бюро «будетъ широка и предметы ея довольно многочисленны. Къ числу ихъ, между прочимъ, казалось бы, должны относиться собираніе и разработка свѣдѣній о ходѣ развитія мелкой промышленности вообще и организовавшейся въ кооперативныя формы въ частности, полученіе и, по возможности, сводка отчетовъ и вообще сношенія съ мѣстными учрежденіями и сообщеніе имъ нужныхъ для нихъ свѣдѣній и руководящихъ указаній, собираніе свѣдѣній о новѣйшихъ успѣхахъ и усовершенствованіяхъ въ области промышленности и, по возможности, собираніе свѣдѣній о запросахъ и условіяхъ различныхъ рынковъ, изданіе спеціальнаго органа и отдѣльныхъ брошюръ по различнымъ вопросамъ изъ области промышленности, устройство и поддержаніе спеціальныхъ музея-выставки и библіотеки, предварительное разсмотрѣніе различныхъ ходатайствъ мѣстныхъ органовъ и представленіе ихъ со своими заключеніями подлежащимъ правительственнымъ учрежденіямъ,—вообще сношенія съ этими учрежденіями и различными правительственными лицами... разработка въ подробностяхъ вопросовъ, разсматриваемыхъ на съѣздахъ или переданныхъ въ бюро, предварительная разработка вопросовъ, относящихся до нуждъ мелкой промышленности и долженствующихъ быть представленными въ правительственныя учрежденія для послѣдующаго разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ и, быть можетъ, многое другое, чему предстоитъ быть выясненнымъ послѣдующими запросами практической жизни».

Это «многое другое», о которомъ Дмитрій Андреевичъ не говорилъ, было знаменательно для него, такъ какъ въ эту рубрику онъ относилъ и многое изъ того, что входитъ теперь въ кругъ обязанностей бюрократическихъ учрежденій, которыя, теряя, такимъ образомъ, въ размѣрахъ дѣла и компетенціи, не только не должны увеличиваться и разрастаться, а, напротивъ того, будутъ уменьшаться и сокращаться. Постоянныя

бюро съѣздовъ, по его мнѣнію, пріостанавливая ростъ бюрократіи, поглощающей львиную долю народныхъ средствъ, положатъ предѣлъ росту самой непроизводительной части государственнаго расходнаго бюджета и, открывая двери добровольческому труду, обойдутся населенію очень недорого и сблизятъ государственныя мѣропріятія съ запросами практической жизни.

Дмитрій Андреевичъ не былъ творцомъ этихъ мыслей, но, разъ принявши и усвоивши ихъ, вполнѣ проникся ими, добивался осуществленія ихъ во всѣхъ многочисленныхъ съѣздахъ, которые организовалъ или въ которыхъ принималъ участіе, и, такимъ образомъ, не только теоретически, но и практически оцѣнилъ значеніе представительства въ государственномъ и общественномъ управленіи.

Для автора этихъ строкъ не было, поэтому, неожиданностью, когда 18 октября 1905 г., Дмитрій Андреевичъ, держа въ рукахъ манифестъ 17 октября, горячо обнялъ его и радостно сталъ перечитывать всѣми тогда жданный документъ.

Впрочемъ, онъ тогда же замѣтилъ, что имъ не устанавливается отвѣтственнаго министерства, что создаваемая реформа далека еще отъ парламентаризма, что недоразумѣнія на ея почвѣ еще очень возможны и т. д.

Потребность въ обсужденіи реформы и вообще въ переговорахъ и общеніи была въ то время очень велика, и мы совмѣстно начали посѣщать нѣкоторыя собранія. Ни однѣ партійныя рамки не удовлетворяли его, но, чтобы не разрывать связей съ интеллигенціей и имѣть мѣсто, гдѣ можно было бы побесѣдовать на злободневныя темы, Дмитрій Андреевичъ записался въ клубъ партіи народной свободы, откуда, впрочемъ, скоро вышелъ.

Программа партіи народной свободы не удовлетворяла его. Онъ высоко цѣнилъ отдѣльныхъ дѣятелей ея,

культурность борьбы, мирную тактику, но въ своихъ идеалахъ шелъ дальше этой партіи, слишкомъ, по его мнѣнію, капиталистической и западнической въ соціальной части своей программы.

Въ этомъ именно отношеніи Дмитрій Андреевичъ далеко не былъ такимъ западникомъ, какъ это казалось и какъ его считали едва ли не всѣ знавшіе его.

Но въ то же время онъ не былъ ни соціалъ-демократомъ, ни соціалистомъ-революціонеромъ.

Проникнутый ученіемъ соціальныхъ утопистовъ и особенно Роберта Оуэна, онъ ближе примыкалъ въ этомъ отношеніи къ старому народничеству, чѣмъ къ какому-либо изъ современныхъ направленій.

«Въ настоящее время,—писалъ онъ въ помянутой выше неизданной работѣ, — вслѣдствіе стихійно совершающихся глубокихъ измѣненій во всемъ строѣ народно-экономическихъ отношеній... естественно нарождаются и новыя неотложныя потребности общественной жизни, причемъ одной изъ наиболѣе настоятельныхъ и важныхъ представляется потребность въ содѣйствіи правильной и выгодной организаціи народнаго труда вообще и мелкихъ народныхъ промысловъ, въ большинствѣ случаевъ тѣсно связанныхъ съ землей и крестьянскимъ хозяйствомъ, въ частности». «Поступательное развитіе крупнаго капиталистическаго производства и постепенно возрастающая его машинизація усиливаютъ тяжелые торгово-промышленные кризисы, періодически глубоко разстраивающіе экономическую жизнь цѣлыхъ странъ, создаютъ резервную армію производства всѣхъ этихъ безработныхъ, чѣмъ и ослабляютъ внутренній рынокъ, обостряютъ борьбу труда и капитала, вызываютъ къ жизни боевые союзы предпринимателей, развиваютъ классовый антагонизмъ, рѣзкія столкновенія интересовъ и проч.». Тотъ же процессъ обезцѣниваетъ и трудъ мелкихъ работниковъ-ремесленниковъ, кустарей, тружениковъ случайныхъ профессій, понижая его «до чрезвы-

чайно малыхъ величинъ, не стоящихъ въ соотвѣтствіи даже съ размѣромъ насущныхъ потребностей».

«Всѣ эти явленія, — по мнѣнію Дмитрія Андреевича, — указываютъ на крайнюю недостаточность экономической организаціи народнаго труда, вредно вліяютъ на внутренній рынокъ и производительно-платежныя силы населенія и естественно начинаютъ вынуждать заинтересованныхъ постепенно обращаться къ различнымъ видамъ кооперації, какъ къ средству, дающему возможность экономически слабому болѣе успѣшно отстаивать свое существованіе».

Кооперації онъ придавалъ выдающееся значеніе.

«Начало кооперації,—по его убѣжденію, — вытекая изъ самой природы человѣческаго сбщества, представляетъ для отдѣльныхъ лицъ, его примѣняющихъ, всѣ неисчислимыя выгоды человѣческаго единенія и сложенія силъ. Кооперація доставляетъ мелкимъ объединеннымъ предпринимателямъ выгоды крупныхъ предпріятій, обезпечиваетъ экономическую самостоятельность этихъ лицъ и тѣмъ самымъ расширяетъ внутренній рынокъ и повышаетъ его покупательную способность».

Отмѣтивъ затѣмъ огромныя экономическія выгоды кооперації, Дмитрій Андреевичъ указываетъ, что «еще большее значеніе, быть можетъ, имѣютъ выгоды нравственнаго порядка», получающіяся отъ примѣненія начала кооперації. Сюда онъ относитъ «постепенно вырабатывающуюся привычку къ болѣе правильному отношенію къ производимой работѣ, къ дружной сочетанной дѣятельности, къ справедливому согласованію личныхъ интересовъ съ интересами окружающихъ, къ правильному отношенію къ тѣмъ и другимъ и проч.».

Позднѣе, къ концу жизни, Дмитрій Андреевичъ останавливался на кооперації все съ большимъ и большимъ вниманіемъ. Въ ней онъ находилъ ту именно «соціальную обстановку», въ которой только и можетъ создаться лучшее бу-

дущее человѣчества. Она охватываетъ «человѣка съ большаго или меньшаго числа сторонъ его жизни» и, вмѣстѣ съ учрежденіями помощи и содѣйствія, обѣщаетъ превратить общество изъ какого-то сборища людей, какимъ оно въ значительной степени представляется въ настоящее время, въ дѣйствительное общество, основанное на началахъ солидарности», какъ экономической, такъ и моральной.

Устно онъ высказывался и въ пользу старо-народнической формулы—«все для народа, все черезъ народъ», и въ одномъ изъ литературныхъ собраній высказалъ въ своей рѣчи, что народничество въ этой именно своей формулѣ представляется наиболѣе симпатичнымъ ему, наиболѣе и важнымъ въ Россіи направленіемъ.

Эти взгляды его несомнѣнно находились въ тѣсной органической связи съ взглядомъ на родовое чувство, какъ основу соціальной жизни людей.

По его мнѣнію, основные неразложимые элементы духовной жизни человѣчества, выражающіеся въ формѣ чувствованій, опредѣляются тѣмъ или инымъ органическимъ состояніемъ отдѣльныхъ индивидовъ, вслѣдствіе чего и самыя чувствованія эти получаютъ характеръ органическихъ или системныхъ, идущихъ отъ системы разныхъ органовъ. Важнѣйшимъ изъ такихъ чувствованій является родовое. На немъ зиждется не только продолженіе рода, но и объединеніе людей въ племя, въ народность, въ человѣческое общество вообще. Любовь, какъ проявленіе этого чувства, выражается не только въ влеченіи къ существу другого пола, но «сосредоточивается безъ различія половъ на человѣкѣ и людяхъ вообще». Что въ этомъ послѣднемъ случаѣ чувство имѣетъ одинъ общій источникъ, «доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что оно ярче вспыхиваетъ въ періоды пробужденія родового чувства, что оно изсушается и утрачиваетъ полноту тоновъ при развратѣ и что обнаруживающійся въ языкѣ вѣковой опытъ народовъ называетъ его также именемъ любви».

«Состоянія души, которыя мы называемъ религіознымъ чувствомъ, поскольку послѣднее связывается съ организмомъ и является только чувствомъ безъ опредѣленнаго содержанія и связи съ опредѣленными вѣроученіями, имѣютъ своею базою то же системное родовое чувство, какъ это ясно обнаруживается во многихъ наблюденіяхъ. Религіозное чувство, по справедливому замѣчанію д-ра Compagne, немыслимо безъ чувствъ преданности, любви и благожелательства, въ основѣ которыхъ лежитъ чувство родовое. «Кто сомнѣвается въ этомъ,—говоритъ далѣе Дмитрій Андреевичъ словами Krafft-Ebing'a, — тотъ пусть вспомнитъ, какъ часто наблюдаются религіозныя мечтанія въ періодъ развитія подростковъ, пусть вспомнитъ, какую громадную роль чувственность играетъ въ религіозномъ помѣшательствѣ, пусть вспомнитъ и о сладостной мистикѣ, проникающей культуры древнихъ народовъ».

«У натуръ, охватываемыхъ истинно-религіознымъ чувствомъ, на-ряду съ служеніемъ Высшему Существу, которое проникаетъ всю вселенную, идетъ, — по мнѣнію Дмитрія Андреевича,—и беззавѣтное служеніе любимымъ дѣтямъ этого Существа — людямъ, особенно страждущимъ, трудящимся и обремененнымъ... Они всегда дѣйствуютъ ради пользы другихъ, а на свою долю оставляютъ высокое и чистое сознаніе совершоннаго добра, которое возвышаетъ душу. Они счастливы своимъ чистымъ внутреннимъ міромъ и несутъ съ собою ясность и радость въ окружающій ихъ міръ. Вотъ всѣ подобныя личности и есть участники того Царствія Божія, того высшаго, совершеннѣйшаго счастія, которое внутри насъ и которое не можетъ быть восполнено обладаніемъ всѣми богатствами міра» [1]).

Подымающееся до такой высоты родовое чувство есть въ основѣ своей настоящее органическое чувство, велѣніе орга-

---

[1]) См. ст. Д. А. Дриль, „Царствіе Божіе внутри насъ“ въ вып. 2-мъ за 1904 г. „Вѣстн. психол., кримин. антропол. и гипнотизма“.

нической жизни, законъ природы, въ слѣдованіи которому и заключается начальный смыслъ и оправданіе жизни. Какъ все сущее и живущее, человѣкъ не можетъ уклоняться отъ жизни и ея законовъ, не можетъ не стремиться къ единству съ природой и жизнью, не можетъ быть внѣ міровой жизни, внѣ ея творческихъ силъ и процессовъ. Онъ долженъ быть участникомъ этихъ процессовъ, и не только въ ихъ зоологическихъ теченіяхъ, но сознательно, своей дѣятельностью творить жизнь: содѣйствовать людямъ въ удовлетвореніи ихъ жизненныхъ потребностей, помогать имъ въ использованіи жизни, долженъ сѣять вокругъ себя добро и счастье, какъ источники своей жизни и жизни другихъ. Тогда только онъ поднимется до великаго значенія вѣнца природы, сознательно идущаго по начертанному ею пути и исполняющаго волю Великой Творческой Силы вселенной.

Таковъ, повидимому, смыслъ взглядовъ Дмитрія Андреевича на родовое чувство, какъ высшую основу жизни. Таково должно было быть и пониманіе имъ объективнаго смысла жизни, въ пользу котораго онъ неоднократно высказывался въ послѣднее время.

Не чужда была ему и старая народническая точка зрѣнія о благѣ будущихъ поколѣній. Въ одномъ изъ писемъ къ лицу, возбуждавшему вопросъ о бренности земного существованія, онъ писалъ изъ Швейцаріи отъ 15/28 августа 1910 г.:

«Мнѣ всегда припоминается выраженіе Наполеона I, его поистинѣ мудрое и летучее слово: «не слѣдуетъ проходить черезъ землю, не оставляя глубокаго слѣда». И я смотрю теперь на Швейцарію и съ удивленіемъ вижу тотъ необъятный громадный трудъ, который вложенъ предшествующими обитателями страны, передавшими существующему поколѣнію столь глубоко культурный уголокъ, на каждомъ шагу громко говорящій объ обильномъ трудовомъ потѣ, оросившемъ эту прекрасную землю. И, конечно, дѣйствующее поколѣніе нравственно обязано сдѣлать все, въ его силахъ находящееся,

чтобы вложить и свою соотвѣтствующую долю въ громадное наслѣдіе вѣковъ минувшихъ, чтобы выступающее поколѣніе не имѣло основаній винить своихъ отцовъ, а, напротивъ, воодушевленное ихъ примѣромъ, пошло далѣе по пути умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Таковъ, думается мнѣ, нравственный законъ единаго, но многосложнаго человѣчества».

Несомнѣнно, что эти мысли находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ его мыслями о родовомъ чувствѣ и съ взглядами на объективный смыслъ жизни, такъ ослабляющими страхъ смерти. Естественно, что приведенное письмо онъ могъ закончить бодрымъ призывомъ къ жизни. «Будемъ же, — писалъ онъ, — учиться и работать, не задумываясь надъ прекращеніемъ личной жизни! вѣдь человѣчество и родная страна будутъ жить!»

Воспитанный въ понятіяхъ позитивной школы, Дмитрій Андреевичъ, конечно, былъ скептикомъ въ современныхъ религіозныхъ вѣроученіяхъ. Но скептицизмъ этотъ, при наличности убѣжденія въ объективныхъ цѣляхъ человѣческаго существованія, едва ли былъ полнымъ и, во всякомъ случаѣ, не препятствовалъ религіознымъ исканіямъ. Какъ далеко шли они, чѣмъ кончились и привели ли къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ основныхъ вопросовъ — мы не знаемъ. Намъ извѣстно только, что исканія эти были и что Дмитрій Андреевичъ живо интересовался раціональнымъ русскимъ религіознымъ сектантствомъ. Съ нѣкоторыми представителями его онъ входилъ въ личныя сношенія и велъ съ ними оживленныя бесѣды. Я помню одинъ разговоръ съ нимъ, который до нѣкоторой степени рисовалъ эти его настроенія въ послѣднее время.

— Наша интеллигенція,—говорилъ онъ,—напрасно игнорируетъ религіозныя теченія въ русскомъ народѣ. Худо ли, хорошо ли, но несомнѣнно, что народъ, для котораго, строго говоря, не существуетъ путей къ научному образованію, вѣками привыкъ искать удовлетворенія высшимъ потребностямъ

духа въ религіи. Только эта область была сколько-нибудь доступна ему, и немудрено, что въ ней, т. е. въ области религіозной мысли и религіознаго искательства, и найдетъ онъ разрѣшеніе проклятыхъ вопросовъ и соціальныхъ проблемъ.

— Не отсюда ли,—прибавилъ онъ въ раздумьи,—начнется тотъ жизненный подъемъ, то моральное возрожденіе, безъ котораго немыслимо обновленіе соціальнаго строя?...

Разрѣшилъ или не разрѣшилъ онъ этотъ вопросъ — сказать трудно. Вѣроятнѣй, что онъ призналъ невозможность категорическаго и безусловнаго отвѣта на него. Вѣроятнѣй потому, что это наиболѣе соотвѣтствовало бы истинѣ и всему его умственному складу. Стойкій въ основныхъ принципахъ морали, въ общемъ пониманіи основъ и цѣлей жизни, онъ былъ совершенно чуждъ всякихъ заранѣе начертанныхъ рамокъ, всякихъ безусловныхъ рѣшеній, исключающихъ возможность свободнаго изслѣдованія и свободнаго творчества. И въ политическихъ, и въ соціальныхъ, и въ религіозныхъ вопросахъ онъ имѣлъ одну исходную безусловную и непоколебимо признанную имъ мысль, мысль о необходимости, слѣдуя объективному велѣнію законовъ природы, творить, въ высшемъ пониманіи этого процесса, жизнь, расчищать пути ея, честно и незлобно бороться съ тѣмъ, что препятствуетъ ея расцвѣту, предоставляя самой же жизни опредѣлять ближайшія формы и пріемы работы въ этомъ направленіи. Ни въ какія партійныя рамки онъ не укладывался; и это не только не мѣшало его дѣятельности, а скорѣй возвышало ее, не ограничивало партійнымъ кругомъ и придавало ей общенародный и общечеловѣческій характеръ. Это же оставляло ему свободу личнаго поведенія, свободу выбора путей къ нравственному совершенствованію, въ которомъ онъ достигъ высшихъ ступеней: постояннаго и дѣятельнаго доброжелательства къ людямъ, терпимости, незлобивости, скромности, доходившей до пуританизма въ личныхъ потребностяхъ, высокаго напряженнаго трудолюбія, почти исключительно на пользу другихъ, и истинной моральной чистоты жизни и даже помысловъ.

XII.

Мы далеко еще не исчерпали тотъ фактическій матеріалъ о жизни и дѣятельности Дмитрія Андреевича, которымъ располагаемъ и который у многихъ еще въ памяти, у многихъ на виду. Обширная, разнообразная, разносторонняя и, въ то же время, связанная общей мыслью, общей идеей и общимъ стремленіемъ къ оздоровленію индивидуальной и общественной жизни, дѣятельность его слишкомъ мало поддается описанію, особенно, въ краткихъ чертахъ. Ему должна быть посвящена большая біографія, чтобы всецѣло охватить и его глубокую мысль, и широкую дѣятельность, и его высоко-развитую личность.

Гладко и плавно изображается на бумагѣ внѣшняя сторона его жизни и важнѣйшія черты его ученія, но блѣдно и туманно рисуется за ними живой человѣкъ, съ болѣзненнымъ напряженіемъ мучающійся «проклятыми» вопросами нашей общественности, страдающій несчастіями другихъ, скорбящій о ихъ нуждахъ и, несмотря на всѣ соблазны, твердо держащій знамя человѣчной истины и справедливости. Терзаемый сознаніемъ всеобщаго нестроенія, онъ не опускаетъ рукъ, не предается пессимизму, а ищетъ удовлетворенія въ кипучей до самозабвенія дѣятельности, которая сплошь и рядомъ принимаетъ характеръ истиннаго подвижничества, того подвижничества, при которомъ человѣкъ не знаетъ уже мѣры жертвъ своихъ.

Онъ работаетъ, не покладая рукъ, не досыпаетъ, не доѣдаетъ, игнорируетъ свои личныя дѣла и, горя истинно-священнымъ огнемъ, создаетъ рядъ такихъ дѣлъ, которыя всколыхнули спящее царство, подняли пульсъ общественной жизни. У зауряднаго человѣка не хватитъ времени, возможности и силъ, чтобы выполнить ту работу, которую принялъ на себя Дмитрій Андреевичъ. Но высокая душевная чистота, жажда нравственнаго совершенства, жажда обрѣсти «царствіе

Божіе» въ самомъ себѣ, жажда подвига и идейная проникновенность поднимаютъ его далеко выше людей обычной житейской мѣрки. И онъ, не смущаясь, идетъ все впередъ и впередъ, не останавливаясь передъ осложняющимся и нарастающимъ дѣломъ.

Подъ конецъ жизни улыбнулась и ему долго-жданная возможность преподавательской дѣятельности. Дѣла въ это время было у него много, слишкомъ много: всѣ его культурныя начинанія шли полнымъ ходомъ, ученыя и литературныя занятія не сокращались, а, между тѣмъ, отказаться отъ каѳедры, къ которой онъ готовился всю жизнь и съ которой могъ сказать новое слово, не было силъ, не было, какъ онъ думалъ, и права. И измученный физически, измученный жизнью и ея нестроеніемъ, онъ беретъ на себя новую тяготу—преподавательство, сначала въ с.-петербургскомъ политехникумѣ, гдѣ на экономическомъ отдѣленіи былъ введенъ курсъ уголовнаго права, а затѣмъ и на высшихъ коммерческихъ курсахъ М. В. Побѣдинскаго и въ психо-неврологическомъ институтѣ, по учрежденію и организаціи котораго онъ, въ свою очередь, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ В. М. Бехтерева. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ принялъ на себя и деканство на юридическомъ факультетѣ этого института.

Вообще онъ никогда не отказывался отъ работы, если она ему предстояла или предлагалась. Никогда, насколько намъ извѣстно, не отказывалъ онъ и въ личной помощи всѣмъ, ея искавшимъ у него. Безконечныя просьбы и ходатайства, съ которыми постоянно обращались къ нему, одни могли бы заполнить все его время, всю его жизнь. Къ нему шли и чиновники-сослуживцы по разнымъ вѣдомствамъ, въ которыхъ онъ служилъ, и знакомые, и родные, и люди совсѣмъ ему неизвѣстные; кто просилъ о переводѣ по службѣ, кто о повышеніи, кто объ опредѣленіи на службу, кто о пособіи, кто о пенсіи и т. д. Но, кажется, особенно много обращалось къ нему съ просьбами о заступничествѣ по политическимъ дѣламъ.

Хлопоты по этимъ послѣднимъ были далеко не безопасны, особенно въ послѣднее время, когда раздраженіе нѣкоторыхъ сферъ противъ политическихъ проявлялось съ особой силой. Дмитрія Андреевича, какъ «заступника» ихъ, нерѣдко встрѣчали холодно и даже съ подозрѣніемъ. Одинъ изъ сановниковъ весьма недвусмысленно намекнулъ ему какъ-то, что столь упорное заступничество, какое проявляетъ онъ, можетъ окончиться для самого Дмитрія Андреевича довольно плохо. Но этимъ, конечно, нельзя было смутить его, и онъ съ неослабной энергіей продолжалъ отстаивать гуманность и человѣколюбіе какъ по отношенію къ политическимъ, такъ и по отношенію къ уголовнымъ. Однимъ онъ исходатайствовалъ смягченіе наказанія, другимъ—улучшеніе условій высылки и ссылки, для третьихъ добился ускоренія разсмотрѣнія дѣла, выясненія его или пересмотра и т. д. Онъ никому не отказывалъ въ заступничествѣ, если только представлялась хоть малѣйшая возможность помочь, и хлопоталъ, несмотря ни на какіе косые взгляды на него и неудовольствія. Онъ, по евангельскому выраженію, возлюбилъ ближнихъ своихъ—какъ самого себя, и не боялся душу свою положить за други своя. А «други» его были всѣ нуждающіеся, всѣ обездоленные, всѣ несчастные. Для всѣхъ ихъ открылъ онъ свое любвеобильное сердце, всѣмъ глубоко заглядывалъ въ душу и вмѣстѣ съ ними глубоко скорбѣлъ и страдалъ.

И ушелъ онъ отъ насъ такимъ же рвущимся къ работѣ, такимъ же прекраснымъ въ своей душевной чистотѣ, какъ жилъ среди насъ. Послѣ обычной дневной работы, за какой-нибудь часъ до смерти, онъ писалъ за своимъ столомъ, а затѣмъ съ милой шуткой попрощался съ своими домашними и ушелъ спать. А когда черезъ 2—3 часа къ нему подошли обезпокоенные его слишкомъ тихимъ сномъ—онъ лежалъ въ постели уже мертвымъ.

«Безболѣзненно, непостыдно, мирно» угасла жизнь великаго друга и радѣтеля «униженныхъ и оскорбленныхъ». Тихо

отошла въ вѣчность чистая возвышенная душа, давшая намъ высокій примѣръ любви и самоотверженія. Погасъ «источникъ разума», проникновенно направленнаго на служеніе добру и высшей правдѣ.

Миръ праху твоему, достойнѣйшій изъ людей, и да живетъ вѣчно среди нихъ данный тобой примѣръ истиннаго служенія великимъ идеаламъ царствія Божьяго на землѣ.

А. Ѳ. КОНИ.

ПАМЯТИ Д. А. ДРИЛЯ.

Дѣятельность Димитрія Андреевича Дриля такъ полно и всесторонне освѣщена и обрисована въ рѣчахъ, посвященныхъ его памяти, произнесенныхъ въ торжественномъ засѣданіи психо-неврологическаго института, что прибавлять къ этому нечего. Вмѣстѣ съ тѣмъ и многочисленные печатные труды его, въ которыхъ по строкамъ строго научнаго изложенія бѣжитъ согрѣвающая и животворящая ихъ струя дѣятельной любви къ людямъ, достаточно ярко даютъ понятіе объ авторѣ, какъ мыслителѣ и ученомъ изслѣдователѣ. Хотѣлось бы лишь припомнить запавшія въ душу впечатлѣнія отъ встрѣчъ и бесѣдъ съ этимъ оригинальнымъ—начиная съ наружности и повадки и кончая его убѣжденіями—человѣкомъ.

Его добрый, немного исподлобья, взглядъ и мягкій голосъ невольно при первой встрѣчѣ располагали въ его пользу. Все, о чемъ бы онъ ни говорилъ, было полно самостоятельности мысли, твердой и ясной какъ въ положительномъ утвержденіи, такъ и въ критикѣ,—мысли, всегда направленной къ новымъ горизонтамъ. Даже послѣ краткой бесѣды съ нимъ становилось очевиднымъ, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, идущимъ своею дорогой и выработавшимъ мнѣніе серьезной внутренней работой, вполнѣ чуждымъ тщеславнаго самомнѣнія и въ то же время свободнымъ отъ слѣпого поклоненія авторитетамъ. Даже не соглашаясь съ нимъ, отъ него многому можно было научиться, а это было такъ отрадно въ нашемъ современномъ обществѣ, столь богатомъ безцвѣтными людьми, чьи взятыя напрокатъ громкія фразы плохо при-

крываютъ ничтожество содержанія, оклееннаго однообразной бандеролью «общеустановленнаго образца», людьми, похожими на плоскій сосудъ, въ которомъ послѣ перваго изъ него глотка обнаруживается мелкое дно.

При первыхъ же встрѣчахъ съ нимъ я понялъ, что живой умъ и жаждущее правды сердце Д. А. не могутъ, конечно, удовлетвориться и успокоиться въ своихъ научныхъ исканіяхъ на томъ, что принято называть классической школой уголовнаго права. Коренному и излюбленному вопросу послѣдователей этой школы: «на какомъ основаніи наказывать нарушителя закона?» онъ противопоставлялъ вопросъ о томъ, кто именно этотъ наказываемый. Отложивъ въ сторону многочисленныя теоріи наказанія, въ которыхъ «quod caputo—tot sensus», онъ стремился вмѣсто схематическаго преступника вывести на свѣтъ Божій живого человѣка. Какъ легко было въ этой задачѣ подчиниться авторитету блестящаго итальянскаго ученаго и, пойдя по его слѣдамъ, размѣнять себя на разработку подробностей! Однако, Дриль не поддался этому искушенію. Онъ понялъ, что, при всей заманчивой широтѣ ученія Ломброзо, въ немъ есть большія крайности въ обобщеніяхъ и ошибки въ рѣшительныхъ выводахъ, поспѣшно провозглашенныхъ «urbi et orbi», какъ послѣднее и непререкаемое научное открытіе. Ему, быть можетъ, припомнились слова Леонардо да Винчи: «Dove si grida non è vera scientia». А шумѣть знаменитый «Чезаре» и его прямолинейные послѣдователи въ Италіи и Россіи умѣли...

Съ особой энергіей предпринята была ими переоцѣнка карательной дѣятельности государства и ея основаній. Всѣ труды по уголовному праву объявлены были въ рядѣ болѣе смѣлыхъ, чѣмъ ученыхъ изслѣдованій по «пенологіи» и «криминологіи» и въ засѣданіяхъ конгрессовъ по уголовной антропологіи—безплоднымъ собраніемъ черствыхъ вымысловъ, не имѣющихъ никакой жизненной под-

кладки. Предложено было бросить всѣ устарѣлыя схемы, какъ лживыя и безполезныя, и, вмѣсто преступнаго «дѣйствія», обратить главное вниманіе на преступное состояніе, изучая притомъ признаки преступнаго типа. Для оцѣнки виновности существъ, отражающихъ въ себѣ этотъ типъ съ его морелевскими ушами, гэтчинсоновскими зубами, сѣдлообразнымъ небомъ, маленькой головой, особой нервной возбудимостью и нечувствительностью къ внѣшнимъ страданіямъ, съ привычкою грызть ногти и наклонностью къ татуировкѣ, съ оригинальнымъ почеркомъ и ослабленными подошвенными рефлексами и т. д.—нужна переоцѣнка понятія о вмѣненіи и представленія объ уголовномъ процессѣ. Очевидно, что суду юристовъ съ его теоретическими хитросплетеніями и операціями «in anima vili» и суду присяжныхъ, ничего не понимающихъ ни въ антропологіи, ни въ явленіяхъ атавизма, наслѣдственности и вырожденія, уже нѣтъ мѣста въ дѣлѣ общественной самозащиты. Ихъ долженъ замѣнить судъ врачей-спеціалистовъ, для котораго, по самому его существу, не нужны гласность, защита, обжалованіе и кассаціонное разбирательство. Къ чему пафосъ адвоката, критика общественнаго мнѣнія, пересмотръ и даже помилованіе того, что разъ навсегда установлено природой, которая никого не милуетъ? Для научнаго суда преступленіе есть лишь поводъ заняться опредѣленіемъ опасности нарушителя закона для общества. Выяснивъ достовѣрную, антропологически-доказанную, возможность совершенія имъ въ будущемъ дѣяній изъ категоріи тѣхъ, за которыя онъ судится, судъ, не признавъ его случайнымъ преступникомъ, назначитъ ему срочное или пожизненное заключеніе или, въ случаяхъ особой вредоносности, вовсе «устранитъ» его изъ жизни. Вторгаться въ изслѣдованіе внутренняго міра и душевнаго склада такихъ подсудимыхъ совершенно излишне. Съ представителями преступнаго типа слѣдуетъ бороться, какъ съ хищными звѣрьми, пресѣкая въ ихъ лицѣ опасную прогенетуру и тѣмъ, по выраже-

нію нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ криминологовъ, «очищая породу, облагораживая сердца и воздавая справедливость заслугамъ эшафота». Такъ, начавши съ заботы о живомъ человѣкѣ, заключенномъ въ безжизненныя уголовныя формулы, эти криминологи, путемъ далеко не провѣренныхъ положеній, обрекающихъ человѣка на проклятіе вырожденія и наслѣдственности, дошли до низведенія карательной дѣятельности государства къ охотѣ на человѣка-звѣря съ примѣненіемъ научныхъ пріемовъ антропометріи.

Зная, что ложная сторона большей части ученій заключается не въ томъ, что они утверждаютъ, а въ томъ, что они отрицаютъ, Д. А. выступилъ на защиту того отрицаемаго, которое заслуживаетъ сохраненія и даже развитія. Сюда относилось прежде всего воспитаніе которому уголовные антропологи, находясь въ апогеѣ своего вліянія, не придавали почти никакого значенія, считая его безполезной тратой силъ и времени для всѣхъ неслучайныхъ преступниковъ. Глубоко продуманными мыслями о значеніи воспитанія, какъ искусства сообщать знаніе своего долга и умѣніе ограничивать свою свободу, были проникнуты его бесѣды, доклады и многія мѣста въ его печатныхъ трудахъ и въ особенности въ «Малолѣтнихъ преступникахъ».

Отыскивая объясненіе преступнаго дѣла въ психическомъ складѣ виновнаго и въ отраженіи на послѣднемъ общественной среды, Дриль давалъ богатый матеріалъ изъ собственныхъ наблюденій надъ характеристическими чертами духовной природы русскаго человѣка. Обращая на эти черты особое вниманіе, онъ не разъ высказывалъ мысль, что судьбами народа гораздо болѣе управляетъ его характеръ, чѣмъ его убѣжденія. Отсюда его скептическій взглядъ на возможность улучшенія общественныхъ условій безъ улучшенія нравственной природы человѣка. Въ этомъ онъ сходился съ Л. Н. Толстымъ. Его пугала, въ виду западныхъ примѣровъ, на которые ссылался, между прочимъ,

и В. С. Соловьевъ, возможность вырожденія современныхъ формъ демократіи въ плутократію, причемъ огромное большинство неимущаго народа можетъ обратиться въ порабощенный классъ тружениковъ, которымъ нечѣмъ помянуть вчерашній день и у которыхъ нѣтъ увѣренности въ днѣ завтрашнемъ, а есть лишь равенство нищеты и свобода умереть съ голоду.

Онъ не являлся, однако, сторонникомъ «status quo». Всякаго рода злоупотребленія въ существующихъ учрежденіяхъ встрѣчали въ немъ горячаго и неустаннаго, словомъ и дѣломъ, противника. Въ своей практической служебной дѣятельности онъ былъ горячимъ обличителемъ того забвенія человѣческаго достоинства, которое такъ часто вырастаетъ у насъ на почвѣ рутины, равнодушія и того нашего пагубнаго свойства, которое князь Одоевскій называлъ «рукавоспустіемъ». Стойкій противникъ тюремной системы, которая, по остроумному выраженію одного публициста, лишаетъ нашу тюрьму не только воспитательнаго, но и карательнаго значенія, создавая изъ нея «питательный бульонъ для микробовъ преступности», Дриль собралъ при своихъ ревизіонныхъ поѣздкахъ богатѣйшій матеріалъ для обрисовки темныхъ сторонъ и несостоятельности этой системы въ ея практическомъ примѣненіи.

Тяжелый жизненный путь прошелъ Димитрій Андреевичъ! Безкорыстный служитель знанія, чуткоотзывчивый на общественныя нужды, глубокій въ изслѣдованіи, спокойный въ строго обдуманныхъ выводахъ, умѣвшій вкладывать въ трудъ всѣ свои силы и «душу живу», онъ всю жизнь встрѣчалъ недовѣріе и препятствія и не могъ развернуть своихъ крыльевъ во всю ихъ ширь. Но онъ не складывалъ оружія и не палъ духомъ, какъ бы руководствуясь словами знаменитаго Филарета о томъ, что «истину, хотя и печальную, надобно видѣть и показывать и учиться отъ нея, чтобы не дожить до истины болѣе горькой, уже не учащей, но и наказующей за невниманіе къ ней». Подавленный всевозможной работой,—

«движущая сила» ряда благотворительныхъ начинаній въ пользу обездоленныхъ, радостный союзникъ всякаго работающаго въ той же области, умышленно не замѣчавшій своей усталости и не знавшій отдыха,—онъ совсѣмъ не жилъ для себя. Къ его душѣ были примѣнимы слова Алексѣя Толстого:

Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна
И скорбь ничья тебя не проходила мимо
Къ себѣ лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вѣчно холодна!

Такимъ и застала его смерть. Она была къ нему милостивѣе жизни, и ея ледяная рука сразу, безъ мучительства остановила біеніе его горячаго сердца...

Конккала.
Финляндія.
5. VIII. 1911.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

ДИМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ДРИЛЬ.

Въ исторіи нашей культуры московскому университету въ разное время пришлось играть, какъ всѣмъ извѣстно, весьма выдающуюся роль. Дѣятельность его профессоровъ оставила замѣтные слѣды и въ созданіи доктрины оффиціальнаго народничества, проводившейся Шевыревымъ, съ ея тремя устоями—православіемъ, самодержавіемъ и народностью, и въ либеральномъ западничествѣ, съ Грановскимъ и Кудрявцевымъ во главѣ, и въ славянофильствѣ, душою котораго одно время былъ Константинъ Аксаковъ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка всѣ эти теченія общественной мысли далеко не являлись уже господствующими. Для нихъ насталъ не только періодъ критики, но и эпоха увяданія и забвенія. Европейская мысль предлагала новыя рѣшенія; вернувшіеся изъ двухлѣтнихъ, а то и многолѣтнихъ оффиціальныхъ командировокъ или добровольныхъ странствованій на Западѣ молодые профессора и преподаватели приступали къ чтеніямъ съ совершенно новыми заданіями, посѣянными въ нихъ близкимъ знакомствомъ съ европейской наукой и жизнью. Одни, какъ Тимирязевъ и В. О. Ковалевскій, мужъ знаменитой Софьи Ковалевской—профессора математики въ Стокгольмѣ, озабочены были проповѣдью дарвинизма. Ковалевскому русская литература обязана первыми переводами Дарвина, а его брату Александру Онуфріевичу, знаменитому одесскому ученому,—первыми удачными попытками подтвержденія доктрины Дарвина о трансформизмѣ. Что касается до Тимирязева, то въ области ботаники, менѣе за-

тронутой изслѣдованіями Дарвина, чѣмъ міръ зоологическій онъ стремился и продолжаетъ стремиться къ обоснованію того взгляда, что жизнь растеній подчиняется тому же закону естественнаго подбора, какъ и жизнь животныхъ. О всемъ этомъ направленіи, широко орудовавшемъ сравнительнымъ методомъ, Тимирязевъ въ своихъ «Основныхъ чертахъ исторіи развитія біологіи въ XIX вѣкѣ» выражается слѣдующимъ образомъ: «Рядомъ съ методомъ сравненія существующаго, которымъ пользовался Беръ въ первые годы XIX столѣтія въ своихъ изслѣдованіяхъ, все больше и больше сталъ выступать методъ сравненія образующагося, т. е. изслѣдованія организма въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія отъ клѣточки; это—методъ эмбріологіи или, правильнѣе, исторіи развитія. Здѣсь слово «исторія» въ первый разъ принималось не въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, какъ выраженіе «естественная исторія», а въ строгомъ смыслѣ сопоставленія фактовъ во времени, не въ пространствѣ. Эмбріологія особенно развилась въ области зоологіи, и на долю русскихъ зоологовъ выпала едва ли не самая выдающаяся роль (Беръ и Пондеръ въ началѣ вѣка, А. О. Ковалевскій и И. И. Мечниковъ—во второй его половинѣ). Изученіе исторіи развитія было наиболѣе плодотворно на первыхъ порахъ въ примѣненіи къ животнымъ организмамъ; по отношенію къ нимъ удалось установить широко распространенныя общія черты развитія и показать, что черты сходства, не обнаруживающіяся на вполнѣ развитыхъ организмахъ, ясно выступаютъ при сравненіи болѣе или менѣе раннихъ стадій развитія, и что эти раннія стадіи у болѣе сложныхъ организмовъ представляютъ глубокое сходство съ развитымъ состояніемъ болѣе простыхъ. Ботаника на первыхъ порахъ будто отстала отъ зоологіи въ этомъ направленіи; зато позднѣе ей удалось представить едва ли не самый широкій и обстоятельно разработанный примѣръ объединенія наиболѣе рѣзко между собою обособленныхъ группъ растительнаго царства на основаніи изученія ихъ исторіи развитія.

Это открытіе сдѣлано было въ 1851-мъ году нѣмецкимъ ботаникомъ-самоучкой Гофмейстеромъ: ему удалось перебросить мостъ изъ полуцарства такъ называемыхъ споровыхъ растеній въ полуцарство сѣменныхъ».

Въ то время, какъ сравнительный методъ торжествовалъ свою побѣду въ біологіи, благодаря примѣненію его къ исторіи развитія организмовъ, онъ дѣлалъ первые шаги въ направленіи къ созданію сравнительной исторіи нравовъ, правовыхъ порядковъ и учрежденій, благодаря сближенію этнологіи съ сравнительной исторіей права и широкому пользованію методомъ такъ называемыхъ пережитковъ. Въ этомъ направленіи шли одновременно и англійскіе, и нѣмецкіе ученые: Макъ-Ленанъ и Мэнъ, Бахофенъ и Іерингъ. Почти одновременно начавшіе свою преподавательскую дѣятельность въ московскомъ университетѣ молодые профессора-юристы—и въ числѣ ихъ покойный С. А. Муромцевъ—были учениками и послѣдователями только что названныхъ ученыхъ и въ своихъ курсахъ старались знакомить слушателей съ этими новыми теченіями въ области такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ,—теченіями, сближавшими эти науки по методу съ науками, посвящающими себя изученію законовъ природы. С. А. Муромцевъ тѣмъ существенно отличался отъ другихъ своихъ товарищей по преподаванію и научной разработкѣ явленій права, что, подобно своему учителю Іерингу, искалъ фактовъ, образующихъ право въ отдѣльныя эпохи его развитія, не столько въ организаціи данной общественной среды, сколько въ психологическихъ свойствахъ личности въ изучаемую эпоху. Одинъ изъ его учениковъ, проф. Нечаевъ, недавно выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: «Муромцевъ всегда и по преимуществу былъ склоненъ къ психологическому объясненію явленій; въ методологическихъ своихъ построеніяхъ онъ отводилъ психологіи первенствующее мѣсто; онъ вѣрилъ въ мощь человѣческой личности, человѣческаго разума и человѣческой совѣсти, считалъ ихъ всесильными двигателями въ

развитіи права; онъ не подчеркивалъ вліянія классовой борьбы, по примѣру своего учителя Іеринга, и объяснялъ развитіе права упорнымъ психическимъ трудомъ». Но рядомъ съ Муромцевымъ другіе молодые профессора-экономисты, ученики не только Вагнера, но и Лоренца Штейна и Шмоллера, испытавшіе на себѣ также вліяніе доктринъ автора «Капитала», Карла Маркса, болѣе оттѣняли вліяніе, какое на развитіе народнаго хозяйства имѣетъ не одинъ ростъ техники, но и борьба противорѣчивыхъ экономическихъ интересовъ. Они указывали, какъ подъ вліяніемъ этой борьбы складывалась хозяйственная дѣятельность въ разныя эпохи такъ называемаго натуральнаго или самодовлѣющаго, денежнаго и кредитнаго хозяйствъ. Съ этой точки зрѣнія вся современная политическая экономія представлялась имъ не болѣе, какъ теоретизаціей основъ капиталистическаго строя, и они не видѣли причинъ, по которымъ этотъ строй долженъ былъ считаться окончательнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ; они не считали, поэтому, возможнымъ примириться съ тою мыслью, чтобы политическая экономія, занимающаяся теоретизаціей основъ хозяйственнаго строя, могла считаться сказавшей свое послѣднее слово. Во главѣ этихъ людей стоялъ блестящій преподаватель, съ хорошей логической и философской подготовкой, А. И. Чупровъ. Не на одномъ юридическомъ факультетѣ сказывалось вліяніе сравнительно-историческаго метода и теоріи эволюціонистовъ. Въ средѣ филологовъ и историковъ попадались люди, интересовавшіеся сравнительной исторіей религій и фольклоромъ, а также развитіемъ общественныхъ и политическихъ учрежденій у того или другого народа, но не иначе какъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Одинъ изъ нихъ, П. Г. Виноградовъ, продолжаетъ свои работы въ прежнемъ направленіи, хотя и перенесъ часть своей преподавательской дѣятельности въ Оксфордъ. Другой— Н. И. Карѣевъ — стоитъ во главѣ зарождающагося историко-филологическаго факультета при психо - неврологическомъ

институтѣ. Сравнительно-историческое изученіе народныхъ вѣрованій и суевѣрій, въ связи съ изученіемъ міровыхъ религій, находило въ молодомъ профессорѣ - филологѣ Миллерѣ не только талантливаго выразителя, но и самостоятельнаго изслѣдователя, которому мы обязаны научной постановкой у насъ кавказовѣдѣнія и тѣмъ направленіемъ въ истолкованіи нашего былиннаго эпоса, которое извѣстно подъ названіемъ теоріи странствующихъ сказаній и нашло себѣ самаго блестящаго представителя въ лицѣ А. Н. Веселовскаго – покойнаго профессора петербургскаго университета.

Изъ всѣхъ научныхъ дисциплинъ, занимающихся проявленіями общественности, одно только уголовное право коснѣло въ прежней рабской зависимости отъ метафизики. Мы заучивали тридцать—сорокъ расходящихся между собою теорій наказанія, на которыхъ въ свою очередь отражались ученія нѣмецкихъ метафизиковъ, столько же категорическіе императивы Канта, сколько и діалектическій методъ Гегеля; мы заучивали, что наказаніе необходимо, такъ какъ является синтезомъ по отношенію къ тѣмъ двумъ—тезѣ и антитезѣ, какія представляютъ право и его отрицаніе въ преступленіи; наказаніе, учили насъ, необходимо, какъ отрицаніе отрицанія, т. е. возстановленіе права. Необыкновенная отвлеченность и абсолютность положеній, высказываемыхъ русскими криминалистами, отъ Баршева и Палюмбецкаго до Спасовича включительно, ихъ отрѣшенность отъ жизни и добровольное игнорированіе психическихъ особенностей преступника, столько же созданныхъ наслѣдственностью, сколько общественной средою, имѣли то неизбѣжное послѣдствіе, что каждый изъ насъ смотрѣлъ на уголовное право, какъ на нѣчто вполнѣ ему чуждое, врѣзавшееся клиномъ въ обновленную эволюціонизмомъ область обществовѣдѣнія, съ его разнообразными развѣтвленіями историческихъ, психологическихъ, нравственныхъ и юридическихъ дисциплинъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется и то странное обстоятельство, что съ упованіемъ и надеждой

смотрѣли въ это время на ту вѣтвь криминологіи, которая извѣстна подъ наименованіемъ тюрьмовѣдѣнія и которая задается не только мыслью объ изоляціи преступника, но и объ его перевоспитаніи, а послѣднее немыслимо безъ изученія его психической природы и факторовъ преступности. То, что было сколько-нибудь живого въ средѣ университетскихъ ревнителей криминалистики, готовилось поэтому посвятить себя тюрьмовѣдѣнію. Въ числѣ этихъ молодыхъ ученыхъ самымъ живымъ, увлекающимся и увлекающимъ своимъ примѣромъ другихъ явился Димитрій Андреевичъ Дриль. Я познакомился съ нимъ въ московскомъ юридическомъ обществѣ, гдѣ мнѣ не разъ приходилось присутствовать при чтеніи его докладовъ и гдѣ онъ также нерѣдко выступалъ въ преніяхъ, посвященныхъ вопросамъ уголовнаго права. Нѣкоторыя изъ статей Дриля появлялись затѣмъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» и знакомили русскую публику съ мало еще извѣстной у насъ въ то время уголовной антропологіей и ея ближайшимъ творцомъ, Ломброзо. Къ чести Дриля надо сказать, что, являясь горячимъ послѣдователемъ ученій туринскаго профессора и автора книги «Преступный человѣкъ», онъ въ то же время умѣлъ отнестись съ критикой къ его несомнѣннымъ увлеченіямъ. Ломброзо, какъ извѣстно, долгое время придавалъ рѣшающее значеніе при объясненіи преступности факту наслѣдственности и приходилъ отсюда къ тому заключенію, что преступныя наклонности, какъ унаслѣдованныя, не могутъ быть искоренены и что имѣются преступные типы, отъ которыхъ общество можетъ быть избавлено только однимъ путемъ—истребленіемъ, препятствующимъ дальнѣйшему дѣйствію закона наслѣдственности. Дриль съ самаго начала выступилъ рѣшительнымъ противникомъ тѣхъ, кто въ недостаточной степени оттѣняетъ вліяніе общественной среды. Въ его статьѣ, появившейся въ маѣ 1880-го года въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» и озаглавленной «Новыя вѣянія», съ подтитуломъ: «Къ вопросу о наказаніяхъ», авторъ платитъ дань теоріи наслѣд-

ственной преступности, говоря о необходимости отнять у вырождающихся личностей возможность продолжать себя въ потомствѣ и тѣмъ вносить порчу и заразу въ общество; но онъ въ то же время особенно настаиваетъ на томъ, что «преступное дѣйствіе человѣка, какъ и всякое его дѣйствіе вообще, есть всегда результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: воздѣйствій, исходящихъ изъ внѣшней среды, съ одной стороны, и физической и психической структуры подвергающагося этимъ воздѣйствіямъ, съ другой. Мы, къ сожалѣнію, ничего не сдѣлали или сдѣлали весьма мало для борьбы съ тѣмъ факторомъ преступности, который обнимается понятіемъ общественной среды. Увеличивающееся скопленіе богатства въ рукахъ немногихъ, усиливающееся развитіе крупной промышленности, обоснованной на способахъ капиталистическаго производства, соотвѣтствующее этому увеличеніе пролетаріата и умноженіе всякихъ норъ и берлогъ, въ которыхъ обитаетъ одичалое, загнанное и вырождающееся отребье человѣческаго рода—вотъ нѣкоторыя изъ сторонъ общественной среды, которыя вліяютъ на развитіе преступности». Я нарочно привожу отрывки изъ раннихъ работъ Дриля, такъ какъ вся дальнѣйшая его научно-литературная дѣятельность сведется къ раскрытію тѣхъ общихъ формулъ, выраженіе которыхъ можно найти въ приведенныхъ мною словахъ.

Заглянемъ еще въ нѣкоторыя изъ первыхъ статей Дриля, напечатанныхъ въ томъ же органѣ юридическаго общества.

Въ теченіе 1883—1884 годовъ «Юридическій Вѣстникъ» далъ рядъ его этюдовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовнаго права»; они вошли затѣмъ въ 1-й выпускъ извѣстной книги «Малолѣтніе преступники». Нельзя сказать, чтобы статьи Дриля были первыми по времени работами, познакомившими русское общество съ трудами итальянской положительной школы уголовнаго права и въ частности Ломброзо. Въ томъ же «Юридическомъ Вѣстникѣ» появились статьи Минцлова: «Особенности класса

преступниковъ»; въ основу ихъ легла знаменитая книга итальянскаго криминолога, но авторъ не дѣлалъ попытки критическаго отношенія къ новой школѣ. Далеко не такъ отнесся къ ней Дриль. Вотъ нѣсколько отрывковъ, по которымъ легко будетъ судить и о впечатлѣніи, какое его статьи должны были произвести въ нашей средѣ, средѣ сторонниковъ положительнаго направленія въ обществовѣдѣніи, и о томъ, какъ самостоятельно относился къ уголовной антропологіи молодой русскій криминалистъ.

Говоря о томъ, что новое направленіе выразилось въ созданіи цѣлой школы только въ Италіи, Дриль словами итальянскихъ послѣдователей Ломброзо слѣдующимъ образомъ характеризовалъ новую школу: «она признаетъ, что существующее ученіе о преступленіи и наказаніи не имѣетъ основаній въ опытѣ, а построено на выводахъ изъ недоказанныхъ принциповъ, доставляемыхъ абстрактными теоріями, часто противорѣчивыми и невѣрными. На мѣсто вывода изъ данныхъ самонаблюденія послѣдователи новой школы считаютъ нужнымъ поставить наблюденіе реальныхъ фактовъ, замѣняя преступника воображаемаго преступникомъ дѣйствительнымъ и подвергая его тщательному и всестороннему изслѣдованію, какъ любой объектъ научнаго изученія». Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ этой перемѣнѣ метода, Дриль одобрялъ и общественную тенденцію новой школы, говоря: «если въ предшествующій періодъ своего развитія наука уголовнаго права главнымъ образомъ имѣла въ виду борьбу съ средневѣковой жестокостью наказаній, то въ настоящее время она, по мнѣнію ученыхъ новой итальянской школы, задается не менѣе гуманной цѣлью — цѣлью борьбы съ преступленіемъ и изысканія средствъ возможнаго уменьшенія числа ихъ». Но Дриль не принималъ цѣликомъ всѣхъ положеній новой школы. «Къ сожалѣнію,—прибавлялъ онъ,—идея борьбы и теорія удаленія изъ общества, въ видахъ искусственнаго подбора, его отбросовъ, по моему мнѣнію, слишкомъ увлекаетъ итальян-

скихъ представителей позитивной школы, начиная отъ самого Ломброзо. Она мѣшаетъ имъ достойнымъ образомъ оцѣнить нѣкоторыя другія, не менѣе важныя, стороны вопроса». Особенно у Гарофало и отчасти также у Ферри того времени Дриль отмѣчалъ такое увлеченіе идеей борьбы. Оно заставляло перваго не оцѣнивать должнымъ образомъ ни тѣхъ гарантій личной свободы, какія заключаетъ въ себѣ Habeas Corpus, ни тѣхъ гарантій правосудія, какія связаны съ судомъ присяжныхъ. И то и другое казались ему удаляющими отъ истинной цѣли—борьбы съ преступленіемъ. Той же господствующей идеей объясняется, по мнѣнію Дриля, готовность Гарофало поражать нѣкоторыя категоріи преступниковъ со всею строгостью наказаніями на вѣчныя времена и тѣмъ самымъ совершать искусственный подборъ общества, удаляя навсегда порочныхъ и неисправимыхъ его членовъ. Что же касается до Энрико Ферри, бывшаго въ то время профессоромъ въ Болоньѣ, то онъ въ своихъ «Новыхъ горизонтахъ уголовнаго права и процесса» не отступалъ отъ мысли о благодѣтельномъ вліяніи искусственнаго подбора, совершающагося при посредствѣ смертной казни. Соглашаясь съ тѣмъ, что наказаніе должно имѣть въ виду, какъ на этомъ настаиваетъ итальянская школа уголовнаго права, главнымъ образомъ огражденіе общества и выводя отсюда то послѣдствіе, что наказаніе должно быть опредѣляемо сообразно не одной только значительности преступленія, но и тому, въ какой степени преступникъ представляетъ собою опасность для общества, Дриль расходился съ учителями новой школы въ распредѣленіи преступниковъ по степени этой опасности для общества на категоріи сумасшедшихъ, прирожденныхъ и неисправимыхъ и, наконецъ, случайныхъ. «Въ сферѣ преступленія,—писалъ онъ,—какъ и вездѣ въ природѣ, нѣтъ ничего обособленнаго и строго ограниченнаго: явленія и здѣсь представляютъ постепенные и неуловимые переходы». Онъ прибавлялъ къ этому, что термины «прирожденный» и «неисправимый» выбраны крайне неудачно:

они ставятъ предубѣждающіе ярлыки, причемъ первый высказываетъ несправедливую мысль, что нѣкоторые уже рождаются роковыми преступниками. «Опытъ, конечно, не позволяетъ сомнѣваться,—писалъ Дриль,—что человѣкъ можетъ унаслѣдовать отъ своихъ восходящихъ такія особенности психо-физической организаціи, которыя предрасполагаютъ его къ преступленіямъ; но сдѣлаются ли они таковыми, это будетъ зависѣть отъ окружающей обстановки, отъ всѣхъ жизненныхъ условій вообще и отъ характера воспитанія въ частности». Дриль высказываетъ далѣе соболѣзнованіе, что, слишкомъ увлекаясь идеей борьбы и черезчуръ полагаясь на прочность разъ установленныхъ ею категорій преступниковъ, итальянская школа для преступниковъ прирожденныхъ и рецидивистовъ настаиваетъ на пожизненныхъ наказаніяхъ и не отступаетъ даже отъ мысли примѣненія къ нимъ смертной казни (въ особенности Гарофало). Дриль жалѣетъ, что по отношенію къ третьей категоріи—случайныхъ преступниковъ—итальянская школа при опредѣленіи наказанія недостаточно становится на точку зрѣнія теоріи исправленія.

Я не пойду дальше въ разборѣ мыслей Дриля, выраженныхъ еще въ статьяхъ, напечатанныхъ имъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ». Онѣ нашли развитіе въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ и въ особенности въ «Малолѣтнихъ преступникахъ». Мнѣ важно было показать, что Дриль никогда не закрывалъ глазъ на неизбѣжныя несовершенства, связанныя съ попыткою пойти новою дорогою и сказать новое слово въ такихъ сложныхъ вопросахъ, какимъ является вопросъ о преступности и о борьбѣ съ нею. Изъ упомянутаго выше можно придти, наоборотъ, къ заключенію, что имъ отмѣчены были весьма рано тѣ слабыя мѣста въ новой школѣ, которыя позднѣе указываемы были Тардомъ и многими новѣйшими критиками.

Не чрезмѣрнымъ увлеченіемъ доктриной Ломброзо, а предвзятымъ воззрѣніемъ, что новая доктрина подкашиваетъ

якобы въ корнѣ самую идею наказанія, надо объяснить, почему въ московскомъ юридическомъ факультетѣ, въ лицѣ его декана, который былъ медикомъ по профессіи, нашелся человѣкъ, признавшій совершенно недопустимой публичную защиту взглядовъ Дриля на диспутѣ. Профессоръ Легонинъ, преподававшій судебную медицину, отрицалъ за нами даже способность съ знаніемъ дѣла отнестись къ работѣ Дриля, увѣряя насъ, что оцѣнить ее должнымъ образомъ можетъ только естествоиспытатель и медикъ. Но Дриль былъ именно въ нашей средѣ тѣмъ рѣдкимъ юристомъ, который предпослалъ спеціализаціи по правовѣдѣнію нѣсколько лѣтъ занятій біологіей и въ частности анатоміей, физіологіей и патологіей человѣка. Ища провѣрки моихъ собственныхъ взглядовъ на качество представленной намъ диссертаціи, я обратился къ извѣстному въ то время спеціалисту, врачу-профессору Лашкевичу въ Харьковѣ, съ которымъ связывали меня давнишнія пріятельскія отношенія. Прочитазъ книгу Дриля, онъ сказалъ мнѣ, что авторъ несомнѣнно имѣетъ нужную подготовку по физіологіи вообще и физіологіи нервной системы въ частности; ему недостаетъ только знакомства съ клиническимъ методомъ, что и вполнѣ понятно для человѣка, не завершившаго своего медицинскаго образованія практической работой въ госпиталяхъ. Заявленіе профессора Лашкевича побудило моего бывшаго учителя, Леонида Евстафьевича Владимирова, въ то время профессора уголовнаго права въ Харьковѣ, заявить о своей готовности принять работу Дриля въ качествѣ магистерской диссертаціи. Я имѣлъ счастье передать автору эту добрую вѣсть. Въ диспутѣ, рядомъ съ криминалистами по профессіи, выступилъ и докторъ медицины проф. Лашкевичъ. Диспутанту дана была полная возможность обнаружить разнообразіе и основательность своихъ свѣдѣній и въ біологіи, и въ уголовной антропологіи.

Извѣстность Дриля, какъ русскаго представителя уголовной антропологіи, не замедлила съ этого времени упро-

читься въ широкихъ кругахъ. Къ сожалѣнію, одновременно проникло въ правящія сферы убѣжденіе, что новая доктрина не можетъ быть терпима въ преподаваніи, такъ какъ она сводится къ отрицанію карательной власти государства. Всѣ попытки Дриля устроиться при университетѣ на правахъ преподавателя встрѣтили рѣшительный отпоръ; почтенному ученому пришлось довольствоваться сравнительно скромнымъ положеніемъ сначала податного инспектора, а затѣмъ чиновника въ распоряженіи министра юстиціи и, наконецъ, юрисконсульта при томъ же министерствѣ. Несправедливость, обнаруженная по отношенію къ Дрилю и опиравшаяся на самомъ явномъ недоразумѣніи, казалась особенно возмутительной тѣмъ, кто зналъ его близко. Дриль принадлежалъ къ небольшому числу людей, которые ждали и ждутъ всего не отъ политическихъ реформъ, не отъ установленія въ нашей странѣ конституціонныхъ порядковъ, а отъ перевоспитанія общества. Онъ одно время даже не оцѣнивалъ достаточно преимуществъ представительной системы, которая рисовалась его воображенію какъ дающая полный просторъ владѣтельнымъ классамъ угнетать невладѣтельные. Онъ готовъ былъ, вслѣдъ за соціалистами и Нордау, говорить по поводу ея о системѣ прикрытаго обмана, о «conventionelle Lügen», объ обманѣ, какой необходимо предполагаетъ передача законодательной власти въ руки земельныхъ собственниковъ и предпринимателей, особенно при существованіи высокаго избирательнаго ценза. Бюрократія стала внушать ему заслуженныя опасенія только съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ попалъ въ ея среду. Его послѣдніе разговоры со мною свидѣтельствовали о тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, какія онъ вынесъ изъ своихъ поѣздокъ съ цѣлью осмотра тюремъ, и изъ того отношенія, какое онъ встрѣтилъ къ предложеннымъ имъ мѣрамъ со стороны мѣстныхъ губернаторовъ...

Добрую волю онъ приносилъ въ избыткѣ при выполненіи возложенныхъ на него порученій. Онъ не боялся

предпринимать и дальнихъ странствованій по сушѣ и морямъ, на Сахалинъ и въ австралійскія колоніи, съ цѣлью изученія дѣйствительныхъ условій каторги. Рѣдкій съѣздъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ, гдѣ бы онъ ни собирался, обходился безъ присутствія Дриля, его доклада и участія въ преніяхъ. Онъ находилъ также пищу для своего ума и сердца въ устройствѣ дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, въ устройствѣ народнаго университета и народнаго политехникума.

И несмотря на всѣ эти разнообразныя занятія, его постоянно влекло къ преподаванію дорогой ему уголовной антропологіи и соціологіи въ высшемъ учебномъ заведеніи. Къ чести директора политехническаго института и профессоровъ его экономическаго отдѣленія, съ А. С. Посниковымъ во главѣ, надо отнести то, что съ момента, когда высшая школа получила у насъ автономію, они привлекли Дриля въ свою среду и поручили ему преподавать дорогую ему науку. Я встрѣтился съ Дрилемъ уже какъ съ товарищемъ на собраніяхъ профессоровъ политехникума и знаю отъ его слушателей, какъ занимательны и поучительны были его чтенія. Курсъ его, къ счастью, былъ отлитографированъ и можетъ служить дополненіемъ къ недочитаннымъ имъ лекціямъ въ психо-неврологическомъ институтѣ.

Мнѣ пришлось недавно писать о Дрилѣ въ періодической печати. Я сказалъ о немъ, что это былъ человѣкъ высокой нравственной чистоты, у котораго слово шло всегда заодно съ дѣломъ и который всецѣло готовъ былъ отдать себя дѣятельному и разумному служенію человѣческой нуждѣ. Покинувшій насъ товарищъ не нуждается въ похвальномъ словѣ: мы только воздаемъ ему должное, сказавъ, что онъ былъ человѣкомъ въ высшемъ значеніи этого слова.

Д. А. ДРИЛЬ.

УЧЕНІЕ О ПРЕСТУПНОСТИ И МѢРАХЪ БОРЬБЫ СЪ НЕЮ.

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Касаясь вопроса о наслѣдственности, французскій психіатръ, профессоръ Балль, основательно замѣчаетъ: „Каждый изъ насъ представляетъ собой продуктъ работы, начало которой отходитъ въ глубь вѣковъ. Доля нашей душевной и физической организаціи, лично намъ принадлежащая, весьма незначительна, если мы ее сравнимъ съ тѣмъ, что приходится на долю нашихъ предковъ".

Слѣдуя этому закону преемственности человѣческой культуры, горячо хотѣлось бы въ предстоящемъ курсѣ возможно полно передать вамъ, представителямъ поколѣнія, выступающаго въ жизнь, результаты своихъ многолѣтнихъ, вдумчивыхъ труда и опыта въ области изученія, которой намъ придется заниматься, съ тѣмъ, чтобы эти трудъ и опытъ, по мѣрѣ возможности, помогли вамъ лучше разобраться въ явленіяхъ окружающей васъ общественной жизни.

Хотѣлось бы также сумѣть разбудить въ васъ самихъ болѣе или менѣе живой, активный интересъ къ области явленій, представляющей собой предметъ курса, потому что при этомъ условіи вашъ трудъ будетъ наиболѣе продуктивенъ, какъ лично для васъ самихъ, такъ и для общества, въ которомъ впослѣдствіи вамъ придется дѣйствовать въ качествѣ его активныхъ членовъ, его гражданъ.

Время студенчества — это время, когда, подъ вліяніемъ научнаго преподаванія, усиленно развивается и складывается въ законченныя формы умственно-нравственная личность. Научное преподаваніе будитъ и должно будить самостоятельную мысль. Оно выдвигаетъ вопросы, порождаетъ здоровыя сомнѣнія. Первые требуютъ отвѣтовъ, вторыя—провѣрки и разъясненій. Вообще, научное преподаваніе даетъ толчекъ къ напряженной работѣ мысли и чувства, къ общенію въ совмѣстномъ трудѣ преподавателя и аудиторіи. Со своей стороны, скажу: ставьте ваши вопросы и выражайте ваши сомнѣнія, если они возникаютъ у васъ, и я, по мѣрѣ силъ и знаній, постараюсь отвѣ-

тить на нихъ и разъяснить ихъ. Такое взаимодѣйствіе будетъ плодотворно для развитія устойчивости вашей духовной личности и для расширенія вашего умственнаго кругозора. И тогда не придется, какъ приходилось, слышать жалобы на малую жизненность лекціоннаго преподаванія.

На первый взглядъ можетъ, впрочемъ, показаться, что подобная, болѣе напряженная работа по уголовному праву нужна только юристу-криминалисту по спеціальности. Въ дѣйствительности, это далеко не такъ. Изъ послѣдующаго изложенія вы увидите и убѣдитесь, что явленія человѣческой преступности тѣсно связываются и сплетаются съ явленіями общечеловѣческой психики, съ явленіями нравственности (и при томъ нравственности не только самого нарушителя закона, но и всего общества), съ явленіями экономическими и, вообще, со всѣми явленіями индивидуальной и общественной жизни.

2.

Преступленія и наказанія, изученіе которыхъ дало начало наукѣ уголовнаго права, представляютъ собой явленія общественной жизни, а эта жизнь, со всѣми ея особенностями — результатъ дѣятельности человѣческихъ поколѣній, дѣйствующихъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Ясно поэтому, насколько необходимо для уголовнаго права, какъ науки, возможно всестороннее знаніе человѣка, нарушающаго уголовный законъ, и знаніе окружающей человѣческой среды, т. е. общества, подготовляющаго этого нарушителя и реагирующаго на его нарушенія.

Къ сожалѣнію, въ общественныхъ наукахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и уголовное право, до сихъ поръ просматривали и въ значительной мѣрѣ продолжаютъ просматривать самого человѣка съ его плотью и кровью, съ его многообразными особенностями, которыя постепенно, но постоянно измѣняются во времени. Науки общественныя все еще имѣютъ дѣло почти исключительно съ различнаго рода отношеніями и учрежденіями, какъ съ какими-то дѣйствующими конкретными существами, съ ихъ поступательнымъ ходомъ развитія и ихъ современнымъ состояніемъ. При этомъ общественныя науки изучаютъ отношенія и учрежденія почти внѣ зависимости ихъ особенностей отъ особенностей дѣйствовавшаго и дѣйствующаго человѣка. А вѣдь этотъ физически, нравственно и умственно измѣняющійся во времени человѣкъ и есть творецъ всѣхъ общественныхъ отношеній и

учрежденій. Измѣняется онъ—необходимо измѣняются отношенія и учрежденія и при томъ—въ полномъ соотвѣтствіи съ его измѣненіями. Поэтому во всѣ эпохи исторіи мы можемъ наблюдать, какъ съ измѣненіемъ особенностей дѣйствующихъ поколѣній, соотвѣтственно измѣнялась сущность общественныхъ отношеній и учрежденій, хотя ихъ внѣшній обликъ, ихъ формы, могли сохраняться и, дѣйствительно, сохранялись еще долгое время нетронутыми.

Въ виду указанныхъ связи и зависимости, въ общественныя науки, для ихъ надежнаго обоснованія, необходимо вводить результаты возможно-всесторонняго изученія человѣка, человѣка реальнаго съ его плотью и кровью и со всѣми особенностями его психо-физики. Подобно тому, какъ неудобно изучать функцію безъ изученія соотвѣтствующаго органа, такъ точно неудобно изучать отношенія и учрежденія и ходъ ихъ развитія, помимо создающаго и измѣняющаго ихъ человѣка. Это положеніе, справедливое вообще, справедливо и по отношенію къ уголовному праву, какъ наукѣ. Вотъ почему въ предстоящемъ курсѣ я удѣлю много мѣста результатамъ всесторонняго изученія реальнаго дѣйствующаго человѣка съ различными особенностями его существа, которыя развиваются подъ вліяніемъ разнообразныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, исходящихъ отъ окружающей его физической и общественной среды.

3.

Содержаніемъ курса будетъ ученіе о человѣческой преступности, какъ субъективномъ состояніи, предрасполагающемъ къ преступленію, о ея производящихъ причинахъ и дѣйствительныхъ, т. е., цѣлесообразныхъ средствахъ борьбы съ нею. Это ученіе—одинъ изъ наиболѣе сложныхъ, трудныхъ и важныхъ отдѣловъ науки о человѣкѣ и обществѣ. Въ преступленіи—весь человѣкъ, со всѣми свойствами и особенностями своего физическаго и душевнаго существа, а преступность того или другого даннаго общества въ данное время его существованія представляетъ собой, какъ вы это ясно увидите изъ дальнѣйшаго изложенія, продуктъ, поистинѣ, болѣзней этого общества, продуктъ важныхъ его неурядицъ, продуктъ „шати и нестроенія“ въ немъ, какъ у насъ выражались въ старину. Область преступности и преступленій—это область безпредѣльнаго человѣческаго горя и страданій, которыя, въ зависимости отъ ихъ количественнаго и качественнаго развитія, болѣе или менѣе разстраиваютъ и отравляютъ

человѣческое общежитіе. Поэтому и реакція противъ преступности и преступленій должна быть совокупностью цѣлесообразныхъ средствъ общественнаго оздоровленія, что возможно только при устраненіи производныхъ причинъ преступности въ ея различныхъ видоизмѣненіяхъ.

Главнѣйшею задачею предстоящаго курса, всѣ основныя положенія котораго обосновываются на громадномъ фактическомъ матеріалѣ, разработанномъ методомъ опыта и наблюденія, я ставлю возможно болѣе наглядное выясненіе понятія о непреложныхъ сцѣпленіяхъ производящихъ причинъ и ихъ необходимыхъ слѣдствій въ области явленій человѣческой преступности, иначе говоря, выясненіе понятія о неизмѣнныхъ законахъ природы, этими явленіями управляющихъ, законовъ, исходя изъ которыхъ и руководствуясь которыми только и можно достигать желаннаго общественнаго оздоровленія и огражденія общества отъ развращающаго зла преступленія.

Другою важною задачею курса я ставлю выясненіе вамъ на фактахъ живой дѣйствительности того важнаго руководящаго положенія, что могущественнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли и къ достиженію общаго благополучія должны служить планомѣрныя усилія, направленныя не только къ сохраненію, но и къ развитію физическаго и душевнаго здоровья отдѣльныхъ индивидовъ и совокупности ихъ или общества, какъ необходимой основы работоспособности, одаренности, жизненной удачи, довольства и счастья. А все это предполагаетъ необходимость созданія во взаимныхъ отношеніяхъ людей благопріятныхъ условій для существованія и развитія желаннаго здоровья.

Существуетъ великая книга, извѣстная намъ съ ранняго дѣтства. Книга эта — Евангеліе, провозглашающее свѣтлую, одухотворящую религію мира и любви и дающее въ руки основныя, руководящія начала для достиженія только что указанной цѣли. Въ послѣдующемъ изложеніи въ соотвѣтствующихъ случаяхъ я не премину указать вамъ, въ какой полной мѣрѣ результаты научнаго изученія явленій живой дѣйствительности всесторонне согласуются съ руководящими началами этой книги. Къ несчастью для недостаточно нравственно развившагося общества, начала эти плохо проводятся и осуществляются въ жизни исповѣдниками Евангелія, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, особенно въ той области явленій, которой мы занимаемся, они, путемъ изворотливыхъ толкованій, къ которымъ такъ склоненъ заинтересованный умъ, даже открыто оспариваются въ отношеніи ихъ примѣнимости къ руководству государственно-общественной жизнью.

4.

Я упомянулъ объ естественныхъ законахъ, законахъ природы, иначе, о непреложномъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій въ жизни вселенной, о тѣхъ законахъ, которые властно управляютъ всѣми явленіями окружающаго насъ внѣшняго и нашего собственнаго внутренняго міра. И только правильное пониманіе этихъ законовъ указываетъ намъ, гдѣ и какъ искать прочныя основанія какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго благополучія человѣка и человѣчества. И нельзя не признать, что человѣчество, какъ бы въ предвидѣніи своего будущаго, безсознательно и сознательно стремилось изначала къ проникновенію въ тайны природы, къ познанію ея законовъ, не останавливаясь при этомъ ни передъ какими усиліями и жертвами. Интересно одно какъ бы прообразное сказаніе Библіи: даже потеря Блаженнаго Рая была только слѣдствіемъ стремленія человѣка къ познанію Добра и Зла. И съ тѣхъ поръ это стремленіе было и остается въ области нравственно-умственной жизни человѣчества могущественнымъ двигателемъ его свободной творческой мысли. Въ погонѣ за знаніемъ и научной истиной человѣчество въ теченіе вѣковъ много выстрадало, множество принесло и приноситъ тяжелыхъ, мучительныхъ жертвъ. На своемъ пути къ научному свѣту оно помнитъ чрезвычайныя насилія, жесточайшія казни и костры инквизиціи. На томъ же пути оно помнитъ всевозможныя лишенія, изнуряющій трудъ и многообразные виды самопожертвованія.

И, несмотря на то, ненасытное стремленіе къ научному знанію и по сей день не замерло и не ослабѣло въ человѣчествѣ. Оно разростается и начинаетъ охватывать не только избранное меньшинство, но и массы, давая возможность уже теперь предвидѣть наступленіе времени царства знанія, конечно, въ доступныхъ для человѣчества предѣлахъ, того благодатнаго времени, когда, по обѣщанію, усваиваемому нами съ дѣтства, всѣ «труждающіеся и обремененные» вздохнутъ, наконецъ, свободно, полною грудью, и успокоятся, благодаря нравственно-умственному росту человѣчества, которому могущественно содѣйствуетъ наука.

Въ своемъ поступательномъ ходѣ положительная наука, основывающаяся исключительно на точномъ наблюденіи и опытѣ, долго не могла, однако, овладѣть областью наиболѣе сложныхъ явленій—явленій жизни вообще и ихъ вида—явленій душевной или психической жизни въ частности, не могла уловить законовъ этихъ явленій.

Но научный геній человѣчества и здѣсь не остановился передъ трудностью изученія. Съ теченіемъ времени онъ создалъ біологію и психологію или, правильнѣе, психо-физіологію, уловивъ необходимое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій и въ области явленій, относящихся къ этимъ наукамъ. Тогда стала возможна и начала разрабатываться и соціологія или наука о законахъ жизни человѣческихъ обществъ, съ различными ея отдѣлами, однимъ изъ которыхъ является и уголовное право, въ качествѣ научной дисциплины.

Такимъ образомъ, вся область доступныхъ человѣку знаній, отъ простѣйшихъ до наиболѣе сложныхъ, стала, наконецъ, неоспоримымъ достояніемъ положительной науки, которая, благодаря тѣсной связи всѣхъ ея отраслей, такъ же сложна и едина, какъ и окружающая насъ вселенная въ тѣснѣйшей связи своихъ явленій. Въ той и другой одинаково нельзя провести рѣзкихъ разграничительныхъ граней и установить замкнутыхъ областей. Если въ наукѣ такія области и устанавливаются, то лишь въ видахъ удобства изученія.

5.

Различныя отрасли единой науки, по присущему имъ характеру, распадаются, между прочимъ, на двѣ довольно своеобразныя группы: науки чистыя, съ одной стороны, и науки прикладныя, съ другой.

Первыя изучаютъ ту или иную условно выдѣляемую область явленій. Ихъ единственная цѣль – изученіе законовъ, этими явленіями управляющихъ. Онѣ отвѣчаютъ на одинъ только вопросъ: что и какъ совершается? Онѣ сравнительно далеко отстоятъ отъ потребностей практической жизни и непосредственно не отвѣчаютъ на ея запросы.

Эта жизнь нуждается поэтому въ посредникахъ между нею и науками чистыми. Ихъ она и находитъ въ наукахъ прикладныхъ. Существованіе послѣднихъ вызывается практическими цѣлями, и потому онѣ не ограничиваются тѣми или иными условно выдѣляемыми областями явленій, но ищутъ отвѣты на свои запросы повсюду, во всѣхъ отрасляхъ знанія, гдѣ только могутъ найти ихъ. Область такихъ наукъ, въ сущности, опредѣляется объемомъ ихъ цѣли и запросовъ, съ ней связанныхъ. Къ какой же изъ этихъ двухъ категорій принадлежитъ уголовное право?

Знакомясь на всемъ пространствѣ хода историческаго развитія съ его областью явленій, мы видимъ, что во всѣ времена это была область вредоносныхъ дѣйствій и не менѣе вредоносныхъ реакцій,

ими вызывавшихся со стороны лицъ и человѣческихъ группъ, подвергавшихся вредоноснымъ дѣйствіямъ, а впослѣдствіи со стороны органовъ власти, господствовавшей въ такихъ группахъ, болѣе или менѣе обширныхъ и могущественныхъ.

При этомъ, какъ мы это увидимъ далѣе, говоря о подробностяхъ реакція противъ вредоносныхъ дѣйствій, извѣстныхъ намъ подъ видомъ преступленій, во всѣ времена имѣла опредѣленную, хотя и не всегда ясно сознанную цѣль—огражденіе человѣческихъ группъ отъ такого рода дѣйствій. Поэтому и научная дисциплина, имѣющая дѣло съ этими дѣйствіями и вызываемыми ими реакціями, называемыми наказаніями, дисциплина, задающаяся опредѣленной практической цѣлью, есть наука прикладная. Она черпаетъ свой матеріалъ и необходимыя ей указанія повсюду, гдѣ только можетъ найти ихъ. Она обращается ко всѣмъ отраслямъ знанія, которыя могутъ доставать ей нужныя для нея данныя.

6.

Коснувшись общаго характера науки уголовнаго права, какъ науки прикладной, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ характеръ, состоящій въ обограниченіи областей всѣхъ прикладныхъ наукъ вообще объемомъ практическихъ цѣлей, ими преслѣдуемыхъ, даетъ намъ въ руки весьма удобный и надежный критерій для оцѣнки степени правильности руководящихъ началъ и теорій, господствовавшихъ въ этихъ наукахъ въ каждое данное время. Его мы находимъ въ степени достиженія практической цѣли, вызвавшей къ жизни ту или другую прикладную науку. Если поставленная практическая цѣль въ значительной мѣрѣ не достигается—у насъ достаточныя основанія полагать, что руководящая теорія прикладной науки погрѣшаетъ, а потому настоятельно требуетъ самой тщательной провѣрки въ своихъ основаніяхъ и, по меньшей мѣрѣ, значительныхъ коррективовъ.

Воспользуемся же этимъ критеріемъ и сдѣлаемъ опытъ его примѣненія для провѣрки степени обоснованности руководящей теоріи борьбы съ преступностью, выставляемой такъ называемой «классической» школой уголовнаго права и все еще раздѣляемой современными уголовными кодексами, теоріи, которая видитъ центръ тяжести борьбы съ преступностью въ болѣе или менѣе тяжкихъ наказаніяхъ, до смертныхъ казней включительно.

Возьмемъ примѣръ хотя бы изъ исторіи ожесточенной борьбы

съ творческимъ началомъ человѣческихъ обществъ, борьбы со свободой его убѣжденій.

Въ 1215 году знаменитый IV Латеранскій соборъ заложилъ основы священной инквизиціи—этого ужаснаго дѣтища Иннокентія III.

По постановленію собора, каждый епископъ долженъ былъ, по меньшей мѣрѣ—разъ въ годъ, посѣтить тѣ части своего діоцеза, о которыхъ ему стало извѣстно что въ нихъ скрываются еретики, т. е. люди, думающіе въ вопросахъ вѣры не такъ, какъ это установлено. Въ такихъ мѣстностяхъ епископъ долженъ былъ избрать трехъ или болѣе лицъ съ хорошей репутаціей и заставить ихъ поклясться, что они не медля, какъ только сами узнаютъ, будутъ доносить ему о ставшихъ имъ извѣстными еретикахъ, „о лицахъ, устраивающихъ тайныя собранія и ведущихъ жизнь странную и отличную отъ обычной жизни вѣрующихъ“.

Осужденные духовнымъ судомъ еретики, по постановленію собора, должны были передаваться свѣтской власти „для надлежащаго наказанія“, при чемъ имущество лицъ свѣтскихъ должно было конфисковываться, а людей церковныхъ—передаваться ихъ церквамъ.

Заподозрѣнные въ ереси, если они не могли надлежащимъ образомъ оправдаться, должны были отлучаться отъ церкви и, въ случаѣ пребыванія въ теченіе года въ такомъ положеніи, т. е., не имѣя возможности оправдаться или получить прощеніе, должны были осуждаться, какъ еретики.

Укрыватели и соумышленники еретиковъ должны были отлучаться отъ церкви, исключаться изъ всѣхъ должностей, объявляться опозоренными и лишаться права завѣщать, наслѣдовать и быть свидѣтелями.

Если свѣтскій владѣлецъ, уже получившій предостереженіе, не заботился объ очищеніи своихъ владѣній отъ еретиковъ, то онъ долженъ былъ подвергаться отлученію отъ церкви провинціальнымъ соборомъ, и его вассалы, если онъ въ теченіе года послѣ того не исполнялъ требованія, должны были разрѣшаться папой отъ присяги ему и его владѣнія предоставляться первому изъ вѣрныхъ сыновъ церкви, ихъ захватившему.

Въ послѣдующее время практика инквизиціи, санкціонированная постановленіями послѣдующихъ соборовъ, а также ученыя сочиненія (напр., dom Durand, Doctrine de la manière de procéder contre les héretiques), сюда относившіяся, не остановились и на этомъ, но, какъ бываетъ всегда, пошли значительно далѣе въ этой, поистинѣ, охотѣ на еретиковъ.

Обвиняемому не сообщали содержанія взводимаго на него обвиненія и именъ обличителей-свидѣтелей, которыми, въ противность общему правилу, могли быть преступники, лишенные чести по суду, проститутки, дѣти, самые ближайшіе родственники, однимъ словомъ, всѣ.

Отрицаніе виновности, когда имѣлись свидѣтели или какія-либо другія доказательства, влекло за собой признаніе «упорнымъ» еретикомъ, со всѣми его послѣдствіями.

Признаній обвиняемаго и указаній другихъ еретиковъ и соумышленниковъ добивались всѣми средствами: обманами, недостаточнымъ питаніемъ, разсчитаннымъ на усиленіе вліянія страха, запугиваніемъ перспективой смерти на кострѣ, съ одной стороны, и внушеніемъ надежды избѣжать ея признаніемъ, съ другой, и пр.

Но и помимо признаній обвиняемыхъ, соумышленниковъ еретиковъ рекомендовалось распознавать по различнымъ признакамъ, которыми считались: посѣщеніе лицъ, обвинявшихся въ ереси, разговоры съ ними, предоставленіе имъ пищи, выраженіе сожалѣнія по поводу ихъ ареста или казни, обвиненіе ихъ судей въ несправедливости, косые на этихъ судей взгляды и собираніе остатковъ костей сожженныхъ еретиковъ.

Не довольствуясь и этимъ, инквизиція уже съ начала XIV вѣка стала примѣнять и разнообразныя жесточайшія пытки. Изъ сожженія еретиковъ она сдѣлала чрезвычайно торжественную церемонію, обыкновенно длившуюся цѣлый день и разсчитанную на произведеніе подавляющаго впечатлѣнія на истинно вѣрующихъ зрителей, стекавшихся во множествѣ на импозантный спектакль жестокаго уничтоженія отверженныхъ еретиковъ.

Насколько старательно работала инквизиція въ нѣкоторыхъ странахъ для водворенія вѣрованій, признававшихся истинными, видно, напримѣръ, хотя бы изъ того, что знаменитый организаторъ испанской инквизиціи, Торквемада, по свидѣтельству историка, съ 1480 по 1498 годъ видѣлъ 8.800 чел., сожженныхъ живыми, и 6.500 чел., сожженныхъ уже трупами или въ изображеніяхъ.

Но какъ же согласовала церковь того времени исповѣдывавшуюся ею религію любви и всепрощенія со всѣми этими возмутительными жестокостями? Она, какъ Пилатъ, умывала руки и предавала осужденнаго еретика въ руки свѣтской власти, высказывая при этомъ приглашеніе, обращенное къ свѣтскому судьѣ, не подвергать, согласно канонамъ церкви, осужденнаго изувѣченію и смерти. Но то было величайшее лицемѣріе формы. Исполни судья приглашеніе—и онъ самъ

подвергся бы отлученію, какъ соумышленникъ еретиковъ. Приходилъ также на помощь, какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, и услужливый умъ со своими успокаивающими изворотливыми толкованіями. Страданіями и уничтоженіемъ бреннаго тѣла надо было попытаться очистить и спасти грѣшную, но безсмертную душу еретика, по христіанской любви къ нему.

Возьмемъ и другой примѣръ изъ окружающей насъ русской современности. При этомъ не будемъ говорить о такъ называемыхъ «политическихъ» преступленіяхъ. Будемъ имѣть въ виду только преступленія общеуголовныя.

Кому неизвѣстно, что за послѣдніе годы, на ряду съ крайнимъ обезцѣненіемъ собственной жизни, породившимъ какую-то, поистинѣ манію самоубійствъ, обезцѣнилась до крайности и жизнь ближняго. Она сдѣлалась дешевле того „мерзавчика“, который съ такою легкостью пріобрѣтается въ казенныхъ лавкахъ, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ многочисленныя кровавыя преступленія.

Въ борьбѣ со страшнымъ нравственнымъ зломъ крайняго упадка цѣны на жизнь человѣка наши военные суды не скупились на примѣненіе, по старымъ рецептамъ на такіе случаи, чрезвычайнаго средства борьбы съ преступностью—смертныхъ приговоровъ. Въ одномъ 1908 году ихъ было произнесено, какъ сообщалось, 2.569 (по 7 на день). Устрашеніе и вычеркиваніе изъ списковъ, казалось бы, достаточно энергичныя. Уменьшились ли, однако, тяжкія преступленія? Загляните въ уголовныя хроники, и онѣ дадутъ вамъ достаточно убѣдительный отвѣтъ. Убійства и покушенія среди бѣла дня въ людныхъ мѣстностяхъ, изнасилованія, иногда при такой же обстановкѣ, открытыя нападенія съ перестрѣлками на цѣлыя учрежденія и желѣзнодорожные поѣзда, и проч.—вотъ о чемъ говорятъ хроники. И если при свѣтѣ научнаго знанія вы внимательно вдумаетесь въ удручающія картинки хроникъ, то вы будете вынуждены признать всю е с т е с т в е н н о с т ь совершающагося. Дѣйствительно, что представляетъ въ изобиліи современная русская жизнь? Ужасающій массовый алкоголизмъ съ его глубокими причинами, сопровождающія его бѣдность и недоѣданіе, упадокъ работоспособности, алкогольное озвѣрѣніе, болѣзненное разнуздываніе, подъ вліяніемъ алкоголя, полового инстинкта съ развивающеюся на этой почвѣ жестокостью и кровожадностью и весьма распространенное вырожденіе породы вообще. Взвѣсьте эти производящія причины и вы, конечно, повторите выраженіе „естественно“. Поражали ли щедро назначаемыя казни эти дѣйствовавшіе

и дѣйствующіе факторы и могли ли онѣ поставить преграды тяжкой преступности? Отвѣтъ ясенъ самъ собой.

Таковы нѣкоторые изъ уроковъ исторіи по отношенію къ средствамъ борьбы съ преступностью, рекомендуемымъ руководящею теоріею классической школы. Въ злостной изобрѣтательности, въ истязаніяхъ, пыткахъ и жестокихъ наказаніяхъ до смертной казни включительно не было недостатка. Но существовали и продолжаютъ существовать производящія причины, существовали и продолжаютъ существовать и ихъ необходимыя слѣдствія. Существовалъ и существуетъ испытующій умъ человѣка, существовала и существуетъ его свободная творческая мысль, а съ ней и инакомышленіе, создающее въ наше время, напримѣръ, одухотворенное ученіе евангелическихъ христіанъ. То же нужно сказать и о современной тяжкой преступности. Казни старательно вычеркиваютъ изъ списковъ однихъ, а подъ вліяніемъ дѣйствующихъ факторовъ ихъ мѣсто старательно занимаютъ другіе. Таковъ результатъ нашей провѣрки.

7.

Я упоминалъ уже, что область уголовнаго права во всѣ времена была областью вредоносныхъ дѣйствій и реакцій, ими вызываемыхъ. Въ наиболѣе отдаленныя эпохи все въ ней обусловливалось и регулировалось чувствомъ, несложными простыми представленіями, непосредственно этимъ чувствомъ вызываемыми. Это была область грубѣйшихъ проявленій борьбы за существованіе въ ея примитивныхъ формахъ, остатки которой, все еще довольно развитые, и до сихъ поръ продолжаютъ еще сохраняться въ международныхъ отношеніяхъ, съ ихъ войнами, хотя и здѣсь эти остатки начинаютъ все болѣе возмущать своими нравственно уродливыми проявленіями чувство болѣе развитой части человѣчества.

Постоянно повторяясь во времени, явленія области уголовнаго права постепенно дали мѣсто образованію по отношенію къ нимъ нѣкоторыхъ обычаевъ, а потомъ и неписанныхъ законовъ. Въ свою очередь, неписанные законы, сохранявшіеся только въ памяти, съ теченіемъ времени перешли въ законы писанные, а эти послѣдніе въ эпоху зачаточнаго развитія научной дисциплины уголовнаго права являлись, за отсутствіемъ научныхъ знаній, единственнымъ матеріаломъ и данными изученія. Поэтому въ эту первичную эпоху—эпоху начальнаго зарожденія интересующей насъ прикладной науки все, въ

сущности, сводилось къ толкованію законовъ, конечно, болѣе или менѣе творческому. Путемъ такого толкованія въ пониманіе и практическое примѣненіе закона постепенно проникали мнѣнія толкователей—легистовъ, глоссаторовъ. Иного высшаго и надежнаго критерія для правильной оцѣнки достоинствъ положительныхъ законовъ еще не существовало. Все сводилось къ уму и остроумію толкователей.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что исканіе высшаго критерія, стоящаго въ силу присущей ему цѣнности надъ положительнымъ закономъ, наблюдалось издавна. Сократу имъ служила высшая справедливость неписанныхъ божественныхъ законовъ, заложенная въ сердце человѣка. Римскіе юристы находили его въ особомъ „естественномъ правѣ“, внушаемомъ „естественной справедливостью“ (naturalis aequitas) и „естественнымъ разумомъ“. Средніе вѣка видѣли этотъ критерій въ томъ же естественномъ правѣ, поскольку оно согласно съ закономъ божественнымъ, а также въ первобытномъ договорѣ и народномъ суверенитетѣ. Гуго Гроцій находилъ его въ правилахъ, непосредственно вытекавшихъ изъ разсмотрѣнія понятія о природѣ. Ж. Ж. Руссо выводилъ этотъ критерій изъ особенностей человѣка, въ его естественномъ первобытномъ состояніи съ его неотчуждаемыми правами. Кантъ находилъ этотъ критерій въ непреложныхъ законахъ разума, а Штаммлеръ усматриваетъ его еще въ только намѣчающихся зачаткахъ новыхъ формъ отношеній, идущихъ на смѣну формъ существующихъ.

Когда же, наконецъ, зародилась и стала развиваться біологія или наука о жизни и опытная психо-физіологія, а за ними и соціологія съ различными ея отдѣлами, тогда былъ найденъ, дѣйствительно, высшій критерій для провѣрки и корректированія не только законодательства, но и разумной правильности человѣческихъ отношеній вообще. Критерій этотъ, съ которымъ должно сообразоваться, которому должно слѣдовать—непреложные законы природы, законы существа человѣка, а средство ихъ раскрытія—положительная наука, разрабатываемая методомъ наблюденія и опыта, какъ продуктъ творческой мысли человѣчества. Только согласованіе съ этими законами всѣхъ отношеній государственной, общественной, семейной и личной жизни можетъ служить основаніемъ государственно-общественнаго благосостоянія человѣчества и отдѣльныхъ лицъ, человѣчество составляющихъ. Поэтому всестороннее проведеніе этой истины въ практическую жизнь—величайшая задача времени.

8.

Вмѣстѣ съ указаннымъ нарастаніемъ знаній измѣнилось и не могло не измѣниться и опредѣленіе предмета научной дисциплины уголовнаго права. Прежнія, все болѣе и болѣе отживающія ученія, утверждали и утверждаютъ, что предметъ ея изученія—преступленія, т. е. дѣянія, воспрещаемыя или предписываемыя закономъ подъ именемъ каръ или наказаній, и сами наказанія.

Легко видѣть, однако, всю недостаточность и полную несостоятельность такого обограничиванія предмета научной дисциплины уголовнаго права.

Всякое дѣйствіе человѣка, каково бы оно ни было, представляетъ собой внѣшнее соотвѣтствующее проявленіе внутреннихъ душевныхъ состояній, внутреннихъ, чрезвычайно разнообразныхъ, процессовъ, совершающихся въ самомъ человѣкѣ. А если такъ, насколько же возможно надлежащее изученіе преступнаго дѣянія безъ изученія самого дѣятеля и его особенностей? Возьмемъ дѣянія, одинаковыя по ихъ конечному результату, напримѣръ, убійства, изнасилованія и проч. Ближайшее изученіе показываетъ значительное разнообразіе ихъ дѣятелей и тѣхъ внутреннихъ душевныхъ состояній, которыя вызвали у нихъ совершенныя ими преступныя дѣянія. То же нужно сказать и по отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ и видамъ преступленій.

Съ другой стороны, и реакція противъ преступленій или наказанія примѣняются къ совершителямъ преступныхъ дѣяній въ цѣляхъ желательнаго воздѣйствія на нихъ. Но есть ли возможность правильно и успѣшно воздѣйствовать на кого или на что-либо, не изучая и не зная объекта воздѣйствій, въ данномъ случаѣ—преступнаго человѣка и его многообразныхъ особенностей, находящихся въ опредѣленномъ соотвѣтствіи съ окружающей его обстановкой? Этотъ человѣкъ живетъ въ общественной средѣ, воспринимаетъ отъ нея воздѣйствія, болѣе или менѣе къ ней приспособляется и, подъ ея вліяніемъ, такъ или иначе измѣняется. Въ свою очередь, онъ самъ воздѣйствуетъ на окружающую среду и въ большей или меньшей мѣрѣ измѣняетъ ее, соотвѣтственно своимъ силамъ и способностямъ и тѣмъ самымъ подготовляетъ и свои дальнѣйшія измѣненія.

Внимательно вдумываясь во все сказанное, мы можемъ утверждать, что предметомъ прикладной науки уголовнаго права является не преступленіе и наказаніе, какъ это утверждаетъ еще довольно распространенное опредѣленіе. Имъ прежде всего служитъ самъ преступный человѣкъ и особенности его преступ-

ности, т. е. того болѣе или менѣе стойкаго внутренняго состоянія, которое, при наличности извѣстныхъ внѣшнихъ условій, предрасполагаетъ и наталкиваетъ этого человѣка на совершеніе преступленій. Далѣе, имъ служатъ производящія причины преступности, внѣшнія и внутреннія, и цѣлесообразныя мѣры воздѣйствія какъ на среду, подготовляющую и развивающую эту преступность, такъ и на самого преступника, въ цѣляхъ возможно большаго огражденія общества, отъ зла преступленія.

Перечисленное—реальныя, конкретныя явленія изъ міра человѣка и человѣческаго общества. Какъ таковыя, они могутъ быть успѣшно изучаемы только методами наблюденія и опыта—этими единственно надежными средствами правильнаго ознакомленія со всѣми естественными явленіями вообще, изъ числа которыхъ нельзя исключить явленій юридическихъ, какъ однихъ изъ явленій жизни общества. Умозрительный методъ въ примѣненіи къ изученію этихъ явленій, происходящихъ, какъ и всѣ остальныя явленія въ пространствѣ и времени, очевидно, несостоятеленъ.

Съ другой стороны, и методъ самонаблюденія можетъ служить только подсобнымъ методомъ. Онъ открываетъ намъ лишь часть внутренняго міра самого самонаблюдающагося, его сознательныя явленія и то исключительно постольку, поскольку эти явленія разсматриваются безъ ихъ безсознательныхъ корней, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, тогда какъ психологическое и клинико-психіатрическое наблюденіе открываетъ намъ въ отношеніи этихъ безсознательныхъ корней удивительное разнообразіе психическихъ индивидуальностей, которое, какъ таковое, можетъ быть доступно только наблюденію и провѣркѣ опыта.

Итакъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что при изученіи дѣятельности человѣка вообще и его преступной дѣятельности въ частности, науки общественныя, очевидно, непосредственно соприкасаются и тѣсно связываются съ науками естественными, являясь ихъ болѣе осложнившимся продолженіемъ.

Поэтому стремленіе многихъ криминалистовъ замыкаться въ кругъ какого-то особаго юридическаго изученія явленій области уголовнаго права представляется необоснованнымъ. Такого научнаго изученія по самому существу дѣла нѣтъ и быть не можетъ.

Прикладная наука уголовнаго права, какъ мы уже видѣли, представляетъ собою науку о преступномъ человѣкѣ, живущемъ въ обще-

ствѣ, и объ обществѣ, поскольку оно подготовляетъ и развиваетъ этого человѣка и реагируетъ противъ его вредоносной дѣятельности, нарушающей, по общему признанію, наиболѣе основныя правила общежитія. При этомъ невольно приходитъ на память научно глубоко вѣрная мысль, высказанная еще Декартомъ въ его „Discours de la methode“ („Разсужденіе о методѣ“), что „если и возможно найти какія-либо средства сдѣлать людей и общество болѣе мудрыми и способными, нежели они были до настоящаго времени, то эти средства надо искать въ медицинскихъ наукахъ...“ или, вѣрнѣе, въ наукахъ естественныхъ вообще, къ циклу которыхъ должна принадлежать и принадлежитъ соціологія въ своихъ различныхъ развѣтвленіяхъ, одно изъ которыхъ и образуетъ научная дисциплина уголовнаго права.

Эта послѣдняя, задаваясь практической цѣлью открыть и изучить дѣйствительныя средства огражденія общества отъ зла преступленія, должна понять самую природу человѣческой преступности, а для этого она должна изучить эту преступность, неотдѣлимую отъ самого преступнаго человѣка, на почвѣ факторовъ живой дѣйствительности. Тогда она будетъ на истинно научномъ пути и найдетъ дѣйствительныя средства для достиженія поставленной себѣ цѣли.

Послѣ всего сказаннаго, уже не трудно предвидѣть, что въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ необходимо будетъ близко и довольно подробно касаться явленій изъ области наукъ естественныхъ, имѣющихъ дѣло со всестороннимъ изученіемъ человѣка, какъ индивидуальности, и съ явленіями соціологіи въ ея различныхъ отрасляхъ, изучающихъ ту питательную среду, если можно такъ выразиться, въ которой зарождается и развивается преступный человѣкъ со всѣми особенностями его преступности. Этого настоятельно требуетъ самое существо предмета, подлежащаго нашему изученію.

9.

Біологическія науки развили, на основѣ точнаго наблюденія, и передали соціологіи три руководящія міровыя идеи или три идеи-закона, ярко озаряющія самый процессъ мірозданія. Идеи эти освѣщаютъ намъ далекое прошлое, тѣмъ самымъ облегчаютъ правильное пониманіе настоящаго и позволяютъ провидѣть то будущее, когда сообщаемыя наукою знанія опредѣленныхъ закономѣрностей въ явленіяхъ жизни распространятся въ народныхъ массахъ, обоснуютъ

взгляды и убѣжденія этихъ массъ и когда, благодаря этому, знанія законовъ природы, вообще, и природы человѣка въ частности станутъ твердыми руководителями индивидуальной и общественной жизни на благо всѣхъ и каждаго.

Эти три идеи-закона суть: 1) законъ эволюціи, 2) законъ борьбы всего живого за существованіе и, какъ его слѣдствіе, законъ отбора и, наконецъ, 3) законъ солидарности.

Первая изъ этихъ идей существенно измѣнила и продолжаетъ измѣнять всѣ наши умственно-нравственныя перспективы; она освѣщаетъ новымъ свѣтомъ многообразныя явленія жизни и ведетъ къ полной переоцѣнкѣ всѣхъ умственно-нравственныхъ цѣнностей на основѣ ихъ правильнаго измѣренія.

Идея эта даетъ намъ возможность возстанавливать и созерцать въ одной общей и грандіозной картинѣ, всѣ части которой взаимно тѣсно сочетаны, ходъ историческаго развитія мірозданія. Она даетъ намъ возможность распознавать простѣйшіе зародыши сложнѣйшихъ продуктовъ нашей умственно-нравственной жизни. Она вызываетъ въ насъ пониманіе власти прошлаго надъ настоящимъ, пониманіе размѣровъ и значенія этой власти. Она намъ даетъ возможность слышать продолжающій звучать голосъ предковъ и улавливать его вліяніе въ дѣйствіяхъ и дѣятельности потомковъ. Она позволяетъ намъ оцѣнивать наслѣдіе временъ минувшихъ и доли участія въ немъ работы различныхъ, намъ предшествовавшихъ, поколѣній. Указывая же на значеніе прошлаго, она тѣмъ самымъ даетъ намъ возможность правильно понимать настоящее.

Результаты дѣйствія этого закона - идеи мы наблюдаемъ во всѣхъ областяхъ изученія: въ эмбріологіи, гдѣ стадіи, проходимыя развитіемъ зародыша, воспроизводятъ сокращенно исторію вида, къ которому зародышъ принадлежитъ, въ области вѣрованій, нравственности и пр., а также, конечно, и въ занимающей насъ области права. Здѣсь, среди древнѣйшихъ учрежденій, мы находимъ первобытные источники намъ близкихъ, современныхъ, но предварительно уже прошедшихъ многочисленныя стадіи, измѣненій, которыя внимательное сравнительное изученіе даетъ возможность располагать въ постепенно прибывающій рядъ поступательныхъ осложненій.

И только прослѣживая такіе ряды измѣненій въ учрежденіяхъ, начиная отъ простѣйшихъ фазъ, и при томъ прослѣживая ихъ въ ихъ производящихъ причинахъ или факторахъ, мы получимъ возможность правильно понимать ходъ развитія смѣняющихъ явленій, ихъ сродство и взаимную зависимость.

Въ интересахъ демонстрированія сказаннаго остановимся на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ конкретныхъ примѣровъ.

Историкъ суда присяжныхъ Brunner въ своей работѣ „Die Entstehung der Schwurgerichte“, указываетъ, что въ древнегерманскомъ процессѣ стороны представляли своихъ соприсяжниковъ—„очистителей“ (conjurator'овъ, compurgator'овъ), и уже на основаніи клятвы послѣднихъ преимущественно и разрѣшалось дѣло судьями—посредниками, такъ называемыми, boni homines. Законодательствомъ Карла Великаго этотъ порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ, и противной сторонѣ предоставлено право выбирать часть conjurator'овъ. Затѣмъ внесено новое измѣненіе—институтъ inquisitionis, дававшій судьѣ право избирать изъ среды circa-vicini, нашихъ „окольныхъ людей“, людей лучшихъ, которымъ извѣстно спорное отношеніе и которые являлись какъ бы срединой между свидѣтелями и судьями. Они не только свидѣтельствовали о фактахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказывали и свое мнѣніе о данномъ отношеніи, руководствуясь при этомъ, въ числѣ прочаго, и своимъ знаніемъ участвующихъ лицъ, ихъ репутаціи, характеровъ и т. д. и вытекающей отсюда вѣроятностью или невѣроятностью совершенія послѣдними того или иного приписываемаго имъ дѣйствія. Въ послѣдующее время изъ этого института inquisitionis, въ связи съ развитіемъ института разъѣзжихъ судей, и развился путемъ постепенныхъ измѣненій англійскій судъ присяжныхъ, подраздѣлившійся въ дальнѣйшемъ на два учрежденія — большихъ или обвинительныхъ присяжныхъ (наша обвинительная камера, разрѣшающая предварительный вопросъ о томъ, существуютъ ли по дѣлу достаточныя данныя для преданія суду предполагаемаго виновника преступленія) и малыхъ или судящихъ присяжныхъ, и, въ свою очередь, послужившій образцомъ для континентальныхъ учрежденій того же имени.

Съ только что сказаннымъ не безъинтересно сопоставить замѣчательныя единообразія варіацій института соприсяжниковъ въ обычномъ правѣ нашихъ инородцевъ. Въ южномъ Дагестанѣ, какъ и въ древне-германскомъ процессѣ, соприсяжники представляются стороной изъ ея сородичей. У бурятъ Кудинскаго вѣдомства соприсяжники, въ числѣ 30 человѣкъ, хотя и представляются стороной, но изъ посторонихъ, при чемъ противная сторона выбираетъ изъ представленныхъ лицъ одного, который и даетъ клятву. Въ Кабардѣ модификація института является еще болѣе интересной и весьма сходной съ институтомъ inquisitionis. Здѣсь въ тѣхъ случаяхъ, когда доказательства, представленныя сторонами, оказываются недостаточными, рѣшающіе дѣло судьи представляютъ обвиняемому очиститься клятвою при-

сяжниковъ, назначаемыхъ ему судьями изъ людей, извѣстныхъ въ округѣ своимъ хорошимъ поведеніемъ. Эти почетные люди, не будучи сами знакомы съ обстоятельствами дѣла, руководствуются въ своемъ рѣшеніи—давать или не давать очистительную клятву за обвиняемаго, его сложившейся репутаціей и собираемыми о немъ и о происшествіи свѣдѣніями, а главное —клятвеннымъ удостовѣреніемъ его родственниковъ. Поэтому они обращаются обыкновенно къ послѣднимъ, какъ къ лицамъ, хорошо знающимъ обвиняемаго и тѣсно съ нимъ связаннымъ, и отъ нихъ требуютъ клятвенной поруки за него. Какъ бы ни былъ великъ у родичей интересъ отстоять своего сородича, но страшная для всякаго горца клятва „дзуарами“ или своими умершими родичами обыкновенно удерживаетъ ихъ отъ ложнаго свидѣтельства, и они требуютъ отъ обвиняемаго, чтобы онъ, въ свою очередь, клятвенно засвидѣтельствовалъ передъ ними свою невинность. Когда онъ даетъ требуемую клятву родственникамъ, а послѣдніе присяжникамъ, тогда наступаетъ очередь этихъ почетныхъ людей, которые, съ своей стороны, подъ клятвою утверждаютъ, что, по ихъ мнѣнію, обвиняемый не совершалъ взводимаго на него преступленія. Такое свидѣтельство является достаточнымъ для оправданія, а отказъ въ немъ—для обвиненія. Итакъ мы находимъ здѣсь, съ одной стороны, судей, рѣшающихъ дѣло, но рѣшающихъ его только относительно юридическихъ послѣдствій обвиненія, а съ другой — выборныхъ изъ среды общества, мнѣніе которыхъ, высказанное подъ клятвою, и служитъ основаніемъ для рѣшенія дѣла. При чемъ эти выборные не являются на судѣ въ качествѣ свидѣтелей-очевидцевъ, а лишь въ качествѣ лицъ, высказывающихъ на основаніи извѣстныхъ данныхъ свое мнѣніе или, правильнѣе, убѣжденіе объ отношеніи обвиняемаго къ извѣстному событію преступленія, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ нашемъ современномъ судѣ присяжныхъ, заимствованномъ изъ Англіи.

Таковы различныя модификаціи института присяжниковъ, встрѣчаемыя у нашихъ инородцевъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, и таковы единообразія этихъ модификацій съ древними формами того же института на Западѣ.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Что, казалось бы, общаго между древнимъ военноплѣненіемъ и современнымъ жгучимъ рабочимъ вопросомъ, который въ настоящее время глубоко волнуетъ человѣчество и грозитъ ему ужасными потрясеніями, если своевременно не состоятся надлежащія общественныя соглашенія и не будутъ проведены въ жизнь надлежащія мѣры? Между тѣмъ преемственная связь этихъ

явленій существуетъ, а также все еще существуетъ и рѣшительное вліяніе въ этой области характера древнихъ отношеній—на соотвѣтствующія современныя.

Въ отдаленныя первобытныя времена, когда, по справедливому указанію историка права Мэна, единственной связью между членами первичныхъ человѣческихъ группъ служила и могла служить только связь по единству крови, по единству происхожденія въ нѣдрахъ одного и того же кровнаго человѣческаго сопряженія, и когда руководящими понятіями для дѣятельности являлись, съ одной стороны, понятіе сородича, соплеменника, сотоварища-друга, а съ другой—инородца, иноплеменника, чужака-ворога — тогда жившія въ условіяхъ бродячаго охотничьяго быта отдѣльныя племена, вступая между собою въ кровавыя столкновенія, поѣдали павшихъ въ битвѣ и захваченныхъ въ плѣнъ враговъ, подобно той дичи, за которой охотилось племя и отъ которой противники въ его глазахъ ничѣмъ не отличались.

При этомъ истребленіе побѣжденныхъ вызывалось существомъ взгляда на нихъ, какъ на инородцевъ и чужаковъ - вороговъ, на иную, худшую породу, худшую кость. Самый же способъ пользованія вызывался условіями быта. Иная форма эксплоатаціи захваченнаго врага, по бытовымъ условіямъ времени, была невозможна.

Но вотъ измѣняются условія существованія, измѣняются формы быта, приручаются животныя для ихъ эксплоатаціи, для исключительнаго служенія нуждамъ приручающаго ихъ человѣка, возникаютъ занятія земледѣліемъ; но сохраняется нетронутымъ существо прежняго взгляда на инородца-ворога и стремленіе употреблять его, побѣжденнаго, себѣ на пользу. Тогда, въ зависимости отъ измѣнившихся бытовыхъ условій, измѣняется только форма пользованія человѣка человѣкомъ, форма эксплоатаціи послѣдняго. На захваченнаго устанавливается вытекающій изъ условій быта новый взглядъ племени побѣдителя. Согласно этому новому взгляду, побѣжденный приравнивается уже не къ дичи, за которой охотилось племя, а къ домашнему животному, обреченному служить, всѣмъ своимъ существомъ, потребностямъ и прихотямъ его хозяина. Такъ появляется новый видъ движимой собственности—потерявшіе свою человѣческую личность плѣнные, рабы, разсматриваемые какъ вещи, подлежащія мѣнѣ, куплѣ, продажѣ.

По мѣрѣ учащенія военныхъ столкновеній и увеличенія количества получавшихся отъ этого источника рабовъ, число которыхъ въ древне-римскомъ воинственномъ государствѣ выражается въ громаднѣйшихъ цифрахъ, относительная цѣнность этого вида движимаго

имущества, вслѣдствіе его перепроизводства, какъ и всегда, значительно понижается, а вся сумма отношеній къ нему измѣняется, и собственнику даже не жаль откармливать мясомъ рабовъ своихъ муренъ, какъ мы это видимъ въ Римѣ, въ средѣ его богато-знатныхъ гражданъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ непосредственная эксплоатація рабочаго труда становится сравнительно мало выгодной для хозяина, хотя прежнее существо взгляда и отношенія къ рабу ненарушимо сохраняется.

Тогда, въ полномъ соотвѣтствіи съ новыми условіями времени, постепенно образуется новый способъ пользованія: возникаетъ и развивается колонатъ и различныя формы закрѣпощенія вообще, объекты которыхъ, по существу взгляда на нихъ, едва ли, однако, отличаются отъ рабовъ. Современникъ—сеньоръ говоритъ про такой объектъ пользованія: „Этотъ человѣкъ мнѣ принадлежитъ; я могу его сварить и сжарить“. И дѣйствительно эти объекты пользованія варились и жарились. Ихъ положеніе не рѣдко бывало хуже положенія рабовъ, о которыхъ, вслѣдствіе собственныхъ интересовъ, господинъ больше заботился. Одинъ изъхроникеровъ XI вѣка писалъ объ этихъ объектахъ пользованія, прикрѣпленныхъ отъ рожденія до смерти къ господскимъ землямъ: „Жизнь—это бремя: всякій желаетъ смерти, потому что у него отнимаютъ средства существованія. Города обезлюжены, деревни выжжены, мужчины и женщины истреблены желѣзомъ, голодомъ и огнемъ.

Такимъ образомъ, сохраняется въ полной силѣ понятіе о различіи породъ завоевателя, подчинителя, съ одной стороны, и завоеваннаго, служащаго, съ другой, сохраняется понятіе о различіи бѣлой и черной кости.

Въ послѣдующее время, съ дальнѣйшимъ разложеніемъ родовыхъ связей, съ ослабленіемъ пониманія общности интересовъ, съ развитіемъ сословныхъ подраздѣленій, съ накопленіемъ движимой собственности, съ возрастаніемъ числа и размѣра городовъ, съ развитіемъ крупной промышленности, торговли и гражданскаго оборота, вообще существенно измѣняются условія быта, а съ ними и способъ пользованія человѣка человѣкомъ. Возникаетъ и развивается вольнонаемный трудъ, являющійся на смѣну прежнихъ формъ труда, но сущность взгляда на отношенія сохраняется прежняя, сохраняется поэтому и преемственная тѣсная связь новаго понятія съ понятіемъ старымъ объ эксплоатируемомъ плѣнномъ иноплеменникѣ. Еще Мальтусъ справедливо указалъ, что низшіе классы въ цивилизован-

номъ обществѣ находятся въ худшемъ положеніи, нежели дикари. Исходя изъ одинаковыхъ наблюденій, Джоржъ высказываетъ слѣдующую мысль. „Я твердо увѣренъ, говоритъ онъ, что если бы на порогѣ жизни человѣкъ имѣлъ возможность выбора родиться фиджійцемъ, негромъ или эскимосомъ арктическаго полюса, или, напротивъ, родиться членомъ низшихъ классовъ цивилизованной страны, подобной Великобританіи, то онъ сдѣлалъ бы неизмѣримо лучше, предпочтя участь дикаря".

Вмѣстѣ съ этимъ и вслѣдствіе этого на первый планъ выдвинулся грандіозный современный вопросъ, глубоко волнующій человѣчество—вопросъ труда и капитала, вопросъ о закрѣпощеніи перваго второму. Въ этомъ вопросѣ его наслѣдственное прошлое ярко проявляется. Измѣнились формы, но самая война осталась войной со всѣми своими жертвами и съ той лишь разницей, что здѣсь не война народностей, а прискорбная война классовъ съ ея грандіозными стачками.

Пройденный путь представляетъ намъ, съ одной стороны, смѣну формъ эксплоатаціи побѣжденнаго, подчиненнаго, смѣну способовъ пользованія имъ: пользованіе мясомъ, пользованіе трудомъ рабскимъ, крѣпостнымъ, вольнонаемнымъ, а съ другой—тотъ же путь представляетъ намъ значительно устойчивое сохраненіе характера отношеній человѣка къ человѣку, сохраненіе взгляда, по которому у побѣдившаго, сильнѣйшаго нѣтъ тѣсной нравственной связи, нѣтъ близкихъ отношеній сочленства съ побѣжденнымъ, слабѣйшимъ, а только отношеніе хозяина, собственника къ полезной и болѣе или менѣе легко замѣнимой вещи. Таковъ долгій и медленный процессъ совершившейся эволюціи.

Въ разсмотрѣнномъ послѣднемъ примѣрѣ факторы, производящіе формы отношеній, измѣняются, факторы же, создающіе существо отношеній, напротивъ, въ значительной мѣрѣ сохраняютъ свою жизненность. Въ другихъ случаяхъ можетъ быть другое. Поэтому, прослѣживая внимательно восходящіе ряды смѣняющихся явленій, въ ихъ измѣнчивыхъ факторахъ, какъ это только-что сдѣлано, но, конечно, съ гораздо большими подробностями, мы можемъ опредѣлять степень сохраняющейся жизненности явленій.

Сошли со сцены производящія причины или факторы — передъ нами переживаніе, утративший свое основаніе изсохшій остатокъ старины, продолжающій существовать по привычкѣ, по косности. Напротивъ, производящія причины продолжаютъ дѣйствовать хотя бы и въ иномъ числѣ и съ измѣненною силою, сохраняютъ большую или

меньшую долю своей прежней жизненности и производныя отъ нихъ явленія.

Отсюда возможность критическаго отношенія, возможность оцѣнки. Мало того. Хотя при наличности опредѣленной суммы условій, вызываемое ими явленіе, по закону причинности, совершается съ необходимостью, но само наше пониманіе представляется однимъ изъ этихъ условій и очень немаловажныхъ. Необходимость вовсе не равнозначна полезности и разумности, а потому возможность правильной оцѣнки представляетъ весьма важный факторъ для разумныхъ измѣненій въ будущемъ.

Сказанное о правовыхъ учрежденіяхъ вообще, конечно, находитъ свое полное примѣненіе и въ области уголовнаго права. Въ ней ознакомленіе съ совершившимся процессомъ эволюціи ярко освѣщаетъ намъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ этой науки, — вопросъ о цѣли и значеніи наказанія и его результатахъ, отъ того или иного рѣшенія котораго зависитъ самая конструкція уголовнаго права.

Протекали вѣка, смѣнялись эпохи, сходили со сцены ряды человѣческихъ поколѣній, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнялись факторы и условія общественной жизни, при чемъ послѣдовательно проходившія поколѣнія вносили въ эту эпоху жизни свой нравственный и умственный вкладъ — болѣе или менѣе измѣнявшіяся учрежденія, къ числу которыхъ принадлежитъ и наслѣдіе сѣдой старины — наказаніе. Его современное понятіе — это комплексъ различныхъ частныхъ понятій, слагавшихся въ различныя эпохи съ ихъ своеобразными условіями жизни. Эти слагающія понятія, дѣйствіемъ времени и привычки, наслоялись другъ на друга, и какъ бы спаивались въ одно трудно разложимое цѣлое.

Между тѣмъ, факторы и условія, вызвавшія къ жизни частныя слагающія понятія, сходили со сцены, тогда какъ эти послѣднія сохранялись и сохраняются въ сложномъ понятіи, какъ утратившіе свое основаніе пережитки, какъ «верстовые столбы культуры», по мѣткому выраженію Тэйлора, и монументы, воскрешающіе предъ нами далекое и давно отошедшее въ вѣчность прошлое, но монументы, продолжающіе, къ сожалѣнію, тяжело давить на настоящее.

10.

Второй законъ-идея, развивавшійся на основѣ точнаго наблюденія въ области біологическихъ наукъ—идея борьбы за существованіе.

Въ своемъ грубомъ пониманіи въ примѣненіи къ человѣческому общежитію она возвращаетъ насъ ко временамъ людоѣдства, когда побѣжденный въ борьбѣ иноплеменникъ представлялся только дичью, потребною для питанія.

При свѣтѣ этой идеи чрезвычайно многое объясняется во всемъ ходѣ историческихъ событій, въ понятіяхъ, въ отношеніяхъ и пр. Она же въ наши дни въ грубомъ ея пониманіи является руководящимъ началомъ общественной жизни. Въ этой своей роли она представляется съ характеромъ отрицательнымъ. Полно и ярко послѣдній проявляется въ продолжающихся и до нашего времени кровавыхъ военныхъ столкновеніяхъ, которыя во всѣ времена являлись, какъ увидимъ далѣе, источникомъ различнаго зла на землѣ, а также и въ открыто заявляемомъ понятіи о правомѣрности благоденствія сильныхъ, побѣдившихъ въ жизненной борьбѣ, за счетъ слабыхъ и побѣжденныхъ.

Но та же идея, при иномъ обограничительномъ ея пониманіи, сосредоточиваетъ наше вниманіе на рѣшающемъ значеніи энергіи, необходимой при всѣхъ условіяхъ для жизни и развитія. Она вызываетъ въ нашемъ умѣ понятіе о необходимости длящихся усилій и систематически упорнаго труда для преодолѣнія препятствій, безъ чего прогрессъ смѣняется регрессомъ, мощь безсильемъ, жизнь—ея замираніемъ, которому сопутствуетъ развитіе уродствъ физическихъ и нравственныхъ.

Третій законъ-идея, развившійся на основѣ точнаго наблюденія въ области біологическихъ наукъ и являющійся основнымъ принципомъ всякой общественности—это идея солидарности, содружества. Она обограничиваетъ, на разумныхъ основаніяхъ, идею борьбы за существованіе и даетъ намъ возможность провидѣть будущее, когда умственно и нравственно развитое человѣчество, прекративъ взаимную борьбу, направитъ всѣ свои силы на преодолѣніе препятствій, представляемыхъ окружающей насъ природою, и на созданіе общаго благополучія, которое при современномъ развитіи научныхъ знаній, становится такъ доступно человѣчеству.

Идея эта имѣла свое широкое примѣненіе въ прошломъ, — въ тѣхъ родовыхъ группахъ, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, и которыя дѣйствовали «за единъ братъ» и поднимались «какъ одинъ человѣкъ».

Связью такихъ болѣе или менѣе обширныхъ группъ служила исключительно живо сознаваемая связь по крови, которая, при измѣнившихся условіяхъ размноженія и разселенія, оказалась недостаточ-

ной для тѣснаго сплоченія обширныхъ національныхъ и государственныхъ группъ, а тѣмъ болѣе единой группы, — человѣчества. Вслѣдствіе этого образовалось мѣсто для крайняго индивидуализма и такихъ правилъ, какъ „laissez faire, laissez passer“ или „всякъ самъ за себя, а единъ Богъ за всѣхъ“ и т. д.

Но жизнь, будучи смѣной безпрерывныхъ измѣненій, благодаря народившимся и нарождающимся новымъ условіямъ, подготовляетъ и значительно уже подготовила все болѣе распространяющееся примѣненіе идеи — закона солидарности во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ въ интересахъ общаго блага и счастья.

11.

СТАДІИ РАЗВИТІЯ ВЪ ИСТОРІИ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Авторъ „Положительной философіи“, Огюстъ Контъ (Auguste Compte—„Cours de philosophie positive“), высказалъ глубоко вѣрную мысль, что всякая концепція можетъ быть правильно понимаема, только тогда, когда извѣстна ея исторія.

Эта мысль Конта безусловно приложима ко всѣмъ вопросамъ и явленіямъ общественной жизни, а въ томъ числѣ, конечно, и къ изученію явленій въ области уголовнаго права. Мысль эта указываетъ намъ тотъ первый шагъ, который мы должны сдѣлать при изученіи вопроса о преступности и о дѣйствительныхъ мѣрахъ борьбы съ ней. Она обращаетъ наше вниманіе на значеніе исторіи занимающаго насъ вопроса.

Только знакомясь на пространствѣ вѣковъ съ трансформизмомъ въ явленіяхъ въ области уголовнаго права и въ понятіяхъ, съ ними связывавшихся, начиная съ эмбріональныхъ стадій этихъ явленій и понятій, мы правильно уяснимъ себѣ окружающую насъ современность. Прошедшее освѣтитъ намъ настоящее и дастъ возможность его правильной оцѣнки.

И вотъ, оглядываясь назадъ и внимательно всматриваясь въ рядъ вѣковъ въ исторіи уголовнаго права, мы можемъ расчленить эту исторію — конечно, условно —на четыре болѣе крупныхъ періода или „уклада“ по выраженію покойнаго проф. Кистяковскаго:

1) Періодъ общинно-родового быта; это періодъ господства обычая, междуродовыхъ войнъ, кровавой мести, періодъ посред-

ничества и обычаемъ установившихся композицій или выкуповъ за вредоносныя дѣйствія.

2) Періодъ развитія политическаго общества, развитія государственности или, правильнѣе, государствованія, про которое Спенсеръ справедливо замѣчаетъ, что оно возникло изъ нападенія и для нападенія. Это періодъ писанныхъ законовъ, необузданнаго возмездія или мести, жестокихъ пытокъ и казней, клеймения, пожизненнаго обезчещиванія, устрашенія и терроризированія.

3) Періодъ философской мысли, періодъ начавшейся гуманизаціи, періодъ постепеннаго смягченія каръ, періодъ зарожденія, развитія и господства такъ называемой „классической“ школы уголовнаго права.

4) Періодъ новѣйшій, періодъ предпринятаго научнаго изученія явленій преступности и дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ нею, это періодъ господства стремленій воздѣйствовать въ сферѣ общественной и индивидуальной на самыя причины преступности.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ послѣдовательный ходъ развитія явленій въ занимающей насъ области. Въ немъ можно указать только послѣдовательность смѣны періодовъ, но нельзя установить сколько-нибудь точныхъ датъ для ихъ разграниченія. Въ нѣкоторые промежутки времени явленія различныхъ періодовъ существовали, наподобіе представителей смѣняющихъ другъ друга поколѣній: одинъ періодъ отживалъ, тогда какъ другой нарождался и развивался. При этомъ отживаніе, какъ это имѣетъ мѣсто всегда, происходило быстрѣе въ городахъ, нежели въ глухихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ власть и вліяніе прошлаго держались съ большей стойкостью. Такъ, по указаніямъ Пайка въ его «Исторіи преступленія въ Англіи» (Pike, «A history of crime in England»), еще въ XV вѣкѣ единовременно сосуществовали остатки частныхъ войнъ, выкуповъ и казни, иначе говоря, сосуществовали явленія перваго и второго періода, при чемъ явленія перваго періода, конечно, уже имѣли значеніе переживаній.

А.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

1.

Обратимся теперь къ болѣе подробному ознакомленію съ явленіями области уголовнаго права въ первомъ періодѣ. Для яснаго же пониманія познакомимся со средой, т. е., съ основнымъ характеромъ бытового времени и факторами, вызывавшими его къ жизни. Безъ этого мы не поймемъ интересующихъ насъ явленій.

Я не стану заходить далеко въ глубь вѣковъ, къ тѣмъ предъисторическимъ временамъ, когда, по предположенію, господствовало стадное состояніе, когда существовали орды, смутно сознававшія родство и считавшія его сначала по классамъ, а потомъ по матери.

Буду исходить отъ позднѣйшаго времени, отъ установившагося уже общинно-родового быта и отъ патріархальнаго рода-общины.

Какъ же образовался и что представлялъ собой этотъ родъ-община? Въ его основѣ лежалъ несвободный бракъ, получившій свое начало изъ кровавыхъ военныхъ столкновеній. Какъ, когда и почему возникли и возникали эти столкновенія—сказать трудно. Существуетъ мнѣніе, что первоначально они не имѣли мѣста. Иначе — какъ думаютъ—появившіеся на землѣ люди, окруженные сильными животными и многообразными опасностями, едва ли могли бы отстоять свое существованіе въ борьбѣ за жизнь.

Такъ или не такъ, но нѣкогда столкновенія возникли, и человѣкъ въ нихъ проявилъ себя наиболѣе дикимъ и кровожаднымъ изъ звѣрей. Справедливо говорилъ путешественнику Леонтану одинъ изъ начальниковъ краснокожихъ, что человѣкъ оказывается хуже даже собакъ. Послѣднія, къ какой бы породѣ онѣ не принадлежали, не ведутъ войнъ между собой, какъ это дѣлаетъ человѣкъ.

Есть полное основаніе думать, что причинами первичныхъ столкновеній служило стремленіе къ захвату и пользованію лучшими мѣстами обитанія, мѣстами, болѣе богатыми плодами, дичью, ракушками,

рыбою и вообще лучшими и болѣе питательными пищевыми продуктами, производимыми природою, которые въ то время имѣли, конечно, громадную цѣну для совершенно зависимаго отъ окружавшей его природы первобытнаго человѣка, невооруженнаго знаніями.

Въ прошломъ человѣчества и до нашихъ дней (Америка, Австралія) происходило великое множество столкновеній, которыя влекли за собой отбрасываніе слабѣйшихъ человѣческихъ группъ ихъ болѣе сильными соперниками въ страны, малоудобныя для жизни.

Этими отбрасываніями только и можетъ быть объясняемо заселеніе многихъ мѣстностей, малопригодныхъ для существованія. Говоря о пигмеяхъ Африки (негриллахъ) и Азіи (негритосахъ), Катрефажъ (De Quatrefages) поясняетъ, что ихъ органическая и общественная недостаточность должна быть отнесена на долю преслѣдованій со стороны другихъ, болѣе сильныхъ расъ, которыя и оттѣснили ихъ въ негостепріимныя мѣстности, гдѣ они, будучи вынуждены приспособляться къ неблагопріятнымъ условіямъ окружающей обстановки, органически оскудѣвали и вырождались, наподобіе растеній, посаженныхъ въ малоплодородную почву.

Подобно этому кафры вытѣснили изъ болѣе благопріятной восточной части въ менѣе удобную западную часть Африки готтентотовъ, которые, въ свою очередь, отбросили въ еще болѣе неблагопріятныя мѣстности бушменовъ—этихъ, повидимому, первоначальныхъ обитателей.

Такія враждебныя столкновенія, какъ показываютъ факты прошлаго и настоящаго изъ жизни первобытныхъ народовъ и нѣкоторыхъ современныхъ дикарей, часто сопровождались поголовнымъ вырѣзываніемъ враговъ, безъ различія возраста и пола, съ пожираніемъ убитыхъ и плѣнныхъ.

Подобныя избіенія практиковались даже въ болѣе позднѣйшее время. О нихъ, напримѣръ, упоминаетъ Библія. Въ войнѣ съ самнитами римляне вырѣзали цѣлыя населенія, не щадя женщинъ, дѣтей и даже домашнихъ животныхъ. То же имѣло мѣсто во время Пелопонесской войны, когда, напримѣръ, ѳракійцы, послѣ побѣды, уничтожили все живое. Египтяне не только избивали враговъ безъ различія пола и возраста, но подвергали попавшихъ въ плѣнъ жесточайшимъ мученіямъ и изувѣчиваніямъ и т. д.

Въ вѣрованіяхъ народныхъ, отражающихъ, хотя и въ измѣненныхъ формахъ, явленія и опытъ жизни, мы находимъ представленія о существованіи двухъ противоположныхъ началъ—начала добра и начала зла (Ормуздъ и Ариманъ, Вишну и Сива и проч.).

Сопоставляя съ этими началами добра и зла явленія мира и войны, мирныя внутриродовыя отношенія и враждебныя междуродовыя съ ихъ кровавыми результатами, мы можемъ сказать, что эти двоякаго рода явленія представляютъ собой какъ бы два источника, изъ которыхъ въ теченіе всей исторіи человѣчества исходили два разнородныхъ, но, конечно, взаимно вліявшихъ другъ на друга ряда явленій: явленія, подводившіяся въ народномъ представленіи подъ понятіе добра, съ одной стороны, и явленія, подводившіяся въ томъ же представленіи подъ понятіе зла, съ другой.

Де Грефъ (De Greef—„Le transformisme social“) справедливо указываетъ, что война характеризуется уничтоженіемъ высшихъ общественныхъ цѣнностей—альтруизма и справедливости. И если это указаніе вполнѣ приложимо къ современнымъ войнамъ, то что сказать о войнахъ прошлаго, описанія ужасовъ которыхъ имѣются въ изобиліи. Стоитъ, напримѣръ, заглянуть въ описанія Тридцатилѣтней войны, когда публично насиловались женщины и потомъ бросались въ огонь, когда маленькія дѣти служили для удовлетворенія разнузданныхъ страстей солдатъ, когда люди избивались, какъ дикія животныя и проч.; или стоитъ прочесть эдиктъ Франциска I отъ 1525 года, характеризующій войска того времени, какъ какія-то развращенныя разбойничьи банды или, наконецъ, стоитъ познакомиться съ надписями на ассирійскихъ памятникахъ, восхваляющими военные подвиги какихъ-нибудь Палазара I или Асюрнасирхабала, которые сами разсказываютъ съ поразительной жестокостью, какъ въ непріятельской странѣ они все предавали огню, мечу, разрушенію и разграбленію. какъ они наваливали холмы изъ труповъ враговъ, рубили имъ головы и дѣлали изъ нихъ пирамиды, отрѣзали ноги и руки, выкалывали глаза, сдирали кожу и проч.

Между тѣмъ, изъ этого именно источника—источника войны, какъ увидимъ, и берутъ свое начало наказанія, декретируемыя современными уголовными кодексами и все еще хранящія до нашихъ дней достаточно ясные слѣды своего происхожденія.

Войны и кровавыя столкновенія, имѣвшія мѣсто между отдѣльными чуждыми племенами и нерѣдко заканчивавшіяся вырѣзаніемъ цѣлыхъ племенъ, конечно, ожесточали и озвѣряли ихъ участниковъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые дѣлали изъ войнъ постоянное занятіе.

Но различія въ условіяхъ окружающей обстановки, въ различныхъ мѣстностяхъ вліяя приспособляюще, вырабатывали и различія въ нравахъ. Нѣкоторыя племена обособлялись, развивали, подъ влія-

ніемъ особыхъ условій, ограждавшихъ ихъ отъ постоянныхъ враждебныхъ столкновеній, и соотвѣтствующія особенности мирныхъ нравовъ и мягкаго племеннаго характера.

На это различіе справедливо указываетъ Тардъ (Tarde—„La Philosophie pénale“). Онъ утверждаетъ, что если среди наблюдаемыхъ нами современныхъ дикарей преобладаютъ хищныя и кровожадныя племена, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что такъ было всегда, что человѣчество появилось на свѣтъ злымъ и что добродушіе, справедливость и зародыши различныхъ хорошихъ качествъ были лишь плодомъ позднѣйшей цивилизаціи.

Въ примѣръ мирныхъ народностей, обладающихъ прекрасными нравственными качествами, Тардъ указываетъ, между прочимъ, на малайскихъ негритосовъ, андаманцевъ и др. Можно указать на нашихъ полянъ, съ ихъ, по сказанію лѣтописи, кроткими, тихими и стыдливыми обычаями, на нашихъ лопарей, древнихъ финновъ и многихъ другихъ. Тацитъ упоминаетъ, напримѣръ, о германской народности херусковъ, которыхъ преимущественно называли добрымъ и справедливымъ народомъ, о шокахъ, дѣйствовавшихъ всегда согласно праву и о различныхъ выдающихся представителяхъ нѣкоторыхъ германскихъ народностей, стремившихся внести начала мирной трудовой жизни. „Движеніе впередъ отъ варварства къ цивилизаціи“, замѣчаетъ Тейлоръ, „оставило позади не мало качествъ варварскаго характера, о которыхъ образованные люди новѣйшаго времени вспоминаютъ съ сожалѣніемъ“. „Между разсказами о жизни дикарей вовсе не рѣдкость встрѣтить подробности относительно ихъ удивительныхъ нравственныхъ и соціальныхъ качествъ“. „Когда одинъ миссіонеръ разсуждалъ съ вождемъ тобасовъ, говоря: „Мой Богъ добръ и наказываетъ злыхъ“, тотъ отвѣтилъ ему: „Мой богъ (солнце) тоже добръ, но онъ никогда не наказываетъ; ему довольно того, что онъ всѣмъ дѣлаетъ добро“.

2.

Войны между сталкивавшимися племенами влекли за собою ограбленіе побѣжденныхъ и захватъ добычи, при чемъ, если женщины и избивались иногда, то далеко не всегда. Могучій половой инстинктъ оказывалъ свое вліяніе. И вотъ постепенно установился обычай пощады женщинъ и захвата ихъ въ качествѣ плѣнницъ, которыя превращались въ рабынь—сожительницъ побѣдителей, что для послѣднихъ было удобно и выгодно.

Отсюда и ведетъ свое начало несвободный бракъ — бракъ съ иноплеменницею, въ противность свободному браку съ соплеменницею. Отсюда и несвободная патріархальная семья, съ счисленіемъ родства по отцу, въ мужской линіи (римское агнатство), которая и служила слагающей единицей патріархальнаго рода.

Въ основѣ послѣдняго, кромѣ кровной связи, лежала и собственническая власть. Плѣнная женщина-иноплеменница, захваченная военною рукою,—добыча побѣдителя, его раба, его собственность. Отсюда ясный послѣдовательный выводъ: приплодъ отъ нея, ея дѣти, раздѣляютъ ея судьбу и также представляютъ собою собственность ея господина-сожителя.

У древнихъ арійцевъ отецъ, въ смыслѣ родителя, по санскритски назывался ganitar, а въ смыслѣ собственника pitar. Веды, для большей полноты выраженія понятія, соединяютъ оба термина: собственникъ—родитель (pita—ganita).

Отсюда уже становится понятна необъятная власть римскаго отца семьи, стоявшая по отношенію къ ней выше авторитета народа римскаго, развивавшагося на почвѣ войны. По закону „Двѣнадцати Таблицъ“, отцу семьи принадлежало право жизни и смерти надъ его дѣтьми, право единоличнаго никѣмъ и ничѣмъ неограниченнаго суда надъ ними. Онъ могъ ихъ продать, убить, и занятіе высшихъ государственныхъ должностей не служило защитою противъ этой власти. По одному ея слову гордый сановникъ могъ превратиться въ безпомощнаго подсудимаго своего отца, по отношенію къ которому юридически онъ—собственность, онъ—вещь. Такое понятіе объ отцовской власти, унаслѣдованное отъ патріархальнаго быта, такъ глубоко внѣдрилось въ умы людей, что слѣды его и до сихъ поръ сохраняются въ большей или меньшей мѣрѣ въ законодательствахъ современныхъ народовъ.

Въ нашей старинѣ мы находимъ слѣдующее интересное сказаніе. Передъ своимъ вторичнымъ походомъ въ Болгарію князь Святославъ далъ своимъ дѣтямъ части. Старшему, но въ то время еще младовозрастному, Ярополку онъ далъ землю Кіевскую, Олегу—Древлянскую, а младшему Владиміру не далъ части. „Въ се же время придоша людье Ноугородстіи, просяще князя собѣ“. „Аще не поидите къ намъ, то налоземъ князя собѣ“. „И рече къ нимъ Святославъ: «А бы пошелъ кто къ вамъ?» Тогда новгородцы указали на Владиміра. „Се по васъ и князь“, отвѣтилъ Святославъ и отпустилъ къ нимъ сына. Впослѣдствіи Владиміръ посваталъ дочь полоцкаго князя Рогволода, Рогнѣду, которая отвергла предложеніе, поясняя: „Не хочу

розути робичича“, т. е. Владиміра, который имѣлъ матерью ключницу Малушу, рабу по самому ея положенію.

Совмѣстное существованіе двухъ формъ брака —свободнаго съ соплеменницею и несвободнаго съ рабынею сохранялось, какъ указываетъ Жиро-Телонъ, до послѣдняго времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Африки бракъ съ рабынями предпочитался браку со свободными женщинами, потому что первый представлялъ мужу собственническую власть надъ дѣтьми отъ его жены-рабы.

При существованіи этихъ двухъ формъ брака, между ними, какъ это бываетъ всегда, естественно и необходимо должно было происходить взаимодѣйствіе. Его слѣдствіемъ было образованіе смѣшанной формы.

Подъ вліяніемъ свободной семьи, жестокія отношенія мужа и отца къ женѣ-рабынѣ и ея дѣтямъ-„робичичамъ“ должны были смягчаться, а подъ вліяніемъ несвободной семьи, напротивъ, должно было стѣсняться свободное положеніе жены-соплеменницы и дѣтей ея. Отсюда и беретъ свое начало распространенный институтъ покупки, существовавшій у германцевъ, въ Греціи, Италіи и проч. Актомъ продажи власть отца переносилась отъ отца къ мужу-покупщику.

„Наши отцы“, говоритъ цензоръ Катонъ, „пожелали, чтобы женщины были во власти своихъ отцовъ, братьевъ и мужей... Вспомните всѣ законы, которыми наши отцы сковали свободу женщинъ, которыми они подвергли ихъ подъ иго мужчинъ. Какъ только женщины станутъ вамъ равными, онѣ сдѣлаются вашими владыками“... Въ нашей лѣтописи мы находимъ весьма интересное указаніе, сюда относящееся. Она разсказываетъ про племя нашихъ сѣверянъ, что они собирались на игрища между селами и „ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашися“. Здѣсь, съ одной стороны, мы находимъ актъ насилія—умыканіе, похищеніе, въ которомъ надо видѣть установившійся обрядъ, ведущій свое начало отъ военнаго захвата, а съ другой—свободный договоръ, соглашеніе, которое представляется особенностью свободнаго брака.

3.

Составною единицею патріархальнаго рода, его основною клѣточкою, является малая патріархальная семья. Глава такой семьи—мужъ, отецъ, служитель семейныхъ божествъ, обоготворяемыхъ

предковъ, покровителей семьи, онъ же собственникъ и полновластный распорядитель всего семейнаго имущества.

При размноженіи такой семьи, изъ нея выдѣляются новыя младшія малыя семьи. Эти семьи не отселяются отъ своей первичной ячейки, а помѣщаются или въ пристройкахъ къ первоначальному жилищу, какъ, напримѣръ, это имѣло мѣсто въ Осетіи (Кавказъ), гдѣ такія сложныя семейныя жилища, расположенныя по склонамъ горъ, достигали иногда 14 этажей, или въ отдѣльныхъ постройкахъ, занимающихъ пространство въ одной общей загородкѣ. Въ индѣйскихъ территоріяхъ центра и юга Соединенныхъ Штатовъ часто встрѣчаются деревни, какъ говоритъ Жиро-Телонъ, состоящія изъ одного или двухъ домовъ отъ 100 до 150 фут. длины, гдѣ скучены 40 или 50 родственныхъ семей и проч. Такимъ образомъ, образуется постепенно разрастающійся, болѣе или менѣе обширный, какъ бы улей съ приращающимися новыми ячейками — сложная и, иногда, относительно весьма многочисленная большая семья, въ которой главами являются главы составляющихъ ее малыхъ семей, подъ общимъ руководствомъ главы старѣйшей семьи—матки.

Ланесанъ (I. L. Lanessan—„La lutte pour l'éxistence et l'évolution des sociétés“) разсказываетъ, что на западномъ берегу Африки ему приходилось видѣть поселки или деревни, изъ которыхъ каждая представляла мѣстопребываніе одной сложной семьи, состоявшей изъ нѣсколькихъ сотенъ душъ—исключительно исходящихъ отъ одного, еще находившагося въ живыхъ, лица. Мужчины строили свои хижины вокругъ общаго первоначальнаго прародительскаго очага и жили въ нихъ со своими женами, взятыми изъ сосѣднихъ поселковъ, и со своими еще не отщепенившимися дѣтьми.

Въ различныхъ мѣстностяхъ такія сложныя семьи носятъ различныя названія: двора, хотона или, какъ у нашихъ южныхъ славянъ, задруги, дружества, дружины и проч. Во главѣ задруги стоитъ выборный изъ ея членовъ господарь, старшина, домачинъ. Онъ ея представитель, онъ ведетъ ея дѣла, а его жена завѣдуетъ хозяйствомъ и домашнимъ порядкомъ.

Имущество, хозяйство и даже харчеванье остаются общими, и сложная или большая семья продолжаетъ жить общей жизнью, какъ одно сплоченное цѣлое. Это общее хозяйствованіе и харчеваніе, въ качествѣ обрядоваго воспоминанія, въ качествѣ переживанія, сохраняется и долго впослѣдствіи, когда условія его создавшія болѣе или менѣе значительно измѣняются. Въ Греціи, Римѣ и у другихъ народовъ эти общія трапезы, получившія потомъ характеръ священныхъ

церемоній, существовали очень долгое время и въ нихъ принимали участіе или всѣ граждане или только опредѣленные преставители.

Безраздѣльное нарощеніе такого человѣческаго полипника продолжается до тѣхъ поръ, пока веденіе хозяйства сообща почему-либо не дѣлается неудобнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ часть большой семьи отдѣляется и образуетъ новую зародышевую ячейку для новаго сложнаго цѣлаго.

Дворы, происшедшіе отъ одного общаго двора путемъ отселенія, разсматриваютъ себя, какъ членовъ одного общаго обширнаго цѣлаго, связаннаго общностью происхожденія, какъ членовъ одного, имѣющаго общее имя, аггрегата—рода. Дворы (или сложныя семьи), составляющіе родъ, тѣсно сплачиваются въ одно дружное, солидарное цѣлое. Родъ дѣйствуетъ „за единъ братъ“ и возстаетъ, какъ одинъ человѣкъ. Въ такой родовой группѣ все покоится на принципѣ взаимности и солидарности—этомъ необходимомъ принципѣ всякаго правильнаго общежитія, всякой правильной общественности. „Въ первобытныхъ обществахъ“, говоритъ Лавеле (E. de Laveleye—„De la propriété et de ses formes primitives“), „весь общественный строй сосредоточивается въ семьѣ - родѣ. Онъ имѣетъ свой культъ, своихъ особыхъ боговъ, свои суды, свое правительство. Онъ—владѣлецъ земли. Онъ—дѣйствительная, постоянная корпорація, которая передаетъ общее имущество отъ поколѣнія къ поколѣнію. Вся нація состоитъ изъ такихъ независимыхъ родовъ, слабо связанныхъ между собою нестойкою федеративною связью. Внѣ группы родовъ государство не существуетъ“. Описаніе быта древнихъ германцевъ вполнѣ совпадаетъ съ этимъ общимъ описаніемъ примитивной общественной организаціи. Самостоятельными общественными единицами являются въ немъ кантоны, называемые римлянами pagi, которые, въ свою очередь, раздѣляются на поселки—vici, представляющіе собою мѣсто жительства большой семьи. Каждый изъ поселковъ управляется главою семьи, а кантоны управляются собраніями главъ поселковъ. Что касается отдѣльныхъ кантоновъ, то связь между ними и въ это болѣе позднее время представляется еще довольно слабой, хотя въ обществѣ выдѣлились уже дружина, ея предводители, цари, профессіональные служители культа и проч. Напротивъ, роды, часто весьма многочисленные, со своими кліентами и зависимыми людьми предстаавляются еще крѣпкими кровными организаціями, дѣйствующими, во время мира и войны, какъ одно сплоченное цѣлое.

Слѣдуетъ замѣтить, что установить рѣзкія раздѣльныя грани между такими кровными сопряженіями, какъ большая сложная семья

и родъ, родъ и племя до крайности трудно. Одно количество такихъ границъ установить не можетъ. Всѣ эти подраздѣленія представляютъ собою только послѣдовательныя стадіи разростанія все той же, связанной узами единокровія, семьи. Поэтому многое тутъ зависитъ отъ разнообразія мѣстныхъ условій, окружающей обстановки.

Внутреннія отношенія въ родѣ слагаются—что естественно должно быть—по типу отношеній въ его основной единицѣ—въ семьѣ. По тому же типу слагаются впослѣдствіи и отношенія въ болѣе обширныхъ племенныхъ аггрегатахъ съ ихъ первобытными царями, которые по отношенію къ соплеменникамъ являются „въ отца мѣсто“. Это понятіе, по переживанію, сохраняется и до нашего времени, и китайцы, какъ указываетъ Ланесанъ, говорятъ, что монархи для нихъ „и отецъ, и мать“.

Раздѣльность большихъ семей одного рода заходитъ не особенно далеко: отдѣльное жилище—это сложное гнѣздо, отдѣльное харченіе и только впослѣдствіи отдѣльный участокъ родовой земли. За этой раздѣльностью снова общность.

Нѣкоторое время внѣ рода нѣтъ никакой власти. Внѣ рода начинаются договорныя междуродовыя отношенія, подобныя международнымъ отношеніямъ нашихъ дней. Внѣ рода человѣку не было мѣста въ тѣ времена. Внѣ рода онъ становился абрекомъ, изгоемъ, жалкимъ отщепенцемъ. Только въ средѣ сородичей человѣкъ находилъ безопасность и необходимыя ему помощь и покровительство. И, по характерному сказанію лѣтописи, «каждый жилъ со своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». По отношенію къ инородцамъ не дворъ, а тѣмъ болѣе не отдѣльная личность, а родъ первоначально является истцомъ и отвѣтчикомъ за каждаго своего сородича. Приходится ли отстаивать своего сочлена и отыскивать его обиду, приходится ли платить искупъ за обиду—выступаетъ всегда родъ, какъ единое цѣлое, какъ единое цѣлое онъ идетъ и на войну. Родъ—это какъ бы учрежденіе всесторонняго взаимнаго страхованія.

Болѣе или менѣе рельефные слѣды древняго взгляда на взаимоотношенія сородичей сохранялись и до послѣдняго времени сохраняются во множествѣ. Представляются они или въ болѣе или менѣе живыхъ формахъ или являются въ значеніи показательныхъ переживаній.

«Землею», т. е. Русью, «владѣлъ весь княжескій родъ». «Въ старой Кіевской Руси XII вѣка мысль объ общемъ нераздѣльномъ владѣніи признавалась за основаніе княжескихъ отношеній и между да-

лекими другъ отъ друга по родству князьями». Поэтому и въ договорныхъ грамотахъ князья обязывались «быть всѣмъ за одинъ до живота», младшимъ чтить старшаго «въ отца мѣсто» и «имѣть всѣмъ общихъ друзей и общихъ враговъ», при чемъ младшіе говорили старшему, т. е. великому князю: «быти тебѣ съ нами, а намъ съ тобою». И этотъ старшій, по родовымъ понятіямъ времени, долженъ былъ «имѣть весь родъ, какъ душу свою».

Кельты-иберы, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, ежегодно раздѣляли всѣ свои земли между отдѣльными лицами, которыя и воздѣлывали ихъ для общественнаго пользованія, при чемъ продукты собирались въ общій запасъ и, время отъ времени, раздавались нуждавшимся въ томъ.

По обычаямъ самоѣдовъ, сохраняющихъ остатки древняго общинно-родового быта, если богатый откажетъ своему бѣдному сородичу въ помощи, а послѣдній угонитъ его скотъ, то за угонъ не полагается взысканія. Очевидно, что наличность такого обычая, существовавшаго и у калмыковъ, возможна только при нѣкоторой еще живучести взглядовъ на общность имущества сородичей: богатый, отказывая, нарушаетъ право бѣднаго, а этотъ, захватывая часть общаго имущества, только реализуетъ свое право.

Въ осетинскихъ аулахъ съ разлагающимся родовымъ бытомъ обѣднѣвшій родичъ созываетъ всѣхъ своихъ сородичей, рѣжетъ на ихъ угощеніе послѣдняго барана и обращается къ нимъ за помощью. Каждый изъ приглашенныхъ, по воззрѣнію, идущему отъ древности, признается о б я з а н н ы м ъ помочь нуждающемуся. Кто даетъ корову, кто овцу, кто быка, смотря по состоянію каждаго. Мало давшихъ ждутъ насмѣшки и осужденія, а получившій помощь и въ прежнее время бывшій не только сородичемъ, но и собственникомъ, не обязывается возвратомъ, если даже разбогатѣетъ впослѣдствіи.

У горскихъ евреевъ бѣдному хозяину помогаетъ содержать гостя все общество, такъ какъ гость одного становится какъ бы общимъ гостемъ всѣхъ сообщественниковъ.

Гельмольдъ передаетъ, что у славянъ считалось дозволеннымъ украсть для угощенія странника. И нашъ покойный историкъ С. М. Соловьевъ не безъ основанія замѣчаетъ по этому поводу, что весьма вѣроятно, что въ такомъ угощеніи странника изъ чужихъ запасовъ вовсе не видѣли кражи, «ибо каждый родичъ считалъ себя въ правѣ угостить странника на общій счетъ цѣлаго рода».

Въ Даргинскомъ округѣ (Кавказъ), при несостоятельности обвиненнаго въ уплатѣ назначеннаго съ него взысканія, къ ней при-

влекаются его родственники въ тѣхъ степеняхъ родства, въ которыхъ разрѣшаются браки по мусульманскому закону. Если привлеченные, въ свою очередь, окажутся несостоятельными, то взысканіе распространяется и на болѣе отдаленныхъ родственниковъ, изъ которыхъ выбирается по 20 челевѣкъ со стороны отца и со стороны матери обвиненнаго. «Мы имѣемъ самыя основательныя причины предположить», говоритъ проф. Мэнъ, «что нѣкогда собственность принадлежала не отдѣльнымъ личностямъ и даже не отдѣльнымъ семьямъ, а обществамъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ».

4.

При подобномъ строеніи древняго общества, обида со стороны чужеродцевъ являлась обидой и вредоноснымъ дѣйствіемъ для всего рода, къ которому принадлежалъ обиженный или обиженные. И этому роду не оставалось ничего болѣе, какъ дѣйствовать подобно тому, какъ дѣйствуетъ въ наше время человѣкъ, не прощающій обиды, но и не желающій обращаться къ суду. Ему оставалось отвѣчать на живо чувствуемую обиду, на вредъ, причиняемый ею, собственными силами. Такъ и было въ дѣйствительности, при чемъ, конечно, правила справедливости, примѣнявшіяся въ тѣсно солидарной родовой группѣ, за ея предѣлами не примѣнялись, въ случаяхъ столкновеній, къ чужакамъ чужеродцами. Такъ, напримѣръ, австралійцы, „не имѣя отвлеченныхъ понятій о справедливомъ и честномъ, руководятся въ своемъ поведеніи единственно соображеніями о томъ, достаточно ли они сильны физически и численно, чтобы противостоять отпору своихъ противниковъ“.

Въ Абхазіи (Кавказъ) еще сравнительно недавно въ тѣхъ случаяхъ, когда обида не погашалась примиреніемъ сторонъ, сторона обиженная нападала на селеніе обидчика, грабила, убивала, забирала плѣнныхъ, угоняла скотъ и, вообще, поступала по довольно обычнымъ пріемамъ международной войны. Въ „Русской Правдѣ“, законодательномъ памятникѣ, относящемся къ болѣе позднему времени, нежели то, о которомъ я говорю теперь, мы находимъ интересное соотвѣтствующее переживаніе. Это—„потокъ и разграбленіе“, т. е. выдача виновнаго головой и разграбленіе его имущества.

Отъ междуродовыхъ войнъ ведутъ свое начало судебные поединки, которыми въ древности рѣшали споры объ обидахъ. У насъ на Руси въ половинѣ X вѣка, по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ-

Даста, споры разрѣшались, въ присутствіи князя-посредника, оружіемъ. „Чей мечъ острѣе, тотъ и беретъ вверхъ“. При борьбѣ присутствуютъ вооруженные родичи обѣихъ сторонъ. Кто побѣдитъ въ борьбѣ, тотъ и выиграетъ дѣло. Очевидно, поединокъ — та же междуродовая война, только обограниченная въ своемъ кровопролитіи.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ разсказъ нашей лѣтописи о борьбѣ косожскаго князя Редеди съ Мстиславомъ Тьмутараканскимъ. Когда сошлись дружины, Редедя сказалъ: „Зачѣмъ губить дружину, схватимся мы сами бороться; одолѣешь ты, возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей и землю мою; я одолѣю—возьму все твое“. Въ этомъ разсказѣ также весьма интересно, что Редедя ставитъ на одну доску съ имѣніемъ жену и дѣтей, какъ одинаковую собственность. И Мстиславъ, убивши Редедю, дѣйствительно взялъ себѣ его имущество, жену и дѣтей, а на косоговъ наложилъ дань.

Таковы первичные зародыши понятій, которыя теперь являются для насъ понятіями преступленія и наказанія. Преступленіе—это первоначально обида, это вредоносное дѣйствіе, причиненное чужеродцемъ. Наказаніе—это актъ насилія, это междуродовая война, какъ инстинктивный порывъ къ удовлетворенію чувства раздраженія, вызваннаго обидою со стороны чужеродцевъ у пострадавшаго рода и стремленіе добыть возмѣщеніе вреда силою, не руководствуясь при этомъ никакою мѣрою: сколько возьметъ рука.

Въ своемъ трудѣ—«Эволюція права» Летурно (Letourneau „Evolution juridique“) выводитъ первые зародыши того, что мы называемъ наказаніемъ, изъ явленія біологическаго —изъ отраженнаго движенія или рефлекса, служащаго основой инстинкта самосохраненія, изъ происходящаго безъ обсужденія машинальнаго отвѣта на раздраженіе, послѣдовавшее извнѣ, изъ живой впечатлительности, непосредственно отвѣчающей на внѣшнія возбужденія отраженными мускульными сокращеніями.

Къ указанному первичному элементу понятія о преступленіи еще въ древнѣйшемъ періодѣ присоединяется первичный зародышъ понятія о грѣхѣ, какъ объ оскорбленіи и нарушеніи воли Высшихъ Существъ. Этотъ зародышъ имѣлъ своимъ источникомъ религіозный культъ предковъ, который книга законовъ Ману считаетъ наиболѣе древнимъ религіознымъ культомъ человѣчества. Слѣды этого культа, болѣе или менѣе ясные, въ качествѣ различныхъ переживаній сохраняются и до нашихъ дней.

Въ первичную эпоху своего существованія и въ то же время въ эпоху отсутствія знаній первобытное человѣчество было окружено необъяснимымъ со всѣхъ сторонъ и на каждомъ шагу. И вотъ, подъ вліяніемъ естественной потребности въ объясненіяхъ и въ стремленіи къ нимъ, человѣкъ населялъ окружающій его таинственный міръ высшими, болѣе могущественными существами, но созданными, за отсутствіемъ другого матеріала, по образу и подобію его. Иначе говоря, онъ олицетворялъ и одухотворялъ всю окружающую его природу, всѣ совершающіяся въ ней движенія. Въ числѣ прочаго, онъ населялъ ее и продолжавшими ему сниться его родными защитниками, его умершими предками. Ихъ дѣятельностью, какъ и дѣятельностью такихъ же предковъ его враговъ-инородцевъ, многое объяснялось ему въ его жизни и въ непонятныхъ явленіяхъ окружающей природы.

Умершіе предки, по воззрѣніямъ древности, существа священныя. Ихъ называли „добрыми, святыми, блаженными, и они окружались всѣмъ тѣмъ поклоненіемъ, какимъ только можетъ человѣкъ окружать божество, которое онъ любитъ и котораго онъ боится“. Эти божества—божества подземныя, ихъ гробницы—ихъ храмы. „О блаженные, обитающіе подъ землею“—такъ обращается къ нимъ и призываетъ ихъ потомокъ—„послушайтесь моего призыва, придите на помощь къ вашимъ дѣтямъ и даруйте имъ побѣду“. Умершіе предки—это божества домашняго очага; римскіе боги Маны. Они не порываютъ своей связи съ семьей и родомъ. Они—ихъ высшіе члены, ихъ покровители, ихъ защитники. „Умершій предокъ, обратившійся въ божество, продолжаетъ покровительствовать своему семейству“, замѣчаетъ Тэйлоръ, говоря о первобытной культурѣ, „умершій вождь продолжаетъ заботиться о своемъ племени и сохраняетъ прежнюю власть, помогая друзьямъ и нанося вредъ непріятелямъ“. Но это только до тѣхъ поръ, пока живые исполняютъ по отношенію къ умершимъ свои обязанности, совершаютъ ихъ культъ и приносятъ имъ жертвы. Но разъ жертва не приносится, культъ перестаетъ совершаться—мертвые выходятъ изъ своихъ мирныхъ жилищъ и превращаются въ бродяжествующія тѣни. Они вздыхаютъ и стенаютъ во время молчаливой ночи, обвиняютъ живыхъ въ нечестіи, стремятся ихъ наказать, посылаютъ имъ болѣзни, поражаютъ землю безплодіемъ и лишаютъ живыхъ всякаго спокойствія до тѣхъ поръ, пока они не сознаютъ своего нечестія и не возстановятъ совершенія культа умершихъ и приносимыхъ имъ трапезъ. Это послѣднее вѣрованіе древности объ озлобленныхъ, вредоносныхъ, бродяжествующихъ тѣняхъ представляетъ большой интересъ и даетъ поучительныя указанія по отношенію къ

области современной преступности и дѣйствительнымъ средствамъ борьбы съ неи.

При такомъ строѣ воззрѣній и міропониманіи обида и вредъ, причиняемые роду, по понятіямъ человѣка того времени, были обидой и вредомъ не только живущимъ членамъ рода, но также и умершимъ его членамъ, хранителями культа которыхъ въ общинно-родовой средѣ являются главы малыхъ и большихъ семей и главы родовъ—родоначальники.

5.

Въ зависимости отъ различій въ условіяхъ быта отдѣльныхъ племенъ, обиды и столкновенія между чужеродцами и вызываемыя ими междуродовыя войны и погрѣбленія въ различныхъ мѣстностяхъ возникали болѣе или менѣе часто. Иногда такія столкновенія учащались до крайности, входили какъ бы въ привычку, велись съ необычайнымъ упорствомъ въ поколѣніяхъ и потому становились совершенно невыносимыми. Такъ было, по сказанію, въ средѣ древнихъ народностей Греціи до объединенія обитателей Аттики Тезеемъ. То же имѣло мѣсто и въ средѣ древнихъ народностей Аппенинскаго полуострова до основанія Рима. Наша лѣтопись разсказываетъ, что новгородцы, кривичи и меря, съ которыхъ варяги брали дань, „изгнаша варяги за море и не даша имъ дани, почаша сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы и воевати почаша сами на ся“.

Такія междуродовыя войны, но, конечно, количественно значительно болѣе обограниченныя, сохранялись, въ качествѣ остатковъ старины, продолжительное время и послѣ перехода отъ условій общинно-родового быта къ быту государственному. У современныхъ культурныхъ народовъ они сохранялись еще въ XIV и XV вѣкахъ, и переживанія ихъ и до нашихъ дней сохраняются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы.

Междуродовыя обиды и столкновенія не всегда, однако, заканчивались междуродовыми войнами. Ни роду обиженнаго, ни роду обидчика побѣда не была обезпечена въ столкновеніяхъ. Поэтому послѣднія разрѣшались также примиреніемъ и договоромъ о вознагражденіи причиненнаго вреда. При этомъ первоначально единственнымъ мѣриломъ размѣровъ вознагражденія являлся, повидимому, исключительно личный интересъ договаривающихся родовъ, ихъ сравнительно большая или меньшая настойчивость, рѣшительность и проч.

Съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ стадъ и движимости и, повидимому, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ возраставшей потребности въ установленіи болѣе мирныхъ отношеній между родственными, соплеменными родами, въ интересахъ болѣе успѣшной защиты и нападенія на иноплеменниковъ, постепенно все болѣе входитъ въ обычай посредничество между ссорящимися родами.

Въ первое время обращеніе къ посредничеству или принятіе его добровольны. Впослѣдствіи посредничество становится обычнымъ и, наконецъ, обязательнымъ. Въ качествѣ посредниковъ, повидимому, являются избираемые старѣйшины незаинтересованныхъ соплеменныхъ родовъ или сходки старѣйшинъ такихъ родовъ, а впослѣдствіи, съ большимъ объединеніемъ, ихъ замѣняетъ племенной военачальникъ или его представители и уполномоченные.

Этотъ способъ разрѣшенія междуродовыхъ споровъ при помощи посредниковъ, являясь первичной формой, сохраняется, въ значеніи переживанія, въ обрядахъ суда долго спустя и послѣ того, какъ судъ получаетъ болѣе принудительный публичный характеръ. Такъ, въ римскомъ процессѣ магистратъ, по заключенію Мэна („Древнее право“), держалъ себя такимъ образомъ, что его поведеніе какъ можно болѣе напоминало посредника, случайно призваннаго для рѣшенія спора.

Вмѣстѣ съ этимъ постепенно измѣняются и послѣдствія нарушенія мира. Первоначально добровольное угощеніе и подарки посредникамъ за ихъ трудъ постепенно становятся обычною, а затѣмъ и обязательною составною частью самого выкупа за вредъ-обиду, который, такимъ образомъ, распадается на двѣ доли: головщину, Wehrgeld, алумъ и т. д. съ одной стороны, и виру. Fredum (отъ Friede), штрафъ — съ другой.

Первая доля есть уплата пострадавшему роду за вредъ-обиду, а вторая съ теченіемъ времени измѣняетъ свое назначеніе: первоначально, какъ я уже указалъ, она представляла добровольный подарокъ посреднику-примирителю, затѣмъ — обычаемъ установленное вознагражденіе ему за его трудъ, потомъ—обязательную плату за судъ и, наконецъ—штрафъ, наказаніе за нарушеніе внутренняго мира и порядка.

Въ общемъ же совершается слѣдующій процессъ эволюціи: значеніе первой доли—Wehrgeld'a, представлявшей когда то все количество выкупа за вредъ-обиду, съ теченіемъ времени уменьшается и нисходитъ, наконецъ, до степени побочной прибавки, въ качествѣ вознагражденія, присуждаемаго за точно доказанные вредъ и убытки,

причиненные преступленіемъ, тогда какъ значеніе второй доли— Fredum, виры, постепенно нарастаетъ, и она изъ денежной пени превращается въ казнь, а потомъ и въ исправительное наказаніе новѣйшаго времени.

Съ установленіемъ обычая посредничества, въ понятіе объ искупѣ вреда-обиды привходитъ понятіе о мѣрѣ и соразмѣрности, понятіе о соотвѣтствіи, о равенствѣ между причиненнымъ вредомъ и его возмѣщеніемъ. Посредники разрѣшаютъ тяжбу-споръ и по совѣсти назначаютъ удовлетвореніе, размѣръ котораго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до послѣдней уплаты составляетъ ихъ тайну. Сначала объявляютъ обвиненной сторонѣ, что къ такому-то сроку она должна уплатить столько-то. Когда назначенная уплата произведена, назначается новая и такъ до трехъ разъ. По уплатѣ всего назначеннаго выкупа, между столкнувшимися родами снова устанавливаются прежнія мирныя отношенія.

На третейское разбирательство каждая сторона является скопомъ, „какъ на поле битвы“, по выраженію Гизо, и дѣло разрѣшается на основаніи вещественныхъ доказательствъ, а также на основаніи клятвы соприсяжниковъ, conjurator'овъ, compurgator'овъ, изъ института которыхъ, какъ я уже указывалъ, постепенно и развивается судъ присяжныхъ.

6.

По такому типу складывались междуродовыя отношенія въ общинно-родовомъ обществѣ. Внутри рода-общины взаимныя отношенія покоились на иныхъ началахъ.

Главы его малыхъ и большихъ семей и самого рода представляли собою единовременно распорядителей имущества, судей, предводителей и хранителей культа предковъ. Ланесанъ говоритъ про такія родовыя общины, которыя онъ имѣлъ случай наблюдать непосредственно, что въ нихъ не бываетъ серіозныхъ злоупотребленій, какъ со стороны главы рода, такъ и со стороны сосредоточивающихся около него главъ семей. Ссоры въ нихъ рѣдки, кражи почти неизвѣстны, и глава не имѣетъ никакой надобности охранять свой авторитетъ и подчинять ему принужденіемъ, потому что его никто не оспариваетъ.

Интересную картину внутри рода рисуетъ намъ чешская народная поэма «Любушинъ судъ», относящаяся къ тому времени, когда

только еще начинаетъ пробиваться наружу зачатки права личнаго наслѣдованія. Поэма разсказываетъ, что два брата спорятъ о наслѣдствѣ, и этотъ споръ представляется для того времени еще настолько чудовищнымъ, что содрогается рѣка Молдава, а ласточка жалобится на высотахъ Вышгорода. Тогда царица Любуша произноситъ свой судъ. „Вамъ нужно согласиться, какъ братьямъ, о вашемъ наслѣдствѣ“ рѣшаетъ она. „Вы будете владѣть имъ сообща, согласно святымъ преданіямъ нашего древняго закона. Глава рода управляетъ домомъ, мужчины обрабатываютъ землю, женщины дѣлаютъ платье. Когда умретъ глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку“.

Проф. Академіи Наукъ Крашенинниковъ, издавшій описаніе Камчатки въ 1755 году, разсказываетъ въ немъ про курильцевъ: „Старыхъ людей имѣютъ въ великомъ почитаніи. Между собою живутъ весьма любовно, особливо горячо относятся къ своимъ сродникамъ“.

Уоллесъ, хорошо изучившій общины дикарей Малайскаго архипелага, разсказываетъ: „Каждый членъ ихъ заботливо почитаетъ права своего собрата, и нарушеніе этихъ правъ случается рѣдко, почти никогда. Въ подобныхъ общинахъ господствуетъ почти абсолютное равенство. Тамъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ противоположностей—образованности и невѣжества, богатства и нищеты, положеній господина и слуги, которыя являются продуктомъ нашей цивилизаціи“.

По свидѣтельству Мэна, описавшаго индійскія общины, „обычный законъ въ этихъ общинахъ не подкрѣпляется никакой санкціею, Въ случаѣ неповиновенія, почти немыслимаго, рѣшенію общиннаго совѣта, единственнымъ наказаніемъ или, по крайней мѣрѣ, единственнымъ вѣрнымъ наказаніемъ было бы лишь всеобщее неодобреніе“.

Сходныя указанія мы встрѣчаемъ въ сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. „Въ обхожденіи между собою“, говорится въ сборникѣ, „дружелюбны и снисходительны; одинъ надъ другимъ не сдѣлаетъ ни злорѣчья, ни посмѣянія, а буде таковой невѣжа гдѣ окажется, призывается на судъ, и публично, при собраніи, ему дѣлается выговоръ, и поступокъ его обращается въ совершенный ему стыдъ“.

Въ другомъ интересномъ мѣстѣ сборника выборные представители бурятъ Селенгинскаго вѣдомства, упомянувъ о выходѣ изъ Монголіи, слѣдующимъ образомъ характеризуютъ первоначальный строй жизни своего племени въ Сибири, т. е. даже уже въ позднѣйшее время: „Ссоръ, тяжбъ и воровства скота или чего другого не случалось; подати вовсе не производились; жили между собою въ согласіи

и добромъ спокойствіи. А хотя въ нѣкоторыя времена и случались малые раздоры, но всѣ старшины, бывшіе въ тѣ времена, старались ихъ прекращать и прекращали дружелюбнымъ образомъ".

Органомъ управленія, суда и выработки обычныхъ правилъ поведенія и взаимныхъ отношеній, вообще, въ родовыхъ общинахъ являлись собранія родовыхъ старѣйшинъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ взрослые члены рода. Рѣшеніе же зависѣло отъ людей пожилыхъ, стариковъ, „этихъ живыхъ книгъ мудрости и благоразумія", какъ выражались черкесы—адыге. Старики въ то время, при отсутствіи научныхъ знаній, дѣйствительно представляли собой какъ бы богатыя хранилища и запасы житейскаго опыта и житейскихъ знаній. Молодежь же только слушала и поучалась, вступая между собою въ разговоры о рѣчахъ различныхъ старѣйшинъ и выслушивая ихъ совѣты.

У Гомера въ описаніи щита Ахиллеса воспроизводится слѣдующая картина подобныхъ собраній. На мѣстѣ собранія находится народъ. Двое спорятъ о выкупѣ за убійство. Одинъ утверждаетъ, что онъ все уплатилъ, а другой, что онъ ничего не получалъ. Спорящіе обращаются къ суду. Одни изъ присутствующихъ поддерживаютъ возгласами одного, другіе—другого. Старики сидятъ въ кругу на блестящихъ камняхъ. Они поднимаются и поочередно высказываютъ свое сужденіе по дѣлу.

Всѣ родовыя собранія—и это особенно нужно имѣть въ виду—не имѣли какого-либо строго опредѣленнаго характера. Смотря по надобности, они представлялись то правительственными, то судебными сходками, на которыхъ роды-общины обсуждали и рѣшали всѣ свои дѣла.

На собраніяхъ происходило распредѣленіе земель и запасовъ, на нихъ рѣшались дѣла, которыя не были улажены старшинами, а старшины сообщали родовому обществу о своихъ дѣйствіяхъ. На собраніяхъ обсуждались и принимались всѣ внутреннія распорядки, и здѣсь же всякій могъ обратиться къ суду стариковъ, при чемъ—что надо отмѣтить—не дѣлалось никакого различія между вопросами права и вопросами нравственности, между внутренней стороной дѣянія, поступка и внѣшними формами его проявленія. Подобнаго дѣленія не знало общинно-родовое общество.

Вся совокупность правилъ, регулирующихъ взаимныя человѣческія отношенія, предоставляла въ немъ одно общее обязательное цѣлое, въ которомъ безразлично соединялись правовыя и нравственныя

нормы и житейскія правила вообще, изъ которыхъ каждое имѣло свое основаніе въ общей пользѣ, указывавшейся вѣковымъ опытомъ, сохранившимся въ памяти народной.

Такое смѣшеніе являлось прямымъ слѣдствіемъ живого сознанія общности всѣхъ интересовъ и слѣдствіемъ тѣхъ строго общинныхъ формъ, при которыхъ жили роды и при которыхъ не было мѣста для чисто личной сферы, гдѣ бы выгоды и невыгоды падали исключительно на одно лицо. Все дѣлалось сообща, а потому каждое дѣйствіе человѣка, такъ или иначе, и при томъ очевидно для всѣхъ, затрагивало общій интересъ. Для обособленнаго, частнаго не было мѣста, и понятіе обособленной, беззащитной личности не существовало въ общинно-родовомъ обществѣ.

Даже до сихъ поръ, несмотря на весьма значительное уже разложеніе прежняго порядка и строя жизни, нашъ крестьянинъ въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ все еще продолжаетъ говорить: „міръ—большой человѣкъ“, „міръ приказалъ“, „міръ велѣлъ“. И онъ исполняетъ это приказаніе, это велѣніе міра, при чемъ у него обыкновенно не зарождается вопроса о томъ, входитъ ли подобное велѣніе въ компетенцію міра.

Это внутреннее нравственное состояніе родовыхъ общинъ, вѣроятно, и дало, и при томъ не безъ основанія, начало сказаніямъ и вѣрованіямъ о существованіи «золотого вѣка» въ отдаленномъ прошломъ человѣчества. И Ж.-Ж. Руссо едва ли далекъ отъ истины, объясняя минованіе этого вѣка возникновеніемъ государствованія и захвата собственности.

Весьма интересенъ разсказъ Діодора Сицилійскаго. Обитатели Книда и Родоса, спасаясь отъ тиранніи азіатскихъ властителей, сначала направились въ Сицилію. но побѣжденные здѣсь, они переселились на Липарскіе острова, гдѣ, конечно, подъ вліяніемъ еще не заглохнувшихъ представленій о прежней родовой общности, о прежнемъ родовомъ братствѣ, они установили и соотвѣтствующій строй взаимоотношеній. Они построили флотъ для защиты отъ грабежей этрусскихъ пиратовъ и раздѣлились на двѣ части. Одна обрабатывала землю, превращенную въ общую собственность, а другая защищала страну отъ набѣговъ. Въ общую собственность превратили и всю движимость, установили общее хозяйство и общія трапезы. Эта об-

щинная жизнь продолжалась нѣсколько лѣтъ, а позднѣе на Липарѣ, гдѣ былъ построенъ городъ, земли были подѣлены. На другихъ же островахъ земли продолжали обрабатываться сообща и только впослѣдствіи, благодаря, конечно, возрастанію населенія, онѣ были раздѣлены на срокъ—20 лѣтъ, по прошествіи которыхъ онѣ подлежали передѣлу.

По свидѣтельству Цезаря, подобныя же взаимоотношенія существовали и у свевовъ. У нихъ одна часть народонаселенія отбывала воинскія обязанности, а другая оставалась дома и обрабатывала землю, которая была общимъ достояніемъ для всего населенія. На слѣдующій годъ роли мѣнялись: первые оставались дома для обработки земли, а вторые отбывали воинскія обязанности.

Живучестью нравовъ, обычаевъ и наслѣдственно-привычныхъ взглядовъ и объясняются, конечно, тѣ сохраняющіеся отголоски старины, которые, въ качествѣ переживаній, долго спустя отражались во взглядахъ послѣдующихъ поколѣній. „Политическіе писатели, каковы Аристотель и Платонъ“, замѣчаетъ Лавеле („De la propriété et de ses formes primitives“), „постоянно имѣли въ виду сохранить равенство положеній установленіемъ извѣстныхъ преградъ личной дѣятельности, а въ особенности скопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ“. „Идея о регулированіи распредѣленія богатствъ такимъ образомъ, чтобы воспрепятствовать слишкомъ большому неравенству, встрѣчается на каждомъ шагу въ сочиненіяхъ древнихъ писателей“. Платонъ, напримѣръ, говоря о первобытномъ равенствѣ распредѣленія земель, высказываетъ общую древности мысль, что равенство положеній, равенство условій, представляетъ собою необходимую основу чистоты нравовъ и свободы. Въ свою очередь и Аристотель высказывается за общіе обѣды гражданъ, какъ за средство поддержанія равенства.

Но еще болѣе интересны, нежели эти взгляды древнихъ писателей, тѣ переживанія и проникновенія въ жизнь отголосковъ древнихъ установленій, приспособленій и взглядовъ, вытекавшихъ изъ самой природы общества, какъ такового, въ моменты высокаго подъема народнаго духа, вызваннаго предшествующими настроеніями. Въ такіе моменты нарождаются новыя теченія, новыя стремленія и вѣрованія, а грубо эгоистическія влеченія глохнутъ и не проявляются болѣе или менѣе долгое время. Напротивъ, духъ древней родовой общности начинаетъ тогда охватывать массы. Одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ подобнаго рода представляли собою общины первобытныхъ христіанъ, сложившіяся первоначально преимущественно изъ людей

„труждающихся и обремененныхъ“, охваченныхъ сильнѣйшимъ порывомъ къ идеальной жизни. Въ этихъ общинахъ, какъ видно изъ свидѣтельствъ отцовъ церкви, все было общее, и осуществлялось дѣйствительное братство. Такіе же примѣры яркаго проявленія духа тѣснѣйшей солидарности и общности представляютъ и различныя раціоналистическія секты, подобныя нашимъ духоборамъ, шелапутамъ и другимъ, которыя, благодаря духу дѣйствительнаго братства, достигали, можно сказать, полнаго исчезновенія преступленій въ ихъ средѣ.

Для подавленія въ умахъ, въ убѣжденіяхъ и въ жизни всѣхъ этихъ влеченій и идей, повидимому, необходима была полнота развитія воинственной Римской Имперіи и ея права съ понятіемъ о собственности, какъ о добычѣ, захваченной силой, необходимо было послѣдующее вліяніе принужденій и права этой Имперіи на судьбы слѣдовавшихъ за ней государствъ.

На родовыхъ общественныхъ собраніяхъ передавались всѣ новости и обсуждались поступки родичей, подвергавшіеся строгому контролю общественнаго мнѣнія, которое въ такихъ обществахъ дѣйствовало необычайно энергично и бороться съ которымъ не представлялось никакой возможности. Оставалось подчиниться или порывать связь. Между тѣмъ внѣ рода для человѣка того времени почти не было мѣста, не было религіознаго культа, не было родового братства. „Пусть онъ удаляется“, говорила отражавшая старину формула изгнанія, примѣнявшагося въ послѣднія времена за наиболѣе тяжкія преступленія, „и пусть онъ никогда не приближается къ храмамъ. Никакой гражданинъ не долженъ говорить съ нимъ и принимать его, не долженъ допускать къ молитвамъ и жертвоприношеніямъ, не долженъ давать ему священной воды“. „Тотъ, кто будетъ ѣсть или пить вмѣстѣ съ нимъ или прикоснется къ нему“, тотъ по закону „долженъ очиститься“.

Этимъ живымъ сознаніемъ общей солидарности и этой силой общественнаго контроля и объясняется тотъ фактъ, что обычныя нормы въ такихъ обществахъ, „стоятъ“, какъ говоритъ Тэйлоръ („Первобытная культура“), „на особой почвѣ преданія и общественнаго мнѣнія“ и что единственнымъ наказаніемъ за ихъ нарушеніе, какъ утверждаетъ Мэнъ, является „лишь всеобщее неодобреніе“.

Этимъ объясняется и важное рѣшающее значеніе въ обществахъ такого типа „всеобщаго неодобренія“, „выговоровъ на сходкѣ“, „преданіе имени всеобщему презрѣнію“, „лишеніе общаго довѣрія“, „взя-

тіе при собраніи къ стыду“, „исключеніе изъ общества“ и другихъ мѣръ, которыя, въ качествѣ дѣйствительныхъ мѣръ обузданія, могутъ казаться странными и слабыми члену современнаго, неизмѣримо болѣе образованнаго общества, развивающаго индивидуализмъ, и которыя въ то же время указываютъ, что въ основѣ общинныхъ отношеній въ общинно-родовомъ обществѣ лежали тѣ добрыя чувства, которыя цементируютъ общественность и дѣлаютъ ее благотворной.

7.

При описанномъ строѣ взаимныхъ отношеній строгому контролю общественнаго мнѣнія подлежали всѣ стороны жизни каждаго члена общества, при чемъ воспрещались не только отдѣльныя, строго опредѣленныя вредоносныя дѣйствія, которыя мы называемъ проступками и преступленіями, но также дурное и зазорное поведеніе, вообще, въ чемъ бы оно ни проявлялось. Всякое уклоненіе, всякая нравственная погрѣшность, выражаясь современнымъ языкомъ, вызывали всеобщее осужденіе и встрѣчали реакцію, которая препятствовала начинавшемуся уклоненію итти далѣе и приводить къ важнымъ нарушеніямъ установленнаго порядка, находившагося подъ охраной всѣми равно соблюдаемаго и охраняемаго обычая. Можно сказать, что въ то время „проблема нравственности“, которая не обособлялась отъ права, „была проблемой практической по преимуществу, это была проблема направленія дѣятельности, проблема исканія правилъ для жизни“. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Таковы были условія быта съ ихъ требованіемъ тѣсной сплоченности кровныхъ группъ, съ ихъ простотою и непосредственностью во взаимоотношеніяхъ.

Обычай, опредѣлявшій всѣ явленія жизни родового общества, по своему значенію не соотвѣтствовалъ, однако, нашему понятію о законѣ. Мэнъ совершенно правъ, когда онъ утверждаетъ, что въ обществѣ такого типа не существуетъ права и обязанности въ томъ смыслѣ, какой имъ придаютъ юристы-аналитики.

Обычай не представляетъ собою неподвижно установленнаго, выраженнаго въ общей формѣ правила для предпринимаемыхъ дѣйствій. Значеніе и процессъ образованія обычая иные. Обычай, въ своемъ чистомъ видѣ, постепенно складывался и вырабатывался на общественныхъ сходкахъ или вѣчахъ, гдѣ послѣ долгихъ обсужденій, путемъ общей думы, путемъ общаго совѣта старѣйшихъ членовъ автономной родовоїї общины, давалось рѣшеніе того или другого казуса.

Это рѣшеніе и была та Θемида, о которой говоритъ Мэнъ и которая впослѣдствіи давалась царемъ. Даже въ позднѣйшее время, по словамъ нашей лѣтописи, „Новгородцы бо изначалу и Смольяне и Кіяне и вся власти яко же на душу на вѣче сходятся и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“.

Это рѣшеніе схода, въ силу общаго закона приспособляемости, становилось типомъ, образцомъ—но и только — для всѣхъ послѣдующихъ рѣшеній сходныхъ казусовъ. Такой способъ рѣшеній общимъ совѣтомъ, общею душою имѣлъ всѣ достоинства. Онъ облегчалъ, въ предѣлахъ возможнаго, рѣшенія по началу справедливости, потому что въ общей думѣ всѣ интересы были представлены и всѣ они говорили о себѣ, о своихъ выгодахъ и невыгодахъ.

Такимъ образомъ, обычай—повторяю опять—не общее, напередъ установленное обязательное правило для будущихъ дѣйствій, а только рѣшеніе, хотя, вслѣдствіе частой повторяемости, рѣшеніе обобщаемое, но, по мѣрѣ особенностей представляющихся новыхъ случаевъ, допускающее измѣненія.

Этотъ процессъ образованія обычая вполнѣ объясняетъ и присущія ему свойства. Принципъ разнаго распредѣленія, лежащій, какъ указываетъ Мэнъ, въ основѣ первоначальнаго понятія о справедливости и до сихъ поръ складывающійся въ принципѣ нашего обычнаго права—„грѣхъ вполы“—вотъ что отмѣчаетъ обычныя нормы, которыя, хотя и не представляютъ собою законовъ въ нашемъ смыслѣ слова, тѣмъ не менѣе, будучи постоянно обновляемыми приговорами общественной совѣсти, если можно такъ выразиться, соблюдаются строже всякихъ законовъ, такъ какъ они дѣйствительно выражаютъ общую волю, и потому у руководствующихся ими не возникаетъ сознательнаго стремленія къ ихъ обходу.

Только позднѣе, когда, съ развитіемъ государства и государствованія, постепенно стала измѣняться самая сущность связи, объединявшей людей въ общинно-родовыя группы, когда связи по крови, по родству, стали замѣщаться связями по подчиненію одной власти, завоевательной по ея характеру, а также и связями по имущественной зависимости, и когда личность постепенно стала все болѣе выдѣляться и обособляться изъ тѣсныхъ родовыхъ соединеній—тогда и правила дѣятельности, правила поведенія, постепенно все болѣе начали подраздѣляться и обособляться: правила закона, пра-

вила правовыя, обязательныя, съ одной стороны, и правила нравственныя, необязательныя и, въ значительной мѣрѣ, зависимыя въ отношеніи своего примѣненія отъ личныхъ воззрѣній, влеченій, усмотрѣній и проч. — съ другой Первыя, т. е. правовыя, стали характеризовать дѣйствія и поведеніе почти исключительно съ внѣшней стороны, тогда какъ вторыя преимущественно со стороны внутренней, со стороны душевнаго отношенія, въ нихъ выражающагося.

Благодаря такому подраздѣленію и распаденію двухъ, въ существѣ ихъ, нераздѣльныхъ областей, подраздѣленію, котораго глубокихъ причинъ я еще пока не касаюсь, зарождается, послѣдовательно подготовляется и назрѣваетъ тотъ кризисъ въ нравственной области, который въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ вниманіе передовыхъ умовъ и вызываетъ столько опасеній и жалобъ на жизнь, свободную отъ обязательности нравственныхъ правилъ, на господство ничѣмъ не ограничиваемыхъ страстей, капризныхъ желаній и грубаго эгоизма во взаимныхъ отношеніяхъ людей.

Б.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

1.

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ постепенно измѣнявшихся окружающихъ условій, на развалинахъ разлагавшагося общинно-родового строя мало-по малу складывается и развивается новый строй — политическое общество. Съ тѣмъ вмѣстѣ совершается постепенный переходъ отъ перваго ко второму періоду въ исторіи явленій уголовнаго права.

Въ чемъ же крылись производящія причины этой глубоко проникающей трансформаціи? Главнѣйшимъ факторомъ, хотя и не единственнымъ, была все та же война и создаваемыя ею отношенія.

Подъ вліяніемъ постепенно возраставшей потребности въ нападеніи и защитѣ отъ напиравшихъ иноплеменниковъ, суверенные родственные роды постепенно начали сплачиваться и объединяться съ значительною утратою своей прежней самостоятельности, въ одно болѣе тѣсно и устойчиво сплоченное цѣлое племя, подъ общей властью военачальника, переходящей впослѣдствіи въ государствованіе.

Военные предводители, власть которыхъ съ теченіемъ времени должна замѣнить власть родоначальника, первоначально избираются союзными родами для каждаго отдѣльнаго предпріятія. По свидѣтельству Тацита, когда первоначально какое-либо германское племя вступало въ войну, то оно выбирало себѣ временнаго начальника съ неограниченною властью, съ властью надъ жизнью и смертію каждаго воина.

Этимъ выборнымъ временнымъ начальникамъ уже сравнительно нетрудно было постепенно придать своей временной власти болѣе по-

стоянный характеръ. Ихъ заслуги передъ племенемъ въ порабощеніи другихъ или защитѣ самихъ себя выдвигали ихъ, а привычность работала въ направленіи расширенія ихъ вліянія, а затѣмъ и власти, въ мирное время. „Наши князи добры суть, иже распасли суть Деревьску земли“, говорятъ древляне. И это „распасли землю“ или управили землю, съ учащеніемъ враждебныхъ столкновеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинственности племенъ, служитъ къ тому, что сначала, временные предводители, пользуясь благопріятными условіями и навыкомъ руководства, впослѣдствіи стали постоянными. Ихъ власть, опирающаяся на вновь образующійся и выдѣляющійся своеобразный общественный элементъ—дружину, начинаетъ постепенно все болѣе развиваться и нарощаться за счетъ власти наслѣдственныхъ родоначальниковъ, многія функціи которыхъ переносятся на нихъ. Принадлежавшая имъ на войнѣ судная власть постепенно распространяется и на періоды мира, и они начин ютъ выступать поэтому не только въ качествѣ военноначальниковъ, но и правителей. При этомъ въ интересахъ военнаго единенія они пріобрѣтаютъ право заповѣдывать внутренній миръ и блюсти за его охраненіемъ отъ нарушеній. Первоначально они являются тѣми же князьями-родоначальниками, но уже не одного рода, а союза соплѐменныхъ родовъ, при чемъ однимъ изъ элементовъ ихъ отношенія къ руководимому ими племенному союзу преемственно является и понятіе о собственнической власти, такъ какъ это понятіе, благодаря своему источнику, являлось и однимъ изъ элементовъ власти родоначальника въ патріархальномъ родѣ. Такова общая тенденція процесса, который въ разныя времена и въ различныхъ мѣстностяхъ допускалъ различныя колебанія. „Во всей Руси“, справедливо указываетъ проф. Костомаровъ („Сѣверно русскія народоправства“), говоря о болѣе уже позднемъ времени, „видны одни и тѣ же начала, тѣ же вѣча, то же участіе народа въ выборѣ князей; только разныя обстоятельства въ разныхъ земляхъ, то благопріятствовали народной свободѣ, то препятствовали ей. Наслѣдственный принципъ не поглощался нигдѣ выборнымъ вполнѣ. Нигдѣ послѣдній не уничтожался совершенно“.

Военноначальники съ раннихъ поръ стали окружать себя свитою, которая первоначально состояла, вѣроятно, изъ людей, находившихся отъ нихъ въ рабской зависимости. Выгодность службы рано, однако, стала привлекать въ свиту военноначальниковъ и людей свободныхъ, образовывавшихъ около вождей тѣсный кружокъ—ихъ дружину. Припомнимъ, напримѣръ, сказанія нашихъ былинъ о томъ, какъ при-

ходили богатыри на службу къ „Красному Солнышку“ — князю Владиміру.

Постоянные военноначальники и дружины, ихъ окружавшія, становятся могущественными факторами пересозданія общинно-родового общества въ общество политическое, въ государствованіе. „Дружина“, какъ справедливо указываетъ нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, „вноситъ въ общество новое начало—сословное, въ противоположность прежнему—родовому“. Члены дружины „связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ“.

Отношеніе дружины къ ея предводителю основывается не на кровной связи, какъ отношеніе сородичей, а на свободномъ договорѣ, клятвѣ вѣрности. Дружинники обязываются службою своему предводителю, а взамѣнъ того получаютъ отъ него содержаніе, оружіе и долю въ военной добычѣ. Въ дружину открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ различныхъ племенъ и мѣстностей. „Гой вы еси, добры молодцы“, поетъ древняя пѣсня, „скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ, а по имени вамъ можно мѣсто дать, по изотчеству можно пожаловати“.

Интересы дружинниковъ тѣсно сливаются съ интересами предводителей или, лучше сказать, интересы послѣднихъ становятся интересами первыхъ. Благодаря этому, подъ рукою военноначальниковъ начинаетъ сосредоточиваться значительное число людей, тѣсно съ ними связанныхъ и выдѣлившихся уже изъ родового общества, ставшихъ лишь перемѣщающимися, иногда, отъ предводителя къ предводителю членами дружины, образующей собой какъ бы общество въ обществѣ. Дружинники готовы, изъ-за участія въ добычѣ, отстаивать всѣ интересы военноначальниковъ и поддержать всѣ ихъ притязанія, разъ эти притязанія въ конечномъ результатѣ обѣщаютъ выгоды и для нихъ. „Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы свои головы сложимъ“, говорятъ нашему князю Святославу его дружинники.

„Князья бьются за побѣду, а дружинники за князей“, поясняетъ Тацитъ. „Мы избираемъ тебя въ вожди“, говорила Алмосу венгерская дружина, „и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда и мы пойдемъ за тобою; но что будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, с м о т р я п о д о с т о и н с т в у к а ж д а г о“.

Князь Олегъ беретъ дань не только на дружинниковъ, бывшихъ съ нимъ въ походѣ, но и на дружинниковъ, оставшихся на Руси.

Игорева же дружина говорила этому князю: „Отроки Свѣнельда

богаты оружіемъ и платьемъ, а м ы н а г и; пойди, князь, съ нами въ дань: и т ы д о б у д е ш ь и мы“. Въ этой рѣчи дружинниковъ громко уже звучитъ голосъ профессіональности зародившагося сословія.

Казна (движимость вообще) составляла основу мощи вождя—начальника, сосредоточивая подъ его рукой множество лицъ, готовыхъ за плату отстаивать всѣ его интересы. Разграбить врага и одѣлить добычею своихъ подручниковъ—это значило сокрушить противника и лишить его могущества.

2.

Теперь посмотримъ, какими условіями вызывался процессъ общественной дифференціаціи въ общинно-родовомъ быту, на какой почвѣ онъ развивался и происходила постепенная замѣна принципа соединенія въ общественныя группы по кровной связи принципомъ группировки по началу подчиненія, начальствованія, господствованія, государствованія.

Въ общинно-родовомъ строѣ не было мѣста сословіямъ, съ ихъ различными противополагающимися интересами. Въ немъ были только сородичи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственники. Первопричиной сословныхъ подраздѣленій, повидимому, послужило образованіе экономическихъ неравенствъ въ средѣ сородичей. Первое подраздѣленіе, среди сихъ появляющееся, это подраздѣленіе семьи на богатыхъ и бѣдныхъ сородичей, какъ это наблюдалось у нашихъ лопарей. То же, конечно, было и у другихъ народностей, живших въ общинно-родовомъ быту. „Первое неравенство“, говоритъ, напримѣръ, Фюстель де Куланжъ (Fustel de Coulanges), „это было неравенство, вызывавшееся богатствомъ“. Плиній Старшій, который, быть можетъ, лучше всѣхъ другихъ римлянъ, зналъ Германію, говоритъ намъ „о богатыхъ“, которые отличаются отъ массы народной.

Подраздѣленіе это и есть первичный зародышъ будущихъ общественныхъ классовъ, съ ихъ особыми установленіями и различіями въ понятіяхъ политическихъ, правовыхъ и нравственныхъ.

Первоначально всѣ сородичи сообща, какъ мы знаемъ, владѣютъ землею и угодьями и сообща ихъ обрабатываютъ. Первоначально право завѣщанія имущества совершенно неизвѣстно. Къ приведеннымъ уже фактамъ прибавлю еще немногіе. Въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностяхъ Осетіи указанный порядокъ совладѣнія удерживался до послѣдняго времени. Случалось, что многочисленный родъ, живущій въ

нѣсколькихъ аулахъ, продолжалъ вести общее хозяйство. Остатки такого же порядка мы находимъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. У черемисовъ, напримѣръ, нѣсколько деревень сообща производили обработку полей, собирали продуктъ, изъ котораго отдѣлялась часть, необходимая для домашняго потребленія каждаго, а остатокъ поступалъ въ продажу, и вырученная сумма, за вычетомъ податей, распредѣлялась между всѣми. Интересный также примѣръ представляетъ племя маори, у котораго еще въ началѣ XIX столѣтія всѣ земли и скотъ принадлежали не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому роду, представлявшему собою одно сплоченное цѣлое.

Но вотъ, постепенно, начинаютъ измѣняться условія, а съ тѣмъ вмѣстѣ соотвѣтственно и послѣдовательно, болѣе или менѣе, измѣняются и существующія среди нихъ учрежденія. Съ значительнымъ увеличеніемъ числа дворовъ, входящихъ въ составъ рода, а главное, съ ослабленіемъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, сознанія родовой связи и вытекающей изъ нея общности интересовъ, случается, что одна часть родовыхъ земель дѣлится на участки между отдѣльными дворами, а этими послѣдними распредѣляется иногда и между составляющими ихъ малыми семьями, тогда какъ другая часть— пастбища, лѣса, рыбныя ловли и угодья вообще — попрежнему остается въ общемъ пользованіи.

Но и при такомъ раздѣлѣ величина надѣльнаго участка двора и малой семьи не бываетъ постоянной, обусловливаясь ихъ нуждами; вмѣстѣ съ ихъ увеличеніемъ она увеличивается, а при ихъ уменьшеніи она уменьшается. У якутовъ, напримѣръ, угодья находились въ общемъ безраздѣльномъ пользованіи всѣхъ родичей. При распредѣленіи принадлежавшихъ роду покосныхъ пространствъ, хотя вообще и „уважалась древность владѣнія предковъ“, и покосный участокъ „переходитъ отъ отца къ сыну и т. д., въ томъ количествѣ, въ какомъ предки владѣли“, тѣмъ не менѣе величина этихъ участковъ не оставалась всегда неизмѣнной, а напротивъ, въ зависимости отъ измѣненія условій, сама измѣнялась, какъ, напримѣръ, „при умноженіи въ наслегѣ (родѣ) людей, для надѣленія другихъ“ и т. д.

Въ Ирландіи родовыя земли были подѣлены между большими семьями, а этими послѣдними распредѣлены между составлявшими ихъ малыми семьями. Когда умиралъ какой-либо членъ семейной общины, то его участокъ не переходилъ къ его дѣтямъ, а поступалъ въ общую массу общинныхъ земель. Земли эти главою семейной общины снова перераспредѣлялись, при чемъ глава каждой малой семьи получалъ часть, „соотвѣтствующую его древности (antiquity)“.

Остатки подобнаго порядка ясно сохранялись и у насъ на Кавказѣ, гдѣ большая часть горскихъ племенъ до самаго послѣдняго времени не имѣла понятія о частной собственности на землю.

На собраніи 1863 года въ укрѣпленіи Нальчикъ народныхъ уполномоченныхъ отъ каждаго аула и отъ всѣхъ такъ называемыхъ сословій Большой Кабарды, а также на послѣдующемъ собраніи 1865 года было выяснено, что въ Кабардѣ существуетъ понятіе о землѣ, какъ о достояніи цѣлаго народа, и что кабардинскіе князья и уздени не имѣютъ рѣшительно никакихъ личныхъ правъ на землю и лишь постепенно присвоили себѣ, какъ это имѣло мѣсто и вездѣ, въ качествѣ главъ прежнихъ родовыхъ группъ, право распоряжаться распредѣленіемъ общественныхъ земель, при которыхъ они нерѣдко захватывали лучшіе участки въ свою пользу и отдавали ихъ въ наемъ сосѣднимъ обществамъ или уступали безплатно тѣмъ, въ чьихъ услугахъ они могли нуждаться.

Въ различныхъ мѣстностяхъ Осетіи, смотря по степени сохраненія прежде господствовавшаго въ нихъ общинно-родового быта, мы единовременно имѣли передъ собою всѣ виды постепенно разлагавшагося первобытнаго владѣнія землею, начиная съ родовыхъ земель съ общиннымъ хозяйствомъ и кончая личной собственностью. Подобно этому въ Новой Зеландіи, какъ указываетъ Леббокъ, единовременно существовали три вида землевладѣнія—племенной, семейный и личный, а также, какъ мы уже знаемъ, и родовой.

Отдаленными отголосками первобытнаго древняго строя взаимоотношеній, общаго на извѣстной ступени развитія всѣмъ народамъ, конечно, и объясняется взглядъ древнихъ на государство, послѣдовательно развивавшееся изъ общинно-родового строя, какъ на такое сложное цѣлое, которому каждый его членъ долженъ все приносить въ жертву, которое поглощаетъ всего человѣка и всецѣло распоряжается имъ.

„Родина привязываетъ къ себѣ человѣка священными узами“, говоритъ Фюстель де Куланжъ („La cité antique“), характеризуя взглядъ древности. „Надо любить ее, какъ любятъ религію, надо ей повиноваться, какъ повинуются божеству. Надо всецѣло отдаваться ей, надо все полагать въ нее, все ей посвящать. Надо любить ее, прославленную и неизвѣстную, счастливую и несчастную. Надо ее любить за ея благодѣянія и за ея строгости. Сократъ, неосновательно осужденный ею, любилъ ее тѣмъ не менѣе. Надо любить ее, какъ

Авраамъ любилъ своего Бога, принося ему въ жертву сына. Особенно же надо умѣть умирать за нее".

И такой взглядъ намъ теперь можетъ быть вполнѣ понятенъ, въ преемственности его развитія. Только что описанный общинно-родовой строй давалъ все человѣку. Онъ вполнѣ охватывалъ и всегда поддерживалъ его. Онъ зналъ исключительно благо сложнаго цѣлаго, части или члены котораго дѣйствовали всегда и во всемъ „за единъ братъ" и вставали, какъ одинъ человѣкъ.

Причина того, что такой строй могъ имѣть мѣсто на первичныхъ ступеняхъ культуры—относительная немногочисленность каждой кровной группы и проистекавшая отсюда живость сознанія родственной связи—почти единственной связи, объединявшей людей того времени, и непосредственность всѣхъ отношеній, а потому и относительная ясность ихъ значенія.

3.

Позднѣе, когда постепенно стали развиваться зачатки семейно-индивидуальной собственности, тогда съ тѣмъ вмѣстѣ начали возникать и условія для образованія экономическихъ неравенствъ и общественнаго подраздѣленія на семьи болѣе богатыхъ и бѣдныхъ родичей.

Подраздѣленіе это, разъ образовавшись, выдвигаетъ впередъ богатыя семьи и на поверхности общинно-родового общества создаетъ изъ нихъ какъ бы особый слой, поверхностную пленку, „знатнѣйшихъ, почетнѣйшихъ сродниковъ". Старѣйшіе члены такихъ богатыхъ почетныхъ семей или фамилій, въ качествѣ постоянно избираемыхъ начальниковъ и военноначальниковъ родовъ и союзовъ родовъ, образующихся подъ вліяніемъ потребности въ защитѣ и нападеніи на иноплеменниковъ, постепенно замѣняютъ прежнихъ родовыхъ старѣйшинъ и начинаютъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ общественную власть и распоряжаться общественными дѣлами, еще болѣе увеличивая тѣмъ самымъ значеніе своихъ семей. Справедливо было замѣчено, что кто пользуется общественной властью, тотъ обыкновенно пользуется ею въ своемъ интересѣ и что это явленіе пользованія общественной властью въ своемъ интересѣ записано кровью въ исторіи человѣчества.

Когда такое расчлененіе на богатыхъ, почетныхъ, вліятельныхъ и потому властвующихъ родичей, съ одной стороны, и на бѣдныхъ,

заурядовыхъ, съ другой, достаточно рѣзко намѣчается, тогда, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ древнѣйшихъ учрежденіяхъ Греціи и Рима, оно ложится въ основу первоначально образующихся цензовыхъ классовъ, изъ которыхъ каждый, обособившись однажды и, вслѣдствіе того, пріобрѣтя свой отдѣльный классовый интересъ, начинаетъ постепенно развивать и свои классовыя особенности, постепенно вырабатывающіяся подъ вліяніемъ особенностей его общественнаго положенія.

Что касается производящихъ причинъ возникновенія экономическихъ неравенствъ, создающихъ въ общинно-родовомъ обществѣ первоначальные зародыши нашихъ сословій, то онѣ представляются довольно многочисленными.

Къ числу основныхъ нужно отнести естественное разростаніе родственныхъ группъ, обусловливавшее затруднительность веденія общаго хозяйства, а соотвѣтственно этому и выдѣленіе изъ общеродовой собственности дворовой, семейной и, наконецъ, даже личной. Сюда же надо отнести и учащеніе все болѣе входившихъ въ нравы враждебныхъ столкновеній между племенами, выдвигавшее впередъ семьи отдѣльныхъ военноначальниковъ, послѣдствіями которыхъ были завоеванія и порабощенія инородческихъ племенъ, захватъ плѣнныхъ и разной добычи, обложеніе данью, а также различнаго рода ссуды за приплодъ и приростъ—за эти прообразы современныхъ процентовъ, какъ средства нароценія капитала, и, наконецъ, долги—эти послѣдствія ссудъ, обезпечиваемыя не только имуществомъ, но и самою личностью должника.

4.

Экономическое положеніе и борьба за существованіе дали, какъ надо думать, первый толчокъ къ воïнамъ. Отсутствіе знаній дѣлало невозможной успѣшную эксплоатацію окружающей природы, а постепенно увеличивавшееся народонаселеніе дѣлало затруднительнымъ добываніе средствъ продовольствія. Въ то же время низкій уровень умственнаго развитія исключалъ возможность пониманія общечеловѣческой связи и солидарности человѣческихъ интересовъ вообще, а также исключалъ и возможность распространенія нормъ отношеній, имѣвшихъ примѣненіе внутри кровныхъ общинъ, на иноплеменниковъ.

Только связи по крови, соприкосновенія отъ колыбели и при-

вычка считать за своего могли сплачивать людей того времени и устанавливать между ними отношенія братства Все же пришлое, незнаемое и чужое было вмѣстѣ съ тѣмъ и враждебное. „Каждый“, какъ справедливо замѣчаетъ Мэнъ, касаясь междуплеменныхъ столкновеній, „смотрѣлъ на другого, какъ на врага, котораго слѣдуетъ убить, ограбить или ненавидѣть такъ же, какъ и дикихъ звѣрей, съ которыми приходилось бороться племени“.

При такихъ отношеніяхъ, недостаточность средствъ существованія должна была вызывать соперничество и борьбу между племенами, когда они приходили въ близкое пространственное соприкосновеніе другъ съ другомъ при своихъ передвиженіяхъ. Въ свою очередь, постоянно учащавшіяся враждебныя междуплеменныя столкновенія неминуемо должны были вызывать множество разнообразныхъ измѣненій во внутренней структурѣ племенъ, измѣненій, которыя, по ихъ неблагопріятности, были однородны съ крайне неблагопріятно вліявшими кровавыми столкновеніями.

Въ числѣ главныхъ слѣдствій этихъ столкновеній нужно указать на захватъ и добычу—эти естественные спутники войны, которые впослѣдствіи измѣнили самый характеръ войнъ и превратили ихъ изъ борьбы за обладаніе условіями труда въ средство жестокой эксплоатаціи, въ средство наживы и грабежа.

Другимъ слѣдствіемъ тѣхъ же враждебныхъ столкновеній было и знакомое уже намъ выдѣленіе изъ массы сородичей особыхъ военноначальниковъ.

Военноначальники (а впослѣдствіи, при уваженіи первобытныхъ племенъ къ единству крови, и ихъ семьи)—это уже не равные между равными, а первые между равными, пріобрѣтавшіе большое значеніе и вліяніе между сородичами и соплеменниками, какъ личности выдававшіяся на важнѣйшемъ тогда поприщѣ дѣятельности. Подобныя личности, конечно, не могли долго оставаться въ ряду всѣхъ остальныхъ. При помощи своего уже пріобрѣтеннаго вліянія, онѣ должны были стремиться къ дальнѣйшему выдѣленію, какъ только представлялась возможность. А она, при условіяхъ времени, представлялась легко.

Въ первобытныя времена, при обширности незаселенныхъ пространствъ земли, главнѣйшую цѣнность, главнѣйшее богатство, представляла движимая собственность, а ея главную массу составлялъ скотъ. Скотъ цѣнился за молоко, мясо, какъ орудіе обработки, и служилъ удобнѣйшимъ орудіемъ мѣны, какъ это имѣло, напримѣръ, мѣсто въ Греціи и Римѣ. Изображеніе быка, какъ говорятъ, находи-

лось на древнѣйшихъ римскихъ монетахъ. Профессоръ Костомаровъ замѣчаетъ: „скотъ означалъ вообще казну, сокровищницу, потому что въ древнѣйшія времена скотъ составлялъ домашнее богатство хозяина. Въ скрахъ нѣмецкаго двора есть выраженіе цѣнности „говедо“, — вѣроятно, штука скота или кусокъ мяса“.

Собственность же врага—иноплеменника для его противника была ничья вещь—res nullius и, какъ таковая, подлежала захвату военной рукой. Самая личность каждаго непріятеля, какъ существа враждебнаго и вполнѣ чуждаго, не пользовалась защитою обычаевъ, опредѣлявшихъ родовыя и племенныя отношенія, а потому представляла собою такую же военную добычу, какъ и принадлежавшая ей движимость. „Побѣдитель могъ пользоваться своею побѣдою“, замѣчаетъ Fustel de Coulanges, „какъ ему хотѣлось. Никакой божескій или человѣческій законъ не сдерживалъ его месть или жадность“.

Добыча, составлявшая первоначально общее достояніе, впослѣдствіи стала распредѣляться только между воинами-дружинниками и составлять ихъ собственность, при чемъ болѣе крупныя доли доставались начальникамъ, которые со своими семьями становились болѣе крупными владѣльцами цѣнной собственности, людьми богатыми, вліятельными. Подъ ихъ безусловною властью сосредоточивалось поэтому и большое количество плѣнныхъ рабовъ—безпрекословныхъ исполнителей ихъ приказаній.

Въ древнѣйшихъ осетинскихъ народныхъ сказаніяхъ о нартахъ находимъ характерную картину, изображающую распредѣленіе захваченной добычи.

Въ ныхасъ (такъ называется мѣсто для общественныхъ собраній и самое собраніе) пригнали захваченныхъ овецъ и стали дѣлить. Подѣлили поровну между всѣми. „Не такъ, не такъ“, сказалъ одинъ нартовецъ. „Урызмагу слѣдуетъ еще доля старшаго; мы умерли-бы съ голоду, если бы не повелъ насъ снѣжнобородый,— все это, вѣдь, досталъ Урызмагъ“. Никто не сталъ возражать: каждый изъ нихъ отдѣлилъ извѣстную часть своей доли для Урызмага, и онъ получилъ еще, такимъ образомъ, долю старшаго.

Враждебныя столкновенія вели также къ порабощенію одного племени другимъ, при чемъ побѣжденные, вмѣстѣ съ землями, приводились въ зависимость отъ побѣдителей и облагались въ пользу послѣднихъ различными поборами и данями. Нашъ князь Олегъ „примучиваетъ“ древлянъ и вынуждаетъ ихъ платить дань, а потомъ вынуждаетъ къ тому же и другія племена. „Побѣдить“, гово-

ритъ Цезарь, „это подчинить непріятеля: когда это сдѣлано, тогда достигнутъ миръ“.

У побѣжденныхъ отбирались также та или другая доля земель и колонизировалась побѣдителями, или, напротивъ, побѣжденные, въ качествѣ рабовъ, переселялись на малозаселенныя земли побѣдителей Такъ и въ значительно позднѣйшій періодъ, когда въ Кіевской Руси въ XI и XII вѣкахъ образовались уже огромныя имущественныя неравенства, „когда привольная жизнь общественныхъ вершинъ держалась на юридическомъ и экономическомъ приниженіи массъ простого народа“, князья стремились колонизовать свои малонаселенныя области, для чего лучшимъ средствомъ, по словамъ профессора Ключевскаго, былъ „полонъ“. Поэтому „общей военной привычкой“. князей было, вторгнувшись во враждебную страну, разорить ее и набрать какъ можно больше плѣнниковъ“, которые, „по тогдашнему русскому праву, обращались и селились на земляхъ князя и его дружины, съ которой князь дѣлился своей добычей“. И вотъ лѣтописецъ XII вѣка, разсказывая объ удачномъ вторженіи князя въ чужую волость, обыкновенно заканчиваетъ разсказъ замѣчаніемъ, что побѣдители воротились, „ополонившись челядью и скотомъ“.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ начальники получали большія выгоды, такъ какъ имъ давались большія доли добычи и большіе участки земли, которые они могли заселять подвластными имъ лицами, или же побѣжденныя общины приходили въ большую зависимость отъ нихъ, какъ отъ управителей побѣдившаго ихъ племени, и платили имъ дани цѣннымъ имуществомъ, что еще болѣе увеличивало размѣръ ихъ богатства.

Источникомъ доходовъ для начальниковъ служили также домены, дававшіеся имъ въ вознагражденіе за исполненіе ихъ обязанностей. Сверхъ того, являясь административными лицами, они, въ качествѣ таковыхъ, постепенно присваивали—какъ это, напримѣръ, было выяснено на собраніяхъ въ укрѣпленіи Нальчикъ—завѣдываніе распредѣленіемъ общественныхъ земель. И вотъ, по мѣрѣ развитія власти и выдѣленія начальниковъ съ ихъ семьями, какъ наслѣдственно богатыхъ и почетныхъ людей, увеличивались захваты ими права распоряженія пустующими общественными землями, которыя, между прочимъ, представляли прекрасное мѣсто для пастбищъ ихъ стадъ, увеличивавшихся приплодомъ, военнымъ грабежомъ, данями, поборами и проч.

При постоянныхъ войнахъ, которыя древніе греки и римляне и въ позднѣйшія времена разсматривали, какъ „естественное состояніе

народовъ“, и при частыхъ разгромахъ одного племени другимъ, при многочисленныхъ переворотахъ внутри племенъ, многіе изъ ихъ членовъ вынуждены были порывать свои связи и искать новыхъ пріютовъ. Выходцы, внѣ связи со своими, становились безправными и волею-неволею должны были отыскивать покровительство у чужаковъ. Въ такихъ случаяхъ связью между ними и тѣми, къ кому они приселялись, являлся начальникъ племени послѣднихъ. Онъ принималъ ихъ въ свою дружину или заселялъ ими пустующія земли, давалъ имъ скотъ, становился ихъ покровителемъ, а взамѣнъ того ставилъ ихъ въ зависимость отъ себя и обязывалъ различными тягостными условіями.

Разроставшаяся указанными путями власть начальниковъ не ограничилась одними иноплеменниками, но съ теченіемъ времени начала постепенно приравнивать къ нимъ и соплеменниковъ не только въ военное, а также и въ мирное время.

Скотъ, какъ мы видѣли, имѣлъ громадное значеніе въ древности, а между тѣмъ, съ возникновеніемъ частной собственности, обладаніе скотомъ не распредѣлялось равномѣрно между всѣми. Не говоря о неравномѣрномъ естественномъ приростѣ, неравенство обусловливалось еще и различіемъ въ средствахъ пріобрѣтенія стадъ.

Военный грабежъ, дани и поборы сосредоточивали большое количество скота въ рукахъ различныхъ предводителей-начальниковъ и ихъ приближенныхъ, тогда какъ почему-либо захудалые члены племени сильно нуждались въ скотѣ.

Пользуясь этой нуждой, начальники и люди богатые вообще стали раздавать стада своимъ обѣднѣвшимъ соплеменникамъ. Эти раздачи, ведущія свое начало, кажется, отъ обычая вспомоществованія обѣднѣвшимъ родичамъ, производились не даромъ, а на извѣстныхъ условіяхъ. Человѣкъ, получавшій отъ начальника или вообще отъ богатаго соплеменника скотъ, тѣмъ самымъ становился въ большую или меньшую зависимость отъ него, дѣлался ему подчиненнымъ.

Раздачи скота, сначала какъ средство вспомоществованія обѣднѣвшимъ сородичамъ, а затѣмъ какъ средство эксплоатаціи и подчиненія, на извѣстной ступени культуры, повидимому, существовали повсюду. Мы ихъ находимъ, напримѣръ, въ древне-германскомъ правѣ, въ такъ называемомъ законѣ брегоновъ (Brehon Low). Здѣсь онѣ являлись въ двухъ формахъ. При одной, когда давалось меньшее количество скота, получавшій, пользовавшійся скотомъ для работъ, отдавалъ анчальнику, давшему скотъ, все молоко и приплодъ, давалъ клятву вѣрности и обязывался ему ручнымъ трудомъ, но оставался

свободнымъ соплеменникомъ. При другой формѣ раздачъ, когда получалось значительно большее количество скота, получившій его утрачивалъ часть своей свободы и попадалъ въ тягостную зависимость. Мало того, съ теченіемъ времени принятіе стадъ отъ начальника сдѣлалось обязательнымъ, и племя только въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло противопоставить свое **veto** принудительности принятія скота отъ начальника. Раздачи скота встрѣчаются и у нашихъ сибирскихъ инородцевъ, сборникъ обычнаго права которыхъ указываетъ, что эти раздачи даютъ „богатымъ способъ умножать скотоводство, а бѣднымъ пропитаніе“.

Большое сходство съ такими раздачами-займами представляли учрежденія закладничества, кабальничества, закупничества, наймитства, также служившія средствомъ установленія зависимыхъ отношеній. Закладчикъ—человѣкъ свободный, по неимущій, вслѣдствіе нужды закладывающійся за людей богатыхъ, которые ссужаютъ его движимостью. Эта ссуда ставитъ закладника въ зависимыя отношенія отъ ссудившаго. Ему онъ обязывается службами, впредь до расплаты, которая гарантируется свободой обязавшагося. Убѣгаетъ закупъ отъ хозяина до срока—онъ становится его полнымъ (обельнымъ) холопомъ.

5.

Въ эпоху господства физической силы занятіе выгоднымъ военнымъ ремесломъ, завѣдываніе общинными землями и проистекавшее отсюда накопленіе капитала очень рано начали способствовать усиленію власти предводителей-начальниковъ и сосредоточенію подъ ихъ рукою большого количества, подчиненныхъ и приближенныхъ къ нимъ лицъ, которыми они могли располагать болѣе или менѣе по своему произволу. Такіе предводители-начальники со своими фамиліями являлись людьми, выдѣлившимися изъ массы прочихъ соплеменниковъ и образовавшими особый, привилегированный классъ.

Военная добыча, приближенное положеніе къ предводителю-начальнику, нахожденіе въ его свитѣ, въ его дружинѣ и проч.—предоставляли и другимъ возможность сдѣлаться людьми богатыми движимостью, увеличить это богатство путемъ ссудъ неимущимъ сочленамъ и тѣмъ упрочить выдающееся положеніе своихъ фамилій и установить ихъ принадлежность къ высшему классу—къ военной аристократіи, которая „состояла изъ богатыхъ общественниковъ, подготовлявшихся ихъ воспитаніемъ къ войнѣ и властвованію“.

На ряду съ возникновеніемъ и развитіемъ, благодаря войнамъ, особаго привилегированнаго класса, военной аристократіи, съ большимъ развитіемъ и расширеніемъ религіознаго культа, ведущаго начало отъ культа обоготворенныхъ предковъ, возникаетъ и постепенно развивается еще другой привилегированный классъ. Умѣніе отвращать бѣдствія и гнѣвъ и вымаливать различными пріемами милости и покровительство добрыхъ и злыхъ духовъ, умѣніе лѣчить, исцѣлять и вообще совершать чудесныя вещи, умѣнье, въ основѣ котораго лежали случайно подмѣченныя наблюденія и опыты, хранившіеся потомъ въ тайнѣ, выдвигало впередъ и, при благопріятныхъ условіяхъ, давало власть и вліяніе особому жреческому классу—духовной аристократіи. Такъ, напр., было въ древнѣйшія эпохи Египта. Въ немъ существовала могущественная духовная аристократія, которая объявляла, толковала и примѣняла законъ, вѣдала воспитаніемъ и наблюдала за поведеніемъ гражданъ, а послѣ ихъ смерти судила ихъ память. Могущественная духовная аристократія развилась и въ древней Индіи и т. д.

Съ другой стороны, возникновеніе и постепенное выдѣленіе торговаго класса, составлявшагося изъ „экономическихъ людей“, какъ ихъ называетъ Брукъ Адамъ („La loi de la civilisation et de la décadence“), который и далъ начало денежной аристократіи, промышлявшей не мало торговлею рабами или „челядью“, какъ говорили у насъ, и содѣйствовавшей развитію индивидуализма въ ущербъ общественности. Надо замѣтить, что торговля первоначально шла на ряду съ захватами, похищеніями, грабежемъ и пиратствомъ, такъ что, по словамъ нашего историка С. М. Соловьева, торгашъ и грабитель составляли въ древности одно лицо, выступавшее въ той или другой роли, смотря по обстоятельствамъ, какъ мы это видимъ, напр., у древнихъ финикіянъ, варяговъ и проч. „Варягъ являлся на извѣстный берегъ подъ видомъ торговли и дѣйствительно начиналъ торговать съ жителями-но при первомъ удобномъ случаѣ изъ купца онъ становился пиратомъ и грабилъ тѣхъ, съ которыми прежде велъ мѣну“. Международная торговля, съ ея конкурренціей и захватами, ведущими подчасъ и къ войнамъ, по переживанію отъ прошлаго, не вполнѣ еще утратила этотъ начальный свой характеръ и до настоящаго времени.

Съ самыми мѣстами торга въ древности неразрывно связывались три понятія: понятіе нейтральности, понятіе о неблаговидныхъ продѣлкахъ и о неумолимомъ торгашествѣ и барышничествѣ. Эти понятія соединялись въ аттрибутахъ Гермеса или Меркурія. Онъ едино-

временно былъ богомъ границъ, богомъ вѣстниковъ или пословъ и покровителемъ торговли, обмановъ и воровъ.

На нейтральныхъ мѣстахъ торга сходились временно притихшіе враги. Поэтому правила взаимныхъ отношеній, правила нравственности, примѣнявшіяся внутри кровныхъ человѣческихъ союзовъ, здѣсь утрачивали всякую обязательную силу.

На мѣстахъ торга происходила та же война, только въ иныхъ формахъ, и обычные военные пріемы—обманы, надувательства—здѣсь были вполнѣ дозволительны. Если обманъ и барышничество въ отношеніяхъ со своими кровниками строго воспрещались голосомъ общественнаго мнѣнія, то здѣсь, въ сношеніяхъ съ иноплеменниками, они были необходимы и похвальны, какъ и всякія военныя хитрости. Здѣсь, на мѣстахъ торга, былъ особый міръ и царилъ особый кодексъ торговой нравственности со своими своеобразными афоризмами. Однимъ изъ главнѣйшихъ былъ „caveat emptor“, т. е. „берегись, покупатель“. Здѣсь все совершалось по той же военной формулѣ: „чья возьметъ“.

Съ мѣстъ торга, мѣстъ какъ бы международныхъ, правила торговой нравственности постепенно проникали и въ обиходъ кровныхъ человѣческихъ группъ, въ которыхъ вслѣдствіе этого и происходила борьба двухъ кодексовъ нравственности: родового и международнаго, торговаго, вполнѣ противоположныхъ въ самыхъ основныхъ принципахъ.

Когда всѣ эти новообразованія возникли и достаточно ясно обозначились въ нѣдрахъ общинно-родового общества, при чемъ интересы его членовъ рѣзко раздѣлились и получили храктеръ противоположностей, тогда стремленіе къ закрѣпленію разъ образовавшихся расчлененій и къ дальнѣйшему усиленію пріобрѣтенныхъ вліянія и власти, путемъ сплоченія въ одно цѣлое лицъ выдвинувшихся, обособившихся, начинаетъ постепенно возрастать, вызывая появленіе обособленныхъ классовыхъ и кастовыхъ интересовъ, преслѣдующихъ не общую пользу всѣхъ членовъ общества, а исключительно пользу членовъ класса, касты.

Съ тѣмъ вмѣстѣ между отдѣльными привилегированными частями общества часто возникаетъ борьба изъ-за возможности пріобрѣтенія дальнѣйшихъ привилегій и преобладанія. Какой изъ указанныхъ общественныхъ слоевъ въ ту или другую эпоху, въ томъ или другомъ мѣстѣ получалъ перевѣсъ и возможность преимущественнаго вліянія на строй народной жизни—это опредѣлялось внѣшними условіями времени и мѣста, выдвигавшими впередъ тотъ или

другой классъ, ту или другую касту. Но какая бы изъ нихъ ни выдвигалась, положеніе народной массы отъ этого мало выигрывало или даже проигрывало.

„Аристократіи въ Англіи, въ Венеціи и въ другихъ странахъ“, справедливо замѣчаетъ Лавеле (De Laveley—„Le gouvernement dans la democratie“), „могли очень развить искусство управленія, придавая тѣмъ самымъ большой блескъ и большое могущество государствамъ, которыми они управляли, но законы, войны и завоеванія были созваемы и предпринимаемы такимъ образомъ, чтобы увеличивать ихъ богатства, ихъ авторитетъ. Народъ былъ орудіемъ для достиженія этой цѣли. Онъ доставлялъ людей для сраженій; плоды его труда доставляли его господамъ ихъ доходы и средства для его порабощенія“.

Одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ справедливости только-что сказаннаго нами представляетъ кодексъ Ману—продуктъ вліянія духовной аристократіи, премущества которой онъ устанавливаетъ и закрѣпляетъ.

„Брамань занимаетъ первое мѣсто на землѣ“, говорится въ кодексѣ, „господинъ всѣхъ существъ, онъ должень заботиться о сохраненіи сокровища законовъ гражданскихъ и религіозныхъ. Все, что представляетъ міръ, составляетъ собственность брамана; по праву своего первородства и по возвышенности своего рожденія, онъ господинъ всѣхъ классовъ и имѣетъ власть надъ всѣмъ, что существуетъ“. Изъ устъ брамана люди должны получать правила своего поведенія; только ему одному предоставлено изучать книгу законовъ и никому другому.

Только одинъ браманъ ѣстъ свою пищу; только онъ одинъ носитъ свою одежду, остальные люди пользуются благами лишь потому, что этого хотятъ браманы. „Благодаря браманамъ боги обитаютъ на небесахъ“. „Ученый или невѣжда, браманъ могущественное божество на землѣ“. Чтобы вполнѣ исполнить свою обязанность, царь долженъ доставлять браманамъ радости и богатства. Онъ долженъ жестоко карать за всякое посягательство на брамана.„ Никакое злодѣйство несравнимо“, по словамъ закона, „съ убійствомъ брамана. Даже тогда когда брамань совершилъ бы всѣ возможныя преступленія, царь, долженъ довольствоваться только его изгнаніемъ изъ страны, оставляя ему его имущество и не причиняя ни малѣйшаго зла“.

6.

Однимъ изъ средствъ расширенія прерогативъ высшихъ сословій служили также ссуды и ихъ слѣдствіе—задолженность. Я уже говорилъ о раздачахъ скота, но на ряду съ ними имѣли мѣсто также ссуды изъза лихвенныхъ процентовъ, размѣръ которыхъ былъ значителенъ.

„Въ древнѣйшія эпохи, о которыхъ только до насъ дошли свѣдѣнія“, говоритъ Мэнъ,„ мы постоянно застаемъ низшіе классы въ неоплатномъ долгу у высшаго сословія“. Красной нитью проходятъ черезъ исторію древняго Рима общественныя потрясенія, развившіяся на почвѣ стремленія къ уменьшенію и уничтоженію долговъ, тяготѣвшихъ на низшихъ классахъ въ пользу ростовщической денежной аристократіи. Долги эти, обезпечивавшіеся личностью должника, налагали на эту личность тяжелую зависимость и предоставляли ее вполнѣ во власть кредитора, который могъ убить своего несостоятельнаго должника или продать его въ рабство. Древній римскій законъ, въ случаѣ множественности кредиторовъ у одного несостоятельнаго должника, предусматривалъ даже возможность раздѣленія послѣдняго по кускамъ между кредиторами.

Повидимому, еще болѣе могущественнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ закрѣпленія уже пріобрѣтенныхъ и пріобрѣтенія новыхъ привилегій для зарождавшихся и постепенно развивавшихся высшихъ сословій служило присвоеніе власти судебной и права храненія и толкованія обычаевъ, которыя повсюду попали въ руки высшихъ сословій и въ ихъ рукахъ стали надежнымъ боевымъ средствомъ для закрѣпленія присвоенныхъ прерогативъ. Вмѣстѣ съ этимъ и самые обычаи существенно измѣнили свой характеръ и превратились, какъ выражается Мэнъ, въ „неписанный законъ“, о которомъ и упоминаетъ предисловіе къ закону салическому.

Въ предшествующую эпоху обычаи, какъ мы видѣли, вырабатывались на общественныхъ собраніяхъ или сходкахъ, были ихъ судными приговорами по различнымъ вопросамъ и потому представлялись вполнѣ народными. Вмѣстѣ же съ захватомъ права храненія и толкованія обычаевъ исключительно высшими сословіями, выработки новыхъ обычаевъ, дѣло измѣняется въ самомъ существѣ.

Обычаи переданы отъ предковъ. Предки достойны поклоненія, а потому и переданные отъ нихъ обычаи ненарушимы и священны. Характерный случай приведенъ у Fustel de Coulanges'a. Однажды плебейскіе трибуны хотѣли вотировать законъ въ собраніи трибъ. „Какое право имѣете вы“, сказалъ имъ одинъ патриціи, „создавать

новый законъ или касаться законовъ существующихъ? Вы, которые не имѣете ауспицій, вы, которые въ своихъ собраніяхъ не совершаете религіозныхъ обрядовъ, что у васъ общаго съ религіей и со всѣми священными предметами, въ числѣ которыхъ стоитъ и законъ?“

Хранители, держащіе обычаи и завѣты старины въ своей памяти, вовсе не измѣняютъ и не создаютъ новыхъ, а только толкуютъ и примѣняютъ старые, перешедшіе отъ древности. Таково объясненіе. Однако, подъ покровомъ стараго, на самомъ дѣлѣ, какъ это бываетъ всегда, возникало новое, новое въ духѣ класса, въ духѣ касты, въ рукахъ которой, такимъ образомъ, соединялась власть судебная и законодательная.

Присвоенной монополіей храненія и толкованія „неписаннаго закона“ привилегированныя сословія постоянно пользовались въ интересахъ упроченія своего положенія. Каковъ былъ характеръ толкованій обычаевъ, идущихъ отъ древности—мы можемъ видѣть хотя бы по кодексу Ману, въ который его составители, браманы, внесли такія толкованія, а также по другимъ кодексамъ.

Для примѣра укажу хотя бы на обычай-законъ англо-саксовъ, по которому пеня за убійство лица высшаго класса въ 6 разъ превышала пеню за убійство лица низшаго класса, а потому родственники перваго, въ случаѣ неуплаты шестерной пени, могли безнаказанно убить обидчика и пятерыхъ его родственниковъ.

Интересно, что почти точно такое же постановленіе находится и въ сборникѣ обычнаго права нашихъ киргизовъ, у которыхъ сословія уже образовались. У нихъ за убійство простолюдина платился полный кунъ, а за убійство хожи (лица высшаго сословія) семь кунъ, какъ за семь простолюдиновъ. Если же убійца оказывался несостоятельнымъ къ уплатѣ, то, по мѣткому римскому изрѣченію: „qui non habet in aere, luat in corpore“, предавался казни съ 6 своими родственниками.

Подобную несоразмѣрную высокую оцѣнку жизни, здоровья, неприкосновенности частей тѣла въ интересѣ огражденія лицъ высшихъ классовъ отъ посягательствъ со стороны лицъ, принадлежащихъ къ классамъ низшимъ, мы находимъ во всѣхъ древнѣйшихъ кодексахъ, занесшихъ на свои страницы постановленія существовавшихъ до того обычаевъ, истолковывавшихся высшими сословіями.

Злоупотребленія знаніемъ, толкованіемъ и примѣненіемъ обычаевъ тяжело отзывались на низшихъ сословіяхъ, и потому, съ изобрѣтеніемъ письма, началась упорная борьба за писанные законы. Высшіе классы дружно и долго отстаивали присвоенное право, но,

наконецъ, уступили, результатомъ чего было появленіе древнѣйшихъ кодексовъ писанныхъ законовъ, въ которыхъ, соотвѣтственно съ сохранившимся еще остаткомъ прежде господствовавшаго строя общинно-родовыхъ отношеній, были безразлично перемѣшаны правовыя и такъ называемыя нравственныя нормы.

Съ созданіемъ писанныхъ законовъ положеніе дѣла, повидимому, мало измѣнилось, потому что судебная власть, т. е. право толкованія и примѣненія законовъ, осталась въ рукахъ тѣхъ же классовъ.

„Судебная власть древнихъ“, замѣчаетъ Бэко („Организація уголовної юстиціи“), „находясь въ рукахъ господствующихъ классовъ, повсюду служила для вліянія и эксплоатаціи“. „Въ торжествѣ господствующихъ классовъ, преисполненныхъ духа исключительности и жадности, слѣдуетъ искать объясненія римскої уголовної юстиціи: это торжество и создало судъ претора“.

Сходный взглядъ на значеніе судебної власти и обладанія ею высказываетъ извѣстный французскій юристъ Элн (Faustin Hélie— „Traité de l'instruction criminelle“). „Это право“, замѣчаетъ онъ, „для обладавшаго имъ класса составляло не только привилегію, но и нѣчто въ родѣ собственности, такъ что этотъ классъ, склонный къ захватамъ, какъ и всякое привилегированное сословіе, стремился употребить принадлежащую ему судебную власть на служеніе увеличенію своего богатства и могущества. Вслѣдствіе этого между судьями, принадлежавшими къ одному и тому же классу и связанными другъ съ другомъ единствомъ интереса, должно было установиться нѣчто въ родѣ соучастія (complicité), которое побуждало ихъ взаимно поддерживать другъ друга и сообща эксплоатировать раздачу (distribution) правосудія“.

Вмѣстѣ съ этимъ захватомъ судебної власти, начинается постепенное удаленіе изъ закона нравственныхъ нормъ и обособленіе нормъ права. Владѣя властью, владѣя обширными средствами, высшіе классы, очевидно, не нуждались въ такихъ грубыхъ формахъ, какія обыкновенно представляютъ правовыя нарушенія, тогда какъ обязательныя нравственныя предписанія должны были стѣснять ихъ въ ихъ стремленіи къ господству и подчиненію другихъ. Напротивъ, грубыя формы, къ которымъ только и могли прибѣгать представители низшихъ классовъ, должны были оставаться подъ санкціей закона, въ интересахъ обузданія.

Извѣстный итальянскій криминалистъ Росси (Rossi — „Traité de droit pénal“) справедливо указываетъ: „Высшіе классы обще-

ства не видятъ въ уголовномъ правѣ ничего болѣе, какъ только средство, направленное противъ тѣхъ, которыхъ они охотно называютъ канальями. И такъ какъ на сто обвиняемыхъ болѣе девяноста дѣйствительно принадлежитъ къ низшимъ разрядамъ общества, то избранные слои общественнаго организма молчаливо приходятъ къ заключенію, быть можетъ даже не признаваясь самимъ себѣ, что уголовное правосудіе, каковы бы ни были его принципы и формы, дѣло постороннее для нихъ". И этимъ, между прочимъ, до извѣстной степени, объясняется также та возмутительная жесткость наказаній, которая развивается во второмъ періодѣ исторіи въ области явленій уголовнаго права.

Не безъинтересно отмѣтить, что такія же указанія продолжаются до самаго послѣдняго времени. Въ своемъ докладѣ Туринскому уголовно-антропологическому конгрессу 1906 года, докладѣ, озаглавленномъ „Современный судья", президентъ одного изъ французскихъ судовъ Маньо (Magnaud), получившій названіе „добраго или милостиваго судьи", указалъ на противоположеніе между правосудіемъ, основаннымъ на дѣйствительной справедливости, и мертвеннымъ юридическимъ правосудіемъ, которое, въ его глазахъ, представляетъ одну изъ язвъ общества.

„На современные суды," говоритъ онъ, „со всѣхъ сторонъ слышатся нареканія, что они слишкомъ строги къ людямъ обездоленнымъ и, напротивъ, слишкомъ снисходительны къ мошенникамъ высшихъ марокъ. Эти вызывающіе нареканія судьи — сыны буржуазіи, которая считаетъ себя общею мѣркою для всего человѣчества и свои собственныя понятія о добрѣ и справедливости—единственно вѣрными понятіями." Поэтому современный судья, по мнѣнію Маньо, приноситъ съ собой всѣ достоинства и недостатки своего происхожденія. Онъ человѣкъ общественнаго класса, человѣкъ касты. Въ то время, какъ передъ его трибуналомъ развертываются и проходятъ картины ужаснѣйшихъ жизненныхъ драмъ, полныя человѣческихъ лишеній, горя и страданій, онъ далекъ отъ того, чтобы вложить въ свою тяжелую дѣятельность все свое сердце и всѣ силы своего духа. Онъ предпочитаетъ замкнуться въ холодность и величественность, которыя ему подсказываются предразсудками его касты.

И никогда ему не приходитъ мысль, что, быть можетъ, появляющіеся передъ нимъ несчастные только жертвы несправедливостей общественнаго договора. Если же случайно судья когда-либо произноситъ надъ такими преступниками приговоръ, не отмѣченный тою холодною жестокостью, которая составляетъ принадлежность обычнаго

правосудія, то такой приговоръ „пророками изъ высшихъ классовъ“ отмѣчается названіемъ „туманной гуманности“, „идіотской чувствительности“ и „нарушеніемъ закона“.

Не столько необходима реформа законовъ,—справедливо замѣчаетъ Маньо—„сколько необходима реформа воззрѣній тѣхъ, которые истолковываютъ законы, потому что: сколько стоитъ судья, столько стоитъ законъ“.

Очевидно, прибавляю я отъ себя, что съ ходомъ развитія политическаго общества или (что то же) военнаго государства за счетъ общинно-родового быта, измѣняются и тѣ чувства, которыя служатъ основою взаимныхъ отношеній людей, объединяющихся въ общественные союзы, и выдвигаются на первый планъ связи классовыя, покоящіяся на единствѣ классовыхъ интересовъ.

Возвращусь ко временамъ отдаленнаго прошлаго. Отмѣчу при этомъ тотъ фактъ, что съ утратой самостоятельности отдѣльныхъ родовъ, съ объединеніемъ ихъ въ разроставшіеся племенные союзы, съ развитіемъ и укрѣпленіемъ въ послѣднихъ власти князей или царей-военноначальниковъ, имѣющихъ право творить судъ непосредственно или черезъ своихъ уполномоченныхъ не только въ военное время, какъ прежде, но и въ мирное—междуродовыя войны, сохранявшіяся очень долгое время въ качествѣ переживаній, становятся особенно неудобны и опасны для интересовъ междуплеменныхъ войнъ и соединенныхъ съ ними нападеній и защиты.

Поэтому князья, военноначальники, цари, эти представители военной власти нарождавшагося государства, постепенно присваиваютъ и развиваютъ право заповѣдывать внутренній міръ и блюсти за его сохраненіемъ.

Съ установленіемъ и развитіемъ этого учрежденія, съ которымъ мы встрѣтимся въ значительно позднѣйшія времена, въ понятіяхъ о преступленіи и наказаніи происходитъ существенное измѣненіе. Къ прежнимъ основнымъ элементамъ этихъ понятій присоединяются, на нихъ наслояются и съ ними спаиваются новые: понятіе о нарушеніи запретовъ общественной власти и понятіе о преслѣдованіи за это нарушеніе не только по частной иниціативѣ, но и по велѣніямъ представителя этой общественной власти.

7.

Такъ постепенно совершалось превращеніе народнаго обычья, развившагося изъ постановленій общественныхъ собраній, сначала въ

„неписанный“, а потомъ и въ писанный законъ, и постепенный переходъ общинно-родового общества—въ военное государство и царившее въ немъ государствованіе. Каждое изъ такихъ обществъ, разъ образовавшись, стремилось къ дальнѣйшему расширенію и подчиненію сосѣдей.

Наиболѣе пышняго расцвѣта эта форма общественнаго союза достигаетъ въ древней воинственной Римской Имперіи, которая наложила глубоко врѣзавшуюся печать на все послѣдующее развитіе позднѣйшихъ государствъ, до нашего времени включительно, и которая, будучи „великой хищницей“, всегда осуществляла по отношенію къ своимъ сосѣдямъ свою эмблему волчицы, пока сама не выродилась, подъ вліяніемъ пагубно дѣйствовавшихъ условій своей собственной дѣятельности.

Присоединенія чуждыхъ племенъ первоначально представляли внѣшній, поверхностный и военный характеръ. Побѣдители большею частью довольствовались, какъ, напримѣръ, наши Игорь и Ольга, наложеніемъ даней, различными поборами, поставками войскъ и т. п. и не имѣли понятія о средствахъ установленія болѣе прочной власти. Внутренняя жизнь покоренныхъ оставлялась побѣдителями неприкосновенной, и старые мѣстные обычаи попрежнему продолжали опредѣлять взаимныя отношенія въ средѣ покоренныхъ.

Таковъ былъ порядокъ во всѣхъ древнихъ монархіяхъ. „За исключеніемъ Римской Имперіи“, говоритъ Мэнъ, „отдѣльная мѣстная жизнь маленькихъ обществъ, входившихъ въ составъ этихъ обширныхъ государствъ, не была уничтожена или даже подавлена въ слишкомъ значительной степени“.

Иную картину представляетъ намъ Римъ. Еще задолго до начала обширныхъ завоеваній въ нѣдрахъ самого будущаго царственнаго города велась упорная борьба между патриціями и плебеями, въ которой выработался и закалился сплоченный правительствующій классъ, со своимъ органомъ — сенатомъ и съ цѣлой массой легистовъ—толкователей закона.

Съ такой надежной подготовкой выступилъ Римъ на арену завоеваній, сопровождавшихся образованіемъ множества провинцій, представлявшихъ собою собственность Рима.

Опытный римскій сенатъ и ученые легисты не удовольствовались наложеніемъ дани и поставкой войскъ. Они заявили притязаніе на подчиненіе себѣ всѣхъ проявленій правовой жизни провинцій. Изъ Рима присылались проконсулы и преторы, окруженные служилыми людьми и легистами.

Съ ними приходили и представители денежной аристократіи Рима, преслѣдовавшіе въ провинціяхъ свои денежные интересы. Первые были представителями великаго Рима, представителями центра, изъ котораго исходили различныя повелѣнія, а вторые — представителями его экономической политики, направленной къ обезпеченію роскошнаго существованія незначительнаго правящаго меньшинства за счетъ громаднаго большинства обездоленныхъ и покоренныхъ.

„Это была первая великая власть“ говоритъ Мэнъ, „которая не только облагала налогами, но и издавала законы. Въ окончательномъ результатѣ, громадная масса обычныхъ правилъ была уничтожена и замѣнена новыми учрежденіями. Съ этой стороны Римская Имперія вѣрно описывается въ пророчествѣ Даніила: „она пожирала, раздробляла на куски и попирала остатки своими ногами“.

Государство Римское и его территорія остались неизмѣнными. Съ каждымъ новымъ завоеваніемъ расширялась только власть этого государства и принадлежащая ему область. Покоренные не входили въ государство Римское, и только подпадали подъ его власть. Римъ зналъ исключительно сдавшихся (deditii) и союзниковъ.

Первые по формулѣ сдачѣ отдавали народу римскому „свои личности, свои стѣны, свои земли, свои воды, свои храмы, своихъ боговъ“. Этимъ актомъ они отказывались отъ всякаго самостоятельнаго политическаго существованія и всецѣло подчинялись произвольной власти посланца великаго Рима.

Вторые, т. е. союзники, формально сохраняли свои муниципальныя учрежденія, законы, магистратуру, судеи и проч., но обязывались, „дружелюбно хранить величіе народа римскаго“. Этой формулой и устанавливалась ихъ тяжелая зависимость отъ того же великаго Рима, по отношенію къ которому они были только peregrini или чужаки, или почти тѣ же непріятели. Образовавъ провинцію, Римъ посылалъ въ нее одного изъ своихъ гражданъ. Ему на опредѣленный срокъ передавалась власть Рима надъ провинціей, и онъ олицетворялъ для нея величіе вѣчнаго города. Онъ былъ полновластный правитель. Ему принадлежала военная, финансовая, судебная и даже законодательная власть. Пріѣзжая въ управляемую страну, онъ издавалъ эдиктъ, которымъ и устанавливалъ правила, долженствовавшія регулировать жизнь провинціи. Кончался срокъ его управленія, являлся новый управитель, а съ нимъ появлялся и новый эдиктъ.

Обжаловать его дѣйствія, его злоупотребленія передъ гражданскими учрежденіями великаго Рима провинціалы не могли, если только не находили римскаго гражданина, пожелавшаго явиться его

защитникомъ. Римскіе законы и учрежденія для римскихъ гражданъ, а не для провинціаловъ. Въ провинціи все—явленія факта. Въ глазахъ римскаго юриста провинціалъ не имѣетъ ни власти мужа, ни отца. У него нѣтъ права настоящей собственности, а только владѣніе и пользованіе. Принципіально провинціалы находились какъ бы внѣ права, а въ дѣйствительности жили такъ, словно находились въ его обладаніи. Такова была римская система управленія, наложившая глубокую печать на послѣдующее время.

Между тѣмъ съ теченіемъ времени въ самомъ міровомъ правительственномъ центрѣ произошли важнѣйшія перемѣны. Мѣсто власти сената и народныхъ собраній заняла военная власть императора, окруженнаго служилыми людьми и учеными легистами. Императоры сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ виды власти и уничтожили различіе между Римомъ и провинціями. Все населеніе имперіи слилось тогда въ одну массу римскихъ гражданъ, а всѣ составлявшія ее части—въ одинъ военною рукою созданный политическій организмъ.

Все стало централизоваться по направленію къ Риму, изъ котораго исходили толчки, направлявшіе всю чрезвычайно сложную и, какъ увидимъ далѣе, въ это время глубоко портившуюся машину. Законодательство стало декретироваться изъ центра и развиваться помощью толкованій легистовъ, которые оттѣснили народный элементъ въ образованіи права.

При такихъ условіяхъ законъ явился преимущественно выразителемъ стремленій и интересовъ меньшинства, т. е. высшихъ классовъ въ общественной іерархіи, которые, при посредствѣ выдѣляемыхъ ими изъ своей среды служилыхъ людей, участвовали въ управленіи.

8.

Рабство—этотъ пагубный плодъ военныхъ враждебныхъ столкновеній и человѣческаго неразумѣнія, вліяніе котораго, какъ громкій отголосокъ старины, какъ переживаніе, тягостно даетъ о себѣ знать и до нашихъ дней современному образованному человѣчеству, нигдѣ не достигало такого количественнаго и качественнаго развитія, какъ въ Римѣ.

Рабовъ доставляли многочисленные несостоятельные должники различныхъ цѣпкихъ ростовщиковъ, люди захватывавшіеся, и потомъ продававшіеся въ рабство расплодившимися пиратами, военноплѣнные различныхъ инородческихъ царьковъ, ими торговавшихъ, и,

наконецъ, военноплѣнные самого народа римскаго, во время грандіозныхъ завоевательныхъ войнъ котораго военноплѣнные, превращавшіеся въ рабовъ, если не имѣли достаточныхъ средствъ на выкупъ, захватывались во множествѣ, вслѣдствіе чего цѣна на нихъ въ лагерѣ падала, иногда, какъ напримѣръ въ лагерѣ Лукулла, до 4 драхмъ (около 4 франковъ) за штуку. Отсюда въ царственный городъ послѣ побѣдоносныхъ войнъ рабы стекались въ громадномъ количествѣ. Они закованные направлялись отъ различныхъ границъ къ берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей, въ опредѣленные города, гдѣ ожидали ихъ скупщики и направляли въ Италію. Цифру рабовъ, доставленныхъ однимъ Цезаремъ, опредѣляютъ до 2 милліоновъ.

Высшіе классы занимались войной и управленіемъ, ведя образъ жизни, который впослѣдствіи привелъ къ общему упадку, а вся производительность государства покоилась на невольничьемъ трудѣ презираемыхъ, но многочисленныхъ familia rustica и familia urbana. Домашнія животныя, входившія въ составъ этихъ фамилій, были „тысяча противъ одного“, какъ замѣчаетъ Луазелеръ (Loiseleur — „Les crimes et les peines dans l'antiqnité et dans les temps modernes“).

Въ ряды рабства попадали люди самыхъ различныхъ національностей, различныхъ культовъ, нравовъ и профессій. Изъ болѣе культурныхъ странъ древняго міра въ значительномъ числѣ прибывали весьма образованные люди. Существовали также предприниматели, обучавшіе безремесленныхъ рабовъ различнымъ ремесламъ и занятіямъ и потомъ продававшіе ихъ. Вообще, торговля рабами была чрезвычайно развита, составляла важную отрасль промышленности и для многихъ служила средствомъ обогащенія.

Несчастные рабы, лишенные родины, имущества, свободы и всякихъ правъ, гибли во множествѣ. Одни, болѣе строптивые, предавались смерти ихъ владыками, другіе бѣжали и образовывали разбойничьи и пиратскія шайки, третьи гибли во время побѣговъ отъ различныхъ случайностей, четвертые истощались въ различныхъ тяжелыхъ работахъ, но нѣкоторые, болѣе способные, приспособлялись, пріобрѣтали лучшее положеніе и даже свободу въ качествѣ вольноотпущенниковъ.

Въ глазахъ римлянъ рабы были не болѣе, какъ вещи и при томъ довольно презрѣнныя. Первоначально по отношенію къ нимъ не было преградъ для воли и прихоти собственника. „Res non persona“; „Non tam vilis quam nullus“; „in servum nihil non domino licere“— таковы положенія, опредѣлявшія отношенія римлянина къ домашнему рабочему животному, къ рабу.

Не было жестокости, недозволенной по отношенію къ рабу. Его

показаніе могло имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если оно было получено подъ пыткою. Казнь для него—распятіе. Sestertium—мѣсто для такихъ казней, находившееся за городомъ, представляло лѣсъ крестовъ. Смрадный запахъ, рой хищныхъ птицъ, стоны и проклятія пригвожденныхъ рабовъ, медленно умиравшихъ мучительной смертью—вотъ обстановка этого ужаснаго мѣста, надъ которымъ тяготѣло проклятіе.

Неудивительно, что римлянинъ говорилъ: „Сколько рабовъ, столько враговъ“ („Tot servi, tot hostes“). И этотъ врагъ мстилъ и, наконецъ, какъ увидимъ далѣе, вполнѣ отомстилъ за причинявшіяся ему безчеловѣчныя мученія. Рабъ, ожесточаясь и развращаясь самъ, ожесточалъ и развращалъ и своего господина

Примѣнявшіяся къ нему, для него изобрѣтавшіяся, жестокія пытки и казни впослѣдствіи перешли на свободныхъ, породили послѣдующія варварскія мѣры борьбы съ преступленіемъ и перенесли на преступника все безчеловѣчье отношеній къ рабу.

9.

Впрочемъ, существовала и другая наказуемость, предназначенная вліять въ томъ же направленіи обезчеловѣченія послѣдующихъ наказаній—это область наказуемости воиновъ. Ея источникъ общъ съ источникомъ рабства, а потому неудивительно, что общъ и характеръ примѣнявшихся мѣръ. Этотъ общій нечистый источникъ—война, военныя кровавыя столкновенія.

И нигдѣ, быть можетъ, вредоносность войнъ, благодаря возможности непосредственнаго сопоставленія и сравненія, не выступала съ большей ясностью, какъ въ сферѣ наказуемости.

Въ то время, какъ личность римскаго гражданина была неприкосновенна и священна, личность римскаго воина, находившагося подъ знаменами, не пользовалась гарантіями. Право жизни и смерти находилось въ рукахъ полководца-предводителя.

Законъ Порція Катона ограждалъ личность римскаго гражданина и воспрещалъ магистратамъ подвергать гражданина за что бы то ни было какимъ-либо тѣлеснымъ наказаніямъ, казни и отдачѣ въ рабство. Вотъ почему Цицеронъ могъ восклицать, обвиняя Верреса: „заковать римскаго гражданина—это преступленіе, бичевать его—это злодѣяніе; предать его казни—это почти отцеубійство, но пригвоздить его къ кресту... нѣтъ словъ, чтобы характеризовать такое гнусное дѣяніе“.

„Мы унаслѣдовали отъ нашихъ предковъ, что римскій гражданинъ не можетъ утратить свободы и правъ гражданства, если самъ не откажется отъ нихъ“.

Судить и осудить гражданина могъ только народъ — народное собраніе. Но и въ случаѣ осужденія, для примѣненія наказанія считалось нужнымъ создать фикцію, что полноправный римскій гражданинъ уступилъ свое мѣсто рабу по закону, къ которому и примѣняется наказаніе.

Мало того — и это заслуживаетъ особаго вниманія — смертная казнь была въ Римѣ мѣрой экстраординарной (extra ordinem) и какъ таковая она могла налагаться не всякимъ народнымъ собраніемъ. Народъ, собранный въ комиціи трибутныя (Comitia Tributa), былъ связанъ, какъ справедливо указываетъ Мэнъ, понятіемъ неприкосновенности, какою религія и законъ облекали римскаго гражданина „въ стѣнахъ города“, т. е. внѣ пребыванія подъ знаменами, когда онъ изъ гражданина становился рабомъ военной дисциплины. И, конечно, поэтому по отношенію къ трибутнымъ собраніямъ существовалъ принципъ, что они, какъ представители мирнаго гражданскаго порядка, гражданской свободы и неприкосновенности личности, „могли, по большей мѣрѣ, налагать только денежныя пени“.

Для примѣненія экстраординарныхъ мѣръ, какими являлись мѣры, отнимавшія естественную или гражданскую жизнь, необходимо было центуріатное народное собраніе или собраніе народа въ комиціяхъ центуріатныхъ (Comitia Centuriata).

Этотъ видъ народныхъ собраній былъ представителемъ государства во всемъ, что касалось военнаго дѣла. Это собраніе „было облечено всѣми тѣми правами, которыя предполагаются присущими полководцу, командующему арміей, и, въ числѣ ихъ, властью налагать на преступника то же самое наказаніе, которому подвергается солдатъ за нарушеніе дисциплины“.

Таково было положеніе гражданина — этого прямого потомка прежняго сородича. Инымъ представлялось положеніе членовъ арміи. Ихъ не ограждалъ законъ Порція. По отношенію къ нимъ мѣсто закона замѣняли усмотрѣніе и воля полководца. Наказанія воиновъ устанавливались обычаемъ, который впослѣдствіи подтвержденъ императорскими законами, но самое назначеніе и примѣненіе наказанія къ воину – это усмотрѣніе и воля предводителя—военноначальника, который не былъ стѣсненъ, какъ комиціи трибутныя, наложеніемъ только денежной пени.

Здѣсь, въ лагерѣ, подъ знаменами, имѣли мѣсто, за болѣе тяж-

кія нарушенія военной дисциплины: наводившая ужасъ децимація, состоявшая въ примѣненіи къ каждому десятому воину, безъ разбора, по указанію жребія, жесточайшаго бичеванія съ послѣдующимъ отсѣченіемъ головы; бастонада или заколачиваніе на смерть виноградными лозами или камнями, а также бичеваніе съ послѣдующей продажею въ рабство.

Итакъ, пока человѣкъ разсматривался, какъ гражданинъ общества — его личность неприкосновенна, и онъ отвѣчалъ только пенею. Когда же онъ становился на почву военнаго права — онъ какъ бы приравнивался къ рабу—военноплѣнному, становился безправнымъ, и къ нему примѣнялись соотвѣтствующія мѣры, мѣры жесточайшихъ насилій, до потери жизни включительно. Интересно отмѣтить, что сила переживанія все еще сохраняетъ и до нашихъ дней довольно ясные слѣды старины въ этой области.

Въ императорскій періодъ экстраординарный прежде порядокъ становится ординарнымъ, военное право распространяется на всю государственную жизнь, а съ тѣмъ вмѣстѣ военно-карательныя мѣры широко входятъ въ употребленіе, начинаютъ примѣняться жесточайшія казни: сожженіе заживо, отдача на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, распятіе и т. д., при чемъ, какъ въ лагерѣ, подъ знаменами, на первый планъ выступаетъ понятіе о нарушеніи запретовъ власти военноначальника-императора, а съ тѣмъ вмѣстѣ прежнее понятіе объ обидѣ только, о вредоносномъ дѣйствіи, эволюціонируетъ въ позднѣйшее, болѣе сложное понятіе о преступленіи.

Вдумавшись во все сказанное, нельзя, кажется, не согласиться съ Летурно, „что грандіозный, но безнравственный примѣръ Рима былъ достаточенъ, чтобы развращать націи, которыя за нимъ слѣдовали и прививать имъ склонность къ крови, убійствамъ, военнымъ грабежамъ“ и—прибавлю я—къ пыткамъ и жесточайшимъ казнямъ.

10.

Съ наплывомъ варваровъ и гибелью имперіи, казалось бы, все должно было измѣниться. На сцену выступили новые люди и новые нравы. Дѣйствительность, однако, сказала противное. Варвары слишкомъ долго жили на границахъ имперіи и близко съ нею сталкивались, чтобы не воспользоваться готовымъ образцомъ, который окруженъ былъ ореоломъ величія. Имперія старательно и систематически развращала ихъ подкупами и насажденіемъ различныхъ пороковъ.

Она противопоставляла одни племена другимъ, возбуждала между ними вражду, войны и грабежи. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще задолго до начала движенія германцы стали пополнять ряды римской правительственной знати и занимать высшія правительственныя должности. Ихъ вожди получали титулы патриціевъ, и имъ воздвигались статуи въ городахъ имперіи. Германцы наполняли императорскія войска и толпились при императорскомъ дворѣ.

Неудивительно, что при такихъ тѣсныхъ связяхъ и близкомъ общеніи, варвары вполнѣ подчинялись вліянію образованнаго Рима, но, какъ это бываетъ всегда при такихъ положеніяхъ, подчинялись преимущественно въ худшемъ. „Вы лучшее украшеніе всего королевства“, писалъ Теодорихъ императору Анастасію, „вы благодѣтельный покровитель всего міра, которому справедливо подчиняются остальные властители, признавая за вами нѣчто особенное. Наше владычество есть подражаніе вашему, снимокъ съ благороднаго образца“.

Латинскій языкъ и римское право получили у варваровъ права гражданства и оказали глубокое вліяніе на структуру новѣйшихъ государствъ, на весь строй ихъ жизни, и законодательство пошло въ нихъ тѣмъ же путемъ, какой выработался въ Римѣ. Передъ римскимъ правомъ, развивавшимся на почвѣ войны, военныхъ захватовъ, эксплоатаціи и завоеваній, и передъ римскою культурою варвары преклонялись, какъ передъ высшимъ образцомъ, стоявшимъ выше критики, и на покореннаго творца этого права и культуры—народъ Римскій—варвары смотрѣли, какъ на создателя „благоустройства, образованія, добрыхъ нравовъ и художествъ мира“. Однимъ изъ яркихъ образцовъ этого преклоненія можетъ служить отношеніе къ Риму высоко-образованныхъ грековъ. Они не питали къ нему той ненависти, которую обычно питаютъ покоренные къ своему покорителю. Они удивлялись и благоговѣли передъ нимъ. Они по собственному влеченію посвящали ему культъ и воздвигали храмы, какъ „божеству“.

„Въ Италіи варвары“, по справедливому указанію проф. Муромцева, „застали развитую систему экономическихъ отношеній, основанную на распредѣленіи всѣхъ недвижимостей и движимостей въ частную собственность. Они не пытались сломить эту систему, но, напротивъ, прилаживали къ ней свои собственныя отношенія, выливавшіяся до этого въ формы общинной собственности, со всѣми послѣдствіями, вытекавшими изъ этой формы, которая, благодаря такому приноравливанію, постепенно разрушалась и сходила со сцены“.

Церковь, съ ея обширно развитымъ судомъ, со своей стороны и

въ своихъ имущественныхъ интересахъ, могущественно содѣйствовала разложенію прежняго строя и усиленію вліянія римскаго права, дѣятельно изучавшагося монахами и клирикамн. А мы отчасти уже знаемъ, на какой почвѣ и среди какихъ учрежденій развивалось это право. Вліяніе его ясно можно видѣть, между прочимъ, и на примѣрѣ народовъ нашего славянскаго племени. Въ то время, какъ въ Польшѣ, Богеміи, Каринтіи и Крайнѣ, сильно подпавшихъ, черезъ посредство германцевъ, подъ вліяніе этого права, общинный строй исчезъ еще въ средніе вѣка, у южныхъ славянъ, не испытавшихъ такого вліянія и подпавшихъ подъ власть турокъ, „задружный“ строй сохранился и до нашихъ дней.

Въ образовавшихся же на развалинахъ Римской Имперіи варварскихъ государствахъ скоро появился по образцу Рима вліятельный классъ легистовъ, дѣйствовавшихъ въ централизующемъ направленіи, что особенно рѣзко сказалось во Франціи.

„Есть много основаній думать“, замѣчаетъ Мэнъ, „что римская имперія послужила источникомъ тѣхъ вліяній, которыя, немедля или въ концѣ концовъ, привели къ образованію государства съ сильною централизаціею и развитою законодательною дѣятельностью“.

Слѣдствіемъ этого, какъ и въ Римѣ, было постепенное оттѣсненіе народнаго элемента. „Законодательство въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ“, говоритъ Мэнъ, „повидимому, повсемѣстно шло рядомъ съ разрушеніемъ мѣстныхъ обычаевъ. Въ Англіи мы можемъ ясно видѣть, что королевскіе законы и королевскіе суды вели постоянную борьбу съ мѣстными законами и мѣстными судами и что вслѣдъ за побѣдою, одержанною королевскими законами, явился длинный рядъ парламентскихъ актовъ, основанныхъ на ихъ принципахъ. Весь этотъ процессъ не можетъ быть названъ иначе, какъ законодательною дѣятельностью, которая становилась все болѣе и болѣе энергичною до тѣхъ поръ, пока разнообразные законы страны не были совершенно уничтожены и древніе обычаи независимыхъ общинъ не обратились въ обычаи помѣстій или въ простые обряды, не санкціонированные закономъ“.

Это направленіе достигло своего крайняго развитія въ теоріи, Людовика XIV, по мнѣнію котораго „во Франціи нація не составляетъ государства—все государство заключается въ особѣ короля“. Такая теорія высказана въ „Cours de droit public de la France composé par ordre de Louis XIV, sous l'inspection de M. de Forci, pour l'instruction du duc de Bourgogne“.

Въ этой теоріи идея регулированія всѣхъ проявленій народной

жизни и всей дѣятельности громаднаго политическаго цѣлаго изъ единаго общаго центра и единою волею проявилась во всей ея полнотѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, стремленіе къ объединенію въ одно обширное сплоченное цѣлое, въ видахъ наиболѣе успѣшнаго нападенія и защиты, стремленіе, явившееся результатомъ военныхъ столкновеній и послужившее первичнымъ толчкомъ и побужденіемъ къ сліянію въ одно цѣлое суверенныхъ родовъ, при этомъ достигло своего полнаго осуществленія. Въ знаменитомъ сочиненіи Гоббса „Левіафанъ“ (1651) эта теорія и это стремленіе получили даже философское обоснованіе. Человѣкъ изображается въ немъ, какъ существо, лишенное общественныхъ инстинктовъ, какъ существо исключительно эгоистическое, способное только насиловать другихъ людей, совершать всевозможныя преступленія ради своихъ узко-эгоистическихъ интересовъ и тѣмъ самымъ создавать общественное состояніе, характеризующееся выраженіемъ „борьба всѣхъ противъ всѣхъ“.

И вотъ, чтобы избѣжать этого внушающаго ужасъ хаотическаго состоянія общей борьбы, люди вступаютъ въ договоръ подвластности, по которому власть вручается сильнѣйшему для обузданія всѣхъ остальныхъ и управленія ими. Такъ возникаетъ государство, которое представляется всепожирающимъ чудовищемъ, уничтожающимъ хаосъ первобытнаго состоянія. И нельзя не признать, что эта теорія Гоббса, не будучи правильной въ своихъ основахъ, ярко отражала въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, многія явленія исторической дѣйствительности.

11.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ повсюду царили неустойчивость, безпорядокъ, полное отсутствіе безопасности, постоянныя войны, угнетеніе, безправіе, вызвавшее къ жизни тайныя ассоціаціи съ ихъ тайными судами. Владѣлецъ—сеньоръ признавалъ для себя только „права безъ обязанностей, а для крѣпостныхъ—однѣ обязанности безъ правъ“. Крѣпостные были лишены права удаляться изъ помѣстья, къ которому они принадлежали. Ихъ бѣгство влекло за собой жестокія наказанія, до смертной казни включительно. Такимъ же наказаніямъ подвергались и помогавшіе имъ въ бѣгствѣ. Крѣпостные могли заключать браки только въ предѣлахъ помѣстья, и если послѣднее принадлежало нѣсколькимъ владѣльцамъ, то дѣти крѣпостныхъ дѣлились между совладѣльцами и т. д.

Съ тѣмъ вмѣстѣ шла борьба римскаго права, въ которомъ видѣли

высшій идеалъ и „писанный разумъ“ (ratio scripto), съ правомъ обычнымъ, національнымъ, и борьба частной расправы съ публичнымъ наказаніемъ, налагаемымъ государственной властью. При этомъ долгое время сосуществовали, съ одной стороны, новыя формы —различныя тѣлесныя наказанія, а съ другой—частныя войны и композиціи, въ качествѣ пережитковъ, постепенно отходившихъ въ область прошлаго.

Вытѣсненіе старыхъ формъ не всюду происходило одинаково быстро. Въ городахъ прежде, нежели въ глухихъ мѣстахъ, въ болѣе централизованныхъ государствахъ скорѣе, нежели въ странахъ съ значительно развитыми партикуляристическими стремленіями. Пайкъ не безъ основанія полагаетъ, что самое разбойничество этого времени, организовавшееся въ обширныя шайки, было не болѣе, какъ сильнымъ отзвукомъ существовавшихъ въ предшествующій періодъ междуродовыхъ войнъ.

Но на какой бы долгій срокъ ни затягивался процессъ борьбы стараго съ новымъ—исходъ его предопредѣляется самыми условіями жизни, которыя во второмъ періодѣ были существенно отличны отъ условій общественной жизни перваго періода.

И вотъ, съ постепенно все большимъ разложеніемъ кровнородовыхъ союзовъ, которые прежде являлись, съ одной стороны, субъектами, а съ другой—объектами того, что теперь называется уголовнымъ правомъ: съ переходомъ общеродовой собственности и такого же хозяйствованія въ семейно-индивидуальныя; съ появленіемъ, въ атмосферѣ постоянныхъ войнъ, передвиженій, погромовъ и насилій, множества „безроднаго“, выбитаго изъ колеи, бродяжествующаго и нищенствующаго люда, лишеннаго всякой собственности, стремившагося добывать себѣ средства существованія всевозможными способами и въ томъ числѣ разбоемъ и грабежомъ по большимъ дорогамъ и проч.; съ постепеннымъ развитіемъ городовъ и наплывомъ въ нихъ бездомнаго темнаго люда, образующаго собой поистинѣ несчастные классы общества, извѣстные въ наше время подъ именемъ опасныхъ и преступныхъ классовъ (classes dangereuses et criminelles),—постоянно исчезали, по меньшей мѣрѣ въ извѣстныхъ слояхъ общества, тѣ условія, которыя въ прежнее время вызывали къ жизни междуродовые войны и выкупы. У нарушителя внутренняго мира и запретовъ власти не было прежнихъ защитниковъ-отвѣтчиковъ, дѣйствовавшихъ „за единъ братъ“, не было у него и общеродового имущества. Появился человѣкъ, которому терять было нечего и который въ государствѣ, въ сущности, былъ не гражданинъ, а какой-то парій,

Заповѣдывавшая внутренній миръ, постепенно развивавшаяся государственная власть, стремясь къ подчиненію себѣ, по возможности, всѣхъ сторонъ общественной жизни, пользовалась происходившими измѣненіями и постепенно замѣщала выкупы устрашающими тѣлесными наказаніями.

Замѣщенія происходили не сразу. Такъ, напримѣръ, разбойничество и грабительство на большихъ дорогахъ, какъ дѣянія особенно опасныя и составлявшія язву того времени, рано (въ VI вѣкѣ) были изъяты изъ числа преступленій, допускавшихъ выкупъ. Виновники этихъ преступленій предавались казни, а ихъ жены-соучастницы подлежали сожженію живьемъ. За разбоемъ и грабежомъ постепенно слѣдовали и другія преступленія, исключавшіяся изъ числа выкупаемыхъ.

12.

Наказанія, назначавшіяся за преступленія, изъятыя отъ выкуповъ, носили на себѣ отпечатокъ грубости и жестокости времени, въ которое они примѣнялись и которое было достойнымъ наслѣдникомъ Рима. Висѣлицы, костры, колесованія, четвертованія, зарыванія живьемъ въ землю, кипяченія въ маслѣ, разрѣзанія на куски, выкалыванія глазъ, обрѣзанія ушей, клейменія и проч., а предварительно—жесточайшія пытки,—вотъ обычныя мѣры борьбы съ преступленіемъ того времени.

„Я убѣжденъ“, говоритъ Григорій Турскій (540—594) о пыткахъ клерка Рикульфа, „что никакой неодушевленный предметъ, никакой металлъ не могли бы противостоять всѣмъ тѣмъ терзаніямъ, которыя вынесъ этотъ несчастный“.

Развивавшаяся власть стремилась къ одному: устрашить, терроризировать, „чинить жестокое наказаніе, чтобы, смотря на то, другимъ такъ дѣлать не повадно было“, какъ говорило наше Соборное Уложеніе (1649). И для достиженія этого „чтобы не повадно было другимъ“ изощрялись въ жестокостяхъ, выставлявшихся на всенародный показъ, въ жестокостяхъ, которыми, какъ училъ и учитъ опытъ, достигался, при наличности производящихъ причинъ, совершенно противоположный результатъ—огрубѣніе и ожестэченіе нравовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и преступности, какъ необходимо и должно быть при существованіи тѣснѣйшей связи между нею и нравами.

Профессоръ краснорѣчія XV вѣка и библіотекарь императора Максимиліана I, Конрадъ Цельтъ (Conrad Celtes), описавъ яркими, но

мрачными красками жесточайшія наказанія преступниковъ того времени въ Германіи и не менѣе жесточайшія казни преступницъ, заканчиваетъ словами: „Всѣ эти наказанія и всѣ эти пытки не препятствуютъ имъ нанизывать преступленіе на преступленіе: ихъ развращенный умъ болѣе плодовитъ на придумываніе злодѣяній, нежели умъ ихъ судей на придумываніе мученій, которыя имъ соотвѣтствуютъ“.

Церковь того времени, усвоившая начала римскаго права и одно время (до XIII вѣка) сосредоточивавшая въ своихъ рукахъ почти весь уголовный судъ, почти не вліяла въ направленіи смягченія совершавшихся ужасовъ.

„Послѣ апостоловъ“, говоритъ святой Іеронимъ (330—419), „церковь процвѣтала благодаря гоненіямъ; кровь мучениковъ являлась сѣменемъ вѣры. Во времена христіанскихъ императоровъ церковь пріобрѣла имущество и почетъ, но она обѣднѣла въ добродѣтели“. „Епископы говорятъ какъ апостолы, а живутъ какъ принцы вѣка. Они проповѣдуютъ бѣдность и крестъ Христа, а стремятся только къ суетѣ и плотскимъ наслажденіямъ“.

Надо сказать, что при христіанскихъ императорахъ епископы, пользуясь своей близостью къ нимъ и живостью вѣры въ ту эпоху, легко обогащали свои церкви и самихъ себя. Императоръ Констан-тинъ разрѣшилъ вѣрующимъ завѣщать свои имущества церквамъ въ ущербъ собственнымъ семьямъ. Клирики не замедлили воспользоваться даннымъ разрѣшеніемъ. Тогда потекли обильные пожертвованія и отказы, причемъ жертвователи мотивировали свои дары желаніемъ „выкупить свою душу“, получить „отпущеніе грѣховъ“ и „вѣчную награду“ и проч.

Вскорѣ уже сами императоры должны были принять нѣкоторыя ограничительныя мѣры для устраненія происходившихъ злоупотребленій. Императоръ Валентиніанъ эдиктомъ на имя епископа Римскаго воспретилъ монахамъ и священникамъ посѣщать жилища вдовъ и дѣвственницъ и лишилъ ихъ права получать пожертвованія и отказы отъ ихъ духовныхъ дочерей. Касаясь этого запрещенія, св. Іеронимъ говоритъ: „Я не сожалѣю, что оно послѣдовало, но я печалюсь о томъ, что мы его заслужили“.

Съ накопленіемъ церковныхъ имуществъ епископы и стали „жить какъ принцы вѣка“, ничѣмъ отъ нихъ не отличаясь. Развилась продажность клерикальныхъ должностей. Съ тѣмъ вмѣстѣ епископы нерѣдко стали назначаться представителями свѣтской власти изъ свѣтскихъ людей въ награду за военныя и административныя заслуги.

Неудивительно поэтому, что служители церкви, будучи вполнѣ сынами своего грубаго и жестокаго времени, въ общемъ не дѣйствовали въ истинномъ духѣ исповѣдываемаго высокаго ученія мира, любви и всепрощенія. Они сами часто совершали всевозможныя жестокія насилія, и цѣлые приходы, какъ указываетъ Пайкъ, нерѣдко бывали сценами частыхъ войнъ церковниковъ.

Церковь лишь формально устранялась, умывая руки, подобно Пилату. Она передавала конечные моменты преслѣдованія въ руки свѣтской власти, въ сферу дѣятельности „свѣтскаго меча“. Но христіанство и церковь, что должно признать, вполнѣ развили одинъ изъ еще ранѣе зародившихся элементовъ понятія преступленія – понятіе грѣха, какъ нарушенія абсолютно благой и всеправедной воли Божества, а также и понятіе очищенія отъ грѣха путемъ нравственнаго искупленія. Этимъ христіанство вполнѣ оттѣнило значеніе внутренней стороны преступнаго дѣянія, какъ дѣянія грѣховнаго въ то же время.

Христіанство признало, что внѣшнее дѣйствіе—только оболочка, способъ проявленія моментовъ внутренней, душевной жизни человѣка. При такомъ взглядѣ значеніе внѣшняго дѣйствія должно было отступать на задній планъ, а на первый планъ выступали внутреннія душевныя движенія, вызвавшія это дѣйствіе. Понятіе грѣха, въ такомъ его содержаніи, вполнѣ охватило и область преступленій. Служители церкви усиленно доказывали ссылками на Священное Писаніе, что преступленія суть въ то же время и нарушенія одной изъ заповѣдей Божьихъ, т. е. грѣхи. Этимъ и подчеркивалось значеніе ихъ внутренней стороны.

Взглядъ этотъ былъ усвоенъ и учеными легистами. Интересный примѣръ представляетъ сочиненіе XIII в., принадлежащее Андрею Хорнъ (André Hornes—„Miroir des justices“). Въ немъ авторъ дѣлитъ всѣ преступленія, по типу грѣховъ, на неотпускаемыя, смертныя, и отпускаемыя. За первыя—смерть, за вторыя—прочія наказанія.

Произошло, такимъ образомъ, полное смѣшеніе понятія грѣха и понятія преступленія, чѣмъ и объясняется относящееся къ болѣе позднему времени замѣчаніе Монтескье, что мученія, назначаемыя за преступленія, по понятіямъ эпохи, должны были быть безконечны, потому что „законы должны отмщать безконечное Существованіе“, заповѣди котораго нарушены. Этимъ путемъ въ религію мира, любви и всепрощенія были занесены понятія возмездія, мести, бывшія присущими, конечно, не самой религіи, а ея грубымъ исповѣдникамъ, сынамъ своего вѣка.

Подъ вліяніемъ церкви измѣнялся, сравнительно съ древнимъ міромъ, идеалъ жизни. Выдвинулся идеалъ аскетическій, монастырскій, борьба съ грѣшной плотью, ея умерщвленіе и очищеніе путемъ лишеній, путемъ искупляющихъ страданій.

Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнилось и пониманіе высшей цѣли бытія. Осуществленіе этой цѣли переносилось въ иной, свѣтлый міръ, находящійся за предѣлами здѣшняго, земного, въ которомъ царитъ грѣхъ, въ которомъ все тлѣнъ и суета. Земная жизнь—это только избѣжный печальный переходъ для подготовленія себя къ новой, высшей жизни. Понятно, какъ такое міросозерцаніе должно было отражаться на взглядѣ и отношеніи къ страданіямъ, назначавшимся въ качествѣ наказанія за содѣянныя преступленія, къ страданіямъ, разсчитывавшимся, по понятіямъ времени, на очищеніе души отъ грѣха - преступленія ради ея искупленія для будущей безгрѣшной жизни.

Подъ вліяніемъ указанныхъ факторовъ, въ области наказуемости была утрачена всякая мѣра въ примѣнявшихся жестокостяхъ. Стремленіе дѣйствовать устрашеніемъ и терроризованіемъ, обусловливавшееся грубостью и глубокимъ невѣжествомъ времени, возникнувъ и установившись однажды, по общему закону природы человѣка, продолжало дальнѣйше развиваться въ разъ избранномъ направленіи уже механически.

Это направленіе, ставъ привычнымъ, не вызывало болѣе, какъ это бываетъ всегда, раздумья, сомнѣній, колебаній. Оставалось увеличивать или уменьшать. И первое, т. е. увеличеніе, долгое время имѣло мѣсто. Стремленіе къ нему, въ качествѣ переживанія, въ большей или меньшей мѣрѣ сохраняется и до нашихъ дней, особенно рѣзко проявляясь въ моменты какихъ-либо общественныхъ потрясеній, когда героическими мѣрами и терроризованіемъ думаютъ достигнуть нравственнаго мира и успокоенія.

Нестѣсняемый произволъ судеи описываемаго времени стремился соразмѣрить и уравновѣсить жестокость назначаемыхъ наказаній съ жестокостью совершавшихся преступленій и для этого комбинировалъ первыя, всячески отягощалъ ихъ и придумывалъ новыя, причемъ злобно-жестокія натуры, развивавшіяся, какъ увидимъ, на почвѣ извращеннаго родового чувства, натуры, съ которыми хорошо знакома современная положительная наука, имѣли полную возможность изощряться и вносить свой вкладъ жестокости въ мрачную область наказуемости.

Арсеналъ героическихъ мѣръ, казалось, былъ исчерпанъ. Пре-

ступность, однако, не уменьшалась, и примѣняемыя средства терроризированія оказывались безсильны оградить общество отъ зла преступленія, которое коренилось въ существовавшемъ строѣ отношеній и его непосредственныхъ, необходимыхъ слѣдствіяхъ.

Таковы результаты и таковъ составъ наслѣдства, завѣщаннаго вторымъ періодомъ въ исторіи уголовнаго права нашему времени. Кое-что и даже, пожалуй, довольно многое уже отпало, изжито; но самые его устои сохраняются еще нетронутыми, и мы, если говорить вообще, все еще не можемъ отдѣлаться вполнѣ отъ наслѣдственно переданныхъ и „всасываемыхъ съ молокомъ матери“ грубыхъ воззрѣній сѣдой старины, которыя все еще глубоко коренятся въ нашихъ чувствахъ, а съ ними и въ мысляхъ.

В.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

1.

Третій періодъ въ области явленій уголовнаго права совпадаетъ съ XVIII вѣкомъ. Началомъ болѣе ясно выраженнаго подготовленія взглядовъ этого вѣка было великое событіе XV вѣка—открытіе Америки Колумбомъ. Это событіе повлекло за собою значительное расширеніе умственнаго кругозора средневѣковаго общества. Оно дало сильный толчекъ развитію сношеній, а съ ними и знаній, и въ значительной мѣрѣ подготовило, благодаря образованію значительныхъ рынковъ, переворотъ въ производствѣ, который, въ свою очередь, ярко отразился и не могъ не отразиться и въ области человѣческой преступности.

Постепенно подготовленный развившимся движеніемъ, восемнадцатый вѣкъ, по свойственному ему міровоззрѣнію, явился рѣзкимъ отрицаніемъ міровоззрѣнія средневѣковаго. Слѣпую вѣру онъ стремился замѣнить знаніемъ. На первое мѣсто онъ поставилъ не чувство, а критическій разумъ, который выдвинулъ вопросъ о правахъ человѣка, какъ такового, и провозгласилъ, но, правда, во время подготовленнаго издалека кроваваго потрясенія, принципы, глубоко согласные съ возвышеннымъ ученіемъ христіанства, нами исповѣдуемаго, принципы свободы, равенства и братства. Къ сожалѣнію, принципы эти, по недостатку нужнаго нравственнаго развитія въ толщахъ общества, все еще не привились къ общественной жизни, какъ полновластно руководящія начала, хотя во Франціи провозглашающія ихъ надписи и украшаютъ всѣ общественныя зданія, не исключая тюремъ, а въ числѣ ихъ еще недавно существовавшую Большую Рокеттъ (Grande Roquette), передъ воротами которой совершались казни

гильотинированіемъ. Тѣмъ не менѣе, одно уже публично-торжественное провозглашеніе этихъ принциповъ, хотя бы въ качествѣ идеала, къ осуществленію котораго въ ближайшемъ будущемъ должно стремиться государство, представляетъ собой крупнѣйшій шагъ впередъ, чреватый послѣдствіями.

Восемнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ широкаго развитія критической философской мысли, для которой строй и условія тогдашней общественной жизни давали изобильную пищу. Въ свою очередь, совокупностью этихъ особенностей строя и условій и была подготовлена сама критическая мысль, ихъ всецѣло отразившая и ихъ впослѣдствіи подточившая.

Къ этому времени, требовавшія громадныхъ жертвъ и усилій постоянныя воіны и столкновенія, съ одной стороны, и развитіе образованности, торговли и промысловъ, съ другой, породили, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, рѣзкія различія въ общественныхъ слояхъ, ихъ имущественной состоятельности и всемъ образѣ жизни вообще.

На-ряду съ прежними общественными подраздѣленіями народились, чрезвычайно рѣзко во всемъ обозначившіяся, новыя: богачи и бѣдняки, peuple gras et peuple maigre; образованная, богатая, могущественная буржуазія, хорошо вооруженная для борьбы за жизнь въ ея грубыхъ формахъ, съ одной стороны, а съ другой, загнанный и, какъ увидимъ, органически недоразвивающійся и вырождающійся пролетаріатъ, лишенный собственности и вынужденный продавать свои рабочія руки на переполненномъ рынкѣ труда.

Пока этотъ послѣдній классъ былъ сравнительно немногочисленъ, его положеніе не давало ему слишкомъ себя чувствовать: заработокъ былъ достаточенъ для сноснаго существованія. Но продолжавшіяся безпрерывныя войны и развивавшаяся роскошь дѣйствовали въ противоположномъ направленіи, въ направленіи ухудшенія.

Представители государственной власти, обезпечивъ, послѣ долгой внутренней борьбы, свою мощь, превратились изъ защитниковъ народа въ факторы, содѣйствовавшіе ухудшенію его положенія. Значительно возраставшіе расходы двора и государства вызывали увеличеніе сборовъ и налоговъ, падавшихъ всею своею тяжестью на низшіе классы народа. Къ феодальнымъ тягостямъ прибавились тягости королевскія. „Кошелекъ короля“, какъ говорили, „глубокъ, какъ море, какъ всегда зіяющая преисподняя“. Королевскіе налоги на крестьянъ доходили до 55 процентовъ съ доходовъ ихъ земель.

Дворянство и духовенство, имѣвшія въ своихъ рукахъ значительныя имущества, въ качествѣ привилегированныхъ классовъ, были свободны отъ налоговъ. Освобождались и представители буржуазіи, пользуясь своимъ положеніемъ лицъ, занимающихъ общественныя должности, а также и всякими другими способами.

Благодаря такому порядку, вѣрнѣе вопіющему безпорядку, многіе земледѣльцы, отягощенные налогами и поборами, забрасывали свои земли или лишались ихъ представителями фиска. Незадолго до великой революціи одна четвертая часть земель Франціи была заброшена, лежала впустѣ, а по отдѣльнымъ провинціямъ количесто заброшенныхъ земель достигало и половины. Бѣдность прогрессивно росла и распространялась въ царствованія Людовиковъ XIV, XV и XVI и къ 1789 году достигла до крайнихъ размѣровъ.

„Доведенные до ужаснѣйшей нищеты, мы слышимъ только вопли нашихъ голодныхъ семей и мы сожалѣемъ почти, что дали имъ жизнь“—таковы, въ общемъ, были жалобы, которыя слышались при началѣ революціи, и г-жа Ролань основательно утверждала: „Наши крестьяне въ большинствѣ во сто кратъ несчастнѣе, нежели карибы, гренландцы или эскимосы“.

„Государь, Ваши народы умираютъ съ голоду“, писалъ Фенелонъ Людовику XIV еще въ 1693 году, рисуя картину современной ему Франціи, „обработка земель почти заброшена. Города и деревни обезлюживаются. Всѣ ремесла чахнутъ и болѣе не пропитываютъ рабочихъ. Всякая торговля уничтожена. Вы погубили половину реальныхъ внутреннихъ силъ Вашего государства ради внѣшнихъ безполезныхъ побѣдъ. Вмѣсто того, чтобы высасывать деньги изъ этого бѣдняка, слѣдовало бы кормить его и подавать ему милостыню. Теперь вся Франція подобна большому опустошенному госпиталю, неимѣющему запасовъ“.

Вскорѣ послѣ этого письма, въ 1695 году, Michel le Vassor писалъ въ своемъ памфлетѣ: „Деревни почти пусты. Множество людей перемерло отъ голода, бѣдности и массовыхъ болѣзней. Деревни, которыя мы видѣли красивыми и населенными, теперь разрушены и заброшены. Наибольшая часть земледѣльцевъ и мануфактурныхъ рабочихъ доведена до нищенства“.

Число батраковъ и поденщиковъ значительно увеличивалось, усиливалась конкурренція между ними, понижался заработокъ, развивалась безработица и начали усиленно дѣйствовать родныя сестры всего этого—бѣдность и нищета, создававшія многочисленныя толпы бродягъ и нищихъ, контрабандистовъ, грабителей и разбойниковъ,

которые своими многочисленными преступленіями уничтожали безопасность не только по дорогамъ и въ деревняхъ, но и въ городахъ. Переживалось состояніе какого-то разложенія общежитія. Неудивительно поэтому, что, подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ дѣйствительности, нравственная философія этого времени стала усиленно интересоваться и заниматься экономикой.

Прибавьте ко всему неограниченный произволъ централизовавшагося государства, чрезвычайныя стѣсненія индивидуальной инціативы и предпріимчивости со стороны государства полицейскаго, желавшаго регламентировать своими шаблонами всѣ стороны гражданской жизни, еще прибавьте ярко описанную докторомъ Дюремомъ въ его прекрасной работѣ „Маркизъ де Садъ и его время“ (Dühren—„Der Marquis de Sade und seine Zeit“) ужасающую нравственную распущенность высшихъ сословій, жившихъ особенностями жизни только что названной полово-извращенной личности, знаменитой по ея чудовищно-кровожадному разврату, сословій, выражавшихъ свои болѣзненно-извращенныя влеченія въ не менѣе знаменитомъ афоризмѣ: „послѣ насъ хоть потопъ“,—и тогда вамъ станетъ вполнѣ понятно накоплявшееся и развивавшееся всеобщее недовольство настоящимъ и раздраженіе, приводившія къ сознанію, что такъ больше жить нельзя, и порождавшія болѣзненно-страстное желаніе перемѣнъ и выхода, нѣсколько неопредѣленно намѣчавшагося въ извѣстной намъ формулѣ-программѣ: „свобода, равенство, братство“. Загнаннымъ и обездоленнымъ, въ свою очередь, хотѣлось своей доли права на жизнь, права на нѣкоторое довольство и счастье.

Подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній отъ дѣйствительности человѣческая мысль того времени обращалась, какъ это бываетъ всегда въ подобные моменты общественной жизни, и къ вопросамъ воспитанія. Въ немъ она видѣла средство создать новую, болѣе совершенную, породу людей, способную и къ болѣе совершенной жизни.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ выразителей особенностей общественныхъ настроеній того времени являлся, быть можетъ, Жанъ-Жакъ Руссо, съ его, судя по „Исповѣди“, впечатлительной, нѣсколько болѣзненно-неуравновѣшенной натурой, одаренной пылкой фантазіей, дававшей ему возможность облекать смутно обрисовывавшіяся перспективы въ выпуклые образы.

Основная нота его работъ—недовольство настоящимъ, страстное стремленіе къ иному, болѣе счастливому состоянію, къ устраненію тяжелыхъ условій, тяготѣвшихъ надъ жизнью современнаго ему по-

колѣнія, къ реорганизаціи общества и къ „очеловѣченію человѣка“, какъ онъ выражается въ своемъ „Эмилѣ“,—къ очеловѣченію его при помощи воспитанія.

Критическая научно-философская мысль того времени искала идеаловъ иного, лучшаго и болѣе справедливаго, общественнаго строя. Эта мысль и заложила основы науки о богатствѣ народовъ и тѣмъ самымъ коснулась самыхъ устоевъ всякаго общественнаго строя. Вмѣстѣ съ Мабли она утверждала, что „неравенство имуществъ противно природѣ“, и вмѣстѣ съ Кондорсэ она тяготѣла къ уравненію всѣхъ людей и къ совершенствованію человѣческаго рода.

Понятно, что эта напряженно работавшая мысль, стремившаяся къ совершенствованію, къ счастью, не могла не коснуться и темной области, явленій уголовнаго права со всѣми ея ужасами, вызванными къ жизни, какъ мы видѣли, всѣмъ предшествующимъ ходомъ историческаго развитія.

Изъ представителей этой мысли, касавшихся занимающей насъ области, я скажу о Монтескье (Montesquieu—„Esprit des lois“, первое изданіе — 1784), о Беккаріи, отъ знаменитаго труда котораго „О преступленіяхъ и о наказаніяхъ“ (Beccaria—„Dei delitti e delle pene“: 1764) собственно и ведетъ свое начало отживающая свой вѣкъ, но пока все еще господствующая классическая школа уголовнаго права, о Вольтерѣ, о Говардѣ и о Робертѣ Оуэнѣ.

2.

Сочиненіе Монтескье—„Духъ законовъ“ преимущественно относится къ государственному праву. Его автора Вольтеръ называетъ „человѣкомъ государственнымъ, философомъ, великолѣпнымъ умомъ и гражданиномъ“, трудъ котораго разсматривается всѣми его естественными судьями всѣхъ странъ, „какъ кодексъ разума и свободы“ („Commentaire sur l'Esprit des lois“). Въ своемъ трудѣ Монтескье разсматриваетъ и уголовные законы въ ихъ соотношеніи съ государственнымъ устройствомъ.

Какъ въ природѣ и обществѣ, такъ и въ изучающей ихъ наукѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ рѣзкихъ скачковъ, а только постепенность эволюціи, которая одна придаетъ и можетъ придать необходимыя устойчивость и прочность вновь нарождающимся нормамъ. Поэтому и въ произведеніяхъ критической научно-философской мысли XVIII вѣ-

ка мы не находимъ какого-либо рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ. Эта мысль—дочь своего вѣка и нисходящая отъ его восходящихъ. Монтескье, какъ и другіе писатели означеннаго вѣка, такъ или иначе касавшіеся явленій области уголовнаго права, по-прежнему имѣютъ дѣло только съ опредѣленнымъ дѣяніемъ, только съ опредѣленнымъ преступленіемъ. Необходима была, какъ увидимъ, продолжительная послѣдующая работа научной мысли, чтобы доказать, выяснить и выдвинуть на первый планъ иныя начала, болѣе соотвѣтствующія природѣ разсматриваемыхъ явленій.

Монтескье придаетъ чрезвычайно важное значеніе уголовнымъ законамъ. Отъ ихъ качествъ зависитъ, по его мнѣнію, свобода и безопасность гражданъ, а потому этими законами человѣчество должно интересоваться всего болѣе.

Всякое наказаніе, которое не вызывается необходимостью—тиранія. Въ этой мысли, какъ и въ той, совершенно еще зачаточной мысли Монтескье, что предупрежденіе преступленій важнѣе ихъ наказаній и что для этого слѣдуетъ заботиться „объ утвержденіи благонравія“, заключается въ зародышѣ цѣлая правильная система борьбы съ преступленіемъ, которую твердо обосновать, широко развить и доказать, исходя изъ самаго существа явленій въ области уголовнаго права, предстояло новому научному направленію — предмету дальнѣйшаго изложенія. Дѣйствительно, развивать и прививать къ общественной жизни здоровые нравы или, что то же, „благонравіе“, предназначенное устроить и направлять эту жизнь,—вѣдь это равнозначно содѣйствію къ оздоровленію общества и устраненію нарушеній правильнаго порядка въ немъ. Наилучшія же средства достиженія этой цѣли—широкія мѣры предупрежденія, сводящіяся къ упорядоченію условій общественной жизни.

Наказаніе, по мнѣнію Монтескье, не должно быть произвольно; оно должно соотвѣтствовать собственной природѣ совершеннаго преступленія, причемъ не слѣдуетъ смѣшивать области божескихъ законовъ и законовъ человѣческихъ. Послѣдніе не должны порождать того, что, по самому существу, относится къ области первыхъ.

Это одно изъ важнѣйшихъ положеній, выставленныхъ Монтескье и повторенныхъ Беккаріа. Оно обосновываетъ свободу совѣсти, а съ тѣмъ вмѣстѣ и убѣжденій. Стоитъ только вспомнить грубыя вторженія и жестокія насилія, до лишенія жизни включительно, которыя въ то время имѣли мѣсто въ области вѣры и духовной жизни вообще, чтобы понять всю великую важность этого положенія.

Всѣ преступленія Монтескье дѣлитъ на четыре категоріи: 1) пре-

ступленія противъ религіи, 2) преступленія противъ нравовъ, 3) преступленія противъ спокойствія и 4) преступленія противъ безопасности. Исходя изъ положенія, что наказаніе должно соотвѣтствовать преступленію, должно вытекать изъ самой природы его, Монтескье находитъ, что оскорбленія религіи должны влечь за собою утрату выгодъ, которыя предоставляетъ религія: исключеніе изъ общества вѣрующихъ, удаленіе изъ храма и т. д.

За преступленія противъ нравовъ или нравственности онъ рекомендуетъ назначать наказанія исправительнаго характера, соотвѣтствующія природѣ преступленій: денежныя наказанія, которыя должны соразмѣряться съ состояніемъ виновнаго и соединяться съ безчестьемъ, чтобы быть чувствительными и для богатыхъ, публичное посрамленіе, исключеніе изъ общества, удаленіе изъ города.

Преступленія противъ благочинія и спокойствія гражданъ должны вызывать ссылку и различныя мѣры исправительнаго характера, разсчитанныя на приведеніе къ порядку безпокойныхъ людей.

Только одни преступленія противъ безопасности должны сопровождаться суровыми карами. Основательно доказывая, что жестокость наказаній огрубляетъ и ожесточаетъ народные нравы, настаивая на мысли, что большая свобода связывается въ государствѣ и съ болѣе мягкими наказаніями, потому что если счастливъ народъ, то нѣтъ нужды въ качественномъ или количественномъ увеличеніи каръ, Монтескье въ то же время не отрицаетъ смертной казни. Онъ допускаетъ ея примѣненіе къ важнѣйшимъ преступленіямъ, нарушающимъ безопасность: къ тяжкимъ государственнымъ, къ убійствамъ и покушеніямъ на нихъ.

Объ умѣренности наказаній у Монтескье, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Въ умѣренныхъ государствахъ“, говоритъ онъ, „любовь къ родинѣ, стыдъ и страхъ порицанія представляютъ собой задерживающіе мотивы, которые могутъ воспрепятствовать совершенію многихъ преступленій. Наибольшимъ наказаніемъ дурного дѣянія будетъ въ нихъ изобличеніе въ этомъ дѣяніи. Гражданскіе законы въ нихъ будутъ болѣе легко исправлять и не будутъ нуждаться въ особой силѣ. Въ такихъ государствахъ способный законодатель будетъ менѣе заботиться о наказаніи преступленій, нежели о ихъ предупрежденіи. Онъ будетъ болѣе стремиться воздѣйствовать на нравы, нежели назначать примѣненіе страданій. Было бы легко доказать, что во всѣхъ или почти во всѣхъ государствахъ Европы наказанія уменьшались или увеличивались, по мѣрѣ большаго или меньшаго приближенія къ свободѣ. Опытъ показываетъ, что въ странахъ, гдѣ наказанія мягки,

граждане устрашаются ими настолько, насколько они устрашаются въ другихъ странахъ наказаніями суровыми. Не должно вести людей исключительными путями. Надо бережно относиться къ средствамъ, которыя природа предоставляетъ намъ для ихъ руководства. Пусть изслѣдуютъ причины каждой распущенности и тогда увидятъ, что она кроется въ безнаказанности преступленій, а не въ мягкости наказаній".

Постепенно все ярче развивавшаяся объединяющая власть главы государства, провозгласившая, наконецъ, что нація не составляетъ государства и что все государство заключается въ особѣ короля, конечно, должна была являться въ эту эпоху очень чувствительной. Дѣйствительно, понятіе оскорбленія величества въ то время почти не знало предѣловъ; оно порождало казни и жестокости и являлось, поистинѣ, какимъ-то юридическимъ бичемъ общества. Сомнѣніе въ достоинствахъ сановника, назначеннаго государемъ; поддѣлка монеты; порицаніе дѣйствій министра; производство непохожихъ на государя изображеній; произнесеніе нескромныхъ словъ — все это оскорбленія величества со всѣми ихъ часто ужасными послѣдствіями.

Монтескье болѣе нежели справедливо возстаетъ противъ такого необъятнаго расширенія понятія оскорбленія величества и, между прочимъ, признаетъ верхомъ произвола подведеніе нескромныхъ словъ, для которыхъ достаточно простого исправительнаго наказанія, подъ это понятіе. Такое подведеніе, влекущее за собою смертную казнь, несовмѣстимо, по мнѣнію Монтескье, не только съ дѣйствительною свободою, но и съ тѣнью ея.

Монтескье и вообще предостерегаетъ противъ назначенія одинаковыхъ наказаній за различныя по тяжести преступленія, считая это большимъ зломъ, потому что тѣмъ самымъ преступникъ можетъ побуждаться къ совершенію болѣе тяжкихъ преступленій.

3.

Сочиненіе Монтескье оказало чрезвычайно сильное вліяніе. Оно отмѣтило собою одну изъ стадій эволюціи въ понятіяхъ и имѣло громадное значеніе, если принять во вниманіе условія того времени и строй понятій.

Другимъ выдающимся событіемъ второй половины XVIII вѣка въ занимающей насъ области было появленіе труда, всецѣло и спеціально посвященнаго уголовному праву или, точнѣе, уголовнымъ законамъ

того времени; очень небольшого по объему, но чрезвычайно глубокаго по его содержанію.

Въ 1764 г. въ Миланѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе маркиза Цезаря Беккаріи Бонесана, озаглавленное „О преступленіяхъ и о наказаніяхъ“. Сочиненіе это составило эпоху въ исторіи уголовнаго права. Отъ него ведетъ свое начало такъ называемая „классическая школа“ науки этого права. Многое до него уже было сдѣлано Монтескье въ томъ же направленіи, что отмѣчаетъ и самъ Беккарія. „Безсмертный Монтескье“, говоритъ онъ, „могъ только случайно обсуждать эти вопросы. Если я шелъ по блестящимъ слѣдамъ этого великаго человѣка, то это потому, что истина одна и повсюду одинакова. Но тѣ, которые умѣютъ думать (а для нихъ я только и пишу), сумѣютъ и отличить мои шаги отъ его шаговъ. Я былъ бы счастливъ, если бы, подобно ему, могъ быть предметомъ вашей скрытой благодарности, кроткіе, неизвѣстные ученики разума“.

Сочиненіе Беккаріи сопровождалось въ своей области гораздо болѣе сильными впечатлѣніями, нежели сочиненіе Монтескье. Подтвержденіемъ служатъ восторженные похвалы писателей-современниковъ и тридцать два итальянскихъ изданія въ теченіе немногихъ лѣтъ, а также почти немедленные переводы на иностранные языки и въ томъ числѣ на французскій (1766) съ примѣчаніями знаменитыхъ дѣятелей XVIII вѣка—Бриссо де Вервилль и Дидеро.

Великій Вольтеръ написалъ комментарій къ сочиненіямъ Беккаріи и, объясняя поводъ его появленія, онъ говорилъ: „Я былъ захваченъ чтеніемъ маленькой книжечки „О преступленіяхъ и о наказаніяхъ“, которая въ нравственной области равнозначна немногимъ лекарствамъ въ медицинѣ, способнымъ облегчать наши страданія. Я ласкалъ себя мыслью, что этотъ трудъ смягчитъ то, что остается варварскаго въ юриспруденціи столькихъ націй. Я надѣялся на нѣкоторыя измѣненія въ человѣчествѣ, а вмѣсто того получилъ извѣстіе о повѣшеніи въ одной изъ провинцій прекрасной восемнадцатилѣтней дѣвушки, обладавшей полезными талантами и происходившей изъ очень почтенной семьи“ (небезынтересно замѣтить, что эта дѣвушка была осуждена и повѣшена за оставленіе на произволъ судьбы на мѣстѣ разрѣшенія отъ бремени своего незаконнорожденнаго ребенка).

Такой выдающійся успѣхъ сочиненія Беккаріи, конечно, въ извѣстной степени, объясняется весьма крупными внутренними достоинствами этого сочиненія. Но однихъ ихъ слишкомъ мало для его объясненія. Главнѣйшія причины успѣха надо искать въ условіяхъ времени. Великія злоупотребленія прошлаго, постепенно развивавшіяся

подъ вліяніемъ дѣйствовавшихъ тогда общественныхъ силъ и созданныхъ ими учрежденій, достигли уже того предѣла, за которымъ сначала начинается сильное шатаніе, а затѣмъ и крушеніе устоевъ существующаго порядка. Къ этому умы передовыхъ слоевъ общества были вполнѣ подготовлены. Къ величайшему прискорбію, тѣ, кому нужно было видѣть и слышать, этого не видѣли и не слышали. Въ нихъ замерзло здоровое родовое чувство, подсказывающее дѣйствующимъ поколѣніямъ здоровыя заботы о судьбахъ поколѣній грядущихъ, и они, совершенно просматривая происходившее коренное измѣненіе общественныхъ условій, жили и дѣйствовали по-старому, заботились о его сохраненіи, легкомысленно повторяя: „послѣ насъ хоть потопъ“.

Но если сочиненіе Беккаріи, шедшее вразрѣзъ съ рабско-военною, по ея происхожденію, уголовною юстиціею того времени, чуждою даже слѣдовъ человѣчности, встрѣтило столь блестящій пріемъ среди болѣе просвѣщенныхъ круговъ тогдашняго общества, то среди общественно-темныхъ и своекорыстныхъ его слоевъ, которые всегда и вездѣ тянутъ обыкновенно назадъ, въ направленіе ретроградированія, оно вызвало напряженную злобу и ненависть, не останавливавшіяся передъ клеветою и безусловно несправедливыми тяжкими обвиненіями. Яркою выразительницею этихъ чувствъ и этого отношенія является книга доминиканскаго монаха изъ монастыря Валламбрезъ Виценцо Факинеи де Корфри, полная злобныхъ нападокъ на Беккарію. Ея авторъ, какъ указываетъ самъ Беккарія, признавалъ его сочиненіе ужаснымъ, ядовитымъ, проникнутымъ пагубной распущенностью, постыднымъ, нечестивымъ. Доминиканецъ находилъ въ сочиненіи Беккаріи наглыя богохульства, нахальную иронію, непристойныя шутки, опасныя остроты, скандальныя выходки и грубыя клеветы. Онъ обвиняетъ автора сочиненія „О преступленіяхъ и о наказаніяхъ“ въ томъ, что онъ „явный врагъ Высшаго существа“, что онъ изрыгаетъ гнусную хулу противъ служителей религіи, утверждая, что ихъ руки запачканы кровью, и признаетъ, что эти служители, достойные величайшаго уваженія за свою мягкость и гуманность, являются, будто бы, виновниками мучительствъ, столь же варварскихъ, сколь и безполезныхъ; что ереси не могутъ называться оскорбленіями Небеснаго Величества; что еретики, анафематствуемые церковью и подвергаемые карамъ представителями верховной государственной власти, суть только жертвы одного слова. Авторъ книги „О преступленіяхъ и о наказаніяхъ“, по мнѣнію доминиканца, возводитъ святотатственную хулу на инквизицію, рисуетъ въ самыхъ черныхъ крас-

кахъ религіозные ордена и въ особенности монаховъ, оспариваетъ право государей наказывать смертью и вообще является нечестивымъ писателемъ, для котораго духовные — только шарлатаны, монархи — тираны, святые—фанатики, религія—обманъ и который не уважаетъ даже величіе Создателя, противъ котораго онъ извергаетъ ужасныя богохульства. „Нельзя не приходить въ ужасъ“, говоритъ монастырскій критикъ, „отъ смѣлости и свободы, съ которыми авторъ книги „О преступленіяхъ и о наказаніяхъ“ разнуздывается въ неистовствахъ противъ государей и служителей церкви“.

Все это, какъ мы увидимъ, вполнѣ неосновательныя обвиненія, полныя страшныхъ словъ, разсчитанныхъ на запугиваніе, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о противодѣйствіи устраненію какихъ-либо вопіющихъ злоупотребленій, а ими въ то время и была полна область явленій уголовнаго права и судопроизводства. На нихъ-то смѣло указывалъ и противъ нихъ рѣшительно ратовалъ Беккарія, нисколько не посягая тѣмъ на уваженіе къ религіи и представителямъ верховной власти.

На всѣ эти нападки, дышавшія неудержимой злобой, Беккарія отвѣчалъ спокойно и съ достоинствомъ. „Критикъ можетъ быть увѣренъ“, говоритъ онъ, „что я не буду отвѣчать на личности“.

Въ сочиненіи Беккаріи намъ видѣнъ очень сильный, ясный, глубокій и широко охватывающій умъ, способный провидѣть отдаленныя послѣдствія явленій. Въ немъ выражены гуманныя общественныя чувства, необходимо и естественно вызывавшія у автора справедливое возмущеніе ужасами, совершавшимися въ уголовной области.

Но и Беккарія, несмотря на богатую одаренность своей натуры, былъ, какъ и всѣ люди вообще, сыномъ своего времени и находился подъ властью условій этого времени. А послѣднему прежде всего недоставало нужныхъ положительныхъ знаній и правильныхъ методовъ пріобрѣтенія этихъ знаній для возможности разрѣшенія сложныхъ вопросовъ о человѣческой преступности и цѣлесообразныхъ средствахъ борьбы съ ней. Нужныя для этого научныя дисциплины въ то время были еще недостаточно развиты, не представляли нужнаго матеріала и притомъ еще не соприкоснулись сколько-нибудь близко съ ученіемъ о человѣческой преступности.

Неудивительно поэтому, что послѣдующіе за Беккаріей писатели, образовавшіе такъ называемую „классическую школу“ уголовнаго права, до послѣдняго времени, когда независимо отъ этой школы развилось новое научное направленіе въ изученіи преступности, не только не пошли далѣе Беккаріи, а, напротивъ, запутались въ безплодныхъ от-

влеченностяхъ и формальныхъ тонкостяхъ. Тѣмъ не менѣе, поистинѣ составляющее эпоху сочиненіе Баккаріи, представляющее собою важный шагъ впередъ по пути культурнаго развитія человѣчества и притомъ сдѣланный въ ту эпоху, когда издревле сложившіяся отношенія къ злому ворогу—непріятелю-иноплеменнику были перенесены на человѣка вообще, заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія.

Что представляли собою уголовные законы того времени? „Нѣкоторые обрывки законодательства древняго воинственнаго народа (т. е. римскаго)“, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Беккарія въ предисловіи, „скомпилированные по приказанію государя, царствовавшаго двѣнадцать вѣковъ тому назадъ въ Константинополѣ (Юстиніана), смѣшанные потомъ съ обычаями лангобардовъ, затерявшіеся въ грудѣ многотомныхъ комментаріевъ,—вотъ что образуетъ это старинное сборище мнѣній, которое большая часть Европы почтило именемъ Закона. И даже теперь предразсудки рутины, вредные какъ и всегда, обусловливаютъ то, что мнѣнія Карпцова (нѣмецкій юристъ начала XVII вѣка), старые обычаи, указываемые Кларусомъ (пьемонтскій юристъ, умершій во второй половинѣ XVI вѣка), и мученія, придуманныя съ варварскимъ самодовольствомъ Фаринаціусомъ (итальянскій юристъ, извѣстный своей жестокостью, умершій въ началѣ XVII вѣка), образуютъ собою правила, которымъ съ холодностью слѣдуютъ люди, которымъ слѣдовало бы трепетать, когда они постановляютъ рѣшенія о жизни и достояніи своихъ согражданъ“.

„Выгоды, проистекающія изъ сообщества, должны быть равномѣрно распредѣляемы между всѣми его членами“. Этими знаменательными и глубоко правдивыми словами начинаетъ Беккарія введеніе въ свое сочиненіе. Между тѣмъ постоянно существующая въ дѣйствительности тенденція состоитъ въ томъ, чтобы „предоставлять привилегіи, могущество и благополучіе небольшому числу, оставляя на долю массъ слабость и бѣдность“. Только хорошими законами можно поставить преграду этой тенденціи. Къ сожалѣнію, „люди предоставляютъ упорядоченіе наиболѣе важныхъ дѣлъ временнымъ законамъ и благоразумію даннаго момента или же усмотрѣнію именно тѣхъ, интересъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать наилучшимъ учрежденіямъ и наиболѣе мудрымъ законамъ“. Говоря въ другомъ мѣстѣ о варварствѣ ужасныхъ пытокъ, только на основаніи подозрѣній назначаемыхъ судьями, слѣдующими урокамъ нѣкоторыхъ криминалистовъ, писавшихъ съ холодной жестокостью, Беккарія замѣчаетъ: „Если подумать обо всемъ этомъ, то съ горестью невольно приходится признать, что почти никогда разумъ не призы-

вался въ качествѣ совѣтника при составленіи законовъ, которые давали народамъ". „Можетъ показаться, что законы и судьи имѣютъ единственный интересъ разыскать преступленіе, а не истину". И Беккарія настаиваетъ, между прочимъ, на томъ, чтобы законы были доступны и понятны народу, чтобы каждый самъ могъ судить о послѣдствіяхъ, которыя могутъ вызывать его собственныя дѣйствія для его свободы и его благъ, „иначе онъ будетъ находиться въ зависимости отъ небольшого числа людей—хранителей и истолкователей законовъ".

И вотъ, задаваясь вопросомъ о правѣ наказанія, которое въ то время разсматривалось какъ надежнѣйшее средство поддержанія необходимаго общественнаго порядка и спокойствія, Беккарія прибѣгаетъ къ популярной тогда теоріи общественнаго договора. Естественно-свободный первобытный человѣкъ, входя въ общество, отказался отъ извѣстной доли своей свободы, конечно, не ради общаго блага, а ради собственнаго интереса, собственной безопасности и взаимнаго огражденія отъ насилій окружающихъ. Онъ отказался отъ одной доли своей свободы, чтобы оградить или сохранить, по соглашенію съ другими, всѣ остальныя ея части. Изъ долей, образовавшихся отъ отдѣльныхъ отреченій, и образовалась верховная власть націи, переданная закономъ въ руки ея представителя. Для охраненія же оставшихся у каждаго частей его первобытной, неограниченной свободы стали примѣняться сильныя средства—различныя наказанія за нарушенія установленныхъ законовъ. Изъ самаго уже существа процесса установленія наказанія слѣдуетъ, такимъ образомъ, что всякое наказаніе несправедливо, если оно не необходимо для охраненія порядка, устанавливаемаго общественнымъ договоромъ. Всякое пользованіе властью, выходящее изъ этихъ предѣловъ безусловно необходимаго стѣсненія, „есть злоупотребленіе", говоритъ Беккарія, „а не правосудіе; это явленіе факта, а не права; это узурпація, а не законная власть".

И вотъ Беккарія устанавливаетъ, какъ одно изъ слѣдствій этого положенія, что если бы даже философія, эта мать благодѣтельныхъ добродѣтелей, и просвѣщенный умъ, предпочитающій управлять счастливыми и свободными людьми, а не господствовать трусливо надъ робкимъ стадомъ рабовъ, не порицали жестокости наказаній; если бы даже такія наказанія не были прямо противоположны общественному благу и цѣли, которую ставятъ себѣ — огражденію отъ преступленій, то и тогда стоило бы только доказать, что эта жестокость безполезна, „чтобы она представилась ненавистной, возмутительной, противной всякому правосудію и самой природѣ общественнаго договора".

Между тѣмъ, „кто не трепещетъ отъ отвращенія, находя въ исторіи столько ужасающихъ безполезныхъ мучительствъ, придуманныхъ и спокойно примѣнявшихся чудовищами, которыя присваивали себѣ наименованіе мудрецовъ. Кто могъ бы не содрогнуться въ глубинѣ души при видѣ этихъ тысячъ несчастныхъ, вынуждаемыхъ отчаяніемъ возвращаться къ жизни дикарей, чтобы избавиться отъ нестерпимыхъ страданій, причиняемыхъ или терпимыхъ этими несправедливыми законами, которые всегда притѣсняли и порабощали массу, чтобы покровительствовать исключительно небольшому числу людей привилегированныхъ“.

„Страны и вѣка, гдѣ и когда примѣнялись наиболѣе жестокія мученія, были въ то же время странами и эпохами наиболѣе ужасныхъ преступленій. Тотъ же духъ жестокости, который диктовалъ кровожадные законы законодателю, влагалъ и кинжалъ въ руки убійцы и отцеубійцы“. „По мѣрѣ того, какъ мученія становятся болѣе жестоки, душа, будучи подобна жидкостямъ, которыя всегда устанавливаются на уровнѣ окружающихъ предметовъ, ожесточается возобновляющимся зрѣлищемъ варварства. Привыкаютъ къ ужасающимъ мученіямъ и, послѣ сотни лѣтъ увеличивающейся жестокости, страсти, всегда дѣятельныя, менѣе сдерживаются колесомъ и висѣлицею, нежели прежде онѣ сдерживались тюрьмой“.

Особенно рѣшительно выступаетъ Беккарія противъ смертной казни. Интересно, что онъ начинаетъ главу о казни выясненіемъ вопроса о правѣ человѣка или общества уничтожать своихъ ближнихъ. „Кто могъ дать людямъ право умерщвлять себѣ подобныхъ?“—спрашиваетъ Беккарія. И тутъ же онъ поясняетъ: „это право, очевидно, не имѣетъ общаго источника съ законами, которые ограждаютъ человѣка“. „Я хочу изслѣдовать—дѣйствительно ли смертная казнь полезна и дѣйствительно ли она справедлива при мудромъ правительствѣ“. И въ отвѣтъ онъ рѣшительно утверждаетъ, что, отказываясь отъ доли своей свободы и вступая въ общественный договоръ, человѣкъ не могъ отказываться отъ наибольшаго своего блага и не могъ согласиться предоставить другимъ право отнимать у себя жизнь. Выводъ отсюда ясенъ. „Смертная жизнь“, говоритъ Беккарія, „не имѣетъ, въ основѣ своей, никакого права“. Смерть гражданъ можетъ разсматриваться, какъ необходимая, только въ двухъ случаяхъ: во время анархіи и тогда, когда продолженіе существованія того или другого гражданина, несмотря на лишеніе его свободы, все-таки можетъ произвести опасную революцію. При спокойномъ же господствѣ законовъ лишеніе жизни гражданина не можетъ быть необходимо. „Опытъ

всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что смертная казнь никогда не удерживала злодѣевъ, рѣшившихся вредить". „Жестокость наказанія производитъ на человѣка меньшее впечатлѣніе, нежели его продолжительность". „Чѣмъ болѣе скоро наказаніе будетъ сопровождать преступленіе, тѣмъ оно будетъ болѣе справедливо и полезно". „Не жестокость мученій болѣе надежно предупреждаетъ преступленія, а неизбѣжность наказанія", утверждаетъ Беккарія. И нѣсколько далѣе онъ высказываетъ слѣдующую замѣчательную для того времени мысль: „Если страсти или необходимость войны пріучили проливать человѣческую кровь, то законы, цѣль которыхъ смягчать нравы, должны ли они увеличивать это варварство, тѣмъ болѣе ужасное, чѣмъ съ большими приготовленіями и формальностями совершается лишеніе жизни?". „Не безумно ли, что законы, которые выражаютъ общую волю и которые не терпятъ и наказываютъ убійство, предписываютъ публичное лишеніе жизни для того, чтобы удержать гражданъ отъ убійствъ?". „Одинъ видъ палача вызываетъ въ насъ негодованіе и презрѣніе, а между тѣмъ онъ только невинный исполнитель общественной воли". „Гдѣ же источникъ этого противорѣчія и почему это чувство отвращенія противостоитъ всѣмъ доводамъ разума?"—спрашиваетъ Беккарія. „Потому", отвѣчаетъ онъ, „что въ глубинѣ нашей души, гдѣ естественные руководящіе принципы еще не извращены, мы находимъ чувство, которое громко говоритъ намъ, что человѣкъ не имѣетъ никакого законнаго права на жизнь другого человѣка и что необходимость, которая повсюду простираетъ свой желѣзный скипетръ, одна только можетъ распоряжаться нашимъ существованіемъ". Какъ отнестись къ тому, что „мы видимъ убійство, которое намъ представляютъ, какъ ужаснѣйшее преступленіе, хладнокровно и безъ угрызеній совѣсти совершаемымъ" представителями государства? „Не можемъ ли и мы уполномочить себя на то же подъ вліяніемъ этого примѣра?". „Пусть мнѣ не возражаютъ", говоритъ Беккарія, „указаніемъ на то, что большинство націй во всѣ времена назначали смертную казнь за нѣкоторыя преступленія. Эти примѣры не могутъ опровергнуть истину, которую всегда своевременно признать. Одобрять ли человѣческія жертвоприношенія только потому, что они вообще были въ употребленіи у всѣхъ народовъ при началѣ ихъ существованія?".

При концѣ главы о смертной казни Беккарія, какъ немного позднѣе Галль, высказываетъ грустное признаніе. „Еще не пришли", говоритъ онъ, „тѣ счастливые дни, когда истина изгонитъ заблужденія и сдѣлается достояніемъ большинства и когда родъ человѣческій будетъ руководиться только однѣми обнаруженными истинами". Да,

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

скажу и я, не пришли, несмотря на протекшія почти уже полтораста лѣтъ.

Лучше предупреждать преступленія, нежели ихъ наказывать, такъ начинаетъ Беккарія одну изъ интереснѣйшихъ главъ своей книги—„о средствахъ предупрежденія преступленій“. „Всякій мудрый законодатель“, продолжаетъ онъ, „долженъ болѣе заботиться о воспрепятствованіи возникновенію зла, нежели о его исправленіи, потому что хорошее законодательство представляетъ собою не болѣе, какъ искусство доставлять людямъ возможно большее благосостояніе и охранять ихъ отъ всѣхъ невзгодъ, которыя могутъ быть устранены“.

Въ числѣ руководящихъ правилъ для предупрежденія преступленій Беккарія, между прочимъ, выставляетъ и слѣдующее: „Чѣмъ болѣе будутъ расширять сферу преступленій (т. е. наказуемыхъ дѣяній), тѣмъ болѣе будутъ предрасполагать къ совершенію нарушеній, потому что преступленія тѣмъ болѣе будутъ увеличиваться въ числѣ, чѣмъ болѣе будутъ многочисленны мотивы преступленій, указываемые въ законахъ, особенно если большинство этихъ законовъ представляетъ собою привилегіи, иначе говоря, дань, налагаемую на массу народную въ пользу небольшого числа сеньеровъ“. И далѣе Беккарія прибавляетъ: „Люди-рабы всегда болѣе развращены, подлы и жестоки нежели люди свободные. Эти послѣдніе ищутъ знаній. Они заботятся объ интересахъ націи. Они видятъ предметы съ возвышенной точки зрѣнія и совершаютъ великія дѣла. Рабы же, удовлетворяющіеся удовольствіемъ данной минуты, ищутъ въ шумѣ разврата забвенія отъ того упадка, который они испытываютъ“. Выводъ ясенъ. „Хотите вы предупреждать преступленія? Сдѣлайте такъ, чтобы свобода шла рука объ руку съ знаніемъ. Если знанія причиняютъ „нѣкоторый вредъ, то это только тогда, когда они мало распространены. По мѣрѣ же того, какъ они распространяются, приносимыя ими блага увеличиваются“.

„Человѣкъ образованный умѣетъ сравнивать предметы, разсматривать ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и измѣнять свои чувства въ соотвѣтствіи съ чувствами другихъ, потому что онъ видитъ у себѣ подобныхъ такія же желанія и отвращенія, какія волнуютъ и его собственное сердце“.

„Наконецъ“, такъ заканчиваетъ Беккарія интересную главу о средствахъ предупрежденія преступленій, наиболѣе надежное, но въ то же время и наиболѣе трудное средство сдѣлать людей менѣе наклонными причинять зло—это усовершенствованіе воспитанія“.

Беккарія, какъ и Монтескье, рѣшительно возражаетъ противъ смѣшенія Божескихъ и человѣческихъ законовъ, различныхъ по

самой ихъ природѣ, и противъ возможности отмщать послѣдними оскорбленія Божества. „Какое насѣкомое“, говоритъ Беккарія, „будетъ достаточно дерзко, чтобы осмѣлиться приходить на помощь Божественному правосудію, чтобы предпринимать отмщеніе Существа, которое самодовлѣетъ, котораго преступленія не могутъ оскорблять, котораго наказанія не могутъ удовлетворить и которое одно во всей природѣ дѣйствуетъ съ неуклоннымъ постоянствомъ?“.

Жестокихъ преступленій за ереси, входившихъ въ то время въ рамки понятія объ оскорбленіяхъ Небеснаго Величества, Беккарія почти не касается и самъ подчеркиваетъ это. „Я не описывалъ“, говоритъ онъ, „ужасныхъ зрѣлищъ костровъ, которые фанатизмъ безпрепятственно воздвигалъ, употребляя живыхъ людей въ пищу пламени,—зрѣлищъ, при которыхъ жестокая толпа съ удовольствіемъ прислушивалась къ подавленнымъ стонамъ несчастныхъ, на которыя граждане собирались, какъ на пріятный спектакль, для созерцанія смерти ихъ братьевъ въ высившихся столбахъ чернаго дыма“. „Просвѣщенные люди“, поясняетъ онъ, „поймутъ, что страна и вѣкъ, въ которыхъ я живу, и предметъ, о которомъ я пишу, не позволили бы мнѣ вдаваться въ изслѣдованіе природы этого преступленія“ (т. е. ереси).

Таковы въ общихъ чертахъ рѣшенія, даваемыя Беккаріей по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, затрагиваемыхъ имъ въ его богато-содержательной книгѣ, въ которой почти на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ многія глубокія мысли. Такъ, напримѣръ, въ главѣ объ общихъ источникахъ ошибокъ и несправедливостей въ законодательствѣ, Беккарія, между прочимъ, указываетъ, какъ на одну изъ ложныхъ идей о пользѣ, на идею, порождающую стремленіе подавлять естественныя чувства, вмѣсто того, чтобы стараться возбуждать ихъ, а также порождающую и стремленіе наложить молчаніе на разумъ, говоря мысли: „будь рабой“.

Въ книгѣ „О преступленіяхъ и о наказаніяхъ“ мы находимъ и слѣдующую, вскользь высказанную мысль. Говоря о преступленіи кражи, авторъ указываетъ, что обыкновенно это преступленіе бѣдности и безнадежности, что оно совершается людьми изъ обездоленныхъ классовъ, которымъ „право собственности (ужасное право, быть можетъ, не необходимое) не оставило ничего болѣе, какъ существованіе“.

Въ книгѣ Беккарія мы встрѣчаемъ и чрезвычайно интересную для того времени мысль, мимоходомъ высказанную въ главѣ о безчестіи, мысль о необходимости строгаго согласованія законовъ общества съ законами природы. „Не только въ изящныхъ искусствахъ должно слѣдовать природѣ“, говоритъ Беккарія. „Учрежденія полити-

ческія, по меньшей мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя отмѣчены характеромъ мудрости и заключаютъ въ себѣ задатки долгаго существованія, основаны на природѣ". А между тѣмъ съ законами существа человѣка государства, быть можетъ, всего менѣе и считаются въ своихъ мѣропріятіяхъ.

4.

Сочиненіе Беккаріи имѣло выдающійся успѣхъ среди передовыхъ людей того времени, и великій Вольтеръ, какъ было упомянуто, написалъ, между прочимъ, комментарій къ небольшой, но чрезвычайно содержательной работѣ знаменитаго итальянца. Оцѣнка Вольтеромъ этой работы уже была приведена.

Живой, ясный умъ и человѣческое чувство Вольтера не могли оставаться безучастными къ ужасамъ, совершавшимся кругомъ въ мрачной области явленій уголовнаго права, въ которой въ то время пытки и казни на висѣлицахъ, кострахъ и колесахъ назначались щедрой рукой и примѣнялись „съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, подобными развѣ только тѣмъ, съ которыми отрываются головы индюковъ на птичникахъ". „Изысканныя мученія", говоритъ Вольтеръ, „изъ которыхъ видно, что умъ человѣческій истощался, чтобы сдѣлать смерть ужасной, кажутся изобрѣтенными тиранніей, а не правосудіемъ. Муки колесованія были введены въ Германіи во время анархіи, когда лица захватывавшія королевскія права, снарядомъ неслыханнаго истязанія хотѣли ужаснуть всякаго, кто осмѣлился бы покуситься на нихъ". „Люди повсюду забываютъ, что они—братья, и взаимно преслѣдуютъ другъ друга, посягая на самую жизнь".

Все это глубоко возмущало великаго писателя, какъ въ наше время возмущаетъ гр. Л. Н. Толстого, и заставляло его выступать въ отдѣльныхъ случаяхъ смѣлымъ защитникомъ обвинявшихся и рѣшительнымъ противникомъ современнаго ему положенія уголовнаго правосудія, если только относившіяся сюда явленія можно еще характеризовать этимъ послѣднимъ именемъ.

По мнѣнію Вольтера, какъ и по взглядамъ новаго научнаго направленія, предупрежденіе преступленій или, выражаясь точнѣе, предупрежденіе развитія преступности—вотъ въ чемъ должна состоять истинная юриспруденція. Дѣйствительныя средства морализаціи и удержанія отъ преступленій, по мнѣнію Вольтера—это вовсе не наказанія, не пытки, не казни и палачъ, а внутреннія особенности лично-

сти, внутренніе задерживающіе моменты — развитое чувство чести, боязнь позора и проч.

Нетрудно видѣть, что въ этой глубоко вѣрной и плодотворной мысли заключаются, правда, въ зародышной формѣ, зачатки новой системы борьбы съ преступностью и общественною неупорядоченностью, вообще, зачатки, сводящіеся все къ той же общей формулѣ „очеловѣчить человѣка“, для чего, само собою разумѣется, необходимо создать опредѣленныя условія окружающей человѣка обстановки.

Во времена Вольтера, при тогдашнемъ уровнѣ знаній, мысль эту можно было только высказать въ общей зародышной формѣ. Широко же развить и доказать на научной почвѣ предстояло послѣдующему, нашему, времени. Практическое же ея проведеніе въ жизнь—это задача науки и ея дѣятелей будущаго, уже довольно ясно намѣчающагося въ своихъ контурахъ.

Важнѣйшая цѣль уголовнаго правосудія, по мнѣнію Вольтера, это польза общества. Для осуществленія этой цѣли въ названной области необходимо обращаться и воздѣйствовать на самыя причины преступленій. Не пораженіе мучительными казнями и пытками въ отдѣльныхъ случаяхъ виновниковъ тѣхъ или другихъ преступныхъ дѣяній, напримѣръ, нищенства, а устраненіе соотвѣтствующими цѣлесообразными мѣрами причинъ нищенства, а вмѣстѣ съ причинами и ихъ слѣдствій, самыхъ явленій нищенства,—вотъ въ чемъ должна состоять борьба съ этимъ, какъ и со всякимъ другимъ, общественнымъ зломъ.

„Убійствомъ, т. е. казнью“, говоритъ Вольтеръ, „нельзя отучать людей отъ убійства, какъ это хотятъ дѣлать уголовные законодатели и судьи. Пытки же не рѣшались примѣнять къ полноправнымъ гражданамъ государства даже Неронъ и Калигула, тогда какъ люди, именующіе себя христіанами, сдѣлали изъ пытки главнѣйшее средство, употребляемое въ уголовномъ процессѣ, и внесли такія подраздѣленія въ отдѣлы закона, говорящаго о пыткѣ, что можно подумать, что эти подраздѣленія внесены палачемъ“. Говоря о подвергавшихся пыткѣ, Вольтеръ замѣчаетъ: „Законъ ихъ еще не осудилъ, а ихъ уже подвергаютъ, при неувѣренности въ совершеніи ими преступленія, мученіямъ, гораздо болѣе ужаснымъ, нежели самая казнь, къ которой присуждаютъ ихъ, когда увѣрены, что они заслужили ее. Итакъ, я еще не знаю, виновенъ ли ты, но необходимо, чтобы я мучилъ тебя, чтобы удостовѣриться въ этомъ. И если ты виновенъ, то я не искуплю по отношенію къ тебѣ тѣ тысячи смертельныхъ мукъ, мною тебѣ причи-

ненныхъ, вмѣсто одной казни, которую я приготовлялъ тебѣ. Каждый содрагается при такой мысли".

Въ сферѣ преступленій Вольтеръ различаетъ, съ одной стороны, такія, которыя представляются истинными, естественными преступленіями, а съ другой—такія, которыя являются только преступленіями даннаго времени и мѣста. Первыя осуждаются вездѣ и всегда, какъ, напримѣръ, убійство, караются вслѣдствіе самой ихъ природы, тогда какъ вторыя представляются условными, и эта условность, зависящая отъ опредѣленныхъ обстоятельствъ времени и мѣста, заставляетъ относиться къ нимъ снисходительнѣе.

Сходное ученіе о естественномъ преступленіи (il delitto naturale), нарушающемъ чувство состраданія или гуманности (pieta od umanita) и чувство справедливости (giustizia), развито однимъ изъ представителей новой итальянской школы уголовнаго права, Гарофало, въ его „Криминалогіи" (Garofalo--„Criminalogia").

5.

Вполнѣ назрѣвшая неотступная потребность въ тюремной реформѣ въ вѣкъ философской мысли нашла своего выдающагося представителя и дѣятеля въ лицѣ Джона Говарда, замѣчательное сочиненіе котораго „Положеніе тюремъ въ Англіи и Валлисѣ" (John Howard — „State of prisons in England and Wales") появилось въ 1777 году и затѣмъ было повторено въ 1779 и 1784 годахъ.

И до Говарда были нѣкоторыя попытки улучшенія тюремъ, но Говардъ, выступивъ на путь тюремной реформы, оказалъ столь сильное и широко распространившееся вліяніе, что его по справедливости можно и должно считать отцомъ этой реформы.

Съ состояніемъ тюремъ своего времени Говардъ познакомился по должности шерифа. Съ нимъ онъ познакомился также, будучи однажды захваченъ со всѣмъ экипажемъ корабля французскими пиратами и брошенъ ими въ тюрьму, гдѣ на себѣ испыталъ условія тюремнаго сидѣнія. Сверхъ того, онъ ознакомился во время своихъ путешествій съ тюрьмами французскими, датскими, голландскими, швейцарскими, итальянскими, португальскими, русскими и турецкими.

Ни двора, ни огня, ни соломы, ни воды — вотъ какъ, въ немногихъ словахъ, характеризовалъ Говардъ состояніе многихъ тюремъ того времени. Благодаря своимъ вполнѣ антигигіеническимъ условіямъ, тюрьмы являлись мѣстомъ мученій, тяжелыхъ бо-

лѣзней, а часто и губительными очагами заразы. Тюремное сидѣніе того времени — это пытка, это медленное умираніе отъ вредоносныхъ условій тюремной обстановки. Сидѣльцы тюремъ смѣшивались въ нихъ въ одномъ общемъ заключеніи, безъ различій возрастовъ, совершонныхъ преступленій, степени развращенности, а нерѣдко и безъ различія даже половъ. Несостоятельные должники, ихъ семьи, обвиняемые, осужденные, малолѣтніе, взрослые, нищіе, идіоты, сумасшедшіе — все скучалось вмѣстѣ въ общихъ отвратительныхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ кишѣли черви и проживали колоніи крысъ.

Многія изъ тюремъ помѣщались въ сырыхъ и темныхъ подземельяхъ, болѣе или менѣе глубокихъ, съ влажными и даже покрытыми водою полами. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ часть сидѣльцевъ помѣщалась на койкахъ, привѣшенныхъ къ потолку, и скученность достигала такихъ предѣловъ, что арестанты должны были по очереди помѣщаться у отверстія въ двери, чтобы не задохнуться, а въ нѣкоторыхъ и задыхались. Пьянство, развратъ въ его самыхъ ужасныхъ формахъ, азартныя игры, всевозможныя оргіи, драки, безнравственные разговоры—вотъ тогдашнія условія обыденной тюремной жизни. Зная законы жизни человѣческаго организма, зная законы его ухудшенія и улучшенія можно смѣло утверждать, что въ такихъ тюрьмахъ, послѣ нѣкотораго времени пребыванія въ нихъ, не было и не могло быть людей вполнѣ нормальныхъ.

Взаимное развращеніе, обученіе всѣмъ видамъ порока и гипнозъ преступности — таковы итоги сидѣнія въ тюрьмахъ времени Говарда, съ ихъ грубою, невѣжественною и продажною администраціей. Если про множество современныхъ реформированныхъ тюремъ не безъ основанія можно сказать, что онѣ представляютъ собою фабрики преступниковъ, содержимыя за общественный счетъ, то что сказать о тогдашнихъ тюрьмахъ и результатахъ, въ нихъ получавшихся? Основнымъ зломъ, какъ справедливо указываетъ д-ръ Уайнсъ (Wines—„The State of Prisons“), тогдашней системы было то, что тюремщикамъ, свободнымъ отъ надзора и стѣсненій, предоставлялось добывать средства своего существованія и даже обогащаться на счетъ заключенныхъ. Благодаря этому, грабительство было постояннымъ явленіемъ.

Къ сожалѣнію, все, успѣвшее сдѣлаться привычнымъ, обыкновенно подолгу не останавливаетъ на себѣ ничьего вниманія и не вызываетъ никакихъ вопросовъ—будто такъ и быть должно, несмотря на всю, казалось бы, очевидную зловредность его для общества. То же было и съ тюрьмами.

Говардъ, ярко описавъ въ своемъ трудѣ положеніе современныхъ

ему тюремъ, рѣшительно и съ силою возсталъ противъ царствовавшихъ въ нихъ порядковъ и настаивалъ на необходимости разумной тюремной реформы. Его пропаганда оказала большое вліяніе и дала могущественный толчекъ къ улучшеніямъ. Въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка въ Америкѣ уже началось сильное движеніе въ направленіи тюремной реформы. Оно породило практическіе опыты, обратившіе на себя вниманіе и вызвавшіе посѣщенія иностранцевъ для ознакомленія съ возникшей пенитенціарной (покаянной) системой.

Тюремнымъ сидѣніемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не заполняется вся жизнь сидѣльцевъ, какъ правильно указываетъ Говардъ. Поэтому тюремный режимъ, по его мнѣнію, долженъ быть такъ организованъ, чтобы онъ не ослаблялъ силъ заключенныхъ, не разстраивалъ ихъ здоровья, а вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовалъ ихъ взаимному развращенію и давалъ имъ, такимъ образомъ, возможность и за порогомъ тюрьмы зарабатывать средства для своего существованія и не попадать снова въ ряды преступнаго люда.

Для этого необходимо, чтобы тюрьмы и весь ихъ внутренній режимъ были достаточно гигіеничны; чтобы въ нихъ существовалъ обязательный трудъ и обученіе тому или другому виду профессіональнаго труда; чтобы для нравственнаго вліянія на заключенныхъ въ нихъ были церкви и тюремные священники, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заключенными, по своимъ качествамъ, стоящіе на высотѣ своей трудной задачи; чтобы въ тюрьмахъ велись чтенія нравственно-религіознаго характера и заключенные охранялись бы отъ взаимной порчи и развращенія.

Для успѣшности воздѣйствія на заключенныхъ необходимо достаточное время. Поэтому, по мнѣнію Говарда, тюремное заключеніе на срокъ менѣе 5 лѣтъ не должно назначаться и должно замѣняться какими-либо другими наказаніями.

Очевидно, основная цѣль тюремнаго заключенія, по мнѣнію Говарда, это перевоспитаніе преступнаго человѣка и приспособленіе его къ новой, правомѣрной, жизни въ обществѣ. Для этого необходимы подходящіе люди, потому что не уставы, а дѣйствующія личности обусловливаютъ достоинства и недостатки учрежденій. И Говардъ требуетъ административнаго персонала, по своимъ качествамъ соотвѣтствующаго задачамъ тюрьмы.

Онъ не упускаетъ также изъ вида и самодѣятельности самихъ заключенныхъ въ направленіи ихъ собственнаго улучшенія. Противоестественную систему одиночнаго заключенія онъ считаетъ нужною только для нѣкоторой категоріи преступниковъ. Для остальной ихъ

части—разобщеніе на ночь и дѣленіе на категоріи, съ различіями въ удобствахъ содержанія, въ примѣняемыхъ наказаніяхъ и въ наградахъ, до досрочнаго освобожденія включительно, въ случаяхъ настойчиваго прилежанія въ работахъ и очень хорошаго поведенія вообще.

Говардъ предусматриваетъ и отклоняетъ довольно обычное еще и въ наше время возраженіе, что хорошо устроенная тюрьма можетъ ставить преступниковъ въ лучшія жизненныя условія, нежели въ какихъ они находились на свободѣ, и тѣмъ самымъ можетъ уничтожить страхъ предъ наказаніемъ, иначе говоря, что тюрьма можетъ становиться привлекательною для многихъ.

Казалось бы, существованіе длящихся жизненныхъ положеній, при которыхъ тюрьма и опозоривающее уголовное осужденіе могутъ казаться привлекательными для свободной личности, должно было бы приводить общество къ мысли о необходимости принятія дѣйствительныхъ мѣръ къ устраненію такихъ несправедливостей и пагубныхъ жизненныхъ положеній, а вовсе не къ мысли объ усиленіи страданій, соединенныхъ съ наказаніемъ, къ мысли, которая нерѣдко высказывается еще и въ наше время. Но что дѣлать. Нелогичность общества и личностей, его составляющихъ, была велика въ прошломъ и, въ значительной мѣрѣ, она остается такою же и въ настоящемъ.

6.

Съ горячей пропагандой дѣйствительныхъ мѣръ для устраненія развращающихъ жизненныхъ положеній выступилъ знаменитый Робертъ Оуэнъ—одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей, какія только знаетъ исторія. Это провозвѣстникъ новаго научнаго направленія въ изученіи мрачной области человѣческой преступности. Это великій печальникъ за труждающихся и обремененныхъ, апостолъ любви и всепрощенія.

Оуэнъ не только мечталъ о „новомъ нравственномъ мірѣ“, но онъ и осуществлялъ этотъ горячо желанный міръ въ своей свѣтлой личности и въ своей плодотворной дѣятельности на благо человѣчества. Онъ предложилъ обществу единственно возможный способъ разрѣшенія великаго соціальнаго вопроса безъ потрясеній, переживавшихся и переживаемыхъ народами, предложилъ способъ уничтоженія того зла, которое возникло и развилось изъ кровавыхъ военныхъ столкновеній, приводившихъ къ самымъ ужаснымъ формамъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, взамѣнъ солидарности и взаимопомощи,

которыя, по существу, должны бы лежать и когда-то лежали, какъ вы помните, въ самой основѣ человѣческаго общества и общежитія.

Можно, конечно, не соглашаться съ Робертомъ Оуэномъ, можно, пожалуй, находить утопичными его широкіе планы, но не признавать его нравственнаго величія невозможно. Оуэнъ — это въ полномъ смыслѣ слова нравственный геній. Онъ создалъ не теорію только, а также—что бы тамъ ни говорили—осуществилъ и тѣмъ самымъ фактически доказалъ возможность осуществленія своихъ идей на практикѣ. Сдѣланное имъ не умерло. Оно живетъ и успѣшно развивается въ заложенномъ имъ и его учениками современномъ широкомъ, ставшемъ международнымъ, кооперативномъ движеніи (L'Alliance Coopérative Internationale), а также въ различныхъ рабочихъ союзахъ. Что же касается прижизненной дѣятельности Оуэна, то по отношенію къ ней невольно вспоминается сказанное Посошковымъ о Петрѣ Великомъ: „какъ можетъ быть успѣшно дѣло, когда въ гору одинъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ".

Время Роберта Оуэна—это время все усиливавшагося развитія капитализма, пролетаріата, крупной заводско-фабричной промышленности, время машинизма и, вслѣдствіе того, появившагося въ значительномъ числѣ безработнаго люда, который уже тогда всталъ грознымъ призракомъ передъ обществомъ.

При постепенно усиливавшемся машинизмѣ, „машина въ своемъ приспособленіи ко всякимъ потребностямъ" сдѣлалась, по мѣткому выраженію Аллана Кларка („Фабричная жизнь въ Англіи") „почти разумнымъ существомъ, тогда какъ человѣкъ превратился въ машину" и вполнѣ попалъ въ ея власть, исключая, конечно, ея владѣльца и человѣка богатаго вообще. А человѣкъ, не попавшій во власть машины, но и не ставшій ея владѣльцемъ, лишился даже убогаго мѣста на пиру жизни и истощался въ мучительной агоніи при борьбѣ за жалкое существованіе.

„Чрезмѣрное множество незанятыхъ рабочихъ, множество семей и отдѣльныхъ лицъ, доведенныхъ до ужасающей нищеты, лежитъ тяжелымъ бременемъ на правительствахъ всѣхъ цивилизованныхъ націй", говоритъ Лаффонъ де Ладеба въ своемъ предисловіи къ переводу, напечатанному въ 1821 году, работы д-ра Макнабъ, появившейся въ 1819 году и озаглавленной: „Безпристрастное изслѣдованіе новыхъ взглядовъ Роберта Оуэна". И далѣе, въ томъ же предисловіи, Ладеба характеризуетъ свое время, какъ „борьбу порядка съ безпорядкомъ"—борьбу, которая своей ужасающей перспективой бросаетъ густѣйшую

тѣнь на будущее. И въ этихъ словахъ предисловія не заключалось преувеличенія, какъ увидимъ далѣе.

Самъ докторъ Макнабъ, находившійся въ личныхъ сношеніяхъ съ Робертомъ Оуэномъ и, по желанію герцога Кентскаго, познакомившійся на мѣстѣ съ учрежденіями въ Нью-Ланаркѣ, въ введеніи къ своей работѣ въ слѣдующихъ яркихъ и выпуклыхъ чертахъ рисуетъ намъ кричащія противорѣчія той эпохи, эпохи начавшагося лихорадочнаго развитія крупной промышленности, сосредоточенія богатствъ и шедшаго за ними по пятамъ обездоленія массъ. „По контрасту съ великолѣпіемъ богатства и блескомъ избытка“, говоритъ онъ, „мы, къ несчастью, видимъ наши темницы переполненными преступниками, наши мѣста заключенія—должниками, наши госпитали — неподдающимися описанію убогими существами, наши улицы и деревни—сценами людского несчастья. Отвратительныя жилища бѣдняковъ представляютъ опечаленному взору тѣхъ, которые имѣютъ смѣлость пускаться въ нихъ, еще болѣе ужасныя картины бѣдствій и страданій“.

Здѣсь надо сказать, что крупная мануфактура и система капитализма, а съ нею рабочій пролетаріатъ значительно развиваются въ XVI вѣкѣ, и между рабочими и предпринимателями возникаетъ борьба классовъ, которая, конечно, постепенно подготовляется еще въ предшествующее время.

Съ XIV вѣка и даже нѣсколько ранѣе начинается медленно развивающійся процессъ утраты рабочими ихъ вліянія и роли въ веденіи дѣлъ профессіональныхъ организацій. Ихъ положеніе въ производствѣ становится все болѣе неблагопріятнымъ. Къ концу XVI вѣка этотъ процессъ уже заканчивается, и дѣйствительные рабочіе теряютъ участіе въ управленіи производствомъ и лишаются контроля надъ опредѣленіемъ размѣровъ заработной платы, которая повышается весьма медленно, внѣ соотвѣтствія съ повышеніемъ цѣнъ на предметы, необходимые для жизни. Начинается борьба при помощи стачекъ. Работодатели и рабочіе уже не сходятся въ однѣхъ организаціяхъ, а, напротивъ, раздѣляются на организаціи соперничествующія, причемъ рабочія организаціи, или братства, подвергаются запрещеніямъ и становятся тайными.

Развитію процесса усиленно содѣйствуетъ постепенно увеличивающееся вторженіе машинизаціи въ производство, повышающее роль капитала въ ущербъ труду. Въ XV вѣкѣ начинается примѣненіе гидравлическихъ моторовъ въ производствѣ и постепенное введеніе осложняющихся его орудій, которыя хотя еще и не представляютъ со-

бой могучихъ и сложныхъ машинъ нашего времени, но и не являются уже тѣми простыми инструментами, которые прежде только увеличивали скорость и совершенство рукъ рабочаго. Всѣ эти новыя орудія производства повышали его количественную продуктивность, сокращали потребность въ рабочихъ рукахъ и давали возможность примѣнять дешевый трудъ дѣтей, которому вскорѣ суждено было играть печальную роль въ развитіи общества, а также трудъ стариковъ, слѣпыхъ и проч.

Организованные рабочіе, какъ бы по тяжелому предчувствію надвигающагося безвременья, всѣми силами противились вторженію машинизаціи, но открывавшіеся отдаленные рынки, возможность сбыта на нихъ и перспектива обогащенія, существенно измѣняя прежнее положеніе производства, преодолѣли всѣ препятствія, несмотря на то, что нѣкоторые выдающіеся люди, какъ, напр., Фридрихъ Великій, провидѣли будущее и считали слишкомъ широкое примѣненіе машинъ, конечно, при существовавшемъ характерѣ общественнаго строя, вреднымъ. И вотъ съ XVI вѣка постепенно становится все глубже пропасть, уже къ этому времени образовавшаяся, между классами, изъ которыхъ одинъ все болѣе и болѣе становится неработающимъ обладателемъ орудій труда, а другой только примѣняетъ эти орудія, не владѣя ими. Съ того же времени начинается служеніе производства государству, но тому государству, которое выросло изъ порабощенія и на почвѣ порабощенія громаднаго большинства меньшинствомъ, т. е. военно-промышленными классами. Съ тѣмъ вмѣстѣ интересы деревни постепенно начали все болѣе уступать свое мѣсто интересамъ промышленнаго города, который тянулъ къ себѣ населеніе.

Въ XVIII вѣкѣ процессъ капитализаціи достигаетъ уже очень высокой степени развитія. Еще до 1770 года, отмѣчающаго начало новой эры, эры постепенно все увеличивающейся машинизаціи, уже завязывается въ упорномъ спорѣ капитала съ трудомъ горячая борьба за рабочій день. Борьба эта относится къ началу второй половины XVIII вѣка и, по своему характеру, вполнѣ напоминаетъ военную борьбу за подчиненіе.

Сторонники капитала доказывали даже отъ Священнаго Писанія, что рабочіе, не желавшіе въ то время работать въ теченіе всѣхъ шести будничъ дней недѣли, потому что они могли довольствоваться для жизни своимъ заработкомъ отъ меньшаго числа дней, тѣмъ самымъ будто бы нарушали завѣтъ самого Бога, повелѣвшаго шесть дней трудиться и только седьмой день посвящать ему.

Настаивали даже на необходимости удорожить налогомъ или ка-

кимъ-либо другимъ способомъ жизненные продукты, чтобы тѣмъ самымъ заставить рабочихъ работать всѣ шесть дней въ недѣлю. Говорили, что рабочіе не должны считать себя независимыми отъ своихъ хозяевъ и что лѣченіе не будетъ удовлетворительно до тѣхъ поръ, пока рабочіе не будутъ вынуждены работать шесть дней за ту же плату, которую они въ то время получали за четыре дня.

Въ неудержимой погонѣ за расширеніемъ производства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за увеличеніемъ прибылей, всѣмъ этимъ, однако, не удовольствовались и постепенно смѣшали день съ ночью, удлинили рабочій день далеко за предѣлы 12-ти-часового дня и привлекли на фабрику маленькихъ дѣтей и женщинъ, разрушая тѣмъ самымъ рабочую семью. Печальные результаты этого грубаго нарушенія естественныхъ законовъ жизни, какъ увидимъ далѣе, не замедлили сказаться.

Въ 1770 году появилось изобрѣтеніе Хергривса—прялка Дженни, значительно увеличившая производство. Въ 1779 году вошелъ въ употребленіе прядильный станокъ Кромптона—мюль-машина, также поднявшій значительно производство, а въ 1785 году былъ изобрѣтенъ механическій станокъ Картрайта и въ томъ же году послѣдовало примѣненіе въ бумаго-прядильняхъ паровой машины Уатта, которая быстро завертѣла гигантскія фабричныя колеса.

Съ этихъ поръ пошло все быстрѣе, ускоряющимся шагомъ, вторженіе въ различныя отрасли производства машины, которая, при общественноразумномъ пользованіи ею, предназначена, по самому существу своему, неизмѣримо сокращать трудъ человѣка и оставлять большій досугъ для его духовнаго развитія.

Дѣйствительность сказала, однако, противное. По противорѣчію практики съ принципомъ, вмѣстѣ съ увеличивавшимся вторженіемъ машинъ стало увеличиваться и выбрасываніе свободныхъ незанятыхъ рукъ на рынокъ труда. Появился продуктъ новаго времени--безработные. Начался усиленный ростъ бѣдности и развращенія, иначе говоря, начался усиленный посѣвъ преступности. Расходы на бѣдныхъ съ 1776 по 1783 годъ увеличились въ Англіи въ три раза. Съ 1780 они увеличились еще въ 4 раза, сравнительно съ послѣднимъ годомъ. Зато быстро росла и производительность страны.

Робертъ Оуэнъ (Robert Owen, 1771—1856) былъ сыномъ мелкаго ремесленника. Это была необычайно рѣдкая и высоко одаренная натура. Онъ рано началъ посѣщать школу и удивлялъ всѣхъ своей любознательностью. Въ возрастѣ около 17 лѣтъ онъ уже былъ помощникомъ своего учителя и проявлялъ усиленную любовь къ чтенію, особенно религіозныхъ и богословскихъ трактатовъ.

Еще въ то время у него зародилось сомнѣніе въ истинной религіозности людей, которые, какъ показываютъ факты наблюденія, такъ ненавидятъ другъ друга, вопреки завѣтамъ религіи мира и любви, проповѣданнымъ Христомъ.

Послѣ школы Оуэнъ былъ торговымъ ученикомъ, потомъ приказчикомъ, а въ 18 лѣтъ завелъ собственное дѣло. Уже въ то время идеи человѣческаго братства, взаимной любви и взаимопомощи одухотворяли эту чистую натуру, этотъ открытый благородный характеръ, полный энергіи, предпріимчивости, ума, простоты и любви къ истинѣ. Свои теоретическіе взгляды Оуэнъ изложилъ въ „Опытѣ объ образованіи характера“ и въ „Книгѣ новаго нравственнаго міра“ („Essay on the Formation of Character“, 1810—1813, и „The Book of the New Moral World“, 1836). Кромѣ того, имъ написано много статей, обращеній, описательныхъ отчетовъ, при помощи которыхъ онъ велъ широкую пропаганду своихъ возвышенныхъ взглядовъ на „новый нравственный міръ“, практически имъ осуществлявшійся въ Нью-Ланаркѣ.

Человѣкъ, по взгляду Оуэна, приноситъ съ собой на свѣтъ, въ готовомъ видѣ, унаслѣдованныя имъ качества и особенности, которыя, подвергаясь въ теченіе его жизни воздѣйствію внѣшнихъ окружающихъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе измѣняются въ томъ или другомъ направленіи. За эти измѣненія человѣкъ не можетъ быть отвѣтственъ. Ихъ производящія причины лежатъ въ условіяхъ окружающей обстановки.

Человѣкъ не образуетъ свой характеръ, а онъ образуется для него. Чувства и убѣжденія слагаются подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя внѣшняя среда производитъ на человѣка. Подъ вліяніемъ же убѣжденій и чувствъ, вмѣстѣ или порознь, слагается самая воля, которая опредѣляетъ дѣйствія человѣка, какъ хорошія, такъ и дурныя и даже преступныя.

Низшіе, трудящіеся классы живутъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ обстановки—въ бѣдности, невѣжествѣ, порокѣ и развращеніи. Благами, производимыми ихъ трудомъ, пользуются классы привилегированные, воспитываемые въ принципахъ, идущихъ вразрѣзъ съ природою человѣка и общества. Удивляться ли, что развращаемое такими условіями населеніе, окруженное кабаками, пивными и соблазнами къ игрѣ и разврату, впадаетъ въ отупѣніе, дѣлается бременемъ для страны или попадаетъ въ ряды преступнаго люда, къ которому примѣняются жестокія и, въ сущности, безполезныя наказанія?

Пока все это существуетъ и поддерживается, до тѣхъ поръ разговоры о нравственномъ вліяніи—насмѣшка... Общество пожинаетъ

плоды рукъ своихъ, ничего не дѣлая для улучшенія, для предупрежденія. „Вина за свойства, которыя присущи совершителю преступленій“, говоритъ Оуэнъ, „очевидно кроется не въ немъ. Зло происходитъ отъ системы, въ которой онъ былъ воспитанъ. Устраните условія, которыя способны создавать преступленія—и преступленія не будутъ существовать. Замѣните эти условія другими, которыя были бы разсчитаны на то, чтобы создавать привычки порядка, правильности отношеній, воздержанности, и трудолюбія—и эти свойства будутъ существовать. Неизмѣнно прибѣгайте къ мѣрамъ, согласнымъ съ правдой и справедливостью, и вы безъ труда пріобрѣтете полное довѣріе низшихъ классовъ народа“. „Не думайте, что нельзя развить у подрастающихъ поколѣній хорошихъ привычекъ. Побывайте въ тюрьмахъ и разспросите заключенныхъ внимательно и съ состраданіемъ про событія ихъ жизни и жизни ихъ среды, и тогда разсказы ихъ откроютъ передъ вами массу страданій, нищеты и несправедливостей, существованіе которыхъ, казалось бы, невозможно въ цивилизованномъ государствѣ. Необходимо поэтому реформировать порядокъ такъ, чтобы меньшинство не могло создавать для большинства невозможныя условія существованія“.

Во все сказанное Оуэномъ можетъ ли внести какія-либо поправки современная положительная наука, при всемъ богатствѣ уже накопленныхъ наблюденій и данныхъ опыта? Въ общемъ она можетъ только признать и подтвердить его, потому что въ немъ слышится голосъ жизненной правды, голосъ внимательнаго вдумчиваго наблюденія явленій неподкрашенной, повседневной, будничной жизни. Мнѣ лично много приходилось знакомиться съ условіями прошлаго тѣхъ, кого нашъ народъ называетъ „несчастненькими“, и всегда приходилось выносить убѣжденіе, что этотъ эпитетъ примѣняется къ нимъ съ полнымъ основаніемъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Главная производящая причина всѣхъ золъ, по справедливому мнѣнію Оуэна—невѣжество, а дѣйствительное средство противъ него—воспитаніе. Оно и законы улучшаютъ людей. На правильно поставленное воспитаніе Оуэнъ основательно и возлагаетъ надежды въ дѣлѣ нравственнаго улучшенія и увеличенія общаго благосостоянія, къ чему онъ и призываетъ благоденствующіе и развитые классы общества съ правительствомъ во главѣ. Къ сожалѣнію, его призывъ и до сихъ поръ находитъ еще слишкомъ недостаточный откликъ.

Кто же можетъ откликнуться на этотъ призывъ? интересуется Оуэнъ. Коммерческіе люди? Но они, отвѣчаетъ онъ, изощряютъ свои способности въ томъ, чтобы купить подешевле, продать подороже.

Юристы? Они привыкли выставлять неправое правымъ и придавать законный видъ несправедливости. Политическіе дѣятели? Они погружены въ партійныя интриги и часто приносятъ въ жертву мнимымъ выгодамъ благосостояніе общества и свое собственное. Завоеватели и военные герои? Они привыкли видѣть въ завоеваніяхъ и причиненіи страданій человѣчеству славный долгъ, заслуживающій всяческой награды. Религіозные проповѣдники? Но они заняты распространеніемъ мечтательныхъ воззрѣній, ослабляющихъ умственныя силы человѣка и поддерживающихъ существованіе его невзгодъ.

Только люди изъ различныхъ слоевъ общества, сознающіе существующія заблужденія, стремящіеся къ истинѣ, готовые слѣдовать по указанному ею пути до конца и понимающіе тѣсную и неразрывную связь блага индивидуальнаго съ благомъ общимъ, могутъ и должны быть призваны къ дѣлу нравственнаго обновленія существующаго строя.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ возвышенные и справедливые взгляды Оуэна на взаимныя человѣческія отношенія и на природу человѣка. Онъ, однако, не довольствовался однимъ ихъ изложеніемъ, но всею энергіей своей натуры стремился осуществить ихъ въ живой дѣйствительности, воплотить ихъ въ жизни.

Въ 1798 году, имѣя только 27 лѣтъ, Оуэнъ вступилъ въ управленіе нью-ланаркской фабрикой, находившейся въ Шотландіи. Ея рабочее населеніе превосходило 2000 человѣкъ и состояло изъ всякаго сброда. Пьянство, развратъ, воровство, драки, умственная темнота были чрезвычайно развиты въ его средѣ. О сколько-нибудь упорядоченной семейной жизни не было и помину. Съ шести лѣтъ дѣти уже поступали на фабрику и здѣсь оставались безъ всякаго призора. Штрафы и увольненія ничему не помогали, и дѣло, какъ и должно быть при такихъ условіяхъ, даже въ коммерческомъ отношеніи шло весьма плохо.

Присмотрѣвшись къ нему, Оуэнъ, какъ и слѣдовало истинно-просвѣщенному дѣятелю „на нивѣ народной“, какъ „реформаторъ, одинаково талантливый“, по мнѣнію д-ра Макнаба, „въ теоріи и на практикѣ“, рѣшилъ дѣйствовать на самыя причины неблагопріятныхъ явленій, на нравственную сторону рабочихъ черезъ посредство улучшенія ихъ матеріальнаго благосостоянія и уничтоженія этимъ путемъ враждебныхъ отношеній къ хозяевамъ, вызывавшихся ужаснѣйшею эксплоатаціей со стороны послѣднихъ.

Оуэнъ поселился въ центрѣ населенія Нью-Ланарка и взялъ на себя роль настойчиво-терпѣливаго и всегда благожелательнаго воспи-

тателя малолѣтнихъ и взрослыхъ. Задача была до крайности трудная. Наибольшимъ препятствіемъ служило глубоко укоренившееся недовѣріе къ благожелательности хозяина, и въ теченіе 2 лѣтъ, какъ разсказываетъ Оуэнъ, онъ встрѣчалъ неодолимое противодѣйствіе своимъ планамъ со стороны рабочихъ. Оуэнъ не терялъ, однако, терпѣнія, твердости и вѣры въ конечный успѣхъ своего дѣла.

Онъ устроилъ для рабочихъ удобныя, здоровыя жилища, завелъ склады и лавки пищевыхъ продуктовъ, дешевую столовую и все это съ разсчетомъ на покрытіе расходовъ безъ всякихъ прибылей.

Были учреждены вечерніе классы для взрослыхъ, организована библіотека, устроенъ залъ для собраній и было прекрасно поставлено воспитаніе и обученіе дѣтей. „Особенно въ области воспитанія“, говоритъ д-ръ Макнабъ, „Оуэнъ доказалъ, что онъ необыкновенный человѣкъ“. На фабрикѣ было сокращено число часовъ работы, увеличена заработная плата, почти уничтожены штрафы и взысканія; а во время прекращенія подвоза хлопка въ періодъ разрыва съ Америкой въ 1806 году, когда на время пришлось пріостановить фабрику, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ рабочимъ выплачивалось жалованіе.

Въ результатѣ примѣненія всѣхъ этихъ мѣръ получилось завоеваніе довѣрія и любви рабочихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значительныя улучшенія во всѣхъ отношеніяхъ. Улучшился бытъ рабочихъ, повысились ихъ работоспособность и рвеніе, и нью-ланаркская фабрика сдѣлалась однимъ изъ самыхъ прибыльныхъ промышленныхъ предпріятій въ Англіи. Причины породили свои опредѣленныя слѣдствія.

Пьянство между рабочими исчезло, семейная жизнь, для которой теперь были созданы благопріятныя условія, значительно развилась, нравственность повысилась до небывалаго прежде уровня, воровство и драки исчезли. Особенно повысилось умственное и нравственное развитіе дѣтей, теперь хорошо воспитываемыхъ и обучаемыхъ различнымъ предметамъ, въ томъ числѣ музыкѣ и танцамъ. Эта постановка воспитанія, благодаря тѣсному взаимному соприкосновенію дѣтей и родителей, благотворно отразилась и на взрослыхъ.

Все это было достигнуто безъ насилій и примѣненія каръ, какъ свидѣтельствуетъ самъ Оуэнъ. Главными средствами вліянія, исключая улучшенія условій повседневной жизни, служили увѣщанія выборныхъ товарищей, объявленія поступка безчестнымъ, штрафы и, въ крайнихъ случаяхъ, удаленіе съ фабрики порочныхъ и неподчиняющихся членовъ, по заявленіямъ о томъ ихъ товарищей. Главнымъ же средствомъ служило неизмѣнно-благожелательное, заботливое и справедливое отношеніе.

Всѣ указанныя мѣры примѣнялись преимущественно вначалѣ, когда приходилось имѣть дѣло съ порочнымъ и нравственно недисциплинированнымъ сборищемъ рабочихъ, выросшихъ и воспитавшихся при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизненной обстановки и поистинѣ безбожной эксплоатаціи на фабрикахъ и заводахъ, которые пріобрѣтали значительное количество своихъ рабочихъ изъ среды самыхъ юныхъ дѣтей, взятыхъ изъ рабочихъ домовъ и благотворительныхъ пріютовъ.

Для этого входили въ сношенія съ начальствомъ приходовъ и отъ него получали бѣдныхъ дѣтей дли обученія. Въ дѣлѣ принимали участіе, какъ это бываетъ всегда, промышлявшіе имъ посредники. Они собирали дѣтей изъ приходовъ и потомъ перепродавали ихъ фабрикантамъ и заводчикамъ на полный произволъ, который давалъ ужасные результаты. „Съ дѣтьми обращались безчеловѣчно; часы труда были ограничены только полнымъ истощеніемъ ихъ силъ, послѣ примѣненія всевозможныхъ принудительныхъ способовъ къ продолженію работъ. Дѣти часто работали по шестнадцати часовъ кряду, днемъ и ночью; даже воскресные дни употреблялись на чистку машинъ. Кормили ихъ самою плохою и дешевою пищею. Спали они поочередно на грязныхъ постеляхъ, которыя никогда не освѣжались, потому что на нихъ одна смѣна дѣтей непрерывно слѣдовала за другой. Часто не дѣлали различія между полами, и болѣзнь и пороки росли, какъ въ парникѣ“.

Нетрудно понять, какъ такія условія производства, созданныя корыстью, должны были вліять на производителей, т. е. на рабочее населеніе, и какіе типы они должны были порождать въ его средѣ.

Съ такими типами и пришлось имѣть дѣло Оуэну, и, тѣмъ не менѣе, описанныя гуманныя мѣры оказали свое дѣйствіе. „Эти принципы“ (т. е. его принципы), говоритъ Оуэнъ, „примѣнявшіеся съ настойчивымъ постоянствомъ въ нью-ланаркскомъ обществѣ въ теченіе 16 лѣтъ и, сначала, при очень обезкураживающихъ условіяхъ, произвели полное измѣненіе въ поселеніи, состоявшемъ изъ болѣе, нежели 2000 обитателей“, которые, не ставши, конечно, совершенными, значительно, однако, улучшились, и поселеніе стало представлять „трудолюбіе, здоровье и благополучіе“.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые криминалисты, желая отстоять, хотя бы и съ различными натяжками, основныя начала современнаго уголовнаго права, утверждаютъ, говоря объ Оуэнѣ, что и такія мѣры, какъ объявленіе поступка безчестнымъ, штрафы, удаленіе съ фабрики, являются будто бы наказаніями, но только „въ измѣненной формѣ“.

Полагаю, однако, что съ такимъ мнѣніемъ безусловно нельзя согласиться. Въ самомъ принципѣ тѣхъ мѣръ, которыя примѣнялись на нью-ланаркской фабрикѣ, не было ни малѣйшей тенденціи причинять страданія за нарушеніе установленныхъ правилъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ уголовномъ правѣ, которое на практикѣ и до сихъ поръ не можетъ отрѣшиться отъ началъ, „связанныхъ съ колыбелью его младенчества“ и, въ томъ числѣ, отъ руководящаго начала, гласящаго: „чинить жестокое наказаніе, чтобы, смотря на то, другимъ такъ дѣлать неповадно было“.

Успѣхъ нью-ланаркской фабрики былъ такъ великъ, что свѣдѣнія о ней распространились по всей Европѣ, и посѣтители, которыхъ перебывало много тысячъ, стали стекаться на фабрику со всѣхъ сторонъ.

Въ числѣ ихъ былъ и великій князь Николай Павловичъ, пробывшій на фабрикѣ два дня. Все видѣнное произвело на него глубокое впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго онъ предложилъ Роберту Оуэну переселиться въ Россію съ нѣкоторымъ числомъ англійскихъ рабочихъ и устроить въ ней фабрику по образцу нью-ланаркской. Съ своей стороны, онъ обѣщалъ предоставить предпріятію нужныя земли и средства. Оуэнъ, конечно, отказался.

Тогда могло казаться, что дальнѣйшее развитіе и неизмѣримо болѣе широкій поступательный успѣхъ для плодотворнаго предпріятія были прочно обезпечены. Яркій примѣръ живой дѣйствительности, казалось, долженъ былъ убѣждать и покорять. Предпріятіе вполнѣ удовлетворяло коммерческимъ требованіямъ и было чрезвычайно доходно. Въ то же время оно доставляло рабочимъ условія человѣческаго существованія, повышало ихъ нравственность, развивало ихъ человѣческое достоинство. Для того ужаснаго времени оно было, поистинѣ, предпріятіемъ „новаго нравственнаго міра“, вполнѣ оправдывавшемъ на довольно обширномъ опытѣ глубокое убѣжденіе Роберта Оуэна, что справедливостью и правосудіемъ легко пріобрѣтается довѣріе низшихъ классовъ, что самыя порочныя наклонности не могутъ устоять противъ настойчивой благожелательности и что безъ примѣненія суровыхъ каръ для огражденія общественнаго порядка, однимъ только поднятіемъ уровня общественнаго благосостоянія и воспитаніемъ можно съ величайшимъ успѣхомъ бороться противъ преступленій, которыя тогда должны будутъ мало-по-малу исчезнуть. „Опытъ, отчетъ о которомъ представленъ нами“, говоритъ Оуэнъ, „показываетъ, что въ немъ дѣло идетъ не о гипотезѣ, не о теоріи. Поэтому можно смѣло утверждать, что указанные принципы всеобщи

и примѣнимы во всѣ времена, ко всѣмъ людямъ и во всякихъ условіяхъ“.

Къ несчастью, узкое, неблагоразумное и близорукое своекорыстіе, чуждое началъ справедливости, отсутствіе правильнаго пониманія непреложнаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій въ общественныхъ явленіяхъ; вліяніе переживаній, привычныхъ ассоціацій чувствъ и представленій, привычнаго образа мыслей — все это стало высокой, непреодолимой стѣной на пути практическаго развитія благодѣтельныхъ начинаній великаго человѣка.

Оуэнъ, конечно, не ограничивался и не могъ ограничиться упорядоченіями, введенными на нью-ланаркской фабрикѣ. Онъ открыто и рѣшительно выступилъ, какъ это легко понять изъ только что приведеннаго мѣста, съ проповѣдью своей системы, какъ общей, какъ системы „новаго нравственнаго міра“, требовавшей иного строя взаимныхъ человѣческихъ отношеній, нежели тотъ, который существовалъ въ то время. Онъ усиленно пропагандировалъ эту систему, добивался вмѣшательства государства въ пользу улучшенія быта обездоленныхъ классовъ общества.

Одно изъ основныхъ положеній Оуэна — что современное ему общество изобилуетъ богатствами. Сверхъ того оно обладаетъ неисчерпаемыми средствами, чтобы еще болѣе увеличить эти богатства, чтобы осуществить все, что можетъ служить къ благополучію людей, и притомъ въ такомъ изобиліи, что „потребности и желанія всѣхъ человѣческихъ существъ могли бы быть удовлетворены“. И все это можно было бы совершить безъ всякихъ насилій, безъ какого бы то ни было обмана, съ величайшей предусмотрительностью, подготовляя шагъ за шагомъ и избѣгая потрясеній.

Но, несмотря на возможности, современное общество изобилуетъ картинами величайшей бѣдности и невѣжества значительнаго числа своихъ членовъ. Существующія обильныя средства улучшенія остаются безъ примѣненія или дурно примѣняются.

Послѣдствіемъ является плачевное положеніе безработныхъ бѣдняковъ, которые погрязаютъ въ нищетѣ и усваиваютъ поэтому дурныя и порочныя привычки. Эти привычки передаются отъ нихъ къ ихъ дѣтямъ, а отъ дѣтей будутъ передаваться къ послѣдующимъ поколѣніямъ. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться существующая система. „Нельзя найти достаточно сильныхъ выраженій“, говоритъ Оуэнъ, „чтобы охарактеризовать непослѣдовательность и несправедливость нашего теперешняго отношенія къ бѣд-

нымъ и рабочимъ классамъ. Ихъ оставляютъ въ состояніи ужасающаго невѣжества. Мирятся съ тѣмъ, что они воспитываются въ привычкахъ порока и среди практики преступленія". Между тѣмъ, „громадныя суммы, которыя ежегодно собираются на бѣдныхъ, растрачиваются съ нарушеніемъ всѣхъ принциповъ справедливости и экономіи". „Никакія суммы, расходуемыя такимъ образомъ, какъ бы велики онѣ ни были, не дадутъ другихъ результатовъ, какъ только умноженіе бѣдности и нищеты, которыя будутъ увеличиваться, по мѣрѣ увеличенія пособій".

Но въ чемъ же кроются причины такого положенія? На этотъ вопросъ Оуэнъ справедливо и рѣшительно отвѣчаетъ, что „наибольшая неупорядоченность общества происходитъ отъ того, что люди воспитываются въ принципахъ эгоизма и разъединенія".

И вотъ теперь, когда Уаттъ и Аркрайтъ своими изобрѣтеніями дали міру средства производить богатства гораздо скорѣе, нежели ихъ возможно потреблять; когда Англія, благодаря усовершенствованіямъ своего производства за послѣднія двадцать пять лѣтъ, получила возможность ежегодно производить въ 12 разъ болѣе того, что она производила прежде,—теперь уже „возникаетъ вопросъ не о томъ, какъ создать достаточное количество богатствъ, а только о томъ, какъ должно распредѣлять тотъ избытокъ богатствъ, который столь легко можетъ производиться, во всей массѣ общества съ наибольшей пользой для всѣхъ и безъ преждевременанго измѣненія учрежденій и распорядковъ, которые существуютъ у всѣхъ народовъ".

„Было бы грубѣйшей тиранніей состороны правительствъ"—такъ думаетъ Оуэнъ – „допустить, чтобы сила машины", благодаря слѣпотѣ частныхъ интересовъ, ею пользующихся, „заставляла гибнуть отъ голода тысячи людей". Нѣтъ, машину надо сдѣлать полезной для всѣхъ, т. е. для всего общества.

Исходя изъ всѣхъ этихъ фактовъ и соображеній, Оуэнъ думаетъ, что, наконецъ, наступила пора прекратить удручающее зрѣлище тысячъ людей, погибающихъ отъ нужды среди избытка средствъ, которыя даютъ возможность хорошо воспитывать, образовывать, питать, полезно примѣнять силы и создавать необходимое благосостояніе для населенія, по меньшей мѣрѣ вчетверо большаго, нежели тогдашнее населеніе Англіи.

И вотъ, основываясь на своемъ многолѣтнемъ и достаточно обширномъ практическомъ опытѣ въ Нью-Ланаркѣ, Оуэнъ выступаетъ, давая при этомъ подсчетъ необходимыхъ суммъ и расходовъ, съ пла-

номъ образованія для первыхъ шаговъ въ дѣлѣ общественнаго оздоровленія трудовыхъ группъ, наподобіе нью-ланаркской фабрики, съ тою лишь разницею, что эти группы должны быть земледѣльческо-индустріальными. При достаточно широкомъ ихъ развитіи исчезнутъ безработные, и машина сослужитъ тогда свою дѣйствительно полезную службу человѣческому обществу.

Но Оуэнъ лучше, нежели кто-либо, знаетъ, что качества учрежденій создаются человѣкомъ и что поэтому, для достиженія успѣховъ, необходимо прежде всего заботиться о качествахъ людей, учрежденія создающихъ. Руководясь этою мыслью, онъ и кладетъ въ основу своей системы образованія трудовыхъ группъ правильное воспитаніе и образованіе дѣтей, которое практиковалось имъ въ Нью-Ланаркѣ, гдѣ оно давало, по общему отзыву, блестящіе плоды, гдѣ для этого широко развивали доброту и благожелательность во взаимныхъ отношеніяхъ и гдѣ улучшенія взрослыхъ достигали не какими-либо штрафами и наказаніями, а помощью могущественныхъ и благородныхъ чувствъ, на которыя указывалъ еще Вольтеръ, какъ на задерживательные моменты,—помощью чувствъ боязни презрѣнія, лишенія довѣрія и порицанія со стороны окружающихъ.

Заканчивая свое, основанное на документахъ и личныхъ впечатлѣніяхъ и провѣркѣ, подробное изложеніе „новыхъ взглядовъ“ Роберта Оуэна, котораго онъ называетъ однимъ изъ лучшихъ людей какіе только существуютъ, д-ръ Макнебъ пророчески говоритъ: „Страсти могутъ оказывать сопротивленіе, предразсудки могутъ задерживать, а упорная и слѣпая вѣра въ палліативныя мѣры можетъ еще отдалять осуществленіе задуманнаго плана. Но я увѣренъ, что опасности, которыя угрожаютъ общественному миру и порядку, таковы, что правительства поймутъ, наконецъ, необходимость прибѣгнуть къ принципу общественности, какъ единственному средству оградить народы отъ впаденія въ анархію и варварство. Робертъ Оуэнъ предлагаетъ цивилизованному міру практическую систему реформы, совершеннѣйшую изъ всѣхъ, которыя предлагались до настоящаго времени“. Для правительствъ не существуетъ альтернативы: необходимо, „чтобы, въ согласіи съ божественными законами, они начали примѣнять принципъ общественности и тѣмъ самымъ установили бы общественную гармонію, отъ которой зависятъ сила и благосостояніе отдѣльныхъ личностей, семей и государствъ“. Къ величайшему сожалѣнію, правительства и руководящіе классы не поняли того, что такъ ясно понималъ д-ръ Макнабъ, и послѣдующее время увидѣло

не ослабленіе, а усиленіе тѣхъ золъ, которыя рѣзко подчеркивалъ геній Оуэна.

Робертъ Оуэнъ работалъ для развитія системы кооперацій на принципѣ „сами помогайте себѣ“ и пытался образовать и развить банкъ для обмѣна продуктовъ труда, который содѣйствовалъ бы взаимному обмѣну продуктами труда рабочихъ, незанятыхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, т. е. безработныхъ. Но когда его стремленія вполнѣ выяснились и получили широкую извѣстность, тогда все, отвергавшее его высокіе нравственные идеалы, все имъ противоположное и слѣпо-себялюбивое, ополчилось противъ него, ставило ему всевозможныя препятствія, преслѣдовало его своею злобою, клеветою, ругательствами и обвиненіями, главнымъ образомъ, въ ирреліпіозности.

Въ завязавшейся борьбѣ за Оуэномъ стояли сравнительно немногіе, а „подъ гору“, какъ выражался Посошковъ, „тянули милліоны“ не стѣснявшіеся притомъ же въ средствахъ борьбы. Въ 1828 году Оуэнъ былъ даже вынужденъ покинуть управленіе Нью-Ланаркской фабрикой.

Что бы, однако, ни говорили, но Робертъ Оуэнъ далъ яркое, продолжительное по времени и достаточно обширное въ количественномъ отношеніи доказательство жизненной правоты и практической осуществимости заключавшихся въ его стремленіяхъ, его планахъ и ихъ примѣнимости на практикѣ.

Онъ показалъ на дѣлѣ, чего можно достичь мѣрами добра и общественной справедливости, примѣняемыми вмѣсто мѣръ мученительства и жестокихъ наказаній, которыми дѣйствовало и продолжаетъ дѣйствовать человѣчество по переживанію отъ сѣдой старины, отъ междуродовыхъ войнъ и военныхъ погромовъ.

Несмотря на временную задержку, дѣло Оуэна не умерло. Благодаря жизненной правдѣ, заключающейся въ немъ, оно пустило глубокіе корни и уже теперь начинаетъ приносить богатый плодъ. Сама же свѣтлая личность Оуэна останется навсегда украшеніемъ страницъ исторіи. Она ярко характеризуется его собственными словами, что для него было невозможно личное счастье безъ непосредственнаго участія въ дѣятельности, направленной къ смягченію бѣдствій обездоленной части человѣчества. Стремленіе къ благополучію этого человѣчества, къ его счастью—вотъ что воодушевляло его благородную дѣятельность, порождавшую для него столько личныхъ невзгодъ и разочарованій. Работы Роберта Оуэна и для нашего времени все еще продолжаютъ представлять многое такое, надъ чѣмъ всѣмъ и каждому

слѣдуетъ глубоко позадуматься. И надо пожалѣть, что онѣ мало изучаются и продумываются.

Сопоставленіе дѣятельности Оуэна и противодѣйствія, ею вызваннаго, невольно приводитъ на память слѣдующее трогательное мѣсто евангелія, относящееся къ еще болѣе возвышенному идеалу: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья—и вы не захотѣли!“

Таковы наиболѣе выдающіеся представители періода философской мысли въ области явленій уголовнаго права, періода гуманизаціи, постепеннаго смягченія каръ, зарожденія и дальнѣйшаго развитія классической школы.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что хотя по времени своей дѣятельности Робертъ Оуэнъ и относится къ разсматриваемому третьему періоду, но по характеру этой дѣятельности онъ—человѣкъ будущаго. Онъ даетъ намъ детальный практическій идеалъ, который, однако, имъ уже былъ осуществленъ однажды, хотя сравнительно въ небольшомъ масштабѣ и въ болѣе основныхъ чертахъ. Оуэна правильнѣе поэтому отнести къ четвертому, уже начавшему развиваться періоду, къ періоду научнаго изученія явленій преступности и дѣйствительныхъ или раціональныхъ средствъ борьбы съ нею, къ періоду научно-обоснованнаго стремленія воздѣйствовать въ сферѣ общественной и въ сферѣ индивидуальной на самыя причины преступности.

Монтескье, Беккарія и Вольтеръ—всѣ они болѣе или менѣе отвлеченные мыслители, дѣйствовавшіе преимущественно умозрительнымъ методомъ и логическими построеніями, нечуждыми, конечно, опыта, но опыта ходячаго, недостаточно провѣреннаго и недостаточно идущаго вглубь. Оуэнъ, напротивъ, тонкій наблюдатель явленій повседневной жизни, провѣрявшій свои наблюденія опытомъ. Онъ практическій новаторъ, стремившійся, на основаніи данныхъ своего опыта, къ созданію и развитію новыхъ, разумныхъ, а потому и лучшихъ формъ общественной жизни.

Отъ первыхъ трехъ мыслителей и въ особенности отъ Беккаріи ведетъ свое начало, все еще господствующая въ кодексахъ и практикѣ, классическая школа, къ изложенію доктрины которой я и перейду теперь.

7.

ДОКТРИНА КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Классическая школа является прямою наслѣдницею далекой старины. А мы теперь уже знаемъ, что представляла собою эта старина. Мы знаемъ, послѣ предшествующаго изложенія, какъ и подъ вліяніемъ какихъ факторовъ развивались унаслѣдованныя нами понятія преступленія и наказанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и соотвѣтствующія имъ явленія въ области уголовнаго права. Мы знаемъ, что эта область во всѣ времена была областью вредоносныхъ дѣйствій, разсматривавшихся подъ измѣнявшимся и постепенно все расширявшимся угломъ зрѣнія (вредоносное дѣйствіе, обида, грѣхъ, нарушеніе внутренняго мира и проч.), а также и областью реакціи противъ этихъ вредоносныхъ дѣйствій. Мы знаемъ еще, что изучавшуюся нами далекую старину всегда интересовало только само вредоносное дѣйствіе. выкупъ за которое надо было добыть и за которое должно было отмстить. Совершитель вредоноснаго дѣйствія интересовалъ эту далекую старину только постольку, поскольку надо было получить возмѣщеніе причиненнаго вреда, искупъ обиды. Поэтому, естественно, для этой старины совершитель вредоноснаго дѣйствія былъ какой-то общей, индивидуально мало или вовсе не опредѣлявшейся величиной. Въ немъ видѣли злого ворога, лихого человѣка, лиходѣя — и только. Условія происхожденія и развитія этого человѣка старину, конечно, не интересовали и не могли интересовать. Ее не могли по той же причинѣ интересовать и его индивидуальныя особенности, для познанія которыхъ въ то время не существовало, впрочемъ, вѣрныхъ пріемовъ и сколько-нибудь достаточнаго матеріала.

Эпоха критической философской мысли не внесла и не могла внести коренныхъ измѣненій въ существовавшее положеніе по многимъ причинамъ. Эта мысль съ своимъ разрушительнымъ критицизмомъ обратилась главнѣйшимъ образомъ противъ величайшихъ излишествъ въ постепенно перешедшихъ всякую мѣру жестокостяхъ времени. Но она признавала прежній основной принципъ и боролась только противъ крайнихъ злоупотребленій имъ. Съ другой стороны, и развитіе научнаго міровоззрѣнія и средствъ для его широкой разработки было еще слишкомъ слабо, чтобы подготовить коренное преобразованіе.

Мысль эпохи была достаточно сильна для критики, но она была

безусловно слаба и не вооружена сколько-нибудь достаточно для широкаго творчества на почвѣ научно разработанныхъ фактовъ.

Когда же въ первой половинѣ прошлаго столѣтія началась догматическая разработка того, что называютъ „наукою уголовнаго права“, то направившаяся на эту разработку изучающая человѣческая мысль того времени, въ качествѣ матеріала, не нашла ничего болѣе, какъ заключавшуюся въ уголовныхъ законахъ и въ комментаріяхъ на нихъ вѣковую практику, постепенно развившуюся подъ вліяніемъ извѣстной намъ смѣны факторовъ. А въ ней, въ этой практикѣ, не было надежныхъ научныхъ методовъ изслѣдованія, въ ней не было научно-разработаннаго фактическаго матеріала, въ ней не было реальнаго конкретнаго человѣка, со всѣми его разнообразными свойствами и особенностями, какъ пока его нѣтъ еще и въ общественныхъ наукахъ, вообще, гдѣ мы преимущественно находимъ только изученіе однихъ отношеній, почти внѣ связи съ дѣятелемъ.

А между тѣмъ современному криминалисту, который ставитъ своею задачею судить людей въ многообразіи ихъ особенностей за совершенныя ими дѣянія и, вслѣдъ за осужденіемъ, примѣнять къ нимъ различныя средства воздѣйствія, въ видахъ огражденія общества отъ зла преступленія, казалось бы, необходимо изучать и знать человѣка, изучать закономѣрность его физической и умственно-нравственной жизни, потому что это conditio sine qua non всякаго правильнаго суда и оцѣнки и правильнаго выбора средствъ противодѣйствія. Но такое изученіе не имѣетъ мѣста и теперь, и криминалистъ, зная правила кодексовъ, всего менѣе знаетъ человѣка и законы, его жизнью управляющіе. Послѣдствія этого понять нетрудно.

При такихъ условіяхъ характеръ построенія доктрины уголовнаго права въ ученіяхъ классической школы предвидѣть нетрудно. Онъ ясно опредѣляется всею совокупностью условій и преемственностью его развитія. Для классической школы наука уголовнаго права продолжаетъ быть исключительно наукою о вредоносныхъ, т. е. преступныхъ дѣйствіяхъ и о наказаніяхъ за нихъ, примѣняемыхъ къ дѣятелю преступленій, чтобы ему и, „смотря на то, другимъ такъ дѣлать не повадно было“. Изученіе самого преступнаго человѣка, этого фактора преступленій, его особенностей и причинъ, его производящихъ, въ доктринѣ классической школы отсутствуетъ. Если и упоминается о преступномъ человѣкѣ, то только вскользь, какъ о какой-то общей, всегда самой себѣ равной величинѣ и постольку, поскольку безусловно невозможно не упомянуть о дѣятелѣ, говоря о его дѣйствіяхъ.

При такихъ условіяхъ доктринѣ классической школы, въ силу

ея прошлаго, не оставалось и не остается ничего болѣе, какъ заняться формальнымъ, кропотливымъ и отвлеченно-логическимъ анализомъ отвлеченныхъ понятій преступленія вообще и различныхъ его видовъ въ частности, съ одной стороны, а съ другой—почти такимъ же анализомъ понятій наказанія вообще и отдѣльныхъ наказаній въ частности. Этимъ она занялась и занимается усердно. Неудивительно поэтому, что, при такой постановкѣ науки, ея область наполнилась и наполняется безплодными спорами, контраверзами и нагромождавшимися и нагромождающимися другъ на друга противорѣчивыми теоріями.

8.

Все изложеніе доктрины классической школы, а за ней—и содержаніе уголовныхъ кодексовъ, дѣлится на часть общую, которая разсматриваетъ уголовный законъ, преступленіе и наказаніе вообще, какъ понятія общія, родовыя, и часть особенную, въ которой разсматриваются отдѣльные уголовные законы, отдѣльныя преступленія и наказанія за нихъ, какъ понятія видовыя. Таково основное дѣленіе.

Въ общей части мы находимъ три главныхъ отдѣла: 1) ученіе объ уголовномъ законѣ, которымъ опредѣляется вся область преступленій и наказаній; 2) ученіе о преступленіи, какъ дѣяніи отдѣльнаго лица и какъ коллективномъ дѣяніи нѣсколькихъ лицъ; 3) ученіе о наказаніи, какъ актѣ реакціи противъ преступленія.

О самомъ преступномъ человѣкѣ, этой ближайшей производящей причинѣ преступленія, въ доктринѣ классической школы упоминается, какъ я уже сказалъ, лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо при анализѣ преступленія и наказанія.

Начнемъ съ уголовнаго закона.

9.

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОНЪ.

Уголовный законъ представляетъ собою выраженіе воли государственной власти. Имъ воспрещается то или другое дѣяніе или несодѣяніе, признаваемыя особенно вредными, подъ страхомъ наказанія. Уголовный законъ есть необходимое условіе самого бытія преступленія и кары за него: „nullum crimen, nulla poenia sine lege poenale“,

т. е.: „нѣтъ преступленія, нѣтъ наказанія безъ уголовнаго закона“. Еще декларація правъ человѣка, провозглашенная великой французской революціей, установила, какъ основной принципъ, что примѣненіе права наказанія должно стоять въ полной зависимости отъ предварительнаго опредѣленія въ законѣ преступныхъ дѣяній и слѣдуемой за нихъ уголовной кары. Провозглашеніе этого принципа было слѣдствіемъ стремленія къ огражденію отъ царившаго необузданнаго произвола. Изъ французскаго законодательства принципъ этотъ былъ усвоенъ и другими. Изъ него вытекаютъ два правила: 1) если судъ, при всѣхъ способахъ толкованія, не можетъ выяснить духъ закона и намѣреніе законодателя, то толкованіе, наиболѣе благопріятное для обвиняемаго, должно имѣть преимущество; 2) судъ не можетъ толковать уголовный законъ распространительно и не можетъ признавать дѣяніе преступнымъ по аналогіи.

Ничего подобнаго, какъ вы помните, не существовало въ періодъ общинно-родового быта. Въ этотъ періодъ имѣли мѣсто рѣшенія по отдѣльнымъ случаямъ, обсуждавшимся въ ихъ индивидуальности. Рѣшенія эти, вслѣдствіе повторяемости самихъ обсуждавшихся казусовъ, постепенно и необходимо обобщались сами собою и образовали то, что мы называемъ обычаями. Впослѣдствіи съ постепеннымъ развитіемъ политическаго общества, государственности или, правильнѣе, государствованія, образовался, подъ вліяніемъ извѣстныхъ вамъ факторовъ, сначала неписанный, а затѣмъ и писанный уголовный законъ, какъ выраженіе воли и интересовъ вновь образовавшейся государственной власти.

Въ каждомъ постановленіи (статьѣ) уголовнаго закона мы находимъ и различаемъ двѣ части. Во-первыхъ, часть диспозитивную, опредѣляющую запрещаемое дѣяніе или несодѣяніе. Во-вторыхъ, мы находимъ въ немъ часть санкціонирующую или санкцію, которая устанавливаетъ ту или другую кару или наказаніе за дѣяніе или за несодѣяніе, указываемыя въ диспозитивной части уголовнаго закона.

По характеру своей санкціи уголовный законъ можетъ быть: 1) опредѣленнымъ, 2) неопредѣленнымъ и 3) относительно-опредѣленнымъ. Въ первомъ случаѣ мѣра наказанія твердо устанавливается въ санкціонирующей части закона: ни больше, ни меньше. Во второмъ случаѣ выборъ назначаемаго наказанія вполнѣ предоставляется усмотрѣнію судьи, примѣняющаго законъ. Наконецъ, въ случаѣ третьемъ судьѣ предоставляется, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей казуса, выборъ мѣры наказанія, но только въ опредѣленныхъ

предѣлахъ между maximum'омъ и minimum'омъ, означенными въ законѣ, или только до указаннаго maximum'а.

ДѢЙСТВІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ.

Дѣйствіе даннаго уголовнаго закона, какъ и все въ мірѣ, знаетъ свое начало и конецъ. Будучи выраженіемъ воли государственной власти, уголовный законъ, какъ таковая воля, становится дѣятельнымъ со дня проявленія воли—со времени его обнародованія законодательною властью. При этомъ иногда въ самомъ законѣ можетъ указываться тотъ или иной опредѣленный моментъ для начала его дѣйствія.

По самому уже своему существу, уголовный законъ не распространяется въ своемъ дѣйствіи на время, предшествовавшее его изданію. Иначе говоря, уголовный законъ обратной силы не имѣетъ. Въ предшествовавшее время существовала другая, по ея содержанію, воля законодателя, а не та, которая вновь обнародована.

Допускается исключеніе въ пользу вновь издающихся законовъ, болѣе мягкихъ по содержанію ихъ санкціи. Исключеніе это объясняется тѣмъ, что самъ законодатель, издавая новый законъ въ отмѣну стараго, тѣмъ самымъ призналъ несправедливой и нецѣлесообразной болѣе суровую санкцію прежняго закона.

Оканчивается дѣйствіе уголовнаго закона въ томъ же порядкѣ, въ какомъ оно и начинается—въ порядкѣ обнародованія акта воли государственной законодательной власти, т. е. въ порядкѣ обнародованія акта объ отмѣнѣ стараго закона или замѣнѣ его новымъ.

Существуетъ и другой путь отмѣны уголовнаго закона, путь не юридическій, а фактическій—путь постепенно устанавливающагося непримѣненія (desuetudo). Это непримѣненіе становится какъ бы юридическимъ обычаемъ. Въ немъ слышится голосъ живой дѣйствительности, какъ бы протестующей противъ закона, несогласнаго болѣе съ понятіями даннаго времени и мѣста.

ДѢЙСТВІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНА ВЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

Будучи проявленіемъ воли законодательной власти и даннаго государства, уголовный законъ останавливается въ своемъ дѣйствіи на границахъ этого государства. Онъ господствуетъ въ предѣлахъ его территоріи.

Таково болѣе общее положеніе, вытекающее изъ самого существа уголовнаго закона, какъ акта воли законодательной власти даннаго государства.

На-ряду съ нимъ существуютъ и положенія частныя, порождающія довольно значительное различіе взглядовъ криминалистовъ. Одни настаиваютъ на постоянномъ примѣненіи территоріальнаго закона, другіе—на примѣненіи закона родины преступника, третьи — на примѣненіи закона той страны, противъ которой направлено преступленіе.

ТОЛКОВАНІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНА.

Каждый уголовный законъ представляетъ собою, какъ замѣчено, выраженіе, при посредствѣ рѣчи, воли государственной власти. Въ немъ законодатель даетъ общее правило по отношенію къ безконечному ряду однородныхъ случаевъ, которые могутъ имѣть мѣсто въ будущемъ.

Ясно поэтому, что уголовный законъ нуждается въ истолкованіи воли законодателя, въ немъ выраженной, при примѣненіи этого закона къ отдѣльнымъ случаямъ, подъ него подводимымъ.

Это толкованіе можетъ быть и бываетъ различно. Оно можетъ быть грамматическимъ, т. е. толкованіемъ по грамматической конструкціи изложенія закона. Оно можетъ быть логическимъ, толкованіемъ по смыслу закона. По своимъ пріемамъ толкованіе можетъ быть также догматическимъ, историческимъ и сравнительнымъ. Въ первомъ случаѣ оно исходитъ и руководится нѣкоторыми основными юридическими положеніями, при помощи которыхъ и выясняетъ смыслъ истолковываемаго закона. Во второмъ случаѣ оно исходитъ въ своихъ объясненіяхъ отъ послѣдовательнаго развитія закона въ ходѣ исторіи. Наконецъ, въ третьемъ—отъ сопоставленія и сравненія отдѣльныхъ законовъ.

Далѣе, толкованіе, по своему объему, можетъ быть распространительнымъ, т. е. выходящимъ за узко-буквальный смыслъ закона, и ограничительнымъ.

По различію толкователей толкованіе бываетъ аутентическимъ или законодательнымъ, т. е. производимымъ въ порядкѣ законодательномъ; толкованіемъ судебнымъ, т. е. исходящимъ отъ органовъ судебной власти, и, наконецъ, научнымъ.

При всемъ томъ, однако, могутъ встрѣчаться случаи, въ достаточной мѣрѣ не предусмотрѣнные закономъ. Тогда возникаетъ вопросъ

о пользованіи аналогіей, которая можетъ быть аналогіей закона и аналогіей права. Первая имѣетъ мѣсто тогда, когда случай, въ достаточной мѣрѣ не предусмотрѣнный закономъ, подводится подъ дѣйствіе закона, предусматривающаго случаи аналогичные. При аналогіи права рѣшеніе обосновывается на общихъ началахъ и духѣ даннаго уголовнаго законодательства.

10.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И ЕГО СУЩНОСТЬ.

Уголовный законъ воспрещаетъ, подъ страхомъ наказанія, опредѣленныя, въ законѣ перечисляемыя, дѣянія, носящія названіе преступленій. Но, спрашивается, какъ опредѣлить тотъ общій элементъ, который придаетъ всѣмъ этимъ дѣяніямъ ихъ специфическій характеръ, отличающій ихъ отъ всѣхъ прочихъ дѣяній? Въ отношеніи этого вопроса доктрина классической школы представляетъ, какъ и всегда, довольно значительное различіе во взглядахъ криминалистовъ, послѣдователей этой школы. Они даютъ различныя опредѣленія преступленія, какъ общаго понятія.

Одни видятъ въ немъ дѣйствіе, нарушающее охраняемую уголовнымъ закономъ правовую свободу и, слѣдовательно, нарушеніе права—Rechtswidrigkeit. Это нарушеніе права можетъ быть нарушеніемъ права государства, иначе—публичнымъ преступленіемъ, или же нарушеніемъ права отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ государства,—частнымъ преступленіемъ.

Но вѣдь всякому праву одной стороны соотвѣтствуетъ обязанность другой. Поэтому нѣкоторые криминалисты, обращая преимущественное вниманіе на эту послѣднюю, видятъ основной элементъ преступленія въ нарушеніи обязанности и разсматриваютъ его, какъ нарушеніе этой послѣдней—Pflichtswidrigkeit.

Исходя изъ того же постояннаго соотвѣтствія права и обязанности, третьи разсматриваютъ преступленіе, какъ единовременное нарушеніе права и обязанности.

Четвертые опредѣляютъ преступленіе, какъ нарушеніе уголовнаго закона—Gesetzswidrigkeit. Разъ не существуетъ запрещенія закономъ того или другого дѣянія подъ страхомъ наказанія, разсуждаютъ они, не существуетъ и преступленія, не можетъ существовать и наказанія.

Противъ этого опредѣленія—а, между тѣмъ, опредѣленія, вообще.

играютъ чрезвычайно важную роль въ доктринѣ классической школы—со стороны нѣкоторыхъ криминалистовъ слышатся возраженія. Указываютъ, что весьма многимъ уголовнымъ законамъ не находится соотвѣтствующихъ опредѣлительныхъ законовъ въ другихъ частяхъ законодательства. Такъ, напримѣръ, внѣ Уголовнаго Уложенія, въ другихъ частяхъ нашего Свода Законовъ, мы не находимъ постановленія о неприкосновенности здоровья или жизни человѣка.

И вотъ возникаетъ новое опредѣленіе преступленія, какъ нарушенія нормы—Normwidrigkeit. Но что же такое эта норма, которую нарушаетъ преступное дѣяніе? По мнѣнію создателя этой теоріи, проф. Биндинга, норма представляетъ собою положеніе или правило внѣзаконодательнаго права (ein Satz des ungesetzten Rechtes).

Существуютъ и другія опредѣленія преступленія, напримѣръ, какъ запрещаемаго подъ страхомъ наказанія неправомѣрнаго посягательства на охраняемый правомъ интересъ.

Я не стану останавливаться долѣе и разбирать всѣ подобныя опредѣленія. Нетрудно видѣть, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ логическими и словесными тонкостями. Онѣ, эти тонкости, ничего не прибавляютъ къ нашимъ знаніямъ историческаго хода развитія занимающаго насъ понятія, при изученіи котораго мы знакомились не только съ эволюціей понятія, но и со всѣми ея бытовыми факторами.

ГРѢХЪ, ПРОТИВОНРАВСТВЕННОЕ ДѢЯНІЕ, ГРАЖДАНСКАЯ НЕПРАВДА И НЕПРАВДА ПОЛИЦЕЙСКАЯ.

Послѣ опредѣленія уголовной неправды, т. е. преступленія, для доктрины возникаетъ нужда отграничить дѣянія этой неправды отъ дѣяній болѣе или менѣе сходныхъ и потому болѣе или менѣе сопредѣльныхъ, каковы дѣянія грѣховныя, безнравственныя или противонравственныя и дѣянія съ характеромъ неправды гражданской.

Грѣхъ—это нарушеніе предписаній божественнаго закона, нарушеніе предписаній религіи. Въ немъ важны не внѣшнія проявленія, а внутренняя сторона дѣянія. Это явленіе внутренняго міра, для котораго существуетъ и внутренній судья—совѣсть человѣка, указывающая ему противорѣчіе происшедшаго съ велѣніями и правилами высшаго порядка, освященнаго высшимъ авторитетомъ. Въ области грѣха и его устраненія раскаяніемъ нѣтъ мѣста внѣшнему постороннему принужденію.

Почти то же надо сказать и о противонравственныхъ дѣяніяхъ.

Религія санкціонируетъ нравственность и, тѣмъ самымъ, сливаетъ область грѣховнаго и безнравственнаго. Первоначально и область права, какъ вы знаете, не выдѣлялась изъ этого цѣлаго, стоявшаго „на особой почвѣ преданія и общественнаго мнѣнія“. Это мнѣніе представляло тогда могучую, подчиняющую нравственную силу. Въ такомъ же положеніи мы находимъ занимающія насъ области и въ началѣ Среднихъ Вѣковъ, которые, по уровню своего развитія, представляются неизмѣримо болѣе примитивными сравнительно съ конечными эпохами древняго міра. Только съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ факторовъ, на которые я указывалъ уже, говоря о второмъ періодѣ въ исторіи явленій уголовнаго права, право и нравственность постепенно обособляются, причемъ въ первомъ, т. е. правѣ, внутренняя сторона дѣяній отходитъ на задній планъ и впередъ выдвигается ихъ внѣшняя, формальная сторона. Съ развитіемъ положительной науки и научнаго направленія въ области человѣковѣдѣнія и обществовѣдѣнія, нравственность снова начинаетъ постепенно занимать, по существу, принадлежащее ей мѣсто. На-ряду съ этимъ поступательно начинаетъ усиливаться и контроль общественнаго мнѣнія въ области нравственной стороны поступковъ и возникаетъ возможность отграниченія области гражданской нравственности и религіи.

На почвѣ того же знанія хода историческаго развитія только и могутъ быть найдены дѣйствительныя основанія, почему одни дѣянія зачислялись и зачисляются въ область уголовной неправды, тогда какъ другія, по меньшей мѣрѣ подобныя, зачисляются въ область неправды гражданской. Безъ этого все здѣсь темно, все неразграничимо.

Въ самомъ дѣлѣ, какое, напримѣръ, существуетъ дѣйствительное различіе, различіе по самой природѣ дѣяній, между растратами чужого ввѣреннаго имущества и умышленными займами безъ отдачи на кутежи, на прожиганіе жизни? Не бываютъ ли послѣдніе часто гораздо безнравственнѣе и опаснѣе, нежели первыя? А между тѣмъ однѣ—явленія области уголовной неправды, тогда какъ другіе — неправды гражданской.

И подобныхъ явленій можно указать не мало, напримѣръ, хотя бы многія дѣянія биржевой игры, съ одной стороны, и уголовно-наказуемыя дѣянія различныхъ захватовъ чужого имущества—съ другой. Дѣйствительныя причины такихъ различій обыкновенно сводились къ вопросу о томъ, интересы какихъ слоевъ общества страдали отъ тѣхъ или другихъ дѣяній. Въ зависимости отъ этого одни отно-

сились, да и теперь еще относятся, къ области уголовной неправды, тогда какъ другіе—къ области неправды гражданской.

Тѣмъ не менѣе, классическая школа, исходящая, обыкновенно, отъ логическихъ построеній, потратила не мало напряженій ума, остроумія и отвлеченныхъ соображеній на отысканіе непоколебимой границы между занимающими насъ неправдами—уголовной и гражданской.

Приведу небезынтересный примѣръ. Касаясь вопроса объ установленіи такого твердаго отграниченія, покойный проф. Неклюдовъ замѣчаетъ: „Этотъ вопросъ безспорно одинъ изъ самыхъ капитальныхъ и труднѣйшихъ вопросовъ уголовнаго права. Не одно перо криминалистовъ преломилось надъ нимъ безплодно. Знаменитѣйшіе философы, Кантъ и Гегель, не обошли равнымъ образомъ его молчаніемъ. Но эти неудачи не должны останавливать ума изслѣдователя, единственный авторитетъ котораго—истина“.

И вотъ, въ поискахъ этой истины въ одномъ изъ „труднѣйшихъ и капитальныхъ вопросовъ уголовнаго права“, классическая школа создала цѣлый рядъ безплодныхъ теорій, чтобы, наконецъ, придти къ убѣжденію въ невозможности твердыхъ отграниченій и къ тому, „что неправда едина и что то, что мы называемъ неправдою уголовною и гражданскою, составляетъ только различные моменты или стороны одного и того же правонарушающаго посягательства“.

Сравнительно болѣе опредѣленнымъ, яснымъ и устойчивымъ представляется отграниченіе неправды уголовной, или преступленія, отъ неправды полицейской, или полицейскаго нарушенія. Преступленіе—это само по себѣ вредоносное дѣйствіе, тогда какъ неправда полицейская—это дѣяніе только опасное, грозящее вредоносными послѣдствіями, такъ, напримѣръ, намѣренное нанесеніе ранъ, съ одной стороны, и разведеніе костровъ въ лѣсу въ сухое время, съ другой. Но и здѣсь, переходы могутъ быть весьма неопредѣленны въ своихъ свойствахъ.

СОСТАВЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Преступленіе, т. е, дѣяніе или несодѣяніе, запрещаемое закономъ подъ страхомъ наказанія, какъ посягающее на устанавливаемый закономъ правовой порядокъ и нарушающее то или другое право и соотвѣтствующую ему обязанность, представляется явленіемъ сложнымъ, которое необходимо требуетъ для своего бытія наличности опредѣленныхъ образующихъ его слагаемыхъ, наличности опредѣленныхъ при-

знаковъ. Совокупность этихъ необходимыхъ для бытія преступленія слагаемыхъ и образуетъ собою то, что называютъ составомъ преступленія—Thatbestand des Verbrechens, corpus delicti. Составъ преступленія подраздѣляютъ на общій и особенный или частный. Подъ первымъ разумѣютъ совокупность необходимыхъ элементовъ, только при наличности которыхъ дѣяніе признается преступнымъ и наказуемымъ, какъ явленіе родовое. Подъ вторымъ разумѣютъ совокупность элементовъ, при наличности которыхъ признается бытіе преступнаго дѣянія, какъ явленія видового. Первая совокупность необходима для бытія всякаго преступленія вообще, а вторая — для бытія видовыхъ преступныхъ дѣяній—воровства, клеветы и т. д.

КЛАССИФИКАЦІИ ПРЕСТУПНЫХЪ ДѢЯНІЙ.

Преступныя дѣянія могутъ и подраздѣляются различнымъ образомъ: по тяжести наказаній, которыми они облагаются; по органамъ судебной власти, которыми они судятся; по объектамъ, на которые они направляются; по порядку ихъ судебнаго преслѣдованія и т. д. Примѣромъ подраздѣленія преступныхъ дѣяній по тяжести назначаемыхъ за нихъ наказаній можетъ служить французское трехчленное дѣленіе: 1) на преступленія (crimes, Verbrechen, по нашему новому Уголовному Уложенію, тяжкія преступленія), за которыя полагаются тяжкія, обезчещивающія наказанія и которыя судятся съ присяжными; 2) на проступки (délits, Vergehen, по нашему новому Уложенію просто преступленія), за которые назначается тюремное заключеніе до 5 лѣтъ или штрафъ свыше 15 фр. и которые судятся судомъ полиціи исправительной; и 3) на полицейскія нарушенія (contraventions, Uebertretungen, по нашему новому Уложенію проступки), за которыя полагаются болѣе легкія наказанія и которыя судятся полицейскимъ единоличнымъ судомъ.

По объекту, на который направляются преступныя дѣянія, они дѣлятся на государственныя преступленія и преступленія частныя; на преступленія противъ лица или личныя и преступленія противъ имущества или имущественныя и т. д.

По порядку судебнаго преслѣдованія преступленія дѣлятся: 1) на преступленія общественныя, преслѣдуемыя государственною властью, независимо отъ воли частныхъ лицъ (напримѣръ, убійство); 2) на общественно-частныя, преслѣдованіе за которыя возбуждается по частному иску, но, разъ возбужденное, оно не пре-

кращается примиреніемъ сторонъ и преслѣдованіе ведется въ порядкѣ государственнаго обвиненія (напримѣръ, изнасилованіе); и 3) на частныя, преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія со стороны потерпѣвшихъ, съ возможностью прекращенія преслѣдованія по волѣ сторонъ примиреніемъ, прощеніемъ (напримѣръ, обиды). Въ этомъ дѣленіи не трудно усмотрѣть и до нашего времени сохранившіеся слѣды старины.

11.

СУБЪЕКТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Государственный уголовный законъ обращается со своими велѣніями къ подданнымъ государства и къ лицамъ, пребывающимъ на его территоріи, а потому для бытія преступленія прежде всего необходимо лицо, совершающее нарушеніе велѣній государственной власти, объявленныхъ къ исполненію подъ страхомъ наказанія, иначе говоря, необходимъ субъектъ преступленія. Далѣе, для бытія преступленія необходимы средства его совершенія и примѣненіе этихъ средствъ, въ цѣляхъ осуществленія дѣянія, задуманнаго субъектомъ преступленія, иначе говоря, необходимо самое дѣйствіе, болѣе или менѣе сложное. Наконецъ, необходимъ объектъ преступленія, на который направляется преступное дѣйствіе, ради достиженія того или иного желаннаго субъектомъ результата. Таковы необходимые элементы общаго состава преступленія, какъ родоваго понятія.

Въ прежнія, уже довольно отдаленныя отъ насъ, эпохи, соотвѣтствовавшія низшимъ ступенямъ развитія, субъектами преступленія, въ смыслѣ факторовъ вредоносныхъ дѣяній, которыя влекли за собою реакціи, предусматрившіяся въ законѣ, могли быть животныя, насѣкомыя и даже неодушевленные предметы. Такихъ субъектовъ преступленія знали законодательства грековъ, римлянъ и народовъ средневѣковья до довольно позднихъ временъ. По древнегреческому закону, неодушевленные предметы, причинившіе смерть человѣку, подлежали удаленію изъ страны. По средневѣковому каноническому праву животныя, учинившія законопротивныя дѣянія, судились, даже при участіи назначенныхъ имъ защитниковъ, и приговаривались къ повѣшенію, сожженію, отсѣченію головы, къ изгнанію или къ преданію анаѳемѣ, а иногда подвергались и предварительному задержанію въ

тюрьмѣ. Процессы, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, съ обвинительными и защитительными рѣчами, велись противъ крысъ, мышей, саранчи, труповъ, памяти умершаго и проч. У насъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Тобольскъ Угличскій колоколъ. Въ Базелѣ былъ приговоренъ къ сожженію пѣтухъ за то, что снесъ яйцо и тѣмъ обнаружилъ свою связь съ діаволомъ.

Съ теченіемъ времени и ходомъ развитія, понятіе о возможности отвѣтственности животныхъ, а тѣмъ болѣе неодушевленныхъ предметовъ передъ уголовнымъ закономъ исчезаетъ. Уголовно-отвѣтственнымъ остается только человѣкъ, человѣческая личность и при томъ, какъ личность физическая, индивидуальная, но не отвлеченная, воображаемая, коллективная, созданная юридическимъ мышленіемъ, какою представляется юридическая личность, — государство, то или другое общество, союзъ обществъ, община и учрежденіе вообще. Юридическая личность, по самому своему существу, не можетъ быть субъектомъ преступленія и, какъ таковая, не можетъ совершить его. Преступленіе можетъ быть совершено большимъ или меньшимъ числомъ физическихъ личностей, входящихъ членами въ юридическую личность и дѣйствующихъ отъ ея имени. Впрочемъ, и здѣсь, какъ и вообще между криминалистами классической школы существуетъ различіе мнѣній и ведутся споры. Такъ, напримѣръ, проф. Неклюдовъ признавалъ, что и юридическія лица, „при нѣкоторыхъ условіяхъ, могутъ подлежать отвѣтственности“. Нѣкоторые юристы говорятъ даже объ отвѣтственности цѣлыхъ народовъ, указывая на судъ исторіи, на „страданія, горести и болѣзни“, являющіяся послѣдствіями дурныхъ дѣйствій этихъ народовъ. Очевидно, однако, что отвѣтственность въ этихъ случаяхъ иная, нежели та уголовная отвѣтственность, о которой мы говоримъ по отношенію къ лицамъ физическимъ.

СОСТОЯНІЕ ВМѢНЯЕМОСТИ.

Не всякое, однако, физическое лицо, не всякій человѣкъ или, вѣрнѣе и точнѣе, человѣкъ не во всякомъ состояніи признается способнымъ къ уголовной отвѣтственности за свои дѣянія, хотя бы эти дѣянія и представляли всѣ признаки преступленій. Доктрина классической школы и законодательства указываютъ психологическіе критеріи наличности состоянія вмѣняемости, состоянія способности къ уголовной отвѣтственности и перечисляютъ условія, это состояніе исключающія.

Условія, исключающія состояніе вмѣняемости, могутъ быть кратковременно существующими или длящимися болѣе или менѣе продолжительно и даже пожизненными, какъ, напримѣръ, при глубокомъ идіотизмѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи всѣ эти условія непосредственно сводятся къ недоразвитію или къ разстройству и уклоненіямъ отъ нормальной душевной дѣятельности, отъ того minimum'а ея правильности, который признается необходимымъ для существованія, такъ называемой, дѣеспособности, т. е. способности дѣйствовать самостоятельно въ области юридическихъ отношеній и вести правомѣрную жизнь въ обществѣ. Представленіе о такомъ minimum'ѣ нормальности душевной дѣятельности, необходимомъ для наличности состоянія дѣеспособности и вмѣняемости, не представляется, однако, достаточно точно и неизмѣнно опредѣленнымъ. Отъ этого и зависятъ различія, наблюдаемыя на практикѣ, въ представленіи объ этомъ необходимомъ minimum'ѣ по мѣсту, времени и индивидуальнымъ воззрѣніямъ. Тѣмъ не менѣе, представленіе о такомъ minimum'ѣ существуетъ, какъ необходимое условіе существованія отправной точки для сравненія, а слѣдовательно, и для сужденія.

Наряду съ состояніями полной вмѣняемости или невмѣняемости криминалисты все болѣе и болѣе начинаютъ признавать еще посредствующее состояніе неполной или какой-то уменьшенной вмѣняемости. Разсматривая вопросъ со стороны логической правильности понятія уменьшенной вмѣняемости, надо будетъ признать, что такое состояніе не можетъ существовать. Вѣдь одно изъ двухъ: или человѣкъ отвѣтственъ за свое дѣйствіе передъ уголовнымъ закономъ, или онъ не отвѣтственъ передъ нимъ. Между этими двумя возможностями не существуетъ и не можетъ существовать середины. А въ какой степени человѣкъ отвѣтственъ? Это уже вопросъ другой, вопросъ мѣры, но не вопросъ существованія факта.

Несмотря, однако, на логическую погрѣшность, ученіе о состояніяхъ неполной или уменьшенной вмѣняемости, какъ состояніяхъ, требующихъ существенныхъ измѣненій въ примѣняемыхъ мѣрахъ репрессіи, можетъ оказать и, конечно, окажетъ важное вліяніе на измѣненіе взглядовъ представителей классической школы на дѣйствительныя мѣры борьбы съ преступностью. Надо сказать, что ученіе о состояніяхъ уменьшенной вмѣняемости возникло и развивалось на почвѣ борьбы научнаго направленія съ направленіемъ традиціоннымъ, классическимъ, и, какъ таковое, это ученіе, развиваясь дальнѣйше, конечно, будетъ содѣйствовать побѣдѣ правильныхъ взглядовъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ КРИТЕРІИ СОСТОЯНІЯ ВМѢНЯЕМОСТИ.

Психологическіе критеріи состоянія вмѣняемости всегда вызывали существенныя разногласія и горячіе споры въ литературѣ, а также и при установленіи законодательныхъ формулъ. Значеніе и правильность указывавшихся и указываемыхъ критеріевъ выяснится для васъ впослѣдствіи, когда мы познакомимся съ основами механизма психической дѣятельности человѣка. Теперь же замѣчу только, что наиболѣе горячіе споры вызывало дѣйствительно существенное для системы построенія современныхъ уголовныхъ кодексовъ и для доктрины классической школы ученіе о свободѣ воли и свободѣ выбора, какъ критеріяхъ наличности или отсутствія состоянія вмѣняемости. Въ дальнѣйшемъ изложеніи объ этомъ ученіи я буду говорить подробно.

Опредѣляя психологическіе критеріи, наличность которыхъ необходима для бытія состоянія вмѣняемости, одни требуютъ наличности самосознанія, наличности сознанія внѣшняго міра и развитаго сознанія обязанностей. Другіе требуютъ наличности нормальной опредѣляемости посредствомъ мотивовъ и т. д. Наше новое Уголовное Уложеніе требуетъ полноты развитія, наличности сознанія, возможности пониманія свойства и значенія совершаемаго и способности руководить своими поступками.

УСЛОВІЯ ИЛИ МОМЕНТЫ, ИСКЛЮЧАЮЩІЕ ВМѢНЯЕМОСТЬ.

Наряду съ критеріями вмѣняемости, кодексы и писатели перечисляютъ моменты или условія, исключающіе наличность этихъ критеріевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вмѣняемость. Къ числу такихъ моментовъ обыкновенно относятъ:

1) душевную неразвитость возраста дѣтства, предѣлъ котораго по различнымъ законодательствамъ устанавливается въ различные сроки; по нашему законодательству предѣлъ этотъ устанавливается въ 10 лѣтъ; до 10 лѣтъ даже не можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе и разбирательство и уголовная респрессія не выходитъ изъ предѣловъ мѣръ, примѣняемыхъ семьей;

2) къ числу исключающихъ моментовъ относятъ и возрастъ несовершеннолѣтія, но относятъ его условно, въ случаяхъ признанія недостаточности развитія; по французскому, напримѣръ, законодатель-

ству нѣтъ возраста абсолютной невмѣняемости дѣтства, а только возрастъ условной невмѣняемости несовершеннолѣтія, а именно, до 18 лѣтъ продолжается періодъ, въ теченіе котораго вмѣняемость или невмѣняемость устанавливается въ каждомъ данномъ случаѣ судомъ, въ зависимости отъ признанной степени душевнаго развитія; по нашему дѣйствующему законодательству періодъ условной невмѣняемости возраста несовершеннолѣтія продолжается отъ 10 до 17 лѣтъ;

3) глубокую старость, какъ періодъ впаденія въ вторичное дѣтство или, иначе, какъ возможный періодъ выживанія изъ ума и утраты той способности, недостатокъ которой исключалъ вмѣняемость въ періоды дѣтства и несовершеннолѣтія;

4) глухонѣмоту, препятствующую воспріятію воспитательныхъ воздѣйствій, необходимыхъ для пріобрѣтенія полноты душевнаго развитія; надо замѣтить, однако, что съ усовершенствованіемъ въ наше время пріемовъ воспитанія и образованія глухонѣмыхъ исключающее вліяніе этого момента значительно ослабляется;

5) идіотизмъ и высшія степени слабоумія, какъ прирожденныя состоянія невозможности пріобрѣтенія достаточной полноты душевнаго развитія;

6) дикость, какъ состояніе полнаго отсутствія нравственной и умственной культуры, а съ нею и пониманія значенія и свойствъ поступковъ и дѣйствій;

7) состояніе сна и просонокъ и сомнамбулизмъ или сонноходство, какъ состоянія отсутствія или полной спутанности сознанія;

8) состоянія болѣзненной безсознательности;

9) состоянія сильнаго опьяненія, сопровождаемыя искусственно вызваннымъ глубокимъ извращеніемъ душевной дѣятельности, до полной безсознательности включительно;

10) состоянія высшей степени развитія аффектовъ или душевныхъ волненій, какъ состоянія, помрачающія сознаніе и органически устраняющія самообладаніе;

11) различныя душевныя болѣзни, какъ состоянія, глубоко разстраивающія правильное теченіе душевной жизни,

а также и нѣкоторые другіе моменты, такъ или иначе сводящіеся все къ тому же значительному недоразвитію или разстройству и уклоненіямъ отъ нормальной душевной дѣятельности, отъ того minimum'а ея правильности, наличность котораго признается необходимой для правомѣрной жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ.

12.

ОБЪЕКТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Право существуетъ только въ человѣческомъ обществѣ и, какъ цѣлостная система, нормирующая взаимныя отношенія членовъ этого общества между собою, оно представляется продуктомъ осмысленнаго опыта и творчества человѣка. Поэтому и объектомъ преступленія, какъ нарушенія того или другого конкретнаго права и соотвѣтствующей ему конкретной обязанности, охраняемыхъ карательной санкціей, можетъ быть только человѣкъ, соединенія людей въ различныя общества и въ еще болѣе общирное цѣлое—государство, съ принадлежащими имъ конкретными правами. Иначе говоря, преступныя дѣянія могутъ направляться только противъ государства, обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Поэтому же преступленій противъ высшихъ существъ—Божества, Ангеловъ и проч. и противъ низшихъ существъ—животныхъ, какъ не входящихъ въ составъ человѣческаго общества, взаимныя отношенія въ которомъ нормируются правомъ, не можетъ существовать. Дѣянія, противъ этихъ существъ направленныя, если и воспрещаются закономъ подъ страхомъ наказанія, то только какъ дѣянія такъ или иначе затрагивающія и нарушающія конкретныя права государства, общества или отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ, какъ дѣянія, глубоко оскорбляющія ихъ религіозныя или нравственныя чувства, каковы издѣвательство надъ религіей, жестокое обращеніе съ животными и проч.

УСЛОВІЯ ГОДНОСТИ ОБЪЕКТА.

Если для бытія преступленія необходимо, чтобы субъектъ посягательства обладалъ годностью къ его совершенію, то въ такой же степени необходимо, чтобы и объектъ посягательства обладалъ физической и юридической годностью къ тому.

Физическая негодность объекта, на который направилось посягательство, даетъ мѣсто преступленіямъ, называемымъ классиками мнимыми. Какъ на примѣръ такого преступленія, Бернеръ указываетъ на случай рѣшимости совершить убійство, осуществленіе котораго, по ошибкѣ, послѣдовало надъ куклою или тѣнью. Можно указать также на похищеніе, по ошибкѣ, собственной вещи вмѣсто чужой

и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ было только намѣреніе, но не было осуществленія.

Юридическая годность объекта можетъ быть устранена согласіемъ пострадавшаго, согласно правилу „volenti non fit injuria“. Но въ случаяхъ согласія пострадавшаго дѣлаютъ, однако, различіе между правами отчуждаемыми и правами неотчуждаемыми. Въ случаяхъ посягательствъ на первыя, согласіе пострадавшаго уничтожаетъ возможность бытія преступнаго дѣянія. Такъ, напримѣръ, при согласіи не можетъ быть личнаго оскорбленія, не можетъ быть воровства, грабежа и проч. Инымъ представляется вопросъ по отношенію къ правамъ неотчуждаемымъ, къ числу которыхъ относятъ, напримѣръ, право на жизнь. Поэтому убійство по просьбѣ жертвы и даже пособничество къ самоубійству причисляются къ дѣяніямъ наказуемымъ. Надо, впрочемъ, сказать, что объемъ сферы вліянія согласія пострадавшаго на устраненіе юридической годности объекта въ ученой литературѣ классической школы представляется довольно спорнымъ.

Юридическая годность объекта можетъ устраняться также постановленіями закона и законными распоряженіями власти, но при наличности извѣстныхъ условій. Необходимо въ такихъ случаяхъ, чтобы совершитель дѣянія, при иныхъ условіяхъ преступнаго, былъ уполномоченъ на него, чтобы онъ совершилъ его съ строгимъ соблюденіемъ установленныхъ для того формъ, чтобы въ данномъ случаѣ существовало достаточное фактическое основаніе для его совершенія, чтобы приказъ былъ данъ компетентною для того властью, исполнявшею тѣмъ самымъ свои обязанности и чтобы, сверхъ того, этотъ приказъ или распоряженіе, въ свою очередь, были даны и сдѣланы съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для того формъ. Какъ примѣры можно указать: совершеніе казни, примѣненіе насилій, оказавшихся необходимыми для исполненія законнаго распоряженія, случаи производства обысковъ и проч.

Къ вопросамъ, касающимся объекта преступленія, относятъ и вопросы о необходимой оборонѣ и крайней необходимости.

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА.

Необходимая оборона имѣетъ мѣсто при незаконномъ нападеніи, производимомъ съ цѣлью нарушенія правъ лицъ, подвергающихся этому нападенію.

Состояніе необходимой обороны, которое устраняетъ отвѣтствен-

ность за нарушеніе правъ нападающаго до его права на жизнь включительно, наступаетъ исключительно только при наличности извѣстныхъ условій.

Охраненіе и защиту всѣхъ конкретныхъ правъ въ государствѣ беретъ на себя государственная власть, запрещающая, въ интересахъ порядка, всякое самоуправство. Поэтому первое необходимое условіе бытія состоянія необходимой обороны—отсутствіе возможности въ данномъ мѣстѣ и въ данное время прибѣгнуть къ защитѣ угрожаемаго права государственною властью. Вторымъ условіемъ является наступленіе начала противозаконнаго нападенія. Одно предположеніе о возможности такового еще не можетъ дать мѣста состоянію необходимой обороны. Конечно, при обсужденіи конкретныхъ случаевъ, субъективное состояніе субъекта, которому угрожало нападеніе, должно быть принимаемо во вниманіе.

Предметами необходимой обороны со всѣми ея возможными крайностями, до лишенія нападающаго жизни включительно, признаются важныя блага лица, подвергшагося нападенію или отъ него ограждаемаго, каковы жизнь, здоровье, свобода, цѣломудріе. По отношенію къ имуществу мнѣнія значительно расходятся. Одни допускаютъ существованіе состоянія необходимой обороны только при совмѣстности нападенія на имущество и личность; другіе допускаютъ это существованіе и безъ нападенія на личность, но подъ условіемъ невознаградимости и цѣнности благъ, подвергшихся нападенію и т. д.

Необходимая оборона, какъ состояніе вполнѣ исключительное, вызываемое отсутствіемъ защиты со стороны государства, длится именно столько же, сколько длится незаконное нападеніе. Состояніе это укладывается исключительно въ предѣлахъ начала и конца нападенія: ни меньше, ни больше. Все, что внѣ этихъ предѣловъ, то, съ точки зрѣнія доктрины, представляетъ собою наказуемое превышеніе обороны, которое поэтому можетъ быть преждевременнымъ или послѣдующимъ (нападающій убѣгаетъ, а въ догонку его посылается выстрѣлъ), но никогда не можетъ быть современнымъ, когда сила и размѣры обороны не находятся хотя бы въ сколько-нибудь достаточномъ соотвѣтствіи съ силами и размѣрами нападенія.

СОСТОЯНІЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ.

По существу близко родственнымъ состоянію необходимой обороны является состояніе крайней необходимости. Различіе состоитъ лишь въ томъ, что наличность необходимой обороны обусловливается

противозаконнымъ нападеніемъ, тогда какъ состояніе крайней необходимости вызывается также и наличностью неотвратимой опасности со стороны силъ природы, напримѣръ, при наводненіи, пожарѣ и т. д. Сверхъ того, въ случаяхъ необходимой обороны посягательство направляется, въ цѣляхъ обороны, на блага нападающаго, а въ случаяхъ крайней необходимости на блага третьихъ лицъ, ни на кого никакихъ нападеній не совершающихъ, а иногда происходитъ только нарушеніе какого-либо закона. Въ тѣхъ и другихъ случаяхъ условія для признанія существованія состояній необходимой обороны и крайней необходимости и условія для устраненія отвѣтственности за совершенное одинаковы.

13.

ПРЕСТУПНОЕ ДѢЯНІЕ И СУБЪЕКТИВНАЯ ЕГО СТОРОНА.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію самого дѣйствія, при помощи котораго субъектъ преступленія осуществляетъ свое преступное намѣреніе по отношенію къ объекту его законопротивнаго посягательства.

Это дѣйствіе, съ самаго его начала, представляетъ двѣ стороны и заключаетъ въ себѣ два элемента: 1) тѣ внутренніе душевные процессы, которые происходятъ въ самомъ дѣятелѣ преступленія, и 2) проявленія этихъ внутреннихъ процессовъ во внѣ, въ различныхъ планомѣрныхъ движеніяхъ, т. е. въ дѣятельности. Первые, т. е. душевные процессы, образуютъ собою внутреннюю или субъективную сторону преступнаго дѣянія, а вторыя или внѣшнія проявленія душевныхъ процессовъ—внѣшнюю или объективную сторону. Первая въ ходѣ своего поступательнаго развитія всегда по времени предшествуетъ соотвѣтствующимъ стадіямъ второй. Поэтому съ первой и естественно начать анализъ преступнаго дѣйствія.

Обсуждая и оцѣнивая преступное дѣяніе, доктрина принимаетъ во вниманіе существующую въ немъ связь между предусматривавшимся и желавшимся, съ одной стороны, и совершеннымъ субъектомъ преступленія, съ другой. Если желавшееся и предусматривавшееся соотвѣтствовало совершонному, то дѣяніе разсматривается, какъ замышленное или умышленное. Въ немъ внутренняя сторона совершоннаго находится въ полномъ соотвѣтствіи со стороною внѣшнею.

Если же предусматривавшееся и желавшееся не соотвѣтствуетъ

совершонному законопротивному дѣянію, на которое дѣятель не соизволялъ, но при осуществленіи котораго онъ не проявилъ достаточной осторожности и должной степени предусмотрительности и предвѣдѣнія возможныхъ послѣдствій своего дѣйствія, то это послѣднее разсматривается, какъ дѣйствіе неосторожное. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ умысломъ (dolus), а во второмъ съ неосторожностью (culpa). Преступность неосторожности доктрина усматриваетъ не въ преступности задуманнаго и желавшагося, а въ возможности, если говорить вообще, предвѣдѣнія преступнаго результата и въ нарушеніи обязанности предвѣдѣнія, вытекавшей изъ такой возможности.

УМЫСЕЛЪ.

Для того, чтобы человѣкъ началъ дѣйствовать, т. е. проявлять свои внутренніе душевные процессы во внѣ, необходимъ тотъ или другой опредѣленный толчекъ, тотъ или другой импульсъ, который и порождаетъ болѣе или менѣе ясно и напряженно испытываемую потребность. Удовлетвореніе этой потребности становится цѣлью. Возникаетъ влеченіе къ достиженію цѣли и вызываетъ представленія о необходимыхъ для того, болѣе или менѣе сложныхъ, дѣйствіяхъ.

Но для всякаго дѣйствія необходимо развитіе нервной энергіи. При слабомъ развитіи и напряженіи послѣдней весь процессъ сознается съ оттѣнкомъ большей или меньшей желательности. При дальнѣйшемъ и увеличившемся напряженіи нервной энергіи процессъ достигаетъ степени рѣшимости, которая въ моментъ своего высшаго напряженія переходитъ въ волевой актъ, т. е. въ проявленія внутреннихъ процессовъ душевной жизни и развившейся нервной энергіи во внѣшнихъ, болѣе или менѣе сложныхъ, дѣйствіяхъ. Эти дѣйствія при этомъ направляются къ достиженію предположенной цѣли—къ совершенію задуманнаго преступнаго дѣянія, въ которомъ субъектъ преступленія видитъ средство для удовлетворенія возникшей у него той или другой потребности.

Иногда весь только что описанный процессъ, вплоть до начала перехода въ дѣятельность, протекаетъ болѣе или менѣе быстро. Указанные его послѣдовательные моменты при этомъ до крайности укорачиваются въ своей продолжительности и вслѣдствіе того сливаются почти до нерасчленяемости въ одно общее цѣлое, быстро протекающее и переходящее въ волевой актъ.

Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, процессъ, по продолжительности хода нарастанія его энергіи отъ степени болѣе или менѣе слабой желательности, сопровождающей возникшую мысль, до степени напряженной рѣшимости, непосредственно граничащей съ переходомъ въ дѣйствіе, въ этихъ случаяхъ происходитъ медленно и съ большими или меньшими колебательными повышеніями и пониженіями въ напряженіи рѣшимости. При этомъ представленія о способахъ осуществленія задуманнаго смѣняютъ другъ друга, возникаютъ представленія контрастирующія, задерживающія, о возможныхъ неудачахъ, о дурныхъ послѣдствіяхъ дѣянія и проч.

ВИДЫ УМЫСЛА.

Весь описанный процессъ, вплоть до начала волевого акта, направляющагося на подготовленіе средствъ совершенія преступнаго дѣянія и на самое его совершеніе, подводится въ доктринѣ классической школы подъ понятіе умысла, который эта доктрина, съ свойственной ей наклонностью къ безполезнымъ и мелочнымъ логическимъ подраздѣленіямъ, многообразно классифицируетъ:

1) Умыселъ заранѣе обдуманный. Въ этомъ случаѣ мысль о преступленіи возникаетъ болѣе или менѣе задолго до начала осуществленія, и процессъ обдумыванія и взвѣшиванія болѣе или менѣе удлиняется.

2) Умыселъ внезапный, появляющійся безъ обдумыванія заранѣе и болѣе или менѣе быстро начинающій переходить въ дѣйствіе.

3) Умыселъ аффектированный. Онъ возникаетъ подъ вліяніемъ и во время аффекта, т. е. сильнаго душевнаго волненія, которое болѣе или менѣе нарушаетъ правильное теченіе умственной жизни и ослабляетъ, а иногда и совсѣмъ подавляетъ способность сдерживаться, руководить своими дѣйствіями и даже мыслить: „въ глазахъ потемнѣло“.

4) Умыселъ опредѣленный. При этомъ видѣ умысла дѣятель желаетъ строго опредѣленныхъ послѣдствій, напримѣръ, лишенія жизни своего соперника.

5) Умыселъ неопредѣленный. Онъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда дѣятель сознаетъ свою дѣятельность, сознаетъ ея направленіе и, въ то же время, не предусматриваетъ напередъ опредѣленныхъ ея результатовъ, а соизволяетъ на возможные, напр., бьетъ

противника молоткомъ, допуская, что отъ этого получится только боль, а быть можетъ болѣе серьезное и опасное поврежденіе или даже смерть.

6) Умыселъ предшествующій, умыселъ возникающій во время событій и даже послѣдующій за ними. Этотъ послѣдній выражается въ позднѣйшемъ одобреніи совершоннаго.

7) Умыселъ эвентуальный. Въ этихъ случаяхъ дѣятель соизволяетъ на преступный результатъ, хотя прямо и не желаетъ его.

Не трудно видѣть всю искусственность и безполезность такихъ подраздѣленій для цѣлей борьбы съ преступностью.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ.

Наличность умысла придаетъ преступному дѣянію полноту преступности. Низшую степень послѣдней представляетъ, по воззрѣнію доктрины классической школы, неосторожность. Дѣятель не желаетъ преступныхъ послѣдствій своего дѣянія и въ данномъ случаѣ не предвидѣлъ ихъ, хотя при наличности и при помощи необходимой для жизни въ обществѣ предусмотрительности и могъ ихъ предвидѣть. Въ этой возможности и обязанности предвидѣть доктрина усматриваетъ основаніе преступной неосторожности и обусловливаемыхъ ею неосторожныхъ преступныхъ дѣяній.

Само по себѣ неосторожное дѣяніе, напр., стрѣльба въ обитаемыхъ мѣстахъ, представляетъ собою только опасное дѣяніе и, какъ таковое, оно является полицейскимъ нарушеніемъ, но съ присоединеніемъ къ нему преступнаго послѣдствія, напр., лишенія кого-либо жизни, оно становится неосторожнымъ преступнымъ дѣяніемъ или, короче, преступленіемъ.

ВИДЫ НЕОСТОРОЖНОСТИ.

Неосторожность подраздѣляютъ: 1) на преступную безпечность, которую, въ сущности, трудно отграничить отъ эвентуальнаго умысла, и 2) неосторожность. Преступная безпечность имѣетъ мѣсто тогда, когда дѣятель предвидитъ возможность наступленія нежелаемаго или вреднаго преступнаго послѣдствія и тѣмъ не менѣе совершаетъ свое неосторожное дѣйствіе („авось не слу-

чится“). При второмъ видѣ неосторожности дѣятель фактически не предвидитъ преступныхъ послѣдствій совершаемаго имъ дѣянія, хотя при достаточной степени осмотрительности онъ и могъ бы ихъ предвидѣть.

Въ доктринѣ различаютъ также стеченіе умысла и неосторожности. Въ этомъ случаѣ, на ряду съ предвидѣвшимся и желавшимся преступнымъ результатомъ, послѣдовалъ и другой преступный результатъ. Послѣдній не предвидѣлся дѣятелемъ, хотя, при достаточной осмотрительности, могъ и долженъ былъ бы предвидѣться.

Различаютъ еще стеченіе преступной небрежности съ неосмотрительностью въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенное дѣяніе имѣло нѣсколько вредныхъ послѣдствій. Одни изъ нихъ, хотя и не желались дѣятелемъ, но допускались, какъ возможныя, а другія имъ вовсе не предвидѣлись, но могли и должны бы были предвидѣться.

Въ такомъ общемъ видѣ представляется внутренняя или субъективная сторона преступленія въ ученіи классической школы. Теперь перехожу къ разсмотрѣнію внѣшней или объективной стороны преступнаго дѣянія.

ОЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Ученіе объ объективной сторонѣ преступленія представляетъ собою ученіе о послѣдовательно развивающихся во внѣ моментахъ или стадіяхъ преступнаго дѣянія и объ условіяхъ, среди которыхъ и при помощи которыхъ оно совершается.

Пока умыселъ не обнаруживается во внѣ и остается на степени лишь процесса внутренней душевной жизни возможнаго будущаго виновника преступнаго дѣянія, которое еще не только не начиналось, но къ которому не сдѣлано еще и самаго отдаленнаго приступа, до тѣхъ поръ умыселъ недоступенъ органамъ государственной власти, и его носитель не можетъ подвергаться никакимъ воздѣйствіямъ съ ихъ стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опасность, и опасность очень большая и даже неминуемая, можетъ существовать въ этой стадіи постепеннаго хода развитія подготовляющагося преступленія, но она сколько-нибудь достовѣрно неизвѣстна и потому не можетъ представить достаточныхъ основаній для мѣропріятій противъ возможнаго дѣятеля. Конечно, иногда допускаютъ

примѣненіе такихъ мѣропріятій по подозрѣнію, болѣе или менѣе основательному. Это и даетъ мѣсто административнымъ воздѣйствіямъ, покоящимся на весьма непредѣленномъ и произвольно крайне растяжимомъ понятіи „неблагонадежности“. Понятіе это на практикѣ приводитъ къ вопіющимъ и грубѣйшимъ нарушеніямъ основныхъ правилъ элементарной справедливости, уваженія человѣческой личности и гарантій ея неприкосновенности. Такія нарушенія, какъ и всѣ нарушенія справедливости вообще, въ свою очередь, приводятъ къ самымъ нежелательнымъ и вреднымъ общественно-государственнымъ послѣдствіямъ.

ОБНАРУЖЕНІЕ УМЫСЛА.

О началѣ преступнаго дѣянія не только въ смыслѣ внутренняго субъективнаго, процесса, но и въ смыслѣ процесса единовременно объективнаго, совершающагося въ средѣ, окружающей дѣятеля преступленія, можно говорить только съ момента „обнаруженія злого умысла“, какъ выражаются криминалисты-классики. Только съ этого момента умыселъ становится сколько-нибудь опредѣленнымъ явленіемъ міра внѣшняго. Если и можно принимать какія-либо мѣры противъ возможнаго дѣятеля преступленія, то не ранѣе этого момента.

Умыселъ можетъ обнаружиться въ формѣ заявленія кому-либо о намѣреніи совершить то или другое преступленіе, въ формѣ подговора другихъ къ участію, въ формѣ похвалы или угрозы.

Обнаруженіе умысла, этого перваго возможнаго момента въ ходѣ поступательнаго развитія преступнаго дѣянія, по общему правилу, не наказуемо. Наше новое Уголовное Уложеніе въ общей части о немъ, напр., вовсе не упоминаетъ. Оно допускаетъ примѣненіе карательныхъ мѣръ, начиная только со второй стадіи въ ходѣ развитія преступнаго дѣянія во внѣ—съ приготовленія, но и то лишь въ случаяхъ, „особо закономъ указанныхъ“ и, сверхъ того, если при этомъ приготовленіе „было оставлено по обстоятельству, отъ воли виновнаго не зависѣвшему“. Обнаруженіе же умысла наказуемо только въ качествѣ особаго полицейскаго нарушенія, напр., угрозы.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ СОВЕРШЕНІЮ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Приготовленіемъ называется пріобрѣтеніе и приготовленіе средствъ совершенія преступленія. Внѣ связи съ послѣдующимъ осуществле-

ніемъ задуманнаго, приготовленіе представляетъ вполнѣ обособленное, самостоятельное дѣйствіе или дѣйствія, которыя, если только сами по себѣ они не преступны, по общему правилу не наказуемы. Приготовленіе, какъ поясняютъ въ доктринѣ, еще не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ степени рѣшимости, необходимоі для совершенія того преступленія, для котораго средства приготовляются. Пріобрѣтеніе и приготовленіе средствъ возможны и при наличности все еще колеблющейся мысли о преступленіи, при сравнительно легко преходящемъ влеченіи къ нему. Сверхъ того, если приготовительныя дѣйствія сами по себѣ не преступны, то въ моментъ ихъ совершенія о нихъ въ большинствѣ случаевъ ничего и сказать нельзя. Невозможно обнаружить ихъ опредѣленную связь съ послѣдующимъ, которое въ это время представляетъ собою лишь только будущее. Напр., покупаемый ножъ можетъ предназначаться для хозяйственныхъ дѣйствій, а можетъ приготовляться и для убійства. Поэтому исключительно въ случаяхъ наиболѣе тяжкихъ преступленій допускается наказуемость обнаруженнаго приготовленія, да и то, какъ мы видѣли, съ извѣстными ограниченіями.

ПОКУШЕНІЕ И ЕГО ВИДЫ.

Но вотъ средства совершенія приготовлены, рѣшимость совершить задуманное преступное дѣяніе достигла той степени напряженія, которая обусловливаетъ переходъ въ дѣятельность—тогда начинается воплощеніе „злого умысла“, усиліями „злой воли“ во внѣ, въ дѣйствіяхъ, необходимыхъ для достиженія задуманнаго.

Вплоть до осуществленія этого задуманнаго, вся совокупность этихъ дѣйствій, включая въ ихъ число и самое послѣднее, необходимое для достиженія конечнаго преступнаго результата, напр., лишенія жизни, образуетъ собою одинъ, болѣе или менѣе длящійся, сложный процессъ покушенія. Когда же наступаетъ и самый замышленный преступный результатъ, напр., прекращеніе жизни, и присоединяется къ совокупности предшествующихъ дѣйствій, тогда мы уже имѣемъ передъ собою совершеніе преступленія.

Въ ходѣ развитія процесса покушенія, вплоть до заключительнаго дѣйствія, дѣятель можетъ встрѣтить различныя препятствія, внутреннія или внѣшнія, которыя прекратятъ дальнѣйшій ходъ покушенія и устранятъ возможность заключительнаго дѣйствія. Въ такихъ случахъ мы будемъ имѣть передъ собою покушеніе неоконче-

ное или прерванное и притомъ прерванное постороннимъ препятствіемъ, не зависѣвшимъ отъ воли дѣятеля и противнымъ его желанію, или искушеніе, добровольно прерванное самимъ дѣятелемъ. Напримѣръ, схвачена рука, занесенная для смертельнаго удара, или же она опущена добровольно подъ вліяніемъ состраданія, охватившаго готовившагося убійцу.

Въ другихъ случаяхъ всѣ дѣйствія, необходимыя для совершенія задуманнаго преступленія, со стороны дѣятеля преступленія могутъ быть выполнены, а окончательнаго преступленія, все-таки, можетъ не быть. Бомба брошена, но она не разорвалась или происшедшій взрывъ не коснулся готовившейся жертвы; курокъ спущенъ, но произошла осѣчка или пуля пролетѣла мимо. Во всѣхъ этихъ случаяхъ преступнику не оставалось ничего болѣе дѣлать, но убійства все-таки не произошло. Существуетъ лишь неудавшееся преступленіе, оконченное покушеніе на него.

Различаютъ еще стеченіе совершенія съ покушеніемъ, когда выполненное дѣятелемъ для покушенія уже само по себѣ представляетъ преступленіе, напримѣръ, дѣятель совершаетъ кражу оружія и съ нимъ совершаетъ покушеніе на убійство.

Таковъ процессъ совершенія преступленія въ его различаемыхъ и устанавливаемыхъ доктриною послѣдовательныхъ моментахъ, какъ внутреннихъ или субъективныхъ, такъ и внѣшнихъ или объективныхъ. Не трудно видѣть всю неопредѣленность, шаткость, условность и даже излишность всѣхъ этихъ разграниченій, какъ только мы перейдемъ на почву фактовъ живой дѣйствительности. Спрашивается, напримѣръ: покупка „браунинга“, вызванная желаніемъ совершить убійство, представляетъ ли собою „обнаруженіе умысла“ или „приготовленіе“? Да, наконецъ, и сама вызвавшая покупку мысль должна ли быть разсматриваема только какъ мысль, или какъ мысль, уже сопровождаемая достаточной степенью напряженія желательности, чтобы быть причисляемой къ умыслу на данное преступленіе? Далѣе, вкладываніе патрона въ револьверъ на избранномъ уже мѣстѣ преступленія и во время присутствія тамъ его жертвы, представляетъ ли собою приготовленіе или уже покушеніе и т. д.?

Очевидно, здѣсь представляется широкое поле для субъективности толкованій.

Вѣдь все, часто значительное, число явленій внутренняго міра дѣятеля и міра внѣшняго, явленій, непосредственно связанныхъ съ совершеніемъ даннаго преступленія и объединяемыхъ общностью достигаемой цѣли, представляетъ собою хотя и очень сложный, но въ то

же время единый процессъ — процессъ совершенія задуманнаго преступленія.

Гдѣ въ этомъ объединенномъ данномъ рядѣ отдѣльныхъ моментовъ установить раздѣльныя грани—это въ значительной мѣрѣ обусловливается индивидуальными особенностями расцѣнки въ различныхъ случаяхъ.

А между тѣмъ отъ граней этихъ зависитъ начало примѣненія кары и даже ея тяжесть.

Послѣ всего сказаннаго становятся понятны жаркіе споры писателей классической школы по поводу этихъ мелочныхъ и тонкихъ различеній и условныхъ опредѣленій. Споры еще болѣе осложняются введеніемъ понятія объ объективной причинной связи между достигнутымъ преступнымъ результатомъ и дѣяніемъ виновника, причемъ различаютъ поводы, условія и причины въ рядѣ предшествующихъ моментовъ преступленія.

УСЛОВІЯ ВРЕМЕНИ И МѢСТА, КАКЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УВЕЛИЧИВАЮЩІЯ ВИНУ.

Нѣкоторыя опредѣленныя условія времени, въ смыслѣ части сутокъ и въ смыслѣ почему-либо выдѣляющихся періодовъ времени, а также и нѣкоторыя условія мѣста, при совершеніи преступленій, имѣютъ значеніе обстоятельствъ, увеличивающихъ вину дѣятеля. Такое значеніе придается имъ, главнымъ образомъ, по соображеніямъ большей опасности преступленій, совершаемыхъ при этихъ условіяхъ, или же по соображеніямъ особаго уваженія, которымъ окружается то или другое мѣсто. Таковы, напримѣръ: ночное время, время пожаровъ, наводненій, смутъ, храмы, присутственныя мѣста, дворцы, публичныя мѣста.

СОУЧАСТІЕ И ВИДЫ ЕГО.

Преступленіе можетъ быть результатомъ дѣятельности одного лица или совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ общее преступленіе представляетъ собою совокупность отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній лицъ, сотрудничавшихъ въ немъ, и объединяется въ одно цѣлое единствомъ достигавшагося или уже достигнутаго преступнаго результата. Такія преступленія, совершае-

мыя коллективной дѣятельностью нѣсколькихъ сотрудничающихъ лицъ, въ доктринѣ классической школы даютъ мѣсто ученію о соучастіи.

Это ученіе вызывало и продолжаетъ вызывать нескончаемые горячіе споры. Оно изобилуетъ теоріями отдѣльныхъ писателей. На построеніе и развитіе этихъ теорій истрачено не мало остроумія и умственной энергіи вообще. Тончайшіе анализы, служащіе основаніями такихъ теорій, поражаютъ схоластичностью своихъ подраздѣленій и, быть можетъ, наиболѣе отчетливо оттѣняютъ полную несостоятельность руководящихъ положеній классической школы, которая, подъ все еще длящимся вліяніемъ сѣдой старины, продолжаетъ исходить отъ преступнаго дѣянія, а не отъ преступнаго человѣка.

Въ доктринѣ виды соучастія подраздѣляютъ по различнымъ признакамъ. Различаютъ:

1) соучастіе, необходимое, когда само преступленіе его требуетъ, напр., кровосмѣшеніе, дуэль;

2) соучастіе, факультативное, какъ, напр., при убійствѣ, гдѣ оно можетъ быть и не быть;

3) соучастіе, предшествующее самому совершенію преступленія, соучастіе въ замышленіи и подготовленіи средствъ для преступленія;

4) соучастіе сопутствующее преступленію, т. е. та или другая форма сотрудничества въ самомъ совершеніи преступленія;

5) соучастіе предумышленное, неосторожное и случайное;

6) соучастіе по предварительному сговору;

7) соучастіе безъ предварительнаго сговора или скопъ; лица, составляющія скопъ, объединяются и образуютъ изъ себя сложнаго дѣятеля преступленія, безъ всякаго предварительнаго сговора, уже на мѣстѣ преступленія.

Въ соучастіи по предварительному сговору различаютъ еще заговоръ и шайку или банду.

Въ первомъ случаѣ соглашеніе распространяется на совершеніе одного или нѣсколькихъ опредѣленныхъ дѣяній, съ болѣе или менѣе іерархическимъ распредѣленіемъ ролей въ выполненіи этихъ дѣяній.

Соглашеніе въ шайкѣ имѣетъ въ виду занятіе совершеніемъ преступленій, различныхъ или однородныхъ, и занятіе ихъ совершеніемъ, какъ какой-то профессіей, какъ промысломъ, первоначально вырабатывавшейся въ средѣ профессіональныхъ преступниковъ по военнымъ образцамъ. Въ шайкѣ мы находимъ атамановъ, эсауловъ и

проч. Впрочемъ, по вопросу объ опредѣленіи существенныхъ особенностей шайки, отличающихъ ее отъ заговора, между авторами, какъ это можно предвидѣть и напередъ, существуетъ значительное различіе взглядовъ.

КАТЕГОРІИ СОУЧАСТНИКОВЪ ВЪ ПРЕСТУПЛЕНІИ.

Теперь посмотримъ, какъ классифицируетъ доктрина тѣхъ лицъ, которыя, въ качествѣ соучастниковъ, имѣютъ свои доли въ коллективной дѣятельности, направленной на совершеніе преступленій. Доктрина дѣлитъ ихъ на соучастниковъ физическихъ и интеллектуальныхъ. Первые, т. е. физическіе соучастники, вкладываются въ преступленіе физическою дѣятельностью, при помощи которой совершается преступное дѣяніе. Вкладъ интеллектуальныхъ соучастниковъ въ преступленіе ограничивается дѣятельностью исключительно интеллектуальной.

Ту и другую категорію соучастниковъ доктрина дѣлитъ на:
1) главныхъ виновниковъ, физическихъ или интеллектуальныхъ, и
2) пособниковъ, также физическихъ и интеллектуальныхъ.

Главные физическіе виновники непосредственно совершаютъ преступленіе, а главные интеллектуальные виновники задумываютъ и комбинируютъ подробности выполненія предпринимаемаго преступленія. Они склоняютъ другихъ къ его совершенію, подстрекаютъ этихъ другихъ и потому характеризуются еще названіемъ подстрекателей. Однимъ словомъ, они духовные отцы совершоннаго преступленія. Одни ученые авторы-классики считаютъ подстрекателей в о о б щ е болѣе виновными по сравненію съ физическими виновниками, другіе—менѣе виновными, а третьи—виновными одинаково.

Пособники сами непосредственно не участвуютъ въ совершеніи преступленія. Они только способствуютъ ему во время приготовленія или во время самого выполненія. Физическіе пособники содѣйствуютъ совершенію преступленія своею физическою дѣятельностью, напр., подаютъ орудія преступленія и т. д., а интеллектуальные пособники—своею интеллектуальной дѣятельностью. Послѣдніе не составляютъ самого замысла преступленія, они и не подстрекаютъ другихъ къ совершенію его. Они только помогаютъ и содѣйствуютъ ему и притомъ, въ отличіе отъ физическихъ пособниковъ, содѣйствуютъ также интеллектуальными средствами—указаніями, совѣтами, одобреніями и проч.

НАКАЗУЕМОСТЬ СОУЧАСТНИКОВЪ.

Наказуемость соучастниковъ опредѣляется въ зависимости отъ наказуемости главныхъ физическихъ виновниковъ совершоннаго преступленія. Отъ мѣры ими содѣяннаго зависитъ и объемъ обвиненія другихъ соучастниковъ.

Если главные физическіе виновники закончили только приготовленіемъ или покушеніемъ на задуманное преступленіе, то и подстрекатели, и пособники физическіе и интеллектуальные могутъ быть обвиняемы также лишь въ приготовленіи или покушеніи, хотя бы, съ своей стороны, они и выполнили все то, что, должны были выполнить и въ случаѣ совершенія преступленія.

Напротивъ, если намѣчавшіеся главные физическіе виновники отказываются отъ задуманнаго и не приступаютъ даже къ приготовленію, то вся дѣятельность остальныхъ участниковъ соглашенія утрачиваетъ свое преступное значеніе, потому что въ данномъ случаѣ нѣтъ на-лицо преступнаго дѣянія и даже начальныхъ моментовъ его. Такъ, напримѣръ, подстрекатель, выдавшій намѣчавшимся физическимъ виновникамъ всю условленную сумму денегъ за предположенное убійство, отъ котораго тѣ позднѣе отступились, не можетъ подлежать наказанію даже за покушеніе на убійство, если только данное законодательство не дѣлаетъ изъ такого законченнаго, но неудавшагося подстрекательства особаго преступнаго дѣянія (delictum sui generis). Но если физическій виновникъ совершилъ задуманное, отъ котораго подстрекатель уже отказался, но только не предпринялъ положительныхъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать совершенію преступленія, то подстрекатель несетъ свою отвѣтственность, какъ главный виновникъ.

Есть ли надобность говорить, что воззрѣніе, унаслѣдованное отъ глубокой сѣдой старины, когда добывавшему выкупъ вреда отъ ворога-чужеродца до внутренней стороны преступленія, которая составляетъ его душу, не было никакого дѣла, выступаетъ здѣсь во всей своей силѣ и неприкосновенности.

ЛИЦА, ПРИКОСНОВЕННЫЯ КЪ ПРЕСТУПЛЕНІЮ.

Прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ тому или другому преступленію, каковы укрыватели, лица, пользующіяся плодами его, напримѣръ, скупившія имущество, завѣдомо для нихъ краденое, теперь не подводятъ

подъ понятіе о соучастіи и не причисляютъ къ сообщникамъ, а разсматриваютъ какъ виновныхъ въ преступленіяхъ особаго рода (sui generis). Къ этой же категоріи относятъ и недоносителей о ставшемъ имъ извѣстнымъ преступленіи.

15.

УЧЕНІЕ О НАКАЗАНІИ.

Отъ анализа преступленія, даваемаго классической школой, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію второго предмета науки уголовнаго права въ построеніи той же классической школы, а именно къ ученію о наказаніи, примѣненіемъ котораго къ виновнику преступнаго дѣянія общество отвѣчаетъ на актъ совершенія имъ того или другого преступленія.

Изъ предшествующаго изложенія вы знаете уже, какъ, при какихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ какихъ факторовъ возникало, слагалось и постепенно дальнѣйше эволюціонировало перешедшее къ намъ отъ сѣдой старины учрежденіе современнаго наказанія, при помощи котораго криминалисты, а за ними и общество все еще продолжаютъ считать возможнымъ успѣшно ограждать право и бороться со зломъ преступленія. Вамъ извѣстно также, какъ наслоялось въ ходѣ исторіи понятіе наказанія и изъ какихъ элементовъ, которые представляли собою отвлеченныя обобщенія отъ явленій живой дѣйствительности, переживавшихся въ теченіе вѣковъ, постепенно образовалось оно. Какъ вы помните, понятіе наказанія въ ходѣ историческаго развитія эволюціонировало всецѣло въ сферѣ понятій военной враждебной расправы. Религіозная санкція присоединялась къ нему, какъ она присоединялась вообще ко всевозможнымъ насиліямъ по отношенію къ ворогамъ-иноплеменникамъ.

Припомните чрезвычайно характерную римскую фикцію. При наказаніи полноправный римскій гражданинъ уступаетъ свое мѣсто рабу закона, къ которому и примѣняется уголовная кара. А кто такое рабъ? Онъ прямой и непосредственный продуктъ войны. Это тотъ же ворогъ-иноплеменникъ. Это военноплѣнный. Это военная добыча, которая является безправной собственностью побѣдителя, ее захватившаго. Вотъ на кого, а не на согражданина, связаннаго съ остальными членами общества узами крови и взаимности, сыпались безпощадные удары уголовныхъ наказаній по римскому и вообще по древнему

взгляду, преемственно всосавшемуся, хотя и не вполнѣ сознательно, въ послѣдующее право до нашихъ дней включительно.

Когда же въ новѣйшее время задались мыслью подвести отвлеченно-философское обоснованіе подъ этотъ весьма сложный историческій комплексъ разновременныхъ воззрѣній, чувствъ и эмоцій, комплексъ, факторы котораго въ значительной мѣрѣ отжили свое время и сошли со сцены, когда стали подыскивать ему нравственное оправданіе и указывать для него различныя цѣли, вытекающія, какъ утверждаютъ, изъ самой природы общежитія, тогда учеными криминалистами-классиками было высказано весьма много разнорѣчивыхъ личныхъ взглядовъ по этому вопросу, взглядовъ, которые носятъ, быть можетъ, нѣсколько громкое названіе уголовныхъ теорій.

УГОЛОВНЫЯ ТЕОРІИ.

Однѣ изъ этихъ теорій разсматриваютъ наказаніе, какъ явленіе самоцѣльное. Свою цѣль оно носитъ въ себѣ самомъ и потому не нуждается въ оправданіи какими бы то ни было цѣлями, внѣ его находящимися. Наказаніе представляетъ такую же нравственную необходимость, какую представляетъ собою для человѣка жизнь въ обществѣ себѣ подобныхъ, обществѣ, которое устанавливаетъ и налагаетъ наказаніе. Государство вовсе не вытекаетъ изъ произвола людей. Въ его основѣ лежитъ нравственная необходимость. Мысль о государствѣ, возникшемъ на основаніи первобытнаго договора, несостоятельна. Люди по самой природѣ своей вынуждены жить государствами.

Всѣ такія теоріи, исходящія изъ понятія о самоцѣльности наказанія, образуютъ собою группу теорій абсолютныхъ. Типичною ихъ представительницею можетъ служить теорія знаменитаго философа Канта. По его мнѣнію, человѣка съ его человѣческою личностью нельзя приносить въ жертву какимъ бы то ни было полезнымъ цѣлямъ. Человѣкъ долженъ быть наказанъ только потому, что онъ совершилъ преступленіе, а вовсе не для того, чтобы достигнуть той или другой цѣли. Наказаніе для Канта безусловно-обязательное требованіе—категорическій императивъ, диктуемый разумомъ. Поэтому если бы общество, съ согласія всѣхъ своихъ членовъ, даже готово было разойтись, то и тогда, прежде условленнаго расхожденія, нужно было бы казнить заключеннаго въ тюрьму убійцу. Онъ достоинъ наказанія, и оно необходимо должно совершиться.

Другая группа уголовныхъ теорій, называемыхъ относи-

тельными, не видитъ въ наказаніи ничего болѣе, какъ полезность, и усматриваетъ оправданіе и цѣль наказанія не въ немъ самомъ, какъ явленіи самоцѣльномъ и самооправдывающемся, а въ тѣхъ результатахъ, которые имъ должны достигаться. Здѣсь мы находимъ теорію устрашенія, усматривающую цѣль и оправданіе наказанія въ устрашеніи наказаніемъ всѣхъ лицъ, склонныхъ къ преступленію; теорію психологическаго принужденія угрозою наказанія, заключающеюся въ законѣ; теорію исправленія, которая видитъ цѣль и оправданіе наказанія въ исправленіи преступника и т. д.

Существуютъ еще теоріи соединительныя. Онѣ исходятъ изъ того положенія, что государство, право и нравственность суть созданія человѣческой личности, живущей обществами, что государство, право и нравственность существуютъ въ человѣческомъ обществѣ и для него. Поэтому, согласно соединительнымъ теоріямъ, установленіемъ наказанія одинаково должны преслѣдоваться какъ безотносительная справедливость, такъ и польза. Главныя различія взглядовъ авторовъ этихъ эклектическихъ теорій заключаются въ томъ, что одни изъ нихъ въ наказаніи выдвигаютъ на первый планъ начало справедливости, признаютъ его преобладающее значеніе, тогда какъ другіе придаютъ преобладающее значеніе началу пользы.

Наконецъ, существуютъ и теоріи, отрицающія, по различнымъ основаніямъ, право наказанія. Одна изъ такихъ теорій—уже извѣстная вамъ теорія знаменитаго Оуэна, вытекающая изъ совокупности его воззрѣній на природу человѣка, на законы ею управляющіе, и на отношенія, существующія между этою природою и окружающимъ ее міромъ. Отказываясь рѣшительно отъ наказаній, которыя въ теченіе множества вѣковъ ихъ примѣненія оказались безсильными въ борьбѣ со зломъ, Оуэнъ рекомендуетъ человѣчеству дѣйствительно надежный путь для борьбы не только съ преступленіемъ, но и съ общественнымъ нестроеніемъ вообще и для огражденія отъ нихъ общества. При этомъ, какъ вы знаете, онъ подтверждаетъ свои указанія довольно продолжительнымъ и обширнымъ практическимъ опытомъ.

Я не стану, впрочемъ, останавливаться долѣе и излагать содержаніе многочисленныхъ уголовныхъ теорій. Если же кто-нибудь изъ васъ поинтересуется ими, то я укажу тому учебникъ нѣмецкаго профессора Бернера въ переводѣ покойнаго проф. Н. А. Неклюдова, сдѣлавшаго къ нему многія дополненія.

16.

СУБЪЕКТЪ НАКАЗАНІЯ.

Теперь перейдемъ къ анализу современнаго наказанія, какъ сложнаго явленія общественной жизни. Первый вопросъ, при этомъ возникающій—кто въ настоящее время является субъектомъ наказанія, т. е. тою силою, которой присвоено право назначать и примѣнять наказаніе?

Изъ предшествующаго вы уже знаете, что на смѣну рода и его членовъ, въ качествѣ факторовъ реакціи противъ вредоносныхъ дѣйствій, въ ходѣ историческаго развитія мало-по-малу выступила, въ поступательно развившемся государствѣ, государственная власть. Она и взяла на себя обязанность охранительницы заповѣдуемаго ею внутренняго мира отъ всякихъ его нарушеній. Единственно ей только въ наше время и принадлежитъ право какъ запрета извѣстныхъ дѣяній и недѣяній подъ страхомъ ихъ наказанія, такъ и право назначенія и примѣненія наказаній, въ конкретныхъ случахъ, за содѣянное уже чрезъ посредство ея органа—суда и другихъ ея органовъ, такъ что только она и является единственнымъ субъектомъ наказанія.

Въ извѣстномъ уже вамъ дѣленіи преступныхъ дѣяній на частныя, общественно-частныя и общественныя все еще отражается, какъ я уже упоминалъ, историческій процессъ постепеннаго замѣщенія рода и членовъ его военно-государственною властью въ дѣлѣ реакціи противъ вредоносныхъ дѣйствій. При этомъ въ преступленіяхъ частныхъ, въ которыхъ наказаніе примѣняется исключительно по иниціативѣ частныхъ лицъ, отражается наиболѣе отдаленная эпоха этого процесса, когда пострадавшіе отъ вредоноснаго дѣйствія были судьями и добывателями искупа вреда въ собственномъ дѣлѣ. Но и въ этихъ преступленіяхъ, хотя наказаніе примѣняется по иниціативѣ частныхъ пострадавшихъ лицъ, хотя оно можетъ устраняться по ихъ волѣ, путемъ примиренія съ нарушителями ихъ правъ, частныя лица въ наше время все-таки не являются субъектами наказанія, а только просителями о немъ. Назначеніе наказанія, та или другая мѣра его и въ этихъ случаяхъ всецѣло зависитъ теперь отъ государственной власти.

17.

ОБЪЕКТЪ НАКАЗАНІЯ.

Объектомъ реакціи противъ преступленія или объектомъ наказанія, которымъ когда-то, какъ вы помните, являлся весь родъ обидчика и каждый изъ его членовъ, въ настоящее время, при жизни въ государствѣ, является исключительно самъ дѣятель преступленія. Только исключительно онъ и поражается наказаніемъ въ своихъ личныхъ правахъ и благахъ въ расплату за совершонное имъ преступленіе, насколько, конечно, такая исключительность возможна при близости связи, существующей въ обществѣ между его членами. Отсюда требованіе индивидуальности наказанія, какъ одного изъ его свойствъ, признаваемыхъ необходимыми. Отсюда же и признаваемая ненаказуемость юридическихъ лицъ. Они не могутъ быть субъектами преступленія, а слѣдовательно, не могутъ быть и объектами наказаній, налагаемыхъ за преступленія. Впрочемъ, правило знаетъ вовсе не рѣдкія отступленія отъ него на практикѣ, особенно во времена общественнаго безпокойствія, подобныя переживаемымъ нами. Сила привычки къ укоренившимся взглядамъ, перешедшимъ къ намъ отъ давно минувшихъ временъ, очень велика. Благодаря ей дѣйствительность представляетъ прискорбные примѣры безразличнаго пораженія тяжкими карами какъ виновныхъ, такъ и невинныхъ членовъ той или другой общественной группы, той или другой общины и притомъ нерѣдко исключительно на основаніи болѣе или менѣе шаткихъ подозрѣній и отдаленныхъ указаній. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ преимущественно дѣло съ явленіями факта, а не права.

18.

НАКАЗАНІЕ, КАКЪ ДѢЙСТВІЕ.

Наказаніе, въ значеніи болѣе или менѣе сложнаго комплекса тѣхъ или иныхъ воздѣйствій, тѣхъ или иныхъ вліяній на личность преступившаго уголовный законъ, подобно преступленію, представляетъ двѣ стороны—субъективную и объективную.

Сторона субъективная и притомъ важнѣйшая—это болѣе или менѣе сильно оставляющее свой слѣдъ вліяніе, которое оказываютъ

на личность караемаго примѣняемыя къ нему внѣшнія воздѣйствія, образующія въ своей совокупности это наказаніе. Но какія полезныя знанія и указанія по отношенію къ субъективной сторонѣ наказанія можетъ намъ дать доктрина классической школы? Очевидно, никакихъ. Для правильнаго пониманія и освѣщенія субъективной стороны наказанія необходимо фактическое, трудное и глубокое изученіе явленій душевной жизни человѣка, въ ихъ взаимной связи и зависимости отъ явленій, въ его организмѣ совершающихся, а этихъ послѣднихъ въ ихъ зависимости отъ воздѣйствій внѣшнихъ факторовъ. Между тѣмъ, доктрина классической школы очень далека отъ сколько-нибудь достаточнаго изученія въ конкретныхъ фактахъ живой дѣятельности человѣка вообще и преступнаго человѣка въ частности. Если она и упоминаетъ объ этомъ преступномъ человѣкѣ, то лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо и неизбѣжно при разсмотрѣніи преступленія, какъ отвлеченнаго юридическаго понятія. Вслѣдствіе этого для различныхъ представителей классической школы въ области субъективной стороны наказанія все исчерпывается содержаніемъ понятія о той цѣли, которую каждый изъ нихъ, со своей стороны, ставитъ наказанію. Для исповѣдующаго теорію устрашенія вся задача въ области субъективной стороны наказанія сводится къ возбужденію такой степени страха, которая была бы способна удерживать отъ преступленій самого преступника и другихъ, на его наказаніе взирающихъ и о немъ узнающихъ. Для представителя теоріи мздовоздаянія или возмездія задача сводится къ тому, чтобы наказывая, подвергнуть преступника такой суммѣ страданія, которая бы, по возможности, точно равнялась произведенной оцѣнкѣ суммы зла совершоннаго преступленія, въ цѣляхъ его искупленія. Для представителя теоріи исправленія все сводится въ области субъективной стороны наказанія къ достиженію исправленія преступника. Но какъ и какими средствами? На этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта въ доктринѣ классической школы мы не найдемъ. Несмотря на значительное различіе теорій ея послѣдователей по вопросу о карательныхъ цѣляхъ, всѣ представители этихъ теорій одинаково вертятся и оперируютъ все тѣми же далекою стариною завѣщанными наказаніями, во главѣ которыхъ продолжаетъ стоять смертная казнь, а для другихъ—пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ. Неудивительно поэтому, что въ вопросѣ объ исправленіи мы услышимъ отъ нихъ въ отвѣтъ только очень общія и притомъ, основанныя на самыхъ поверхностныхъ наблюденіяхъ, болѣе или менѣе субъективныя разсужденія. Для иного отвѣта необходимо тщательное и притомъ

всестороннее изученіе, необходимы достаточныя научныя наблюденія и опытъ. А всего этого въ классической школѣ, съ головой ушедшей въ область абстракцій и произвольныхъ отвлеченныхъ построеній, мы не найдемъ. Если въ области субъективной стороны наказанія и добыто что-либо нѣсколько болѣе опредѣленное и положительное, то оно добыто не криминалистами-теоретиками классической школы, а пенитенціаристами-практиками, имѣющими дѣло съ жизнью, примѣняющими и наблюдающими вліяніе примѣняемыхъ наказаній въ конкретныхъ случаяхъ живой дѣйствительности. Сталкиваясь постоянно съ живыми людьми, съ дѣйствительными преступниками, въ разнообразіи ихъ типовъ пенитенціаристы не могли не подмѣтить нѣкоторыхъ соотношеній и зависимостей. Дѣйствительность громко говорила (и не могла не говорить) за себя. Но и пенитенціаристы въ очень сильной мѣрѣ находились (и не могли не находиться) подъ вліяніемъ традиціонныхъ взглядовъ, ими унаслѣдованныхъ, а главное—они обыкновенно не владѣли и не владѣютъ нужными пріемами научнаго наблюденія и изслѣдованія. Поэтому и правильная научная разработка вопроса о субъективной сторонѣ наказанія, въ смыслѣ цѣлесообразной реакціи противъ зла преступленія, все еще дѣло будущаго, хотя, можно надѣяться, уже недалекаго, когда въ эту область общественной дѣятельности въ достаточномъ количествѣ прилетятъ другія, научно образованныя, птицы и когда запоютъ онѣ въ ней другія, научно разработанныя, пѣсни.

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НАКАЗАНІЯ.

Другая сторона наказанія—это сторона внѣшняя или объективная. Ее составляютъ различныя формы и пріемы воздѣйствій на субъекта преступленія, который, въ качествѣ такового, является объектомъ наказанія. Именно на этой объективной сторонѣ наказанія особенно густо наложены и прекрасно сохранились краски отдаленнаго прошлаго, краски неразумнаго дѣтства человѣчества, человѣчества еще неразвитаго, не вооруженнаго положительнымъ знаніемъ своей собственной природы и жившаго при иныхъ условіяхъ окружающей обстановки.

НЕОБХОДИМЫЯ СВОЙСТВА ПРАВОМѢРНАГО НАКАЗАНІЯ.

Всякое наказаніе, какъ сумма внѣшнихъ воздѣйствій со стороны органовъ государственной власти на субъекта преступленія, должно

обладать, согласно доктринѣ классической школы, нѣкоторыми необходимыми свойствами.

Прежде всего оно должно быть индивидуально и притомъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, оно должно затрагивать и поражать, по возможности, только личность прегрѣшившаго противъ уголовнаго закона и никого болѣе. При тѣсныхъ связяхъ, существующихъ въ обществѣ, это требованіе отъ наказанія, конечно, представляется во всѣхъ отношеніяхъ очень и очень условнымъ. Лица, близкія къ наказуемому, не могутъ не затрагиваться его наказаніемъ и, болѣе или менѣе, не страдать отъ него. Во-вторыхъ, оно должно возможно болѣе сообразоваться въ своемъ примѣненіи съ личными особенностями наказуемаго, въ интересахъ болѣе полнаго вліянія на него.

Далѣе, наказаніе должно быть дѣлимо, т. е. способно къ увеличенію и уменьшенію, въ соотвѣтствіи съ мѣрою вины прегрѣшившаго. Допускаемое исключеніе изъ послѣдняго правила—это убійство преступника или его смертная казнь, противъ которой страстно боролись еще Беккарія и Вольтеръ. Но гвозди, забиваемые исторіей въ головы людей, не скоро и съ трудомъ выдергиваются. Доводы опытнаго знанія и разума подолгу остаются безсильными противъ унаслѣдованно-привычныхъ взглядовъ, какъ бы послѣдніе ни были несостоятельны до очевидности. Смертная казнь и до сихъ поръ удерживается въ законодательствахъ, а слѣдомъ за ними, конечно, и въ практикѣ, гдѣ она, несмотря на ея рѣшительное осужденіе основными принципами христіанства, находитъ иногда чрезвычайно щедрое примѣненіе. Смертная казнь имѣетъ еще не мало защитниковъ въ теоріи, число которыхъ обыкновенно значительно увеличивается въ періоды, когда тѣ или иныя классово-сословныя права, привилегіи и монополіи представляются угрожаемыми.

Наказаніе должно быть цѣлесообразно, т. е. оно должно исправлять преступника, должно ограждать общество отъ зла преступленія и быть экономно, т. е. стоить возможно дешевле для реагирующаго на преступленіе общества. Въ этомъ отношеніи смертная казнь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, наказаніе очень совершенное. Дѣйствительно, она даже устраняетъ и самый вопросъ объ исправленіи убиваемаго преступника; она радикально ограждаетъ общество отъ зла дальнѣйшихъ преступленій казненнаго; она чрезвычайно экономна. Всего небольшой кусокъ веревки или нѣсколько патроновъ, или недорого стоющая гильотина, да одинъ или нѣсколько исполнителей, занятыхъ весьма недолгое время—вотъ и всѣ несложные рас-

ходы на осуществленіе того, что называютъ правосудіемъ, въ случаяхъ примѣненія смертной казни. А въ конечномъ результатѣ—жизни человѣческой какъ и не бывало.

Наказаніе должно быть отмѣнимо въ каждый данный моментъ и вознаградимо, потому что правосудіе, какъ и все человѣческое, подвержено ошибкамъ.

Наказаніе, по возможности, должно дѣйствовать равномѣрно, не смотря на различія въ лицахъ, и, наконецъ, оно не должно быть деморализующимъ. Въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе погрѣшаютъ почти всѣ современныя наказанія, но неизмѣримо больше всѣхъ убійство преступника или смертная казнь. О деморализаціи или моралізаціи самихъ казненныхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Но вѣдь остается еще общество и остается деморализующее вліяніе казней на него. Вліяніе это постепенно обезцѣниваетъ въ глазахъ общества жизнь человѣка. Оно освоиваетъ общество, въ силу органическихъ законовъ привычки, съ представленіями объ убійствѣ и вполнѣ разнуздываетъ и безъ того болѣе или менѣе подготовленныя къ тому кровожадныя натуры.

Чарльзъ Белль, какъ разсказываетъ Дарвинъ, далъ слѣдующее описаніе видѣннаго имъ препровожденія осужденнаго на казнь въ Туринѣ. „Съ каждой стороны колесницы помѣщались священники въ облаченіи“, разсказываетъ Белль, „а посрединѣ сидѣлъ самъ преступникъ. Невозможно было безъ ужаса смотрѣть на состояніе, въ которомъ находился этотъ несчастный, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точно по какой-то притягивающей силѣ, невозможно было отвести глазъ отъ этого зрѣлища, столь дикаго и столь ужаснаго. Ему, казалось, было лѣтъ тридцать пять. Онъ былъ рослый и мускулистый. Лицо отличалось крупными и грубыми чертами. Полунагой, блѣдный какъ смерть, обезумѣвшій отъ страха. Всѣ члены его были вытянуты отъ внутренней муки, руки судорожно стиснуты, а потъ крупными каплями выступалъ на его наклоненномъ и нахмуренномъ лбу. Онъ безпрестанно цѣловалъ изображеніе Спасителя, нарисованное на висѣвшей противъ него хоругви, но съ выраженіемъ страха и отчаянія, о которомъ ничто, видимое нами иногда на сценѣ, не можетъ дать ни малѣйшаго представленія“.

Спрашивается, что можетъ быть хотя бы сколько-нибудь поучительнаго и нравственно благотворно дѣйствующаго въ подобныхъ дикихъ и уродливыхъ явленіяхъ? Не представляютъ ли они собою яркихъ пережитковъ отъ отдаленныхъ вѣковъ варварства, отъ

междуродовыхъ войнъ съ ихъ безпощадными убійствами, ограбленіемъ и разореніемъ, когда въ совершителѣ вредоноснаго дѣйствія видѣли только злого ворога, а не члена того же общества, которое „заслуживаетъ своихъ преступниковъ“ и само виновно въ ихъ порожденіи и развитіи? И сколько въ такихъ явленіяхъ ужасной профанаціи, лицемѣрія и глубокаго оскорбленія всякаго истиннаго религіознаго чувства. Съ одной стороны, священники, приходящіе, хотя бы формально, слѣдуя притчамъ Спасителя о „блудномъ сынѣ“ и „заблудшей овцѣ“, со словомъ прощенія, примиренія и любви, говорящіе о всеблагомъ, всепрощающемъ Богѣ и стремящіеся внести миръ и успокоеніе въ мятущуюся душу осужденнаго, убѣждающіе его простить всѣмъ его врагамъ, а съ другой—незнающій пощады палачъ, представители государственно-судебной власти, иногда жестокая толпа, а нѣсколько далѣе висѣлица или гильотина. Поэтому Белль тысячу разъ правъ, называя видѣнное имъ явленіе „ужаснымъ и дикимъ“.

Припомнимъ основательный вопросъ, которымъ задается проф. Принсъ, а именно, насколько судебная власть дореволюціоннаго времени, старательно пріучая народъ къ зрѣлищамъ мученій и презрѣнію къ страданіямъ, пріучая его къ казнямъ и тѣмъ самымъ создавая для него какъ бы спеціальную школу жестокости, оказала вліяніе на послѣдующія кровавыя революціонныя оргіи 1793 года. Дѣйствительно, революціонеры вѣдь не дѣлали ничего болѣе, какъ только тщательно повторяли уроки, дававшіеся имъ отправленіемъ правосудія предшествовавшей эпохи. Временно сдѣлавшись властью, они предавали казни тѣхъ, кого они считали преступниками противъ ихъ правилъ и требованій, кого они считали опасными и „лихими людьми“ для ихъ дѣла—все точь въ точь, какъ и въ предшествующую дореволюціонную эпоху.

Чрезвычайно интересныя относящіяся сюда данныя находятся въ работѣ проф. І. А. Малиновскаго, вышедшей въ 1908 году: „Кровавая месть и смертная казнь“. Въ ней, въ отдѣлѣ „Приложеній“, напечатаны поучительнѣйшіе документы, каковы, напримѣръ, манифесты Пугачева, прокламаціи „Молодой Россіи“, „Народной расправы“ и проч.

И наука для общества не пропала даромъ и не ограничилась революціоннымъ временемъ. Пріобрѣтенное, какъ показываетъ опытъ, продолжаетъ жить до нашего времени. Еще недавно газеты сообщали, что, послѣ провала въ 1908 году во французской палатѣ депутатовъ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, въ городкѣ Бетюнѣ были гильотинированы четыре человѣка. На поучительное зрѣлище, несмотря на дождь и холодъ, собралось все населеніе Бетюна

и нарочно для того пріѣхавшіе изъ Парижа цѣлыми семьями съ дѣтьми. Когда падали головы осужденныхъ, окружающая толпа съ ея, поистинѣ, каннибальскими инстинктами шумно выражала свое одобреніе и все время кричала: „Браво, Дейблеръ (палачъ)! Месть бандитамъ! Теперь намъ будетъ спокойно!“ А послѣ того бульварная пресса Парижа воспроизводила на своихъ столбцахъ въ рисункахъ палача, гильотину, головы казненныхъ, съ приличествующими подписями: „Справедливость осуществлена“: „Бетюнъ привѣтствуетъ палача“ и т. д. Въ дѣйствующихъ лицахъ этихъ событій проснулся звѣрь кровожадный и лютый, невольно напоминающій о некоемъ креолѣ Б., подъ вліяніемъ извращеннаго чувства страстно искавшемъ зрѣлищъ крови и казней. Развѣ все это не наставительно для общества?

Но то, что еще понятно, съ грѣхомъ пополамъ, въ отношеніи болѣе или менѣе темной, возбужденной и разнуздавшейся толпы, то рѣшительно непонятно по отношенію къ законодателямъ и государственнымъ людямъ, которые должны быть „солью земли“, потому что они ставятъ себя во главѣ общества, потому что они берутъ на себя задачу указывать правильные и нравственные пути другимъ, направлять жизнь общества и устанавливать общественный порядокъ. Припомнимъ вопросъ глубокаго смысла, читаемый нами въ Евангеліи: „А что будетъ, если соль потеряетъ свою силу?“

Напомню сказанное во Франціи, какъ обычно выражаются, „крылатое слово“. Оно относилось къ вопросу объ уничтоженіи смертной казни. По вопросу о ней было брошено едва ли удачное и остроумное выраженіе: „Пусть начнутъ господа убійцы“. Но развѣ сильная общественная власть, призванная отстаивать и охранять право и нравственность, можетъ равняться и ставить себя на одну доску съ выбитыми изъ жизненной колеи убійцами и отъ нихъ требовать указанія примѣра для себя, какъ на этомъ настаиваетъ приведенное „крылатое слово“? Развѣ эта сильная, правомѣрная власть не можетъ, безъ убійства лица, преступившаго законъ, обуздать и обезвредить его, особенно если въ дѣлѣ борьбы съ преступностью она въ общемъ будетъ слѣдовать мудрымъ указаніямъ и завѣтамъ Роберта Оуэна?

Говорятъ, что будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при извѣстныхъ условіяхъ времени и мѣста, смертная казнь, вслѣдствіе своего вліянія на общество, бываетъ рѣшительно необходима и, какъ таковая, правомѣрна. Долгіе вѣка прошлаго, да и настоящаго, когда широко примѣнялись жесточайшія пытки и казни, могутъ дать многоговорящія

и вполнѣ доказательныя справки по вопросу. Смертная казнь не щадила и не церемонилась даже съ бродягами и нищими. Устранила ли она бродяжество и нищенство и уничтожила ли ихъ? Отвѣтъ фактовъ нелицепріятной дѣйствительности всѣмъ извѣстенъ.

Во вступленіи къ своей документированной работѣ І. А. Малиновскій справедливо говоритъ: „Будущій историкъ русской общественности съ благоговѣніемъ остановится на страницахъ стенографическихъ отчетовъ о дѣятельности Государственной Думы перваго и второго созывовъ, гдѣ напечатаны рѣчи народныхъ представителей на тему: „долой смертную казнь“. Изъ всѣхъ этихъ рѣчей, дышащихъ благородствомъ и глубиной мысли, на меня лично наибольшее впечатлѣніе произвела рѣчь священника Тихвинскаго, члена второй Государственной Думы. Захолустный священникъ въ простой, безхитростной рѣчи протестовалъ противъ смертной казни во имя Христа. Онъ говорилъ: „убійство по суду, убійство въ христіанскомъ обществѣ, обществѣ во имя Бога – это преступнѣйшее изъ убійствъ... Смертная казнь—это ужасная, это нечеловѣческая месть“. „Съ плачемъ“ обращаясь въ сторону епископовъ, членовъ Думы, священникъ Тихвинскій умолялъ святителей церкви „взойти на трибуну и заявить, что смертная казнь противна Христу“. Онъ призывалъ всѣхъ членовъ Думы протестовать противъ смертной казни. „Господа, протестовать надо, протестовать всѣми силами души противъ растлѣвающаго душу и тѣло зла“.

Великая истина! Та самая, которую позже высказалъ въ столь же простыхъ словахъ „Не могу молчать!“ великій писатель русской земли, Л. Н. Толстой.

Нельзя молчать. Нужно протестовать. Всѣ должны протестовать, всякій въ доступной ему формѣ. Должны протестовать и люди науки.

Въ своей работѣ о смертной казни въ Европѣ, напечатанной въ концѣ 1908 года, проф. Піонтковскій въ слѣдующихъ, вполнѣ справедливыхъ, выраженіяхъ характеризуетъ смертную казнь. „Казнь“, говоритъ онъ, „представляется мѣрою не только излишней, ненужной, безполезной, но и вредной, опасной и въ этическомъ отношеніи недопустимой“. „Являясь по своему характеру мѣрой архаической, не имѣющей никакого уголовно-политическаго значенія“, говоритъ онъ далѣе, „казнь представляется институтомъ нежизнеспособнымъ; ея исчезновеніе неизбѣжно: ее ждетъ такая же участь, какая постигла ея близкую родственницу—пытку“.

Заканчивая съ вопросомъ о смертной казни, горячо пожелаемъ,

чтобы предвѣдѣніе проф. Піонтковскаго возможно скорѣе осуществилось на пространствѣ мѣстопребыванія всего культурнаго и культивирующагося человѣчества. Припомнимъ прекрасный стихъ нашего поэта: „Сѣйте разумпое, доброе, вѣчное“ и тогда „спасибо вамъ скажетъ сердечное“ не только русскій, но и всякій народъ и все человѣчество.

20.

ЛѢСТНИЦА НАКАЗАНІЙ.

Примѣняемыя различныя наказанія, какъ въ кодексахъ, такъ и въ доктринѣ образуютъ, въ своемъ сложномъ цѣломъ, систему или такъ называемую „лѣстницу“ наказаній. Въ ней отдѣльныя наказанія располагаются, въ соотвѣтствіи съ ихъ признаваемою тяжестью, въ убывающій рядъ, во главѣ котораго, къ несчастью, все еще стоитъ смертная казнь.

По нашему новому Уголовному Уложенію налагаемыя наказанія образуютъ собою, напримѣръ, слѣдующую систему или лѣстницу:

1) смертная казнь; она совершается чрезъ повѣшеніе, непублично;

2) каторга безъ срока или на срокъ отъ 4 до 15 лѣтъ; она отбывается въ особыхъ каторжныхъ тюрьмахъ, съ общимъ заключеніемъ и принудительными тяжкими работами; по отбытіи назначеннаго въ судебномъ приговорѣ срока, бывшій каторжанинъ переводится на поселеніе въ предназначенныя для того мѣстности;

3) ссылка на поселеніе безъ срока въ предназначенныя для того мѣстности, опредѣляемыя въ особомъ порядкѣ;

4) заключеніе въ исправительномъ домѣ на время отъ 18 мѣсяцевъ до 6 лѣтъ; оно начинается одиночнымъ заключеніемъ на время отъ 3 до 6 мѣсяцевъ и потомъ продолжается въ общемъ заключеніи съ обязательными работами;

5) заключеніе въ крѣпости на время отъ 2 недѣль до 6 лѣтъ; это особое, неопозоривающее, наказаніе (custodia honesta), отбываемое въ общемъ заключеніи;

6) заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ отъ 2 недѣль до 1 года; оно отбывается въ одиночномъ заключеніи, а при невозможности—въ общемъ, съ приравниваніемъ, въ такомъ случаѣ, 4 дней общаго заключенія 3 днямъ одиночнаго; работы во время тюремнаго заключенія обязательны;

7) арестъ на время отъ 1 дня до 6 мѣсяцевъ; арестъ отбывается въ особыхъ арестныхъ помѣщеніяхъ, въ общемъ заключеніи, которое, при желаніи арестованнаго и при возможности къ тому, можетъ быть замѣнено одиночнымъ, съ обязательнымъ въ томъ и другомъ случаѣ выборомъ занятій, если арестъ назначенъ на время свыше 7 дней;

8) денежныя пени.

Таковы главныя наказанія, указанныя въ нашемъ новомъ Уголовномъ Уложеніи, къ которымъ присоединяются и дополнительныя, какъ-то: лишеніе правъ, ограниченіе мѣстожительства и проч.

21.

ОТДѢЛЬНЫЕ РОДЫ НАКАЗАНІЙ.

Скажу теперь немногое объ отдѣльныхъ родахъ наказаній.

Смертная казнь. О ней я уже говорилъ. Ея квалифицированные виды въ настоящее время исчезли. Остается простое лишеніе жизни осужденнаго, достигаемое различными способами: удавливаніемъ (испанская „гаррота“), повѣшеніемъ, отсѣченіемъ головы, исполняемымъ при посредствѣ особой машины, (гильотины), въ которой голову казнимому отрубаетъ особый падающій съ высоты рѣзакъ, пораженіемъ осужденнаго электрическимъ токомъ, разстрѣляніемъ. Послѣдній способъ считается какъ бы болѣе почетнымъ, потому что онъ исполняется солдатами, которыхъ считаютъ возможнымъ превращать въ исполнителей казни.

Тѣлесныя наказанія. Ближе всего, по своему характеру, стоятъ къ смертной казни тѣлесныя наказанія. Прежнія изувѣчивающія тѣлесныя наказанія (отрѣзаніе различныхъ частей тѣла), а часто и смертоносныя, какъ-то: сѣченіе кнутомъ, прогнаніе сквозь строй, уже сошли со сцены. Остаются еще простыя тѣлесныя наказанія (преимущественно розгами), причиняющія физическую боль посредствомъ нанесенія ударовъ. Въ такомъ видѣ наказанія эти не столько болѣзненны и устрашающи, сколько унизительны и возмутительны, особенно для лицъ съ болѣе развитымъ чувствомъ личнаго достоинства, которое представляетъ собою чрезвычайно цѣнное и незамѣнимое качество человѣка, какъ гражданина, качество, безъ котораго немыслимо здоровое и правильное общественное развитіе. Въ то время, какъ въ глазахъ нравственно обезцвѣченныхъ членовъ общества тѣ-

лесныя наказанія не имѣютъ почти никакого значенія и нѣкоторыя изъ такихъ личностей соглашаются подвергнуться имъ даже за небольшое денежное вознагражденіе — напротивъ, для людей съ высоко развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства тѣлесныя наказанія могутъ быть и бываютъ равнозначны глубокимъ, длящимся нравственнымъ потрясеніямъ и даже приговору къ самоуничтоженію. Тѣлесныя наказанія, въ качествѣ общихъ наказаній для полноправныхъ гражданъ, исчезли изъ нашего кодекса. Высочайше утвержденнымъ 19 апрѣля 1909 года Положеніемъ о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ (ст. 34, прим.) тѣлесныя наказанія и темный карцеръ воспрещены даже въ качествѣ дисциплинарныхъ взысканій въ названныхъ заведеніяхъ. Только по временамъ они примѣняются на практикѣ очень энергичными администраторами, въ качествѣ экстраординарныхъ мѣръ для водворенія нарушеннаго порядка.

Ссылка. Изгнаніе имѣло мѣсто еще въ родовыхъ общинахъ, въ племенныхъ союзахъ и въ зарождающихся государствахъ. Греческій остракизмъ, древне-римское запрещеніе воды и огня (aquae et ignis interdictio), наше „выбитіе вонъ изъ земли“ и т. д.—вотъ изгнаніе въ его чистомъ видѣ. Съ поступательнымъ развитіемъ общественности и международныхъ отношеній, награжденіе своими преступниками другихъ народовъ, въ этомъ чистомъ его видѣ, постепенно становилось все болѣе невозможнымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ изгнаніе должно было переходить въ ссылку, т. е. въ перемѣщеніе преступниковъ въ опредѣленныя части собственнаго государства, перемѣщеніе, сопровождаемое тою или иною, болѣе или менѣе правильною, его организаціею на мѣстахъ ссылки въ разсчетѣ, что непригодный и опасный на родинѣ человѣкъ въ трудныхъ условіяхъ ссыльной жизни превратится въ приспособленнаго и полезнаго колонизатора.

Не трудно видѣть, однако, что эта мѣра реакціи противъ зла преступленія рѣшительно не выдерживаетъ критики, особенно по отношенію къ позднѣйшему времени. При усиленномъ ростѣ городовъ, при сопутствующемъ ему оскудѣніи организмовъ — этомъ горькомъ плодѣ современнаго общественнаго строя съ его ужасными бичами: усиленной борьбой даже за чрезвычайно плохенькія мѣста на пиру жизни, недоѣданіемъ, массовымъ алкоголизмомъ, проституціей, сифилисомъ и проч.,—никакихъ сколько-нибудь годныхъ колонизаторовъ ссылка дать не можетъ. Она съ величайшимъ успѣхомъ можетъ лишь содѣйствовать распространенію того физическаго и нравственнаго

зла, которое носитъ названіе психо-физическаго вырожденія, съ его злокачественными проявленіями, содѣйствовать зараженію этимъ зломъ еще мало зараженныхъ имъ новыхъ мѣстностей.

Во Франціи, гдѣ сравнительно еще такъ недавно, а именно на парижскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ 1895 года, было такъ много горячихъ защитниковъ ссылки, теперь, повидимому окончательно, признано полное банкротство этого вида уголовной репрессіи, и бывшимъ министромъ колоній, именно въ вѣдѣніи котораго и находилась ссылка, составленъ законопроектъ объ отмѣнѣ ссылки въ каторжныя работы и ссылки на поселеніе, которыя, по свидѣтельству составителя законопроекта, потерпѣли полное фіаско какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ.

До закона 1900 года объ ограниченіи ссылки и до русско-японской войны, лишившей насъ лучшей половины острова Сахалина, мы, старательно и мало жалѣя денежныя средства, занимались на этомъ островѣ дорого стоившей и безусловно совершенно безплодной колонизаціей и дальнѣйшимъ, очень успѣшнымъ развращеніемъ ссыльныхъ и въ лицѣ ихъ—нисходящихъ поколѣній, вмѣсто полагавшагося, по предписаніямъ и проектамъ, возрожденія ссыльныхъ къ новой правомѣрной и нравственной жизни.

Нашей ссылкою усердно заражались также и Сибирь съ Забайкальемъ, Приморская и Амурская области.

Въ 1896 году мнѣ пришлось, по оффиціальному порученію, побывать во французской ссылкѣ и въ нашей въ указанномъ ея районѣ. При этомъ мнѣ пришлось слышать отъ мѣстныхъ жителей и близко видѣть собственными глазами, въ явленіяхъ живой дѣйствительности и въ относящихся къ этой дѣйствительности интимныхъ оффиціальныхъ документахъ, прискорбнѣйшіе результаты отравленія ссылкою занятыхъ ею мѣстностей. Данныя, собранныя за время этой поѣздки, частью напечатаны мною въ отдѣльной работѣ, озаглавленной „Ссылка во Франціи и Россіи“. Не останавливаясь на ея содержаніи, замѣчу только, что самымъ удручающимъ, въ нравственномъ отношеніи, вопросомъ нашей колонизаторской сахалинской ссылки былъ женскій вопросъ. Женщины раздавались въ сожительство, для образованія принудительныхъ семей, какъ скотъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, причемъ даже не всегда принимались во вниманіе узы прежняго брака. Годы ранняго дѣтства, какъ и годы старости, почти не служили препятствіемъ для возникновенія брачныхъ сожительствъ. Дѣвочка и женщина были ходячимъ продажнымъ товаромъ. Не трудно понять

какая нравственная атмосфера должна была существовать на колонизуемомъ островѣ.

Тюремное заключеніе. Въ настоящее время наиболѣе распространеннымъ карательнымъ средствомъ борьбы съ преступностью является болѣе или менѣе продолжительное и болѣе или менѣе отягощаемое лишеніе свободы, отбываемое въ различныхъ, по ихъ внутреннимъ порядкамъ, мѣстахъ заключенія, которыя носятъ различныя названія, какъ-то: арестныхъ, исправительныхъ, работныхъ домовъ, арестантскихъ отдѣленій, тюремъ различнаго названія, до каторжныхъ включительно, и т. д.

Чѣмъ были тюрьмы въ прошломъ—вы уже знаете. Онѣ были мѣстами развращенія и часто, поистинѣ, мѣстами медленно исполнявшихся казней. Стоитъ, напримѣръ, вспомнить свинцовыя тюрьмы Венеціи и ея до сихъ поръ показываемыя подземныя тюрьмы—эти, въ буквальномъ смыслѣ слова, могильные склепы.

Въ дополненіе къ системѣ безразличнаго общаго заключенія, доставшейся ему отъ прошлаго, новое время выработало и другія системы, которыя представляютъ слѣдующіе основные типы, въ различныхъ мѣстахъ различно варіируемые.

Система одиночнаго келейнаго заключенія, извѣстная также подъ именемъ *покаянной* (penitentiary) по заложенной въ нее идеѣ приведенія прегрѣшившаго къ раскаянію путемъ самоуглубленія, вызываемаго одиночествомъ. Ее называютъ еще и *филадельфійской*, по мѣсту ея примѣненія въ наиболѣе развитомъ видѣ въ извѣстной Черри-Гилльской тюрьмѣ, построенной въ разстояніи одной мили отъ Филадельфіи (С. Ш. С. А.). Основныя особенности этой системы и въ настоящее время: уединеніе заключеннаго, разобщеніе его съ внѣшнимъ міромъ и устраненіе возможности какого-либо общенія съ созаключенными. Изъ этого уже видно, что система эта вполнѣ противоестественна. Она идетъ вразрѣзъ съ природою человѣка, какъ существа общественнаго, приспособлявшагося въ теченіе неисчислимыхъ вѣковъ прошлаго къ жизни въ средѣ себѣ подобныхъ, къ постоянному общенію съ ними. Если эта система вредно дѣйствуетъ на людей, обладающихъ большимъ умственно-нравственнымъ запасомъ, на людей, умѣющихъ жить въ мірѣ понятій и идей, то на людей, живущихъ почти исключительно современными впечатлѣніями изъ окружающаго міра, она оказываетъ исключительно-подавляющее вліяніе.

Система Обэрнская, названная такъ по мѣсту нахожденія тюрьмы, предназначенной для ея примѣненія, въ городѣ Обэрнѣ (Auburn), въ штатѣ Нью-Іоркъ (С. Ш. С. А.). Это система совмѣстнаго заключенія,

но съ разъединеніемъ на ночь и съ обязательнымъ молчаніемъ во время общихъ дневныхъ работъ. Въ сущности, это система компромисса, стремящаяся смягчить обнаружившіяся на практикѣ весьма вредныя послѣдствія строгаго одиночнаго заключенія и въ то же время сохранить уединеніе и обособленіе заключеннаго въ обществѣ его созаключенныхъ.

Ирландская (*крофтоновская*) *система*, называемая такъ по мѣсту ея возникновенія и имени ея основателя или, иначе, *прогрессивной*.

Примѣненіе наказанія начинается одиночнымъ заключеніемъ, на первое время безъ работъ, которыя даются тогда, когда самъ заключенный начинаетъ просить ихъ, какъ великаго облегченія при строгости разобщенія его съ окружающимъ міромъ. Одиночное заключеніе обычно должно длиться 9 мѣсяцевъ, но, въ зависимости отъ особенностей конкретныхъ случаевъ, оно можетъ быть нѣсколько сокращаемо или удлиняемо тюремнымъ начальствомъ. Эта первая составная часть ирландской системы представляетъ собою чрезвычайно тяжкое наказаніе, особенно для нервно-неустойчивыхъ натуръ, легко подвергающихся мрачнымъ эмоціямъ. Вотъ, напримѣръ, свидѣтельство одного изъ такихъ келейно-заключенныхъ, заимствованное мною изъ его записокъ. „Что можетъ быть ужаснѣе, какъ съ утра до вечера и съ вечера до утра быть одному съ своими мыслями, съ своимъ горемъ, а иногда и съ укорами своей совѣсти“, пишетъ онъ. „Если сонъ приходитъ сократить эту муку, то ночь проходитъ какъ-нибудь, но зато день кажется долгимъ и безконечнымъ“. „Когда приходитъ утро и слышится звонъ будящаго колокольчика, тогда невольно является мысль, что въ этомъ одиночествѣ нужно оставаться до самаго вечера. Эта мысль всегда приводитъ меня въ ужасъ“. „Какъ этотъ часъ (здѣсь пишущій говоритъ о времени прогулки) на этомъ маленькомъ дворикѣ, гдѣ слышится пѣніе птицъ и кое-какіе звуки, проходитъ скоро и съ какою болью и сожалѣніемъ входишь послѣ него въ эту могилу, которая тогда кажется еще ужаснѣе“. „Келья вечеромъ представляется какимъ-то могильнымъ склепомъ и невольно вызываетъ мысль о смерти“. „Я не знаю, чему приписать эти мысли о смерти, которыя являются ежеминутно и усиливаютъ боль и тоску. Онѣ скоро перешли бы въ мысль о самоубійствѣ, если бы религія и разумъ не приходили на помощь“. „Постоянная мысль о женѣ, о дѣтяхъ, постоянныя заботы о ихъ существованіи и воспоминанія о моихъ счастливыхъ дняхъ безпрестанно врываются въ мой умъ и грозятъ сдѣлать меня сумасшедшимъ“.

Такова одна изъ картинъ душевнаго состоянія заключеннаго въ

одиночной кельѣ. Подумайте, сколько ужасныхъ душевныхъ страданій, сколько тяжелой внутренней муки и потрясеній душевнаго равновѣсія долженъ былъ пережить этотъ несчастный и должны переживать всѣ подобные ему въ долгіе періоды одиночнаго заключенія. Въ приведенномъ самоанализѣ передъ нами развертывается картина тупой, постоянно ноющей психической боли, которая, минута за минутой, часъ за часомъ, безустанно дѣйствуетъ подавляюще на органическія силы и, если можно такъ выразиться, заморитъ психическую личность. Насколько можно признать нормальной внутреннюю жизнь, слагающуюся изъ такихъ состояній сознанія – понятно само собой. Ужасно въ подобныхъ случаяхъ отмщеніе, воздаваемое обществомъ...

Инспекторъ французской тюрьмы (maison centrale de reclusion de Melun), въ которой содержался заключенный, писавшій цитированныя записки, свидѣтельствовалъ въ разговорѣ со мною, на основаніи своихъ продолжительныхъ наблюденій, что тюремное сидѣніе, вообще, а тѣмъ болѣе, конечно, одиночное, оказываетъ рѣшительное вліяніе на умственныя способности тюремныхъ сидѣльцевъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тюремнаго „исправленія“ всѣ становятся людьми нѣсколько „несовершенными“ или „неполными“ (incomplèts) и странными (bizarres), до двадцати же процентовъ становятся такъ называемыми „toqués“ или, употребляя подходящее русское выраженіе, „тронутыми“. Поэтому нисколько не удивителенъ тотъ фактъ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться въ бельгійскихъ колоніяхъ для бродягъ и нищихъ. Въ нихъ попадаетъ не мало людей, побывавшихъ прежде въ бельгійскихъ тюрьмахъ долгосрочнаго одиночнаго заключенія. На всѣхъ такихъ, по свидѣтельству врача колоній, лежитъ особый отпечатокъ: всѣ они, въ большей или меньшей мѣрѣ, становятся „toqués“ или тронутыми. Сами заключенные замѣчаютъ это психически разрушающее вліяніе одиночной кельи и о бывшихъ въ ней обыкновенно говорятъ на своемъ образномъ языкѣ: „онъ получилъ ударъ кельи“, что у нихъ равнозначно выраженію: онъ ошалѣлъ отъ одиночки“. Очевидно, безнаказанно нельзя нарушать законы природы и въ ихъ числѣ законы общежительности человѣка.

Слѣдующая за одиночнымъ заключеніемъ стадія ирландской системы состоитъ въ совмѣстной съ другими арестантами дневной работѣ, при разобщеніи на ночь, съ дѣленіемъ заключенныхъ на послѣдовательные классы, числомъ 5. Съ пребываніемъ въ различныхъ классахъ соединяются и различія въ предоставляемыхъ преимуществахъ, а переводъ изъ одного въ другой зависитъ отъ самодѣятель-

ности заключеннаго въ направленіи собственнаго улучшенія, отмѣчаемаго получаемыми имъ марками.

Третья и конечная стадія ирландской системы—это переходныя тюрьмы, въ которыя помѣщаются лучшіе арестанты, могущіе воспользоваться досрочнымъ освобожденіемъ. Положеніе въ такихъ тюрьмахъ полусвободное, при значительномъ общеніи съ окружающимъ міромъ. Единственное дисциплинарное наказаніе—обратный переводъ въ прежнюю тюрьму. Цѣль переходныхъ тюремъ—смягчить рѣзкость перехода отъ тюрьмы къ полной свободѣ, болѣе постепенно пріучить заключеннаго къ ней и дать окружающему обществу возможность знакомиться съ заключенными.

Система американскихъ реформаторій для взрослыхъ основана на началахъ воспитательныхъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ послѣдняго слова. Въ реформаторіяхъ примѣняются неопредѣленные приговоры, т. е. приговоры, не устанавливающіе точно наперед продолжительность времени заключенія, которая въ реформаторіяхъ ставится въ зависимость отъ самодѣятельности заключенныхъ въ направленіи улучшенія. Ирландскую прогрессивную систему не безъ основанія можно разсматривать, какъ первый практическій зародышъ этихъ американскихъ реформаторій для взрослыхъ.

Что касается до двухъ первыхъ системъ, филадельфійскоі и обэрнскоі въ ихъ различныхъ практическихъ модификаціяхъ, то онѣ дають, при существующемъ ихъ широкомъ примѣненіи, весьма печальные результаты. Результаты эти основательно можно назвать фабрикаціей преступниковъ и людей отупѣлыхъ за счетъ казны. Особенно грѣшитъ въ этомъ отношеніи долгосрочное келейное заключеніе.

Условное досрочное освобожденіе и условное осужденіе. Рѣзко бросающіеся въ глаза печальные результаты тюремнаго заключенія при такихъ системахъ содѣйствуютъ все распространяющемуся примѣненію, какъ противодѣйствія, условнаго досрочнаго освобожденія. Получившій его заключенный можетъ быть возвращенъ въ тюрьму на весь остававшійся ему срокъ заключенія въ случаѣ дурного его поведенія на волѣ.

Другимъ средствомъ противодѣйствія развращающему вліянію тюрьмы, при современной ея постановкѣ, служитъ такъ называемое условное осужденіе. Оно даетъ возможность лицамъ, привлекаемымъ въ первый разъ къ суду за сравнительно неважныя преступныя дѣянія, совершенно избѣгнуть примѣненія къ нимъ лишенія свободы, назначаемаго по закону за совершонныя ими дѣянія, подъ условіемъ,

что они въ теченіе опредѣленнаго періода времени послѣ осужденія будутъ хорошо вести себя и не совершатъ новаго преступнаго дѣянія. Въ этомъ случаѣ осуждающій ихъ приговоръ погашается.

Имущественныя наказанія. Эти наказанія являются: 1) въ формѣ денежнаго штрафа или пени, налагаемыхъ на обвиненнаго въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ; 2) въ формѣ частной или общей конфискаціи имущества; 3) въ формѣ закрытія различныхъ предпріятій или пріостановки изданій, принадлежащихъ виновнымъ, и проч., а также 4) въ формѣ взыскиваемаго съ преступника вознагражденія за доказанные вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ.

Лишеніе правъ. Добавочное наказаніе лишеніемъ правъ, являющееся сопутствующимъ главному наказанію—казни и нѣкоторымъ видамъ лишенія и ограниченія свободы, представляетъ собою большее или меньшее пораженіе гражданской правоспособности лица, вплоть до потери всѣхъ его публичныхъ и частныхъ правъ. Въ сравнительно еще недавнее время эта потеря доходила до такъ называемой „гражданской смерти“, по формулѣ „яко же умеръ“. Въ настоящее время она доходитъ у насъ до потери имущественныхъ правъ, правъ супружескихъ (расторженіе брака) и прекращенія родительской власти.

Къ лишенію правъ присоединяется еще послѣдующій полицейскій надзоръ на опредѣленное время по отбытіи наказанія. Эта мѣра до крайности нецѣлесообразна. Въ общемъ она чрезвычайно стѣснительна для лицъ, и безъ того находящихся въ весьма неблагопріятномъ положеніи людей, отбывшихъ наказаніе по суду и повсюду обыкновенно, встрѣчающихъ недовѣріе и предубѣжденіе. Поэтому она пригодна для наталкиванія на новыя преступленія и совсѣмъ непригодна для устраненія преступности.

22.

МѢРЫ НАКАЗАНІЯ, УВЕЛИЧИВАЮЩІЯ ВИНУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И РЕЦИДИВЪ.

Наказаніе устанавливается и назначается исключительно, какъ вы уже знаете, государственною властью. При назначеніи наказаній въ конкретныхъ случаяхъ совершенія преступленій, государственная власть дѣйствуетъ въ лицѣ одной изъ своихъ составныхъ частей—власти судебной. Въ руководство при исполненіи задачи, возло-

женной на судебную власть, другая составная часть власти государственной, власть законодательная, даетъ ей опредѣленныя правила. Ихъ совокупность образуетъ собою уголовный кодексъ или уголовное законодательство о преступныхъ дѣяніяхъ и несодѣяніяхъ, воспрещаемыхъ подъ угрозою различныхъ наказаній. Въ своихъ санкціяхъ законодательная власть устанавливаетъ тѣ предѣлы, въ которыхъ должна вращаться судебная власть, оцѣнивая отдѣльныя конкретныя преступленія. Эти послѣднія, обладая родовыми и видовыми сходствами другъ съ другомъ, въ то же время представляютъ и свои индивидуальныя различія въ объективныхъ и соотвѣтствующихъ имъ субъективныхъ особенностяхъ. Эти индивидуальныя различія случаевъ совершенія конкретныхъ преступленій требуютъ различія и въ величинѣ требуемыхъ наказаній, что и даетъ мѣсто понятію о размѣрѣ наказанія, который находится въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ, служащихъ показателями увеличенія или уменьшенія вины дѣятеля преступленія.

Такими моментами или обстоятельствами, увеличивающими или уменьшающими вину дѣятеля, представляются время и мѣсто совершенія преступленія, способы его совершенія и поведеніе виновника передъ, во время и послѣ совершенія преступленія.

Сюда же должно отнести и такъ называемый рецидивъ. Подъ понятіемъ рецидива разумѣется совершеніе новыхъ преступленій послѣ того, какъ ихъ виновникъ отбылъ уже наказаніе или нѣсколько наказаній за предшествующія преступленія.

Въ такихъ повтореніяхъ видятъ доказательство того, что испытанныя наказанія не могли исправить вновь впавшаго послѣ нихъ въ преступленіе, что его воля упорствуетъ во злѣ, что онъ и послѣ наказаній продолжаетъ оставаться опаснымъ для общества, вслѣдствіе своей неисправимости, и что имъ владѣетъ привычка къ преступленію, которая служитъ основаніемъ для занятій преступленіями, какъ особымъ ремесломъ, какъ особой профессіей.

Различаютъ рецидивъ общій и спеціальный. Подъ послѣднимъ разумѣютъ повтореніе, послѣ отбыванія наказанія, тѣхъ же преступленій, какъ и предшествующія. При этомъ, истеченіе между двумя преступленіями опредѣленнаго срока времени, называемаго давностью рецидива, устраняетъ примѣненіе къ послѣднему преступленію понятія о рецидивированіи.

Въ доктринѣ классической школы явленіе рецидива дало основаніе для оживленныхъ споровъ и созданія различныхъ теорій.

Нѣкоторые не видятъ въ самомъ фактѣ рецидива обстоятельства,

увеличивающаго уголовную отвѣтственность виновника, и основательно настаиваютъ на устраненіи понятія рецидива изъ законодательства. Нельзя судить личность человѣка по шаблонамъ. Правильность обсужденія съ необходимостью требуетъ соблюденія начала строгой индивидуализаціи, безъ чего оно даетъ основаніе для вопіющихъ несправедливостей.

Другіе авторы, напротивъ, увеличеніе виновности въ случаяхъ рецидива признаютъ положеніемъ безусловнымъ, не допускающимъ никакихъ исключеній.

Наконецъ, существуетъ и примирительная теорія, разсматривающая рецидивъ не какъ особое обстоятельство, указывающее на необходимость увеличенія наказанія въ опредѣленіяхъ самого уголовнаго кодекса, а только какъ на одно изъ обстоятельствъ, могущихъ увеличивать вину дѣятеля преступленія, и, въ качествѣ такового, всецѣло подлежащее оцѣнкѣ суда въ каждомъ данномъ случаѣ.

Рецидивъ даетъ основаніе принимаемой теперь криминалистами классической школы классификаціи преступниковъ на случайныхъ, привычныхъ и профессіональныхъ, обратившихъ совершеніе преступленій въ ремесло, въ средство заработка. Дѣйствительная цѣнность этой классификаціи, особенно при условіяхъ настоящаго времени, когда подъ вліяніемъ современнаго общественнаго строя создается какая-то особая категорія „лишнихъ людей“, для насъ выяснится при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ фактами жизни.

23.

ОТМѢНА НАКАЗАНІЙ, ПОМИЛОВАНІЕ И ДАВНОСТЬ.

Примѣненіе наказанія, назначеннаго въ законѣ за совершонное преступленіе, по различнымъ основаніямъ въ конкретныхъ случаяхъ можетъ не всегда имѣть мѣсто.

Въ частныхъ преступленіяхъ однимъ изъ основаній непримѣненія наказаній, между прочимъ, можетъ служить прощеніе обиженнымъ или примиреніе сторонъ. Другимъ основаніемъ непримѣненія наказаній во всѣхъ случаяхъ служитъ смерть субъекта преступленія, дѣлающая абсолютно невозможнымъ примѣненіе уголовной кары къ осужденному.

Основаніями для отмѣны наказанія являются также помилованіе, даруемое верховною государственною властью, и давность.

Помилованіе представляется въ своемъ основаніи средствомъ экстраординарнымъ, примѣняемымъ въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ для огражденія справедливости и удовлетворенія цѣлесообразности, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, въ этихъ случаяхъ могли бы оказаться нарушенными строгимъ примѣненіемъ общаго закона, согласно тому правилу, что иногда summum jus—summa injuria. Поэтому помилованіе, какъ исключеніе изъ правилъ о строгомъ примѣненіи закона, принадлежитъ представителю верховной государственной власти.

Помилованіе единымъ актомъ можетъ распространяться на весьма многихъ лицъ, и въ такихъ случаяхъ оно обыкновенно называется амнистіей. Амнистія представляется актомъ мудраго милосердія, которое можетъ являться моментомъ исправляющимъ („иди и впредь не грѣши“) или моментомъ, вносящимъ въ общество забвеніе прошлаго, успокоеніе и примиреніе, которыя часто являются неотступной жизненной потребностью цѣлой страны.

Амнистія обыкновенно давалась и дается по поводу какого-либо выдающагося событія въ жизни народа или въ жизни представителя верховной власти страны.

Иногда же помилованіе даруется отдѣльнымъ лицамъ. При этомъ оно можетъ устранять и прекращать самое судебное преслѣдованіе (аболиція). Въ такихъ случаяхъ требуется, однако, согласіе самого обвиняемаго, который основательно можетъ не желать никакого помилованія, стремясь къ полному разъясненію дѣла и оправданію по суду. Помилованіе можетъ также смягчать, внѣ установленныхъ предѣловъ, или совершенно устранять примѣненіе наказанія. Наконецъ, помилованіе можетъ прекращать дальнѣйшее примѣненіе наказанія, уже начатое, и возстановлять осужденнаго въ правахъ (реабилитація).

Основаніями давности, какъ момента, вызывающаго отмѣну наказанія, является вліяніе времени. Время безъ пощады стираетъ постепенно всѣ слѣды преступленія, какъ въ памяти и чувствахъ пострадавшихъ, свидѣтелей и общества вообще, такъ и съ неодушевленныхъ предметовъ. Съ поступательнымъ движеніемъ времени становится все труднѣе правильно возстановить полноту событія совершеннаго преступленія вообще и фактическую точность даже его существеннѣйшихъ подробностей въ частности. Съ тѣмъ вмѣстѣ становится все труднѣе правильное о немъ сужденіе. Грубѣйшія ошибки становятся все легче и вѣроятнѣе. Притомъ чувство раздраженія и жажда мщенія, которыя, по наслѣдію отъ древности, были сильнѣй-

шими двигателями преслѣдованія виновнаго, все болѣе сглаживаются и замираютъ. Наконецъ, на пространствѣ времени наступаетъ такой моментъ, когда, по всѣмъ этимъ основаніямъ, представляется наилучшимъ исходомъ забыть это прошлое и поставить на немъ крестъ.

Сверхъ того, всеуничтожающее время неизбѣжно производитъ перемѣны и въ самомъ субъектѣ преступленія, что, между прочимъ, отчасти проявляется и въ томъ, что въ теченіе срока давности онъ не сталкивался болѣе съ уголовнымъ правосудіемъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и даетъ основанія для института уголовной давности, для которой устанавливаются опредѣленные сроки, признаваемые достаточными.

Давность представляется въ слѣдующихъ видахъ:

1) давность преслѣдованія, когда въ теченіе установленнаго срока давности преступленіе оставалось необнаруженнымъ или виновникъ оставался неразысканнымъ;

2) давность осужденія, когда, послѣ начатаго уже преслѣдованія, виновникъ скрылся и въ теченіе установленнаго срока давности оставался неразысканнымъ;

3) давность наказанія, когда виновный скрылся послѣ приговора и въ теченіе установленнаго срока давности оставался неразысканнымъ.

Сроки, назначаемые для этихъ трехъ видовъ давности, не одинаковы. Они удлиняются въ той же послѣдовательности, въ какой мною изложены самые виды. Сроки давности удлиняются также и въ соотвѣтствіи съ тяжестью совершоннаго преступнаго дѣянія, ею погашаемаго.

По нашему дѣйствующему Уложенію о Наказаніяхъ сроки давности идутъ отъ 6 мѣсяцевъ за проступки, за которые по закону полагается арестъ, денежныя взысканія, выговоры, замѣчанія, внушенія, и до 10 лѣтъ за преступленія, караемыя лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы или на поселеніе.

По нашему новому Уголовному Уложенію сроки давности преслѣдованія идутъ отъ одного года за проступки и до пятнадцати лѣтъ за тяжкія преступленія, караемыя по закону смертною казнью. Сроки же давности осужденія и давности наказанія устанавливаются двойные за тяжкія преступленія и преступленія, а за проступки—тройные.

24.

ОБЩАЯ ОЦѢНКА ДОКТРИНЫ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Такова, въ самыхъ своихъ основахъ, доктрина классической школы, ведущая свое начало отъ Беккаріи и все еще господствующая въ уголовныхъ кодексахъ. Я излагалъ эту доктрину вполнѣ безпристрастно, почти безъ всякихъ критическихъ замѣчаній по поводу ея отдѣльныхъ частей. Замѣчанія эти возникнутъ у васъ и безъ моихъ указаній, когда вы ближе познакомитесь съ тщательно и правильно наблюдавшимися явленіями живой дѣйствительности, относящимися къ области уголовнаго права и душевной жизни человѣка. Въ настоящее время я ограничусь слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ. На этой доктринѣ, на всей совокупности входящихъ въ ея составъ воззрѣній, на всемъ ихъ строѣ—лежитъ глубоко врѣзавшаяся печать непосредственной преемственности отъ далекой старины, которая жила при условіяхъ, болѣе или менѣе давно уже сошедшихъ со сцены и потому не имѣющихъ мѣста въ настоящемъ. Ей, этой старинѣ, были чужды научныя знанія, особенно знанія законовъ природы человѣка и общества. Съ этой стариной вы знакомы уже, и потому сами легко можете найти въ построеніи изложенной доктрины ясные ея отпечатки.

Далекому прошлому, какъ вы знаете, не было дѣла до самого преступнаго человѣка и его особенностей. Для него было интересно только само вредоносное дѣяніе и, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, въ той или другой мѣрѣ, получаемый искупъ за него. Подобно этому и занимающая насъ доктрина классической школы не знаетъ дѣйствительно существующаго преступнаго человѣка, съ его плотью и кровью, со всѣми условіями его нарожденія, развитія и жизни.

Интересно, что нѣкоторые ученые авторы, послѣдователи этой школы, начинаютъ теперь говорить не только о преступности, но и о преступникахъ, и о состояніяхъ преступности, начинаютъ говорить не только о наказаніи, но и о наказуемыхъ. Тѣмъ не менѣе, и въ ихъ изложеніи, вновь вводимыя понятія о преступникахъ и наказуемыхъ представляются безжизненными и отвлеченными понятіями, какими-то ни на что не нужными привѣсками, нисколько не вліяющими на построеніе доктрины.

Поэтому неудивительно, что доктрина классической школы далеко отстоитъ отъ живой дѣйствительности, отъ ея насущнѣйшихъ потребностей и отъ научнаго изученія этой дѣйствительности. Неуди-

вительно также, что при такомъ положеніи доктрина классической школы всецѣло погружена въ абстракціи, сосредоточена исключительно на логическихъ построеніяхъ, тончайшихъ несущественныхъ различеніяхъ, отвлеченныхъ формулахъ и словесныхъ опредѣленіяхъ, подставляющихъ на мѣсто живыхъ существъ однѣ этикетки. Эта доктрина не основывается на многообразныхъ, тщательно наблюдавшихся фактахъ. Въ ней нѣтъ надлежащихъ изслѣдованій, относящихся къ области жизненныхъ явленій, и потому творческая мысль авторовъ, занимающихся ея разработкою, вынуждена бродить въ пространствѣ, почти свободномъ отъ фактовъ и точныхъ наблюденій надъ ними, и пытаться создавать почти изъ ничего весьма сложное и обширное нѣчто. Отсюда безконечные споры, многочисленныя теоріи и въ конечномъ результатѣ—неоснованныя на естественныхъ законахъ логическія построенія. Подъ ихъ вліяніемъ классическая школа, а за нею и уголовные кодексы, пріурочиваютъ свои напередъ точно опредѣленныя въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ мѣры репрессіи не къ конкретному живому человѣку, съ его плотью и кровью, а къ обобщеннымъ, отвлеченнымъ подраздѣленіямъ. Классическая школа создала свои шаблоны и все подводила и подводитъ подъ нихъ.

Вслѣдствіе такого своего направленія, эта школа ушла отъ жизни, зарылась въ книгахъ, а жизнь, въ свою очередь, ушла прочь отъ нея, и все уголовное право въ ея изложеніи превратилось, какъ справедливо указываетъ проф. Принсъ, въ безплодную схоластику.

Жизнь не замедлила произнести свое осужденіе такого направленія въ обращеніи съ явленіями дѣйствительности, и произнести его въ сферѣ фактовъ и фактами. По вполнѣ вѣрному замѣчанію того же проф. Принса, рецидивъ, при господствѣ ученія этой школы, возросъ до 80%, мелкая преступность удвоилась и утроилась въ послѣднюю четверть прошлаго XIX вѣка, а скороспѣлость такъ называемыхъ „несовершеннолѣтнихъ преступниковъ“ значительно увеличивалась и увеличивается.

Такіе печальные результаты ясно указываютъ на полную несостоятельность ученій и рецептовъ классической школы въ основномъ вопросѣ — въ вопросѣ о дѣйствительныхъ и цѣлесообразныхъ средствахъ борьбы съ преступностью. Иначе, конечно, и быть не могло. Рецепты далекой старины, не дававшіе благихъ результатовъ въ прошломъ, тѣмъ менѣе могутъ ихъ дать въ настоящемъ, при все увеличивающейся сложности его отношеній.

Но, отмѣчая несостоятельность классической школы, нельзя не

признать ея крупной роли и заслугъ въ дѣлѣ борьбы съ произволомъ и жестокостью, нельзя не видѣть въ ней, по условіямъ времени ея возникновенія и начальнаго развитія, необходимаго этапа въ ходѣ развитія воззрѣній въ области явленій уголовнаго права. Но это дѣло сдѣлано, полезная роль школы закончена, и для нея настало время уступить свое мѣсто научному направленію, которое подступаетъ съ точнымъ измѣреніемъ и взвѣшиваніемъ какъ къ самому преступному человѣку, такъ и къ порождающему его обществу и старательно опредѣляетъ относительныя доли ихъ участія въ произведеніи неблагопріятныхъ результатовъ.

Г.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

1.

Въ то время, когда представители классической школы уголовнаго права вели свои безплодные и безконечные споры о различныхъ, не имѣющихъ дѣйствительнаго значенія, логическихъ тонкостяхъ и создавали свои произвольныя построенія, положительная наука дѣлала свое дѣло и быстрыми шагами подвигалась впередъ какъ въ изученіи явленій вселенной вообще, такъ и въ изученіи міра человѣка и его душевной жизни въ частности. Совершенствовались научные методы, совершенствовались научная техника и техника вообще, увеличивались средства--припомнимъ хотя бы постепенныя усовершенствованія микроскопа, открывшаго невѣдомый прежде міръ—средства, дававшія возможность все глубже проникать въ тайны природы, овладѣвать ея силами, направляя ихъ на служеніе потребностямъ человѣка.

Могучее развитіе естествознанія, въ широкомъ его значеніи, особенно ускорилось со второй половины XIX вѣка. Оно не могло не коснуться и не захватить одной изъ наиболѣе мрачныхъ тогда областей общественной жизни — области явленій человѣческой преступности и факторовъ, ее порождающихъ.

Первые положительные зачатки соприкосновенія естествознанія съ научною дисциплиною уголовнаго права относятся, какъ увидимъ далѣе, еще къ началу прошлаго столѣтія. Болѣе же полное примѣненіе данныхъ естествознанія и его плодотворныхъ методовъ къ изученію явленій человѣческой преступности совпадаетъ со второю половиною этого вѣка и въ значительной мѣрѣ связывается съ именемъ туринскаго профессора, психіатра и тюремнаго врача — Цезаря Ломброзо.

Извѣстный нѣмецкій криминалистъ, покойный проф. Гольцендорфъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ охарактеризовалъ на первомъ международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ, созванномъ въ 1885 году въ Римѣ, значеніе научнаго направленія, во главѣ котораго стоялъ Ломброзо.

„Безспорно новымъ въ итальянской школѣ уголовнаго права", говорилъ Гольцендорфъ, „представляется тѣсная связь естественныхъ наукъ съ юриспруденціей. Благодаря этой связи новая школа дѣйствительно является нововводительницею". „Будущій прогрессъ уголовнаго законодательства можетъ быть обязанъ главнымъ образомъ наукамъ естественнымъ, которымъ и нашъ вѣкъ обязанъ своими лучшими открытіями". Поэтому, „нельзя не привѣтствовать съ радостью ихъ вступленія въ область права чрезъ посредство медицины". „Собраніе конгресса обѣщаетъ благіе результаты. Связь юриспруденціи съ медициной будетъ плодотворна, и счастливымъ предзнаменованіемъ служитъ международное братство, проявляющееся въ изученіи человѣка". Такъ характеризовалъ извѣстный юристъ, конечно, вовсе не склонный къ преувеличеніямъ въ этомъ отношеніи, развивавшееся тогда новое научное направленіе въ области уголовнаго права.

И Гольцендорфъ вполнѣ правъ въ своемъ утвержденіи. Только естествознаніе съ его надежными методами наблюденія и опыта можетъ вывести уголовное право на дѣйствительно научный путь, тогда какъ классическая школа, про которую проф. Бенедиктъ справедливо замѣтилъ, что она схоластична, потому что ея методы отстали не менѣе, какъ на 350 лѣтъ, можетъ только безплодно блуждать въ области переживаній сѣдой старины да въ области отвлеченныхъ произвольныхъ построеній.

2.

Коснувшись новаго научнаго направленія въ области изученія уголовно-правовыхъ явленій, я пока не представлю вамъ полнаго его изложенія. Въ интересахъ скорѣйшаго завершенія настоящаго историческаго очерка ограничусь теперь только наиболѣе основными положеніями, отлагая изложеніе подробностей до одной изъ дальнѣйшихъ частей курса.

Прежде всего замѣчу, что это новое направленіе часто подраздѣляютъ на уголовно-антропологическую школу, которая придаетъ первенствующее значеніе въ сферѣ преступленія фактору антропологической

природы самого дѣятеля преступленія, и на школу соціологическую, которая видитъ важнѣйшіе и первенствующіе факторы преступности въ условіяхъ общественной жизни.

Это дѣленіе, съ научной точки зрѣнія, представляетъ собою странное недоразумѣніе и какой-то научный недосмотръ. Въ одномъ изъ докладовъ, представленныхъ брюссельскому международному уголовно-антропологическому конгрессу, основательно было указано на всю несостоятельность такого дѣленія, которое если и можетъ быть объяснено, то только начальными условіями его возникновенія.

То научное направленіе, которое обозначаютъ названіемъ соціологической школы уголовнаго права, ведетъ свое начало отъ работъ бельгійскаго математика, отца современной статистики, знаменитаго Кетле (Quetelet, 1796—1874) („Recherches sur le penchant au crime aux différents âges“—„Изслѣдованіе наклонности къ преступленію въ различные возрасты“, 1831; „Du système social et des lois qui le régissent“ — „Соціальная система и законы, ею управляющіе“, 1848; „Physique sociale, ou essai sur le développement des facultés de l'homme“—„Соціальная физика, или опытъ изслѣдованія развитія способностей человѣка“, 1869), относящихся ко второй и третьей четверти прошлаго столѣтія.

Понятно, что Кетле, какъ статистикъ, могъ изучать вопросъ о преступности, основываясь преимущественно на данныхъ цифровой регистраціи общественныхъ явленій, а потому болѣе или менѣе односторонне.

Напротивъ, Ломброзо, уже вслѣдствіе своей профессіи врача-психіатра, долженъ былъ обратить главное свое вниманіе на изученіе психофизическихъ особенностей преступнаго человѣка.

Это вполнѣ естественное раздѣленіе труда не можетъ, однако, и не должно давать основанія для какой-то вивисекціи науки. Если научный работникъ, по необходимости, болѣе или менѣе односторонненъ, то наука, напротивъ, должна быть всесторонняя.

Мы вѣдь не знаемъ человѣка, который бы жилъ внѣ общества и не подвергался бы ежеминутно вліянію условій общественной жизни. Эти условія постепенно болѣе или менѣе измѣняютъ его физическое и психическое существо и, вслѣдствіе того, предрасполагаютъ его къ тому или другому поведенію, къ тѣмъ или другимъ поступкамъ, находящимся въ полномъ соотвѣтствіи, съ одной стороны, съ физическими и психическими особенностями дѣятеля въ данное время, а съ другой—съ особенностями внѣшнихъ воздѣйствій, производящихъ на него вліяніе.

Такимъ образомъ, поведеніе и поступки человѣка—это равнодѣйствующая усилій факторовъ двухъ категорій: особенностей психофизической природы дѣятеля и особенностей внѣшнихъ воздѣйствій, которымъ онъ подвергается. Опредѣлить сколько-нибудь точно и взвѣсить доли вліянія каждой изъ этихъ двухъ категорій факторовъ—невозможно. Поэтому, при изученіи человѣческой преступности, мы не должны односторонне слѣдовать ни соціальной, ни органической теоріи. Намъ, очевидно, нужна соціально-органическая теорія. Эта теорія именно и разрабатывается уголовно-антропологическою школою.

Ея основныя положенія сводятся къ слѣдующему:

1) основная цѣль, которая и служитъ оправданіемъ мѣръ, принимаемыхъ для борьбы съ преступленіемъ, это есть огражденіе общества отъ зла преступленія, расшатывающаго самыя основы общежитія, но ни въ какомъ случаѣ не отмщеніе, не возмездіе;

2) преступленіе представляетъ собою одно изъ естественныхъ явленій, совершающихся, какъ и всѣ другія, по естественнымъ законамъ, законамъ природы, а не по произволу;

3) при изученіи области явленій уголовнаго права прежде всего необходимо изучать самого дѣйствительнаго преступника въ многочисленныхъ его разновидностяхъ, въ производящихъ его причинахъ, необходимо изучать его преступленія, а также и наиболѣе дѣйствительныя средства воздѣйствія на него, въ цѣляхъ огражденія общества отъ зла его вредоносной дѣятельности;

4) изученіе всѣхъ явленій области уголовнаго права должно производиться никакъ не умозрительно, а по возможности съ примѣненіемъ всѣхъ точныхъ методовъ естествознанія, при помощи которыхъ изучаются и всѣ прочія естественныя явленія;

5) преступленіе представляетъ собою результатъ взаимодѣйствія, съ одной стороны, физическихъ и психическихъ особенностей дѣятеля, особенностей, которыя и образуютъ основы его характера, а съ другой—внѣшнихъ воздѣйствій, исходящихъ отъ окружающей преступника физической и общественной среды;

6) причины преступленій подраздѣляются на:

а) ближайшія или непосредственныя, заключающіяся въ болѣе или менѣе стойкихъ физическихъ и психическихъ особенностяхъ натуры дѣятеля преступленія,

б) болѣе отдаленныя, кроющіяся въ неблагопріятныхъ и на пространствѣ времени дурно дѣйствующихъ условіяхъ окружающей обстановки; подъ ихъ вліяніемъ, иногда затрагивающемъ два и болѣе

послѣдовательныхъ поколѣнія, и вырабатываются недостатки натуры, какъ болѣе или менѣе устойчивые факторы преступленій,

в) предрасполагающія, подъ вліяніемъ коихъ уже сложившіяся недостаточныя, дурно приспособленныя къ условіямъ общественной жизни и дурно уравновѣшенныя натуры наталкиваются на преступленія;

7) внимательное изученіе причинъ преступленій приводитъ къ убѣжденію, что въ развитіи преступности виновато и само общество, его учрежденія, строй внутреннихъ въ немъ отношеній и что оно вполнѣ заслуживаетъ своихъ преступниковъ, какъ выразился проф. Лакассань;

8) для успѣха дѣла огражденія общества отъ зла преступленія необходимо дѣйствовать на устраненіе причинъ, производящихъ преступленія, и, между ними, на устраненіе причинъ болѣе отдаленныхъ, подъ вліяніемъ которыхъ, въ теченіе наслѣдственнаго и личнаго прошлаго, зарождаются и постепенно развиваются натуры, предрасположенныя къ преступленію; для этого необходимы широкія мѣры предупрежденія, иначе говоря, мѣры, направленныя на созданіе матеріальнаго и умственно-нравственнаго благосостоянія народныхъ массъ;

9) мѣры, примѣняемыя къ народившемуся уже преступнику, должны быть мѣрами исправленія, разумнаго перевоспитанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и мѣрами индивидуализаціи; особенное вниманіе должно быть обращаемо на правильное воспитаніе и перевоспитаніе дѣтей и подростковъ вообще и въ частности дѣтей и подростковъ, попадающихъ на путь порока и преступленія;

10) мѣры, примѣняемыя къ самому дѣятелю преступленія, не могутъ и не должны быть количественно опредѣляемы напередъ; онѣ должны опредѣляться въ зависимости отъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая и ихъ тщательнаго изученія, онѣ должны длиться или прекращаться въ полной зависимости отъ продолжающагося существованія или отъ прекращенія въ нихъ надобности.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ и въ его основныхъ положеніяхъ, современное намъ новое и все болѣе развивающееся научное направленіе въ изученіи явленій преступности. Оно уже успѣло оказать довольно сильное вліяніе и на сторонниковъ классической школы уголовнаго права. Послѣдніе авторитетомъ и логикой фактовъ вынуждаются постепенно все болѣе отступать отъ своихъ взглядовъ, еще ярко окрашенныхъ вліяніемъ переживаній сѣдой старины, въ сторону новаго направленія.

Наиболѣе выпуклымъ выразителемъ этого постепеннаго, хотя и

весьма медленнаго, отступленія, совершающагося подъ давленіемъ изученія фактовъ живой дѣйствительности, является основанный извѣстнымъ берлинскимъ профессоромъ Листомъ „Международный Союзъ Криминалистовъ“. Союзъ ставитъ своею задачею изученіе преступности, ея причинъ и мѣръ для борьбы съ нею. При этомъ онъ признаетъ необходимымъ изученіе человѣческой преступности съ антропологической, соціологической и юридической точекъ зрѣнія. Таково направленіе Союза. Одно лишь не вполнѣ понятно въ его программѣ, а именно: для чего въ ней, на-ряду съ соціологической, состоитъ еще какая-то особая юридическая точка зрѣнія, находящаяся какъ бы въ какомъ-то противоположеніи съ соціологической?

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ представителей классической школы высказываются за необходимость и желательность только дополнять пробѣлы классическаго направленія, а не замѣнять и не устранять его. По ихъ мнѣнію, цѣлью новаго направленія должно быть только освѣщеніе неясностей стараго. Не въ борьбѣ, но во взаимодѣйствіи этихъ двухъ началъ, говорятъ они, лежитъ залогъ правильнаго развитія уголовнаго права. Но такъ ли это?

Послѣ того, какъ вы ознакомились съ ходомъ историческаго развитія современныхъ сложныхъ понятій о преступленіи и наказаніи и съ бытовыми факторами этого развитія; послѣ того, какъ вы познакомились также съ содержаніемъ доктрины классической школы и ея методами изученія, съ одной стороны, а съ другой — ознакомились съ основными положеніями новаго направленія и съ характеромъ его методовъ,—вы теперь уже сами можете судить—насколько возможно осуществленіе высказываемыхъ пожеланій. По самому существу дѣла различіе въ данномъ случаѣ коренное—различіе въ основномъ углѣ зрѣнія, въ предметѣ изслѣдованія и въ самыхъ пріемахъ его.

На томъ же брюссельскомъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ 1892 года представителями стараго направленія уже поднимался вопросъ о соглашеніи. И въ то время профессоръ фонъ-Хамель справедливо указалъ, что относительно методовъ изученія не можетъ быть никакихъ разговоровъ. Ими должны быть методы положительныхъ наукъ — методы точнаго наблюденія и опыта, примѣненіе которыхъ должно привести къ выясненію всесторонней причинности явленій въ сферѣ человѣческой преступности. А разъ это будетъ признано и осуществлено, то само собою окажется, что въ научномъ обиходѣ есть мѣсто для уголовно-антропологической школы, но не для классической.

3.

Теперь у васъ можетъ возникнуть вопросъ: каковъ же будетъ дальнѣйшій вѣроятный ходъ вѣкового развитія воззрѣній и вызываемыхъ ими отношеній въ области явленій уголовнаго права? Отвѣчать на этотъ вопросъ, конечно, можно только предположительно, основываясь на всей совокупности предшествующаго опыта.

Когда положительная наука дѣйствительно проникнетъ въ жизнь, когда она обоснуетъ всѣ правила нравственности на раскрываемыхъ ею непреложныхъ законахъ природы, когда, дѣйствуя, благодаря будущей своей распространенности, на умственно-нравственную сторону народныхъ массъ, наука станетъ руководительницею жизни, тогда она приведетъ къ истинно-разумному, а потому и истинно-гуманному правилу: „все понять значитъ все простить“, не оставаясь бездѣятельной въ присутствіи зла, а упорно борясь съ его производящими причинами для устраненія этого зла изъ міра человѣческихъ отношеній.

Въ небольшой книжечкѣ Чэмберлена „Явленіе Христа“ высказывается вполнѣ вѣрная мысль, что „мы еще очень, очень далеки отъ того момента, когда возрождающее вліяніе христіанства“, какъ нравственнаго ученія, въ полной мѣрѣ повліяетъ на цивилизованное человѣчество. „Христіанство“, по мнѣнію Чэмберлена, „находится еще въ младенчествѣ, и передъ нами еле брезжитъ его полный разсвѣтъ“. Припомните, дѣйствительно, указаніе, сдѣланное въ самомъ началѣ курса на то, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, часто и легко наблюдаемыхъ, исповѣдывающіе евангельское ученіе мира и любви, путемъ изворотливыхъ, отражающихъ опредѣленные интересы, толкованій, оспариваютъ и отвергаютъ примѣнимость руководящихъ началъ этого ученія ко многимъ явленіямъ государственно-общественной жизни. Поэтому Чэмберленъ вполнѣ правъ въ своемъ утвержденіи. Посмотрите, что представляетъ намъ окружающая дѣйствительность: рѣки крови и, что хуже того, нарожденіе жестокихъ, кровожадныхъ натуръ, появляющихся и развивающихся, какъ учатъ опытъ и наблюденіе, на почвѣ извращеній родового или полового чувства, этихъ горькихъ плодовъ нарушеній законовъ природы и сопутствующихъ этимъ нарушеніямъ органическихъ извращеній.

У того же автора, такъ же какъ и у великаго писателя земли русской, графа Льва Николаевича Толстого, находимъ указаніе на глубокую мысль Евангелія, что „царствіе Божіе внутри насъ“. Но для достиженія „Царствія Божія, внутри насъ находящагося“ и ярко про-

являвшагося въ первыхъ христіанскихъ общинахъ съ охватившимъ ихъ членовъ влеченіемъ „возлюбить ближняго, какъ самого себя“, необходимо нравственное совершенствованіе человѣчества. Необходимо приспособленіе человѣка, какъ члена общества, къ правильной и здоровой жизни въ средѣ себѣ подобныхъ, при которой только и можетъ быть достигаемо жадно искомое человѣкомъ счастье, состоящее, по самому существу его, въ устойчивомъ, ясно спокойномъ и свѣтломъ внутреннемъ настроеніи и ясномъ взглядѣ на міръ. И такое приспособленіе устанавливается при помощи научнаго знанія, указывающаго правильные пути для разумнаго, истинно-гражданскаго воспитанія, противоположнаго тому, о которомъ говорилъ Робертъ Оуэнъ, какъ о существовавшемъ въ его время воспитаніи привилегированныхъ классовъ „въ принципахъ, противныхъ природѣ человѣка и общества“. Необходимость такого истинно-гражданскаго воспитанія признавалась и продолжаетъ признаваться лучшими умами человѣчества. Безъ такого воспитанія не можетъ быть сколько-нибудь высокой нравственности и достаточной приспособленности человѣка къ разумно-правильной жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Между тѣмъ весь великій соціальный вопросъ, не исключая и вопроса о преступности, вопросъ, мучащій теперь предродовыми болѣзненными потугами все культурное человѣчество, этотъ вопросъ представляетъ собою, какъ справедливо думаетъ профессоръ страсбургскаго университета Циглеръ (Ziegler—„La question sociale est une question morale“), только вопросъ нравственности, развитой общественнымъ воспитаніемъ.

При осуществленіи послѣдняго условія, т. е. при развитіи нравственности, много мучительно-тяжелыхъ общественныхъ вопросовъ легко разрѣшится, наступитъ согласіе съ нравственнымъ ученіемъ христіанства и указаніями положительной науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуществятся мечты и чаянія великаго Роберта Оуэна объ исчезновеніи преступленій. Утопія тогда станетъ дѣйствительностью. И это вполнѣ возможно, при достигнутомъ уже развитіи научныхъ знаній, могуществѣ техники, избыткѣ свободныхъ рукъ и накопленіи капитала. Эти образовавшіяся громадныя средства, при разумно-нравственномъ пользованіи ими, и теперь могли бы давать возможность удовлетворять всѣ потребности всѣхъ членовъ общества, не прибѣгая къ ирраціональной, и потому взаимно-вредной, эксплоатаціи человѣка человѣкомъ.

Но „осуществимъ ли идеалъ Церкви Христовой“, спрашиваетъ въ своемъ сочиненіи о Логосѣ профессоръ князь Трубецкой, „идеалъ

Царствія Божія на землѣ“, „идеалъ одухотвореннаго, преображеннаго человѣчества, въ которомъ воплощается Божество истины и любви?“ „Такой идеалъ“, продолжаетъ Трубецкой, „безспорно достоинъ желанія и для человѣка и для человѣчества, заключая въ себѣ искупленіе отъ всѣхъ золъ, но соотвѣтствуетъ ли онъ нашей природѣ, достижимъ ли онъ, составляетъ ли онъ возможную и дѣйствительную цѣль, общую. конечную цѣль человѣчества?“

Духовно-нравственныя движенія въ человѣчествѣ, подобныя вызывавшимъ къ жизни общины первыхъ христіанъ и многія послѣдующія высоко-нравственныя секты, до нашего духоборчества включительно, и примѣры людей, подобныхъ Роберту Оуэну, о которыхъ говоритъ исторія, свидѣтельствуютъ, повидимому, съ достаточною основательностью, о возможности положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Нерѣдко приходится слышать, что тѣ или другія предполагаемыя улучшенія, представляющіяся симпатичными перспективами, на самомъ дѣлѣ не соотвѣтствуютъ, будто бы, природѣ человѣка. По отношенію къ данному времени и даннымъ людямъ такое утвержденіе нерѣдко, дѣйствительно, бываетъ вѣрно. Но, спрашивается, о какой природѣ человѣка при этомъ идетъ рѣчь? Человѣкъ, какимъ мы его знаемъ въ дѣйствительности, представляетъ значительныя разнообразія. Если мы встрѣчаемъ крайнихъ индивидуалистовъ, узкихъ эгоистовъ, которые не проявляютъ никакой благожелательности къ людямъ и спокойно попираютъ важные общественные интересы ради своихъ выгодъ, даже незначительныхъ, которые не чувствуютъ никакого влеченія дѣлать что-либо для другихъ и не ощущаютъ никакого удовольствія при видѣ ихъ довольства и благосостоянія, то наряду съ ними мы встрѣчаемъ и такихъ, которые посвящаютъ всѣ свои силы служенію общему благу и беззавѣтно жертвуютъ своими интересами ради интересовъ своихъ ближнихъ, радуются чужими радостями, наслаждаются чужимъ счастьемъ, страдаютъ чужимъ горемъ, почти не знаютъ разницы между „твоимъ“ и „моимъ“ и отзывчиво откликаются на нужды окружающихъ, подобно покойному „вольному крестьянскому врачу“ С. И. Сычугову, всецѣло, безъ остатка, отдавшему себя на беззавѣтное служеніе вскормившему его родному народу, который массами издалека стекался къ своему „доброму доктору“, „безсребренику“, „праведнику“, жившему, какъ говорили крестьяне, „по-божески“. Вся его чистая жизнь—это трудъ и подвигъ на благо „меньшого брата“, всего лучше охарактеризованный въ надписи на погребальномъ вѣнкѣ, возложенномъ на гробъ этой

безвременно погибшей свѣтлой личности: „доброму крестьянскому врачу, другу народа“...

Таковы различія по индивидуальностямъ, таковы приблизительно и различія разновременныхъ поколѣній. Въ различные періоды преобладаютъ и различные характеры, какъ бы различныя породы людей, съ ихъ многочисленными разновидностями, налагающими особую окраску на всякое данное время. Въ ходѣ исторіи передъ нами проходятъ непрерывною чередою вѣка и эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ проходятъ и различные умственно-нравственные типы людей. Римлянинъ начала республики и римлянини временъ упадка, какъ болѣе общіе типы, суть двѣ различныя, разнохарактерныя величины, со своими различными вкусами и стремленіями.

И всѣ эти различные типы суть люди и имѣли природу людей. А, между тѣмъ, какая между ними разница! Немудрено поэтому, что то, что удовлетворяло и соотвѣтствовало природѣ однихъ, оказывалось несоотвѣтствующимъ природѣ другихъ и наоборотъ.

Но чѣмъ же, спрашивается, обусловливаются подобныя рѣзкія различія въ природѣ людей? Различіями въ особенностяхъ того, что, по уподобленію, можно назвать остовомъ психической личности, различіями въ особенностяхъ инстинктивной природы человѣка, налагающихъ рѣзкій отпечатокъ на все его умственно-нравственное существо и, какъ учитъ опытъ, постепенно слагающихся подъ вліяніемъ различій въ характерѣ внѣшнихъ воздѣйствій и вызываемыхъ ими обычныхъ упражненій.

Всѣ особенности человѣка, всѣ его вкусы, влеченія и стремленія, всѣ его навыки и привычки суть результаты медленно образовавшейся приспособленности, помощью воспитанія и при посредствѣ унаслѣдованія слѣдовъ прежнихъ воздѣйствій, къ тѣмъ или другимъ направленіямъ, къ тѣмъ или другимъ идеаламъ. Законъ наслѣдственности—это законъ консерватизма, законъ сохраненія разъ пріобрѣтеннаго, тогда какъ законъ приспособляемости, могущественно обусловливавшій постепенное развитіе всего живого во вселенной—это законъ измѣняемости и, при благопріятныхъ условіяхъ, законъ усовершенствованія и прогресса, какъ это и было въ развитіи лѣстницы творенія, въ которой съ теченіемъ времени, появлялись все болѣе и болѣе совершенныя формы жизни. Этимъ послѣднимъ закономъ человѣкъ и человѣчество, живущее обществами, въ которыхъ, по самому существу ихъ природы, дѣйствія одного, такъ или иначе, въ большей или меньшей мѣрѣ, отражаются и на всѣхъ остальныхъ, и должны широко пользоваться въ интересахъ общаго

блага и счастья. Они должны образовать изъ внѣшнихъ воздѣйствій систему напередъ разсчитанныхъ мѣръ для постепеннаго подготовленія въ подрастающихъ поколѣніяхъ типа соціабельныхъ личностей, въ истинномъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, и для укорененія въ нихъ навыковъ и привычекъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ правильной общественности. Только такимъ путемъ, путемъ приспособленія человѣка въ нравственномъ отношеніи къ условіямъ разумнаго и для всѣхъ одинаково выгоднаго общежитія, путемъ постепеннаго нравственнаго совершенствованія породы, можетъ быть вѣрно достигаемо устраненіе общественныхъ нестроеній вообще и преступленій въ частности. Таковы указанія, сами собою вытекающія изъ вдумчиваго разсмотрѣнія законовъ природы, жизнью вселенной управляющихъ.

III.

ПОСТЕПЕННОЕ РАЗВИТІЕ ВЪ ОБЛАСТИ ПСИХІАТРІИ УЧЕНІЯ О ФИЗИЧЕСКОМЪ И УМСТВЕННО-НРАВСТВЕННОМЪ ВЫРОЖДЕНІИ ПОРОДЫ И ВЛІЯНІЕ ЭТОГО УЧЕНІЯ НА НАУЧНОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ЯВЛЕНІЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.

1.

Покончивъ съ изученіемъ хода историческаго развитія явленій въ области уголовнаго права, посмотримъ теперь, какъ и гдѣ началось изученіе не только преступленій, но и самого преступнаго человѣка, и познакомимся съ чрезвычайно поучительнымъ поступательнымъ ходомъ развитія научной мысли въ этой области точно изучавшихся фактовъ живой дѣйствительности.

Надпись одного изъ древнихъ храмовъ влагала въ уста Первоначальной Причины Вселенной слѣдующія слова: „я есмь то, что есть, что было, что будетъ, и никто не позналъ моего существа“. Другая надпись гласила: „познай самого себя“. „Первая есть признаніе въ неизбѣжномъ незнаніи“, замѣчаетъ знаменитый врачъ-философъ Кабанисъ (Cabanis, „Rapports du physique et du moral de l'homme“), упоминая объ этихъ надписяхъ. „Вторая—формаль и драгоцѣнное указаніе той цѣли, которую должна преслѣдовать философія ума и нравственности. Эта надпись представляетъ собою какъ бы сокращенное содержаніе всѣхъ уроковъ мудрости объ умѣ и нравственности, этихъ двухъ

великихъ предметахъ нашихъ размышленій. Если мы станемъ разсматривать операціи нашего ума, то мы увидимъ, что онѣ зависятъ отъ свойствъ нашихъ органовъ. Если же мы станемъ изслѣдовать принципы нравственности, то мы найдемъ, что ея правила должны основываться на взаимныхъ отношеніяхъ людей; что эти отношенія, въ свою очередь, берутъ свое начало изъ человѣческихъ свойствъ и потребностей, а эти свойства и потребности опредѣляются человѣческой организаціей".

Эти соображенія высоко-талантливаго врача-философа, высказанныя имъ еще въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, должны служить и дѣйствительно служатъ руководящимъ началомъ для уголовно-антропологической школы при изученіи явленій человѣческой преступности, ея производящихъ причинъ и дѣйствительныхъ средствъ къ ея устраненію.

Приступая къ изложенію результатовъ этого изученія, я прежде всего остановлю ваше вниманіе на чрезвычайно важномъ теченіи въ ходѣ этого изученія. Здѣсь я разумѣю поступательное развитіе психіатрическихъ ученій, которыя оказали сильнѣйшее вліяніе и неоцѣнимыя услуги для правильной разработки и такого же пониманія вопроса о человѣческой преступности.

Ходъ развитія психіатрическихъ ученій о явленіяхъ больной души человѣка по отношенію къ занимающему насъ изученію правильно будетъ назвать теченіемъ боковымъ, потому что психіатрическія ученія прямо не затрагиваютъ вопроса о человѣческой преступности. Они только необходимо соприкасаются съ нимъ въ ходѣ своего развитія, вслѣдствіе существованія, какъ увидимъ далѣе, нѣкотораго сродства между явленіями области психіатріи и области уголовной антропологіи.

Въ чемъ заключается это сродство и какъ близко или отдаленно оно—станетъ вамъ болѣе ясно впослѣдствіи, когда вы ознакомитесь съ явленіями физическаго и умственно-нравственнаго вырожденія породы, ученіе о которомъ и его многообразныхъ типахъ и ихъ проявленіяхъ во внѣ, въ дѣятельности, и образуетъ главнѣйшее соединительное звено между психіатріей и уголовной антропологіей.

Извѣстный французскій психіатръ Маркъ (Marc, „De la folie, considerée dans ses rapports avec les questions médico-judiciaires") съ значительною основательностью утверждалъ, что „только тотъ, кто знаетъ душевное разстройство, кто знаетъ сумасшествіе, знаетъ также и человѣка", особенно, прибавлю я отъ себя, того человѣка и тѣхъ

людей, которыхъ нашъ народъ, не безъ основанія, называетъ „не счастненькими“.

Ясной границы между высшими ступенями душевнаго здоровья, душевной нормальности, и наиболѣе рѣзко выраженными степенями душевной болѣзни, душевной ненормальности, провести и уловить нельзя. Въ этой области явленій, какъ и въ другихъ областяхъ явленій природы, между крайними противоположными членами ряда или рядовъ существуютъ безчисленные постепенные, еле распознаваемые переходы или переливы, подобные почти неуловимымъ переливамъ цвѣтовъ и ихъ различныхъ оттѣнковъ въ солнечномъ спектрѣ. И профессоръ Грассе вполнѣ основательно указываетъ, что явленія физіологическія и патологическія суть явленія одной природы и совершаются по общимъ, одинаковымъ законамъ.

Поэтому различныя степени и формы душевнаго здоровья яснѣе понимаются и представляются при ихъ сопоставленіи, при ихъ сравненіи съ различными степенями и формами душевнаго разстройства и, наоборотъ, послѣднія яснѣе понимаются и представляются при ихъ сопоставленіи, при ихъ сравненіи съ первыми. Докторъ Тебальди въ своей работѣ, озаглавленной „Разумъ и сумасшествіе“ (Tebaldi, „Ragione e pazzia“), идетъ и далѣе. Онъ не безъ основанія утверждаетъ, что „исторія человѣческой цивилизаціи вырисовывается для насъ въ психологіи сумасшествія, и яркія краски и удивительные контрасты этой психологіи освѣщаютъ новымъ свѣтомъ сложные общественные вопросы“, въ которыхъ, прибавлю отъ себя, дѣйствительно нерѣдко не малую роль играли, какъ показываетъ изученіе, лица, душевно не нормальныя.

Основательность замѣчанія Тебальди всего лучше выяснится для насъ при ближайшемъ ознакомленіи съ различными явленіями вырожденія.

Ученіе объ этихъ явленіяхъ въ мірѣ человѣка являлось, въ сущности, при началѣ знакомства съ ними науки ученіемъ о какихъ-то странныхъ, загадочныхъ личностяхъ, которыя останавливали на себѣ вниманіе психіатровъ съ довольно давнихъ поръ.

2.

Нужно сказать, что уже отдаленная древность знала случаи душевныхъ разстройствъ, какъ единичныхъ, такъ и эпидемическихъ. Вслѣдствіе простоты и болѣе здороваго образа жизни тѣхъ отдален-

ныхъ временъ, случаи эти, однако, были, повидимому, довольно рѣдки. Какъ же смотрѣла на нихъ и какъ относилась къ нимъ наивная древность? Согласно всему строю тогдашняго міросозерцанія, свойственнаго дѣтству человѣчества, душевно-больные разсматривались то какъ люди, караемые богами за проступки противъ нихъ, то какъ одержимые и околдованные, то, наконецъ, какъ вдохновенные. Поэтому въ однихъ случаяхъ они внушали суевѣрный страхъ и даже отвращеніе, а въ другихъ окружались почитаніемъ. Понятно, что, при такомъ взглядѣ, и леченіе ихъ должно было находиться въ рукахъ служителей боговъ, различныхъ заклинателей и колдуновъ, которые одни могли умилостивить гнѣвъ боговъ и уничтожить одержаніе своими сверхестественными средствами. Поэтому первоначальная медицина зародилась преимущественно въ храмахъ и находилась въ непосредственной связи съ религіознымъ культомъ.

Съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ простоты и умѣренности жизни первобытныхъ временъ, въ теченіе хода развитія древнихъ цивилизацій, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательное сходство съ существующей, начали дѣйствовать новые факторы, усиленно вліявшіе на потрясеніе душевнаго здоровья и на порожденіе наслѣдственно-хилыхъ, неустойчивыхъ натуръ, наклонныхъ къ душевнымъ разстройствамъ. Въ древности, какъ и теперь, однимъ изъ такихъ зловредныхъ факторовъ, повидимому, былъ алкоголь. Законы Ликурга и Солона знали нѣкоторыя ограничительныя и карательныя правила по отношенію къ употребленію алкоголя и злоупотребленію имъ, а Платонъ считалъ нужными ихъ и въ своемъ образцовомъ государствѣ. Въ древнемъ Египтѣ, какъ и въ наше время, даже существовали общества трезвости для борьбы съ развившимся зломъ.

Но алкоголь не былъ единственной причиной вырожденія породы. Древнимъ, особенно римлянамъ, были извѣстны и другіе, могущественно вліяющіе и въ наше время, факторы, подтачивавшіе органическія силы древнихъ обществъ. Эти факторы и привели къ упадку древнія, высоко стоявшія цивилизаціи и породили ту истощенную, дряблую породу, которая доставляла такой богатый матеріалъ для изученія разнообразныхъ формъ разстройствъ душевной жизни и представляла такую жалкую картину физическаго и нравственнаго убожества въ эпоху паденія Рима. Въ эту эпоху въ немъ, какъ это видно изъ сочиненій римскихъ врачей Аретея и Целія Авреліана, благодаря усиленно практиковавшемуся многообразному разврату, какъ и въ наше время, были весьма распространены душевныя разстройства

вообще и истерія, педерастія, сатиріазисъ со смертными исходами и различныя формы эротическаго бреда въ частности; послѣднія распространялись иногда даже эпидемически между вполнѣ подготовленными къ тому субъектами.

Явленія душевныхъ разстройствъ не ускользнули отъ вниманія проницательныхъ наблюдателей древности и, въ качествѣ разстройствъ, имѣющихъ органическое основаніе, еще въ отдаленныя эпохи подвергались изученію, которое и заложило основаніе наукѣ о разстройствахъ и аномаліяхъ души. Изъ храмовъ, гдѣ, повидимому, впервые зародилась медицина въ качествѣ искусства леченія болѣзней, приписывавшихся сверхестественнымъ вліяніямъ, вѣроятно, и вышли первоначальныя греческія медицинскія школы, предшествовавшія „отцу медицины“, Гиппократу. Трудно сказать, какъ долго длился этотъ первичный, чисто-эмпирическій, періодъ медицины. Онъ былъ, вѣроятно, весьма продолжителенъ, потому что еще задолго до Гиппократа греки обладали сравнительно развитыми понятіями о природѣ человѣка. За сто лѣтъ до Гиппократа Пиѳагоръ училъ, что человѣкъ уже отъ рожденія заключаетъ въ себѣ основаніе всего того, что должно случиться съ нимъ въ теченіе всей послѣдующей жизни; что дальнѣйшая судьба человѣка обусловлена особенностями и степенью гармоніи его организаціи и что качества души строго соотвѣтствуютъ качествамъ тѣла. Я попрошу васъ обратить вниманіе и запомнить это ученіе о гармоніи. Оно ярко освѣтится передъ нами, когда мы будемъ говорить о данныхъ, доставляемыхъ современною наукою для психологіи.

Пиѳагоръ рѣшительно порицалъ всѣ тѣлесно-вредныя излишества въ пищѣ, трудѣ, горести и наслажденіи. Онъ настаивалъ на необходимости всегда и во всемъ сохранять равновѣсіе и надлежащую мѣру. Особенно вооружался онъ противъ пьянства, которое называлъ разрушителемъ здоровья, ядомъ души и обученіемъ душевному разстройству. Добродѣтель, спокойствіе, здоровье и всѣ блага вообще суть не что иное, какъ гармонія. На ея установленіе и поддержаніе и должны быть направлены всѣ усилія законодателей и всѣхъ тѣхъ, на долю которыхъ выпало управленіе людьми. Наиболѣе мудрое, по мнѣнію Пиѳагора, это медицина, наиболѣе прекрасное—гармонія. Всѣ качества тѣла и души происходятъ отъ природы, а ихъ усовершенствованія—отъ культуры и воспитанія. Дурное воспитаніе дѣтей, по справедливому взгляду Пиѳагора, это одна изъ могущественныхъ причинъ общественной безпорядочности,

Съ „отцомъ медицины“ Гиппократомъ (460—356 до Р. Х.), ме-

дицина поднялась до уровня „положительной независимой науки, до уровня свободнаго и подчиненнаго точнымъ правиламъ искусства“. По собственнымъ словамъ Гиппократа, медицинская наука его времени была результатомъ долгаго предшествующаго опыта.

Въ своихъ ученіяхъ Гиппократъ уже вполнѣ ясно и опредѣленно формулировалъ положеніе о тѣсной, интимнѣйшей связи физическаго и психическаго элементовъ. Для него явленія психической жизни неотдѣлимы отъ явленій жизни органической, отъ явленій жизни мозга. Послѣднія лежатъ въ основѣ и обусловливаютъ первыя. Мозгъ для Гиппократа—это тотъ органъ, дѣятельностью котораго обусловливается и въ которомъ протекаетъ вся психическая жизнь безъ исключенія. „Имъ мы думаемъ, понимаемъ, видимъ, слышимъ: имъ мы познаемъ уродливое и прекрасное, дурное и хорошее, пріятное и непріятное. Черезъ него же мы становимся сумасшедшими и насъ осаждаютъ страхи и опасенія“. Въ матеріальныхъ измѣненіяхъ состоянія мозга—вотъ гдѣ лежатъ причины психическихъ колебаній по мнѣнію Гиппократа, который хорошо знаетъ различіе и значеніе органическихъ темпераментовъ, обусловливающихъ различіе въ чертахъ характеровъ. Онъ знаетъ также и рѣшительное вліяніе наслѣдственности. „Если мы видимъ, что люди желчнаго темперамента производятъ дѣтей также желчнаго темперамента, что флегматики производятъ флегматиковъ, а чахоточные--чахоточныхъ, то гдѣ препятствіе, чтобы болѣзнь, которой страдаетъ отецъ или мать, не поражала также кого-либо изъ дѣтей?“

Но, придавая важное значеніе органическимъ факторамъ, Гиппократъ въ то же время не упускаетъ изъ виду и тщательно изучаетъ вліяніе внѣшнихъ воздѣйствій, которыми измѣняется самый организмъ и которымъ онъ отводитъ широкую долю участія въ созданіи физическихъ и психическихъ особенностей человѣка. Проницательный наблюдатель природы, Гиппократъ хорошо знаетъ и симпатическія душевныя разстройства съ ихъ импульсивностью и часто неодолимыми влеченіями, напр., къ убійству, самоубійству и проч., влеченія, зарождающіяся въ тайникахъ растительной жизни организма и отсюда уже проникающія въ сознаніе, въ качествѣ темныхъ, немотивированныхъ, но нерѣдко властныхъ, тираническихъ побужденій.

Въ послѣдующее время врачи греко-римскаго міра за довольно долгій періодъ отъ Гиппократа до Галена, этого послѣдняго великаго врача древности (131—200 по Р. Х.), подвинули далеко впередъ изученіе и тонкими чертами, указывающими на тщательность и многочисленность наблюденій, описали различныя и часто трудно-уло-

вимыя формы душевныхъ разстройствъ. Они подмѣтили и описали большинство формъ бреда, свойственныхъ душевно-больнымъ, включая и частичный бредъ. Они прекрасно знали больныхъ этой послѣдней категоріи, которые правильно разсуждаютъ о всѣхъ предметахъ, исполняютъ общественныя функціи, занимаютъ различныя должности, и которыхъ никто не заподозритъ въ душевномъ разстройствѣ, пока не коснется спеціальнаго предмета ихъ бреда. Цельсъ (I вѣкъ по Р. Х.) даетъ описанія больныхъ, которые съ внѣшней стороны представляются совершенно здоровыми, логика которыхъ вполнѣ правильна и только отправныя точки нѣкоторыхъ ихъ разсужденій невѣрны, а по происхожденію болѣзненны, вслѣдствіе чего и нѣкоторыя дѣйствія аномальны и даже преступны.

Великій Галенъ, котораго историкъ медицины Даламберъ называетъ „чудеснымъ геніемъ, резюмировавшимъ всю предшествовавшую ему науку и въ зародышѣ заключающимъ всю ту, которая послѣдовала за нимъ“, въ своихъ научныхъ воззрѣніяхъ основывался на результатахъ вскрытій, на патологическихъ наблюденіяхъ и на вивисекціяхъ. Медицинское изученіе въ его время подвинулось уже такъ далеко впередъ и такъ популяризовалось, что вивисекціи производились имъ даже публично. Въ человѣкѣ Галенъ видѣлъ существо дуалистическое, состоящее изъ тѣла и души. Признавая въ человѣкѣ два различныхъ элемента, физическій и психическій, Галенъ хорошо зналъ рѣшительное, опредѣляющее вліяніе перваго на второй. Помѣщая разумную душу въ мозгъ, онъ ставилъ особенности души въ соотвѣтствіе съ особенностями этого органа, какъ количественными, такъ еще болѣе качественными. Душа, по его мнѣнію, находится въ самой тѣсной зависимости отъ тѣла, отъ его темпераментовъ, различіями которыхъ обусловливаются и различія психическихъ проявленій. Особенности органическія вліяютъ на нравственную личность при посредствѣ чувствительности. Чувствительностью обладаютъ не одни органы внѣшнихъ чувствъ. Каждый органъ тѣла имѣетъ свою чувствительность, болѣе или менѣе яркую. Внутренняя чувствительность (т. е. чувствительность внутреннихъ органовъ) особенно ясно выражена во время сна, вызывая причудливые образы сновидѣній въ то время, когда органы внѣшнихъ чувствъ находятся въ покоѣ. Какъ внѣшняя чувствительность (впечатлѣнія), такъ и чувствительность внутренняя (ощущенія отъ органовъ тѣла) могутъ быть уменьшены, могутъ вовсе отсутствовать или быть разстроены и извращены. Между внутренними чувствованіями наиболѣе замѣчательно родовое (половое) и желудочное, которыя, какъ и чувствительность всѣхъ

остальныхъ органовъ, могутъ быть извращены и этимъ извращеніемъ могутъ обусловливать странныя психическія явленія. Здоровье, по мнѣнію Галена, есть органическое равновѣсіе. Разумная душа здорова, когда разумъ, склонности и чувства находятся въ равновѣсіи. Разъ послѣднее нарушено—наступаетъ болѣзнь, которая можетъ поражать, раздѣльно или совмѣстно, различныя душевныя способности. Душевная болѣзнь можетъ быть результатомъ разстройствъ, какъ самого мозга, такъ и отраженнаго на него вліянія разстройствъ другихъ органовъ.

Физическая структура, столь рѣшительно вліяющая на нравственную сторону человѣка, не остается, однако, неизмѣнной, а, напротивъ, постепенно измѣняется, въ зависимости отъ вліянія внѣшнихъ условій, чѣмъ и вызываются дальнѣйшія нравственныя измѣненія. Но, придавая столь рѣшительное значеніе вліянію физическаго на психическое, Галенъ вмѣстѣ съ тѣмъ не упускаетъ изъ виду и вліяніе психическаго на физическое, иначе говоря, онъ знаетъ ихъ взаимодѣйствіе.

Получивъ самъ прекрасное физическое и умственно-нравственное воспитаніе и приписывая ему свое цвѣтущее здоровье и силу своей организаціи въ теченіе своей послѣдующей жизни, Галенъ придаетъ важное значеніе воспитанію въ дѣлѣ образованія нравственной личности человѣка. „Счастливъ ребенокъ“, восклицаетъ Галенъ, „который съ ранняго возраста былъ подчиненъ правиламъ гигіены и хорошаго физическаго воспитанія: въ нихъ источникъ хорошей нравственности“. Разуму Галенъ придаетъ первенствующее значеніе. Имъ, этимъ регуляторомъ страстей и склонностей, исключительно долженъ жить человѣкъ. Любовь къ почестямъ, богатству, сладострастію есть главная причина бѣдствій этого міра, лекарствомъ противъ которыхъ служитъ разумъ. Въ дѣятельности разума и заключается истинное счастье.

Таковы научные взгляды великаго врача древности. Казалось, послѣ достиженія такихъ успѣховъ, наука о человѣкѣ и, потому, о правильныхъ взаимоотношеніяхъ людей при жизни въ обществѣ; должна была относительно быстро и широко развиваться и могущественно содѣйствовать человѣку въ его напряженномъ стремленіи къ благополучію и счастью. Но не то было суждено древнему греко-римскому міру. Уже самъ Галенъ предвидѣлъ неминуемый упадокъ науки, производящія причины котораго крылись въ условіяхъ больного времени. Говоря объ изученіи явленій пульса, изученіи, которому, по его словамъ, онъ посвятилъ свою жизнь и которое требуетъ отъ изучающаго „усиленнаго сосредоточенія вниманія, рѣдкаго таланта наблюденія“ и „любви къ серьезному“, Галенъ съ горечью

замѣчаетъ: „Но кто послѣ меня захочетъ отдаться ему въ это ужасное время, когда каждый не знаетъ другого бога, кромѣ богатства“. И далѣе онъ прибавляетъ, что если бы „на тысячу человѣкъ нашелся одинъ, который бы сумѣлъ понять и оцѣнить мои работы, то я бы былъ достаточно вознагражденъ за мои труды“.

Въ теченіе вѣка послѣ Галена замѣчались еще нѣкоторые проблески оригинальности и успѣховъ, а затѣмъ наступила эпоха мрака и бездарныхъ компиляцій. „Новыя изысканія и самостоятельныя работы совершенно прекратились“, и развитіе науки пріостановилось.

3.

Уничтоженіе первоначальной простоты жизни, постоянныя войны и завоеванія, развившееся изъ нихъ рабство и различные виды человѣческой кабалы, постоянно возраставшія общественно-имущественныя неравенства, усиливавшаяся роскошь и соединенные съ нею различные виды разврата и всякихъ излишествъ, съ одной стороны, истощающая бѣдность и всевозможныя лишенія и тотъ же развратъ, съ другой, дѣлали дальнѣйшее развитіе невозможными. Указанные факторы вырожденія породы, постепенно подтачивавшія органическія силы древняго міра, по законамъ природы, должны были привести къ упадку, который отразился повсюду: въ душевныхъ качествахъ населенія, въ искусствѣ, въ наукѣ и т. д. На мѣсто прежняго органически-сильнаго и способнаго поколѣнія, народилось поколѣніе дряблое, нервно-хилое и плохо одаренное, которое считало въ своей средѣ не мало личностей вырождавшихся, дурно-уравновѣшенныхъ и которому было не подъ силу дѣйствовать, работать и творить съ прежнимъ успѣхомъ. Появилось поколѣніе, „рожденное для рабства“, какъ часто говорилъ Тиверій, выходя изъ сената.

Постепенное, какъ бы старческое захилѣніе отразилось и въ занимающей насъ научной области. Появлялись только компиляторы. Они довольствовались воспроизведеніемъ сочиненій, перешедшихъ отъ древности, причемъ и самыя воспроизведенія все болѣе сокращались. Но и эти компиляторы періода духовнаго оскудѣнія были лишь послѣдними отголосками постепенно замиравшей старины. Новый историческій элементъ, варвары, выступилъ на міровую арену.

„Отъ ихъ вторженія наука пострадала, быть можетъ, болѣе, нежели литература. Великіе памятники древности отчасти были уничтожены, а отчасти затерялись въ библіотекахъ“. Началась не „средняя“

исторія, какъ ее обычно называютъ, а стала повторяться древняя, значительно-допиѳагоровская. Варвары принесли съ собою воззрѣнія, свойственныя низшей ступени развитія, дѣтству или, по большей мѣрѣ, отрочеству человѣчества. Анимистическое міросозерцаніе, являющееся на извѣстной ступени умственнаго развитія необходимостью, стало господствовать снова. Не имѣя достаточнаго запаса обобщеннаго опыта для объясненія, согласно законамъ природы, всѣхъ окружающихъ его, для того времени таинственныхъ, явленій, человѣкъ обратился къ болѣе доступному для него источнику—своему внутреннему опыту и, слѣдуя его внушеніямъ, снова сталъ построять всю вселенную наподобіе своего внутренняго міра, надѣляя чувствомъ и мыслью всѣ окружавшія его явленія. Снова вся природа въ его представленіяхъ одухотворилась и снова повсюду закипѣла борьба двухъ началъ, добраго и злого. Представителемъ послѣдняго былъ Діаволъ и его злые слуги, нечистые демоны. Напуганное воображеніе темной, дѣтски-легковѣрной эпохи видѣло ихъ повсюду и ихъ злостнымъ кознямъ приписывало всѣ бѣды и напасти. Грубыя вѣрованія и суевѣрія римской народной толпы и анимистическія воззрѣнія вновь пришедшихъ народностей примѣшались и къ самому христіанству, и это возвышенное ученіе мира и любви, бывшее, въ своемъ чистомъ видѣ, не по плечу времени, стало основаніемъ для самыхъ ужасныхъ преслѣдованій, совершавшихся во имя Всепрощающаго Божества, которое, по свидѣтельству апостола, есть Любовь („Богъ любы есть“).

Многочисленное невѣжественное монашество, заносившее съ собою въ монастыри грубость, суевѣрія и пороки окружавшаго его общества, пріобрѣло громадное вліяніе и усиленно содѣйствовало развитію и укрѣпленію суевѣрій. Мѣсто науки заступило царство магіи и колдовства. Вѣрили въ выходцевъ съ того свѣта, въ вампировъ и демоновъ. Все объяснялось тайными, сверхестественными причинами. Множество случаевъ болѣзней приписывалось сверхестественнымъ вліяніямъ. Врачи того времени, истинные сыны своего вѣка, вмѣсто лекарствъ часто давали чудотворные порошки, назначали чтеніе молитвъ или псалмовъ Давида.

Не стало болѣе мѣста свободному изслѣдованію. Попытки его влекли за собою страшное въ то время обвиненіе въ колдовствѣ и чернокнижіи. Такъ, напримѣръ, Константинъ Африканъ, котораго любознательность увлекла въ путешествіе по Востоку и въ арабскія школы, по возвращеніи подвергся такому обвиненію и бѣгствомъ долженъ былъ спасаться отъ опасности, угрожавшей его жизни. Другіе,

какъ, напримѣръ, Петръ изъ Абано и Іоаннъ Сангвинаціи, не были такъ счастливы и жестоко платились за стремленіе къ научнымъ изслѣдованіямъ. Первый изъ нихъ, профессоръ въ Падуѣ, былъ сожженъ, правда, уже in effigio; смерть ранѣе устранила возможность выполненія того же надъ живымъ. Только въ арабскихъ школахъ и между арабскими учеными въ это время еще сохранялись жизненными научныя воззрѣнія греческихъ и римскихъ ученыхъ.

При такомъ умственномъ состояніи общества, душевно-больнымъ, число которыхъ, какъ показываютъ умственныя эпидеміи того времени, было значительно, нерѣдко кровью приходилось расплачиваться за царствовавшія невѣжество и суевѣрія. Въ то время, какъ и во всѣ времена, содержаніе бреда этихъ несчастныхъ ярко отражало умственное состояніе эпохи, ея вѣрованія и суевѣрія (припомнимъ справедливое указаніе доктора Тебальди въ его работѣ „Разумъ и сумасшествіе“). Поэтому различные больные пророки, чудотворцы, вдохновенные, колдуны, вѣдьмы, ересіархи и т. п. лица встрѣчались въ то время въ изобиліи. Подобные душевно-больные, въ силу самаго характера своего бреда, часто приходили въ столкновеніе съ бдительными духовными властями, которыя и возводили ихъ, въ качествѣ различныхъ еретиковъ и колдуновъ, на щедро раскладывавшіеся костры. На-ряду съ обвиненіями въ еретичествѣ и колдовствѣ, съ XIII вѣка встрѣчаются обвиненія и въ поклоненіи демонамъ, въ такъ называемой демонолатріи. Обвиненія эти, увеличиваясь въ числѣ, долгое время продолжаютъ быть предметомъ судебныхъ разбирательствъ и сосредоточивать на себѣ усиленно вниманіе судей, духовныхъ и врачей.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ понемногу начинаютъ замѣчаться зародыши и проблески новаго направленія въ воззрѣніяхъ, но въ эти вѣка оно еще слишкомъ слабо и „не въ силахъ“, какъ справедливо замѣчаетъ докторъ Рейхъ, „разбить оковы монашескаго господства и суевѣрій, которыя еще связываютъ стремленіе къ свободному изслѣдованію, особенно явленій человѣческаго духа, и для которыхъ всякая свободная мысль въ этой области служитъ желаннымъ предлогомъ для возведенія мыслителя на костеръ“. Въ эту эпоху анимистическое міросозерцаніе является, въ общемъ, еще вполнѣ жизненнымъ. „Если просмотрѣть хотя немногія изъ многочисленныхъ теологическихъ диссертацій, написанныхъ начиная съ царствованія Людовика Святого (1226—1270) до царствованія Людовика XIV (1643—1715)“, говоритъ докторъ Кальмель въ своей прекрасной медико-исторической работѣ, „особенно если просмотрѣть сборникъ предписаній (formules

classiques), служившихъ для руководства духовнымъ, разсылавшимся повсюду въ провинціи, чтобы истреблять въ нихъ ересь и поддерживать чистоту догматовъ истинной вѣры, то не безъ удивленія можно видѣть, какую роль отводили теологія и трансцедентальная философія сверхестественнымъ существамъ и какую долю участія онѣ приписывали ангеламъ и демонамъ въ произведеніи явленій физическихъ и даже органическихъ". Особенно воображеніе было напугано демонами. Ихъ, этихъ заклятыхъ враговъ человѣческаго рода, видѣли повсюду, и повсюду слышались разсказы, пользовавшіеся все общимъ довѣріемъ, о борьбѣ, которую нерѣдко приходилось выдерживать благочестивымъ людямъ, преимущественно, конечно, духовнымъ, съ демонами и привидѣніями, покушавшимися на ихъ личность. Только постоянная бдительность, часто творимыя крестныя знаменія и молитвы могли предохранить отъ демоновъ, старавшихся при каждомъ удобномъ случаѣ проскользнуть черезъ естественныя отверстія внутрь тѣла, проникнуть въ глубину его полости и овладѣть тѣмъ или другимъ органомъ для его раздраженія и мученія человѣка, который вслѣдствіе того начиналъ страдать различными разстройствами и болѣзнями. Ходило множество разсказовъ о будто бы достовѣрныхъ случаяхъ этого рода.

Демоны также окутывали иногда человѣка какъ бы оболочкою, которая заставляла окружающихъ вѣрить въ его превращеніе въ то или другое животное. Нерѣдко и сами демоны создавали себѣ изъ сгущеннаго воздуха особое тѣло и являлись въ различныхъ образахъ, чтобы соблазнять людей. Буллы папъ, особенно Иннокентія VIII, разсказывали о пожираніи еще некрещеныхъ дѣтей поклонниками нечестивыхъ демоновъ, о сожительствахъ съ succubes (такъ называли демоновъ въ образѣ женщины, будто бы сожительствовавшихъ съ мужчинами) и incubes (демоны въ образѣ мужчины, будто бы сожительствовавшіе съ женщинами) и прочее въ такомъ же родѣ.

Подобные разсказы поддерживались въ значительной степени самими больными, у которыхъ галлюцинаціи и иллюзіи, повидимому, были весьма часты. Подъ ихъ вліяніемъ больные на допросахъ давали самыя обстоятельныя показанія о томъ, какъ они съ самыхъ раннихъ лѣтъ раздѣляли ложе съ демонами, бывали въ ихъ нечестивыхъ собраніяхъ, пожирали дѣтей, причиняли окружающимъ различныя несчастья и т. д. Неудивительно, что судьи духовные и свѣтскіе, вполнѣ сыны своего суевѣрнаго вѣка, которымъ нечистые демоны, какъ и окружающему большинству, мерещились на каждомъ шагу и которые искренно вѣрили вздорнымъ разсказамъ душевно-

больныхъ, приходили въ ужасъ и искреннее негодованіе отъ ихъ мнимой порочности и нечестія и во множествѣ отправляли ихъ на костры, желая тѣмъ очистить землю отъ ихъ грѣховъ и злодѣйствъ. На-ряду съ виновными, т. е. самообвинявшимися душевно-больными, страдали во множествѣ и невинно-оговоренные, т. е. здоровые, такъ что во многихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе большой ревности, а иногда и корыстолюбія, очистителей, исчезали спокойствіе и безопасность.

Въ XVI столѣтіи умственное движеніе, зародыши котораго только еще намѣчались въ предшествовавшее время, выигрываетъ въ силѣ, и потому къ концу его становится возможнымъ появленіе такихъ ученыхъ мыслителей, какъ Феликсъ Платеръ и открытые протесты противъ существовавшаго отношенія къ душевно-больнымъ, обвинявшимся въ поклоненіи и связяхъ съ Діаволомъ. Но такіе умственные успѣхи выпадали на долю только умственно-передовыхъ людей эпохи, тогда какъ народная масса, духовные, судьи, извѣстнѣйшіе писатели и громадное большинство врачей, продолжали отстаивать прежнія суевѣрія.

Религіозныя движенія и столкновенія, имѣвшія мѣсто въ этотъ вѣкъ реформаціи, подогрѣли религіозное чувство, которое и внесло страстность въ религіозную сферу. Умъ и воображеніе сосредоточились на религіозныхъ вопросахъ и на области сверхестественнаго. Число различныхъ одержимыхъ, поклонниковъ демоновъ, колдуновъ и вѣдьмъ никогда еще не было такъ велико и никогда вѣра во вліяніе демоновъ на ходъ міровыхъ событій не причиняла, какъ справедливо замѣчаетъ докторъ Фридрейхъ, такъ много вреда. Трудно и представить себѣ съ какимъ непоколебимымъ довѣріемъ, при подобномъ настроеніи общества, относились тогда къ самымъ невѣроятнымъ разсказамъ, которые поэтому часто составляли важнѣйшія событія общественнаго дня и волновали всѣхъ сверху до низу.

Около 151[illegible] года въ Саламанкѣ появилась дѣвица, неумѣренно предававшаяся упражненіямъ покаянія. Истощенная всевозможными лишеніями, она впала въ душевное разстройство, начала галлюцинировать, постоянно видѣть Христа и Божію Матерь и утверждать, что она сама—супруга Богочеловѣка и что Пресвятая Дѣва ей сопутствуетъ повсюду, настаивая, чтобы она всегда шла впереди. Полная видимаго смиренія, она обыкновенно останавливалась при входѣ и, какъ бы обращаясь къ кому-то, говорила: „О, непорочная Дѣва, если бы Ты не родила Христа, то я не могла бы быть его супругой. Слѣдуетъ, чтобы Мать моего Супруга шла впереди меня“.

Слухъ о ней распространился повсюду. Она была представлена королю. Мнѣнія спрошенныхъ теологовъ раздѣлились: одни видѣли въ ней святую, а другіе—еретичку. Для разрѣшенія разногласія мѣстныхъ теологовъ обратились въ Римъ. Папа назначилъ разслѣдованіе, которое, однако, не привело къ устраненію разногласія.

Около того же времени (въ 1527 году) въ Наваррѣ двѣ дѣвочки, 11 и 8 лѣтъ, обвинили себя передъ членами Королевскаго Совѣта въ принадлежности къ поклонницамъ Діавола. Подъ условіемъ своего помилованія, онѣ обѣщали открыть всѣхъ женщинъ, будто бы принадлежащихъ къ одной съ ними сектѣ. Судьи согласились. Тогда подсудимыя заявили, что, смотря однимъ глазомъ, онѣ могутъ узнавать колдуній. Ихъ послали по деревнямъ, гдѣ имъ предъявляли всѣхъ, подозрѣвавшихся въ чародѣйствѣ и оговоренныхъ ими привлекали къ суду. Обвиняемыя подъ пыткою дѣлали признанія и, по обыкновенію, подробно разсказывали о ночныхъ собраніяхъ съ демонами и, на основаніи оговора и такихъ признаній, подвергались жестокому бичеванію и заключенію въ тюрьмѣ. Таковы были условія времени, и, въ зависимости отъ нихъ, такова была степень неприкосновенности и огражденія человѣческой личности.

Думали объ одномъ—какъ бы вырвать съ корнемъ распространившееся по землѣ зло ересей, колдовства, чернокнижія и связей съ Діаволомъ. Не было жестокостей, къ которымъ бы не прибѣгали для достиженія этой, казалось, благородной цѣли. Судьба душевно-больныхъ и разстроенныхъ за этотъ періодъ въ значительной мѣрѣ напоминаетъ теперешнюю судьбу преступниковъ. И тогда, какъ и теперь, судьи, упуская изъ виду производящія причины явленій, стремились мѣрами строгости и устрашенія бороться со зломъ. Какъ и теперь, строгость назначаемыхъ наказаній росла по мѣрѣ наростанія количества и тяжести преступленій. Но ничто не помогало. Женскіе монастыри и даже дѣтскіе пріюты были переполнены одержимыми, и зараза часто охватывала цѣлыя мѣстности.

Событія, подобныя приведеннымъ, породили особую литературу. Демонологія вызвала множество самыхъ тщательныхъ изысканій. Изслѣдованіямъ колдовства посвящались многіе томы, принадлежащіе перу недюжинныхъ образованныхъ людей того времени. Въ нихъ собраны и съ полнымъ убѣжденіемъ переданы всѣ невѣроятные разсказы о демонолатрахъ. Однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ сочиненій этого рода было сочиненіе Бодена (Bodin, „De la démonomanie des sorciers“, 1582), извѣстнаго юриста своего времени, пользовавшагося большимъ уваженіемъ среди современниковъ. Основываясь

на актахъ парламентовъ, онъ доказывалъ достовѣрность всѣхъ обвиненій мнимыхъ поклонниковъ духовъ тьмы и требовалъ безпощаднаго ихъ истребленія. Врачи не отставали отъ юристовъ. Напримѣръ, Амбруазъ Парэ (Ambroise Paré, 1517—1590), считающійся отцомъ французской хирургіи, утверждалъ, что дьяволы имѣютъ множество приверженцевъ на землѣ, которые заключаютъ съ ними договоры и, при посредствѣ своихъ нечестивыхъ средствъ, разстраиваютъ здоровье окружающихъ и дѣлаютъ ихъ одержимыми. Дѣйствительность существованія подобныхъ людей онъ, между прочимъ, доказывалъ слѣдующимъ соображеніемъ, однородныя съ которымъ слышатся и въ наше время: законы назначаютъ наказаніе колдунамъ, а такъ какъ наказываютъ только за преступленія доказанныя, то, слѣдовательно, колдуны существуютъ.

Тѣмъ не менѣе, прежній ребенокъ—испытующій творческій разумъ человѣка—постепенно продолжалъ развиваться, накоплять результаты наблюденій и опыта и мало-по-малу подготовлять иной строй міровоззрѣнія. Поэтому, какъ я уже сказалъ, къ концу XVI вѣка стало возможно появленіе, такихъ, хотя еще и исключительно рѣдкихъ, ученыхъ изслѣдователей и мыслителей, какъ базельскій профессоръ Феликсъ Платеръ (1537—1614). Его сочиненіе вышло въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ 1602 году. Въ немъ встрѣчаются только уже слабые остатки прежнихъ суевѣрій: при всѣхъ своихъ выдающихся для того времени достоинствахъ, оно, однако, не освободилось вполнѣ отъ вѣры въ демоническія вліянія.

Платеръ думалъ, и притомъ на основаніи собственныхъ наблюденій, какъ онъ утверждалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ разстройства въ функціяхъ организма производятся падшими духами. Въ этихъ случаяхъ не должны примѣняться обычныя терапевтическія средства, а они должны предоставляться духовнымъ для изгнанія демоновъ при помощи молитвъ вѣрующихъ. Платеръ даже утверждалъ, что хотя такіе случаи душевнаго разстройства демоническаго происхожденія по ихъ проявленіямъ и похожи на разстройства естественныя, но что, тѣмъ не менѣе, они отличаются отъ послѣднихъ по нѣкоторымъ вѣрнымъ признакамъ.

Такой взглядъ былъ данью, заплаченной Платеромъ его времени. Во всемъ остальномъ его сочиненіе отличалось научностью воззрѣній, чрезвычайно тонкой наблюдательностью и было плодомъ громаднаго опыта и труда.

Для своихъ изслѣдованій Платеръ, какъ разсказываетъ онъ самъ, вынужденъ былъ проникать въ тюрьмы, монастыри и зловонныя

конуры, въ которыхъ въ то время содержали въ цѣпяхъ буйныхъ больныхъ.

Я останавливаюсь на его работѣ, между прочимъ, и потому, что она представляетъ намъ интересный примѣръ, наглядно показывающій, какъ сила и логика фактовъ точнаго наблюденія и опыта заставляютъ людей науки даже въ темные еще періоды умственной жизни человѣчества отрѣшаться отъ представленій, усваиваемыхъ съ дѣтства, и бороться съ ними.

Основой всякаго познанія естественныхъ явленій Платеръ, какъ проницательный научный мыслитель, считаетъ только опытъ и наблюденіе.

Указывая на душевныя различія, наблюдаемыя у различныхъ личностей съ самаго ранняго ихъ дѣтства, онъ замѣчаетъ: „Эти различія я приписываю различіямъ въ организаціи, получившей то или другое направленіе“.

Органомъ умственныхъ, чувственныхъ и двигательныхъ процессовъ, по мнѣнію Платера, является мозгъ. Его различными физическими качествами, дурнымъ образованіемъ и различными недостатками обусловливаются соотвѣтствующія качества и недостатки въ психической личности человѣка.

Особенности организаціи унаслѣдуются, но воспитательныя вліянія, устанавливающія привычку, эту вторую натуру, могутъ значительно измѣнять унаслѣдованное.

Съ большимъ вниманіемъ останавливается Платеръ на такихъ недостаткахъ организаціи, какъ слабоуміе, тупоуміе, идіотизмъ, которые послѣдующимъ научнымъ изученіемъ отнесены къ крайнимъ степенямъ вырожденія породы.

Слабоуміе, какъ онъ говоритъ, можетъ передаваться наслѣдственно, но можетъ быть и пріобрѣтено. Оно не ограничивается только умственной слабостью. Нерѣдко между слабоумными встрѣчаются субъекты очень порочные, склонные къ гнѣву, къ порывамъ бѣшенства, къ печали и различнымъ дурнымъ влеченіямъ, которымъ они не всегда могутъ противостоять.

Нѣтъ нужды говорить вамъ, какое важное судебное значеніе и значеніе для пониманія природы явленій могутъ имѣть и дѣйствительно имѣютъ такія указанія со стороны опыта и наблюденія.

Въ числѣ причинъ ослабленія умственныхъ способностей Платеръ указываетъ на удары по головѣ, пораненія мозга, приливы крови, употребленіе наркотиковъ, половые эксцессы, чрезмѣрныя

бодрствованія и занятія, а также отсутствіе умственныхъ упражненій, приводящее къ вырожденію умственныхъ способностей, и т. п.

Платеръ, что слѣдуетъ особенно отмѣтить, вполнѣ вѣрно понимаетъ и оцѣниваетъ важное, рѣшающее вліяніе разстройствъ и уклоненій въ сферѣ чувствъ на всѣ стороны душевной жизни. Эти разстройства, разъ они достаточно выражены, представляютъ собою родъ помѣшательства и могутъ, по его словамъ, оказывать самое дурное вліяніе на сужденія и на самоопредѣленіе къ дѣйствіямъ, увлекая человѣка къ совершенію сумасбродствъ.

Описанія различныхъ формъ душевныхъ разстройствъ вообще и меланхоліи въ частности отличаются у Платера чрезвычайной вѣрностью и тщательностью наблюденій. Въ его сочиненіи прекрасно отмѣчено, что́ для насъ, имѣющихъ дѣло съ областью криминалогіи, особенно интересно, значеніе импульсовъ болѣзненнаго характера, становящихся, независимо отъ воли и въ противность ей, опредѣлителями поступковъ и дѣйствій.

„Случается, что нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ“, разсказываетъ Платеръ о меланхоликахъ, „возносятъ хулы на Бога, чувствуютъ влеченіе къ самоубійству или убійству своихъ супруговъ, дѣтей, сосѣдей или главы государства, причемъ ни ревность, ни какая другая страсть не руководятъ ихъ дѣйствіями. Мало того, они часто чувствуютъ влеченіе къ уничтоженію именно тѣхъ, которые имъ всего дороже на свѣтѣ, и это ужасное влеченіе, по ихъ словамъ, охватываетъ ихъ противъ ихъ воли. Нѣкоторые умоляютъ Творца избавить ихъ отъ этихъ преступныхъ мыслей и, рыдая и заливаясь слезами, разсказываютъ, что они чувствуютъ, что сила, могущественнѣйшая ихъ воли, увлекаетъ ихъ“.

Платеру, какъ указываетъ Барбастъ въ своей работѣ объ убійствѣ (Barbaste „De l'homicide et de l'anthropophagie“), принадлежитъ честь перваго описанія такъ называемыхъ инстинктивныхъ влеченій къ убійству, ставшихъ впослѣдствіи извѣстными подъ именемъ мономаній убійства.

Платеръ разсказываетъ два такихъ случая.

Въ одномъ изъ нихъ женщина, обладавшая, казалось, всею полнотою своихъ умственныхъ способностей, была преслѣдуема слѣпымъ влеченіемъ убить своего мужа, котораго она нѣжно любила. Объ этомъ влеченіи она разсказала врачу, горько рыдая, и не понимая его причинъ, приписывала его вліянію Діавола.

Въ другомъ случаѣ одна женщина во все время своей беремен-

ности испытывала неотступное желаніе убить свой плодъ, а послѣ разрѣшенія отъ бремени—убить своего ребенка. Это принудительное желаніе, совершенно непонятное для нея въ своемъ происхожденіи, приводило ее въ ужасъ. Она считала себя сумасшедшею и хотѣла покончить самоубійствомъ, чтобы прекратить жизнь, ставшую для нея мучительной.

Отъ наблюдательнаго взгляда Платера не укрылись и тѣ тонкія разстройства душевной жизни, которыя, какъ показало послѣдующее изученіе, развиваются преимущественно на почвѣ наслѣдственнаго органическаго вырожденія, порождая различныя, болѣе или менѣе бросающіяся въ глаза, странности и чудачества, которыя онъ, не колеблясь, относитъ къ области вѣдѣнія психіатріи.

4.

Въ интересномъ, но, по времени, ужъ очень далеко отстоящемъ отъ насъ сочиненіи Платера, вы находите одни изъ первыхъ зародышей основаннаго на точномъ наблюденіи фактовъ дѣйствительности ученія о тѣхъ странныхъ, загадочныхъ личностяхъ, которыхъ впослѣдствіи называли „сумасшедшими въ дѣйствіяхъ“.

Это ученіе, въ свою очередь, послѣдовательно привело науку къ изслѣдованію проявленій величайшаго бича человѣчества. Имя его—физическое и умственно-нравственное вырожденіе породы, которое является какъ бы естественнымъ наказаніемъ за нарушеніе законовъ природы, законовъ жизни, совпадающихъ, по отношенію къ человѣку, съ законами нравственности.

Я не стану останавливаться на другихъ работахъ, слѣдовавшихъ за работою Платера въ болѣе близкое къ ней время. Перейду прямо къ рубежу двухъ вѣковъ, XVIII и XIX, къ работѣ знаменитаго профессора Пинеля (Philippe Pinel, 1755—1826; „Traité médico-philosophique sur l'aliénation mentale ou lamanie“,1801), къ его не менѣе знаменитому ученію о маніи безъ бреда, отъ котораго и идетъ непрерывающееся уже изученіе странныхъ, загадочныхъ личностей.

Дѣятельность Пинеля отмѣчаетъ собою новую эпоху въ отношеніяхъ къ душевно-больнымъ. Судьба ихъ долгое время шла почти рука объ руку съ судьбою преступниковъ, съ которыми они нерѣдко смѣшивались въ общихъ помѣщеніяхъ, да и теперь, по незнанію, еще нерѣдко смѣшиваются.

Изъ сочиненія Пинеля мы узнаемъ, въ какомъ ужасномъ по-

ложеніи находились душевно-больные въ то время. Ихъ помѣщенія были чрезвычайно неудовлетворительны и не представляли достаточной защиты ни отъ зимнихъ холодовъ, ни отъ лѣтняго жара. Камеры были похожи на звѣриныя клѣтки, и заключенные въ нихъ находились въ цѣпяхъ. Посѣтители являлись въ такъ называемые сумасшедшіе дома, какъ въ звѣринцы, и часто позволяли себѣ грубыя забавы и шутки, приводившія больныхъ въ бѣшенство. Прислуга обходилась съ ними чрезвычайно грубо и прибѣгала къ побоямъ, какъ къ средству укрощенія, отъ чего здоровье выздоравливавшихъ только ухудшалось. Между тѣмъ, суды иногда приговаривали къ вѣчному заключенію въ сумасшедшихъ домахъ.

Пинель энергически возсталъ противъ подобныхъ порядковъ и обратилъ самое тщательное вниманіе какъ на содержаніе, такъ и на обращеніе съ больными. Всякія насилія были имъ изгнаны изъ парижскаго заведенія для душевно-больныхъ Бисетръ (Bicêtre), имъ управлявшагося.

Его энергическія усилія не остались безъ успѣха. Сумасшедшіе дома изъ ужасныхъ тюремъ превратились въ больницы и, постепенно улучшаясь и приспособляясь къ своей цѣли, начали могущественно способствовать изученію человѣка и вѣрному пониманію сокровеннѣйшихъ сторонъ его душевной жизни. Безпокойные душевно-больные, благодаря измѣнившемуся обращенію, значительно успокоились и процентъ излеченій повысился.

Происшедшая реформа, превративъ прежнихъ заключенныхъ въ тщательно и всесторонне изслѣдуемыхъ больныхъ, въ то же время поставила психіатрію лицомъ къ лицу съ наиболѣе жгучими вопросами общественной жизни, съ вопросами о существующихъ въ обществѣ причинахъ душевныхъ потрясенія и вырожденія породы. Изслѣдуя въ исторіяхъ прошлой жизни своихъ больныхъ вліяніе такихъ причинъ и между ними, особенно, дурной наслѣдственности, психіатрія не могла не подмѣтить того соотношенія, которое существуетъ между преступностью и преступленіемъ, съ одной стороны, и органической порочностью и ея проявленіями, съ другой.

„Еще Регіомонтанусъ въ 1513 году“, говоритъ профессоръ Крафтъ-Эбингъ въ своемъ учебникѣ психіатріи (Krafft-Ebing, „Lehrbuch der Psychiatrie“), „высказалъ мысль, что существуютъ злые, безнравственные люди, злость которыхъ происходитъ не отъ нихъ самихъ и которые, несмотря на то, вѣшаются законовѣдами (Rechtsgelehrten). Что естествоиспытатель XVI столѣтія приписывалъ вліянію звѣздъ (рожденію въ знакѣ Венеры), то болѣе впередъ подвинувшаяся эпоха

пытается объяснить аномальными условіями организаціи данныхъ личностей“.

Выраженіемъ этого ученія объ „органически обусловленной злости и порочности“ и служитъ понятіе о такъ называемомъ нравственномъ помѣшательствѣ. Первые ясно выраженные зародыши этого понятія. какъ думаетъ д-ръ Шуле, мы именно и находимъ у Пинеля въ его ученіи о маніи безъ бреда.

Хотя и до него въ госпиталяхъ уже были извѣстны относящіеся сюда случаи подъ именемъ резонирующаго сумасшествія (folie raisonnante), но это были лишь отдѣльныя наблюденія, и только Пинель обратилъ на нихъ должное вниманіе и придалъ вопросу о нихъ опредѣленную и, для того времени, надлежащую постановку, которая и послужила исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія ученія о явленіяхъ психофизическаго вырожденія.

Въ сочиненіи Пинеля мы находимъ главу, носящую заголовокъ: „Манія, которая состоитъ исключительно въ разстройствахъ воли“. „Функціи воли“, читаемъ мы въ ней, „абсолютно отличны отъ фукцій разума. Ихъ сѣдалище, ихъ причины, какова бы ни была въ извѣстныхъ случаяхъ ихъ взаимная зависимость, представляютъ существенныя различія, которыя не могутъ быть упускаемы изъ вида“.

Въ подтвержденіе этого взгляда Пинель приводитъ описаніе нѣкоторыхъ маніаковъ безъ бреда.

Въ одномъ изъ этихъ случаевъ, наблюдавшихся въ Бисетрѣ, такой маніакъ страдалъ періодически повторявшимися, иногда на пространствѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, неудержимыми противовольными приступами къ убійству и пролитію крови перваго попавшагося на глаза. Въ одинъ изъ такихъ приступовъ его жертвою едва не сдѣлалась нѣжно любимая имъ жена, которой онъ только успѣлъ крикнуть, чтобы она спасалась. Несчастный мучился и хотѣлъ даже лишить себя жизни, чтобы не совершить преступленія, которое ему внушало отвращеніе. И при этомъ, какъ поясняетъ Пинель, у него не наблюдалось „ни малѣйшихъ признаковъ разстройства памяти, воображенія или способности сужденія“.

Въ другомъ случаѣ имѣли мѣсто болѣе трагическія послѣдствія. Революціонный отрядъ явился въ Бисетръ подъ предлогомъ осмотра и освобожденія невинныхъ жертвъ прежняго порядка, смѣшавшаго ихъ съ сумасшедшими. Въ одной изъ келій отрядъ нашелъ закованнаго, который чрезвычайно послѣдовательно, логически сталъ жаловаться на то, что, несмотря на полную нормальность всѣхъ его поступковъ и поведенія, его держатъ вмѣстѣ съ дѣйствительно

сумасшедшими и притомъ держатъ въ цѣпяхъ. Напрасно смотритель оправдывался и пояснялъ, что это очень опасный больной, по-временамъ страдающій неудержимымъ влеченіемъ къ убійству. Его не слушали и только благодаря его женѣ, которая прикрыла его своимъ тѣломъ, онъ не былъ убитъ. Больной съ тріумфомъ былъ выведенъ изъ Бисетра, но видъ вооруженной и шумной толпы скоро возбудилъ его. Развился приступъ. Больной выхватилъ саблю изъ рукъ сосѣда и началъ наносить удары направо и налѣво, пока имъ не овладѣли.

Для болѣе яркой демонстраціи приведу еще одинъ примѣръ подобныхъ насилующихъ инстинктивныхъ влеченій.

Нѣкто Паже, человѣкъ 56 лѣтъ, благодаря время отъ времени повторявшимся страннымъ приступамъ, былъ извѣстенъ въ своей округѣ за человѣка страннаго, причудливаго. Случалось, что онъ безъ всякой видимой причины покидалъ свой домъ, бродилъ по полямъ и пустырямъ безъ ночлега, часто безъ пищи. Подъ вліяніемъ одного веденнаго имъ процесса имъ овладѣла сильная тоска. Вскорѣ къ этому присоединилась смерть жены. Тогда его удрученное состояніе стало ухудшаться. Стало возрастать и его всегдашнее расположеніе къ уединенію. Но онъ продолжалъ работать и сосредоточилъ всѣ свои привязанности на дѣтяхъ.

„Въ концѣ февраля“, разсказываетъ онъ, „мнѣ вдругъ пришла мысль убить моихъ дѣтей“. Эта мысль, внезапно и какъ бы безпричинно возникшая неизвѣстно откуда, внѣ связи со всѣмъ остальнымъ мышленіемъ, была, очевидно, продуктомъ какого-то ненормальнаго органическаго раздраженія, ее подсказавшаго и исходившаго изъ таїниковъ всегда, повидимому, дурно тонировавшей растительной жизни. Эта странная, навязчивая гостья, насильственно втиснувшаяся въ среду другихъ мыслей Паже, возникавшихъ подъ вліяніемъ впечатлѣній изъ внѣшняго міра и по ассоціаціи идей, понятно должна была представляться чѣмъ-то чуждымъ, навязчивымъ, неизвѣстно откуда пришедшимъ.

„Еще когда я былъ господиномъ самого себя“, разсказываетъ Паже, „я уже не могъ спать... Я чувствовалъ какъ бы тяжесть на желудкѣ... Я испытывалъ головныя боли и не ѣлъ болѣе. Кровотеченія изъ носу, которыя у меня бывали съ самаго дѣтства, исчезли около того времени когда со мной случилось недоброе... Я чувствовалъ тогда, что я не былъ, какъ обыкновенно: моя голова была тяжела утромъ до такой степени, что я чувствовалъ необходимость опираться. Иногда я старался забыться, но я не былъ сильнѣйшимъ (je n’étais pas le plus fort)“. Въ этихъ живописующихъ словахъ интересно отмѣтить

какую-то какъ бы двойственность самоощущающагося внутренняго процесса. „Я“ дѣятеля противополагается чему-то сильнѣйшему, откуда-то насильственно ворвавшейся мысли, влеченію, которое „нудитъ“, несмотря на сопротивленіе „Я“. „Въ теченіе 4 или 5 мѣсяцевъ, пока я думалъ объ этомъ“, поясняетъ Паже, „я чувствовалъ, что погибаю изо дня въ день. Я былъ толкаемъ на это злодѣяніе. Я не имѣлъ силы сказать себѣ: „Нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого!“ Я постоянно имѣлъ эту мысль. Я пытался отдѣлаться отъ нея, но она ночью, какъ и днемъ, всегда возвращалась снова даже во время работы... Я работалъ въ продолженіе двухъ или трехъ дней до злодѣянія, но это только подталкивало меня. Въ теченіе трехъ ночей я поднимался, чтобы убить моихъ дѣтей“. Наконецъ, на третью ночь, послѣ долгой мучительной борьбы, Паже вошелъ въ ихъ комнату со свѣчей въ одной рукѣ и съ заступомъ въ другой. „Постель моего сына“. разсказываетъ онъ, „была пуста и, при видѣ этого, я почувствовалъ сильное внутреннее облегченіе. Но мои дочери спали. Я приблизился и, чтобы быть сильнѣе, поставилъ лѣвую ногу на стулъ, который былъ около постели, и началъ наносить удары по ихъ головамъ. Онѣ спали и не сдѣлали ни одного движенія“.

Такъ совершилось убійство. Отецъ, безъ всякой сколько-нибудь осмысленной причины, принудительно, въ противность своему горячему желанію, и, въ то же время, вполнѣ сознательно обагрилъ руки въ крови нѣжно любимыхъ дѣтей. Послѣ убійства несчастный даже и не поглядѣлъ на трупы и на нѣкоторое время почувствовалъ значительное облегченіе отъ своего мучительно-напряженнаго состоянія, облегченіе, которое впослѣдствіи перешло въ приступы раскаянія и тяжелаго сожалѣнія о случившемся.

Такова картина этого загадочно-темнаго, немотивированнаго и принудительнаго влеченія. Конечно, съ органической стороны, какъ это вполнѣ ясно, не все было въ порядкѣ, но насъ теперь интересуетъ исключительно психическая сторона.

Вернемся, однако, къ Пинелю.

Поясняя, какъ онъ пришелъ къ мысли о существованіи особой формы душевнаго разстройства, маніи безъ бреда, Пинель говоритъ: „Можно справедливо удивляться сочиненіямъ Локка и въ то же время признавать, что даваемое имъ понятіе о маніи весьма неполно, такъ какъ онъ полагаетъ, что послѣдняя неотдѣлима отъ бреда. Я самъ думалъ такъ же, какъ и этотъ авторъ, когда я предпринималъ свои изслѣдованія этой болѣзни въ Бисетрѣ. Но я былъ не мало удивленъ, встрѣтивъ многихъ больныхъ, которые никогда не пред-

ставляли никакихъ разстройствъ умственныхъ способностей и которые находились подъ вліяніемъ какого-то инстинкта бѣшенства, какъ будто однѣ ихъ аффективныя способности только и были разстроены".

Въ главѣ о специфическомъ характерѣ маніи безъ бреда Пинель слѣдующимъ образомъ перечисляетъ признаки этой описываемой имъ формы: „Она или непрерывна, или отличается періодическими приступами. При ней не замѣчается никакихъ сколько-нибудь уловимыхъ разстройствъ въ функціяхъ пониманія, воспріятія, сужденія, воображенія, памяти, а лишь извращенія въ области чувствъ и слѣпыя влеченія къ актамъ насилія или даже кровожадное бѣшенство, причемъ невозможно подмѣтить какую-либо господствующую идею, какую-либо иллюзію воображенія, которыя могли бы явиться опредѣляющею причиною этихъ пагубныхъ влеченій".

5.

Я не стану останавливаться на сочиненіяхъ другихъ ученыхъ авторовъ, написанныхъ въ промежутокъ времени между появленіемъ труда Пинеля и появленіемъ работъ его знаменитаго ученика, Эскироля (Esquirol, 1772—1840). Въ этихъ сочиненіяхъ ихъ авторы, стоя на той же почвѣ клиническаго наблюденія явленій живой дѣйствительности, придерживались ученія Пинеля о маніи безъ бреда и только пополняли послѣднее описаніемъ какихъ-либо новыхъ подробностей.

Въ такомъ видѣ ученіе объ органически-обусловленной злости и порочности и перешло отъ Пинеля и послѣдующихъ авторовъ къ Эскиролю, который, основываясь на собранныхъ имъ многочисленныхъ фактахъ, развилъ ученіе о мономаніяхъ или частичныхъ душевныхъ разстройствахъ.

Въ 1827 году, „подчиняясь авторитету фактовъ", какъ выражается онъ самъ, Эскироль выступилъ съ мемуаромъ о мономаніи убійства („Mémoire sur la monomanie homicide"), достаточно богато аргументированнымъ клиническими наблюденіями.

Онъ говоритъ: „Частичное помѣшательство было наблюдаемо во всѣ времена и повсюду. Оно описано поэтами, философами, историками, легистами и медиками". Это частичное помѣшательство онъ и называетъ мономаніей.

„Частичное помѣшательство", поясняетъ Эскироль, „не всегда характеризуется разстройствомъ умственныхъ способностей. Иногда

только однѣ аффективныя способности разстраиваются. Иногда же разстройства проявляются исключительно въ дѣйствіяхъ. Случаи послѣдняго рода авторы и называли резонирующимъ помѣшательствомъ (folie raisonnante).... Если умственныя способности могутъ быть разстроены или уничтожены, если тому же можетъ подвергнуться нравственное чувство, то почему воля, это дополненіе разумнаго и нравственнаго существа, не можетъ быть разстроена или уничтожена? Развѣ воля, наравнѣ съ умственными способностями и чувствомъ, не подвергается различнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ множества условій жизни? Развѣ ребенокъ и старикъ обладаютъ одинаковою со взрослымъ силою воли? Развѣ болѣзни не разслабляютъ, а иногда не возбуждаютъ ея? Развѣ воспитаніе и тысячи другихъ вліяній не измѣняютъ отправленій воли? Если же все это такъ, то почему бы воля не могла подвергаться потрясеніямъ, разстройствамъ и болѣзненнымъ ослабленіямъ?“

Характеризуя одну изъ формъ мономаніи убійства, Эскироль говоритъ, что принадлежащіе къ ней мономаніаки не представляютъ „никакихъ уловимыхъ разстройствъ умственныхъ способностей или чувствъ. Они увлекаются какимъ-то слѣпымъ инстинктомъ, чѣмъ-то не поддающимся никакому опредѣленію, что толкаетъ ихъ совершать убійства“.

Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что въ дальнѣйшемъ изложеніи курса я подойду къ этому „нѣчто,“ ясно подмѣченному клиническимъ наблюденіемъ, но во времена Эскироля не поддававшемуся еще никакому опредѣленію.

Въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи „О душевныхъ болѣзняхъ“ („Des maladies mentales“, 1838), представляющемъ собою богатѣйшій сборникъ чрезвычайно тонкихъ, разнообразныхъ и поучительныхъ наблюденій, бросающихъ яркій свѣтъ на область явленій душевной жизни, Эскироль выступаетъ съ вполнѣ развитымъ ученіемъ о мономаніяхъ или частичныхъ разстройствахъ различныхъ способностей души, которыя онъ дѣлитъ на три вида или формы:

1) мономанія интеллектуальная; при коей частично поражаются умственныя способности;

2) мономанія аффективная, проявляющая въ извращеніи характера и склонностей;

3) мономанія инстинктивная, которая ограничивается разстройствами воли.

„Мономанія“, говоритъ Эскироль, „есть хроническая болѣзнь

мозга, характеризующаяся частичнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей, чувствъ или воли“.

Описавъ затѣмъ первый видъ мономаніи, отличающійся частичнымъ бредомъ, онъ продолжаетъ: „Иногда мономаніаки не бредятъ, но ихъ привязанности, ихъ характеръ представляются извращенными. Состояніе своихъ чувствъ, странность и неприличіе своего поведенія они извиняютъ и оправдываютъ благовидными мотивами и очень разумными объясненіями. Это состояніе и есть то, которое авторы называютъ резонирующей маніей, но которое я бы хотѣлъ назвать мономаніей аффективной. Иногда же бываетъ разстроена воля. Больной увлекается къ дѣйствіямъ, которыя разумъ и чувство не опредѣляютъ, совѣсть отвергаетъ, а воля не имѣетъ силы болѣе сдерживать. Дѣйствія при этомъ невольны, инстинктивны, неудержимы Это мономанія безъ бреда или мономанія инстинктивная“.

Но и у такихъ больныхъ цѣлость умственныхъ способностей, какъ предвидитъ Эскироль. не абсолютная, а относительная, „иначе на нихъ возможно было бы дѣйствовать разсужденіями“, поясняетъ онъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Эскироль даетъ детальныя описанія, иллюстрируемыя очень многими чрезвычайно выпуклыми клиническими наблюденіями, различныхъ формъ мономаніи:

1) мономаніи эротической или эротоманіи;

2) мономаніи резонирующей, при которой, на-ряду съ логичностью и послѣдовательностью мышленія, дѣйствія страдающихъ этой формой противорѣчатъ ихъ чувствамъ, ихъ личнымъ интересамъ и обычаямъ общества;

3) мономаніи пьянства, сопровождающейся періодическими болѣзненными приступами неудержимаго влеченія къ пьянству;

4) мономаніи поджигательства или пироманіи, при которой поджигательство является результатомъ инстинктивныхъ импульсовъ, независимыхъ отъ воли,

и, наконецъ, 5) знакомой уже намъ мономаніи убійства.

6.

Независимо отъ Пипеля и Эскироля, англійскій врачъ Причардъ (Prichard. 1786—1848) обратилъ вниманіе на наблюдаемые иногда случаи рѣзко бросающагося въ глаза рѣшительнаго несоотвѣтствія между состояніемъ умственныхъ способностей, съ одной стороны, и

особенностей настроенія и нравственныхъ проявленій вообще, съ другой.

Въ своемъ сочиненіи, посвященномъ Эскиролю, „Трактатъ о помѣшательствѣ и о другихъ разстройствахъ, поражающихъ умъ“ („A treatise on insanity and other disorders affecting the mind“, 1835), и въ другомъ своемъ сочиненіи, „О различныхъ формахъ помѣшательства въ связи съ правовѣдѣніемъ“ („On the differents forms of instanity in relation to jurisprudence“, 1842), онъ описалъ эти случаи подъ именемъ нравственнаго помѣшательства (moral insanity).

Причардъ поступилъ при этомъ крайне осторожно. Онъ не положился на одни свои личныя наблюденія. Прежде, нежели описать наблюдавшуюся форму душевныхъ уклоненій, онъ объѣхалъ многія заведенія для душевно-больныхъ въ Англіи и на континентѣ. Повсюду онъ провѣрялъ точность своихъ наблюденій опытомъ другихъ врачей, которые подтверждали ему, что такіе случаи встрѣчались и въ ихъ практикѣ.

Одинъ изъ этихъ врачей, д-ръ Хитчъ (Hitch), писалъ Причарду: „Мы наблюдали его (нравственное помѣшательство) здѣсь въ теченіе долгаго времени и называемъ страдающихъ имъ «сумасшедшими въ поведеніи, а не въ мысляхъ».

Надо замѣтить, что случаи психическихъ аномалій, подведенные Причардомъ подъ понятіе нравственнаго помѣшательства, еще ранѣе, а именно въ 1819 году, какъ указываетъ Крафтъ-Эбингъ, обратили на себя вниманіе Громана (Grohmann). Этотъ послѣдній авторъ указалъ на существованіе нравственнаго вырожденія и назвалъ его нравственнымъ слабоуміемъ (moralische Blödsinn).

Причардъ въ первомъ своемъ сочиненіи слѣдующимъ образомъ характеризуетъ описываемое имъ нравственное помѣшательство: это „душевное разстройство состоитъ въ болѣзненномъ извращеніи естественныхъ чувствъ, страстей, наклонностей, темперамента, настроенія, нравственныхъ склонностей и естественныхъ импульсовъ,—извращеніи, не сопровождаемомъ какими-либо замѣтными разстройствами и дефектами въ способностяхъ ума, пониманія, разсужденія и, въ особенности, иллюзіями и галлюцинаціями“.

Въ сочиненіи „О различныхъ формахъ помѣшательства и т. д.“. Причардъ нѣсколько измѣнилъ или, скорѣе, смягчилъ первоначально данное опредѣленіе и указалъ, что разстройство настроенія у подобныхъ больныхъ вліяетъ и на ихъ мышленіе, которое поэтому не остается вполнѣ незатронутымъ. „Въ одномъ, дѣйствительно, смыслѣ“, поясняетъ онъ, „ихъ умственныя способности

могутъ быть названы разстроенными: они мыслятъи дѣйствуютъ подъ вліяніемъ сильно возбужденныхъ чувствъ, а при такихъ условіяхъ и люди, считающіеся здоровыми, по пословицѣ, подвержены ошибкамъ какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ".

Чтобы воплотить только что сказанное въ опредѣленіи понятія нравственнаго помѣшательства, даннымъ Причардомъ, приведу здѣсь ярко показательный случай убійства двухъ женщинъ, совершоннаго шайкою изъ трехъ почти молокососовъ. Старшему изъ нихъ, Жига, было только 23 года, а младшему, Вольфу, всего лишь 20 лѣтъ.

Первыя свѣдѣнія о Жига восходятъ къ его 17-лѣтнему возрасту, когда онъ, въ качествѣ ученика, жилъ у одного булочника. Онъ всегда отличался крайней лѣностью, всегда очень тяготился работой, былъ недоволенъ своимъ положеніемъ вообще, всегда мечталъ объ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ низшаго сорта, былъ лживъ, мотоватъ, развратенъ и издавна отличался склонностью къ бродяжничеству.

Уже въ этихъ выясненныхъ на судѣ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ о характерѣ Жига мы имѣемъ довольно ясныя указанія на значительную недостаточность и порочность этой злополучной натуры, которая вскорѣ развилась въ поражающую своимъ цинизмомъ преступную личность. Однимъ изъ основныхъ ея недостатковъ была истощенность или, иначе, слабая напряженность жизненности въ организмѣ, отражавшаяся въ психической сферѣ крайней лѣностью, органическимъ отвращеніемъ къ длящемуся напряженному труду и въ значительной мѣрѣ вытекающей отсюда склонностью къ бродяжеству, недовольствомъ своимъ положеніемъ и постояннымъ влеченіемъ къ усиленнымъ возбужденіямъ.

Указанная недостаточность натуры вторично порождала и многія другія. Въ числѣ ихъ можно указать, напримѣръ, на мотовство Жига, въ которомъ съ одной стороны проявлялось усиленное развитіе чувственныхъ влеченій, а съ другой—слабость развитія задерживающей и направляющей дѣятельность силы представленій, ея неспособность обуздывать напоръ влеченій подъ вліяніемъ предвидѣнія будущаго.

Другимъ основнымъ недостаткомъ Жига было раннее, и вѣроятно унаслѣдованное, усиленное развитіе половой сферы, подъ вліяніемъ котораго рано пробуждаются половыя влеченія, сопутствуемыя своеобразными оттѣнками самочувствія и настроенія и толкающія подростка на путь тайныхъ пороковъ или ранняго разврата, какъ это было у Жига.

Это преждевременное начало половой жизни должно было наложить рѣзкій отпечатокъ на всю психическую личность Жига и своими усиленными возбужденіями еще болѣе увеличить истощенность его и безъ того достаточно истощенной нервной системы. Если у нормальныхъ и хорошо воспитанныхъ подростковъ сравнительно болѣе слабо выраженныя ощущенія отъ половой сферы вызываютъ въ періодъ полового развитія состояніе неяснаго органическаго безпокойства, неровность настроенія и вообще рѣзкія перемѣны во всей психической личности, то понятно, какое вліяніе должны были оказать усиленныя половыя ощущенія, сопровождавшія активную половую жизнь, на только еще складывавшуюся почти ребяческую личность Жига. Трудно преувеличить вліяніе этого момента на весь строй психической личности и на характеръ ея отношеній ко всему окружающему.

Указанныя недостаточности Жига, какъ и всѣ подобныя органическія недостаточности и порочности, не замедлили соотвѣтственно проявиться во внѣ. Тяготясь работою и мечтая лишь о грязныхъ удовольствіяхъ и одуряющихъ возбужденіяхъ кутежей, Жига узналъ однажды, что по сосѣдству живетъ, имѣя одну только служанку, старая богатая дѣвица, нѣкто г-жа Рейбель. Представленіе о богатой старухѣ и ея богатствѣ, которое могло дать возможность осуществить завѣтныя мечты о прожиганіи жизни, найдя вполнѣ подготовленную почву, сразу овладѣло сознаніемъ Жига, не выходило изъ его головы и какъ бы естественно породило мысль объ убійствѣ. Эта мысль немедля стала какъ бы своимъ человѣкомъ и вполнѣ поработила его циничный умъ, не вызывая въ немъ ни малѣйшихъ колебаній и не пробуждая чувствъ, способныхъ отвратить отъ кроваваго дѣла. И этотъ развратный человѣкъ сталъ смотрѣть на задуманное, какъ на нѣчто вполнѣ обыкновенное и (что особенно замѣчательно для характеристики его мышленія) началъ почти открыто толковать о своемъ планѣ убійства. Его толки объ этомъ временно прервались шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Ему онъ подвергся за совершонное мошенничество, которымъ, до привлеченія къ суду, также открыто хвалился, какъ до этого открыто толковалъ о проектѣ завладѣнія богатствомъ Рейбель. Этотъ проектъ не переставалъ занимать его и по выходѣ изъ тюрьмы. Жига не стѣсняясь началъ говорить о ста тысячахъ франковъ, лежащихъ въ хоронушкѣ Рейбель, съ которыми можно пожить всласть, согласно его вкусамъ. Онъ прямо, но неудачно обращался къ 5 или 6 лицамъ съ предложеніемъ принять участіе въ убійствѣ. О послѣднемъ говорилъ,

какъ о самомъ обычномъ дѣлѣ: „Вы должны только покараулить; я войду внутрь и задушу старуху“. Здѣсь интересенъ оттѣнокъ, съ которымъ онъ говорилъ объ убійствѣ и который еще ярче проявится въ дальнѣйшихъ подробностяхъ событія. „Такъ не реагируетъ вполнѣ нормальный мозгъ“, часто говаривалъ во время своихъ лекцій покойный профессоръ Крафтъ-Эбингъ. И эта аномальность ясно оказалась во всемъ дальнѣйшемъ поведеніи Жига. Онъ не только очертя голову обращался со своимъ предложеніемъ къ нѣсколькимъ лицамъ, но еще болталъ о своихъ планахъ и тѣмъ, на участіе которыхъ и самъ не разсчитывалъ. Контрастирующія представленія о наказаніи вообще и возможной смертной казни, повидимому, вовсе не возникали въ его сознаніи, всецѣло въ это время поглощенномъ предвкушеніемъ ожидаемыхъ наслажденій, а если и возникали, то оказывались столь слабыми, что не только не могли уравновѣсить возбуждавшихъ его къ дѣятельности непропорціонально развитыхъ чувственныхъ влеченій, но даже не могли сдержать его языкъ отъ вредной и крайне опасной для него болтовни.

Желанный сообщникъ скоро нашелся. То былъ нѣкто Руфъ, организація, по своей недостаточности и порочности, повидимому, вполнѣ сходная съ натурой Жига. Въ разговорѣ съ послѣднимъ Руфъ такъ характеризовалъ себя: „Я не имѣю шансовъ“. Очевидно, что здѣсь въ немъ, только еще начинавшемъ жить человѣкѣ, говорило ясно сознаваемое или, правильнѣе, ощущаемое отсутствіе напряженности жизненной энергіи, уничтожавшее, подобно тому, какъ у очень истощеннаго больного, надежду на свои силы и на лучшее будущее. „Мнѣ ничто не удается“. Конечно, по той же причинѣ, и „работа мнѣ надоѣдаетъ“, и это вполнѣ понятно, принимая во вниманіе всѣ ту же недостаточность энергіи. „Я бы ни передъ чѣмъ не остановился, чтобы имѣть деньги“. И останавливаться, дѣйствительно, было не передъ чѣмъ, разъ въ этой порочной натурѣ не звучали нравственныя чувства благожелательности, сожалѣнія и отвращенія къ крови и убійству.

Еще ранѣе этого разговора Руфъ успѣлъ побывать въ тюрьмѣ за кражу и мошенничество и теперь готовился идти далѣе. Жига, конечно, не замедлилъ воспользоваться такимъ достойнымъ сообщникомъ. Онъ разсказалъ ему о богатой старухѣ и о своихъ планахъ на нее. Вполнѣ, повидимому, родственныя натуры легко поняли другъ друга. Дѣло уладилось съ двухъ словъ. Руфъ предложилъ въ сообщники еще третьяго — Вольфа. Его онъ рекомендовалъ, какъ лицо вполнѣ надежное, которому задушить человѣка ничего

не стоитъ. И Вольфъ, несмотря на свои 20 лѣтъ, вполнѣ оправдалъ такую рекомендацію на мѣстѣ преступленія.

Охотно и безъ малѣйшихъ колебаній принялъ онъ сдѣланное ему подходящее предложеніе, и переговоры быстро закончились. Сообщники, не теряя времени, отправились въ путь. Придя на мѣсто, они проникли въ сѣнной сарай и въ немъ провели остатокъ ночи и послѣдующій день до вечера, спокойно ожидая удобнаго случая для расправы съ добычей. Въ 7 часовъ вечера въ сарай вошла служанка г-жи Рейбель. При видѣ нежданныхъ гостей, она остановилась, какъ вкопанная. Въ эту рѣшительную минуту Жига и Руфъ невольно содрогнулись и подались назадъ. Не смутился одинъ только „надежный сообщникъ“ Вольфъ. Онъ бросился на вошедшую, опрокинулъ ее и началъ душить. „Тунеядцы“, крикнулъ онъ оробѣвшимъ товарищамъ, „если бы я былъ такой же, какъ вы, мы бы вѣкъ не покончили“. Замѣчаніе оказало свое ободряющее дѣйствіе. Руфъ также бросился на жертву, легъ на нее и старался сдержать ея движенія. Жига, который, по словамъ Вольфа, вертѣлся около, какъ бѣшеный (характерное состояніе!), скрутилъ платокъ и имъ крѣпко стянулъ шею жертвы, „чтобы она“, какъ пояснялъ онъ самъ, „не могла спастись“.

Покончивъ со служанкой, они всѣ трое проникли въ домъ, гдѣ, привлеченная шумомъ, ихъ встрѣтила Рейбель со свѣчей въ рукѣ. „Кто вы? что вамъ надо?“ испуганно спросила она. Вмѣсто отвѣта, уже искусившійся Жига повалилъ ее, его пальцы впились въ шею несчастной. „Я сдѣлалъ ее мертвой“ (буквальный переводъ), разсказывалъ онъ на судѣ, показывая свои большія руки и дѣлая при этомъ жестъ сдавливанія, въ которомъ, независимо отъ всякаго намѣренія съ его стороны, ярко проявилась его извращенно-жестокая натура. Руфъ, какъ и въ первый разъ, бросился на жертву, легъ на нее и держалъ ее до тѣхъ поръ, пока не исчезли всякіе признаки жизни (характеренъ повторяющійся способъ участія въ убійствѣ). Вольфъ, почему-то не принимавшій участія въ этомъ второмъ убійствѣ, выразилъ, какъ и подобало такой натурѣ, свое сожалѣніе по этому поводу и не замедлилъ проявить себя. Онъ вырвалъ подсвѣчникъ изъ рукъ убитой и, какъ бы желая вознаградить себя за лишеніе, разбилъ имъ ей черепъ, цинично при этомъ спрашивая: „Умерла ли ты, старуха?“ Затѣмъ (что до чрезвычайности характерно для него) поднялъ платье убитой и началъ осмотръ ея. Въ этомъ дѣйствіи проявилась вся аномальность душевныхъ движеній Вольфа, инстинктивно

толкнувшая его въ такоїй страшный моментъ заняться циничнымъ разсматриваніемъ тѣла убитой семидесятилѣтней женщины. Конечно, это было необдуманное душевное движеніе, но въ немъ ярко обрисовалась порочность натуры этого почти еще подростка.

Когда все было кончено, Жига цинично пояснилъ: „Пяти минутъ было достаточно для служанки, а хозяйка взяла цѣлыхъ семь. Никогда я не думалъ, чтобы такъ легко было убивать". Нѣкоторые могутъ принять эти слова за простую браваду начинающаго убійцы, старающагося ободрить себя. Все дальнѣйшее показываетъ, однако, что это была вовсе не бравада, а проявленіе, вполнѣ свойственное данной натурѣ.

Послѣ приведеннаго знаменательнаго поясненія приступили къ дѣлежу добычи. Жига удалось укрыть отъ сообщниковъ въ свою пользу лишнихъ 2.000 франковъ. При видѣ золота, Руфъ и Вольфъ пришли въ состояніе какого-то какъ бы опьяненія. Они съ наслажденіемъ складывали золото въ кучки, считали, пересчитывали и любовались имъ, не торопясь оставить мѣсто своей кровавой дѣятельности, гдѣ лежали два трупа.

Съ мѣста убійства всѣ трое отправились въ Страсбургъ и здѣсь разстались. Жига поѣхалъ дальше, а Руфъ и Вольфъ остановились въ дорогѣ и вмѣстѣ отправились въ гостиницу, гдѣ, въ сообществѣ встрѣтившагося по дорогѣ и приглашеннаго ими рабочаго, принялись за ужинъ. При этомъ они ѣли съ такимъ спокойствіемъ и аппетитомъ, что ихъ случайный товарищъ, узнавъ черезъ день объ ихъ арестѣ, невольно воскликнулъ, выражая свое естественное чувство изумленія: „Это невозможно; не ѣдятъ съ такимъ аппетитомъ, имѣя два убійства на совѣсти". И, дѣйствительно, для нормальныхъ натуръ, къ числу, которыхъ, вѣроятно, принадлежалъ этотъ рабочій, подобное поведеніе невозможно. У такихъ натуръ представленія о только что пережитыхъ потрясающихъ событіяхъ, какимъ было совершонное двойное убійство, вызываютъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, сильныя возбужденія эмотивной сферы: болѣе или менѣе сильныя душевныя волненія, горе, отчаяніе, страхъ и т. д., которыя, вслѣдствіе тѣсной взаимной связи различныхъ отдѣловъ нервной системы распространяются на пищеварительный аппаратъ и подавляютъ аппетитъ. У Руфа и Вольфа не было ничего подобнаго. Представленія почти не оказывали вліянія на ихъ эмотивную сферу и струна чувства не звучала въ нихъ, а потому ихъ желудокъ могъ предъявлять свои требованія и спокойно работать въ такой страшный для другихъ моментъ, когда должна была громко говорить мятущаяся совѣсть.

За желудкомъ, какъ и должно было ожидать по всему предшествовавшему, въ нихъ громко заговорила усиленно развитая половая сфера, а потому первый выѣздъ сотоварищей былъ въ публичный домъ. Уже отсюда, переодѣвшись въ новое платье, Руфъ отправился воспроизводить свое изображеніе въ фотографію. То же самое, независимо отъ него, въ другомъ мѣстѣ сдѣлалъ Жига. Послѣдній, по словамъ фотографа, былъ вполнѣ свѣжъ и спокоенъ, причемъ на его лицѣ отражалась такая ясность, что на него даже пріятно было смотрѣть. Все это неоцѣненныя черты для характеристики этихъ порочныхъ натуръ.

Изъ фотографіи Жига отправился въ Лондонъ, а Руфъ съ Вольфомъ возобновили притягательное для нихъ пребываніе въ публичномъ домѣ. Они мѣняли женщинъ и мѣнялись ими и предавались самому необузданному желудочному и половому разврату, безумно разбрасывая деньги, какъ будто будущее не существовало для нихъ.

Во время своего разгула они повздорили изъ-за чего-то. Произошла замѣчательная сцена. Привлеченная крупнымъ разговоромъ, одна изъ проститутокъ вышла посмотрѣть на нихъ. Руфъ страшно загорячился при этомъ и сказалъ: „Если бы ты вышла посмотрѣть на меня такъ, какъ на Вольфа, то я бы задушилъ тебя“. Часа черезъ три, дѣлая соотвѣтствующій выразительный жестъ рукою, онъ снова повторилъ, безъ всякаго къ тому повода: „Да, если бы ты вышла смотрѣть на меня такъ, какъ на Вольфа, то я бы задушилъ тебя“. Часы длилось чувство, подсказывавшее эту угрозу, и подъ его вліяніемъ она невольно повторялась.

Похожденія самоудовлетворенія Руфа и Вольфа скоро были прекращены ихъ арестомъ.

Между тѣмъ, Жига наслаждался въ Лондонѣ, гдѣ онъ осуществлялъ свои давнишнія мечты, совершенно инстинктивно вытекавшія изъ его порочной натуры. „Я жилъ, какъ принцъ“, разсказывалъ онъ на допросѣ, „катался на прекрасныхъ лошадяхъ, покупалъ самыхъ красивыхъ женщинъ и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ, что можно достать съ помощью золота“. Въ своихъ одуряющихъ кутежахъ Жига издерживалъ по 300 франковъ въ день. Скоро, однако, его кошелекъ сталъ пустѣть и онъ поѣхалъ обратно въ Страсбургъ. По дорогѣ не утерпѣлъ, чтобы не побывать у своего стараго хозяина—булочника съ единственною цѣлью хвастнуть передъ нимъ происшедшей перемѣной и своимъ богатымъ нарядомъ

и тѣмъ дать еще одну лишнюю черту для ближайшей характеристики своей недостаточной натуры.

Таково въ своихъ поучительныхъ подробностяхъ это яркое дѣло.

7.

Ученіе Эскироля о мономаніяхъ нашло горячихъ защитниковъ въ лицѣ Лёре, Гислена, Жорже, Марка (Leuret, Guislain, Georget, Marc) и друг. Оно временно получило нѣкоторое право гражданства даже въ судахъ, причемъ болѣе посчастливилось пироманіи и клептоманіи, или болѣзненнымъ принудительнымъ влеченіямъ къ поджигательству и воровству.

Это, однако, продолжалось недолго. Скоро ученіе о мономаніяхъ подверглось рѣзкой критикѣ, особенно со стороны Фальре-отца (Falret) и со сторены его знаменитаго ученика, Мореля. „Нѣтъ ничего болѣе ложнаго и болѣе противорѣчащаго наблюденію въ нормальномъ и въ болѣзненномъ состояніи“, писалъ Фальре, „какъ это дробленіе человѣческой души на опредѣленное число особыхъ силъ, способныхъ дѣйствовать изолированно, а слѣдовательно, способныхъ и раздѣльно поражаться: все взаимно обусловлено и неразрывно связано въ дѣятельности человѣческихъ способностей“.

Что касается причардовской теоріи нравственнаго помѣшательства то, быть можетъ, ни одно ученіе не вызывало болѣе рѣзкихъ протестовъ со стороны юристовъ, какъ именно это ученіе. Въ немъ для юриста, привыкшаго къ ясно и твердо разграниченнымъ искусственнымъ категоріямъ, къ точнымъ дефиниціямъ, исчезала всякая грань между словесными противоположеніями—душевнымъ здоровьемъ и болѣзнью. Въ такихъ случаяхъ для юриста представлялось затруднительнымъ и даже невозможнымъ ставить вопросъ и спорить исключительно объ альтернативѣ: карать или помѣщать въ больницу?

Карать? Но за что и для чего, когда такова природа, а не злой выборъ? Лечить? Но какъ и отъ чего, когда нѣтъ бреда, нѣтъ умственнаго разстройства и на-лицо логичность сужденій? При такихъ условіяхъ невольно напрашивался вопросъ о цѣляхъ и цѣлесообразности наказанія вообще, какъ средства борьбы съ преступностью, того наказанія, которое сложилось въ ходѣ исторіи и, по самому существу своему, было отмщеніемъ за намѣренное зло совершоннаго преступленія большимъ зломъ устрашающаго наказанія.

Но въ тотъ періодъ дѣло еще не могло дойти до вполнѣ научной постановки такого вопроса. Для него только еще подготовлялось будущее. А въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, юристъ почти отрицалъ необходимость мнѣнія врача-психолога въ дѣлѣ разрѣшенія вопроса о наличности душевнаго разстройства. Все въ этой области ему представлялось яснымъ въ отношеніи суда и не нуждающимся въ спеціальныхъ знаніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ сочиненіи 1830 года, на которое ссылается докторъ Трела и которое посвящено значенію психіатрической экспертизы, авторъ говоритъ: „Если сумасшествіе очевидно, то всякій человѣкъ можетъ его распознать по проявленіямъ сумасбродства и бѣшенства: если же существуетъ сомнѣніе, то оно существуетъ и для врача“.

Между тѣмъ, всѣ возраженія и удары критики могли устранить предлагавшіяся объясненія, а не самые факты. Послѣдніе, оставаясь загадочными, повторялись, невольно навязывались вниманію и продолжали настойчиво требовать истолкованія.

Поэтому послѣдующіе ученые авторы, описывая наблюдавшія ими явленія душевныхъ уклоненій и, не имѣя возможности дать имъ надлежащее объясненіе, пріурочивали къ этимъ явленіямъ различныя, истолковывающія ихъ природу, названія. Одни называли ихъ „маніей характера“ (Scipion Pinel, „Traité de pathologie cérébrale“, 1844), другіе—„сумасшествіемъ въ дѣйствіяхъ“ (Brierre de Boismont, „Traité des maladies mentales“, 1849) и т. д.

Чтобы показать, какое недоумѣніе вызывали у самихъ авторовъ наблюдавшіеся ими изо дня въ день странныя явленія душевной жизни, приведу выдержку изъ сочиненія Марка, сосредоточившаго свое вниманіе на судебно-медицинской сторонѣ вопроса.

Приведя случай находившейся въ заведеніи женщины, которая подъ вліяніемъ неудержимаго слѣпого влеченія, „бывшаго сильнѣе ея“, какъ она поясняла, грызла сама себя при малѣйшей къ тому возможности, Маркъ говоритъ: „Гдѣ здѣсь разстройства въ мышленіи? Больная представляется сумасшедшей, она это знаетъ, она это говоритъ, но она не въ силахъ обуздать себя. Воля разстроена, больная дѣйствуетъ безъ разсужденія, въ противность разсужденію“.

„Рѣдки ли примѣры подобныхъ больныхъ?“ спрашиваетъ Маркъ и отвѣчаетъ: „Нѣтъ, наблюдатель можетъ увеличивать ихъ количество по произволу. Какъ объяснить ихъ? Какъ понять, что можно дѣлать зло, осуждая себя за это? Какимъ образомъ разумъ, который представляется вполнѣ здравымъ, не обуздываетъ безумную волю, направленную на причиненіе страданій самому себѣ?“

И на всѣ эти вопросы Маркъ отвѣчаетъ: „Я ничего не знаю, я ничего не объясняю. Я только говорю тѣмъ, которые сомнѣваются: приходите и смотрите“.

Ничего болѣе наблюдатель того времени, дѣйствительно, сказать и не могъ. Однородные странные факты бросались въ глаза, невольно приковывали къ себѣ вниманіе и вызывали почти дословно сходныя описанія. Достаточное же объясненіе? Оно въ то время еще не подыскивалось, и механизмъ явленій оставался скрытымъ.

Какъ было объяснить явленія душевной жизни такихъ людей, одинъ изъ которыхъ (сынъ ипохондрика, всю жизнь преслѣдовавшагося настойчивымъ влеченіемъ къ самоубійству), говорилъ Морелю: „Я ненавижу всѣхъ людей и давно бы уже покончилъ съ собою, если бы не думалъ этимъ доставить удовольствіе своимъ роднымъ и наслѣдникамъ“?... Такимъ образомъ, только чувство злобнаго раздраженія приковываетъ его къ жизни, которая внушаетъ ему отвращеніе и вся насквозь пропитана чувствомъ ненависти ко всѣмъ окружающимъ и къ самому себѣ...

8.

Мѣсто, приведенное изъ сочиненія Марка, показало намъ, въ какомъ положеніи находился въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія вопросъ о странныхъ личностяхъ, навязывавшихся непосредственному наблюденію авторовъ, личностяхъ, которыхъ докторъ Трела позднѣе удачно назвалъ сознательными или ясными сумасшедшими — „foux lucides“ (Trélat, „La folie lucide“). „Описываю, но не объясняю“, говорилъ Маркъ, „сомнѣваетесь—приходите и смотрите“.

Значительно освѣтить загадочныя явленія для послѣдующаго болѣе глубокаго изученія было суждено работамъ геніальнаго французскаго психіатра Мореля (Auguste-Bénédicte Morel, 1809—1873), „который своимъ острымъ философскимъ взглядомъ“, какъ выражается докторъ Шуле, „сумѣлъ отгадать самую суть вопроса“.

Въ цѣломъ рядѣ сочиненій, богато аргументированныхъ фактами наблюденія, Морель развилъ и обосновалъ понятіе о наслѣдственно передаваемомъ прогрессирующемъ органическомъ вырожденіи, одновременно поражающемъ физическую, нравственную и умственную стороны человѣка, какъ объ общей причинѣ тѣхъ странныхъ психическихъ состояній, которыя вызывали столько споровъ между болѣе ранними авторами. Въ его ученіи объ этихъ состояніяхъ, на-ряду съ

понятіемъ о болѣзни, въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ эпизодическомъ состояніи, особенно рельефно выступило понятіе о болѣзненныхъ темпераментахъ, о дурныхъ, несчастныхъ и порочныхъ натурахъ или организаціяхъ (tempéraments maladifs, natures vicieuses, organisations malheureuses“).

Еще въ своихъ „Клиническихъ этюдахъ“ („Etudes cliniques“, 1852 и 1853 гг.), изобилующихъ описаніями прекрасныхъ наблюденій, Морель выступилъ рѣшительнымъ противникомъ ученія о мономаніяхъ. Въ нихъ онъ заговорилъ о дурной наслѣдственности, о предрасположеніи, о вырожденіи породы, со всѣми его пагубными послѣдствіями, приводящими къ упадку человѣческаго духа, о несчастныхъ семьяхъ, предназначенныхъ видѣть угасаніе всего своего потомства, о порочныхъ натурахъ, „почти неудержимо наталкивающихъ ихъ обладателей на самоубійства, убійства, кражи или, по меньшей мѣрѣ, на тѣ постыдные пороки, которые такъ часто позорятъ честь семей и разрушаютъ ихъ покой“. Становясь на судебно-медицинскую точку зрѣнія, Морель замѣчаетъ въ предисловіи къ „Этюдамъ“: „Существуютъ личности, которыя, при внѣшней полнотѣ разумности, неудержимо наталкиваются на убійство, кражу и предумышленныя убійства. Мы показали нашимъ слушателямъ замѣчательные примѣры этого рода и мы въ особенности постараемся выяснить тѣ соображенія, которыя должны руководить врачей и судей, одинаково заинтересованныхъ въ выясненіи себѣ этихъ трудныхъ и ужасныхъ задачъ. Одни изъ нихъ заинтересованы потому, что въ своихъ судебно-медицинскихъ отчетахъ они призваны давать оцѣнку нравственнаго значенія дѣяній, а другіе призваны судить совершителей этихъ дѣяній“.

Недостаточныя натуры являются уже на свѣтъ съ унаслѣдованными пороками организаціи вообще и центральной нервной системы въ частности, слѣдствіемъ чего бываютъ задержки въ развитіи, разстройства и уклоненія въ области чувства, воли и мысли. Уклоненія это проявляются во внѣ странными, извращенными вкусами, чрезвычайно рѣзкими и характерными для такихъ натуръ колебаніями въ настроеніи, неудержимыми влеченіями, странными мыслями и поступками.

И все это является въ результатѣ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, постепенно, шагъ за шагомъ, ухудшающихъ физическія и психическія качества породы, въ свою очередь наслѣдственно передаваемыя нисходящимъ поколѣніямъ.

„Мы должны признать“, говоритъ Морель, „что лишенія всякаго рода, подавляющая печаль, безпрерывныя заботы, которыя бѣд-

ность влечетъ за собоїй, все это вызываетъ физическія и нравственныя послѣдствія, оказывающія роковое вліяніе на организмъ матери и организмъ ребенка... Большая смертность дѣтей, рожденныхъ и воспитанныхъ въ такихъ условіяхъ, ихъ захирѣніе, ихъ бѣдность, умственная и физическая, представляютъ собою факты, которые достаточно громко говорятъ за себя и могутъ обходиться безъ дальнѣйшихъ комментарій".

„Зависть, ревность, гнѣвъ, честолюбіе, эгоизмъ, раздоры семеї", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ „Клиническихъ этюдовъ", „вырабатываютъ у людей болѣзненные и наслѣдственно передаваемые привычки и темпераменты. Горе тѣмъ, которые родились подъ такими вліяніями, особенно если послѣднія не были измѣнены какими-либо возрождающими факторами".

„Нетрудно понять, что несчастныя существа, явившіяся на свѣтъ среди такихъ пагубныхъ условій, позднѣе отличаются прирожденными порочными предрасположеніями. Я, на свою долю, имѣлъ многочисленные случаи наблюдать этихъ дѣтей въ ихъ самомъ нѣжномъ возрастѣ и я могъ убѣдиться, что преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняютъ и которыя ежегодно увеличиваютъ уголовно-статистическія таблицы, очень часто находятъ свое объясненіе въ прирожденныхъ порочныхъ склонностяхъ".

Говоря далѣе объ одномъ неисправимомъ пьяницѣ, съ четырехъ лѣтъ проявлявшемъ самыя дурныя наклонности, Морель замѣчаетъ: „Въ немъ можно узнать одну изъ этихъ порочныхъ, неисправимыхъ натуръ или (рѣшимся употребить это выраженіе) несчастныхъ организаціи, носящихъ въ самихъ себѣ наслѣдственные зародыши и предназначенныхъ печально закончить прогрессивнымъ параличемъ и слабоуміемъ".

Уже изъ этихъ самыхъ краткихъ указаній видно, какое богатство содержанія представляютъ работы Мореля. На явленія своей области онъ посмотрѣлъ съ широкой біологической и общественно-воспитательной точекъ зрѣнія и затронулъ не только относящіеся къ ней собственно-медицинскіе вопросы, но также, какъ указываетъ онъ самъ, и „вопросы нравственной гигіены". Благодаря этому его работы представляютъ живой и глубокій общественно-воспитательный интересъ. Всякій, хотя сколько-нибудь интересующійся явленіями общественной жизни, найдетъ въ его трудахъ чему поучиться и надъ чѣмъ глубоко позадуматься и поразмыслить, особенно въ наше время.

Послѣ „Клиническихъ этюдовъ", въ 1857 году появился извѣстный и составляющій эпоху въ наукѣ трудъ Мореля — „Трактатъ о

вырожденіяхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ человѣческой породы и о причинахъ, порождающихъ эти болѣзненныя разновидности“ („Traité des dégénérescences physiques, intellectuelles et morales de l’espèce humaine et des causes qui produisent ces variétés maladives“). Прежде нежели говорить объ этомъ трактатѣ, постараюсь выяснить для васъ на примѣрѣ, что представляетъ собою процессъ вырожденія и каковы послѣдствія, вызываемыя имъ въ организмахъ ему подвергающихся.

9.

„Профессоръ Виль“, разсказываетъ докторъ Кампань, „желая демонстрировать вліяніе состава почвы на силу и свойства произрастающихъ на ней растеній, представилъ своимъ слушателямъ три былинки, хлѣбныхъ злаковъ различной величины. Эти былинки происходили, въ послѣдовательныхъ другъ за другомъ поколѣніяхъ, отъ одного великолѣпнаго и сильнаго экземпляра—ихъ общаго родоначальника, и были выращены на одной и той же почвѣ и приблизительно при одинаковыхъ условіяхъ. Съ разсчетомъ выбранная почва не обладала количествомъ азота, необходимымъ для нормальнаго развитія выращивавшагося растенія“.

Посмотримъ, каковы же были результаты такой культуры, при недостаточномъ питаніи, въ растительномъ царствѣ.

„Первая и наибольшая былинка, представлявшая собою и первое нисходящее поколѣніе отъ сильнаго и прекрасно развитого родоначальника, вслѣдствіе недостаточности питанія, была уже ниже обычнаго роста развитыхъ представителей породы. Ея колосъ, еще довольно хорошо одѣтый, состоялъ изъ нѣсколько болѣе мелкихъ зеренъ“.

„Будучи посѣяны въ ту же почву, эти зерна дали на слѣдующій годъ второе нисходящее поколѣніе. Его представительница, вторая былинка, обладала еще болѣе короткимъ стеблемъ, заканчивавшимся колосомъ съ еще меньшимъ числомъ меньшихъ по величинѣ и вѣсу зеренъ. Стебель представительницы третьяго нисходящаго поколѣнія, выращеннаго все на той же неблагопріятной, по ея составу, почвѣ, былъ весьма коротокъ, и его рудиментарный колосъ заключалъ въ себѣ очень мало мелкихъ и легкихъ зеренъ“.

Надо думать, что эти зерна, будучи посѣяны при тѣхъ же условіяхъ, остались бы вовсе безплодными.

„Если и можно не называть былинку перваго поколѣнія захирѣ-

лой“, замѣчаетъ д-ръ Кампань, „то нельзя не придать этого названія былинкѣ второго и особенно третьяго поколѣнія. Зло, проходя черезъ поколѣнія, сдѣлало успѣхи. Оно вкоренилось въ организмы и закончилось тѣмъ, что пріобрѣло силу и значеніе, несовмѣстимыя съ дальнѣйшимъ воспроизведеніемъ. Индивидуальная жизнь еще сохраняется въ послѣднемъ представителѣ, но жизнь родовая (способность дальнѣйшаго воспроизведенія) уже угасала въ немъ“.

Представительницъ послѣдовательныхъ нисходящихъ поколѣній оскудѣвающаго рода, демонстрированныхъ профессоромъ Виль, нельзя назвать больными, въ собственномъ смыслѣ послѣдняго слова. Въ жизни каждой изъ нихъ не было ничего такого, что рѣзко нарушало бы правильно до того времени происходившее развитіе и что представлялось бы временнымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ, уклоненіемъ отъ предшествовавшаго успѣшнаго роста, что было бы, такъ сказать, эпизодическимъ явленіемъ.

Каждому изъ нисходящихъ поколѣній наслѣдственность передавала и закрѣпляла въ немъ то неблагопріятное для продолженія жизни, что было пріобрѣтено поколѣніемъ предшествующимъ, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, которыми, въ данномъ случаѣ, было недостаточное питаніе.

Наличность такихъ же условій и въ жизни каждаго изъ новыхъ нисходящихъ поколѣній постепенно только усиливала унаслѣдованную ими отъ восходящихъ недостаточность организацій. Въ конечномъ результатѣ она привела къ потерѣ наличной родовой жизненной силы, къ безплодію, къ угасанію рода.

Поэтому, хотя демонстрировавшихся представителей процесса органическаго оскудѣнія и нельзя назвать больными, въ собственномъ смыслѣ этого слова, но болѣзненными назвать ихъ слѣдуетъ.

10.

Процессъ наслѣдственнаго вырожденія породы, наблюдаемый, при наличности неблагопріятныхъ условій въ окружающей растеніе внѣшней средѣ, въ растительномъ царствѣ, имѣетъ также мѣсто въ царствѣ животномъ вообще и въ царствѣ человѣка въ частности.

Разница лишь въ томъ, что, по отношенію къ человѣку, неблагопріятныя условія окружающей среды представляются значительно болѣе сложными, какъ значительно болѣе сложною представляется и сама организація. Другое различіе представляется въ томъ, что у

растеній наблюдаются уклоненія и измѣненія органическія, а у человѣка одновременно наблюдаются и неразрывно связанныя съ первыми измѣненія и уклоненія психическія.

Явленія оскудѣнія и захирѣнія человѣческой организаціи, иначе говоря—явленія развивающейся, наподобіе бѣдности экономической, бѣдности физіологической и послѣдующей физіологической нищеты, можно наблюдать и при истощеніи отъ голоданія. Голоданіе приводитъ, только сокращеннымъ путемъ, къ конечнымъ результатамъ, вполнѣ подобнымъ тѣмъ, къ которымъ приводитъ и органическое истощеніе, медленно совершающееся въ теченіе многихъ лѣтъ органической жизни, а нерѣдко и въ теченіе жизни нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній.

„Между абсолютнымъ лишеніемъ и лишеніемъ относительнымъ, длящимся“, замѣчаетъ извѣстный французскій гигіенистъ, профессоръ Бушардá (Bouchardat, „Traité d'hygiène“), „нѣтъ существенной разницы, а лишь бóльшая продолжительность мученій; здѣсь все—вопросъ времени и мѣры“.

Въ случаяхъ медленно совершающагося истощенія, особенно наслѣдственно-передаваемаго, и результаты, конечно, являются болѣе устоïчивыми. Вліяніемъ времени эти результаты постепенно все болѣе закрѣпляются, какъ бы срастаются съ организмомъ, и послѣдній болѣе или менѣе приспособляется къ условіямъ своего неблагопріятнаго существованія, но, конечно, лишь до извѣстнаго предѣла ихъ ухудшенія.

Благодаря такому процессу, вырабатываются, въ конечныхъ фазахъ его, особыя физически-оскудѣлыя и нравственно-униженныя разновидности человѣческой породы, сравнительно еще достаточно устойчивыя для того, чтобы влачить жалкое, а часто и зловредное, физическое и нравственное существованіе такъ называемыхъ „подонковъ и отребьевъ“ общества и чтобы вполнѣ мириться съ нимъ, не имѣя силъ для борьбы за болѣе лучшее существованіе. Они, какъ мѣтко поясняетъ докторъ Рейхъ (Reich, „Die Erblichkeit der Gebrechen“), „слишкомъ сильны, чтобы умереть и слишкомъ слабы, чтобы жить“.

Физіологическое обѣднѣніе, постепенно переходящее въ физіологическую нищету, представляетъ собою одно изъ наиболѣе ужасныхъ явленій, „если принять во вниманіе“, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Бушардá, „число ея жертвъ и опасности, которымъ она подвергаетъ ихъ“.

Общая характеристическая черта физіологическаго обѣднѣнія—

это уменьшеніе объема и вѣса всего тѣла и отдѣльныхъ составляющихъ его органовъ.

По мѣрѣ подвигающагося впередъ органическаго оскудѣнія происходятъ постепенныя потери въ системѣ мускулатуры. Сердце, легкія, желудокъ, кишечникъ, печень, селезенка и другіе внутренніе органы постепенно уменьшаются въ объемѣ. Костная система также подвергается утратамъ, хотя сравнительно болѣе слабымъ. Абсолютное количество крови постепенно уменьшается, измѣняется ея составъ: относительное количество воды увеличивается, а количество кровяныхъ шариковъ уменьшается, вмѣстимость кровяныхъ сосудовъ дѣлается меньше.

Въ различныхъ тканяхъ тѣла также постепенно происходятъ все болѣе и болѣе глубокія и важныя измѣненія, на извѣстной ступени развитія которыхъ становится, повидимому, невозможно возстановленіе. Что касается нервной ткани, то ея клѣтки, съ ходомъ болѣе или менѣе быстро подвигающагося впередъ истощенія, перерождаются и болѣе или менѣе атрофируются.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ структурныхъ измѣненій происходятъ, конечно, и измѣненія въ функціяхъ обѣднѣвающихъ органовъ. Энергія пищеваренія постепенно уменьшается, а пищевыя вещества не перерабатываются и не ассимилируются въ полной мѣрѣ, что, естественно, еще болѣе увеличиваетъ и нарощаетъ предшествующее истощеніе и ускоряетъ ходъ органическаго разоренія. Дѣятельность сердца и сосудовъ ослабляется. Постепенно ослабляется и дыханіе. Развитіе животной теплоты уменьшается и увеличиваются колебанія температуры, а наряду съ этимъ идетъ развитіе лѣности и появляется нѣкоторая степень оцѣпенѣлости. Устойчивость организма ослабляется и развиваются все усиливающаяся наклонность къ заболѣваніямъ, преждевременная дряблость и уменьшеніе работоспособности.

Вслѣдствіе недостаточности кровяного, а слѣдовательно, и питательнаго, орошенія нервной системы, развивается обычная въ такихъ случаяхъ нервная раздражительность, наклонность къ спазмамъ и иннерваціи. Въ окраскѣ самочувствія и настроенія все болѣе и болѣе начинаютъ замѣчаться постоянныя колебанія состояній возбужденія и подавленности, съ рѣзко выраженной наклонностью къ этой послѣдней и къ обычно сопутствующему ей мрачному взгляду на вещи.

Приведу для примѣра разсказъ одного изъ больныхъ Эскироля, находившагося въ сходныхъ условіяхъ временнаго нарушенія питанія

центральной нервной системы. Разсказъ этотъ ярко рисуетъ намъ картину душевнаго состоянія такихъ личностей.

„Я сдѣлался печаленъ, озабоченъ и обидчивъ“, разсказываетъ больной, „мало-по-малу сталъ небреженъ въ своихъ дѣлахъ. Я бѣгалъ изъ дому, чтобы уйти отъ тоски. Я чувствовалъ себя слабымъ, пилъ пиво и ликеры. Скоро я сдѣлался раздражителенъ. Всякая бездѣлица мнѣ досаждала, выводила изъ себя, дѣлала меня невыносимымъ и даже опаснымъ для моихъ домашнихъ. Отъ всего этого мои дѣла разстраивались. Я страдалъ безсонницею и отсутствіемъ аппетита. Ни мнѣнія друзей, ни нѣжные совѣты жены и моей семьи не оказывали болѣе на меня вліянія. Наконецъ, я впалъ въ глубокую апатію и сталъ ни на что не способенъ, исключая какъ только пить и раздражаться“.

Легко понять, какъ неблагопріятно должно было вліять такое состояніе на отношенія разсказчика ко всѣмъ окружавшимъ и съ нимъ сталкивавшимся и какъ оно должно было ухудшать эти отношенія къ его невыгодѣ.

Въ умственной сферѣ процессъ органическаго оскудѣнія проявляется не менѣе рѣзко, какъ это, между прочимъ, видно и изъ приведеннаго примѣра.

Сначала внутреннія чувствованія или ощущенія отъ собственнаго тѣла усиливаются за счетъ внѣшнихъ чувствованій или впечатлѣній, приковываютъ къ себѣ вниманіе и ослабляютъ интересъ къ внѣшнему міру, къ окружающему, какъ бы осуществляя пословицу: „своя рубашка ближе къ тѣлу“. Въ дальнѣйшемъ ощущенія и впечатлѣнія значительно ослабѣваютъ въ своей напряженности, благодаря чему краски внутренняго и внѣшняго міра блѣднѣютъ и жизнь становится „будто сонъ какой“, вниманіе все болѣе разсѣивается, дѣлается бѣглымъ, и умственныя усилія становятся все труднѣе и непріятнѣе. Теченіе представленій замедляется, область сознанія и мышленія, какъ можно видѣть изъ приведеннаго примѣра и множества другихъ, суживается, вслѣдствіе чего ослабляется способность предвидѣть будущее и руководствоваться въ своихъ поступкахъ совокупностью противопоставляемыхъ другъ другу различныхъ представленій—вообще, разумно направлять свою дѣятельность.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, явленія физіологическаго обѣднѣнія. Они могутъ развиваться, какъ уже замѣчено было, скоротечно или хронически и иногда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, причемъ постоянно прогрессирующая наслѣдственность закрѣпляетъ за

каждой новой генераціей свой особый типъ послѣдовательно увеличивающагося физіологическаго оскудѣнія.

Интересный массовый примѣръ представляла многомѣсячная осада Парижа пруссаками во время войны 1870—1871 годовъ. Въ его населеніи физіологическая бѣдность развилась скоротечно, причемъ, по выраженію профессора Азанъ (Azam, „Le caractère dans la santé et dans les maladies“), „души были столь же слабы, какъ и тѣла“ и въ ихъ проявленіяхъ во внѣ наблюдалось много страннаго, уклоняющагося отъ нормы. Но дѣйствовавшимъ поколѣніемъ дѣло не ограничилось. Условія осады наслѣдственно отразились на дѣтяхъ, зачатыхъ въ ея время, и ходячее наблюденіе рабочаго населенія Парижа отмѣтило такихъ дѣтей, въ средѣ которыхъ царила большая смертность, именемъ „дѣтей осады“. Извѣстный французскій психіатръ Легранъ дю Солль научно провѣрилъ это народное наблюденіе. Изъ 92 изслѣдованныхъ имъ дѣтей, зачатыхъ во время осады, онъ нашелъ у 64 тѣ или другія аномаліи съ физической стороны, со стороны сферы чувствъ или интеллекта; 28 остальныхъ представлялись вообще конституціонально тщедушными и хилыми.

11.

Изъ представленнаго крайне сжатаго очерка вы можете видѣть, какія важныя, глубокія и всесторонніе измѣненія сопровождаютъ процессъ болѣе или менѣе быстро или медленно развивающагося органическаго оскудѣнія и вырожденія, и потому легко можете понять, какое неотразимо-рѣшающее вліяніе могутъ и должны оказывать эти измѣненія на дѣятельность человѣка вообще и на его дурную, порочную и преступную дѣятельность въ частности.

Въ наше время, какъ и во время Мореля, подъ вліяніемъ множества крайне неблагопріятно дѣйствующихъ условій общественной жизни, часто создающихъ существованіе, не соотвѣтствующее органическимъ законамъ жизни, повидимому, значительно увеличивается число людей оскудѣлыхъ. Особенностями ихъ проявленій въ значительной мѣрѣ и характеризуется „нашъ нервный вѣкъ“, какъ назвалъ его покойный профессоръ Крафтъ-Эбингъ.

Это увеличеніе „общей нервности“ и „ухудшеніе органической конституціи массъ“, которыми въ значительной степени обусловливаются явленія такъ называемой „міровой скорби“ и пессимистическихъ взглядовъ на жизнь, не поддается, по справедливому замѣчанію того

же Крафтъ-Эбинга, выраженію въ опредѣленныхъ цифрахъ и допускаетъ лишь общую оцѣнку.

Тѣмъ не менѣе, оскудѣніе ярко проявляется въ своихъ слѣдствіяхъ: въ значительномъ увеличеніи числа самоубійствъ, душевныхъ разстройствъ, проституціи, противонравственныхъ преступленій, пьянства, потребленія веществъ, возбуждающихъ истощенную и раздражительную нервную систему, въ усиленіи безпокойствъ, часто охватывающихъ общественныя массы, въ возрастаніи жажды наслажденій и т. п.

Теперь я долженъ пояснить еще, что процессъ органическаго обѣднѣнія организма не происходитъ равномѣрно и въ одинаковой степени во всѣхъ органахъ и системахъ ихъ. Эта неравномѣрность и даетъ начало такъ называемой „неуравновѣшенности“ или „дурной уравновѣшенности“, наблюдаемой у личностей вырождающихся.

Древніе греки, какъ вы, быть можетъ, знаете, стремились достигать въ воспитаніи „гармоніи“ развитія частей. Полная гармонія— это, конечно, только отвлеченный идеалъ, къ которому дѣйствительность, смотря по совершенству пріемовъ воспитанія и образу жизни, можетъ болѣе или менѣе приближаться. Но вотъ эта сколько-нибудь достаточная гармонія обыкновенно и отсутствуетъ у вырождающихся личностей.

Надо замѣтить, что гармонія въ развитіи отдѣльныхъ органовъ и системъ ихъ болѣе или менѣе нарушается у каждаго отдѣльнаго человѣка, вслѣдствіе различій въ упражненіяхъ, привычкахъ и всемъ его образѣ жизни, и, притомъ, какъ въ теченіе его личнаго существованія, такъ и въ теченіе жизни его восходящихъ, наслѣдственно передавшихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе свои постепенно развивавшіяся особенности своему потомку.

Болѣе дѣятельные и работающіе органы, какъ извѣстно, питаются болѣе и, какъ таковые, отъ упражненій болѣе развиваются. Поэтому мы и наблюдаемъ, что у различныхъ лицъ различные органы и системы ихъ представляютъ преобладающее развитіе, силу и наклонность къ дѣятельности, чѣмъ и обусловливается различіе во вкусахъ, влеченіяхъ и выборѣ упражненій, поскольку, конечно, этотъ выборъ зависитъ отъ самого лица.

То же самое должно наблюдаться и дѣйствительно наблюдается и при явленіяхъ вырожденія. Процессъ физіологическаго обѣднѣнія и порчи, вслѣдствіе тѣхъ же различій въ упражненіяхъ и образѣ жизни, не развивается равномѣрно во всѣхъ направленіяхъ, и эта неравномѣрность, благодаря болѣзненности всего процесса, значительно болѣе рѣзко выражается у вырождающихся. Этимъ путемъ и наро-

ждаются различныя разновидности представителей органическаго вырожденія и бьющей въ глаза неуравновѣшенности со всѣми неблагопріятными ихъ особенностями.

12.

Возвращаюсь, послѣ этого поясненія, къ работамъ геніальнаго Мореля.

Въ предисловіи къ чрезвычайно поучительному трактату о вырожденіи, въ которомъ собранъ громадный и прекрасно обработанный фактическій матеріалъ изъ міра растеній, животныхъ и человѣка, а также изъ сферы явленій жизни общества, Морель разсказываетъ, что первоначально онъ имѣлъ въ виду дополнить трактатъ о душевныхъ болѣзняхъ трактатомъ о ихъ леченіи, чтобы тѣмъ самымъ популяризовать средства ихъ предупрежденія и устраненія.

Дальнѣйшая работа показала, однако, что вопросъ значительно шире и сложнѣе.

Оказалось нужнымъ болѣе глубокое изученіе нервныхъ болѣзней въ отношеніи ихъ причинъ и ихъ патологическихъ видоизмѣненій. А въ результатѣ получилось основанное на фактахъ научное убѣжденіе, что пацієнты заведеній для душевно-больныхъ суть представители болѣзненныхъ разновидностей вырожденія породы, развивающагося подъ вліяніемъ наслѣдственно-передаваемаго предрасположенія.

Первопричина этого предрасположенія—дурныя и нездоровыя условія окружающей обстановки, которыя, дѣйствуя длительно, измѣняютъ органическую конституцію въ неблагопріятномъ направленіи, постепенно ухудшаютъ породу и, благодаря наслѣдственной передачѣ, вызываютъ къ жизни болѣзненныя разновидности вырожденія. Это вырожденіе одинаково поражаетъ физическую и умственно-нравственную стороны человѣка, какъ это ясно видно изъ тѣсной связи между душевными разстройствами, преступностью и самоубійствами. Такимъ образомъ, задавшись изученіемъ явленій вырожденія, Морель самыми фактами жизни, ярко бросавшимися въ глаза и громко за себя говорившими, невольно былъ приведенъ въ непосредственное соприкосновеніе съ явленіями порочности, преступности и наклонностью къ самоубійствамъ и тѣмъ самымъ былъ наведенъ на мысль о сродствѣ всѣхъ этихъ явленій.

Изученіе душевныхъ болѣзней для Мореля рѣшительно неотдѣлимо отъ изученія причинъ, вызывающихъ физическія

и умственно-нравственныя уклоненія въ жизнедѣятельности человѣка. Потому онъ рѣшительно и вполнѣ основательно настаиваетъ на совмѣстномъ изученіи средствъ леченія этихъ болѣзней и тѣхъ мѣръ, примѣненіе которыхъ необходимо для умственно-нравственнаго совершенствованія человѣческаго рода, а въ числѣ ихъ—и на изученіи душевной гигіены. Продолжая и распространяя эту плодотворную мысль Мореля, мы должны будемъ сказать то же самое и о борьбѣ съ преступностью, которую онъ вполнѣ основательно ставитъ въ тѣсную родственную связь съ душевными разстройствами, порочностью и самоубійствами.

Факторы вырожденія, согласно Морелю, суть: отравленія различными ядами и, между ними, алкоголемъ, бѣдность, дурныя качества пищи, нездоровыя профессіи, неблагопріятныя условія жизни рабочихъ, вредныя условія жизни дѣтей, занятыхъ въ производствахъ, безнравственность, недостатокъ образованія и нѣкоторые другіе, которые, вообще, можно объединить почти въ одномъ понятіи—условія жизни пролетаріата, закрѣпляемыя въ ихъ вредномъ вліяніи наслѣдственностью.

Основываясь на оффиціальныхъ данныхъ, Морель описываетъ мрачными красками положеніе и условіе жизни дѣтей въ копяхъ, въ которыхъ они поступали въ работу съ восьми-и девяти-лѣтняго возраста, а также и въ другихъ производствахъ, — дѣтей, для которыхъ даже „названіе раба“, какъ онъ говоритъ, „было слишкомъ мягко“.

Указавъ на ужасающій ростъ дѣтской преступности и, притомъ, сравнительно тяжкой, Морель приводитъ далѣе „пророческія“, какъ онъ выражается, слова знаменитаго дѣятеля Англіи Роберта Пиля, сказанныя имъ въ 1816 году: „употребленіе безъ разбора и ограниченій дѣтей бѣдняковъ, которыя населяютъ фабричные округа, будетъ имѣть“, говоритъ Пиль, „для существующаго поколѣнія такія серьезныя послѣдствія, что я не могу представить ихъ себѣ безъ ужаса. Такимъ образомъ, великія усилія англійскаго генія, который такъ значительно увеличилъ совершенство машинъ въ нашихъ мануфактурахъ вмѣсто того, чтобы быть благодѣяніемъ для страны, станутъ для насъ ужаснымъ проклятіемъ“.

Говоря о типахъ болѣзненной природы, нарождающихся подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій окружающей среды, Морель замѣчаетъ: эти типы суть олицетворенія различныхъ вырожденій породы, и зло, которое ихъ порождаетъ, создаетъ для современныхъ обществъ опасность, бо́льшую той, которую представляли собою вторженія варваровъ для обществъ древности“.

И нѣсколько далѣе онъ прибавляетъ: „Необходимо, чтобы капиталъ рѣшился принести нѣкоторыя жертвы, иначе производство должно будетъ подвергнуться тому ужасному обвиненію, что оно представляетъ собою только громадную машину, которая, цѣпляя, въ своемъ движеніи, за человѣчество, калѣчитъ его, и что оно дождется ужасной реакціи, которую, рано или поздно, должно породить такое положеніе вещей“.

Говоря о факторахъ вырожденія, Морель, между прочимъ, подробно останавливается и на язвѣ, столь намъ, русскимъ, знакомой,— на массовомъ отупляющемъ и озвѣряющемъ алкоголизмѣ, какъ пріобрѣтенномъ, такъ и унаслѣдованномъ. Онъ описываетъ болѣзненные типы алкоголиковъ, отмѣченные различными внѣшними и внутренними неблагопріятными особенностями, и указываетъ, что алкоголизмъ родителей, дѣйствуя на элементы, принимающіе участіе въ зачатіи, проявляется у потомства общей слабостью въ ея различныхъ формахъ, ранней смертностью, задержками въ развитіи, пониженнымъ уровнемъ способностей, различными дурными влеченіями, ослабленіемъ умственной жизни и т. п.

Ясно понимая всю великую опасность размноженія въ обществѣ болѣзненныхъ разновидностей, Морель уже въ то время энергично настаивалъ на необходимости активнаго вмѣшательства государства въ отношенія капитала и труда и на необходимости развитія различныхъ ассоціацій и частной иниціативы для упорной борьбы съ факторами вырожденія и для созданія новой и нетерпѣливо ожидаемой эры, когда, наконецъ, условія общежитія станутъ благопріятны для здоровой жизни и правильнаго развитія человѣческихъ личностей, образующихъ государство и общество.

„Эта новая эра“, говоритъ Морель, „представляется необходимостью для нашего времени и является предметомъ общихъ чаяній. Потребность въ ней обусловливается состояніемъ страданій, физическихъ и нравственныхъ, живущаго поколѣнія. Это состояніе иногда находитъ свое мирное выраженіе въ сочиненіяхъ ученыхъ и въ усиліяхъ людей, которые горячо желаютъ совершенствованія человѣчества при посредствѣ болѣе широкаго развитія нравственнаго закона и прогрессирующаго улучшенія условій матеріальной и умственно-нравственной жизни народа. Иногда же это состояніе страданія даетъ знать о себѣ криками отчаянія среди революцій, которыя въ теченіе полувѣка заставляютъ содрогаться почву Европы“.

Въ борьбѣ со зломъ онъ отводитъ первенствующее мѣсто нравственному закону, по поводу котораго замѣчаетъ: „Конечно, нрав-

ственный законъ не есть что-либо новое, но ясное и методическое изложеніе, съ медицинской точки зрѣнія, всѣхъ вопросовъ, относящихся къ умственному и физическому улучшенію массъ, иначе говоря, къ ихъ морализаціи, представляетъ собою еще совершенно новую науку". И далѣе онъ прибавляетъ: „Я не сообщу ничего новаго врачамъ, если скажу, что гигіена физическая есть неразлучная спутница гигіены нравственной, но существуютъ моралисты, которые нуждаются въ убѣжденіи въ томъ, что нравственный законъ можетъ плодотворно развиваться только въ здоровомъ организмѣ".

Средства для бо́льшаго развитія нравственнаго закона Морель видитъ въ правильномъ физическомъ и умственно-нравственномъ воспитаніи народныхъ массъ. Результаты этого воспитанія, постепенно передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, будутъ содѣйствовать постепенному улучшенію физическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія народа. Тому же будутъ содѣйствовать, въ свою очередь, и учрежденія, которыми пользуются свободныя страны. „Мы видимъ", говоритъ Морель, „что рабскіе народы находятся въ менѣе благопріятномъ положеніи въ отношеніи развитія ихъ умственныхъ способностей и совершенствованія ихъ нравственнаго чувства, нежели народы свободные".

При этомъ Морель справедливо замѣчаетъ, что для морализаціи массъ необходима проповѣдь не только словомъ, но, прежде всего, и живымъ примѣромъ. Дѣло улучшенія будетъ мало подвигаться впередъ до тѣхъ поръ, пока общество не сдѣлаетъ самыхъ настойчивыхъ усилій, чтобы воспрепятствовать постоянному размноженію болѣзненныхъ разновидностей и не принесетъ вполнѣ достаточныхъ жертвъ для созданія необходимыхъ для этого учрежденій.

Небезынтересно будетъ отмѣтить, по поводу знаменитаго труда Мореля, появившагося послѣ сравнительно небольшого промежутка времени за памятнымъ 1848 годомъ, явленіе постояннаго обращенія творческой мысли къ воспитанію, какъ надежнѣйшему средству борьбы съ общественными „шатью и нестроеніемъ".

Заканчивая свою поучительную работу, Морель говоритъ: „Я думаю, что изученіе причинъ, вызывающихъ вырожденіе, и средствъ къ ихъ устраненію, представляетъ собою одну изъ наиболѣе важныхъ, наиболѣе полезныхъ и плодотворныхъ задачъ, которыя могутъ занимать умъ врача, и что обязанность каждаго—это оказывать содѣйствіе, въ предѣлахъ своихъ силъ, къ ограниченію зла, которое я отмѣтилъ, и присоединиться къ программѣ, вполнѣ опредѣляющейся сло-

вами: умственное, физическое и нравственное улучшеніе человѣка, или—если это предпочитаютъ—его возрожденіе!“

Читая работы Мореля, а также и многихъ другихъ ученыхъ изслѣдователей, съ тягостнымъ чувствомъ констатируешь, насколько еще слабо у насъ въ практической жизни руководящее вліяніе научнаго знанія. Хотя и прежнія и новѣйшія экспериментальныя и клиническія изслѣдованія ясно, напримѣръ, доказываютъ, что алкоголь представляетъ собою одинъ изъ ужаснѣйшихъ ядовъ, разрушительно дѣйствующій на физическую, умственную и нравственную стороны существа алкоголизующихся, тѣмъ не менѣе доходъ отъ винной лавки и народнаго отравленія и до сихъ поръ продолжаетъ разсматриваться у насъ, какъ одна изъ нормальныхъ и важнѣйшихъ статей государственнаго дохода...

13.

Въ послѣдующихъ своихъ работахъ:

1) „Трактатъ о душевныхъ болѣзняхъ“ („Traité des maladies mentales“, 1860),

2) „Объ образованіи типа въ выродившихся разновидностяхъ, или новые элементы патологической антропологіи“ („De la formation du type dans les variétés dégénérées ou nouveaux éléments d'anthropologie morbide“, 1864),

3) „Болѣзненная прогрессирующая наслѣдственность“ („De l'hérédité morbide progressive“, 1867)

и 4) „Трактатъ судебной медицины безумныхъ („Traité de la médécine légale des aliénés“),—

Морель, основываясь на обширнѣйшемъ фактическомъ матеріалѣ, развилъ ученіе о накопленіи и суммированіи въ ряду нисходящихъ поколѣній болѣзненной наслѣдственности дурныхъ натуръ (mavu ises natur s), которая приводитъ къ постепенной деградаціи типа.

Процессъ этотъ идетъ въ человѣчествѣ на-ряду съ другимъ, ему противоположнымъ, съ процессомъ накопленія и суммированія здоровой наслѣдственности хорошихъ натуръ. Отъ взаимнаго количественнаго соотношенія этихъ двухъ процессовъ и зависитъ регрессъ или прогрессъ общества.

Исходя изъ всей совокупности данныхъ своего изученія, Морель выдѣлилъ особую группу наслѣдственнаго душевнаго разстройства и подраздѣлилъ ее на 4 класса.

Къ первому онъ отнесъ лицъ съ унаслѣдованно-прирожденнымъ

нервнымъ темпераментомъ и потому находящихся какъ бы въ состояніи неустойчиваго равновѣсія и предрасположенныхъ къ психическимъ заболѣваніямъ отъ самыхъ незначительныхъ причинъ.

Ко второму классу онъ причисляетъ лицъ, у которыхъ дурная наслѣдственность проявляется въ сферѣ физической, умственной и нравственной, но разстройства которыхъ обнаруживаются въ теченіе ихъ жизни болѣе въ дѣятельности (délire des actes), нежели въ мышленіи. Они отличаются странностями, безпорядочностью и часто глубокой безнравственностью поступковъ. Нѣкоторыя замѣчательныя ихъ умственныя качества не искупаютъ ихъ неспособности направлять свои силы къ разумной и полезной дѣятельности. Несмотря на нѣкоторыя блестящія проявленія. они отмѣчены умственнымъ, а иногда и физическимъ, безплодіемъ. Они отличаются чрезмѣрно нервнымъ темпераментомъ, крайней раздражительностью, особой склонностью ко всевозможнымъ излишествамъ, періодичностью въ дѣйствіяхъ, часто извращенностью своихъ инстинктовъ и, большею частью, нѣкоторыми физическими признаками вырожденія. Они удивляютъ тѣхъ, которые поверхностно ихъ наблюдаютъ, кажущейся ясностью ихъ ума (manie raisonnante автора, „moral insanity“ Причарда).

Къ третьему классу принадлежатъ личности съ еще болѣе ясно выраженными признаками органическаго вырожденія. Они составляютъ переходъ отъ второго класса къ четвертому, къ которому принадлежатъ тупоумные, слабоумные и идіоты, т. е. личности, представляющія собою крайнія степени процесса вырожденія и, въ большинствѣ случаевъ, пораженныя безплодіемъ.

У принадлежащихъ къ этому третьему классу признаки наслѣдственной передачи дурной природы проявляются съ самыхъ раннихъ лѣтъ умственною инертностью и крайнимъ извращеніемъ нравственныхъ наклонностей. „Они выучиваются съ трудомъ и забываютъ скоро. Ихъ прирожденныя влеченія ко злу заставляли меня“, говоритъ Морель, „изображать ихъ, съ судебно-медицинской точки зрѣнія, какъ инстинктивныхъ маніаковъ. Поджоги, кражи, бродяжество, ранняя склонность ко всевозможному разврату составляютъ печальный итогъ ихъ существованія, и эти несчастные, которые по большей части не были просвѣщены, ни въ отношеніи нравственнаго, ни въ отношеніи физическаго благосостоянія человѣчества, и которые, вслѣдствіе этого, являются наиболѣе непосредственными представителями наслѣдственной передачи дурной природы (mauvaise nature), въ большомъ количествѣ населяютъ тюрьмы и исправительныя заведенія для малолѣтнихъ“.

Признаки физическаго вырожденія, какъ, напримѣръ, дурное строеніе головы, безплодіе или, по меньшей мѣрѣ, ослабленная способность размноженія, гораздо рѣзче выражены у лицъ, образующихъ этотъ классъ, нежели у представителей двухъ первыхъ классовъ.

Наконецъ, субъекты, принадлежащіе къ четвертому классу, представляютъ собою существа, лишенныя всякой иниціативы и умственной самодѣятельности. Въ отношеніи степени развитія нравственнаго чувства они представляютъ большія различія. Если между ними и встрѣчаются нѣкоторые, у которыхъ можно допустить существованіе различенія добра и зла („что весьма важно въ судебно-медицинскомъ отношеніи“), то громадное большинство образуется изъ существъ вполнѣ пассивныхъ и безотвѣтственныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Субъекты этого послѣдняго класса имѣютъ бросающееся въ глаза типическое выраженіе, которое даетъ яркое доказательство существованія болѣзненныхъ разновидностей человѣческой породы.

Таково схематическое описаніе представителей различныхъ степеней вырожденія, которые, въ дѣйствительности, представляютъ, конечно, крайнее разнообразіе и богатство переливовъ тѣней и оттѣнковъ.

Все это многочисленные факты тщательнаго наблюденія, которые хотя и могутъ давать мѣсто спорамъ объ объясненіяхъ, но которые сами стоятъ твердо и непоколебимо. При ихъ разсмотрѣніи въ умѣ невольно возникаетъ сопоставленіе ихъ съ возрастающимъ рядомъ постепеннаго органическаго оскудѣнія былинокъ злака въ демонстраціи профессора Виль, а вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно и наглядно выступаетъ ближайшее соотношеніе и тѣсная связь явленій вырожденія и явленій преступности, причемъ послѣднія, при такомъ фактическомъ освѣщеніи, становятся болѣе понятны въ своемъ общемъ механизмѣ. Самъ Морель въ одномъ изъ своихъ сочиненій замѣчаетъ, что „странные“ типы, населяющіе тюрьмы, не кажутся „ни странными, ни незнакомыми тѣмъ, которые изучаютъ болѣзненныя разновидности“.

Отъ наблюдательнаго взгляда Мореля не ускользнуло и распространенное и все распространяющееся болѣзненное состояніе нашего времени, составляющее его характерную особенность. Это—неврастенія или нервная слабость, позднѣе (въ 1869 году) подробно описанная американскимъ врачемъ Бирдомъ (Beard).

Морель описалъ это состояніе въ своей работѣ подъ именемъ „эмоціональнаго бреда“ („delire émotif“). Существенными особенностями этого болѣзненнаго состоянія, по описанію Мореля, являются: чрезвычайная впечатлительность; неспособность воли направлять и

задерживать самыя обычныя дѣйствія; неосновательные страхи; непріятныя и тягостныя настроенія и чувства; неясныя, безотчетныя безпокойства; повышенная чувствительность въ различныхъ частяхъ организма; раздражительность; болѣзненныя влеченія; копанье въ себѣ и своихъ ощущеніяхъ; различныя скоропреходящія и смѣняющіяся болѣзненныя эмоціи; различныя извращенія чувствительности.

Въ числѣ причинъ этого болѣзненнаго состоянія, весьма распространеннаго въ средѣ людей, на видъ кажущихся вполнѣ здоровыми, Морель указываетъ на истощающія организмъ болѣзни, продолжительныя бодрствованія, чрезмѣрную работу, излишества всякаго рода и т. п.

14.

Изложенное ученіе Мореля о вырожденіи породы значительно раздвинуло, какъ вы легко можете видѣть, предѣлы понятія о болѣзни или, правильнѣе, выдѣлило изъ него новое, ясно обрисованное понятіе о несчастной, порочной и дурно уравновѣшенной психо-физической организаціи, постепенно развивающейся въ болѣзненномъ процессѣ вырожденія. Такая организація представляется мало или вовсе не приспособленной къ жизни окружающаго ее общества и проявляется странными, дурными, а нерѣдко и преступными дѣйствіями.

Для устраненія возможныхъ недоразумѣній напомню, что различныя состоянія вырожденія могутъ развиваться въ болѣе или менѣе длинномъ рядѣ послѣдовательныхъ поколѣній, передаваясь и закрѣпляясь наслѣдственно. Въ этомъ случаѣ явленія умственно-нравственнаго вырожденія будутъ сопутствоваться стойкими наружными признаками физическаго вырожденія.

Состоянія вырожденія могутъ возникать и болѣе или менѣе быстро развиваться, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни, и въ теченіе личнаго существованія субъектовъ. Въ этихъ случаяхъ мы не найдемъ стойкихъ наружныхъ признаковъ вырожденія (такъ называемыхъ стигматъ), и начало вырожденія будетъ ярко проявляться преимущественно въ болѣе тонкихъ показателяхъ — въ уклоненіяхъ умственной и нравственной сферъ, недостаточностяхъ, которыя представятся тогда прочно еще не установившимися, глубоко не врѣзавшимися въ организацію, временными уклоненіями, временными ненормальными состояніями.

Послѣдующіе за Морелемъ ученые наблюдатели во многомъ дополнили и разработали основывающуюся на жизненной правдѣ теорію Мореля. Они развили ученіе о физическомъ и умственно-нравственномъ вырожденіи породы, внесли въ него нѣкоторыя поправки и кропотливо собрали громадный матеріалъ подробныхъ тщательныхъ клиническихъ наблюденій живой дѣйствительности и особенно оттѣнили разнообразіе проявленій значительной неуравновѣшенности вырождающихся, причемъ ясно выступили связь и соотношеніе между этими проявленіями и явленіями преступности. Весьма многое освѣтило начавшееся съ появившагося въ 1870 году мемуара нѣмецкаго профессора Вестфаля тщательное изученіе болѣзненныхъ извращеній родового чувства, извращеній, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ чудовищнѣйшими движеніями души человѣка, а также и изученіе явленій наслѣдственно передаваемаго алкогольнаго вырожденія и явленій неврастеничности.

Тѣмъ не менѣе, работы великаго французскаго психіатра, заключающія въ себѣ глубокіе взгляды на непреложеное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій въ общественныхъ явленіяхъ, продолжаютъ сохранять свое капитальное значеніе не только для занимающихся психіатріей, но также и для работающихъ въ области уголовной антропологіи, педагогіи и соціологіи. Взгляды эти основательно сближаютъ въ причинности такія, на первый взглядъ кажущіяся разнородными, явленія, какъ болѣзнь, развращеніе, порокъ, наклонность къ самоубійству и преступленіе, вовсе не смѣшивая, однако, всѣ эти явленія въ одно нераспознаваемое цѣлое.

Послѣдующее за Морелемъ время, основываясь на собранномъ обширномъ фактическомъ матеріалѣ, развило заключавшееся въ зачаточномъ состояніи еще въ трактатѣ о вырожденіи ученіе объ идущей на-ряду съ прогрессивной эволюціей эволюціи регрессивной, которая проявляется въ оскудѣніи и упадкѣ организма, въ физіологическомъ его обѣднѣніи и даже атрофіи отдѣльныхъ органовъ, его составляющихъ. Въ конечномъ результатѣ оно свело неблагопріятное вліяніе всѣхъ болѣзнетворныхъ факторовъ вырожденія къ разстройству и ослабленію питанія отдѣльныхъ органовъ и всего организма, которое имѣетъ своимъ слѣдствіемъ нарушенія и уклоненія въ ихъ функціяхъ.

Изъ всего сказаннаго нетрудно сдѣлать выводъ, что неблагопріятныя проявленія и такая же дѣятельность представителей физическаго и умственно-нравственнаго вырожденія породы являются результатомъ причинъ различныхъ порядковъ:

1) ближайшихъ, непосредственныхъ, субъективныхъ: дурныхъ особенностей и дурной уравновѣшенности психо-физической организаціи дѣятелей;

2) болѣе отдаленныхъ, посредственныхъ, объективныхъ: вліяній внѣшней окружающей среды, которой, по отношенію къ человѣку, является преимущественно общественная среда и ея жизнь; различныя условія этой жизни и образуютъ собой первопричину вырожденій со всѣми ихъ бѣдственными послѣдствіями;

3) побуждающихъ, наталкивающихъ образовавшіяся уже, подъ вліяніемъ вредоносныхъ условій окружающей обстановки, недостаточныя и дурно уравновѣшенныя организаціи на ихъ дурныя и вредоносныя дѣйствія.

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: ограничивается ли въ обществѣ процессъ вырожденія породы (или регрессивной эволюціи) сравнительно небольшимъ количествомъ случаевъ нарожденія странныхъ, дурно-уравновѣшенныхъ личностей, этихъ несчастныхъ, порочныхъ организацій, какъ выражался Морель, или процессъ можетъ пріобрѣтать массовый характеръ и грозить самому существованію общества, какъ сколько-нибудь достаточно здороваго организма?

Вы припомните, конечно, что, затрагивая этотъ вопросъ, Морель указывалъ, что отъ взаимнаго количественнаго соотношенія результатовъ процесса накопленія и суммированія въ ряду нисходящихъ поколѣній болѣзненной наслѣдственности дурныхъ натуръ и результатовъ процесса такого же накопленія и суммированія здоровой наслѣдственности хорошихъ натуръ зависитъ регрессъ или прогрессъ всего общества.

Одно изъ наиболѣе яркихъ подтвержденій этого положенія представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе грандіознѣйшихъ изъ всѣхъ когда-либо имѣвшихъ мѣсто примѣровъ массоваго вырожденія—это примѣръ бывшаго „царемъ вселенной“ древняго Рима.

Вопросъ о массовомъ физическомъ и умственно-нравственномъ вырожденіи породы и его факторахъ—это одинъ изъ наиболѣе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, если даже не самый важный. И въ наше время, которое не безъ основанія заговорило о „нервномъ вѣкѣ“ (Krafft-Ebing, „Ueber gesunde und kranke Nerven“) и объ обширной „невропатической семьѣ“ болѣзненныхъ состояній, развиваю-

щихся на почвѣ вырожденія (Féré, „La famille névropathique“), каждый образованный человѣкъ и въ особенности юристъ-криминалистъ, желающіе посильно поработать на пользу здороваго развитія родного общества, не могутъ не считаться съ этимъ вопросомъ, не могутъ не обращать на него вниманія.

Продукты вырожденія, въ различныхъ его степеняхъ, являются, при значительномъ ихъ размноженіи въ обществѣ, важными опредѣляющими факторами направленія и качествъ общественной жизни. Укажу здѣсь хотя бы только на одну изъ сторонъ значенія въ этой жизни такъ называемыхъ высшихъ вырождающихся, принадлежащихъ къ первымъ двумъ классамъ по вышеприведенной классификаціи Мореля.

Вслѣдствіе болѣзненности своей натуры, они носятъ недовольство, неустойчивую возбужденность, раздражительность и безпокойность вообще въ самихъ себѣ, въ условіяхъ своей вырождающейся организаціи, а потому они нигдѣ и никакъ не могутъ придти въ душевное равновѣсіе и успокоиться: внутренній душевный миръ бѣжитъ отъ нихъ. Они легко со всѣми сталкиваются, вездѣ плохо уживаются и, не имѣя внутренней возможности сдерживаться и спокойно направлять свою дѣятельность, нерѣдко приходятъ въ совершенный разладъ со всѣми окружающими.

Живо испытывая при этомъ непріятныя, тяжелыя состоянія самочувствія и своего прихотливаго настроенія, отдаленныя причины которыхъ хотя и отходятъ на разстояніе къ внѣшнимъ условіямъ, но ближайшія и непосредственныя лежатъ въ нихъ самихъ, они, по свойственной человѣку наклонности, упорно и страстно ищутъ эти причины въ окружающей ихъ средѣ и проектируютъ свое внутреннее во внѣшній міръ. Они жадно стремятся къ повышающимъ ихъ внутренній тонъ сильнымъ возбужденіямъ и сильнымъ возбудителямъ, болѣзненно-раздражительно отзываются на внѣшнія воздѣйствія, живо и ярко ощущаютъ свое внутреннее недовольство. Ихъ часто живые умы, со свойственною имъ страстностью и безпокойностью, сравнительно легко, при извѣстныхъ условіяхъ, увлекаютъ въ свой водоворотъ и личности болѣе уравновѣшенныя. Создается общественно-нервное настроеніе со свойственной ему повышенной возбужденностью, иначе говоря, образуется то, что называютъ „нервнымъ вѣкомъ“.

Общее же, болѣе всестороннее вліяніе вырождающихся на теченіе и особенности общественной жизни ясно выступитъ передъ вами въ явленіяхъ общественной жизни временъ паденія древняго Рима, которыя я воспроизведу (конечно, только въ основныхъ чертахъ) съ

единственною цѣлью наглядно представить вамъ общественныя причины и слѣдствія развитія массоваго вырожденія, въ его тѣснѣйшей связи съ областью преступности и преступленій.

„Явленія этой эпохи существованія гордаго Великаго Рима, этого руководящаго центра тогдашней вселенной, ясно показываютъ намъ, что условія повседневной, будничной семейной и общественной жизни, вліяя непрерывно на преимущественное развитіе опредѣленныхъ частей организма, опредѣленныхъ системъ органовъ, образуютъ собою ту воспитательную среду, подъ вліяніемъ которой съ необходимостью вырабатываются, въ полномъ соотвѣтствіи съ ея особенностями, опредѣленные болѣе или менѣе здоровые или болѣзненные типы членовъ народной массы, которые, въ свою очередь, неизбѣжно опредѣляютъ ходъ дальнѣйшаго совершенствованія или развращенія общества.

16.

Говоря о древнемъ Римѣ въ эпоху его упадка, я едва ли ошибусь, если охарактеризую положеніе такъ: физіологическое оскудѣніе низшихъ классовъ, какъ результатъ экономической бѣдности и обездоленности; физіологическая бѣдность, дурная уравновѣшенность и часто болѣзненно-чудовищныя влеченія высшихъ классовъ, какъ результаты скопленія въ ихъ рукахъ богатствъ и вызываемыхъ имъ излишествъ всякаго рода и „прожиганія жизни“,—иначе говоря, какъ результатъ явленій, развивающихся на экономической почвѣ. Наконецъ, отсутствіе правильнаго общественнаго воспитанія, которое приспособляло бы человѣка къ разумной жизни въ разумно устроенномъ обществѣ себѣ подобныхъ, согласно правилу: „живи и жить давай другимъ“ и другому, не менѣе важному, правилу общественности: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“.

„Есть основаніе утверждать“, замѣчаетъ Бодрильяръ въ своей „Исторіи роскоши“ (Baudrillart, „Histoire du Luxe“), „что экономическія условія представляли собою въ Римѣ главный элементъ и мать всѣхъ причинъ революцій. Эти условія даютъ объясненіе бѣдности и роскоши. Самые нравы зависѣли отъ этихъ условій. Громадныя скопленія богатствъ и рабство – вотъ источникъ римскаго развращенія“, а вмѣстѣ съ нимъ, прибавлю я,—и опредѣлители повседневнаго образа жизни и порчи воспитанія дѣтей и подростковъ, а затѣмъ и порчи взрослыхъ.

Благодаря этимъ факторамъ, въ обществѣ получаетъ исключительное значеніе не трудъ, которымъ создается все необходимое для удовлетворенія потребностей человѣка, а уже готовыя блага и результаты труда, т. е. имущество.

„Въ основѣ экономическихъ воззрѣній римлянъ“, справедливо замѣчаетъ профессоръ Левитскій („Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта“), „лежало представленіе не о трудѣ, а о собственности, происхожденіе которой римскіе юристы выводили не изъ трудового начала, а изъ захвата, разсматривая ее, какъ добычу, пріобрѣтенную силою и завоеваніемъ“, что „близко стояло къ дѣйствительности“.

Въ римскомъ правѣ не находимъ и признанія заработной платы, какъ источника дохода, и продуктъ римскаго труда, по отношенію къ собственнику раба, разсматривается, какъ usus fructus, наравнѣ съ доходомъ отъ скота и отъ земли.

Поэтому, благодаря тѣмъ же факторамъ, римское общество раскалывается на двѣ рѣзко раздѣльныя части: нищую, погрязшую въ грубости, пресмыкающуюся и оскудѣлую народную массу и денежную знать, также органически оскудѣлую отъ всякихъ излишествъ, изнѣженную, слабую духомъ, жаждущую грубо-чувственныхъ наслажденій и для того стремящуюся къ наживѣ всѣми средствами. Знакомясь съ этою знатью, съ ея типами, вкусами, влеченіями, невольно вспоминаешь слова: „легче верблюду пройти черезъ игольное ушко, нежели богатому войти въ царство небесное“.

Первобытный образъ жизни будущаго „царя вселенной“, сильнаго тѣломъ и духомъ народа римскаго, былъ чрезвычайно простъ. То былъ образъ жизни свободнаго земледѣльческаго народа, разсѣяннаго по деревнямъ, потребности котораго удовлетворялись немногимъ. Землевладѣніе было соразмѣрно рабочимъ силамъ каждаго. Семья была крѣпка, нравы просты, чисты и строги. Поэтому не было еще мѣста правящей олигархіи богатства, которая вполнѣ расцвѣла ко временамъ Марія и Суллы (II и I вѣка до Р. Х.).

Первые зародыши роскоши Бодрильяръ, правда, относитъ еще къ отдаленнымъ временамъ Тарквинія Древняго, а въ большей мѣрѣ — къ средѣ блестящей молодежи эпохи Тарквинія Гордаго (VII и VI вѣка до Р. Х.). Тѣмъ не менѣе, до первой пунической войны (III вѣкъ до Р. Х.) развитіе роскоши и вредныхъ излишествъ было, во всякомъ случаѣ, еще сравнительно слабо, нравы оставались сравнительно строги хотя уже начавшія процвѣтать въ ближайшее къ этому времени ростовщичество, а съ нимъ и денежная аристократія, подготовляли вполнѣ

плодородную почву для послѣдующихъ скопленія колоссальныхъ имуществъ въ однѣхъ рукахъ и развращенія. Во время Катона Старшаго Цензора (II и III вѣка до Р. Х.) уже были банкиры, нѣчто вродѣ биржъ и торговыя компаніи (societates publicanorum), занимавшіеся, главнымъ образомъ откупами государственныхъ монополій и налоговъ, хлѣбною торговлею и содержаніемъ мѣняльныхъ лавокъ.

Соотвѣтственно первоначальному образу жизни, не меньшею простотою отличалось и семейное воспитаніе того времени. Въ дѣтяхъ и молодыхъ людяхъ стремились развить, какъ говоритъ Марквардтъ въ своемъ обстоятельномъ трудѣ „Частная жизнь римлянъ“ (Marquardt, „Privatleben der Römer“), тѣлесное здоровье и силу, уваженіе къ нравамъ и законамъ страны, трезвость, чистоту нравовъ, умѣренность, скромность въ словахъ и поступкахъ, практичность въ дѣйствіяхъ, здоровый умъ и довѣріе къ собственнымъ силамъ, чтобы тѣмъ самыхъ подготовить изъ нихъ хорошихъ отцовъ семей и достойныхъ гражданъ. И такіе граждане, благодаря всей совокупности условій окружающей обстановки, дѣйствительно воспитывались въ древне-римскомъ обществѣ.

Эти люди, воодушевленные любовью къ отечеству, и составляли могучую силу государства, дававшую ему возможность расширяться и постепенно подчинять своей власти вселенную. Но, какъ всегда, въ этомъ подчиненіи и связанной съ нимъ противорѣчащей законамъ общественности ужасающей эксплоатаціи, со всѣми ихъ послѣдствіями, и крылись зародыши послѣдующаго упадка, развращенія и массоваго вырожденія съ его болѣзненными разновидностями и типами.

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя—
„Мнѣ смертію власть угрожала“,

могъ бы воскликнуть позднѣйшій Римъ, внимательно всматриваясь въ исторію прошлаго и въ дѣйствовавшія въ ней производящія причины.

Войны и завоеванія порождали обогащеніе однихъ и обнищаніе другихъ. Суровые законы о долгахъ, созданіе жившихъ ростовщичествомъ высшихъ богатыхъ классовъ, дававшіе имъ средства держать мелкое крестьянство и плебеевъ не только въ экономической, но и въ политической зависимости, безпощадно приносили человѣческую личность въ жертву имуществу, которое, благодаря, между прочимъ, и имъ, постепенно скоплялось въ рукахъ сравнительно незначитель-

наго меньшинства, капиталистическаго класса, у котораго постепенно образовалась привычка жить исключительно на счетъ огромныхъ лихвенныхъ процентовъ съ капитала, приносимыхъ торговлею рабами, морскою торговлею, откупами налоговъ, выгодными арендами государственныхъ земель и рудниковъ и очень прибыльными тогда, какъ и въ наше время, поставками на армію и флотъ.

Мелкіе землевладѣльцы-милиціонеры, образовывавшіе воинственные легіоны, отправляясь на войну для завоеванія власти и богатствъ государству, нерѣдко оставляли свои поля необработанными и часто впадали въ долги, пагубное вліяніе которыхъ на ослабленіе общественныхъ связей проходитъ красной нитью черезъ всю исторію древняго Рима. По этимъ долгамъ они платили по 12% годовыхъ и должны были обезпечивать ихъ не только своею собственостью, но также, въ случаѣ несостоятельности, и своею личностью, до жизни включительно. Частныя тюрьмы богачей ростовщиковъ-землевладѣльцевъ обыкновенно были переполнены ихъ несостоятельными должниками. Рабство или смерть, въ зависимости отъ выбора кредитора (при множественности заимодавцевъ должникъ могъ быть разрѣзанъ на части), ожидали, по закону, такихъ должниковъ. Они продавались съ семьями, которыя личностями своихъ членовъ пополняли обезпеченіе долга.

Все это давало возможность семьямъ и безъ того имущественно сильнымъ еще болѣе скоплять недвижимую собственность въ своихъ рукахъ и утилизировать ее при посредствѣ подневольнаго, рабскаго труда. Возможность его примѣненія въ широкихъ размѣрахъ обезпечивалась законами о долгахъ, а также войнами и завоеваніями съ ихъ прямымъ слѣдствіемъ,—военной добычей, въ составъ коей входили и военноплѣнные, обращавшіеся въ рабство.

Нелишне замѣтить, что трудъ рабовъ игралъ въ древности роль, напоминающую въ значительной мѣрѣ ту, которую въ настоящее время, при данныхъ условіяхъ экономическаго строя, играетъ машина, постепенно все болѣе врывающаяся во всѣ отрасли производства.

Какъ машина выкидываетъ на рынокъ труда множество свободныхъ рукъ, тоскливо ищущихъ примѣненія, и превращаетъ ихъ обладателей въ „вынужденно бастующихъ“, т. е. безработныхъ или, точнѣе говоря, въ „лишнихъ людей“, такъ и рабскій трудъ древности вытѣснялъ изъ производства свободнаго рабочаго и превращалъ его въ жалкаго пролетарія, готоваго, за подачку, всякому богу молиться и просившаго отъ государства исключительно хлѣба и зрѣлищъ. Что такому пролетарію гражданская свобода и человѣческое достоинство? „Богачъ, изгнавъ бѣдняка изъ его владѣнія“, замѣчаетъ Валлонъ

(Wallon, „Histoire de l'esclavage dans l'antiquité“, 1847), поставилъ на его мѣсто невольника, находя для себя болѣе выгоднымъ имѣть работника въ собственность, нежели нанимать его“.

"Вытѣсненіе свободнаго труда совершилось, конечно, не сразу. Артели свободныхъ рабочихъ изъ плебеевъ просуществовали до императоровъ, когда онѣ были, въ сущности, уничтожены senatus-consult'омъ, требовавшимъ отъ нихъ для легальнаго бытія ауторизаціи, которая имъ давалась съ трудомъ. Неудивительно поэтому, что свободные бѣдняки сами отдавались иногда въ рабство и поступали въ рабочія бригады, состоявшія изъ рабовъ.

„Ростовщикъ сначала истощалъ семью“, говоритъ Брукъ Адамсъ (Brooks Adams, „La loi de la civilisation et de la décadence“), „потомъ продавалъ ее. И такъ какъ общественный классъ, къ которому онъ принадлежалъ, жилъ долговыми несостоятельностями и господствовалъ въ области законодательства, то законы были столь предусмотрительно скомбинированы, что они способствовали образованію долговъ, а разъ долги были сдѣланы, законы обезпечивали ихъ выгоды для кредитора“. Кровавыя волненія и борьба противъ тяжелыхъ долговыхъ обязательствъ проходятъ красной нитью черезъ исторію Рима.

Однимъ изъ источниковъ обогащенія служили также ростовщическія, въ ихъ существѣ, скупки земель по дешевымъ цѣнамъ въ провинціяхъ и послѣ проскрипцій, а также аренда или простой захватъ общественныхъ или государственныхъ земель, противъ котораго тщетно пытались бороться нѣкоторые болѣе предусмотрительные, обладавшіе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, государственные люди Рима (напримѣръ, Лициній Столонъ, братья Гракхи, Юлій Цезарь), и вообще всевозможныя спекуляціи съ землями, рабами и откупами.

Все это способствовало постепенному уничтоженію мелкихъ поземельныхъ собственниковъ и скопленію въ рукахъ немногихъ родовъ всего итальянскаго землевладѣнія и образованію тѣхъ громадныхъ латифундій, которыя, какъ справедливо указывалось, погубили Италію. „Во всей Италіи“, говоритъ Ферреръ въ своей „Исторіи величія и паденія Рима“, „мелкіе собственники исчезали среди обширныхъ земельныхъ владѣній, находившихся въ рукахъ жадныхъ пріобрѣтателей, которые замѣщали этихъ собственниковъ рабами“. Нравы, привычки и понятія войны, очевидно, давали себя знать.

„Истощенные и обѣднѣвшіе итальянскіе роды“, замѣчаетъ Бодрильяръ, „изнемогали подъ тяжестью бѣдности, налоговъ и войнъ. Свободному человѣку стало почти невозможно существовать“.

Тогда начался отливъ отощавшихъ отъ деревень къ городу, на

который жалуются и въ наше время и въ которомъ бѣдняки пытались „найти свое счастье“, но, конечно, почти всегда безуспѣшно. Въ городѣ деревенскіе выходцы превращались въ птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, но не бываютъ сыты, а скудно питаются случайно падающими крохами и часто не знаютъ, гдѣ приклонить свою несчастную голову.

Создалось незначительное безумно-богатое меньшинство, образовавшееся за счетъ громаднаго обѣднѣвшаго большинства. Въ рукахъ перваго, вмѣстѣ съ богатствомъ, сосредоточивалась и вся полнота государственной власти. Только его члены имѣли возможность закупать обнищалый и утративший политическій смыслъ народъ при выборахъ, которые требовали громадныхъ тратъ. Всякая нравственная связь между народной массой и денежной знатью въ это время исчезла, и грубыя нарушенія естественныхъ законовъ индивидуальной и общественной жизни начали приносить всему обществу, въ его цѣломъ, ихъ отравленный пагубный плодъ.

18.

Связанныя съ этой общественной дифференціаціей глубокія измѣненія не могли, конечно, совершиться безъ сильныхъ общественныхъ потрясеній, безъ развитія процесса разложенія. Прежніе нравы и образъ жизни постепенно расшатывались. Особенно усиленно движеніе въ этомъ направленіи стало развиваться послѣ разграбленія Карѳагена, Коринѳа, Македоніи и послѣ столкновенія съ Азіей, съ ея тогда уже готовыми роскошью и развращеніемъ. Соціальная и политическая система римской республики, вслѣдствіе общественной порчи, быстро пошла къ упадку, началась анархія гражданскихъ войнъ. „Прежнія связи нравственныхъ добродѣтелей“, по выраженію Лекки (Lecky, „History of european morals from Augustus to Charlemagne“, 1869), „совсѣмъ ослабѣли и нравственное вліяніе религіи исчезло“. Грубость нравовъ подавила религіозное чувство въ массѣ, а въ высшихъ классахъ его уничтожилъ скептицизмъ, смѣшанный съ развращеніемъ, и на мѣстѣ его остались, какъ говоритъ Бодрильяръ, только „грубыя суевѣрія“. Народилась молодежь „циничная, сластолюбивая, легкомысленная, не питавшая уваженія ни къ какому авторитету, ни боговъ, ни отцовъ, нетерпѣливо жаждавшая успѣховъ и богатствъ, пріобрѣтаемыхъ безъ труда“.

Богатства отъ обобранныхъ союзниковъ и изъ завоеванныхъ

провинціи притекали во множествѣ и, по мѣткому замѣчанію Валлона, что, при этомъ, „выигрывали въ рабахъ, то проигрывали въ гражданахъ“. Число ростовщиковъ значительно увеличилось, и появились спеціальные ростовщики для женщинъ, для скупщиковъ земель, для несовершеннолѣтнихъ.

Развился особый видъ религіи—безусловное поклоненіе богатству, которое стало какимъ-то богомъ для общества. „Золото и почести сдѣлались для всѣхъ признаками добродѣтели“, говоритъ римскій поэтъ, и „какъ много ты имѣешь, такъ велико и твое значеніе и постольку же тебя уважаютъ“. Цицеронъ называетъ „boni“ (добрыми, хорошими людьми, людьми добра) богатыхъ вообще. Неудивительно поэтому, что всѣ стремились казаться значительно богаче дѣйствительности и жить сверхъ средствъ, потому что передъ богатствомъ все преклонялось, и оно давало всѣ блага міра.

Обогатившаяся отъ войнъ, насилій, захватовъ и управленія денежная знать скоро начала, благодаря громаднымъ излишкамъ, утопать въ чувственныхъ удовольствіяхъ, которыя сдѣлались всепоглощающею цѣлью жизни. И тогда стали послѣдовательно нарождаться поколѣнія, все болѣе и болѣе жадныя до чувственныхъ наслажденій, денегъ и возбужденій и менѣе стойкія въ длящемся напряженіи, какъ это ясно отражаютъ факты послѣдовательнаго хода историческихъ событій.

Что касается до продававшейся съ аукціона народной массы, то намъ о ней, напримѣръ, разсказываетъ Тиверій Гракхъ. „Дикіе звѣри имѣютъ логова“, говоритъ онъ, „а тѣ, которые проливаютъ свою кровь за Италію, не имѣютъ ничего болѣе, какъ только воздухъ, которымъ они дышатъ. Безъ крова, подъ которымъ можно укрыться, безъ постоянныхъ жилищъ они бродятъ со своими женами и дѣтьми. Они сражаются и умираютъ только для того, чтобы питать роскошь и достатокъ немногихъ. Ихъ называютъ господами вселенной, а они не имѣютъ и клочка собственной земли“.

О народной массѣ намъ разсказываетъ и Катилина. Противополагая роскошествующее меньшинство погрязшему въ нуждѣ громадному большинству, онъ восклицаетъ: „Кредитъ, могущество, почести, богатство—все для нихъ и для тѣхъ, кому они покровительствуютъ. Для насъ они оставили опасности, безчестье, осужденія и нищету... Даже безуміе ихъ роскоши не можетъ поглотить ихъ богатствъ. Для насъ бѣдность внутри и долги извнѣ, бѣдствія настоящаго и еще болѣе ужасное будущее“.

Все это, конечно, рѣчи партійныхъ ораторовъ, не жалѣвшихъ

красокъ. Но эти рѣчи, насколько намъ извѣстно, въ общемъ вѣрно рисуютъ печальную дѣйствительность того времени. Дѣйствительность эта попирала самую природу общества, которое, по самому существу своему, должно представлять собою союзъ людей, объединяемыхъ общностью интересовъ и чувствами солидарности и взаимной благожелательности. Но вмѣсто такого общества въ громадныхъ предпринимательскихъ домахъ всемірнаго города ютилась полуголодная, обездоленная „чернь“, промышлявшая всевозможными дозволенными и недозволенными способами, глухо ненавидѣвшая богатыхъ и довольныхъ, безразлично продававшая свои голоса и свою совѣсть, питавшаяся отъ общественныхъ раздачъ хлѣба и при всякомъ удобномъ случаѣ г товая заняться разрушеніемъ.

Изъ положенія, создавшагося въ концѣ республики, когда, послѣ ужасовъ гражданскихъ войнъ съ ихъ рѣками крови и одичаніемъ, почувствовалось всеобщее разслабленіе, и изъ постепенно развившихся въ теченіе предшествующихъ поколѣній особенностей людей того времени, говорившихъ: „Если погибла республика, будемъ, по крайней мѣрѣ, спасать наше имущество“,—естественно вытекала новая форма общественнаго союза—Римская Имперія. Появилось поколѣніе, „рожденное для рабства“, какъ часто говорилъ императоръ Тиверій, выходя изъ сената. И „народъ“, замѣчаетъ Валлонъ, „охотно отказывался отъ своей прежней власти, а императоры, конечно, не уклонились отъ обмѣна“.

Новая форма вначалѣ создала относительное спокойствіе и, по словамъ Тацита, „подчинила солдатъ подарками, народъ милостыней, всѣхъ пріятностью покоя, а денежную знать относительной безопасностью послѣ ужасовъ предшествующаго періода“.

Но эта же форма показала міру картину глубокаго упадка, величайшаго развращенія и физическаго и умственно-нравственнаго вырожденія. Это вырожденіе дало намъ наиболѣе яркіе типы вырождающихся, до звѣрски кровожадныхъ и нравственно-помѣшанныхъ (morally insane) включительно, и закончилось непредусмотрительностью оскудѣнія, безпечностью и полнымъ разслабленіемъ.

19.

Подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, вызывавшихся къ существованію войнами, завоеваніями, чрезвычайнымъ размноженіемъ невольничества, скопленіемъ богатствъ въ рукахъ немногихъ и разви-

тіемъ роскоши, прежніе простые и строгіе нравы постепенно измѣнились; это измѣненіе прежде всего, конечно, отразилось на строѣ семейной жизни и крѣпости семьи, которая расшатывалась все болѣе и болѣе. „Экономическое рабство“, не безъ основанія замѣчаетъ де Грефъ (de Greef, „Le transformisme social“), „было смертельно для семейной жизни, какъ смертельно для нея и современное индустріальное рабство“.

Отжившіе свое время старые нравственные устои разлагались, а замѣнившее ихъ новое ничего добраго не приносило съ собой. Говоря о развращеніи своего времени, по сравненію съ добродѣтелями первоначальныхъ временъ, Горацій (65—8 до Р. Х.) относитъ именно на долю порчи и преступленій, проникшихъ въ бракъ и семью, всѣ бѣдствія народа и государства той эпохи. При этомъ онъ констатируетъ прогрессирующее вырожденіе и предвидитъ появленіе еще болѣе развращеннаго поколѣнія.

Мужчина сталъ утопать въ удовлетвореніи своихъ чувственныхъ влеченій, къ чему многочисленный классъ рабынь и вольноотпущенницъ, а также дѣти, отъ колыбели скупавшіяся для этой цѣли особыми промышленниками, представляли безграничную возможность.

За мужчиной потянулась и женщина. Разложеніе семьи пошло особенно быстро послѣ пуническихъ войнъ, начала греческаго вліянія и вліянія столкновеній съ Азіей. Бракъ превратился тогда для мужчинъ въ коммерческую сдѣлку полученія связей и приданаго, а для женщинъ—въ полученіе возможности вести вполнѣ свободную жизнь. Женщины разоряли своихъ мужей и отыскивали достаточно богатыхъ любовниковъ, которые могли бы доставлять имъ драгоцѣнныя матеріи, роскошныя носилки, красивыхъ и хорошо одѣтыхъ невольниковъ и драгоцѣнные камни.

Воспитанная на примѣрахъ мужчинъ, женщина, по словамъ Сенеки, начала считать часы дня по числу своихъ романическихъ похожденій. Разводы, не представлявшіе никакой трудности, стали чрезвычайно часты и являлись для мужчинъ средствомъ полученія новыхъ приданыхъ, а для женщинъ — средствомъ умноженія числа мужей.

Руководствуясь, повидимому, взглядомъ, что безстыдное поколѣніе того времени можно сдерживать только страхомъ и ограниченіями, Августъ попытался-было противодѣйствовать паденію нравственности стѣсняющими законами. Какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, получилась одна изъ неудачныхъ попытокъ вліять на эту область интимныхъ отношеній мѣрами внѣшняго грубаго прину-

жденія. „Законы безъ нравовъ безсильны“ („leges sine moribus vanae proficiunt“), справедливо замѣчаетъ Горацій.

По словамъ Марквардта, ни одна изъ мѣръ противодѣйствія общественному злу не встрѣтила столь сильнаго противодѣйствія, какъ деспотическое врывательство законовъ, касающихся брака, въ область личной свободы. Законы не исправили и не могли исправить жизни, особенности которой опредѣлялись особенностями людей дѣйствовавшаго поколѣнія, и послѣдующій императорскій періодъ представилъ намъ примѣръ самой ужасающей распущенности.

Женщина, эта хранительница нравственности семьи, все болѣе утопала въ чувственныхъ наслажденіяхъ и истощалась въ нихъ. Получивъ право на распоряженіе своими имуществами, женщины стали заводить повѣренныхъ, дѣльцовъ-прокураторовъ, выступавшихъ въ самыхъ различныхъ роляхъ. За большія суммы женщины покупали красивыхъ невольниковъ для услугъ, участвовали въ пиршествахъ и попойкахъ на-ряду съ мужчинами и тутъ алкоголизировались, возлежали за столами въ открытыхъ нарядахъ, присутствовали при всѣхъ скабрезныхъ танцахъ и пѣніи, принимали участіе въ оргіяхъ, сопровождавшихъ эти пиршества, посѣщали арены, требовали смерти побѣжденнаго гладіатора...

Куртизанки стали образцами, и знатныя женщины стали объявлять себя таковыми, чтобы освободиться отъ дѣйствія непріятнаго закона объ адюльтерѣ. Куртизанки повсюду выставляли себя напоказъ въ публичныхъ мѣстахъ съ необычайнымъ великолѣпіемъ. Онѣ задавали тонъ, декретировали моды, разоряли стариковъ и развращали подростковъ. Невольники носили ихъ по улицамъ въ великолѣпныхъ альковахъ, и онѣ тутъ же продавали себя желающимъ.

Лѣтомъ богатыя женщины разъѣзжались на воды и купанья и тамъ находили всевозможныя удовольствія и развлеченія. Вошли въ обычай даже общія для обоихъ половъ бани, начало которымъ положили куртизанки. Вообще, можно сказать, что въ развращеніи женщины соперничали съ мужчинами, а мужчины того времени не знали никакихъ предѣловъ своимъ разнузданнымъ чувственнымъ влеченіямъ, для удовлетворенія которыхъ безъ труда притекавшія средства давали полный просторъ.

Стоитъ хотя бы припомнить, что еще до формальнаго начала существованія Имперіи стало возможнымъ предложеніе нѣкоторыхъ угодливыхъ сенаторовъ издать законъ, коимъ предоставлялось Цезарю брать въ свое обладаніе всякую понравившуюся ему женщину. Это предложеніе, ярко характеризующее влеченія и вытекавшіе изъ

нихъ взгляды эпохи, Августъ открыто и безъ стѣсненій осуществлялъ на дѣлѣ, не превращая его въ законъ.

Стоитъ припомнить также оргіи, извѣстныя подъ именемъ „florales“, справлявшіяся въ циркѣ при стеченіи народа. Въ нихъ голые мужчины и женщины выступали въ необузданныхъ сценахъ. Стоитъ припомнить еще „таинства“ Изиды и вакханаліи. Дѣло о вакханаліяхъ сопровождалось безчисленными казнями. Тысячи лицъ обоего пола обвинялись въ составленіи общества, члены котораго предавались убійствамъ и самому адскому разврату при совершеніи „таинствъ“ Вакха. Вообще на-ряду съ развитіемъ полового разврата шло развитіе наслажденій кровью и влеченіе къ кровавымъ зрѣлищамъ.

Профессоръ Меньеръ въ своихъ „Медицинскихъ изслѣдованіяхъ произведеній латинскихъ поэтовъ“ (Menière, „Etudes médicales sur les poètes latins“) замѣчаетъ, что развратъ въ Римѣ достигалъ такой утонченности, о которой едва подозрѣвало безпутство временъ регентства во Франціи. Онъ предлагаетъ своимъ собратьямъ по профессіи, которые пожелали бы убѣдиться, до какой степени римское общество временъ упадка утратило всѣ слѣды нравовъ древнихъ сабинянъ, просмотрѣть хотя бы сочиненія Марціала. То, что теперь встрѣчается, какъ рѣдкое исключеніе, какъ болѣзненное извращеніе, подлежащее леченію въ спеціальныхъ заведеніяхъ, въ Римѣ того времени было обычнымъ явленіемъ въ средѣ извѣстнѣйшихъ гражданъ и покровительствовалось общественнымъ мнѣніемъ.

Однимъ словомъ, представители того и другого пола богатыхъ классовъ общества, которымъ, какъ это бываетъ всегда, подражали менѣе достаточные, постепенно все болѣе упражняли одну изъ органическихъ системъ и на удовлетвореніи зарождавшихся въ ней и отъ упражненій все усиливавшихся властныхъ чувственныхъ влеченій постоянно сосредоточивали свои заботы и помыслы. Поэтому неудивительно, что психо-физическая наслѣдственность въ этомъ отношеніи получалась двусторонняя и прогрессирующая.

Нѣтъ ничего удивительнаго также въ томъ, что уже одни эти явленія должны были могущественно содѣйствовать вырожденію породы и разложенію общественнаго быта. Докторъ Тилье (Tillier, „L'instinct séxuel chez l'homme et chez les animaux“) сообщаетъ, напримѣръ, что нѣкоторыя формы обезьянъ вырождаются и готовы исчезнуть, благодаря усиленно развивавшемуся у нихъ родовому инстинкту и его чрезмѣрному преобладанію надъ другими.

20.

Неслыханной половой распущенностью не ограничивались, однако, грубыя нарушенія законовъ жизни организма въ древне-римскомъ обществѣ. Богатая знать, окруженная послушными рабами и жалкими прихлебателями, неудержимо жаждала наслажденій, потояннаго праздника жизни. На-ряду съ изсушающими и искусственно-возбуждаемыми наслажденіями отъ любовныхъ похожденій она искала возможно болѣе продолжительно длящихся наслажденій въ упражненіяхъ и развитіи другой органической системы—системы пищеварительной.

Послѣдняя перестала тогда быть только органомъ для пополненія необходимыхъ тратъ организма и сдѣлалась источникомъ грубыхъ, жадно смакуемыхъ удовольствій. Развился отвратительный культъ желудка. Невѣроятная роскошь, попойки или, иначе, алкогольныя отравленія, развратъ половой и желудочный слились въ одну, поистинѣ безумную, жизненную оргію.

„Прежде жаловались“, говоритъ Плиній, „что за повара приходится платить дороже, чѣмъ за лошадь. Теперь поваръ стоитъ столько же, сколько тріумфъ, а рыба—сколько поваръ“.

Дѣйствительно, содержаніе рыбныхъ садковъ стоило громадныхъ суммъ. Рыбъ откармливали даже мясомъ рабовъ, которыхъ было слишкомъ много; за рыбу платили по 20000 сестерцій (сестерцій равенъ приблизительно 6 копейкамъ), за лакомаго павлина—по 6000 сестерцій и т. д. Крассъ публично оплакивалъ, какъ оплакиваютъ гибель близкаго человѣка, гибель одной изъ своихъ муренъ. Бывали такіе смакователи лакомыхъ блюдъ, которые различали, находя болѣе вкуснымъ, и цѣнили вдвое дороже „волка Тибра“ (видъ рыбы), когда онъ былъ пойманъ между двумя извѣстными мостами, потому что въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ возможность питаться у берега отбросами, здѣсь спускавшимися въ рѣку.

Знаменитый обжора, изобрѣтатель новыхъ блюдъ и развратитель молодежи въ половомъ и желудочномъ отношеніи, Маркусъ Апиціусъ, проѣвши громадное имущество и оставшись обладателемъ еще 16 милліоновъ сестерцій, нашелъ, что смыслъ его жизни исчерпанъ и что нужно отравиться, чтобы не умереть съ голоду.

„Я понимаю“, восклицаетъ одинъ изъ такихъ жадныхъ смакователей лакомыхъ блюдъ, Маніусъ, „что въ жертву ѣдѣ приносятъ все. Что можетъ быть лучше жирнаго дрозда?“ Очевидно, что далѣе въ этомъ направленіи идти было уже некуда.

Блюда приготовляли чрезвычайно сложныя, и считалось вели чайшимъ торжествомъ, когда даже тончайшіе знатоки и любители покушать не могли отличить составныхъ частей, изъ которыхъ они были изготовлены. Одни блюда появлялись на столъ совершенно горячими, а другія, непосредственно за первыми слѣдовавшія, подавались во льду. Распространился обычай садиться въ ванны тотчасъ послѣ ѣды для содѣйствія пищеваренію переполненнаго желудка. Въ этихъ ваннахъ объѣвшіеся нерѣдко и отдавали Богу свои грѣшныя души, не успѣвши оставить завѣщаній. Для возможно большаго наслажденія принимали послѣ ѣды рвотныя, рекомендовавшіяся даже врачами того времени, также сынами своего вѣка, и, облегчивъ себя, снова приступали къ ѣдѣ. „Ѣдятъ, чтобы имѣть возможность блевать — блюютъ, чтобы имѣть возможность ѣсть“.

Возбужденіе аппетита и жажды для развитыхъ желудковъ стало предметомъ стремленій и искусства. Интересны переговоры Отона и Вителлія, которые взаимно предлагали другъ другу за отказъ отъ притязаній на тронъ средства для удовлетворенія самаго изысканнаго разврата и обжорства какъ бы равнозначныя цѣнности. Пиршества даже частныхъ лицъ стоили безумныхъ денегъ. Иногда на одни цвѣты для пира издерживались милліоны сестерцій.

Грубыя чувственныя наслажденія сдѣлались, поистинѣ, богомъ римскаго общества, которому всѣ, по примѣру императорскаго дворца и знати, стремились молиться и покупать его милости какою бы то ни было цѣною и какими бы то ни было средствами. Самая низкая, пресмыкающаяся лесть, погоня за наслѣдствами, на которыя претенденты слетались, какъ вороны на трупъ, ростовщичество, подкупы, взятки, доносы, тайныя и явныя убійства, предательства и всевозможныя преступленія дѣлили общество на двѣ группы: на охотниковъ и на ихъ добычу.

Одинъ гибнетъ за свой прекрасный дворецъ, другой—за свои чудные сады, бани и т. д., и всѣ живутъ подъ величайшимъ страхомъ предательства. Даже родные боятся и избѣгаютъ другъ друга. Развивается, какъ это естественно и должно быть при такомъ состояніи организмовъ, болѣзненный эгоизмъ и подъ его вліяніемъ ближнему говорятъ: „Я самъ свой ближайшій родственникъ“ („proximus sum egomet mihi“).

21.

Интересно посмотрѣть теперь, каковы же были необходимыя слѣдствія описанныхъ условій повседневной жизни. Впрочемъ, ис-

ходя отъ данныхъ фактовъ, ихъ было бы нетрудно предвидѣть и напередъ.

Изложенный ходъ общественнаго развитія (если еще можно вводить послѣднее понятіе) на смѣну прежнихъ здоровыхъ, уравновѣшенныхъ и крѣпкихъ тѣломъ и духомъ людей породилъ рѣзко выраженные типы неуравновѣшенности и вырожденія физическаго и умственно-нравственнаго. Ихъ многочисленные рельефные портреты намъ оставили писатели того времени. Народились во множествѣ морелевскія „порочныя, несчастныя организаціи“. Появились типы крайняго оскудѣнія и извращенные представители желудочной и половой породы людей, отмѣченные болѣзненной жестокостью, кровожадностью и отсутствіемъ даже слѣда того, что называютъ нравственнымъ чувствомъ. Говоря объ эпохѣ Цезаря, Ферреро замѣчаетъ: „Въ Италіи все измѣнилось, даже характеръ народа. Римскій характеръ былыхъ временъ, твердый, выносливый, былъ уже только легендою; общественное мнѣніе стало нервнымъ, легко возбуждающимся, страстнымъ, причудливымъ“ и вполнѣ отражало особенности народившагося поколѣнія, „нервнаго, крайне впечатлительнаго“.

Въ одной изъ сатиръ Горація проходитъ цѣлая галлерея нищихъ духомъ и „свѣтлыхъ сумасшедшихъ“ („foux lucides“), какъ такихъ удачно назвалъ упоминавшійся ранѣе Трела. „Сумасшествіе“, говорится въ ней, „не щадитъ никого, исключая мудреца. Оно поражаетъ отдѣльныхъ лицъ, народъ и царей“. Въ сатирѣ передъ читателемъ проходятъ маніаки-коллекціонеры старыхъ статуй, маніаки-самохвалы, кровожадные цари, болѣзненные ревнивцы, расточители, скряги, сутенеры, фанатики, суевѣры и проч.

Амміанъ Марцеллинъ даетъ яркое описаніе особаго типа уже отъ рожденія изнѣженныхъ женоподобныхъ римскихъ нобилей. Они покрывались потомъ подъ тяжестью одѣянія, настолько легкаго, что малѣйшій вѣтерокъ уже поднималъ его. Отъ солнца они защищались зонтиками и вѣерами и жаловались и стонали, когда солнечные лучи проникали черезъ тяжелыя, толстыя занавѣси. Одѣвались они въ длинныя, развѣвающіяся шелковыя платья, которыя кокетливо шевелили своей рукой, чтобы обращать больше вниманія на себя и заставлять любоваться собою. На охоту они выѣзжали на гондолахъ, покойныя движенія которыхъ не могли причинять безпокойства, и вели охоту только силами рабовъ. По улицамъ они ѣздили, окруженные громадною свитою рабовъ, буфоновъ, евнуховъ, поваровъ.

Въ описаніяхъ находятся и другіе портреты представителей поколѣній того времени: людей съ поблекшими лицами, отвислыми

щеками, опухшими глазами, трясущимися руками, громадными животами, одаренныхъ слабыми умомъ и памятью, болѣзненно возбужденныхъ къ чувственнымъ эксцессамъ, хворыхъ тѣломъ и духомъ и прибѣгающихъ къ врачебной помощи не для возстановленія здоровья, а для возбужденія все къ новымъ и новымъ наслажденіямъ. „За столомъ, если не успѣетъ съѣсть чего, такъ украдетъ. Плачетъ, если слишкомъ скоро напьется. Жалуется, что ему все хочется пить. Хвастунъ, привыкшій къ побоямъ, любитель попьянствовать, еще большій охотникъ поклеветать, онъ, кажется, въ одно время извергаетъ изо рта грязь и винный запахъ“,—таково описаніе одного изъ этихъ субъектовъ.

Представленные типы внушаютъ отвращеніе и гадливое состраданіе. А рядомъ съ ними встрѣчаются типы другіе, вполнѣ озвѣрѣлые и вызывающіе ужасъ и содроганіе своею извращенною кровожадностью и какою-то демоническою жестокостью.

Среди нихъ мы видимъ, не въ качествѣ исключеній, а заурядъ, мрачнаго, неумолимаго Тиверія, свирѣпаго Калигулу, развратнаго и сладострастно-кровожаднаго Нерона, звѣрскаго обжору Вителлія, безчеловѣчнаго Домиціана и внушающаго ужасъ Коммода. Когда послѣдній, по выраженію Гиббона („Исторія упадка и разрушенія Римской Имперіи“), „отвѣдалъ человѣческой крови, его сердце стало недоступно ни для состраданія, ни для угрызеній совѣсти“. Въ верховной власти онъ цѣнилъ только возможность ничѣмъ не стѣсняться при удовлетвореніи своихъ чувственныхъ влеченій. Свое время онъ проводилъ въ сералѣ, состоявшемъ изъ 300 красивыхъ женщинъ и столькихъ же мальчиковъ. „Въ его сценахъ разврата нарушались и законы природы и всѣ правила пристойности“.

Таковы были типы руководителей общества и богатой развращенной знати. Не лучше были и типы представителей обездоленнаго народа, превратившагося, поистинѣ, въ „чернь“, внушавшую, по словамъ Гиббона, презрѣніе столько же своею нищетою, сколько низостью своихъ чувствъ. Она пополнялась отпущенниками и иностранцами и подвергалась вырожденію не менѣе знати.

Эта „чернь“ предавалась одинаковому бездѣлью и жаждала только публичныхъ пировъ и кровавыхъ зрѣлищъ. По цѣлымъ днямъ она шаталась по площадямъ и улицамъ великаго Рима, занималась спорами, играла или предавалась разврату по трактирамъ и домамъ терпимости, наподобіе нашихъ „хулигановъ“. „Мѣсто форума занялъ Колизей, мѣсто трибуна—актеръ“.

Развращеніе изсушило религіозное чувство, не замѣщая его ни-

какими нравственными принципами, а живая вѣра въ боговъ смѣнилась грубыми суевѣріями. По чрезвычайно мѣткому выраженію Бодрильяра, наступила „смерть души“. „Эта смерть“, справедливо замѣчаетъ онъ, „есть самый печальный симптомъ разлагающихся обществъ“. И далѣе онъ основательно поясняетъ, что „мертвыя души“ существуютъ во всѣ времена, но въ здоровыхъ обществахъ онѣ составляютъ исключенія, тогда какъ въ обществахъ разлагающихся эта болѣзнь „мертвыхъ душъ“ распространяется во всѣхъ слояхъ населенія.

И вотъ, когда въ значительномъ количествѣ народились всѣ описанные типы, когда они вступили въ общественную жизнь въ большомъ числѣ, въ качествѣ создающихъ и направляющихъ ее общественныхъ дѣятелей, тогда стали возможны прежде невозможные ужасы гражданскихъ войнъ, проскрипцій, всѣ кровавыя утѣхи Колизея и все нравственное развращеніе того времени.

22.

Изжитыя всякими излишествами тѣла и души въ это время были охвачены болѣзненными презрѣніемъ и отвращеніемъ къ жизни, которая въ ихъ разстроенныя самочувствія вносила съ собой неизмѣримо большее количество тяжелыхъ, подавленныхъ, нежели свѣтлыхъ состояній настроенія, обычныхъ спутниковъ здоровья, а у этихъ оскудѣлыхъ натуръ — только спутниковъ кратковременныхъ, искусственныхъ возбужденій. „Ни въ одну эпоху исторіи скука существованіемъ—печальный плодъ грубыхъ нарушеній законовъ жизни организма, „повидимому, не была такъ распространена, какъ во времена цезарей“. Тяжелые неврозы и постоянная скука стали обычными явленіями. Многочисленныя самоубійства были приравнены философскою мыслью къ спасительному убѣжищу отъ тяжелаго чувства истощенія самыхъ источниковъ бодрой жизни и поблѣднѣнія ея яркихъ и богатыхъ красокъ.

„Во времена Сенеки“, говоритъ упоминавшійся ранѣе Бріерръ де Буамонъ („Du suicide et de la folie suicide“), „самоубійства, поистинѣ, были заразною болѣзнью. Люди испытывали какъ бы потребность умирать. Жизнь имъ казалась излишней. Погибало отъ собственной руки множество извѣстныхъ людей, способныхъ воиновъ. Горацій разсказываетъ, что скучавшіе и отчаявшіеся люди шли на мостъ Фабриція, чтобы положить конецъ своимъ внутреннимъ тяжелымъ состояніямъ“, ярко отражающимся въ краткихъ поясненіяхъ, оставляемыхъ

послѣ себя самоубійцами даже въ наше время: „жизнь надоѣла“ и „не для чего жить“.

Самъ Сенека (I вѣкъ по Р. Х.) пишетъ своему другу: „Зло, отъ котораго мы страдаемъ, не связано съ мѣстомъ, гдѣ мы находимся. Оно въ насъ самихъ. Мы слабы, чтобы выносить что бы то ни было, мы неспособны переносить страданія, безсильны, чтобы наслаждаться удовольствіями, нетерпѣливы ко всему. Сколько людей, испробовавъ всѣ перемѣны, призываютъ смерть, потому что они испытываютъ всѣ прежнія ощущенія и не могутъ пережить ничего новаго. Жизнь и міръ имъ стали въ тягость, и даже среди удовольствій они восклицаютъ: «Неужели же всегда одно и то же!».

Характеризуя скучающихъ жизнью, Сенека говоритъ отъ ихъ лица: „И постоянно все одно и то же! Всегда я долженъ то бодрствовать, то спать, то быть сытымъ, то голоднымъ, ощущать холодъ или жаръ. Ничто не кончается. Всегда одинъ и тотъ же кругъ явленій Они бѣгутъ и слѣдуютъ другъ за другомъ: день смѣняется ночью, а ночь смѣняетъ день. За лѣтомъ слѣдуетъ осень, за осенью зима, а за нею весна. И такъ проходитъ все, чтобы вернуться снова, а я не вижу и не знаю ничего новаго“.

„Христіанство измѣнило это состояніе душъ“, замѣчаетъ Бріеръ де Буамонъ, „но оно не могло вполнѣ восторжествовать своими правилами надъ чувствами печали и отвращенія, которыя мучили столькихъ людей. Скука (жизнью) укрылась въ монастыри. Это отразилось и въ твореніяхъ отцовъ церкви, особенно въ Климентинахъ и въ трехъ книгахъ св. Іоанна Златоуста (347—407). Нужно прочесть въ нихъ прекрасное описаніе безпокойства и унынія, которыя удручали міръ среди наиболѣе опьяняющихъ удовольствій“.

Что можетъ быть печальнѣе такого состоянія самочувствій и вытекающаго изъ него пессимизма?! Неудивительно, что, при распространеніи подобныхъ явленій, „невоздержность, лѣнь, небрежность, разгулъ, пьянство и сонъ овладѣли всѣми; что роскошь, погоня за наживой и чувственность достигли крайнихъ размѣровъ; что гордая римская знать унижалась и ползала, какъ рабъ, ради займовъ и богатыхъ наслѣдствъ“ и что значительное число людей превратились только въ какіе-то ходячіе желудки и механизмы для грубо-страстныхъ наслажденій, съ соотвѣтствующими желаніями, стремленіями и помыслами.

Неудивительно также, что въ эту эпоху наблюдался упадокъ высшихъ удовольствій, на мѣсто которыхъ, въ качествѣ забавъ, выступили карлики, шуты и дураки. Развилось паденіе во всѣхъ от-

расляхъ умственной жизни, въ наукѣ, въ живописи, въ скульптурѣ, въ архитектурѣ, въ поэзіи и литературѣ вообще. „Время генія“, по замѣчанію Лекки, „отошло въ область прошлаго“. „Философія“, какъ указываетъ де Грефъ, „впала, вмѣстѣ съ народомъ, во всѣ грубыя суевѣрія, отдѣлаться отъ которыхъ она употребила передъ этимъ столько труда и времени“. Вкусъ испортился, и наступила эпоха нравственнаго одичанія, когда зрѣлища человѣческихъ страданій, крови, предсмертныхъ судорогъ и самой смерти превратились, подъ вліяніемъ измѣненія органическихъ условій, въ жадно искомыя забавы для всѣхъ слоевъ общества и для обоихъ половъ. Усиленно культивировавшаяся школа войны и военныхъ грабежей и насилій постепенно дѣлала и, наконецъ, вполнѣ сдѣлала свое дѣло. „Арміи выродились въ школы обжорства, грабежа и жестокости“, замѣчаетъ Ферреро.

Нѣтъ нужды говорить, что душевныя болѣзни, преступленія, убійства, отравленія, разбои, грабежи и проч., среди вырождающагося общества, самый образъ жизни котораго, по своему извращенію, былъ преступенъ, представлялись весьма распространенными. Римскіе врачи, напримѣръ, Целій Авреліанъ и Аретей, въ своихъ сочиненіяхъ даютъ намъ подробныя описанія различныхъ формъ душевныхъ болѣзней, распространенныхъ въ то время, и въ томъ числѣ особыхъ, часто встрѣчавшихся, формъ, которыя порождались усиленною практикою разврата и нерѣдко заканчивались смертью.

Даже припадки истеріи, по свидѣтельству Аретея, имѣли иногда смертельный исходъ, по поводу чего профессоръ Андраль высказываетъ предположеніе, что усиленно развитое въ римскомъ обществѣ органическое вырожденіе и было причиной таковыхъ роковыхъ исходовъ нервныхъ страданій.

Общему направленію повседневной жизни слѣдовало, конечно, и воспитаніе. Съ постепеннымъ разложеніемъ семьи, воспитаніе въ высшихъ классахъ все болѣе подпадало нездоровому вліянію многочисленныхъ рабовъ и рабынь, окружавшихъ воспитывавшихся дѣтей и подростковъ, и вліянію не высоко стоявшихъ въ нравственномъ отношеніи греческихъ учителей. Оно становилось все болѣе и болѣе изнѣживающимъ, и это изнѣживающее его вліяніе падало на почву и безъ того наслѣдственно хорошо подготовленную. Дѣти стали присутствовать при роскошныхъ пиршествахъ взрослыхъ и съ ранняго возраста впитывали въ себя ядъ желудочнаго развращенія, а съ нимъ вмѣстѣ и ядъ дальнѣйшаго вырожденія.

Съ другой стороны, съ развитіемъ бѣдности, одичанія и съ зами-

раніемъ здоровыхъ общественныхъ чувствъ, этого наиболѣе прочнаго цемента общества, стали широко практиковаться искусственные выкидыши, дѣтоубійства, забрасыванія и подбрасыванія дѣтей. Подкидыши взявшими ихъ обращались въ рабство, часто направлялись въ мужскую и женскую проституцію или нищенство, причемъ нищенствующія дѣти, для возбужденія большей къ нимъ жалости, какъ и въ наше время, нерѣдко различнымъ образомъ изувѣчивались.

23.

Частная благотворительность, какъ и теперь, приходила на помощь заброшеннымъ дѣтямъ устройствомъ убѣжищъ и пріютовъ. Были попытки улучшеній и другого рода. При Антонинахъ (II вѣкъ по Р. Х.) была ослаблена публичная роскошь и сдѣланы попытки смягченія боевъ въ театрахъ. При Траянѣ (II вѣкъ по Р. Х.) денежныя раздачи народу стали рѣдки. Раздавались свободныя земли. Для свободныхъ рабочихъ учредился кредитъ съ ростомъ отъ $2^1/_2$ до 5%. Устраивались школы для ремесленнаго обученія дѣтей.

Но все это были отдѣльныя капли добра въ цѣломъ морѣ общественнаго зла, которое, вслѣдствіе долго продолжавшагося существованія производившихъ его причинъ, сдѣлалось стоїкимъ и длящимся. Оно внѣдрилось въ правы, въ строй обыденной жизни можно сказать, въѣлось въ самые организмы множества представителей дѣйствовавшихъ поколѣній, вызывая въ нихъ властно звучавшія и, въ существѣ ихъ, противообщественныя чувственныя влеченія и соотвѣтствующія влеченіямъ мысли, все—печальные плоды вырожденія и неуравновѣшенности. Заглохло въ представителяхъ этихъ поколѣній сочувствіе къ ближнимъ, а съ нимъ и здоровый патріотизмъ. Не осталось въ душахъ добраго, теплаго, чувства, не осталось въ нихъ „искры Божьей“.

Не помогали предупрежденія нѣкоторыхъ выдающихся писателей, обращавшихъ вниманіе общества и государства на опасность, какою грозилъ Риму ростъ латифундій, вытѣсненіе ими мелкихъ собственниковъ, рабскій трудъ и чрезвычайное развитіе ростовщичества.

Мало помогала и горячая проповѣдь о братствѣ выдающихся отцовъ распространившейся христіанской церкви, которые, какъ бы по противоположенію, энергично выступили противъ частной собственности, богатства, роскоши и противъ властвовавшихъ тогда чувственныхъ влеченій. Частную собственность и богатства они считали не-

справедливостью, а процентъ—противоестественнымъ пріобрѣтеніемъ и лихвою.

„Между нами все общее“, говоритъ Тертулліанъ, а св. Юстинъ поясняетъ: „мы приносимъ все, что мы имѣемъ, и мы дѣлимъ все съ бѣдными“. „Земля была дана въ общее пользованіе богатымъ и бѣднымъ“, пишетъ св. Амвросій, „зачѣмъ же вы, богатые, присваиваете собственность только себѣ?... Природа предоставила всѣ предметы въ общее пользованіе для общаго употребленія. Природа создала общественное право, узурпація же развила право частное“. „Владѣть излишнимъ“, говоритъ св. Августинъ, „это владѣть чужимъ“.

Условія мѣста и времени не благопріятствовали, однако, широкому усвоенію правилъ такой проповѣди. По возвышенному ученію Христа, люди равны: они всѣ братья и одинаково любимыя дѣти одного Отца. Но это въ Евангеліи. Въ дѣйствительности же того времени—рабство съ его ужасами, латифундіи и рѣзкое подраздѣленіе на утопавшую въ роскоши латифундарную знать и „чернь“, обнищалую, пресмыкающуюся.

Такое рѣзкое противоположеніе ученія и идеи, съ одной стороны, и фактической дѣйствительности, не поддававшейся устраненію, съ другой, должно было влечь (и дѣйствительно влекло) христіанскую мысль прочь отъ нашего грѣшнаго міра, отъ этой юдоли скорби и слезъ, въ міръ иной, свѣтлый, будущій міръ, находящійся далеко за предѣлами земного.

Пока христіанство сосредоточивалось въ своихъ первыхъ общинахъ, глубоко проникнутыхъ духомъ его ученія, оно представляло въ ихъ внутреннемъ строѣ свѣтлыя картины и на этой землѣ. Но когда то же христіанство распространилось въ широкихъ кругахъ древне-римскаго общества, въ которомъ не было достаточно удобной почвы для живого развитія его возвышенныхъ ученій, тогда оно ушло мыслью въ другой міръ и создало убѣжище для истинной свободы, для которой тогда не было мѣста въ окружающей дѣйствительности, во внутреннемъ мірѣ человѣка, въ его духѣ, согласно указанію Евангелія: „Царство Божіе внутри васъ“. Этимъ, конечно, значительно поддерживалась и развивалась проповѣдь о презрѣніи къ тѣлу, предназначенному жить въ здѣшнемъ мірѣ грѣха и скорби, и исключительное стремленіе къ области духа, того безсмертнаго духа, которому обѣщанъ иной, лучшій, свѣтлый божественный міръ.

И вотъ при этихъ рѣзкихъ противоположеніяхъ и разногласіяхъ ученія и жизни, когда даже свѣтской власти приходилось принимать мѣры противъ корысти самихъ церковниковъ, жадно стремившихся

пріобрѣтать богатства путемъ выманиваемыхъ пожертвованій и завѣщаній, передъ самымъ концомъ, „среди пировъ и зрѣлищъ забывалось отчаянное положеніе Имперіи“, которая въ III и IV вѣкахъ совершенно расшатывается въ самыхъ своихъ устояхъ.

Безпечность и лѣнь, чревоугодіе и пьянство, все это —естественные плоды органическаго оскудѣнія и неуравновѣшенности; „какое-то усыпленіе овладѣло всѣми“, по словамъ Сельвіана. Почти никто не предвидѣлъ конца и не думалъ даже о немъ.

„Если бы всѣ варварскіе завоеватели могли быть стерты съ лица земли въ одно мгновеніе“, не безъ нѣкотораго основанія замѣчаетъ Гиббонъ въ своей „Исторіи упадка и разрушенія Римской Имперіи“, и „то это совершенное истребленіе ихъ не возстановило бы Западной Имперіи, а если бы Римъ пережилъ это событіе, онъ пережилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ утрату свободы, мужества и чести“.

„Униженіе“, говоритъ тотъ же авторъ, „до котораго дошли римляне, до сихъ поръ возбуждаетъ въ насъ почтительное состраданіе, и мы были бы готовы сочувствовать скорби и негодованію ихъ выродившихся потомковъ, если бы въ душѣ послѣднихъ дѣйствительно возникали эти чувства. Но пережитыя Италіей бѣдствія заглушили гордое сознаніе свободы и величія“.

Дѣйствительно, предѣлъ, за которымъ все еще возможно возстановленіе и возрожденіе, былъ уже перейденъ. Напрасно нѣкоторые римляне, вродѣ Клавдія Рутилія Нумаціана, какъ бы въ предсмертной лебединой пѣснѣ теперь умирающаго, а нѣкогда великаго Рима, старались, подобно нѣжно любящей матери, утѣшить свою несчастную родину и, основываясь на ея всемірномъ значеніи, предрекали ей вѣчное существованіе.

Были тщетны подобныя самоутѣшенія сознававшихъ грустное положеніе своего отечества римлянъ. Развился изсушающій и разлагающій общество грубый эгоизмъ, а подвигающій на усилія и жертвы истинный патріотизмъ, подъ вліяніемъ антиобщественнаго строя, замеръ и исчезъ. Выродившіяся поколѣнія, лишенныя силы своихъ предковъ и организованныя, а потому и чувствовавшія и думавшія иначе, нежели они, уже не могли воскресить величіе Рима. Изсякли ихъ органическія силы, этотъ источникъ всякаго преуспѣянія, и дряблая, безсильная старость, при условіяхъ того времени, была, повидимому, ихъ естественнымъ удѣломъ. На пути къ воскресенію прежняго величія стояли преградой занесенныя въ органическую лѣтопись общества эпохи Калигулъ, Нероновъ, Вителліевъ, Домиціановъ и иныхъ прочихъ.

24.

Въ эти мрачныя эпохи представители вырождавшихся и выродившихся организацій, съ присущими имъ разстроенными и извращенными самочувствіями, будучи призваны давать отвѣтъ передъ неумолимыми законами природы, грубо нарушавшимися ихъ восходящими и ими самими, часто находили адъ въ своемъ внутреннемъ настроеніи.

Тщетно пытались они заглушить пьянствомъ и всевозможными излишествами присущія имъ внутреннія тяжелыя состоянія. Внутренній свѣтлый міръ, свѣтлое самочувствіе, эта истинная основа возможности счастья человѣка, котораго онъ такъ жадно ищетъ, не давались въ руки, какъ заколдованный кладъ, и бѣжали прочь отъ нихъ. Тогда раздался кличъ, ярко характеризовавшій дѣйствительность, давававшій ей оцѣнку: „бѣги отъ міра, онъ во злѣ лежитъ“.

Народившіяся дурно уравновѣшенныя натуры, не имѣя силъ обуздывать, при обычныхъ условіяхъ жизни, свои властныя влеченія, зарождавшіяся въ тайникахъ ихъ органовъ растительной жизни, чтобы избавиться отъ тиранніи плоти, потянулись въ пустыню, удаленіе въ которую стало разсматриваться, какъ пріятнѣйшая жертва Богу. Но отъ себя убѣжать нельзя было.

Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ сознанія неудовлетворительности окружающаго, которое главнымъ образомъ представляло особое проектированіе во внѣ чувствованія неудовлетворенности внутреннимъ, стало проповѣдываться ученіе о расторженіи связей съ семьей, съ обществомъ и о полномъ отрѣшеніи отъ грѣшнаго міра.

При такихъ условіяхъ дѣятельная любовь къ ближнему и такое же милосердіе къ нему отступали на задній планъ. Подъ вліяніемъ окружающей жизни на первый планъ выступили требованія цѣломудрія, пренебреженія къ тѣлу и его потребностямъ, умерщвленія грѣшной плоти, съ зарождавшимися въ ней чувственными влеченіями. Всѣ чаянія связались и перенеслись на загробную жизнь и загробный міръ. Развился взглядъ о спасительностп страданій, обладающихъ очистительной силой, и забылся взглядъ древности, что здоровый умъ и духъ могутъ быть только въ здоровомъ тѣлѣ („mens sana in corpore sano“).

Въ это время мысль человѣческая вспоминаетъ о воспитаніи, какъ средствѣ противодѣйствія злу общественнаго нестроенія. Такъ, св. Іеронимъ, въ горькомь сознаніи грѣховности міра временъ упадка Имперіи, полагалъ, что обновленіе общества должно совершиться

черезъ женщину, а обновленіе самой женщины—при посредствѣ воспитанія.

Даже бѣгство отъ міра и его зла въ пустыню и антиобщественное стремленіе къ изможденію плоти, болѣе того—къ ея умерщвленію, съ цѣлью возможно большаго одухотворенія погрязшаго въ плотской чувственности человѣка, въ сущности, было грандіозною попыткою самоперевоспитанія взрослыхъ людей, при обыкновенныхъ условіяхъ общественной жизни того времени не чувствовавшихъ въ себѣ достаточно силы, чтобы обуздать дурно уравновѣшенную плоть и ея мощно развитыя чувственныя влеченія.

Ихъ могущество намъ ярко рисуетъ своимъ сильнымъ, образнымъ языкомъ апостолъ Павелъ въ своемъ „Посланіи къ Римлянамъ“. „Добра, котораго хочу“, говоритъ апостолъ, „не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ... По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ (здѣсь обращаю вниманіе на выраженіе) вижу иной законъ, противоборствующій закону ума и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ!“ восклицаетъ апостолъ, „кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ И онъ заканчиваетъ VII главу посланія словами противоположенія: „Я умомъ служу закону Божію, а плотью—закону грѣха“. Болѣе образнаго и яркаго изображенія самаго механизма явленій дать нельзя.

Прошлое намъ оставило сказанія о томъ, что дѣлалъ аскетизмъ, какъ онъ изможданъ и всячески терзалъ, ради умерщвленія, грѣховную неповинующуюся плоть, съ ея властными порочными влеченіями, чтобы тѣмъ создать возможность „жить въ духѣ“, какъ выражаются иногда. Но трудна и нерѣдко непосильна была борьба съ могущественно развившимся въ теченіе жизни ряда поколѣній, наслѣдственно передававшимся, „грѣхомъ, живущимъ въ членахъ человѣка“. Особенно, повидимому, трудна была борьба „съ грѣхомъ, жившимъ въ членахъ“ дурно уравновѣшенныхъ половыхъ организацій, печальнымъ плодомъ продолжительнаго предшествующаго развращенія.

Мощныя чувственныя влеченія, развивавшіяся на почвѣ этого вида дурной уравновѣшенности, охватывали и потрясали все существо, врывались въ сознаніе, подавляли въ немъ другія влеченія, наполняли его соотвѣтствующими образами и помыслами, лишали покоя, который бѣжалъ далеко прочь.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, грандіозная картина массоваго вырожденія. Думается, что непреложное сцѣпленіе причинъ и ихъ прямыхъ необходимыхъ послѣдствій выступило достаточно наглядно въ ходѣ описанныхъ явленій общественной жизни.

Въ представленной картинѣ можно ясно видѣть, какъ дѣйствуютъ на всѣ особенности общественнаго строя и на судьбы общества широко распространяющіяся въ немъ явленія вырожденія, производящія причины которыхъ обыкновенно вліяютъ сверху внизъ. Изъ нея же можно видѣть, что дѣятельными факторами въ совершавшемся поступательномъ процессѣ вырожденія породы являлись условія повседневной семейной и общественной жизни, ея будничный строй, со всѣми его неблагопріятными особенностями. Подъ вліяніемъ этихъ условій и вырабатывались вполнѣ соотвѣтствующіе имъ неблагопріятные типы вырождающихся личностей, которыя, какъ въ заколдованномъ кругу, пагубно дѣйствовали на послѣдующія условія этой же жизни и, сохраняя формы, глубоко измѣняли самое существо учрежденія по образу и подобію своему.

Сверхъ того, изъ той же картины можно видѣть, что латифундіи (и не однѣ только земельныя), дѣйствительно, погубили Италію (да и ее ли одну?).

Наконецъ, представленная картина массоваго вырожденія и гибели высокой культуры чрезвычайно интересна и поучительна и для той особой области, области преступности, которой мы занимаемся. Если дать себѣ трудъ ближе всмотрѣться и поглубже вдуматься въ описанныя явленія и необходимую причинную связь между ними, то передъ нами выступятъ, ярко вырисовываясь и рѣзко выдѣляясь, факторы преступности, заключающіеся въ условіяхъ строя повседневной семейной и общественной жизни, среди которыхъ зарождались и развивались наклонности и влеченія къ преступленіямъ, а затѣмъ и самыя преступленія.

Примѣръ грандіозный и поучительный во всѣхъ отношеніяхъ.

Спросятъ: здоровые или больные проходили передъ нами и творили жизнь римскаго общества временъ паденія?

Ни тѣ, ни другіе.

Передъ нами проходили вырождающіяся, болѣзненно-извращенныя и дурно уравновѣшенныя личности, которыя, по самымъ особенностямъ существа своего, создали и не могли не создавать вокругъ себя болѣзненно-извращенную атмосферу.

25.

Заканчивая отдѣлъ о явленіяхъ вырожденія приведенной обширной исторической картиной массоваго вырожденія и его пагубнаго вліянія на общество, руководившее судьбами древняго міра и наложившее глубокую печать на послѣдующее время, укажу еще, что, хотя психіатрія и ея дѣятели и не ставили своей задачей спеціальнаго изученія преступниковъ и непосредственно съ нимъ не соприкасались, тѣмъ не менѣе тѣсная связь, существующая между преступностью и многообразными явленіями вырожденія, такъ рѣзко бросалась въ глаза въ исторіяхъ отдѣльныхъ личностей и семей, что не могла не останавливать на себѣ вниманія вдумчивыхъ изслѣдователей, полемъ для наблюденія которымъ служила клиника.

Припомнимъ, какъ близко соприкоснулся съ вопросомъ объ этой связи въ своихъ работахъ Морель.

Этимъ дѣло, однако, не закончилось. Сама логика фактовъ наблюденія вызывала дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи.

Въ 1865 году докторъ Дайи (Dailly) въ докладѣ парижскому Медико-Психологическому Обществу настаивалъ на существованіи тѣснѣйшей родственной связи между преступностью и душевными болѣзнями. Хотя его мнѣніе въ то время и было причислено, какъ замѣчаетъ докторъ Даллеманъ (Dallémane, „Dégénérés et déséquilibrés“), къ блестящимъ парадоксамъ, тѣмъ не менѣе оно поколебало убѣжденія.

Въ послѣдующее время извѣстный французскій психіатръ Шарль Фере напечаталъ въ 1884 году въ „Archives de neurologie“ чрезвычайно интересную статью, вышедшую въ пополненномъ видѣ особой книгой въ 1894 году и озаглавленную „Невропатическая семья“ (Ch. Féré, „La famille nevropathique. Théorie tératologique de l'hérédité, de la prédisposition morbide et de la dégénérescence“). Въ ней онъ развиваетъ и доказываетъ фактами положеніе о родственной связи душевныхъ разстройствъ, извращеній, вырожденій, порока и преступленія. „Родство порока и преступленія“, утверждаетъ Фере, „съ душевнымъ разстройствомъ можетъ быть обосновано на многочисленнѣйшихъ фактахъ“.

Въ 1888 году появилась другая работа Фере: „Вырожденіе и преступность“, въ которой выражаются современные взгляды на взаимную связь этихъ явленій. „При современномъ развитіи науки“, говоритъ Фере, „провести границу между преступленіемъ и душев-

нымъ разстройствомъ настолько же невозможно, насколько невозможно представить объективное доказательство существованія свободы воли". „Изъ наблюденій явленій жизни какъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и цѣлыхъ семей въ общемъ слѣдуетъ, что существуетъ связь между порокомъ, преступленіемъ и душевнымъ разстройствомъ. Эти категоріи явленій раздѣляются только предразсудками общества. Въ дѣйствительности же они объединяются общностью присущаго имъ основного характера фатальности, а потому ихъ нельзя изучать раздѣльно".

Весьма интересны мѣры для борьбы съ преступностью, которыя предлагаетъ Фере въ этой своей работѣ. Исходя изъ того фактически обоснованнаго положенія, что преступность развивается на почвѣ болѣе или менѣе подвинувшагося впередъ вырожденія, которое, какъ и всякое другое явленіе, имѣетъ свои производящія причины или факторы, Фере вполнѣ основательно и послѣдовательно желаетъ направить всѣ усилія на борьбу именно съ этими факторами.

Но какъ подступить къ этому при все еще господствующей слѣпой безучастности общества къ насущной потребности въ упорядоченіи общественнаго строя и въ устраненіи пагубныхъ условій жизни, приводящихъ къ вырожденію породы?

Для достиженія поставленной цѣли Фере предлагаетъ путь не прямой. Ходъ его мысли таковъ. Основная задача общества состоитъ въ томъ, чтобы охранять права и блага всѣхъ своихъ членовъ. Положеніе неоспоримое. Но если въ обществѣ совершаются тѣ или другія преступленія, то, очевидно, эта основная задача по отношенію къ даннымъ потерпѣвшимъ не достигнута и обязанность общества по отношенію къ нимъ по тѣмъ или другимъ причинамъ не исполнена. А если такъ, то нравственный долгъ общества обязываетъ его вознаградить потерпѣвшихъ за весь вредъ, причиненный имъ преступленіями.

Это подсказывается не только началами долга и справедливости, но и началомъ пользы. Предлагаемая мѣра, по мнѣнію Фере, была бы и лучшей мѣрой предупрежденія.

„Тяжесть преступленій тогда чувствовалась бы", говоритъ онъ, „не индивидуально только ихъ жертвами, а коллективно и солидарно, всѣми гражданами, которые были бы поэтому живо заинтересованы въ томъ, чтобы предупреждать преступленія и главную причину ихъ —вырожденіе".

„Каждый, будучи вынужденъ уплачивать, при посредствѣ общественныхъ кассъ, свою долю вознагражденія за всѣ преступленія,

лучше понялъ бы тогда всю свою личную выгоду способствовать, въ размѣрѣ своихъ силъ, предупрежденію вырожденія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и потерь, причиняемыхъ преступленіями, проступками, лѣнью, безплодіемъ и проч. Онъ могъ бы измѣрить, такимъ образомъ, степень своей личной заинтересованности въ борьбѣ съ различными видами упадка расы".

„Поэтому наиболѣе надежное средство противъ преступности состояло бы въ томъ, чтобы широко раскрыть глаза слѣпымъ теперь зрителямъ и представить имъ подробный счетъ дѣйствительной стоимости содержанія вырождающихся".

При этомъ условіи всякій почувствовалъ бы себя непосредственно заинтересованнымъ въ споспѣшествованіи физической и нравственной гигіенѣ общества, въ охраненіи народнаго здоровья и силъ не подъ вліяніемъ одного лишь сентиментализма, но и вслѣдствіе сознанія важности затрагиваемыхъ личныхъ интересовъ. Изъ этого общаго яснаго сознанія вытекли бы широкія мѣры дѣйствительнаго предупрежденія: мѣры противъ алкоголизма, дурныхъ жилищъ, дурного и недостаточнаго питанія и проч.

Таковъ планъ, предложенный Фере. Не останавливаясь на его подробностяхъ, нельзя не признать, что въ основу его заложена плодотворная мысль, состоящая въ томъ, что необходимо широко раскрыть глаза дѣйствительно слѣпымъ теперь зрителямъ, вслѣдствіе того утратившимъ самое чутье къ требованіямъ общественности, и представить имъ подробный счетъ дѣйствительной стоимости, лично для нихъ самихъ, содержанія вырождающихся.

Въ этой мысли передъ нами развертывается основанное на идеѣ солидарности взаимное общественное страхованіе, но не отъ преступленій только, а (что гораздо важнѣе) отъ причинъ, производящихъ вырожденіе породы. А это и есть оздоровленіе и упорядоченіе общества, тотъ „новый нравственный міръ", о которомъ мечталъ благородный Оуэнъ, и та „новая эра", за осуществленіе которой горячо ратовалъ Морель.

И все это (что особенно непріятно и досадно) вовсе не обошлось бы для общества дороже, а, напротивъ, значительно дешевле, нежели теперешняя общественная неурядица. Дѣйствительно, если, внимательно вдумавшись, мы подсчитаемъ даже не стоимость содержанія всѣхъ вырождающихся, а только стоимость совершаемыхъ преступленій, т. е. стоимость вреда, ими причиняемаго, по матеріальной его оцѣнкѣ, затѣмъ подсчитаемъ стоимость содержанія всей охраны отъ преступленій, стоимость ихъ сыска, стоимость суда и всю стоимость осуще-

ствленія его приговоровъ, то получится такая общая сумма, ежегодная затрата которой на учрежденія благосостоянія народнаго, поднимая производительность страны, и одна, конечно, была бы достаточна для созданія „новой эры“ Мореля.

Укажу, въ качествѣ небольшой иллюстраціи, что Дьюгдэйль въ своемъ чрезвычайно интересномъ и обстоятельномъ трудѣ, озаглавленномъ „Джьюксы“ (Dugdale, „The Jukes“), о которомъ я еще буду имѣть случай говорить вамъ, касаясь вопроса о значеніи наслѣдственности, даетъ слѣдующую (притомъ приблизительную только) оцѣнку стоимости содержанія для общества въ теченіе 75 лѣтъ членовъ преступнаго или пауперизованнаго рода Джюксъ (всего въ этомъ родѣ было изслѣдовано 709 лицъ, связанныхъ между собою узами крови или браками и сожительствами). Всѣ они, конечно, не были преступниками или пауперами; были между ними и не заклейменные осужденіями и трудолюбивые. При этомъ Дьюгдэйль принимаетъ во вниманіе стоимость содержанія пауперовъ, преступниковъ и проститутокъ, стоимость хищеній, суда и проч. Оказывается, что за указанный періодъ времени это злополучное потомство обошлось обществу по меньшей мѣрѣ въ 1308000 долларовъ, т. е., примѣрно, въ 2540000 рублей, не считая неизлечимыхъ болѣзней, идіотизма, душевныхъ разстройствъ и предрасположенія къ пауперизму, наслѣдственно переданныхъ потомству. Представивъ этотъ разсчетъ, Дьюгдэйль заканчиваетъ замѣчаніемъ, что теперь наступило время спросить себя, что могутъ подѣлать съ изслѣдованными имъ явленіями наши суды, наши законы, наши богадѣльни и наши тюрьмы? Конечно, очень немногое. Но затрачиваемыя на нихъ суммы, будучи своевременно обращены на учрежденія благосостоянія, могли бы сдѣлать многое, очень многое.

Тотъ же Дьюгдэйль во второй части своего интереснѣйшаго кропотливаго труда, относящейся къ изслѣдованнымъ имъ Обэрнской и Сингъ-Сингской тюрьмамъ (большая тюрьма обэрнской системы близъ Нью-Іорка), представляетъ поучительную таблицу, относящуюся къ 38 „привычнымъ“ преступникамъ. Изъ нея видно, что средняя продолжительность времени преступной дѣятельности каждаго равнялась 11,55 года. Изъ этого времени 3,71 года проводилось въ тюрьмахъ, а 7,84 года—на свободѣ. Среднее число ежегодно совершаемыхъ ими преступленій равнялось 103, а среднее число осужденій—4,55. Отношеніе же числа преступленій, выведенное на основаніи 14 случаевъ, было 146 къ 1.

Таково, въ общихъ чертахъ, боковое теченіе, близко соприкос-

нувшееся, вслѣдствіе сродства изучаемыхъ имъ явленій, съ явленіями области уголовнаго права, теченіе психіатрическое, которое внесло богатѣйшій вкладъ въ ученіе о человѣческой преступности, объ ея факторахъ и о мѣрахъ борьбы съ нею.

IV.

ХОДЪ РАЗВИТІЯ РАБОТЪ ПО ИЗУЧЕНІЮ ПРЕСТУПНИКОВЪ НА ПОЧВѢ ФАКТОВЪ ЖИВОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

1.

Познакомившись въ предшествующихъ отдѣлахъ курса съ историческимъ ходомъ развитія явленій въ области уголовнаго права и ученій, къ нимъ относящихся, а также съ ходомъ развитія ученій о явленіяхъ физическаго и умственно-нравственнаго вырожденія породы въ ихъ тѣснѣйшей связи съ явленіями человѣческой преступности, перейдемъ теперь къ ознакомленію съ научными трудами по изученію реальнаго, конкретнаго преступника, того преступника, котораго знаетъ судъ, знаетъ тюрьма и дѣйствительность вообще.

Начну съ работъ отца современной уголовной антропологіи, извѣстнаго френолога Галля. Его научная дѣятельность и условія, среди которыхъ она развивалась, представляютъ собою одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи науки.

Въ 1808 году въ Парижъ прибылъ одинъ нѣмецкій ученый, докторъ Галль (Gall, 1758—1828). Его сильный, ясный умъ, его знанія и блестящее изложеніе очень скоро обратили на него всеобщее вниманіе и стали привлекать къ нему многочисленныхъ слушателей, восторгавшихся чтеніями великаго учителя. „Я всегда буду помнить“, говоритъ извѣстный натуралистъ Geoffroy de Saint-Hilaire, „наше удивленіе, наши чувства и нашъ энтузіазмъ въ то время, когда докторъ Галль излагалъ намъ въ первый разъ въ Королевскомъ Салу свои антропологическіе факты“. Въ аудиторію Галля стекались не только медики, но и сенаторы, генералы, государственные сановники и лица различныхъ профессій, чтобы слушать его увлекательное изложеніе „системы природы“, какъ онъ самъ называлъ свое ученіе. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока однажды на вечерѣ императоръ Наполеонъ I не высказалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній о доктринѣ Галля. На другой же день послѣ этого высокопоставленныя лица покинули аудиторію знаменитаго профессора, перемѣнили тонъ и вооружились противъ его ученія, какъ бы противъ научно опровергнутаго заблужденія. За ними

выступили журналисты, и тогда сарказмъ и иронія стали безпощадно преслѣдовать творца френологіи, который долженъ былъ удалиться въ Англію.

Въ предисловіи къ одной изъ своихъ работъ Галль разсказываетъ, что еще въ юности, живя въ своей многочисленной семьѣ и среди своихъ многочисленныхъ товарищей, онъ началъ подмѣчать, что каждый человѣкъ имѣетъ какую-либо свою рѣзко выраженную особенность, которая отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ людей и опредѣляетъ характеръ его отношеній къ нимъ. Еще тогда онъ началъ наблюдать и подмѣчать постоянныя связи такихъ особенностей съ особенностями организма.

Надо сказать, что въ это время, благодаря постепенно подвигавшимся наблюденіямъ надъ природой ученыхъ, освободившихся отъ предвзятыхъ взглядовъ, мысль о тѣснѣйшей связи психическаго и физическаго была не нова. Она только ожидала болѣе прочнаго научнаго обоснованія. Въ концѣ XVIII вѣка эта мысль послужила основой для системы извѣстнаго Лафатера (Lavater, 1741—1801), которую онъ опредѣляетъ, какъ „науку искусства понимать своеобразную рѣчь природы, написанную на лицѣ человѣка и во всей его внѣшности“, и „узнавать его внутреннее по его внѣшнему“ („Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe“, Leipzig, 1772). „Нельзя слишкомъ часто повторять“, говоритъ Лафатеръ, „что приписываніе всего произвольнымъ причинамъ, слѣпому случаю, не подчиняющемуся ни правиламъ, ни закону,—это философія безумцевъ, это смерть истинной философіи и истинной религіи. Уничтожать это заблужденіе и бороться съ нимъ повсюду, гдѣ оно встрѣтится – долгъ каждаго истиннаго ученаго, философа и теолога“.

Въ основу своего труда Лафатеръ положилъ плодотворную идею постепеннаго развитія, происходящаго подъ вліяніемъ повторныхъ упражненій и опытовъ. Исходя отъ этого, Лафатеръ призналъ, что человѣкъ способенъ къ паденію, но также способенъ къ возвышенію, и притомъ на ступень, высшую той, на которой онъ стоялъ прежде. Средствомъ для возвышенія служитъ вліяніе воспитанія, закрѣпляемое соотвѣтствующими браками. „Черты и формы передаются рожденіемъ; нравственныя наклонности передаются тѣмъ же путемъ... Кто можетъ отрицать“, замѣчаетъ Лафатеръ, „что при извѣстныхъ формахъ головы, при извѣстныхъ сложеніяхъ люди прирожденно бываютъ способны или неспособны къ испытанію опредѣленныхъ чувствъ, къ пріобрѣтенію опредѣленныхъ талантовъ и къ опредѣленнымъ родамъ дѣятельности?.. Желать принудить человѣка думать и чувствовать

такъ, какъ мы думаемъ и чувствуемъ, равносильно требованію, чтобы его лобъ и носъ приняли формы нашихъ". Только нарощающееся вліяніе воспитанія, закрѣпляемое соотвѣтствующими браками, открываетъ „другу человѣчества перспективы счастья" и пробуждаетъ въ немъ надежду на „утѣшительное будущее".

Интересно, что Лафатеръ хорошо знаетъ и неодолимыя влеченія. Онъ приводитъ два случая подобныхъ влеченій къ воровству и замѣчаетъ о страдавшихъ ими, что „что такихъ людей надо болѣе жалѣть, нежели презирать".

Та же идея о тѣснѣйшей связи физическаго и психическаго быта развита и въ гораздо болѣе важномъ трудѣ упоминавшагося ранѣе Кабаниса „О взаимномъ соотношеніи физической и психической природы человѣка" (Cabanis, „Rapports du physique et du moral de l'homme"), читанномъ частями въ Академіи Наукъ въ 1796 и 1797 годахъ. Въ немъ этотъ врачъ-философъ исходилъ отъ чувствованій внутреннихъ и внѣшнихъ, обусловливаемыхъ организаціей, какъ отъ первоосновы всей психической жизни.

Та же идея была руководительницею работы Галля, который не ограничился своими юношескими поверхностными наблюденіями надъ подмѣченнымъ соотношеніемъ двухъ сторонъ природы человѣка, но посвятилъ свои силы научной разработкѣ этого вопроса на почвѣ научно-медицинскихъ данныхъ.

„Мнѣ много говорили о функціяхъ мускуловъ, внутренностей и т. п.", разсказываетъ Галль о своихъ занятіяхъ, „но мнѣ ничего не говорили о функціяхъ мозга и его частей". Тогда онъ самъ задался цѣлью пополнить этотъ существенный пробѣлъ. „Я предполагалъ сначала (и не замедлилъ потомъ возвести это въ достовѣрность), что различія въ формѣ череповъ вызываются различіями въ формѣ мозговъ", говоритъ онъ. „Не было ли очень естественно надѣяться тогда, что, открывъ и констатировавъ у людей, одаренныхъ замѣчательными талантами, внѣшніе признаки ихъ качествъ, мнѣ удастся, при помощи этого, придти къ познанію функцій мозга и его частей?".

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній Галль бодро принялся за работу, которая, по его собственнымъ словамъ, представляла громадныя трудности, потому что на каждомъ шагу ему приходилось сталкиваться съ распространенными общепризнанными мнѣніями. Но онъ твердо шелъ къ намѣченной цѣли изученія. Замѣчательно его отношеніе къ своему изслѣдованію. „Сколько разъ я испытывалъ свою совѣсть", разсказываетъ Галль, „чтобы узнать, не руководился ли я въ моихъ изысканіяхъ какимъ-либо порочнымъ мотивомъ?". Но со-

вѣсть пытливаго ученаго оставалась спокойной, и онъ продолжалъ закладывать фундаментъ того научнаго зданія, которое послѣ него отдѣлывалось и продолжаетъ все лучше отдѣлываться.

„Говорятъ, что истина бываетъ часто опасна“, замѣчаетъ Галль. „Но развѣ ложь и заблужденія не опасны въ неизмѣримо большей степени? Сколько разъ исторія открытій доказывала нелѣпость этого мнѣнія, основаннаго на недостаточномъ знаніи связи явленій между собою. Впрочемъ, мы слышали разсказы объ опасности истины только отъ людей, которые лишь изъ тщеславія желаютъ казаться просвѣщенными, но умъ которыхъ, въ дѣйствительности, затемненъ предразсудками“. Въ этомъ отношеніи къ истинѣ сказался истинный ученый.

Руководясь такими побужденіями и принципами, Галль, послѣ долгаго и упорнаго труда, предуказалъ новый научный путь въ изученіи психо-физіологіи. „Онъ почувствовалъ“, говоритъ извѣстный профессоръ Бруссе, „что для человѣка недостаточно наблюдать самого себя, но необходимо приложить всѣ способности къ изученію другихъ людей... Мысль о систематизаціи явилась у него лишь послѣ долгихъ наблюденій... Когда онъ собралъ достаточно большое число фактовъ, тогда только онъ задумалъ координировать ихъ и создать изъ нихъ систему“.

Такимъ путемъ Галль пришелъ къ построенію своей извѣстной френологической доктрины. Въ ея основу была заложена плодотворная для психофизіологіи мысль, которая, вслѣдствіе своего соотвѣтствія съ дѣйствительностью, не могла замереть, мысль о томъ, что мозгъ есть органъ всѣхъ психическихъ явленій и что въ то же время (и это главное) онъ не представляетъ собою одного нераздѣльнаго органа, а собраніе или, какъ выражался впослѣдствіи извѣстный французскій невропогъ Шарко, „федерацію“ отдѣльныхъ органовъ, каждый изъ которыхъ есть центръ опредѣленной способности души или, какъ скажемъ мы теперь, опредѣленныхъ психическихъ явленій.

Съ 1810 года по 1819 выходила знаменитая и составляющая эпоху въ наукѣ работа Галля и его талантливаго ученика Шпурцгейма (Spurzheim) „Анатомія и физіологія нервной системы вообще и головного мозга въ частности“ („Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier“), а съ 1822 по 1826 печаталась другая шеститомная работа Галля „О функціяхъ головного мозга“ („Sur les fonctions du cerveau“). Несмотря на всѣ встрѣчающіяся въ нихъ ошибки, неизбѣжныя при тогдашнемъ уровнѣ знаній и несовершенствѣ тогдашнихъ методовъ изслѣдованія, чтеніе этихъ работъ доста-

вляетъ большое удовольствіе глубиною и богатствомъ заключающихся въ нихъ научныхъ мыслей, особенно въ той спеціальной области, которая всего болѣе интересуетъ насъ, въ области преступности. Въ этихъ работахъ мы находимъ первые зародыши новѣйшей научной школы уголовнаго права.

Интересно отмѣтить, что одна изъ наиболѣе раннихъ работъ Галля („Philosophisch-medicinische Untersuchungen über Natur und Kunst im kranken und gesunden Zustand des Menschen“, 1791), на которую указалъ своимъ ученикамъ профессоръ Бленвиль, учитель Мореля, и въ которой знаменитый френологъ разсматривалъ состоянія здоровья и болѣзни человѣка въ ихъ соотношеніи съ законами, регулирующими эти состоянія у всѣхъ существъ изъ царства животныхъ и растеній, что эта работа опредѣлила направленіе работъ самого Мореля, какъ онъ разсказываетъ въ предисловіи къ своему трактату о вырожденіи.

Галль самъ хорошо сознавалъ цѣну своей творческой мысли и создаваемаго ею. „Анатомія и физіологія нѣмецкаго доктора“, говоритъ онъ съ благородною гордостью увѣреннаго въ своихъ силахъ ученаго, „остаются и останутся, несмотря на усилія Наполеона и его подражателей, а также на усилія толпы его приспѣшниковъ... Эти ученія о качествахъ и способностяхъ человѣка не носятъ на себѣ отпечатка вѣка, въ который они возникли. Поэтому они не состарѣются вмѣстѣ съ нимъ. Они являются плодомъ безчисленныхъ наблюденій и останутся непоколебимы и вѣчны, какъ и сами наблюдавшіеся факты и какъ основныя силы, существованіе которыхъ заставляютъ насъ признать эти факты“.

Какъ указано, основная мысль Галля состояла въ томъ, что мозгъ или, правильнѣе, полушарія большого мозга представляютъ собою собраніе раздѣльныхъ органовъ различныхъ склонностей, чувствъ и способностей. Такихъ органовъ онъ насчитываетъ 27, а его ученики, Шпурцгеймъ и Дюмутье,—до 37.

„Мозгъ есть органъ всѣхъ склонностей, всѣхъ чувствованій и всѣхъ способностей“, говорятъ Галль и Шпурцгеймъ. „Онъ слагается изъ столькихъ особыхъ органовъ, сколько существуетъ склонностей, чувствованій и способностей, существенно различныхъ другъ отъ друга“. Нравственно-умственныя качества проявляются, увеличиваются и уменьшаются, или бываютъ несовершенны и уклоняются въ своемъ развитіи, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ, укрѣпленіемъ или ослабленіемъ и уклоненіемъ въ ходѣ развитія ихъ мозговыхъ органовъ. „Нравственныя и умственныя качества прирожденны. Ихъ дѣятель-

ность или ихъ проявленія обусловлены ихъ организаціей". Прирожденность способностей души обусловливается наслѣдственностью. „Какъ физическая конструкція передается отъ родителей къ дѣтямъ, такъ послѣднія въ той же мѣрѣ походятъ на нихъ и въ способностяхъ нравственныхъ и умственныхъ". „Конечно, необходимо признать", замѣчаетъ Шпурцгеймъ въ своей работѣ, озаглавленной „Observation sur la folie" (1812), „что въ моментъ зачатія конституція обоихъ родителей, а въ теченіе беременности—состояніе матери имѣютъ большое вліяніе на будущность ихъ дѣтей и могутъ сообщить имъ различныя склонности".

Но унаслѣдованное и прирожденное не остается неизмѣннымъ. На унаслѣдованную организацію вліяетъ окружающая среда и своими воздѣйствіями измѣняетъ ее, хотя эти воздѣйствія и не могутъ дать вновь или уничтожить совершенно опредѣленныя склонности и качества. Неупражненіе того или другого органа можетъ задержать его развитіе, а упражненіе, напротивъ, можетъ усилить его дѣятельность. Эта возможность развитія или ослабленія, при посредствѣ упражненій или неупражненій, и даетъ основаніе для воспитанія.

Значеніе послѣдняго по достоинству было оцѣнено Галлемъ и его учениками. Въ сочиненіи Шпурцгейма „Опытъ выясненія основныхъ принциповъ воспитанія" („Essai sur les principes élémentaires de l'éducation", 1822), которое и теперь читается съ интересомъ, мы находимъ вполнѣ правильныя руководящія начала воспитанія. „Первый и наиболѣе важный предметъ антропологіи или ученія о человѣкѣ", говоритъ ученый авторъ, „это познаніе природы человѣка; второе—это направленіе его воспитанія наиболѣе благопріятнымъ образомъ... Воспитаніе не можетъ создать ничего; оно ограничивается развитіемъ того, что естественно существуетъ въ человѣкѣ, и только сообщаетъ благотворное направленіе его первоначальнымъ способностямъ... Великая задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы привести въ гармонію всѣ способности и поддержать эту гармонію. Для достиженія такой цѣли необходимо, чтобы тѣ, которые занимаются направленіемъ дѣтей и взрослыхъ, обращали побольше вниманія на различіе степеней дѣятельности врожденныхъ наклонностей". „Припомнимъ также", замѣчаетъ Шпурцгеймъ въ другомъ мѣстѣ, „что всякая способность упражняется единственно дѣятельностью своихъ функцій. Поступая такимъ образомъ увидятъ, что человѣкъ научается быть мужественнымъ, осмотрительнымъ, честолюбивымъ, благожелательнымъ и справедливымъ такъ же, какъ научается пѣть, считать, строить, говорить и думать". Воспитаніе

физическое должно предшествовать воспитанію интеллектуальному и всегда должно идти въ согласіи съ нимъ, чтобы ни одна изъ способностей не культивировалась въ ущербъ другимъ. Здоровье есть основаніе, а образованіе есть украшеніе воспитанія. Между тѣмъ, „многіе родители торопятся культивировать умственныя способности своихъ дѣтей и пренебрегаютъ укрѣпленіемъ ихъ физической конституціи. Они полагаютъ, что никогда не могутъ достаточно рано научить ихъ читать и писать“. Указаніе вполнѣ справедливое!..

Въ числѣ прочихъ затронутыхъ имъ общественныхъ вопросовъ Галль коснулся и вопроса о человѣческой преступности. Онъ первый въ новѣйшее время заложилъ основы его научной постановки и непосредственнаго изученія.

Дѣйствія человѣка не имѣютъ характера неодолимости. Будетъ ли человѣкъ усиленно проявлять ту или иную способность, это зависитъ не только отъ того, насколько эта способность у него развита, но также и отъ тѣхъ условій, среди которыхъ онъ живетъ. Мотивы дѣятельности человѣка зависятъ отъ внутреннихъ его силъ и отъ внѣшнихъ вліяній. Нѣкоторыя качества человѣка, качества высшія, присущи только ему одному, а другія, низшія, у него общи съ животными. По внутреннимъ силамъ и по абсолютному и относительному количественному различію напряженности этихъ качествъ, Галль дѣлитъ людей на шесть классовъ.

Только небольшая часть людей представляетъ собою счастливыя организаціи, которыя сами себѣ создаютъ законъ и дѣйствуютъ въ согласіи съ самыми благородными влеченіями человѣка. Другая часть, напротивъ, представляетъ собою несчастныя организаціи и становится ихъ жертвою. Остальное громадное большинство людей опредѣляется къ дѣятельности въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ окружающихъ условій. Внѣшнія воздѣйствія вліяютъ на ихъ поступки и могутъ отклонять ихъ отъ преступленій. Впрочемъ, даже самыя совершенныя учрежденія не могутъ уничтожить всѣхъ преступленій. Тѣмъ не менѣе, хорошее воспитаніе народовъ можетъ произвести значительное уменьшеніе нравственнаго зла.

Переходя къ ближайшему разсмотрѣнію вопроса о преступности и преступленіи, Галль указываетъ на трудность (а въ большинствѣ случаевъ и полную невозможность) достаточно точнаго опредѣленія степени внутренней виновности, въ зависимости отъ мельчайшихъ особенностей организаціи дѣятелей преступленія въ каждый данный моментъ ихъ существованія, съ цѣлью точнаго соразмѣренія съ ними степени наказанія.

Изъ этого слѣдуетъ, думаетъ Галль, что „всякое разумное законодательство должно отказаться отъ притязанія отправлять правосудіе (justice). Оно должно ставить себѣ цѣль, которую возможно достигнуть и достиженіе которой обезпечиваетъ благо всего общества вообще и отдѣльныхъ гражданъ въ частности. Цѣль эта (насколько, конечно, допускаетъ природа человѣка) — предупреждать преступленія, исправлять преступниковъ и обезпечивать общество отъ тѣхъ изъ нихъ, которые неисправимы. Вотъ все, чего разумно можно требовать отъ учрежденій человѣческихъ“.

Задаваясь вопросомъ, какъ достигнуть цѣли исправленія, Галль отвѣчаетъ, что для этого необходимо, чтобы тюрьмы стали дѣйствительно исправительными учрежденіями. Дурно организованныя тюрьмы приносятъ только вящшій вредъ. Задача тюрьмы должна состоять въ томъ, чтобы путемъ обученія, воспитанія и разсчитанныхъ воздѣйствій вообще исправить преступника. Но такъ какъ многіе преступники не имѣютъ ни малѣйшихъ зачатковъ нравственнаго чувства и не испытываютъ ни раскаянія, ни угрызеній совѣсти, то необходимо поэтому развить въ нихъ искусственную совѣсть, т. е. ясное пониманіе зла и вреда, проистекающихъ изъ ихъ преступленій не только для общества, но и для нихъ самихъ, а также живое убѣжденіе въ безнравственности ихъ дѣяній. Преступники болѣе, нежели всѣ другіе люди, нуждаются въ искусственномъ восполненіи того, чего имъ не достаетъ со стороны ихъ прирожденной организаціи, которая, какъ мы имѣемъ основаніе думать теперь, представляетъ продуктъ болѣе или менѣе подвинувшагося впередъ вырожденія, возникшаго и развившагося подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій окружающей обстановки.

„Какъ, въ самомъ дѣлѣ, требовать общественныхъ доблестей“, основательно замѣчаетъ Галль, „отъ людей, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какое соотношеніе существуетъ между личною пользою и пользою общественною, и которые, сверхъ того, подчиняются влеченіямъ ихъ грубыхъ вожделѣній“. „Не совершается ни одного преступленія безъ того“, поясняетъ онъ, „чтобы жизнь и собственность невинныхъ людей не терпѣли отъ этого преступленія какого-либо вреда. Пусть же по крайней мѣрѣ для общества сдѣлаютъ то, чего не хотятъ сдѣлать для преступника. Когда наказанія будутъ соединены съ заботою развить умъ и образовать сердце, только тогда и можно будетъ сказать, что, въ согласіи съ обязанностью предупреждать преступленія, для несчастнаго и для государства сдѣлано все, что указы-

ваютъ опытъ, законы человѣческой организаціи и знаніе ея потребностей. Поскольку же довольствуются запрещеніями и наказаніями, постольку создаютъ только мотивъ повиноваться. Но этотъ мотивъ дѣйствуетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой наказаніе представляется неизбѣжнымъ. Напротивъ, просвѣтленіемъ духа и доставленіемъ ему въ изобиліи болѣе благородныхъ мотивовъ, заимствованныхъ изъ нравственности и религіи, ему даются средства, сила которыхъ никогда не ослабляется, и человѣкъ знакомится съ такими свидѣтелями своихъ дѣйствій, укрыться отъ которыхъ нѣтъ возможности“.

Такъ говоритъ человѣкъ, котораго съ легкимъ сердцемъ обвиняли, какъ это очень часто бываетъ въ случаяхъ подобнаго рода, въ потрясеніи основъ нравственной отвѣтственности. О степени основательности всѣхъ такихъ обвиненій вы имѣете возможность судить теперь сами.

Отмѣчу здѣсь яркое сходство только что приведенной мысли Галля о необходимости развитія, о силѣ и первенствующемъ значеніи внутреннихъ благородныхъ мотивовъ, которые дѣйствуютъ задерживающе въ области порока и преступленія, съ извѣстною уже вамъ мыслью Вольтера о томъ, что истинная задача юриспруденціи должна состоять въ предупрежденіи развитія преступности, и что не наказанія, не пытки и палачъ представляютъ собою дѣйствительныя средства морализаціи и удержанія отъ преступленій, какъ это, къ сожалѣнію, продолжаютъ думать еще и въ настоящее время, а, напротивъ, внутреннія особенности личности, развитое чувство чести, боязнь позора и т. п. Особенности эти возникаютъ исключительно при длящейся наличности тѣхъ условій воспитанія и окружающей обстановки, на которыя позднѣе указывалъ и которыхъ требовалъ для успѣшной борьбы съ порокомъ и преступленіемъ проницательный Робертъ Оуэнъ.

Исходя изъ приведенныхъ положеній и имѣя въ виду, что дѣятельность человѣка опредѣляется не только дѣятельностью разума, но также, и даже въ большей мѣрѣ, тѣми темными чувствованіями, которыя зарождаются въ тайникахъ растительной жизни организма, Галль указываетъ на ошибку уголовныхъ кодексовъ, которые соразмѣряютъ наказаніе исключительно съ преступнымъ дѣяніемъ, а не съ личностью самого дѣятеля и его особенностями. Между тѣмъ, „преступленія не совершаются сами собой, а потому и не могутъ быть разсматриваемы какъ какія-то отвлеченныя существа“. „Преступленія суть результаты дѣятельности опредѣленныхъ индивидуумовъ. Ихъ характеръ опредѣляется природою и положеніемъ этихъ индивидуумовъ“,

которые и должны быть тщательно изучаемы законодателями и судьями. Къ величайшему сожалѣнію, послѣднее и до сихъ поръ еще не имѣетъ мѣста и впервые открытый Галлемъ преступникъ (до Галля обращали вниманіе только на преступленіе) все еще не изучается сколько-нибудь достаточно тѣми, которые имѣютъ къ нему ближайшее отношеніе.

Галль и Шпурцгеймъ ясно формулировали и доктрину неудержимыхъ влеченій въ примѣненіи къ преступленію. „Въ человѣкѣ существуетъ наклонность“, говорятъ они, „которая отъ простого равнодушія при видѣ страданій животныхъ и отъ простого удовольствія при видѣ ихъ убиванія доходитъ постепенными градаціями до наиболѣе повелительнаго желанія убивать. Чувствительность отвергаетъ эту доктрину, но она есть не болѣе, какъ дѣйствительность... Человѣкъ, будучи жертвою этой ужасной склонности, иногда еще сохраняетъ способность побѣдить ее или дать ей невредное направленіе. Но власть побѣждать ослабляется въ такомъ человѣкѣ пропорціонально степени недостатковъ воспитанія и меньшему развитію органовъ способностей высшаго порядка“.

Высказывая эти взгляды, относящіеся къ явленіямъ человѣческой преступности, Галль вовсе не является какимъ-то отвлеченнымъ мыслителемъ, высказывающимся на основаніи отвлеченныхъ логическихъ построеній, мало соприкасающимся съ опытомъ. Ему, насколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ честь перваго приложенія опытнаго метода къ изученію преступности. Стоитъ заглянуть въ шесть томовъ его сочиненія о функціяхъ мозга, чтобы убѣдиться въ богатствѣ фактическаго матеріала, собраннаго въ этомъ сочиненіи.

„Я собралъ“, говоритъ самъ Галль, „безчисленное множество фактовъ въ школахъ, въ большихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, въ заведеніяхъ для сиротъ и найденышей, въ госпиталяхъ для душевно-больныхъ, въ исправительныхъ домахъ, въ тюрьмахъ, въ мѣстахъ судебныхъ допросовъ и даже въ мѣстахъ исполненія судебныхъ приговоровъ. Многочисленныя изысканія, относящіяся къ самоубійцамъ, слабоумнымъ и душевно-больнымъ, въ значительной мѣрѣ способствовали исправленію и опредѣленію моихъ взглядовъ. Я воспользовался многими анатомическими и физіологическими кабинетами; я изслѣдовалъ античные статуи и бюсты и результаты этихъ изслѣдованій сопоставилъ съ разсказами исторіи“.

Высказывая приведенные взгляды на преступность, Галль ясно сознавалъ, что они еще не по плечу времени, и напередъ предусматривалъ тѣ затрудненія, которыя имъ предстоитъ преодолѣть. „Я съ

грустью предвижу“, говоритъ онъ, „что пройдетъ еще много лѣтъ, пока моя доктрина о природѣ человѣка получитъ достаточно общее признаніе. И когда этотъ моментъ уже настанетъ для физіологовъ, воспитателей и философовъ, то юристконсульты еще надолго отстанутъ въ ея приложеніи къ законодательству. Законы для нихъ нѣчто вродѣ религіи, и малѣйшее измѣненіе въ нихъ имъ кажется ересью. Не одинъ просвѣщенный человѣкъ, а совокупность многихъ людей создаетъ законы. Но какъ найти въ массѣ законодателей равныя знанія? Есть основаніе опасаться, что дѣйствительныя потребности человѣка еще долго останутся безъ общаго признанія, а потому и уголовные кодексы еще не скоро получатъ возможность преодолѣть все множество препятствій, предразсудковъ и застарѣлыхъ привычекъ, которые держатъ ихъ прикованными къ колыбели ихъ младенчества“. Знакомясь съ современными уголовными кодексами, съ ихъ руководящими началами, нельзя не признать, что Галль былъ правъ, высказывая приведенное мнѣніе.

Таковы первые ясно выраженные зародыши новаго научнаго направленія въ изученіи явленій человѣческой преступности, которые, постепенно развиваясь, и дали начало современной уголовно-антропологической школѣ.

2.

Вначалѣ френологическая доктрина Галля имѣла весьма большой успѣхъ, и ея ученіе быстро распространилось во Франціи, Англіи, Швеціи, Даніи, Америкѣ и другихъ странахъ. Въ числѣ многочисленныхъ послѣдователей Галля нельзя не упомянуть извѣстнаго французскаго профессора Бруссе (Broussais). Его блестящія чтенія привлекали столь значительныя массы слушателей, что они не могли вмѣститься въ амфитеатрѣ медицинскаго факультета въ Парижѣ. Тогда сами ученики предоставили своему учителю другой, болѣе обширный, залъ, въ которомъ онъ и читалъ въ 1836 году свой памятный курсъ, увѣковѣченный выбитіемъ золотой медали съ его портретомъ и надписью: „Знаменитому автору физіологической медицины и курсовъ френологіи — его благодарные ученики. 1836“.

Недостаточность научнаго матеріала по анатомо-гистологіи и физіологіи нервной системы, а главное недостаточность методовъ изслѣдованія въ то время обусловливали неизбѣжныя крупныя и

основныя ошибки доктрины Галля, которыя вызвали жестокіе удары критики. Въ 1842 году противъ нея выступилъ, между прочимъ, могучій противникъ, извѣстный физіологъ Флурансъ въ своей работѣ, „Изслѣдованіе френологіи“ (Flourens, „Examen de la phrénologie“). „Я видѣлъ“, говоритъ онъ, „успѣхи френологіи и я написалъ эту книгу. Каждый вѣкъ зависитъ отъ своей философіи. XVII вѣкъ зависѣлъ отъ философіи Декарта, XVIII—отъ философіи Локка и Кондильяка. Долженъ ли XIX вѣкъ зависѣть отъ философіи Галля?“. Признавъ его заслуги, Флурансъ, тѣмъ не менѣе, отрицательно отвѣтилъ на поставленный вопросъ и значительно ошибся. Его примѣру временно послѣдовали другіе.

Въ основанномъ на фактахъ ученіи Галля, несмотря на всѣ его ошибки, было слишкомъ много вѣрнаго, чтобы это вѣрное могло безслѣдно погибнуть. Факты природы громко говорили за Галля. Вскорѣ же послѣ, казалось бы, безповоротнаго пораженія зерно его доктрины должно было взойти для новой и болѣе мощной жизни. „Отдѣльные ученые“, замѣчаетъ профессоръ Бенедиктъ (Benedict), „какъ Буйо (Bouillaud), крѣпко держались за зерно доктрины Галля“. Въ 1861 году появилось изслѣдованіе Брока (Brocá) о локализаціи въ мозгу центра рѣчи, а затѣмъ въ 1870 году послѣдовало открытіе Фрича и Гитцига (Fritsch и Hitzig), послужившее исходнымъ пунктомъ для опытовъ Феррье (Ferrier), Мунка (Munk) и другихъ изслѣдователей, работы которыхъ снова выдвинули вопросъ о мозговой организаціи—основѣ современной психофизіологіи.

Въ преемственной связи съ идеями Галля стоитъ также антропологическая или антропометрическая школа, возникшая въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія и подвергшая человѣка тщательному и точному изученію, какъ одного изъ членовъ животнаго царства. Выдающимся представителемъ этой школы во Франціи былъ Брока, въ Германіи—Вирховъ (Virchow), въ Англіи—Дэйвисъ (Davis).

Къ ней уже примыкаетъ итальянская школа уголовнаго права, заложенная въ Италіи, главнымъ образомъ, работами и изслѣдованіями профессора Ломброзо. Но, упоминая объ этой школѣ, было бы неправильно забыть всю предшествующую литературу, спеціально посвященную изученію преступниковъ и такъ называемыхъ опасныхъ классовъ общества (classes dangereuses, dangerous classes), литературу, которая сдѣлала возможнымъ появленіе такой въ значительной мѣрѣ сводной работы, какъ работа Ломброзо.

Сильно назрѣвшая въ Англіи потребность въ болѣе раціональномъ рѣшеніи вопроса о мѣрахъ борьбы съ преступленіемъ нашла,

какъ вы знаете, въ концѣ XVIII вѣка своего выдающагося представителя въ лицѣ Говарда. Въ восьмидесятыхъ годахъ этого столѣтія начались первыя практическія попытки тюремной реформы. Реформаціо́нное движеніе особенно усилилось съ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. Оно шло почти параллельно въ Европѣ и Америкѣ, но въ послѣдней болѣе опредѣленно выработались два довольно законченные типа тюремныхъ системъ. Это—упоминавшіяся ранѣе система филадельфійская, съ строго одиночнымъ заключеніемъ, и система обэрнская, съ общими работами и молчаніемъ во время дня и съ раздѣленіемъ на ночь. Въ основу той и другой системы заложена одна и та же мысль: исправить преступника и возвратить его исправленнымъ въ общество. Насколько эта цѣль достигается такими системами въ дѣйствительности—вопросъ, конечно, другой.

Производившіеся въ Америкѣ опыты тюремной реформы обратили на себя вниманіе въ Европѣ, и въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкоторыя европейскія государства командировали своихъ представителей на мѣсто для личныхъ осмотровъ. Съ этихъ поръ тюремная реформа не переставала обращать на себя вниманіе государствъ и вызвала къ жизни Международные Тюремные Конгрессы для рѣшенія вопроса о наилучшихъ пріемахъ борьбы съ преступленіемъ.

Благодаря этому движенію, преступники постепенно сдѣлались предметомъ наблюденія и изученія, и притомъ изученія, направленнаго на изслѣдованіе ихъ психофизическихъ особенностей, а также и условій образованія послѣднихъ. Вмѣстѣ съ преступниками, изученіе, по связи явленій, направилось и на тѣ классы общества, которые, вслѣдствіе своеобразностей своего положенія, представляютъ болѣе напряженную наклонность къ преступленію. Возникла довольно богатая литература, посвященная изученію тюрьмы, какъ организованнаго средства борьбы съ преступленіемъ, а также и самихъ преступниковъ и такъ называемыхъ опасныхъ классовъ общества.

Изъ сочиненій, появившихся въ періодъ между работами Галля и выходомъ въ свѣтъ изслѣдованія Проспера Депинъ, о которомъ я дальше буду говорить подробно, можно указать, между прочимъ, на двухтомное сочиненіе Аппера „Каторга, тюрьмы и преступники“ (Appert, „Bagnes, prisons et criminels“, 1836), весьма интересное по заключающемуся въ немъ довольно богатому матеріалу для характеристики особенностей преступниковъ. Въ предисловіи Апперъ справедливо замѣчаетъ, что изученіе преступниковъ представляетъ собою „нѣчто подобное анатоміи ихъ сердца и ума“ и что только внима-

тельныя, тщательныя и продолжительныя наблюденія могутъ показать, каковы должны быть наказанія, которыя, „улучшая нравственно преступниковъ, въ достаточной мѣрѣ ограждали бы общество“. Для основательнаго изслѣдованія такихъ вопросовъ „необходимъ развитой умъ и спеціальныя знанія“.

Сочиненіе профессора Ловернь „Каторжники въ физіологическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ“ (Lauvergne, „Les, forçats, considérés sous le rapport physiologique, moral et intellectuel“, 1841) представляется работой весьма цѣнной и интересной по заключающимся въ ней описаніямъ различныхъ категорій преступниковъ съ которыми авторъ, послѣдователь френологическаго ученія Галля будучи главнымъ врачомъ тулонской каторги, находился въ близкомъ и продолжительномъ соприкосновеніи и имѣлъ полную возможность хорошо ихъ изучить.

Аве-Лаллеманъ написалъ четырехтомное обстоятельное научно-историческое изслѣдованіе развитія нѣмецкаго профессіональнаго преступничества, подъ заглавіемъ „Нѣмецкій преступный классъ“ (Ave-Lallemant, „Das deutsche Gaunerthum“, 1858—1862).

3.

Все то, о чемъ шла рѣчь въ первой и второй главахъ этой части курса, вмѣстѣ взятое, перенесло вопросъ о преступности изъ области отвлеченныхъ кабинетныхъ теорій на почву опыта и наблюденія и тѣмъ дало возможность зародиться въ уголовномъ правѣ новому научному направленію, которое задалось цѣлью изысканія наилучшихъ средствъ борьбы съ преступленіемъ при посредствѣ тщательнаго изученія реальнаго преступника и различныхъ причинъ, его производящихъ, на почвѣ фактовъ дѣйствительности.

Въ 1868 году появилось посвященное изученію преступниковъ сочиненіе Проспера Депинъ „Естественная психологія“ (Prosper Despine, „Psychologie naturelle“), со времени котораго начинается непрерывающаяся уже научная разработка вопросовъ о человѣческой преступности, ея ближайшихъ и отдаленныхъ факторахъ и цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ нею. Благодаря этой разработкѣ вопросъ о связи вырожденія съ преступностью вполнѣ выясняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ ярко вырисовывается тѣсное соотношеніе того и другой съ великимъ соціальнымъ вопросомъ нашего времени.

Періодъ отъ Галля до Депина не прошелъ для науки безплодно.

Физіологія и психологія за это время сдѣлали значительные успѣхи и, вмѣстѣ съ богатымъ накопленнымъ и провѣреннымъ матеріаломъ, относящимся къ преступленію и къ преступнику, дали возможность довольно прочно обосновать вопросъ о преступности.

Сочиненіе Депина отличается не только прекрасной теоретической обработкой, но и богатствомъ фактическаго содержанія, которое дѣлаетъ его особенно интереснымъ для людей, такъ или иначе соприкасающихся съ вопросомъ о преступности.

Первый томъ работы Депина посвященъ изученію явленій нормальной человѣческой психики. Второй и часть третьяго посвящены явленіямъ душевныхъ аномалій и преступности. Остальная часть третьяго тома отведена изученію средствъ борьбы съ преступностью.

Депинъ разсказываетъ, что онъ былъ пораженъ постоянствомъ особаго душевнаго состоянія, наблюдаемаго у преступниковъ, хладнокровно совершающихъ тяжкія преступленія — полнымъ отсутствіемъ нравственнаго осужденія своихъ поступковъ, раскаянія и угрызеній совѣсти. Заинтересовавшись этимъ, онъ принялся за ближайшее изученіе явленій.

Тогда онъ взялъ „Gazette des Tribunaux“ съ 1852 года, въ которой помѣщаются подробные отчеты о всѣхъ сколько-нибудь выдающихся процессахъ. Знакомство съ фактами привело его къ убѣжденію, что у тяжкихъ преступниковъ отсутствуетъ нравственное чувство, говорящее человѣку, что есть добро и что есть зло, подсказывающее осужденіе преступныхъ желаній и вызывающее послѣдующія угрызенія совѣсти.

Въ чемъ же кроются причины такой аномаліи? Для рѣшенія этого вопроса необходимо было изученіе не только аномальной, но и нормальной психологіи или, точнѣе, психофизіологіи. Результатомъ и явился первый томъ сочиненія Депина.

Въ немъ авторъ выясняетъ преобладающее вліяніе системныхъ чувствъ и наслѣдственно передаваемыхъ организовавшихся опытовъ восходящихъ на дѣятельность человѣка, однимъ словомъ, вліяніе того, что онъ называетъ „инстинктивной природой человѣка“, въ противоположность его „умственной природѣ“, которая, по мнѣнію Депина, оказываетъ значительно меньшее вліяніе, какъ на нравственныя качества, такъ и на поступки людей.

„Философы, законодатели и моралисты“, поясняетъ Депинъ, „продолжительно разсуждали о разумѣ, о его превосходствѣ и объ отвѣтственности, которую онъ обусловливаетъ. Но вмѣсто того, чтобы пріурочить разумъ, который дѣлаетъ человѣка отвѣтствен-

нымъ за его поступки, къ дѣйствительному источнику этого разума, къ нравственнымъ способностямъ, они совершили ошибку, пріурочивая его исключительно къ способностямъ умственнымъ". Между тѣмъ, „нравственное совершенство человѣка обусловливается совершенствомъ его инстинктивныхъ способностей", и только „глубокое измѣненіе въ организмѣ одно и можетъ измѣнять природу потребностей, способностей, инстинктовъ, а слѣдовательно, и характеры, нравы и природу желаній".

Инстинктивною природою или, точнѣе, ея индивидуальными особенностями опредѣляются не только потребности, инстинкты, характеры, нравы, желанія, но также въ значительной мѣрѣ и содержаніе самого мышленія, а слѣдовательно, и мнѣнія. При этомъ, согласно закону природы, когда умственныя и инстинктивныя способности дѣйствуютъ совмѣстно, тогда „человѣкъ думаетъ, размышляетъ и разсуждаетъ только въ полномъ соотвѣтствіи съ чувствованіями, которыя онъ тогда испытываетъ". Дѣйствительно, припомнимъ грандіозную картину временъ упадка Рима, въ которой передъ нами прошли половыя, желудочныя и изжитыя натуры съ ихъ соотвѣтствующими желаніями, стремленіями, мыслями, планами и проч. Обратимъ также вниманіе на яркія явленія, наблюдаемыя въ клиникахъ для душевнобольныхъ, гдѣ мы нерѣдко можемъ уловить, какъ внутреннія чувствованія, исходящія отъ различныхъ частей организма, явно подсказываютъ соотвѣтствующія желанія, мысли, концепціи.

„Умственныя способности", по мнѣнію Депина, „имѣютъ такъ мало значенія въ образованіи характеровъ, что, при всѣхъ степеняхъ умственнаго совершенства, начиная отъ наиболѣе возвышенныхъ до наиболѣе низкихъ, встрѣчаются характеры, сходные по ихъ добротѣ, по ихъ странностямъ или злобности".

Тѣмъ не менѣе, и умственныя способности имѣютъ важное значеніе.

Интеллектуальный разумъ, познающій естественныя и научныя истины, имѣетъ, помимо этого познанія, свои важныя практическія задачи. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы прилагать познанныя истины къ удовлетворенію потребностей человѣка, а вторая — въ томъ, чтобы, „разсѣивая невѣжество, уничтожать многочисленныя причины, возбуждающія дурныя страсти, и тѣмъ приходить на помощь нравственному разуму и споспѣшествовать его развитію. Этимъ путемъ образованіе оказываетъ несомнѣнное вліяніе на морализацію народовъ".

Таковы взгляды Депина на вопросъ объ относительной роли умственной и инстинктивной (или нравственной) сторонъ природы человѣка въ его дѣятельности. При этомъ невольно мнѣ припоминается

упоминавшаяся ранѣе работа Кабаниса объ отношеніи физической и духовной сторонъ природы человѣка. Насколько мнѣ извѣстно, она представляетъ собою первую полную попытку трактата дѣйствительно опытной психологіи, попытку, которая должна служить руководящимъ образцомъ даже для нашего времени. Въ этой работѣ Кабанисъ стремится указать и опредѣлить, на основаніи фактовъ наблюденія, какія роли исполняютъ различные органы нашего организма, съ ихъ различною специфическою чувствительностью, въ сложной пьесѣ нашей душевной жизни.

Выясненіе соотношенія между инстинктивною природою, между областью чувствованій, съ одной стороны, и областью ума и мысли, съ другой стороны, и представляетъ собою важнѣйшее достоинство работы Депина. Это соотношеніе, какъ мы увидимъ далѣе, имѣетъ основное значеніе для правильной теоріи преступности, а слѣдовательно, и для правильнаго освѣщенія субъективной стороны преступленія.

„Психологія, т. е. наука о способностяхъ духа и ихъ различныхъ проявленяіхъ“, по мнѣнію Депина, есть наука исключительно опытная. Она „не должна выходить изъ предѣловъ изученія природы, Въ этихъ предѣлахъ я и держался постоянно“. „Будучи спиритуалистомъ, я, тѣмъ не менѣе, оставлялъ въ сторонѣ всѣ метафизическіе вопросы, потому что они не входятъ въ область наблюденія и естествознанія“. Оставаясь на почвѣ послѣдняго, Депинъ приходитъ къ заключенію, что человѣкъ представляетъ собою „животное высшей породы, состоящее изъ души и тѣла, животное, которое знанія, имъ пріобрѣтаемыя, при посредствѣ нравственныхъ и умственныхъ способностеіі, дѣлаютъ разумнымъ и нравственно-свободнымъ“.

Духъ человѣка обладаетъ способностями двухъ родовъ, умственными и инстинктивными (или нравственными). При посредствѣ органовъ чувствъ, онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ и познаетъ его. При посредствѣ памяти онъ удерживаетъ пріобрѣтенныя познанія, а вниманіемъ и размышленіемъ открываетъ соотношенія и законы природы.

Инстинктивныя же способности доставляютъ человѣку не познаніе существующаго въ мірѣ, а знаніе того, какъ онъ долженъ поступать. Инстинктивныя знанія не пріобрѣтаются обученіемъ. Ими человѣкъ обладаетъ безъ труда, безъ обученія и размышленій, единственно вслѣдствіе того, что обладаетъ способностями, отъ которыхъ они зависятъ, и которыя, въ свою очередь, обусловливаются особенностями органическими.

„Наслѣдственная передача инстинктивныхъ элементовъ“, говоритъ Депинъ, „не дозволяетъ сомнѣваться въ томъ, что эти элементы зависятъ отъ организаціи, потому что только одна организація можетъ обусловить передачу по наслѣдству“. „Душа не проявляется такою, какою она есть“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „а такою, какою ей дозволяетъ проявляться организація, то съ ея нормальными способностями, то со способностями извращенными или болѣе или менѣе уничтоженными, въ соотвѣтствіи съ различіемъ въ органическихъ состояніяхъ“.

Культура, производя измѣненія въ организаціи, укрѣпляетъ и совершенствуетъ инстинктивныя способности. Если же природа лишила человѣка задатковъ той или другой изъ этихъ способностей, то онъ навсегда будетъ лишенъ знаній, которыя даетъ она. Однѣ умственныя способности никогда не дадутъ ему этихъ знаній. Они даются инстинктивной природой, въ которой зарождаются и развиваются различныя чувства: любовь, благожелательность, надежда, страхъ, чувство прекраснаго, нравственное чувство и т. п.

Всѣ эти инстинктивныя движенія души, вмѣстѣ съ потребностями нашего тѣла, являются двигающими началами нашей дѣятельности.

Удовлетвореніе зарождающихся въ инстинктивной природѣ вкусовъ, желаній и потребностей доставляетъ удовольствіе. Удовольствіе, какъ движущее начало, есть начало существенно-эгоистическое. Наряду съ нимъ, вмѣстѣ съ инстинктивными способностями, есть одна способность высшаго порядка—нравственное чувство, при помощи котораго мы различаемъ добро и зло. Движущее начало этой способности состоитъ не только въ удовольствіи дѣлать то, что она указываетъ, но и въ высшемъ мотивѣ долга, въ сознаваемой совѣстью обязанности дѣлать добро, хотя бы этому противорѣчили дурныя желанія, направляющія насъ ко злу.

Когда мы дѣлаемъ добро изъ удовольствія, то чувство долга не привходитъ въ опредѣленіе нашей дѣятельности. Оно оказываетъ свое вліяніе только тогда, когда совершеніе добра не составляетъ удовольствія, когда оно тягостно.

Только въ этомъ случаѣ можетъ быть рѣчь о свободѣ воли или о нравственной свободѣ. „Свобода воли или нравственная свобода“, говоритъ Депинъ, „представляетъ собою силу, при помощи которой человѣкъ выбираетъ между добромъ и зломъ, рѣшаетъ и желаетъ того, что онъ выбралъ послѣ обсужденія, озареннаго чувствомъ нравственнаго долга“. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ воля человѣка опредѣляется желаніемъ: или единственнымъ, или однимъ изъ нѣ-

сколькихъ, но всегда сильнѣйшимъ. Свобода дѣйствій во всѣхъ этихъ случаяхъ не заслуживаетъ названія свободы воли. Подобная свобода не дѣлаетъ человѣка нравственно-отвѣтственнымъ. Такою свободою обладаютъ душевно-больные, дѣти и даже животныя, будучи предоставлены самимъ себѣ.

„Нравственное сознаніе“, поясняетъ Депинъ, „есть тотъ внутренній голосъ, который указываетъ, что добро и что зло въ самомъ себѣ“. Этотъ внутренній голосъ и есть голосъ нравственнаго чувства. Въ поступательномъ ходѣ развитія нравственное чувство появляется однимъ изъ послѣднихъ. Оно составляетъ необходимую основу чувства долга, а это послѣднее, въ свою очередь, есть необходимое условіе свободы воли или нравственной свободы. Изъ этого слѣдуетъ, что тотъ, кто обладаетъ нравственнымъ чувствомъ или кто временно утратилъ его въ состояніи страсти, тотъ, очевидно, лишенъ и свободы воли, тотъ является нравственно безотвѣтственнымъ за свои дурные поступки.

Но что такое эти поздно появляющіяся нравственное чувство и связанное съ нимъ чувство долга? Какъ эти чувства слагаются и образуются?

Вполнѣ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ у Депина. Другіе изслѣдователи, какъ, напримѣръ, Бернаръ Пере (Bernard Perez, „La psychologie de l'enfant“, 1878—1886), не безъ основанія разсматриваютъ ихъ какъ весьма сложное явленіе.

Признавая наслѣдственно-передаваемую первичную чувственную основу нравственнаго чувства, Пере указываетъ и другіе привходящіе составные элементы: постепенно складывающуюся привычку повиноваться и исполнять приказываемое изъ страха, изъ-за награды, похвалы, желанія сдѣлать пріятное, изъ подражанія и вліянія примѣра, изъ самолюбія, страха упрековъ и т. п. Позднѣе къ числу этихъ моментовъ, содѣйствующихъ образованію нравственнаго чувства, присоединяется еще размышленіе о достоинствѣ совершаемыхъ поступковъ.

Такова психологическая теорія Депина. Она пытается освѣтить и выяснить вліяніе не только на дѣятельность человѣка, но и на самую область его мысли двигателей, зарождающихся въ тайникахъ процессовъ растительной жизни нашего организма. И надо сказать, что какіе бы факторы ни привходили и какъ бы они ни осложняли процессъ образованія того, что Депинъ называетъ нравственнымъ чувствомъ, но правильность указываемой имъ основы этого чувства не можетъ подлежать сомнѣнію.

Кому не извѣстно существенное различіе между нравственностью инстинктивной и нравственностью головной? Первая опредѣляетъ человѣка къ хорошимъ дѣйствіямъ по чувству, по непосредственному влеченію, по первому движенію, безъ колебаній, безъ раздумья, въ удивительномъ согласіи слова и дѣла. Для второй необходимо большее или меньшее раздумье, необходимы усилія, убѣжденія, чтобы дѣлать или воздерживаться. При ней нерѣдко наблюдается рѣзкій разладъ слова и дѣла, наблюдается необходимость предварительнаго обдумыванія, взвѣшиванія и отсутствіе непосредственности и проч.

4.

Своей психологической теоріей Депинъ затрагиваетъ и пытается разрѣшить два капитальныхъ вопроса: вопросъ о вліяніи инстинктивной природы человѣка на содержаніе и характеръ всей его дѣятельности, на весь нравственный обликъ его личности, и другой вопросъ, вопросъ вѣковой, но для многихъ еще спорный, вопросъ о свободѣ или несвободѣ человѣческой воли.

Согласно мнѣнію Депина, если у человѣка существуетъ нравственное чувство и связанный съ нимъ мотивъ долга, то у него существуетъ и свобода воли. Напротивъ, если у человѣка отсутствуютъ нравственное чувство и мотивы долга, то у него отсутствуетъ и свобода воли, а съ нею и нравственная отвѣтственность. Но, спрашивается, отъ чего же зависитъ столь рѣзкое и важное различіе по отдѣльнымъ индивидуальностямъ?

Касаясь этого вопроса, Депинъ указываетъ на существенную его сторону, на власть, которую органически хорошо сформированный и уравновѣшенный человѣкъ или, выражаясь его языкомъ, „человѣкъ, обладающій хорошей инстинктивной природой“, имѣетъ надъ своими чувствованіями, влеченіями, порывами и желаніями, опредѣляясь къ дѣятельности въ зависимости не отъ нихъ, а наперекоръ имъ, по сознанію своего долга. Въ этой несомнѣнно существующей и хорошо сознаваемой человѣкомъ власти сторонники ученія о свободѣ воли и находятъ главнѣйшіе аргументы въ пользу своего взгляда.

Обращаясь, однако, къ тщательному наблюденію окружающей насъ дѣйствительности, мы, на-ряду съ фактами существованія этой власти, констатируемъ и громадныя различія въ размѣрахъ этой власти у различныхъ людей и въ различное время ихъ существованія. Одни господствуютъ надъ своими порывами, влеченіями и желаніями. Они

говорятъ: „Я долженъ побороть въ себѣ это желаніе“, и дѣйствительно безъ труда подчиняютъ и устраняютъ его. Другіе, напротивъ, совсѣмъ не властны въ своихъ влеченіяхъ. Они сами порабощаются ими и дѣлаются ихъ игрушками.

И это послѣднее наблюдается и не во время эпизодическихъ состояній болѣзни, которыя замѣняютъ прежнія здоровыя состоянія и при которыхъ прежній здоровый характеръ какъ будто куда-то уходитъ, смѣняясь на время характеромъ больнымъ. Нѣтъ, это наблюдается и внѣ такихъ эпизодическихъ состояній, наблюдается на пространствѣ длиннѣйшихъ періодовъ.

Приведу весьма яркій случай, разсказанный докторомъ Кальмелемъ. Ему было поручено освидѣтельствовать нѣкоего Гленадель. Послѣдняго онъ нашелъ связаннымъ и привязаннымъ.

Произошелъ слѣдующій разговоръ:

„Вы больны?“.

„Нѣтъ, я чувствую себя здоровымъ; мое здоровье даже болѣе нежели хорошо“.

„Вы привязаны насильно или съ вашего согласія?“.

„Съ моего согласія. Я даже просилъ объ этомъ“.

„Для чего?“.

„Чтобы помѣшать мнѣ совершить преступленіе, которое мнѣ внушаетъ ужасъ и которое, несмотря на то, я чувствую себя вынужденнымъ совершить противъ воли. Мною овладѣла мысль, надъ которой я больше не хозяинъ. Нужно, чтобы я убилъ свою невѣстку, и я это непремѣнно выполню, если не буду удержанъ. Уже 6 или 7 лѣтъ, какъ эта мысль существуетъ у меня. Во время моей молодости (говорившему было въ это время 43 года) мнѣ все хотѣлось убить мою мать...“

Это настойчивое влеченіе къ убійству, въ совокупности, длилось у Гленадель въ теченіе 26 лѣтъ. Чтобы избавиться отъ него, онъ поступилъ на военную службу, продѣлалъ испанскую кампанію, но, вернувшись обратно, продолжалъ испытывать то же влеченіе.

Гдѣ крылась его причина? Неизвѣстно. Извѣстно только, что въ возрастѣ 16 лѣтъ характеръ Гленадель значительно измѣнился. Отчего? Также неизвѣстно. Не въ связи ли съ возможной практикой скрытаго порока, какъ это наблюдается иногда?

Въ поэмѣ Пушкина Борисъ Годуновъ говоритъ поистинѣ вдохновенно, обращаясь съ совѣтомъ къ сыну:

„Храни, храни святую чистоту
„Невинности и гордую стыдливость:

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

„Кто чувствами въ порочныхъ наслажденіяхъ
„Въ младые дни привыкнулъ утопать,
„Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
„И умъ его безвременно темнѣетъ“.

Указываемая мною связь ясна, напримѣръ, въ развитіи принудительнаго и осуществленнаго влеченія къ убійству у подростка Рейделя, усиленно практиковавшаго этотъ порокъ, упражненія въ которомъ ясно вліяли на его душевныя движенія.

Въ клиникѣ покойнаго Крафтъ-Эбинга мнѣ пришлось видѣть юнаго субъекта, у котораго, подъ вліяніемъ усиленной практики упомянутаго порока, всякая умственная жизнь почти совсѣмъ отпала и рефлекторныя движенія совершались безъ всякой задержки.

Кромѣ своего чудовищнаго влеченія, Гленадель не представлялъ другихъ уловимыхъ разстройствъ и былъ человѣкомъ, мыслящимъ вполнѣ логически. Онъ кончилъ тѣмъ, что по собственному желанію, поступилъ въ заведеніе для душевно-больныхъ и просилъ не выпускать его и не довѣрять его наружнымъ проявленіямъ. „Я не долженъ выходить“, пояснялъ онъ, „потому что я воспользовался бы свободой для того, чтобы совершить преступленіе, которое мнѣ внушаетъ ужасъ“.

Нѣкоторые другіе, наружно не менѣе разумные люди, послѣ осуществленія своихъ принудительныхъ влеченій, заявляютъ иногда, что они сожалѣютъ о совершившемся, но не раскаиваются, „потому что они дѣйствовали подъ вліяніемъ какой-то неизвѣстной силы“, и воля ихъ „была скована“.

Одна изъ такихъ дурно-уравновѣшенныхъ личностей говорила, описывая свои внутреннія состоянія: „Не знаю, чѣмъ и какъ объяснить мое существованіе. Никогда я не забавлялась, какъ другія дѣти нашей деревни. Мое настроеніе было капризное, странное и причудливое. Я испытывала большое удовольствіе при видѣ того, какъ дѣлаютъ зло, а не добро. Иногда я бывала чрезмѣрно весела, но чаще я бывала печальна... Кровь мнѣ ударяла въ голову, и я испытывала желаніе дѣлать зло“.

Я попрошу васъ запомнить этотъ послѣдній примѣръ, подобныхъ которому можно привести множество, хорошенько вдуматься въ него и обратить вниманіе на вліяніе подобныхъ личностей на условія общественной жизни, на особенности общественнаго строя. Къ чему вы будете аппелировать, имѣя дѣло съ подобными личностями, какими средствами вы будете вліять на нихъ, пока онѣ остаются такими? Аппелировать къ ихъ разуму? Конечно, это

имѣетъ нѣкоторое значеніе, но значеніе весьма относительное. Вѣдь разумъ, какъ мы видимъ, находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ чувствованій. Чувствованія опредѣляютъ не только общій характеръ, но, въ значительной мѣрѣ, и самое содержаніе мышленія. Припомнимъ указаніе тонкаго наблюдателя Эскироля, говорившаго о своихъ мономаніакахъ, которыхъ мы теперь разсматриваемъ, какъ вырождающихся, что цѣлость ихъ умственныхъ способностей не абсолютна, а относительна, потому что „иначе на нихъ можно было бы дѣйствовать разсужденіями“.

А если такъ, то возможно ли вполнѣ успѣшно дѣйствовать сравнительно скоро проходящимъ вліяніемъ доводовъ ума на такихъ личностей, какъ только что описанная, которую ея стойко длящееся чувство заставляло испытывать „большое удовольствіе при видѣ того, какъ дѣлаютъ зло, а не добро“, и у которой то же чувство вызывало и стойко поддерживало „желаніе“ и самой „дѣлать зло“.

Нельзя, какъ основательно думаютъ, диктовать чувствамъ даннаго времени. Нельзя приказывать любить или ненавидѣть. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ чувствъ совершаются тѣ или другіе поступки и ими же опредѣляется дѣятельность человѣка вообще.

Доводы нравственнаго порядка, пока личность остается неизмѣненной, не найдутъ благопріятной воспринимающей почвы. Проходящіе доводы ума будутъ говорить одно, доводы стойкаго чувства—другое, а въ результатѣ—нравственная глухота или пояснѣніе: „Я былъ не въ силахъ; это было сильнѣе меня; я такъ чувствовалъ“ и т. п.

Для вліянія на подобныхъ личностей, продуктовъ болѣе или менѣе подвинувшагося впередъ вырожденія, необходимы продолжительныя, систематическія, всестороннія воздѣйствія, разсчитанныя въ каждомъ данномъ случаѣ на использованіе всего того, что еще съ успѣхомъ можетъ быть использовано. Поэтому особенно важно захватывать подобныхъ личностей, въ значительномъ числѣ выходящихъ изъ рядовъ заброшеннаго безпризорнаго дѣтства, по возможности въ болѣе ранніе періоды ихъ жизни, пока въ дополненіе къ вырожденію не успѣли еще выработаться и прочно установиться въ большомъ числѣ вредныя привычки и такія же ассоціаціи представленій и чувствованія, которыя, разъ образовавшись и укоренившись, болѣе или менѣе значительно будутъ осложнять и затруднять дѣло перевоспитанія, стремленіе къ которому, въ смыслѣ перевоспитанія органовъ упражненіями и неупражненіями, все яснѣе начинаетъ опредѣляться въ медицинѣ.

Вдумчивое разсмотрѣніе приведенныхъ фактовъ, добытыхъ наблюденіемъ, приводитъ насъ къ заключенію, что въ то время, какъ одни безъ труда легко владѣютъ собою и господствуютъ надъ своими желаніями, влеченіями и порывами, другіе, представляющіе собою другой крайній предѣлъ, напротивъ, проявляютъ поразительную неспособность распоряженія своими дѣйствіями и полное отсутствіе власти надъ ними, по меньшей мѣрѣ—надъ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ этихъ крайнихъ предѣлахъ и укладываются самыя разнообразныя существующія степени господства надъ своими поступками и дѣятельностью вообще.

Здѣсь я только констатирую фактъ наблюденія. Впослѣдствіи, говоря о вмѣняемости, я разсмотрю вопросъ о такъ называемой „свободѣ воли“ уже во всѣхъ его подробностяхъ.

5.

Въ психологіи аномалій Депинъ изучаетъ на богатомъ фактическомъ матеріалѣ совмѣстно душевно-больныхъ и преступниковъ. Преступники, по мнѣнію Депина, не больные, въ собственномъ смыслѣ этого слова, хотя ихъ дурныя нравственныя особенности и обусловливаются недостатками въ организаціи ихъ мозга. „Наблюденіе, показывающее, что часто преступники въ числѣ своихъ восходящихъ имѣютъ душевно-больныхъ“, говоритъ Депинъ, „доказываетъ несомнѣнное родство, существующее между совмѣстимыми съ состояніями здоровья порочностями мозга, образующими преступниковъ, и патологическими состояніями того же органа, порождающими душевно-больныхъ“.

Но какъ и въ чемъ проявляются порочности въ организаціи мозга преступниковъ? Преступники, какъ указываютъ многочисленные процессы, лишены нравственнаго чувства, отвѣчаетъ на это Депинъ, и эта нравственная нечувствительность, это отсутствіе добрыхъ чувствъ, необходимыхъ для того, чтобы подавлять дурныя желанія, дѣлаетъ ихъ нравственно-несвободными, какъ бы нравственными идіотами или слѣпыми. Они поэтому лишены возможности противостоять своимъ извращеннымъ влеченіямъ и склонностямъ, являясь вслѣдствіе того нравственно-безотвѣтственными.

Такая особенность обусловливается особенностями ихъ инстинктивной природы, которыя, въ свою очередь, обусловливаются особенностями ихъ организаціи. Въ нихъ не говоритъ голосъ нравственнаго

чувства и они въ своей дѣятельности опредѣляются лишь своими наиболѣе сильными желаніями, которыя у нихъ часто бываютъ крайне порочны и легко наталкиваютъ ихъ на самыя страшныя преступленія, совершаемыя ими спокойно и безстрастно, безъ послѣдующихъ угрызеній совѣсти и раскаянія. Между прочимъ, злоупотребленіе алкоголемъ, разрушительно дѣйствующее на умственно-нравственную сторону, и на то, что мы называемъ совѣстью, дѣйствительно нерѣдко и вырабатываетъ такихъ преступниковъ.

„Психическія аномаліи, проявляемыя преступниками“, говоритъ Депинъ въ другой своей работѣ, „О сумасшествіи“ („De la folie“, 1875), „такъ существенны и такъ очевидны, что представляется до крайности удивительнымъ, какъ до сихъ поръ онѣ не обратили на себя вниманія психологовъ“.

Но не всѣ, совершающіе преступленія, принадлежатъ къ числу людей, лишенныхъ нравственнаго чувства. Таковы лишь тяжкіе преступники. Тяжкія преступленія внушаютъ непобѣдимое отвращеніе всѣмъ одареннымъ нравственнымъ чувствомъ, если только это чувство хотя временно не подавлено дѣйствіемъ сильной страсти.

Страсть иногда можетъ на время заглушать голосъ нравственнаго чувства и наталкивать человѣка на тяжкое преступленіе. Но уже тотчасъ послѣ его совершенія нравственное чувство возвышаетъ свой голосъ въ такихъ людяхъ. Начинаютъ раздаваться укоры совѣсти и звучать раскаяніе. Лица, совершающія тяжкія преступленія при такихъ условіяхъ, суть преступники по страсти. Съ научной точки зрѣнія такія лица, по слишкомъ значите ьному развитію ихъ страстей, по силѣ вліянія этихъ страстей на временное подавленіе и парализованіе высшихъ соціабельныхъ чувствъ, предвѣдѣнія будущаго и разсудочной дѣятельности вообще, суть личности болѣе или менѣе уклоняющіяся, недостаточныя. Эти уклоненія и недостаточность, конечно, могутъ быть сравнительно незначительными, но, во всякомъ случаѣ, они существуютъ.

Существуетъ еще третья категорія преступниковъ, у которыхъ голосъ нравственнаго чувства не заглушается и не замолкаетъ даже во время совершенія преступленій. Они совершаютъ преступленія не тяжкія и совмѣстимыя съ существованіемъ нравственнаго чувства.

6.

Таковы указываемыя Депиномъ основныя категоріи преступниковъ, какъ они ему представлялись на основаніи тщательнаго изу-

ченія фактовъ дѣйствительности. Ознакомимся теперь съ рекомендуемыми имъ мѣрами противодѣйствія преступности и цѣлью этихъ мѣръ.

Послѣ всего сказаннаго въ предшествующихъ частяхъ курса, для насъ само собою должно быть очевидно, что, въ интересахъ цѣлесообразности, центръ тяжести мѣръ борьбы съ преступностью долженъ переноситься въ ту эпоху жизни, которая предшествуетъ уголовному паденію, въ ту эпоху, когда созданіемъ благопріятной обстановки, благопріятныхъ окружающихъ условій, въ особенности условій воспитанія, можно развивать въ человѣкѣ благопріятныя, добрыя чувства и устанавливать ихъ ассоціаціи съ общественно-полезными представленіями и понятіями. Депинъ также останавливается на мѣрахъ предупрежденія. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ нравственное воспитаніе и развитіе нравственныхъ чувствъ вообще. Во-вторыхъ, онъ указываетъ на необходимость устранять причины развращенія, къ числу которыхъ онъ относитъ нищету, роскошь, пьянство и др., и, наконецъ, на непосредственное предупрежденіе преступленій, которыя могутъ предусматриваться напередъ. Далѣе онъ подробно останавливается на разсмотрѣніи мѣръ борьбы съ народившеюся преступностью. Основная цѣль этихъ мѣръ, по его мнѣнію,—огражденіе общества отъ зла преступленія. Каковы бы ни были аномаліи, наблюдаемыя у преступниковъ, обществу, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ неоспоримое право ограждать себя отъ дурныхъ послѣдствій этихъ аномалій. Что же касается характера примѣняемыхъ мѣръ борьбы, то, по мнѣнію Депина, онъ долженъ быть различенъ, какъ различны и сами категоріи преступниковъ.

По отношенію къ лицамъ первой категоріи, всякія наказанія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, несправедливы и безполезны. Въ примѣненіи къ нимъ наказанія представляютъ только акты грубаго отмщенія, осуждаемаго, въ качествѣ такового, нравственностью цивилизованныхъ народовъ. Причины преступленій лицъ этой категоріи кроются въ недостаткахъ ихъ инстинктивной природы. Въ ней они не находятъ средствъ для борьбы съ одолѣвающими ихъ извращенными склонностями и желаніями и потому являются нравственно-безотвѣтственными. „Не существуетъ нравственной отвѣтственности безъ нравственной свободы, не существуетъ нравственной свободы безъ нравственнаго чувства“, говоритъ Депинъ.

Вѣковой опытъ учитъ, что угроза наказаніемъ на такихъ лицъ не дѣйствуетъ, а самое примѣненіе наказаній только еще болѣе увеличиваетъ нравственные недостатки этихъ и безъ того крайне недостаточныхъ и несовершенныхъ существъ (сопоставимъ здѣсь, кстати,

съ этимъ взглядомъ Депина мнѣніе Галля о лицахъ съ „несчастною организаціей“, которыя становятся ея жертвою).

Но, спрашивается, что же дѣлать и чѣмъ и какъ ограждать общество отъ вредныхъ слѣдствій, проистекающихъ для него отъ нравственныхъ аномалій преступниковъ этой категоріи? Необходимо, отвѣчаетъ на это Депинъ, разумными воспитательными средствами дѣйствовать на самыя причины ихъ преступности, измѣняя дурныя особенности ихъ инстинктивной природы. Путемъ разумнаго культивированія необходимо развивать существующія у нихъ, хотя и въ зародышѣ, хорошія стороны ихъ существованія и ослаблять дурныя. Этимъ способомъ постепеннаго укрѣпленія хорошихъ инстинктивныхъ свойствъ и ослабленія дурныхъ возможно измѣнять и ослаблять ихъ дурные характеры.

При этомъ Депинъ высказываетъ вполнѣ вѣрную и цѣнную общественную мысль. Не слѣдуетъ забывать, говоритъ онъ, что обладатели такихъ характеровъ также люди и члены человѣческаго общества. Въ качествѣ таковыхъ, они должны быть вспомоществуемы въ ихъ нравственномъ убожествѣ, какъ нами вспомоществуются и другія въ томъ или другомъ отношеніи недостаточныя существа: калѣки, идіоты, сумасшедшіе и проч. Въ этомъ взглядѣ Депина обнаруживается человѣкъ, глубоко понимающій природу и самыя основы общества и общественности, человѣкъ, возвысившійся до пониманія глубокаго смысла и жизненной правды, заключающейся въ евангельской мысли, образно воплощенной въ притчахъ о блудномъ сынѣ и о заблудшей овцѣ.

7.

Для нравственнаго исправленія недостаточныхъ натуръ тяжкихъ преступниковъ Депинъ рекомендуетъ устройство особыхъ пенитенціаріевъ или, въ существѣ ихъ, психо-физическихъ клиникъ. Сроки заключенія въ нихъ не должны быть опредѣляемы напередъ. Подобно тому, какъ невозможно опредѣлить напередъ продолжительность леченія отъ болѣзни, такъ точно невозможно опредѣлить напередъ и продолжительность исправленія тѣхъ или другихъ порочностей. Все зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей заключеннаго. Можно сказать лишь одно, что не слѣдуетъ безполезно удерживать въ пенитенціаріяхъ тѣхъ, которые безопасно уже могутъ быть возвращены въ общество, но не должно также освобождать изъ нихъ и тѣхъ, которые не доказали своего дѣйствительнаго исправленія.

Нельзя не признать полной обоснованности этого взгляда Депина. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, масштабомъ справедливости измѣриваются годы заключенія въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ? Гдѣ для такихъ расцѣнокъ сколько-нибудь достаточныя основанія? Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ назначается 20, а не 10 лѣтъ, 3 года, а не 1 и т. д.? Припомнимъ справедливую мысль Галля о томъ, „чего разумно можно требовать отъ учрежденій человѣческихъ“. Это—„предупреждать преступленія, исправлять преступниковъ и обезпечивать общество отъ неисправимыхъ“.

Вѣдь только власть прошлаго, только неосмысленно сохраняющееся вліяніе древняго понятія о выкупахъ и уравненіи условной цѣнности причиненнаго вреда и размѣра платежа за него выясняютъ намъ принципъ современныхъ лѣстницъ наказаній, живо напоминающихъ хотя бы „Русскую Правду“, которая опредѣляетъ, что если кто кому отрубитъ три пальца, то платитъ три гривны обиженному, если вырветъ бороду или усъ, то—двѣнадцать гривенъ и т. д. Но что имѣло основаніе въ условіяхъ прошлаго, съ которымъ вы познакомились, то утратило всякій смыслъ теперь, особенно будучи переведено съ уплачивавшихся въ древности матеріальныхъ цѣнностей за причиненный вредъ на неподдающіяся никакому учету страданія конкретнаго преступника, будучи переведено съ выкупа на наказаніе, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Замѣчу еще, что мысль, проводимая Депиномъ, о необходимости установленія безсрочныхъ, т. е. неопредѣленныхъ, приговоровъ была высказана еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія извѣстнымъ реформаторомъ озвѣрѣлой норфолькской каторги, Мэконоги, этимъ, по выраженію иниціатора Лондонскаго Международнаго Конгресса, доктора Уайнса (Wines), „наиболѣе глубокимъ, оригинальнымъ и, въ то же время, наиболѣе практическимъ мыслителемъ и писателемъ по пенитенціарнымъ вопросамъ“, который, между прочимъ, настойчиво указывалъ, что „человѣкъ есть общественное существо, что его обязанности суть обязанности общественныя и только въ средѣ общества онъ можетъ быть соотвѣтственно приспособленъ къ обществу“.

Въ теченіе своего пребыванія въ пенитенціаріи заключенный, говоритъ Депинъ, „не долженъ быть въ тягость обществу. Необходимо, чтобы его работа, справедливо вознаграждаемая, покрывала всѣ расходы, имъ причиняемые, а излишекъ долженъ быть ему выданъ при его выходѣ. Если справедливо, чтобы онъ своимъ трудомъ сполна оплачивалъ издержки, имъ причиняемыя, то не менѣе справедливо,

чтобы его работа служила ему одному и чтобы этотъ несчастный не былъ эксплоатируемъ кѣмъ бы то ни было“.

Превосходство системы нравственнаго исправленія, по мнѣнію Депина, доказывается, напримѣръ, дѣятельностью основанной въ 1839 году Деметцемъ и Декуртелемъ близъ Тура во Франціи знаменитой меттрэйской колоніи для несовершеннолѣтнихъ. Та же система нравственнаго исправленія, примѣненная даже въ сравнительно ограниченныхъ размѣрахъ къ взрослымъ Феликсомъ Депиномъ въ Савойѣ и Обермайеромъ въ Мюнхенѣ, въ свою очередь, дала превосходные результаты. Поэтому она и должна быть примѣняема въ широкихъ размѣрахъ ко взрослымъ вообще. Эта справедливая мысль Депина, уже вскорѣ послѣ появленія его прекраснаго и обстоятельнаго труда, и начала осуществляться въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, о чемъ я еще буду говорить подробно.

8.

Нравственное перевоспитаніе въ пенитенціаріяхъ, по мнѣнію Депина, не должно основываться только на дисциплинѣ, работахъ и обученіи, какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто въ нашихъ тюрьмахъ. Все это вспомогательныя средства измѣненія нравственной стороны человѣка. Для достиженія послѣдняго необходимо обратиться къ изученію и культивированію инстинктивной природы и области чувствъ, т. е. озаботиться устраненіемъ факторовъ преступности, лежащихъ въ самомъ преступникѣ.

Эта мысль Депина о необходимости измѣненія и культуры инстинктивной природы есть мысль плодотворная и притомъ одинаково плодотворная какъ въ отношеніи воспитанія, такъ и въ отношеніи перевоспитанія или исправленія. Но для своего осуществленія она требуетъ научнаго изученія, научныхъ знаній, а въ сферѣ пенитенціарной она требуетъ соотвѣтствующей организаціи и постановки дѣла въ пенитенціаріяхъ, и потому только теперь, при достаточности накопленія научныхъ знаній, наступаетъ время для ея осуществленія.

Но какъ воздѣйствовать на инстинктивную природу людей, лишенныхъ нравственнаго чувства или обладающихъ имъ только въ слабомъ зародышѣ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Депинъ совѣтуетъ, по крайней мѣрѣ на первое время, обращать усилія на другія хорошія чувства этихъ людей, на чувство религіозное, если оно существуетъ, на семейныя привязанности, на самолюбіе, самоуваженіе,

чувство личнаго достоинства и проч. Если же у заключеннаго отсутствуютъ почти всѣ хорошіе задатки инстинктивной природы, то необходимо обращаться къ его разуму, къ разумному пониманію его личныхъ эгоистическихъ выгодъ и на первое время пытаться воздѣйствовать съ этой стороны на его исправленіе.

При этомъ невольно припоминается указаніе Галля о необходимости развитія у личностей, лишенныхъ нравственнаго чувства, „искусственной совѣсти“, т. е. пониманія вреда порочныхъ и преступныхъ дѣйствій и для нихъ самихъ лично.

Въ заключенныхъ, по мнѣнію Депина, слѣдуетъ всегда поддерживать бодрящее чувство надежды и развивать въ нихъ убѣжденіе, что они заключены не для причиненія имъ страданій, а для ихъ исправленія и для развитія въ нихъ привычекъ правильной и трудолюбивой жизни.

Это мнѣніе о необходимости поддержанія бодрящаго чувства надежды затрагиваетъ, въ сущности, общій вопросъ о благотворномъ вліяніи на характеръ человѣка пріятныхъ, свѣтлыхъ и потому бодрящихъ чувствъ, поднимающихъ энергію, въ противоположность вредному вліянію чувствъ непріятныхъ, мрачныхъ, угнетающихъ, которыя, по самой физіологической природѣ своей, являются какъ бы предупреждающимъ крикомъ организма о его большемъ или меньшемъ неблагополучіи въ данное время, о большей или меньшей неправильности процессовъ, въ это время въ немъ совершающихся. Къ несчастью, благодаря привычкамъ и взглядамъ, переходящимъ къ современности отъ сѣдой старины, иначе говоря, благодаря власти прошлаго надъ настоящимъ, а также благодаря невѣжеству и недостаточной распространенности научныхъ знаній въ толщѣ общества, еще и до сихъ поръ находятъ нужнымъ воздѣйствовать даже въ области воспитанія (а тѣмъ болѣе въ области исправленія) такъ, что въ объектахъ воздѣйствій пробуждаются чувства именно этой второй категоріи.

Заключенные, по мнѣнію Депина, не должны сноситься между собою наединѣ и понятно почему. Напротивъ, они должны находиться въ постоянномъ общеніи съ людьми, отдавшими себя дѣлу ихъ исправленія. Съ этой цѣлью они должны быть распредѣляемы, по примѣру распредѣленія въ колоніяхъ для несовершеннолѣтнихъ, на

группы, только еще болѣе малочисленныя, съ особымъ руководителемъ для каждой изъ нихъ.

При ознакомленіи съ тюрьмами Западной Европы, мнѣ пришлось пробыть нѣкоторое время въ невшательскомъ пенитенціаріи (въ Швейцаріи), когда въ немъ директоромъ былъ докторъ Гилліомъ, главный секретарь семи Международныхъ Тюремныхъ Конгрессовъ. Въ теченіе дневныхъ работъ онъ распредѣлялъ всѣхъ заключенныхъ по мастерскимъ группами по 4, по 5 человѣкъ, съ контрмэтромъ (старшиной, надзирателемъ) во главѣ и разрѣшалъ, въ противность правилу обэрнской тюремной системы, громкіе разговоры, вполнѣ основательно находя, что такіе разговоры, слышные для контрмэтра и вызываемые естественною потребностью человѣка въ общеніи съ себѣ подобными, неизмѣримо предпочтительнѣе разговоровъ, ведущихся заключенными украдкою, большею частью при помощи знаковъ.

Но для достиженія успѣха перевоспитывающихъ воздѣйствій необходимо тщательно выбирать и подготовлять служебный персоналъ пенитенціаріевъ, необходимо знакомить его теоретически и практически съ тѣмъ дѣломъ, которому онъ посвящаетъ свои силы. Безъ такого подготовленнаго и достаточно развитого персонала всякое дѣло, а это, конечно, въ особенности, успѣшно идти не можетъ. Знатокъ германскихъ тюремъ и тюремнаго дѣла вообще, Кроне, правильно замѣчаетъ, что если мы будемъ имѣть самые лучшіе законы, наилучшихъ судей и наилучшіе приговоры, но плохой тюремный персоналъ, то законы можно бросить въ корзину, судей уволить, а приговоры сжечь, потому что одни они ничего хорошаго не дадутъ.

Къ сожалѣнію, въ отношеніи подбора служебнаго персонала (какъ высшаго, такъ и низшаго) и его подготовки всего болѣе грѣшатъ наши тюрьмы. Въ самомъ дѣлѣ, откуда берутся наши тюремные надзиратели, наиболѣе близко стоящіе къ заключеннымъ? Покажу это на примѣрѣ изъ дѣйствительной жизни тюрьмы.

Въ мою бытность на островѣ Сахалинѣ, гдѣ были сосредоточены наши важнѣйшіе уголовные преступники, мнѣ пришлось близко познакомиться съ нашими тюремными надзирателями, на которыхъ возлагаются столь важныя обязанности по отношенію къ значительному числу осуждаемыхъ. Набирались (да и сейчасъ набираются) они изъ солдатъ. Изъ дѣлъ объ ихъ, довольно частыхъ, увольненіяхъ было видно, что причинами увольненій служили: пьянство, картежная игра съ заключенными, нанесеніе имъ побоевъ, содѣйствіе при побѣгахъ, доставленіе водки и т. п. Какое вліяніе можно ожидать отъ такихъ „перевоспитателей“—понятно само собою.

Удивляться ли послѣ этого печальнымъ результатамъ, къ которымъ у насъ приводитъ тюремное заключеніе, какъ общее установленіе?

Полученію этихъ результатовъ способствуетъ также и численный составъ заключенныхъ, колеблющійся, напримѣръ, у насъ (и даже не теперь, а въ болѣе обычное время) около 100.000 человѣкъ. Спрашивается, какъ при такой расточительности нашихъ уголовныхъ кодексовъ въ назначеніи наказаній лишеніемъ свободы найти въ достаточномъ количествѣ вполнѣ подготовленный и способный нравственно вліять на заключенныхъ служебный персоналъ? А между тѣмъ теперь мы идемъ и далѣе и все болѣе приводимся фактами наблюденія къ убѣжденію въ необходимости установленія медико-педагогическаго надзора, сначала, конечно, въ воспитательныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ, что уже имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ Голландіи, гдѣ, какъ это видно изъ недавней рѣчи ея министра юстиціи, психіатръ сдѣлался повседневнымъ совѣтчикомъ воспитателя.

Усилія заключенныхъ, направленныя къ собственному перевоспитанію, должны быть поддерживаемы, по мнѣнію Депина, мягкимъ ободряющимъ обращеніемъ и различными наградами.

Работы въ пенитенціаріяхъ должны быть профессіональныя и полезныя для будущаго заключеннаго, когда онъ снова окажется на свободѣ. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи многія современныя тюрьмы, вводя, въ видахъ увеличенія доходовъ тюрьмы, значительное раздѣленіе труда, очень много грѣшатъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ пришлось когда-то видѣть въ одной изъ французскихъ „центральныхъ тюремъ“ близъ Парижа (maison centrale de réclusion de Melun), что довольно значительное число заключенныхъ обычно было занято, между прочимъ, раскрашиваніемъ картинъ дамскихъ модъ, причемъ каждая картинка послѣдовательно переходила изъ рукъ въ руки: одни красили волосы, другіе наводили румянецъ на щеки, третьи раскрашивали платье и т. д. Для производства и доходности это хорошо; но, спрашивается, что вынесутъ съ собою изъ тюрьмы, въ смыслѣ знанія ремесла, въ достаточной мѣрѣ обезпечивающаго средства заработка, всѣ такіе раскрашиватели щекъ, платьевъ и проч. и какъ они будутъ находить средства существованія на свободѣ.

особенно, если принять во вниманіе предубѣжденность общества противъ тюремныхъ выпущенниковъ?

Молчаніе во время работъ, требуемое обэрнской тюремной системой, по мнѣнію Депина, вовсе не нужно. Напротивъ, полезный разговоръ, при участіи руководителей работъ, ободряющая пріятная пѣсня, отвлекая отъ дурныхъ мыслей, всегда окажутъ хорошее вліяніе и сдѣлаютъ трудъ болѣе пріятнымъ, что, конечно, весьма важно, особенно по отношенію къ лицамъ, чувствующимъ крайнее нерасположеніе къ труду.

Время рекреацій и отдыха Депинъ рекомендуетъ употреблять въ интересѣ воспитательныхъ вліяній. Интересныя чтенія, музыка и другія подобныя занятія особенно удобны для этой цѣли, которой съ величайшей пользою можетъ служить и театръ. Должно слѣдовать примѣру благоразумныхъ родителей, думаетъ Депинъ, которые, стремясь отвлечь безпорядочное воображеніе своихъ дѣтей отъ всего дурного, безпрестанно занимаютъ ихъ умъ, внѣ времени работъ, музыкой, рисованіемъ и другими подобными занятіями. Слѣдуетъ также пользоваться гимнастическими упражненіями, которыя представляютъ собою одно изъ наилучшихъ средствъ устраненія раздражительности нервной системы и успокоенія раздражительныхъ характеровъ.

Въ этихъ указаніяхъ Депина сказался истинно-разумный педагогъ, задающійся цѣлью борьбы съ порчею пригодными для того средствами. „Порядокъ и дисциплина, столь необходимые въ пенитенціаріяхъ“, справедливо замѣчаетъ онъ, „будутъ легче господствовать подъ вліяніемъ хорошихъ чувствъ, нежели подъ вліяніемъ принужденія и страха“.

Конечно, укоренившіеся въ обществѣ взгляды, унаслѣдованные отъ сѣдой старины, отъ междуродовыхъ войнъ и терроризированія, не мирятся съ такими воззрѣніями въ примѣненіи къ тюрьмѣ и преступнику. Эпохи прошлаго, передавшія намъ свое тяжелое наслѣдіе, сохраняющееся и до нашихъ дней, знали въ качествѣ средствъ борьбы только мщеніе и устрашеніе великими мучительствами и казнями. „Мы имѣемъ все, чтобы причинять человѣку страданія“, откровенно признался въ разговорѣ со мной инспекторъ той же мелэнской центральной тюрьмы, Грамаццини, „и ничего для его нравственнаго поднятія“.

Посмотримъ, какія указанія даютъ намъ наблюденіе и нѣкоторые факты тюремной дѣйствительности. Припомните, что́ въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“ говоритъ Достоевскій, хорошо знавшій по личному опыту эту дѣйствительность, объ умиротворяющемъ благотворномъ вліяніи театральнаго представленія, однажды разрѣшеннаго

арестантамъ. Ихъ поведеніе во время приготовленія къ спектаклю было наилучшимъ, проступки прекратились, и это продолжалось, подъ вліяніемъ воспоминаній, и нѣкоторое время послѣ представленія.

Еще сильнѣе дѣйствуетъ музыка. Она, при умѣломъ употребленіи—могучее морализующее средство, которымъ, къ сожалѣнію, недостаточно или нецѣлесообразно пользуются. Музыка вліяетъ на ожиленіе мозгового кровообращенія, поднимаетъ жизненный тонъ. Она заставляетъ сильнѣе и полнѣе звучать одно изъ сильнѣйшихъ чувствъ, чувство родовое, служащее основою высшихъ видовъ чувства. Недаромъ талантливые греки, стремившіеся къ достиженію гармоніи въ человѣческомъ развитіи, вводили музыку, какъ одно изъ необходимыхъ средствъ воспитанія (припомните мнѣніе Пиѳагора о музыкѣ).

Съ примѣромъ благотворнаго вліянія музыки мнѣ пришлось встрѣтиться въ мелэнской тюрьмѣ. Въ ней былъ организованъ оркестръ изъ заключенныхъ, который игралъ по воскресеньямъ. Разрѣшеніе присутствовать на тюремномъ концертѣ было одной изъ наградъ, которыя побуждали къ хорошему поведенію, а запрещеніе слушать музыку было однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ наказаній за проступки. Въ одной осмотрѣнной мною въ Брюсселѣ школѣ для отсталыхъ (и, слѣдовательно, весьма трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи) дѣтей сочетаніемъ музыки съ гимнастикой пользуются, какъ прекраснымъ дисциплинирующимъ средствомъ.

Впрочемъ, способы исправляющихъ воздѣйствій, какъ и способы леченія болѣзней, не могутъ быть, по справедливому указанію Депина, всегда одинаковы и должны измѣняться въ зависимости отъ индивидуальности случая.

11.

Какъ бы, однако, ни была хороша та или другая пенитенціарная система и какъ бы ни были способны и подготовлены исполнители, всегда, въ видѣ исключенія, не подрывающаго общаго правила, могутъ оказываться неисправимые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, преступники. Такія лица, по мнѣнію Депина, должны быть навсегда удаляемы изъ общества. Разъ вліяніе пенитенціарія оказалось безсильно, то имъ уже больше не мѣсто въ немъ. Они тогда должны быть переводимы въ особыя тюрьмы. Впрочемъ, и для нихъ Депинъ вполнѣ не устраняетъ возможность возврата въ общество. Возвратъ можетъ послѣдовать, если, вслѣдствіе ли неожидавшагося прежде

улучшенія или просто вслѣдствіе вліянія возраста, они перестаютъ быть опасны для своихъ согражданъ.

Таковы мѣры, рекомендуемыя Депиномъ по отношенію къ первой, изъ указываемыхъ имъ, категоріи преступниковъ, къ тяжкимъ преступникамъ. Упоминавшіяся мною новѣйшія теченія въ медицинѣ, направленныя къ перевоспитанію органовъ, вполнѣ согласуются съ такой постановкой дѣла.

Лица, совершающія преступленія подъ вліяніемъ страсти, а слѣдовательно, въ состояніи временной подавленности чувства, представляютъ другія особенности. Нравственное чувство только на время заглушается въ нихъ. Уже вскорѣ послѣ совершенія преступленія въ нихъ просыпаются ихъ добрыя чувства и начинаетъ громко звучать призывающій къ отвѣту грозный голосъ ихъ мятущейся совѣсти, являющійся лучшимъ ихъ судьей. Примѣненіе къ такимъ лицамъ наказаній „только какъ наказаній, было бы не только несправедливо, но и безполезно“. Тѣмъ не менѣе, въ случаяхъ совершенія ими тяжкихъ преступленій, и они должны быть помѣщаемы въ пенитенціаріи, хотя и на очень короткіе сроки, измѣряемые всего только мѣсяцами. Цѣль такихъ заключеній—удостовѣриться въ искренности ихъ раскаянія, дать урокъ и предостеречь людей, одаренныхъ сильными страстями, отъ повторенія преступленій.

По отношенію къ лицамъ, не утратившимъ нравственнаго чувства и совершающимъ тяжкія преступленія не подъ вліяніемъ страсти, примѣненіе наказаній, по мнѣнію Депина, вполнѣ справедливо и полезно. Оно справедливо, говоритъ онъ, потому, что виновные обладаютъ нравственнымъ чувствомъ и, слѣдовательно, являются нравственно-отвѣтственными за свои дѣянія, а полезно оно потому, что наказаніе можетъ дѣйствовать на такихъ личностей устращающе. Назначаемыя имъ наказанія должны быть разнообразны, не чрезмѣрны и должны заимствовать свой характеръ отъ внутренней аналогіи съ совершоннымъ преступленіемъ.

Таковы конечные выводы, къ которымъ пришелъ Депинъ по отношенію къ преступности и средствамъ борьбы съ нею. Его сочиненіе, отличающееся тщательной научной обработкой и изобилующее провѣреннымъ фактическимъ матеріаломъ, обосновывающимъ его коренныя положенія, обратило на себя вниманіе и дало толчокъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

12.

Врачъ пертской тюрьмы Томсонъ (Thomson) задался мыслью провѣрить, при посредствѣ своего тюремнаго опыта, выводы Проспера Депина по отношенію къ преступникамъ. Результатомъ этой работы и были его статьи „Наслѣдственная природа преступленія“ и „Психологія преступниковъ“ („The hereditary nature of crime“ и „The psychology of criminals“), напечатанныя въ „Journal of Mental Science“ за 1870 и 1871 годы. Въ нихъ онъ пришелъ къ выводамъ, сходнымъ съ выводами автора „Естественной психологіи“.

Для насъ особенно интересны выводы Томсона, какъ выводы человѣка, непосредственно въ теченіе долгаго времени изо дня въ день наблюдавшаго и изслѣдовавшаго значительное число преступниковъ.

Въ первой изъ названныхъ мною работъ онъ говоритъ: „Ближайшій и ежедневный опытъ въ средѣ преступниковъ за многіе годы привелъ меня къ убѣжденію, что въ значительномъ числѣ случаевъ преступныхъ посягательствъ преступность наслѣдственна“. Ея носители родятся въ преступленіи, вскармливаются, выращиваются и обучаются въ немъ. Затѣмъ привычка становится у нихъ новой силой, второй натурой, вліяніе которой присоединяется къ ихъ первородному нравственному развращенію. И Томсонъ приводитъ многіе примѣры преступныхъ семей и въ числѣ ихъ одну, у членовъ которой рѣзко проявлялись наклонности къ душевнымъ разстройствамъ, пьянству, разврату, пороку и преступленіямъ.

Томсонъ высказываетъ взглядъ, что, какъ доказываютъ таблицы количества душевныхъ разстройствъ между преступниками, преступленія и душевныя болѣзни находятся въ тѣсной связи между собою. „Изъ обширнаго опыта въ средѣ преступниковъ“, поясняетъ Томсонъ, „я пришелъ къ заключенію, что всегда главное занятіе тюремнаго врача—это душевныя разстройства; что число тѣлесныхъ болѣзней (въ средѣ преступниковъ) менѣе числа душевныхъ разстройствъ; что болѣзни и причины смерти въ средѣ преступниковъ преимущественно кроются въ нервной системѣ, что, наконецъ, ученіе о леченіи преступности представляетъ отрасль психологіи“.

Томсонъ высказываетъ взглядъ, что существуетъ особый преступный классъ, отличающійся отъ другихъ классовъ людей своими физическими и психическими особенностями. Преступность лицъ этого класса, будучи въ родственной связи съ другими душевными разстройствами: эпилепсіей, дипсоманіей (запой), сумасшествіемъ и т. п., неисправима. Лица этого преступнаго класса принадлежатъ къ низ-

шему человѣческому типу. Прирожденное влеченіе ко злу, поджоги, бродяжество, кражи, ранняя склонность ко всевозможному развращенію--вотъ что, по словамъ Томсона, составляетъ итогъ ихъ нравственнаго существованія.

Но, конечно, не всѣ преступники принадлежатъ къ этому, отъ природы обдѣленному, классу, описаніе котораго Томсономъ немедленно приводитъ на память характеристику третьяго класса вырождающихся по схемѣ Мореля. Къ нему, какъ вы помните, Морелемъ относятся личности, отличающіяся съ раннихъ поръ умственной инертностью, крайнимъ извращеніемъ нравственныхъ наклонностей. Кражи, бродяжество, ранній развратъ--таковы эпизоды ихъ жизни.

Преступный классъ, по указанію Томсона, вырабатывается въ большихъ городахъ съ ихъ своеобразными условіями жизни и является продуктомъ вырожденія. Оно превращаетъ его членовъ въ полуцивилизованныхъ дикарей, напоминающихъ по своимъ особенностямъ полчища какого-нибудь Аттилы или Гензериха. Члены этого преступнаго класса, презирая законы брака и правила единокровія, соединяются съ подобными себѣ и производятъ развращенное потомство, предрасположенное къ преступленію отъ рожденія.

При этомъ Томсонъ, ссылаясь на свой личный опытъ и на изслѣдованія въ средѣ такъ называемыхъ малолѣтнихъ преступниковъ, указываетъ на крайнюю недостаточность ихъ развитія и одаренности, Въ подтвержденіе онъ приводитъ и свидѣтельство одного опытнаго учителя такихъ дѣтей, который утверждаетъ, что одна ихъ треть болѣе или менѣе слабоумна; да и двѣ другія трети представляютъ недостатки въ силѣ вниманія, въ прилежаніи и, главнѣйшимъ образомъ, въ упорядоченныхъ привычкахъ.

Далѣе Томсонъ приводитъ свидѣтельство одного, по его словамъ, весьма опытнаго тюремнаго врача, который говоритъ о наблюдавшихся имъ у преступниковъ уклоненіяхъ во всѣхъ ихъ нравственныхъ чувствахъ и о стойкомъ противодѣйствіи ихъ натуры добрымъ вліяніямъ. При этомъ онъ указываетъ и неблагопріятныя условія, подъ постепеннымъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются эти несчастныя существа съ ихъ разстроенной и ослабленной органической конституціей. Условія эти суть привычное пьянство, безпорядочность жизни, недостаточность даже плохой пищи, нездоровыя жилища, плохая и грязная одежда и проч.

„Во всей моей дѣятельности“, говоритъ цитируемый Томсономъ авторъ, „я не встрѣчалъ ни у кого такого скопленія болѣзненныхъ признаковъ, какое находилъ при посмертныхъ изслѣдованіяхъ умер-

шихъ (преступниковъ). Почти ни объ одномъ изъ нихъ нельзя было сказать, что онъ умеръ отъ одной какой-либо болѣзни. Почти всѣ органы ихъ тѣла находились въ болѣе или менѣе болѣзненномъ состояніи, и я удивлялся, что жизнь могла быть длящейся въ такихъ болѣзненныхъ организмахъ. Нравственная сторона ихъ казалась болѣзненной въ одинаковой мѣрѣ съ ихъ физической конституціей".

Томсонъ вполнѣ соглашается съ приведеннымъ мнѣніемъ и указываетъ на распространенность въ средѣ преступниковъ душевныхъ болѣзней вообще и эпилепсіи въ частности. „Одну изъ выдающихся особенностей естественной исторіи наслѣдственныхъ разстройствъ", говоритъ онъ, „представляютъ собою переходы физическихъ болѣзней въ болѣзни душевныя и частыя чередованія послѣднихъ съ преступленіемъ".

13.

Во второй изъ упомянутыхъ мною работъ Томсонъ указываетъ, между прочимъ, на то, что болѣзненность природы преступленія была подмѣчена уже древними и что Платонъ и Аристотель обсуждали со своими учениками вопросы о связи между преступленіемъ и сумасшествіемъ, о произвольности или непроизвольности дѣйствій преступниковъ и о томъ, насколько прирожденная организація ослабляетъ или уничтожаетъ нравственную отвѣтственность. Философы древности утверждали, что человѣкъ становится развращеннымъ вслѣдствіе состояній своего организма.

Плутархъ говорилъ, что дѣти порочныхъ людей происходятъ изъ самого существа ихъ отцовъ и что между родителемъ и рожденнымъ существуетъ родъ скрытаго тождества, способнаго подчинять послѣдняго всѣмъ послѣдствіямъ дѣйствій, совершонныхъ первымъ.

Самъ Томсонъ въ этой своей второй работѣ развиваетъ, какъ это и нужно было ожидать, тѣ же основныя мысли, что и въ первой, только болѣе подробно и представляетъ болѣе фактическихъ данныхъ для характеристики преступниковъ. Ихъ онъ разсматриваетъ, какъ разновидность человѣческой семьи, совершенно отличную въ своихъ представителяхъ отъ цивилизованныхъ общественныхъ людей. Преступники, подобно пауперамъ, образуютъ особый классъ, отмѣчающійся и въ Европѣ и въ Америкѣ крайней истощенностью нервной системы, низкимъ уровнемъ духовнаго развитія и недостаткомъ жизненной энергіи. Этотъ недостатокъ представляетъ необходимое

слѣдствіе той атмосферы и тѣхъ дурныхъ условій жизни, среди которыхъ существуютъ бѣдные классы населенія; они, эти условія, являются важнѣйшей производящей причиной бѣдности и преступленій, и расположеніе къ послѣднимъ передается наслѣдственно. „Пять шестыхъ пауперизма въ Англіи —наслѣдственнаго происхожденія“.

Дѣти порочныхъ и преступныхъ людей наслѣдуютъ склонность къ усиленной дѣятельности нѣкоторыхъ низшихъ способностей, тогда какъ высшія и направляющія способности у нихъ не развиты. Преступники уже въ дѣтствѣ проявляютъ неблагопріятныя психо-физическія свойства и значительно отличаются отъ живыхъ, здоровыхъ и активныхъ дѣтей.

Согласно съ мнѣніемъ Депина, Томсонъ полагаетъ, что привычные преступники лишены нравственнаго чувства. Наилучшимъ средствомъ для искорененія особаго преступнаго класса, по мнѣнію Томсона, было бы пожизненное заключеніе привычныхъ преступниковъ, какъ мѣра предупредительная противъ ихъ размноженія и наслѣдственной передачи свойственныхъ имъ особенностей ихъ нисходящему поколѣнію.

Выступая съ этимъ предложеніемъ, Томсонъ, очевидно, смотрѣлъ на жгучій вопросъ о преступности подъ тюремнымъ угломъ зрѣнія а не съ широкой общественной точки зрѣнія, которая, конечно, подсказала бы ему иное рѣшеніе вопроса о дѣйствительно цѣлесообразныхъ мѣрахъ борьбы съ преступностью, т. е. мысль о необходимости, прежде всего, общественнаго упорядоченія. И это тѣмъ болѣе, что всѣ элементы для образованія такой мысли въ работахъ Томсона находятся на-лицо во вполнѣ заготовленномъ видѣ.

14.

Приведенныя работы Томсона, помимо ихъ собственнаго значенія, интересны для насъ еще потому, что въ нихъ мы находимъ, болѣе или менѣе подробно развитыми, почти всѣ основные выводы, къ которымъ, какъ увидимъ, послѣдовательно приходилъ въ своемъ главномъ трудѣ профессоръ Ломброзо.

Я не стану говорить о работахъ другихъ изслѣдователей, появившихся до выхода перваго изданія знаменитаго труда Ломброзо. Упомяну только, что одинъ изъ этихъ изслѣдователей, итальянскій тюремный врачъ докторъ Верджиліо, въ своемъ трудѣ „Опытъ изслѣдованія болѣзненной природы преступленія“ (Verdgilio, „Saggio di ricerche

sulla natura morbosa del delitto“, 1874), въ противность мнѣнію Томсона, совѣтовалъ въ области борьбы съ преступленіемъ „все пробовать и на все надѣяться“. Тюрьма въ рукахъ способнаго администратора, по его мнѣнію, должна быть такимъ же могущественнымъ средствомъ исправленія, какимъ могущественнымъ средствомъ леченія душевныхъ болѣзней является заведеніе для душевно-больныхъ въ рукахъ способнаго врача. Тотъ же изслѣдователь приходилъ къ вполнѣ оправдываемому фактами заключенію о „болѣзненной природѣ преступленія“ и его „аналогіи съ явленіями вырожденія человѣческаго типа, съ одной стороны, и явленіями душевныхъ болѣзней съ другой“. Онъ отмѣтилъ также и сходство нѣкоторыхъ преступныхъ влеченій съ эпилептическими приступами.

По поводу этого указанія слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ неполныхъ формъ эпилепсіи или приступовъ такъ называемаго „petit mal“, иногда протекающихъ въ мало-уловимыхъ проявленіяхъ моментальнаго головокруженія и судороги, эпилепсія („morbus sacer“, „morbus divinus“ древнихъ) представляетъ и другія интересныя формы скрытой эпилепсіи („épilepsie larvée“), играющія, повидимому, весьма важную роль въ сферѣ преступленія, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи. Таковъ психическій эквивалентъ, при которомъ судорожные припадки замѣщаются явленіями извращенія психической дѣятельности, эпилептическій трансъ, при которомъ эпилептикъ, сохраняя внѣшнюю правильность поведенія, совершаетъ весьма сложныя дѣйствія, совершенно не сознавая цѣли ихъ.

Приведу случай, наблюдавшійся мною въ клиникѣ профессора Крафтъ-Эбинга.

Въ наблюдательное клиническое отдѣленіе, въ которомъ покойнымъ читались лекціи, былъ доставленъ молодой человѣкъ, задержанный полицейскимъ на улицѣ. Онъ обратился къ послѣднему съ разспросами о томъ, гдѣ собирается экспедиція и гдѣ находится пароходная контора, въ которой можно получить билетъ для путешествія въ Африку. Эти вопросы, предложенные въ Грацѣ, городѣ континентальномъ, и нѣкоторая странность, замѣчавшаяся въ манерѣ держаться и въ дававшихся отвѣтахъ, вызвала подозрѣніе и затѣмъ задержаніе. Въ полицейскомъ управленіи задержанный не могъ дать свѣдѣній о себѣ. Его отвѣты были сбивчивы, что еще болѣе увеличило подозрѣніе и вызвало доставку его въ наблюдательное отдѣленіе. Здѣсь, немного спустя послѣ своего прибытія, онъ пришелъ въ относительно нормальное состояніе. Оказалось, что онъ военный. Воинская часть, въ которой онъ служилъ, была расположена гарнизономъ въ Чехіи. Съ

мѣста службы онъ уѣхалъ безъ отпуска. Ранѣе того онъ такъ же безцѣльно уѣхалъ въ Вѣну. Еще въ другой разъ онъ очутился у одного крестьянина. Послѣдній нашелъ его, впрочемъ, въ безчувственномъ состояніи. Такія состоянія у него бывали нѣсколько разъ и имъ всегда предшествовали сильныя волненія. Его дѣдъ съ материнской стороны былъ душевно-больной; его мать была очень нервная женщина, отецъ нѣсколько странный и въ послѣднее время весьма нервный человѣкъ, который въ молодости имѣлъ (что небезынтересно) склонность къ путешествіямъ. Самъ задержанный также всегда мечталъ о путешествіяхъ. Его любимымъ чтеніемъ были описанія путешествій въ Африку. Онъ испытывалъ вліяніе принудительныхъ или навязчивыхъ идей и по временамъ подвергался эпилептоиднымъ приступамъ. О своемъ послѣднемъ путешествіи онъ сохранялъ только перемежающіяся и потому весьма смутныя воспоминанія. Онъ направлялся собственно въ Тріестъ, а въ Грацѣ, въ которомъ бывалъ и раньше, вышелъ, по его предположенію, вѣроятно, подъ вліяніемъ выкликанія кондукторовъ.

Въ приведенномъ случаѣ передъ нами рядъ весьма сложныхъ, почти или вовсе немотивированныхъ безцѣльныхъ дѣйствій, отличающихся какимъ-то инстинктивно-принудительнымъ характеромъ и совершающихся, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части, безъ утраты сознанія, но и безъ твердо и ясно запечатлѣвающихся въ памяти впечатлѣній.

Прежде принималось, что происходящее во время эпилептическихъ приступовъ не сохраняется въ памяти эпилептиковъ и сопровождается безсознательностью. Новѣйшія наблюденія показываютъ, однако, что существуютъ случаи, въ которыхъ совершаемое во время приступовъ эпилепсіи сопровождается сознательностью. И такія явленія, отличающіяся инстинктивно-принудительнымъ характеромъ, повидимому, играютъ немаловажную роль въ сферѣ преступленій и притомъ преступленій тяжкихъ, совершаемыхъ съ чрезвычайной жестокостью и, большею частью, совершенно немотивированно. Въ рядѣ такихъ преступленій, совершонныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе однообразіе пріемовъ и обстановки совершенія. Въ моей работѣ, посвященной изученію психофизическихъ типовъ въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями, приведено много относящихся сюда случаевъ.

15.

Перехожу къ работамъ скончавшагося въ самомъ концѣ 1909 года извѣстнаго туринскаго профессора Цезаря Ломброзо.

Помянемъ его и его трудовую жизнь, жизнь упорнаго искателя научной истины, не только добрымъ, но и горячо благодарнымъ словомъ. Ему, смѣлому и стойкому бойцу за научныя убѣжденія, человѣчество многимъ обязано за сдѣланное въ одной изъ наиболѣе мрачныхъ областей общественной жизни, въ области часто великаго нравственнаго развращенія, но въ то же время и великихъ, мучительныхъ страданій, въ области, въ которой свободный человѣкъ и членъ общества по традиціи, идущей отъ сѣдой старины, превращается въ безправнаго раба карающаго его закона и претерпѣваетъ уменьшеніе своей гражданской личности до крайнихъ предѣловъ.

Изучая область преступленія, Ломброзо обратился и выдвинулъ въ ней на первый планъ самого живого преступнаго человѣка, этого „несчастненькаго“, по справедливому мнѣнію нашего народа, и его, съ его плотью и кровью, сдѣлалъ предметомъ непосредственнаго всесторонняго изученія съ помощью не умозрительныхъ, а точныхъ и потому надежныхъ методовъ естествознанія. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ, какъ вы знаете, предшественника въ лицѣ знаменитаго доктора Галля. Галль первый указывалъ законодателямъ и Судьямъ на необходимость изучать не преступленія, особенности которыхъ всецѣло зависятъ отъ особенностей ихъ совершителей, а именно этихъ послѣднихъ. Руководствуясь той же мыслью Ломброзо и подвергъ тщательному изученію реальнаго преступника во всемъ разнообразіи его особенностей и окружающихъ условій, при которыхъ онъ зарождался, жилъ и дѣйствовалъ. Ломброзо внесъ чрезвычайно крупный научный вкладъ въ знанія человѣчества. Его онъ самъ называетъ „долгой и тяжелой работой“. Таковъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Что же касается особенностей научной личности покойнаго Ломброзо, то онѣ всего рельефнѣе выступаютъ, какъ мнѣ кажется, въ слѣдующихъ трогательныхъ заключительныхъ словахъ предисловія къ четвертому изданію его главнаго труда „Преступный человѣкъ“. „Быть можетъ, скоро отъ моего труда не останется камня на камнѣ“, говоритъ Ломброзо, „но идея, его породившая, передаваясь отъ одного къ другому, эта идея не погибнетъ никогда“. Съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаю эти слова передъ людьми, вступающими въ жизнь, научно-подготовляющимися къ ней. Въ этихъ искреннихъ словахъ (а Ломброзо, какъ я знаю по личному знакомству съ нимъ, былъ человѣкъ

безусловно искренній, простой, непосредственный и необычайно отзывчивый) передъ нами не человѣкъ личныхъ интересовъ, личнаго самолюбія и самомнѣнія, а человѣкъ научнаго дѣла. Для него не дорога его личная научная репутація, для него дорого именно это научное дѣло. Ему онъ беззавѣтно служилъ, съ нимъ онъ связалъ всю свою жизнь, всѣ свои интересы. Идея, руководившая его трудомъ, въ немъ воплощавшаяся, представляетъ собою научную мысль, страстно и неудержимо стремящуюся къ раскрытію истины во многообразныхъ фактахъ живой дѣйствительности, при помощи всѣхъ точныхъ методовъ, выработанныхъ въ теченіе всего научнаго прошлаго человѣчества и предоставленныхъ въ руки современнаго ученаго.

Поэтому, съ грустью припоминая всѣ страстныя нападки, а подчасъ свистки, насмѣшки и гиканья, которымъ въ теченіе жизни подвергался Ломброзо со стороны своихъ ожесточенныхъ противниковъ, мы скажемъ, обращаясь къ памяти этого выдающагося человѣка: Миръ праху твоему, беззавѣтно-упорный научный труженикъ! Ты, конечно, впадалъ и въ ошибки, но вѣдь не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Ты внесъ большой научный вкладъ по чрезвычайно сложному вопросу общественной жизни въ дѣло просвѣтленія человѣчества. Цѣнность этого вклада выступаетъ особенно ярко при его сопоставленіи съ начавшимся и подвигающимся впередъ всестороннимъ точнымъ изученіемъ психо-физическихъ особенностей недостаточныхъ, тяжело-трудящихся и за то обездоленныхъ классовъ населенія и причинъ, эти неблагопріятныя особенности порождающихъ.

Считаю долгомъ души по отношенію къ свѣтлой памяти Ломброзо сказать все это именно въ курсѣ, надъ которымъ, быть можетъ, серьезно задумаются многіе мои молодые слушатели, несущіе съ собой въ общество зачатки будущей, надѣюсь, болѣе свѣтлой общественной жизни. Искренно желаю, чтобы научный образъ покойнаго Ломброзо, въ числѣ другихъ подобныхъ образовъ, свѣтилъ имъ въ предстоящей дѣятельности.

Перехожу теперь къ ближайшему разсмотрѣнію научныхъ взглядовъ Ломброзо по отношенію къ человѣческой преступности, ея факторамъ и средствамъ борьбы съ ней, взглядовъ, которые возбуждали такіе горячіе и продолжительные споры. Трудно найти другого ученаго, подвергавшагося болѣе ожесточеннымъ нападкамъ. Профессоръ

Ашафенбургъ въ своемъ трудѣ „Преступленіе и борьба съ нимъ“ (Aschaffenburg, „Das Verbrechen und seine Bekämpfung“) вполнѣ основательно утверждаетъ, что ученіе Ломброзо „опровергается съ большею горячностью, нежели объективностью, и что относительно многихъ изъ его противниковъ можно утверждать, что они вели противъ него раздражительную борьбу, не составивъ себѣ даже яснаго понятія о содержаніи его ученія“ и (прибавлю отъ себя) достаточно и безпристрастно не продумавъ его и хорошо не ознакомившись съ тѣми научными данными, на которыхъ онъ базируется.

Отъ времени перваго появленія труда Ломброзо „Преступный человѣкъ“ („L'Uomo deliquente“) ведетъ свое начало та особенно энергичная и настойчивая работа по изученію преступности на почвѣ живой дѣйствительности, которая знаменуетъ собою три послѣднихъ десятилѣтія съ лишкомъ. Ломброзо и его труды, помимо присущихъ имъ внутреннихъ достоинствъ, ясно свидѣтельствующихъ, что они представляютъ собою кропотливую и пытливую работу всей жизни, являлись тѣмъ сильнымъ стимулантомъ, тѣмъ бродиломъ, какъ остроумно выразился покойный Тардъ на Брюссельскомъ Международномъ Уголовно-Антропологическомъ Конгрессѣ, которое не только вызывало страшные споры, но въ то же время и сильно двигало впередъ изученіе преступности въ ея живыхъ конкретныхъ формахъ.

Просперъ Депинъ, если уже не говорить о Галлѣ, немного предупредилъ Ломброзо въ дѣлѣ истинно-научной разработки вопроса о преступности. Но Депинъ, посвятивъ не мало времени изученію интересовавшихъ его явленій и тщательно изложивъ результаты своего изученія, на этомъ и закончилъ. Ломброзо же сдѣлалъ изъ него дѣло всей своей жизни, такъ что исторія науки о явленіяхъ человѣческой преступности тѣсно связывается съ нимъ и его трудами уже болѣе, нежели за три послѣднія десятилѣтія. Туринскій Международный Уголовно-Антропологическій Конгрессъ, собравшійся въ апрѣлѣ 1906 года, и былъ пріуроченъ къ празднованію тридцатилѣтія со времени появленія отдѣльнымъ изданіемъ главнаго труда Ломброзо.

17.

Было бы, однако, ошибочно всецѣло относить напряженный интересъ къ вопросу о преступности на долю дѣятельности одного человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ былъ Ломброзо. Вполнѣ признавая его важныя заслуги по разработкѣ и пропагандѣ этого вопроса,

нельзя не указать на неизмѣримо болѣе важныя, общія, глубокія и могущественныя причины явленія. Причины эти суть: постоянно продолжающій усиленно развиваться индустріально капиталистическій строй, переводящій на деньги всѣ высшія духовно-нравственныя цѣнности человѣчества, дѣлающій „рубль“ слѣпымъ, но жадно искомымъ богомъ времени; широко развивающійся, благодаря вышеозначенному экономическому строю, современный милитаризмъ, съ его гигантскими средствами разрушенія и вообще со всѣми его нравственными ужасами и матеріальными бѣдствіями; такъ же широко развивающееся, благодаря тому же строю, физическое и умственно-нравственное вырожденіе породы, эта богато удобренная и все удобряемая почва для преступности и тяжелыхъ общественныхъ потрясеній, которыя ясно предвидѣлъ геніальный Морель, творецъ опредѣленно-развитой теоріи вырожденія въ примѣненіи къ человѣку и человѣческому обществу. Здѣсь, въ этомъ комплексѣ явленій, какъ всегда и вездѣ, все взаимно причинно сцѣпляется и связывается съ непреложностью механической закономѣрности.

Съ наступленіемъ XIX вѣка наступилъ вполнѣ вѣкъ пара, а съ третьей четверти того же столѣтія началъ развиваться и вѣкъ электричества. Силы эти произвели индустріально-экономическую революцію, передъ которой блѣднѣютъ всѣ политическія. Индустріально-капиталистическій строй, начавшій значительно развиваться со второй половины XVIII вѣка, съ усиленнымъ вторженіемъ этихъ новыхъ силъ въ производство пошелъ впередъ самымъ форсированнымъ маршемъ. Освободившійся отъ средневѣковыхъ стѣсненій и самъ ничѣмъ не стѣсняющійся предпріимчивый индивидуализмъ сталъ громко выкрикивать и диктовать правило: „Дайте дѣлать, пустите проѣти“.

Говоря о Робертѣ Оуэнѣ, я уже говорилъ и объ индустріально-капиталистическомъ строѣ. Но время Оуэна—время юности и начальнаго развитія этого, поистинѣ, бѣдоноснаго для человѣчества строя, который почти разрушилъ въ рабочей средѣ основную ячейку общества—семью. Съ тѣхъ поръ строй этотъ успѣлъ окрѣпнуть, пустить глубокіе корни, завладѣть понятіями и мнѣніями руководящихъ слоевъ и великолѣпно и безпрепятственно расцвѣсти, говоря: „Мнѣ все подвластно, я же ничему!“. Въ это время слѣдствія этого строя уже даютъ возможность заглянуть на нихъ во весь ихъ громадный ростъ.

Прежде всего остановлю ваше вниманіе на одномъ весьма типичномъ и многопоказательномъ явленіи. Широко развивающаяся благотворительность, ставящая себѣ цѣлью борьбу лишь съ неблаго-

пріятными послѣдствіями капиталистическаго строя, все болѣе принимаетъ формы „трудовой помощи“. Явленіе, повторяю, во всѣхъ отношеніяхъ многозначительное. Присмотримся и попытаемъ выяснить его значеніе.

„Трудовая помощь“... Очевидно, труда, который составляетъ необходимое условіе общественнаго здоровья, не хватаетъ на всѣхъ. Очевидно, въ трудовой арміи есть „люди лишніе“, если уже является необходимымъ, въ качествѣ благотворенія, оказывать помощь отысканіемъ труда. Иначе всякій и безъ посторонняго вмѣшательства, не прибѣгая къ тягостнымъ и принижающимъ одолженіямъ и благодѣяніямъ, самъ бы нашелъ работу для себя. А между тѣмъ общество настойчиво проповѣдуетъ и требуетъ, чтобы каждый „честный человѣкъ“ пріобрѣталъ средства своего существованія. Но гдѣ же этотъ плодотворящій трудъ, трудъ въ количествѣ, достаточномъ для всѣхъ, и какими путями человѣку найти его въ то время, когда предоставленіе труда въ значительной мѣрѣ стало благотвореніемъ, благодѣяніемъ? Очевидно, въ изложенныхъ требованіяхъ и во всемъ вопросѣ кроется глубокое и лицемѣрное противорѣчіе современнаго строя съ основными условіями здоровой общественности.

18.

Неудивительно, поэтому, что въ наше время экономическіе вопросы стоятъ на первомъ планѣ и царятъ надъ всѣми. Поразительные успѣхи техники и организаціи быстро идутъ впередъ и накопляютъ суммы общихъ богатствъ. Значительно только отстаетъ развитіе нравственности во взаимныхъ отношеніяхъ, и потому борьба за жизнь все обостряется, „не давая ни отдыха, ни срока“. Правда, прежнія грубыя формы подчиненія человѣка человѣку постепенно сходятъ со сцены, но они уступаютъ свое мѣсто формамъ болѣе утонченнымъ, исключительно экономическимъ, по виду добровольнымъ, но не менѣе, а, пожалуй, еще болѣе тяжелымъ, со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями для человѣка и общества, повременамъ вызывающими изъ глуби слоевъ народныхъ (какъ это было среди нашихъ сектантовъ) тоскливо-страстный призывъ: „Сойди, Господи, со креста, чтобы намъ было кому молиться и было въ кого вѣровать“.

Наступило царство машины и желѣзныхъ рукъ и развивалась ихъ подавляющая власть надъ рабочимъ. Постепенно совершенствуемыя машины, естественная тенденція которыхъ—безконечно

сокращать трудъ человѣка и давать ему большій досугъ, постепенно все болѣе вторгаются почти во всѣ отрасли производства и вызываютъ глубокій переворотъ въ строѣ хозяйственной и умственно-нравственной жизни народовъ. „Машина въ своемъ приспособленіи ко всякимъ потребностямъ“, не безъ основанія утверждаетъ Алланъ Кларкъ („Фабричная жизнь въ Англіи“), „сдѣлалась почти разумнымъ существомъ, тогда какъ человѣкъ обратился въ машину. Современный рабочій вполнѣ во власти машины, которая, какъ безжалостный хозяинъ, вырываетъ у него заработокъ, лишаетъ его товарищей работы, указываетъ ему часы труда, часы питанія и отдыха, а сами рабочіе нисходятъ до степени машинныхъ частей, приводимыхъ въ движеніе громаднымъ паровымъ двигателемъ... Машинѣ нѣтъ дѣла, ни до слабости, ни до болѣзни, ни до горя и безпокойства... Нѣтъ дѣла до людскихъ воплей и людской печали—рабочіе должны оставлять свою душу и свое сердце дома, когда идутъ на фабрику. Отъ нихъ требуются только „руки“ и немного разсудка, чтобы управлять этими руками, предохранять отъ опасности свое тѣло. Порой душевная пытка мучительнѣе работы, но нужно поспѣвать за машиной“...

Цитируемая работа Кларка, поистинѣ, представляетъ собою „обвинительный актъ“, какъ выражается профессоръ Янжулъ, противъ машины, въ условіяхъ ея теперешняго примѣненія, но обвинительный актъ вполнѣ обоснованный.

Жалобы на машину за то, что она лишаетъ рабочаго куска хлѣба и подвергаетъ его всѣмъ бѣдствіямъ нищеты, идутъ съ самаго начала распространенія машины. Съ того же времени происходятъ повременамъ бурныя вспышки противъ ихъ введенія. Извѣстный изобрѣтатель станка для производства узорчатыхъ тканей, Жаккаръ, былъ брошенъ въ Рону въ одну изъ такихъ вспышекъ. И въ то время, когда рабочіе, понимавшіе опасность безработицы, волновались, циркуляры выражали радость по поводу „большой экономіи рабочихъ рукъ“.

На-ряду съ этимъ и отъ этого расли и растутъ обширныя и даже міровыя предпріятія: различные картели и тресты, скопляющіе колоссальныя богатства въ рукахъ немногихъ. Нарождаются милліардеры, получающіе возможность бросать арміи народовъ въ кровавыя схватки ради содѣйствія интересамъ капитала или, подобно знаменитому американскому милліардеру Моргану, съ достаточными основаніями въ рукахъ, приказывать сообщить президенту республики, что если президентъ отважится примѣнить къ нимъ законъ, направленный противъ трестовъ, то онъ станетъ свидѣтелемъ самой отчаянной

паники, какую когда-либо переживала страна. А бокъ-о-бокъ съ этимъ, машина выбрасываетъ на рынокъ труда множество освобождающихся рукъ, лишенныхъ всякой возможности „честнымъ трудомъ“ зарабатывать кусокъ хлѣба, тоскливо ожидающихъ спроса на свои руки и примѣненія своихъ силъ и въ этомъ тяжеломъ ожиданіи слабѣющихъ и вырождающихся.

Итакъ, отъ увеличивающагося вторженія машинъ, съ одной стороны, постепенно все больше и больше сокращается въ производствѣ потребность въ трудѣ человѣка, а, съ другой стороны, вслѣдствіе того же сокращенія, напротивъ, увеличивается предложеніе труда со стороны лицъ, для которыхъ продолжительный напряженный и изнуряющій трудъ, при теперешнемъ строѣ, является безусловной, повелительной экономической необходимостью. Очевидно вопіющее противорѣчіе въ общественной организаціи, вызывающее импозантныя процессіи многочисленныхъ голодныхъ безработныхъ, громко требующихъ отъ общества, въ силу своего права на жизнь, труда и хлѣба, отсутствіе которыхъ порождаетъ многочисленныя самоубійства отчаявающихся безработныхъ, которымъ часто нѣтъ иного выхода, несмотря на значительный непрерывающійся ростъ богатства родной страны.

Съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ того же усиливается конкурренція; обостряется борьба за жизнь и обезцѣнивается трудъ сначала въ низшихъ (припомнимъ хотя бы „потогонную“ систему производства), а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ высшихъ формахъ (припомнимъ хотя бы сравнительно недавнія сообщенія о самоубійствахъ врачей въ Германіи по трудности добыванія средствъ къ существованію); появляются „безработные“ люди, „люди лишніе“ и „бывшіе люди“, а съ ихъ размноженіемъ ослабляются покупательныя силы внутренняго рынка и, въ то же время, вслѣдствіе требованій усовершенствованной и все совершенствуемой машины, повышается стремленіе къ расширенію производствъ.

Отсюда, съ одной стороны, почти всѣхъ охватывающее стремленіе къ огражденіямъ пошлинами внутренняго рынка, а съ другой стороны — стремленіе къ захватамъ рынковъ внѣшнихъ при посредствѣ чудовищныхъ трестовъ и даже вооруженной рукой, при помощи все питаемаго и развивающагося милитаризма, подтачивающаго производительныя силы народовъ и несущаго съ собою поклоненіе грубой физической силѣ.

Отсюда также повсюду испытываемыя затрудненія, которыя и порождаютъ неясное чувство общественнаго недомоганія, безпокой-

ныя исканія выходовъ и бурныя вспышки, вызываемыя нарождающимся, подъ вліяніемъ самой логики фактовъ, сознаніемъ, что человѣческимъ обществамъ такъ больше жить нельзя.

Интересно, что безпокойныя исканія единовременно проявляются въ экономической и духовно-религіозной областяхъ. Въ этой послѣдней происходятъ исканія міровой религіи братства, которая бы устранила, наконецъ, современные тяжелые общественные недуги, проистекающіе отъ грубыхъ нарушеній законовъ общественности.

Отсюда же эти полублаготворительныя предпріятія и учрежденія общественныхъ работъ для безработныхъ, устройство различныхъ трудовыхъ станцій для рабочихъ, передвигающихся съ мѣста на мѣсто въ погонѣ за работой, домовъ трудолюбія, учрежденіе такъ называемаго „viaticum“ на принципѣ взаимной помощи, учрежденіе страхованій отъ безработицы, однимъ словомъ, цѣлый громадный пучекъ непримиримыхъ общественно-экономическихъ противорѣчій и парадоксовъ.

Но что могутъ всѣ эти палліативы, когда, по свидѣтельству, напримѣръ, „Bulletin de l'Office du Travail“, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства число безработныхъ повременамъ достигаетъ 25% всѣхъ рабочихъ, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на 322 спроса на трудъ приходится 853 его предложенія и когда, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ частяхъ Бельгіи, на каждые 5 человѣкъ рабочихъ приходится 2 человѣка, пользующихся, за недостаточностью ихъ заработка, еще пособіями изъ общественныхъ кассъ?...

19.

Но и всѣмъ этимъ не ограничивается неблагопріятное вліяніе порядковъ современнаго строя. Мелкіе предприниматели и производители выбрасываются изъ производства предпринимателями крупными. И вотъ, благодаря усиленному исканію труда и занятій и ихъ недостаточности, количественно увеличиваются различные виды посредничества, помогающаго машинѣ въ обезцѣненіи труда дѣйствительнаго производителя.

Одинъ изъ относящихся сюда примѣровъ представляетъ производство итальянской мозаики, а также брабантскихъ кружевъ. Благодаря особенностямъ промысла, граничащаго съ областью художества, машина и до сихъ поръ не захватила его, и онъ остается кустарнымъ. Но чего не сдѣлала машина, то сдѣлало торгово-промышленное по-

средничество, которое, въ сущности, взяло это производство въ свои руки и уменьшило заработокъ, низведя его въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 18 копеекъ въ недѣлю для взрослой работницы! Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что ужасная нищета царитъ между производителями художественныхъ кружевъ, продажная цѣна на которыя стоитъ, однако, весьма высокая.

Другой примѣръ представляютъ рыбаки Булони. Они еще очень недавно были участниками въ промыслѣ, имѣвшими свои орудія производства, и зарабатывали на семью отъ 2000 до 4000 франковъ въ годъ, а потомъ были превращены торгово-промышленнымъ посредничествомъ въ простыхъ рабочихъ, работающихъ за 77 франковъ въ мѣсяцъ.

При изслѣдованіяхъ въ Троицкомъ Посадѣ мнѣ пришлось натолкнуться на взрослыхъ дѣвушекъ, размотчицъ шелка, работавшихъ на посредника по 10 копеекъ за долгій рабочій день и притомъ работавшихъ за эту цѣну на своихъ харчахъ, которые состояли изъ хлѣба, доставлявшагося родителями этихъ дѣвушекъ, жившихъ въ близлежащихъ деревняхъ, на цѣлую недѣлю по воскресеньямъ.

Малолѣтніе, подъ именемъ „учениковъ“, хотя учиться долго было нечему, работали за плату 5 копеекъ въ день, также на своихъ харчахъ. Чрезвычайно интересно и характерно для нашей современности объясненіе родителями ихъ согласія на отдачу своихъ дѣтей въ работу за такую ничтожную заработную плату: „Если бы не работалъ, хлѣбъ все-таки бы ѣлъ и пятачка бы не было“.

Подобно этому въ Англіи, какъ видно изъ анкеты 1899 года, дѣти даже въ возрастѣ до 11 лѣтъ, т. е. въ то время, когда организмъ долженъ расти, развиваться и крѣпнуть, подавляются работой изъ за грошеваго заработка.

Надо замѣтить, что еще до Великой Революціи индустріально-капиталистическій строй, не считаясь съ законами существованія человѣка и гибельными послѣдствіями для общества отъ ихъ нарушенія, уже проповѣдывалъ, устами жирондиста Ролана, выгодность утилизированія на фабрикахъ и заводахъ труда женщинъ, которыя „довольствуются меньшимъ“ и тѣмъ самымъ даютъ возможность производить „по наиболѣе низкимъ цѣнамъ“.

За женщиной потянули дѣтей. „Когда капиталъ завладѣлъ машиной“, справедливо говоритъ Марксъ, то его возгласомъ было: „Работа женщинъ, работа дѣтей“. Еще Вильямъ Питтъ совѣтовалъ жаловавшимся на невзгоды предпринимателямъ: „Берите дѣтей“. И дѣтей дѣйствительно стали брать, стали брать шести-семилѣтнихъ,

вслѣдствіе чего фабрики и заводы сдѣлались „темницами для плѣненнаго дѣтства“. Все это одобрялось государствомъ, въ лицѣ его служителей. Бризонъ (Brizon, „Histoire du travail et des travailleurs“) приводитъ интересныя объясненія французскаго министра торговли, утверждавшаго въ 1841 году, что „не слѣдуетъ терять изъ вида, что допущеніе дѣтей на фабрики съ восьмилѣтняго возраста представляетъ собою для родителей средство надзора, для дѣтей—начало обученія, для семьи—источникъ дохода. Привычка къ порядку, дисциплинѣ и труду должна быть пріобрѣтаема съ раннихъ поръ. Большая часть работъ требуетъ быстроты и ловкости, которыя усваиваются только при помощи достаточно продолжительныхъ упражненій, а ихъ начать никогда не рано. Ребенокъ, вступившій съ восьми лѣтъ въ мастерскую, приспособленный къ работѣ, получившій привычку повиновенія и обладающій зачатками элементарнаго образованія, въ десятилѣтнемъ возрастѣ будетъ болѣе пригоденъ переносить усталость, будетъ болѣе способенъ и обученъ, нежели ребенокъ того же возраста, воспитанный въ праздности и въ первый разъ надѣвающій рабочій фартукъ“.

Неудивительно, что, при такихъ взглядахъ, продолжительность работы дѣтей достигала иногда 16 и 17 часовъ въ сутки. Каковы же были результаты? Они указывались, между прочимъ, въ рѣчи одного гигіениста на Цюрихскомъ Международномъ Конгрессѣ по вопросу о покровительствѣ труду (1899). Ораторъ указывалъ, что важнѣйшая причина, оказывающая разрушительное вліяніе на организмъ дѣтей и подростковъ, это излишество работы. Организмъ безусловно нуждается въ достаточномъ отдыхѣ, чтобы выдѣлить изъ себя ядовитые отбросы, образующіеся при мускульной работѣ и при другихъ физіологическихъ процессахъ, и чтобы замѣстить ихъ новыми матеріалами, полученными изъ пищи. Нѣтъ этого отдыха—въ пищеваренiи, въ питаніи и въ нервной системѣ, происходятъ разстройства. Эти разстройства оказываютъ особенно вредное вліяніе на организмъ дѣтей, потому что послѣдній нуждается не только въ замѣщеніи отработавшихъ своихъ частей, но и необходимо требуетъ новыхъ матеріаловъ для своего дальнѣйшаго роста и развитія. „Излишнее утомленіе“, говорилъ оракторъ, „быстро обнаружится у ребенка задержками въ ростѣ, измѣненіями въ характерѣ, который становится мрачнымъ и угрюмымъ, ослабленіемъ умственныхъ способностей и проч. Наконецъ, иногда могутъ развиваться настоящіе психозы. И нѣкоторыя душевныя разстройства, которыя всего чаще встрѣчаются у молодыхъ людей, были названы, по ихъ источнику, психозами оскудѣнія“.

Вдумайтесь въ приведенныя слова, внимательно присмотритесь къ окружающему, и многое, очень многое, станетъ для васъ ясно и вполнѣ понятно въ тягостныхъ явленіяхъ современной общественности. Надо прибавить еще, что, подъ вліяніемъ указанныхъ условій, среди рабочаго населенія расшатывались и расшатываются устои семьи, семья разрушается, появляются захирѣлыя дѣти рабочихъ, а на-ряду съ ними появляются и множатся „дѣти широкой улицы“, „ничьи дѣти“, въ средѣ которыхъ развивается хулиганство, сутенерство и различные виды проституціи. И все это взаимно цѣпляется и обусловливаетъ другъ друга.

Но человѣкъ труда не сдается сразу. Онъ отступаетъ шагъ за шагомъ и опускаетъ руки только вполнѣ обезсиленный, когда онъ уносится потокомъ пауперизма, бродяжества, нищенства или преступленія. Въ этомъ процессѣ постепенно наращающагося обезсиленія и „зарыта собака“ глубокихъ и болѣе общихъ причинъ массоваго алкоголизма, приводящаго громадное число людей въ переполненныя тюрьмы, рабочіе дома, нищенскія депо и прочія учрежденія для лицъ, носящихъ названіе „общественныхъ отбросовъ“, названіе, вполнѣ характерное для современнаго строя и его общественности.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ „пьютъ съ горя“, пьютъ, чтобы „залить горе виномъ“ и чтобы хоть сколько-нибудь поднять свой пониженный жизненный тонъ. А въ результатѣ расшатывается здоровье, эта наибольшая драгоцѣнность человѣка и общества, и нарождается, подъ вліяніемъ закона наслѣдственности, органически обнищалая порода людей, людей „нищихъ духомъ“, почти нетрудоспособныхъ и не имѣющихъ силъ стоять на собственныхъ ногахъ, „развращеніе“ которыхъ вызываетъ потомъ негодующее осужденіе со стороны общества и безпощадныя кары.

Не лучше ли было бы припомнить вѣрованія древнихъ объ озлобленныхъ душахъ умершихъ, которыхъ живые родичи лишили своихъ заботъ?...

Неудивительно также, что при такихъ условіяхъ преступность и рецидивъ всюду количественно расли и растутъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи съ 1826 года по 1880 годъ число кражъ увеличилось на 238%, обмановъ и мошенничествъ—на 323%, злоупотребленій довѣріемъ—на 60%. Съ 1838 года по 1889 годъ населеніе увеличилось на 51%, а корысть—на 69%. Число рецидивистовъ по отношенію къ общему числу обвиняемыхъ съ 1860 года по 1887 годъ возросло съ 31% до 54% и т. д.

Всѣ эти явленія, постепенно количественно все болѣе наращав-

шіяся и все рѣзче бросавшіяся въ глаза, не могли не сосредоточивать на себѣ вниманія общества. Великій государственный человѣкъ Италіи, графъ Кавуръ, умѣвшій понимать непреложное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій въ общественныхъ явленіяхъ, высказалъ ту совершенно вѣрную мысль, что или достаточные классы общества должны будутъ дѣятельно озаботиться улучшеніемъ благосостоянія низшихъ классовъ, или гражданская война станетъ неизбѣжна.

Подтвержденіе этой мысли у насъ на глазахъ.

И причины кроются не въ какой-либо агитаціонной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и партій, а въ самомъ соотношеніи и механизмѣ явленій современной общественной жизни, въ особенностяхъ ея строя, который, какъ костюмъ, когда-то сшитый быстро растущему ребенку, пересталъ быть ему впору и началъ повсюду тѣснить его. Причины этого, очевидно, кроются въ самой логикѣ фактовъ жизни. Передъ нами и здѣсь процессъ эволюціи, но эволюціи отрицательнаго характера.

Начало этого процесса отходитъ ко временамъ разложенія обширныхъ кровныхъ союзовъ, общественно-полезное переживаніе которыхъ представляетъ наша крестьянская община, ко временамъ появленія индивидуальной собственности, на мѣсто собственности родовой, ко временамъ возникновенія обособленности и одиночества личности, ко временамъ возникновенія процента, прообразъ котораго представлялъ собою приплодъ скота, составлявшаго важнѣйшую цѣнность въ пастушескомъ быту, ко временамъ начала военныхъ порабощеній и возникновенія изъ нихъ жесточайшей эксплоатаціи человѣка человѣкомъ.

Начиная отсюда, возникшій процессъ постепенно, поступательно и неуклонно развивался черезъ дальнѣйшіе историческіе ряды послѣдовательныхъ поколѣній до своего апогея, капиталистическаго строя, съ его тонкою, но ужасною, экономическою кабалою, съ его милліардерствомъ, на служеніе которому пошла и прежняя военная дружина, и со многими другими темными явленіями современной общественной жизни, которыя въ своей совокупности и навели осторожнаго графа Кавура на высказанную имъ мысль и при наличности которыхъ „желѣзо превратилось въ гигантское тѣло, съ паромъ въ его жилахъ, съ кожаными мускулами, называемыми ремнями, и, управляемое человѣкомъ съ душою Маммона, сдѣлалось“, по словамъ Аллана Кларка, „чудовищемъ, которое отрываетъ рабочихъ отъ семей, приковываетъ ихъ къ своимъ темницамъ, говоря имъ: «Здѣсь ты будешь моимъ рабомъ или умирай съ голоду»“.

Таково положеніе.

Сводя воедино все сказанное о времени работъ Ломброзо, коротко перечислимъ его характерные признаки: царство машины; усиливающееся выбрасываніе рабочихъ въ ряды безработныхъ; увеличивающееся раздѣленіе труда въ производствахъ; громадныя усовершенствованія въ путяхъ сообщенія и въ облегченіи сношеній; разрастаніе городовъ за счетъ деревень приливомъ деревенскихъ жителей, ищущихъ лучшихъ заработковъ; усиленное привлеченіе дѣтей и женщинъ на фабрики и заводы; увеличивающееся разложеніе рабочей семьи; размноженіе заброшенныхъ дѣтей; концентрація производства; вымираніе мелкихъ производителей; размноженіе различныхъ случайныхъ промысловъ; концентрація капиталовъ; развитіе высшаго слоя капиталистовъ и превращеніе ихъ не только въ классъ богачей, но и въ классъ правительствующій; побѣда кодекса „биржевой нравственности“, и прогрессирующее вырожденіе породы со всѣми сопутствующими ему мрачными явленіями жизни.

20.

Въ совокупности всѣхъ этихъ условій и лежатъ глубокія причины того, что именно ко времени перваго появленія труда профессора Ломброзо пріурочивается усиленный интересъ къ изученію явленій человѣческой преступности и другихъ, родственныхъ ей, явленій. Болѣзнь общественнаго организма къ этому времени слишкомъ уже развилась и настоятельно, съ угрозами, стала требовать радикальнаго леченія, въ которомъ первымъ шагомъ служитъ изученіе причинъ и процессовъ явленій, сосредоточившихъ на себѣ вниманіе.

Первое изданіе знаменитаго труда Ломброзо „Преступный человѣкъ“ появлялось сначала частями въ „Atti dell'Instituto Lombardo“, начиная съ 1871 года; отдѣльнымъ изданіемъ оно появилось въ 1876 году. Поводомъ къ его разработкѣ послужило изученіе нѣкоторыхъ сомнительныхъ судебно-уголовныхъ случаевъ, которые, какъ разсказываетъ самъ Ломброзо, показали ему, что, за рѣдкими только исключеніями, душевно-больные и преступники довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга и, въ то же время, тѣ и другіе отличаются и отъ нормальныхъ людей.

Въ 1878 году, воспользовавшись изслѣдованіями другихъ лицъ, Ломброзо выпустилъ уже второе, значительно переработанное изданіе,

которое, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ нему, представляетъ собою какъ бы новую работу.

Съ этихъ поръ появляется рядъ постоянно перерабатываемыхъ и дополняемыхъ изданій „Преступнаго человѣка“. Такимъ образомъ, это сочиненіе является трудомъ почти всей трудовой жизни извѣстнаго ученаго. Въ 1906 году, какъ я уже сказалъ, состоялось международное празднованіе 30-лѣтняго юбилея дня выхода въ свѣтъ законченнаго перваго изданія этого знаменитаго сочиненія. Въ напечатанномъ ко дню юбилея жизнеописаніи Ломброзо поражаетъ читателя списокъ многочисленныхъ работъ этого неутомимаго ученаго изслѣдователя и искателя научной истины. Президентъ Организаціоннаго Комитета Конгресса, профессоръ Біанки, въ своей рѣчи высказалъ ту мысль, что, заслуженно чествуя Ломброзо, въ то же время чествуютъ и цѣлую отрасль научнаго знанія, которой суждено устранить древніе предразсудки въ области уголовнаго правосудія и основать послѣднее на болѣе солидныхъ и справедливыхъ началахъ. Итальянскій король прислалъ Ломброзо поздравительную телеграмму, которой онъ присоединился къ общему чествованію автора „Преступнаго человѣка“. Въ свою очередь, французское правительство назначило его командоромъ ордена Почетнаго Легіона.

Въ трудѣ Ломброзо мы не найдемъ какихъ-либо новыхъ научныхъ мыслей по отношенію къ основнымъ вопросамъ, касающимся объекта изученія преступнаго человѣка. Всѣ такія положенія имъ заимствованы. Всѣ они находятся, болѣе или менѣе ясно высказанными, въ работахъ предшествовавшихъ ему изслѣдованіяхъ, особенно, какъ я уже упоминалъ, въ приведенныхъ мною работахъ Томсона. Мало того, на пространствѣ послѣдовательной разработки этого сочиненія мы найдемъ въ немъ важные недостатки, промахи, недосмотры, спѣшныя и недостаточно обоснованныя обобщенія.

Тѣмъ не менѣе, сочиненіе это образуетъ собою эпоху въ наукѣ. Ломброзо неоспоримо принадлежитъ неумирающая заслуга. Онъ безповоротно и окончательно перенесъ вопросъ о человѣческой преступности изъ области умозрительныхъ построеній въ область положительной науки, въ область наблюденія и опыта, связалъ его съ другими областями естествознанія и примѣнилъ къ его изученію точные научные методы.

Эта выдающаяся заслуга Ломброзо была ясно отмѣчена еще въ 1885 году извѣстнымъ нѣмецкимъ юристомъ, покойнымъ профессоромъ Гольцендрофомъ, слова котораго я приводилъ, характеризуя новое научное направленіе, уголовно-антропологическую школу.

Впрочемъ, не лишне замѣтить, что ко времени начала работъ Ломброзо сознаніе необходимости перенесенія вопроса о человѣческой преступности въ область положительнаго знанія и необходимость примѣненія къ его изученію методовъ опыта и наблюденія уже вполнѣ назрѣло и было какъ бы разлито въ воздухѣ. Развитіе естествознанія и мощь его методовъ, наглядно доказывавшаяся результатами ихъ примѣненія къ изученію, были слишкомъ очевидны и, ярко бросаясь въ глаза, невольно наводили на мысль о необходимости примѣненія этихъ методовъ и въ области соціологіи, къ которой относится и уголовное право, какъ научная дисциплина.

Въ это время даже у насъ профессоръ М. В. Духовской (1850—1903) въ своей вступительной лекціи, читанной въ 1873 году, рѣшительно высказался противъ абстракцій, абсолютовъ и метода чистаго разума, признавая необходимымъ примѣненіе и къ разработкѣ уголовнаго права методовъ опыта и наблюденія. По его мнѣнію, эта наука не можетъ заниматься, какъ утверждаютъ классики, только изученіемъ преступленій и наказаній. Подобно всѣмъ опытнымъ наукамъ, она не можетъ не признавать, что для измѣненія явленій прежде всего необходимо изученіе этихъ явленіи въ ихъ причинахъ. Только зная причины или факторы и устраняя ихъ, можно устранять и измѣнять и производимыя ими явленія, въ данномъ случаѣ—преступленія.

Въ этихъ положеніяхъ покойнаго Духовского, очевидно, заключается и мысль о необходимости всесторонняго изученія преступника, какъ дѣятеля преступленія, а также и соціальныхъ причинъ, его производящихъ.

21.

Въ 1880 году Ломброзо основалъ спеціальный журналъ: „Архивъ психіатріи, уголовной антропологіи и науки уголовнаго права для содѣйствія изученію душевно-больного и преступнаго человѣка“ („Archivio di psichiatria, antropologia criminale e scienze penali per servire allo studio dell'uomo alienato e delinquente“), около котораго сгруппировались ученики и послѣдователи знаменитаго профессора и который до настоящаго времени служитъ главнымъ органомъ уголовно-антропологической школы.

Со времени начала появленій постепенно перерабатывавшагося и развивавшагося труда Ломброзо, интересъ къ изученію явленій чело-

ческой преступности не только не ослабѣвалъ и не прекращался, а, напротивъ, вслѣдствіе отмѣченныхъ мною общихъ условій, постепенно наращался и наращается.

Въ этотъ періодъ времени, благодаря яркости научнаго освѣщенія, явленія преступности въ нашемъ умѣ начали тѣсно соприкасаться и связываться, какъ по своимъ факторамъ, такъ и по своему существу, съ явленіями вырожденія породы, съ явленіями органическаго оскудѣнія и задержки въ органическомъ развитіи представителей низшихъ, экономически дурно-обставленныхъ, классовъ общества и вообще со всѣмъ великимъ современнымъ соціальнымъ вопросомъ.

Благодаря этому, явленія преступности представляются нашему уму, вооруженному положительными знаніями, какъ одни изъ наиболѣе неблагопріятныхъ, но необходимыхъ, слѣдствій современнаго строя отношеній въ человѣческомъ обществѣ, слѣдствій, которыя развиваются совмѣстно съ этимъ строемъ и которыя, по мѣрѣ повышенія нравственнаго уровня и распространенія нравственнаго пониманія непреложнаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій въ общественныхъ явленіяхъ будутъ соотвѣтственно ослабѣвать, на-ряду съ постепеннымъ измѣненіемъ строя человѣческихъ взаимоотношеній, отъ современнаго его состоянія къ болѣе справедливому. Главное значеніе уголовной антропологіи именно и заключается въ томъ, что, затрагивая чувство, она не базируется на немъ. Съ твердо установленными фактами въ рукахъ и съ указаніемъ ихъ непреложной связи и соотношеній она обращается прежде всего къ уму человѣка и разумному пониманію имъ не только общественныхъ, но и его личныхъ интересовъ.

Въ сочиненіи Ломброзо собранъ многочисленнѣйшій систематизированный фактическій матеріалъ, накопленный долговременными личными изслѣдованіями автора, а также и совокупность научныхъ данныхъ, заключающихся въ научныхъ трудахъ другихъ изслѣдователей, затрагивавшихъ и освѣщавшихъ вопросъ о явленіяхъ человѣческой преступности. Одни изъ этихъ изслѣдователей работали самостоятельно, а другіе—подъ большимъ или меньшимъ руководствомъ или вліяніемъ Ломброзо, въ качествѣ его учениковъ или послѣдо-

вате ей.

Понятно, что такое сочиненіе представляетъ собою весьма важный научный трудъ, разносторонній матеріалъ котораго собирался повсюду, гдѣ только можно было найти его. Въ своихъ постоянно перерабатывавшихся изданіяхъ сочиненіе это представляетъ собою какъ бы цѣлую живую отрасль постепенно и неустанно развивающейся науки. Въ немъ, какъ я сказалъ уже, есть, конечно, не мало

слабыхъ сторонъ, но иначе и быть не можетъ, когда даже одна группировка и систематизація собранныхъ разнообразныхъ данныхъ уже представляетъ собою громадный трудъ.

Ломброзо изучаетъ изслѣдуемый предметъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ его мельчайшихъ особенностяхъ. Въ своемъ „L'Uomo delinquente“ онъ стремится разработать естественную исторію преступленія, его естественную эволюцію отъ низшихъ біологическихъ формъ. Руководясь общей идеей эволюціи въ царствѣ жизни, онъ сближаетъ явленія преступности въ человѣческомъ обществѣ съ тѣмъ, что онъ называетъ ихъ эквивалентами въ царствѣ растеній (насѣкомоядныя растенія) и животныхъ (взаимныя поѣданія животныхъ одной породы, бои изъ-за самокъ, изъ-за преобладанія въ стадѣ и т. д.).

Въ самомъ человѣческомъ обществѣ онъ изучаетъ преступность и преступника всесторонне, какъ явленія природы и общества, и притомъ изучаетъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ. При такой широкой постановкѣ работы по одному изъ наиболѣе сложныхъ соціолого-антропологическихъ вопросовъ, недочеты и промахи, конечно, неизбѣжны. Они, впрочемъ, не опасны. Результаты, получаемые строго научными методами наблюденія и опыта, всегда сравнительно легко допускаютъ провѣрку и внесеніе необходимыхъ поправокъ, что въ значительной мѣрѣ и имѣло мѣсто по отношенію къ „Преступному человѣку“ Ломброзо.

Богатство фактическаго матеріала чрезвычайно затрудняетъ сжатую передачу содержанія этой работы. Для людей, спеціально не занимающихся детальнымъ изученіемъ вопроса о преступности, слѣдуетъ рекомендовать другую, меньшую по объему, работу того же автора, „Преступленіе, причины и средства леченія“ („Le crime, causes et remèdes“).

Намъ теперь будетъ весьма интересно познакомиться съ послѣдовательнымъ развитіемъ научной мысли автора „Преступнаго человѣка“, мысли, опиравшейся на указанія фактовъ и постепенно приведшей Ломброзо къ его конечнымъ выводамъ.

Поводомъ къ началу работы Депина послужило, какъ вы помните, подмѣченное имъ и поразившее его отсутствіе у тяжкихъ преступниковъ угрызеній совѣсти послѣ совершенія ими преступленій. Толчкомъ же къ началу изслѣдованій Ломброзо послужило изученіе

нѣкоторыхъ сомнительныхъ судебно-медицинскихъ случаевъ, которое показало ему, какъ разсказываетъ онъ самъ, что душевно-больные и преступники, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, значительно отличаются другъ отъ друга и въ то же время отличаются и отъ нормальныхъ людей.

Если же это такъ, то, спрашивается, что именно отдѣляетъ и обособляетъ преступниковъ отъ честныхъ или, правильнѣе, отъ неосужденныхъ по суду людей, такъ какъ съ достовѣрностью мы можемъ говорить только о такихъ? Въ работахъ предшествовавшихъ изслѣдователей имѣлись указанія, въ какомъ направленіи можно искать отвѣта на этотъ вопросъ.

Припомните, что Томсонъ, на основаніи собственныхъ изслѣдованій и наблюденій надъ преступниками, приходилъ къ заключенію о существованіи особаго преступнаго класса, представляющаго свои особенности физическія и психическія. Представители этого класса неисправимы, и между ними весьма распространены различныя формы душевныхъ болѣзней (къ числу которыхъ принадлежитъ и нравственное помѣшательство) вообще и эпилепсія въ частности.

По своимъ физическимъ качествамъ они принадлежатъ къ низшему человѣческому типу, представляютъ собою продуктъ вырожденія, какихъ-то полуцивилизованныхъ дикарей въ современномъ обществѣ, дикарей, напоминающихъ членовъ полчищъ Аттилы или Гензериха. Они соединяются съ подобными себѣ и производятъ развращенное и преступное потомство, наслѣдственно-предрасположенное къ преступленію.

Въ этихъ отношеніяхъ, какъ вы легко можете понять, заключается какъ бы цѣлый планъ и программа для обширнаго изслѣдованія обосновывающихъ подробностей. Ихъ вліяніемъ, думаю я, и объясняется ходъ мыслей въ работѣ Ломброзо и въ ея послѣдовательно развивавшихся стадіяхъ, приносившихъ съ собою различныя измѣненія.

Вліяніе это отразилось и въ самомъ названіи сочиненія: „Преступный человѣкъ“, т. е. единый типъ опредѣленной разновидности, подобно типу какого-нибудь кафра, готтентота и т. д. Такимъ образомъ, то, что у Томсона являлось основывающимся на наблюденіи уподобленіемъ, выводомъ, у Ломброзо явилось уже исходнымъ началомъ его изслѣдованія. Если преступники значительно отличаются отъ душевно-больныхъ и отъ нормальныхъ людей, то кто же они? Дѣйствительно, не дикари ли, подобные соратникамъ Аттилы и Гензериха, какъ склонялся думать Томсонъ? Таковъ ходъ мыслей и

вопросовъ, которымъ, какъ кажется, и объясняется почему Ломброзо началъ изслѣдованіе въ своемъ „L'Uomo delinquente“ сравнительнымъ изученіемъ череповъ европейскихъ (въ частности итальянскихъ) преступниковъ и череповъ кафровъ и готтентотовъ.

Изученіе это еще больше подкрѣпило въ умѣ Ломброзо вліяніе мысли объ уподобленіи преступниковъ дикарямъ и привело къ выводу, что органическія особенности преступниковъ имѣютъ много сходства съ органическими особенностями представителей цвѣтныхъ расъ и представляютъ значительныя аномаліи, часто встрѣчающіяся у одного и того же индивида не въ одиночку, а въ скопленіяхъ.

Образецъ болѣе подробнаго плана изслѣдованія профессору Ломброзо, повидимому, дало другое сочиненіе: прекрасная работа Паранъ-Дюшателе „Проституція въ городѣ Парижѣ“ (Parent-Duchâtelet, „De la prostitution dans la ville de Paris considerée sous le rapport de l'hygiène publique, de la morale et de l'administration“, 1836), которымъ, какъ это видно изъ ссылокъ, Ломброзо широко пользовался и по плану котораго онъ построилъ свое изслѣдованіе.

Паранъ-Дюшателе изслѣдовалъ и описалъ проститутокъ, какъ особый профессіональный классъ, обособляемый въ одно сложное цѣлое однообразнымъ признакомъ. Такимъ признакомъ является злоупотребленіе одною изъ наиболѣе важныхъ органическихъ функцій въ качествѣ профессіи, злоупотребленіе, которое, по органическимъ законамъ, въ большей или меньшей мѣрѣ отражается во всей экономіи психо-физическаго организма самихъ злоупотребляющихъ, т. е. проститутокъ, притомъ же въ большинствѣ случаевъ живущихъ въ своеобразныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ, связанныхъ съ ихъ печальной профессіей.

Ломброзо же выдѣлилъ изучавшихся имъ преступниковъ не какъ профессіональный классъ, а какъ нѣкую какъ бы естественную органическую разновидность, представляющую свой особый физическій и психическій типъ.

Но, во-первыхъ, самый признакъ преступности, какъ особляющій и объединяющій въ одно цѣлое, далеко не вполнѣ устойчивъ.

Въ своей „Исторіи преступленія въ Англіи“ Пайкъ (Pike, „A history of crime in England“) совершенно справедливо указываетъ, что „не было и нѣтъ преступленія помимо тѣхъ дѣйствій, которыя законъ объявляетъ преступными и за которыя онъ назначаетъ наказанія, и нѣтъ дѣйствія, которое не могло бы стать преступнымъ, если господствующая въ той или другой странѣ власть издастъ законъ чтобы его паказывать“.

Таково единственно возможное опредѣленіе преступленія. Изъ него вы видите, что въ понятіи преступленія есть извѣстная доля условности. Правда, нѣкоторые ученые, напримѣръ, Гарофало, о которомъ я упоминалъ ранѣе, говоря о Вольтерѣ, стремятся устранить эту условность и, при помощи анализа, установить устойчивые признаки, выдѣляющіе нѣкоторыя типичныя вредоносныя дѣйствія въ качествѣ преступленій основныхъ и создающіе понятіе „естественнаго преступленія“ („delitto naturale“), которое, по мнѣнію Гарофало, равнозначно, какъ вы помните, вредоносному дѣйствію, нарушающему составныя части альтруистическаго чувства: чувство состраданія и чувство справедливости, и, притомъ, нарушающему ихъ среднюю мѣру, которая единственна данному обществу. Всѣ подобныя изслѣдованія могутъ, конечно, имѣть значеніе въ качествѣ руководящихъ соображеній для законодателя и для общественнаго мнѣнія, но они, во всякомъ случаѣ, не могутъ исключать элемента условности изъ понятія преступленія, какъ оно извѣстно практикѣ.

Наконецъ, жизненныя положенія различныхъ преступниковъ, ближайшіе поводы къ совершенію ими преступленій и вся обстановка послѣднихъ, а также самые роды и виды преступленій значительно разнообразны, и въ выборѣ ихъ нарушители запретовъ, какъ и во всемъ остальномъ, руководимы различными психо-физическими особенностями своей индивидуальной природы. Все это вмѣстѣ взятое рѣшительно говоритъ противъ произведеннаго вначалѣ Ломброзо пріуроченія всѣхъ преступниковъ къ одному искусственно созданному анатомо-психо-физіологическому типу, въ значительной мѣрѣ описанному по схемѣ Паранъ-Дюшателе.

Въ первыхъ изданіяхъ своего труда Ломброзо выдѣлилъ изъ общей массы преступниковъ только преступниковъ по страсти. При этомъ онъ указалъ какъ на отличительные, на слѣдующіе признаки: сангвиническій или нервный темпераментъ, по преимуществу; отсутствіе наружныхъ аномалій; проявленія внутренняго потрясенія и раскаянія послѣ совершенія преступленій; отсутствіе запирательствъ и проч.

Въ первой части своей работы, которая соотвѣтствуетъ тому, что въ медицинѣ въ исторіяхъ болѣзни называютъ „status praesens“, Ломброзо изслѣдовалъ и описалъ особенности физическія и психическія своего, вначалѣ единаго, „преступнаго человѣка“.

Въ ней мы находимъ описаніе его антропометрическихъ, физіогномическихъ и физіологическихъ особенностей, къ числу которыхъ принадлежатъ, между прочимъ: болѣе часто, нежели у нормальныхъ людей, встрѣчающаяся субмикроцефалія; ассиметрія черепа съ большимъ преобладаніемъ правой стороны; усиленное развитіе челюстей; значительно большее, нежели у „непреступнаго“ человѣка, внѣшнее сходство половъ (мужской видъ у женщинъ); убѣгающій назадъ лобъ; меньшая мускульная сила, особенно съ правой стороны; лѣворучіе или манчинизмъ; пониженная реакція кровеносныхъ сосудовъ и неспособность краснѣть и т. д.

Какъ на особенности „преступнаго человѣка“ въ психической области, Ломброзо указываетъ на: пониженную физическую чувствительность, а иногда и полную аналгезію; нравственную нечувствительность; отсутствіе сочувственныхъ движеній души; бравированіе собственной жизнью и усиленную склонность къ самоубійствамъ; измѣнчивость чувствъ; усиленно развитое самочувствіе; крайнюю тщеславность; поразительную непредусмотрительность; усиленную наклонность къ мечтательности; часто наблюдаемую жестокость; влеченіе къ крови и наслажденіе ею, соединяющееся съ половой похотью; страсть къ играмъ и вину; усиленную склонность къ разврату и вкусовымъ удовольствіямъ; глубокую апатію и инертность; болѣе ограниченныя умственныя способности, малую ихъ энергію и вытекающую изъ того неспособность къ усидчивому, длящемуся труду; поразительныя легковѣріе и легкомысліе; малую логичность и неблагоразуміе въ выборѣ и примѣненіи способовъ совершенія преступленій, въ которыхъ наблюдается крайнее однообразіе пріемовъ. Конечно, и между преступниками, какъ исключенія, существуютъ даровитые и даже геніальные люди, подобные знаменитому сыщику Видоку (Vidocq, 1775—1857), но у нихъ по большей части наблюдается недостатокъ предусмотрительности, препятствующій имъ доводить ихъ планы до благопріятнаго конца.

Въ этомъ описаніи психическихъ особенностей, болѣе обычно наблюдаемыхъ у преступниковъ, живо чувствуется та фактическая почва, на которой оно, при посредствѣ наблюденія дѣйствительности, обосновано. Вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ труда понимается, при сколько-нибудь вдумчивомъ отношеніи къ указываемымъ въ этомъ описаніи психическимъ проявленіямъ, какъ лежащія въ ихъ основѣ особенности натуры, унаслѣдованныя или благопріобрѣтенныя, легко дѣлаютъ ихъ обладателей жизненными незадачниками, портятъ ихъ

отношенія къ окружающимъ и предрасполагаютъ ихъ къ нелегальнымъ дѣйствіямъ, къ преступленію.

Не проходитъ Ломброзо молчаніемъ высшія и сложныя проявленія душевной дѣятельности преступниковъ, напримѣръ, религію ихъ. Она, по его словамъ, представляется у нихъ крайне чувственной и соединенной со множествомъ суевѣрій. Изъ Бога любви, мира и правосудія она дѣлаетъ какого-то благопріятствующаго покровителя преступленій.

Въ своемъ описаніи Ломброзо не забываетъ и языка или, правильнѣе, жаргона преступниковъ, ихъ письмо и литературу, для которой непристойныя произведенія Овидія, Петронія и Аретина могли бы служить образцами.

24.

Такова первая часть знаменитаго труда Ломброзо. Конечно, нельзя было дать сколько-нибудь исчерпывающаго изложенія ея богатаго фактическаго содержанія. Но изъ сказаннаго все же можно видѣть, что собранныя данныя, выясняющія аномаліи преступниковъ, общія имъ съ вырождающимися Мореля, не даютъ, однако, достаточныхъ основаній для выдѣленія какого-то особаго преступнаго типа, какъ это дѣлалъ Ломброзо.

Надо сказать, что описанные признаки наблюдались въ различныхъ количествахъ и комбинаціяхъ у различныхъ преступниковъ и объединены, во всей своей суммѣ, въ одно общее цѣлое, въ типъ, только описаніемъ. Сверхъ того, для того, чтобы имѣть основаніе для выдѣленія особаго „преступнаго типа“, надо было бы сначала доказать, что приводимые признаки, или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, суть признаки специфическіе, присущіе только преступникамъ и не встрѣчающіеся у непреступныхъ людей. Ничего подобнаго не доказано и не можетъ быть доказано, потому что всѣ эти признаки суть признаки вырожденія, наблюдаемые также въ различныхъ количествахъ у различныхъ вырождающихся, но не преступниковъ. Самъ Ломброзо указываетъ, что описанные имъ признаки встрѣчаются и у людей непреступныхъ и что, напротивъ, нѣкоторые преступники представляютъ собою прекрасные физическіе типы.

Если сопоставить со сказаннымъ данныя изслѣдованія представителей загнанныхъ и обездоленныхъ классовъ населенія, поражаемыхъ недоразвитіемъ и органическимъ оскудѣніемъ, результатами ихъ

небла гопріятныхъ жизненныхъ положеній, то легко будетъ наглядно видѣть всю невозможность обособленія „преступнаго типа“ и выдѣленія преступниковъ въ особый органически-отграниченный классъ, который, какъ я сказалъ, представляетъ собой одинъ изъ потоковъ, берущихъ свое начало изъ области многообразныхъ явленій физическаго и умственно-нравственнаго вырожденія породы, обусловливаемаго вольнымъ или невольнымъ нарушеніемъ законовъ жизни.

Самъ Ломброзо пришелъ къ убѣжденію, что изслѣдованные имъ преступники сходны, по своему типу, съ австралійцами и монголами и приближаются по своимъ аномаліямъ, съ одной стороны, къ душевно-больнымъ, а съ другой—еще болѣе къ дикарямъ. Отсюда и начальное объясненіе, что преступники представляютъ собою явленіе атавизма, т. е. возврата къ прежнимъ стадіямъ развитія, къ его низшимъ типамъ, иначе говоря, что преступники суть запоздалые дикари въ современномъ цивилизованномъ обществѣ.

Приведенное сообщеніе въ соціальномъ отношеніи, однако, мало что объясняетъ. Если бы дикари вообще и монголы въ частности были поголовно или почти всѣ или даже только по большей части совершителями преступныхъ дѣяній, хотя бы исключительно только по отношенію къ иноплеменникамъ, тогда бы теорія атавизма преступниковъ объясняла многое. Дѣйствительность, однако, говоритъ иное.

Я уже указывалъ на особенности нравовъ многихъ дикихъ племенъ. Эти племена, по мягкости своихъ нравовъ и по ничтожной напряженности въ ихъ средѣ преступности, могутъ быть поставлены въ примѣръ образованнымъ европейцамъ. „Жизнь монголовъ“, говоритъ извѣстный географъ Г. Н. Потанинъ въ своихъ „Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи“ (1883), „проходитъ тихо; нравы ихъ мягки, о звѣрскомъ обращеніи съ женами или дѣтьми не слышно, преступленія, въ особенности убійства, случаются рѣдко. Иностранецъ можетъ спокойно путешествовать по странѣ; русскіе приказчики въ одиночку разъѣзжаютъ по кочевьямъ съ товарами и не жалуются на обиды“. Спрашивается, гдѣ же здѣсь развитіе преступности? Самъ Ломброзо упоминаетъ объ указаніи Спенсера на хорошія качества тѣхъ дикихъ племенъ, у которыхъ война не въ почетѣ.

Ломброзо возражали, между прочимъ, Элизе Реклю и князь П. А. Кропоткинъ, указывая на чистые и добрые нравы нѣкоторыхъ дикихъ племенъ; на это онъ отвѣчалъ, что для совершенія нѣкоторыхъ преступленій необходима извѣстная степень плотности населенія и извѣстная уже степень ассоціированности. Тамъ, гдѣ нѣтъ собственности, не могутъ существовать преступленія, объединяемые по-

нятіемъ воровства; гдѣ нѣтъ торговли, не можетъ быть преступленія мошенничества и т. д. Ясно, однако, что этотъ отвѣтъ нисколько не ослабляетъ силы сдѣланнаго возраженія.

Сверхъ того, необходимо отмѣтить, что у дикихъ невырождающихся народностей ихъ органическія особенности представляютъ собою результатъ органическаго прогресса, по сравненію съ болѣе ранними періодами жизни и развитія тѣхъ же народностей, тогда какъ психо-физическія уклоненія, наблюдаемыя у преступниковъ, суть болѣзненные результаты процесса вырожденія породы, регресса, вызываемаго такими пагубными факторами, какъ крайняя скученность въ зловонныхъ жилищахъ съ ихъ зараженнымъ воздухомъ, недостаточное и дурное питаніе, рабочее переутомленіе, алкоголизмъ, рафинированный половой развратъ, и прочими горькими плодами современной капиталистической цивилизаціи, дорогими жертвами богу этой цивилизаціи—рублю.

Конечно, вырожденіемъ поражаются, прежде другихъ, высшія и болѣе позднія пріобрѣтенія психо-физическаго развитія человѣка, вслѣдствіе чего и получаются сходства съ типами низшаго развитія.

Ломброзо, между прочимъ, указываетъ на опыты Эттингсхаузена (Ettingshausen). Охлаждая корни дуба такъ, что они частично поражались, Эттингсхаузенъ получалъ на слѣдующій годъ на этомъ экземплярѣ не листья современнаго дуба, а листья, одинаковые съ листьями дуба третичной эпохи.

Тѣмъ не менѣе, пораженный дубъ не будетъ вполнѣ тождественъ въ своемъ органическомъ состояніи съ здоровымъ дубомъ предшествовавшей отдаленной эпохи. Лучшимъ подтвержденіемъ значительнаго различія служитъ уже то, что процессъ незадерживаемаго наращающагося вырожденія, плодомъ котораго, между прочимъ, является и повышеніе наклонности къ преступленію, ведетъ постепенно къ безплодію и вымиранію рода, тогда какъ здоровые представители хотя бы и низшихъ ступеней развитія при условіяхъ жизни, не вызывающихъ вырожденія, наклонны къ размноженію и психофизическому совершенствованію.

25.

Говоря о трудѣ Лоброзо, нельзя не упомянуть о статистическомъ методѣ или методѣ большихъ чиселъ. Методъ этотъ широко примѣ-

нялся Ломброзо къ изученію занимавшихъ его соціальныхъ и нравственныхъ явленій.

Несомнѣнно, что этотъ методъ можетъ и долженъ примѣняться въ этой области. Несомнѣнно также, что въ ней онъ можетъ оказывать неоцѣненныя услуги. Тѣмъ не менѣе, примѣняя его, не должно ни на минуту забывать, что, вслѣдствіе крайней сложности общественныхъ и нравственныхъ явленій, здѣсь роль его очень и очень второстепенна. „Цифра“, справедливо замѣчаетъ Рибо, „инструментъ слишкомъ грубый, чтобы имъ разбирать тонкую основу этихъ явленій (общественныхъ и нравственныхъ), и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ недостаточный, чтобы проникать далеко вглубь ихъ многообразной и сложной природы. При своей кажущейся точности, онъ всегда остается на поверхности“. При изученіи явленій общественныхъ и нравственныхъ, гораздо болѣе поучительны, сравнительно съ результатами, даваемыми методомъ большихъ чиселъ, результаты, доставляемые методомъ обстоятельнаго и всесторонняго изученія отдѣльныхъ случаевъ, какъ на это основательно указываетъ докторъ Мебіусъ. При такомъ изученіи, неразрывное соотношеніе факторовъ и ихъ производныхъ обыкновенно обнаруживается достаточно ясно, наглядно и даетъ возможность улавливать то, что можно назвать механизмомъ явленія. Имѣя, напримѣръ, передъ глазами полную исторію того или другого отдѣльнаго преступленія, мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить въ послѣдовательныхъ событіяхъ этой исторіи вліяніе различныхъ дѣйствовавшихъ въ ней факторовъ и, такимъ образомъ, вскрыть ходъ постепеннаго развитія произведеннаго этими факторами конечнаго результата, т. е. изучаемаго нами преступленія.

Иное получается, когда мы дѣйствуемъ при посредствѣ метода большихъ чиселъ. При его примѣненіи индивидуальность всѣхъ отдѣльныхъ слагающихъ утрачивается, и каждое изъ нихъ превращается для насъ въ отвлеченную единицу съ какимъ-либо только однимъ признакомъ, по которому мы и группируемъ индивидуально чрезвычайно различные факты. Если же потомъ мы послѣдовательно перегруппируемъ тѣ же факты по другому, третьему и т. д. признакамъ, то и въ этомъ случаѣ мы не будемъ имѣть рѣшительно никакой возможности слѣдить (что весьма важно для изученія) за распредѣленіемъ по новымъ группамъ нашихъ, прежде группировавшихся по другимъ признакамъ, отдѣльныхъ опредѣленныхъ слагающихъ, которыя, при объединеніи ихъ въ большія числа, утрачиваютъ для насъ всякую индивидуальность и становятся нераспознаваемыми въ общей массѣ.

Поэтому въ области изученія явленій преступности правильнѣе идти тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ психіатрія при изученіи душевныхъ болѣзней. Она прежде всего изучаетъ отдѣльные случаи, отдѣльныя исторіи болѣзней и употребляетъ методъ большихъ чиселъ, какъ подсобный. Въ области же изученія явленій преступности дѣло пока все еще продолжаетъ обстоять иначе. Здѣсь, въ области соціальныхъ и нравственныхъ явленій, для открытія и изученія ихъ причинъ прежде всего хотятъ дѣйствовать примѣненіемъ метода большихъ чиселъ. Особенно въ этомъ отношеніи грѣшитъ соціологическая школа уголовнаго права, ведущая свое начало отъ Кетле.

Насколько, спрашивается, правиленъ такой пріемъ?

Возьмемъ примѣръ.

Группируя преступленія по мѣсяцамъ года, а тѣмъ самымъ и по періодамъ различной температуры, мы находимъ, напримѣръ, что на періодъ высокой температуры приходится повышеніе числа преступленій противъ личности и пониженіе числа преступленій противъ собственности, а на періодъ низкой—пониженіе числа первыхъ и повышеніе числа вторыхъ. Оставаясь въ предѣлахъ только этихъ данныхъ, къ какому выводу можно придти? Не къ тому ли, пожалуй, что опредѣляющей причиной преступленій противъ личности является высокая температура?

Поставимъ, однако, вопросъ нѣсколько иначе и спросимъ: почему не всѣ люди, одновременно подвергающіеся вліянію высокой температуры въ какой-либо одной мѣстности, совершаютъ преступленія противъ личности? Руководствуясь всею совокупностью данныхъ нашихъ провѣренныхъ наблюденій и опыта, мы должны будемъ отвѣтить, что это прежде всего происходитъ, вѣроятно, отъ того, что люди, живущіе въ одной мѣстности, съ физической и психической стороны различны. Говоря иначе, одни унаслѣдованными или благопріобрѣтенными особенностями своей натуры болѣе предрасположены именно къ этимъ преступленіямъ, тогда какъ другіе этого предрасположенія почти или вовсе не имѣютъ. Но теперь, за этимъ первымъ вопросомъ и предположительнымъ на него отвѣтомъ, родятся другіе вопросы: въ чемъ состоитъ это предрасположеніе? какіе факторы его порождаютъ и какія условія способствуютъ его проявленію и проч.? Въ свою очередь, эти вопросы приводятъ насъ къ заключенію о необходимости тщательнаго индивидуальнаго изученія психо-физическихъ особенностей дѣйствовавшихъ личностей и всѣхъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ они слагались, развивались и жили до времени совершенія преступленій; это изученіе уже выяснитъ дѣйствительные факторы

изслѣдованныхъ особенностей и дѣйствительныя средства для ихъ устраненія, а черезъ то, и для борьбы съ преступленіемъ. При этомъ передъ нами будутъ уже не гадательныя предположенія, доставляемыя методомъ большихъ чиселъ, а изученныя въ самомъ своемъ механизмѣ явленія.

Таково важное различіе въ результатахъ, обусловливаемое примѣненіемъ того или другого изъ двухъ разсматриваемыхъ методовъ. Этимъ, конечно, я вовсе не имѣю въ виду доказывать безполезность метода большихъ чиселъ въ приложеніи къ соціальнымъ и нравственнымъ явленіямъ. Методъ большихъ чиселъ, какъ я уже говорилъ, можетъ оказать и дѣйствительно оказываетъ большія услуги, только роль его очень и очень второстепенная. На первомъ планѣ долженъ стоять методъ тщательнаго, всесторонняго изученія отдѣльныхъ явленій живой дѣйствительности въ ихъ факторахъ. Общественныя явленія слишкомъ сложны, и одно сравненіе по количественной сторонѣ процентныхъ отношеній различныхъ группъ явленій, образованныхъ на основаніи одного какого-либо признака, рѣшительно недостаточно и даже легко можетъ сбивать съ настоящей дороги.

26.

Въ третьемъ изданіи (1884) своего труда Ломброзо заявилъ, что изъ противника теоріи тождества такъ называемыхъ „нравственно-помѣшанныхъ“, съ одной стороны, и „прирожденныхъ преступниковъ“, съ другой, какимъ онъ былъ прежде, онъ сталъ ея сторонникомъ. Къ этому, по его словамъ, его принудило бьющее въ глаза сходство тѣхъ и другихъ. И онъ началъ пріурочивать созданный имъ преступный типъ только къ „прирожденному преступнику“.

Прирожденный преступникъ, по мнѣнію Ломброзо, представляетъ собою одновременно результатъ болѣзненныхъ уклоненій и результатъ атавизма. Прирожденный преступникъ это „дикій и вмѣстѣ больной человѣкъ“. Возможность согласованія этихъ двухъ воззрѣній на преступника Ломброзо видитъ въ теоріи задержки въ развитіи. Задержка въ развитіи нѣкоторыхъ органовъ и, главное, въ развитіи плохо питаемыхъ психическихъ центровъ, съ одной стороны, дѣлаетъ изъ такихъ органовъ „мѣста наименьшаго сопротивленія“, иначе говоря, предрасполагаетъ ихъ къ различнымъ разстройствамъ, а съ другой— возвращаетъ ихъ къ типу низшаго развитія.

Въ четвертомъ изданіи (1887) „Преступнаго человѣка“, которое

озаглавлено: „Преступный человѣкъ. Прирожденный преступникъ, нравственно-помѣшанный, эпилептикъ“, Ломброзо пошелъ далѣе и, не отказываясь, по отношенію къ „прирожденной преступности“, отъ теоріи атавизма и „нравственнаго помѣшательства“, дополняетъ и объясняетъ свои предшествовавшія объясненія, сближая эти явленія, на основаніи указываемыхъ имъ сходствъ многихъ особенностей съ явленіями эпилепсіи въ ея болѣе скрытыхъ формахъ, какъ это ранѣе сдѣлали Томсонъ и Верджиліо. Этимъ онъ еще болѣе склонился въ сторону многообразныхъ степеней вырожденія, какъ общей основы преступности.

Онъ и самъ говоритъ, что онъ не противъ этой теоріи, но что понятіе вырожденія представляется ему слишкомъ широкимъ и захватывающимъ слишкомъ много областей патологической сферы „отъ идіота до высшихъ вырождающихся, отъ страдающихъ ракомъ до чахоточныхъ“. Вслѣдствіе этого ему кажется болѣе удобнымъ въ настоящее время допустить ограниченіе и остановиться на понятіи о задержкахъ въ развитіи, которое объясняетъ существованіе атавизма на-ряду съ состояніемъ болѣзненности.

Очевидно, эти поясненія Ломброзо не имѣютъ достаточнаго научнаго объясненія. Дѣйствительно, если широко понятіе вырожденія, какъ понятіе органическаго регресса и упадка, происходящаго подъ вліяніемъ болѣзнетворныхъ факторовъ, вызывающихъ къ жизни многообразіе „несчастныхъ и порочныхъ“ организацій Мореля, то вѣдь не менѣе обширна и область преступности въ многообразіи ея жизненныхъ проявленій.

Что касается сдѣланнаго Ломброзо сближенія такъ называемыхъ „прирожденныхъ преступниковъ“ съ эпилептиками, то оно имѣетъ за себя не мало фактическихъ основаній, какъ я уже имѣлъ случай пояснять, говоря о работѣ Верджиліо. Изъ статистическихъ данныхъ усматривается, что алкоголизмъ, а въ томъ числѣ, конечно, и наслѣдственный, чрезвычайно распространенъ между преступниками. Въ Швеціи, напримѣръ, на долю алкоголизма относили до 75% всѣхъ преступленій, въ Голландіи до 80%. Между тѣмъ, извѣстно, что алкоголизмъ является одной изъ могущественныхъ производящихъ причинъ эпилепсіи, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта послѣдняя, дѣйствуя разрушительно на нравственное существо человѣка и развивая болѣзненный эпилептическій характеръ, въ свою очередь, является однимъ изъ факторовъ преступности, въ ея наиболѣе тяжкихъ формахъ. Однако, для отнесенія на долю эпилепсіи всѣхъ проявленій того, что называютъ нравственнымъ помѣшательствомъ, пока едва ли существуютъ достаточныя основанія.

27.

Начальное ученіе Ломброзо о „преступномъ типѣ“, пріуроченномъ къ „преступному человѣку“ вообще, встрѣтило сильныя возраженія. Ученикъ Ломброзо, профессоръ Энрико Ферри, теперь выдающійся членъ итальянскаго парламента, указалъ, что въ средѣ преступниковъ насчитывается до 60% преступниковъ случайныхъ, у которыхъ не наблюдается наружныхъ признаковъ преступнаго типа, описаннаго Ломброзо, и изъ которыхъ надо еще выдѣлить преступниковъ по страсти. Эти послѣдніе представляютъ нѣкоторыя особенности, отличающія ихъ отъ всѣхъ остальныхъ.

Остальные же 40% преступниковъ составляютъ:

1) преступники сумасшедшіе и полусумасшедшіе („semi-pazzi“) или „маттоиды“ („mattoidi“);

2) преступники прирожденные („delinquenti nati“) или „неисправимые“ („incorreggibili“), совершенно лишенные идей нравственности,

и 3) преступники привычные, которые съ дѣтства начинаютъ свою преступную карьеру, продолжаютъ ее въ теченіе жизни и, вслѣдствіе того, пріобрѣтаютъ хроническую привычку къ преступленію; тюрьма портитъ ихъ, а пьянство отупляетъ.

Полусумасшедшіе или „маттоиды“ представляютъ собою промежуточную степень между душевно-больными и здоровыми. Ихъ отмѣчаютъ нѣкоторые наружные признаки вырожденія, а съ психической стороны они приближаются къ слабоумнымъ, которые вызывали такъ много споровъ. Они-то обыкновенно и совершаютъ наиболѣе кровавыя ужасныя преступленія и притомъ съ поразительнымъ хладнокровіемъ, обусловливаемымъ порочностью ихъ организація.

Такова классификація преступниковъ, установленная Ферри и принятая многими другими криминалистами.

Въ существѣ, она неудовлетворительна. Въ основу ея не положены тѣ особенности, которыя образуютъ различія характеровъ людей вообще, какъ преступныхъ, такъ и непреступныхъ, и которыя однѣ только могутъ достаточно объяснять намъ различія въ дѣятельности ихъ обладателей въ различныхъ условіяхъ окружающей ихъ обстановки; наоборотъ, она покоится на признакахъ поверхностныхъ и, для уясненія вопроса, мало или почти вовсе не существенныхъ и даже совершенно неправильныхъ.

Такъ, уже въ самомъ названіи второй категоріи преступниковъ („прирожденные преступники“) соединены въ одно общее цѣлое понятія совершенно различныхъ порядковъ и, слѣдовательно, совер-

шенно несочетаемыя, а именно: біологическое понятіе „прирожденный“, т. е. унаслѣдовавшій, получившій по наслѣдству извѣстныя качества, и юридическое „преступникъ“, т. е. нарушившій запретъ уголовнаго закона.

Къ соединенію этихъ разнопорядковыхъ понятій и пріуроченъ особый анатомо-физіологическій „преступный типъ“. Но и этотъ типъ какъ таковой, существовать не можетъ, потому что не существуетъ никакихъ особыхъ упражненій, никакихъ особыхъ условій и образа жизни, которые были бы свойственны исключительно преступникамъ и которые, вслѣдствіе того, могли бы вырабатывать специфическія особенности „преступнаго типа“. Существуютъ вообще дѣйствующія неблагопріятно упражненія, условія и образъ жизни. Они постепенно и вырабатываютъ, иногда на пространствѣ нѣкоторыхъ поколѣній, неблагопріятныя (но не специфически-преступныя) особенности психофизической организаціи. Поэтому можно говорить, какъ это и дѣлалъ геніальный Морель, о „дурной“, „порочной“, „несчастной“ и „недостаточной“, но не о „прирожденно-преступной“ психо-физической организаціи.

Не безъ основаній 19-лѣтній предумышленный и циничный убійца Лемеръ (Lemaire) говорилъ на судѣ: „Имѣй я ренту, вы, конечно, не увидали бы меня здѣсь“...

Замѣчанія, въ значительной мѣрѣ отрицательнаго характера, вызываютъ и другія установленныя приведенной классификаціей категоріи.

Что, въ самомъ дѣлѣ, существеннаго даетъ понятіе „привычнаго преступника“ для достиженія цѣли борьбы съ преступностью? Почти ничего или очень мало. Привычка привычкѣ рознь, главное—различность условій установленія привычекъ.

Сходное надо сказать и о понятіи преступника по страсти. Подобно привычкамъ, различны и разноцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ и страсти. Вообще же можно утверждать, говоря о классификаціяхъ, что преступники, какъ и люди непреступные, должны быть изучаемы и классифицируемы по существеннымъ особенностямъ ихъ натуры, лежащимъ въ основѣ особенностей ихъ характеровъ, отражающихся и на особенностяхъ ихъ преступной дѣятельности.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что установленіе классификаціи преступниковъ по ихъ особенностямъ представляетъ собою шагъ впередъ. До этого существовала классификація преступныхъ дѣяній, но не преступныхъ людей.

Впослѣдствіи приведенная классификація была дополнена. Если

„маттоиды“ представляютъ собою переходную ступень отъ душевно-больныхъ къ душевно-здоровымъ, то подобную же переходную ступень отъ преступниковъ прирожденныхъ къ привычнымъ представляютъ собою преступники, называемые Ломброзо „криминалоидами“. Для проявленія присущаго имъ предрасположенія къ преступленію нужны сильные внѣшніе поводы, при наличности которыхъ они легко впадаютъ въ преступленіе и затѣмъ легко идутъ по дорожкѣ его и уже ничѣмъ не отличаются отъ прирожденнныхъ преступниковъ.

Въ средѣ душевно-больныхъ, преступниковъ Ломброзо отмѣчаетъ 3 группы: алкоголиковъ, эпилептиковъ и истериковъ.

Говоря о классификаціи преступниковъ, остановлю ваше вниманіе на классификаціи, принятой сотрудникомъ Ломброзо, психіатромъ и тюремнымъ врачомъ, докторомъ Марро въ его прекрасной и обстоятельной работѣ „Особенности преступниковъ“ (Marro, „I caratteri dei delinquenti“).

Въ этіологіи преступленія Марро указываетъ на вліяніе наслѣдственности, неблагопріятныхъ физическихъ и психическихъ особенностей, а также на вліяніе различій возраста родителей на качества происходящаго отъ нихъ потомства.

Всѣ возрасты имѣютъ свои физическія и психическія особенности. По мѣрѣ движенія возраста впередъ, человѣкъ постепенно измѣняется: одно утрачиваетъ, другое пріобрѣтаетъ. Ранней молодости физіологически свойственны, если, конечно, говорить вообще, экзальтація чувствъ, порывистость, необдуманность, преобладаніе страстей, стремленіе къ идеализаціи и пр. Зрѣлому возрасту, а въ особенности старости, свойственны холодная осмотрительность, недовѣрчивость, эгоизмъ, большее или меньшее ослабленіе соціабельныхъ чувствъ и проч. Въ актѣ же зачатія потомству наслѣдственно передается то, что существуетъ у родителей въ данное время. Этимъ вліяніемъ возраста родителей и ихъ временныхъ органическихъ состояній (напримѣръ, опьяненія, т. е. остраго отравленія организма алкоголемъ) въ періодъ зачатія ребенка объясняется многое въ часто наблюдаемыхъ рѣзкихъ различіяхъ дѣтей одной и той же семьи.

Марро распредѣляетъ преступниковъ по наблюдаемымъ у нихъ особенностямъ на три группы:

1) преступники, у которыхъ преобладаютъ особенности атавистическія, т. е. возвращающія ихъ къ низшему типу развитія,

2) преступники, у которыхъ преобладаютъ особенности атипическія или тераталогическія,

3) преступники съ преобладаніемъ болѣзненныхъ особенностей.

Психо-физическія особенности преступниковъ Марро изучаетъ въ связи съ преступленіями, ими совершаемыми, руководствуясь при этомъ той мыслью, что „особенности органическія, физіологическія и психическія различаются, соотвѣтственно различнымъ родамъ преступленій“. Иначе говоря, по мнѣнію Марро, различныя особенности личности, вступившей на путь преступленія, наталкиваютъ ее и на различные, имъ соотвѣтствующіе, роды и виды преступленій. Преступниковъ, такимъ образомъ изученныхъ, Марро распредѣляетъ потомъ по тремъ указаннымъ группамъ, Убійцъ онъ относитъ, напримѣръ, къ первой, атавистической, группѣ, поджигателей—ко второй, т. е. атипической, бездѣльничающихъ бродягъ — къ третьей, отличающейся преобладаніемъ болѣзненныхъ особенностей.

28.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ этіологіи преступленія, Ломброзо останавливается на разсмотрѣніи какъ индивидуальныхъ, такъ и соціальныхъ факторовъ преступности.

Въ числѣ первыхъ имъ указываются наслѣдственность, расовыя особенности, полъ, возрастъ, воспитаніе, бѣдность, алкоголизмъ и другія отравленія наркотиками, золотуха, рахитизмъ, гипертрофія печени, усиленное развитіе половыхъ органовъ и проч.

Въ числѣ вторыхъ—различныя степени цивилизаціи и распространенности образованія, войны, экономическіе кризисы и экономическія вліянія и условія жизни вообще, дурное управленіе, съ которымъ Ломброзо основательно ставитъ въ связь разбойничество и преступныя ассоціаціи, поясняя, что разбойничество есть родъ дикаго правосудія противъ угнетателей, а ассоціація камморры—родъ естественнаго приспособленія къ несчастнымъ условіямъ жизни народа, сдѣланнаго его правителями варварскимъ, и проч.

Высказывалось до крайности странное обвиненіе противъ Ломброзо и послѣдователей уголовно-антропологической школы вообще, обвиненіе, находящее себѣ нѣкоторое объясненіе только въ какомъ-то удивительномъ непониманіи и утверждающее, что будто бы Ломброзо и вообще криминалисты-антропологи игнорируютъ вліяніе соціологическихъ факторовъ въ развитіи преступности. Вообще, въ этомъ горячемъ спорѣ о преимущественномъ значеніи той или другой категоріи производящихъ причинъ и въ самомъ фактѣ обособле-

нія какой-то соціологической школы, въ противоположность уголовно-антропологической, основой служатъ крупныя недоразумѣнія и путаница понятій.

Какъ я уже упоминалъ, еще III Уголовно-Антропологическому Конгрессу, имѣвшему мѣсто въ Брюсселѣ въ 1892 году, былъ представленъ встрѣтившій благопріятный пріемъ Конгресса докладъ „Объ основныхъ принципахъ уголовно-антропологической школы“. Въ немъ указывалось, что всеобщій опытъ всегда зналъ и знаетъ людей добрыхъ и злыхъ, которые, по совокупности особенностей ихъ душевной природы, ихъ характеровъ, предрасполагаются: одни къ хорошимъ поступкамъ и дѣйствіямъ, другіе къ дурнымъ, порочнымъ и даже преступнымъ. И уголовно-антропологическая школа, исходя отъ этого факта всеобщаго наблюденія, задалась цѣлью выяснить и анализировать, въ самомъ процессѣ ихъ постепеннаго развитія, тѣ индивидуальныя особенности характеровъ, которыя въ каждое данное время предрасполагаютъ людей, при наличности соотвѣтствующихъ условій окружающей обстановки, къ порочнымъ и преступнымъ дѣйствіямъ. А такъ какъ тѣ же всеобщія наблюденія и опытъ учатъ, что со всѣми душевными проявленіями, по законамъ нашего существа, неразрывно связанытѣ или другіе, но всегда точно опредѣленные, органическіе особенности и процессы, лежащіе въ основѣ этихъ проявленій, то уголовно-антропологическая школа и занялась тщательнымъ изученіемъ особенностей органическаго субстрата, предрасполагающихъ, при извѣстныхъ окружающихъ условіяхъ, къ порочнымъ и преступнымъ дѣйствіямъ.

Но при этомъ она не упустила и не могла упустить изъ вида, что особенности эти не являются безпричинно сами собой, а болѣе или менѣе быстро или медленно постепенно развиваются подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, которыми, по отношенію къ человѣку, являются преимущественно условія общественной жизни и различія общественныхъ положеній.

Уголовно-антропологическая школа не упустила изъ вида и того, что мы не знаемъ человѣка внѣ общества, а потому и не можемъ изучать его, хорошаго или дурного, внѣ различныхъ условій и вліяній окружающей его среды, которой по отношенію къ нему является общество, живущее въ данной мѣстности въ данное время.

Однимъ словомъ, уголовно-антропологическая школа поняла, что нельзя стремиться къ разработкѣ органической или соціальной теоріи преступности, а нужно развить, путемъ изученія, соціально-органическую ея теорію.

Этимъ положеніемъ доклада, представленнаго Конгрессу 1892 года, вполнѣ соотвѣтствуютъ, какъ вы видѣли, работы Ломброзо. Только страннымъ недоразумѣніемъ или недоброжелательнымъ нежеланіемъ можно объяснить все еще продолжающіяся обвиненія уголовно-антропологической школы въ томъ, что она игнорируетъ соціальные факторы преступности. На самомъ дѣлѣ, она прекрасно знаетъ и тщательно изучаетъ ихъ. Стоитъ, напримѣръ, заглянуть хотя бы въ сочиненіе Ломброзо „Преступленіе, причины и средства леченія“, въ его первую часть—„Этіологія преступленія“, чтобы убѣдиться, съ какою подробностью разсматриваются въ ней соціальные факторы преступленія, а затѣмъ заглянуть во вторую его часть—„Профилактика и терапія преступленія“, чтобы убѣдиться также, какая доля вниманія удѣлена соціальнымъ факторамъ предупрежденія.

Напротивъ, соціологическая школа, сосредоточиваясь на вліяніяхъ условій общественной жизни, просматриваетъ самого человѣка, самого дѣятеля преступленія. Говоря о соціальныхъ факторахъ преступности, она почти совсѣмъ проходитъ молчаніемъ вопросъ о томъ, производятъ ли эти факторы (и если производятъ, то какія именно) психо-физическія перемѣны, болѣе или менѣе стойкія, въ самомъ постепенно подготовляющемся преступникѣ и какъ и въ какомъ направленіи эти психо-физическія измѣненія въ органической природѣ и характерѣ дѣятельности, разъ они образовываются, могутъ и должны отражаться, при различныхъ условіяхъ окружающей обстановки, на поступкахъ и дѣятельности вообще. Всѣ эти важнѣйшіе вопросы, относящіеся къ самому преступнику, какъ непосредственной производящей причинѣ преступленій, соціологическая школа, производящая свои изслѣдованія преимущественно методомъ большихъ чиселъ да съ помощью поверхностнаго ходячаго опыта, оставляетъ почти безъ отвѣта.

Для выясненія послѣдствій такой постановки изслѣдованій, возьмемъ гипотетическій примѣръ.

Предположимъ, что продолжительное неблагопріятное вліяніе различныхъ тяжелыхъ лишеній породило у человѣка уже знакомое намъ органическое оскудѣніе, т. е. цѣлый комплексъ ухудшеній въ различныхъ органахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ вызвало упадокъ энергіи и работоспособности, повышеніе раздражительности, повременамъ достигающей озлобленности, ослабленіе предусмотрительности, уменьшеніе способности сдерживаться и противостоять различнымъ искушеніямъ, а въ дополненіе ко всему вызвало и обычно тягостныя настроенія.

Несомнѣнно, что предположенные неблагопріятные соціальные факторы, соединяемые нами въ одномъ общемъ понятіи о тяжелой, изсушающей бѣдности, постепенно произвели въ данномъ случаѣ всѣ эти неблагопріятныя для самого индивида и его окружающихъ органическія и, на-ряду съ тѣмъ, психическія измѣненія въ природѣ личности.

Но эти измѣненія, разъ образовавшись въ качествѣ необходимыхъ слѣдствій вліянія указанныхъ неблагопріятныхъ соціальныхъ факторовъ, не становятся ли, въ свою очередь, ближайшими, непосредственными производящими причинами совершенія преступленій данной личности, при существованіи еще и соотвѣтствующихъ наталкивающихъ поводовъ, и не отражаются ли особенности образовавшихся измѣненій въ особенностяхъ дѣятельности, въ самыхъ способахъ совершенія преступленій ихъ виновника?

На этотъ вопросъ покойный Ломброзо, какъ мнѣ хорошо извѣстно даже изъ личныхъ сношеній, всегда отвѣчалъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Въ трудахъ послѣдователей соціологической школы всѣ такіе вопросы почти не затрагиваются, а если и затрагиваются отчасти, то отвѣты на нихъ даются не при помощи непосредственнаго изслѣдованія и изученія соотвѣтствующихъ личностей, а при помощи указаній ходячаго и недостаточно провѣряемаго опыта. Сопоставляется, напримѣръ, высота квартирныхъ цѣнъ и степени скученности въ жилищахъ по различнымъ кварталамъ того или другого города съ процентными отношеніями преступности въ средѣ населенія этихъ кварталовъ и дѣлается попытка выяснить, при посредствѣ сопоставленія, причинное вліяніе квартирныхъ условій на степени развитія преступности. Въ этомъ сопоставленіи у насъ на-лицо размѣры квартирныхъ цѣнъ, степени скученности въ жилищахъ и процентныя отношенія преступности къ количественной сторонѣ населенія кварталовъ. Пропущена и отсутствуетъ одна только, казалось бы, весьма важная величина: живущій въ различныхъ квартирахъ самъ дѣятель преступленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ отсутствуетъ изученіе и точное опредѣленіе тѣхъ психо-физическихъ измѣненій, которыя данныя квартирныя условія могли вызвать и дѣйствительно вызвали въ немъ. Между тѣмъ, казалось бы, эти измѣненія должны подлежать строгому изученію и учету: измѣняется дѣятель, измѣняется и дѣятельность. Таковы, по крайней мѣрѣ, уроки научнаго опыта.

Вѣдь не всѣ обитатели дурныхъ жилищъ совершаютъ преступленія, а совершающіе ихъ не только испытываютъ вліяніе дурныхъ

жилищъ, но единовременно подвергаются и множеству другихъ неблагопріятныхъ вліяній. Поэтому очевидно, что одно сопоставленіе жилищныхъ условій и процентныхъ отношеній преступности, безъ тщательнаго изученія измѣненій, происходящихъ въ самомъ человѣкѣ, испытывающемъ квартирныя и иныя невзгоды, не можетъ установить причинной зависимости между тѣми и другими. Остается обширное мѣсто для сомнѣній и иныхъ объясненій. Послѣ сказаннаго становится понятнымъ, почему криминалисты-соціологи, разсматривая одни и тѣ же статистическіе графики и цифры, еще и до сихъ поръ спорятъ о значеніи бѣдности, какъ фактора преступности.

Говоря все это, я, повторяю, вовсе не имѣю въ виду отрицать значенія статистическихъ сопоставленій. Я указываю лишь на недостаточную ихъ доказательность до тѣхъ поръ, пока изслѣдованіемъ не принятъ во вниманіе самъ дѣйствующій человѣкъ, его особенности и различныя измѣненія въ нихъ и пока не освѣщена непосредственная причинная связь этихъ особенностей и измѣненій въ нихъ съ совершонными преступленіями. Уясненіе этой связи и поставилъ себѣ задачею Ломброзо, вовсе не упуская изъ вида, какъ вы могли ясно убѣдиться въ томъ, соціальныхъ факторовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ постепенно вырабатываются особенности человѣка и различныя болѣе или менѣе стойкія измѣненія въ нихъ.

29.

Въ той части своего труда, которая посвящена средствамъ леченія или терапіи общественной болѣзни, извѣстной подъ именемъ преступности („terapia del delito“), Ломброзо исходитъ изъ мысли, что преступленіе представляетъ собою столь же естественное, необходимое и неизбѣжное явленіе, какъ зачатіе, рожденіе, смерть. Отсюда выводитъ онъ необходимость наказанія, какъ противодѣйствія, какъ защиты общества.

Теорія права наказанія, основанная на необходимости защиты, по мнѣнію Ломброзо, наименѣе подвержена возраженіямъ. Напротивъ, цѣли исправленія, возмездія и устрашенія не могутъ служить оправдывающими его основаніями. Исправленіе, думаетъ Ломброзо, достигается слишкомъ рѣдко. Оно есть исключеніе, рецидивъ же, наоборотъ, есть правило. Возмездіе только ухудшаетъ преступника и тѣмъ увеличиваетъ его опасность для общества послѣ его освобожденія.

Устрашеніе же требуетъ жестокаго наказанія и дѣлаетъ человѣка, ему подвергающагося, менѣе чувствительнымъ.

Исходя изъ понятія о наказаніи, какъ о средствѣ защиты и огражденія общества; раздѣляя, далѣе, мнѣніе Канта о томъ, что наказаніе представляетъ собою справедливое зло, причиняемое въ видахъ обезпеченія порядка тому, кто совершаетъ зло несправедливое; упуская, наконецъ, изъ вида, что въ дѣлѣ индивидуальнаго и общественнаго развитія и совершенствованія, кромѣ принципа борьбы за существованіе (къ великому несчастію, такъ широко примѣняемаго въ настоящее время), дѣйствуетъ и другой, гораздо болѣе важный и благодѣтельный, принципъ, принципъ симпатіи, взаимопомощи и солидарности всѣхъ составляющихъ общество единицъ, объединяющій ихъ, для достиженія ихъ общихъ цѣлей, въ одно цѣлое,—Ломброзо увлекся идеей борьбы и первоначально рекомендовалъ широкое примѣненіе пожизненнаго заключенія и смертной казни, которая уже навсегда извлекаетъ преступника изъ общества.

Такой взглядъ былъ прямымъ слѣдствіемъ обоснованія рѣшенія вопроса исключительно на статистическихъ данныхъ, которыя говорили ему (говорили, конечно, при наличности современной постановки дѣла въ тюрьмахъ и при наличности современнаго, крайне неблагопріятнаго, положенія, по ихъ выходѣ на волю, тюремныхъ выпущенниковъ) о томъ, что исправленія въ тюрьмахъ суть исключенія, а рецидивъ есть правило. Отсюда логически (но не психологически) правильный выводъ: почти всѣ преступники неисправимы, а потому полное изъятіе такихъ неисправимыхъ личностей изъ общества необходимо.

Къ сожалѣнію, въ вопросѣ о мѣрахъ противъ преступленія мы, по большей части, забываемъ мудрое правило древности, предписывающее внимательно выслушивать и другую сторону, „audiatur et altera pars“. А если бы мы твердо соблюдали его, то эта „другая сторона“, конечно, подробно поразсказала бы намъ изъ своей предтюремной, тюремной и послѣтюремной жизни многое такое, что выясняетъ устойчивость преступности во многихъ случаяхъ и избавляетъ отъ необходимости предполагать полную неисправимость многаго множества людей.

„Другая сторона“ разсказала бы намъ о заброшенныхъ семьяхъ, о бушующихъ хроническихъ алкоголикахъ-отцахъ, объ изсушающей нищетѣ съ самаго ранняго дѣтства, о развращенныхъ и жестокихъ хозяевахъ-предпринимателяхъ, о полной заброшенности, объ отсутствіи друзей и покровителей, а съ ними и хоть сколько-нибудь разумнаго

воспитанія, о раннемъ и полномъ истощеніи и изнеможеніи отъ всевозможныхъ невзгодъ и лишеній, о рабочемъ переутомленіи, о продолжительномъ и тщательномъ тюремномъ обученіи всякимъ „художествамъ“ и развращенію, объ унижающемъ и жестокомъ обращеніи въ тюрьмахъ, объ ихъ своеобразныхъ средствахъ нравственнаго исправленія, о чувствѣ безнадежности и почти отчаяніи при мысли о безконечно долгихъ срокахъ остающагося заключенія, о полной безпомощности, безработицѣ, голодѣ и холодѣ тюремныхъ выпущенниковъ, о всеобщемъ недовѣріи къ нимъ, о крайней „усталости отъ жизни“, о страстномъ желаніи смерти и о многомъ другомъ, которое заставило бы насъ, при безпристрастности отношенія, посмотрѣть на преступность и исправимость подъ угломъ зрѣнія инымъ, нежели тотъ, подъ какимъ мы по традиціи привыкли на нихъ смотрѣть.

„Вѣрь намъ“, говорили тюремные выпущенники одному своему сотоварищу, „глупо желать оставаться честнымъ: насъ нигдѣ не хотятъ; надо или составлять шайки, или умирать съ голоду“ (Appert, „Bagnes, prisons et criminels“). Наши „Спиридоны-повороты“, несомнѣнно, съ выработаннымъ жизнью убѣжденіемъ подтвердятъ это заявленіе. А если такъ, то можно ли требовать отъ человѣка исправленія, когда вся жизнь его, не исключая тюремнаго „воспитанія“ и послѣтюремнаго искуса, представляетъ собою не болѣе, какъ сплошную порчу, ожесточеніе и систематическое извращеніе его душевнаго и органическаго существа?

„Что сказать мнѣ вамъ, г. предсѣдатель?“—читаемъ мы у д'Оссонвилля (Vicomte d'Haussonville, „L'enfance à Paris“) разсказъ на судѣ одного жизненнаго неудачника Майо, по прозвищу „Желтаго“ (Maillot, dit „le Jaune“), судившагося за участіе въ шайкѣ убійцъ. „Съ семи лѣтъ я находился одинъ на тротуарахъ Парижа. Съ этихъ поръ я не встрѣчалъ никого, кто бы поинтересовался мною. Ребенкомъ я былъ предоставленъ всѣмъ случайностямъ, и погибель моя была неизбѣжна. Я всегда былъ несчастливъ. Моя жизнь протекала въ тюрьмахъ. Вотъ все, что я могу сказать. Этимъ роковымъ путемъ я пришелъ къ настоящему преступленію. Я не скажу, чтобы я совершилъ его подъ вліяніемъ обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ моей воли, но... (здѣсь голосъ подсудимаго задрожалъ) я не имѣлъ никого и ничего, исключая перспективы кражи. Я воровалъ, а кончилъ убійствомъ“.

Такова исторія этого незадачника. Въ его простомъ, сжатомъ разсказѣ жизненная обездоленность, нравственное одиночество человѣческой личности, созданное современнымъ индустріально-капита-

листическимъ строемъ, безпомощность и пагубные результаты „перевоспитанія“ въ современныхъ тюрьмахъ бьютъ въ глаза.

Вдумаемся добросовѣстно въ факты разсказанной намъ исторіи, мысленно поставимъ себя въ такое же положеніе, а затѣмъ спросимъ себя: сколько порчи, загрубѣнія, одичанія, даже помимо вліянія какой-либо неблагопріятной наслѣдственности, должны были внести это тюремное перевоспитаніе и эта жизнь, типичная для значительнаго числа называемыхъ нашимъ народомъ „несчастненькими“, жизнь, полная горя и страданій? Сколько горечи, озлобленія, зависти и ненависти противъ всего счастливаго и довольнаго должны были пробуждать въ душѣ несчастнаго ребенка, будущаго „лишняго человѣка“, эта полная заброшенность и эта ранняя отверженность и физическая и нравственная безпомощность? Всѣ эти ощущенія и чувства не могли проходить безслѣдно. Какъ и всѣ душевныя состоянія, они оставляли свой, болѣе или менѣе, глубокій слѣдъ, записывались на лицевой счетъ въ книгу жизни, формировали нравственную личность и придавали ей ту, а не иную окраску.

Припоминаю прошеніе, представленное нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ наше Главное Тюремное Управленіе однимъ заключеннымъ, который уже въ пятый разъ готовился выйти изъ тюрьмы. Въ своемъ прошеніи онъ пояснялъ, что передъ каждымъ изъ своихъ предшествовавшихъ выходовъ онъ обѣщалъ себѣ, что болѣе не вернется въ тюрьму и все-таки возвращался, потому что на свободѣ онъ нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчалъ поддержки и, находясь постоянно подъ гнетомъ тяжелой нужды, снова прибѣгалъ къ преступленію. И на этотъ разъ онъ предвидѣлъ и боялся, что свободная жизнь за стѣнами тюрьмы встрѣтитъ его по-прежнему. Въ своемъ прошеніи онъ умолялъ обезпечить ему, послѣ его освобожденія, возможность честно трудиться, чтобы уничтожить силу тюрьмы, неумолимо-притягательную для людей, находящихся въ его положеніи.

Принимая во вниманіе условія и механизмъ душевной жизни человѣка, принимая во вниманіе вліяніе, оказываемое на его дѣятельность чувственной сферой и устанавливающимися въ ней руководящими ассоціаціями, можно ли слишкомъ удивляться той озлобленности и жестокости, съ которыми иногда ведется борьба за жизнь людьми, принадлежащими къ обездоленнымъ классамъ общества?

Интересное психологическое освѣщеніе бросаютъ на этотъ вопросъ объясненія, написанныя (уже въ тюрьмѣ, незадолго до казни) 21-лѣтнимъ убійцей президента Французской Республики Карно, Санто

Иронимо Казеріо (Santo Ironimo Caserio), рабочимъ итальянскаго происхожденія.

Свое ужасное и дикое убійство Казеріо совершилъ въ 1894 году въ Ліонѣ. Для него онъ пѣшкомъ пришелъ изъ Вѣны. Но что же имѣлъ онъ противъ самого Карно? Ровно ничего. Въ лицѣ президента онъ, конечно, убивалъ не Карно, какъ опредѣленную личность; его онъ даже не зналъ. Нѣтъ, онъ убивалъ въ немъ, очевидно, одного изъ виднѣйшихъ представителей того строя, который, подъ вліяніемъ его жизненныхъ наблюденій, внушалъ ему своими особенностями непримиримую ненависть, распространявшуюся въ его душѣ, по твердо установившейся ассоціаціи, на всѣхъ представителей этого строя, на всѣхъ буржуа. Обычно добрый взглядъ Казеріо загорался недобрымъ огнемъ, когда съ нимъ въ тюрьмѣ заговаривали о бѣдственномъ положеніи низшихъ классовъ общества. Тогда на его лицѣ изображались гнѣвъ и дикая энергія. Въ немъ говорила только ненависть, ненависть слѣпая, подъ вліяніемъ которой этотъ юный человѣкъ, вовсе не лишенный хорошихъ добрыхъ чувствъ, любящій и нѣжный сынъ и братъ, совершилъ свое, поистинѣ, ужасное, кровавое дѣло, чтобы, какъ онъ говорилъ въ тюрьмѣ, „принести свою жизнь въ жертву, потому что онъ слишкомъ много страдалъ“.

Въ своихъ объясненіяхъ Казеріо писалъ: „Я не прошу ни пощады, ни сожалѣнія... Съ четырнадцати лѣтъ я началъ знать это дурно организованное общество. Ему мы обязаны тѣмъ, что тѣ, которые ничего не дѣлаютъ, потребляютъ, а тѣ, которые производятъ, не могутъ потреблять въ немъ... Истощивъ послѣ усиленнаго труда наши физическія силы, мы (т. е. рабочіе) не имѣемъ куска хлѣба, а когда мы становимся стары, мы больше не можемъ работать... Всѣ тѣ, которые производили, осуждены умирать отъ истощенія и бѣдности и всѣ, которые погибаютъ отъ этой бѣдности, являются жертвами тѣхъ, которые истрачиваютъ милліоны, устраивая только банкеты и развлеченія... Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ читать буржуазныя газеты, я узналъ, что общество дурно организовано. Ежедневно я узнавалъ о новыхъ самоубійствахъ, вызывавшихся бѣдностью и неимѣніемъ куска хлѣба для пищи дѣтей. Сколько сотенъ рабочихъ не находили работы и сколько дѣтей кричали: „Отецъ, я голоденъ“. Но не было хлѣба, чтобы удовлетворить голодъ дѣтей... Когда я на нѣсколько дней возвращался на родину, я невольно плакалъ при видѣ бѣдныхъ десятилѣтнихъ дѣтей, работающихъ по пятнадцати и шестнадцати часовъ въ день, чтобы получить 30 сантимовъ, и дѣвушекъ въ возрастѣ отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ и даже бо-

лѣе взрослыхъ женщинъ, работающихъ по шестнадцати часовъ за 25 сантимовъ въ день. Я видѣлъ этихъ несчастныхъ, входящихъ въ мастерскую съ кускомъ хлѣба и имѣющихъ возможность поѣсть только вечеромъ немного риса... Все это я говорю не объ одной моей родинѣ, но о всѣхъ несчастныхъ крестьянахъ, которые умираютъ съ голоду по причинѣ дурной пищи и переутомленія... А рядомъ съ этими несчастными существами, которыя страдаютъ всю свою жизнь, находятся магазины, переполненные всѣми предметами, необходимыми для голодныхъ и холодныхъ, которые, однако, не имѣя денегъ, вынуждены отказываться отъ нихъ... Будучи ребенкомъ, я видѣлъ бѣдныхъ рабочихъ, которые оставляли женъ и дѣтей въ крайней бѣдности и покидали родину, чтобы идти искать работы въ Бразиліи или Сѣверной Америкѣ. Тогда я сказалъ себѣ: для рабочаго нѣтъ родины. Родина только для тѣхъ, которымъ хорошо живется и которые ничего не дѣлаютъ...“

Все это пишетъ рабочій, рабочій безработный въ періодъ убійства, мало читавшій и ни въ чемъ не напоминавшій собою „нахватавшаго верховъ“ полузнайку. Онъ учился не по книгамъ, а самой жизнью, ея угнетавшими его явленіями; и смыслъ и содержаніе его рѣчи, если вы обратитесь къ вашей памяти, вѣроятно, напомнятъ вамъ приводившіеся мною отрывки рѣчей Тиверія Гракха и Катилины, громившихъ современный имъ строй, закончившійся упадкомъ гордаго Рима.

Не менѣе поучительнымъ въ отношеніи пониманія генезиса преступности и дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ нею представляется другое ужасное и мрачное дѣло, заставляющее тяжело и глубоко задумываться надъ тѣми уродливыми ассоціаціями представленій и чувствъ, которыя, подъ вліяніемъ гибельныхъ условій окружающей обстановки, легко образуются въ наше время у многочисленныхъ обездоленныхъ пасынковъ судьбы и общества.

Это дѣло молодого рабочаго Луккени, анархиста, подкараулившаго и убившаго въ 1898 году въ Женевѣ вовсе неизвѣстную ему, какъ человѣка, австрійскую императрицу Елизавету. Узнавъ послѣ ареста, что она скончалась, Луккени выразилъ только большую радость. Что лично имѣлъ онъ противъ императрицы? Ровно ничего. Онъ призналъ, что дѣйствовалъ „ради примѣра“ и хотѣлъ убить вообще какую-либо выдающуюся личность, а случай рѣшилъ судьбу императрицы. Представлялъ ли Луккени одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ типовъ вырожденія, которые съ ранняго возраста отличаются влеченіемъ ко злу въ его различныхъ конкретныхъ формахъ? Всѣ собранные факты о прошломъ Луккени не даютъ основаній для такого

утвержденія. Напротивъ, собранныя свѣдѣнія говорятъ намъ, что въ дѣтствѣ это былъ умный и прилежный мальчикъ, посѣщавшій школу, иногда вынужденный просить милостыню, потомъ довольно прилежный работникъ, хорошій и способный солдатъ и слуга, въ существѣ человѣкъ даже съ мистическимъ настроеніемъ, въ дѣтствѣ и юности весьма религіозный, всегда признававшій необходимость власти въ семьѣ, а тѣмъ болѣе въ государствѣ, но власти, которая, какъ онъ пояснялъ, находясь въ пожизненномъ заключеніи въ тюрьмѣ, наблюдавшимъ его докторамъ Ладаму и Режи, заботилась бы о благѣ народа. Чѣмъ же объяснить отвратительное и гнусное преступленіе Луккени? Для этого необходимо заглянуть въ его мрачное дѣтство и юность, которыя, къ несчастью, не только не представляются исключеніемъ, а скорѣе почти общимъ правиломъ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества.

Луккени былъ внѣбрачный ребенокъ. Имѣются свѣдѣнія о томъ, что его отецъ, человѣкъ достаточный, былъ субъектъ неуравновѣшенный и пьяница. Но какъ бы то ни было, а своихъ родителей Луккени никогда не зналъ. Его мать, нарочно пріѣхавшая для того въ Парижъ, родила его въ пріютѣ для найденышей, потомъ немедля уѣхала и болѣе уже не давала о себѣ знать. Съ этихъ поръ начинается безпросвѣтная жизнь этого, въ полномъ смыслѣ слова, заброшеннаго ребенка, подобныхъ которому въ настоящее время многое множество. Онъ въ своемъ дѣтствѣ переходитъ изъ пріютовъ для найденышей въ разныя неважныя семьи, которыя за плату берутъ его къ себѣ „на воспитаніе“, „подобно тому“, по мѣткому выраженію Луккени, „какъ онѣ взяли бы и свинью для той же цѣли“. Съ 14 лѣтъ начинается его бродячая рабочая жизнь съ переходами изъ мѣста въ мѣсто и даже изъ страны въ страну. При этомъ всевозможныя невзгоды, лишенія, нерѣдкая безработица и голоданье, горькое чувство одиночества, заброшенности, тяжело-обидной полной безсемейности и многое множество всевозможныхъ грубыхъ жизненныхъ толчковъ. Понятно, какъ все это должно было неблагопріятно дѣйствовать на правильность физическаго и психическаго развитія ребенка, а потомъ подростка, и какія представленія, чувства и ассоціаціи ихъ оно должно было вызывать въ немъ. Луккени задумывается надъ окружающимъ, раздумываетъ, читаетъ, сталкивается съ анархистами и возмущается жизненными несправедливостями. Почва была готова, и убійство выдающагося лица было рѣшено, будь оно итальянцемъ, американцемъ—все равно.

Такъ произошло безсмысленное и жестокое убійство императрицы.

„Какую цѣль думали вы достигнуть вашимъ преступленіемъ?“— спросили Луккени на судѣ.

„Отомстить за мою жизнь“, былъ его отвѣтъ.

„Раздумывали ли вы о гнусности вашего преступленія и раскаиваетесь ли вы?“

„Нисколько; вѣдь не раскаялись тѣ, которые преслѣдовали людей въ теченіе 19-ти вѣковъ“.

„Если бы надо было повторить подобное совершонному вами, повторили ли бы вы?“

„Да, я повторилъ бы опять“.

Въ этихъ ужасныхъ словахъ, отражавшихъ все сгущеніе накопившейся ненависти, ярко проявились печальные и уродливые результаты физической и нравственной заброшенности, безпризорности и обездоленности несчастнаго дѣтства.

Надъ этимъ дѣломъ и надъ этими словами надо всѣмъ, ясно понимающимъ непреложное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій и любящимъ свою родину, любящимъ человѣчество, часть котораго они сами составляютъ, глубоко и притомъ а к т и в н о призадуматься.

Всѣ подобные многочисленные факты ясно указываютъ, „гдѣ зарыта собака“ часто встрѣчаемой неисправимости, о которой говорилъ Ломброзо, и въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать средства для ея устраненія.

Личностей, подобныхъ только что описаннымъ, при современномъ развитіи нашей культуры, носящей названіе „христіанской“, многое множество. Дѣло общества въ его собственномъ, т. е. общемъ, интересѣ—озаботиться ихъ уничтоженіемъ, но не при посредствѣ казней и учрежденій для неисправимыхъ, а при посредствѣ другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствъ, для отысканія которыхъ необходимо, не ограничиваясь однимъ наружнымъ изслѣдованіемъ, заглянуть еще въ душу преступника, выслушать отъ него, нашего сочлена по обществу, его грустную повѣсть и хотя мысленно поставить себя въ условія его тяжелаго существованія. Только такое сочувственное и дѣйствительно г у м а н н о е отношеніе можетъ помочь найти разумныя средства для борьбы со зломъ и не только для его устраненія, но, что самое главное, и для его предупрежденія.

Намъ говорятъ, что при всѣхъ пенитенціарныхъ системахъ многіе преступники остаются неисправимыми. Но гдѣ доказанныя осно-

нія для такихъ утвержденій? Спрашивается, что сдѣлано для исправленія преступниковъ, какъ въ стѣнахъ тюремъ, такъ и за стѣнами ихъ, и дѣйствительно ли существовало и существуетъ много попытокъ такого исправленія? Самъ Ломброзо справедливо замѣтилъ, что невозможно клеймить виновника желѣзомъ въ лобъ и въ то же время говорить ему: „исправься“. А между тѣмъ въ дѣйствительности наши такъ называемыя „исправительныя“ системы и представляютъ собою именно подобное указанному знаменитымъ ученымъ смѣшеніе варварскихъ средствъ, унаслѣдованныхъ отъ давно минувшаго прошлаго, съ слабыми попытками иныхъ вліяній. Неужели можно серьезно говорить объ исправляющемъ вліяніи недавно еще употреблявшагося „Strafstuhl'a“ баденской брухзальской тюрьмы, „enger Lattenarrest'a“ саксонскихъ и прусскихъ тюремъ, десятилѣтней одиночной кельи бельгійскихъ тюремъ или „starke Zellen“ бернской тюрьмы.

На увѣщанія попытаться измѣнить свое враждебное настроеніе одинъ заключенный, всегда проявлявшій передъ тюремнымъ священникомъ чувство ненависти и озлобленія, отвѣтилъ ему: „Шесть лѣтъ тому назадъ я былъ биченъ въ этой тюрьмѣ и еще ношу слѣды бичеванія на моемъ тѣлѣ. Когда эти слѣды будутъ сглажены, тогда я забуду и въ состояніи буду простить“.

Понятно, что не таковы условія для исправленія, и понятно, почему при данныхъ условіяхъ столь частъ рецидивъ.

Дѣйствительное исправленіе можетъ быть достигаемо только обращеніемъ къ лучшимъ чувствамъ человѣка, къ лучшимъ сторонамъ его души. А этого-то и не даетъ не только современная европейская тюрьма, но, какъ мы видѣли, и весь современный строй, который всего болѣе и грѣшитъ именно въ этомъ направленіи.

31.

Въ послѣдующихъ стадіяхъ разработки предмета своего изученія Ломброзо значительно смягчилъ свое увлеченіе борьбой и выдвинулъ на первый планъ широкія мѣры предупрежденія, удачно названныя его ученикомъ, профессоромъ Энрико Ферри, „замѣстителями наказаній“ („sostitutivi penali“). Къ числу ихъ онъ отнесъ рядъ мѣръ, разсчитанныхъ на улучшеніе условій общественной жизни и положенія низшихъ классовъ населенія: улучшеніе жилищъ, организацію дешеваго кредита, устройство организацій взаимопомощи, коопера-

тивовъ, устройство заведеній для заброшенныхъ, безпризорныхъ дѣтей и проч.

На IV Международномъ Уголовно-Антропологическомъ Конгрессѣ въ Женевѣ, въ докладѣ о мѣрахъ борьбы съ преступностью, Ломброзо, казалось, отказался отъ высказывавшагося имъ прежде мнѣнія о необходимости примѣненія смертной казни къ прирожденнымъ преступникамъ. Онъ склонился въ пользу американскихъ реформаторій для взрослыхъ, въ которыхъ примѣняется правильная система единовременно физическаго и нравственно-умственнаго перевоспитанія и оздоровленія. При этомъ онъ привелъ случаи, противорѣчащіе его прежнему взгляду, въ которыхъ умѣлое обращеніе къ хорошимъ сторонамъ натуры давало благопріятные результаты даже у людей, казалось бы, мало воспріимчивыхъ къ добрымъ вліяніямъ. По отношенію къ дѣтямъ онъ настаивалъ на необходимости предупредительнаго воспитанія и огражденія ихъ отъ вліянія дурныхъ родителей и „широкой улицы“.

Въ томъ же докладѣ Ломброзо рекомендовалъ примѣненіе неопредѣленныхъ приговоровъ и индивидуализаціи наказаній, а по отношенію къ такъ называемымъ случайнымъ преступникамъ примѣненіе системы испытанія. Въ качествѣ мѣръ предупрежденія онъ упомянулъ: борьбу съ алкоголизмомъ, бѣдностью, скопленіемъ богатствъ въ рукахъ немногихъ и настаивалъ на необходимости сотрудничества въ этомъ дѣлѣ общественныхъ самоуправленій и государства.

Въ позднѣйшее время Ломброзо выступалъ съ мыслью о симбіозѣ, въ примѣненіи къ борьбѣ съ преступностью. Мысль эта, правильно понятая и правильно развитая въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ, можетъ быть чревата выгодными послѣдствіями не въ одной только области борьбы съ преступностью.

Симбіозомъ называется такое сожительство разныхъ животныхъ организмовъ, при которомъ вредныя животныя своими вредными для другихъ свойствами бываютъ полезны для животныхъ, сожительствующихъ съ ними. Таковъ, напримѣръ, случай сожительства медузы, Cassiopea borbonica, поражающей добычу своими стрекательными аппаратами и часто проглатывающей рыбокъ, и рыбки Caranx trachurus, находящей себѣ безопасный пріютъ между щупальцами медузы, защищающей ее отъ большихъ рыбъ.

Ломброзо думаетъ, что принципъ такого симбіоза можно утилизировать и въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. По этому поводу онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что „уже теперь можно предвидѣть менѣе безнадежный путь, который, не устраняя борьбы съ преступленіемъ,

допустить примѣненіе менѣе суровыхъ мѣръ репрессіи... Этотъ новый путь—устройство учрежденій, которыя бы позволяли утилизировать преступниковъ въ той же мѣрѣ, какъ и честнаго человѣка, съ значительною обоюдною пользою".

Въ числѣ другихъ примѣровъ, поясняющихъ его мысль, Ломброзо привелъ примѣръ Нино Биксіо (Віхіо), соратника Гарибальди, который съ дѣтства проявлялъ импульсивность и преступныя наклонности. Онъ былъ грозой своихъ товарищей, которыхъ колотилъ походя. Бродяга и дезертиръ, онъ казался вполнѣ неисправимымъ. Но когда онъ былъ „канализированъ", какъ выражается Ломброзо, во флотѣ, гдѣ онъ съ пользою могъ примѣнять избытокъ своей энергіи, тогда онъ сдѣлался историческимъ человѣкомъ. „А какъ велико число людей", замѣчаетъ Ломброзо, „которыхъ предпріятіе Гарибальди превратило изъ бродягъ въ героевъ".

Далѣе онъ упоминаетъ объ одномъ знаменитомъ хирургѣ Р., который по своимъ внѣшнимъ особенностямъ, по содержанію разговоровъ и, слѣдовательно, по своимъ мыслямъ и даже по этіологическимъ условіямъ представлялъ, по увѣренію Ломброзо, всѣ признаки прирожденнаго преступника и который удовлетворялъ жестокимъ наклонностямъ своей натуры, правда, часто рискованными, но всегда геніально выполненными хирургическими операціями. „Я зналъ въ обществѣ", утверждаетъ Ломброзо, „прирожденныхъ преступниковъ (т. е., очевидно, такихъ лицъ, которыя представляли всѣ особенности, приписанныя имъ этому „типу"), „занимавшихъ высокое положеніе, которые удовлетворяли присущимъ имъ дурнымъ влеченіямъ при помощи упражненій, связанныхъ съ ихъ профессіей, и часто становились изъ антиобщественныхъ людей, какими они были по ихъ натурѣ, полезными для человѣческаго общества".

Но, выступая съ мыслью о „нравственномъ вскармливаніи" и симбіозѣ, Ломброзо все же возвращается къ смертной казни, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ послѣднемъ изданіи (1907) своего труда „Преступленіе, причины и средство леченія" онъ находитъ нужнымъ, „чтобы перспектива смертной казни висѣла, какъ мечъ Дамокла, надъ головами наиболѣе ужасныхъ злодѣевъ, которые, уже будучи осуждены на пожизненное заключеніе, тѣмъ не менѣе нѣсколько разъ посягали на жизнь другихъ". „Въ этихъ случаяхъ", по его мнѣнію, „не остается ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ этому тяжелому средству отбора". „Смертная казнь", думаетъ онъ, „въ такихъ случаяхъ относительно справедлива, какъ и всѣ другія наказанія". Онъ полагаетъ, что „смертная казнь вписана яркими буквами въ

книгу природы и въ книгу исторіи и что даже органическій прогрессъ всецѣло покоится на борьбѣ за существованіе“.

Приводя этотъ взглядъ покойнаго Ломброзо на смертную казнь нельзя не припомнить остроумнаго вопроса, задаваемаго его соотечественникомъ Беккарія: „Одобрить ли человѣческія жертвоприношенія только потому, что они вообще были въ употребленіи у всѣхъ народовъ при началѣ ихъ существованія?“

Неужели намъ надо идти учиться ко временамъ жестокаго варварства, развившагося подъ вліяніемъ противообщественныхъ кровавыхъ военныхъ столкновеній и ужасающей эксплоатаціи человѣкомъ человѣка? Неужели культурная исторія человѣчества, исторія развитія разумности въ его отношеніяхъ къ окружающему, не можетъ намъ дать другихъ уроковъ?

Во всей предшествующей части курса мы уже видѣли, гдѣ „зарыта собака“ преступности и неисправимости; мы уже видѣли, на чьей сторонѣ преимущественно лежатъ производящія причины: на сторонѣ ли карающаго общества или на сторонѣ караемаго.

Пока растутъ и развиваются различные многочисленные Луккени, кто на нихъ обращаетъ вниманіе и заботится о нихъ? Что дѣлаетъ общество? Когда же они, вполнѣ подготовленные за общественный счетъ, совершаютъ свои кровавыя дѣянія, тогда то же общество начинаетъ негодовать, ужасаться нравственному развращенію своихъ воспитанниковъ и къ одному кровавому дѣлу прибавляетъ другое, только болѣе торжественное и показательно обставленное.

И для чего все это надо?

Въ настоящее время, къ счастью, никому уже болѣе не приходитъ въ голову требовать казни душевно-больныхъ преступниковъ. Ихъ строго изолируютъ, но далѣе не идутъ. Но гдѣ же граница между душевной болѣзнью и здоровьемъ, между психо-физическимъ вырожденіемъ и душевнымъ разстройствомъ?

Углубляясь въ разсмотрѣніе механизма душевной жизни и дѣятельности человѣка, антропологъ не можетъ не знать, что такой границы найти и установить нельзя.

Если на почвѣ біологіи развилась идея борьбы за существованіе, то на той же почвѣ развилась и другая идея, умѣряющая первую, идея солидарности и взаимопомощи, которую разумно одухотворенному человѣчеству и слѣдуетъ проводить глубоко въ свою жизнь.

Мысль же о примѣненіи принципа симбіоза, въ своихъ практическихъ осуществленіяхъ, можетъ быть чревата, какъ я сказалъ уже, выгодными общественными послѣдствіями вообще. Въ ея основѣ ле-

житъ мысль о пользованіи людьми, въ зависимости отъ присущихъ ихъ натурѣ силъ, наклонностей и способностей, иначе говоря о пользованіи ими съ наибольшею общественною выгодою. Значеніе этой послѣдней мысли, конечно, очевидно для каждаго, и едва ли представляется надобность пояснять, какое важное и часто рѣшающее вліяніе на личность человѣка и всю его дѣятельность можетъ оказывать и дѣйствительно оказываетъ тотъ фактъ, попадетъ ли онъ на жизненное поприще, соотвѣтствующее его силамъ, способностямъ и наклонностямъ или не попадетъ. Въ этомъ отношеніи многое можно и слѣдуетъ сдѣлать въ интересѣ общественнаго упорядоченія. Симбіозъ—это мирное, взаимно-выгодное сожительство и правильное взаимоприспособленіе къ нему. По отношенію къ человѣчеству, симбіозъ равнозначенъ исключенію братоубійственной и всесторонне зловредной взаимной борьбы. Симбіозъ—это разумное „миръ и благоволѣніе“, о которыхъ пѣли ангелы въ ночь рожденія Христа и къ которымъ призывалъ Христосъ.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе знаменитыхъ трудовъ Ломброзо, около которыхъ велись ожесточенные споры и которые, несомнѣнно, оказали чрезвычайно важное вліяніе въ области изученія человѣческой преступности, какъ сами по себѣ, такъ и въ качествѣ стимула, возбуждая другія изслѣдованія и привлекая вниманіе къ предмету изученія. Послѣдовательное развитіе его мыслей представляетъ поучительный интересъ еще и въ другомъ отношеніи. Оно ясно показываетъ намъ, что изслѣдованія, ведущіяся не отвлеченнымъ путемъ, а на фактической почвѣ опыта и наблюденія, допуская критическую провѣрку на той же почвѣ, тѣмъ самымъ сравнительно легко допускаютъ устраненіе ошибокъ и промаховъ, первоначально въ нихъ вкравшихся. Стоитъ только сравнить то, что представляла собою работа Ломброзо въ своемъ первомъ изданіи, съ тѣмъ, что она представляетъ теперь. Конечно, и теперь мы найдемъ въ ней не мало слабыхъ сторонъ, но сколько не обоснованныхъ достаточно положеній уже исчезло изъ нея!

Вдумываясь внимательно, нетрудно также видѣть, что, въ сущности, послѣ тщательнаго изученія многочисленныхъ фактовъ живой дѣйствительности, Ломброзо въ своихъ объясненіяхъ преступности приходитъ все къ той же теоріи Мореля о вырожденіи и тѣсной связи послѣдняго съ соціальными факторами и соціальными вопросами. Иначе, конечно, и быть не могло. При этомъ Ломброзо, какъ и его геніальный предшественникъ Морель, для борьбы съ вырожденіемъ-преступ-

ностью и для огражденія отъ него общества, рекомендуетъ преимущественно предупредительныя средства и, въ числѣ ихъ, воспитаніе, „нравственное вскармливаніе“. Силу этихъ средствъ уже предусматривали Монтескье, Беккарія, Вольтеръ, а болѣе и правильнѣе всѣхъ великій печальникъ за „труждающихся и обремененныхъ“—Робертъ Оуэнъ, который наглядно показалъ на практикѣ, чего можно достигнуть ими.

32.

Въ предшествующемъ изложеніи вопросъ о преступности въ его современной научной постановкѣ освѣщенъ, полагаю, въ достаточной мѣрѣ. Я не стану болѣе останавливаться на изложеніи работъ другихъ изслѣдователей уголовно-антропологической школы. Въ заключеніе настоящаго отдѣла коснусь лишь немного Международныхъ Уголовно-Антропологическихъ Конгрессовъ и укажу на ихъ значеніе.

Сами конгрессы, вообще, не двигаютъ науку впередъ. Двигаютъ ее изслѣдованія отдѣльныхъ ученыхъ. Но конгрессы способствуютъ обмѣну мнѣній и опыта между ними, разносторонности освѣщенія обсуждаемыхъ вопросовъ и пропагандѣ научныхъ взглядовъ въ толщахъ общества. Въ трудахъ конгрессовъ, особенно послѣдовательнаго ряда ихъ, обыкновенно ярко отражается современное имъ положеніе научныхъ воззрѣній въ той или другой области знанія. Всѣмъ этимъ, конечно, и объясняется, что конгрессы вообще и международные въ частности все болѣе входятъ въ практику въ сферѣ научной дѣятельности.

Международные Уголовно-Антропологическіе Конгрессы возникли по иниціативѣ того же Ломброзо. Они представляются особенно благопріятно обставленными въ отношеніи разносторонности освѣщенія обсуждавшихся вопросовъ. Въ нихъ принимали участіе психіатры, судебные медики, антропологи, педагоги, профессора юридическихъ и общественныхъ наукъ, члены магистратуры и адвокатуры.

Всѣхъ Международныхъ Уголовно-Антропологическихъ Конгрессовъ было уже шесть. Къ нимъ надо причислить и седьмой, собственно психіатрическій, на которомъ, однако, было отведено особое мѣсто обсужденію вопроса о преступности. Этотъ послѣдній конгрессъ происходилъ въ Антверпенѣ въ сентябрѣ 1885 года, а въ ноябрѣ того же года имѣлъ мѣсто въ Римѣ I (спеціально) Уголовно-Антропологи-

ческій Конгрессъ. II Конгрессъ происходилъ въ Парижѣ въ 1889 году, III—въ Брюсселѣ въ 1892 году, IV—въ Женевѣ въ 1896 году, V—въ Амстердамѣ въ 1901 году, VI—въ Туринѣ въ 1906 году; мѣстомъ для VII Конгресса избрана Германія.

Первые Конгрессы слѣдовали на близкомъ пространствѣ времени за тѣмъ сильнымъ толчкомъ, который былъ данъ изученію явленій человѣческой преступности Ломброзо. Они совпадали съ наибольшимъ разгаромъ страстной, хотя и постоянно смягчавшейся, борьбы между классическимъ и новымъ научнымъ направленіями въ области уголовнаго права. Неудивительно, что на нихъ, особенно на самыхъ начальныхъ, были затронуты наиболѣе основные вопросы.

Время, однако, шло, вопросы и результаты спора школъ и сравнительная правота спорящихъ постепенно все болѣе выяснялись, а съ тѣмъ вмѣстѣ постепенно сходили съ очереди общіе теоретическіе вопросы. Съ другой стороны, на пространствѣ времени, занятомъ Конгрессами, великій соціальный вопросъ, съ его отраженіемъ въ преступности, все болѣе обострялся, благодаря чему составляющіе его частные вопросы напряженнѣе привлекали къ себѣ вниманіе общества.

Отсюда возрастаніе интереса къ вопросамъ практическихъ подробностей, къ вопросамъ о средствахъ борьбы съ общественнымъ зломъ и нестроеніемъ и, какъ съ ихъ частностью, явленіями преступности. Преобладаніемъ практическихъ вопросовъ и подробностей наиболѣе и отличались два послѣднихъ Уголовно-Антропологическихъ Конгресса, особенно VI.

33.

Говоря объ этихъ Конгрессахъ, я остановлю ваше вниманіе на одномъ изъ обсуждавшихся на нихъ основныхъ вопросовъ, возбужденномъ работами Ломброзо, ихъ Ахиллесовой пятѣ,—на вопросѣ о существованіи или несуществованіи особаго анатомо-физіологическаго „преступнаго типа“.

Еще въ своей магистерской диссертаціи 1884 года („Малолѣтніе преступники“) я указывалъ (и это указаніе вполнѣ подтвердилось дальнѣйшими изслѣдованіями) на то, что тщательное изученіе разновидностей, образующихся подъ вліяніемъ жизненныхъ условій пауперизма, т. е. бѣдности, показало бы, что болѣе или менѣе значительная доля непреступной или, точнѣе, несудившейся части общества, по своимъ физическимъ и психическимъ особенностямъ, подходитъ

подъ особенности преступника, указанныя Ломброзо, иначе говоря, что не существуетъ особаго специфическаго „преступнаго типа“.

На II и III Уголовно-Антропологическихъ Конгрессахъ многими также были сдѣланы самыя рѣшительныя возраженія противъ существованія этого преступнаго типа, какъ такового. Изъ нихъ я остановлюсь на возраженіяхъ, заключающихся въ докладахъ парижскаго профессора антропологіи Мануврiе (Manouvrier).

Въ своемъ докладѣ Мануврiе прежде всего оговорился, что тѣсное и неразрывное соотношеніе между физіологіей и психологіей, съ одной стороны, и анатоміей, съ другой стороны, находится внѣ всякаго спора. Послѣдній если и можетъ вестись, то только „невѣжественными метафизиками“.

Разсматривая собранныя Ломброзо данныя для установленія особаго „типа“, Мануврiе настаивалъ на томъ, что на основаніи ихъ пока можно утверждать лишь одно: „у преступниковъ, въ среднемъ, встрѣчается больше уклоненій, нежели у такъ называемыхъ честныхъ людей“. Онъ основательно указывалъ также на неправильность пріема, состоящую въ томъ, что для образованія „типа“ Ломброзо соединялъ въ одно цѣлое признаки, встрѣчавшіеся у совершенно различныхъ преступниковъ. „Но такимъ ли способомъ устанавливается типъ?“ — спрашиваетъ Мануврiе. Въ дѣйствительности, по его мнѣнію, не существуетъ общаго типа уродливаго или „патологическаго“ человѣка. Существуютъ только различные типы уродствъ.

„Найдемъ ли мы хотя бы одинъ анатомическій признакъ, специфически-свойственный только преступникамъ?“ — спрашиваетъ Мануврiе. И на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ, конечно, отрицательно. Такихъ специфическихъ признаковъ найти нельзя, потому что противополагаемая такъ называемымъ преступникамъ смѣшанная группа такъ называемыхъ честныхъ людей, какъ совершенно справедливо указываетъ Мануврiе, заключаетъ въ себѣ не мало людей вырождающихся, грубыхъ, порочныхъ, способныхъ стать преступниками или „нравственно не лучшихъ самыхъ худшихъ каторжниковъ“.

Въ такъ называемомъ честномъ обществѣ, какъ справедливо подчеркиваетъ Мануврiе, совершается множество самыхъ безнравственныхъ дѣйствій, которыя по существу ничѣмъ не лучше преступленій, хотя называются болѣе мягкими именами: „ловкостью“, „умѣлымъ обдѣлываніемъ дѣлъ“, „мелкими погрѣшностями“, „случайностями жизни“ и т. д. Послѣ всего ранѣе сказаннаго объ особенностяхъ современнаго строя это утвержденіе Мануврiе едва ли можетъ показаться сколько-нибудь преувеличеннымъ.

„Что касается воровства“, замѣчаетъ Мануврiе, „то существуютъ различныя кричащія формы его, которыя приводятъ въ тюрьму многихъ прибѣгающихъ къ нимъ. Но существуетъ не мало другихъ, не менѣе вредныхъ, формъ, которыя, однако, законъ игнорируетъ, которымъ онъ даже покровительствуетъ и которыя не безпокоятъ общество, при условiи, чтобы воры дѣйствовали „безъ скандала“ и, въ особенности, удачно, такъ что нравственность и безнравственность, если и не въ умѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ практикѣ множества гражданъ, пользующихся уваженiемъ и занимающихъ хорошее общественное положенiе, смѣшиваются“.

Отсюда ясно, что дѣленiе по ярлыкамъ судимости на честныхъ и преступниковъ не выдерживаетъ научной критики. Изученiе осужденныхъ знакомитъ насъ лишь съ бракованными преступниками, тогда какъ преступники высшаго полета, никогда не приходящiе въ тюрьму, при такомъ изученiи будутъ фигурировать въ группѣ называемыхъ „честными людьми“.

Приведенными соображенiями затрагивается давно уже возникшiй вопросъ о виновности самого общества въ совершающихся въ немъ преступленiяхъ. Дѣйствительно, если самъ существующiй общественный строй своими особенностями содѣйствуетъ, какъ мы видѣли, развитiю тяжко-безнравственныхъ дѣйствiй, то тѣмъ самымъ онъ содѣйствуетъ и развитiю преступленiй и является виновнымъ въ нихъ. Вѣдь между нравственностью и правомъ, между безнравственностью и преступленiемъ не существуетъ рѣзкихъ граней. Грани здѣсь условны, временны.

Тѣми же соображенiями затрагивается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопросъ о виновности преступника. Человѣкъ родится на свѣтъ не по своей волѣ, не по своему желанiю. Актами зачатiя и рожденiя ему передаются уже готовые наслѣдственные зачатки, въ которыхъ онъ неповиненъ и на которые, съ самаго его появленiя на свѣтъ, въ теченiе перiода, когда онъ неразуменъ и безсиленъ противостоять средѣ, начинаютъ уже дѣйствовать, помимо его воли, различныя вліянiя, закладывающiя основы его будущаго характера путемъ взаимодѣйствiя унаслѣдованнаго и благопрiобрѣтеннаго. Отсюда самъ собою навязывающiйся выводъ: неизмѣримо-велика власть вызывать къ жизни себѣ подобныхъ, предоставленная человѣку природою, но неизмѣримо-велики и вытекающiя отсюда его обязанности и отвѣтственность.

При антропологическомъ изученiи преступности нѣтъ надобности, какъ думаетъ Мануврiе, вводить въ изученiе соцiальный элементъ, элементъ преступности и честности. По его мнѣнiю, необходимо, на-

ряду съ соотвѣтствующимъ анатомическимъ анализомъ, вести единовременно и психологическій анализъ достоинствъ и недостатковъ, нормальныхъ и болѣзненныхъ влеченій и т. п. у дѣятелей преступленія и только потомъ уже указывать, какъ тѣ или другія неблагопріятныя ихъ особенности могли и должны были отразиться въ ихъ общественной дѣятельности.

Таковы мѣткія критическія замѣчанія, сдѣланныя профессоромъ Мануврiе по вопросу о существованіи особаго анатомо-физіологическаго „преступнаго типа“.

Замѣчанія и указанія критики, касавшіяся преступнаго типа прирожденнаго или неисправимаго преступника, оказали свое вліяніе. Ломброзо и его итальянскіе послѣдователи хотя и сохранили названіе, но значительно, если не совершенно, измѣнили сущность понятія. На IV Уголовно-Антропологическомъ Конгрессѣ ученикъ и ближайшій сотрудникъ Ломброзо, профессоръ Ферри, выступилъ съ докладомъ уже не о „преступномъ типѣ“, а о „преступномъ темпераментѣ“.

Подъ понятіемъ „темперамента“ надо разумѣть анатомо-физіологическія особенности человѣка, отъ различія которыхъ зависятъ различія въ особенности его реакцій, его отвѣтныхъ дѣйствій на внѣшнія возбужденія, а значитъ зависятъ и различія въ самомъ его характерѣ.

„Преступный темпераментъ“, по мнѣнію Ферри, можетъ развиваться изъ всякаго другого темперамента. Его точное опредѣленіе — работа будущаго, которая должна завершить дѣло изученія преступности, предпринятое при помощи антропологіи и соціологіи.

Этимъ, очевидно, устраняется понятіе, защищавшееся прежде послѣдователями Ломброзо, о существованіи какой-то особой разновидности человѣческаго рода, „преступнаго человѣка“, съ его специфическимъ „преступнымъ типомъ“, и явленія преступности сводятся къ дѣйствительному своему источнику: къ явленіямъ психологическаго вырожденія. Съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожается и единство преступнаго типа. Если преступный темпераментъ можетъ развиваться изъ всякаго другого темперамента, то, очевидно, онъ различенъ, какъ различны тѣ темпераменты, изъ которыхъ онъ развился.

Этимъ я покончу съ работами профессора Ломброзо и перейду къ одному изъ очень интересныхъ докладовъ, занимавшихъ Антверпенскій Конгрессъ 1885 года.

34.

На этомъ Конгрессѣ извѣстнымъ вѣнскимъ профессоромъ Бенедиктомъ (Benedict) былъ прочтенъ чрезвычайно интересный докладъ по занимающему насъ вопросу о человѣческой преступности. Въ немъ почтенный ученый сдѣлалъ попытку выяснить и указать, какъ изъ основной простѣйшей особенности или, правильнѣе, органической недостаточности болѣзненнаго характера могутъ развиваться, и дѣйствительно развиваются (конено, въ зависимости отъ вліянія условій общественной жизни), наклонность къ преступленію и самое совершеніе различныхъ преступленій. Эта органическая недостаточность, по утвержденію профессора Бенедикта, и лежитъ въ основѣ профессіональной преступности, которой, какъ оговорился докладчикъ, только и касается его сообщеніе.

Въ слѣдующемъ (1886) году профессоръ Бенедиктъ повторилъ свой докладъ въ болѣе развитомъ видѣ въ Вѣнскомъ Юридическомъ Обществѣ, озаглавивъ его: „Біологія и криминалистика“.

Органическая недостаточность или, какъ выразился Бенедиктъ, „основной элементъ въ психологіи преступности профессіональныхъ преступниковъ“ есть „неврастенія“ или нервное истощеніе, нервная слабость въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ и, притомъ, слабость прирожденная или пріобрѣтенная въ раннемъ дѣтствѣ, развивающаяся вслѣдствіе дурного питанія нервной системы и происходящаго отъ того оскудѣнія ея ткани-- слѣдствій бѣдности, различныхъ излишествъ, отравленій и неблагопріятныхъ условій жизни вообще.

„Неврастенія характеризуется не столько абсолютной слабостью, сколько быстрымъ истощеніемъ, а главное непріятнымъ и тягостнымъ чувствомъ слабости“. Если такое состояніе самочувствія сопровождаетъ періодъ начальнаго физическаго и душевнаго развитія индивида, то оно оказываетъ, какъ это нетрудно понять, неотразимое вліяніе на все его психическое существо, на „всѣ взгляды, мнѣнія, чувства“, а черезъ то и на всѣ его поступки и дѣятельность вообще.

Когда чувство истощенія и непріятно-тягостной слабости сопровождаетъ физическую дѣятельность, тогда мы имѣемъ передъ собою неврастенію физическую. Истощеніе и слабость могутъ быть присущи и области нравственной. „Если лицо съ дѣтства не обладаетъ силою противостоять влеченіямъ минуты и силою слѣдовать благороднымъ побужденіямъ, особенно если нравственная борьба имѣетъ

для него своимъ результатомъ чувство непріятности, оно есть нравственный неврастеникъ. Какъ таковой, оно будетъ избѣгать всякой нравственной борьбы и будетъ думать, чувствовать и дѣйствовать подъ вліяніемъ этой нравственной неврастеніи. У него разовьется отвращеніе къ нравственной борьбѣ. У нравственныхъ неврастениковъ дѣло идетъ не о нравственной невозможности, а о нравственной слабости".

Неврастенія умственная, по мнѣнію Бенедикта, играетъ вполнѣ второстепенную роль въ вопросѣ о преступности. Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго согласиться безусловно невозможно. Во-первыхъ, въ природѣ человѣка все взаимно тѣсно связано и все вліяетъ другъ на друга. Во-вторыхъ, независимо отъ этого, умственная неврастенія неизбѣжно ослабляетъ, вслѣдствіе испытанной непріятности и происходящей отъ того неохоты сосредоточенно думать и умственно напрягаться, предвѣдѣніе будущаго, предвѣдѣніе послѣдствій своихъ поступковъ, устраняетъ ихъ оцѣнку, порождаетъ поэтому непредусмотрительность и соединенное съ нею легкомысліе, порождаетъ различныя нетактичности и ошибки въ жизни, со всѣми ихъ неблагопріятными слѣдствіями для человѣка, обусловливаетъ его жизненныя неудачи, а съ ними вмѣстѣ—дальнѣйшее развитіе ослабленія, однимъ словомъ, содѣйствуетъ развитію и усиленію предрасположенія къ борьбѣ за жизнь въ нелегальныхъ формахъ, къ которымъ прибѣгаютъ жизненные незадачники.

Неврастенія, по указанію Бенедикта, можетъ быть постоянная, обычная, или временная, „эпилептовидная", перемежающаяся съ большей или меньшей правильностью. Въ этомъ изображеніи передъ нами ясное, непосредственное, какъ въ зеркалѣ, отраженіе въ жизни души, въ ея проявленіяхъ, одной изъ органическихъ особенностей, но отраженіе въ особыхъ формахъ, въ особыхъ, своеобразныхъ, краскахъ.

Итакъ, въ основѣ профессіональной преступности, по мнѣнію Бенедикта, лежитъ органическая слабость и оскудѣніе, проявляющіяся въ сферѣ физической, нравственной и умственной. Между тѣмъ, жизнь есть борьба за пріятности, за наслажденія, борьба, требующая усилій и напряженія. Неврастеники, какъ и всѣ прочіе люди, хотятъ пользоваться и наслаждаться жизнью, но ихъ оскудѣлость препятствуетъ имъ пріобрѣтать нужныя для того средства тѣмъ способомъ, примѣненія котораго отъ нихъ ожидаетъ и требуетъ общество, т. е. трудомъ. Это-то и составляетъ главное органическое основаніе наклонности нѣкоторыхъ неврастениковъ къ преступленіямъ въ тѣхъ

случаяхъ, когда благопріятное общественное положеніе не является противовѣсомъ тому.

Неврастенія физическая, прирожденная или пріобрѣтенная, даетъ, по мнѣнію Бенедикта, физическое основаніе наклонности къ бродяжеству, если дѣло ограничивается только этимъ видомъ неврастеніи. Тогда передъ нами является только бродяга. Но если къ этому присоединяется еще жажда наслажденій и неврастенія нравственная, тогда развиваются и другіе виды преступности, если у субъекта нѣтъ при этомъ собственныхъ денежныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ влеченій.

Если существуетъ у субъекта и прирожденная притупленность къ боли и страданіямъ („Stumpfheit der Schmerzempfindungen“), тогда исчезаетъ состраданіе и жалость къ людямъ, мученія которыхъ поэтому непонятны и недоступны для такихъ лицъ, какъ недоступны цвѣта для слѣпого. При такомъ органическомъ уклоненіи или недостаткѣ, психическое развитіе нарушается, и этотъ недостатокъ можетъ явиться источникомъ жестокости и условіемъ, содѣйствующимъ совершенію связанныхъ съ нею формъ преступленій. Если же еще присоединяется и уменьшенная уязвимость („verminderte Vulnerabilität“), которую имѣлъ случай наблюдать Бенедиктъ и благодаря которой даже серьезныя поврежденія переносятся легко и безъ большихъ страданій, то боязнь принимать участіе въ опасныхъ предпріятіяхъ у субъекта, на основаніи прошлаго опыта, до крайности ослабляется. Является лишнее усиливающее условіе наклонности къ преступленіямъ, совершеннымъ при посредствѣ насилія. Тогда, при наличности также и нравственной неврастеніи, „разбойникъ выходитъ вполнѣ готовымъ изъ рукъ природы, какъ Аѳина-Паллада изъ головы Юпитера“.

Какъ видите, вліяніе нѣкоторыхъ составныхъ частей того, что мы называемъ органическимъ факторомъ, здѣсь ясно обнаруживается; конечно, это вліяніе въ конкретныхъ случаяхъ значительно осложняется, измѣняется и ослабляется, съ одной стороны вліяніемъ другихъ составныхъ частей того же органическаго фактора, съ другой — вліяніемъ прочихъ факторовъ, а именно—внѣшнихъ воздѣйствій, въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, воспитанія.

35.

Прекрасныя иллюстраціи къ докладу профессора Бенедикта мы находимъ, между прочимъ, въ работѣ доктора Лобоса, бывшаго са-

халинскаго врача, въ его описаніяхъ близко наблюдавшихся имъ преступниковъ-убійцъ.

Передъ нами, напримѣръ, поэтъ-убійца Евсеевъ, убившій свою хозяйку-старушку съ цѣлью ограбленія. Про себя онъ разсказываетъ такъ: „Дѣломъ я никакимъ не занимался, не могъ; какъ только брался за что-нибудь, то нападала тоска такая, что не зналъ, куда себя дѣвать“. Жилъ у родныхъ, „все время проводилъ въ прогулкахъ по городу и мечталъ о богатой привольной жизни“ (припомните и сопоставьте съ Евсеевымъ Руфа, который говорилъ: „Я не имѣю шансовъ. Мнѣ ничто не удается, работа мнѣ надоѣдаетъ. Я бы ни передъ чѣмъ не остановился, чтобы имѣть деньги“...), – ничего, конечно, не зная, прибавлю я отъ себя, о содержаніи доклада Бенеликта.

Но для осуществленія мечты ему надо было добыть денегъ. И вотъ:

Словно кто-то шепталъ:
«Я могу пособить...
«Денегъ много найдешь,
«Если хочешь того;
«Лишь хозяйку убьешь—
«Вотъ и только всего!
«Ну, не медли, ступай,
«Не робей, молодецъ!
«Случай есть, не зѣвай.
«Заживешь, какъ купецъ!»

Здѣсь интересенъ его идеалъ, побуждающій его дѣйствовать и совершить убійство, идеалъ купца, конечно, какъ представителя денежнаго мѣшка...

И молодецъ не сробѣлъ передъ кровью: „Бѣсъ меня искусилъ“, искусилъ тотъ грѣхъ, который „живетъ въ членахъ человѣка“, по выраженію апостола,

Взявъ топоръ, я пошелъ,
Старушенку убилъ
И съ деньгами ушелъ.

Ушелъ онъ недалеко. Ушелъ всего въ сосѣдній городъ, ничего не предусматривая и ни о чемъ не заботясь: ни о возможности подозрѣній, ни объ арестѣ, судѣ или наказаніи. Послѣднее его, очевидно, не особенно страшило. Въ городѣ онъ зажилъ припѣваючи, „по-купечески“, зажилъ по гостиницамъ, трактирамъ и прито-

намъ разврата, гдѣ и былъ скоро арестованъ; затѣмъ его осудили и сослали въ каторгу. Здѣсь въ немъ не заговорило то, что Депинъ называетъ „нравственнымъ чувствомъ“, и не зазвучалъ громко голосъ мятущейся совѣсти. О совершонномъ преступленіи онъ не задумывался и не печалился. Онъ только плакался по извѣданной „сладкой купеческой жизни“. Свое душевное состояніе въ это время онъ описываетъ въ слѣдующемъ произведеніи своей музы:

Время печальное
Жизни души...
Сердце опальное,
Страсть потуши.
Рвется на части
Въ слабой груди,
Жаждетъ лишь страсти,—
Сладь съ нимъ, поди...
Словно не знаетъ
Тяжкихъ цѣпей...
Душу терзаетъ
Жажда страстей.
Брось, ретивое,
Думать забудь:
Время былое (т. е. «купеческую жизнь»)
Намъ не вернуть.

Въ этихъ произведеніяхъ поэта-преступника намъ ярко рисуется убогая нравственная жизнь убогой нравственной личности, которой, однако, не чужда нѣкоторая талантливость. Послѣдняя, при иномъ, всесторонне правильномъ воспитаніи, конечно, могла бы дать иной, не вредный, а полезный для общества плодъ. Къ сожалѣнію, условія современности таковы, что они не часто создаютъ атмосферу, необходимую для разумнаго гражданскаго воспитанія, въ которомъ, однако, все сильнѣе испытывается кричащая нужда.

Другой убійца, о которомъ разсказываетъ Лобосъ, нѣкто Хрѣновскій, происходилъ отъ отца, пившаго водку, и, въ свою очередь, имѣвшаго отцомъ пьяницу и полоумнаго человѣка. Сестра Хрѣновскаго страдала какими-то припадками, повторявшимися по нѣскольку разъ въ день (быть можетъ, эпилептическаго характера, какъ это не рѣдко бываетъ въ наслѣдственно-алкоголизованныхъ семьяхъ). Самъ Хрѣновскій рано началъ пить водку. Для этого необходимы были деньги, а между тѣмъ, работать онъ не могъ, потому что, по спра-

ведливому замѣчанію Бенедикта, нервное оскудѣніе характеризуется не столько нервною слабостью, сколько быстрымъ истощеніемъ, а главное—непріятнымъ и тягостнымъ чувствомъ слабости. Подъ его могущественнымъ вліяніемъ, Хрѣновскій испытывалъ отвращеніе къ работѣ, даже къ мысли о ней. „Тоска, какъ подумаю о работѣ“, разсказывалъ онъ. Подъ гнетомъ этой „тоски“, Хрѣновскій занялся болѣе легкимъ дѣломъ—кражами. На мѣстахъ, какъ нетрудно предвидѣть и напередъ, зная особенности его натуры, онъ не удерживался подолгу, скитался повсюду и искалъ легкой наживы, „купеческой жизни“, по выраженію Евсеева. Кончилъ Хрѣновскій, какъ это нерѣдко бываетъ въ такихъ случаяхъ, убійствомъ незнакомаго человѣка съ цѣлью грабежа.

Еще одинъ чрезвычайно интересный и поучительно-доказательный примѣръ представляетъ уже вскользь упоминавшійся мною 19-лѣтній развратный и лѣнивый Лемеръ (Lemaire), судившійся за убійство. Съ самаго ранняго дѣтства онъ выказывалъ крайне дурныя склонности и, едва выйдя изъ періода дѣтства, уже заставлялъ своего отца опасаться сыновьихъ покушеній на его жизнь.

„То, что вы говорите, гнусно!“...

„Я это хорошо знаю, г. предсѣдатель. Если бы всѣ были похожи на меня, то дѣло не могло бы идти. Если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что я правъ, то я бы ему отвѣтилъ: „Вы такая же каналья, какъ и я“. Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ бы дѣлать то же самое. Для того, чтобы гулять и наслаждаться, я хочу жить, но чтобы работать... я не держусь за жизнь. Имѣй я ренту, вы конечно, не увидали бы меня здѣсь, но теперь, если бы случилось повторить, то я бы повторилъ“.

Въ послѣднемъ своемъ словѣ Лемеръ заявилъ, что онъ лѣнтяй и ненавидитъ работу, а потому не хочетъ жить и идти на каторгу. Онъ настаивалъ на собственной казни.

„Тюрьма не сломила меня“, пояснилъ онъ, „это засѣданіе (судебное) не произвело на меня впечатлѣнія. Надо посмотрѣть теперь, что я буду дѣлать на гильотинѣ“.

Онъ отказался отъ кассаціи приговора и спокойно легъ подъ ножъ.

Таковъ этотъ характерный случай. И нельзя не признать, что трудно найти болѣе яркій примѣръ нагляднаго отраженія условій организаціи и ея состоянія въ данное время, съ присущими имъ самочувствіемъ и настроеніемъ, въ обликѣ психической личности, въ ея проявленіяхъ во внѣ.

Многочисленные факты, которые я представлю вашему вниманію, вполнѣ согласуются съ выводами изложеннаго и основаннаго на личныхъ наблюденіяхъ доклада Бенедикта и подтверждаютъ существованіе условій для развитія отмѣченной имъ неблагопріятной органической почвы въ тѣхъ слояхъ общества, изъ которыхъ выходитъ громаднѣйшее большинство преступниковъ вообще и профессіональныхъ въ частности.

Къ этимъ фактамъ я и перейду теперь.

V.

ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКА, ИЗЪ КОТОРАГО ВЫХОДИТЪ БОЛЬШИНСТВО ПРЕСТУПНАГО ЛЮДА.

1.

Въ предшествующихъ отдѣлахъ курса мы познакомились съ явленіями вырожденія и особенностями продуктовъ его—вырождающихся, познакомились также съ явленіями преступности и особенностями ея носителей—преступниковъ. Тѣмъ не менѣе, наше представленіе и наше пониманіе явленій области уголовнаго права оказались бы неполны и недостаточно рельефны, если бы мы не ознакомились и не изучили особенностей того источника, изъ котораго выходитъ большинство преступнаго люда и который своими особенностями бросаетъ яркій свѣтъ и на вопросъ о такъ называемыхъ случайныхъ преступникахъ. На нихъ указываютъ и ссылаются иногда въ доказательство преувеличеній, будто бы допускаемыхъ теоріей вырожденія и уголовно-антропологической школой въ истолкованіи природы явленій преступности. Но научно собранные и собираемые во множествѣ факты живой дѣйствительности громко, ясно и рѣшительно отвѣчаютъ на это обвиненіе.

Припомните, что бросавшимися въ глаза и навязывавшимися вниманію явленіями жизни наука была вынуждена сосредоточить прежде всего свое изученіе на явленіяхъ вырожденія. Освѣтивъ ихъ въ ходѣ ихъ поступательнаго развитія, она перешла затѣмъ, по близкому сродству явленій, къ изученію, на почвѣ опыта и наблюденія, явленій человѣческой преступности и, наконецъ, вслѣдствіе того же естественнаго сродства и самой логики фактовъ, она распространила свое изученіе и на особенности того источника, изъ котораго

выходитъ громадное большинство преступнаго люда. Изученіе этого источника, образуемаго болѣе или менѣе обездоленными классами общества, показываетъ намъ, что въ немъ, при естественныхъ различіяхъ его отдѣльныхъ слоевъ, общество имѣетъ въ слояхъ, расположенныхъ ближе къ границамъ области преступности, уже вполнѣ готовые кадры для пополненія все растущей преступной арміи. Въ этихъ кадрахъ встрѣчается не малое число лицъ, которыя по своимъ особенностямъ, постепенно вырабатывающимся подъ вліяніемъ крайне неблагопріятныхъ условій ихъ жизненной обстановки, представляются болѣе или менѣе подготовленными къ роли такъ называемыхъ случайныхъ преступниковъ. Дѣло только за подходящимъ поводомъ.

Въ представленномъ ходѣ своего поступательнаго развитія наука, такимъ образомъ, значительно расширила рамки картины общественной жизни и указала непреложное причинное сцѣпленіе образующихъ ее явленій. Она бросила яркій свѣтъ на значеніе великаго соціальнаго вопроса и на тѣсную связь всѣхъ слагающихъ его частныхъ вопросовъ и, въ томъ числѣ, вопроса о человѣческой преступности.

2.

Въ своей болѣе ранней хроникѣ уголовнаго суда, внимательно вглядываясь и вдумываясь въ существующее соотношеніе между условіями современнаго общественнаго строя и развитіемъ преступности, я съ полнымъ основаніемъ назвалъ преступника „роковымъ мстителемъ за нарушеніе правильности общественныхъ отношеній“, иначе говоря за нарушеніе законовъ общественной жизни. Къ этому теперь прибавлю: если преступникъ есть мститель, то въ то же время онъ и жертва нарушенія этихъ законовъ. Онъ дѣйствительно „несчастненькій“, какъ его называетъ нашъ народъ.

Съ свойственною ему чрезвычайно тонкой наблюдательностью въ отношеніи явленій жизни и тонкимъ, поистинѣ барометрическимъ, нравственнымъ чутьемъ народъ далъ намъ поэтическую „повѣсть о Горѣ-Злосчастьи“. Въ образѣ этого своеобразнаго героя названная повѣсть одновременно олицетворяетъ какъ внѣшніе факторы преступности, объединяемые ею въ понятіи о „Злосчастьи“, такъ и факторы внутренніе, т. е. внутреннія состоянія дѣятеля преступленія, сводимые къ понятію о „Горѣ“.

По увѣренію народной повѣсти, Горе-Злосчастье хочетъ „въ

людяхъ жить“. Оно заставляетъ ихъ „босоты, наготы избыть“. Само Горе „босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки, еще лычкомъ Горе подпоясано“. Таковъ, по представленію правдивой и художественной народной повѣсти, мрачный образъ могучаго современнаго героя, Горя-Злосчастья. Ходитъ оно за „несчастненькимъ“ неотступно по пятамъ, не даетъ ему ни отдыха, ни срока:

Полетѣлъ молодецъ ясным соколомъ—
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Полетѣлъ молодецъ сизымъ голубемъ—
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ—въ полѣ ковыль трава—
А Горе пришло съ косой вострою,
Да еще Злосчастье надъ молодцемъ насмѣялося;
Молодецъ пошелъ путь-дорогою—
А Горе подъ руку, подъ правую,
Научаетъ молодца богато жить—
Убити и ограбити...

Картина высоко-художественная, полная, яркая, рельефная. Нѣтъ силъ, нѣтъ пути-дороги, нѣтъ выхода для неустанно преслѣдуемаго Горемъ-Злосчастьемъ молодца, который тогда, въ этомъ безвременьи, спасается въ „монастырь святой“, въ эту прежнюю тихую общественную обитель, силами небесными укрывающую истерзаннаго Горемъ человѣка за своей стѣной отъ житейскихъ бурь и непогодъ. Но то было въ прежнія, уже отдаленныя отъ насъ времена. Не то теперь. Гдѣ тотъ обширный монастырь, что можетъ укрыть отъ растущаго „Горя-Злосчастья“ всѣхъ нашихъ „лишнихъ людей“, всѣхъ нашихъ безработныхъ, изнывающихъ подъ тяжестью ужасныхъ условій жизни всю ту „голь перекатную“, всю ту „рвань заплатанную“, безпаспортную, что кишитъ въ нашихъ большихъ городахъ, что покрываетъ наши дороги, что толпится и безропотно гибнетъ на различныхъ пристаняхъ и ватагахъ? Не существуетъ столь обширной обители, не существуетъ для голытьбы пріюта и спокойствія...

3.

Отъ общихъ соображеній перейдемъ къ цифрамъ и посмотримъ, кто же эти „молодцы“, преслѣдуемые неотступно „Горемъ-Злосчастьемъ“.

Беру для примѣра хотя бы послѣдній изданный нашимъ Мини-

стерствомъ Юстиціи „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ за 1906 годъ“.

Беру данныя по окружнымъ судамъ. Общее число осужденныхъ обоего пола равнялось 59230 человѣкамъ. Мѣщанъ было 8255 чел., крестьянъ 47748 чел., а тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—56003 человѣкъ. Всѣхъ остальныхъ было 3227 чел., и изъ нихъ дворянъ, священнослужителей и членовъ ихъ семей, почетныхъ гражданъ и купцовъ было всего 1209 человѣкъ.

По мировымъ установленіямъ и по учрежденіямъ, образованнымъ по законоположеніямъ 12 іюля 1889 года (земскіе начальники и др.) число осужденныхъ обоего пола равнялось 55035 человѣкамъ и изъ этого общаго числа дворянъ, священнослужителей и членовъ ихъ семей, почетныхъ гражданъ и купцовъ было всего 46 человѣкъ.

Болѣе показательныя данныя, нежели сословныя различія, даетъ намъ подраздѣленіе осужденныхъ по степени образованія.

Обращаясь къ этимъ даннымъ, мы видимъ, что изъ общаго числа 59230 человѣкъ обоего пола, осужденныхъ окружными судами, неграмотныхъ было 32367 человѣкъ, грамотныхъ (а кому неизвѣстно, кого у насъ нерѣдко называютъ грамотными)—25488 чел., а тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 57855 человѣкъ. Получившихъ же низшее (750), среднее и высшее (189) образованіе, считая въ томъ числѣ и неизвѣстныхъ въ отношеніи степени образованія (436), было всего 1375 человѣкъ.

На мировыя установленія земскихъ начальниковъ и др. изъ общаго числа 55035 осужденныхъ неграмотныхъ приходилось 32201 чел., грамотныхъ 21699 чел., а тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 53900 чел.; и получившихъ низшее (866), среднее и высшее (1) образованіе, считая въ томъ числѣ неизвѣстныхъ въ отношеніи степени образованія (268), всего только 1135 чел.

Хотя въ этихъ цифрахъ мы не имѣемъ прямыхъ указаній на особенности жизненнаго положенія всей массы осужденныхъ, тѣмъ не менѣе приведенныя данныя представляются весьма характерными и краснорѣчивыми. Сходныя указанія мы находимъ и въ статистическихъ данныхъ другихъ культурныхъ странъ, напримѣръ, Франціи и Германіи, изъ которыхъ видно, что наименьшее число осужденныхъ приходится на собственниковъ, капиталистовъ, чиновниковъ и наибольшее—на рабочихъ промышленныхъ и земледѣльческихъ, поденщиковъ и проч.

Поэтому Громоларъ (Gromolard) вполнѣ правъ, когда онъ заявляетъ въ своей работѣ „Преступность юношества“ („Criminalité juvenile“), что въ источникѣ наклонностей къ преступленію онъ находилъ, въ качествѣ первопричины, бѣдность и безусловно убѣ-

женъ въ ея преобладающемъ вліяніи. Полнѣе и ярче освѣщаетъ положеніе Наполеонъ Колаяни, замѣчая въ своей работѣ „Соціализмъ“ (Napoleone Colajani, „Il Socialismo“), что „общество, какъ оно организовано теперь, представляетъ собою патологическое существо, живущее въ состояніи истощенія и дисгармоніи, при которомъ преступленіе является его логическимъ послѣдствіемъ и не можетъ быть устранено ранѣе радикальнаго излеченія соціальнаго организма“.

Слѣдуетъ также указать на извѣстное сочиненіе Фридриха Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ (Friedrich Engels, „Die Lage der arbeitenden Klasse in England“), которое, по своимъ фактическимъ даннымъ и по своему тонкому и глубокому анализу, представляетъ чрезвычайный интересъ и заслуживаетъ самаго сосредоточеннаго вниманія со стороны всѣхъ, стремящихся уяснить себѣ факторы, вызывающіе развитіе не только преступности, но также порочности и безнравственности вообще.

Энгельсъ, съ обиліемъ фактовъ въ рукахъ, еще въ 1848 году настойчиво и основательно указывалъ, что вовсе нельзя удивляться тому, что англійскій „рабочій классъ мало-по-малу сталъ, по сравненію съ англійской буржуазіей, совершенно другимъ народомъ. Буржуазія имѣетъ болѣе родственнаго со всѣми другими націями земли, нежели съ рабочими, такъ близко отъ нея живущими. Рабочіе говорятъ на другомъ языкѣ, имѣютъ другія идеи и представленія, другіе нравы и нравственные принципы, другую религію и политику, сравнительно съ буржуазіей... Это два различныхъ народа, различныхъ настолько, насколько различіе можетъ создаваться различіемъ расъ“.

При этомъ Энгельсъ привелъ очень много интересныхъ свидѣтельствъ и, между прочими, свидѣтельство одного фабриканта, Роберта Грегъ, вожака противниковъ рабочей партіи, который заявлялъ, что „если такъ пойдетъ и дальше, то фабриканты скоро будутъ имѣть въ качествѣ рабочихъ породу пигмеевъ“.

Казалось бы, фактически-обоснованныя указанія на образовавшуюся на психо-физіологической почвѣ глубокую общественную пропасть между недостаточнымъ большинствомъ народа, рабочимъ классомъ, и достаточнымъ меньшинствомъ, буржуазіей, должно было обратить на себя усиленное вниманіе и вызвать со стороны руководящихъ классовъ настойчивыя усилія къ скорѣйшему заполненію этой опасной пропасти.

Въ дѣйствительности этого, однако, не случилось и доказательныя утвержденія Энгельса, какъ и такія же предупрежденія Мо-

реля и множества другихъ изслѣдователей, не оказали нужнаго вліянія.

Дѣло продолжало идти прежнимъ путемъ. Зато нерѣдко выдвигались противъ ученыхъ изслѣдователей обвиненія въ стремленіи „расшатывать устои общественной жизни“ и „вносить смуту въ общество“. Но такъ ли это? Вѣдь изслѣдователи только констатируютъ и выясняютъ явленія и естественные законы, этими явленіями управляющіе...

4.

Явленія и факты одними отрицаніями нельзя сдѣлать несуществующими. Поэтому неудивительно, что и новѣйшія научныя изслѣдованія только еще болѣе ясно и наглядно показываютъ намъ, насколько былъ правъ Энгельсъ въ своихъ утвержденіяхъ и предупрежденіяхъ.

Изъ научныхъ работъ послѣдняго времени, относящихся къ занимающему насъ вопросу, остановлюсь на весьма содержательныхъ работахъ профессора Ничефоро (Niceforo): „Бѣдные классы“ („Les classes pauvres“; 1905), „Сила и богатство“ („Forza e ricchezza“, 1906), „Опытъ по антропологіи бѣдныхъ классовъ“ („Essai sur l'anthropologie des classes pauvres“, напечатано въ „Archives d'anthropologie criminelle“ за 1907 годъ) и „Антропологія неимущихъ классовъ“ („Anthropologie der nichtbesitzenden Klassen“ 1910).

Въ нихъ онъ настаиваетъ на необходимости обособленія особой отрасли антропологическихъ знаній: антропологіи бѣдныхъ классовъ населенія. Эта наука должна быть посвящена всестороннему изученію представителей этихъ классовъ, которые живутъ въ состояніи бѣдности и пауперизма. „Естественное научное изученіе племени, народности, расы“, поясняетъ Ничефоро, „натуралистъ производитъ путемъ изученія физическихъ, физіологическихъ, патологическихъ, этнографическихъ и психологическихъ особенностей людей, составляющихъ это племя, эту народность, эту расу, а также и путемъ изученія причинъ внутреннихъ, которыя произвели всѣ эти особенности“. Такимъ же путемъ Ничефоро находитъ нужнымъ разрабатывать и антропологію общественныхъ классовъ, потому что, какъ справедливо утверждаетъ де-Токвиль (de-Tocqueville), „между классами одного и того же общества существуютъ такія же глубокія различія, какія существуютъ между различными націями“.

„Натуралистъ, который знакомится съ громаднымъ количествомъ фактовъ и существующихъ изслѣдованій этого предмета (т. е. бѣд-

ности), скоро узнаетъ съ удивленіемъ, что все изучили, исключая главнѣйшаго элемента: человѣка, состоящаго изъ мяса и костей. Дѣйствительно, до настоящаго времени изучали бѣдные классы преимущественно съ абстрактной, а иногда и съ метафизической точекъ зрѣнія, а не съ точки зрѣнія конкретной и позитивной. Всесторонне изучали бѣдность, но оставляли въ тѣни бѣднаго человѣка. Въ изученіяхъ этого рода замѣчается то же, что замѣчается и въ изученіи значительнаго числа общественныхъ явленій: обособляютъ явленіе отъ людей его производящихъ и потомъ изучаютъ это явленіе отдѣльно, какъ будто оно не имѣетъ своихъ корней въ тѣлѣ, въ крови, въ нервахъ и костяхъ людей, своею дѣятельностью его производящихъ“. И Ничефоро настаиваетъ на необходимости всесторонняго изученія представителей бѣдныхъ классовъ населенія.

Въ послѣдней изъ поименованныхъ своихъ работъ онъ указываетъ, что „существовала эпоха въ исторіи, когда философы и люди, задающіеся мыслью о совершенствованіи общества, не находили иного лучшаго средства для противодѣйствія бѣдствіямъ времени, какъ только въ противопоставленіи, въ качествѣ образца, выродившимся, разслабленнымъ и болѣзненно-хилымъ богачамъ людей бѣдныхъ, какими послѣдніе рисовались ихъ воображенію“. Избытокъ силы, могучіе мускулы, полныя щеки, крѣпкое здоровье, нравственныя добродѣтели—таково было представленіе о бѣдномъ человѣкѣ. И тогда изъ устъ философовъ послышалась проповѣдь о необходимости возвращенія къ природѣ, и представители высшихъ сословій, увлекаемые моднымъ движеніемъ, скажу я, стали внѣшне „опрощаться“. Послѣдовала затѣмъ эпоха Великой Французской Революціи, и на историческую сцену выступилъ пролетарій. Обнаружилось тогда, при ближайшемъ соприкосновеніи, вся несостоятельность образа, нарисованнаго фантазіей. Дѣйствительность показала физическую бѣдность и невысокій уровень нравственнаго развитія. Ближайшее внѣшнее ознакомленіе не породило, однако, въ умѣ богатыхъ убѣжденія, что они обязаны найти средства, чтобы „поднять бѣднаго брата экономически и нравственно“. И когда Луи Бланъ „съ серьезностью ученаго и настойчивостью фанатика“ убѣждалъ, чтобы богатые, въ интересахъ общей пользы не только не препятствовали, но и содѣйствовали эмансипаціи бѣдныхъ, то онъ встрѣтилъ „леденящій холодъ апатіи“ и раздражительныя издѣвательства и насмѣшки классоваго эгоизма, которыя показали, что вновь народившіеся привилегированные слои общества не могутъ быть убѣждаемы „нравственными аргументами“.

Для своихъ сравнительныхъ сопоставленій и изученія Ничефоро

беретъ изъ среды рабочихъ каменщиковъ, поденщиковъ, ремесленниковъ, желѣзнодорожныхъ и трамвайныхъ рабочихъ и другія категоріи наемныхъ рабочихъ, заработокъ которыхъ не выше 3 франковъ 60 сантимовъ въ день и, какъ таковой, недостаточенъ для безбѣднаго существованія. Въ качествѣ представителей двухъ группъ достаточныхъ классовъ (болѣе и менѣе достаточныхъ) берутся рантьеры, лица либеральныхъ профессій, крупные и мелкіе торговцы, торговые служащіе и проч.

5.

Данныя сравненія представителей этихъ общественныхъ классовъ касаются ихъ физическихъ и психическихъ особенностей. Сравнительно сопоставляются данныя измѣренія роста, вѣса, объема груди, емкости дыханія, окружности головы, высоты лба, силы, стойкости противъ усталости, вѣроятной вмѣстимости черепа, вѣроятнаго вѣса мозга, цвѣта волосъ, глазъ и т. д. Относительно данныхъ о цвѣтѣ волосъ и глазъ надо замѣтить, что довольно многочисленными антропологическими изслѣдованіями (между прочимъ, изслѣдованіями, произведенными въ большихъ размѣрахъ въ средѣ военныхъ новобранцевъ) устанавливается соотношеніе между физіологическою бѣдностью организма и блѣдной окраской волосъ и глазъ.

Другія данныя сравненія касаются общаго характера физіономіи, аномалій лица, а также и психическихъ особенностей, причемъ ясно выступаетъ явное преобладаніе имущихъ классовъ надъ несостоятельными по всѣмъ изслѣдованнымъ особенностямъ.

Приведу здѣсь таблицы, заключающія съ себѣ данныя сравнительнаго сопоставленія особенностей дѣтей разнодостаточныхъ классовъ. При этомъ, чтобы не забрасывать цифрами, которыми изобилуютъ работы профессора Ничефоро, я приведу на выдержку только нѣкоторыя таблицы и притомъ не полностью, а въ сокращенномъ видѣ, ограничиваясь данными относительно дѣтей 3—4 возрастовъ.

ТАБЛИЦА № 1.

Ростъ въ сантиметрахъ (мальчики).

Возрастъ.	Достаточные.	Менѣе достаточные.	Бѣдные.
7 лѣтъ	121,2	117,8	116,1
10 „	135,4	132,1	128,9
13 „	145,9	142,2	140,5

Въ этой таблицѣ вы видите правильное уменьшеніе роста дѣтей-однолѣтокъ по мѣрѣ пониженія благосостоянія семей.

ТАБЛИЦА № 2.

Вѣсъ въ килограммахъ (мальчики).

Возрастъ.	Достаточные.	Менѣе достаточные.	Бѣдные.
7 лѣтъ	24,0	21,8	21,1
10 „	29,1	27,1	26,9
13 „	36,1	33,9	33,5

ТАБЛИЦА № 3.

Окружность головы въ миллиметрахъ (мальчики).

Возрастъ.	Достаточные.	Менѣе достаточные.	Бѣдные.
11 лѣтъ	534,9	529,7	524,8
12 „	537,1	530,3	524,9
14 „	545,4	533,3	528,4

И въ двухъ послѣднихъ таблицахъ, какъ и въ первой, мы наблюдаемъ у дѣтей разнодостаточныхъ семей правильное уменьшеніе вѣса тѣла и окружности головы по мѣрѣ уменьшенія зажиточности. Та же тенденція физической убыли по мѣрѣ уменьшенія зажиточности проявляется и въ слѣдующихъ таблицахъ.

ТАБЛИЦА № 4.

Высота лба въ миллиметрахъ (мальчики).

Возрастъ.	Достаточные.	Менѣе достаточные.	Бѣдные.
12 лѣтъ	55,4	50,9	50,8
13 „	55,8	53,9	53,1
14 „	57,7	54,9	54,8

ТАБЛИЦА № 5.

Вѣроятная вмѣстимость черепа въ кубическихъ сантиметрахъ (мальчики).

Возрастъ.	Достаточные.	Менѣе достаточные.	Бѣдные.
12 лѣтъ	1564,0	1544,2	1534,4
13 „	1565,2	1551,7	1535,8
14 „	1565,8	1553,2	1537,6

ТАБЛИЦА № 6.

Вѣроятный вѣсъ мозга въ граммахъ (мальчики).

Возрастъ.	Достаточные.	Менѣе достаточные.	Бѣдные.
12 лѣтъ	1351,55	1339,37	1333,45
13 „	1360,68	1342,28	1335,45
14 „	1378,95	1351,11	1337,19

Въ слѣдующихъ таблицахъ приведены данныя, относящіяся къ представителямъ семей только двухъ категорій: достаточныхъ и бѣдныхъ.

ТАБЛИЦА № 7.

Окружность груди въ сантиметрахъ (мальчики).

Возрастъ.	Достаточные.	Бѣдные.
7 лѣтъ	56,4	55,4
10 „	60,4	59,6
12 „	64,6	63,6
14 „	69,6	66,6

ТАБЛИЦА № 8.

Показатели расширенія груди (измѣненіе окружности груди во время вдыханія и выдыханія) въ сантиметрахъ (у мальчиковъ).

Возрастъ.	Достаточные.	Бѣдные.
7 лѣтъ	4,9	4,2
10 „	5,3	4,4
12 „	5,9	4,9
14 „	7,1	6,5

Интересно также отмѣтить различіе въ наступленіи полового созрѣванія (времени появленія менструацій) у дѣвочекъ изъ достаточныхъ и бѣдныхъ семей; для сравненія взяты пьемонтки. На 100 приходится:

ТАБЛИЦА № 9.

Возрастъ.	Достаточныя.	Бѣдныя.
10 лѣтъ	1,3	1,7
11 „	13,3	5,3
12 „	18,7	7,1
13 „	29,3	8,9
14 „	20,0	21,4
15 „	8,4	30,3
16 „	4,0	16,0
17 „	2,6	8,9

Изъ приведенноï таблицы усматривается, что наиболѣе распространенный моментъ наступленія созрѣванія у достаточныхъ приходится на 13-лѣтнiй возрастъ, а у бѣдныхъ на 15-лѣтнiй и что вообще созрѣваніе у послѣднихъ запаздываетъ.

Большая или меньшая скорость біенія пульса соотвѣтствуетъ большей или меньшеï скорости кровообращенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и органическихъ процессовъ вообще. Въ этомъ отношеніи различные классы также представляютъ различія. По изслѣдованіямъ, относящимся къ Италіи, представители достаточныхъ классовъ даютъ 68 пульсацій въ минуту, представители крестьянъ—67 и представители рабочихъ—66.

Развитіе физическоï силы, какъ уже можно на основаніи всего предшествующаго предвидѣть, въ свою очередь, представляетъ различія у представителей семей изъ различныхъ классовъ общества, и притомъ не къ выгодѣ бѣдныхъ семей. Привожу таблицу, показывающую развитіе силы у мальчиковъ и дѣвочекъ изъ достаточныхъ и неимущихъ слоевъ населенія.

ТАБЛИЦА № 10.

Сила (въ килограммахъ).

	Мальчики.		Дѣвочки.	
Возрастъ.	Достаточные.	Бѣдные.	Достаточныя.	Бѣдныя.
8 лѣтъ	11,8	10,8	9,8	9,5
9 „	14,5	12,3	12,0	11,3
11 „	16,7	16,6	14,8	13,9
12 „	19,0	18,8	18,2	17,2
13 „	21,5	20,0	20,3	19,7
14 „	24,8	23,3	22,0	21,8

Изъ этоï таблицы мы видимъ, что какъ среди мальчиковъ, такъ и среди дѣвочекъ перевѣсъ физическоï силы на сторонѣ достаточныхъ слоевъ населенія.

Что касается аномаліï физіономій, то, какъ указываетъ Ничефоро, разнообразныя аномаліи, являющіяся показателями задержекъ и неправильностей въ развитіи и питаніи, были найдены въ очень большемъ числѣ въ физіономіяхъ лицъ, принадлежащихъ къ бѣднымъ классамъ, и въ относительно маломъ числѣ въ физіономіяхъ лицъ, принадлежащихъ къ достаточнымъ классамъ.

6.

Вамъ хорошо извѣстно, что нѣтъ ни одного психическаго процесса, который не былъ бы связанъ съ процессомъ матеріальнымъ, не имѣлъ бы лежащаго въ основѣ его физіологическаго субстрата. Нетрудно, поэтому, понять, что оскудѣніе, недоразвитіе и недостаточности, проявляющіяся въ физической области, должны имѣть и имѣютъ свои соотвѣтствія и въ области психической. Это именно и наблюдается въ дѣйствительности въ общемъ содержаніи духовной жизни, которая у представителей низшихъ классовъ населенія, какъ указываетъ Ничефоро, отличается большою отсталостью и изобилуетъ пережитками далекой старины, множествомъ суевѣрій, предразсудковъ, какъ, напримѣръ, сохраняющееся еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поклоненіе камнямъ, вѣра въ то, что съѣвшій сердце зародыша тѣмъ самымъ увеличиваетъ свои собственныя силы, обращеніе къ помощи душъ умершихъ, наклонность къ анимизму вообще и проч.

„При сравнительномъ изученіи всѣхъ этихъ различій иногда можно думать“, говоритъ Ничефоро, „что дѣло идетъ не о различіяхъ двухъ общественныхъ слоевъ, живущихъ въ одной и той же странѣ и въ одно и то же время, но о двухъ народностяхъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга какъ въ отношеніи времени, такъ и мѣста. Этнографія низшихъ слоевъ населенія вообще—это незатронутое переживаніе этнографіи дикарей и варваровъ; ей недостаетъ послѣднихъ наслоеній, пріобрѣтенныхъ культурнымъ человѣчествомъ“.

Подобно тому, какъ при изслѣдованіи земной коры мы встрѣчаемся съ различными напластованіями, такъ и при изслѣдованіи духовной среды въ различныхъ общественныхъ слояхъ, мы находимъ какъ бы различные слои, соотвѣтствующіе различнымъ эпохамъ развитія. Изучая сравнительную психологію низшихъ классовъ, мы наблюдаемъ различныя наслоенія въ чувствахъ, идеяхъ и нравахъ, констатируемъ, какъ утверждаетъ Ничефоро, что „психологія лицъ, составляющихъ эти классы, принадлежитъ къ типу не вполнѣ развитому и приближающемуся къ типу развитія первобытныхъ людей и дѣтей и, въ общемъ, страдающему недостаткомъ высшихъ наслоеній“.

Изученіе умственной дѣятельности лицъ низшихъ общественныхъ классовъ указываетъ на чрезвычайную бѣдность въ ассоціаціи идей, на недостатокъ способности отвлеченія и на бѣдность того, что Ничефоро называетъ „умственными организмами“. А, между тѣмъ, психическая жизнь человѣка именно и образуется изъ совокупности такихъ „умственныхъ организмовъ“.

Но что же представляютъ собою эти „организмы“? Каждый изъ нихъ это—болѣе или менѣе сложная ассоціація впечатлѣній, ощущеній, понятій и идей. Организмы эти живутъ и развиваются вмѣстѣ съ ростомъ культурности человѣка, съ ростомъ его образованія и увеличеніемъ богатства его духовной жизни.

Если крестьянинъ или рабочій остановятся, напримѣръ, передъ статуей Будды, то они не увидятъ передъ собою ничего болѣе, какъ спящаго человѣка. Никакая богатая ассоціація настроеній, чувствъ, образовъ и идей не окружитъ у нихъ это изображеніе; а если такая ассоціація и возникнетъ, то она будетъ крайне бѣдной. У культурнаго человѣка то же изображеніе обыкновенно заставитъ, напротивъ, возникнуть и роиться множество впечатлѣній, понятій и идей, со связанными съ ними настроеніями и чувствами. Въ его умѣ могутъ пройти судьбы Индіи, ея культуры и философіи, могутъ возникнуть вопросы о жизни и смерти и пробудиться мысли о великихъ исчезнувшихъ цивилизаціяхъ и т. д., и т. д.

Вообще, чѣмъ богаче „умственные организмы“, тѣмъ богаче и душевная жизнь человѣка, который обыкновенно смотритъ на окружающій его міръ не только черезъ призму своихъ темперамента и страстей, но и черезъ призму своихъ „умственныхъ организмовъ“. Въ бѣдности и неразвитости послѣднихъ и кроется причина неспособности низшихъ классовъ возвышаться до абстрактныхъ идей и жить идейною жизнью.

Впрочемъ, Ничефоро справедливо оговаривается и указываетъ, что въ послѣднее время въ средѣ рабочаго класса уже выдѣлился передовой слой, который, при помощи организаціи въ различные общества и союзы, мало-по-малу пріобщается къ современной культурѣ и воспринимаетъ ея обширныя завоеванія.

Понятно, какъ это исторически образовавшееся, вслѣдствіе уже указанныхъ мною ранѣе причинъ, глубокое различіе въ духовномъ мірѣ тѣхъ слагающихъ частей, которыя образуютъ общество (его пока еще громаднаго некультурнаго большинства и болѣе культурнаго меньшинства), различіе въ ихъ преобладающихъ настроеніяхъ, вкусахъ, влеченіяхъ, понятіяхъ и міропониманіи вообще неблагопріятно отражается на всемъ строѣ и теченіи общественной жизни. Въ ней, такимъ образомъ, перемѣшивается сравнительно уже далекое прошлое съ быстро идущимъ впередъ настоящимъ и, перемѣшиваясь, задерживается въ общемъ поступательномъ ходѣ современности, что и дѣлаетъ крайне желательнымъ скорѣйшее устраненіе указаннаго глубокаго различія, при посредствѣ развитія народнаго образованія и культуры вообще.

7.

На-ряду съ указываемымъ изслѣдованіями нѣкоторыхъ авторовъ меньшимъ развитіемъ всѣхъ видовъ чувствительности у представителей низшихъ общественныхъ классовъ, у нихъ наблюдается и оказывающее чрезвычайно важное вліяніе на всю дѣятельность человѣка меньшее развитіе силы и власти задерживающихъ центровъ, которые производятъ умѣряющее воздѣйствіе на сферу рефлекторовъ и, въ ихъ чистомъ видѣ, необдуманныхъ дѣйствій.

Центры эти и даютъ возможность хорошо развитому и дисциплинированному человѣку, прежде совершенія какого-либо дѣйствія, своевременно вызывать въ своемъ сознаніи представленія о послѣдствіяхъ онаго и вообще вызывать контрастирующія представленія, обусловливающія обдуманность поступковъ и поведенія вообще. Неразвитостью же задерживательной способности, напротивъ, обусловливается непредусмотрительность и большая или меньшая импульсивность въ дѣятельности. Этимъ, какъ и другими указанными различіями, во многомъ и объясняются различія въ преступности представителей достаточныхъ и бѣдныхъ классовъ общества.

Въ то время, какъ въ числѣ преступленій первыхъ наблюдаются большею частью дѣянія обдуманныя, выполняемыя по болѣе или менѣе сложно задуманному плану, въ числѣ преступленій вторыхъ наблюдается значительное количество преступныхъ дѣяній съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ импульсивнымъ характеромъ, „преступленій насилія, которыя представляются спеціальностью менѣе культурныхъ классовъ и находятся въ очень тѣсной связи не только со степенью цивилизаціи этихъ классовъ, но также съ раздражительностью, импульсивностью, разслабленіемъ задерживательной способности и даже съ болѣе важными разстройствами психической дѣятельности, жертвами которыхъ являются эти личности, дурно питающіяся, надорванныя отъ физическаго переутомленія и живущія среди анти-гигіенической обстановки“.

Чѣмъ же вызываются всѣ эти недоразвитія?

Какъ можно видѣть уже изъ всего предшествующаго, они сводятся къ недостаточности питанія организма въ его частяхъ и цѣломъ, которая и оказываетъ свое разстраивающее вліяніе на всѣ органическія, т. е. психо-физическія, функціи человѣка. Въ этомъ именно отношеніи положеніе низшихъ классовъ и оставляетъ желать чрезвычайно многаго.

Докторъ Монфе (Montfet), производя изслѣдованіе питанія группы

парижскихъ рабочихъ, пришелъ къ убѣжденію, что оно совершенно недостаточно и потому постепенно истощаетъ организмъ и подготовляетъ почву для различныхъ болѣзней, въ томъ числѣ для туберкулеза.

По вычисленіямъ покойнаго профессора Молешота ежедневный minimum потребленія взрослаго трудящагося рабочаго долженъ быть равенъ 130 граммамъ бѣлковыхъ веществъ, 84 граммамъ жировыхъ и 404 граммамъ гидратовъ, причемъ, по вычисленію Voit'a, minimum ежедневнаго усвоенія бѣлковъ для неутомляющагося отъ работы человѣка можетъ понижаться до 108 граммовъ.

Сопоставимъ съ этими указаніями слѣдующую таблицу, относящуюся къ питанію итальянскихъ рабочихъ, въ которой показано въ граммахъ количество потребляемыхъ пищевыхъ веществъ.

ТАБЛИЦА № 11.

Мѣстности.	Бѣлки.	Жиры.	Гидраты.
Крестьяне въ Венеціи	117	64	619
„ въ Абруццахъ	43—72	36—43	731—760
„ въ Апеннинахъ	59—123	19—62	251—663
Рабочіе въ Римѣ	106	26	507
„ въ Неаполѣ	70	31	368

Изъ этихъ данныхъ видно, что потребленіе бѣлковъ и жировъ рабочими въ перечисленныхъ мѣстностяхъ значительно меньше, чѣмъ того требуетъ норма Молешота.

У насъ въ Россіи средній житель воронежской губерніи потребляетъ бѣлковъ 85 граммовъ, жировъ—48, гидратовъ—325, а средній житель Россіи вообще потребляетъ бѣлковъ 105 граммовъ, жировъ—41 и гидратовъ—364. Показательно, что у насъ имѣются мѣстности, гдѣ въ крестьянскихъ избахъ не выживаетъ ни тараканъ, ни даже клопъ, и въ такихъ мѣстностяхъ въ народѣ про бѣдную семью говорятъ: „Ужъ такъ-то они живутъ, что и таракановъ нѣтъ—кормить нечѣмъ". Интересно распредѣленіе избъ съ клопами. У безнадѣльныхъ такихъ избъ—0%, у крестьянъ съ надѣломъ на 1 душу—9,0%, съ надѣломъ на 2 души—12,1%, съ надѣломъ на 3 души—27,2%, съ надѣломъ на 4 души—20,0%.

Возьмемъ теперь слѣдующую весьма интересную и показательную таблицу, составленную на основаніи данныхъ набора въ армію. Въ ней сопоставляются по средней величинѣ роста (въ сантиметрахъ)

представители достаточныхъ и бѣдныхъ классовъ сѣвера и юга Италіи; при этомъ надо замѣтить, что населеніе сѣверной Италіи принадлежитъ къ болѣе крупной расѣ, чѣмъ населеніе южной.

ТАБЛИЦА № 12.

	Крестьяне.	Студенты.	Разница къ выгодѣ студентовъ.
Сѣверъ	165,4	167,5	2,1
Югъ	162,8	166,2	3,4

Изъ приведенной таблицы видно, что ростъ какъ крестьянъ, т. е. представителей бѣдныхъ классовъ, такъ и студентовъ, т. е. представителей достаточныхъ классовъ, на сѣверѣ выше, нежели на югѣ. Обращаясь же къ ближайшему объясненію значенія приведенной таблицы, будетъ правильно допустить, что представители достаточныхъ классовъ, питаясь хорошо и живя въ гигіенической обстановкѣ, какъ на сѣвѣрѣ, такъ и на югѣ Италіи, въ среднемъ достигаютъ нормальнаго maximum'а роста, свойственнаго расѣ. Если такъ, то разница въ ростѣ представителей достаточнаго населенія сѣвера и юга, равняющаяся 1,3, и выражаетъ среднюю въ ростѣ двухъ расъ. Между тѣмъ, средняя въ ростѣ крестьянъ сѣвера и юга не ограничивается приведенной величиной, а составляетъ 2,6. Отсчитывая, какъ и въ первомъ случаѣ, 1,3 на разницу въ ростѣ расъ, мы получаемъ еще остатокъ, равный 1,3, образованіе котораго, очевидно, относится на долю какой-то другой причины, а не различія расъ.

Но какой именно?

Слѣдующая таблица, заключающая въ себѣ данныя о питаніи обитателей сѣвера и юга Италіи, при разсчетѣ въ килограммахъ на годъ и на человѣка, даетъ намъ указанія на вѣроятную искомую причину занимающаго насъ различія.

ТАБЛИЦА № 13.

Предметы.	Сѣверяне.	Южане.
Мясо	17,9	7,8
Яйца	4,3	8,1
Зерновые хлѣба	105,0	80,0
Сухія овощи	9,3	7,0
Ежедневное потребленіе бѣлковъ	0,104	0,092

Особенно въ Сардиніи, гдѣ экономическія условія очень дурны и гдѣ малярія встрѣчается значительно чаще, нежели въ другихъ

частяхъ Италіи, констатируется весьма большое число чрезвычайно малорослыхъ личностей (отъ 140 до 155 сантиметровъ для мужчинъ и отъ 141 до 151 сантиметра для женщинъ), съ весьма малыми окружностями череповъ (536 миллиметровъ для мужчинъ и 526 миллиметровъ для женщинъ), и много микроцефаловъ.

Между тѣмъ, дурное питаніе низшихъ классовъ вовсе не представляетъ собою особенности только Италіи.

Для примѣра приведу условія англійскаго города Іорка, по даннымъ Раунтри (Rowntree), относящимся къ 1899 году, году не угнетенія, а подъема англійской промышленности. Изъ 75000 населенія Іорка 43,4% принадлежатъ къ числу недостаточныхъ и бѣдныхъ. Подъ бѣдностью же Раунтри разумѣетъ такое положеніе, при которомъ человѣкъ не имѣетъ возможности пріобрѣтать даже minimum'а средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни и здоровья. И вотъ, въ Іоркѣ находятся 9,9% всего населенія, заработокъ которыхъ недостаточенъ даже для поддержанія физическаго существованія и которые поэтому должны прибѣгать къ его пополненію изъ источника общественной благотворительности, и 17,93% такихъ семей, которыя добываютъ лишь безусловно необходимыя для поддержанія жизни средства, такъ что малѣйшее отклоненіе отъ обычныхъ условій, а тѣмъ болѣе появленіе какихъ-либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, уже заставляетъ ихъ испытывать лишенія и недостатокъ въ необходимыхъ средствахъ существованія.

Въ Лондонѣ около трети населенія получаетъ доходъ, недостаточный для безбѣднаго существованія, а слѣдовательно, и для нужнаго питанія...

8.

Неудовлетворительностью питанія недостаточныхъ рабочихъ классовъ населенія, при которомъ питательный приходъ не покрываетъ органическаго расхода, дѣло не ограничивается. Постоянная усиленная и даже чрезмѣрная мускульная работа, вызывающая утомленіе и не компенсируемая въ достаточной мѣрѣ отдыхомъ, накопляетъ въ организмѣ рабочаго, какъ и въ машинѣ, продукты отброса, невыведенные своевременно и въ достаточномъ количествѣ продукты разложенія, т. н. токсины, и вызываетъ дурное функціонированіе органовъ: сердца, пищеварительнаго аппарата, нервныхъ клѣтокъ и прочихъ. „Ранке и Моссо ясно доказали“, говоритъ Ничефоро, „что уто-

мленіе есть ядъ и что утомляющійся человѣкъ, который не даетъ достаточно времени организму, чтобы отдохнуть и возстановиться, отравляется".

Отсюда чувство утомленія, непріятности, недомоганія, раздраженія, чувство, которое обыкновенно развивается у человѣка при долго длящейся утомительной работѣ и которое, въ свою очередь, порождаетъ психическую потребность въ искусственныхъ возбудителяхъ (напримѣръ, алкоголѣ) для своего хотя бы временнаго устраненія.

Все это вмѣстѣ взятое, дѣйствуя длительно на болѣе продолжительномъ пространствѣ времени, влечетъ за собою, въ силу законовъ природы, оскудѣніе и вырожденіе организма. По вычисленію доктора Ричардсона, работа наиболѣе крѣпкаго рабочаго, работающаго ежедневно, не должна превышать 78000 килограмметровъ въ сутки. Между тѣмъ, по изслѣдованію того же автора, англійскіе рабочіе въ докахъ производятъ ежедневно отъ 110250 до 116550 килограмметровъ работы, что указываетъ на то значительное количество токсиновъ, которое должно скопляться въ ихъ организмахъ.

Докторъ Констанъ сравнивалъ дѣтей одного возраста, работавшихъ въ разныхъ заведеніяхъ. Въ однихъ изъ этихъ заведеній работы длились отъ 8 до 11 часовъ въ день, а въ другихъ только до 7 часовъ. Оказалось, что дѣти, работавшія въ заведеніяхъ второй категоріи, выигрывали въ ростѣ 1,0 сантиметръ, въ вѣсѣ 1,0 граммъ и въ развитіи грудной клѣтки (окружности ея) 10 миллиметровъ.

Докторъ Пинаръ изслѣдовалъ 1500 новорожденныхъ, происшедшихъ, съ одной стороны, отъ матерей, работавшихъ до времени самыхъ родовъ, а съ другой—отъ матерей, отдыхавшихъ нѣкоторое время передъ родами. Оказалось, что новорожденные первыхъ вѣсили въ среднемъ 3010 граммовъ, а новорожденные вторыхъ—3366 граммовъ.

Другой изслѣдователь, докторъ Башимонъ, произвелъ изслѣдованіе средняго вѣса 4455 новорожденныхъ, съ одной стороны, происшедшихъ отъ женщинъ, которыя работали всѣ девять мѣсяцевъ беременности, но при различныхъ условіяхъ, а съ другой—происшедшихъ отъ женщинъ, которыя отдыхали 2 или 3 или даже болѣе мѣсяцевъ передъ родами. Результаты изслѣдованія показали (въ граммахъ):

1) новорожденные женщинъ, работавшихъ все время стоя, вѣсили 2950,

2) новорожденные женщинъ, работавшихъ все время сидя, но двигавшихъ ногами, вѣсили 2980,

3) новорожденные женщинъ, работавшихъ все время сидя, вѣсили 3090,

4) новорожденные женщинъ, нѣкоторое время отдыхавшихъ, вѣсили 3290.

Приведенныя данныя показываютъ, что слишкомъ продолжительная работа, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и недостаточное питаніе отражаются вредно не только на организмахъ самихъ рабочихъ, но также и на организмахъ ихъ потомства.

Въ томъ же направленіи органическаго отравленія и оскудѣнія оказываютъ свое зловредное вліяніе и существующія въ такомъ множествѣ крайне неудовлетворительныя жилища недостаточнаго рабочаго люда.

Приведу прежде всего поистинѣ возмутительныя данныя о рабочихъ жилищахъ въ Петербургѣ, лично собранныя бывшимъ управляющимъ дѣлами нынѣ упраздненнаго Комитета Министровъ Куломзинымъ. Г. Куломзинъ, желая построить дешевыя и здоровыя рабочія жилища, произвелъ обслѣдованіе рабочихъ жилищъ въ Рождественской части.

Оказалось, что въ этихъ жилищахъ на каждаго жильца приходится, въ общемъ, втрое менѣе, а въ нѣкоторыхъ и въ $6^1/_2$ разъ менѣе того minimum'а воздуха, который допускается гигіеной. „Спятъ и въ кухняхъ и въ комнатахъ. На узкихъ нарахъ почти всегда помѣщается по двое". Ширина наръ $1^1/_4$—$1^1/_2$ аршина (10—12 вершковъ на каждаго). Около 20% помѣщеній приходятся на сырые и темные подвальные этажи. „Обдѣленные воздухомъ мастеровые часто вовсе лишены свѣта и солнца. Они ютятся нерѣдко въ помѣщеніяхъ, производящихъ впечатлѣніе отвратительныхъ глухихъ ящиковъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣны на рабочія квартиры сравнительно очень высоки, что заставляетъ недостаточный рабочій людъ до крайности скучиваться и экономить на занимаемой площади пола и количествѣ воздуха. При переводѣ наемныхъ цѣнъ на кубическіе размѣры помѣщенія, оказывается, что кубическая сажень воздуха обходится наемщику, въ среднемъ, отъ 32 рублей 40 копеекъ до 38 рублей 88 копеекъ въ годъ. Чтобы ясно понять чудовищную высоту этихъ цѣнъ за подвальныя, промозглыя и нерѣдко дурно защищенныя отъ вліянія погоды жилища, достаточно будетъ вспомнить хотя бы тотъ фактъ, что въ барской квартирѣ на Сергіевской улицѣ, съ отопленіемъ, мраморной лѣстницей, подъемной машиной, швейцаромъ и прочими удобствами, та же кубическая сажень воздуха оплачивается только 18 рублями въ годъ.

О какомъ же охраненіи здоровья, трудоспособности и спокойно ясномъ настроеніи, при такихъ длящихся изо дня въ день жилищныхъ условіяхъ, при рабочемъ переутомленіи и дурномъ питаніи можетъ быть рѣчь и не становится ли въ значительной мѣрѣ понятно стремленіе къ алкоголю, какъ средству „заливанія горя“ и хотя бы временнаго просвѣтленія угнетающихъ душевныхъ сумерекъ?

Подобныя, крайне антигигіеничныя, квартиры, которыми общество надѣляетъ свой трудящійся людъ, ослабляютъ и истощаютъ организмы живущихъ въ этихъ квартирахъ, подтачиваютъ и рабочія силы, дѣлаютъ ихъ болѣе воспріимчивыми ко всевозможнымъ болѣзнямъ и значительно повышаютъ между ними смертность. По сравнительнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ, напримѣръ, въ Гаврѣ за нѣсколько лѣтъ, въ дурно устроенныхъ жилищахъ приходится по 80 смертей на каждую тысячу ихъ обитателей, тогда какъ въ хорошо устроенныхъ жилищахъ на ту же тысячу обитателей приходится только 15 смертей. Считая, какъ указываетъ Зигфридъ, по 12 случаевъ болѣзни на каждый случай смерти, мы получаемъ возможность приблизительно оцѣнить размѣръ физическаго вреда, причиняемаго дурными жилищами, но, конечно, въ связи съ вліяніемъ и другихъ неблагопріятныхъ условій, свойственныхъ бѣдности. По указанію профессора Раухберга, въ Вѣнѣ, въ округахъ города съ дурно устроенными жилищами, смертность втрое болѣе, нежели въ округахъ съ жилищами, хорошо устроенными. Подобно этому, при сравненіи различныхъ кварталовъ Парижа, мы видимъ, что въ бѣдныхъ кварталахъ (напримѣръ, „Butte Chaumont“) смертность отъ туберкулеза равняется 509—624 на 100000 жителей, тогда какъ въ богатыхъ кварталахъ (напримѣръ, „Champs Elysées“) она составляетъ всего 160—276 на тѣ же 100000 жителей.

Въ виду подобныхъ результатовъ нельзя, вмѣстѣ съ Раухбергомъ, не признать, что недостаточность и дурное устройство жилищъ представляютъ собою „общественную опасность“ („sociale Gefahr“), притомъ, прибавлю—опасность всестороннюю.

Дѣйствительно, въ Эдинбургѣ, гдѣ въ періодъ между 1870 и 1880 годами смертность колебалась отъ 26 до 37 человѣкъ на 1000, она, послѣ оздоровленія жилищъ, въ періодъ между 1881 и 1891 годами понизилась отъ 18 до 23 человѣкъ на 1000.

9.

Однимъ изъ могущественныхъ факторовъ, вліяющихъ на здоровье и силы рабочаго населенія, являются условія работы на фабрикахъ, заводахъ, въ мастерскихъ и въ другихъ мѣстахъ производства, иначе говоря, вліяніе слишкомъ нагрѣтаго воздуха, вредныхъ положеній тѣла при работѣ, вліяніе вредныхъ газовъ, органической и неорганической пыли, вредныхъ и ядовитыхъ веществъ, употребляемыхъ въ производствѣ и вызывающихъ всевозможныя отравленія въ организмахъ рабочихъ. Докторъ Фере серіей лабораторныхъ опытовъ отравленія яицъ показалъ, напримѣръ, что эти отравленія, вполнѣ подобныя отравленіямъ въ организмѣ матери, подвергающемся вреднымъ вліяніямъ, отражаются на потомствѣ и производятъ значительное число вырождающихся индивидовъ.

Во многихъ вредныхъ производствахъ, напримѣръ, въ тѣхъ, въ которыхъ употребляются свинецъ и его соли, поколѣнія рабочихъ страдаютъ тяжелыми унаслѣдованными разстройствами. Рокъ изслѣдовалъ 16 семей не алкоголизировавшихся, но въ то же время отравлявшихся свинцомъ рабочихъ и констатировалъ среди дѣтей этихъ семей значительное число раннихъ смертей отъ мозговыхъ пораженій, значительное число эпилептиковъ и слабоумныхъ.

Но не одинъ свинецъ разрушительно дѣйствуетъ на организмы рабочихъ, а чрезъ то и на организмы происходящихъ отъ нихъ потомковъ; такое же вредное вліяніе оказываютъ и другія вещества, употребляемыя или обрабатываемыя въ очень многихъ производствахъ, напримѣръ, мышьякъ и ртуть и ихъ соли, амміакъ, фосфоръ, табакъ и проч. Въ работѣ Ланессана „Борьба за существованіе“ (Lanessan, „La lutte pour l'éxistence et l'association pour la lutte“ 1881) находимъ весьма интересную главу, посвященную вреднымъ производствамъ и вызываемымъ ими разстройствамъ. Какихъ только ужасныхъ органическихъ послѣдствій, начиная отъ всевозможныхъ изъязвленій, болей, выпаденія зубовъ до сравнительно скоротечно наступающей смерти, мы не находимъ въ перечнѣ ихъ, который позволяетъ употребить слово: „жертвоприношеніе“! Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, при наборахъ въ армію констатируютъ широкое распространеніе органическихъ вырожденій. Для подтвержденія сказаннаго укажу по отношенію къ Россіи хотя бы статью доктора Дедюлина, составленную по даннымъ наборовъ въ нашу армію. Въ ней авторъ приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующему печальному выводу: „Весь бракуемый составъ (а онъ очень великъ) долженъ быть признанъ неспособнымъ къ труду вообще,

если не для личнаго пропитанія, то какъ работникъ-кормилецъ семьи, а главное (что имѣетъ особо важное государственное значеніе, составляетъ существо всего вопроса)—какъ производитель здороваго потомства, дать такового, очевидно, не могущій, а вмѣсто того обѣщающій потомство больное и хилое".

Теперь небезынтересно будетъ сопоставить различія въ продуктивности рабочихъ различныхъ странъ, выясняющія, какъ, въ связи съ сравнительною пониженностью или повышенностью общихъ экономическихъ условій жизни рабочаго, колеблется, понижаясь или повышаясь, и его продуктивность въ работѣ.

По даннымъ Шульце-Гэверница (Schulze-Gävernitz), для той работы, для которой необходимо 25 бомбейскихъ рабочихъ, живущихъ въ состояніи хроническаго голоданья, достаточно 13 итальянскихъ, 8 или 9 нѣмецкихъ и только 3 англійскихъ рабочихъ, живущихъ сравнительно съ своими названными сотоварищами въ лучшихъ условіяхъ.

Повидимому, еще болѣе работопродуктивны, по указанію Кодерлье, создающіе колоссальный ростъ богатствъ Америки трезвые американскіе рабочіе, лучше питающіеся и вообще лучше въ жизни обставленные, нежели ихъ европейскіе собратья, усиленно налегающіе на алкоголь.

Не имѣя достаточныхъ данныхъ для введенія въ этотъ цифровой рядъ нашихъ русскихъ рабочихъ, которые, вообще, считаются сравнительно мало-работопродуктивными, сдѣлаю только одно указаніе, пользуясь однимъ весьма документированнымъ докладомъ нашего извѣстнаго статистика В. И. Покровскаго. Русскіе крестьяне, преимущественно поставляющіе нашихъ рабочихъ, потребляютъ пищи на сумму въ $3^1/_2$ раза меньшую, чѣмъ нѣмцы, въ 5 разъ меньшую, чѣмъ англичане, и почти въ 6 разъ меньшую, чѣмъ французскіе канадцы.

„Качество рабочаго", совершенно справедливо замѣчаетъ Ничефоро, „не представляетъ собою феномена метафизическаго, но продуктъ, результатъ жизненныхъ условій и уровня благосостоянія, среди которыхъ живетъ рабочій, подобно тому, какъ количество теплоты, развиваемой очагомъ, зависитъ отъ количества топлива, которое сжигается въ этомъ очагѣ. Естественно-научное изслѣдованіе человѣка достаточнаго и бѣднаго показываетъ, что сила и органическое развитіе представляютъ собою только проявленія экономическихъ условій, въ которыхъ живутъ организмы. Равнымъ образомъ, качество рабочаго, а потому и его рабочая производительность представляютъ собою не болѣе, какъ проявленія условій питанія и гигіеническихъ условій, среди которыхъ живетъ рабочій".

Заводъ и фабрика, бѣдность и крайне тяжелыя условія жизни фабрично-заводскихъ, ремесленныхъ и сельскихъ наемныхъ рабочихъ не только порождаютъ оскудѣніе ихъ организмовъ и организмовъ ихъ потомства, но разрушаютъ и самую рабочую семью, въ значительной мѣрѣ изсушаютъ лучшія человѣческія чувства, ее цементирующія, и тѣмъ самымъ вызываютъ крайне прискорбныя нравственныя явленія, вплоть до продажи женъ, дочерей и дѣтей вообще, послѣднихъ даже на вывозъ, какъ указывается въ парламентской анкетѣ объ аграрныхъ условіяхъ въ Сициліи, произведенной подъ руководствомъ Даміани.

„Всестороннее вырожденіе человѣческаго организма, какимъ мы его констатировали у бѣдняковъ“, говоритъ Ничефоро, „несомнѣнно не можетъ благопріятствовать полнотѣ и нормальности развитія психической стороны личности. Всякая задержка развитія и всякое оскудѣніе органическихъ тканей неотвратимо приносятъ съ собою задержку въ развитіи или упадокъ психическихъ функцій. Къ этой причинѣ надо присоединить и другія, прежде всего—констатированную у бѣдняковъ недостаточность органической чувствительности, которая необходимо влечетъ за собою и недостаточность развитія нравственной чувствительности. Нравственная чувствительность вѣдь не представляетъ собою чего-то абстрактнаго, метафизическаго, прирожденнаго человѣку. Она является прямымъ, непосредственнымъ, матеріальнымъ результатомъ степени развитія нашего организма и нашей физической чувствительности“.

10.

Таково современное положеніе, которое, при высотѣ всесторонняго давленія, существующаго въ нашей общественной жизни, заставляетъ глубоко задумываться надъ будущимъ, если обществомъ не будутъ приняты рѣшительныя мѣры для его разумнаго и справедливаго улучшенія. Это положеніе давно уже не могло не останавливать на себѣ сосредоточеннаго вниманія мыслящихъ представителей положительной науки, способныхъ предусматривать будущее.

Геніальный Морель еще въ своей работѣ о вырожденіяхъ, указывая на увеличеніе числа случаевъ душевныхъ болѣзней, прогрессивнаго паралича, эпилепсіи, ослабленія всѣхъ физическихъ и интеллектуальныхъ силъ, на увеличеніе числа случаевъ истеріи, ипохондріи съ наклонностью къ самоубійству, слабоумія, идіотизма, задержекъ въ

органическомъ развитіи, притомъ не только между представителями богатыхъ, пресыщенныхъ и изжитыхъ классовъ, но также въ средѣ рабочихъ и крестьянъ, писалъ въ предисловіи къ названному сочиненію слѣдующее: „Постоянно возрастающее число самоубійствъ, проступковъ и преступленій противъ собственности, если и не противъ личности, чудовищная скороспѣлость малолѣтнихъ преступниковъ, упадокъ расы, которая во многихъ мѣстностяхъ не можетъ удовлетворять прежнимъ требованіямъ для военной службы—таковы неоспоримые факты“.

И Морель при этомъ настойчиво предостерегалъ противъ этихъ серьезныхъ угрозъ для будущаго нашихъ нисходящихъ поколѣній. Въ заключеніе Морель указывалъ на необходимость увеличенія числа врачей; я бы сказалъ: необходимо, чтобы увеличивалось вообще число научно-образованныхъ общественныхъ дѣятелей, которые были бы способны ясно понимать общественныя явленія, улавливая въ нихъ необходимое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, и усилія которыхъ были бы направлены на умственное, физическое и нравственное улучшеніе человѣческой породы.

Къ сожалѣнію, всѣ настойчивыя предостереженія и обращенія до сихъ поръ находятъ еще мало отклика у тѣхъ, кому, какъ говорили у насъ, „сіе вѣдать надлежитъ“. Летурно вполнѣ правъ, когда утверждаетъ въ своемъ трудѣ „Эволюція нравственности“ (Letourneau, „L'évolution de la morale“), что даже въ худшія эпохи гнета, ни въ древности, ни въ прежней монархической Европѣ, не было милліардеровъ. Милліардеры—продуктъ современности, какъ и меркантильная нравственность, поставившая на мѣсто сильнаго человѣка—человѣка богатаго, а рядомъ съ нимъ (замѣчу уже отъ себя)—рабочаго-пролетарія, не увѣреннаго въ средствахъ существованія для завтрашняго дня и вынужденнаго кочевать въ поискахъ за работою.

Въ конечномъ результатѣ всѣхъ описанныхъ условій современной общественной жизни, какъ ихъ неизбѣжныя слѣдствія, являются органическое недоразвитіе и физіологическая бѣдность недостаточнаго рабочаго люда, на которыя указываетъ Ничефоро, слабость и нервное истощеніе, съ ихъ обычными спутниками—непріятнымъ настроеніемъ, раздражительностью, большей или меньшей импульсивностью, слабостью мысли, непредусмотрительностью, напряженнымъ влеченіямъ къ искусственнымъ возбудителямъ и проч.; и въ заключительномъ аккордѣ уже не антропологической, а общественной пьесы—сильно пониженная работоспособность, нищенство, бродяжество, паупе-ризмъ, алкоголизмъ, проституція и преступленіе. И этотъ заключи-

тельный аккордъ почти во всѣхъ случаяхъ или въ громаднѣйшемъ большинствѣ ихъ представляетъ собою исподволь подготовлявшееся необходимое слѣдствіе указанныхъ факторовъ, а вовсе не ихъ причину, какъ думаютъ нѣкоторые.

И вотъ, въ то время, когда культурное общество, развивающее и поддерживающее существующій и достигшій апогея индустріально-капиталистическій строй, ведетъ безуспѣшную борьбу съ явленіями преступности и тщетно стремится устранить ихъ самыми крутыми мѣрами, до смертной казни включительно, наши простые крестьяне-сектанты, какъ, напримѣръ, духоборы и представители другихъ родственныхъ имъ сектъ, организуясь на истинно-общественныхъ началахъ, достигаютъ высоко-нравственныхъ идеаловъ общественности и того Царствія Божія, которое не внѣ, а внутри насъ находится.

Этимъ я и закончу описаніе природы явленій преступности и поступательнаго процесса ихъ подготовительнаго развитія. Конечный выводъ изъ всѣхъ до сихъ поръ приведенныхъ фактовъ, если, разумѣется, говорить вообще, это болѣзненный характеръ природы преступности и родственныхъ ей явленій. Въ разнообразіи собранныхъ данныхъ, доставляемыхъ наблюденіемъ явленій живой дѣйствительности, непреложное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій обнаруживается, повидимому, вполнѣ ясно и вполнѣ оправдываетъ, думается мнѣ, высказанное въ самомъ началѣ курса утвержденіе, что преступность представляетъ собою проявленія болѣе или менѣе важныхъ болѣзней общественнаго организма, свидѣтельствующія о совершающихся въ этомъ организмѣ болѣзненныхъ процессахъ, болѣе или менѣе ослабляющихъ его жизненность. Все это, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ вамъ, какіе первостепенной важности вопросы связываются съ изученіемъ явленій преступности во всемъ ихъ объемѣ, и какія серьезнѣйшія трудовыя задачи изученіе это ставитъ всякому умственно-развитому человѣку по отношенію къ родному обществу, его выростившему.

VI.

ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ.

1.

Въ ходѣ предшествующаго изложенія вы уже имѣли возможность составить себѣ представленіе о многихъ изъ факторовъ пре-

ступности. Въ этомъ отдѣлѣ я остановлюсь болѣе подробно только на немногихъ изъ нихъ.

Начну съ дурной наслѣдственности.

Въ своемъ чрезвычайно обстоятельномъ и богато-документированномъ двухтомномъ трудѣ, спеціально посвященномъ наслѣдственности, Просперъ Люка (Prosper Lucas, „L'hérédité naturelle“) мѣтко называетъ наслѣдственность „памятью жизни“ („la mémoire de la vie“). И дѣйствительно, наслѣдственность обусловливаетъ вліяніе и власть прошлаго надъ настоящимъ.

Обще-біологическій законъ наслѣдственности издревле подмѣченъ ходячимъ народнымъ опытомъ, и этотъ опытъ формулировалъ свое убѣжденіе въ существованіи наслѣдственной передачи во множествѣ пословицъ. „Отцы поѣли зеленаго винограда, а у дѣтей на губахъ оскомина набилась“, говорятъ пословицы еврейская и англійская. „Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ“, утверждаютъ наша русская, а съ неи нѣмецкая и итальянская. „Цыпленокъ обнаруживается въ яйцѣ, ребенокъ въ колыбели“, поясняетъ армянская. „Узнай отца, узнай мать и такъ суди объ ихъ дѣтищѣ“, совѣтуетъ грузинская.

Литературамъ древнихъ народовъ былъ хорошо извѣстенъ бьющій въ глаза фактъ наслѣдственной передачи физическихъ и психическихъ особенностей. По мнѣнію извѣстнаго психолога профессора Рибо, вѣра въ наслѣдственную передачу въ первобытныя времена была сильнѣе, нежели въ послѣдующія. Убѣжденіе въ этой передачѣ сказывалось въ вѣрованіяхъ древнихъ, что наказаніе за грѣхи поражаетъ не только самихъ виновныхъ, но и ихъ потомковъ до третьяго и четвертаго поколѣнія. Это убѣжденіе, исходившее изъ общаго наблюденія, вызвало уваженіе древности къ чистотѣ хорошей крови, которая, согласно народной поговоркѣ, „не можетъ обманывать“. Оно же, надо думать, залегло въ основу дѣленія на касты, обусловило существованіе „проклятыхъ“ расъ, „нечистыхъ“ кастъ, изгнанныхъ родовъ и наказаніе дѣтей и внуковъ за преступленія отцовъ.

Убѣжденіе въ важномъ значеніи наслѣдственности, возникнувъ въ древности подъ вліяніемъ наблюденій живой дѣйствительности, не умирало и во все послѣдующее время. Современная наука не отвергла основаній вѣрованій древности. Она собрала обширный, фактически провѣренный матеріалъ, подтверждающій существованіе наслѣдственности анатомической, физіологической, психологической и патологической. Изъ нихъ послѣдняя и даетъ основаніе ученію о наслѣдственномъ вырожденіи.

Какъ показываютъ собранные факты, наслѣдственно передаются

особенности мускульной и кровеносной системъ, напримѣръ, размѣры сердца, калибръ и особенности кровеносныхъ сосудовъ и проч., особенности пищеварительнаго аппарата, нервной системы вообще и ея различныхъ частей въ частности, напримѣръ, родовой, особенности тканей и проч.

„Нѣтъ ни одного внутренняго органа", замѣчаетъ Люка, „который бы не былъ подчиненъ закону наслѣдственной передачи". „Посмотрите на сложность этихъ зародышевыхъ элементовъ", говоритъ профессоръ Модсли (Maudsley), „мы имѣемъ основаніе думать, что не существуетъ ни одного органа въ тѣлѣ родителей, ни одной ткани, изъ которыхъ слагаются органы, ни одного элемента тканей, особенности которыхъ не были бы скрытымъ и таинственнымъ образомъ представлены въ этомъ маленькомъ зародышѣ".

Какія сравнительно незначительныя особенности передаются наслѣдственно, показываетъ одинъ изъ случаевъ, сообщенныхъ докторомъ Джемсомъ Пэджетомъ. Этотъ врачъ замѣтилъ, что одна изъ его паціентокъ, неврастеническая дѣвушка, особымъ образомъ краснѣла: сначала появлялось густое красное пятно на щекѣ, а затѣмъ уже слѣдовали другія пятна на лицѣ и на затылочной части шеи. На вопросъ доктора, обращенный къ присутствовавшей при изслѣдованіи матери, послѣдняя отвѣтила, что эта особенность въ процессѣ краснѣнія унаслѣдована дочерью отъ нея, причемъ и сама покраснѣла такъ же, какъ послѣдняя.

Знаменитый хирургъ Симсонъ былъ однажды приглашенъ на роды къ одной маркизѣ. Когда онъ объявилъ мужу родильницы, что у него родился сынъ, то обрадованный маркизъ сталъ потирать руки особенно страннымъ образомъ, чѣмъ удивилъ Симсона. Черезъ нѣсколько всего мѣсяцевъ послѣ этого маркизъ умеръ, а лѣтъ черезъ 12 или 15 Симсонъ снова былъ приглашенъ для леченія къ маркизѣ. Во время своего визита онъ узналъ, что когда-то принятый имъ мальчикъ очень огорчается отказомъ матери купить ему паровую машину. Уговоривъ маркизу исполнить желаніе сына, Симсонъ пошелъ объявить послѣднему пріятную новость и былъ чрезвычайно удивленъ, замѣтивъ у мальчика тотъ же самый своеобразный способъ потиранія рукъ, какой онъ однажды наблюдалъ у его отца.

Не приводя другихъ подобныхъ же фактовъ унаслѣдованія, извѣстныхъ во множествѣ, укажу только, что въ данныхъ примѣрахъ унаслѣдованными представляются особенности въ функціонированіи иннерваціи сравнительно небольшого числа поверхностныхъ кровеносныхъ сосудовъ и въ сочетанности различныхъ мускульныхъ сокращеній.

Факты унаслѣдованія индивидуальныхъ особенностей структуры и инерваціи отдѣльныхъ органовъ, совокупная жизнь которыхъ и образуетъ сложную жизнь человѣка, даютъ возможность предвидѣть напередъ, что унаслѣдуются также и особенности въ функціонированіи отдѣльныхъ органовъ и системъ ихъ, чѣмъ обусловливается, конечно, наслѣдственная передача простѣйшихъ психическихъ особенностей, каковы особенности чувствительности вообще и отдѣльныхъ чувствованій въ частности, душевныхъ эмоцій, страстей, влеченій, зарождающихся и развивающихся въ областяхъ различныхъ органическихъ системъ, включительно до особенностей того сложнаго явленія, которое мы называемъ самочувствіемъ человѣка и которое лежитъ въ основѣ его настроеній.

Унаслѣдуются также и особенности умственныхъ способностей. „Мы знали семьи“, говоритъ, напримѣръ, извѣстный естествоиспытатель де-Кандолль-младшій, „въ которыхъ преобладало воображеніе, и другія, въ которыхъ преобладалъ разумъ. Мы знали семьи, ограниченныя по уму, и семьи, отличавшіяся умственными способностями своихъ членовъ“. Подобно этому и Рибо въ своей спеціальной работѣ о наслѣдственности замѣчаетъ, что чувственныя и умственныя способности передаются наслѣдственно такъ же, какъ наслѣдственно передаются различныя болѣзни и долговѣчность.

2.

Въ занимающей насъ области наблюдаются и кажущіяся еще болѣе сложными явленія унаслѣдованія. Я не стану приводить очень большого числа извѣстныхъ во множествѣ случаевъ этого рода. Укажу только наиболѣе замѣчательные изъ относящихся сюда примѣровъ.

Прежде всего остановлюсь на спеціальномъ изслѣдованіи Дьюгдэйля (Dugdale, „The Jukes; a study in crime, pauperism, disease and heredity“), изучившаго съ большою тщательностью потомство нѣкихъ 5 сестеръ, названное имъ фиктивнымъ именемъ Джьюксовъ. Потомство шестой сестры не могло быть изучено, за выселеніемъ его изъ графства.

Всего Дьюгдэйлемъ изучено 5 генерацій, а считая и самихъ сестеръ-родоначальницъ—6. Прибавляя еще и отца 2 сыновей, женившихся на 2 изъ этихъ сестеръ, нѣкоего Макса, родившагося въ первой половинѣ XVIII столѣтія, большого пьяницу, получится всего 7 генерацій. Число изученныхъ членовъ этихъ генерацій, соединен-

ныхъ между собою узами крови, равняется 540; сюда надо прибавить еще 169, соединенныхъ съ ними браками и сожительствами; всего 709 человѣкъ.

Изучая генеалогическія таблицы потомства одной изъ сестеръ, Ады Джьюксъ, Дьюгдэйль приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) мальчики преобладаютъ въ незаконнорожденныхъ линіяхъ,

2) дѣвочки преобладаютъ въ отрасляхъ, тѣсно связанныхъ между собою взаимными браками,

3) такія отрасли рода Джьюксовъ представляютъ наименьшее число преступниковъ,

4) преступленія по большей части наблюдаются тогда, когда кровь Джьюксовъ смѣшивается съ кровью постороннихъ родовъ,

5) члены незаконнорожденныхъ линій преимущественно вступаютъ въ браки съ членами постороннихъ родовъ,

6) преступленія преобладаютъ въ незаконнорожденныхъ линіяхъ; напряженность преступности въ такихъ линіяхъ въ потомствѣ Ады въ 30 разъ больше, нежели въ окружающемъ обществѣ,

7) въ незаконнорожденныхъ преступныхъ линіяхъ боковыя вѣтви представляются иногда честными и трудолюбивыми.

Раннее пробужденіе половыхъ влеченій и половой развратъ представлялись весьма распространенными въ родѣ Джьюксовъ. Двѣ дѣвушки этого рода были матерями, не достигнувъ 15 лѣтъ, а одна была матерью въ 12 лѣтъ. Если поэтому, исходя отъ такихъ фактовъ, включить въ число женщинъ брачнаго возраста всѣхъ женщинъ, начиная съ 14-ти-лѣтняго возраста, то среднее число развратныхъ въ родѣ Джьюксовъ, въ 5 генераціяхъ его, выразится числомъ 52,40%, тогда какъ въ окружающемъ обществѣ оно будетъ, по авторитетнымъ указаніямъ, всего 1,66%. Но, допуская, что этотъ послѣдній процентъ нѣсколько низокъ и повышая его, какъ это дѣлаетъ Дьюгдэйль, до 1,80%, получимъ, что напряженность развратности въ родѣ Джьюксовъ въ 29 разъ выше, нежели въ окружающемъ обществѣ. Что это обстоятельство есть, вѣроятно, особенность крови Джьюксовъ и преимущественно потомства развратной Ады, видно, напримѣръ, изъ того, что въ тѣхъ линіяхъ потомства Клары Джьюксовъ, которыя образовались отъ браковъ съ посторонними, напряженность разврата выражается только числомъ 44,44%, въ линіяхъ же, образовавшихся черезъ браки членовъ потомства Ады и Беллы Джьюксъ, она будетъ равна 60,93%, а въ линіяхъ потомства самой Ады—66,66% и 70%.

Въ тѣхъ семьяхъ рода Джьюкскковъ, въ которыхъ братья совершали преступленія, сестры занимались проституціей, а потому Дьюгдэйль

приходитъ къ предположенію, что проституція женщинъ есть явленіе аналогичное или, правильнѣе, эквивалентное преступленіямъ и пауперизму мужчинъ.

Между женщинами рода Джьюксовъ пауперизмъ въ $7^1/_2$, между мужчинами въ 9 разъ, а среднимъ числомъ между обоими полами какъ крови Джьюксовъ, такъ и привходящей посторонней крови, въ $6^3/_4$ раза болѣе напряженъ, нежели въ окружающемъ обществѣ. Изучая явленія пауперизма въ родѣ Джьюксовъ, Дьюгдэйль приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ:

1) пауперизмъ можетъ быть подраздѣленъ на пауперизмъ наслѣдственный и пріобрѣтенный,

2) пауперизмъ наслѣдственный развивается главнымъ образомъ послѣ нѣкоторыхъ формъ болѣзней и стремится закончиться угасаніемъ рода, и поэтому онъ можетъ быть названъ общественнымъ проявленіемъ органической дегенераціи,

3) истощеніе и болѣзни, которыя наиболѣе участвуютъ въ его порожденіи, суть результаты половой распущенности,

4) пауперизмъ у взрослыхъ и особенно въ среднемъ возрастѣ жизни указываетъ на наслѣдственную склонность, которая иногда можетъ, но иногда и не можетъ быть измѣнена вліяніемъ окружающихъ условій,

5) различныя степени пауперизма взрослыхъ, вообще, указываютъ на различныя градаціи недостаточной жизненности, и „съ этой точки зрѣнія остается открытымъ вопросъ, не есть ли лѣность, этотъ, какъ говорятъ, корень всѣхъ пороковъ, лишь признакъ пониженной жизненности и только слѣдствіе, дѣйствующее какъ вторичная причина“,

6) младшій ребенокъ въ затронутыхъ оскудѣніемъ семьяхъ имѣетъ наклонность сдѣлаться пауперомъ семьи.

Явленія преступности въ родѣ Джьюксовъ приводятъ Дьюгдэйля къ заключеніямъ, что:

1) преступность преобладаетъ въ незаконнорожденныхъ линіяхъ,

2) законнорожденныя линіи втягиваются въ сферу преступленія при посредствѣ браковъ,

3) черты преступности замѣчаются въ законнорожденныхъ линіяхъ, когда эти линіи соединяются съ постороннею кровью,

4) старшій сынъ имѣетъ наклонность стать преступникомъ семьи,

5) преступность преимущественно проходитъ по мужскимъ линіямъ,

6) длиннѣйшая линія преступности идетъ вдоль линіи старшаго сына.

Сравнивая преступность и пауперизмъ въ родѣ Джьюксовъ и сопоставляя при этомъ явно преступную вѣтвь потомства Ады и явно наклонную къ пауперизму вѣтвь Эффи, Дьюгдэйль приходитъ къ констатированію слѣдующихъ различій между ними:

1) число пользовавшихся общественной помощью въ линіи Ады 56%, а число совершившихъ преступленіе—60%, тогда какъ въ линіи Эффи число первыхъ равнялось 99%, а число вторыхъ—53%,

2) начало пользованія общественной помощью въ линіи Эффи отходитъ къ болѣе раннему возрасту, нежели въ линіи Ады,

3) пауперизованная вѣтвь представляется менѣе агрессивной, нежели вѣтвь преступная,

4) обдуманныя преступленія составляютъ отличительную черту преступной линіи, а маловажные проступки—отличительную черту линіи пауперизованной.

Изучая совмѣстно преступленіе и пауперизмъ по генеалогическимъ таблицамъ рода Джьюксовъ, Дьюгдэйль приходитъ къ такимъ выводамъ:

1) преступленіе, по сравненію съ пауперизмомъ, представляетъ собою признакъ нѣкоторой силы,

2) дѣйствительныхъ преступниковъ пауперизмъ поражаетъ въ старости или въ дѣтствѣ; у нихъ онъ не совпадаетъ съ преступнымъ временемъ жизни,

3) преступная карьера болѣе легко можетъ быть измѣняема, потому что преступленіе, особенно замышляемое самимъ совершителемъ, представляетъ собою до нѣкоторой степени признакъ способности, а послѣдняя, гдѣ бы она ни встрѣчалась, болѣе наклонна поддаваться вліянію благотворныхъ внѣшнихъ воздѣйствій,

4) если взрослый передвигается между домомъ для бѣдныхъ и тюрьмой, то это порождаетъ предположеніе или о пріобрѣтенной болѣзненности, или объ унаслѣдованной физической или психической слабости.

Касаясь вопроса объ исправленіи Джьюксовъ, Дьюгдэйль приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Джьюксы отличаются недостаткомъ непрерывности въ усиліяхъ и преждевременной половой возбудимостью,

2) эти двѣ особенности, воздѣйствуя одна на другую, какъ причина и слѣдствіе, стимулируютъ преступленіе и пріобрѣтенный пауперизмъ,

3) основаніемъ воспитанія Джьюксовъ должно быть, поэтому, упорядоченіе съ ранняго дѣтства половыхъ влеченій, что предполагаетъ:

а) удаленіе отъ заразительныхъ примѣровъ и контролированіе окружающей нравственной атмосферы и

б) профессіональное воспитаніе и культуру эстетическихъ вкусовъ.

Другой подобный же родъ представляетъ собою родъ т. н. „Маргариты съ Гудзона“. Подробности о немъ были сообщены въ англійскомъ журналѣ „Medical News“. Его родоначальницей была содержательница публичнаго дома, отличавшаяся усиленной склонностью къ алкоголю. Она умерла въ 1827 году 51 года отъ роду. Вся совокупность ея злосчастнаго потомства достигаетъ 800 человѣкъ. Изъ нихъ 700 человѣкъ преступники, осужденные, по меньшей мѣрѣ, по одному разу, 342 человѣка были алкоголики, 127—проститутки и 37 человѣкъ были казнены за тяжкія преступленія. На одно веденіе судебныхъ процессовъ противъ этого потомства государство вынуждено было израсходовать, по подсчету, до 3000000 долларовъ (около 5830000 рублей).

3.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ самъ собою рождается вопросъ: имѣемъ ли мы дѣло въ подобныхъ случаяхъ только съ унаслѣдованіемъ основныхъ или простѣйшихъ органическихъ психическихъ особенностей, о которыхъ мы уже говорили и которыя въ своемъ вліяніи на поведеніе осложняются въ послѣдующей жизни присоединеніемъ вліянія разнообразныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, или же, напротивъ, мы имѣемъ дѣло въ такихъ случаяхъ съ явленіями болѣе сложнаго унаслѣдованія, съ унаслѣдованіемъ какихъ-то какъ бы опредѣлителей поступковъ и дѣйствій?

Тотъ или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ борьбы съ преступностью уже образовавшихся преступниковъ, особенно въ наше время, когда такъ возрастаетъ преступность подростковъ. А между тѣмъ въ этомъ вопросѣ между изслѣдователями существуетъ разногласіе. Если одни изъ нихъ приписываютъ почти все преимущественно воспитанію, то другіе, напротивъ, слишкомъ ужъ многое относятъ на долю наслѣдственности. Думаю, основываясь на совокупности весьма многихъ фактовъ, что пріемлемымъ является посредствующій взглядъ. Попытаюсь его выяснить на несложномъ гипотетическомъ примѣрѣ.

Унаслѣдована недостаточно питаемая и потому быстро истощающаяся и раздражительная нервная система, которая, благодаря такимъ особенностямъ, предрасполагаетъ своего носителя, особенно при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей обстановки, повышающихъ истощаемость и раздражительность (напримѣръ, при необходимости производить длящіяся усиленныя напряженія), къ необдуманнымъ, нецѣлесообразнымъ, нетактичнымъ поступкамъ, съ болѣе или менѣе импульсивнымъ характеромъ. Въ свою очередь, такіе поступки вызовутъ неблагопріятныя для дѣятеля и на пространствѣ времени все болѣе осложняющіяся въ ихъ вліяніи отвѣтныя дѣйствія со стороны окружающихъ, которыя еще болѣе ухудшатъ положеніе дѣятеля и лежащее въ основѣ его органическое состояніе.

Въ этомъ случаѣ, поскольку въ него не привходятъ другіе факторы, осложняющіе конечный эффектъ, передъ нами будетъ вызываемое сравнительно быстрой истощаемостью и раздражительностью нервной системы предрасположеніе къ необдуманности, нецѣлесообразности и нетактичности дѣйствій, но не будетъ какого-то унаслѣдованнаго предопредѣленія самого содержанія дѣйствій. Послѣднее будетъ зависѣть отъ условій окружающей обстановки, и притомъ условій не только настоящаго времени, но также въ значительной мѣрѣ и времени прошлаго въ личной жизни дѣятеля.

Отъ гипотетическаго примѣра перейду къ факту живой дѣйствительности, а именно къ извѣстному дѣлу Генріетты Корнье, которая убила, безъ всякаго къ тому повода, чужого и притомъ совершенно ей незнакомаго ребенка. Въ этомъ дѣлѣ для насъ въ настоящее время особенно интересно то обстоятельство, что опубликованныя судебныя данныя процесса вызвали настоящую эпидемію, и больницы для душевно-больныхъ приняли много женщинъ, которыя, познакомившись съ подробностями убійства, совершоннаго Корнье, сами почувствовали, подобно ей, неодолимое влеченіе убить своихъ или чужихъ дѣтей. Таковъ фактъ. Разсматривая его, едва ли можно усомниться, что и до процесса Корнье, по меньшей мѣрѣ, у многихъ изъ этихъ женщинъ былъ на-лицо (притомъ, вѣроятно, унаслѣдованный) соотвѣтствующій органическій моментъ или факторъ, съ его соотвѣтствующимъ отраженіемъ въ психической области, т. е. съ опредѣленной окраской самочувствія и настроенія. Дѣйствительно, у женщинъ, не имѣвшихъ такого органическаго момента, ознакомленіе съ обстоятельствами процесса Корнье не породило влеченія къ убійству. Но и у первыхъ такого влеченія къ убійству, притомъ къ убійству именно дѣтей, до опубликованія отчета о процессѣ Корнье не существовало и не про-

являлось. Для возникновенія и развитія такого влеченія необходимо было еще внѣшнее воздѣйствіе—прочтеніе свѣдѣній о преступленіи Корнье, которое бы вызвало опредѣленныя представленія, ассоціировавшіяся съ существовавшимъ настроеніемъ; только тогда и опредѣлилось содержаніе будущаго дѣйствія и возникло влеченіе къ его совершенію, т. е. къ совершенію убійства, притомъ, по подсказывавшемуся примѣру Корнье, убійства именно дѣтей.

Несомнѣнно, что власть прошлаго участвуетъ въ созданіи будущаго. Но въ какой мѣрѣ? Для достаточно точнаго отвѣта на этотъ вопросъ было бы необходимо выдѣлить изъ совокупности всѣхъ психическихъ сходствъ съ родителями, наблюдаемыхъ у дѣтей, то, что дѣйствительно наслѣдственно передано отъ восходящихъ, и то, что должно быть отнесено на долю внѣшнихъ воздѣйствій въ семьѣ, начиная съ перваго появленія ребенка на свѣтъ, слѣдовательно, на долю ассоціацій внѣшнихъ и внутреннихъ чувствованій или, иначе говоря, на долю ассоціацій впечатлѣній изъ внѣшняго міра и ощущеній изъ міра внутренняго.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ достаточно полныхъ и точныхъ наблюденій, которыя охватывали бы подробности начальныхъ періодовъ жизни ребенка. Наблюденія обыкновенно захватываютъ наблюдаемую личность уже въ тотъ возрастъ, когда она успѣла подвергнуться множеству разнообразныхъ вліяній.

Неудивительно поэтому, что у авторовъ, касающихся вопроса о наслѣдственности, мы не находимъ достаточной опредѣленности и согласія, какъ въ отношеніи того, насколько, по ихъ мнѣнію, сложныя психическія проявленія могутъ передаваться и передаются наслѣдственно, такъ и въ отношеніи мѣры измѣняющаго вліянія на унаслѣдованныя особенности внѣшнихъ воздѣйствій, а слѣдовательно, и воспитанія, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Выраженія, которыя употребляютъ нѣкоторые авторы, говоря о роли наслѣдственности, придаютъ ей исключительное, вполнѣ рѣшающее значеніе, которое она, по сравненію съ вліяніемъ внѣшнихъ условій вообще и воспитанія въ частности, едва ли имѣетъ. „Судьбы людей“, говоритъ Модсли, „создаются ихъ предками, и никто, какъ бы онъ ни былъ силенъ, не можетъ избѣжать тиранніи своей организаціи“. Далѣе онъ продолжаетъ: „Преступленіе весьма часто наслѣдственно. Подобно тому, какъ человѣкъ можетъ унаслѣдовать физическія особенности и черты своихъ родителей, онъ такъ же можетъ унаслѣдовать и отпечатокъ ихъ дурныхъ страстей и наклонностей.

Истинный воръ и истинный поэтъ на самомъ дѣлѣ родятся, а не дѣлаются“.

Другой авторъ, докторъ Поль Моро изъ Тура въ своей работѣ: „Убійства, совершонныя дѣтьми“ (Paul Moreau de Tours, „De l'homicide commis par les enfants“) говоритъ, вслѣдъ за докторомъ Томсономъ, о „наслѣдственной природѣ преступленія“ и о томъ, что „неизлечимость“ будто бы этой природы доказываетъ ея наслѣдственность. Подобно этому эксперты, профессоръ Лакассань и доктора Руссе и Папильонъ, въ своемъ заключеніи по вопросу о душевномъ состояніи подростка-убійцы Рейдаля, перефразируя выраженіе покойнаго Гарнье, говорятъ, что у Рейдаля его „инстинктивное побужденіе (къ убійству) родилось совершенно готовымъ внѣ всякихъ доводовъ логики, внѣ всякихъ мотивовъ“, и далѣе они прибавляютъ, что этотъ ребенокъ „уже явился на свѣтъ съ идеей убійства“. Въ такомъ изображеніи вліянія наслѣдственности оно представляется какимъ-то предопредѣленіемъ, которое отъ рожденія неотвратимо опредѣляетъ даже содержаніе нашихъ дѣйствій.

Но такъ ли это?

Намъ, конечно, извѣстны многія родословія, отмѣченныя печатью преступности, подобно родамъ Джьюксовъ, „Маргариты съ Гудзона“ и др. Но, приводя всѣ подобныя яркія родословія, не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида, что принадлежащіе къ нимъ дѣятели преступленія жили и воспитывались въ своихъ семьяхъ и въ той средѣ, въ которой жили и развивали свою дѣятельность и сами эти семьи.

Поясню на примѣрѣ.

У Мореля разсказанъ яркій случай. Одна изъ его паціентокъ, дѣвушка 22 лѣтъ, страдала періодическими приступами влеченія къ самоубійству, осложнявшимися и другими явленіями принудительнаго характера. Ея дѣдъ, отецъ, два брата и двѣ сестры—всѣ покончили самоубійствомъ, выполнявшимся однимъ и тѣмъ же способомъ, въ одномъ и томъ же помѣщеніи и на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вотъ, казалось бы, яркій примѣръ унаслѣдованнаго какъ бы въ готовомъ видѣ влеченія къ сложному психическому явленію, къ предшествуемому обдумываніемъ сложному акту самоубійства.

Но въ этомъ примѣрѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, необходимо различать два момента:

1) обычно тяжелыя внутреннія состоянія самочувствія и настроенія, какъ результатъ какихъ-то неправильностей въ функціонированіи организма, и

2) мысль о лишеніи себя жизни въ опредѣленныхъ условіяхъ

обстановки, какъ о средствѣ избавиться отъ тяжелыхъ внутреннихъ состояній, какъ о средствѣ прекратить ихъ.

Первый моментъ могъ быть (и дѣйствительно былъ) унаслѣдованъ. Но, спрашивается, какъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ настроеній, появилась мысль именно о самоубійствѣ у перваго изъ нашихъ самоубійцъ? Она могла возникнуть у него въ связи съ его настроеніями, подъ вліяніемъ слышаннаго соотвѣтствующаго разговора, чтенія о происшествіи въ газетѣ, разсказа въ книгѣ и пр., однимъ словомъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. У послѣдующихъ самоубійцъ она была дана потрясающими семейными примѣрами. Представленіе о кончинѣ близкихъ у нихъ прочно ассоціировалось съ тяжелыми внутренними состояніями, а разъ ассоціировавшись оно потомъ уже само необходимо вызывало и усиливало эти состоянія и постепенно, вслѣдствіе ассоціированности, сдѣлалось навязчивымъ, принудительнымъ и, какъ таковое, все болѣе и болѣе разстраивало и безъ того неуравновѣшенное, наклонное въ сторону душевной болѣзни, настроеніе.

Дѣлаемое мною ограниченіе вліянія наслѣдственности существенно въ отношеніи воспитанія. Если оно правильно, то значеніе и роль воспитанія въ послѣдующихъ за нимъ судьбахъ человѣка очень увеличивается, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, повышается и требованіе, предъявляемое къ степени предусмотрительности въ немъ.

4.

Другой факторъ преступности—это, поистинѣ, ужаснѣйшій бичъ человѣчества, алкоголизмъ. Мы уже видѣли, гдѣ кроются глубокіе корни массоваго алкоголизма. Изъ приводившихся фактовъ видно, что, если и не во всѣхъ случаяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ громаднѣйшемъ большинствѣ ихъ, это факторъ производный, а не первичный. Но какъ бы то ни было, а вліяніе его на благополучіе общества и преступность несомнѣнно и чрезвычайно могущественно.

Извѣстный гигіенистъ, упоминавшійся ранѣе Бушарда, основательно утверждаетъ, что „если не будутъ примѣнены цѣлебныя средства отъ этого бича, то прогрессъ человѣчества не только будетъ задержанъ, но еще станетъ неизбѣжнымъ его ретроградное движеніе“. Далѣе онъ замѣчаетъ: „Пьянство, одурманивая человѣка, уменьшаетъ его ловкость, силу, настойчивость въ работѣ, умственныя способности, предусмотрительность, нравственность, семейный духъ и вслѣд-

ствіе всего этого уменьшаетъ и общую зажиточность, на которой зиждется преуспѣяніе общественной гигіены. И трудно понять, какъ можетъ народъ, злоупотребляющій алкоголемъ, завоевать или сохранить свою свободу, на которой зиждется равенство передъ закономъ, этотъ источникъ всякаго соціальнаго прогресса".

Профессоръ Парижскаго Университета Прустъ въ своемъ „Трактатѣ гигіены" (Proust, „Traité d'hygiène") даетъ слѣдующую общую характеристику алкоголизма, какъ фактора органическаго и умственно-нравственнаго паденія человѣка. „Привычка пить", говоритъ онъ, „влечетъ за собою нерасположеніе къ семьѣ, забвеніе всѣхъ общественныхъ обязанностей, отвращеніе къ труду, нищету, кражи и преступленія... Привычка эта, по меньшей мѣрѣ, приводитъ въ больницу, потому что алкоголизмъ порождаетъ самыя разнообразныя болѣзни и наиболѣе смертельныя: параличи, сумасшествіе, страданія желудка и печени, водянку; онъ является одной изъ наиболѣе частыхъ причинъ туберкулеза. Онъ осложняетъ и усиливаетъ всѣ острыя болѣзни: тифъ, воспаленіе легкихъ и проч. Рожа, которая у человѣка трезваго имѣла бы благопріятное теченіе, быстро убиваетъ пьяницу... Грѣхи родителей противъ гигіены поражаютъ и дѣтей. Если они переживаютъ первые мѣсяцы, то имъ угрожаетъ идіотизмъ, эпилепсія, или же они рано умираютъ отъ туберкулезнаго менингита или отъ чахотки. Для здоровья индивида, для существованія семьи, для будущности націи алкоголизмъ есть одинъ изъ ужаснѣйшихъ бичей".

Что же такое алкоголизмъ? Пьянство и его слѣдствіе, алкоголизмъ—это болѣзнь, отвѣчаетъ наука. Модсли основательно разсматриваетъ опьяненіе (отравленіе алкоголемъ), какъ искусственно-производимое помѣшательство, какъ искусственно-вызываемую временную душевную болѣзнь, съ различными стадіями ея теченія. Понятно, что это состояніе, въ теченіе долгаго времени повторно вызываемое, не можетъ не вліять дурно и не отражаться постепенно все глубже на томъ физіологическомъ субстратѣ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ психическихъ явленій въ жизни человѣка, и не можетъ не измѣнять этотъ субстратъ конституціонально.

Наблюденіе вполнѣ подтверждаетъ послѣднее. Доктора Маньянъ и Лансеро, занимавшіеся, въ числѣ многихъ другихъ изслѣдователей, изученіемъ алкоголизма, указываютъ, что подъ вліяніемъ алкоголя „человѣкъ становится другимъ человѣкомъ и преждевременно старѣетъ".

Повторныя алкогольныя отравленія производятъ значительныя разрушенія въ правильной структурѣ организма и всѣхъ его частей.

Поражаются пищеварительный каналъ и его оболочки; особенно страдаетъ печень; значительно страдаютъ сердце, кровеносные сосуды и легкія; происходятъ жировыя отложенія въ мускулахъ и жировое ихъ перерожденіе, чѣмъ обусловливается ослабленіе двигательныхъ функцій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и работоспособности; не меньшія структурныя измѣненія происходятъ и во всѣхъ другихъ частяхъ организма; питаніе разстраивается во всѣхъ органахъ, во всѣхъ системахъ ихъ и во всѣхъ тканяхъ, и „сама клѣтка живетъ другою жизнью“, замѣчаетъ Маньянъ.

На-ряду съ физическими разстройствами неминуемо развиваются разстройства и уклоненія психическія. Чувствительность болѣзненно повышается, уменьшается или извращается, и все это одинаково наблюдается какъ въ области чувствительности физической, такъ и нравственной. Нравственная энергія чрезвычайно ослабляется, появляются неувѣренность и постоянныя сомнѣнія въ себѣ, въ своихъ силахъ и способностяхъ. Развивается значительная слабость характера; самочувствіе, этотъ основной фонъ психической личности, разстраивается и извращается, чѣмъ и обусловливается то, что человѣкъ становится „другимъ человѣкомъ“, какъ указываетъ тонкій наблюдатель Маньянъ.

„Алкоголь разстраиваетъ перцепцію“, говоритъ докторъ Керръ въ своей работѣ о пьянствѣ и его вліяніи, „онъ разстраиваетъ разсудокъ, парализуетъ волю и убиваетъ совѣсть. При этомъ исходнымъ пунктомъ всей этой серіи болѣзненныхъ явленій служитъ извращеніе или недостаточность питанія“. Развивается недовольство и подозрительность, а иногда на почвѣ разстроеннаго самочувствія развиваются и идеи преслѣдованія. „Кромѣ раздражительности, грусти, недовѣрчивости, плохое питаніе мозга съ дегенеративными измѣненіями его ткани вызываетъ развитіе еще болѣе худшихъ качествъ: крайняго эгоизма и безсердечія“. Чрезвычайно вредно вліяетъ также на поведеніе разстройство задерживательной способности. На долю этого должно отнести „постепенное парализованіе воли“ и „упадокъ самообладанія“, особенно относительно потребленія алкоголя. „Каждый атомъ тѣла“, замѣчаетъ Керръ, „точно томится въ отчаяніи, пока не будетъ поднесенъ къ стиснутымъ зубамъ отравленный кубокъ“. Дѣйствительно, дипсоманка, демонстрированная на одной изъ лекцій Галля въ госпиталѣ Св. Анны въ Парижѣ, очень краснорѣчиво разсказывала, можно сказать живописала, свои невыносимо-тяжкія страданія. На вопросъ, почему же, зная о нихъ наперед, она все-таки продолжаетъ свои злоупотребленія, несчастная отвѣчала, что въ

то время, когда ее неудержимо тянетъ выпить, она рѣшительно ни о чемъ больше не думаетъ, кромѣ какъ о манящемъ ее стаканчикѣ. Другая дипсоманка, наблюденія надъ которой производилъ Маньянъ, желая удержаться отъ алкоголя, причинявшаго ей ужасныя страданія, примѣшивала къ водкѣ свои экскременты, чтобы не пить, и тѣмъ не менѣе все-таки пила, обуреваемая неудержимымъ влеченіемъ къ искусственному возбудителю.

Если мы теперь соединимъ въ одно цѣлое клиническія наблюденія различныхъ особенностей характера, постепенно и въ различныхъ степеняхъ развивающихся у различныхъ лицъ, отравляющихся алкоголемъ, то получимъ слѣдующій печальный общій перечень психическихъ особенностей, порождаемыхъ дѣйствіемъ длящейся алкоголизаціи. Подъ ея вліяніемъ развиваются чрезвычайная лживость, лицемѣріе, нерадивость, безучастность къ окружающему, большая или меньшая инстинктивность дѣйствій, раздражительность, грубость, жестокость и въ то же время трусливость, скучливость и безпокойная непосѣдливость (а потому склонность къ бродяжеству), значительно ослабленная терпѣливость и выносливость, непослѣдовательность, наклонность къ безцѣльно-злобнымъ и вредоноснымъ дѣйствіямъ, склонность къ разврату и крайняя половая распущенность, не останавливающаяся ни передъ какими нравственными преградами, дурные инстинкты, слабохарактерность, нерѣшительность, крайнее ослабленіе воли и самообладанія (а потому и легкая увлекаемость другими на путь порока и преступленія), отсутствіе иниціативы, непріятныя состоянія самочувствія, неувѣренность въ себѣ и своей пригодности, ослабленіе ясности сознанія, упадокъ семейныхъ и общественныхъ чувствъ, полная подавленность чувства приличія и нравственнаго чувства, крайнее ослабленіе свободы (въ смыслѣ задерживающей власти представленій надъ чувственными влеченіями), ослабленіе памяти, трудность сосредоточенія вниманія и ослабленіе умственныхъ способностей.

Таковъ печальный перечень разрушительныхъ дѣйствій алкоголя. Ихъ вы легко можете наблюдать у отдѣльныхъ, конечно, каждому изъ васъ извѣстныхъ алкоголиковъ, а также и въ современныхъ явленіяхъ общественной жизни, глубоко разстраиваемой массовымъ алкоголизмомъ.

5.

Среди представленнаго комплекса постепенно-развивающихся особенностей душевныхъ проявленій алкоголиковъ, констатируемыхъ на-

блюденіемъ, полная недостаточность задерживательной силы, необузданная импульсивность и отсутствіе въ такіе моменты мыслей о будущемъ, отсутствіе вліянія предвѣдѣнія этого будущаго на поступки и дѣятельность вообще—составляютъ одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ алкоголиковъ, у которыхъ на этой психической почвѣ, по-временамъ, развиваются приступы ужасающаго и всесокрушающаго алкогольнаго бѣшенства.

Сообщалось, напримѣръ, изъ Нижнетагильскаго завода, что нѣкій смазчикъ Поломодовъ, находившійся подъ вліяніемъ отравленія алкоголемъ и недопущенный слѣдовать за поѣздомъ, былъ приведенъ этимъ, казалось бы, ничтожнымъ обстоятельствомъ въ такое состояніе, что, отправившись домой, схватилъ тамъ ножъ, нанесъ имъ смертельныя раны женѣ, зарѣзалъ двухъ дѣтей, бросился на вокзалъ, ранилъ жандарма и незнакомаго пассажира.

Что это, какъ не безсмысленное слѣпое бѣшенство, въ проявленіяхъ котораго не усматривается даже проблесковъ разумности, присущей человѣку, какъ таковому? Подобные факты вы найдете во множествѣ въ „хроникахъ происшествій“ нашихъ газетъ.

А вотъ еще случай. Къ сожалѣнію, соотвѣтствующая вырѣзка изъ газеты утрачена мною, и потому я могу передать его только по памяти, въ общихъ чертахъ.

Одинъ хроническій алкоголикъ зашелъ къ своимъ знакомымъ матери и дочери, жившимъ отдѣльно. Попросился ночевать. Пустили и предложили ужинъ. Во время ужина гость попросилъ и водочки. Водки не нашлось. Поужинали безъ нея и легли спать. Несчастному алкоголику, однако, не спится. Жажда возбудителя и мысль о немъ не даютъ покоя, водку во что бы то ни стало надо достать. Созрѣваетъ планъ, но планъ своеобразный и вполнѣ алкоголистическій. Подъ вліяніемъ его несчастная жертва неодолимаго влеченія поднимается съ постели, отыскиваетъ топоръ и безъ колебанія кончаетъ съ пріютившими его женщинами. Отдѣлавшись, алкоголикъ ночью же отправляется, кажется, къ исправнику, стучится, требуетъ, чтобы исправника разбудили и доложили о немъ. Его не пускаютъ, гонятъ. Тогда онъ заявляетъ, что прогоняющіе его будутъ отвѣчать, потому что онъ пришелъ донести о случившемся важномъ преступленіи. Дѣлать нечего, исправника будятъ, тотъ выходитъ, спрашиваетъ въ чемъ дѣло. Разсказать въ этотъ моментъ вовсе не соотвѣтствуетъ плану. Алкоголикъ проситъ дать ему предварительно стаканъ водки и обѣщаетъ все разсказать потомъ. Водка дана, неотступное влеченіе удовлетворено, и

алкоголикъ чистосердечно и подробно разсказываетъ о всемъ случившемся.

Куда идти дальше?...

Ломброзо вполнѣ правъ, когда, указавъ на сокращеніе средней продолжительности жизни населенія отъ алкоголизма, онъ замѣчаетъ, что водка, вмѣсто даннаго ей названія „воды жизни“ („eau-de-vie“) должна бы называться „водою смерти“ и притомъ, прибавлю, не только смерти физической, но еще ранѣе смерти нравственно-умственной. Одинъ изъ яркихъ примѣровъ такой смерти мы находимъ въ работѣ Проспера Депинъ. Нѣкто Готье, лѣнтяй и привычный пьяница, подъ вліяніемъ постоянныхъ отравленій алкоголемъ, безжалостно колотилъ свою жену, притомъ „самъ не зная почему“. Наконецъ, тоже „самъ не зная почему“, убилъ ее, а потомъ двѣ ночи приходилъ спать на ту же самую постель, на которой лежалъ еще неоткрытый трупъ убитой имъ женщины...

6.

Таково, въ общихъ чертахъ, пагубное вліяніе отравленій алкоголемъ на самихъ отравляющихся, вліяніе, часто приводящее ихъ къ полнѣйшему озвѣрѣнію и отупѣнію, при которыхъ они почти лишаются образа человѣческаго. Въ общественномъ отношеніи, быть можетъ, даже болѣе пагубнымъ является наслѣдственное вліяніе алкогольныхъ отравленій на потомство, а черезъ то на силы и, слѣдовательно, судьбы даже цѣлой націи. „Народъ, который алкоголизуется и который вслѣдствіе того становится родоначальникомъ вырождающихся, идіотовъ, эпилептиковъ и сумасшедшихъ“, основательно говоритъ докторъ Легрэнъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ изслѣдователей алкоголизма (Legrain, „Dégénérescence sociale et l'alcoolisme“), „это народъ, который чахнетъ, который разрушаетъ свое умственное обаяніе. Ослабленіе нравственнаго чувства влечетъ за собою потерю его достоинства. Алкоголизованный народъ, теряющій треть своихъ дѣтей, теряетъ и свою матеріальную силу, какъ онъ потерялъ свою умственную и нравственную энергію“.

Опыты съ алкоголизаціей животныхъ наглядно, не вызывая никакихъ сомнѣній, показываютъ всю разрушительность дѣйствія отравленія алкоголемъ восходящихъ на организмы потомковъ ихъ. Спаивались, напримѣръ, до акта зачатія или во время беременности самецъ или самка собаки. Въ ихъ потомствѣ получалась тогда мертворожденность, недостаточная жизнеспособность, слабость, хилость и

худоба родившихся живыми, различныя и притомъ весьма важныя уклоненія въ ихъ органическомъ развитіи, утрата нѣкоторыхъ чувствъ, лѣность, слабость умственныхъ способностей и проч.

„Захирѣніе расы, развитіе паралитическихъ и конвульсивныхъ явленій, дурное образованіе черепа, общее пониженіе умственныхъ способностей, безнравственность, увеличеніе населенія въ различныхъ убѣжищахъ и тюрьмахъ—таковы печальныя слѣдствія (алкоголизма), которыя я наблюдалъ всегда и вездѣ съ постояннымъ однообразіемъ“, свидѣтельствуетъ Морель, касаясь вопроса о вліяніи злоупотребленій алкоголемъ со стороны восходящихъ на судьбы ихъ потомства.

Въ своемъ наслѣдственно-наращающемся вліяніи алкоголизмъ производитъ уменьшеніе физическихъ силъ и органической устойчивости, уменьшеніе роста и размѣра органовъ вообще, увеличеніе смертности, извращеніе инстинктовъ и чувствъ, ослабленіе умственныхъ способностей и силы самообладанія. Онъ порождаетъ въ потомствѣ своихъ жертвъ тупоумныхъ, слабоумныхъ, идіотовъ, наслѣдственно-предрасположенныхъ пьяницъ (обыкновенныхъ и запойныхъ), людей, по всѣмъ своимъ физическимъ и психическимъ особенностямъ часто предрасположенныхъ ко всевозможнымъ порокамъ, невропатовъ, сумасшедшихъ, эпилептиковъ и конвульсіонеровъ вообще, однимъ словомъ, всю гамму вырождающихся.

Какіе изъ членовъ этой гаммы будутъ воспроизведены въ потомствѣ алкоголизованныхъ родителей, конечно, будетъ зависѣть отъ начальной устойчивости родителей, отъ степени и продолжительности ихъ алкоголизаціи, различныхъ привходящихъ обстоятельствъ, условій воспитанія потомства и проч.

Изъ числа лицъ алкоголизованныхъ, передающихъ свое печальное наслѣдіе нисходящимъ, нельзя по большей части выключить, какъ основательно указываетъ Легрэнъ, и такъ называемыхъ „съ умомъ пьющихъ“. Какъ и другіе отравляющіеся алкогольнымъ ядомъ, они производятъ на свѣтъ если и не рѣзко выраженныя формы вырожденія, то во всякомъ случаѣ формы болѣе или менѣе слабаго упадка и захуданія породы, т. е. различныя степени болѣзненныхъ людей, людей недостаточно уравновѣшенныхъ, людей со странностями, „чудаковъ“ и проч. Недаромъ говорятъ о „хиломъ“ и „нервномъ“ вѣкѣ. И это понятно: ничто, какъ я уже сказалъ, не проходитъ безслѣдно. Все заносится въ книгу жизни и тѣмъ устанавливаетъ вліяніе прошлаго на настоящее.

Международнымъ антиалкогольнымъ конгрессамъ въ Стокгольмѣ и Лондонѣ, а также и нашему первому Всероссійскому съѣзду

по борьбѣ съ пьянствомъ въ Петербургѣ профессоръ Гельсингфорскаго Университета Лейтиненъ представилъ докладъ о произведенныхъ имъ опытахъ, имѣвшихъ цѣлью установить степень вліянія очень малыхъ дозъ алкоголя на животныхъ (кроликовъ и морскихъ свинокъ). Употреблявшіяся въ опытахъ животныя дѣлились на двѣ группы: одни получали водный растворъ алкоголя, въ разсчетѣ 0,1 кубическаго центиметра на 1 килограммъ вѣса тѣла, а другія получали чистую воду. Вредное вліяніе вводимаго алкоголя отражалось уже на самихъ отравлявшихся, выражаясь, между прочимъ, въ меньшей сопротивляемости зараженію, напримѣръ, хотя бы дифтеритнымъ ядомъ. Но значительно болѣе рѣзко отражалось вліяніе алкоголя на потомствѣ алкоголизовавшихся. Такъ, въ потомствѣ алкоголизовавшихся кроликовъ умершихъ было 61,29%, а въ потомствѣ получавшихъ воду—54,17%. Первые по прошествіи первыхъ трехъ дней послѣ рожденія вѣсили въ среднемъ 79 граммовъ и прибывали въ вѣсѣ въ первые 20 дней по 7,13 грамма ежедневно, тогда какъ вторые вѣсили 87,90 грамма и прибывали въ вѣсъ на 9,46 грамма ежедневно. Въ потомствѣ алкоголизовавшихся морскихъ свинокъ умершихъ было 36,76%, средній вѣсъ новорожденныхъ равнялся 73,41 грамма, а ежедневная средняя прибыль въ вѣсѣ въ первые 10 дней равнялась 3,76 грамма, а въ первые 20 дней—4,30 грамма. Въ потомствѣ неалкоголизовавшихся свинокъ умирало только 21,74%, новорожденные вѣсили 77,31 грамма, прибывали въ вѣсѣ въ первые 10 дней въ среднемъ, по 4,12 грамма, а въ первые 20 дней—по 5,20 граммъ. Разница очевидная и рѣзкая, а между тѣмъ въ переводѣ на взрослаго человѣка дававшіяся дозы свелись бы къ стакану винограднаго вина въ день, какъ на это и указалъ профессоръ Ферель, основательно поставивъ при этомъ вопросъ: „Какъ же послѣ этого говорить о „гигіеническихъ“ алкогольныхъ напиткахъ, подобныхъ пиву?“

Легрэнъ прослѣдилъ 4 генераціи въ 215 семьяхъ алкоголиковъ и, подсчитывая всѣ наблюдавшіяся болѣзненныя послѣдствія алкоголизма въ нихъ, числомъ 814, онъ сводитъ ихъ къ слѣдующимъ процентнымъ отношеніямъ: 42,20% алкоголиковъ, 60,90% вырождающихся, 13,90% нравственно-помѣшанныхъ, 22,70% эпилептиковъ, истериковъ и конвульсіонеровъ вообще и 19% душевно-больныхъ. Сверхъ того, 174 субъекта исчезли прежде или почти прежде, нежели они начали жить, а 93 субъекта были поражены туберкулезомъ и физіологическою бѣдностью.

Между тѣмъ, подумайте, какъ велико въ настоящее время хотя бы у насъ число такихъ семей, отравляющихся сорокаградусной вод-

кой и тѣмъ самымъ въ корнѣ подтачивающихъ физическія, нравственныя и умственныя силы націи. Если относящіеся сюда факты, лично нами наблюдаемые, и тѣ, о которыхъ мы узнаемъ изъ дневниковъ происшествій, и не поражаютъ насъ въ той мѣрѣ, въ какой должны бы поражать, то потому, что они воспринимаются нами поодиночкѣ, не систематизируются и, въ силу этого, не сосредоточиваютъ на себѣ подобающаго имъ вниманія. Иначе эти многоговорящіе факты, будучи собраны воедино, подсчитаны и надлежаще освѣщены, могли бы заставить встать дыбомъ волосы своимъ мрачнымъ пред-сказаніемъ даже у людей, придающихъ первенствующее значеніе увеличенію государственныхъ доходовъ какою бы то ни было цѣною. Тѣ же факты наглядно показываютъ намъ, какую тяжелую нравственную отвѣтственность берутъ на себя только еще начинающіе алкоголизоваться за судьбы своего несчастнаго потомства, представители котораго безъ ихъ соизволенія будутъ вызваны къ тяжелой жизни.

Сопоставляя все сказанное, нельзя не признать справедливости общаго смысла утвержденія, высказаннаго еще въ древности, что „пьяница не производитъ ничего годнаго“, особенно если принять во вниманіе нѣкоторые достаточно достовѣрно установленные факты; извѣстно, напримѣръ, что дѣти, зачатыя въ состояніи опьяненія (т. е. искусственно вызваннаго душевнаго разстройства), даже не отъ хроническихъ алкоголиковъ, нерѣдко бываютъ эпилептиками или идіотами. Такіе факты, повидимому, были подмѣчены еще въ древности. Этимъ, конечно, и объясняется карфагенскій законъ, о которомъ упоминаетъ французскій психіатръ Легранъ дю Солль и которымъ запрещалось въ дни супружескаго сожитія употребленіе всѣхъ напитковъ, исключая воды.

7.

Совокупность приведенныхъ фактовъ даетъ намъ полное основаніе утверждать уже a priori, что связь алкоголизма и преступности самая тѣснѣйшая, неразрывная. Слѣдующій многоговорящій фактъ всего лучше укажетъ вамъ это.

Въ 1838 году извѣстный капуцинскій монахъ Матье выступилъ въ Ирландіи съ пламенной проповѣдью противъ алкоголизма. Его горячее убѣжденное слово увлекало слушателей, подчиняло ихъ своему внушенію, и уже черезъ мѣсяцъ въ Дублинѣ одна тюрьма была закрыта за недостаткомъ тюремныхъ пансіонеровъ, а населеніе другой

понизилось съ 3202 до 1604 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно уменьшилось и число мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ. Въ теченіе одного 1840 года ихъ было закрыто, за недостаткомъ кліентовъ, 137.

„Статистика показываетъ намъ постоянное возрастаніе числа преступленій въ цивилизованныхъ странахъ, возрастаніе, которое могло бы быть объяснено увеличеніемъ населенія не болѣе, какъ въ размѣрѣ отъ 13% до 16%“, говоритъ Ломброзо, „но которое, съ другой стороны, вполнѣ объясняется чрезмѣрнымъ злоупотребленіемъ алкоголемъ, потребленіе котораго возрастаетъ именно соотвѣтственно количественному росту преступленій“. Далѣе Ломброзо указываетъ, что въ Швеціи 75% преступленій относятся на долю алкоголизма, причемъ убійства и другія кровавыя преступленія обязаны спеціально злоупотребленію алкоголемъ, тогда какъ кражи и мошенничества приходятся на долю алкогольной наслѣдственности.

Изъ преступниковъ, наблюдавшихся докторомъ Марро, 73% злоупотребляли алкоголемъ и притомъ изъ нихъ только 10% были нормальны, но, конечно, очень относительно.

„Справедливо, однако“, указываетъ Ломброзо, „что если алкоголизмъ вызываетъ преступленія, то и наказаніе преступленій тюрьмою, въ свою очередь, не мало содѣйствуетъ наращенію алкоголизма въ средѣ тюремныхъ выпущенниковъ, особенно въ настоящее время все увеличивающагося обостренія борьбы за жизнь, когда люди, ничѣмъ не запятнанные, легко попадаютъ въ число безработныхъ. У тюремныхъ же выпущенниковъ узы семьи нерѣдко вполнѣ ослабляются, и они лишаются поддержки своихъ близкихъ, а въ глазахъ общества они утрачиваютъ честь; гнетущее сознаніе этой утраты, а также представленіе о безнадежно-безпросвѣтномъ будущемъ могутъ и должны повышать влеченіе къ заливанію горя виномъ“.

Въ чемъ же кроются причины этого пагубнаго влеченія къ алкогольнымъ отравленіямъ и роста алкоголизма въ современныхъ обществахъ? Одна изъ этихъ причинъ—жажда возбужденія и стремленіе хотя бы къ временному поднятію пульса жизни, жизненнаго тона. Другая—большая или меньшая органическая ослабленность и истощеніе общее или временное. У однихъ (значительнаго меньшинства) это истощеніе является необходимымъ слѣдствіемъ всевозможныхъ излишествъ, у другихъ (громаднаго большинства) оно есть непосредственный результатъ всевозможныхъ лишеній и невзгодъ жизни. Первые пьютъ отъ скуки и бездѣлья, отъ порочной изжитости, а вторые пьютъ, какъ говорятъ, для временнаго забвенія и облегченія. Таковы

двѣ главныя группы. Существуютъ, конечно, различныя переходныя разновидности, но для насъ въ данномъ случаѣ онѣ не имѣютъ сколько-нибудь большого значенія.

О представителяхъ первой группы я говорить не стану; они плоть отъ плоти и кость отъ кости современнаго строя. Таковы же, конечно, и представители второй; о нихъ я скажу немногое. Въ числѣ причинъ ихъ настойчиваго влеченія къ отравленіямъ Дюкло, между прочимъ, справедливо указываетъ и на слѣдующую весьма общую, основную, могущественную. „Нѣтъ ничего болѣе обычнаго“, говоритъ онъ, „когда разговариваютъ съ рабочими, даже съ хозяевами, когда упрекаютъ первыхъ въ слишкомъ частыхъ влеченіяхъ къ „стаканчику“, слышать отъ нихъ въ отвѣтъ: «Вы, которые отсовѣтываете намъ, вы не знаете, какъ это иногда бываетъ необходимо. Вы не знаете, какъ этотъ стаканчикъ поднимаетъ силы въ мастерской, когда жара, сырость, недостатокъ обмѣна воздуха и даже только одна продолжительность работы подавляютъ силы самаго энергичнаго рабочаго. А между тѣмъ, работа должна быть исполнена: она обязательна, неизбѣжна, за ея выполненіемъ слѣдятъ; ты не болѣе, какъ одно изъ колесъ громадной индустріальной машины. И алкоголь представляетъ собою одно изъ наиболѣе быстро дѣйствующихъ и экономныхъ средствъ, необходимыхъ намъ, чтобы выполнять требуемую отъ насъ работу»“.

Нѣсколько далѣе Дюкло основательно замѣчаетъ: „при изслѣдованіи причинъ развитія алкоголизма, нельзя искать ихъ только на сторонѣ рабочаго. Надо принимать во вниманіе и условія работы, которыя для него созданы“. А я, съ своей стороны, прибавлю, что надо принимать во вниманіе не только условія работы, но и всѣ условія жизни, которыя созданы для рабочаго и вообще для недостаточнаго люда. Говоря объ опросахъ женщинъ-работницъ, Даганъ приводитъ слѣдующій характерный діалогъ:

„Пробовали ли вы алкоголь?“

„Иногда, это отгоняетъ черныя мысли. Но мы пьемъ водку для того, чтобы быть бодрыми во время работы, особенно лѣтомъ, когда въ мастерскихъ задыхаются“.

Конечно, увѣренность въ экономности алкоголизаціи, какъ средствѣ выжимать изъ себя продуктивную работу, только самообманъ. Алкоголь, какъ справедливо указываетъ тотъ же Дюкло, вовсе не возстанавливающее питательное средство, а только плеть, которой подстегиваютъ утомленную лошадь. Лошадь тогда тащитъ грузъ не

за счетъ получаемой пищи, а за счетъ своихъ запасовъ или за счетъ живыхъ тканей своего тѣла. Послѣдствія такого хозяйственнаго порядка очевидны: постепенное истощеніе и послѣдовательное подготовленіе конечнаго банкротства, какъ мы это и видѣли, говоря объ органическихъ особенностяхъ рабочихъ классовъ населенія и о конечномъ общественномъ этапѣ оскудѣнія—пауперизмѣ, бродяжествѣ и нищенствѣ.

8.

Какія же мѣры борьбы можно противопоставить развитію алкогольныхъ отравленій? Мѣры репрессіи? Но мы уже въ достаточной мѣрѣ могли оцѣнить ихъ силу и значеніе, знакомясь съ различными эпизодами въ исторіи борьбы съ преступностью, въ развитіи которой важную роль играетъ алкоголизмъ, глубокіе корни коего лежатъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ современнаго строя. Въ дѣйствительность мѣръ репрессіи могутъ продолжать простодушно вѣрить изучающіе только логическія построенія криминалисты-классики. Тщательно изучаемые факты дѣйствительности громко говорятъ противное. Стоитъ только припомнить указывавшіяся ранѣе особенности, передаваемыя алкоголиками ихъ потомкамъ, чтобы ясно понять все безсиліе и даже вредъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ несчастнымъ носителямъ этихъ особенностей, которые, по самой болѣзненной природѣ своей, до излеченія не могутъ быть иными, нежели они есть на самомъ дѣлѣ, т. е. болѣзненно-извращенными въ самихъ себѣ и во всей своей дѣятельности. О репрессивной системѣ вообще справедливо замѣчаетъ въ своей брошюрѣ „Gegen den Strafvolzug“ докторъ Отто Юліусбургеръ, что она узнается по ея плодамъ. Она ничего не достигаетъ, ничего не можетъ достичь. Она возбуждаетъ только ненависть и горечь въ настроеніяхъ. Она не создаетъ ничего годнаго и только увеличиваетъ армію рецидивистовъ.

Тѣмъ не менѣе, борьба съ алкоголизмомъ возможна и въ интересахъ будущности человѣчества обязательна. Извѣстный уже вамъ примѣръ Оуэна—одно изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ этой возможности. Для успѣха борьбы прежде всего необходимо распространеніе воспитанія, образованія и вообще научныхъ свѣдѣній въ народныхъ массахъ. Недаромъ болѣе активная борьба съ алкоголизмомъ, какъ на это и указываетъ Дюкло, ведется преимущественно въ странахъ протестантскихъ, всегда обращавшихся къ разуму человѣка даже

въ религіозной области, и притомъ въ странахъ съ распространеннымъ и хорошо поставленнымъ начальнымъ народнымъ образованіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно необходимо устраненіе тѣхъ факторовъ, о которыхъ мы все время говорили, какъ о факторахъ вырожденія. Это прекрасно понято германской соціалъ-демократической рабочей партіей, которая, единогласно рѣшивъ на своемъ конгрессѣ (партейтагъ) въ Эссенѣ начать энергичную борьбу съ алкоголизмомъ, основательно выдвинула на первый планъ, какъ требованіе, вытекающее изъ самой природы вещей, для успѣшности борьбы съ алкоголизмомъ, дальнѣйшее развитіе рабочаго законодательства, улучшеніе условій жизни обездоленныхъ классовъ общества и соціальныя реформы вообще.

Кромѣ указанныхъ общихъ средствъ борьбы съ алкоголизмомъ должно упомянуть и о нѣкоторыхъ средствахъ спеціальныхъ; къ числу ихъ принадлежитъ, между прочимъ, такъ называемая „готеборгская система“, возникшая въ Швеціи.

Въ этой странѣ въ 1855 году былъ изданъ законъ, который предоставилъ общинамъ право нѣкотораго рода „veto“ по отношенію къ торговлѣ спиртными напитками. Противники алкоголизма, которыхъ въ это время въ странѣ было уже значительное число, энергично воспользовались закономъ, изданнымъ уже подъ ихъ вліяніемъ, для регламентированія торговли алкогольнымъ ядомъ. Отдѣльныя общества для урегулированія торговли имъ начали образовываться еще до изданія этого закона, а именно съ 1850 года. Въ 1865 году въ городѣ Готеборгѣ (Göteborg) образовалось по почину пастора Визельгрена „Готеборгское акціонерное питейное общество“, послужившее образцомъ для многочисленныхъ обществъ, организовавшихся на его началахъ въ другихъ мѣстностяхъ. Общества „готеборгской системы“ пріобрѣтаютъ съ торговъ разрѣшенія на право открытія въ городахъ мѣстъ розничной продажи спиртныхъ напитковъ. Общества уменьшаютъ число мѣстъ продажи этихъ напитковъ и ограждаютъ городское населеніе отъ спекуляцій кабатчиковъ. Самую продажу они поручаютъ лицамъ, незаинтересованнымъ въ ней. Всю прибыль отъ торговли спиртными напитками, исключая опредѣленнаго процента, общества обращаютъ въ городскія кассы, которыя употребляютъ ее на дѣла благотворенія и на поднятіе уровня нравственности въ средѣ рабочихъ классовъ.

Благодаря отсутствію конкурренціи въ торговлѣ, общества повысили цѣну на спиртные напитки, значительно улучшили ихъ качество, понизили потребленіе, устранили развитіе вреднаго класса кабатчиковъ, уничтожили продажу спиртныхъ напитковъ лицамъ, недостигшимъ

18 лѣтъ, уничтожили продажу въ кредитъ и подъ залоги, ввели закрытіе мѣстъ продажи съ 6 часовъ вечера кануновъ воскресеній и праздничныхъ дней до утра слѣдующихъ дней, а главное—доставили на нужды общественнаго благоустройства сравнительно значительныя суммы прибылей.

Въ Готеборгѣ предложеніе объ учрежденіи общества было сдѣлано комитетомъ, который ранѣе того занимался изслѣдованіемъ причинъ развитія пауперизма въ этомъ городѣ. Это общество учредило весьма удобно обставленныя народныя читальни, въ буфетахъ которыхъ не допускается продажа спиртныхъ напитковъ, а отпускается только чай, кофе, шоколадъ молоко и т. п. На международномъ антиалкогольномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ (1907) хотя а слышались нападки на систему, но не принципіальныя, а по вопросамъ практическаго осуществленія ея въ Швеціи.

Болѣе радикальнымъ частнымъ средствомъ борьбы съ алкоголизмомъ служитъ полное запрещеніе торговли алкогольнымъ ядомъ для отравленій. Нельзя не признать, что эта система наиболѣе правильная и разумная. Если алкоголь есть ядъ, которымъ систематически отравляется множество лицъ и тѣмъ отравляетъ здоровье нисходящихъ поколѣній и подтачиваетъ силы націи, то запрещеніе такого ужаснаго яда представляется безусловно необходимымъ. Соображенія о возможныхъ обходахъ запретительнаго закона не могутъ служить серьезнымъ возраженіемъ. Такіе обходы имѣютъ мѣсто и по отношенію къ другимъ запретительнымъ законамъ, что еще не заставляетъ отказываться отъ нихъ.

Конечно, нельзя ограничиваться одними только запрещеніями. Необходимы и болѣе радикальныя мѣры борьбы съ самыми причинами пьянства, о которыхъ уже говорилось.

Система полнаго запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ практикуется въ деревенскихъ мѣстностяхъ Норвегіи, а въ тѣхъ городахъ этой страны, которые не желаютъ вводить систему полнаго запрещенія, примѣняется „готеборгская система“, причемъ общество, производящее продажу, получаетъ изъ прибылей 5%, а вся остальная прибыль распредѣляется между государствомъ, городомъ и благотворительными учрежденіями. Эта система даетъ хорошіе результаты въ отношеніи уменьшенія алкогольныхъ отравленій.

Система полнаго запрещенія практикуется также въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки. Въ другихъ штатахъ примѣняется система, называемая „local option“ (т. е. система мѣстнаго выбора или рѣшенія), и притомъ въ двухъ видахъ.

Въ однихъ штатахъ (Іова, Огайо) существуетъ, въ общемъ, та же запретительная система, отдѣльныя же общины, по рѣшенію большинства голосовъ, могутъ допускать продажу алкоголя, но такія общины платятъ штрафъ.

Въ другихъ штатахъ, напротивъ, запретительная система устанавливается только по рѣшенію большинства. Опытъ показываетъ, что дѣйствительность этой системы въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ участія въ выборахъ женщинъ, которыя создаютъ много добраго своимъ морализующимъ вліяніемъ. Невольно припоминается мысль св. Іеронима, что обновленіе міра должно произойти черезъ женщину, а обновленіе самой женщины — при посредствѣ воспитанія и образованія.

О вліяніи запретительной системы въ практикующихъ ее штатахъ Америки встрѣчаются различные отзывы. Утверждаютъ, что аптеки, въ которыхъ допускается продажа алкоголя (въ штатахъ, принявшихъ запретительную систему), сами превратились въ какіе-то кабаки. Но во всѣхъ такихъ увѣреніяхъ значительную роль, повидимому, играетъ заинтересованность. По крайней мѣрѣ, на стокгольмскомъ антиалкогольномъ конгрессѣ лично посѣтившій Америку, съ цѣлью ознакомленія, представитель Финляндіи, которая принимаетъ запретительную систему, утверждалъ, что тамъ дѣло обстоитъ не такъ.

Благодаря энергіи вотирующихъ женщинъ, запретительная система примѣняется и въ Новой Зеландіи, гдѣ женщинамъ удалось получить большинство трехъ пятыхъ голосовъ взрослыхъ обоего пола, которое необходимо по закону о „local option“ для запрещенія торговли спиртными напитками. Свѣдѣнія о вліяніи примѣненія этой мѣры вполнѣ благопріятны какъ по отношенію къ молодежи, такъ и людямъ пожилымъ и къ семейной жизни.

Къ величайшему сожалѣнію, современныя государства сравнительно еще очень мало дѣлаютъ, а нѣкоторыя почти и ничего не дѣлаютъ для примѣненія надежнѣйшаго средства борьбы съ алкоголизмомъ — улучшенія благосостоянія недостаточныхъ трудящихся классовъ населенія, и безпечно продолжаютъ собирать въ государственныя кассы крупныя суммы дохода отъ отравленія народныхъ массъ. У насъ, напримѣръ, получается около $^1/_3$ нашего бюджета изъ этого источника; для полученія этого дохода въ народѣ распространяется громадное количество отравы въ видѣ сорокаградусной водки, почти до сотни милліоновъ ведеръ, не считая Сибири.

Приведу примѣръ, который показываетъ какъ смотрятъ нѣко-

торые государственные люди на отраву. Заимствую его изъ доклада священника Булгаковскаго „О роли православнаго духовенства въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ“.

Разсказъ почтеннаго автора доклада, основанный на оффиціальныхъ документахъ, относится къ концу пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда сначала въ Литвѣ, а потомъ и въ остальной Россіи съ замѣчательною быстротою стали возникать общества трезвости. „Въ однихъ мѣстахъ крестьяне рѣшили не пить вина словесно, въ другихъ составляли письменные приговоры о воздержаніи; въ однихъ деревняхъ давали зароки не употреблять водки при клятвенномъ обѣщаніи съ крестнымъ цѣлованіемъ, а въ другихъ безъ соблюденія подобныхъ обрядовъ. Духовенство, благодаря народному движенію, воспользовалось моментомъ и начало говорить по церквамъ проповѣди, одобряя обѣты прихожанъ“.

Но оздоровленіе народа не совпадало съ интересами нѣкоторыхъ лицъ. Такими лицами были откупщики, у которыхъ отъ народной трезвости страдалъ карманъ. А карманъ, какъ извѣстно, гуманитарными стремленіями пока еще рѣдко заражается и знаетъ только свой процентъ. Не слѣдуетъ забывать, что та ужасающая массовая алкоголизація, свидѣтелями которой мы являемся въ настоящее время, имѣетъ не болѣе вѣка за собой и совпадаетъ съ развитіемъ заинтересованности крупнаго капитала въ производствѣ одуряющихъ напитковъ.

И вотъ „откупщики и вообще люди, заинтересованные въ народномъ пьянствѣ, свирѣпствовали противъ обществъ трезвости и духовенства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они грозили мужикамъ судомъ, мѣстными властями, которыхъ располагали въ свою пользу; въ другихъ—выставляли тѣхъ, кто рѣшался вести трезвую жизнь, бунтовщиками, опасными для государства людьми“.

„Въ апрѣлѣ 1859 года виленскій акцизный откупщикъ ходатайствовалъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы обязать ксендзовъ объявить публично, что данные обѣты относятся только къ пьянству. А въ іюнѣ того же года откупщики жаловались также министру внутреннихъ дѣлъ и на православныхъ священниковъ“. „Послѣ энергичной переписки министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ между собою, на основаніи высшихъ соображеній, результаты получились до невѣроятности поразительные“.

„Было предписано не допускать совершеннаго запрещенія вина, такъ какъ это «противно не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи

которыхъ правительство отдало питейные сборы въ арендное содержаніе»... Братства трезвости, учрежденныя безъ разрѣшенія правительства, были признаны незаконными... Изданную брошюру о „братствѣ трезвости“ предписано было отобрать изъ типографіи... Были отобраны книги, въ которыя записывались вступившіе въ „братство трезвости“, чтобы показать народу, что братство противозаконное учрежденіе... Было предписано объявить публично въ костелѣ народу, что данные имъ обѣты и присяга относятся единственно къ воздержанію отъ излишняго употребленія напитковъ, а не къ умѣренному употребленію хлѣбнаго вина, «которое не только не вредно, но даже необходимо»... Велѣно было «приговоры городскихъ или сельскихъ обществъ о воспрещеніи употребленія вина уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ для сей цѣли нигдѣ не допускать» и «не преслѣдовать тѣхъ, которые употребляютъ вино умѣренно, и нерѣдко даже нуждаются въ томъ для поддержанія силы и здоровья», и «не постановлять обязательныхъ по сему предмету приговоровъ, какъ совершенно противныхъ закону»“.

Въ слѣдующемъ же (1860) году министръ финансовъ сообщилъ оберъ-прокурору святѣйшаго Синода, что „если подобныя дѣйствія духовенства не будутъ воспрещены, то содержатели откуповъ объявятъ себя несостоятельными, и тогда важнѣйшая статья государственныхъ доходовъ понесетъ величайшій ущербъ, и можетъ остановиться производство важнѣйшихъ государственныхъ расходовъ“.

„Сѣяли вѣтеръ“, на посѣвъ котораго наука и печать часто обращали вниманіе, чтобы теперь, когда алкоголизмъ и соединенное съ нимъ наслѣдственное вырожденіе широко развились, „пожать бурю“. И такъ всегда будетъ до тѣхъ поръ, пока общество не станетъ руководствоваться въ устроеніи общественной жизни указаніями науки, основанной на научномъ опытѣ и наблюденіи, а не произвольными соображеніями такъ называемаго „здраваго смысла государственныхъ людей“.

Теперешнія въ ужасающемъ множествѣ совершаемыя казни, противорѣчащія самому существу общества и стоящія въ связи съ увеличеніемъ кровавой преступности, — не представляютъ ли онѣ собою въ значительной мѣрѣ продуктъ предшествующей дѣятельности государства въ направленіи отравленія народа алкоголемъ ради доходовъ?.. Таковы уже обычныя неразрывныя связи причинъ и слѣдствій въ общественныхъ явленіяхъ...

9.

Я говорилъ о дурной наслѣдственности и алкоголизмѣ, какъ факторахъ преступности. О многихъ другихъ факторахъ говорить не стану. Остановлюсь только на двухъ изъ этихъ факторовъ.

Первый изъ нихъ—это одиночество и безпомощность множества человѣческихъ личностей въ наше время. Прежніе родовые и классовые союзы, въ которыхъ принадлежавшій къ нимъ человѣкъ находилъ себѣ поддержку и опору какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, разложились, почти не замѣняясь другими, болѣе соотвѣтствующими условіямъ современной жизни. Только въ послѣднее время начинаютъ развиваться различныя союзныя организаціи, но онѣ еще сравнительно недостаточны и мало проникаютъ въ жизнь.

Поэтому отдѣльная личность остается одинокой и безпомощной фактически; такой же она представляется для себя и въ собственномъ сознаніи. Особенно это наблюдается въ громадныхъ городскихъ центрахъ, гдѣ отдѣльныя личности часто живутъ буквально бокъ-о бокъ другъ съ другомъ и въ то же время совершенно не знаютъ другъ друга и рѣшительно не имѣютъ ни малѣйшей связи другъ съ другомъ, никакого сознанія общности ихъ интересовъ.

На жизненномъ положеніи личностей, отъ природы сильныхъ по сравненію съ окружающими, это одиночество не отражается пагубно. Оно даже даетъ имъ возможность болѣе свободно, безцеремонно и исчерпывающимъ образомъ эксплоатировать этихъ окружающихъ, не встрѣчая нравственнаго осужденія и противодѣйствія въ какихъ-либо союзахъ, къ которымъ они и не принадлежатъ.

Иное надо сказать по отношенію къ личностямъ менѣе сильнымъ и особенно по отношенію къ личностямъ слабымъ, которыхъ въ наше время, время существованія „лишнихъ людей“, такъ много въ культурныхъ обществахъ. Ихъ оно ведетъ внизъ со ступеньки на ступеньку, вплоть до нищенства, бродяжества и преступленія включительно. Каждое утро просыпаются эти несчастные, не зная какъ и чѣмъ они просуществуютъ до вечера, потому что въ обществѣ примѣняются народныя изреченія: „всякъ самъ за себя, а Богъ за всѣхъ“ и „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“.

На этотъ факторъ уже обратили вниманіе нѣкоторые писатели, и онъ поставленъ во главу угла въ недавно напечатанной довольно

интересной по собранному матеріалу работѣ пр.-доц. С. К. Гогеля, озаглавленной „Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью“.

Другой могущественный факторъ развитія современной преступности, въ томъ числѣ и чрезвычайно скороспѣлой,—это сложная и своеобразная жизнь большихъ городскихъ торгово-промышленныхъ центровъ, постепенно все болѣе и болѣе развивающихся.

Въ нихъ, по самой сущности современнаго экономическаго строя, руководимаго исключительно узко-личными выгодами отдѣльныхъ лицъ, почти на каждомъ шагу намѣренно раскинуты во множествѣ различные соблазны и приманки. Они приспособлены къ возбужденію аппетитовъ и разжиганію чувственности и разсчитаны главнымъ образомъ на людей несдержанныхъ и увлекающихся, на людей мало или и вовсе безвольныхъ, которые, благодаря имъ, гибнутъ во множествѣ, образуя собою несчастные отбросы общества.

Между тѣмъ, притягательная сила большого города все растетъ и онъ повсюду привлекаетъ къ себѣ, благодаря условіямъ современной жизни, все большее число населенія деревень, мѣстечекъ и даже маленькихъ городковъ. Неудивительно, что вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и преступность, потому что именно здѣсь, въ этой громадной толпѣ сходящихся съ разныхъ сторонъ разныхъ искателей удовольствій и наслажденій, искателей легкой наживы и такихъ же промысловъ, съ одной стороны, и голодныхъ искателей труда и какихъ-либо заработковъ, съ другой стороны, одиночество и безпомощность отдѣльной личности часто достигаютъ своихъ крайнихъ предѣловъ, а характеръ и нравственность этой личности легко ухудшаются, и она такъ же легко идетъ на убыль и паденіе.

Этимъ я и закончу вопросъ о факторахъ преступности.

VII.

МѢРЫ БОРЬБЫ СЪ ПРЕСТУПНОСТЬЮ.

1.

Начну съ вопроса о вмѣненіи и вмѣняемости.

Вмѣнить въ вину дѣяніе, это значитъ поставить это дѣяніе на счетъ человѣку, какъ его произв дящей причинѣ, какъ фактору, и признать этого человѣка отвѣтственнымъ за его дѣяніе. Это и есть актъ вмѣненія.

Но всякое ли дѣяніе можетъ быть вмѣнено въ вину человѣку, его совершившему? На это уголовные кодексы отвѣчаютъ отрицательно. Они знаютъ особыя исключительныя состоянія, когда вмѣненіе и признаніе человѣка отвѣтственнымъ за совершонное имъ дѣяніе невозможно. Это и суть исключительныя состоянія невмѣняемости, существующія на-ряду съ признаваемымъ уже не какъ исключеніе, а какъ общее правило состояніемъ вмѣняемости, когда вмѣненіе и признаніе отвѣтственнымъ за совершонное представляется возможнымъ.

Состояніе невмѣняемости, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безотвѣтственности передъ уголовнымъ судомъ, устанавливаемое кодексами, связывается ими съ періодами ранняго дѣтства, съ состояніями утраты сознанія и болѣзненныхъ разстройствъ душевной дѣятельности и нѣкоторыми другими.

Каковы же основныя данныя для признанія наличности состоянія невмѣняемости во всѣхъ подобныхъ случаяхъ?

На VI Международномъ Уголовно-Антропологическомъ Конгрессѣ давнишній и опытный членъ итальянской прокуратуры и магистратуры, баронъ Гарофало, касаясь въ своемъ докладѣ тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало бы принимать, по его мнѣнію, по отношенію къ нѣкоторымъ категоріямъ преступниковъ, признаваемыхъ невмѣняемыми и потому уголовно-безотвѣтственными, указалъ на постепенное раширеніе круга такихъ лицъ. Прежде къ числу ихъ относились только преступники, если позволительно такъ выразиться, явно душевно-больные. Въ настоящее же время состояніе невмѣняемости начинаютъ связывать съ аномаліями нравственными, съ нервными разстройствами, которыя вліяютъ болѣе на темпераментъ и характеръ, нежели на умственную сторону. Идутъ и далѣе и связываютъ нерѣдко состояніе невмѣняемости съ состояніями страсти, съ вліяніемъ негипнотическаго внушенія на слабыя личности, съ вліяніемъ принудительныхъ идей, хотя бы подчиняющіеся этому вліянію не проявляли никакихъ признаковъ бреда. Связываютъ это состояніе даже съ недостаткомъ нравственнаго чувства у нѣкоторыхъ преступниковъ, несмотря на то, что единственнымъ руководящимъ правиломъ поведеній такихъ личностей являются исключительно ихъ эгоистическіе интересы, при полномъ отсутствіи всякаго отвращенія къ жестокости и несправедливости.

Допуская, что всѣ такія лица нравственно-невмѣняемы, Гарофало въ то же время указываетъ на ихъ опасность для общества и отно-

ситъ признаніе ихъ безотвѣтственными на долю того, что авторы нашихъ уголовныхъ кодексовъ, обыкновенно представители классической школы, основываютъ отвѣтственность на свободѣ воли и вытекающей изъ нея возможности свободы выбора, чѣмъ и вызывается безусловная раздѣльность мѣръ репрессіи, устанавливаемыхъ уголовнымъ кодексомъ, и мѣръ для огражденія общества отъ лицъ, совершившихъ преступленіе и объявленныхъ невмѣняемыми.

Надо сказать, что постепенное расширеніе круга лицъ, признаваемыхъ безотвѣтственными, о которыхъ говоритъ Гарофало, имѣетъ свой историческій глубоко проторенный и потому устойчиво-привычный путь.

Было время, какъ вы знаете, когда наказаніе, какъ актъ мести, поражало не только животныхъ, но иногда и неодушевленные предметы. Съ теченіемъ времени изъ области карательной дѣятельности исчезли неодушевленные предметы и животныя. Были изъяты также душевно-больные, болѣзнь которыхъ проявлялась въ рѣзкихъ, бросающихся въ глаза формахъ.

Скоро, однако, наука подвинулась далѣе, тщательно изучая тонкія формы болѣзненнаго процесса вырожденія породы. Формы эти вызвали и продолжаютъ вызывать горячіе споры между врачами, внимательно и повседневно наблюдающими представителей такихъ формъ, и юристами, кратковременно сталкивающимися съ ними въ судахъ, по поводу совершонныхъ лицами, одержимыми этими формами вырожденія, преступленій. Какъ ни велико сопротивленіе, а краснорѣчивая рѣчь фактовъ заставляетъ отступать и признавать, подобно Гарофало, значительное число такихъ лицъ уголовно-невмѣняемыми.

Гарофало вполнѣ правъ, утверждая, что вся запутанность въ вопросѣ о вмѣненіи и вмѣняемости происходитъ отъ того, что авторы нашихъ кодексовъ, по вѣковой традиціи, основываютъ отвѣтственность на понятіи о свободѣ воли и вытекающемъ изъ него понятіи о возможности свободы выбора.

Иначе какъ объяснить то, что уголовный законъ обращается къ возможнымъ будущимъ совершителямъ запрещенныхъ дѣяній, „дабы имъ не повадно было“, съ угрозою примѣненія напередъ опредѣленныхъ наказаній, притомъ же увеличивающихся въ ихъ тяжести, по мѣрѣ увеличенія признаваемой закономъ тяжести совершаемыхъ преступныхъ дѣяній? Какъ объяснить также, что, устанавливая напередъ опредѣленную наказуемость, какъ общее правило, законъ устраняетъ ее, по исключенію, для случаевъ душевнаго недоразвитія, большей ненормальности и уклоненій?

Очевидно, что въ первомъ случаѣ законъ предполагаетъ возможности свободнаго обсужденія угрозы, свободнаго выбора того или другого образа дѣйствій, свободы волевого акта для осуществленія выбраннаго, а во второмъ случаѣ, признавая наличность болѣе или менѣе продолжительнаго душевнаго разстройства, онъ эти предположенія устраняетъ.

Насколько, однако, правильна такая постановка вопроса о примѣненіи мѣръ огражденія общества отъ запрещаемыхъ уголовнымъ закономъ дѣйствій и насколько правильно базированіе этого вопроса на такой основѣ, какъ свобода воли и возможность свободы выбора? Припомните уже приводившіеся мною случаи и въ томъ числѣ хотя бы случай той запойной пьяницы, у которой, когда ей хотѣлось выпить, въ сознаніи не было и не появлялось никакой другой мысли, какъ только мысль о „стаканчикѣ“.

Я уже касался вопроса о свободѣ воли, говоря о работѣ Проспера Депинъ. Теперь я разсмотрю этотъ вопросъ болѣе подробно, въ виду его важности для вопроса объ основаніяхъ отвѣтственности человѣка за его законопреступныя дѣйствія, но предварительно остановлю ваше вниманіе на основахъ механизма нашей душевной жизни.

2.

Уже самое поверхностное наблюденіе показываетъ намъ значительныя различія въ типахъ людей, въ самыхъ о с т о в а х ъ ихъ психической личности, если можно такъ выразиться, различія, обнаруживающіяся во всемъ характерѣ ихъ проявленій во внѣ, въ характерѣ ихъ отношеній ко всему ихъ окружающему. Мало того: то же поверхностное наблюденіе свидѣтельствуетъ намъ о существованіи значительныхъ колебаній въ характерѣ проявленій и отношеній однѣхъ и тѣхъ же личностей въ разное время ихъ существованія.

У однихъ ихъ проявленія и отношенія окрашиваются симпатіей и любовью къ людямъ, у другихъ--холодностью, жесткостью или даже злобностью, у третьихъ—неудержимою отвагою, необычайною ясностью, добротою, готовностью къ жертвамъ безъ заботы о самихъ себѣ и т. д., и т. д. Въ чемъ же кроется источникъ этихъ, въ общественномъ отношеніи чрезвычайно рѣзкихъ, различій во всемъ обликѣ человѣческихъ личностей? Въ поискахъ отвѣта обратимся къ свидѣтельствамъ наблюденій и опыта.

При первомъ появленіи ребенка на свѣтъ у него наблюдаются только явленія рефлексовъ. Органы внѣшнихъ чувствъ существуютъ, но они не функціонируютъ еще: ребенокъ не видитъ, не слышитъ

и т. д. Онъ въ это время, по выраженію покойнаго Вирхова, еще только спинное, а не спинно-головное существо, въ которое онъ постепенно разовьется. Онъ кричитъ, дѣлаетъ безпорядочныя движенія, производитъ движенія сосанія, но все это инстинктивно, рефлекторно. Онъ еще не испытываетъ ни наслажденія, ни страданія. Докторъ Лаллеманъ приводитъ примѣръ новорожденнаго, который кричалъ, какъ бы выражая непріятность и страданія, но который, по уродству, совсѣмъ не имѣлъ головного мозга, т. е. того органа, благодаря жизнедѣятельности котораго могутъ испытываться пріятность, непріятность, страданіе и прочія чувствованія. Однако, уже съ самыхъ первыхъ моментовъ своей обособленной жизни ребенокъ начинаетъ подвергаться разнообразнымъ воздѣйствіямъ, которыя постепенно прокладываютъ себѣ пути къ центральному органу будущей душевной жизни.

Съ тѣмъ вмѣстѣ начинается и важный процессъ закладки будущей психической личности появившагося на свѣтъ существа, въ смыслѣ личности сознающей, чувствующей себя. По двумъ совокупностямъ путей начинаетъ происходить безпрерывная доставка матеріала для ея образованія.

Къ органическому центру жизни этой личности, мозгу, идутъ ощущенія отъ различныхъ органовъ тѣла, въ ихъ различныхъ состояніяхъ, ощущенія, вызывающія иногда, смотря по силѣ раздраженія, состоянія волненія. Это внутреннія чувствованія.

По другой совокупности путей, чрезъ посредство органовъ внѣшнихъ чувствъ, къ тому же центру начинаютъ идти первичныя впечатлѣнія; это внѣшнія чувствованія, вызываемыя воздѣйствіями внѣшней окружающей среды съ ея разнообразіемъ.

Впечатлѣнія раннихъ періодовъ жизни глубоко врѣзываются и впослѣдствіи являются важною величиною, опредѣляющею (иногда даже незамѣтно для самого дѣятеля) многое въ его послѣдующей жизни.

На-ряду съ этимъ, въ тотъ же начальный періодъ возникаетъ имѣющій чрезвычайно важное значеніе процессъ сочетанія или ассоціаціи единовременно воспринимаемыхъ и потому сосуществующихъ, съ одной стороны, впечатлѣній и внѣшнихъ чувствованій (которыя, какъ и все въ жизни, оставляя свои слѣды, образуютъ то, что мы называемъ представленіями), а съ другой — ощущеній или внутреннихъ чувствованій и вызываемыхъ ими состояній различныхъ волненій или эмоцій. Такимъ образомъ, уже въ это первое время начинаетъ совершаться размѣщеніе въ различныя комбинаціи строительнаго матеріала, доставляемаго по двумъ совокупностямъ путей для образованія психической личности.

Говорятъ, что въ каждомъ дѣлѣ первые шаги имѣютъ важное, а иногда и рѣшающее значеніе. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что начальные шаги имѣютъ такое же важное и рѣшающее значеніе и въ процессѣ формированія психической личности. Какъ всегда и вездѣ, такъ и здѣсь разъ образовавшіяся сочетанія или ассоціаціи болѣе или менѣе вліяютъ на ходъ образованія послѣдующихъ, препятствуя однимъ и благопріятствуя другимъ. Между тѣмъ, нетрудно понять, зная все предшествующее, насколько, въ общемъ, неблагопріятны ощущенія и впечатлѣнія и образующіяся изъ нихъ ассоціаціи у дѣтей въ той общественной средѣ, изъ которой выходитъ громаднѣйшее большинство заброшенныхъ безпризорныхъ дѣтей — этихъ сильныхъ кандидатовъ на нищенство, бродяжество, хулиганство, проституцію и преступность.

Изъ сказаннаго ясно видно, что основнымъ элементомъ нарождающейся психической жизни являются чувствованія, внутреннія или внѣшнія. Посмотримъ теперь, что́ представляютъ собою эти элементы.

3.

Простое, несложное чувствованіе, являющееся основнымъ элементомъ психической жизни, представляетъ собою одну изъ основныхъ функцій нервной системы. Далѣе этого факта душевной жизни не можетъ заходить научно-психологическій анализъ. Считаю нужнымъ замѣтить, что я имѣю въ виду чувствованія, которыя лежатъ за порогомъ, т. е. уже въ психической сферѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ниже „порога“ находятся чисто-автоматическія реакціи на раздраженія.

Чувствованіями, такъ понимаемыми, начинается психическая жизнь, а съ ихъ прекращеніемъ и она прекращается. Справедливо замѣчаетъ Кабанисъ, что безъ чувствованій мы не могли бы испытывать нашего собственнаго существованія и не существовали бы, какъ психическія существа. Поэтому Бріерръ-де-Буамонъ имѣлъ полное основаніе утверждать, что, признавая знаменитую декартовскую формулу достовѣрности: „Cogito, ergo sum“ („мыслю, значитъ существую“), мы въ то же время должны признать, что и формула: „чувствую, значитъ существую“ представляется не менѣе достовѣрной, хотя обѣ эти формулы, собственно говоря, сводятся къ одной, а именно къ послѣдней. „Чувствовать и реагировать“ замѣчаетъ Бріерръ де-Буамонъ, „вотъ два великіе рычага жизни“.

Что же такое представляетъ собою чувствованіе, какъ таковое? Непоколебимый фактъ нашей психической жизни, непреложно утверждаемый нашимъ личнымъ и общечеловѣческимъ опытомъ. Таковъ единственно возможный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Мы можемъ изучать условія зарожденія и прекращенія чувствованій, ихъ измѣненій, колебаній и проч., но не болѣе того. За этимъ предѣломъ начинается уже область гаданій и вѣрованій. Одно, что мы можемъ утверждать, основываясь на опытѣ, это то, что „духовное“ проявляется при помощи „матеріальнаго“ и что „физическое“ и „нравственное“ для науки смѣшиваются въ своемъ источникѣ.

Субъективно чувствованіе хорошо извѣстно каждому изъ насъ по внутреннему опыту. Объективно же мы можемъ дать только краткое описаніе матеріальнаго процесса чувствованія, насколько онъ доступенъ для нашего наблюденія. Съ этой стороны чувствованія представляются состояніемъ возбужденія, вызваннаго раздраженіемъ концевыхъ нервныхъ аппаратовъ, возбужденія, распространяющагося по приводящимъ или чувствующимъ нервнымъ волокнамъ до нервныхъ центровъ, состоянія дѣятельности которыхъ нераздѣльно связаны съ ходомъ психическихъ явленій. И этого чисто-описательнаго объясненія достаточно для научныхъ цѣлей.

Чувствованіями, какъ я уже сказалъ, начинается психическая жизнь ребенка послѣ появленія его на свѣтъ. Здѣсь я не стану описывать первыхъ проблесковъ и дальнѣйшаго развитія этой жизни. Перейду непосредственно къ описанію механизма жизни уже развитой.

Въ каждомъ органѣ нашего тѣла повсюду развѣтвляются нервныя волокна. Всѣ измѣненія, полезныя и вредныя для организма, происходящія подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздражителей, какъ на поверхности, такъ и въ толщѣ органовъ, дѣйствуютъ возбуждающе на окончанія нервныхъ волоконъ, развѣтвляющихся во всѣхъ органахъ. Вслѣдствіе этого извѣстія о происходящихъ измѣненіяхъ распространяются далѣе по приводящимъ или чувствующимъ нервнымъ волокнамъ и достигаютъ центральныхъ нервныхъ массъ, до спинно-головного мозга.

Послѣдній (въ развитомъ уже состояніи) представляетъ собою чрезвычайно сложный центральный органъ управленія или, правильнѣе, соединеніе взаимно-связанныхъ органовъ, какъ бы ихъ федерацію. Въ немъ мы имѣемъ передъ собой, въ сущности, не одну нервную систему, а какъ бы систему нервныхъ системъ, завѣдывающихъ различными отдѣлами организма. Эта система, благодаря существующимъ въ ней соединеніямъ, образуетъ сложное единство, причемъ слагающія

ее части не утрачиваютъ и нѣкоторой самостоятельности. Въ сложной жизни чувствованій, отъ различныхъ органовъ идущихъ, эта система, съ одной стороны, объединяетъ всѣ органы тѣла въ одно сложное цѣлое и обусловливаетъ ихъ тѣсное соотношеніе и взаимодѣйствіе, а съ другой—охраняетъ въ той же жизни чувствованій выгодную индивидуализацію каждаго изъ этихъ органовъ и даже частей его.

Извѣстія о всѣхъ измѣненіяхъ и событіяхъ, происходящихъ во всѣхъ уголкахъ нашего тѣла, во всѣхъ его органахъ и ихъ тканяхъ, будучи доставлены въ центръ по нервнымъ волокнамъ, сообщаются тамъ исключительно языкомъ (если можно такъ выразиться) болѣе или менѣе ясныхъ и яркихъ чувствованій. Этотъ языкъ, какъ засвидѣтельствуетъ вамъ вашъ внутренній опытъ, и представляетъ собою исключительный языкъ нашего сознанія.

Если происходящія тутъ и тамъ измѣненія и событія благопріятны и полезны для организма, то и приходящія въ центръ извѣстія о нихъ, въ свою очередь, пріятны по своей чувственной окраскѣ. Напротивъ, если происходящія измѣненія и событія неблагопріятны и вредны, то и приходящія извѣстія по своей чувственной окраскѣ непріятны, болѣе или менѣе болѣзненны или даже мучительны.

Примѣръ получаемыхъ отъ всего организма чувствованій перваго рода можетъ намъ представить вполнѣ здоровый, полный силъ молодой человѣкъ, находящійся, особенно послѣ хорошаго укрѣпляющаго сна, въ спокойно-пріятномъ настроеніи. Онъ чувствуетъ себя бодрымъ, свѣжимъ и сильнымъ. Ему легко, свободно дышится. Для него, безъ всякихъ особыхъ внѣшнихъ къ тому причинъ, пріятно самое существованіе, какъ таковое. Онъ испытываетъ радость бытія, и жизнь представляется ему въ яркихъ, блестящихъ краскахъ.

Примѣромъ чувствованій второго рода могутъ служить хотя бы органическія состоянія общей повышенно-раздражительной чувствительности, наблюдаемыя у очень нервныхъ людей, отличающихся, какъ извѣстно, пониженнымъ питаніемъ организма. Состоянія эти, въ своихъ слабыхъ степеняхъ, представляются состояніями какой-то непріятной разслабленности, общаго неяснаго какъ бы недомоганія, тяжести, а въ степеняхъ высшихъ они приближаются къ состояніямъ испытываемыхъ невралгій и, наконецъ, ясно переходятъ въ послѣднія. Докторъ Сандра (Sandras) описываетъ, напримѣръ, наблюдавшійся имъ случай разстройствъ чувствительности, въ которомъ всѣ чувствующіе нервы у одной дамы стали настолько чрезмѣрно возбудимы, что малѣйшій шумъ, слабѣйшій запахъ сдѣлались для нея невыносимы; то же имѣло мѣсто и въ сферѣ другихъ органовъ внѣшнихъ

чувствъ и сопровождало всѣ физіологическіе процессы существованія, которые стали источниками болѣзненныхъ чувствованій и даже страданій.

Приблизительно въ подобныхъ предѣлахъ и колеблется чувствительность различныхъ частей нашего организма, въ зависимости отъ различій во временныхъ органическихъ состояніяхъ этихъ частей. Она представляетъ постоянные (болѣе или менѣе рѣзкіе) переходы въ направленіи отъ одного предѣла къ другому. Она, такимъ образомъ, измѣняется какъ по отдѣльнымъ личностямъ, такъ и по временнымъ измѣняющимся состояніямъ организма одной и той же личности. Поэтому психическая личность каждаго изъ насъ, вслѣдствіе такихъ колебаній въ чувствительности, не представляетъ собою всегда самой себѣ равную величину; напротивъ, эта личность есть величина постоянно (болѣе или менѣе рѣзко) колеблющаяся въ зависимости отъ конституціональныхъ различій и различій во временныхъ состояніяхъ отдѣльныхъ индивидовъ.

4.

Языкъ чувствованій, этихъ чисто-субъективныхъ элементовъ, неодинаковъ, какъ не одинаковы и органы, отъ которыхъ, при посредствѣ этого языка, передаются въ центръ управленія извѣстія о происходящихъ въ органахъ перемѣнахъ. Каждый отдѣлъ или система органовъ, играющій свою особую роль въ сложной жизни организма, а вѣроятно, и каждый органъ, имѣютъ какъ бы свой особый чувственный алфавитъ. При посредствѣ этихъ различныхъ чувственныхъ алфавитовъ и передаются въ центръ и проникаютъ въ сознаніе извѣстія о различныхъ органахъ нашего тѣла и тѣхъ временныхъ состояніяхъ, въ которыхъ всѣ они и каждый изъ нихъ въ каждое данное время находятся.

Даже болѣе или менѣе непріятно-болевыя чувствованія, вызываемыя чрезмѣрно сильными для даннаго времени раздраженіями, т. е. чувствованія, заявляющія о большемъ или меньшемъ неблагополучіи той или другой части организма, рѣзко различаются по различнымъ органамъ въ своихъ субъективныхъ свойствахъ.

Всякому, конечно, хорошо извѣстно, какое субъективно-своеобразное различіе представляютъ, напримѣръ, непріятно-болевыя чувствованія отъ глазъ, вызываемыя дѣйствіемъ на нихъ чрезмѣрно-сильнаго свѣта, и чувствованія, вызываемыя дѣйствіемъ чрезмѣрно-силь-

ныхъ звуковъ на ухо. Всякому, конечно, также хорошо извѣстны различія въ чувствованіяхъ, испытываемыхъ при различныхъ душевныхъ волненіяхъ: сильномъ страхѣ, печали, гнѣвѣ и проч., вслѣдствіе субъективно-своеобразныхъ различій чувствованій, идущихъ при этомъ отъ различныхъ внутреннихъ органовъ, дѣятельность которыхъ въ различной мѣрѣ затрагивается и нарушается во время испытыванія названныхъ мною различныхъ эмоцій.

Вслѣдствіе различій въ субъективной окраскѣ, если можно такъ выразиться, чувственныхъ алфавитовъ, различны и разнозначны голоса, а слѣдовательно, и самая рѣчь различныхъ органовъ и системъ ихъ въ сознаніи. Чувствованія, идущія, напримѣръ, отъ системы мускуловъ или мускульныя чувствованія субъективно окрашены иначе и потому говорятъ какъ бы другимъ языкомъ сравнительно съ чувствованіями, идущими отъ пищеварительной системы, отъ системы дыхательной или отъ системы родовой и т. д.

Каждая изъ нихъ, чрезъ посредство идущихъ отъ нея чувствованій, вноситъ свою, большую или меньшую, и притомъ по различнымъ временамъ не равную, долю участія въ сложную психическую жизнь нашей личности, подобно тому, какъ физическая дѣятельность каждой изъ этихъ системъ вноситъ свою, большую или меньшую, и притомъ по различнымъ временамъ неравную, долю участія въ сложную физическую жизнь нашего сложнаго цѣлаго, нашего организма.

5.

Извѣстія или чувствованія отъ различныхъ системъ органовъ, единовременно достигающія органа сознанія, здѣсь сталкиваются, до извѣстной степени даже смѣшиваются, какъ сошедшіеся въ толпу единичные люди, и образуютъ изъ себя одно сложное цѣлое, одинъ сложный чувственный тонъ, подобный сложному звуку оркестра, одно сложное чувство собственнаго существованія, или самочувствіе.

Иногда нѣкоторые слагающіе тоны, идущіе отъ тѣхъ или иныхъ частей тѣла, вслѣдствіе своей большей напряженности болѣе или менѣе ясно выдѣляются изъ общаго сложнаго тона. Тогда они, какъ и въ сложномъ звукѣ оркестра, болѣе или менѣе опредѣленно локализуются.

Приведу относящійся сюда интересный случай.

Одинъ весьма нервный господинъ по-временамъ испытывалъ

какъ бы „дробленіе своей личности“. Въ такіе моменты обычная сложная цѣлостность личности его какъ бы распадалась, и онъ довольно ясно ощущалъ раздѣльными всѣ органы тѣла, чувствованія отъ которыхъ, сливаясь, обычно образуютъ одно сложное чувство собственнаго существованія, чувство собственной личности въ данное время. Въ такіе моменты его „я“, какъ цѣлое, казалось, отступало куда-то на задній планъ, и всѣ органы становились какъ бы самостоятельными и съ трудомъ подчинялись велѣніямъ, исходящимъ изъ центра. Проходилъ этотъ моментъ, раздѣльность чувствованій исчезала, полное единство личности и свобода управленія возстановлялись.

Отдѣльные органы и системы ихъ у различныхъ людей, какъ вы знаете уже, развиты неодинаково и неодинаково дѣятельны, что зависитъ отъ различій въ повседневномъ образѣ жизни и въ болѣе обычныхъ упражненіяхъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, чувствованіе собственнаго существованія или самочувствіе и его слагающія чувствованія у различныхъ лицъ, а также и въ различные періоды и моменты существованія одного и того же лица весьма различны въ своей субъективной окраскѣ, въ своей яркости и черезъ то—въ своемъ субъективномъ значеніи для всѣхъ проявленій душевной жизни. Первое различіе—различіе по личностямъ — зависитъ отъ конституціональныхъ различій по индивидуальностямъ. Второе различіе зависитъ отъ смѣны и колебаній во временныхъ органическихъ состояніяхъ, въ предѣлахъ отъ очень напряженной яркой чувствительности до полнаго исчезновенія послѣдней. Уподобляющее сравненіе съ оркестромъ можетъ наглядно пояснить сказанное. Различный, по видамъ образующихъ инструментовъ, постоянный составъ различныхъ оркестровъ даетъ намъ примѣрное уподобленіе различій самочувствія по различнымъ личностямъ. Послѣдовательныя перемежающіяся усиленія, ослабленія и прекращенія игры отдѣльныхъ видовъ инструментовъ каждаго даннаго оркестра въ его постоянномъ составѣ могутъ дать поясняющій примѣръ колебаній самочувствія по различію временныхъ органическихъ состояній у отдѣльнаго лица съ его болѣе постоянною органическою конституціею.

Для иллюстраціи приведу интересный примѣръ, который ясно показываетъ вліяніе въ душевной жизни человѣка колебаній въ степеняхъ яркости чувствованій отъ собственнаго тѣла или внутреннихъ чувствованій.

Объектомъ наблюденія въ данномъ случаѣ служила нѣкая Маргарита С., 26 лѣтъ, очень легко поддающаяся гипнозу. Наружная по-

верхность тѣла у нея вполнѣ нечувствительна. Чувствительность внутреннихъ органовъ, какъ будетъ видно далѣе, по меньшей мѣрѣ, значительно понижена. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ состояніемъ чувствительности, она, по ея словамъ, какъ бы не живетъ и не существуетъ на землѣ. Она боится всего и не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ реальности окружающихъ вещей. Она живетъ „какъ бы во снѣ“. На вопросъ: спитъ она или бодрствуетъ, С. отвѣчаетъ: „Не знаю; я всегда, какъ онѣмѣлая“.

Послѣ загипнотизированія и полнаго пробужденія подъ вліяніемъ внушенія, С. осматривается кругомъ, какъ бы видитъ все въ первый разъ. „Удивительно какъ все велико“ (обращаю здѣсь ваше вниманіе на это чувствованіе увеличенія), говоритъ она. Ея лицо при этомъ оживляется, обычно мутный и блуждающій взглядъ просвѣтляется, и она начинаетъ смотрѣть прямо. И С. съ вопросами удивленія обращается къ доктору: „Гдѣ я? Съ которыхъ поръ я здѣсь? Какъ это удивительно! Я будто проснулась... Каково, я чувствую біеніе моего сердца, я ощущаю, какъ дышу!..“

При этомъ весь ея внѣшній видъ и всѣ внѣшнія проявленія рѣзко измѣняются. Въ этомъ новомъ состояніи она заявляетъ, что она чувствуетъ себя прекрасно, что желала бы всегда оставаться такой. „Я другая“, говоритъ она, „я испытываю, внутреннее благополучіе, котораго я не могу объяснить; мой мозгъ совершенно прочистился“.

Воспоминанія къ С. постепенно возвращаются, она интересуется окружающимъ, испытываетъ голодъ, однимъ словомъ, вполнѣ какъ бы перерождается. О нѣкоторыхъ своихъ прошлыхъ состояніяхъ она разсказываетъ такъ: „Я не чувствовала больше своей головы. Я не знала, гдѣ я находилась, и не знала, что отвѣчать, когда меня спрашивали. Моя голова была велика и пуста. Я не чувствовала болѣе моего тѣла, я не чувствовала себя. Я хотѣла видѣть, ѣсть и не могла. Я не ощущала того, что было у меня въ рукахъ. Я думала, что у меня глаза изъ стекла. Мнѣ всегда было страшно. У меня не было прежняго характера, и я была въ тягость всѣмъ“.

Интересно, что у С. можно было возстановлять чувствительность раздѣльно и послѣдовательно въ различныхъ органахъ тѣла: въ рукахъ, ногахъ, желудкѣ, дыхательныхъ органахъ и проч.

Приведу еще одинъ чрезвычайно характерный случай, демонстрировавшійся при мнѣ въ парижской клиникѣ покойнаго профессора Балля.

Молодой человѣкъ, страдавшій въ дѣтствѣ конвульсіями, вслѣд-

ствіе какого-то измѣненія въ чувствительности органовъ внѣшнихъ чувствъ утратилъ прежній характеръ воспріятія впечатлѣній изъ внѣшняго міра, которыя, повидимому, поблѣднѣли, ослабѣли въ своей напряженности; окружающіе предметы, сохраняя прежнюю форму и окраску, стали казаться ему странными. Получилось, какъ онъ выражался, „непріятное чувство“.

Почти черезъ 6 лѣтъ послѣ этого къ этому „непріятному чувству“ совершенно неожиданно присоединилось новое измѣненіе въ чувствованіяхъ отъ органовъ собственнаго тѣла: къ субъективному измѣненію внѣшняго міра присоединилась утрата прежней личности, прежняго „я“. Больной (если только его можно назвать этимъ именемъ, потому что онъ былъ вполнѣ логиченъ, исполнялъ свои прежнія обязанности, служилъ въ конторѣ и проч.) сталъ чувствовать себя (что весьма показательно) „уменьшающимся“, „исчезающимъ“ „Отъ меня не осталось ничего болѣе, какъ только пустое тѣло“, грустно-подавленно разсказывалъ онъ, „съ тѣхъ поръ моя личность исчезла совершенно, и, несмотря на все то, что я дѣлаю, чтобы вернуть это исчезнувшее „я“, я не могу достигнуть этого. Все вокругъ меня становится болѣе и болѣе страннымъ, и я теперь не только не знаю, что́ я такое, но я даже не могу отдать себѣ отчета въ томъ, что́ называютъ существованіемъ, дѣйствительностью. Я существую, но внѣ дѣйствительной жизни и противъ моей воли“.

Поблѣднѣли краски воспріятій изъ внѣшняго міра, а также и краски чувствованій отъ собственнаго тѣла, и странный больной, подъ вліяніемъ этого измѣненія въ чувствительности, сталъ сомнѣваться во всемъ: въ существованіи внѣшняго міра и даже въ своемъ собственномъ существованіи. И вотъ, руководствуясь органически зародившимся сомнѣніемъ, онъ началъ, какъ нѣкій сомнѣвающійся философъ, задаваться вопросами бытія. „Развѣ все окружающее меня существуетъ дѣйствительно?“—неудержимо спрашиваетъ онъ самого себя. „Что я такое? Что такое всѣ эти вещи, созданныя какъ я? Зачѣмъ я? Кто я?“ и т. д. И, конечно, на всѣ эти вопросы, навязчиво подсказывавшіеся поблѣднѣніемъ чувствованій, онъ себѣ ничего отвѣтить не могъ. Въ существѣ своемъ всѣ эти вопросы были только заявленіями самочувствія о его тогдашнемъ фактическомъ состояніи крайне пониженной напряженности.

Далѣе онъ пояснялъ: „Я долженъ замѣтить, что когда мнѣ говорятъ, то я отвѣчаю немедленно, и оказывается, что я отвѣчаю вѣрно. Моя работа исполнялась, и безъ ошибокъ, до настоящаго времени. Я ду-

маю, что я могу резюмировать, говоря: личность моя совершенно исчезла, и мнѣ кажется, что я умеръ два года тому назадъ (т. е. тогда, когда произошла перемѣна въ его самочувствіи) и что вещь, которая существуетъ (т. е. теперешній онъ), не напоминаетъ ничего, что имѣло бы отношеніе къ прежнему моему «я»".

Вдумываясь въ это интересное наблюденіе, особенно нужно отмѣтить въ немъ тотъ фактъ, что все напряженіе мысли страннаго больного, вся его логика и разсужденія были совершенно безсильны передъ властнымъ голосомъ его измѣнившихся въ напряженности чувствованій и слагающагося изъ нихъ самочувствія.

Замѣчательно, что въ случаяхъ періодически наступающихъ разнообразныхъ и рѣзкихъ колебаній и измѣненій въ чувствительности, при которыхъ иногда изъ сложнаго тона самочувствія на время выпадаютъ чувствованія отъ той или иной системы органовъ, вся психическая личность временно измѣняется настолько, что самыя воспоминанія начинаютъ дробиться на отрывочные періоды, пріуроченные къ опредѣленнымъ измѣненіямъ въ самочувствіи. Это, напримѣръ, имѣло мѣсто въ случаѣ одного подростка, нѣкоего Луи В. У него наблюдалось шесть главныхъ и нѣсколько второстепенныхъ различныхъ состояній. Изъ нихъ каждое пріурочивалось, по свойственнымъ ему воспоминаніямъ, къ опредѣленному періоду жизни В., такъ что, лишь соединяя вмѣстѣ разрозненные куски, можно было возстановить полную исторію этой болѣзненной личности, причемъ, повторно вызывая опредѣленное состояніе самочувствія, можно было повторно вызвать и связанныя только съ нимъ однимъ воспоминанія.

Послѣ всего сказаннаго едва ли есть нужда пояснять еще, что различныя измѣненія въ чувствительности могутъ быть общими и мѣстными, какъ это ясно видно изъ приведенныхъ случаевъ, между прочимъ, и изъ случая Луи В., въ которомъ, примѣненіемъ электричества, магнита и вліянія различныхъ металловъ, вызывались измѣненія въ мѣстныхъ кровообращеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ мѣстныхъ чувствительностяхъ.

Подобными періодическими измѣненіями въ чувствительностяхъ, происходящими подъ вліяніемъ измѣненій въ органическихъ состояніяхъ, и объясняются извѣстные въ литературѣ во множествѣ случаи періодически наступающихъ измѣненій во всемъ характерѣ личности, измѣненій рѣзкихъ, дѣлающихъ лицо, въ коемъ они совершаются, почти неузнаваемымъ.

Упоминавшійся мною ранѣе докторъ Трела въ своей работѣ

„La folie lucide“ даетъ намъ подобное чрезвычайно интересное описаніе одной въ умственномъ отношеніи богато одаренной и образованной дѣвушки. Со стороны обычнаго настроенія и вызываемой имъ дѣятельности она проявляла удивительную двойственность. Могло казаться, что въ ней какъ будто соединены двѣ различныя личности, поперемѣнно смѣнявшія другъ друга. Этотъ случай особенно интересенъ для насъ, потому что въ немъ мы можемъ ясно видѣть, какъ особенности самочувствія служатъ тѣмъ источникомъ, въ которомъ зарождаются, питаются и развиваются влеченія къ преступленію. Эта чрезвычайно странная особа всегда отличалась одинаково полной ясностью ума и такою же логичностью мышленія. Тѣмъ не менѣе, она періодически измѣнялась почти до неузнаваемости. То она вела крайне развратную и разнузданную жизнь, сопровождающуюся наглыми выходками и до дерзости смѣлыми кражами, навлекавшими на нее частыя осужденія. То, напротивъ, становилась относительно спокойна, скромна и занималась преподаваніемъ или своимъ религіознымъ просвѣщеніемъ; въ такіе періоды она очаровывала своимъ умомъ, манерами, наружной скромностью.

6.

Каждая изъ органическихъ системъ съ ея нервнымъ управленіемъ не всегда функціонируетъ одинаково. Она также не испытываетъ всегда одинаковой степени здоровья и благополучія. Напряженная жизнь и усиленная дѣятельность послѣдовательно развиваются то въ одной, то въ другой части организма и такъ же послѣдовательно болѣе или менѣе замираютъ въ нихъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ сознанія временами достигаютъ преимущественно чувствованія значительной напряженности отъ одной какой-либо усиленно функціонирующей органической системы; въ это время чувствованія эти и доставляютъ наибольшую составную часть для окраски сложнаго чувствованія собственнаго существованія или самочувствія, являются какъ бы героями данной минуты. Въ послѣдующіе моменты чувствованія отъ этой системы, вслѣдствіе ослабленія дѣятельности ея, напротивъ, могутъ, въ свою очередь, значительно ослабляться и почти замирать, замѣняясь чувствованіями отъ другой системы, которыя тогда и выступятъ въ самочувствіи на первый планъ, получатъ въ немъ преобладающую роль.

Иногда тѣ или другія специфическія чувствованія временно настолько напрягаются, что довольно рѣзко выдѣляются изъ хора всѣхъ остальныхъ, подавляютъ ихъ своими голосами, какъ бы заслоняютъ

ихъ, на время заполняютъ самочувствіе, овладѣваютъ имъ и почти всецѣло составляютъ его. Такіе моменты частичныхъ повышенныхъ возбужденій суть моменты исключительные, дающіе начало болѣе или менѣе сильнымъ влеченіямъ и порывамъ.

Однако, какъ ни мѣняется, въ зависимости отъ временныхъ органическихъ состояній, окраска нашего колеблющагося самочувствія, тѣмъ не менѣе, у каждаго изъ насъ она представляетъ и свои болѣе стойкія особенности, зависящія, какъ я сказалъ ранѣе, отъ различій въ соотносительномъ развитіи у насъ упражненіями различныхъ органическихъ системъ.

У одного преобладаетъ, по своему развитію, одна органическая система и чувствованія отъ нея, у другого—другая и т. д. Съ этими различіями мы уже отчасти познакомились въ картинѣ массоваго вырожденія древняго Рима, въ которой передъ нами проходили выработанныя постепенно развивавшимися условіями повседневной жизни того времени рѣзко выраженныя неуравновѣшенныя организаціи полового и желудочнаго типа, съ ихъ своеобразными влеченіями, вкусами и проявленіями.

7.

Здѣсь я не буду вдаваться въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе чрезвычайно важнаго и интереснаго, какъ для чистой, такъ и для прикладной психологіи, вопроса о своеобразномъ вліяніи всѣхъ различныхъ системныхъ чувствъ на характеръ и строй психической личности.

Я кратко коснусь вліянія только одного изъ системныхъ чувствъ, чувства родового, на которомъ зиждется не только продолженіе рода, но и объединеніе людей въ родъ. Этотъ послѣдній въ ходѣ исторіи постепенно разрастается въ племя, народность и человѣческое общество вообще.

Многообразныя измѣненія родового чувства, повидимому, лежатъ въ основѣ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ проявленій души человѣка, а въ томъ числѣ и нравственнаго чувства, которому придаетъ столь важное значеніе Депинъ, а съ другой стороны извращенія того же родового чувства, напротивъ, даютъ основанія самымъ ужаснымъ и отталкивающимъ душевнымъ проявленіямъ и въ томъ числѣ влеченіямъ къ крови, а также и тому, что называютъ явленіями „нравственнаго помѣшательства“ („moral insanity“).

Начиная съ появившагося въ 1870 году мемуара профессора Вестфаля „Извращенное половое чувство“ (Westphal, „Die contrare

Sexualempfindung“), научная литература, относящаяся къ изученію родового чувства въ его разнообразныхъ проявленіяхъ, постепенно все разрастается, причемъ все болѣе и болѣе выясняется неизмѣримо важное вліяніе этого чувства въ душевной жизни и дѣятельности человѣка, а черезъ то, конечно, и въ исторіи человѣчества и въ томъ числѣ въ исторіи преступленія. Цѣлая группа преступленій, притомъ преступленій, наиболѣе тяжкихъ и возмутительныхъ, характеризуется затронутостью родового чувства. Въ октябрьско-ноябрьскомъ номерѣ журнала „Archives d'anthropologie criminelle“ за 1907 годъ напечатанъ подробнѣйшій и интереснѣйшій отчетъ о процессѣ подростка Рейдаль, въ которомъ съ поразительной ясностью обнаружилось вліяніе затронутости этого чувства въ развитіи неодолимаго влеченія къ убійству, которое, послѣ продолжительной внутренней борьбы, и привело Рейдаля къ совершенію этого преступленія.

Лежащее въ основѣ любви, въ ея различныхъ проявленіяхъ, системное родовое чувство представляется однимъ изъ сильнѣйшихъ и властныхъ чувствъ. Бони (Beaunis, „Les sensations internes“) справедливо называетъ періодъ его пробужденія „какъ бы вторичнымъ рожденіемъ“.

Существенною особенностью этого чувства, какъ мы его наблюдаемъ въ животномъ царствѣ, является вообще усиленное, часто непреоборимое, идущее до пожертвованія собой, влеченіе испытывающаго его субъекта въ сторону другихъ, ему подобныхъ. Остальныя системныя чувствованія сосредоточиваются на самомъ индивидѣ, какъ бы обограничиваются имъ и не оттѣняются элементомъ соціабельности, какъ системное родовое чувство.

Во время своего подъема, когда оно заполняетъ самочувствіе, оно болѣе или менѣе преображаетъ испытывающее его существо, затрагиваетъ въ немъ всѣ мельчайшія фибры и болѣе или менѣе подавляетъ другія чувствованія. Даже ощущенія боли иногда отпадаютъ, а съ ними вмѣстѣ отпадаютъ инстинктъ самосохраненія и представленія о личной опасности. Наступаетъ то, что можно охарактеризовать только словомъ самозабвеніе. Въ такіе болѣе исключительные моменты могучее родовое чувство властвуетъ надъ всѣмъ существомъ, безраздѣльно и повелительно руководитъ имъ, какъ это бываетъ въ случаяхъ экстаза. Очевидно, что съ чувствованіями, лежащими въ основѣ продолженія, сплоченія и преуспѣянія рода, постепенно развивающагося въ общество, природа связала сильнѣйшія органическія возбужденія, переходящія иногда въ область почти чудеснаго.

Особенно ярко обнаруживается вліяніе и значеніе родового чувства въ экономіи душевной жизни въ эпоху пробужденія этого чувства, въ эпоху „какъ бы вторичнаго рожденія человѣка“. Въ это время въ самочувствіе подростка начинаютъ врываться широкой волной вновь зазвучавшіе, прежде невѣдомые тоны. Подъ вліяніемъ этого новаго психическаго фактора все существо подростка на виду у всѣхъ измѣняется какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны. Съ этой поры начинается какъ бы новая жизнь.

Чувствованія становятся тоньше и глубже. Появляются незнакомыя прежде волненія, порывы и исканія чего-то невѣдомаго. Настроенія становятся гораздо болѣе измѣнчивыми и колеблющимися. Они начинаютъ оттѣняться большею или меньшею степенью восторженности, мечтательности и поэтичности, смотря по индивидуальностямъ. Весь окружающій міръ какъ бы одухотворяется, получаетъ иную окраску и иныя очертанія. Иногда проявляются небывалые до того таланты. Въ юной и чистой душѣ развивается стремленіе къ общему, таинственному, непостижимому. По-временамъ переживаются восхитительные моменты. Зарождаются новыя, прежде невѣдомыя, влеченія, первоначально туманныя, неясныя, оттѣняемыя общимъ характеромъ влеченія къ идеалу, добру и красотѣ. Въ это время человѣкъ, начинающій жить болѣе полною жизнью, любитъ большею частью доброе, прекрасное, возвышенное. Онъ любитъ ихъ въ нихъ самихъ. Онъ болѣе или менѣе любитъ всю природу, весь міръ и населяющихъ его людей. Въ немъ иногда развиваются порывы къ самопожертвованію для самопожертвованія, къ жертвѣ для жертвы.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ составѣ самочувствія, лежащаго съ его особенностями въ основѣ настроеній, глубоко измѣняется и умственная сфера подростка, главнымъ образомъ, въ ея содержаніи. Нерѣдко проявляется блестящее воображеніе, умственныя способности, возбуждаемыя новыми чувствованіями, значительно развиваются, измѣняются въ своемъ направленіи и начинаютъ сосредоточиваться на такихъ идеяхъ, которыя прежде не привлекали вниманія.

Здѣсь, въ этомъ процессѣ развитія родового чувства и его новъ, въ самочувствіи передъ нами на-лицо всѣ возвышенныя и благороднѣйшія чувства и душевныя движенія: поэтичность, чувство красоты, благожелательность, привязанность, дружба, идеальная любовь, стремленіе къ добру, справедливости, порывы безкорыстнаго самопожертвованія и проч.

Но, конечно, все это свойственно только правильному, здоровому, чистому и чуждому загрязненности развитію на почвѣ хорошей

наслѣдственности. Въ такихъ случаяхъ въ этотъ необычайно важный періодъ жизни человѣка, при условіи благопріятности для развитія окружающей обстановки, у него могутъ формироваться и прочно закладываться возвышенные общественные идеалы и благороднѣйшій характеръ.

Иное наблюдается при неправильности, болѣзненности, загрязненности и извращеніяхъ развитія въ этотъ періодъ. При такихъ условіяхъ зарождаются отталкивающія и ужасающія движенія души, подготовляющія и образующія плодоносную почву для преступности въ ея наиболѣе омерзительныхъ формахъ. Исповѣдь Рейдаля ярко рисуетъ намъ эти ужасныя движенія души и весь извращенный внутренній міръ личностей, ихъ испытывающихъ.

Такова одна изъ составныхъ частей самочувствія — системное родовое чувство во всемъ богатомъ разнообразіи его оттѣнковъ; таковъ чрезвычайно сложный и впечатлительный механизмъ и составъ того, что можно назвать самочувствіемъ или чувственной личностью, которая представляетъ собою основу всего психическаго существа человѣка.

Благодаря этому механизму въ самочувствіи (а черезъ него и въ сознаніи) представлены всѣ части организма и благодаря ему онѣ могутъ говорить въ сознаніи о себѣ, своихъ интересахъ и своихъ состояніяхъ, какъ длительныхъ, такъ и кратковременныхъ. При этомъ представительство ихъ неодинаково. Повторяю, что оно соотвѣтствуетъ большему или меньшему развитію отдѣльныхъ органическихъ системъ. Чѣмъ болѣе развита или возбуждена въ данное время та или другая система, тѣмъ болѣе и ея представительство въ самочувствіи, и наоборотъ. Но какъ бы мало ни была развита та или другая органическая система, она все-таки имѣетъ свой, хотя и слабый голосъ, который можетъ дѣйствительно говорить о ней, о ея пользахъ и нуждахъ.

Я остановился на механизмѣ самочувствія сравнительно такъ подробно потому, что оно составляетъ собою основной фонъ всей психической жизни. Безъ его правильнаго пониманія невозможно и сколько-нибудь вѣрное пониманіе явленій этой жизни. Неизмѣримо важное значеніе механизма самочувствія выступитъ передъ нами еще болѣе ясно, если мы припомнимъ, что самая мысль и вся умственная жизнь, которой человѣкъ такъ справедливо гордится, формируется изъ тѣхъ же чувствованій.

Наиболѣе отвлеченныя построенія мысли слагаются изъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ понятій, въ основѣ которыхъ, какъ не-

трудно показать, лежать конкретныя представленія. Послѣднія обобщаются въ ихъ сходныхъ частяхъ при посредствѣ элементовъ языка и становятся матеріаломъ для образованія понятій.

Сами представленія суть временно оживающіе въ сознаніи слѣды болѣе или менѣе сложныхъ впечатлѣній и ощущеній, воспринятыхъ при посредствѣ тѣхъ или другихъ органовъ отъ возбужденія различными раздражителями чувствующихъ нервныхъ волоконъ этихъ органовъ. Въ этой начальной стадіи чувственная природа мысли выступаетъ вполнѣ ясно.

8.

Въ виду этого намъ слѣдуетъ, въ интересахъ правильности пониманія, нѣсколько уяснить себѣ взаимное отношеніе явленій, совершающихся въ области того, что Депинъ называетъ „инстинктивною природою“, и явленій, происходящихъ въ области умственной жизни.

Я упоминалъ уже о раздѣленіи чувствованій на внѣшнія и внутреннія.

Первыя суть явленія, послѣдующія за раздраженіями концевыхъ нервныхъ аппаратовъ, разсѣянныхъ на внѣшней поверхности нашего тѣла, обращенной къ окружающему насъ міру многообразныхъ внѣшнихъ явленій, результаты этихъ раздраженій. Эти концевые аппараты представляютъ собою какъ бы наблюдательныя станціи, на которыхъ получаются и принимаются для передачи въ центръ всѣ вновь приходящія извѣстія отъ окружающей насъ со всѣхъ сторонъ внѣшней среды. Въ этомъ смыслѣ внѣшнія чувствованія можно назвать объективными. Они привлекаютъ и сосредоточиваютъ наше вниманіе на явленіяхъ, внѣ насъ происходящихъ, на окружающемъ мірѣ, и вводятъ и пріобщаютъ къ той сферѣ, которая не есть мы сами и которая отлична отъ насъ. Внѣшнія чувствованія даютъ намъ знанія окружающей насъ среды. Они сравнительно болѣе спокойны и болѣе отличаются характеромъ созерцательности. Конечно, и эти чувствованія, какъ и все въ человѣкѣ, въ извѣстной степени также субъективны, будучи нашими субъективными состояніями, зависящими, въ ихъ существѣ, отъ индивидуальныхъ особенностей организма лица, воспринимающаго воздѣйствія, и отъ его временныхъ, измѣняющихся состояній. Но исходное начало этихъ чувствованій лежитъ въ окружающемъ мірѣ, который производитъ на насъ воздѣйствіе, и они

своимъ своеобразнымъ языкомъ говорятъ намъ о какихъ-то перемѣнахъ, происходящихъ внѣ нашего организма.

Внѣшнія или объективныя чувствованія представляютъ собою главнѣйшій источникъ мысли, а слѣдовательно, и умственной жизни человѣка, но источникъ не исключительный и не единственный. Вліяніе и значеніе этого источника для содержанія и качествъ умственной жизни каждаго даннаго человѣка въ каждый данный моментъ его существованія находятся въ зависимости, прежде всего, отъ воспріимчивости, т. е. субъективной степени напряженности воспріятій внѣшнихъ воздѣйствій органами внѣшнихъ чувствъ, съ ихъ проводниками и ихъ нервными центрами. Всѣ эти части въ ихъ совокупности образуютъ отдѣльные механизмы для воспріятій разнородныхъ внѣшнихъ впечатлѣній: зрительныхъ, слуховыхъ и прочихъ. Напряженность внѣшнихъ чувствованій также колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ. Значительныя колебанія въ напряженности и, слѣдовательно, въ яркости внѣшнихъ воспріятій наблюдаются какъ по отдѣльнымъ личностямъ, такъ и по различнымъ органамъ и по различнымъ временнымъ органическимъ состояніямъ одной и той же личности.

Одинъ изъ интересныхъ примѣровъ этихъ рѣзкихъ колебаній, притомъ вызываемыхъ искусственно, такъ сказать, лабораторнымъ путемъ, мы находимъ, между прочимъ, въ работѣ доктора Пьера Жане „Неврозы и стойкія идеи“ (Janet, „Névroses et idées fixes“). Нѣкая Марсель, во время состояній пониженной напряженности и ослабленной яркости воспріятій, получая зрительныя и слуховыя впечатлѣнія, заявляла и задавалась вопросами: „Развѣ все это дѣйствительность? Музыка, личности, которыя танцуютъ,—все это не представляется дѣйствительностью; это, должно быть, сонъ... Я знаю, что эти личности существуютъ, но онѣ не имѣютъ вида дѣйствительно существующихъ“. Здѣсь обращу ваше вниманіе на разногласіе двухъ свидѣтелей. Съ одной стороны, знаніе, основанное на воспоминаніи прежнихъ опытовъ, рѣшительно утверждаетъ, что окружающія личности существуютъ; съ другой, ослабленныя въ напряженности воспріятія даннаго времени заставляютъ сомнѣваться въ ихъ существованіи. Въ результатѣ разладъ и замѣшательство въ душевной жизни. Во время такихъ состояній предметы казались для Марсель „заволокнутыми облакомъ, окружающія личности представлялись движущимися подобно тѣнямъ, и ихъ слова слышались какъ бы приходящими изъ большого далека“.

9.

Вторая группа чувствованій, чувствованія внутреннія, о которыхъ я уже упоминалъ, говоря о механизмѣ самочувствія, являются послѣдствіями воздѣйствій раздражителей на внутренніе органы, и притомъ раздражителей, которые или составляютъ части самого организма (напримѣръ, кровь), или готовятся стать таковыми (напримѣръ, введенная въ организмъ пища), или уже подготовлены къ выдѣленію изъ него (напримѣръ, сперма).

Чувства эти говорятъ намъ своимъ своеобразнымъ языкомъ не о перемѣнахъ, совершающихся во внѣшнемъ мірѣ, а о перемѣнахъ, совершающихся въ самомъ организмѣ. Они сосредоточиваютъ наше сознаніе и отвлекаютъ наше вниманіе къ нашему тѣлу, къ состоянію его отдѣльныхъ частей и къ его общему благополучію или неблагополучію. Ихъ начало и конецъ въ самомъ организмѣ. Они вполнѣ субъективны или, пожалуй, вдвойнѣ субъективны. Они субъективны какъ наши собственныя чувствованія и какъ чувствованія, говорящія о перемѣнахъ, въ насъ же происходящихъ. Они не даютъ намъ знаній внѣшняго міра, и при существованіи одной ихъ рѣчи этотъ міръ не существовалъ бы для насъ.

Когда усиливается яркость внѣшнихъ чувствованій, тогда наше вниманіе отвлекается отъ насъ самихъ, увлекается во внѣшній міръ и сосредоточивается на воздѣйствующихъ на насъ его явленіяхъ. Напротивъ, когда въ различной мѣрѣ постепенно ослабляется яркость тѣхъ же чувствованій, тогда для насъ блѣднѣютъ краски внѣшняго міра, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабляется нашъ интересъ къ нему и, какъ показали намъ примѣры, развивается иногда сомнѣніе въ существованіи этого міра и даже полная нечувствительность къ его воздѣйствіямъ.

Иные психическіе результаты получаются при колебаніяхъ въ яркости внутреннихъ чувствованій. Повышеніемъ ихъ напряженности вниманіе человѣка невольно отвлекается къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру, въ которомъ оно и замыкается и которымъ въ такіе моменты въ большей или меньшей мѣрѣ заслоняется для человѣка міръ внѣшній, и къ послѣднему человѣкъ становится тогда болѣе или менѣе безучастнымъ.

Соотвѣтственно этому, при значительномъ ослабленіи яркости внутреннихъ чувствованій, развивается сомнѣніе въ существованіи уже не внѣшняго міра, а самой собственной личности, какъ въ случаѣ

изъ амбулаторіи профессора Балля. Это сомнѣніе достигаетъ иногда степени увѣренности въ отсутствіи собственнаго тѣла.

10.

Я говорилъ уже, что внѣшнія чувствованія даютъ непосредственное начало мысли. Но и другая группа чувствованій, группа чувствованій внутреннихъ, принимаетъ участіе въ зарожденіи и направленіи мысли. Относящіяся сюда явленія можно съ полнымъ основаніемъ назвать явленіями „подсказыванія мыслей“ внутренними чувствованіями.

Изученіе интересныхъ явленій „подсказыванія мыслей“ бросаетъ свѣтъ на весьма темную еще, но чрезвычайно важную область душевной жизни человѣка, область инстинктивную. Вліяніе явленій этой области въ жизни отдѣльнаго лица, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ жизни общества, въ большинствѣ случаевъ, сводитъ то, что на первый взглядъ можетъ казаться только борьбою чистыхъ идей, къ борьбѣ интересовъ, которые имѣютъ свой источникъ, главнымъ образомъ, во внутреннихъ органическихъ чувствованіяхъ, ихъ особенностяхъ и разнообразіи.

Въ основѣ явленій подсказыванія мыслей, въ сущности, лежитъ слѣдующій важный законъ организма: внѣшнія и внутреннія раздраженія однихъ и тѣхъ же сложныхъ нервныхъ аппаратовъ могутъ давать одинаковые психическіе результаты.

Для уясненія этого закона всего лучше будетъ привести соотвѣтствующіе примѣры.

Профессоръ Бушю въ своей „Исторіи медицины“ (Bouchut, Histoire de la médecine“) приводитъ случай изъ жизни Франциска Ассизскаго (1182—1226). Однажды, находясь въ состояніи экстаза, Францискъ видѣлъ шестикрылаго серафима, сходящаго съ неба. Между его крыльями виднѣлся образъ человѣка, руки и ноги котораго были пригвождены ко кресту. Видѣніе скоро исчезло; Францискъ же испыталъ сильнѣйшее потрясеніе во всемъ организмѣ. Особенно болѣзненныя потрясенія онъ испыталъ въ рукахъ и ногахъ, на которыхъ вскорѣ появились изъязвленія. Этотъ случай произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ то время и вызвалъ цѣлую эпидемію. У другихъ монаховъ, въ состояніи экстаза сосредоточивавшихся мыслью на страданіяхъ, стали также появляться стигматы и не только на рукахъ и ногахъ, но и на лбу отъ вѣнца и на тѣлѣ отъ бичеванія.

Эпидемія продолжалась около столѣтія, да и впослѣдствіи до нашего времени она имѣла отзвуки въ отдѣльныхъ случаяхъ. Тотъ же авторъ упоминаетъ о фактахъ, когда слѣды ранъ или ударовъ, видѣнныхъ или испытанныхъ во снѣ, появлялись на соотвѣтствующихъ мѣстахъ послѣ пробужденія.

Въ качествѣ примѣра обратнаго напомню объ упоминавшемся уже мною случаѣ Луи В., съ его измѣнявшеюся личностью. Наружными раздраженіями опредѣленныхъ мускуловъ и сухожилій у В. можно было вызвать опредѣленныя контрактуры и столь же опредѣленныя состоянія воспоминаній, самочувствія, сознанія и личности вообще. Такъ, давленіемъ на сухожилія голени и колѣна вызывались контрактуры нижнихъ конечностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно измѣнялись въ ихъ расположеніи зоны чувствительныя и нечувствительныя, причемъ сознательная личность трансформировалась и становилась такою же, какою она была во время этихъ контрактуръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и воспоминанія ограничивались тѣмъ же временемъ.

Примѣненіе электричества и приложеніе различныхъ металловъ и магнита производили ясныя измѣненія въ мѣстныхъ кровообращеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ мѣстныхъ чувствительностяхъ и вызывали и другія органическія явленія—ускореніе дыханія, конвульсіи, а также измѣненія въ характерѣ и во всѣхъ проявленіяхъ. Какъ я уже говорилъ, у В. наблюдали такихъ состояній шесть главныхъ и нѣсколько второстепенныхъ, причемъ каждое, по свойственнымъ ему воспоминаніямъ, пріурочивалось къ опредѣленному періоду жизни.

11.

Напомню, что слагающееся изъ единовременныхъ внутреннихъ чувствованій самочувствіе, лежащее въ основѣ такъ называемаго „настроенія духа“, представляетъ собою общее, неразложимое для нашего сознанія на части, сложное чувствованіе бытія и теченія жизни нашего тѣла и всѣхъ его органовъ въ каждое данное время.

Субъективныя состоянія самочувствія, различныя въ различное время по своей чувственной окраскѣ, сопровождаютъ всѣ наши впечатлѣнія, получаемыя черезъ посредство органовъ внѣшнихъ чувствъ отъ внѣшняго міра окружающихъ насъ явленій. Состоянія эти, проникая въ сознаніе, если возможно употребить этотъ образный способъ выраженія, соединяются и сплетаются тамъ съ получаемыми впечатлѣніями, какъ сосуществующія съ нами, и образуютъ собою какъ бы

ихъ субъективную чувственную окраску, которая и дѣлаетъ эти впечатлѣнія разноцѣнными для насъ.

Образующееся такимъ образомъ соединеніе настолько тѣсно и интимно, что слѣды внѣшнихъ впечатлѣній, оживая въ сознаніи въ отсутствіи вызвавшихъ ихъ внѣшнихъ воздѣйствій и давая начало тому, что мы называемъ представленіями, обыкновенно почти неотдѣлимы отъ слѣдовъ субъективныхъ состояній самочувствія, сопровождавшихъ воспріятіе этихъ впечатлѣній.

Всякому, конечно, по личному опыту, извѣстно, что воспоминаніе одного и того же единовременно воспринятаго хотя бы зрительнаго впечатлѣнія можетъ сопровождаться личной субъективной чувственной окраской у двухъ различныхъ людей, въ зависимости отъ того, при какихъ состояніяхъ самочувствія впечатлѣніе было воспринято однимъ и другимъ.

У одного оно можетъ являться съ оттѣнкомъ страстности, а у другого можетъ сопровождаться состояніемъ полнѣйшей холодности или даже отвращенія и т. д. Этимъ и объясняется въ жизни весьма много на первый взглядъ совершенно непонятныхъ и ни чѣмъ не объяснимыхъ влеченій, отвращеній, симпатій и антипатій.

Тѣ же самыя рѣзкія различія наблюдаются, какъ извѣстно каждому, не только по различнымъ лицамъ, но и по отношенію къ воспоминаніямъ однородныхъ и даже почти тождественныхъ впечатлѣній, воспринятыхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ въ разное время, при различныхъ субъективныхъ состояніяхъ самочувствія. Это особенно нужно сказать объ однородныхъ или почти тождественныхъ впечатлѣніяхъ, воспринятыхъ въ различные возрасты, напримѣръ, въ юности или въ полной возмужалости или, наконецъ, въ болѣе или менѣе глубокой старости.

12.

Взаимное отношеніе двухъ тѣсно объединяющихся еще при самомъ воспріятіи и впослѣдствіи прочно ассоціирующихся частей въ различныхъ впечатлѣніяхъ, представленіяхъ и производныхъ изъ нихъ, т. е. въ сложныхъ представленіяхъ и понятіяхъ, неодинаково. Въ однихъ болѣе или менѣе преобладаетъ одна часть, въ другихъ другая.

Внѣшнее впечатлѣніе, напримѣръ, можетъ быть очень сильно и ярко, а сосуществующее съ нимъ состояніе самочувствія, напротивъ, можетъ быть очень слабо напряжено и потому почти безразлично.

Это обыкновенно бываетъ во время здоровыхъ и спокойныхъ состояній, когда жизнь и дѣятельность внутреннихъ органовъ „скрыты подъ покровомъ ночи“, какъ выражается докторъ Шюле, и когда отъ этихъ органовъ въ сознаніе проникаютъ только слабыя ощущенія или внутреннія чувствованія, слитыя въ одинъ также слабый общій тонъ самочувствія, который поэтому и даетъ возможность не сосредоточиваться и не думать о своемъ тѣлѣ, объ его органахъ и вообще о самомъ себѣ.

Въ такіе моменты человѣкъ, вниманіе котораго привлекается какими-нибудь болѣе или менѣе сильными внѣшними воздѣйствіями, превращается, какъ часто говорятъ, „весь въ слухъ“, „въ зрѣніе“ и т. д. Способность испытывать такіясостоянія колеблется и измѣняется какъ по временнымъ состояніямъ одного и того же лица, такъ и по отдѣльнымъ лицамъ.

Въ другихъ случаяхъ внѣшнее впечатлѣніе можетъ быть сравнительно слабо, а сопровождающее его состояніе самочувствія можетъ быть ярко выражено. Тогда напряженность и яркость субъективной чувственной окраски сопровождающаго самочувствія будетъ значительно преобладать надъ яркостью внѣшняго впечатлѣнія и можетъ оттѣняться болѣе или менѣе ясно выраженной эмоціональностью. То же преобладаніе сохранится, конечно, и въ сложномъ слѣдѣ, служащемъ основаніемъ сложнаго представленія, которое будетъ сопутствоваться поэтому состояніемъ болѣе или менѣе сильнаго душевнаго волненія или аффекта.

Припоминаю одного ипохондрика, видѣннаго мною въ наблюдательномъ отдѣленіи клиники покойнаго профессора Крафтъ-Эбинга въ Грацѣ. Это былъ здоровый мужчина среднихъ лѣтъ, у котораго изслѣдованіе не констатировало тѣхъ разстройствъ, на которыя онъ жаловался. Тѣмъ не менѣе, этотъ, казалось бы, физически здоровый человѣкъ вполнѣ подходилъ подъ понятіе, выражаемое очень характернымъ французскимъ словомъ „aliéné“, т. е., въ буквальномъ смыслѣ, „отчужденный“. Дѣйствительно, онъ не обращалъ почти никакого вниманія на все его окружающее, которое со своими впечатлѣніями проходило, очевидно, мимо него. Онъ подолгу ходилъ изъ стороны въ сторону, громко и отчаянно жалуясь и стеная, что онъ погибаетъ отъ чахотки. Эта мысль, подсказывавшаяся со всей навязчивою стойкостью внутренними непріятными чувствованіями, громко звучавшими въ самочувствіи, и вызывавшіяся тѣмъ самымъ волненія поглощали въ данномъ случаѣ все умственно-нравственное существо человѣка, не пропускали въ сознаніе внѣшнія впечатлѣнія, препятствовали возник-

новенію и ходу мыслей и сосредоточивали всю душевную жизнь на собственномъ тѣлѣ, на его состояніяхъ, какъ они отражались въ сознаніи при посредствѣ внутреннихъ чувствованій.

Ипохондрію называли иногда болѣзнью воображаемой (imaginaire). Но странно и говорить о какой-то воображаемости, если мы знаемъ, что вся душевная жизнь человѣка есть жизнь чувства, видоизмѣняющаяся только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ какъ бы въ особый отдѣлъ жизни чувства,—въ умственную жизнь, въ жизнь мысли. Поэтому очевидно, что въ основѣ названной болѣзни, съ е я с о з н а в а е м о й с т о р о н ы, какъ и въ основѣ всякой другой болѣзни, лежатъ болѣзненныя чувствованія, а въ основѣ этихъ послѣднихъ—тѣ или другія измѣненія въ экономіи организма.

Тѣсное соединеніе, какъ бы сплетеніе двухъ частей, внѣшняго чувствованія (впечатлѣнія изъ внѣшняго міра) и его субъективной чувственной окраски, зависящей отъ сосуществовавшихъ съ нимъ внутреннихъ чувствованій, обусловливаетъ явленіе „подсказыванія мыслей“ особенностями состояній самочувствія. Различные его оттѣнки, являющіеся результатами большаго или меньшаго возбужденія различныхъ внутреннихъ органовъ съ ихъ специфическою чувствительностью, оживляютъ и пробуждаютъ уже сосуществовавшія и вслѣдствіе того съ ними связанные слѣды бывшихъ впечатлѣній, т. е. представленія.

Въ свою очередь, и эти послѣднія, будучи оживлены въ сознаніи какими-либо внѣшними чувствованіями или другими представленіями, вызываютъ пробужденіе ассоціировавшихся съ ними субъективныхъ состояній настроенія.

Приведу здѣсь чрезвычайно интересный примѣръ подсказыванія или, точнѣе, навязыванія мыслей внутренними состояніями самочувствія, переданный въ одной статьѣ доктора Пари. Дѣло идетъ о женщинѣ съ оскудѣлой организаціей, страдавшей бредомъ преслѣдованія, который обыкновенно представляетъ собою проектированіе во внѣшній міръ своего болѣзненно-недовольнаго самочувствія, истолковываемаго недоброжелательными дѣйствіями и злостными преслѣдованіями со стороны окружающихъ. То же было и въ данномъ случаѣ. Интересующая насъ личность стала объяснять себѣ мнимыя преслѣдованія совершонными будто бы ею преступленіями. Но какими? При этомъ она обращалась съ тоскливыми запросами къ своей памяти, но память ясно и безъ колебаній отвѣчала отрицательно. „Я не помню, чтобы когда-нибудь сдѣлала какое-либо зло: я не воровала, не убивала... Такъ за что же меня преслѣдуютъ, Боже мой?!“. Несмотря,

однако, на вполнѣ ясный отвѣтъ памяти, чувствованія, навязчиво подсказывавшія объясненія, продолжали существовать и по-прежнему громко звучали. Какъ же было примирить противорѣчіе двухъ властныхъ и убѣдительныхъ голосовъ—самочувствія и памяти? И вотъ безпокойно прислушивающаяся къ нимъ личность, не имѣя возможности отдѣлаться ни отъ одного изъ нихъ, находитъ, наконецъ, выходъ и начинаетъ думать, что преступленія, въ которыхъ, какъ ей кажется, ее обвиняютъ и за которыя преслѣдуютъ, совершаются ею во время сна...

Другой чрезвычайно яркій примѣръ упорнаго фиксированія въ сознаніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мысли объ убійствѣ намъ представляетъ уже упоминавшійся мною подростокъ Рейдаль, подробный разсказъ котораго даетъ намъ полную картину исторіи этой роковой мысли, стоившей человѣку жизни.

У Рейдаля мысль эта вызывалась, развивалась и навязчиво фиксировалась въ сознаніи сильно звучавшими въ самочувствіи раздражительными родовыми чувствованіями, которыя, вызывая и сопровождая ее, придавали ей эмоціональный характеръ. Это эмоціональное состояніе, повышаясь, достигло, наконецъ, значительной напряженности и опредѣлило переходъ мысли въ дѣйствіе. „Я не могъ оставаться на мѣстѣ“, разсказывалъ Рейдаль, тонко анализировавшій свои душевныя движенія, „я чувствовалъ себя неудержимо-вынужденнымъ подняться, что бы искать жертву для убійства. И это тѣмъ болѣе, что въ моемъ карманѣ уже былъ ножъ, который долженъ былъ пронзить Блонделя или кого-либо другого“...

13.

Послѣ всего сказаннаго о механизмѣ душевной жизни, вопросъ о свободѣ или несвободѣ воли представится намъ въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что всѣ дѣйствія всѣхъ людей опредѣляются съ неизбѣжностью своими предшествующими или, что то же самое, строго подчиняются закону причинности. Это положеніе составляетъ фундаментъ всѣхъ наукъ о явленіяхъ психической жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего общества. Пошатните его—и эти науки станутъ невозможны. Ихъ мѣсто займутъ многочисленные и обременительные для памяти факты.

Напротивъ, подтверждаетъ это положеніе и ходячій опытъ, всегда

пытающійся открыть причины дѣйствій человѣка и отъ знаній характера и предшествующей дѣятельности послѣдняго заключать къ вѣроятному характеру его дѣятельности въ будущемъ; подтверждаетъ его и историческое изученіе, вскрывающее причинность и закономѣрность въ явленіяхъ жизни народовъ; его подтверждаютъ также статистическія изслѣдованія соціальныхъ явленій, обнаруживающія въ этихъ явленіяхъ поразительную закономѣрность; наконецъ, его подтверждаетъ и изученіе явленій душевной жизни человѣка, находящихся всегда въ строгомъ соотвѣтствіи съ опредѣленными и неизбѣжно имъ сопутствующими, отъ нихъ неотдѣлимыми, явленіями органическими, безусловно подчиненными закону причинности. Говоря о самопроизвольности, Грассе (Grasset, „Introduction physiologique à l'étude de la philosophie“) справедливо замѣчаетъ: „Я говорю: «кажется самопроизвольнымъ» потому, что дѣйствительная и полная самопроизвольность есть научный «nonsense»: всякое движеніе представляетъ собою только трансформацію движенія предшествующаго“.

Поэтому, основываясь на всемъ богатствѣ нашего научнаго опыта, мы рѣшительно можемъ утверждать, что объективно человѣкъ въ своей дѣятельности всегда опредѣляется предшествующими, согласно общему для всей Вселенной закону причинности или, иначе, согласно закону непреложной зависимости всѣхъ безъ исключенія явленій отъ ихъ производящихъ причинъ.

Но и въ средѣ лицъ, признающихъ закономѣрность въ дѣйствіяхъ человѣка, существуетъ мнѣніе, настаивающее на какой-то относительной свободѣ. Теорія такой свободы изложена, между прочимъ, извѣстнымъ англійскимъ ученымъ Д. С. Миллемъ въ его „Системѣ логики“ (J. S. Mill, „A System of Logic“). Она же была повторена и развита въ „Курсѣ русскаго уголовнаго права“ нашимъ выдающимся криминалистомъ Н. С. Таганцевымъ въ цѣляхъ построенія, какъ онъ выражается, „раціональной теоріи наказанія“.

Оба ученыхъ выставляютъ положеніе: признавая, что дѣйствія человѣка подчинены общему закону причинности, подходятъ подъ общее родовое понятіе міровыхъ явленій, тѣмъ не менѣе, нельзя признать въ нихъ наличность абсолютной необходимости, нельзя безусловно отождествить ихъ съ явленіями міра физическаго: такое отождествленіе, такъ же, какъ и признаніе ихъ произвольности, устраняетъ возможность раціональной теоріи наказанія. Второе основное положеніе нашихъ ученыхъ формулируется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: при наличности данной суммы причинъ и условій возник-

новеніе извѣстнаго явленія безусловно неизбѣжно, но самые факторы, вызывающіе эти явленія, несомнѣнно подлежатъ измѣненію.

Исходя изъ этихъ положеній, Милль и Таганцевъ рѣшительно возражаютъ противъ смѣшенія понятій обусловленности и необходимости и полагаютъ, что отъ такого смѣшенія и происходитъ вся путаница въ ученіи о волѣ.

Итакъ, основываясь на приведенныхъ положеніяхъ, необходимо придти къ выводу, что хотя дѣйствія человѣка и явленія міра физическаго и подчинены одному и тому же закону причинности, но что первыя подчинены этому закону не такъ, какъ вторыя, а какъ-то иначе.

Для провѣрки этого вывода обращусь ко второму положенію и буду исходить изъ него. При этомъ въ разсужденіяхъ пойду не впередъ, а назадъ, т. е. буду разсматривать сопослѣдовательность прошедшихъ, а не будущихъ явленій, что́ упроститъ вопросъ и устранитъ неясности.

Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ только что совершившимся дѣйствіемъ человѣка, которое обозначимъ буквою А. Это А, согласно второму положенію, есть „безусловно неизбѣжный“ результатъ своихъ предшествующихъ, всю сумму которыхъ для краткости обозначимъ буквою В, разумѣя подъ этимъ В внѣшнія физическія вліянія другихъ людей и, наконецъ, вліянія внутреннія. Каждое изъ этихъ предшествующихъ, согласно тому же второму положенію, въ свою очередь, есть безусловно неизбѣжный результатъ своихъ предшествующихъ и притомъ уже существовавшихъ во времени, а потому такой же характеръ неизбѣжнаго результата имѣетъ и вся ихъ совокупность, т. е. наше В.

Если теперь мы всю сумму предшествующихъ нашего сложнаго В назовемъ черезъ С и снова повторимъ наше разсужденіе, и затѣмъ продѣлаемъ то же самое и относительно предшествующихъ С и такъ далѣе до безконечности, то получимъ слѣдующій рядъ:

A, B, C, D, E, F, G, H, I, ... ∞.

Первый членъ этого ряда А есть только что совершившееся дѣйствіе человѣка, а конечные члены, соединенные у насъ подъ знакомъ безконечности (∞) теряются въ глуби вѣковъ и отходятъ къ началу всѣхъ началъ.

Разсматривая весь этотъ рядъ въ совокупности и каждый его членъ порознь, мы видимъ, что ни въ одной точкѣ перерыва, гдѣ бы мы такую ни выбрали, нѣтъ мѣста для непредвидѣнныхъ произвольныхъ измѣненій. Постоянныя измѣненія, правда, существуютъ, и

членъ D не похожъ, напримѣръ, на предшествующій ему членъ F, но это различіе уже напередъ дано въ существованіи всѣхъ предшествующихъ D, т. е. въ F, G. H, I, ... ∞.

Отсюда становится понятнымъ, что для какихъ-либо измѣненій въ данномъ рядѣ членовъ необходимо было бы измѣнить самый начальный членъ, отходящій къ началу всѣхъ началъ, или же допустить возможность вмѣшательства постороннихъ факторовъ, стоящихъ внѣ причинной связи со всѣми остальными явленіями. Второе предположеніе, конечно, недопустимо въ наукѣ, потому что и самая наука тогда была бы невозможна. Что же касается до перваго предположенія, то оно можетъ быть мыслимо только на досугѣ, но не можетъ имѣть мѣста на самомъ дѣлѣ, такъ какъ самый начальный членъ, если о немъ и можетъ быть рѣчь, уже существовалъ во времени, а потому и не подлежитъ измѣненіямъ.

Но если по отношенію къ прошедшему каждое событіе есть неизбѣжный результатъ всѣхъ предшествующихъ, напередъ уже опредѣленныхъ, то, быть можетъ, такая же неизбѣжность не имѣетъ мѣста по отношенію къ будущему? Хотя этотъ вопросъ съ очевидностью рѣшается нашей формулой, но для большей ясности провѣримъ его.

Подъ буквою A будемъ разумѣть теперь не одно опредѣленное дѣйствіе человѣка, а всю сумму міровыхъ явленій, совершившихся единовременно съ нимъ.

Сдѣлавъ такую поправку, обозначимъ черезъ букву A^1 какое-либо событіе (изъ сферы физической или психической — все равно, непосредственно слѣдующее за этой суммой предшествующихъ. Очевидно, что это событіе, согласно второму положенію, неизбѣжно должно совершиться, потому что вся сумма его предшествующихъ, обозначенная у насъ черезъ букву A, не только уже существуетъ во времени, но она напередъ была дана во всѣхъ своихъ предыдущихъ: B, C, D, ...

Намъ, пожалуй, возразятъ, что можетъ встрѣтиться какое-либо противодѣйствующее вліяніе, которое и видоизмѣнитъ нашъ будущій результатъ A^1. Строго говоря, такое возраженіе не должно имѣть мѣста, потому что всѣ дѣйствующія и противодѣйствующія приняты уже нами во вниманіе и одинаково соединены подъ буквою A, но, чтобы не оставлять сомнѣній, разсмотримъ и этотъ случай.

Положимъ, что при дѣйствіи одного A конечный результатъ будетъ A^1, а при вліяніи противодѣйствущаго X онъ будетъ не A^1, а A^2. Спрашивается, однако, откуда взялся этотъ X?

Согласно второму положенію, онъ необходимо имѣетъ своихъ

предыдущихъ, опредѣлившихъ его существованіе съ неизбѣжностью. Сумму такихъ предыдущихъ X мы назовемъ черезъ Y, который, въ свою очередь, имѣлъ своихъ опредѣляющихъ и т. д. до безконечности или до начала всѣхъ началъ.

Но если такъ, то, на основаніи разсматриваемаго тезиса, можно смѣло утверждать, что вліяніе X не только можетъ, но неизбѣжно должно встрѣтиться, а потому и конечнымъ результатомъ должно быть никакъ не A^1, а съ неизбѣжностью A^2. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ мы получаемъ слѣдующую формулу, не допускающую сомнѣнія въ господствѣ строгой причинности:

$$A^2 \left\{ \frac{A,\ B,\ C,\ D,\ E,\ F,\ G,\ H.\ I,}{X,\ Y,\ Z,\ Z^1,\ Z^2,\ Z^3,\ Z^4} \right\} \cdot \cdot \cdot \cdot \infty.$$

Сколько бы такихъ рядовъ мы ни взяли, всегда получится одинъ и тотъ же результатъ. Въ дѣйствительности подобные ряды не тянутся параллельно, а многообразно перепутываются и перекрещиваются, но это нисколько, очевидно, не измѣняетъ дѣла, а только осложняетъ изслѣдованіе.

Очевидно послѣ всего сказаннаго, что мы имѣемъ полное основаніе, разъ сложный начальный членъ ряда данъ во времени, прилагать къ такой строгой обусловленности всѣхъ явленій, въ томъ числѣ и дѣйствій человѣка, термины: „неизбѣжность“, „безусловная необходимость“ и т. д.

Конечно, въ понятіи существуетъ нѣкоторая разница, но на практикѣ, при данномъ начальномъ членѣ ряда, во всѣхъ послѣдующихъ членахъ не существуетъ уже никакого различія, такъ какъ для дѣйствительнаго измѣненія результатовъ, напередъ опредѣленныхъ всею суммою ихъ предыдущихъ, надо бы возвратиться къ началу всѣхъ началъ и его подвергнуть измѣненію, что, очевидно, есть только пустая мечта.

14.

Итакъ, мы неизбѣжно приходимъ къ выводу, что въ характерѣ или, пожалуй, объемѣ подчиненности между дѣйствіями человѣка и физическими явленіями не существуетъ различія и что объективно человѣкъ представляется несвободнымъ и въ своей дѣятельности всегда опредѣляется предшествующими, по общему для всей Вселенной закону причинности.

Но какъ же объяснить увѣренность самихъ людей въ свободѣ

своихъ дѣйствій, увѣренность, которая вызывала и продолжаетъ вызывать вѣковые нескончаемые споры о свободѣ воли?

Этотъ вопросъ переводитъ насъ уже изъ области объективнаго въ область субъективнаго. Отвѣчая на него, я скажу, что, во-первыхъ, это объясняется неуловимостью для человѣка множества многообразныхъ вліяній, на него дѣйствующихъ и заставляющихъ его поступать такъ, а не иначе, а во-вторыхъ, это объясняется и самымъ механизмомъ волевыхъ актовъ.

У одной женщины, случай которой разсказанъ докторомъ Луазо, произошла трехмѣсячная остановка регулъ. Тогда она испытала очень тяжелое настроеніе, подъ вліяніемъ котораго все ей казалось мрачнымъ. Она рѣшилась покончить съ собою и уже пошла на мостъ, чтобы утопиться. Дорогой начались регулы. Немедля измѣнилось мрачное настроеніе, а съ нимъ сдернулась темная дымка, окутывавшая все окружающее, жизнь снова пріобрѣла свою цѣну, „она сейчасъ же почувствовала, что ея мысли измѣнились“, и вернулась домой. Принимая рѣшеніе и отказываясь отъ него, она, конечно, казалась себѣ вполнѣ свободной въ выборѣ. Несомнѣнно, однако, что опредѣляющій органическій факторъ при этомъ былъ на-лицо, хотя его опредѣляющее вліяніе и оставалось незамѣтнымъ для подчинявшагося ему.

Я уже приводилъ вамъ, напримѣръ, случай Гланаделя, который, несмотря на „ужасъ“, внушавшійся ему влеченіемъ къ убійству, тѣмъ не менѣе „чувствовалъ себя вынужденнымъ противъ воли“ осуществить его.

И такія явленія встрѣчаются не только въ области такъ называемаго импульсивнаго помѣшательства, именно и характеризующагося существованіемъ подобныхъ неодолимыхъ влеченій при ясномъ сознаніи, но и въ сферѣ болѣе нормальной. Кому не приходилось слышать: „Я знаю, что это глупо; я знаю, что этого не слѣдуетъ дѣлать, и стараюсь удержаться, но не могу“? Кому также, по собственному внутреннему опыту, не извѣстны значительныя колебанія въ разное время въ мѣрѣ власти надъ своими чувственными влеченіями, надъ своими желаніями и порывами?

А если такъ, то очевидно, что съ субъективной стороны, со стороны свободы проведенія и осуществленія въ жизни внутренне одобряемаго способа дѣйствій представляются значительныя различія какъ по отдѣльнымъ лицамъ, такъ и по различнымъ состояніямъ одного и того же лица.

Очевидно, что какой-нибудь Гланадель и какая-нибудь дипсоманка, въ отношеніи свободы проведенія и осуществленія въ жизни

внутренне-одобреннаго способа дѣйствій, не могутъ быть поставлены на одну доску съ тѣмъ человѣкомъ, о которомъ говорятъ, что онъ вполнѣ владѣетъ собою.

Поэтому защитники ученія о свободѣ воли, указывая на случаи, подобные случаю Гланаделя, до извѣстной степени имѣютъ основаніе утверждать, что одни люди обладаютъ свободой воли, тогда какъ другіе лишены ея. И дѣйствительно, въ то время, какъ Гланадель съ субъективной стороны даже для самого себя представлялся несвободнымъ проводить и осуществлять въ жизни внутренне-одобренный способъ дѣйствій, другой человѣкъ, напротивъ, не встрѣчаетъ въ этомъ почти никакихъ препятствій и, руководствуясь своимъ внутреннимъ опытомъ, даже не можетъ понять, какъ можно не быть хозяиномъ своихъ дѣйствій.

Такое господство сознаваемаго должнымъ надъ чувственными влеченіями и желаніями, при тщательномъ наблюденіи по отдѣльнымъ личностямъ, всегда представляется результатомъ высшаго гармоническаго развитія, которое является слѣдствіемъ хорошаго воспитанія и правильной предшествующей жизни, а также и слѣдствіемъ унаслѣдованія хорошо развитой и уравновѣшенной инстинктивной природы, которая, въ свою очередь, является слѣдствіемъ хорошаго воспитанія и правильной жизни восходящихъ.

Это гармоническое развитіе есть лучшій плодъ долгой культуры, не часто выпадающій на долю представителей дурно-обставленныхъ и обездоленныхъ классовъ общества, которые дѣйствуютъ почти исключительно подъ вліяніемъ чувственныхъ влеченій и часто оказываются органически-неспособными противостоять соблазну зарождающихся желаній, влеченій и порывовъ.

Удовлетворительное объясненіе этого несомнѣнно существующаго различія въ субъективной свободѣ даетъ намъ современное ученіе о спеціализаціи функцій нервныхъ центровъ или, иначе, ученіе о мозговыхъ локализаціяхъ. Вы помните, что Галль первый высказалъ мысль о томъ, что мозгъ не представляетъ собою единаго органа, а собраніе различныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои особыя функціи. Послѣдующіе за Галлемъ ученые изслѣдователи разработали это ученіе и доказали его своими опытами и наблюденіями.

Мозгъ—это скопленіе нервнаго вещества. Онъ представляетъ собою, какъ замѣчено, сложный органъ, точнѣе—соединеніе отдѣльныхъ органовъ или центровъ, причемъ соотносительное развитіе

этихъ центровъ соотвѣтствуетъ соотносительному развитію тѣхъ органовъ и системъ ихъ, которыми они завѣдываютъ.

Нѣкоторые изъ этихъ центровъ суть центры автоматической, рефлекторной дѣятельности, тогда какъ другіе суть центры высшаго порядка, центры или органы высшихъ проявленій психической жизни между которыми наблюдается извѣстная іерархія, выражающаяся въ задерживающемъ вліяніи высшихъ центровъ на низшіе. Во время сна, во время различныхъ патологическихъ состояній, соединенныхъ съ ослабленіемъ высшихъ центровъ, всегда повышается рефлекторная дѣятельность низшихъ. „Импульсы низшаго порядка“, справедливо замѣчаетъ Рибо, „выигрываютъ все то, что теряютъ импульсы высшаго“.

Въ числѣ центровъ, завѣдывающихъ явленіями психической жизни, существуютъ, съ одной стороны, центры чувственныхъ влеченій, а съ другой—центры, соотвѣтствующіе въ своей дѣятельности высшей разсуждающей и направляющей способности, которые и оказываютъ задерживающее и подавляющее вліяніе на влеченія, зарождающіяся изъ возбужденнаго состоянія центровъ, завѣдывающихъ этими влеченіями. Существованіе такихъ центровъ подтверждается, между прочимъ, и опытами съ загипнотизированными, опытами, при которыхъ, вслѣдствіе вѣроятнаго временнаго отпаденія дѣятельности высшихъ центровъ, экспериментируемый субъектъ, несмотря на кажущуюся цѣлесообразность его дѣйствій, превращается въ какого-то автомата, безконтрольно управляемаго извнѣ приходящими воздѣйствіями.

Достаточность силы высшихъ центровъ для задержки, подавленія и направленія чувственныхъ влеченій, являющихся результатомъ возбужденія чувственныхъ центровъ, и есть то, что называютъ „свободой воли“.

Эта субъективная свобода, если можно такъ выразиться, очевидно, зависитъ отъ двухъ моментовъ: отъ относительнаго развитія и напряженности дѣйствія въ данное время высшихъ направляющихъ центровъ, съ одной стороны, и центровъ чувственныхъ влеченій, съ другой стороны.

Если первые значительно развиты и дѣятельность ихъ въ данное время чѣмъ-либо болѣе или менѣе не ослаблена, а вторые, напротивъ, развиты умѣренно и почему-либо не возбуждены особенно повышенно, то и психическая жизнь течетъ разумно и бываетъ чужда сильныхъ чувственныхъ потрясеній, увлекающихъ человѣка по пути удовлетворенія его аппетитовъ и пожеланій.

Напротивъ, если высшіе центры развиты слабо или ихъ дѣятельность временно ослаблена, а центры чувственныхъ влеченій значительно развиты или временно очень возбуждены, то эти послѣдніе берутъ перевѣсъ, высшее регулированіе ослабляется и отпадаетъ, а чувственныя влеченія и аппетиты увлекаютъ человѣка по пути всякихъ излишествъ, и тогда онъ восклицаетъ: „Я бы и хотѣлъ, но не могу, я не властенъ въ себѣ“.

Здѣсь я намѣтилъ только основной принципъ механизма волевыхъ актовъ. Дѣйствительность же представляетъ значительныя разнообразія. Центры чувственныхъ влеченій разнообразны и представляютъ, съ одной стороны, значительныя различія во взаимномъ относительномъ развитіи и различія во временныхъ состояніяхъ; съ другой стороны, каждый изъ нихъ представляетъ значительныя различія въ своемъ развитіи, сравнительно съ развитіемъ высшихъ направляющихъ центровъ. Поэтому комбинаціи здѣсь могутъ быть весьма разнообразны, и ими-то и объясняются различія въ обликѣ нравственной личности человѣка.

Господство вліянія высшихъ разсудочныхъ центровъ и сопутствующее ему ограниченіе силы и власти чувственныхъ влеченій развиваются постепенно и являются послѣднимъ и высшимъ продуктомъ общественной культуры, которая, въ свою очередь, есть результатъ правильнаго разумнаго воспитанія и правильной предшествующей жизни не только отдѣльнаго человѣка, но и его восходящихъ, ихъ организовавшихся жизненныхъ опытовъ, какъ выражается Депинъ.

Человѣкъ, которому наслѣдственно переданы усиленно развитые тѣ или другіе чувственные нервные центры и завѣдуемые ими органы, только при помощи даннаго ему тщательнаго и разумно направленнаго воспитанія и правильной послѣдующей жизни можетъ достигнуть достаточнаго господства надъ одолѣвающими его чувственными влеченіями. Въ противномъ случаѣ онъ всегда будетъ ихъ игрушкою и будетъ безъ руля носиться по волнамъ моря житейскаго до своего конечнаго крушенія.

Здѣсь и выступаетъ все великое значеніе организованнаго опыта восходящихъ. Удовлетворяя тѣмъ или другимъ влеченіямъ и упражняя тѣ или другіе органы, восходящіе тѣмъ самымъ развивали ихъ, а вмѣстѣ съ ними и завѣдывающіе ими нервные центры, которые потому и получили большую наклонность къ функціонированію.

Такъ выясняется вопросъ о свободѣ воли, который дѣйствующіе уголовные кодексы и криминалисты классической школы по традиціи кладутъ въ основу вопроса о вмѣняемости.

15.

Коснувшись вопроса о вмѣняемости и вмѣненіи, мы уже вступили въ область вопросовъ о средствахъ борьбы съ преступностью.

Въ этой области новое научное направленіе задалось вопросами: отчего? и почему? какъ тѣми вопросами, отвѣты на которые только и могутъ указать правильные пути для борьбы со зломъ преступности.

Тщательно изучая на почвѣ наблюденія и опыта элементы для отвѣтовъ, новое направленіе самой логикой фактовъ вынуждено было устранить понятіе о свободѣ воли, какъ основаніи для примѣненія мѣръ борьбы съ преступностью, диктуемыхъ въ уголовныхъ кодексахъ. Результатами ближайшаго изученія всего многообразія явленій душевныхъ болѣзней, вырожденія, органическихъ неуравновѣшенностей, оскудѣнія, недоразвитій и различныхъ органическихъ уклоненій вообще, въ томъ числѣ и различныхъ проявленій преступности и порочности, оно было вынуждено признать, что между всѣми этими явленіями нѣтъ основныхъ различій по существу, а имѣются только различія въ степеняхъ разстройствъ и уклоненій, въ ихъ локализаціяхъ по различнымъ частямъ психо-физическаго существа человѣка и въ ихъ комбинаціяхъ. Оно должно было признать, что всѣ ихъ носители суть одинаково, хотя и въ различной мѣрѣ, по терминологіи Мореля, „несчастныя, порочныя и дурно-уравновѣшенныя организаціи“.

Въ виду этого оно вынуждено было признать, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній дѣлить людей на юридически вмѣняемыхъ и невмѣняемыхъ, отвѣтственныхъ и безотвѣтственныхъ. Всѣмъ одинаково должны ставиться на счетъ ихъ дѣйствія и ко всѣмъ въ возможно большей степени долженъ быть примѣняемъ принципъ индивидуализаціи мѣръ воздѣйствія, независимо отъ того, относятся ли тѣ или другіе изъ нихъ, по номенклатурѣ и воззрѣніямъ классической школы, къ категоріи вмѣняемыхъ или невмѣняемыхъ.

Поэтому же новое направленіе было вынуждено признать, что основаніемъ и оправданіемъ примѣненія мѣръ борьбы съ преступностью можетъ служить не отмщеніе, не возмездіе и искупленіе, не устрашеніе, а необходимость огражденія общества отъ преступныхъ и даже порочныхъ и безнравственныхъ дѣйствій, относящихся къ одной и той же категоріи дѣйствій вредоносныхъ, но огражденія всегда мѣрами цѣлесообразными и потому разумными.

Для примѣненія иныхъ мѣръ, особенно мѣръ отмщенія и возмездія, нѣтъ основаній. Причины преступныхъ дѣяній кроются не въ

однихъ преступникахъ, какъ мы видѣли, но и въ самомъ ополчающемся противъ нихъ обществѣ, во всемъ строѣ взаимныхъ отношеній членовъ этого общества, благодаря чему, по закону наслѣдственности, основы преступности закладываются еще ранѣе рожденія и послѣ него, преимущественно въ томъ возрастѣ, когда пониманіе, разумность и психика вообще находятся въ самомъ началѣ своего развитія.

Наконецъ, новое направленіе вынуждено было признать, что для успѣшной борьбы съ явленіями преступности, для ихъ устраненія необходимо устранять самыя ихъ причины, и притомъ не только ближайшія, но и болѣе отдаленныя и глубокія. Будутъ существовать и останутся неустраненными причины—будутъ существовать, какъ всегда и вездѣ, и ихъ необходимыя слѣдствія. Изъятія изъ этого непреложнаго правила немыслимы, и общество, охватываемое слѣпымъ чувствомъ мщенія, поражая преступника, уподобляется неразумному ребенку, который, чувствуя боль отъ ушиба, яростно бьетъ и ломаетъ неодушевленный предметъ, о который онъ ушибся.

Классическая школа, касаясь субъективной стороны преступнаго дѣянія, почти не шла далѣе такъ называемыхъ „злого умысла“ и „злой воли“. Напротивъ, новое научное направленіе, тщательно изучая непреложную связь въ явленіяхъ преступности, беретъ человѣка во всей его цѣлостности и начинаетъ съ наиболѣе коренныхъ устоевъ. А такими въ психической области являются простѣйшія чувствованія и слагающееся изъ нихъ сложное цѣлое—чувство собственнаго существованія въ каждое данное время или самочувствіе, которое и образуетъ собою основу психической личности, ея основной фонъ, на которомъ уже и рисуются всѣ послѣдующіе узоры психической жизни.

Ранѣе я подробно говорилъ о чувствованіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ, о самочувствіи, о значеніи и роли его въ пьесѣ душевной жизни человѣка, о роли умственной дѣятельности, о механизмѣ подсказыванія мыслей внутренними ощущеніями и проч. Теперь дополню сказанное лишь весьма немногимъ.

Умственныя способности—это элементъ добавочный, аппаратъ роскоши, если такъ можно выразиться, развивающійся мало-по-малу и шагъ за шагомъ восходя по лѣстницѣ творенія. Напротивъ, самочувствіе представляетъ собой фундаментъ, основной фонъ психической жизни, которая, безъ знакомства съ нимъ, совершенно непонятна и недоступна для правильнаго ея истолкованія.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что различія структуры этого основного фона, структуры, не безъ труда поддающейся изуче-

нію, оказываютъ рѣшительное вліяніе на всѣ внѣшнія, позднѣйшія образованія въ жизни души.

Самочувствіе со всѣмъ многообразіемъ своихъ особенностей, какъ бы выталкиваетъ, хотя и незамѣтно, на поверхность сознанія, если можно такъ выразиться, тѣ, а не другія мысли и такимъ образомъ принимаетъ очень большую долю участія въ опредѣленіи содержанія и хода мышленія въ данное время.

Возьмите, напримѣръ, похотливаго и развращеннаго человѣка, ближе и внимательнѣе присмотритесь къ нему. Наблюденіе не замедлитъ указать намъ, что мысли и образы, болѣе обычно пребывающіе въ его сознаніи, сладострастны и скабрезны и что именно въ сторону ихъ обычно и направляется его мышленіе. Поэтому самая новѣйшая наша литература, которой многіе зачитываются, представляетъ тревожный общественный симптомъ.

У человѣка желудочнаго типа, того типа, который былъ такъ распространенъ въ эпоху паденія Рима, сознаніе сосредоточивается на соотвѣтствующихъ представленіяхъ, и въ немъ обычно возникаютъ соотвѣтствующіе этимъ представленіямъ предположенія и планы, направляющіе дѣйствія.

У человѣка, обычное самочувствіе котораго оттѣняется большей или меньшей злостностью, недовѣрчивостью, подозрительностью, мышленіе болѣе обычно сосредоточивается на недостаткахъ другихъ людей, и онъ болѣе охотно и ясно видитъ и фиксируетъ свое вниманіе на ихъ слабостяхъ и дурныхъ сторонахъ характера и дѣйствій. Напротивъ, человѣкъ съ обычно благожелательнымъ и яснымъ настроеніемъ, несмотря даже на многія разочарованія въ своей прошлой жизни, повсюду видитъ только хорошее, всегда стремится быть пріятнымъ и полезнымъ для другихъ.

Сходныя измѣненія во всѣхъ душевныхъ проявленіяхъ человѣка происходятъ и въ зависимости отъ временныхъ болѣе рѣзкихъ измѣненій въ его настроеніяхъ. Но особенно ярко проявляется вліяніе и значеніе самочувствія на весь обликъ психической личности, при рѣзкихъ болѣзненныхъ измѣненіяхъ въ немъ, когда человѣкъ иногда почти совершенно перерождается и измѣняется въ своихъ настроеніяхъ, чувствахъ и отношеніяхъ къ людямъ и въ содержаніи и ходѣ своего мышленія.

Но даже не въ столь рѣзко выраженныхъ болѣзненныхъ случаяхъ наблюдаются иногда какъ бы выпаденія изъ душевной жизни человѣка, на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, тѣхъ или другихъ сложныхъ чувствъ, а съ ними вмѣстѣ и ихъ вли-

нія на поведеніе, какъ, напримѣръ, выпаденіе религіознаго чувства, чувства благожелательности и любви къ людямъ и т. д.

Таково значеніе и вліяніе того, что́ можно назвать „чувственной личностью“, въ душевной жизни человѣка и ея проявленіяхъ во внѣ.

Мысль и вообще умственныя способности, значительно позднѣе чувства появляющіяся и развивающіяся, какъ у отдѣльной личности, такъ и во всемъ человѣческомъ родѣ, имѣютъ значеніе и оказываютъ вліяніе на дѣятельность только второстепенное и притомъ по тѣсной связи ихъ съ областью чувства.

Укажу прежде всего на ихъ задерживающее вліяніе на чувственныя влеченія, препятствующее послѣднимъ переходить въ дѣятельность.

Другое ихъ вліяніе обязано своимъ существованіемъ упомянутой тѣсной связи ихъ съ областью чувствованій. Благодаря этой связи они могутъ до извѣстной степени вліять и измѣнять настроеніе и лежащее въ основѣ его самочувствіе, но всегда лишь постольку, поскольку то или другое представленіе, та или другая мысль, вслѣдствіе сосуществованія и повторяемости, тѣсно связана или, иначе, ассоціирована съ тѣми или другими чувствованіями. Только благодаря этой прочной ассоціаціи отдѣльныя представленія и мысли и обладаютъ способностью пробуждать связанныя съ ними чувствованія, заставлять ихъ сильно вибрировать и тѣмъ самымъ измѣнять составъ самочувствія даннаго времени, а съ нимъ и настроеніе.

Голая же мысль (если можно такъ выразиться), которая не заставляетъ достаточно сильно вибрировать въ настроеніи соотвѣтствующія чувствованія, неспособна опредѣлять и направлять въ достаточной мѣрѣ поступки и дѣятельность человѣка.

Если, напримѣръ, мысль о страданіяхъ другихъ людей, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не заставляетъ сильно звучать въ самочувствіи человѣка живыхъ чувствованій состраданія, то такая мысль будетъ почти или вовсе неспособна подвинуть его на пожертвованія и жертвы. Такая мысль большею частью или будетъ спокойно пребывать въ сознаніи въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, или немедленно будетъ вытѣснена изъ него другими мыслями, находящимися въ болѣе тѣсной связи съ чувствованіями, обычно входящими въ составъ самочувствія у даннаго человѣка.

Вотъ почему мы видимъ, что одна и та же мысль дѣйствуетъ различно и иногда діаметрально противоположно на различныхъ людей, несмотря на значительное сходство въ степени ихъ умственнаго развитія. Вотъ почему оскудѣніе области чувствъ такъ рѣшительно

вліяетъ на дѣятельность, придаетъ ей характеръ безразличія и повышаетъ въ ней инертность. Вотъ почему, наконецъ, мысль и мышленіе такъ легко идутъ на службу чувствамъ, выражающимся въ интересахъ, и такъ легко становятся очевидно пристрастными.

Нельзя не пожалѣть, что къ изученію самочувствія не обращаются въ достаточной мѣрѣ для вѣрнаго истолкованія дѣйствій человѣка вообще и его преступныхъ дѣяній въ частности. А между тѣмъ, въ немъ рѣшенія, опредѣляющія дѣятельность человѣка, имѣютъ свой источникъ, подлежащій воздѣйствіямъ окружающихъ условій.

Человѣкъ совершаетъ, напримѣръ, поступокъ, поражающій всѣхъ своей отвагой и великодушіемъ. Но всмотритесь поближе, внимательно изучите, и вы увидите, что этотъ поступокъ былъ прямымъ слѣдствіемъ инстинктивнаго настроенія, которое охватило этого человѣка и въ которомъ сильно звучали великодушные порывы къ добру, вытѣсняя почти или совсѣмъ всякое чувство страха, несмотря на то, что явная опасность была видима для всѣхъ окружающихъ. Тщательный анализъ подскажетъ намъ, что такой поступокъ хотя благородный и прекрасный, вовсе не представляетъ собой какой-то заслуги, являясь необходимымъ слѣдствіемъ инстинктивнаго настроенія, испытаннаго въ это время этимъ героемъ, настроеніемъ, которое, въ свою очередь, было прямымъ слѣдствіемъ особенностей его натуры и различныхъ состояній, пережитыхъ его личностью.

Подобно этому и всѣ преступныя дѣйствія человѣка имѣютъ свой источникъ въ особенностяхъ самочувствія этого человѣка, которыя, въ свою очередь суть результаты наслѣдственной передачи предшествующаго развитія, пережитыхъ и переживаемыхъ временныхъ органическихъ состояній. Достаточно сказать и указать, что, подъ вліяніемъ особенностей временныхъ состояній самочувствія съ ихъ психической болью и мученіями, заглушается иногда сильнѣйшее чувство, чувство самосохраненія, и совершаются посягательства даже на собственную жизнь.

16.

Таковы результаты, къ которымъ приводитъ насъ тщательное изученіе фактовъ физіологическихъ, психологическихъ, психіатрическихъ, патологическихъ и соціологическихъ.

Эти результаты, повторяю еще разъ, показываютъ, что между душевными болѣзнями, разстройствами и аномаліями, съ одной стороны, и явленіями преступности, извращенности и порочности, съ другой стороны, въ существѣ, въ механизмѣ нѣтъ различій; имѣются различія только въ степеняхъ, въ комбинаціяхъ, а часто и въ устойчивости явленій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти результаты заключаютъ въ себѣ громко говорящія указанія на цѣлую систему цѣлесообразныхъ мѣръ для успѣшной борьбы съ преступностью. Они ясно говорятъ, что эти мѣры прежде всего и главнымъ образомъ должны быть широкими мѣрами предупрежденія, мѣрами общественной гигіены, направленными на удаленіе изъ жизни общества и отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ, тѣхъ болѣзнетворныхъ факторовъ, которые порождаютъ разстройства и извращенія самочувствій, происходящія отъ вольныхъ или невольныхъ нарушеній законовъ жизни, законовъ біологическихъ. Если эти разстройства и извращенія нерѣдко легко порождаютъ посягательства даже на собственную жизнь, то что же удивительнаго, въ томъ, что они еще съ большею легкостью порождаютъ и должны порождать различныя преступленія? Иначе говоря, цѣлесообразныя мѣры борьбы съ преступностью, указываемыя результатами изученія, должны быть мѣрами общественнаго оздоровленія. Въ этомъ онѣ вполнѣ сливаются съ цѣлесообразными мѣрами для разрѣшенія великаго соціальнаго вопроса, которыя также не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ тѣми же мѣрами общественнаго оздоровленія и справедливости.

Тѣ же результаты тщательнаго изученія явленій живой дѣйствительности громко возражаютъ противъ примѣненія въ борьбѣ съ народившимся уже преступникомъ завѣщанныхъ намъ отъ сѣдой старины мѣръ репрессій, разсчитанныхъ на причиненіе боли и страданій.

Если въ существѣ нѣтъ основныхъ различій между душевными болѣзнями, разстройствами и аномаліями, съ одной стороны, и явленіями преступности, извращенности и порочности, съ другой стороны, то, очевидно, не можетъ и не должно быть различій, въ принципѣ и въ средствахъ устраненія или леченія тѣхъ и другихъ. Руководящія идеи должны быть однѣ и тѣ же. Въ той и другой категоріи явленій прежде всего необходимо выяснить и опредѣлить субъективныя причины болѣзни и преступности. Затѣмъ, основываясь на особенностяхъ производящихъ причинъ, необходимо выбрать средства, наиболѣе соотвѣтствующія цѣли устраненія этихъ причинъ. При этомъ необходимо примѣнять эти средства безъ участія плохихъ со-

вѣтниковъ: злобы и раздраженія, какъ мы должны примѣнять и всѣ другія средства, направленныя на устраненіе вредоносныхъ факторовъ, дѣйствующихъ въ окружающемъ насъ мірѣ.

Мы видимъ, что въ леченіи душевно-больныхъ, на-ряду со средствами, примѣненіе которыхъ непосредственно разсчитано на улучшеніе органическаго состоянія, прибѣгаютъ къ содѣйствію опредѣленнаго нравственнаго режима и примѣняютъ различныя средства педагогическаго характера, соотвѣтствующія особенностямъ, наблюдаемымъ у личности, подлежащей леченію. И все это дѣлается съ единственною цѣлью излеченія или, по меньшей мѣрѣ, улучшенія состоянія здоровья пацієнта.

Тѣ же принципы должны быть примѣняемы и въ области борьбы съ преступленіемъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы вовсе не будемъ смѣшивать преступность съ душевною болѣзнью, если понимать послѣднее выраженіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ „большая публика“. Этимъ утвержденіемъ указывается только на близость и сродство двухъ областей явленій, въ одной изъ которыхъ примѣняется разумное леченіе, тогда какъ въ другой, по вѣковой традиціи, примѣняются произвольныя мѣры, напередъ продиктованныя въ кодексахъ и устанавливающія, безъ изслѣдованія и знанія подлежащихъ имъ личностей, именно столько-то лѣтъ тюрьмы или каторжныхъ работъ и т. д. за то или другое преступленіе.

Этими выводами новаго научнаго направленія, конечно, вызывается цѣлая революція въ области уголовнаго права, и изъ этой области устраняются понятія объ отмщеніи, возмездіи, терроризированіи замѣняясь понятіемъ о спасительныхъ мѣрахъ, предназначенныхъ оказывать цѣлесообразныя воздѣйствія на обѣ стороны существа человѣка, т. е. на его психо-физику. И нелишне отмѣтить, что эти выводы вполнѣ совпадаютъ съ тѣми правилами, которыя для тѣхъ же случаевъ намъ диктуются ученіемъ Христа.

Этими выводами устраняются сверхъ того понятія объ уголовной отвѣтственности и вмѣняемости, замѣняясь понятіемъ о выборѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ для возможно большаго исправленія преступника, съ одной стороны мѣрами перевоспитанія, а съ другой стороны и мѣрами леченія въ собственномъ смыслѣ.

Томсонъ приводитъ, какъ вы помните, свидѣтельство одного тюремнаго медика, который утверждаетъ, что онъ никогда не встрѣчалъ такого скопленія различныхъ болѣзней, какое ему приходилось встрѣчать у преступниковъ: ихъ посмертныя вскрытія констатируютъ

большія или меньшія пораженія и разстройства почти во всѣхъ органахъ.

Устрашеніемъ же и мѣрами жестокости можно создавать дикихъ звѣрей, но не возрождать человѣка, предназначеннаго жить въ обществѣ себѣ подобныхъ и возможно б олѣе приспособляться къ условіямъ жизни въ немъ. Изъ предшествующаго вы уже имѣли возможность убѣдиться, во что обходится современная система борьбы съ преступностью и къ какимъ мало утѣшительнымъ результатамъ приводитъ она. Истинныя же задачи того, что называютъ репрессіей, задачи, вытекающія изъ всесторонняго изученія фактовъ живой дѣйствительности, между прочимъ, прекрасно формулированы германской соціалъ-демократической рабочей партіей на ея „партейтагѣ“ (конгрессѣ), имѣвшемъ мѣсто въ Маннгеймѣ въ 1906 году. По мнѣнію партейтага, исполненіе наказаній не должно быть угнетеніемъ и мучительствомъ осужденныхъ, которые, какъ мы это видѣли, въ сущности являются жертвами современнаго строя, попирающаго основныя начала общественной солидарности. Цѣль исполненія наказаній, по мнѣнію партейтага, напротивъ, должна состоять въ развитіи у осужденныхъ устойчивости физической, умственной и нравственной въ борьбѣ за существованіе.

17.

Указываемыя новою школою здоровыя начала, о которыхъ я только что говорилъ, начинаютъ, подъ вліяніемъ опыта, наблюденій явленій грозной дѣйствительности и распространенія знаній, проникать въ жизнь и примѣняться на практикѣ, хотя все еще въ очень недостаточной мѣрѣ.

Послѣдствія современнаго широкаго развитія индустріально-капиталистическаго строя, о которыхъ мнѣ приходилось упоминать, говоря о времени Роберта Оуэна и о времени работъ Ломброзо, слишкомъ рѣзко бьютъ въ глаза, живо и болѣзненно ощущаются повсюду и потому невольно наводятъ на глубокое раздумье, въ виду угрозъ будущаго.

И вотъ, подъ вліяніемъ этой боли и этихъ думъ начинаютъ развиваться, съ одной стороны, учрежденія самопомощи и взаимопомощи, а съ другой—учрежденія цѣлесообразной и по возможности не принижающей помощи и содѣйствія, которыя пытаются превратить общество изъ какого-то сборища людей, какимъ оно въ значительной

степени представляется въ настоящее время, въ дѣйствительное общество, основанное на началахъ солидарности.

Значительно развиваются и притомъ объединяются различные союзы взаимопомощи и разнообразныя кооперативныя учрежденія, связанныя съ великимъ именемъ Роберта Оуэна и какъ бы охватившія человѣка съ большаго или меньшаго числа сторонъ его жизни. Въ нихъ онъ находитъ удовлетвореніе многихъ своихъ потребностей и значительную поддержку во многихъ своихъ нуждахъ. И самая сфера и объемъ дѣятельности такихъ обществъ постепенно все расширяются и становятся разностороннѣе. Капиталъ въ такихъ учрежденіяхъ не приноситъ дохода, необоснованнаго на заработкѣ.

Для примѣра укажу хотя бы на англійское „Общество Рочдэйльскихъ Піонеровъ“, возникновеніе котораго на гроши горсти рабочихъ въ 1844 году, въ качествѣ общества потребительнаго, послужило зародышемъ новаго могущественнаго движенія въ сферѣ кооперації, соотвѣтствующаго потребностямъ и условіямъ времени.

Рочдэйльское общество не ограничилось только потребительной операціей, а постепенно расширило кругъ своей дѣятельности. Устроивъ значительное число лавокъ для удобства своихъ членовъ, оно не забыло и другихъ ихъ потребностей. Оно отчисляетъ 2½% изъ своихъ прибылей на образовательныя цѣли. Оно имѣетъ большую библіотеку, много читаленъ, содержитъ большую школу, устраиваетъ курсы по математикѣ, физикѣ, физіологіи, черченію, тканью и проч., имѣетъ передвижную молочную школу, строитъ для своихъ членовъ дома и выдаетъ имъ для этого ссуды съ постепеннымъ погашеніемъ. Оно учредило страховое отъ огня общество, организуетъ медицинскую помощь для своихъ больныхъ членовъ, принимаетъ на себя издержки по ихъ погребенію, устраиваетъ для членовъ различныя собранія и театральныя представленія и для своихъ нуждъ содержитъ производительныя заведенія.

При этомъ надо замѣтить, что положеніе даже наемныхъ рабочихъ въ производительныхъ заведеніяхъ такихъ кооперативныхъ обществъ вообще значительно лучше, нежели положеніе рабочихъ въ частныхъ предпріятіяхъ: рабочій день въ нихъ менѣе продолжителенъ, заработная плата выше и условія жизни лучше. Нелишне замѣтить, что общества рѣшительно отказываются закупать товары, произведенные при помощи такъ называемой „потогонной системы“, и предпочитаютъ сами производить бѣлье, платье и нѣкоторые другіе товары съ бо́льшими издержками, чтобы только не принимать даже косвеннаго участія въ чрезмѣрной эксплоатаціи рабочихъ.

Такимъ образомъ, рочдэйльское общество постепенно превратилось изъ потребительнаго союза въ дѣйствительное общество, стремящееся приходить на помощь своимъ членамъ съ возможно большаго числа сторонъ ихъ жизни.

Число такихъ потребительныхъ кооперативовъ очень велико. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1907 года въ Англіи было 1448 потребительныхъ обществъ съ 2.222.417 членами, годичнымъ оборотомъ въ 63.353.772 фунта стерлинговъ, годичною прибылью въ 9.972.250 фунтовъ стерлинговъ и паевымъ капиталомъ въ 27.350.588 фунтовъ стерлинговъ.

До какой высоты подъема общественности можетъ доводить примѣненіе началъ солидарности и кооперації уже и въ наше время, показываетъ хотя бы слѣдующій современный примѣръ. Парижская кооперативная рабочая типографія, носящая названіе „Emancipatrice“ („Освободительница“), возникла въ 1901 году исключительно на занятыя деньги. Исходя изъ руководящаго начала, что всякій работникъ долженъ вкладывать въ дѣло, для обезпеченія его полнаго успѣха, одинаковыя усердіе и преданность и что всѣ лица, составляющія трудовое братство, имѣютъ одинаковыя нужды, предпріятіе уравняло всѣхъ своихъ участниковъ, начиная отъ завѣдывающаго до послѣдняго чернорабочаго, въ размѣрахъ трудового вознагражденія, которое получается полностью всѣми во время болѣзней, во время ежегодно даваемыхъ каждому двухнедѣльныхъ отпусковъ. Административный совѣтъ типографіи—это вся совокупность членовъ кооперації, имѣющихъ одинаковую возможность знать всѣ дѣла и входить во всѣ подробности предпріятія. Съ момента основанія типографіи и до конца производительнаго періода 1906—1907 годовъ изъ прибылей оплачена вся стоимость инвентаря (до 70.000 франковъ), исключая лишь 3.430 франковъ. Изъ того же источника уплачены 16.475 франковъ занятаго оборотнаго капитала. Заработокъ предпріятія съ 1903 года возросъ съ 51.653 до 75.729 франковъ, а годичный оборотъ съ 131.186 до 170.851 франка. Не довольствуясь устроеніемъ собственнаго благополучія, „Освободительница“ пошла съ 10% отчисленіями на помощь другимъ рабочимъ и новымъ производительнымъ кооперацiямъ, обращающимся къ ея сознанію солидарности.

И такое многообразное въ своихъ формахъ кооперативное движеніе, вызываемое условіями времени и требованіями нарождающагося новаго строя жизни, повсюду въ культурныхъ странахъ ширится и постепенно все болѣе развивается. Оно возрождаетъ прежнія общинно-родовыя хозяйственныя общины на свободномъ началѣ солидарности.

Образуются и дѣйствуютъ организаціи и другого рода, какъ, напримѣръ, образовавшаяся въ 1865 году по иниціативѣ и благодаря усиліямъ англійскаго священника Вильяма Бута (Booth) знаменитая „Армія Спасенія“ („Salvation Army“). Она имѣетъ характеръ религіознаго ордена и стремится вліять религіозными воздѣйствіями, развитіемъ чувства чести и человѣческаго достоинства и развитіемъ навыковъ полезнаго и производительнаго труда.

Армія дѣйствуетъ уже во многихъ странахъ и достигаетъ очень значительныхъ результатовъ. Помощь нуждающимся она оказываетъ въ формѣ трудовой помощи. Для этого она устраиваетъ ночлежные дома, земледѣльческія колоніи, мастерскія, пріюты для дѣтей, для бывшихъ проститутокъ, для выпущенниковъ изъ тюремъ, учреждаетъ магазины для продажи предметовъ первой необходимости, кухни для изготовленія пищи и т. д.

Ея главные дѣятели, носящіе названіе „офицеровъ“ арміи, во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ представителями нуждающихся и загнанныхъ классовъ общества стремятся вліять, главнымъ образомъ, на ихъ нравственную сторону, на ея подъемъ. Они дѣйствуютъ преимущественно проповѣдями, бесѣдами и въ то же время пріисканіемъ труда, а въ случаѣ нужды и матеріальною помощью.

На-ряду съ „Арміей Спасенія“ въ Англіи дѣйствуетъ другая сходная съ ней по характеру, задачамъ и пріемамъ организація, извѣстная подъ названіемъ „Церковной Арміи“ („Church Army“), которая устроила и содержитъ многія учрежденія трудовой помощи. Въ послѣднемъ нумерѣ журнала „Revue Pénitentiaire“ за 1906 годъ сообщалось о предложеніи, сдѣланномъ этой организаціей англійскому министру внутреннихъ дѣлъ и имъ сочувственно встрѣченномъ.

Армія предложила избрать 12 лицъ, подъ именемъ „чиновниковъ по испытанію“ („probation officers“), служащихъ безъ вознагражденія, опытныхъ въ примѣненіи „системы испытанія“ („probation system“). Цѣль этой системы—установить тѣсную связь между областью репрессіи и филантропіи, съ замѣной во многихъ случаяхъ первой второю. По этой системѣ, малолѣтній или совершеннолѣтній преступникъ, подъ именемъ „испытуемаго“ („probationer“), поручается не тюремной администраціи и не попадаетъ въ тюрьму, а остается на попеченіи и подъ наблюденіемъ „чиновника по испытанію“ на срокъ не долѣе одного года; при хорошемъ и внушающемъ довѣріе поведеніи испытуемаго срокъ этотъ можетъ быть и сокращенъ. „Чиновникъ“, которому порученъ преступникъ, обязанъ давать отчетъ только судьѣ, его избравшему, но не полиціи. Онъ долженъ видѣть испытуемаго, по меньшей

мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяцъ и долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы послѣдній правильно и усердно работалъ, ни подъ какимъ предлогомъ не посѣщалъ кабаковъ и къ опредѣленному часу возвращался вечеромъ домой. „Чиновникъ“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ удерживать часть заработка испытуемаго и употреблять ее на нужды семьи послѣдняго, а главнымъ образомъ располагать его дѣлать сбереженія, которыя вносятся въ банкъ на имя „чиновника“ и секретаря „Арміи“. Въ случаѣ недостатка работы у испытуемаго и невозможности достать ее, онъ можетъ направляться въ учрежденія трудовой помощи, содержимыя „Арміей“

Сообщая объ этомъ предложеніи „Арміи“, журналъ возбуждалъ вопросъ о примѣненіи этой системы и во Франціи, при посредствѣ обществъ патроната, въ примѣненіи къ нѣкоторымъ изъ условно-осуждаемыхъ.

Такимъ образомъ, при этой системѣ, которая беретъ свое начало изъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, репрессія, въ полномъ смыслѣ этого слова, уступаетъ свое мѣсто и замѣняется системой временныхъ надзора и опеки, которая практикуется также и обществами патроната, въ настоящее время все болѣе развивающимися въ Западной Европѣ.

Предложеніе „Церковной Арміи“ 21 августа 1907 года изъ предложенія превратилось въ законъ („Probation of offenders Act“), вступившій въ силу съ 1 января 1908 года. Законъ этотъ есть дальнѣйшее развитіе замѣненнаго имъ закона 1887 года („Probation of first offenders Act“) объ отсрочкѣ осужденія въ первый разъ провинившихся. По этому закону судья могъ откладывать сужденіе о такихъ обиняемыхъ, обязывая ихъ обѣщаніемъ впредь хорошо вести себя и впослѣдствіи явиться въ судъ. Новый законъ также предоставляетъ судьѣ отсрочивать сужденіе объ обвиняемыхъ, но онъ устанавливаетъ еще должности „чиновниковъ по испытанію“, на которыхъ возлагается обязанность тщательно слѣдить, въ теченіе опредѣленнаго періода времени, за поведеніемъ отпущенныхъ и постоянно сообщать суду о ихъ образѣ жизни, привычкахъ и т. под. и наблюдать за строгимъ исполненіемъ ими условій, которыя поставлены судомъ и на которыхъ они отпущены. На „чиновниковъ“ законъ вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ обязанность оказывать подлержку и относиться дружески къ отпущеннымъ и приходить къ нимъ съ помощью, совѣтомъ, пріисканіемъ занятій и проч. Для несовершеннолѣтнихъ (до 16-лѣтняго возраста) по возможности должны состоять особые „чиновники“.

Сходную съ „Арміей Спасенія“ организацію представляетъ собою могущественно-развившееся общество лютеранъ, носящее названіе

„Внутренняго Миссіонерства“ („Innere Mission“), также имѣющее религіозный характеръ. Это общество основано извѣстнымъ пасторомъ Вихнеромъ, которымъ основанъ и знаменитый „Суровый Домъ“ въ Гамбургѣ (воспитательное учрежденіе).

Задача этого миссіонерства—религіозно-нравственное возвышеніе народныхъ массъ, смягченіе бѣдствій соціальныхъ неравенствъ и вообще недостатковъ современнаго строя. Подобно англійскимъ „Арміямъ“, миссіонерство создаетъ, содержитъ и поддерживаетъ множество различныхъ учрежденій, союзовъ, братствъ, призванныхъ бороться съ этими недостатками. Сама широко развивающаяся благотворительность не только лучше организуется, но и существенно измѣняетъ свой характеръ и отъ раздачи подачекъ понемногу переходитъ къ тѣмъ же задачамъ систематической борьбы все съ тѣми же недостатками и бѣдствіями современнаго строя; нѣкоторые изъ ея представителей указываютъ даже для этой новой благотворительности или филантропіи, какъ цѣль, пересозданіе на лучшихъ началахъ современнаго устройства общества.

18.

Всѣ эти и подобныя имъ организаціи относятся къ области учрежденій для примѣненія мѣръ предупрежденія и оздоровленія общества. Но что же дѣлается лучшаго въ наше время для борьбы съ народившеюся и нарождающейся преступностью?

Въ этой области мы находимъ пока двѣ категоріи учрежденій:

1) учрежденія для воспитанія и перевоспитанія заброшенныхъ дѣтей и подростковъ и

2) учрежденія для перевоспитанія прегрѣшившихъ взрослыхъ.

Первыя изъ нихъ, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, уже вполнѣ утратили карательный характеръ и являются учрежденіями все цѣло воспитательными, а вторыя (если говорить тоже только о лучшихъ изъ нихъ) начинаютъ все болѣе стремиться къ тому же типу.

„Молодежь“, по вѣрному замѣчанію Фенелона, „есть цвѣтъ націи, въ которомъ и надо культивировать ея будущій плодъ“. „Культивируй, поливай молодое растеніе“, совѣтуетъ Руссо, обращаясь къ матери, „его плоды будутъ когда-нибудь твоею утѣхою“. Къ сожалѣнію, указаніе знаменитаго врача-философа Кабаниса на то, что человѣкъ, столь много сдѣлавшій для культуры животныхъ и растеній, почти пренебрегаетъ воспитаніемъ самого себя и до сихъ поръ, въ о б щ е м ъ, продолжаетъ сохранять свое значеніе, „какъ будто болѣе существенно

имѣть большихъ и сильныхъ быковъ, а не сильныхъ и здоровыхъ людей, пахучіе персики и прекрасно разрисованные тюльпаны, а не умныхъ и хорошихъ гражданъ“. У меня есть небольшая книжечка Райта „Практическое птицеводство“. Знакомясь съ заботами, рекомендуемыми для воспитанія домашнихъ птицъ и ухода за ними, становится даже какъ-то обидно, когда подумаешь объ условіяхъ воспитанія массы дѣтей рабочей бѣдноты.

Замѣчаніе Кабаниса, сохраняющее свою правильность вообще, имѣетъ значеніе особенно въ примѣненіи къ заброшеннымъ и безпріютнымъ дѣтямъ, число которыхъ въ современныхъ обществахъ все продолжаетъ наращаться. Наращеніе это происходитъ не отъ того, чтобы заботы общества о такихъ дѣтяхъ не увеличивались или чтобы онѣ уменьшались. Нѣтъ, разнообразныя учрежденія для заброшенныхъ и безпріютныхъ дѣтей, среда которыхъ и поставляетъ намъ такъ называемыхъ „несовершеннолѣтнихъ преступниковъ“, все возрастаютъ въ числѣ, и вниманіе общества бьющими въ глаза фактами жизни все больше привлекается къ вопросамъ „предупредительнаго“, „принудительнаго“ и „исправительнаго“ воспитанія. Наращеніе же связано съ явленіями, присущими современному строю, который такъ безпощадно разрушаетъ семью въ средѣ нуждающихся классовъ населенія, увеличиваетъ число пауперовъ, безработныхъ и рабочихъ, постоянно передвигающихся съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за работою. Небезынтересно отмѣтить, что 25 апрѣля (н. с.) 1907 года французскій министръ юстиціи, по просьбѣ министра труда, разослалъ циркуляръ прокурорамъ, предлагающій имъ на будущее время избѣгать возбужденія всякихъ преслѣдованій по обвиненію въ бродяжничествѣ противъ рабочихъ, передвигающихся въ поискахъ работъ и снабженныхъ удостовѣреніями рабочихъ синдикатовъ, обезпечивающими имъ путевыя пособія („viaticum“). Такіе рабочіе, какъ поясняетъ циркуляръ, благодаря пособіямъ синдикатовъ, не могутъ быть разсматриваемы, какъ „лишенные средствъ существованія“, вслѣдствіе чего одинъ изъ элементовъ состава преступленія бродяжничества отпадаетъ.

Но если увеличивается число учрежденій для заброшенныхъ и безпріютныхъ дѣтей, то еще въ гораздо большей пропорціи возрастаетъ, благодаря указаннымъ условіямъ, самое число ихъ, и первое возрастаніе далеко не поспѣваетъ за вторымъ. Поэтому возрастаетъ и преступность, какъ одно изъ проявленій того общественнаго недуга, который извѣстенъ подъ общимъ именемъ современнаго соціальнаго вопроса.

„Преступность, кажется, перешла въ послѣдніе годы къ молодежи“, говоритъ докторъ Уайнсъ, иниціаторъ Лондонскаго Международнаго

Тюремнаго Конгресса 1871 года, „мошенники, воры и даже убійцы, въ среднемъ выводѣ, стали на нѣсколько лѣтъ моложе, нежели были полвѣка тому назадъ; то же наблюдается и по отношенію къ пьяницамъ. И это такое явленіе, которое способно возбуждать тревогу и безпокойство“. И вліяніе этихъ тревоги и безпокойства, постепенно, хотя еще и не въ достаточной степени распространяющееся въ обществѣ и вызывающее усилія частной иниціативы къ устройству учрежденій, предназначенныхъ бороться съ заброшенностью и безпріютностью дѣтства, постепенно проникаетъ и въ область законодательства, которое вырабатываетъ обязательныя нормы для противодѣйствія этому злу. Такъ, прусскій законъ 1878 года о принудительномъ воспитаніи былъ вызванъ сознанною правительствомъ необходимостью „борьбы противъ заброшенности и одичанія юношества“ („Kampf gegen Verwahrlosung und Verwilderung der Jugend“), какъ сказано въ мотивахъ къ проекту закона.

Тѣми же соображеніями былъ вызванъ и французскій законъ о попеченіи о заброшенныхъ дѣтяхъ. „Конечно, слѣдуетъ улучшить исправительное воспитаніе“, читаемъ мы въ докладѣ сенатской комиссіи по выработкѣ этого закона, „но, только организуя систему воспитанія предупредительнаго, можно значительно повліять на нравственное развитіе нашего молодого поколѣнія и задержать въ самомъ ея источникѣ набѣгающую волну преступниковъ и преступленій, которой такъ напугано общественное мнѣніе... Это явленіе забрасыванія множества дѣтей бѣдняковъ, которыхъ общественное призрѣніе исключаетъ, а частная благотворительность, вслѣдствіе существованія ихъ родителей, не можетъ удерживать, получило, особенно среди городского населенія, значеніе ужаснаго общественнаго бѣдствія. Въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, въ которыхъ бѣдность, пьянство, невѣжество и отсутствіе нравственной культуры идутъ на-ряду съ уничтоженіемъ духа и чувствъ семейственности, дѣти совсѣмъ или почти безнаказанно становятся добычею всякаго развращенія и злоупотребленій родительской властью. Отдѣльные случаи, ежедневно отмѣчаемые прессою, и безпрерывно повторяющіяся судебныя сцены съ очевидностью показываютъ, что въ этомъ именно и кроется одинъ изъ источниковъ тѣхъ скороспѣлыхъ порчи и развращенія, которыя замѣчаются повсюду, какъ возрастающее зло“.

Въ приложеніяхъ къ тому же проекту закона встрѣчается слѣдующая общая характеристика: „Документы, напечатанные въ этомъ томѣ, устанавливаютъ, что наращеніе преступности въ молодомъ воз-

растѣ не представляетъ собою явленія, свойственнаго только нашей странѣ. Англія ранѣе насъ почувствовала угрозу умноженія опасныхъ классовъ, и эта угроза, какъ зловѣщая тѣнь, слѣдовала за развитіемъ ея обширнаго производства... Въ нашихъ выпискахъ, относящихся къ Соединеннымъ Штатамъ Америки, можно найти свидѣтельство о томъ ужасѣ, съ которымъ это молодое и отважное общество, въ свою очередь, констатировало въ своихъ юныхъ поколѣніяхъ прогрессъ духа преступности, несмотря на умноженіе школъ и на успѣхъ образованности. Изъ тѣхъ же выписокъ можно видѣть, что и Германія находится послѣднее время въ такой же тревогѣ, а равно и Швейцарія, эта родина старыхъ республиканскихъ добродѣтелей".

Указанная въ приведенной выдержкѣ рано обнаружившаяся общественная опасность, которая „какъ зловѣщая тѣнь слѣдовала за развитіемъ обширнаго производства Англіи", дѣлаетъ особенно интересной и поучительной исторію развитія борьбы съ заброшенностью и преступностью дѣтей и подростковъ именно въ этой странѣ.

Надо сказать, что положеніе заброшенныхъ, безпріютныхъ и преступныхъ дѣтей и подростковъ въ позапрошломъ столѣтіи было вообще ужасное. Послѣдніе скучивались вмѣстѣ со взрослыми и закоренѣлыми преступниками, а первые гибли на широкихъ улицахъ или въ различныхъ пріютахъ, для нихъ предназначенныхъ.

Каковы были условія воспитанія въ послѣднихъ, показываютъ отзывы авторовъ-очевидцевъ. „Боже мой", говоритъ, напримѣръ, Зальцманнъ, касаясь воспитанія, даваемаго въ такихъ заведеніяхъ на средства государства, „какой домъ и какое воспитаніе! Я бы предпочелъ лучше довѣрить своего ребенка первой попавшейся шайкѣ цыганъ. Когда я встрѣчаю этихъ несчастныхъ заброшенныхъ прогуливающихся разъ въ годъ по солнцу, подъ руководствомъ негодяя, котораго государство передѣлало изъ лакея въ отца этихъ несчастныхъ, когда я вижу ихъ, блѣдныхъ, какъ алебастръ, худыхъ и похожихъ на стадо невольниковъ, то сердце мое обливается кровью и всѣ похвалы, расточаемыя нашей цивилизаціи производятъ на меня впечатлѣніе злой сатиры!.."

Въ Англіи еще Говардъ обратилъ вниманіе на крайній вредъ смѣшенія въ общихъ тюрьмахъ такъ называемыхъ „малолѣтнихъ

преступниковъ“ съ преступниками взрослыми и настаивалъ на томъ, чтобы первые, „будучи заключаемы для исправленія“, строго отдѣлялись отъ вторыхъ.

Его усилія въ этомъ направленіи не остались безъ успѣха. Многія лица, пораженныя возрастающимъ числомъ порочныхъ и бродячихъ дѣтей, основали въ 1788 году общество для борьбы со зломъ, которое и учредило исправительное заведеніе, устроенное по семейной системѣ. Было выстроено три маленькихъ коттэджа, и въ каждомъ изъ нихъ была помѣщена одна семья изъ 12 дѣтей. Во главѣ всего заведенія былъ поставленъ особый завѣдующій, а по семьямъ размѣщены садовникъ, портной и башмачникъ съ женами. Основнымъ занятіемъ было земледѣліе, на которое общество смотрѣло, какъ на главный источникъ здоровья и счастья. Въ 1806 году заведеніе было реорганизовано и распалось на три отдѣленія: школу для малолѣтнихъ преступниковъ, заведеніе для заброшенныхъ дѣтей и школу для бѣдныхъ дѣвочекъ.

Въ 1815 году образовалось другое общество для улучшенія устройства тюремъ и для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Не приступая еще къ дѣлу, оно предварительно занялось изученіемъ преступности дѣтей въ Лондонѣ. Изслѣдованіе показало, что преступленія дѣтей въ этомъ городѣ достигали значительнаго количества и притомъ постоянно и быстро возрастали въ числѣ.

Дѣти, дѣятельность которыхъ была правильно организована въ видѣ ремесла, совершали самыя отвратительныя преступленія. Въ Лондонѣ въ это время было не менѣе 8000 мальчиковъ, добывавшихъ себѣ средства существованія преступленіемъ. Большая часть изъ нихъ, какъ и у насъ теперь, постоянно странствовала по тюрьмамъ и здѣсь получала свое окончательное образованіе для дальнѣйшей преступной карьеры. Причинами ихъ преступленій, какъ показало изслѣдованіе, были: бездомность, заброшенность родителями, ненормальныя семейныя отношенія, недостатокъ умственнаго и нравственнаго воспитанія, нищета, развращающее вліяніе тюремъ и притоновъ, развратъ, ярмарки, какъ въ самомъ Лондонѣ, такъ и въ его округѣ, которыя въ теченіе 7 мѣсяцевъ давали въ общей сложности 82 дня лѣности и бездѣлья. Собравъ эти свѣдѣнія, общество учредило временный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ и устраивало для нихъ школы въ тюрьмахъ.

Въ 1817 году былъ основанъ частный исправительный пріютъ близъ Бирмингама, который былъ прототипомъ англійскихъ „исправительныхъ школъ“ („reformatory schools“). Въ 1830 году въ Лондонѣ была учреждена небольшая индустріальная школа для бродячихъ

мальчиковъ и исправительная школа для дѣвочекъ. Около того же времени была учреждена индустріальная школа для маленькихъ воришекъ въ Вуличѣ (Woolwich).

Таковы были первые зародыши исправительно предупредительнаго воспитанія въ Англіи, обязанные своимъ происхожденіемъ усиліямъ частныхъ лицъ. Правительство же въ это время имѣло только развращающія тюрьмы, и зло, усиленно питаемое быстро развившимся индустріально-капиталистическимъ строемъ, продолжало распространяться и крѣпнуть.

Вмѣшательство государства въ дѣло предупредительнаго воспитанія начинается только съ 1835 года, когда для разсмотрѣнія вопроса была учреждена парламентская комиссія. Она пришла къ заключенію, что исправительныя школы должны быть сдѣланы интегральною частью тюремной системы. Послѣ этого въ 1838 году была учреждена первая правительственная школа въ Пархэрстѣ. Она единовременно была школою, мануфактурою и фермою. Питомцы начинали свое пребываніе въ ней одиночнымъ заключеніемъ, а затѣмъ переходили въ совмѣстное сожительство. На первый разъ этимъ и ограничилось участіе правительства.

Забота же о заброшенныхъ дѣтяхъ и дѣтяхъ бѣдняковъ вообще, еще по елизаветинскому закону 1601 года, лежала въ это время на приходахъ, которые и воспитывали ихъ въ „рабочихъ домахъ“ („workhouses“). Положеніе дѣтей въ этихъ домахъ было очень плачевное. Они вполнѣ смѣшивались со взрослыми, и только въ позднѣйшее время, благодаря соединенію приходовъ въ союзы, а послѣднихъ—въ округа, для дѣтей начали основываться особыя школы („separate schools“). Существовала и раздача дѣтей въ частныя семьи, но она не была распространена и не пользовалась большимъ сочувствіемъ.

Всѣ эти учрежденія, если и могли представлять какой-то призракъ какъ бы достаточности, то только до тѣхъ поръ, пока еще сохранились старыя формы жизни. Иначе стало дѣло съ развитіемъ крупнаго машиннаго фабрично-заводскаго производства и съ усиленнымъ скучиваніемъ рабочихъ въ обширныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ. Быстро стала увеличиваться сумма народныхъ богатствъ, и на-ряду съ этимъ, по странному только на первый взглядъ противорѣчію, быстро началъ расти особый, до того неизвѣстный, классъ дѣтей. Лишенныя семьи, лишенныя дома и крова, чуждыя понятій, вырабатываемыхъ развитіемъ общественности, и предоставленныя всѣмъ ужасамъ одичанія, эти дѣти, покрытыя лохмотьями и голодныя, бродили по улицамъ безъ пристанища. Они не посѣщали никакихъ

школъ и, непривычныя ни къ какому труду, промышляли средства для поддержанія своего существованія порочными и преступными дѣйствіями. Въ Англіи они получили характерное названіе „мальчиковъ-арабовъ“ или „уличныхъ арабовъ“ („arab boys“, „street-arabs“). Въ большихъ торгово-промышленныхъ центрахъ, съ постепеннымъ упадкомъ семейнаго быта и семейнаго воспитанія, эти „уличные арабы“ росли и множились, какъ грибы послѣ дождя, и постепенно все болѣе и болѣе обращали на себя вниманіе. Тотъ же процессъ наблюдается и у насъ въ настоящее время.

Нѣкто Робертъ Рекъ изъ Глочестера учредилъ для заброшенныхъ дѣтей воскресныя школы, которыя хотя и имѣли успѣхъ, но, конечно, были рѣшительно не въ силахъ бороться съ глубоко коренившимся зломъ дѣтскаго одичанія, производящія причины котораго находились далеко отъ школы и класснаго обученія. Явилась также мысль основать вечернія школы для маленькихъ уличныхъ бродягъ, извѣстныя подъ характернымъ именемъ „школъ лохмотниковъ“ („ragged schools“). Первая такая школа была основана въ 1834 году. Черезъ 5 лѣтъ въ одномъ Лондонѣ ихъ уже было 20 съ 2000 ученниковъ и 200 учителями. Въ 1844 году образовался „Союзъ Школъ Лохмотниковъ“ („Ragged Schools Union“), поставившій себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности этихъ даровыхъ школъ, а также и борьбу съ нищетою, порокомъ и невѣжествомъ. Его уполномоченные стали посѣщать школы, наблюдать за ихъ дѣятельностью, выдавать имъ пособія и раздавать награды за прилежаніе.

Все это, конечно, было нѣкоторымъ благомъ, но благомъ несоизмѣримо-малымъ по сравненію съ тѣмъ, что должно было сдѣлать. Что могли сдѣлать школы лохмотниковъ въ столкновеніи съ физическою и нравственно-умственною развращенностью несчастныхъ дѣтей, начинавшеюся отъ самаго порога жизни? Заброшенныя дѣти, постоянно дышавшія промозглымъ воздухомъ различныхъ трущобъ и притоновъ, только не надолго и какъ бы случайно сходились въ школу, чтобы затѣмъ снова возвратиться въ тѣ же родныя трущобы и притоны и быть свидѣтелями и участниками сценъ разврата и одичанія. Безсиліе школы при такихъ условіяхъ вполнѣ понятно.

Несостоятельность школъ-экстернатовъ была, наконецъ, сознана, и была понята необходимость изолированія дѣтей отъ пагубныхъ вліяній источника ихъ развращенія. Съ этою цѣлью и стали учреждаться школы-интернаты.

Движеніе въ пользу такихъ школъ возникло въ Абердинѣ, въ Шотландіи, благодаря иниціативѣ шериффа Уотсона (Watson). Въ 1840

году, какъ разсказываетъ онъ самъ, этотъ городъ изобиловалъ бродягами. Его тюрьмы были переполнены ворами, и въ теченіе одного только года 77 дѣтей, всѣ моложе 14-лѣтняго возраста, были заключены въ тюрьму. Все это не могло не останавливать на себѣ вниманія. Благодаря иниціативѣ Уотсона, 1 октября 1841 года въ Абердинѣ была открыта индустріальная школа для мальчиковъ, въ 1843 году—для дѣвочекъ, а въ 1845 году—смѣшанная школа для мальчиковъ и дѣвочекъ. Съ этихъ поръ начинается возникновеніе индустріальныхъ школъ-интернатовъ и въ другихъ городахъ. Но всѣ эти частныя усилія были только каплей въ громадномъ морѣ нищеты, бѣдности и заброшенности, которыми преизобиловали богатые и богатѣйшіе англійскіе торгово-промышленные центры. Поэтому значительное одичаніе въ нихъ нѣкоторой части молодежи росло и бросалось въ глаза. Надвигавшаяся общественная опасность уже тогда ясно намѣчалась и начала обращать на себя общественное вниманія, выдвигая вопросъ объ учрежденіи въ сколько-нибудь достаточномъ количествѣ исправительныхъ школъ. Движеніе въ пользу ихъ устройства проявилось съ сравнительною силою съ 1851 года, послѣ учрежденія „Общества Соціальныхъ Наукъ“, въ которомъ главными дѣйствующими лицами были миссъ Карпентеръ и миссъ Хиль. Послѣдствіемъ было назначеніе парламентской комиссіи, которая, послѣ изученія вопроса, пришла къ выводу, что успѣхи развращенія и преступности между молодежью обусловлены дурнымъ воспитаніемъ въ школахъ рабочихъ домовъ и системой наказанія малолѣтнихъ, состоящихъ изъ тюремнаго заключенія и порки. Результатомъ работъ комиссіи и былъ парламентскій актъ 1854 года объ „исправительныхъ школахъ для малолѣтнихъ преступниковъ“ („reformatory schools“).

Въ 1856 году для объединенія дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій, задавшихся цѣлью предупредительно-исправительнаго воспитанія, образовался особый „Союзъ Исправительныхъ и Индустріальныхъ Школъ“ („Reformatory and Refuge Union“), составляющій одну изъ характерныхъ особенностей англійской системы, умѣющей сохранять самостоятельность отдѣльныхъ учрежденій съ потребностью объединенія въ ихъ дѣятельности. Основная цѣль общества—возрождать и нравственно поднимать заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей воспитывать ихъ въ религіозномъ духѣ и многообразно содѣйствовать и объединять дѣятельность отдѣльныхъ учрежденій, принимающихъ на себя заботу объ этихъ дѣтяхъ.

Законъ 1854 года регламентировалъ только исправительное воспитаніе малолѣтнихъ преступниковъ, оставивъ безъ вниманія гораздо

болѣе многочисленный классъ дѣтей, еще только стоящихъ на дорогѣ къ преступленію. Этотъ пробѣлъ вскорѣ попытались пополнить закономъ 1857 года объ индустріальныхъ школахъ, установившимъ принципъ принудительнаго воспитанія дѣтей еще не впавшихъ, но угрожаемыхъ впаденіемъ въ преступленіе.

Въ 1866 году оба названные закона подверглись пересмотру. Согласно „консолидированному акту 1866 года“ исправительныя и индустріальныя школы дѣлятся на „сертификованныя“ и „несертификованныя“. Для полученія „сертификата“ администраторы школы должны сдѣлать заявленіе правительству, которое командируетъ для ея осмотра инспектора. Если будетъ удостовѣрено, что школа по своему устройству соотвѣтствуетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ исправительнымъ и индустріальнымъ школамъ, то „сертификатъ“ выдается, а съ нимъ вмѣстѣ и постоянное денежное отъ казны пособіе. „Сертификованныя“ школы по меньшей мѣрѣ разъ въ годъ осматриваются инспекторомъ, по докладу котораго правительство всегда можетъ отобрать обратно выданный „сертификатъ“.

Исправительныя школы предназначены для малолѣтнихъ преступниковъ. По истеченіи 18 мѣсяцевъ пребыванія въ школѣ, питомецъ, хорошо себя ведущій, можетъ быть условно освобожденъ и помѣщенъ внѣ школы. Родители и лица, обязанныя заботиться о малолѣтнемъ, должны платить за его содержаніе въ школѣ, въ случаѣ ихъ состоятельности къ тому. Индустріальныя школы предназначены для предупредительнаго воспитанія, и помѣщеніе въ нихъ есть только мѣра предупрежденія, принимаемая судомъ, а не актъ осужденія.

Стремленіе широко распространить принудительное воспитаніе по возможности на всѣхъ дѣтей, нуждающихся въ немъ, заставило правительство учредить должности „дѣтскихъ педелей“ („boy's beadles“), на обязанности которыхъ лежитъ разыскиваніе заброшенныхъ дѣтей и собираніе свѣдѣній о нихъ и объ ихъ родителяхъ. Англійскій законъ предоставилъ, сверхъ того, каждому право представлять къ суду всякаго ребенка въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) если ребенокъ получаетъ или проситъ милостыню открыто или подъ предлогомъ продажи чего-нибудь, если для этого онъ находится на улицѣ и вообще въ публичномъ мѣстѣ,

2) если ребенокъ бродяжитъ по улицамъ, не имѣетъ пристанища и опредѣленныхъ средствъ для существованія,

3) если ребенокъ заброшенъ, вслѣдствіе ли того, что онъ сирота или вслѣдствіе того, что его отецъ или мать отбываютъ наказаніе, и

4) если ребенокъ посѣщаетъ общество явныхъ воровъ и проституток (послѣднее въ силу закона 1880 года).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ судьи, если находятъ фактъ доказаннымъ, могутъ помѣстить ребенка въ индустріальную школу.

„Консолидированный актъ 1866 года“ объ исправительныхъ и индустріальныхъ школахъ былъ пополненъ послѣдующими законами. Такъ, напримѣръ, по закону 1871 года, въ индустріальныя школы по опредѣленію суда могутъ быть помѣщаемы непослушныя и неподчиняющіяся дѣти, а также дѣти женщины, вторично-осужденной (рецидивистки). Кромѣ того, въ нихъ могутъ быть помѣщаемы дѣти до 12 лѣтъ, первый разъ обвиняемыя въ преступленіи, если судьи находятъ, что, по возрасту и обстоятельствамъ дѣла, они должны быть помѣщаемы въ эти заведенія. По закону 1876 года мѣстнымъ властямъ вмѣнено въ обязанность приносить жалобы въ судъ въ тѣхъ случаяхъ, когда родители ребенка, перешедшаго 5-лѣтній возрастъ, не заботятся объ его первоначальномъ образованіи или допускаютъ его бродяжить, посѣщать общество бродягъ, негодяевъ и преступниковъ. Въ этихъ случаяхъ судъ можетъ обязать родителей посылать ребенка въ школу, а въ случаѣ неисполненія—подвергнуть штрафу, а ребенка помѣстить въ дневную индустріальную школу и т. д.

Законъ 1866 года положилъ въ Англіи прочное основаніе системѣ индустріальныхъ школъ, которыя послѣ того быстро стали возрастать въ числѣ.

Кромѣ индустріальныхъ школъ-интернатовъ, начали возникать и дневныя индустріальныя школы (по закону 1876 года), въ которыхъ дѣти бываютъ только въ теченіе дня. По своимъ внутреннимъ распорядкамъ, онѣ не отличаются отъ школъ-интернатовъ, но воспитаніе ребенка въ нихъ обходится дешевле. Существуютъ также морскія исправительныя и индустріальныя школы или „школы-корабли“ („training-ships“, „school-ships“), въ которыхъ дѣти подготовляются спеціально къ службѣ во флотѣ. Кромѣ того, существуютъ индустріальныя школы для бродягъ („truant industrial schools“). Въ нихъ помѣщаютъ бродячихъ дѣтей, не посѣщающихъ обыкновенныхъ первоначальныхъ школъ. Дѣти, однако, могутъ быть освобождаемы изъ нихъ по прошествіи одного мѣсяца, если родители дѣтей примутъ на себя обязательство посылать ихъ въ обыкновенныя первоначальныя школы.

Однѣ школы предназначены исключительно для мальчиковъ, другія для дѣвочекъ, а нѣкоторыя для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Помимо индустріальныхъ школъ существуютъ еще такъ называемые

„дома“ („homes“). Они предназначены для дѣтей, имѣющихъ занятія но не имѣющихъ крова. Такія дѣти покрываютъ часть издержекъ своего содержанія изъ своего заработка, соотвѣтственно его размѣрамъ.

Примѣромъ того, какъ сравнительно широко раскидываетъ въ Англіи свою дѣятельность частная иниціатива въ сферѣ общественной пользы, могутъ служитъ хотя бы учрежденія недавно умершаго (1905) знаменитаго доктора Барнардо (Barnardo).

Будучи еще студентомъ медицины (1870), Барнардо встрѣтилъ однажды вечеромъ на улицѣ Лондона несчастнаго рыдавшаго ребенка изъ разряда „ничьихъ дѣтей“. Барнардо пріютилъ ребенка у себя и на слѣдующую ночь отправился подъ его руководствомъ на поиски другихъ такихъ же дѣтей. На одномъ дворѣ онъ нашелъ подъ навѣсомъ на открытомъ воздухѣ 11 спящихъ оборванныхъ и покрытыхъ снѣгомъ дѣтей. Видъ ихъ произвелъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Не имѣя собственныхъ средствъ для призрѣнія такихъ дѣтей, онъ обратился съ воззваніемъ къ обществу и съ письмами къ различнымъ лицамъ, устраивалъ митинги и при посредствѣ этого успѣлъ собрать достаточныя средства для устройства еще въ томъ же 1870 году своего перваго пріюта для 80 мальчиковъ, въ которомъ питомцы обучались въ классѣ и мастерскихъ. Подмѣтивъ, что усидчивыя занятія не согласуются съ органическими способностями нѣкоторыхъ дѣтей, онъ устроилъ для такихъ школу мореплаванія, которая дала прекрасныхъ моряковъ. Изъ дѣтей, обучавшихся только въ классахъ, Барнардо сформировалъ бригады разносчиковъ, посыльныхъ, чистильщиковъ сапогъ и проч. Онъ устроилъ также фермы и спасъ множество дѣтей обоего пола отъ конечной гибели на „широкой улицѣ“ городовъ. Его дѣло разрослось широко, и въ годъ его смерти все учрежденіе имѣло въ Англіи 110 заведеній, черезъ которыя прошло со времени основанія перваго пріюта 50.000 дѣтей обоего пола.

Кромѣ значительнаго числа заведеній для предупредительно-исправительнаго воспитанія дѣтей, Англія создала для нихъ и особые „суды для юношества“ („juvenile courts“). Суды эти американскаго происхожденія. Руководящія начала, заложенныя въ основу этихъ судовъ, въ отчетѣ, составленномъ для послѣдняго Будапештскаго Международнаго Тюремнаго Конгресса, формулированы въ слѣдую-

щихъ положеніяхъ: „Къ ребенку должно относиться, какъ къ ребенку. Никакой несовершеннолѣтній моложе 16 лѣтъ не долженъ быть разсматриваемъ, какъ преступникъ, и съ нимъ нельзя обращаться, какъ съ таковымъ. Никакой ребенокъ не долженъ быть наказываемъ ради примѣра другимъ, и несомнѣнно, что онъ не можетъ быть исправленъ примѣненіемъ наказанія. Къ нему должна примѣняться не карательная власть, а авторитетъ государства, наподобіе родительскаго".

Въ Америкѣ эти суды дѣйствуютъ уже болѣе 10 лѣтъ. Они создаютъ обособленіе суда для дѣтей отъ суда для взрослыхъ, устраняютъ тюрьму для дѣтей и примѣняютъ къ нимъ институтъ поднадзорной свободы. Они представляютъ собою соединеніе суда и учрежденій общественнаго призрѣнія. Въ нихъ власть и роль судьи не ограничиваются только временемъ разбирательства, а продолжаются въ теченіе всего періода, пока надзоръ за несовершеннолѣтнимъ, вызванный его столкновеніемъ съ судомъ, признается нужнымъ.

Родина этихъ судовъ—Чикаго, гдѣ они возникли въ 1899 году. Одинъ изъ ихъ выдающихся иниціаторовъ это Линдси (Lindsey), судья „дѣтскаго суда" въ городѣ Денверѣ, въ штатѣ Колорадо. Онъ сумѣлъ вызвать къ себѣ полное довѣріе и любовь дѣтей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Время отъ времени онъ собираетъ своихъ кліентовъ, выслушиваетъ ихъ разсказы о ихъ поведеніи, даетъ имъ совѣты, ведетъ съ ними непринужденные разговоры, при помощи „чиновниковъ по испытанію" („probation officers") устраиваетъ для нихъ клубы, въ которыхъ дѣти находятъ здоровыя развлеченія, содѣйствуетъ имъ въ пріисканіи занятій и заработковъ, когда они не имѣютъ таковыхъ, и проч., однимъ словомъ, заботится и приходитъ на помощь своимъ кліентамъ въ трудныя минуты ихъ дѣтской жизни и вообще „относится къ нимъ именно какъ къ дѣтямъ". Результатомъ такого благодѣтельнаго патроната было то, что за три года изъ 1500 дѣтей, привлеченныхъ къ дѣтскому суду, только 5% были помѣщены въ индустріальную школу штата Колорадо. Какъ все это не похоже на строгій формальный судъ, отъ котораго вѣетъ холодомъ и который находитъ эмблему для себя въ изображеніи Ѳемиды съ повязкою на глазахъ!

Образецъ американскихъ дѣтскихъ судовъ прежде всего былъ заимствованъ Англіей и заимствованъ со всей энергіей, свойственной этой энергичной странѣ.

Первый англійскій дѣтскій судъ былъ открытъ 1 апрѣля 1905 года въ Бирмингамѣ, который, какъ и другіе современные обширные торгово-промышленные центры, изобилуетъ „малолѣтними

преступниками". Въ апрѣлѣ былъ открытъ этотъ судъ, а уже въ іюнѣ министръ внутреннихъ дѣлъ (въ Англіи судебная часть находится въ завѣдываніи министра внутреннихъ дѣлъ), имѣя въ виду примѣръ Бирмингама и полученные результаты, обратился съ циркуляромъ, въ которомъ высказывался за необходимость устройства на пространствѣ всего королевства особыхъ дѣтскихъ судовъ.

Министерскій циркуляръ быстро встрѣтилъ откликъ, и уже въ первой половинѣ 1906 года въ 21 городѣ королевства были открыты и дѣйствовали особые суды для дѣтей, а въ другихъ готовились къ ихъ открытію; повсемѣстно разсмотрѣніе дѣлъ о взрослыхъ было отдѣлено отъ разсмотрѣнія дѣлъ о дѣтяхъ; послѣдняго рода дѣла разсматриваются или до, или послѣ дѣлъ о взрослыхъ.

Въ Бирмингамѣ дѣла о дѣтяхъ разсматриваются по четвергамъ рано утромъ, когда помѣщеніе суда еще не наполнилось праздной толпой, которая очень вредно дѣйствуетъ на подростковъ, какъ на это указывалось и у насъ. Ожидающія обвиняемыя дѣти раздѣляются на двѣ группы, размѣщаемыя въ двухъ раздѣльныхъ комнатахъ: привлеченныя за маловажныя погрѣшности и за болѣе важные проступки. Одни изъ судящихся освобождаются условно, разбирательство о другихъ откладывается при обѣщаніи, со стороны привлеченныхъ, хорошо вести себя, третьи освобождаются подъ обезпеченіе, четвертые приговариваются къ небольшимъ штрафамъ или къ возмѣщенію причиненныхъ убытковъ, нѣкоторые помѣщаются въ индустріальныя или исправительныя школы. При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ семей привлекавшихся несовершеннолѣтнихъ берутся обязательства лучше смотрѣть за дѣтьми или лучше вести себя по отношенію къ нимъ, а нѣкоторыя семьи — штрафуются. Къ этому надо прибавить, что условно освобожденные, обязавшіеся обѣщаніемъ, и самыя семьи въ періодъ продолжающейся условности состоятъ подъ наблюденіемъ „чиновниковъ по испытанію" („probation officers"), которымъ оно поручается судомъ.

Приговоры по отношенію къ родителямъ, приговариваемымъ къ штрафу и даже къ тюрьмѣ за плохой надзоръ или за наталкиваніе дѣтей на дурное, также иногда постановляются условно. Если въ продолженіе установленнаго срока, въ теченіе котораго за приговоренными устанавливается наблюденіе, на нихъ не послѣдовало новыхъ жалобъ, то приговоръ утрачиваетъ свою силу и не приводится въ исполненіе.

Примѣру Англіи стали постепенно слѣдовать и другія страны, напримѣръ Франція, Германія.

Въ самомъ началѣ текущаго (1910) года и у насъ въ Петербургѣ учредили впервые должность „особаго мирового судьи по дѣламъ о малолѣтнихъ“, при которомъ учреждены должности „попечителей“, соотвѣтствующія должностямъ „probation officers“.

Конечно, представлялось бы болѣе желательнымъ и правильнымъ совершенно отказаться отъ всякаго суда надъ несовершеннолѣтними до извѣстнаго возраста (у насъ до 17 лѣтъ), согласно приведенному мудрому правилу американскаго доклада, что никакой несовершеннолѣтній до 16 лѣтъ (у насъ до 17 лѣтъ) не долженъ быть разсматриваемъ, какъ преступникъ, и съ нимъ не должно обращаться, какъ съ таковымъ. Для несовершеннолѣтнихъ необходимо только выбрать соотвѣтствующую воспитательно-исправительную мѣру въ зависимости отъ всей совокупности условій его личной жизни, не накладывая на него никакой даже тѣни судимости. Для разсмотрѣнія дѣлъ о такихъ несовершеннолѣтнихъ было бы цѣлесообразно образовывать особыя попечительныя учрежденія наподобіе норвежскихъ опекунскихъ совѣтовъ, состоящихъ изъ участковаго судьи, духовнаго лица общины, 5 выборныхъ отъ общины (изъ нихъ 2 женщины) и врача. На предстоящемъ въ 1911 году съѣздѣ представителей воспитательно-исправительныхъ заведеній вопросъ о такихъ попечительныхъ учрежденіяхъ будетъ подлежать обсужденію.

21.

У насъ дѣло борьбы съ преступностью дѣтей и подростковъ, несмотря на многое уже сдѣланное, все еще находится въ очень и очень неудовлетворительномъ состояніи. Достаточно сказать, что у насъ до сихъ поръ, за отсутствіемъ достаточнаго числа воспитательныхъ заведеній, свыше 10.000 несовершеннолѣтнихъ ежегодно проходятъ черезъ тюрьмы и арестныя помѣщенія для взрослыхъ, въ которыхъ значительное число не можетъ быть обособлено отъ послѣднихъ даже по камерамъ и въ которыхъ оно проводитъ время безъ обученія и занятій, т. е. въ полнѣйшей „тюремной праздности“; въ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ у насъ находитъ мѣсто только до 2500 человѣкъ обоего пола. При такомъ положеніи дѣла, нельзя не сказать, что мы какъ бы намѣренно все еще продолжаемъ фабриковать за казенный счетъ преступниковъ въ приготовительныхъ къ тому школахъ—въ нашихъ развращающихъ тюрьмахъ.

Первыя заведенія исправительнаго воспитанія начали возникать

у насъ съ конца сороковыхъ годовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ 1864 году одно такое заведеніе возникло, наконецъ, и въ Москвѣ, а 5 декабря 1866 года былъ изданъ законъ, вводившій у насъ исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ, помѣщаемыхъ въ нихъ по приговорамъ суда. Къ устройству ихъ законъ призывалъ правительство, земства, города, духовныя установленія, частныя общества и частныхъ лицъ.

Съ тѣхъ поръ у насъ стали учреждаться воспитательно-исправительныя заведенія (земледѣльческія колоніи и ремесленные пріюты). Изъ нихъ существуютъ теперь (въ 1910 году): ни одинъ правительственный, два городскихъ, два земскихъ, пять основанныхъ тюремными комитетами (учрежденіями полуоффиціальными); остальныя основаны частными обществами.

Жизнь со своими нуждами опредѣлила составъ населенія этихъ заведеній не согласно съ тѣмъ, какъ его первоначально опредѣлилъ законъ. Многія частныя общества открыли двери не только для несовершеннолѣтнихъ, помѣщаемыхъ по суду (осужденные и подслѣдственные), но также и для другихъ категорій, для дѣтей и подростковъ, не судившихся, но находящихся на пути порока и преступленія: нищихъ, бродяжекъ и скитальцевъ по притонамъ, а также для дѣтей, отбившихся отъ рукъ и помѣщаемыхъ въ заведенія по просьбамъ ихъ родителей. Эти же категоріи питомцевъ предусматриваются и новымъ „Положеніемъ о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ“ 19 апрѣля 1909 года.

Съ самаго своего возникновенія воспитательно-исправительныя заведенія получили у насъ характеръ заведеній преимущественно воспитательныхъ, хотя первоначальный текстъ закона оставлялъ мѣсто для сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Краснорѣчивая рѣчь фактовъ жизни скоро, однако, оказала воздѣйствіе и на законодательство. Подъ вліяніемъ ходатайствъ съѣздовъ представителей воспитательно-исправительныхъ заведеній были изданы законы 20 мая 1892 года и 2 и 8 февраля 1893 года, которыми былъ окончательно выясненъ исключительно воспитательный характеръ заведеній. Этими узаконеніями было установлено, между прочимъ, что ближайшее опредѣленіе продолжительности содержанія несовершеннолѣтнихъ въ заведеніяхъ предоставляется управленію заведеніями съ тѣмъ только ограниченіемъ, что несовершеннолѣтніе не могутъ быть освобождены ранѣе одного года (наименьшій срокъ, въ теченіе котораго предполагается возможнымъ исправленіе при помощи воспитательныхъ воздѣйствій). Крайній срокъ пребыванія въ заведеніи прежде устанавливался одно-

образно въ 18 лѣтъ. По новому „Положенію“ онъ двоякій: поступившіе въ заведенія въ возрастѣ до 15 лѣтъ могутъ быть удерживаемы въ нихъ до 18 лѣтъ, а поступившіе послѣ 15 лѣтъ—до 21 года. Тѣлесныя наказанія по новому „Положенію“ совершенно изгнаны изъ заведеній (ст. 34, прим.).

Содержатся наши воспитательно-исправительныя заведенія, какъ видно изъ послѣдняго отчета за 1908 годъ, на пособія отъ правительства, земствъ и городовъ, которыя составляли въ среднемъ, 30,5% ихъ дохода; остальные 69,5% доставлялись частною благотворительностью, доходомъ отъ имуществъ и производствъ заведеній.

Заселяются эти заведенія въ довольно значительномъ числѣ дѣтьми, болѣе или менѣе трудными въ воспитательномъ отношеніи, дѣтьми вырождающимися и ненормальными, этой нашей тяжелой расплатой за высокіе государственные доходы отъ торговли алкогольной отравой и вообще за очень неудовлетворительное жизненное положеніе нуждающагося трудящагося населенія. Особенно выдаются дѣти хроническихъ алкоголиковъ, уже приносящія съ собою отъ рожденія многія крайне неблагопріятныя особенности. Дѣти эти все множатся въ числѣ и по мѣрѣ развитія алкоголизма начинаютъ все болѣе наполнять наши города и деревни различными формами хулиганства. Попадающія въ воспитательно-исправительныя заведенія представляютъ собою только маленькую капельку всего числа такихъ дѣтей. Остальныя растутъ на свободѣ и образуютъ собою богатый питомникъ для преступности.

Если мало сдѣлано у насъ въ области предупредительно-исправительнаго воспитанія несовершеннолѣтнихъ, то, быть можетъ, еще менѣе, сдѣлано въ судебной практикѣ по отношенію къ пріемамъ суда надъ ними.

Законъ 2 іюня 1897 года о судимости и наказуемости несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ былъ изданъ въ то время, когда заканчивались работы по составленію новаго Уголовнаго Уложенія и когда работала Комиссія по Пересмотру Судебныхъ Уставовъ. Этимъ закономъ хотѣли наложить только временную маленькую заплатку на зіявшую прорѣху, которую представляли прежнія формы суда надъ несовершеннолѣтними. Немного коснулись поэтому только формъ суда въ окружныхъ судахъ и оставили почти безъ всякихъ перемѣнъ формы суда у мировыхъ (и замѣняющихъ ихъ) судей. Практика же не только не развила тѣхъ улучшеній, которыя заключались въ новомъ законѣ, но еще и оставила почти безъ примѣненія нѣкоторыя изъ нихъ.

Одна изъ наиболѣе плодотворныхъ руководящихъ мыслей, высказанныхъ въ объяснительной запискѣ къ закону 1897 года, т. е. ранѣе введенія особыхъ дѣтскихъ судовъ въ Америкѣ, была мысль, что обычная форма суда, со всею его обстановкою, осваиваютъ несовершеннолѣтнихъ „съ необычнымъ и тяжелымъ положеніемъ уголовно-обвиняемаго“, „ослабляютъ въ нихъ спасительное чувство стыда и страха передъ переспективой такового положенія“ и пріучаютъ ихъ къ „мысли о возможности преступной карьеры“. Къ величайшему сожалѣнію, эта благая мысль, по указаннымъ уже причинамъ, не получила вполнѣ достаточнаго воплощенія въ текстѣ закона.

Самыя важныя измѣненія, внесенныя закономъ 1897 года, заключаются въ статьяхъ 356^1—356^5 Устава Уголовнаго Судопроизводства. При творческой дѣятельности практики, подобно той, которую мы видимъ хотя бы въ Англіи, путемъ толкованія статей закона могли бы быть внесены въ жизнь многія существенныя улучшенія. Этого, однако, какъ я уже сказалъ, не случилось, и практика нашихъ судовъ не оказалась на высотѣ задачи.

На основаніи указанныхъ статей, судебный слѣдователь, привлекая къ слѣдствію несовершеннолѣтняго, долженъ произвести разслѣдованіе о всѣхъ обстоятельствахъ, указывающихъ на степень сознанія преступности совершоннаго имъ дѣянія, а также на причины, приведшія его къ совершенію преступленія. Окружный Судъ, куда передается производство, предварительно разсматриваетъ его не въ публичномъ судебномъ засѣданіи, а въ закрытомъ распорядительномъ, и если признаетъ несовершеннолѣтняго дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія, то прекращаетъ дальнѣйшее преслѣдованіе, но въ то же время, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или передаетъ несовершеннолѣтняго виновника преступнаго дѣянія его родителямъ подъ отвѣтственный ихъ надзоръ, или помѣщаетъ его въ воспитательно-исправительное заведеніе, а за неимѣніемъ такового или мѣста въ немъ—въ особое отдѣленіе тюрьмы или арестнаго помѣщенія.

Если же несовершеннолѣтній признается дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, то дѣло о немъ передается въ судебное засѣданіе, которое можетъ быть закрытымъ, по усмотрѣнію суда. О днѣ разсмотрѣнія дѣла въ распорядительномъ засѣданіи извѣщаются или же и вызываются родители несовершеннолѣтняго. Въ случаѣ возникновенія сомнѣній у суда, а также по требованію прокурора или по ходатайству родителей въ распорядительное засѣданіе для выясненія степени душевнаго развитія и психическаго здоровья несовершеннолѣтняго, вызываются врачи, воспитатели, учителя и вообще лица, занимаю-

щіяся воспитаніемъ, а также и свидѣтели, допросъ которыхъ судъ найдетъ необходимымъ для выясненія обстоятельствъ дѣла и умственнаго или нравственнаго развитія обвиняемаго.

22.

Свой докладъ объ исправительномъ воспитаніи несовершеннолѣтнихъ, представленный VI Международному Уголовно-Антропологическому Конгрессу, профессоръ фонъ-Хамель закончилъ указаніемъ, что система перевоспитанія несовершеннолѣтнихъ можетъ и должна служить прототипомъ системы воздѣйствій на взрослыхъ преступниковъ. И эта мысль вполнѣ естественна и послѣдовательна. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, сколько-нибудь твердыя основанія принимать за предѣльный возрастъ для постановленія о примѣненіи мѣръ перевоспитанія 17 и 18 лѣтъ? Гдѣ основанія отличать эти возрасты, по отношенію къ мѣрамъ перевоспитанія, отъ возрастовъ въ 25 или 26 лѣтъ и т. д.?

Въ своемъ докладѣ Брюссельскому Международному Тюремному Конгрессу объ американскихъ реформаторіяхъ для взрослыхъ Рэггльзъ Брайсъ (Ruggles Brice) называетъ ихъ „смѣлымъ распространеніемъ принциповъ воспитательно-исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ на заведенія для взрослыхъ“. Онъ утверждаетъ, что эти реформаторіи вовсе не суть „изобрѣтенія мелкихъ, легкомысленныхъ или безрасудныхъ головъ, но скорѣе дѣло наиболѣе обдуманныхъ и интеллигентныхъ людей общества, рѣшившихся отказаться, по отношенію къ нѣкоторымъ категоріямъ преступниковъ, отъ примѣненія старыхъ системъ заключенія и каторги, но вовсе не изъ желанія уменьшить наказуемость преступленія или ослабить авторитетъ закона, а по убѣжденію, что обращеніе къ скрытымъ хорошимъ качествамъ преступниковъ можетъ лучше охранять общество отъ преступленія“. Въ докладѣ объ этихъ реформаторіяхъ Брюссельскому Международному Тюремному Конгрессу мы читаемъ, что реформаторіи стремятся развить въ заключенномъ сознаніе его гражданскаго долга, ведутъ его путемъ нравственной гимнастики, развиваютъ его мозгъ, его сердце и руки, обращаются къ его религіозному чувству и дѣлаютъ для него яснымъ его гражданскія обязанности.

Идею перевоспитанія взрослыхъ заключенныхъ мы уже находимъ въ системѣ, примѣнявшейся знаменитымъ Мэконочи, который въ 1840 году былъ назначенъ начальникомъ страшной, совершенно

озвѣрѣлой, норфолькской каторги и который отстаивалъ мысль о необходимости примѣненія неопредѣленныхъ приговоровъ. Эту же идею мы находимъ и въ системѣ ирландскихъ исправительныхъ тюремъ Крофтона, который началъ свою тюремную дѣятельность въ 1854 году.

Родоначальникомъ же американскихъ реформаторій для взрослыхъ былъ Брокуэй (Brochway). Въ 1868 году ему удалось въ штатѣ Мичиганъ достигнуть введенія неопредѣленныхъ приговоровъ въ томъ смыслѣ, что въ приговорѣ постановляется только maximum времени его дѣйствія. Свою систему исправленія взрослыхъ преступниковъ онъ изложилъ въ докладѣ, представленномъ I Національному Тюремному Конгрессу въ Цинциннати въ октябрѣ 1870 года. Докладъ былъ озаглавленъ: „Идеалъ правильной системы тюремной реформы“ („The ideal of a true prison reform system“).

Основныя положенія Брокуэйя таковы:

1) основная цѣль правильной тюремной системы — огражденіе общества отъ преступленія, а не наказаніе преступниковъ;

2) причины преступленія первично кроются въ личности преступника и только вторично—въ окружающихъ его условіяхъ;

3) измѣненіе въ характерѣ преступника (исправленіе)—явленіе практическаго порядка и должно быть достигаемо въ повседневной жизни, при обычныхъ условіяхъ общественности;

4) приговоры должны быть неопредѣленными: каждый осужденный за преступное дѣяніе долженъ оставаться въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока его, съ обычною степенью безопасности, можно будетъ возвратить въ общество;

5) истинное основаніе для классификаціи заключенныхъ—характеръ, а не поведеніе, ибо хорошее поведеніе можетъ быть продуктомъ симулированія, хорошій же характеръ—никогда;

6) умственное развитіе должно занимать гораздо болѣе важное мѣсто, нежели занимаетъ въ настоящее время въ тюрьмѣ.

Въ 1876 году Брокуэй былъ приглашенъ въ городъ Эльмайру (Elmira), въ штатѣ Нью-Іоркъ, гдѣ въ томъ же году была открыта извѣстная эльмайрская реформаторія для взрослыхъ преступниковъ; въ слѣдующемъ году въ штатѣ Нью-Іоркъ былъ принятъ законъ о неопредѣленныхъ приговорахъ.

По примѣру штата Нью-Іоркъ, реформаторіи для взрослыхъ вскорѣ стали учреждаться и въ другихъ штатахъ. Въ нихъ помѣщаются болѣе молодые преступники въ возрастѣ отъ 16 до 30 лѣтъ (въ нѣкоторыхъ и до 35 лѣтъ), осужденные преимущественно въ первый разъ. Къ нимъ примѣняются неопредѣленные приговоры, огра-

ничивающіе въ своемъ дѣйствіи только maximum наказанія, назначеннаго въ законѣ за данное преступленіе. На практикѣ пребываніе въ различныхъ заведеніяхъ колеблется отъ 9 до 12 мѣсяцевъ, послѣ чего слѣдуетъ условное освобожденіе, а по истеченіи опредѣленнаго срока, при хорошемъ поведеніи внѣ стѣнъ тюрьмы,—и окончательное освобожденіе, дарованіе котораго зависитъ отъ особой коммиссіи, тщательно обсуждающей каждый отдѣльный случай.

Весь внутренній распорядокъ реформаторій для взрослыхъ разсчитанъ, согласно идеямъ Мэконочи и Крофтона, на то, чтобы, возбудить самодѣятельность самихъ заключенныхъ въ направленіи собственнаго исправленія. Но что такое это исправленіе въ конкретныхъ явленіяхъ жизни и притомъ исправленіе въ области преступленія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ также зависитъ отъ конкретныхъ условій каждаго отдѣльнаго случая. Напримѣръ, человѣкъ совершенно не вооруженъ обученіемъ для жизненной борьбы; его надо достаточно обучить и тѣмъ самымъ вооружить. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій своей предшествующей жизни, человѣкъ сдѣлался, хотя и не больнымъ, но оскудѣлымъ въ томъ или другомъ отношеніи, болѣе или менѣе болѣзненная натура натолкнула его на путь преступленія; приспособленнымъ для того простымъ и правильнымъ режимомъ его надо, по возможности, укрѣпить и сдѣлать для него возможной дальнѣйшую борьбу за жизнь въ легальныхъ формахъ. Вслѣдствіе тѣхъ же неблагопріятныхъ условій и неудачъ, преслѣдовавшихъ человѣка въ его прошлой незадачливой жизни, онъ доведенъ до стойкихъ степеней постоянно длящагося раздраженія и озлобленія противъ всего счастливаго и удачливаго въ средѣ окружающей; ему надо дать успокоиться и надо заставить звучать въ немъ иныя чувства, хотя и требовательнымъ, но дѣйствительно и ясно для него самого благожелательнымъ отношеніемъ. Человѣкъ безпорядоченъ, онъ усвоилъ дурныя и вредныя привычки, вліявшія на его преступное поведеніе; его постепенно надо пріучать къ порядку и, на мѣсто прежнихъ привычекъ, привить къ нему новыя полезныя и хорошія. Благодаря всему своему предшествующему воспитанію въ жизни, человѣкъ получилъ неправильныя и вредныя воззрѣнія на природу общества и взаимныхъ человѣческихъ отношеній; тогда ему надо привить другія воззрѣнія посредствомъ надлежащаго развитія ума и т. д. Иначе говоря, реформаторіи для взрослыхъ должны быть организованы на тѣхъ же принципахъ, на которыхъ организованы воспитательно-исправительныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ и пра-

вильно устроенныя лечебныя заведенія. Это и будетъ дѣйствительно нравственно-физическое леченіе, нравственная гимнастика.

Будто все это невозможно и будто мы такихъ измѣненій какъ тѣ, о которыхъ говорилось выше, не наблюдаемъ въ жизни, внѣ тюремной среды? Скажутъ, какъ это и всегда говорятъ, когда представляется нужнымъ внести не слишкомъ легко дающіяся измѣненія къ лучшему, что это все слишкомъ сложно, скажутъ, нельзя ли иначе организовать цѣлесообразную тюремную систему? Но это послѣднее желаніе равнозначно желанію лечить иначе, нежели какъ того требуютъ природа и особенности той или другой болѣзни. Внѣ указанныхъ пріемовъ нѣтъ и не можетъ быть дѣйствительнаго исправленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и огражденія общества отъ народившихся уже преступниковъ, если не считать такимъ огражденіемъ пожизненнаго содержанія ихъ въ тюрьмахъ.

Но не слѣдуетъ скрывать отъ себя трудности задачи исправленія взрослыхъ даже на ту сравнительно незначительную величину, которую можно назвать „уголовнымъ исправленіемъ“, въ смыслѣ обезвреженія отъ совершенія дальнѣйшихъ преступленій. Прибѣгать къ этой мѣрѣ надо съ большею осторожностью: она мѣра крайняя. Поэтому нельзя не признать мудрымъ введенія, хотя и съ очень большою оглядкою, современными законодательствами, на ряду съ широкими мѣрами предупрежденія, такихъ институтовъ, какъ условное осужденіе, система испытанія, которыя дѣйствуютъ фактомъ общественнаго осужденія, угрозою примѣненія наказанія. Внимательно вглядываясь въ ходъ развитія въ области явленій уголовнаго права, можно съ увѣренностью сказать, что подобные и еще болѣе совершенные институты будутъ множиться, разнообразиться и постепенно все болѣе вытѣснять сохраняющіяся отъ сѣдой старины грубыя мѣры общественной реакціи противъ дѣйствій, нарушающихъ общественный порядокъ.

Что касается американскихъ реформаторій для взрослыхъ, то въ нихъ самодѣятельность заключенныхъ, направленная на собственное исправленіе, стимулируется системой марокъ и повышенія или пониженія въ дисциплинарныхъ классахъ, которыхъ въ отдѣльныхъ заведеніяхъ бываетъ отъ 3 до 5. Принадлежности къ различнымъ классамъ соотвѣтствуютъ различія въ удобствахъ, преимуществахъ и степени свободы внутри заведенія. Такъ, напримѣръ, въ конкордской реформаторіи заключенные первыхъ двухъ классовъ могутъ принимать участіе въ существующихъ въ учрежденіи 4 ассоціаціяхъ: въ литературномъ обществѣ молодыхъ людей католиковъ, въ воскресномъ

литературно-ученомъ обществѣ, въ христіанской ассоціаціи и въ клубѣ воздержанія. Ассоціаціи имѣютъ свои собранія по вечерамъ субботъ и по воскресеніямъ. Основаніемъ для ихъ разрѣшенія служитъ правильная мысль, что умственная культура и привычка къ общественности служатъ однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ исправленія. Переводы изъ класса въ классъ ставятся въ зависимость отъ поведенія, прилежанія и успѣховъ заключенныхъ, получающихъ свое выраженіе въ количествѣ марокъ, заслуженныхъ въ опредѣленный періодъ времени.

Помимо строгаго порядка реформаторіи, не полагаясь только на проповѣди и увѣщанія, приходятъ на помощь самодѣятельности заключенныхъ съ цѣлымъ рядомъ всесторонннихъ разумныхъ воспитательныхъ мѣръ. На помощь развитію здоровья, а съ нимъ вмѣстѣ и духовной энергіи, трудоспособности и уравновѣшенію самочувствія, этого основного фона всѣхъ психическихъ проявленій, приходитъ научно-правильное и систематически-организованное физическое воспитаніе („physical culture“), которое представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ особенностей реформаторій. Достигается оно правильно поставленной и строго-разсчитанной гимнастикой, военными упражненіями, подборомъ соотвѣтствующаго состава простой и здоровой пищи, гидротерапіей, массажемъ и гигіеническими условіями вообще. Той же цѣли служитъ техническое обученіе и разнообразный профессіональный трудъ, который избирается въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей и склонностей заключенныхъ, чѣмъ въ нихъ возбуждается большая энергія и интересъ къ дѣлу. Въ конкордской реформаторіи существуютъ, напримѣръ, десять профессіональныхъ школъ, въ которыхъ ведется правильное систематическое обученіе различнымъ ремесламъ и преподается техническое рисованіе.

Для умственной и нравственной культуры служитъ классное обученіе, начиная отъ сообщенія элементарныхъ знаній до болѣе высшихъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ послѣдніе могутъ быть усвоены каждымъ отдѣльнымъ заключеннымъ во время его пребыванія въ заведеніи, а также преподаваніе практической нравственности, чтенія и проч., до совмѣстнаго обсужденія подъ руководствомъ представителя персонала заведенія различныхъ темъ включительно. Въ упомянутой реформаторіи имѣются девять классовъ, въ которыхъ преподаются различные общіе предметы и въ томъ числѣ основы физіологіи и права. Одинъ разъ въ недѣлю въ помѣщеніи церкви дается общій урокъ практической нравственности, а передъ вечерними классами

4 раза въ недѣлю духовникъ заведенія ведетъ бесѣды съ заключенными. При содѣйствіи директора, онъ занимается также редактированіемъ для нихъ еженедѣльнаго журнала.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, постановка дѣла въ американскихъ реформаторіяхъ для взрослыхъ. Я не буду говорить о спорахъ, которые ведутся какъ о самой системѣ, такъ и о личностяхъ, ее примѣнявшихъ. Для правильности сужденій въ этой области необходимо ближайшее личное знакомство съ заведеніями, а у меня по отношенію къ реформаторіямъ для взрослыхъ его нѣтъ. Но вѣдь недостатки исполненія, если бы они и были, еще ничего не говорятъ противъ самой системы, которая должна быть оцѣниваема по ея основнымъ пріемамъ и принципамъ. Система же американскихъ реформаторій для взрослыхъ, въ самомъ существѣ правильна; она обоснована на здоровыхъ началахъ и, помимо собственнаго уже довольно продолжительнаго опыта реформаторій, оправдывается долголѣтнимъ и обширнымъ опытомъ воспитательно исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и заведеній для душевно-больныхъ.

Система эта, по справедливому замѣчанію Скотта (Scott), сдѣланному въ докладѣ Брюссельскому Международному Тюремному Конгрессу, „не только научна и нравственна („scientific and ethical“), но и экономична“. Достигая уголовнаго исправленія и тѣмъ самымъ очень значительно сокращая особый разрядъ людей: „тюремныхъ завсегдатаевъ“ и „обычниковъ тюрьмы“, ея „вѣковѣчныхъ гражданъ“, она избавляетъ государство отъ дальнѣйшихъ крупныхъ расходовъ на сыскъ, на судъ и тюремное содержаніе представителей этого разряда, а общество—отъ народившихся преступниковъ съ справедливою пощадою и этихъ послѣднихъ, по отношенію къ которымъ никогда не слѣдуетъ забывать того вполнѣ правильнаго указанія, что въ ихъ преступленіяхъ, если ужъ говорить о виновности, много виновато само общество.

VIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ представленномъ безпристрастномъ изложеніи явленій живой дѣйствительности передъ нами прошли многочисленные факты изъ области исторіи, экономики, физіологіи, психологіи, патологіи, криминологіи.

Каковы же конечные выводы?

Нарушеніе законовъ жизни, законовъ здоровья физическаго и нравственнаго, повелительно диктуемыхъ природою, не проходитъ безнаказанно ни для отдѣльныхъ лицъ, ни для цѣлыхъ народностей.

Отъ строгаго соблюденія этихъ законовъ и отъ слѣдованія ихъ указаніямъ зависитъ счастье и благополучіе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ.

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КУРСѢ ПРОФЕССОРА Д. А. ДРИЛЯ ЛИЦЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ.

Августинъ, блаж. 268.
Августъ, Кай Юлій Цезарь Октавіанъ 254, 257, 259.
Аве-Лаллеманъ 290.
Авраамъ 56.
Азанъ 236.
Академія Наукъ, Императорская 42.
Алмосъ 52.
Амвросій, св. 268.
Амміанъ Марцеллинъ 262.
Анастасій, императоръ 78.
Андраль 266.
Антонины 267.
Апперъ 289, 355.
Аретей 197, 266.
Аретинъ 339.
Ариманъ 27.
Аристотель 45, 314.
Аркрайтъ 121.
„Армія Спасенія“ 476, 477.
Ассурнасиргабалъ 28.
Атилла 313, 335.
Ахиллесъ 43.
Ашаффенбургъ 320.
Аѳина-Паллада 373.

Б., креолъ 166.
Балль 1, 441, 452.
Барбастъ 210.
Барнардо 488.
Башимонъ 394.
Беккарія 91, 92, 95—104, 124, 181, 364, 365.
Белль 164, 165.
Бенедиктъ 185, 288, 371—374, 376, 377.
Бернеръ 141, 158.
Биксіо 363.
Биндингъ 132.
Бирдъ 244.
Бianки 331.
Бланъ, Луи 383.
Бленвилль 281.
Блондель 457.
Богъ 24, 56, 112, 165, 203, 210, 261, 269, 339.
Боденъ 207.
Бодрильяръ 249, 250, 253, 254.
Божія Матерь 206.
Бони 446.
Брайсъ 495.
Бризонъ 327.
Бриссо де Вервилль 95.
Бріерръ де Буамонъ 227, 264, 265, 435.
Брока 288.
Брокуэй 496.
Брукъ-Адамсъ 63, 253.
Бруннеръ 17.
Бруссе 280, 287.
Будда 389.
Буйо 288.
Булгаковскій, о., 427.
Бутъ 476.
Бушарда 233, 412.
Бушю 452.
Бэко 68.

В., Луи 443, 453.
Валентиніанъ I 83.
Валлонъ 252, 253, 255, 256.
Вакхъ 259.
Венера 212.
Верджиліо 315, 345.
Верресъ 75.
Вестфаль 246, 445.
Видокъ 338.
Визельгренъ 424.
Виль 231, 232, 244.
Вирховъ 288, 434.
Виттелій 261, 263, 269.
Вихнеръ 478.
Вишну 27.
Владиміръ Святой, вел. кн. 30. 31. 52.
„Внутреннее Миссіонерство“ 478.
Вольтеръ 91, 95, 104—106, 124, 337, 366.
Вольфъ 220, 222—225.

Галенъ 199—202.
Галль 101, 277—290, 303—305, 318, 320, 414, 464.
Гарибальди 363.
Гарнье 411.
Гарофало 106. 337, 431, 432.

Гегель 134.
Гельмольдъ 35.
Гензерихъ 313, 335.
Германская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія 424, 473.
Гермесъ 63.
Герцогъ Бургундскій 79.
Герцогъ Кентскій 111.
Гиббонъ 263, 269.
Гизо 41.
Гиліомъ 307.
Гиппократъ 198, 199.
Гисленъ 226.
Гитцигъ 288.
Главное Тюремное Управленіе 356.
Гленадель 297, 298, 462, 463.
Гоббсъ 80.
Говардъ 91, 106—109, 289, 481.
Гогель 430.
Годуновъ, Борисъ 297.
Гольцендорфъ 185, 331.
Гомеръ 43.
Горацій 257, 258, 262, 264.
„Горе-Злосчастье“ 378, 379.
Государственная Дума 167.
Готье 417.
Гракхи, братья 253.
Гракхъ, Тиверій 255, 358.
Граммацини 309.
Грассе 196, 458.
Грегъ 381.
Григорій Турскій 82.
Романъ 219.
Громоларъ 380.
Гроцій 12.

Давидъ, царь іудейскій 203.
Даганъ 422.
Дайи 273.
Даламберъ 200.
Даллеманъ 273.
Даміани 399.
Дарвинъ 164.
Дедюлинъ 397.
Де Грефъ 28, 257, 266.
Дейблеръ 166.
Де Кандолль—Младшій 404.
Декартъ 15, 288.
Де Катрефажъ 27.
Декуртель 305.
Де Лавеле 33, 45, 65.
Деметцъ 305.
Депинъ, Просперъ 289—312, 315, 320, 334, 375, 417, 433, 445, 449, 465.
Депинъ, Феликсъ 305.
Де Садъ 90.
Де Токвилль 382.
Де Форси 79.
Джорджъ 21.
Джьюксъ, Ада 405, 407, 408.
Джьюксъ, Белла 405.
Джьюксъ, Клара 405.
Джьюксъ, Эффи 407.
Джьюксы 276, 404—407, 411.
Дидеро 95.
Діаволъ 203, 206, 207, 210.
Діодоръ Сицилійскій 35, 44.
Домиціанъ 263, 269.
Домъ-Дюранъ, о. 8.
Д'Оссонвилль 355.
Достоевскій 309.
Духовской 332.
Дьюгдэйль 276, 404—407.
Дэйвисъ 288.
Дюкло 422, 423.
Дюмутье 281.
Дюремъ 90.

Евсеевъ 374, 376.
Елизавета, императрица австрійская 358.

Жаккаръ 323.
Жане 450.
Жига 220—225.
Жиро-Телонъ 31, 32.
Жорже 226.
Жоффруа де Сентъ Илеръ 277.

Зальцманнъ 481.
Зигфридъ 396.

Ибнъ-Дастъ 36.
Изида 259.
Иннокентій III, папа 8.
Иннокентій VIII, папа 205.

Іоаннъ Златоустъ, св. 265.
Іоаннъ Сангвинацій 204.
Іеронимъ, св. 83, 426.

Кабанисъ 194, 279, 294, 435, 478, 479.
Кавуръ 329.
Казеріо 357.
Калигула 105, 263, 269.
Кальмель 204, 297.
Кампань 231, 232.
Кантъ, 12, 134, 157, 354.
Карлъ Великій 17, 254.
Карно, Сади 356, 357.
Карпентеръ 485.
Карпцовъ 98.
Картрайтъ 113.
Катилина 253, 358.
Катонъ Порцій Младшій 75, 76.
Катонъ „Цензоръ“ Старшій 31, 251.
Керръ 414.
Кетле 186, 343.
Кистяковскій 24.
Кларкъ 110, 323, 329.
Кларусъ 98.

Ключевскій 60.
Кодерлье 398.
Колаяни 381.
Колумбъ 87.
Комитетъ Министровъ 395.
Коммиссія по Пересмотру Судебныхъ Уставовъ 493.
Конгрессы Международные:
Антиалкогольные 418.
Психіатрическій Антверпенскій 366, 370, 371.
Тюремные 289, 307.
Тюремный Брюссельскій 495, 500.
Тюремный Будапештскій 488.
Тюремный Лондонскій 304, 480.
Тюремный Парижскій 171.
Уголовно-Антропологическіе 366, 367.
I Уголовно-Антропологическій 185, 366.
II Уголовно-Антропологическій 367, 368.
III Уголовно-Антропологическій 186, 189. 320, 350, 367, 368.
IV Уголовно Антропологическій 362, 367, 370.
V Уголовно-Антропологическій 367.
VI Уголовно-Антропологическій 69, 320, 367, 431, 495.
VII Уголовно-Антропологическій 367.
Пюрихскій Покровительства Труду 327.
Конгрессъ I Національный Тюремный, въ Цинциннати (С. Ш. С. А.) 496.
Кондильякъ 288.
Кондорсе 91.
Константинъ Африканъ 203.
Константинъ Великій 83.
Констанъ 393.
Контъ 24.
Корнье 409, 410.
Костомаровъ 51, 59.
Крассъ 260.
Крафтъ-Эбингъ 212, 219, 222, 236, 237, 247, 298, 316, 455.
Крашенинниковъ 42.
Кромптонъ 113.
Кроне 307.
Кропоткинъ, кн. П. А. 340.
Крофтонъ 173, 496, 497.
Куломзинъ 395.

Ладамъ 358.
Лакассань 188, 411.
Лаллеманъ 434.
Ланессанъ 32, 34, 41, 397.
Лансеро 413.
IV Латеранскій Соборъ 8.
Лафатеръ 278, 279.
Лаффонъ де Ладеба 110.
Лёббокъ 55.
Ле Вассоръ 89.
Левитскій 250.
Легранъ дю Солль 236, 420.
Легрэнъ 417—419.
Лейтиненъ 419.
Лекки 254, 266.
Лемеръ 347, 376.
Леонтанъ 26.
Лёре 226.
Летурно 37, 77, 400.
Ликургъ 197.
Линдси 489.
Листъ 189.
Лициній Столонъ 253.
Лобосъ 373, 375.
Ловернь 290.
Локкъ 215, 288.
Ломброзо 184—186, 288, 315, 318—320, 330—342, 344—346, 348, 349, 351—354, 360—368, 370, 417, 421, 473.
Луазелеръ 74.
Луазо 462.
Луккени 358—360, 364.
Лукуллъ 74.
Любуша 42.
Людовикъ Святой 204.
Людовикъ XIV 79, 89, 204.
Людовикъ XV 89.
Людовикъ XVI 89.
Люка 402, 403.

Мабли 91.
Майо—„Желтый“ 355.
Макнабъ 110, 111, 116, 117, 122.
Максимиліанъ I 82.
Максъ 404.
Малиновскій 165, 167.
Малуша 31.
Мальтусъ 20.
Маммонъ 329.
Маній 269.
Манувріе 368—370.
Маньо 69 70.
Маньянъ 413—415.
Маргарита съ Гэдсона 408, 411.
Марій 250.
Марквардтъ 251, 258.
Марксъ, Карлъ 326.
Маркъ, психіатръ 195, 225—228.
Маркъ Апицій 260.
Марро 348, 349, 421.
Марсель, больная 450.
Марціалъ 259.
Матьё 420.
Мёбіусъ 342.
Меньеръ 259.
Меркурій 63.
Милль, Д. С. 458, 459.
Министерство Юстиціи 379.
Модсли 403, 410, 413.
Молешотъ 391.
„Молодая Россія“ 165.
Монтескье 84, 91—95, 102, 124, 366.

Монфе 390.
Морганъ 323.
Морель 226, 228—230, 236, 238—248, 273, 275, 276, 281, 313, 321, 339, 345, 347, 365, 381, 399, 400, 411, 418, 466.
Моро изъ Тура 411.
Моссо 393.
Мстиславъ, князь тьмутараканскій 37.
Мункъ 288.
Муромцевъ 78.
Мэконочи 304, 495, 497.
Мэнъ, сэръ Генри 19, 36, 40, 42, 46—48, 58, 66, 71, 72, 76, 79.

Наполеонъ I 277, 281.
„Народная Расправа“ 165.
Неклюдовъ 134, 137, 158.
Неронъ 105, 263, 269.
Николай Павловичъ, вел. кн. 119.
Ничефоро 382—384, 387—389, 393, 398—400.
Нумаціанъ, Клавдій Рутилій 269.

Обермайеръ 305.
Общества:
Вѣнское Юридическое 371.
Готеборгское Акціонерное Питейное 424.
Рочдэйльскихъ Піонеровъ 474.
Соціальныхъ Наукъ 485.
Овидій 339.
Олегъ, князь кіевскій 52, 59.
Ормуздъ 27.
„Освободительница“, кооперативная типографія 475.
Отонъ, императоръ 261.
Оуэнъ, Робертъ 91, 109—111, 113—124, 158, 166, 191, 192, 275, 321, 473, 474.

Павелъ, апостолъ 271.
Паже 214, 215.
Палазаръ I 28.
Пайкъ 25, 81, 84, 336.
Папильонъ 411.
Паранъ-Дюшателе 336, 337.
Пари 456.
Парэ 208.
Пере 295.
Петроній 339.
Петръ Великій 110.
Петръ изъ Абано 204.
Пилатъ, Понтій 9, 84.
Пиль, Робертъ 239.
Пинаръ 314.
Пинель, Спиціонъ 227.
Пинель, Филиппъ 211, 213, 215, 216, 218.
Питтъ, Вильямъ 326.
Пиѳагоръ 198, 310.
Піонтковскій 167, 168.
Платеръ 206, 208—211.
Платонъ 45, 197, 314.
Плиній Старшій 53, 260.
Плутархъ 314.
Покровскій 398.
Поломодовъ 416.
Посошковъ 110, 123.
Потанинъ 340.
Принсъ 182.
Причардъ 218—220, 243.
Прустъ 413.
Пугачевъ 165.
Пушкинъ, А. С. 297.
Пэджетъ 403.

Р., хирургъ 363.
Ранке 393.
Раунтри 393.
Раухбергъ 396.
Редедя 37.
Регіомонтанъ 212.
Режи 319.
Рейбель 221, 223.
Рейдаль 298, 411, 446, 448, 457.
Рейхъ 204, 233.
Реклю, Элизе 340
Рекъ 484.
Рибо 342, 404, 464.
Рикульфъ 82.
Ричардсонъ 394.
Рогволодъ, князь полоцкій 30.
Рогнѣда Рогволодовна 30.
Рокъ 397.
Роланъ, Жанъ-Мари 326.
Роланъ, Манонъ-Жанна 89.
Росси 68
Руссе 411.
Руссо, Ж.-Ж. 12, 44, 90, 478.
Руфъ 222—225, 374.

С., Маргарита 440, 441.
Сандра 437.
Свѣнельдъ, воевода 52.
Святославъ Игоревичъ, вел. кн. 30, 52.
Священная Инквизиція 8.
Сельвіанъ 269.
Сенека 257, 264, 265.
Сива 27.
Симсонъ 403.
Скоттъ, тюрьмовѣдъ 500.
Сократъ 12, 55.
Соловьевъ. С. М. 52, 63.
Солонъ 197.
Союзы:
Школъ Лохмотниковъ 484.
Исправительныхъ и Индустріальныхъ Школъ 485.
Спенсеръ 25, 340.
Судебный Слѣдователь 494.
Суды:
Земскихъ Начальниковъ 380.
Мировые 380, 491, 493.
Окружные 380, 493—495.

Сулла 250.
„Суровый Домъ“ 478.
Съѣзды:
По Борьбѣ съ Пьянствомъ, I Всероссійскій 419.
Представителей Воспитательно-Исправительныхъ Заведеній 491, 492.
Сычуговъ 192.

Таганцевъ 458, 459.
Тардъ 29, 320.
Тарквиній Гордый 250.
Тарквиній Древній 250.
Тацитъ 29, 50, 52, 256.
Тебальди 196, 202.
Тезей 39.
Теодорихъ Великій 78.
Тертулліанъ, блаж. 268.
Тиверій 202, 256, 263.
Тилье 259.
Тихвинскій, о. 167.
Толстой, гр. Л. Н. 104, 167, 190.
Томсонъ 312—314, 331, 335, 345, 411.
Торквемада 9.
Траянъ 267.
Трела 227, 228, 262, 443.
Трубецкой, кн. С. Н. 191, 192.
Тэйлоръ 22, 29, 38, 46.

Уайнсъ 197, 304, 479.
Уаттъ 113, 121.
Уоллесъ 42.
Уотсонъ 484, 485.
Урызмагъ 59.

Факинеи де Корфри, о. 96.
Фаринацій 98
Фальре 226.
Фенелонъ 89, 478.
Фере 249, 273—275, 397.
Ферель 419.
Ферреро 253, 262, 266.
Ферри 346, 361, 370.
Феррье 288.
Флурансъ 288.
Фойтъ 391.
Фонъ-Хамель 189, 495.
Францискъ Ассизскій, св. 452.
Францискъ I 28.
Фридрейхъ 206.
Фридрихъ Великій 112.
Фричъ 288.
Фюстель де Куланжъ 53, 55, 59, 66.

Хергривсъ 113.
Хилль 485.
Хитчъ 2.9.
Хорнъ 84.
Христосъ 83, 114, 167, 190, 203, 268, 365, 472.
Хрѣновскій 375, 376.

Целій Авреліанъ 197, 266.
Цельсъ 200.
Цельтъ 82.
„Церковная Армія“ 476, 477.
Циглеръ 191.
Цицеронъ 75, 255.

Чемберлэнъ 190.

Шарко 280.
Шпурцгеймъ 280—282, 286.
Штаммлеръ 12.
Шуле 213, 228, 455.
Шульце-Гэверницъ 398.

Эли 68.
Энгельсъ 381, 382.
Эскироль 216—219, 226, 234, 299.
Эттингсгаузенъ 341.

Юлій Цезарь 45, 60, 74, 253.
Юліусбургеръ 423.
Юпитеръ 373.
Юстиніанъ Великій 98.
Юстинъ, св. 268.

Янжулъ 323.
Ярополкъ Святославовичъ, вел. кн. 30.

Ѳемида, 48, 489.

В. М. БЕХТЕРЕВЪ.

ОБЪЕКТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ПРЕСТУПНОСТИ.

Памяти Д. А. Дриля.

Дмитрій Андреевичъ Дриль былъ однимъ изъ тѣхъ научныхъ дѣятелей, которые впервые возбудили въ русскомъ обществѣ интересъ къ новому, въ свое время, на Западѣ теченію научной мысли, которое началось работами Lombrozo и его учениковъ и которое получило наименованіе криминальной антропологіи. Но Д. А. Дриль не былъ простымъ истолкователемъ этого ученія, а самъ, путемъ тяжелаго и упорнаго труда, разрабатывалъ вопросы, связанные съ изученіемъ главныхъ корней преступности и, благодаря этому, явился творцомъ новыхъ взглядовъ въ указанной области знанія. Послѣдніе, будучи изложены имъ впервые въ извѣстной всѣмъ книгѣ „Малолѣтніе преступники“ и затѣмъ въ цѣломъ рядѣ другихъ работъ, получили большое распространеніе, не только у насъ, въ Россіи, но и за границею, несмотря на то, что „оффиціальная юриспруденція“ у насъ долго не могла примириться съ новыми взглядами, излагаемыми въ его сочиненіяхъ.

Своими трудами и дѣятельностью Д. А. Дриль не мало содѣйствовалъ также болѣе разумному отношенію общества къ тѣмъ „несчастнымъ“ подросткамъ, которые силою вещей становятся въ положеніе лицъ, преслѣдуемыхъ закономъ за совершенныя ими дѣянія.

Въ виду этого я не только съ особымъ удовольствіемъ принялъ предложеніе родственниковъ покойнаго Д. А. Дриля напечатать свою работу о преступности въ книгѣ, представляющей содержаніе его курса, который онъ, будучи уже больнымъ, началъ читать студентамъ Психо-Неврологическаго Института, но и почитаю это за большую честь для себя.

Во всякомъ случаѣ, я смотрю на помѣщеніе своей работы о преступности, уже ранѣе напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ и нынѣ мѣстами значительно дополненной и переработанной, рядомъ съ оригинальнымъ трудомъ Д. А. Дриля, какъ на естественный долгъ почи-

танія и особаго уваженія къ личности покойнаго, всегда отличавшагося независимостью своихъ убѣжденій и стойкостью своихъ стремленій въ выясненіи истины и справедливости во всѣхъ вообще общественныхъ вопросахъ и, въ частности, въ вопросахъ о преступности.

Да будетъ этимъ оправдано мое участіе въ этой книгѣ, принадлежащей перу одного изъ свѣтлыхъ представителей нашей профессуры.

Вопросы, связанные съ ростомъ преступности въ населеніи, не перестаютъ волновать современное общество, видящее въ немъ вполнѣ естественную угрозу нашей цивилизаціи,—угрозу, являющуюся въ то же время постояннымъ напоминаніемъ о ненормальныхъ условіяхъ жизни современнаго общества, изъ которыхъ долженъ быть найденъ соотвѣтствующій выходъ. Защитники нашей цивилизаціи, носящей на своемъ тѣлѣ, съ одной стороны, тяжелую ношу въ виду дегенераціи и, съ другой стороны, смрадную болячку, называемую преступностью, ничуть не могутъ утѣшаться мыслью, что эта болячка постепенно подживаетъ и такъ или иначе залечится въ болѣе или менѣе близкомъ времени. Напротивъ того, всѣ статистическія данныя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта болячка растетъ и увеличивается и серьезно и настойчиво угрожаетъ нашему обществу, напоминая ему о ненормальности установившихся условій общежитія.

По новѣйшей германской криминальной статистикѣ, изданной Reichsjustizamt за 1901-й г., оказывается, что при увеличеніи населенія на 15% число преступленій повысилось за періодъ времени съ 1881 по 1901 въ 37.544 до 50.538, иначе говоря—на 34,6%; число простушковъ увеличилось съ 306.538 до 416.500, или на 35,9%. Общее число судебныхъ дознаній, въ среднемъ, за періодъ времени съ 1881 по 1885 г. въ Германіи было 429.451 ежегодно, тогда какъ въ 1905 г. оно увеличилось до 754.735 [1]). При этомъ и ростъ преступности съ каждымъ годомъ увеличивается. Такъ, за два только года 1889—1891 число преступленій возросло на 11,5%, а число преступниковъ—на 6%.

По Scheil'ю [2]), за періодъ времени съ 1882 по 1899 г. общее

---

[1]) Тарновскій, „Движеніе преступности въ Германіи за 1882—1901 г.“ Журналъ Мин. Юстиціи, 1904, № 1.

[2]) Scheil, „Die Ergebnisse d. deutsch. Kriminalstatistik 1882—1889“. Jahrb. f. Nation. Oekonomie u. Statistik, 22 Bd.

число осужденныхъ въ Германіи поднялось съ 725 до 825 на каждыя 100 тыс. жителей, а если взять только одни болѣе тяжкія преступленія, то и здѣсь увеличеніе для взрослыхъ опредѣлится въ 44,7%, тогда какъ взрослое населеніе за тотъ же періодъ времени увеличилось лишь на 22%.

Равнымъ образомъ и преступность среди малолѣтнихъ прогрессируетъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Такъ, за тотъ же періодъ времени преступность возраста 12—18 л. возросла на 54%, а принявъ во вниманіе ростъ населенія,—на 37%. Точно такъ же и число рецидивовъ возвышается crescendo. Такъ, въ 1882 г. число рецидивовъ на 100.000 населенія было 190,5, а въ 1899 г.—249,7, т.-е. поднялось съ 26,2% до 34,9%. Среди малолѣтнихъ въ 1889 г. считалось въ Германіи 5.570 рецидивовъ, а въ 1896 уже 8,316, или, считая на 1.000 осужденныхъ, повысилось съ 158 до 188 [1]).

Это одичаніе нравовъ, по выраженію Oettingen'a („Moralstatistik", 3-е изд. 1882), не можетъ объясняться какими-либо случайными моментами, какъ полагалъ Starke [2]),—напр., усиленіемъ полицейскаго сыска, временнымъ поднятіемъ цѣнъ на продукты первой необходимости и т. п., такъ какъ ростъ преступности—явленіе всеобщее.

Возьмемъ другія страны.

Въ Австріи за 25 лѣтъ, по оффиціальной статистикѣ [3]), число преступленій, въ 1876—80 гг. составлявшее 39.651 ежегодно, въ 1899 поднялось до 46.768; число осужденныхъ за преступленія, проступки и нарушенія въ 1874 г. равнялось 308.605, въ 1899 г. поднялось до 386.833; иначе говоря, на 100 тыс. населенія оно поднялось съ 1.510 на 2.267. При этомъ и число рецидивистовъ-преступниковъ возвысилось съ 35,5 до 42,3 на 100 осужденныхъ.

Въ Италіи, по даннымъ Hall'я [5]), общее число преступниковъ, присужденныхъ къ лишенію свободы за періодъ времени съ 1881 по 1885 г., въ среднемъ равнялось 367.570, а за одинъ годъ 1896—1897 достигло 527.694. Въ 1881—85 гг. на 100 тыс. населенія было осужденныхъ 1.291, въ 1896—97 гг.—1.614.

Точно такъ же большой ростъ преступности въ Италіи отмѣчается и данными, собранными Bosco: съ 1883 по 1899 г. число осужденій за преступленія и проступки возросло съ 1142,6 до 1811,9 на 100 тыс. на-

---

[1]) Edgar Saening, „Jahrb. f. Nationaloekonomie und Statistik", Bd. 22.
[2]) Starke, „Verbrechen u. Verbrecher in Preussen 1854—1878".
[3]) Oesterreich. Statistik für d. Jahr 1899 (1903).
[4]) Ar. Chev. Hall, „Crime in its relations to social progress", 1902.

селенія. Правда, по оффиціальной статистикѣ (Statistica giudiziaria penale), общее число преступленій въ 1901 г. незначительно убавилось но, по Rosco, это объясняется случайными причинами [1]).

Во Франціи, по словамъ H. Joly [2]), съ 1838 г. населеніе увеличилось на 15%, а преступная „корысть"—на 69%, причемъ и число рецидивовъ съ 1866 до 1887 г. увеличилось по отношенію къ числу всѣхъ обвиняемыхъ съ 31% до 54%. По тому же автору [3]), несмотря на то, что съ 1860 до 1891 г. общее число дѣтей во Франціи вообще уменьшилось на 226.000, число обвиняемыхъ въ возрастѣ до 16 лѣтъ увеличилось съ 5.400 до 7.000, а въ возрастѣ съ 16 лѣтъ до 21 г.— съ 16.000 до 31.000.

Однако, оффиціальныя статистическія данныя за послѣднее время не безъ нѣкоторой искусственности показываютъ уменьшеніе преступности во Франціи. Такъ, по „Compte général de l'administration de la justice criminelle" за 20 лѣтъ (1880—1900), вышедшемъ въ 1903 г., оказывается, что число лицъ, подлежавшихъ суду присяжныхъ, уменьшилось съ 1.668 до 1.330. При этомъ уменьшеніе будто бы касается и рецидивизма. Но H. Joly обращаетъ вниманіе на чрезвычайный ростъ дѣлъ, прекращенныхъ за необнаруженіемъ виновныхъ. Съ другой стороны, Tarde [4]) указалъ на то, что французская статистика вовсе не принимаетъ въ соображеніе релегацію, дающую ежегодный большой отливъ закоренѣлаго преступнаго населенія Франціи въ колоніальныя мѣста ссылки. Этимъ путемъ въ значительной мѣрѣ и достигается своеобразное „очищеніе" французской уголовной статистики [5]).

Въ пользу того, что во Франціи общее число преступленій увеличивается подобно другимъ странамъ, говоритъ тотъ, указанный Tarde'омъ, фактъ, что число судебныхъ дѣлъ во Франціи не уменьшается, а увеличивается: за 20 лѣтъ оно поднялось съ 423.983 до 514.761. Вмѣстѣ съ тѣмъ число дѣлъ, прекращенныхъ за отсутствіемъ признаковъ преступленія, за неважностью самыхъ преступленій и за необнаруженіемъ виновныхъ возросло въ значительной мѣрѣ. Такимъ

---

[1]) Гогель, „Роль общества въ борьбѣ съ преступностью", стр. 8. Въ этой книгѣ собранъ, между прочимъ, обильный матеріалъ, относящійся къ интересующему насъ предмету.

[2]) H. Joly, „La France criminelle", 1889.

[3]) H. Joly, „Les associations et l'état dans la lutte contre le crime", „Revue polit. et parlam." 1895, стр. 430.

[4]) Tarde, Revue pénit.", 1893.

[5]) Д. А. Дриль, „Журн. Мин. Юстиціи" 1897.

образомъ, очевидно, что во Франціи однимъ изъ условій, очищающихъ статистику, является ослабленіе обвинительной дѣятельности.

Если обратиться къ отдѣльнымъ видамъ преступленій, то число ихъ во Франціи, несомнѣнно, возрастаетъ; по крайней мѣрѣ, возрастаютъ такія преступленія, какъ убійства съ корыстною цѣлью, преступленія противъ личности и простыя кражи.

Увеличивается также и дѣтская преступность. Такъ, Bosco указываетъ, что за періодъ съ 1881 по 99 г. число малолѣтнихъ преступниковъ до 16 лѣтъ съ 6.298 увеличилось до 6.938, а въ возрастѣ съ 16 до 21 г.—съ 32.100 до 34.328.

Возьмемъ теперь Англію. Въ этой странѣ, съ осуществленіемъ тюремной реформы въ 1877 г. и съ введеніемъ реформаторій и индустріальныхъ школъ, число преступленій, повидимому, сразу уменьшилось. По крайней мѣрѣ, число арестантовъ въ это время, несомнѣнно, сократилось. Такъ, въ 1878 году средній суточный составъ тюремнаго населенія равнялся 30.833, въ 1879 г. онъ понизился уже до 19.818 человѣкъ, а черезъ 10 лѣтъ, въ 1889 г.—до 14.758; наконецъ, въ 1892 году общій составъ тюремнаго населенія достигъ 12.663. Казалось, можно было торжествовать побѣду надъ зломъ; но затѣмъ тюремное населеніе начало быстро возрастать, такъ что въ 1901 году оно равнялось уже 14.739. Въ слѣдующіе затѣмъ годы количество заключенныхъ возрастаетъ еще болѣе быстро. Такъ, въ 1901 г. общее число осужденныхъ въ тюрьму равнялось 166.794, въ 1902—3 г.—196.144, въ 1903—4 г.—210.482 [1]).

Теперь ясно, что временное уменьшеніе числа заключенныхъ въ англійскихъ тюрьмахъ объясняется случайными причинами, а не представляетъ собою дѣйствительнаго уменьшенія преступности въ населеніи. На упомянутое сокращеніе тюремнаго населенія въ Англіи повліяли законъ о сокращенномъ судопроизводствѣ и расширеніе полномочій судей въ отношеніи срока каторжныхъ работъ, но въ дѣйствительности сама преступность ничуть не уменьшилась [2]).

Изъ доклада Регльбранза брюссельскому тюремному конгрессу мы видимъ, что если въ 1877 г. рецидивистами являлись 39% тюремныхъ жителей, то въ 1898 г. число ихъ уже достигло 58%, а въ 1902 г. — 62% [3]). Равнымъ образомъ и дѣтская преступность, судя по огромному количеству дѣтей, отправляемыхъ въ рефор-

---

[1]) „Revue pénit.“, 1909, стр. 278.
[2]) Гогель, loco cit., стр. 18—20.
[3]) „Revue pénit.“, 1905, стр. 1047.

маторіи и индустріальныя школы, въ Англіи сильно возрастаетъ. Такъ, число дѣтей, помѣщающихся въ индустріальныхъ школахъ, увеличилось съ 1.868 въ 1864 г. до 23.369 въ 1902 г.

Наконецъ, обратимся къ Россіи. Можно ли, однако, говорить здѣсь о преступности съ цифрами въ рукахъ, какъ по отношенію къ западнымъ государствамъ? Въ этомъ отношеніи мы, къ сожалѣнію, должны констатировать полную неудовлетворительность русской статистики. По Тарновскому [1]), число возникшихъ дѣлъ въ Россіи за 20 лѣтъ (1883 — 1903) увеличилось на 57%, тогда какъ населеніе за тотъ же періодъ увеличилось всего на 30%; но, къ удивленію, общее число осужденныхъ за тотъ же періодъ осталось безъ измѣненія. Этотъ странный фактъ, противорѣчащій всѣмъ даннымъ западно-европейскихъ статистикъ, проф. Гогель не безъ основанія относитъ къ совершенной неточности и хаотичности русской статистики.

Что касается послѣднихъ лѣтъ, то нужно ли даже обращаться къ статистикѣ, чтобы прійти къ выводу объ увеличеніи преступности въ Россіи? Всякій, слѣдившій за событіями послѣдняго времени и близко знакомый съ внутреннимъ бытомъ Россіи, можетъ сказать безъ всякой статистики, какъ ощутительно увеличилась вездѣ и всюду въ Россіи необезпеченность жизни и имущества и въ какихъ ужасныхъ формахъ стала пвоявляться преступность съ Россіи, какъ по отношенію къ личности, такъ и по отношенію къ имуществу.

Само собою разумѣется, что преступленія, при количественномъ ихъ ростѣ, съ теченіемъ времени мѣняются въ своихъ формахъ, причемъ число однихъ преступленій остается на прежней высотѣ или даже нѣсколько уменьшается, а число другихъ преступленій болѣе или менѣе значительно увеличивается. Иначе говоря, преступленіе эволюціонируетъ въ зависимости отъ измѣняющихся общественныхъ и экономическихъ условій и въ связи съ измѣненіемъ нравовъ, чему свидѣтельствомъ служатъ тѣ же статистическія данныя; но мы не будемъ входить въ детали этого вопроса. Достаточно сказать, что въ этой эволюціи преступленія, въ смыслѣ его формы, статистика также не даетъ намъ утѣшительныхъ перспективъ. Статистическія данныя разныхъ странъ показываютъ, что тяжкія преступленія противъ личности убавились лишь тамъ, гдѣ число ихъ было и такъ чрезмѣрно велико, какъ въ Италіи; въ другихъ же странахъ они или не убавились, или даже увеличились въ той или другой пропорціи. Равнымъ образомъ, преступленія противъ собственности не только не убываютъ

---

[1]) Тарновскій, „Журналъ Министерства Юстиціи“ за 1905 г.

въ общей суммѣ, въ разныхъ европейскихъ странахъ, но, эволюціонируя въ своей формѣ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, увеличиваются болѣе или менѣе значительно и постоянно.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ заимствовать изъ недавняго труда С. К. Гогеля слѣдующія строки: «Преступность, хотя и видоизмѣнилась въ своихъ формахъ, выражаясь въ отдѣлѣ преступленій противъ личности больше въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, чѣмъ въ убійствахъ, въ отдѣлѣ преступленій противъ имущества больше въ кражахъ и обманахъ, чѣмъ въ разбояхъ и грабежахъ, тѣмъ не менѣе неуклонно и постепенно увеличивается. Число преступныхъ дѣяній и число осужденныхъ не только увеличивается сообразно съ увеличеніемъ и ростомъ населенія, но значительно и быстро перегоняетъ его. Такъ какъ это явленіе наблюдается, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями вверхъ и внизъ, около столѣтія, то устраняется всякая возможность считать его временнымъ» [1]).

Можно опредѣленно сказать, что наша цивилизація въ своемъ корнѣ подтачивается язвой преступности, и если мы не залечимъ эту все развивающуюся вширь и вглубь язву, то современная намъ цивилизація уже не можетъ претендовать на прочность своего дальнѣйшаго существованія. Нѣтъ никакой возможности закрывать глаза предъ наступающей грозной опасностью. Мы должны заблаговременно приготовиться къ раціональной борьбѣ съ этой опасностью и для этой цѣли изучить постепенно надвигающееся бѣдствіе.

Всякому ясно, что для раціональной борьбы съ преступностью необходимо прежде всего выяснить размѣры и основныя причины преступности, такъ какъ только такимъ путемъ создается возможность раціональной борьбы съ этимъ печальнымъ явленіемъ нашей общественности.

Выяснить главные корни преступности—значитъ указать и пути ея искорененія. Для того именно, чтобы приступить къ столь важному и трудному дѣлу, какъ изученіе преступности и раціональныхъ мѣръ борьбы съ нею, Психо-Неврологическій Институтъ выдѣлилъ изъ своей среды, по моему предложенію, особую криминологическую секцію.

На Западѣ уже возбуждался вопросъ объ устройствѣ международнаго Криминологическаго Института (американцемъ Mac Donald'омъ), но до сихъ поръ эта мысль, сколько мнѣ извѣстно, еще не осуществилась; но маленькая Аргентина недавно разрѣшила этотъ

---

[1]) Гогель, loco cit., стр 22—23

вопросъ, устроивъ особый Криминологическій Институтъ на правительственныя средства.

Мы полагаемъ, что медлить съ образованіемъ у насъ такого Института нельзя. Теперь очередь за сочувствіемъ общества и правительства скромному начинанію, которое, при благопріятныхъ условіяхъ, окажетъ большія услуги и обществу, и государству.

Здѣсь нельзя не упомянуть о научномъ учрежденіи, близкомъ, по основнымъ своимъ началамъ, къ образуемой нами криминалогической секціи. Я говорю о международномъ союзѣ криминалистовъ, существующемъ уже 20 лѣтъ и имѣющемъ русскую группу, образованную въ 1899 г. По уставу этого союза, основателями котораго были берлинскій профессоръ Листъ, брюссельскій профессоръ Принсъ и амстердамскій профессоръ Ванъ-Гамель, „уголовная наука и уголовное законодательство должны считаться съ выводами ученій антропологическихъ и соціологическихъ“.

Для правильной оцѣнки значенія этого положенія слѣдуетъ имѣть въ виду, что союзъ основанъ юристами-догматиками, а потому вышеприведенное указаніе его устава является лишь нѣкоторой уступкой, но отнюдь не отказомъ отъ взгляда, который главнымъ методомъ въ области уголовной науки признаетъ методъ юридико-догматическій и субъективный. До нѣкоторой степени международный союзъ криминалистовъ представляетъ собою попытку примиренія школъ антропологической, соціологической и юридической, почему онъ и получилъ въ наукѣ названіе школы эклектиковъ. Однако, это примиреніе или сліяніе, какъ легко понять, въ дѣйствительности не можетъ быть проведено во всей полнотѣ [1]), чѣмъ, вѣроятно, и объясняется тотъ фактъ, что союзъ на своихъ съѣздахъ занимается не столько вопросами чистой науки, сколько вопросами, относящимися до уголовно-политическихъ мѣръ. При всемъ томъ нельзя не отдать полной справедливости этому учрежденію: оно является въ жизни культурныхъ народовъ элементомъ прогрессивнымъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Это доказалъ и послѣдній, недавно закончившійся въ Москвѣ съѣздъ русскихъ криминалистовъ, постановившій столько гуманныхъ и продуманныхъ резолюцій по наиболѣе важнымъ современнымъ вопросамъ русскаго уголовнаго и уголовно-процессуальнаго законодательства. (Гогель, устн. сообщ.).

Сдѣлавъ это выступленіе, мы постараемся выяснить, какой прин-

---

[1]) Доказательство этому можно почерпнуть даже въ столь талантливомъ трудѣ, какъ учебникъ Prince'a „Science pénale et droit positif“.

ципъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть принятъ по отношенію къ изученію преступленія, причинъ преступности въ населеніи вообще и личности преступника.

Преступленіе само по себѣ есть понятіе юридическое, отличающееся извѣстной условностью, притомъ мѣняющееся съ теченіемъ времени, въ зависимости отъ условій общественной жизни и формы государственности. Въ однѣхъ странахъ жестоко карается то дѣяніе, которое въ другихъ странахъ не считается вовсе преступленіемъ. Напримѣръ, современная намъ Франція не признаетъ преступленій противъ вѣры, преслѣдуемыхъ въ другихъ странахъ, а Швейцарія и Англія не признаютъ такъ называемыхъ политическихъ преступленій. Время также мѣняетъ понятіе преступности. Достаточно вспомнить жестокое преслѣдованіе старыми уголовными кодексами такъ-называемыхъ колдуновъ и вѣдьмъ, которыхъ нынѣшнія законодательства совершенно не знаютъ.

Юридическое понятіе преступленія далеко не можетъ быть отождествляемо съ понятіемъ нарушеній нравственности вообще. Законъ преслѣдуетъ нарушенія условій общежитія, имѣя въ виду удобство ихъ для большинства или, по крайней мѣрѣ, для установившагося государственнаго строя. Понятіе же нравственности опредѣляется идеалами общественной жизни. Чтобы ярче оттѣнить несоотвѣтствіе юридическихъ нормъ съ нравственными нормами, достаточно сказать, что съ точки зрѣнія закона Іисусъ Христосъ, Сократъ, Іоаннъ Гуссъ и многіе великіе проповѣдники нравственныхъ началъ были въ свое время признаны преступниками и осуждены. Въ силу отвлеченнаго принципа, вложеннаго въ понятіе о преступленіи, подъ него подводятся дѣйствія, имѣющія и по характеру, и по цѣли мало общаго между собою. Можетъ ли быть, напр., что-либо общее между простымъ воромъ и политическимъ преступникомъ? Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ объ актѣ корыстолюбиваго характера, нарушающаго права собственности другого человѣка; во второмъ случаѣ дѣло идетъ объ актѣ альтруистическомъ, часто возвышающемъ человѣка надъ цѣлымъ рядомъ окружающихъ его лицъ.

Въ виду этого нѣкоторые авторы, какъ, напр., Garofalo, пытались выдѣлить категорію такъ называемыхъ естественныхъ преступленій въ отличіе отъ другихъ преступленій болѣе условнаго характера. Но и въ категоріи этихъ „естественныхъ“ преступленій, сводящихся къ тѣмъ случаямъ, когда нарушаются элементарныя требованія нравственности и преступается minimum морали современнаго общества, также немало условности: вѣдь мораль есть понятіе не одинаковое въ

разныхъ странахъ и мѣняющееся съ теченіемъ времени. Даже взгляды на убійство не одинаковы въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Извѣстно, что въ Спартѣ признавалось законнымъ убійство хилыхъ дѣтей, а у нѣкоторыхъ дикарей и нынѣ допускается убійство стариковъ.

Итакъ, что же такое преступленіе и преступникъ?

По опредѣленію Joli, „преступникомъ должно признать человѣка, желающаго подчинить своимъ страстямъ отношенія, которыя у него возникаютъ съ другими лицами, но не обладающаго ни храбростью, ни терпѣніемъ для закономѣрной и честной борьбы“.

Проф. Дюркгеймъ [1]) опредѣляетъ преступленіе, какъ дѣяніе, которое порицается большинствомъ, народной совѣстью, національнымъ сознаніемъ и чувствомъ солидарности.

Мнѣ казалось бы проще сказать, что преступнымъ слѣдуетъ, признавать вообще все то, что приводить къ нарушенію minimum'a, установленныхъ нормъ общежитія, причемъ, однако, юридическое толкованіе преступленія требуетъ, чтобы упомянутое нарушеніе было предметомъ вѣдѣнія уложенія о наказаніяхъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ преступленіе, перейдемъ къ разсмотрѣнію факторовъ, содѣйствующихъ развитію преступности въ населеніи.

Люди всегда были склонны думать, что во власти человѣка распоряжаться своими дѣйствіями по своему желанію и соотвѣтствующимъ образомъ вліять на окружающія его условія. Эта субъективная точка зрѣнія предполагаетъ, что человѣкъ, съ его волей, является властелиномъ надъ собой и надъ совершаемыми имъ поступками. Руководясь этимъ, нѣкоторые и до сихъ поръ склонны видѣть въ поразительномъ ростѣ преступности за послѣднее время индивидуальныя условія, связанныя съ паденіемъ нравственности и съ такъ-называемымъ развращеніемъ умовъ. Если бы, однако, и было основаніе говорить о пониженіи нравственности въ настоящее время по сравненію съ прошлымъ, то возникаетъ другой вопросъ: гдѣ причины этого паденія нравовъ—въ субъективномъ ли мірѣ отдѣльныхъ лицъ или во внѣшнихъ общественныхъ и ближайшихъ факторахъ, подрывающихъ въ корнѣ основныя условія нравственныхъ началъ и лишающихъ тѣмъ возможности сдерживать лежащія въ природѣ человѣка эгоистическія стремленія.

Первый взглядъ, видѣвшій въ преступленіи отклоненіе отъ обя-

---

[1]) E. Durckheim, „De la division du travail social“. 1902.

зательной для всѣхъ добродѣтели или проявленіе т. наз. „злой воли“,— взглядъ, еще не исчезнувшій и понынѣ даже въ высокообразованныхъ умахъ, недавно началъ уступать мѣсто біологической точкѣ зрѣнія на преступника, какъ на атавистическій типъ, проводимой съ настойчивостью итальянскимъ профессоромъ Lombroso и его послѣдователями. Эта послѣдняя точка зрѣнія пріобрѣла большое распространеніе и на Западѣ, и у насъ, благодаря тому, что многіе на первыхъ порахъ усмотрѣли въ ней разгадку сущности самого преступленія, создаваемой на основахъ точнаго естественно-научнаго метода. Если ранѣе преступленіе и объяснялось съ точки зрѣнія злой воли, то основная причина такого направленія воли человѣка все же оставалась для многихъ неясной. И вотъ, казалось, что біологическая точка зрѣнія объ атавистической природѣ преступника, которую развивалъ Ломброзо, давала ключъ къ уясненію сущности самой „злой воли“, или, что одно и то же, природы самого преступленія.

Особая популярность ученія проф. Ломброзо объясняется и тѣмъ, что оно явилось первой по времени серьезной попыткой примѣнить законъ причинности къ явленіямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ преступныхъ дѣйствій человѣка. Въ корнѣ подрывая и опровергая классическую или догматическую школу уголовнаго права, оно, естественно, не могло не возбудить къ себѣ особеннаго интереса. Но, разбивъ старое воззрѣніе догматической школы на преступника, какъ на представителя проявленій „злой воли“, новое криминально-антропологическое ученіе, пріобрѣвшее на первыхъ же порахъ много адептовъ какъ въ самой Италіи, такъ и внѣ ея предѣловъ [1]), само стало вскорѣ колебаться подъ ударами критики. Самъ Lombroso видоизмѣнилъ свою первоначальную теорію, признавъ въ преступномъ типѣ не только атавистическія черты дикаря, но и признаки скрытаго эпилептика. Однако, и противъ этой криминально-психіатрической или, точнѣе, біолого-патологической теоріи были сдѣланы существенныя возраженія, изъ которыхъ главное заключается въ томъ, что среди преступниковъ сами приверженцы ученія Lombroso насчитываютъ не болѣе 5% эпилептиковъ.

Много усилій было сдѣлано Ломброзо, чтобы защитить свою

---

[1]) Изъ русскихъ авторовъ, развивавшихъ ученіе Ломброзо, слѣдуетъ отмѣтить Д. А. Дриля („Преступность и преступники“, 1895) и Л. Е. Владимірова („Психологическое изслѣдованіе на уголовномъ судѣ“). Очень цѣнные труды по криминальной антропологіи даны были у насъ также П. Н. Тарновскою по изслѣдованію воровокъ и женщинъ убійцъ. Критическія работы по ученію Ломброзо у насъ принадлежатъ Бѣлиловскому, Вульферту, Закревскому, Шейнису и другимъ.

точку зрѣнія; много было потрачено труда его учениками и послѣдователями, чтобы дать торжество идеѣ своего учителя, чтобы подкрѣпить біологическую идею въ вопросѣ о преступленіи — и тѣмъ не менѣе, самъ Ломброзо въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ долженъ былъ сдѣлать существенныя отступленія отъ своей основной сначала біологической, а затѣмъ біолого-патологической точки зрѣнія въ пользу вліянія соціальныхъ условій на развитіе преступности въ населеніи. Многіе авторы нынѣ уже и вовсе не считаются съ этимъ ученіемъ, выдвинувъ другой принципъ, по которому преступленіе есть соціально-экономическое зло и должно быть изучаемо преимущественно съ соціальной, а не съ біологической точки зрѣнія.

Попытка создать особый преступный атавистическій типъ наткнулась на тотъ неоспоримый фактъ, что въ этомъ типѣ не оказалось ни одной анатомической черты, значеніе которой не оспаривалось бы и относительно которой не было бы болѣе или менѣе существенныхъ разногласій между представителями науки [1]). Противъ особаго преступнаго типа говорятъ спорность и сомнительность указываемыхъ Ломброзо признаковъ для большинства преступниковъ и въ то же время существованіе ихъ у совершенно честныхъ лицъ. Да и отправная точка Ломброзо, что преступный типъ есть атавизмъ или возвратъ человѣка къ первобытному состоянію дикаря, не можетъ быть признана правильной по существу, такъ какъ дикарь и дитя, котораго нерѣдко сравниваютъ съ дикаремъ, не суть преступники по природѣ. Дикарь враждебенъ по отношенію къ членамъ другого племени, но своему племени онъ не врагъ, и въ своей средѣ онъ нимало не похожъ на нашего преступника. По мнѣнію Спенсера, дикарямъ, живущимъ въ своихъ лѣсахъ, даже болѣе свойственна человѣчность, нежели многимъ членамъ обширной семьи цивилизованныхъ народовъ. Съ другой стороны, мы можемъ говорить о дѣтскомъ эгоизмѣ, объ импульсивности ребенка, но сравнивать его съ преступными типами никоимъ образомъ не возможно.

Въ виду массы сдѣланныхъ противъ теоріи Ломброзо возраженій, удивительно то упорство, съ которымъ итальянская школа, въ лицѣ своихъ видныхъ представителей, до сихъ поръ отстаиваетъ ученіе Ломброзо о преступномъ типѣ, видоизмѣняя первоначальные взгляды Ломброзо то въ томъ, то въ иномъ направленіи.

---

[1]) Шейнисъ, „Біологическіе и соціологическіе факторы преступленія“ (Міръ Божій, апрѣль и май 1903 г.).

Необходимо при этомъ отмѣтить одну школу, которая возникла бокъ-о-бокъ съ криминально - антропологической школой и можетъ быть разсматриваема, какъ ея развѣтвленіе, такъ какъ особенное свое развитіе она, несомнѣнно, получила вмѣстѣ съ первоначальнымъ побѣдоноснымъ шествіемъ ученія Ломброзо. Эта школа, которую можно назвать психіатрической, видѣла и видитъ въ преступникѣ настоящаго выродка или дегенерата, но не атависта въ смыслѣ Ломброзо, а просто психопатическую личность, отклоняющуюся отъ нормальныхъ людей особенностями своей психо-физической организаціи.

Нельзя, впрочемъ, отрицать и самостоятельности этой школы уже потому, что еще много ранѣе Ломброзо установилось въ психіатріи понятіе о вырожденіи, разнообразныя проявленія котораго подробно были разработаны первоначально Morel'емъ (Traité de dégénérescence), а затѣмъ и цѣлымъ рядомъ другихъ психіатровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ психіатріи уже давно трактовались вопросы о соотношеніи преступности съ вырожденіемъ и душевными болѣзнями, а извѣстнымъ Причардомъ было создано ученіе о такъ-называемомъ нравственномъ помѣшательствѣ, съ которымъ имѣетъ ближайшее соотношеніе и болѣе позднее ученіе Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ.

Новѣйшіе психіатры вообще не склонны разсматривать нравственное помѣшательство въ видѣ самостоятельной формы душевной болѣзни, а признаютъ его большею частью однимъ изъ проявленій другихъ болѣзненныхъ формъ, напр., вырожденія и эпилепсіи. Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ можно отмѣтить позднѣйшія заимствованія школы Ломброзо изъ области психіатріи, а не наоборотъ.

Основнымъ принципомъ психіатрической школы является положеніе, что между преступностью, вырожденіемъ и душевною болѣзнью имѣется близкое родство и что преступность есть лишь одинъ изъ видовъ вырожденія.

Такъ, по словамъ Д. А. Дриля, извѣстнаго автора книги о „Малолѣтнихъ преступникахъ“ и защитника вышеуказанной теоріи, вырожденіе въ своихъ тончайшихъ отпрыскахъ объединяетъ въ одну обширную группу душевныя разстройства, неврозы, устойчивую порочность и преступность, которыя являются всѣ вмѣстѣ выраженіемъ неустойчивости и различныхъ порочностей психо-физической организаціи.

Душевныя разстройства, душевныя отклоненія и преступность, по словамъ того же автора, хотя и нетождественныя другъ другу явленія, но весьма родственныя. Преступленія весьма часто врываются въ область душевнаго разстройства и, наоборотъ. душевное разстрой-

ство часто сопутствуетъ преступности. Преступность и душевное разстройство взаимо дополняютъ другъ друга [1]).

Достаточно прослѣдить за типами малолѣтнихъ преступниковъ, описываемыхъ Д. А. Дрилемъ, чтобы сказать, что это типы непормальные, хотя и не больные въ настоящемъ смыслѣ слова. Это, согласно мѣткому выраженію проф. Déjérine'a, une façone d'être вырожденія. „Преступность разсматривается мною, говоритъ авторъ, какъ постепенно подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій вырабатывающаяся порочность психо-физической организаціи человѣка, предрасполагающая его къ преступленію, но предрасполагающая не безусловно, а въ зависимости отъ извѣстныхъ условій или предрасполагающихъ причинъ".

На точкѣ зрѣнія извѣстнаго родства между преступностью и душевными и нервными болѣзнями стоитъ и проф. В. Ф. Чижъ [2]).

По Voisin'y, наклонность къ пороку (resp. преступленію) представляетъ собою больше, чѣмъ какія-либо другія наклонности, проявленіе наслѣдственности. Это, по выраженію автора, есть какъ бы безсрочное наказаніе за грѣхи предковъ.

Лоранъ [3]) отмѣчаетъ огромное число представителей вырожденія среди преступниковъ и, устанавливая связь между помѣшательствомъ и преступностью, какъ обычное явленіе, замѣчаетъ, что вырождающіеся представляютъ собою главныхъ плательщиковъ того палога, который называется преступностью. Алкоголь и вырожденіе—главные этіологическіе моменты преступности.

Féré [4]) также стоитъ на точкѣ зрѣнія ближайшаго соотношенія между преступленіемъ и вырожденіемъ. По его мнѣнію, при настоящемъ состояніи науки даже невозможно провести границу между преступленіемъ и сумасшествіемъ. Какъ положительный фактъ, добытый изученіемъ преступника, является, съ точки зрѣнія Фере, родство между преступностью, душевнымъ разстройствомъ и вырожденіемъ вообще,—родство, которое выражается частымъ совпаденіемъ преступленія и вырожденія какъ у одного и того же лица, такъ и въ одной семьѣ. Преступность, какъ одинъ изъ видовъ вырожденія, характеризуется, по словамъ Фере, прямою наслѣдственностью. Съ

---

[1]) Д. А. Дриль, „Малолѣтніе преступники", стр. 124.

[2]) В. Ф. Чижъ, „Преступный человѣкъ передъ судомъ врачебной науки". Казань, 1894.

[3]) Лоранъ, „Тюремный міръ".

[4]) Feré, „Dégénérescence et criminalité". Paris, 1888 г.

другой стороны, такъ какъ при вырожденіи возможна талантливость, изъ преступныхъ же семей не выходило еще талантливыхъ людей, то преступность, по автору, является однимъ изъ низшихъ видовъ вырожденія. Въ общемъ невозможно отличить преступниковъ отъ дегенератовъ, даже принявъ во вниманіе всѣ особенности преступнаго типа, отмѣчаемыя криминально-антропологической школой.

Таковы положенія психіатрической школы на преступность и на преступника. Повторяю, они довольно близки положеніямъ школы Ломброзо, но не могутъ быть съ ними отождествляемы въ полной мѣрѣ. Противъ положеній психіатрической школы можно возразить, что наслѣдственно родство между преступностью, душевными болѣзнями и вырожденіемъ объясняется тѣми внѣшними условіями, въ которыхъ родится преступленіе. Пауперизмъ и алкоголизмъ—условія для развитія вырожденія и душевныхъ болѣзней; между тѣмъ они же являются и главными факторами преступности. Далѣе, если между заключенными преступниками часты душевныя болѣзни, то опять-таки этотъ фактъ можетъ быть поставленъ въ связь съ вышеуказаннымъ условіемъ. Съ другой стороны, все ли здѣсь должно быть отнесено на долю вырожденія и не вліяютъ ли въ извѣстной мѣрѣ на развитіе душевныхъ болѣзней, испытываемыхъ арестантами, угнетающіе аффекты и самая обстановка? Наконецъ, такъ ли уже часты на самомъ дѣлѣ патологическія черты личности преступниковъ, какъ признаютъ представители психіатрической школы.

Ненормальные типы, по понятнымъ причинамъ чаще встрѣчающіеся среди малолѣтнихъ, нежели взрослыхъ преступниковъ, были отмѣчены и прекрасно описаны Д. А. Дрилемъ; тѣмъ не менѣе, и здѣсь они, повидимому, составляютъ не правило, а скорѣе исключеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на нихъ представители другого направленія [1]).

Въ послѣднее время теорія Ломброзо сдѣлала попытку воскреснуть въ другомъ видѣ. Въ лицѣ Nordau мы имѣемъ создателя новаго ученія о преступности, которое можетъ быть названо паразитическимъ и о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе, какъ о позднѣйшей теоріи изъ порядка біологическихъ или, точнѣе, біопатологическихъ.

Д-ръ Нордау также исходитъ изъ положенія, что закоренѣлый преступникъ есть типъ вырождающійся, неспособный развиваться нормально и подверженный остановкѣ въ своемъ развитіи. Но онъ

---

[1]) См. Гогель, loco cit., стр. 26.

не признаетъ ученія объ атавизмѣ и не признаетъ въ то же время преступника ближайшимъ сородичемъ душевно-больного. По Нордау, въ преступникѣ мы имѣемъ дѣло съ неполнымъ и уродливымъ развитіемъ организма. Преступленіе является не чѣмъ инымъ, какъ явленіемъ человѣческаго паразитизма. Нѣтъ надобности пояснить, что подъ паразитами въ біологическомъ смыслѣ понимаютъ животныхъ и растенія, которыя живутъ на тѣлѣ или внутри животныхъ и растеній другой породы, не принося послѣднимъ никакой пользы, а напротивъ того, живя на счетъ ихъ соковъ и тѣмъ самымъ принося имъ тотъ или иной вредъ. Нордау и самъ держится вышеуказаннаго опредѣленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ его до полной неопредѣленности. Онъ признаетъ, что всякая вообще дифференцированная жизнь высшаго порядка паразитарна. Исключеніе составляютъ, будто бы, только простѣйшіе одноклѣточные организмы, питающіеся неорганическими веществами окружающей ихъ природы. Всѣ остальные живутъ на счетъ другихъ организмовъ. Такъ, растенія питаются веществами, переработанными другими растеніями или животными; животныя также питаются растеніями или животными же. Вполнѣ условно называютъ паразитами, напр., ліаны, обвивающія тропическія растенія,—и не причисляютъ къ паразитамъ, напр., шампиньоны, питающіеся только разложившимися растеніями и животными; точно такъ же называютъ паразитами червей, живущихъ внутри животнаго, тогда какъ не называютъ паразитами такихъ хищниковъ, какъ левъ, которые питаются умерщвленными ими же животными. Ставъ на эту точку зрѣнія, авторъ готовъ уничтожить самое понятіе паразитизма, такъ какъ при томъ кругооборотѣ живой и неорганической матеріи который мы имѣемъ вездѣ и всюду, всѣ живыя существа являются какъ бы паразитами другихъ, и въ этомъ отношеніи не оставляетъ исключенія и человѣкъ, притомъ не преступный только, но и самый честнѣйшій и благороднѣйшій изъ смертныхъ.

Въ концѣ концовъ, желая ближе опредѣлить паразитизмъ, Нордау слово „паразитъ“ примѣняетъ къ тѣмъ случаямъ, „когда эксплуатирующій организмъ меньше и слабѣе эксплуатируемаго“, и не считаетъ паразитизмомъ насильственный и грубый захватъ болѣе мелкихъ и слабыхъ организмовъ лучше вооруженными. Не трудно видѣть, что авторъ даетъ здѣсь опредѣленіе паразитизма, совершенно несоотвѣтствующее біологическому смыслу этого явленія. Впрочемъ, онъ и самъ признаетъ, что, говоря о человѣческомъ паразитизмѣ, онъ не придаетъ этому термину „чисто біологическаго смысла, а лишь нѣсколько аналогичный“. Но въ такомъ случаѣ, что же остается отъ его теоріи?

Если дѣло идетъ не о біологическомъ понятіи паразитизма, то есть ли тутъ вообще мѣсто теоріи? Вѣдь не требуется доказательствъ тому, что извѣстная категорія преступниковъ представляетъ собою паразитовъ въ общественномъ смыслѣ, да и къ паразитамъ въ этомъ смыслѣ могутъ быть причислены не одни только преступники.

Въ человѣческомъ обществѣ паразитизмъ, говоритъ Нордау, „начинается только съ тѣхъ поръ, когда появляются люди, берущіе безъ отдачи, отнимающіе отъ другихъ результаты ихъ трудовъ безъ ихъ согласія и безъ всякой отплаты, однимъ словомъ, обращающіеся съ людьми, какъ съ первичной матеріей, которой они удовлетворяютъ всѣ свои нужды и потребности. Впадающіе въ этотъ паразитизмъ и суть преступники“. По Нордау, преступный человѣкъ—преступникъ не по природѣ и не представляетъ собою явленіе атавизма; паразитизмъ, напротивъ того, является сопутникомъ цивилизаціи и наблюдается лишь въ организованныхъ обществахъ. Такимъ образомъ, преступленіе, не будучи проявленіемъ атавизма, есть новое явленіе и притомъ относительно позднее въ цивилизаціи народовъ, представляющее собою „симптомъ индивидуальной и общественной болѣзни, признакъ патологическаго состоянія дифференцировавшагося общества“. Самый паразитизмъ, по Нордау, есть явленіе вырожденія, какъ и общепринято думать. „Вырождающійся человѣкъ, являясь хилымъ и слабымъ, по закону наименьшей затраты энергіи старается эксплуатировать ближняго вмѣсто того, чтобы жить съ нимъ въ условіяхъ равноцѣннаго обмѣна“.

Однако, для сравненія или для аналогіи между біологическимъ паразитизмомъ, съ одной стороны, и преступностью, съ другой, не имѣется достаточныхъ основаній. Паразитизмъ въ природѣ выражается атрофіей однихъ органовъ отъ неупотребленія и гипертрофіей другихъ; иначе говоря, здѣсь видимъ мы своего рода аморфизмъ, тогда какъ у преступниковъ, по Ломброзо, органы чувствъ развиты хорошо, подвижность мышцъ выше, чѣмъ у нормальныхъ лицъ, и, кромѣ того, у многихъ изъ нихъ обнаруживается неофилія, т. е. особая любовь къ новизнѣ. Эта особенность, какъ и чрезмѣрная энергія, замѣченная у разбойниковъ, убійцъ и нѣкоторыхъ злостныхъ банкротовъ, является противорѣчіемъ между ихъ жизнью и апатичнымъ, малоподвижнымъ существованіемъ настоящихъ паразитовъ.

Стоя на вышеуказанной точкѣ зрѣнія, Нордау предполагаетъ въ преступникѣ извѣстное органическое несовершенство, въ особенности недостатковъ задерживающихъ импульсовъ и сравнительно быстрое истощеніе нервной дѣятельности. Хотя авторъ и утверждаетъ,

что его теорія обнимаетъ всѣ виды преступности, но онъ самъ старается извѣстнымъ образомъ ограничить понятіе истинной преступности тѣми формами, при которыхъ преступленіе совершается ради личнаго расчета или наживы. При этомъ онъ указываетъ на необходимость проводить различіе между актомъ аффекта и актомъ преступленія въ истинномъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ не извлекаетъ никакой выгоды изъ своего преступленія, тогда какъ преступникъ-паразитъ совершаетъ тотъ же актъ вполнѣ хладнокровно, въ цѣляхъ личной выгоды. Отсюда ясно, что Нордау подъ свою теорію подводитъ только преступниковъ-тунеядцевъ, выдѣляя изъ нея другихъ лицъ также подходящихъ подъ понятіе анти-соціальнаго типа преступника. Въ этомъ нельзя не видѣть ограниченности его теоріи, обнимающей лишь извѣстный разрядъ преступниковъ, но далеко не всѣхъ.

Съ другой стороны, паразитизмъ въ смыслѣ Нордау далеко уклоняется отъ біологическаго паразитизма Здѣсь дѣло идетъ о паразитизмѣ соціальнаго характера, развивающемся на почвѣ вырожденія. Въ такомъ случаѣ слово „паразитъ“ отождествляется съ понятіемъ о человѣкѣ, живущемъ на чужой счетъ. Само собой разумѣется, что подъ эту категорію людей могутъ быть подведены не одни только преступники, но и цѣлый разрядъ тунеядцевъ, которые только воображаютъ или хотятъ кого-то увѣрить, что живутъ на свой счетъ, въ дѣйствительности же проживаютъ чужія богатства. Въ числѣ ихъ, конечно, есть немало и выродковъ, и, тѣмъ не менѣе, они никѣмъ не относятся къ категоріи преступниковъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что попытка М. Нордау вновь освѣтить вопросъ преступности съ біологической точки зрѣнія путемъ отождествленія преступника не съ выродкомъ-атавистомъ или выродкомъ-эпилептикомъ, или душевно-больнымъ, а съ выродкомъ-паразитомъ, не можетъ быть признана удачной. Она справедливо встрѣтила осужденіе въ печати, между прочимъ, и у насъ [1]).

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что если старое догматическое ученіе опиралось на отживающее уже нынѣ свой вѣкъ положеніе о существованіи въ человѣкѣ самоопредѣляющейся воли, которая, управляя человѣкомъ безконтрольно, дѣлаетъ его преступникомъ или честнымъ и тѣмъ самымъ обособляетъ преступниковъ въ категорію лицъ, рѣшившихся, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, вести себя

---

[1]) См. д-ръ Шейнисъ. „Еще одна біологическая теорія преступности“; „Вѣстникъ Знанія“ № 6, 1908 г.

вопреки обычной морали, то всѣ позднѣйшія біо-патологическія теоріи, утверждая, что преступникъ есть особый атавистическій типъ или типъ особаго выродка—психопата, или типъ біо-соціальнаго паразита въ смыслѣ Нордау, выходятъ изъ предположенія, что преступленіе коренится въ особой натурѣ человѣка, отражающейся и на особенностяхъ его психики.

Въ этомъ отношеніи позднѣйшія ученія, хотя и измѣнили коренным образомъ старое догматическое ученіе о преступленіи, какъ проявленіи пресловутой „злой воли“ человѣка, признавъ, что „злая воля“ является не отъ личности самого преступника, а отъ его природы,—иначе говоря, преступникъ въ этомъ случаѣ является жертвой своей собственной порочной или болѣзненной природы,—но и эти новыя теоріи, подобно воззрѣніямъ старой догматической школы, вполнѣ подходятъ къ обыкновенному міровоззрѣнію большинства, которое было такъ удачно формулировано Corne'омъ. По словамъ этого автора, большинство на преступника смотритъ подобно тому, какъ смотрѣли въ древней Греціи и древнемъ Римѣ на рабовъ, т.-е. какъ на людей другой природы, ничуть не той, какъ всѣ. Это воззрѣніе, очень удобное для практической ходячей морали, избавляетъ людей непреступныхъ отъ всякой отвѣтственности за преступныя дѣянія, совершаемыя другими, хотя и въ той же средѣ, ибо, установивъ такой взглядъ на преступника, къ нему нельзя относиться иначе, какъ только отрицательно; его въ такомъ случаѣ нужно подавлять, карать, и чѣмъ страшнѣе наказаніе, тѣмъ лучше. Тѣмъ не менѣе, долговременный опытъ показалъ, что наказанія ничему не помогли, а лишь повредили, предоставивъ свободно развиваться преступности, потому что боролись съ призракомъ, съ произведеніемъ воображенія вмѣсто того, чтобы, скажемъ отъ себя, принимать дѣйствительныя мѣры противъ распространенія преступности въ населеніи.

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе накопляется фактовъ, которые служатъ доказательствомъ того, что преступленіе стоитъ въ прямой зависимости отъ соціальныхъ условій, въ особенности отъ тяжелаго экономическаго положенія населенія.

Рядомъ статистическихъ данныхъ выясняется, что преступность есть сложное явленіе, стоящее въ зависимости отъ многихъ факторовъ соціально-экономическаго характера. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что крупные соціальные перевороты содѣйствуютъ развитію преступности въ населеніи. Примѣромъ служитъ повышеніе преступности вмѣстѣ съ развитіемъ въ населеніи серьезнаго революціоннаго дви-

женія. При этомъ рѣчь идетъ о повышеніи числа не политическихъ преступленій, а преступленій уголовнаго характера.

Можно было бы думать, что въ этомъ случаѣ главную роль играетъ экономическій факторъ, такъ какъ, обыкновенно, революція слѣдуетъ за тяжелымъ экономическимъ гнетомъ. Нельзя, однако, не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о значительномъ поднятіи числа преступленій въ періодъ, непосредственно слѣдующій за главной вспышкой революціоннаго движенія и часто даже вслѣдъ за подавленіемъ революціи. Такъ было, между прочимъ, и съ русской революціей. Пока развивалась революція, о необычайномъ усиленіи преступности въ населеніи мы почти не слышали, но вслѣдъ за подавленіемъ революціи преступность въ Россіи достигла своего апогея. Здѣсь, надо думать, оказываетъ вліяніе тотъ общественный подъемъ, который не сразу затихаетъ вслѣдъ за подавленіемъ народнаго движенія и возбуждаетъ къ проявленію своихъ инстинктовъ многихъ представителей болѣе обездоленныхъ классовъ населенія, толкая ихъ на путь преступленія.

Въ то же время революціонный періодъ въ сильной степени обостряетъ классовыя и вообще соціальныя отношенія людей и создаетъ обширное поле для столкновенія людей не на почвѣ правовыхъ только отношеній, но и на почвѣ различныхъ соціальныхъ взглядовъ, вслѣдствіе чего въ періодъ революціи поднимается до необычайной степени число преступленій, вызванныхъ обостреніемъ классовой и политической розни.

Но роль особо важнаго условія преступности, неуклонно дѣйствующаго въ разныхъ странахъ и притомъ во всякое время, играетъ факторъ экономическій.

Въ настоящее время вообще имѣется столько данныхъ въ пользу мнѣнія, что преступленіе есть въ значительной мѣрѣ зло, зависящее отъ экономическаго состоянія извѣстныхъ классовъ населенія, что врядъ ли въ этомъ можетъ быть какое-либо сомнѣніе.

Доказано точными статистическими данными, что ряды преступнаго класса пополняются главнымъ образомъ изъ бѣднѣйшихъ обездоленныхъ классовъ населенія. Этотъ фактъ не можетъ быть нынѣ оспариваемъ.

Листъ [1]) особенно настаиваетъ на томъ, что преступленіе представляетъ собою соціально-патологическое явленіе, зависящее отъ экономическихъ условій.

---

[1]) F. Liszt. „Das Verbrechen als social-pathologische Erscheinnung“. Дрезденъ, 1899.

H. Denis [1]) показалъ, что въ Бельгіи преступность населенія въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ была обратно пропорціональна экономическому благосостоянію народа, насколько показателемъ этого благосостоянія являются рыночныя цѣны на продукты потребленія, причемъ во время годовъ съ экономическими кризисами преступность всегда возрастала соотвѣтственнымъ образомъ.

Изъ французской статистики мы узнаемъ, что на долю бродягъ и лицъ, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія, насчитывается 139 обвиняемыхъ, на долю бѣднѣйшаго класса прислуги—20 обвиняемыхъ и на долю либеральныхъ профессій—всего 12 обвиняемыхъ, считая на 100 тысячъ населенія.

Чтобы видѣть, какое значеніе имѣютъ экономическія условія на развитіе преступленія въ населеніи, достаточно привести нѣкоторыя цифры. По Марро [2]), напр., изъ 100 обвиняемыхъ 79,6% относятся къ числу нуждающихся.

Прогрессивное увеличеніе за послѣднее время преступности въ Англіи стоитъ въ очевидномъ соотношеніи съ увеличеніемъ бѣднаго населенія: число принятыхъ въ дома бѣдныхъ за десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г. увеличилось съ 187.221 до 213.377.

Изъ французской статистики 1902 г. [3]) видно, что земледѣльческій классъ, составляющій 8.324,000, далъ всего 8% преступности, индустріальный классъ, численность котораго опредѣляется всего въ 6.334.000—24%, а 8% падаетъ на неизвѣстный родъ занятій. Въ Германіи рабочіе и поденщики дали на 100 тыс. населенія 10.408 осужденій за преступленія и проступки земледѣльцы—1.202 осужденій, а лица, имѣющія доходъ, и представители интеллигенціи—всего 224 осужденія.

Съ другой стороны, статистика показываетъ, что городское населеніе даетъ почти вдвое болѣе осужденныхъ за преступленія, нежели сельское населеніе; а что на приростъ осужденныхъ въ городахъ вліяетъ главнымъ образомъ шествіе пауперизма, въ этомъ насъ убѣждаютъ, напр., цифры, приводимыя Joly, по которому на 1.000 обвиняемыхъ въ 1841—1851 гг. было всего 41 лицо безъ крова, а въ 1880 такихъ лицъ было уже 140. По французской статистикѣ за 1880 г. на 100 тыс. населенія бродяги въ общемъ даютъ 405 преступ-

---

[1]) См. сообщеніе на 3-мъ конгрессѣ по криминальной антропологіи въ 1892 г.
[2]) „I Caratteri dei delinquente“, стр. 265.
[3]) „Compte général de l'administration de la justice criminelle“. Гогель, l. c.

никовъ, въ то время, какъ сельское населеніе даетъ всего 8 преступниковъ.

Извѣстенъ, затѣмъ, параллелизмъ между возвышеніемъ рыночныхъ цѣнъ на продукты первой необходимости, напр., на хлѣбъ, и возрастаніемъ преступленій противъ имущества (Stark, Lacassagne, A. Meyer и др.). Несомнѣнно также, что въ періодъ экономическихъ бѣдствій число преступленій возрастаетъ въ прямой зависимости отъ размѣровъ самого бѣдствія.

На развитіе преступности въ населеніи оказываетъ, далѣе, огромное вліяніе распространеніе опьяняющихъ средствъ. Возбуждая нервную систему, спиртные напитки являются однимъ изъ важныхъ факторовъ развитія преступности въ населеніи. Во всякомъ случаѣ, многочисленный рядъ изслѣдованій приводитъ къ убѣжденію, что алкоголизмъ и преступленіе находятся въ самой тѣсной и неразрывной связи другъ съ другомъ.

О значеніи алкоголя, какъ ядовитаго напитка, поднимающаго возбудимость нервной системы нерѣдко до состоянія невмѣняемости, помрачающаго разсудокъ, въ извѣстныхъ случаяхъ вызывающаго даже иллюзіи и галлюцинаціи, а при хроническомъ его потребленіи развивающаго безсердечіе, эгоизмъ и аффективность, понижающаго интеллектъ, притупляющаго нравственность и дѣлающаго человѣка крайне импульсивнымъ и вспыльчивымъ, уже такъ много писалось, что было бы излишнимъ еще разъ говорить объ этомъ. Излишне говорить и о необычайномъ развитіи алкоголизма за послѣднее время. Для примѣра можно указать на Германію, гдѣ потребленіе алкоголя въ 1878 г. равнялось 8, 7 и 4 литра на жителя въ годъ, а къ 1898 г. поднялось уже до 12,41 литра. Въ Англіи, гдѣ пьянство признается самостоятельнымъ нарушеніемъ закона, за десятилѣтіе—съ 1893 до 1902 г. осужденій за пьянство поднялось съ 188.927 до 209.908. [1]).

Этихъ справокъ достаточно, чтобы видѣть, въ какой ужасающей прогрессіи идетъ распространеніе спиртныхъ напитковъ за послѣднее время.

Уже давно извѣстно по статистическимъ даннымъ, что въ тѣхъ департаментахъ Франціи, въ которыхъ больше потребляется спиртныхъ напитковъ, и число преступленій представляется болѣе значительнымъ [2]). Monin [3]) видитъ въ алкоголѣ одну изъ самыхъ важныхъ при-

---

[1]) Гогель, loco cit., стр. 52.

[2]) И. Мержеевскій. „Труды перваго съѣзда отечественныхъ психіаторовъ“. „Рѣчь объ алкоголизмѣ“.

[3]) Monin, „Alcoholisme, étude médico-sociale“, стр. 121, 134.

чинъ развитія преступности и самоубійствъ въ населеніи; на долю алкоголя онъ относитъ отъ 50% до 60% совершаемыхъ преступленій. Gallavardin [1]) высчитываетъ, что во Франціи около 70% всѣхъ преступленій совершается подъ вліяніемъ алкоголя. По Joffroy [2]), алкоголизмъ находится въ тѣсной связи съ преступленіями всякаго рода особенно грабежомъ, убійствомъ, нанесеніемъ тяжкихъ увѣчій и т. п. По словамъ того же автора, алкоголь является въ Германіи причиннымъ факторомъ въ 46% убійствъ, въ 63% грабежей и 74% нанесенія ранъ и увѣчій. Baer [3]) считаетъ вообще острое опьяненіе и привычное пьянство главнѣйшими факторами преступности и въ пьянствѣ видитъ источникъ рецидивизма. По словамъ Krafft-Ebing'a [4]), въ Германіи около 50% всѣхъ преступленій совершается подъ вліяніемъ алкоголя. По Bunge, даже отъ 70% до 80% всѣхъ преступленій относятся къ послѣдствіямъ пьянства [5]). По словамъ д-ра Krohné, тюремнаго директора, изъ наблюденій въ Ольденбургѣ, Гессенѣ, Шлезвигѣ, Гольштиніи и Бранденбургѣ выясняется, что около 70% всѣхъ вообще проступковъ и преступленій находятся въ связи съ потребленіемъ вина. Въ Голландіи, по Legrain'у, почти $^{15}/_{16}$ всѣхъ преступленій происходитъ въ связи съ опьяненіемъ [6]). Почти то же установлено для Англіи и для Америки. Такъ, наприм., въ Канадѣ $^{9}/_{10}$ мужчинъ и $^{19}/_{20}$ арестованныхъ женщинъ совершили преступленія и проступки въ связи съ потребленіемъ алкоголя. По Wieselgreen'у въ Швеціи въ 1887 г. въ числѣ арестованныхъ содержались за проступки и преступленія, совершенные въ состояніи опьяненія, въ рабочихъ домахъ 69,8%, изъ числа мужчинъ и 9,3% изъ числа женщинъ, а въ тюрьмахъ 73,3% мужчинъ и 33,3% женщинъ. Въ Англіи за 1890 г. изъ 783.061 судившихся за уголовныя преступленія 189.746 совершили ихъ въ состояніи опьяненія.

На Брюссельской международной выставкѣ, устроенной въ 1879 г. бельгійской лигою борьбы съ пьянствомъ, были выставлены M. Sleys'омъ діаграммы, изъ которыхъ видно, что 75% проступковъ было совершено въ пьяномъ видѣ, а изъ убійствъ,—35% [7]).

---

[1]) Callavardin, „Alcoholisme et criminalité“. Paris. 1880 г.

[2]) Цит. по Кролю: „Къ вопросу о вліяніи алкоголя на заболѣваемости смертность и преступность“. Спб. 1897, стр. 123.

[3]) Baer, „Die Trunksucht und ihre Abwehr.“, стр. 39.

[4]) Krafft-Ebing. „Суд. Психопатологія“, стр. 233—237.

[5]) Bunge, „Die Alcoholfrage“. 1899, стр. 15.

[6]) Darin, стр. 21.

[7]) H. Nerzbach, „La ligue d'alcoholisme etc.“, 1899, стр. 37—38.

Для Россіи нѣтъ болѣе или менѣе точной общей статистики преступленій, совершаемыхъ въ связи съ пьянствомъ. Но мы имѣемъ нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій, заслуживающихъ вниманія.

По Кролю, изъ 3.226 дѣлъ за десятилѣтіе 1885—1894 г., бывшихъ въ уголовномъ отдѣленіи казанскаго окружного суда, оказалось, что въ 42,68% преступленія были совершены алкоголиками; за богохуленіе и святотатство осуждено 63,2% алкоголика, за поджоги—31,8%, за побои, раны, увѣчья и истязанія—44,7%, за неосторожное убійство, покушеніе на убійство и за нанесеніе смертельныхъ ранъ—53,7%, за разбои и грабежи—70,2%, за изнасилованіе—51,9%, за оскорбленіе—37,2% алкоголиковъ [1]).

Изъ диссертаціи д-ра И. И. Григорьева [2]), выполненной частью подъ моимъ руководствомъ и основанной на 10.000 дѣлъ, разсмотрѣнныхъ авторомъ въ архивѣ петербургскаго окружнаго суда (изъ коихъ 7.658 дѣлъ приходится на г. Петербургъ и 2.342 на уѣзды Петербург. губ.), видно, что въ Петербургѣ за періодъ съ 1883 по 98 г. дѣлъ, гдѣ подсудимые были пьяницы или пьяные, было всего 40,5%, въ уѣздахъ — 37,2%, а дѣлъ, гдѣ было замѣшано пьянство, въ С.-Петербургѣ было 44,5%, въ уѣздахъ—44,4%. Изъ всѣхъ же подсудимыхъ обоего пола, судившихся въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, было 47% пьяницъ или пьяныхъ при совершеніи самого преступленія.

Заслуживаетъ вниманія фактъ, что масса преступленій совершается въ обстановкѣ питейныхъ заведеній. Такъ, по Quetelet, во Франціи изъ 1.129 убійствъ въ періодъ 1826—1829 г. 446 явились слѣдствіемъ ссоръ въ кабакахъ. Изъ 622 убійствъ въ періодъ 1874—1878 г. 65 относятся къ ссорамъ, происшедшимъ въ самыхъ питейныхъ заведеніяхъ. По словамъ директора Streng'a, изъ 222 арестованныхъ въ Нюрнбергѣ въ 1878 г. за нанесеніе тяжкихъ побоевъ 147 совершили преступленія въ самомъ питейномъ заведеніи или тотчасъ по выходѣ изъ него.

Можно ли удивляться, послѣ этого, что населеніе тюремъ и арестныхъ домовъ состоитъ въ значительной мѣрѣ изъ пьяницъ. По даннымъ бельгійскаго министерства юстиціи [3]), изъ 2.826 лицъ, со-

---

[1]) Кроль, „Диссертація“, стр. 130.

[2]) Григорьевъ, „Алкоголизмъ и преступленія въ С.-Петербургѣ“. С.-Петербургъ, 1900.

[3]) „Врачъ“ № 30, 1896. Masoin, VI Congr. internat. c. l'abns de l'alcool. II, стр. 38.

державшихся въ тюрьмахъ по приговору суда, 1.157 человѣкъ оказались пьяницами. Изъ 234, сосланныхъ въ каторгу, 118 признаны пьяницами. Наконецъ, изъ 218, казненныхъ въ періодъ съ 1872 по 1898 г., 121 оказались привычными пьяницами, а относительно 16 свѣдѣній не получено. Въ Швейцаріи изъ 2.560 человѣкъ, содержавшихся въ мѣстахъ заключенія, 40% оказались алкоголиками. Въ Германіи изъ статистическихъ данныхъ выяснилось, что значительная часть преступниковъ — пьяницы или совершили свои преступленія подъ вліяніемъ опьяненія. Изъ 32.837 заключенныхъ въ Германіи въ 1876 г. оказалось пьяницъ 13.706, т.-е. 41,7%. Въ Америкѣ, въ штатѣ Массачузетсъ, изъ 14.315 лицъ, содержавшихся въ заключеніи въ 1871 г., алкоголиковъ насчитывалось 12.396. По Baer'у [1]), въ Баваріи 34% преступниковъ—алкоголики. Въ Швейцаріи, по словамъ E. Fabre'a [2]), въ числѣ преступниковъ-убійцъ оказалось пьяницъ 50%, между осужденными за жестокое обращеніе и раны—90%. Въ Австріи на 2.742 обвиняемыхъ въ убійствѣ и покушеніи на убійство въ 1876—1880 г. оказалось пьяницъ 978 или 35,7%. По словамъ д-ра Harris, среди заключенныхъ Нью-Іорка 80% попали въ дома заключенія вслѣдствіе опьяненія. По свѣдѣніямъ, приведеннымъ И. П. Мержеевскимъ [3]), въ Германіи въ 120 тюрьмахъ на 32.837 заключенныхъ приходится пьяницъ 43,9% мужчинъ и 18% женщинъ. Въ Баденѣ среди 2.473 заключенныхъ оказалось преступниковъ-алкоголиковъ 849 челов., слѣд. 34%. Во Франціи, по словамъ Morambot, начальника тюрьмы St.-Pelagie, изъ 2.932 обвиняемыхъ оказалось алкоголиковъ 2.109 или 72%, изъ 1.898 осужденныхъ за воровство, мошенничество, поддѣлку, шантажъ и т. п.—1.346 или 70%, изъ 415, осужденныхъ за грабежъ, побои или раны и сопротивленіе властямъ—366 или 88,2%; изъ 15, осужденныхъ за убійство—8 или 55%; изъ 308, осужденныхъ за изнасилованіе, публичный развратъ и преступные выкидыши—165 или 53%, изъ 14, осужденыхъ за поджоги—8 или 57%, изъ 272, осужденныхъ за нищенство и бродяжничество—216 или 79,4%. Въ Пенсильваніи въ 1872 г. изъ 40.807 заключенныхъ 32.775 оказались пьяницами. Въ штатѣ Миссури среди заключенныхъ пьяницъ оказалось 58%. Въ штатѣ Иллинойсъ въ 1875—76 г. среди заключенныхъ было 58% пьяницъ. Въ Чикаго въ 1867 г. изъ 23.000 арестованныхъ болѣе 20.000 были алкоголиками [4]).

---

[1]) Baer, „Alcoholismus“, стр. 269.
[2]) Мержеевскій. „Вѣстникъ клин. и суд. психіат.“, 1883 г. № 4, стр. 12.
[3]) „Intern. Monatscher. z. Bekämp. d. Trinkheit“. 1897. № 4, стр. 121.
[4]) Король, l. cit., стр. 128.

Для иллюстраціи того, въ какихъ преступленіяхъ алкоголь имѣетъ большую, въ какихъ—меньшую роль, служатъ цифры, приведенныя Spinola. По этому автору, въ Германіи 42% всѣхъ преступленій и проступковъ совершается въ состояніи опьяненія, въ связи съ употребленіемъ алкоголя совершаются убійства въ 46%, смертельныя раненія въ 63%, тяжкія поврежденія въ 74%, сопротивленіе властямъ въ 76%, преступленія противъ нравственности въ 77% случаевъ.

Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо имѣть въ виду, что алкоголь, помимо своего парализующаго вліянія на нервную систему, является ириччиной ухудшенія и даже упадка экономическаго положенія населенія, особенно его низшихъ классовъ, и способствуетъ, такимъ образомъ, развитію пауперизма, а послѣдній, какъ мы знаемъ, даетъ огромный контингентъ преступниковъ. Особенное значеніе алкоголя въ развитіи преступленіи выясняется и изъ статистическихъ данныхъ, показывающихъ возрастаніе количества потребляемаго алкоголя и параллельно идущее съ нимъ возрастаніе преступности въ населеніи. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ Baer'омъ въ Бельгіи въ періодъ съ 1868 г. до 1882 г., вмѣстѣ съ увеличеніемъ потребленія алкоголя съ 7 до 9 литровъ на душу и количество преступленій увеличилось съ 1.900 до 2.77 на каждыя 100.000 населенія.

Во Франціи въ періодъ съ 1837 до 1878 г. приходилось въ среднемъ на душу 2,79 литра, въ 1878 — 1882 г. — 3,53 литра, въ 1883—1887 г. 3,83—литра алкоголя, соотвѣтственно чему и число преступленій увеличилось съ 172.000 до 195.000 въ годъ. Точно такъ же и въ Италіи, вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества потребляемаго алкоголя, въ періодъ времени съ 1879—1885 г. преступность увеличилась въ круглыхъ цифрахъ съ 1.400 до 1.500 на каждыя 100.000 населенія.

Аналогичныя данныя извѣстны по отношенію къ Австріи и другимъ цивилизованнымъ странамъ.

Опьяняющее вліяніе алкоголя особенно дѣйствуетъ парализующимъ образомъ на дегенератовъ и наслѣдственно расположенныхъ лицъ, вслѣдствіе чего совмѣщеніе дегенераціи и алкоголизма составляетъ особенно важный факторъ преступности. Хроническое пьянство непосредственно приводитъ къ развитію дегенераціи и психозовъ, а такъ какъ дегенерація и психозы сами по себѣ нерѣдко обусловливаютъ преступныя дѣйствія, то и здѣсь мы можемъ говорить о косвенномъ вліяніи алкоголизма на развитіе преступности въ населеніи. Чтобы имѣть представленіе, о какихъ размѣрахъ косвеннаго вліянія алкоголизма можетъ итти рѣчь въ данномъ случаѣ, замѣтимъ, что

изъ числа поступающихъ въ больницы душевно-больныхъ 28% обязаны своей болѣзнью пьянству (Krafft-Ebing).

Мы далеко не исчерпали крайне обширной литературы, относящейся къ разсматриваемому предмету [1]), но полагаемъ, что приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить значеніе алкоголя, какъ важнаго фактора, содѣйствующаго развитію преступности въ населеніи. Важность этого фактора вообще трудно переоцѣнить.

На ряду съ алкоголизмомъ и распространеніе другихъ такъ-называемыхъ „интеллектуальныхъ“ ядовъ (эѳиръ, морфій, опій, гашишъ и пр.) оказываетъ вліяніе на развитіе преступности въ населеніи. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса, однако, отвлекло бы насъ далеко отъ главной цѣли нашего труда.

Наконецъ, разсмотримъ имѣющіяся въ литературѣ указанія о вліяніи климата на развитіе преступности. Относительно бо́льшая масса убійствъ совершается въ южныхъ странахъ, какъ въ Италіи, Испаніи, Корсикѣ и у насъ на Кавказѣ. Въ Италіи, напримѣръ, считается 6,6 убійствъ, въ Испаніи — 4 убійства на 100 тыс. населенія, тогда какъ въ другихъ странахъ приходится на то же число населенія около 1 убійства или еще менѣе.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что такъ-называемое вліяніе климата въ значительной мѣрѣ можетъ быть сведено къ особенностямъ расы, а также къ особымъ условіямъ общественной жизни въ южныхъ странахъ, но въ такомъ освѣщеніи этотъ вопросъ относится скорѣе, собственно, къ сравнительной психологіи народовъ, а не къ вліянію метеорологическихъ факторовъ на развитіе преступности.

Въ нашихъ климатахъ въ теченіе лѣтняго періода времени преступленія противъ личности замѣтно возрастаютъ, тогда какъ зимою увеличивается число преступленій противъ собственности. Однако, и этотъ фактъ объясняется, повидимому, не метеорологическими вліяніями, какъ полагали нѣкоторые, а проще всего тѣмъ, что лѣтомъ люди чаще имѣютъ сближеніе другъ съ другомъ въ общественныхъ мѣстахъ, зимой же живутъ болѣе изолированно. Съ другой стороны, зимою недостатокъ средствъ чувствуется всегда сильнѣе, чѣмъ и можетъ быть объяснено увеличеніе кражъ въ зимнее время

---

[1]) Изъ позднѣйшихъ русскихъ источниковъ по занимающему насъ вопросу мы могли бы интересующимся лицамъ указать на труды алкогольной комиссіи при обществѣ охраненія народнаго здравія, а изъ позднѣйшихъ иностранныхъ источниковъ—на небольшую книжку H. Hoppe: „Alkohol und Kriminalität“ 1906.

Вообще, если и нельзя отрицать значенія тѣхъ или иныхъ метеорологическихъ факторовъ на преступность въ населеніи, то значеніе ихъ, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе условно и въ большинствѣ случаевъ можетъ быть сведено на измѣненіе, въ связи съ метеорологическими условіями, общественныхъ и экономическихъ условій населенія.

Итакъ, соціальная или, точнѣе, соціально-экономическая школа выдвинула въ пользу своихъ положеній столько непреложныхъ фактовъ, что, казалось бы, о нихъ не можетъ быть возбуждаемо и вопросовъ. Необходимо, казалось бы, признать ее безусловное превосходство надъ другими ученіями, подписаться подъ всѣми ея выводами.

Тѣмъ не менѣе, вполнѣ преклоняясь предъ фактами статистики, столь поучительными и дѣйствительно неоспоримыми, нельзя не видѣть нѣкоторой неполноты и недоказательности въ положеніяхъ этой школы. Прежде всего возникаетъ вопросъ, гдѣ же скрывается за вышеуказанными рядами цифръ сама личность? Вѣдь преступленіе есть дѣло рукъ личности, и неужели личность сама по себѣ не должна быть принимаема въ расчетъ за массой цифръ, выражающихъ значеніе того или иного фактора преступности?

Нѣкоторые авторы, стоя на почвѣ непреложной законности, отражающейся на дѣйствіяхъ человѣка, развивали детерминизмъ и строили пессимистическое воззрѣніе, отрицая въ человѣкѣ волю и разсматривая его, какъ автомата, въ общей закономѣрной смѣнѣ явленій. Еще Кетле, создатель статистики, какъ науки, впервые отмѣтилъ тотъ важный фактъ, что сложныя дѣйствія человѣка не исключаются изъ-подъ вліянія общихъ внѣщнихъ условій. По его изслѣдованіямъ, даже такія повидимому случайныя и какъ бы капризныя явленія, какъ ошибки на конвертахъ писемъ, выражающіяся неправильными адресами или даже отсутствіемъ адресовъ и обусловленныя разсѣянностью ихъ авторовъ, подлежатъ опредѣленной законности и стоятъ въ соотношеніи съ тѣми или иными неблагопріятными общественными условіями. Можно ли сомнѣваться, послѣ этого, что совершеніе преступленій должно стоять въ прямой зависимости отъ такихъ условій, какъ соціальные перевороты, экономическія бѣдствія, распространеніе алкоголя и т. п.?

Тѣмъ не менѣе, другіе авторы, допуская вліяніе внѣшнихъ факторовъ на развитіе преступленія, полагаютъ, что это вліяніе все же не устраняетъ въ корнѣ субъективной точки зрѣнія на преступленіе, какъ на произвольный актъ. Если на количество преступленій и ока-

зываютъ вліяніе тѣ или другіе внѣшніе факторы, что, въ сущности, извѣстно очень давно, то все же, основываясь на этихъ фактахъ, нельзя, по мнѣнію этихъ авторовъ, отрицать въ человѣкѣ свободную волю. Сознаніе человѣка не мирится съ тѣмъ, что онъ лишь потому не преступникъ, что не подходитъ подъ тѣ или другіе законы статистики и что, быть можетъ, завтра, съ наступленіемъ новыхъ соотношеній во внѣшнихъ условіяхъ, онъ подойдетъ подъ дѣйствіе неумолимыхъ цифръ статистики и сдѣлается убійцей или воромъ. Это предположеніе, съ точки зрѣнія субъективнаго анализа, до такой степени не пріемлемо, что видные умы признавали одинаково непреложнымъ явленіемъ и подчиненіе дѣйствій человѣка внѣшнимъ факторамъ, и существованіе свободной воли, стараясь согласовать между собою эти два противоположныхъ явленія человѣческаго бытія. Начиная съ древнѣйшихъ временъ греческой философіи и до настоящаго времени дѣлались попытки выйти такъ или иначе изъ вышеуказаннаго противорѣчія и найти пути для согласованія нравственной свободы воли съ подчиненіемъ дѣйствій человѣка законамъ, управляющимъ вселенной.

Съ другой стороны, такіе люди, какъ Боссюэтъ и Кантъ, признавали совершенно невозможнымъ согласовать ученіе о нравственной свободѣ воли и ученіе о законности явленій во вселенной. Точно такъ же въ позднѣйшее время извѣстный физіологъ Du-Bois Reymond, признавая одинаково непреложнымъ для человѣка и понятіе свободной воли, и законъ сохраненія энергіи во вселенной, высказался за полную невозможность согласованія этихъ двухъ понятій для человѣческаго ума („Ignorabimus“).

Мы, съ своей стороны, должны признать, что здѣсь дѣло идетъ о двухъ несоизмѣримыхъ явленіяхъ природы, изъ которыхъ одно—субъективнаго порядка, другое—объективнаго характера, а потому о согласованіи ихъ между собою въ настоящемъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи.

Тѣмъ не менѣе, отрѣшаясь отъ этихъ чисто философскихъ вопросовъ, касающихся взаимоотношеній внѣшняго и внутренняго міра нельзя не принять во вниманіе, что статистика вообще показываетъ суммарный результатъ вліянія того или другого фактора, а не даетъ указаній на то, какія, въ частности, лица и почему именно они, а не другія, попадаютъ подъ дѣйствіе даннаго фактора, пополняя собою извѣстные ряды цифръ. Другими словами, статистика намъ еще не говоритъ о всей совокупности ближайшихъ условій и индивидуальныхъ факторовъ, которые въ окончательномъ резузьтатѣ опредѣляютъ

преступленіе. Правда, изъ вышеуказанныхъ цифръ мы узнаемъ, что человѣкъ, по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ впавшій въ нищету и алкоголизмъ, особенно во время тяжкаго экономическаго кризиса и въ періодъ рѣзкаго обостренія общественныхъ отношеній, становится преступникомъ. Всякій, однако, знаетъ, что и нищета, и алкоголизмъ— не такія условія, чтобы неизбѣжно было подъ ихъ вліяніемъ сдѣлаться преступникомъ, хотя бы и при содѣйствіи къ тому экономическихъ общественныхъ факторобъ. Есть люди, которые предпочтутъ пользоваться въ крайнемъ случаѣ нищеты подаяніемъ, но не сдѣлаются преступниками; другіе предпочитаютъ голодную смерть или самоубійство преступленію. Равнымъ образомъ не обязательно, чтобы алкоголикъ непремѣнно сталъ преступникомъ. Доведенный до крайней нищеты алкоголикъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ также нищенствовать или кончить самоубійствомъ, но не сдѣлаться преступникомъ.

Съ другой стороны, хотя и неоспоримо, что экономическія и соціальныя условія являются важнымъ факторомъ преступленія, но, тѣмъ не менѣе, они не объясняютъ намъ преступленій въ зажиточныхъ классахъ населенія,—преступленій, зависящихъ отъ легкаго отношенія или даже пренебреженія къ чужой собственности; они не объясняютъ намъ также преступленій, не вызываемыхъ корыстными цѣлями, а совершаемыхъ, напр., въ состояніи такъ-называемаго аффекта; они не объясняютъ намъ преступленій, какъ акта борьбы или протеста противъ явной несправедливости, какъ выраженія мести, а также преступленія, совершаемаго по внушенію или изъ подражанія. Наконецъ, общія соціально-экономическія условія не опредѣляютъ окончательно и характера преступленій. Почему именно экономическое бѣдствіе въ одномъ случаѣ приводитъ къ воровству, въ другомъ случаѣ—къ убійству, этого статистика намъ сказать не можетъ, кромѣ указаній самаго общаго характера Статистика вообще оперируетъ большими числами, а потому о частныхъ условіяхъ, ближе опредѣляющихъ характеръ преступленія, она не даетъ намъ точныхъ указаній.

Отсюда ясно, что вышеуказанные общіе факторы могутъ быть признаны лишь предрасполагающими, а не опредѣляющими условіями. Только вся совокупность факторовъ, воздѣйствующихъ на данную личность, и въ томъ числѣ не только общіе, но и болѣе частные, ближайшіе, опредѣляетъ преступленіе и его характеръ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что экономическіе, а въ извѣстной мѣрѣ и соціальные факторы представляются далеко не такими, при дѣйствіи которыхъ личность сама по себѣ оставалась бы не при чемъ.

Статистика намъ говоритъ, наприм., что безнадежность паупе-

ризма составляетъ одну изъ важныхъ общихъ причинъ преступности [1]). Но пауперизмъ не является ли въ извѣстной степени результатомъ ближайшихъ и даже индивидуальныхъ условій, сложившихся около тѣхъ лицъ, которыя наполняютъ его ряды? Не имѣемъ ли мы тысячи примѣровъ, когда человѣкъ, имѣвшій полную возможность жить безбѣдно, теряетъ, наприм., свою любимую жену, послѣ чего начинаетъ пить, прокучиваетъ все свое состояніе и, становясь алкоголикомъ, теряетъ обезпечивающее его мѣсто, лишается крова и постояннаго заработка и становится пауперомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Не будь одного событія, сложившагося около данной личности, именно потери любимаго человѣка.—событія, обусловленнаго сцѣпленіемъ разнаго рода побочныхъ условій, и не будь извѣстнаго индивидуальнаго условія, именно—нестойкости характера, данный человѣкъ не впалъ бы въ пауперизмъ.

Указаніе на то, что индивидуальныя условія не остаются безъ вліянія на развитіе пауперизма, мы находимъ и въ изслѣдованіяхъ Бутса, извѣстнаго основателя арміи спасенія. Бутсъ, изслѣдуя пауперизмъ лондонскихъ кварталовъ, нашелъ среди 4.000 бѣднѣйшихъ жителей 60 бродягъ. Большинство бѣдны отъ безработицы и не имѣютъ заработка по собственной винѣ или вслѣдствіе низкой заработной платы и непостоянства работы; такихъ 68%. Затѣмъ бѣдность 300 человѣкъ изъ 4.000 можно объяснить личными пороками, наприм., пьянствомъ, нерасчетливостью и т. п. Бѣдность 500 семействъ объясняется либо количествомъ дѣтей, либо слабостью здоровья главы семейства—слѣдовательно, индивидуальными условіями. Вообще личность сама по себѣ, какъ факторъ, создаетъ въ извѣстной мѣрѣ свою обстановку, и ея дѣянія являются результатомъ того, какъ сложились вокругъ нея ближайшія внѣшнія условія. Такимъ образомъ, по отношенію къ преступленію нужно имѣть въ виду не общіе только предрасполагающіе моменты или факторы, но и всю совокупность ближайшихъ условій, окружающихъ данную личность и опредѣляющихъ данное преступленіе и его характеръ.

Мы имѣемъ здѣсь полнѣйшую аналогію съ заболѣваемостью Такъ, наприм., голодъ есть общій предрасполагающій моментъ къ развитію инфекціонныхъ болѣзней, между прочимъ, къ развитію тифа; однако, самъ по себѣ голодъ еще не создаетъ инфекціи, и для того, чтобы заболѣть, голодающему человѣку нужны еще другіе ближайшіе моменты, обусловливающіе развитіе данной инфекціи, будь это питье

---

[1]) Oettingen, „Moralstatistik“, стр. 421.

сырой воды, простуда и т. п. Чтобы ближе пояснить значеніе ближайшихъ опредѣляющихъ условій, возьмемъ другой примѣръ: допустимъ, что извѣстную мѣстность постигло бѣдствіе града, который погубилъ много домашнихъ животныхъ. Здѣсь градъ есть общее условіе; но объясняетъ ли это общее условіе полностью причину бѣдствія? Нѣтъ, потому что оно не даетъ указанія, почему одни животныя погибли, а другія нѣтъ. Вотъ когда будетъ выяснено, что одни животныя погибли потому, что находились въ неблагопріятныхъ условіяхъ и не могли найти себѣ крова, другіе же—потому, что, хотя и имѣли поблизости кровъ, но не могли по чисто индивидуальнымъ основаніямъ найти въ немъ свое спасеніе, тогда для насъ будетъ ясна полная картина бѣдствія со всѣми опредѣляющими его факторами.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что общіе соціальные, экономическіе и иные факторы суть не что иное, какъ предрасполагающіе факторы, которые опредѣляютъ лишь массовыя цифры преступности въ населеніи, не характеризуя вовсе отдѣльныхъ единицъ, входящихъ въ эти цифры. Почему именно данная личность впадаетъ въ преступленіе — это опредѣляется всею совокупностью условій, которыя ее окружаютъ и окружали со времени рожденія и которыя опредѣляютъ болѣе или менѣе благопріятныя условія ея зачатія и плодоношенія въ утробѣ матери. Да и анализируя то или другое преступленіе, не трудно убѣдиться, что, кромѣ общихъ соціально-экономическихъ факторовъ, вездѣ имѣются и ближайшіе факторы, которые собственно и рѣшаютъ окончательно вопросъ о совершеніи того или иного преступленія даннымъ лицомъ. Допустимъ, что соціальныя и экономическія причины выбили данную личность изъ обычной колеи, лишили ее обычнаго заработка. Долго ища работы и израсходовавъ всѣ свои достатки, человѣкъ вынужденъ искать заработка на сторонѣ; здѣсь уже вводится въ дѣйствіе новый факторъ—оторванность отъ своего круга, отъ знакомыхъ, которые могли бы поддержать его совѣтомъ, а въ случаѣ крайности и денежною помощью. Затѣмъ дальнѣйшая неудача относительно заработка лишаетъ уже человѣка возможности существовать въ обстановкѣ, соотвѣтствующей минимальнымъ требованіямъ человѣческаго жилья. Наступаетъ пауперизмъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе вышеуказанныхъ условій. Но и этотъ пауперизмъ еще нѣкоторое время переносится, пока личность не падаетъ нравственно подъ давленіемъ окружающихъ условій, пока не воздѣйствовалъ на нее алкоголь, пока не воздѣйствовалъ соблазнъ въ видѣ возможности легкой наживы или пока, наконецъ, не настушилъ болѣе тяж-

кій моментъ крайней жизненной потребности, въ видѣ гнетущаго голода.

Въ концѣ концовъ, преступленіе является роковымъ исходомъ изъ дѣйствія цѣлаго ряда общихъ предрасполагающихъ и непосредственно дѣйствующихъ или ближайшихъ факторовъ. Вотъ почему, сколько бы цифръ ни приводила соціально-экономическая статистика въ пользу тѣхъ или другихъ общихъ вліяній на развитіе преступности въ населеніи, вліяніе ближайшихъ внѣшнихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ на личность, а равно и характеръ самой личности, на которой отразилось все прошлое ея жизни и условій ея развитія, въ смыслѣ вліянія наслѣдственности, не могутъ быть игнорируемы ни въ какомъ случаѣ.

Итакъ, на ряду съ общими предрасполагающими факторами преступности должно принять во вниманіе и ближайшіе внѣшніе и индивидуальные факторы, иначе говоря — факторы, ближайшимъ образомъ опредѣляющіе преступленіе. Понятно, что никакой судья въ опредѣленіи преступности того или другого лица не удовлетворится простой ссылкой на тѣ или другія статистическія данныя, а потребуетъ выясненія всѣхъ обстоятельствъ, приведшихъ данную личность на путь преступленія, какъ внѣшнихъ, такъ и индивидуальныхъ. Вотъ почему, если изслѣдованіе общихъ условій, вліяющихъ на развитіе преступности въ населеніи, имѣетъ глубокое общественное значеніе, то ближайшія индивидуальныя причины преступленія въ каждомъ данномъ случаѣ никогда не утратятъ своего практическаго значенія. Поэтому въ каждомъ данномъ случаѣ должно быть производимо самое тщательное изслѣдованіе обстановки и условій, при которыхъ совершается то или другое преступленіе, а равно и изслѣдованіе индивидуальныхъ особенностей самого лица, впавшаго въ преступленіе. Подобно тому, какъ въ общей совокупности предрасполагающихъ условій, вліяющихъ на преступность, должна быть принимаема во вниманіе раса, такъ, очевидно, и сама личность съ ея индивидуальными условіями и привычками не можетъ быть игнорируема при разрѣшеніи вопроса о совершенномъ ею преступленіи.

Выдвигаемые нами въ вопросѣ о преступности ближайшіе и индивидуальные факторы подлежатъ, безспорно, вполнѣ объективному изслѣдованію. Но возникаетъ вопросъ, въ изслѣдованіи самой личности преступника, особенностей его характера, его склонностей, дѣйствій и поступковъ и, наконецъ, мотивовъ совершеннаго преступленія, должны ли мы держаться субъективнаго или объективнаго метода изслѣдованія? На этотъ вопросъ я, не колеблясь, долженъ отвѣтить

въ смыслѣ необходимости держаться и при этомъ изслѣдованіи индивидуальныхъ особенностей строго объективнаго метода.

Уже то, что́ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ [1]) объ изслѣдованіи нервно-психической дѣятельности человѣка вообще, свидѣтельствуетъ о необходимости примѣнить объективно-психологическій методъ и къ преступной дѣятельности человѣка. Необходимо совершенно отрѣшиться отъ тѣхъ пріемовъ чисто субъективнаго изслѣдованія, которые до сихъ поръ практикуются въ нашихъ судахъ.

Объективная точка зрѣнія, которой мы держимся въ психологіи, разсматриваетъ поступки человѣка, какъ двигательные акты, которые, хотя и сопровождаются тѣми или иными субъективными переживаніями или такъ-называемыми мотивами, но въ дѣйствительности являются результатомъ прошлаго индивидуальнаго опыта и дѣйствія внѣшнихъ ближайшихъ факторовъ. Само собою разумѣется, что не исключается при этомъ и вліяніе особенностей самой индивидуальности, поскольку послѣдствія зависятъ отъ наслѣдственныхъ условій.

Должно имѣть въ виду, что объективно-психологическое изслѣдованіе не можетъ, по самому своему существу, ограничиваться изслѣдованіемъ внутреннихъ мотивовъ преступленія, заключающихся въ пересказѣ подсудимаго и свидѣтелей, на чемъ основываетъ почти всѣ свои положенія классическая школа; и съ другой стороны, оно не можетъ ограничиваться и изслѣдованіемъ личности самихъ преступниковъ, къ чему сводили также свои основные взгляды криминально-антропологическая, психіатрическая и паразитарная теоріи.

Съ объективно-психологической точки зрѣнія преступное дѣйствіе личности является результатомъ, съ одной стороны, внѣшнихъ вліяній, общихъ и ближайшихъ, сложившихся около данной личности, и, съ другой стороны, вліяній, сложившихся въ ея прошломъ, т. е. въ періодъ ея зачатія (въ смыслѣ наслѣдственности), въ періодъ ея развитія и дальнѣйшей жизни, а потому и изученіе должно имѣть въ виду, какъ самое преступленіе, такъ и внѣшніе общіе и ближайшіе факторы, а равно и факторы индивидуальные или личные. Между тѣмъ криминально-антропологическая и другія родственныя ей теоріи стали изучать не преступленіе, а преступника, надѣясь найти въ немъ тѣ или иные особенности такъ-называемаго преступнаго типа и такимъ образомъ объяснить происхожденіе самого преступленія; только социальная школа обратила вниманіе на общіе предрасполагающіе факторы преступности; но ближайшіе и индивидуальные факторы она

---

[1]) В. Бехтеревъ, „Объективная психологія“, вып. 1, 1907.

какъ бы подчинила общимъ факторамъ. Объективно-психологическій методъ вновь возвращаетъ насъ къ изученію внѣшнихъ условій самого преступленія, какъ человѣческаго дѣянія, но изучаетъ его въ соотношеніи со всей совокупностью обусловившихъ его вліяній, общихъ и частныхъ, внѣшнихъ и индивидуальныхъ, отдаленныхъ и ближайшихъ, которыя воздѣйствовали какъ на данное преступленіе, такъ и на самую личность преступника [1])

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ частностямъ, мы должны при примѣненіи объективно-психологическаго метода къ преступленію имѣть въ виду выясненіе, кромѣ общихъ соціально-экономическихъ факторовъ, главнымъ образомъ слѣдующія условія, ближайшимъ образомъ опредѣляющія преступленіе.

1) Несоотвѣтствіе условій жизни съ насущными потребностями человѣческаго бытія и вообще несоотвѣтствіе ихъ съ привычными, установившимися жизненными потребностями. Мы уже знаемъ, какое огромное предрасполагающее значеніе имѣетъ экономическій факторъ въ отношеніи преступности населенія. Въ этомъ отношеніи обстановка и условія жизни являются во многихъ случаяхъ и ближайшимъ факторомъ, толкающимъ человѣка на путь преступленія. Особенно это имѣетъ значеніе по отношенію къ обстановкѣ и условіямъ жизни пауперизма. Для иллюстраціи этого важнаго условія заимствуемъ картину пауперизма изъ описанія Albrecht'a [2]). „Если жилище, въ которомъ онъ (пауперъ) работаетъ или которое его ожидаетъ послѣ работы, представляетъ грязную яму съ зараженнымъ воздухомъ, если въ этомъ помѣщеніи больные, исхудалые члены семьи стонутъ, если къ тому же онъ свое помѣщеніе долженъ дѣлить еще съ посторонними, грубыми, а иногда и преступными людьми, такъ что ему прямо не остается мѣста, куда преклонить свою усталую голову, то будетъ ли онъ при такихъ условіяхъ въ такомъ помѣщеніи работать съ радостью, будетъ ли онъ послѣ работы спѣшить домой въ такое помѣщеніе, а разъ онъ дома, то не будетъ ли онъ стремиться оттуда уйти? Ну, конечно. И куда же онъ идетъ? Въ трактиръ, въ кабакъ, всюду, гдѣ онъ можетъ замѣнить свой негостипріимный кровъ менѣе отталкивающимъ мѣстопребываніемъ. Если мы часто въ одной квартирѣ, состоящей изъ одной комнаты, находимъ набившимися ро-

---

[1]) См. В. Бехтеревъ: „Основныя задачи и методъ объективной психологіи". Рѣчь, сказанная въ ноябрьскомъ торжественномъ собраніи врачей клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней за 1908 г. „Новое Слово". 1909 и отд. изд. Спб.

[2]) H. Albrecht. Die Wohnungen des die Grosstudien und die Mittel zu ihrer Abhülte 1891.

дителей, дѣтей и, кромѣ того, ночлежниковъ обоего пола, то чего можно ожидать въ нравственномъ отношеніи отъ подростающаго поколѣнія? Что тутъ удивительнаго, если въ этомъ общежитіи чувство стыдливости заглушается, проституція и противоестественные пороки являются вполнѣ естественными".

Вообще при условіяхъ нищеты часто дѣйствуетъ факторъ, который можно было бы назвать жизненной потребностью. Самымъ простымъ примѣромъ вліянія жизненной потребности можетъ служить случай, когда похищаются съѣстные припасы голодающимъ человѣкомъ. Случаи похищенія самыхъ ненужныхъ предметовъ только для того, чтобы попасть въ тюрьму, если нѣтъ возможности добыть инымъ способомъ обезпеченія своей жизни, относятся также къ этой категоріи факторовъ.

Конечно, несоотвѣтствіе условій жизни съ человѣческими потребностями далеко не всегда подходитъ подъ понятіе крайней необходимости въ виду относительности самого понятія о насущныхъ потребностяхъ или крайней необходимости. Извѣстно, что одинъ считаетъ для себя необходимымъ то, что другой признаетъ для себя недосягаемой роскошью; если, напримѣръ, человѣкъ, привыкшій жить широко, истощивъ свои богатыя средства, прибѣгаетъ къ похищенію для поддержки своего сравнительно безбѣднаго существованія, то онъ, въ сущности, также наталкивается на путь преступленія несоотвѣтственностью новыхъ условій съ установившимися его потребностями. Отсюда очевидно, что не одна только обстановка пауперизма приводитъ къ преступленію. Родной домъ можетъ опостылѣть для человѣка послѣ происшедшаго разоренія, хотя бы и не доведшаго его до пауперизма, но внезапно выбившаго его изъ нормальной обычной колеи, изъ условій привычной жизни. Въ различныхъ случаяхъ условія перемѣны внѣшней домашней обстановки могутъ оказаться неодинаковыми, но вездѣ сущность перемѣны сводится къ неудовлетворенію привычныхъ жизненныхъ потребностей. Вотъ почему въ отдѣльныхъ случаяхъ постепенное пониженіе человѣка до степени пауперизма можетъ привести къ тому, что онъ свыкается съ нищетой и не дѣлается воромъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ болѣе или менѣе быстрая утрата привычныхъ жизненныхъ условій толкаетъ человѣка, особенно неустойчиваго въ нравственномъ отношеніи, на путь мошенничества или злостнаго банкротства.

2) Устраненіе сдерживающихъ вліяній семейно-общественнаго характера также составляетъ одно изъ важныхъ условій, содѣйствующихъ ближайшимъ образомъ совершенію преступленій. Эти сдержи-

вающія вліянія бываютъ различны, но ихъ значеніе не можетъ быть умаляемо ни въ какомъ случаѣ. Для многихъ сдерживающимъ началомъ, помимо индивидуальныхъ условій, напримѣръ, религіи и такъ-называемыхъ нравственныхъ правилъ, усвоенныхъ съ воспитаніемъ, служатъ окружающіе ихъ близкіе люди, вліяющіе на нихъ такъ или иначе, а равно и болѣе обширный кругъ знакомыхъ или даже незнакомыхъ, но связанныхъ съ ними тѣми или иными отношеніями и условіями существованія. Вотъ почему однимъ изъ важныхъ условій, содѣйствующихъ развитію преступленій, особенно преступленій противъ собственности, является оторванность человѣка отъ того круга лицъ, къ которому онъ принадлежитъ — отъ семьи, деревни, союза, общины и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ человѣкъ не только лишается извѣстной сдерживающей атмосферы, которая его окружала, но и теряетъ призоръ и помощь въ критическую минуту. Отхожіе промыслы, раннее освобожденіе дѣтей изъ подъ родительской опеки, переселеніе изъ малыхъ поселковъ въ большіе города — все это создаетъ условія такъ называемой деклассаціи или оторванности и одиночества, которыя содѣйствуютъ или, точнѣе говоря, создаютъ благопріятныя условія для совершенія преступленія.

Въ какой мѣрѣ деклассація оказываетъ вліяніе на самое преступленіе, показываетъ и статистика. Такъ, по даннымъ французской статистики за 1880 г., въ то время, какъ сельское населеніе даетъ 8 преступниковъ на 100 тысячь населенія, лица, не имѣющія ни крова, ни опредѣленныхъ занятій, или такъ-называемые бродяги, даютъ 405. По Corne'у, изъ 4.154, судившихся присяжными въ 1865 г. во Франціи, 37% были пришельцами изъ другого департамента. Изъ 25.506, задержанныхъ въ томъ же году въ департаментѣ Сены, всего лишь 7.450 оказались уроженцами этого департамента, остальные же были пришельцами. Мы видѣли затѣмъ, что большіе города даютъ значительно больше преступленій, нежели села и деревни. Но все ли здѣсь должно быть сведено на скопленіе пролетаріата, связаннаго съ производствомъ? Развѣ другія условія здѣсь не при чемъ? Уже Durckheim правильно отмѣтилъ, что въ небольшомъ городѣ всякое стремленіе высвободиться изъ общепринятыхъ обычаевъ вызываетъ всеобщее вниманіе, общее осужденіе, которое, естественно, вліяетъ на каждую личность сдерживающимъ образомъ. Такъ сужены здѣсь общественные интересы и рамки жизни. Не то въ большихъ городахъ. Здѣсь—толпа съ болѣе разрозненными элементами, а въ такой толпѣ личность оказывается менѣе замѣтной.

3) Вліяніе соблазна и благопріятная обстановка должны быть

признаны одними изъ важныхъ ближайшихъ условій, вліяющихъ на совершеніе преступленія. Преступленіе совершается съ большей легкостью тамъ, гдѣ великъ соблазнъ съ его внѣшней стороны и гдѣ выполненіе преступленія и сокрытіе его въ высшей степени облегчены. Такая обстановка чаще всего создается въ большихъ центрахъ, гдѣ рядомъ съ пауперизмомъ процвѣтаетъ роскошь отъ несмѣтныхъ богатствъ. Съ другой стороны, преступленіе въ извѣстныхъ случаяхъ осуществляется съ большей легкостью, напримѣръ, при уединенной жизни богатаго человѣки, и гдѣ сокрытіе преступнаго дѣянія оказывается болѣе удобнымъ, напримѣръ, въ ночное время.

4) Нарушеніе установившихся личныхъ отношеній съ окружающими лицами представляетъ одно изъ частыхъ условій, влекущихъ человѣка на путь преступленія. Оно можетъ различно затрагивать личность, причемъ весьма важно, наступаетъ ли нарушеніе постепенно, давая возможность человѣку мало-по-малу привыкнуть къ нему, или же установившіяся отношенія порываются сразу, внезапно или, по крайней мѣрѣ, нарушеніе, хотя и медленно приготовлявшееся, сразу какимъ-либо однимъ изъ своихъ моментовъ воздѣйствуетъ на личность и сразу выбиваетъ ее изъ обычной колеи и привычныхъ реакцій. Примѣромъ могутъ служить частые слуаи преступленій противъ личности при условіяхъ, напримѣръ, нарушенія супружеской вѣрности, компрометированіи чести или добраго имени. Примѣры здѣсь настолько общеизвѣстны, что врядъ ли необходимо на нихъ останавливать,—тѣмъ болѣе, что художественная литература имѣетъ въ этомъ отношеніи необычайно правдивое изображеніе въ лицѣ Позднышева изъ „Крейцеровой Сонаты“ Л. Н. Толстого.

5) Вліяніе примѣра и словеснаго воздѣйствія также должно быть принято во вниманіе въ числѣ ближайшихъ факторовъ, опредѣляющихъ преступленіе. Личность человѣка не можетъ быть разсматриваема отдѣльно отъ окружающихъ ее лицъ; со стороны послѣднихъ обнаруживается то или другое вліяніе, облагораживающее или развращающее; чаще всего оно передается путемъ примѣра, возбуждающаго подражаніе, или же путемъ прививанія тѣхъ или другихъ взглядовъ совѣтомъ, убѣжденіемъ или простымъ внушеніемъ. Какое вліяніе можетъ принадлежать примѣру и словесному воздѣйствію въ роли преступленія, легко доказывается растлѣвающимъ дѣйствіемъ тюрьмы. Мы знаемъ, что пребываніе въ тюрьмахъ не только не гарантируетъ отъ возможности возврата къ преступной дѣятельности, а напротивъ того, поддерживаетъ рецидивизмъ. Теперь уже всѣ лучшіе юристы приходятъ къ мысли о несостоятельности самой идеи собиранія пре-

ступныхъ элементовъ страны въ тюрьмы съ общими помѣщеніями. Такая тюрьма, по словамъ Гогеля [1]), превращается въ академію порока и преступленія, содержимую на государственный счетъ. Здѣсь завязываются знакомства и связи между преступниками, здѣсь происходитъ взаимное обученіе преступленію и взаимное развращеніе, здѣсь надо искать источникъ того явленія, которое отмѣчаетъ Тардъ: занятіе преступленіемъ складывается въ ремесло, промыселъ и организуется по началамъ цехового устройства [2]). Когда встрѣчаешься съ указаніемъ, что изъ 87.227 заключенныхъ въ исправительныхъ колоніяхъ 2.573 происходятъ отъ родителей, подвергавшихся ранѣе осужденію за тѣ или другія преступленія, то нетрудно въ этомъ фактѣ найти прямое указаніе на роль семейной среды въ развитіи преступности.

Здѣсь сказывается самымъ наглядным образомъ вліяніе преступной среды на совершеніе преступленія. Если человѣкъ съ малолѣтства дышетъ атмосферой преступной среды, то неудивительно, что онъ, въ концѣ концовъ, и самъ дѣлается преступникомъ. Дѣйствіе примѣра, возбуждающаго подражаніе, оказывается и въ случаяхъ массовыхъ преступленій, слѣдующихъ одно за другимъ, въ особенности если они имѣютъ удачный исходъ. Факторъ подражанія въ развитіи преступленія особенно былъ выдвинутъ Тардомъ. По взгляду этого автора, въ преступности вообще играетъ немаловажную роль подражаніе. Такъ, парижанка Гра въ 1875 г. впервые облила лицо измѣнившаго ей любовника сѣрной кислотой, послѣ чего этотъ способъ расплаты за любовную измѣну нашелъ не мало подражателей, продолжаясь до нашихъ дней. Повторялись также убійства съ разрѣзываніемъ частей тѣла на куски. Въ сельской преступности подражаніе проявляется главнымъ образомъ въ формѣ обычая, въ городской — въ формѣ моды. Съ другой стороны, преступность высшихъ классовъ, въ формѣ убійства, хищенія и грабежа, переходитъ путемъ подражанія къ низшимъ слоямъ населенія. По Тарду, разбои, всякаго рода насилія и, между прочимъ, половыя, безпробудное пьянство съ буйствомъ--всѣ эти прелести высшихъ сословій стараго добраго времени въ силу законовъ подражанія распространились теперь на низшіе классы населенія. Даже частыя убійства въ Корсикѣ Тардъ ставитъ въ зависимость отъ случайно занесеннаго вреднаго примѣра.

---

[1]) Гогель, 1, с., стр. 76.
[2]) Tarde. „Philosophie penale“ (цит. по Гогелю).

Здѣсь мы встрѣчаемся, очевидно, съ увлеченіемъ ученаго своей теоріей. Врядъ ли вообще можно сомнѣваться, что въ заключеніяхъ Гарда имѣется нѣкоторое преувеличеніе; тѣмъ не менѣе, неоспоримо, что извѣстную роль въ преступленіи играетъ примѣръ или подражаніе, чему свидѣтельствомъ служатъ эпидеміи преступленій, бывавшія въ разныхъ странахъ въ тотъ или другой періодъ временя. Сюда отчасти относятся и факты извѣстныхъ у насъ за послѣднее время экспропріацій, которыя осуществлялись даже подростками по примѣру старшихъ. Роль словеснаго воздѣйствія такъ же не безразлична, какъ условія преступленія. Совѣтъ или убѣжденіе—нерѣдкая причина преступленія. Въ извѣстныхъ случаяхъ словесное вліяніе не можетъ быть понимаемо иначе, какъ въ формѣ внушенія. Нельзя забывать, что есть натуры, въ поразительной степени поддающіяся внушенію уже въ бодрственномъ состояніи и выполняющія все, чего отъ нихъ на словахъ требуютъ. Ихъ мнѣ ежегодно приходится демонстрировать на своихъ лекціяхъ о гипнозѣ и внушеніи по нѣсколько, такъ они нерѣдки. Такихъ лицъ Тардъ („Преступленія толпы“) насчитываетъ приблизительно въ пропорціи 4 на 1.000 населенія.

6) Далѣе, нельзя не выдѣлить вліянія остраго опьяненія, какъ ближайшаго опредѣлителя преступленій. Мы уже ранѣе говорили объ алкоголизмѣ, какъ общей предрасполагающей причинѣ; но алкоголь при его потребленіи становится во многихъ случаяхъ и непосредственно дѣйствующей причиной, вызывающей преступленіе. Врядъ ли нужно пояснить, что можно быть и не алкоголикомъ, но подъ вліяніемъ выпитаго вина совершить тяжкое преступленіе. Да и можетъ ли быть иначе, если этотъ ядъ, какъ истый обманщикъ, возбуждая кровообращеніе и какъ бы оживляя организмъ, въ то же время ослабляетъ задерживающія вліянія со стороны высшихъ центровъ и нарушаетъ теченіе ассоціацій. Цифры, показывающія число преступленій, произведенныхъ въ связи съ острымъ опьяненіемъ, отчасти приведены уже выше. Врядъ ли нужно приводить здѣсь еще новыя доказательства тому, въ виду общеизвѣстности самаго факта. Мы замѣтимъ лишь, что въ этомъ отношеніи должны быть принимаемы во вниманіе не только алкоголь, хотя онъ, несомнѣнно, долженъ стоять на первомъ планѣ, но и другіе возбуждающіе напитки, которыми пользуется населеніе въ различныхъ странахъ (опій, эѳиръ и др.).

7) Вліяніе самихъ законовъ, какъ извѣстнаго общественнаго установленія, на развитіе преступленія въ смыслѣ, напримѣръ, слабости огражденія личности отъ тѣхъ или другихъ преступныхъ посягательствъ должно быть также поставлено въ числѣ причинъ, дѣй-

ствующихъ на развитіе преступности въ населеніи. Не входя въ подробности этого обширнаго вопроса и не рѣшая его въ окончательномъ смыслѣ, необходимо, однако, имѣть въ виду, что репрессія, въ смыслѣ наказаній, уже отживаетъ свой вѣкъ именно потому, что она сама по себѣ ничуть не достигаетъ своей цѣли. Предупредили ли суровыя мѣры репрессіи, примѣняемыя противъ первыхъ христіанъ, быстрое распространеніе христіанства? Достигли ли благихъ результатовъ мѣры инквизиціи и средневѣковыя пытки? Отвѣтъ ясенъ для всѣхъ. Если нѣкоторые, тѣмъ не менѣе, полагаютъ, что суровыя мѣры репрессіи сокращаютъ преступность въ населеніи, то, повидимому, они склонны смѣшивать вліяніе страха предъ наказаніемъ съ тѣмъ, что на ряду съ введеніемъ суровыхъ мѣръ наказанія обычно вводятся и тѣ или другія предупредительныя мѣры какъ со стороны самого общества, такъ и властей. Самъ же страхъ наказанія уже потому не можетъ воздѣйствовать на сокращеніе преступленій, что человѣкъ, совершающій преступленіе по расчету, прежде всего обдумываетъ мѣры къ тому, чтобы ускользнуть отъ правосудія; а гдѣ дѣло идетъ о преступленіи, совершаемомъ при другихъ условіяхъ, можетъ ли быть рѣчь о вліяніи страха за наказаніе, если объ этомъ человѣкъ въ минуту совершенія преступленія и помыслить не можетъ.

Тѣмъ не менѣе, опредѣленіе закона, что преступно и что не преступно естественно входитъ въ нравственный кругозоръ людей, и главнымъ образомъ съ этой стороны, въ меньшей же степени съ точки зрѣнія мѣръ репрессіи, законъ и его положенія не могутъ не быть приняты во вниманіе при выясненіи причинъ преступности, особенно тамъ, гдѣ законъ не квалифицируетъ того или иного преступленія. Но въ этомъ случаѣ вліяніе законоположеній совпадаетъ съ нравственнымъ кодексомъ и стоитъ въ прямой зависимости отъ развитія этическаго чувства и чувства законности въ самомъ населеніи, которое должно быть прививаемо съ малолѣтства въ школахъ низшаго и средняго типа, а профессіональная этика должна быть предметомъ преподаванія въ высшихъ школахъ.

Что касается собственно индивидуальныхъ условій, то здѣсь на первомъ планѣ должно быть поставлено объективное изученіе нервно-психической сферы самого преступника. На важность этого изученія указывалось уже нѣсколькими изслѣдователями; даже Ferri, представитель криминально-антропологической школы, утверждалъ, что изслѣдованіе психической сферы преступника имѣетъ еще большую важность, нежели изученіе его физической организаціи. То же самое

высказывали Gurofalo, Benedict, Дриль и др. Но существующія до сего времени изслѣдованія носили по преимуществу субъективный характеръ. Мы полагаемъ, что изслѣдованіе нервно-психическихъ особенностей преступнаго лица должно быть предметомъ исключительно объективно-психологическаго изслѣдованія, которое должно быть совершенно освобождено отъ анализа субъективныхъ переживаній преступника и субъективныхъ мотивовъ совершеннаго имъ преступленія. При этомъ разсказъ самого преступника о мотивахъ его преступленія заслуживаетъ вниманія лишь своей внѣшней стороною и какъ личная оцѣнка дѣянія.

Объективно-психологическое изслѣдованіе должно вполнѣ устранить изъ своего обихода такія понятія, какъ умыселъ, намѣреніе и т. п., а должно довольствоваться лишь строго объективными данными, какъ относительно условій самого преступленія, такъ и относительно личности преступника. Изъ практики нашихъ судовъ мы знаемъ, какъ легко вообще можно оперировать съ субъективными понятіями въ видѣ умысла, намѣренія и т. п. и какъ трудно добиваться, съ ихъ помощью, истины. Достаточно выслушать на судѣ рѣчи двухъ сторонъ, обвиненія и защиты, чтобы видѣть, какъ истина при субъективномъ анализѣ подъ вліяніемъ доводовъ той и другой стороны переходитъ съ одной точки опоры на другую. Объективно-психологическій методъ, требующій оцѣнки преступнаго лица въ связи съ внѣшними вліяніями, на него дѣйствовавшими, не имѣетъ никакой надобности обращаться къ субъективному анализу преступной личности и субъективныхъ мотивовъ ея дѣянія. Главнымъ центромъ объективнаго изслѣдованія личности преступника должны быть не внутреннія или субъективныя, а внѣшнія и объективныя особенности, какъ онѣ характеризуются въ ея умственной работоспособности, въ ея аффективныхъ движеніяхъ и рефлексахъ, въ ея дѣйствіяхъ и поступкахъ, въ реакціяхъ на все окружающее и вообще во всемъ ея поведеніи, какъ въ настоящемъ, такъ и прошломъ. При этомъ должны быть принимаемы во вниманіе и результаты такъ-называемаго антропологическаго и физическаго изслѣдованія, поскольку они даютъ возможность объяснить имѣющіяся уклоненія отъ нормальнаго состоянія нервно-психической дѣятельности преступника. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ основанія придавать тѣмъ или другимъ уклоненіямъ въ антропологическомъ сложеніи организма больше цѣны, нежели они того заслуживаютъ.

Съ нашей точки зрѣнія антропологическія уклоненія, какъ и такъ-называемые признаки вырожденія, служатъ указателями на не-

правильность организаціи, идущей отъ времени зачатія, и съ этой стороны въ оцѣнкѣ личности не лишены значенія; но такъ какъ не существуетъ строгаго параллелизма между физическими недостатками и нервно-психическими измѣненіями, то и центръ тяжести въ объективномъ изслѣдованіи преступнаго лица долженъ заключаться не въ антропологическомъ изслѣдованіи, которое, повторяю, не лишено значенія, хотя и не въ такомъ смыслѣ, какъ его понимала криминально-антропологическая школа,—а въ объективномъ изслѣдованіи личности вообще и въ ея нервно-психической дѣятельности въ частности, причемъ антропологическое изслѣдованіе и вообще изслѣдованіе физической сферы даетъ лишь указанія на причины и происхожденіе особенностей преступной личности, ничуть не болѣе.

8) При разсмотрѣніи индивидуальныхъ условій необходимо остановиться еще на вопросѣ объ умственномъ развитіи преступниковъ, чтобы выяснить роль этого индивидуальнаго фактора въ вопросѣ о преступности. Не подлежитъ сомнѣнію, что слабость умственнаго развитія можетъ служить причиной преступленія не косвеннымъ только путемъ, способствуя развитію пауперизма, но и болѣе прямымъ путемъ, отражаясь на отношеніяхъ личности къ другимъ и къ чужому имуществу. Чтобы выяснить состояніе умственныхъ способностей преступныхъ лицъ, необходимы точныя экспериментальныя изслѣдованія; довольствоваться простымъ наблюденіемъ въ этихъ вопросахъ не представляется возможнымъ. Въ этихъ видахъ еще въ 1903 г. въ особой работѣ [1]) я указалъ значеніе экспериментально-психологическаго изслѣдованія преступниковъ. Затѣмъ, согласно моему предложенію, докторомъ Щегловымъ было предпринято у насъ подробное экспериментально-психологическое изслѣдованіе малолѣтнихъ преступниковъ въ С.-Петербургской колоніи [2]). Это изслѣдованіе имѣло въ виду выяснить, съ одной стороны, скорость умственныхъ процессовъ у малолѣтнихъ преступниковъ по сравненію съ мальчиками такого же возраста и того же общественнаго положенія, взятыми изъ начальнаго городского и ремесленнаго училищъ; съ другой стороны, это изслѣдованіе должно было выяснить ихъ утомляемость, способность къ сосредоточенности и репродукцію. При опредѣленіи скорости умственныхъ процессовъ изслѣдовалось время такъ-называемой психо-физической

---

[1]) В. Бехтеревъ: „Uber experimentell psychologische Untersuchung der Verbrecher“ Journ. f. Psychologie u. Neurologie Bd. II, 1903.

[2]) Докторъ Щегловъ: „Объ умственной работоспособности малолѣтнихъ преступниковъ“. СПБ, 1903 г.

реакціи, простой и съ выборомъ, и время, потребное для рѣшенія простыхъ ариѳметическихъ задачъ. Для изученія умственной утомляемости испытуемыхъ заставляли производить умственную работу въ видѣ складыванія однозначныхъ чиселъ въ теченіе 50 минутъ и воспроизведенія данныхъ словесныхъ впечатлѣній въ теченіе 10 мин., причемъ въ обоихъ случаяхъ изучались измѣненія въ характерѣ работы за время ея выполненія.

Что касается сосредоточенности, то показателемъ ея служила средняя варіація работоспособности въ послѣдовательные періоды работы отъ ея начала до конца. Наконецъ, репродукція изслѣдовалась путемъ воспроизведенія словесныхъ впечатлѣній.

При изслѣдованіи выяснилось, что время простой реакціи и реакціи съ выборомъ представляется бо́льшимъ у малолѣтнихъ преступниковъ, нежели время тѣхъ же реакцій у мальчиковъ не-преступниковъ одинаковаго съ ними возраста и того же общественнаго положенія. Также и средняя варіація, какъ для простой реакціи, такъ и для реакціи съ выборомъ, оказалась у малолѣтнихъ преступниковъ больше, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ. Эти данныя говорятъ о нѣкоторомъ замедленіи въ теченіи умственныхъ процессовъ и о меньшей устойчивости сосредоточенія у малолѣтнихъ преступниковъ, сравнительно съ ихъ сверстниками не-преступниками.

Далѣе, скорость умственныхъ процессовъ, состоявшихъ въ рѣшеніи простыхъ ариѳметическихъ задачъ, или, что все равно, скорость сравнительно простыхъ и привычныхъ ассоціацій у малолѣтнихъ преступниковъ оказалась меньшей по сравненію со скоростью тѣхъ же процессовъ у мальчиковъ не-преступниковъ изъ начальнаго городского и ремесленнаго училища. При этомъ выяснилось, что вліяніе упражненія у малолѣтнихъ преступниковъ сказывается сильнѣе, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ. Это должно быть отнесено на счетъ меньшей способности у первыхъ сразу сосредоточиваться на работѣ. Опредѣленіе средней варіаціи въ этомъ случаѣ показало, что у малолѣтнихъ преступниковъ она въ общемъ больше, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ; къ тому же съ теченіемъ работы возрастаніе средней варіаціи у малолѣтнихъ преступниковъ значительнѣе, нежели у мальчиковъ не преступниковъ, что говоритъ опять-таки за меньшую способность сосредоточиваться и за относительно быстрое ослабленіе этой способности подъ вліяніемъ утомленія. И дѣйствительно, коэффиціентъ утомляемости, опредѣляемой величиной паденія работоспособности къ концу работы, у малолѣтнихъ преступниковъ оказывается большимъ, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ. Рав-

нымъ образомъ и способность воспроизведенія сложныхъ впечатлѣній у малолѣтнихъ преступниковъ оказалась менѣе совершенной, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ. И здѣсь можно было констатировать меньшую устойчивость сосредоточенія малолѣтнихъ преступниковъ по сравненію съ ихъ сверстниками: первыми воспроизводились въ большей мѣрѣ послѣднія впечатлѣнія, какъ болѣе свѣжія.

Возникаетъ, конечно, вопросъ, какъ смотрѣть на вышеуказанныя данныя: составляютъ ли они результатъ прирожденной недостаточности нервно-психической организаціи малолѣтнихъ преступниковъ или же являются результатомъ условій ихъ жизни и воспитанія. Окончательное выясненіе этого вопроса необходимо поставить въ зависимость отъ будущихъ изслѣдованій, пока же нужно довольствоваться фактами, каковы они суть въ дѣйствительности. При этомъ, однако, одно обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія: малолѣтніе преступники обнаруживаютъ значительную способность къ упражненію. Если бы такое упражненіе поддерживалось съ тѣмъ постоянствомъ, которое мы имѣемъ въ нормальной школѣ, то и малолѣтніе преступники въ отношеніи нервно-психическихъ процессовъ, вѣроятно, догнали бы своихъ сверстниковъ не-преступниковъ. Во всякомъ случаѣ способность къ совершенствованію путемъ упражненія выгодно отличаетъ ихъ отъ слабоумныхъ, у которыхъ эта способность обыкновенно или почти вовсе не обнаруживается, или же, если и обнаруживается, то въ значительно меньшей степени, нежели у здоровыхъ. Все это заставляетъ пока признать, что малолѣтніе преступники, хотя и обнаруживаютъ въ умственномъ отношеніи нѣкоторый недочетъ по сравненію со своими сверстниками не-преступниками, учащимися въ школахъ, но этотъ недочетъ долженъ быть поставленъ вѣроятно, не на счетъ природныхъ недостатковъ ихъ нервно-психической организаціи, а на счетъ недостаточнаго упражненія ихъ психики, недостатка ихъ воспитанія и образованія, иначе говоря,—на счетъ привычной для нихъ праздности и лѣни.

Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ личность преступника можетъ представлять явныя отступленія отъ средней человѣческой нормы, въ смыслѣ умственнаго развитія, т. е. такъ-называемую психическую дебильность или какія-либо иныя способствующія преступленію болѣзненныя уклоненія нервно-психической сферы, которыя также могутъ быть выяснены строго объективными пріемами и притомъ далеко не столь сложными, какъ можетъ показаться съ самаго начала [1]).

---

[1]) См. В. Бехтеревъ: „Объективное изслѣдованіе душевно-больныхъ". Обозр. Психіатріи, 1910 г.

9) Дальнѣйшимъ индивидуальнымъ условіемъ преступленія является недостатокъ нравственнаго воспитанія. Воспитаніе, въ общей своей совокупности, сводится къ вліянію воздѣйствія на молодую слагающуюся личность путемъ примѣра, совѣта, убѣжденія и внушенія. Вліяніемъ воспитанія въ значительной мѣрѣ обусловливаются и индивидуальныя особенности той или другой личности. Сложившись подъ вліяніемъ многообразныхъ внѣшнихъ условій, дѣйствовавшихъ въ прошломъ, личность является неодинаковой по своему характеру и по реакціи на внѣшнія раздраженія [1]). Отсюда очевидна роль воспитанія по отношенію ко всѣмъ вообще поступкамъ человѣка и въ томъ числѣ по отношенію къ преступнымъ дѣяніямъ. Какое значеніе можетъ играть здѣсь воспитаніе—врядъ-ли требуетъ доказательствъ. Особенно здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду полную безпризорность дѣтей при условіяхъ растлѣвающей обстановки. Такъ, Геркнеръ [2]), описывая неблагопріятныя условія фабричнаго труда, рисуетъ такую картину жизни рабочаго: „если, благодаря продолжительности рабочаго времени, отецъ оставляетъ квартиру прежде даже, чѣмъ еще дѣти проснулись, возвращается назадъ домой тогда уже, когда маленькія дѣти легли спать; если даже и мать на такихъ же условіяхъ привлекается къ работѣ на фабрикѣ; если, благодаря большому разстоянію отъ фабрики, родителямъ приходится даже и обѣдать внѣ дома, на фабрикѣ или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ трактирѣ; если непомѣрная высота наемной платы за квартиру заставляетъ пускать жильцовъ или даже просто ночлежниковъ; если дѣти въ возрастѣ 9—12 лѣтъ уже должны зарабатывать свое содержаніе и даже больше, чѣмъ стоило ихъ содержаніе; если поэтому, и часто не безъ основанія, они считаютъ себя предметомъ эксплоатаціи со стороны родителей и оставляютъ послѣднихъ, чтобы вести уже никѣмъ не стѣсняемую жизнь,—тогда основѣ всего нашего общественнаго бытія, семьѣ грозитъ растерзаніе или разрушеніе“. Рабочіе иногда сами заявляютъ въ своихъ постановленіяхъ, что слишкомъ продолжительная работа и участіе въ работѣ женъ и дѣтей приводятъ къ разрушенію ихъ семьи [3]).

Можно-ли послѣ этого удивляться, что дѣти, еще не вступившія въ жизнь, дѣлаются преступниками, и фабрика является очагомъ, вокругъ котораго населеніе подвергается вырожденію? Свидѣтельствомъ

---

[1]) Тардъ: „Преступленія толпы“. Отд. изд. въ русск. перев.
[2]) H. Herkner. „Die Arbeitsfrage“. 3 Aufl. Гогель, I c., стр. 36.
[3]) M. Turmann. „Le catholiesme Sociale“. 1900, стр. 50. Гогель. loco cit., стр. 46.

этого вырожденія служитъ, между прочимъ, пониженіе процента годныхъ къ отбыванію воинской повинности и разорительное повышеніе процента смертности въ фабричныхъ районахъ [1]). Сами рабочіе сознаютъ разрушительное вліяніе недостатка воспитанія своихъ дѣтей. Такъ, въ одномъ изъ ходатайствъ рабочихъ говорится слѣдующее: „мать, которая не имѣетъ времени заниматься своимъ ребенкомъ, оставляетъ его на произволъ кормилицы, плохо оплачиваемой, или няньки, которая его кормитъ всякими похлебками. Благодаря этому — чрезвычайная смертность, быстро увеличивающееся вырожденіе расы, отсутствіе всякаго нравственнаго воспитанія. Дѣти 3-хъ—4-хъ лѣтъ бродятъ по улицамъ безъ всякаго призора“.

По Joly [2]), изъ 4.238 дѣтей, принятыхъ въ пенитенціарныя колоніи въ 1901 г. во Франціи, у 907—родители были осуждены за преступленія, у 343—родители оказались бродягами или проститутками, у 1.405—не было отца или матери. Съ другой строны, по Georges Bessèr'у, вырожденіе дѣтей объясняется тѣмъ, что населеніе отравляется алкоголемъ; ребенокъ становится воромъ или бродягой потому, что необходимость заработка для обезпеченія куска хлѣба отвлекаетъ его родителей отъ семейнаго очага.

Само собою разумѣется, что недостатокъ воспитанія, какъ факторъ преступности, обнаруживается не только среди бѣднаго, но и въ интеллигентной средѣ, если родители, имѣя возможность воспитывать дѣтей, слишкомъ пренебрегаютъ этимъ важнымъ дѣломъ, вслѣдствіе чего ихъ дѣти подъ вліяніемъ неправильнаго воспитанія, не имѣя почти никакихъ понятій о долгѣ и обязанностяхъ, становятся лѣнивыми, привыкшими къ праздности, невоздержанными и т. д. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ такой человѣкъ сравнительно легко впадаетъ въ преступленіе.

Не видимъ ли мы массы примѣровъ, когда преступленіе въ видѣ растраты казеннаго или чужого имущества лицами, имѣвшими полную возможность вести безбѣдное и честное существованіе, является прямымъ слѣдствіемъ непривычки къ самоограниченію, достигаемому лишь воспитаніемъ. Другимъ примѣромъ вліянія недостатка воспитанія является несдержанность и, можно даже сказать, разнузданность въ половомъ отношеніи, нерѣдко усваиваемая молодыми людьми, лишенными соотвѣтственнаго воспитанія и не имѣющими въ этомъ отно-

---

[1]) См. Дементьевъ. „Что дала фабрика народу и пр.“ СПБ. Отд. изд.
[2]) „Revue pénit“. 1904, стр. 662.

шеніи никакого контроля. Этимъ объясняется рядъ половыхъ преступленій, совершаемыхъ лицами вполнѣ здоровыми, но легко относящимися къ различнаго рода нарушеніямъ въ сферѣ половыхъ отношеній.

9) Затѣмъ однимъ изъ немаловажныхъ факторовъ преступности должна быть признана также бо́льшая или меньшая степень наслѣдственнаго вырожденія. Условія жизни того класса населенія, изъ котораго главнымъ образомъ вербуются преступники, дѣйствительно таковы, что нельзя не признать условіе вырожденія за одинъ изъ факторовъ преступности вообще и въ особенности дѣтской преступности. По статистическимъ даннымъ Corne'a, изъ 8.006 молодыхъ преступниковъ 31 декабря 1864 г. во французскихъ тюрьмахъ оказалось 60% незаконныхъ дѣтей изъ лицъ, не имѣвшихъ отца или матери, а 38% были дѣтьми бродягъ, преступниковъ и проститутокъ. По американской статистикѣ въ 1869 г., въ исправительныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ дѣти-преступники произошли отъ родителей пьяницъ: въ штатѣ Иллинойсъ въ 47%, въ Мериландѣ въ 35%, въ Массачузетсѣ въ 50%, въ Нью-Гемпширѣ въ 34%, въ Нью-Іоркѣ въ 31%, въ Родъ-Эйландѣ въ 23%, въ Висконсинѣ въ 27% случаяхъ. Въ Англіи изъ всѣхъ преступниковъ, судившихся за тяжкія преступленія въ 1890 г., 49,5%—дѣтьми пьяницъ.

Можно было-бы привести много другихъ цифръ, иллюстрирующихъ роль наслѣдственной дегенераціи въ развитіи преступности, но и вышеприведенныхъ вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить всю важность этого фактора. Какъ среди малолѣтнихъ, такъ и среди взрослыхъ преступниковъ, имѣются настоящіе выродки, которые подлежатъ болѣе вѣдѣнію психіатріи, нежели вѣдѣнію юстиціи, не будучи, однако, душевно-больными.

Многіе авторы пытались сгруппировать преступниковъ не душевно-больныхъ по тѣмъ или другимъ особенностямъ ихъ личности и создать такимъ образомъ особые преступные типы: слабовольныхъ или инертныхъ, аффективныхъ, нравственно-испорченныхъ или дефектныхъ и т. п. Извѣстная часть этихъ особенностей невро-психики преступныхъ лицъ можетъ быть отнесена на счетъ наслѣдственной дегенераціи, другая часть — на счетъ ихъ плохого воспитанія и неблагопріятныхъ жизненныхъ условій.

Криминально-антропологическая школа намѣтила, кромѣ того, рядъ физическихъ признаковъ у преступниковъ, которые могутъ быть понимаемы, какъ физическіе признаки вырожденія. Послѣдніе заслуживаютъ вниманія, но, какъ уже нами ранѣе упомянуто, мы не при-

даемъ имъ того преувеличеннаго значенія, которое приписывала имъ школа Lombroso. Дѣло въ томъ, что физическая и психическая дегенерація не идутъ параллельно другъ съ другомъ: мы нерѣдко встрѣчаемъ разнаго рода наслѣдственныя физическія уродства при существованіи относительно хорошихъ умственныхъ способностей, и, наоборотъ, несомнѣнно наслѣдственныя душевныя разстройства могутъ не сопровождаться никакими или почти никакими физическими признаками вырожденія. Тѣмъ не менѣе, при существованіи закоренѣлой преступности въ той или другой личности присутствіе признаковъ физическаго вырожденія можетъ служить основаніемъ къ установленію наслѣдственной дегенераціи, сыгравшей ту или иную роль при совершеніи преступленія.

Все это, однако, ничуть не говоритъ за выдѣленіе особаго преступнаго типа въ смыслѣ криминально-антропологической психіатрической или паразитарной теоріи, если, конечно, не относить къ нему тѣхъ нравственныхъ уродовъ, которые уже подлежать вѣдѣнію психіатріи, разсматривающей эту категорію больныхъ подъ общимъ названіемъ нравственнаго помѣшательства. Какія бы группы мы ни выдѣляли въ средѣ преступниковъ, руководясь особенностями ихъ психо-физической организаціи, мы должны имѣть въ виду, что совершенно такія же группы мы найдемъ и среди честныхъ людей, которые не дѣлаются преступниками только потому, что не попали въ тѣ условія, въ которыхъ, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, оказались лица, впавшія въ преступленіе.

10) Особо важнымъ факторомъ преступности являются патологическія состоянія нервно-психической сферы въ видѣ эпилепсіи и душевныхъ болѣзней. О какомъ значительномъ числѣ патологическихъ состояній, какъ факторовъ преступности, идетъ здѣсь рѣчь, могутъ показать уже ранѣе приведенныя цифры, изъ которыхъ видно, что, напримѣръ, въ Англіи за 1890 годъ изъ всѣхъ, осужденныхъ за тяжкія преступленія, оказалось 49,5% эпилептиковъ. Что же касается душевныхъ болѣзней, какъ общеизвѣстнаго фактора преступности, то число преступленій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ разстройства душевной дѣятельности, находится, повидимому, въ прямомъ соотношеніи съ числомъ душевно-больныхъ, остающихся на свободѣ и безъ достаточнаго призора. Ближе входить въ разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь не представляется необходимымъ.

11) Наконецъ, однимъ изъ важныхъ индивидуальныхъ условій совершенія преступленія является слабость физическаго здоровья. Она, подобно умственной дебильности, приводитъ къ преступленію

косвеннымъ образомъ, создавая невозможность зарабатывать кусокъ хлѣба собственнымъ трудомъ. Ряды пауперизма, столь способствующаго развитію преступности, пополняются лицами немощными въ томъ или другомъ отношеніи. Извѣстный изслѣдователь пауперизма, Duglade, не сомнѣвается, что пауперизмъ есть указаніе на слабость какого-либо рода, благодаря дѣтскому или старческому возрасту или болѣзни, или, наконецъ, (для женщинъ)—рожденію дѣтей. Наслѣдственный пауперизмъ вызывается главнымъ образомъ какой-либо болѣзнью и приводитъ, въ концѣ концовъ, къ угасанію рода. Пауперизмъ, по Duglade'у, можетъ быть опредѣленъ, какъ соціальная форма физическаго вырожденія. Также и по Вернеру, значительная часть случаевъ впаденія въ нищету объясняется слабостью физическаго здоровья или умственнаго развитія.

Съ этимъ вмѣстѣ мы закончили разсмотрѣніе главныхъ условій, внѣшнихъ и индивидуальныхъ, приводящихъ къ совершенію преступленія, которыя чаще всего дѣйствуютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ не въ одиночку, а въ совокупности.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что человѣкъ, впавшій въ преступленіе, является въ той или иной мѣрѣ жертвой условій соціально-экономическихъ и, въ частности—жертвой алкоголизма, жертвой пауперизма, жертвой одиночества и оторванности отъ своего очага и круга людей, нерѣдко—жертвой остраго опьяненія, жертвой соблазна и обстановки, благопріятствующей преступленію, жертвой нарушенія установившихся личныхъ отношеній, жертвой дурныхъ примѣровъ, жертвой своей неблагопріятной наслѣдственности, отразившейся на сложеніи его личности, жертвой недостаточнаго воспитанія, жертвой извѣстной умственной дебильности и, наконецъ, жертвой различныхъ болѣзней, ослабляющихъ человѣка и физически, и морально, не говоря уже о душевной болѣзни.

Что касается самого преступленія, которое также должно быть изучаемо исключительно съ объективной, т. е. внѣшней его стороны, то, являясь сложнымъ актомъ, развившимся при тѣхъ или другихъ условіяхъ и въ прямой зависимости отъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ воздѣйствій, вліявшихъ на нервно-психическую сферу даннаго лица, оно оказывается роковымъ и неизбѣжнымъ при данныхъ условіяхъ, завершающихъ цѣлый циклъ предшествующихъ вліяній какъ общаго, такъ и частнаго или индивидуальнаго характера. Предупрежденіе его, конечно, не невозможно, но оно уже не стоитъ въ зависимости отъ самого лица, совершающаго преступленіе, а зависитъ отъ измѣненія внѣшнихъ условій, приводящихъ къ совершенію пре-

ступленія. Достаточно было-бы измѣнить одно какое-либо внѣшнее вліяніе или ввести новое благопріятно вліяющее воздѣйствіе, и преступленіе не совершилось бы; но разъ этого измѣненія не послѣдовало, преступленіе происходитъ роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ, какъ всякое внѣшнее явленіе, обусловленное извѣстнымъ рядомъ предшествующихъ условій.

Поэтому, чтобы объяснить преступленіе, необходимо изучить вполнѣ объективно какъ всѣ внѣшнія условія, при которыхъ оно произошло, такъ и самую личность, совершившую преступленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ все ея прошлое. При такомъ изученіи преступленіе для насъ станетъ понятнымъ и яснымъ, какъ всякій другой поступокъ человѣка, выполняемый при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, какъ неизбѣжный актъ, вслѣдствіе вліянія цѣлаго ряда болѣе отдаленныхъ и ближайшихъ по времени внѣшнихъ воздѣйствій.

Такимъ образомъ, объективная точка зрѣнія въ приложеніи къ каждому отдѣльному преступленію имѣетъ цѣлью раскрыть всю цѣпь прошлыхъ и ближайшихъ внѣшнихъ воздѣйствій, приведшихъ къ развитію преступленія, во всей ихъ совокупности и послѣдовательности, дабы сдѣлать данное преступленіе вполнѣ яснымъ съ объективной стороны, безъ всякаго обращенія къ тѣмъ субъективнымъ переживаніямъ, которымъ обыкновенно придавали и придаютъ значеніе криминалисты.

Теперь мы постараемся выяснить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, различіе между прежними теоріями и проводимой нами объективной точкой зрѣнія на преступленіе и преступность.

Прежняя классическая теорія, основанная въ значительной мѣрѣ на субъективномъ анализѣ преступленія и разсматривавшая самое преступленіе, какъ проявленіе свободной воли, неизбѣжно приводитъ къ соотвѣтствующей карѣ преступнаго лица, если даже отрѣшиться отъ нравственнаго воззрѣнія, требующаго отъ преступника цѣлокупнаго искупленія самого преступленія. Такимъ образомъ, субъективная точка зрѣнія не можетъ видѣть выхода изъ создавшагося положенія не въ чемъ иномъ, какъ только въ мѣрахъ устрашенія и наказанія. И въ самомъ дѣлѣ, если преступленіе есть актъ свободной воли, оказавшейся въ данномъ случаѣ „злою волею“, то какія же мѣры могутъ быть принимаемы противъ преступленія, кромѣ наказанія, которое будто бы въ состояніи своимъ вліяніемъ ограничивать дурное направленіе человѣческой воли и предупреждать преступныя наклонности? Однако, всѣмъ извѣстно, что самыя строгія мѣры наказанія не предупреждаютъ преступленія,—тѣмъ болѣе, что каждый преступникъ,

совершая преступленіе, принимаетъ мѣры къ сокрытію его слѣдовъ въ цѣляхъ избѣжанія законнаго возмездія и большею частью сохраняетъ до самаго обнаруженія преступленія наивную увѣренность въ томъ, что онъ избѣгнетъ правосудія. Безсиліе мѣръ репрессіи лучше всего доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ извѣстнымъ примѣромъ: въ Англіи одно время смертная казнь полагалась за всякое воровство, даже мелкое,—и совершались кражи на той самой площади, на которой публично выполнялись казни.

Что касается криминально антропологической школы, то она отличается, повидимому, наибольшей жестокостью къ преступнику. Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о преступникѣ, какъ особомъ типѣ, съ ея точки зрѣнія представляется одинъ раціональный исходъ: уничтоженіе безъ всякой жалости этого прирожденнаго преступника. Въ лучшемъ случаѣ эта школа требуетъ для него полнаго удаленія изъ общества и всегдашняго его содержанія въ условіяхъ заключенія. Въ послѣднемъ смыслѣ и высказывается Ломброзо въ предисловіи къ одному изъ послѣднихъ изданій своего сочиненія: „Uomo delinquente“.

Между тѣмъ защищаемая мною объективная точка зрѣнія—въ примѣненіи къ дѣйствіямъ человѣка вообще и къ преступленію въ частности—главный центръ тяжести переноситъ на условія, въ которыхъ создалась и дѣйствуетъ извѣстная личность. Эта точка зрѣнія говоритъ намъ, что въ случаяхъ преступленія слѣдуетъ винить не самое личность, которая производитъ преступленіе, а главнымъ образомъ окружающія ее условія, слѣдовательно, косвеннымъ путемъ и все общество, создавшее тѣ условія, въ которыхъ человѣкъ совращается на путь преступленія. За преступленія отдѣльныхъ лицъ, въ сущности, все общество отвѣтственно, точнѣе говоря,—весь строй его жизни, весь укладъ его соціально-экономическихъ условій, всѣ его установленія, обычаи нравственно-правового характера и условія общежитія, наконецъ, весь рядъ условій, окружавшихъ данную личность. Большее или меньшее число преступленій съ этой точки зрѣнія является вѣрнымъ показателемъ ненормально сложившихся соціально-правовыхъ и соціально-экономическихъ отношеній въ обществѣ, а въ извѣстной мѣрѣ, имѣя въ виду преступленія душевно-больныхъ и дегенератовъ, показателемъ его ненормальныхъ біологическихъ условій.

Итакъ, объективная психологія, которую правильнѣе было бы называть психорефлексологіей, говоритъ намъ: само общество создаетъ въ своей средѣ преступниковъ и потому нельзя сваливать вину за преступленіе на само лицо, его совершившее, такъ какъ виною тому служатъ условія, которыя привели его на путь преступленія. Даже

тогда, когда дѣло идетъ о дегенератахъ и душевно-больныхъ преступникахъ, имѣетъ ли право общество сваливать вину за преступленіе на природу человѣка, когда и дегенерація, и душевная болѣзнь въ огромномъ большинствѣ случаевъ—результатъ ненормально сложившихся соціально-экономическихъ условій, приводящихъ, въ концѣ концовъ, и къ нарушенію біологическихъ законовъ? Однимъс ловомъ, преступникъ есть жертва этихъ условій—не болѣе.

Отсюда очевидно, что и раціональнымъ объектомъ борьбы, имѣющей цѣлью уменьшеніе преступности въ населеніи, съ нашей точки зрѣнія будетъ не самъ преступникъ, а условія, которыя его создаютъ. Въ нихъ корень зла, а не въ личности. Объективная точка зрѣнія выдвигаетъ прежде всего необходимость для устраненія преступности бороться всѣми мѣрами съ причинами преступности, т. е. съ ненормальными условіями общественной, общественно-правовой и экономической жизни страны, съ недостаткомъ воспитанія, съ условіями, приводящими къ пауперизму, вырожденію и т. п. Коренное сокращеніе преступности до возможнаго minimum'а она видитъ только въ устраненіи упомянутыхъ условій, что возможно при соотвѣтственномъ измѣненіи соціально-экономическихъ отношеній и въ томъ числѣ капиталистическаго строя современнаго общества.

Нѣкоторые соціологи, какъ Durckheim [1]), признаютъ не безъ основанія, что преступность является правильнымъ и постояннымъ явленіемъ нашей общественной жизни. Этотъ фатализмъ имѣетъ корни въ той ненормальной общественности, съ которой человѣчество жило до сихъ поръ,—общественности, основанной на значеніи капитала въ условіяхъ современной жизни. Но мы не склонны, подобно Ferri [2]), успокаиваться на мысли, что цивилизація и варварство имѣютъ свою преступность, имъ свойственную. Тѣмъ болѣе трудно согласиться съ мнѣніемъ Lombroso [3]), который признаетъ, что цивилизація можетъ привести лишь къ видоизмѣненію характера преступности и, можетъ быть, къ увеличенію числа преступленій.

Наконецъ, трудно раздѣлять также и оптимистическій взглядъ Paletti [4]), по которому соціальная человѣческая энергія развивается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ—въ смыслѣ усиленной

---

[1]) Durckheim „Les règles de la méthode sociologique"., Paris, 1895, стр. 89.
[2]) Ferri „La sociologie crimin". 1905, стр. 196.
[3]) Lombroso. „Le crime, causes et remedes". 1899, стр. 64.
[4]) Paletti. „Il sentimento nella scienza di diritte penale". 1882, гл. VIII.

производительности и усиленной разрушительности, причемъ первая преобладаетъ надъ второй и постепенно должна ее вытѣснить.

Мы полагаемъ, что всѣ наши стремленія должны быть направлены къ тому, чтобы преступность не увеличивалась, а уменьшалась, чтобы она постепенно была доведена до возможнаго minimum'а и чтобы цивилизованное человѣчество выработало такой соціально-экономическій строй, при которомъ преступность не только не признавалась бы явленіемъ понятнымъ и неизбѣжнымъ, а считалась-бы явленіемъ глубоко ненормальнымъ и исключительнымъ.

Во всякомъ случаѣ, не въ наказаніяхъ надо искать нравственнаго оздоровленія общества, а въ соціально-экономической гигіенѣ и улучшеніи тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ оказывается значительная часть населенія, и, наконецъ, въ воспитаніи чувства законности въ населеніи педагогическими мѣрами. Мы видѣли, что пауперизмъ является однимъ изъ главныхъ факторовъ преступности; но въ чемъ же заключается основная причина пауперизма? Нѣкоторые полагаютъ, что алкоголизмъ и собственная порочность ведутъ къ пауперизму, но при этомъ упускаютъ изъ виду, что и то, и другое въ огромномъ большинствѣ случаевъ есть уже слѣдствіе пауперизма, а не причина его... Другіе видятъ причину пауперизма въ индустріализмѣ и свободной конкуренціи труда, естественнымъ послѣдствіемъ которой является непостоянство дневного заработка, откуда—развитіе нищеты, приводящей къ дегенераціи какъ физической, такъ и нравственной. Въ связь съ индустріализмомъ ставится и увеличеніе городского населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пауперизма, находящаго въ городахъ, при условіяхъ фабричнаго производства, особенно благопріятныя условія для своего развитія.

Однако, виноваты-ли самый индустріализмъ и свободная конкуренція въ развитіи пауперизма? Освободившись съ такими усиліями отъ средневѣковаго рабства и цѣховой кабалы, человѣкъ получилъ, наконецъ, возможность свободно трудиться и обезпечивать себѣ пропитаніе. Можетъ ли, спрашивается, въ этомъ корениться причина зла, можетъ ли содержать въ себѣ корень зла тотъ свободный трудъ, который составляетъ самое дорогое благо человѣческой личности,—или-же корень зла лежитъ въ чемъ-либо другомъ? Вѣдь рабамъ стараго времени жилось также нелегко, и они такъ же пополняли собою ряды преступниковъ, какъ и свободно трудящееся населеніе. И если вспомнить исторію древняго Рима, возстаніе рабовъ и другіе тяжелые эпизоды древней исторіи, а также исторію средневѣковаго феодализма и крѣпостничества въ Россіи, то можно-ли хотя на минуту сомнѣваться въ

томъ, что условія жизни и труда въ прежнія времена оказывались ничуть не болѣе благопріятными по сравненію съ современными? Если не было тогда пауперизма матеріальнаго, то былъ пауперизмъ нравственный, выражающійся безвольностью и безличіемъ, съ одной стороны, и своеволіемъ, съ другой, а это еще тяжелѣе матеріальнаго пауперизма.

Мы не входимъ, въ частности, этихъ важныхъ вопросовъ, такъ какъ разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ задачи нашего труда. Но въ какой степени тѣ или другія мѣры соціально-экономическаго характера могутъ уже при нынѣшнемъ строѣ общества служить къ пониженію преступности въ населеніи, это можно выяснить нѣсколькими примѣрами.

Мы уже говорили выше, что во время экономическихъ бѣдствій число преступленій обязательно возрастаетъ. Интересный примѣръ вліянія экономическихъ бѣдствій на развитіе преступности мы можемъ заимствовать у Meyer'a [1]). Когда въ 1866 г. кантонъ Цюрихъ подвергся тяжелому экономическому кризису, число преступленій противъ собственности сразу быстро поднялось, но послѣ того, какъ была организована въ широкихъ размѣрахъ помощь населенію и организовано кормленіе голодающихъ, число преступленій начало быстро падать, а съ улучшеніемъ экономическихъ условій въ слѣдующемъ году оно достигло снова нормальныхъ предѣловъ.

Съ другой стороны, статистическими данными доказывается и тѣсная связь между уменьшеніемъ потребленія алкоголя и освобожденіемъ населенія въ значительной мѣрѣ отъ преступнаго кошмара. Такъ, въ Норвегіи въ періодъ времени съ 1844-го по 1871-й годъ, когда душевое потребленіе спиртныхъ напитковъ понизилось съ 10 до 5 литровъ, а въ 1876 году—до 4 литровъ, количество преступленій уменьшилось съ 294 на 100 тысячъ населенія до 207 и 180. То же самое замѣчено и по отношенію къ Швеціи. Въ Ирландіи подъ вліяніемъ проповѣди патера Mathew въ періодъ съ 1838 до 1842 г. душевое потребленіе алкоголя убавилось почти на 50%, и вмѣстѣ съ тѣмъ число преступленій понизилось съ 64.520 до 47.027. По словамъ лорда верховнаго судьи Coleridge'a, преступленія насильственныя возникаютъ, за малыми исключеніями, въ питейныхъ домахъ и обусловливаются пьянствомъ. „Девять десятыхъ тюремъ мы

---

[1]) A. Meyer. „Das Verbrechen in seinem Zusammenhang mit dem wirthschaftlichen und socialen Verhalten", 1895, стр. 39.

могли-бы очистить, говоритъ авторъ, — если бы мы могли отрезвить Англію“ [1]).

Другой примѣръ оздоровляющей мѣры приводитъ Оссонвиль [2]). Въ Парижѣ имѣются многія тысячи заброшенныхъ и морально испорченныхъ дѣтей. По обычаю ихъ отдаютъ въ семьи департамента Ньевры. Несмотря на то, что это практикуется уже очень давно, и многія тысячи дѣтей уже выросли въ новыхъ условіяхъ, оказывается, что преступность населенія этого департамента попрежнему остается весьма малою: слѣдовательно, будущіе преступники, которые непремѣнно воспитывались бы изъ этихъ дѣтей при неблагопріятныхъ условіяхъ парижской жизни, становятся полезными гражданами послѣ того, какъ ихъ помѣстили въ благопріятную сельскую обстановку. Ioly по этому поводу говоритъ, что потокъ нравственныхъ нечистотъ, который выливаетъ въ этомъ случаѣ Парижъ на почву департамента Ньевры, тамъ всасывается, очищаясь, какъ воды клоакъ въ Acheres и Gegevilliers [3]).

Можно было-бы точно такимъ же образомъ доказать пользу и многихъ другихъ общественныхъ мѣръ, предупреждающихъ развитіе нищеты и пауперизма и оздоровляющихъ общество въ отношеніи преступности. Бутсъ правъ, говоря, что „когда-нибудь общество, построенное на индивидуальныхъ началахъ, признаетъ себя вынужденнымъ, въ собственныхъ интересахъ, взять на себя заботу о жизни тѣхъ лицъ, которыя по какой бы то ни было причинѣ не въ состояніи сами самостоятельно обезпечить себѣ существованіе, отвѣчающее извѣстнымъ, достойнымъ человѣка, условіямъ, и общество вполнѣ въ состояніи это сдѣлать“ [4]). Итакъ, борьба съ преступностью вообще должна быть направлена прежде всего на ея источники. Мѣры же устрашенія уже всѣхъ разочаровали, и только потерявшая свое достоинство власть можетъ еще въ системѣ устрашенія видѣть якорь спасенія для поддержки экономическихъ классовыхъ интересовъ.

Такимъ образомъ, общая причина зла—не въ современномъ индустріализмѣ, а въ капиталистическомъ строѣ современнаго общества. Ограниченіе значенія капитала, возможное уравненіе правъ, лучшія условія современнаго труда, участіе въ выгодахъ производства самого трудящагося, трудъ на артельныхъ началахъ и другія реформы соціально-экономическаго характера, а равно и устраненіе алкоголя

---

[1]) Кроль. loco cit, стр. 127.
[2]) Haussonville. „France criminelle“, стр. 200.
[3]) Гогель, loco cit, стр. 53.
[4]) Гогель, loco cit, стр. 42.

въ населеніи—вотъ, что оздоровитъ болѣе всего общество, обремененное тяжестью все болѣе и болѣе растущей преступности.

Но какъ бы ни былъ идеаленъ строй, какъ бы ни были хороши общественныя и экономическія условія, личность сама по себѣ, говорятъ моралисты, можетъ оказаться преступной, независимо ни отъ какихъ внѣшнихъ общихъ факторовъ. Да, скажемъ мы, но личность сама по себѣ есть продуктъ всего, что ее окружало въ прошломъ и окружаетъ въ настоящемъ, она является продуктомъ тѣхъ соціально-біологическихъ условій, которыя дали первоначальный зародышъ будущей личности, а потому, независимо отъ улучшенія общественнаго строя и устроенія экономической жизни, совершенствуйте и улучшайте условія, которыя создаютъ личность, путемъ ограниченія браковъ между дегенератами и алкоголиками и путемъ семейнаго воспитанія — и вы получите вмѣстѣ съ этимъ также возможное уменьшеніе преступности въ населеніи.

Меня спросятъ: что-же дѣлать съ преступностью въ настоящее время, пока общество себя еще не перестроило, пока оно еще живетъ ненормальной жизнью, пока оно еще очень далеко отъ тѣхъ счастливыхъ дней, когда не будетъ на землѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни барина, ни мужика, когда не будетъ ни эллина, ни іудея, когда воспитаніе для всѣхъ будетъ обязательнымъ наравнѣ съ образованіемъ, когда будутъ цавствовать между людьми равенство, любовь и братство, когда будетъ полная общность интересовъ, когда уничтожатся зависть и борьба между людьми, и люди будутъ помогать другъ другу, а не попирать и уничтожать одинъ другого?

Пока, разумѣется, необходимо имѣть въ виду мѣры палліативныя, но, тѣмъ не менѣе, раціональныя, ведущія къ дѣйствительному ослабленію того зла, которое именуется преступностью. Для этой цѣли можетъ служить систематическая организація широко поставленныхъ мѣръ, клонящихся къ возможному улучшенію соціально-экономическихъ условій населенія и улучшенію соціально-правовыхъ отношеній, широкая организація общественнаго воспитанія съ малолѣтства, особенно для бѣднѣйшихъ классовъ населенія, образованіе союзовъ и обществъ для поднятія нравственнаго уровня населенія, организація трудовой помощи населенію, организація филантропическихъ обществъ и пріютовъ для содержанія и воспитанія безпріютныхъ дѣтей, всемѣрное улучшеніе условій труда, особенно фабричнаго, устраненіе алкоголя изъ вольной продажи, введеніе медицинскаго освидѣтельствованія при бракахъ и т. п.

Разсматривая самый актъ преступленія, какъ результатъ цѣ-

лаго ряда внѣшнихъ раздраженій, предшествовавшихъ и современныхъ преступленію, объективное изслѣдованіе, какъ мы уже говорили, разсматриваетъ само преступленіе, какъ актъ вполнѣ неизбѣжный при данныхъ условіяхъ, сложившихся около личности, впавшей въ преступленіе,—актъ, который въ силу своей неизбѣжности, зависящей отъ чисто внѣшнихъ причинъ, не можетъ служить основаніемъ для осужденія самого преступника. Въ самомъ дѣлѣ, можемъ-ли мы винить человѣка за то, что онъ былъ выполнителемъ внѣшняго акта, обусловленнаго цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ воздѣйствій? Конечно, нѣтъ; вина лежитъ на тѣхъ, кто создалъ эти условія для данной личности, кто ее родилъ при дурныхъ задаткахъ своей натуры, кто ее дурно воспиталъ, кто научилъ ее пороку, кто возбудилъ въ ней дурныя страсти, кто предоставилъ въ ея распоряженіе алкоголь, кто предоставилъ ей благопріятныя условія для дѣйствія соблазна, кто ее обездолилъ и тѣмъ самымъ вынудилъ пойти на преступленіе. Намъ необходимо поэтому стремиться не къ увеличенію числа и не къ расширенію существующихъ уже тюремъ, а къ замѣнѣ ихъ учрежденіями колоніально-воспитательнаго типа [1]).

Какъ бы ни усовершенствовали тюрьму, она всегда останется мѣстомъ заключенія, способнымъ лишь угнетать и совращать, а не перевоспитывать лицъ, впавшихъ въ преступленіе. О растлѣвающемъ вліяніи общихъ тюремъ для арестантовъ мы уже говорили выше. Но, какъ извѣстно, сознанный вредъ общаго тюремнаго заключенія побудилъ правительство основать тюрьмы съ типомъ одиночнаго заключенія, которое, по мнѣнію многихъ юристовъ, является послѣднимъ словомъ пенитенціонарнаго искусства. Въ силу этого въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Англіи и Бельгіи, уже всѣ тюрьмы перестроены, и содержатъ арестантовъ въ одиночныхъ камерахъ. Предполагалось, что одиночное заключеніе заставляетъ преступника сосредоточить вниманіе на самомъ себѣ, дабы онъ могъ передумать все имъ содѣянное и прійти къ желательному покаянію. Однако, этотъ взглядъ, такъ естественно вытекающій изъ классической школы съ ея теоріей цѣлокупнаго искупленія, упускаетъ изъ виду, что человѣческая личность есть существо соціальное съ первыхъ дней своего рожденія и что абсолютное молчаніе и бездѣятельность, которымъ подвергаютъ одиночно-заключеннаго, въ результатѣ не перевоспитываютъ, а калѣчатъ личность, притупляя ея воспріимчивость, угнетая ея волю и способность иниціативы. Помимо того на натуры неустойчивыя одиночное

---

[1]) В. Бехтеревъ: „Ueber die Personlichkeitet“. Wiesbaden, 1906, стр. 27.

заключеніе дѣйствуетъ, какъ непосредственный возбудитель душевной болѣзни. Психіатрамъ болѣе, чѣмъ кому-либо извѣстно, какъ губительно, въ смыслѣ вліянія на психику, дѣйствуетъ одиночное заключеніе.

Можно было бы сослаться и на рядъ статистическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, въ какой степени одиночное заключеніе, какъ факторъ, содѣйствующій развитію психозовъ у арестантовъ, губительнѣе системы общаго заключенія. Но эти данныя общеизвѣстны. Гораздо важнѣе указать здѣсь, что и опытъ одиночнаго заключенія, по крайней мѣрѣ въ Россіи, заставляетъ самихъ лицъ, пекущихся о тюрьмахъ, отмѣчать его вредныя стороны. Такъ, вышедшій въ теченіе истекшаго года отчетъ главнаго тюремнаго управленія въ Россіи С. С. Хрулева отмѣчаетъ, между прочимъ, что въ Россіи, гдѣ одиночное заключеніе далеко не достигло еще значительнаго развитія и примѣняется по преимуществу для политическихъ заключенныхъ, рецидивъ въ общей сложности не превышаетъ 22—23%, въ то время, какъ американскія реформаторіи даютъ до 25 и даже до 30% рецидива въ первые шесть мѣсяцевъ по выходѣ изъ заключенія. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи преимущества одиночнаго заключенія установить нельзя, скорѣе наоборотъ. Но, независимо отъ этого, отчетъ, касаясь вліянія одиночнаго заключенія на личность заключеннаго и отмѣчая слабыя стороны этого вліянія, опредѣленно говоритъ, что „проведенное во всей строгости одиночное заключеніе является весьма полезнымъ на сравнительно короткое время, при значительной же продолжительности оно воспитываетъ „удобныхъ арестантовъ, но убиваетъ человѣка“.

Нужно ли еще лучшей въ этомъ отношеніи характеристики для тюремъ съ одиночнымъ заключеніемъ. Впрочемъ, значеніе одиночнаго заключенія, какъ губителя личности, извѣстно давно, что, между прочимъ, видно изъ количества арестантовъ, заболѣвающихъ при одиночномъ заключеніи душевной болѣзнью. По словамъ, напр., Ганзеля, директора образцовой одиночной тюрьмы въ Даніи, % заболѣванія душевными болѣзнями возрастаетъ вмѣстѣ съ продолжительностью срока пребыванія въ одиночномъ заключеніи. Такъ, въ числѣ заключенныхъ на 2 года обнаруживалось 5%, на 3 года—14%, а на 3½—17% душевно-больныхъ.

Итакъ, тюрьма въ томъ ли, въ другомъ ли видѣ всегда останется тюрьмою, т. е. учрежденіемъ, не только изолирующимъ, но и карающимъ и притомъ карающимъ духовно, а не перевоспитывающимъ.

Только когда исчезнетъ самое понятіе о тюрьмахъ, этихъ растлѣ-

вающихъ очаговъ, являющихся мрачными пережитками далекой и варварской старины, мы будемъ въ состояніи говорить о раціональномъ отношеніи общества къ преступнику.

Объективная психологія, перенося центръ тяжести съ субъективной стороны преступника на условія, содѣйствовавшія, подготовлявшія и опредѣляющія преступленіе, даетъ возможность индивидуализировать и мѣры воздѣйствія на преступниковъ. Она говоритъ намъ, что если преступленіе совершено въ прямой зависимости отъ хроническаго алкоголизма или дегенераціи, то преступника должно направлять не въ мѣста заключенія, хотя бы и колоніально-воспитательнаго типа, а въ больницы, какъ и всѣхъ преступниковъ-дегенератовъ и душевнобольныхъ (Elliot, Baer, Oheti и др.), ибо въ настоящее время кажется для всѣхъ очевиднымъ, что хроническій алкоголизмъ есть болѣзнь, а не порокъ, острое же отравленіе алкоголемъ есть настоящая отрава.

Другіе преступники, въ силу вышесказаннаго, должны подвергаться временному изолированію и въ однихъ случаяхъ подлежатъ воспитанію, въ другихъ—леченію, но никакъ не наказанію, которое подсказывается лишь дурными инстинктами человѣческой природы. Если же не отъ чего лечить и нѣтъ предмета для воспитанія, какъ въ преступленіяхъ политическаго характера, то изолируйте, если угодно, но не вѣшайте и не казните: на это вы не имѣете нравственнаго права!

Изд-во „ШИПОВНИКЪ“ С.-Петербургъ, Николаевская 31.

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНЫЙ.

П. Щеголевъ. Пушкинъ. Очерки . . . . . Ц. 2 р. 50 к.

К. Чуковскій. Критическіе очерки. Кн. I. Изд. второе . „ 1 р. 25 к.

Его же. Критическіе очерки. Кн. II . . . . . (печат.).

М. Благовѣщенская и А. Измайловъ. „Кнутъ Гамсунъ“. Біографія по неизданнымъ источникамъ и литературная характеристика . . . . . „ 1 р. 25 к.

С. О. Грузенбергъ Артуръ. Шопенгауэръ. Личность, мышленіе и міропониманіе 2-е дополненное изданіе. . . . . „ 1 р. 25 к

Проф. В. Сперанскій. Общественная роль философіи. Лекціи, читанныя въ СПБскомъ Университетѣ и на СПБ. Высшихъ женскихъ Курсахъ (пособіе для учащихся). Выпускъ I . . . . . „ 1 р. 25 к.

Его же. Обществ. роль философіи. Выпускъ II . . . . (печат.).

Его же. Обществ. роль философіи. Выпускъ III. . . . (печат.).

Г. Притчардъ. Учебникъ англійскаго языка съ приложеніемъ словаря. Ц. въ пер. . . . . 1 р. 50 к.

Г. Притчардъ. Хрестоматія англійскаго языка . . . . (печат.).

А. Луначарскій. Религія и соціализмъ. Томъ I. . . . „ 1 р. 50 к.

Его же. Религія и соціализмъ. Томъ II . . . . . „ 3 р. — к.

Карлъ Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи . . „ — р. 50 к.

Карлъ Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство . . . . . „ 2 р. — к.

Г. Плехановъ. Н. Г. Чернышевскій . . . . . „ 3 р. — к.

І. Петцольдъ. Проблема міра . . . . . „ 1 р. — к.

ИЗД. ШИПОВНИКЪ

Ц. 4 р.